

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

LIBRARY
UNIVERSITY OF CALIFORNIA
DAVIS

ВЫЛОЕ

**ЖУРНАЛЪ ПОСВЯЩЕННЫИ ИСТОРИИ
ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНІЯ**

**ГОДЪ ПЕРВЫЙ
№ 3 МАРТЪ 1906**

ПЕТЕРБУРГЪ

**LIBRARY
UNIVERSITY OF CALIFORNIA
DAVIS**

Digitized by Google

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Книгопечатня Шмидтъ, Звенигородская, 520.
1906.

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТР
1. 1-е марта—3-е апрѣля 1881 года. (<i>Петербургъ 25 лѣтъ тому назадъ</i>). В. Я. Богучарскаго	1
2. Письмо Исполнительнаго Комитета къ Александру III. . .	33
3. Событіе 1-го марта и Н. К. Михайловскій В. Я. Б.	38
4. Событіе 1-го марта и Н. В. Шелгуновъ. Н. Р.	41
5. Событіе 1-го марта и Влад. С. Соловьевъ. П. Щ.	48
6. Событіе 1-го марта и Л. Н. Толстой. А. Хирьянова. . .	56
7. Изъ рѣчей на судѣ А. Желябова, Н. И. Кибальчича и С. Л. Перовской.	62
8. Мой арестъ въ 1881 году. М. Н. Тригони	76
9. А. И. Желябовъ. (<i>Отрывки изъ воспоминаній</i>). И. П. Бѣлоконскаго	78
10. Воспоминанія о С. Л. Перовской. Софьи Ивановой . . .	83
11. Арестъ Н. Г. Чернышевскаго. М. А. Антоновича.	90
12. Дѣло Н. Г. Чернышевскаго. (<i>По неизданнымъ источникамъ</i>). М. К. Лемне.	95
13. Вопросъ о преобразованіи государственнаго строя Россіи XVIII и первой четверти XIX вѣка. (<i>Очеркъ изъ исторіи политическихъ и общественныхъ идей</i>). Окончаніе. В. И. Семевскаго	150
14. Пестель предъ Верховнымъ Судомъ. Продолженіе. Н. П. Сильванскаго.	201
15. Изъ дѣятельности среди рабочихъ въ 1880—1884 гг. В. С. Панкратова.	230
16. Шлиссельбургская узница Людмила Александровна Волкенштейнъ В. Н. Фигнеръ.	253
17. Къ біографіи А. В. Ухтомскаго.	276
18. Матеріалы, документы и мелкія замѣтки. Письмо В. К. Кюхельбекера къ А. С. Пушкину—279. Всеподданнѣйшее донесеніе о казни декабристовъ—226.	

Къ исторіи полицейской агентуры въ Россіи—200.	
Толпа. Стих. И. С. Тургенева—146. Изъ бумагъ, взятыхъ у Чернышевскаго при арестѣ—227. На смерть Шевченко. Стих. Н. А. Некрасова—199. Н. А. Морозову. Стих. А. Ольхина—252. Заявленіе А. И. Желябова отъ 2 марта 1881 г.—61. Письмо А. И. Желябова къ М. П. Драгоманову—71. Къ портрету А. И. Желябова—74. Инструкція для заключенныхъ въ Шлиссельбургской тюрьмѣ . . .	148
19. Документы для исторіи Общества Краснаго Креста партіи Народной Воли.	282
20. Историческая библиографія (Джорджъ Кенанъ. <i>Сибирь и ссылка.</i> — <i>Процессъ 193-хъ.</i> Изд. В. М. Саблина.— <i>Записки декабриста кн. Трубецкаго.</i> — <i>Процессъ Впъры Засулчъ.</i> —Н. П. Карабчевскій <i>Дѣло Сазонова.</i> —	
Ular A. <i>Die Russische Revolution Berl.</i>	292
21. Отъ Шлиссельбургскаго комитета.	305
22. Современная лѣтопись.	307

Въ этой книгѣ помѣщены портреты: С. Л. Перовской, Н. И. Кибальчича, И. І. Гринвицкаго, Т. М. Михайлова, А. И. Желябова, М. Н. Тригони, И. П. Емельянова, Н. И. Рысакова, Г. М. Гельфманъ, Ю. Н. Богдановича (Кобозева), Н. А. Саблина, А. В. Ухтомскаго.

Софья Львовна
ПЕРОВСКАЯ.

1-е марта — 3-е апрѣля 1881 года.

(Петербургъ 25 лѣтъ тому назадъ).

Вечеромъ 1-го марта 1881 года въ экстренномъ прибавленіи къ „Правительственному Вѣстнику“ были напечатаны два слѣдующихъ официальныхъ бюллетеня:

1) „Сего 1 марта, 1^{3/4} часа дня, Государь Императоръ, возвращаясь изъ манежа Инженернаго замка, гдѣ изволилъ присутствовать при разводѣ, на набережной Екатерининскаго канала, не доѣзжая Конюшеннаго моста, опасно раненъ, съ*раздробленіемъ обѣихъ ногъ ниже колѣна, посредствомъ подброшенныхъ подъ экипажъ разрывныхъ бомбъ. Одинъ изъ двухъ преступниковъ схваченъ. Состояніе Его Величества, вслѣдствіе потери крови, безнадежно“.

Лейбъ-медикъ *Боткинъ*.
Профессоръ *Е. Богдановскій*.
Почетный лейбъ-медикъ *Головинъ*.
Докторъ *Крулевскій*.

2) „Сегодня 1-го марта, въ 1 часъ 45 минутъ пополудни, при возвращеніи Государя Императора съ развода, на набережной Екатерининскаго канала, у сада Михайловскаго Дворца, совершенно было покушеніе на священную жизнь Его Величества посредствомъ брошенныхъ двухъ разрывныхъ снарядовъ. Первый изъ нихъ повредилъ экипажъ Его Величества. Разрывъ второго нанесъ тяжелыя раны Государю. По возвращеніи въ Зимній Дворецъ, Его Величество сподобился приобщиться Св. Тайнъ и затѣмъ въ Бозѣ почилъ — въ 3 часа 35 минутъ пополудни. Одинъ злодѣй схваченъ“.

Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, генераль-адъютантъ
графъ Лорисъ-Меликовъ.

Затѣмъ 3-го, 4-го, 6-го, 14-го и 21-го марта въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» появлялись о катастрофѣ 1 марта слѣдующія сообщенія:

1) Задержанный 1-го марта злодѣй, какъ обнаружено производимымъ дознаніемъ, — мѣщанинъ города Тихвина Николай Ивановъ *Рысаковъ*, 19 лѣтъ, началъ образованіе въ вытегорскомъ уѣздномъ училищѣ; затѣмъ продолжалъ его въ череповецкомъ реальномъ училищѣ; въ 1879 году въ сентябрѣ мѣсяцѣ поступилъ въ Горный Институтъ, гдѣ и нынѣ числится, но лекцій не посѣщалъ съ декабря 1880 года“.

2) «Министръ Внутреннихъ Дѣлъ объявляетъ во всеобщее извѣстіе:

«Одинъ изъ главныхъ организаторовъ послѣдняго преступнаго посягательства на драгоценную жизнь въ Бозѣ почившаго Государя Императора, арестованный 27-го февраля вечеромъ ¹⁾, призналъ свое руководящее участіе въ преступленіи и изобличается въ томъ же показаніемъ задержаннаго на мѣстѣ катастрофы виновника ея, мѣщанина Рысакова, бросившаго подъ императорскую карету, при проѣздѣ его величества по набережной Екатерининскаго канала, первый метательный снарядъ.

«Въ неизвѣстномъ лицѣ, кинувшемъ, повидимому, второй метательный снарядъ и получившемъ на мѣстѣ взрыва смертельныя поврежденія, Рысаковъ, по предъявленіи ему трупъ умершаго, призналъ своего единомышленника.

«Квартира, изъ которой Рысаковымъ и его товарищемъ получены были употребленные ими въ дѣло метательные снаряды, открыта въ ночь на сіе 3-е марта. Хозяинъ ея, по прибытіи къ нему должностныхъ лицъ, производящихъ дознаніе, застрѣлился. Проживавшая съ нимъ вмѣстѣ женщина арестована.

«Въ обнаруженной квартирѣ найдены метательные снаряды и одинъ экземпляръ революціонной прокламаціи по поводу совершившагося преступленія, съ указаніемъ на то, что злодѣйскій замыселъ былъ приведенъ въ исполненіе двумя лицами.

«Въ 11 часовъ утра въ эту же квартиру явился молодой человекъ, который немедленно и былъ арестованъ. При его задержаніи, онъ сдѣлалъ шесть выстрѣловъ изъ револьвера, которыми ранено троє полицейскихъ чиновъ.

3) „Министръ Внутреннихъ Дѣлъ объявляетъ во всеобщее свѣдѣніе: Лицо, сопротивлявшееся полици съ оружіемъ въ рукахъ при его задержаніи въ квартирѣ, изъ которой мѣщаниномъ Рысаковымъ

¹⁾ А. И. Желабовъ.

и его товарищемъ были получены метательные снаряды для злодѣянія 1-го марта, оказалось крестьяниномъ Смоленской губерніи, Сучевского уѣзда, д. Гаврилкова, *Тимофеемъ Михайловымъ*, принимавшимъ участіе, какъ выяснено дальнѣйшимъ разслѣдованіемъ, въ приготовительныхъ дѣйствіяхъ къ преступленію. По бумагамъ, найденнымъ у арестованнаго, усмотрѣны указанія на какія-то приспособленія по Екатерининскому каналу и Малой Садовой улицѣ. Вслѣдъ за чимъ полиціею было доведено до свѣдѣнія судебной власти, что изъ сырной лавки крестьянина Кобозева, имѣющейя въ подвальномъ этажѣ дома подъ № 56—8 по Малой Садовой, скрылись хозяева лавки, мужчина и женщина, оставивъ слѣды производившихся земляныхъ работъ. При ближайшемъ осмотрѣ помѣщенія Кобозевыхъ изъ соедѣянаго съ лавкою жилья обнаруженъ подкопъ, доведенный до середины улицы, съ устроенною въ немъ миною. Дознаніе и слѣдствіе по всѣмъ обнаруженнымъ обстоятельствамъ приближается къ окончанію и въ епродолжительномъ времени поступить на разсмотрѣніе суда“.

4) „10-го марта арестована въ С.-Петербургѣ *Софія Перовская*, скрывавшаяся съ 1878 года. По собственному сознанію, она участвовала, подъ фамиліею Сухоруковой, 19-го ноября 1879 года въ покушеніи подъ Москвою, посредствомъ подкopa, на жизнь Священной Особы въ Бозѣ почившаго Государя Императора, а нынѣ руководила, послѣ ареста Желябова, заговоромъ на злодѣйское преступленіе 1-го марта. Софія Перовская будетъ привлечена къ суду вмѣстѣ съ прочими участниками упомянутаго злодѣянія“.

5) „На дняхъ дѣло о злодѣйскомъ преступленіи 1-го марта, дополненное указаніями на участіе въ немъ Софіи Перовской, поступило на разсмотрѣніе Особаго Присутствія Правительствующаго Сената. Продолжающееся и послѣ сего разслѣдованіе обстоятельствъ дѣла, касающихся еще не привлеченныхъ къ суду участниковъ преступленія, привело къ изобличенію священническаго сына, уроженца Екатеринбургской губерніи, *Николая Кибальчича*, который на допросѣ, сдѣлавъ полное сознаніе, показалъ, между прочимъ, что метательные снаряды, какъ брошенные 1-го марта, такъ равно и найденные при обыскѣ квартиры въ Телѣжной улицѣ, приготовлены имъ“.

Официальныя сообщенія о событіи 1 марта дополнялись въ теченіе долгаго времени частными свѣдѣніями газетъ, изъ которыхъ нѣкоторыя мы тутъ же приведемъ. Между прочимъ, почти во всѣхъ газетахъ было напечатано сообщеніе, по нашему мнѣнію, совершенно вымышленное,—такъ какъ, сколько намъ извѣстно, никогда и никому, рѣшительно никому, нижеприводимое дѣяніе не инкриминировалось,—

о покушеніи на жизнь императора Александра II посредством присылки ему изъ-за границы взрывчатыхъ веществъ въ формѣ пилюль. Газеты описывали это событіе такъ:

„Пилюли были посланы по почтѣ изъ Парижа прямо на имя Государя. На нихъ находился этикетъ за подписью доктора „Juste“, и онѣ были завернуты въ обертку съ обыкновенными рекламами о произведенныхъ ими излеченіяхъ и о способѣ принимать ихъ; особенно рекомендовались эти пилюли противъ одышки и ревматизмовъ. Пилюли прибыли по адресу, не возбудивъ никакихъ подозрѣній, и Государь, всегда очень интересовавшійся всякими средствами противъ упомянутыхъ болѣзней, передалъ ихъ Боткину. Вернувшись домой, Боткинъ снялъ обертку и нашелъ, что пилюли завязаны ниточкой, два кончика которой немного торчали: онъ дернулъ за одинъ изъ кончиковъ, и раздался мелкій трескъ, какъ отъ обыкновенной хлопучки. Боткинъ подумалъ, что это просто шутка, и такъ какъ получилъ пилюли изъ рукъ самого Государя, то не могъ подозрѣвать въ нихъ ничего опаснаго и отложилъ ихъ въ сторону. Только испугъ Государя, когда на его вопросъ о пилюляхъ, Боткинъ передалъ ему о взрывѣ, заставилъ обратить серьезное вниманіе на пилюли: онѣ были переданы графу Лорисъ-Меликову, и, по тщательномъ химическомъ изслѣдованіи ихъ, оказалось, что затѣвалось новое покушеніе, задуманное съ дьявольской хитростью. Пилюли содержали такое большое количество динамита, что взрыва его было бы достаточно, чтобы убить двухъ-трехъ, стоящихъ по близости, человекъ. Боткинъ, открывавшій пилюли, обязанъ спасеніемъ жизни только счастливой случайности; должно быть механизмъ, приводившійся въ движеніе торчащими кончиками ниточекъ и производившій взрывъ, какъ-нибудь отсырѣлъ или попортился, такъ что не могъ оказать требуемаго дѣйствія“.

Въ частности, якобы очень освѣдомленный корреспондентъ очень освѣдомленныхъ катковскихъ „Московскихъ Вѣдомостей“ писалъ въ эту газету 1 марта 1881 года такія строки:

„19-го февраля получено было нѣсколько анонимныхъ писемъ, которыми извѣщалось, что въ этотъ день, во время иллюминаціи, должно совершиться нѣчто, что всѣхъ поразитъ“. Приняты были соотвѣтственныя мѣры, но предсказанію на этотъ день не вѣрили, видя въ этомъ отводъ глазъ со стороны злодѣевъ. Затѣмъ получено было другое письмо, говорившее, что будетъ сдѣлано покушеніе на Государя, „когда онъ будетъ возвращаться съ развода въ манежъ домой“. Полиція, вслѣдствіе этого, усиленно металась и искала, а Государя графъ Лорисъ-Меликовъ убѣдилъ сряду два воскресенья откладывать

разводъ; но 1-го марта, несмотря на новыя убѣжденія графа отложить разводъ, Государь настоялъ и поѣхалъ въ манежъ въ сопровожденіи шести своихъ конвойныхъ (число ихъ было увеличено противъ первоначальныхъ двухъ вслѣдствіе усиленныхъ просьбъ графа Лорисъ-Меликова)“.

Правительственное сообщеніе объ обнаруженіи квартиры (Н. А. Саблина и Г. М. Гельфманъ), изъ которой Н. И. Рысаковъ и другой, тогда еще неизвѣстный человекъ, бросившій 1 марта второй разрывной снарядъ (И. И. Гриневицкій), получили снаряды, и объ арестъ въ этой квартирѣ Т. М. Михайлова, газеты дополняли такими сообщеніями:

„Это случилось въ Тельжной улицѣ (Александро-Невской части). Въ 11 часовъ вечера 2-го марта въ 1-й участокъ Александро-Невской части прибыли товарищъ прокурора судебной палаты, судебный слѣдователь и жандармскій майоръ, которые, въ сопровожденіи старшаго помощника пристава Рейнгольда, городского и околоточныхъ надзирателей, отправились произвести обыскъ въ Тельжную улицу, въ домъ Широкова, № 5, въ кварт. № 7. По приходѣ къ дверямъ означенной квартиры, помощникъ пристава Рейнгольдъ на данный звонокъ услышалъ за дверьми суматоху и затѣмъ мужской голосъ спросилъ: кто тутъ?—на этотъ вопросъ послѣдовалъ отвѣтъ, что приставъ и прокуроръ; послѣ этого отвѣта дверь затворилась, и на неоднократные звонки голоса изъ квартиры не подавалось, вслѣдствіе чего было сдѣлано распоряженіе сломать двери. Лишь только послышались удары топора у дверей, какъ раздались подъ рядъ одинъ за другимъ 6 выстрѣловъ изъ револьвера, изъ которыхъ одинъ попалъ въ дверь; послѣ 6-го выстрѣла все стихло, а немного спустя, дверь отворила женщина небольшого роста, лѣтъ 25-ти, просившая о помощи. При входѣ въ квартиру всѣхъ присутствующихъ, на полу второй комнаты, отъ входа направо, лежалъ, плавая въ крови, мужчина средняго роста съ темнорукою, окладистой бородою, на видъ лѣтъ 32-хъ, одѣтый въ русскую красную кумачную рубашку, сѣрая триковая нѣмецкаго покроя брюки и ботинки. Повидимому, самоубійца уложилъ себя 6 выстрѣломъ, направленнымъ въ лѣвый глазъ, на повалъ. Женщина, отворившая дверь, немедленно была схвачена и подвергнута допросу, при чемъ отказалась дать какія-либо объясненія.

„Послѣ этого было приступлено къ обыску, которымъ обнаружено присутствіе въ квартирѣ въ двухъ жестяныхъ банкахъ 10 фунт. динамита, въ каждой по 5-ти фунт., нѣсколько экземпляровъ прокламацій, по содержанію начала и по формамъ, похожихъ на вышедшій 2-го марта

манифестъ, отпечатанный въ газетахъ, паспортъ убитаго на имя коллежскаго ассесора Навроцкаго; много учебныхъ книгъ, газетъ и проч.

„По началу обыска было сдѣлано распоряженіе, чтобы дворники и городовые охраняли квартиру и, вмѣстѣ съ тѣмъ, если въ нее явится кто-либо посторонній, то чтобы немедленно задерживали и представляли въ квартиру, гдѣ находились помощникъ пристава, городовые и околадочные.

„Утромъ, 3-го марта, въ 10 часовъ, къ означенной квартирѣ подошелъ неизвѣстнаго званія человекъ, очень прилично одѣтый, въ черномъ сюртукѣ, такихъ же брюкахъ, енотовой шубкѣ съ бобрвымъ воротникомъ, въ суконной синяго цвѣта шапкѣ. На вопросъ, предложенный дворникомъ, кого нужно, неизвѣстный отозвался, что ищетъ кварт. № 12, а въ ней кучера Петрова, но на отвѣтъ дворника, что кв. № 12-й пустая, онъ, не отвѣчая ни слова, началъ подниматься по лѣстницѣ вверхъ и потому былъ схваченъ бывшимъ на лѣстницѣ городовымъ полицейскаго резерва Денисовымъ и представленъ къ помощнику пристава Рейнгольду, который, спросивъ нѣсколько словъ у неизвѣстнаго, приказалъ находившимся тутъ околадочнымъ надзирателямъ Зезюкину и Нордману обыскать его. Въ то время, какъ городской Денисовъ началъ снимать съ него шубу, неизвѣстный моментально опустилъ руку въ карманъ и, вынувъ оттуда револьверъ, направилъ его въ упоръ въ г. Рейнгольда. Послѣдній, замѣтивъ направленный на него револьверъ, откинулся въ сторону, пуля, вмѣсто него, попала въ стоявшаго тутъ же помощника пристава г. Слуцкаго и, пробивъ пальто и сюртукъ, контузила его въ правую сторону груди; вторымъ выстрѣломъ опасно раненъ въ пахъ городской Денисовъ. Преступникъ схваченъ сзади, когда направлялъ выстрѣлы въ другихъ окружающихъ, но ни кого не ранилъ.

„Личность неизвѣстнаго, явившагося въ квартиру Навроцкаго, такова: онъ высокаго роста, коренастый, лѣтъ 25-ти или 26-ти, блондинъ, имѣетъ небольшіе усики, чуть пробивающіяся бакенбарды; фигура его прямая, лицо открытое.

„При входѣ въ квартиру Навроцкаго, обстановка ея оказалась слѣдующая:

„Въ передней комнатѣ стоялъ комодъ: налѣво отъ дверей, немного далѣе отъ него—кушетка, крытая зеленымъ барканомъ; направо,—круглая зеленая печь, около которой стоялъ деревянный, простой табуретъ, а на немъ была масса сожженныхъ печатныхъ листовъ; въ самой печкѣ находились березовыя дрова и также остатки сожженной печатной бумаги.

„Во второй комнатѣ стоялъ диванъ со столомъ; по бокамъ дивана были двѣ этажерки, на которыхъ лежали разныя учебныя книги, а на окошкѣ, позади дивана, съ правой стороны его, стояли двѣ жестяныя банки съ динамитомъ; банки эти были обернуты въ газетную бумагу и обвязаны дешевыми цвѣтными бумажными платками. По изслѣдованіи банокъ съ динамитомъ, найдено, что края ихъ обмазаны нитроглицериномъ и имѣютъ въ срединѣ куски свернутаго сукна, смоченнаго пироксилиномъ. Въ этой же комнатѣ найдены также зарядныя гвозди, по формѣ напоминающіе гвозди, подбиваемые подъ простые крестьянскіе сапоги; шляпки ихъ имѣютъ на себѣ пироксилинъ“.

Объ обнаруженномъ подкопѣ на Малой Садовой изъ сырной лавки Кобозевыхъ (Ю. Н. Богдановичъ и А. В. Якимовъ) газеты сообщали слѣдующее:

«1 января 1881 года, мужчина лѣтъ 36, вмѣстѣ съ женщиной лѣтъ 27, которую онъ называлъ своею женою, открылъ въ Малой Садовой торговлю сыромъ, поставивъ на вывѣскѣ: „Складъ русскихъ сыровъ Е. Кобозева“. Открывъ лавку, они ничѣмъ не обращали на себя вниманія. Въ 11 часовъ вечера закрывали магазинъ. Вставали рано. Одѣвались просто. Она не имѣла вида простолюдинки и носила обыкновенный нарядъ, который носятъ женщины средняго состоянія. Дворники носили къ нимъ дрова, не заходя въ магазинъ, а оставляя ихъ въ темной комнатѣ со двора. Едва закрывался магазинъ, хозяева лавки приступали къ подкопу. Онъ былъ начатъ на 2¹/₂ аршина отъ поверхности земли, шелъ въ наклонномъ положеніи, и, по мѣрѣ приближенія къ срединѣ улицы, слой земли, между подкопомъ и поверхностью, уменьшался. Дѣло было ведено опытною рукою.

„Въ ночь съ 1 на 2 марта хозяева лавки скрылись, оставивъ магазинъ не запертымъ снаружи.

„Стоило войти въ магазинъ полиціи, чтобы сейчасъ же убѣдиться въ готовившемся преступленіи. На столѣ нашли два фальшивые паспорта; небольшую записку о передачѣ рубля мяснику; на диванѣ буравъ; когда подняли крышку деревяннаго ящика дивана, то оказалось, что диванъ весь набитъ землею. Земля была найдена и въ стоящихъ тутъ же кадкахъ. Найдена была гальваническая батарея и двѣ большія банки съ жидкостью.

„Дали знать властямъ. Прибыли судебный слѣдователь Ламанскій, прокуроръ и товарищъ прокурора. Тутъ же былъ открытъ ходъ подъ землею. Вызвали саперъ. начальника гальванической роты и пиротехника Родивановскаго. Начались работы, которыя продолжались до ночи, а

тогда были приостановлены, такъ какъ продолжать ихъ въ глубинѣ мины и притомъ въ темнотѣ представлялось небезопаснымъ. Малую Садовую отѣпили часовыми. Рано утромъ вновь начали работу сверху, разобрать мостовую до самой мины, и, наконецъ, послѣ 12-часовой работы, мина была разрыта и два большіе заряда динамита, одинъ въ 29 фунтовъ, а другой слишкомъ въ пудъ, вынуты изъ земли“.

Наконецъ, объ обстоятельствахъ ареста „главнаго организатора событія 1 марта“ (А. И. Желябова) газеты сообщали такіа свѣдѣнія: „Полиція около 12-го февраля получила изъ-за-границы свѣдѣнія, что одинъ изъ вожаковъ революціонной партіи, извѣстный въ средѣ ея подъ именемъ „Милордъ“, направляется въ Петербургъ. Въ скоромъ времени, дѣйствительно, студентъ Тригопи (Милордъ) прибылъ въ Петербургъ и, перемѣнивъ двѣ или три квартиры, поселился на Невскомъ проспектѣ въ домѣ г. Лихачева, № 66, въ меблированныхъ комнатахъ г-жи Мессуро, въ квартирѣ № 12, гдѣ и прописался подъ своимъ настоящимъ именемъ. Учрежденъ былъ надзоръ за студентомъ Тригопи, который былъ одинъ изъ распорядителей революціоннаго Исполнительнаго Комитета и, какъ оказалось, сторонникомъ употребленія разрывныхъ бомбъ, которыя и были пущены въ ходъ во время страшной катастрофы 1 марта. Брюнетъ съ черной бородой, горбатымъ, выдающимся носомъ, высокаго роста и замѣчательнаго тѣлосложенія, Тригопи одѣвался всегда прилично. Между прочимъ, онъ навѣщаль домъ № 18, по 1 ротѣ Измайловскаго полка; далѣе открылось, что булочко-кофейная Исакова, на углу Малой Садовой, служила мѣстомъ свиданій революціонеровъ. Сюда заходили они въ поздніе, ночные часы, здѣсь бесѣдовали о предстоящемъ осуществленіи плановъ. 27-го февраля начальство секретной полиціи дало, наконецъ, приказаніе арестовать „Милорда“. Вечеромъ, въ тотъ же день, когда въ комнатѣ его находился нѣкто „Петръ Ивановъ“, жилецъ дома № 18, по 1 ротѣ Измайловскаго полка, Тригопи подъ какимъ-то предлогомъ былъ вызванъ въ корридоръ. Едва вышелъ послѣдній изъ комнаты, какъ преслѣдователи взяли его подъ руки и отвели въ отдѣльную комнату¹⁾. Арестованный спокойно, не сопротивляясь, послѣдовалъ за представителями полиціи и, по словамъ очевидцевъ, держалъ себя крайне прилично. Въ то же время другой человекъ, съ чрезвычайно красивымъ, выдающимся лицомъ и длинною черною бородою, сообразивъ случившееся, выскочилъ изъ комнаты арестованнаго и быстрыми шагами

¹⁾ О томъ, какъ было дѣло въ дѣйствительности, см. нижепомѣщаемую статью самого М. Н. Тригопи „Мой арестъ въ 1881 году“.

направился къ выходной двери; но, какъ и слѣдовало ожидать, дверь оказалась запертой, и „Петръ Ивановъ“ подобно „Милорду“, очутился въ рукахъ полиціи. Во время ареста „Петръ Ивановъ“ опустилъ руку въ карманъ и быстро вынулъ револьверъ, но оружіе было моментально отобрано у заарестованнаго. „Я цареубійца изъ Александровска“, рекомендовался „Петръ Ивановъ“, а затѣмъ удивлялся, какъ это могло случиться, что онъ допустилъ себя арестовать.

«Обыскъ въ комнатѣ <Милорда> обнаружилъ 170 экземпляровъ листка <Народная воля>. На основаніи примѣтъ одного государственнаго преступника, полиція полагала, что въ лицѣ второго заарестованнаго имѣеть дѣло съ однимъ изъ сотоварищей Гартмана, скрывшимся государственнымъ преступникомъ *Желябовымъ*, но <Петръ Ивановъ> отрицалъ свою тождественность съ послѣднимъ. Задержанные въ тотъ же вечеръ были отправлены въ каретѣ въ домъ предварительнаго заключенія и поступили въ вѣдѣніе прокурорскаго надзора. Только тогда товарищъ прокурора Добржинскій обратился къ <Петру Иванову> и сказалъ: «Я васъ помню по дѣлу 74 года; вы Желябовъ» — мнимый <Петръ Ивановъ> отвѣтилъ: «Вашъ покорнѣйшій слуга».

«Въ квартирѣ послѣдняго, въ Измайловскомъ полку, найденъ динамитъ».

Нечего и говорить, что во всѣхъ этихъ газетныхъ сообщеніяхъ, на ряду съ „Wahrheit“ находится очень значительное количество „Dichtung“. Приведемъ поэтому нѣкоторыя собранныя относительно катастрофы 1 марта данныя въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ изложены въ обвинительномъ актѣ по этому дѣлу. Суду, какъ извѣстно, были преданы А. И. Желябовъ, С. Л. Перовская, Н. И. Рысаковъ, Т. М. Михайловъ, Н. И. Кибальчичъ и Г. М. Гельфманъ. Объ участіи каждого изъ этихъ лицъ въ событіи 1 марта, равно какъ и объ обстоятельствахъ, при которыхъ происходили ихъ аресты, въ соотвѣтствующихъ частяхъ обвинительнаго акта находятся слѣдующія данныя:

«Въ третьемъ часу дня, нынѣ въ Бозѣ почившій Государь Императоръ выѣхалъ въ каретѣ, въ сопровожденіи обычнаго конвоя, изъ Михайловскаго дворца по Инженерной улицѣ, по выѣздѣ изъ которой карета повернула направо, по набережной Екатерининскаго канала, направляясь къ Театральному мосту. Позади быстро слѣдовавшей кареты Государя Императора, на разстояніи не болѣе 2 сажень отъ нея, ѣхалъ въ саняхъ полиціймейстеръ полковникъ Дворжицкій, а за нимъ капитанъ Кохъ и ротмистръ Кулебякинъ. На разстояніи сажень 50-ти отъ угла Инженерной улицы, въ 2¹/₄ часа пополудни, подъ каретою раздался страшный взрывъ, распространившійся какъ

бы вѣромъ. Выскочивъ изъ саней и въ то же мгновеніе замѣтивъ, что на панели, со стороны канала, солдаты схватили какого-то чело-вѣка, полковникъ Дворжицкій бросился къ императорской каретѣ, отворилъ дверцы и, встрѣтивъ выходившаго изъ кареты невредимымъ Государя Императора, доложилъ его Величеству, что преступникъ задержанъ. По приказанію Государя, свидѣтель проводилъ Его по тротуару канала къ тому мѣсту, гдѣ находился уже окруженный толпою народа задержанный чело-вѣкъ, оказавшійся впоследствии тихвинскимъ мѣщаниномъ Николаемъ Ивановымъ Рысаковымъ. Стоявшій на тротуарѣ подпоручикъ Рудыковскій, не узнавъ сразу Его Величество, спросилъ: „Что съ Государемъ?“ На что Государь Императоръ, оглянувшись и не доходя шаговъ десяти до Рысакова, изволилъ сказать: „*Слава Богу, я уцѣлѣлъ, но вотъ...*“ указывая при этомъ на лежавшаго около кареты раненаго казака и тутъ же кричавшаго отъ боли раненаго мальчика. Услышавъ слова Государя, Рысаковъ сказалъ: «Еще слава ли Богу?» Между тѣмъ, опередивъ на нѣсколько шаговъ Государя, полковникъ Дворжицкій принялъ отъ лицъ, задержавшихъ Рысакова, вынутые изъ платья его револьверъ и небольшой кинжалъ. Приблизившись къ задержанному и спросивъ — онъ ли стрѣлялъ, Его Императорское Величество, послѣ утвердительнаго отвѣта присутствующихъ, спросилъ Рысакова: кто онъ такой, — на что тотъ назвалъ себя мѣщаниномъ Глазовымъ. Затѣмъ, какъ только Государь, желая посмотреть мѣсто взрыва, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по панели канала, по направленію къ экипажу, сзади, у самыхъ ногъ Его, раздался новый оглушительный взрывъ, при чемъ поднятая имъ масса дыма, снѣга и ключевъ платья закрыла на нѣсколько мгновеній все пространство. Когда же она разсѣялась, пораженнымъ взорамъ присутствующихъ, какъ пострадавшихъ, такъ и уцѣлѣвшихъ, представилось ужасающее зрѣлище: въ числѣ лицъ, поверженныхъ и раненыхъ взрывомъ, находился и Государь Императоръ. Присловившись спиною къ рѣшеткѣ кавала, упершись руками въ панель, безъ шинели и безъ фуражки, полусидѣлъ на ней возлюбленный Монархъ, окровавленный и трудно дышавшій. Обнажившіяся ноги вѣнценоснаго Страдальца были раздроблены, кровь сильно струилась съ нихъ, тѣло висѣло кусками, лицо было въ крови. Тутъ же лежала шинель Государя, отъ которой остались лишь окровавленные и обожженные клочья. Раненый рядомъ съ Государемъ Императоромъ полковникъ Дворжицкій, приподнявшись съ земли, услышалъ едва внятно произнесенныя слова Государя: „*Помоги*“, и вскочивъ, подбѣжалъ къ Нему вмѣстѣ со многи другими лицами. Кто-то подаль

платокъ. Государь, приложивъ его къ лицу, очень слабымъ голосомъ произнесъ: „*Холодно, холодно*“. Тогда, приподнявъ Государя, уже начавшаго терять сознание, окружавшія Его лица, въ числѣ которыхъ были юнкера павловскаго военнаго училища и чины проходившаго мимо караула отъ 8-го флотскаго экипажа, при подоспѣвшемъ великомъ князѣ Михаилѣ Николаевичѣ, понесли Его къ санямъ полковника Дворжицкаго, при чемъ поручикъ графъ Гендрикковъ покрылъ своею фуражкой обнаженную голову Страдальца. Наклонившись къ своему Августѣйшему Брату, великій князь спросилъ, слышитъ ли Его Величество, — на что Государь Императоръ тихо отвѣчалъ: „*Слышу*“; на дальнѣйшій вопросъ его высочества о томъ, какъ Государь себя чувствуетъ, Государь Императоръ изволилъ сказать: «*Скорѣ... во Дворецъ*», а затѣмъ, какъ бы въ отвѣтъ на услышанное Имъ предложеніе штабсъ-капитана Франка внести Его въ ближайшій домъ для подавія первоначальной помощи, Его Императорское Величество произнесъ: „*Несите Меня во Дворецъ.. тамъ... умереть...*“ То были послѣднія слышанныя свидѣтелями слова умирающаго Монарха. Императорская карета оказалась сильно поврежденною взрывомъ, почему Его Величество помѣстили въ сани полковника Дворжицкаго, куда сѣлъ ротмистръ Кудебякинъ, и съ помощью конвойныхъ казаковъ Козьменко и Луценко, повезъ Государя Императора въ Зимній Дворецъ.

Неисповѣдимыя вѣдвія Промысла совершились. Объявленіями отъ министра внутреннихъ дѣлъ, опубликованными того же 1-го марта, возвѣщено, что при вышеописанномъ второмъ взрывѣ Его Императорское Величество Государь Императоръ былъ тяжело раненъ, съ раздробленіемъ обѣихъ ногъ ниже колѣнъ, и въ тотъ же день, въ 3 часа 35 минутъ пополудни, въ Бозѣ почилъ¹⁾.

Упомянувши о существовавшемъ въ Петербургѣ и другихъ городахъ сообществѣ и назвавши нѣсколькихъ изъ принадлежавшихъ къ нему лицъ по именамъ, обвинительный актъ говорить далъ: „Результаты изслѣдованія „привели къ заключенію, что въ кружкѣ означен-

¹⁾ Въ „Петербургской Газетѣ“ отъ 1 марта настоящаго года напечатана бесѣда сотрудника газеты съ Е. И. Кедринъ, выступавшимъ въ дѣлѣ о царубійствѣ въ качествѣ защитника Церовской.

„Могу вамъ сообщить, сказалъ своему собесѣднику Е. И. Кедринъ, нѣчто имѣющее историческое значеніе. Я передаю его вамъ съ чужихъ словъ - бывшаго полицеймейстера Дворжицкаго и потому снимаю съ себя отвѣтственность за нихъ, хотя не вѣрить я не имѣю никакихъ основаній.

„Дворжицкій, слѣдовавшій 1 марта за коляской Государя, говорилъ мнѣ черезъ годъ, что Императоръ Александръ II, вопреки всѣмъ свидѣтельскимъ показаніямъ, скончался моментально, тамъ же на набережной Екатерининскаго канала.

ныхъ лицъ играли видную и вліятельную роль: проживавшій подъ своимъ собственнымъ именемъ дѣйствительный студентъ Михаилъ Триго-ни и крестьянинъ Таврической губерніи, Феодосійскаго уѣзда, деревни Николаевки Андрей Ивановъ Желябовъ, разыскиваемый по обвиненію въ покушеніи на жизнь Его Императорскаго Величества, совершенномъ 18-го ноября 1879 года близъ города Александровска, Екатеринбургской губерніи. Желябовъ былъ арестованъ 27 февраля сего года, одновременно съ Триго-ни, въ квартирѣ послѣдняго, на углу Невскаго проспекта и Караванной улицы, въ домѣ Лихачева.

„По обнаруженіи мѣстожителства Желябова, проживающаго вмѣстѣ съ женщиною, именовавшею себя Лидією Антоновною Войновою, по 1-й ротѣ Измайловскаго полка, въ домѣ № 37—18, кв. № 23, подъ именемъ Николая Иванова Слатвинскаго, въ квартирѣ его, утромъ 1-го марта, всего лишь за нѣсколько часовъ до совершенія злодѣянія, жертвою котораго палъ нынѣ въ Бозѣ почившій Государь Императоръ, былъ произведенъ обыскъ, при которомъ, кромѣ разныхъ принадлежностей химическихъ опытовъ, могущихъ служить и для приготовленія взрывчатыхъ веществъ, были найдены, между прочимъ, четыре жестянки изъ-подъ конфетъ и одна изъ-подъ сахару, съ остатками въ четырехъ жестянкахъ (трехъ изъ-подъ конфетъ и одной изъ-подъ сахару) чернаго вещества, а также двѣ каучуковыя красныя трубки.

„По заключенію эксперта, завѣдывающаго химическою лабораторією Михайловской артиллерійской академіи и училища, генераль-маіора Федорова, означенное вещество есть черный динамитъ, а каучуковыя трубки подобны тѣмъ, которыя были употреблены при устройствѣ нижеупомянутыхъ метательныхъ взрывчатыхъ снарядовъ. Въ названныхъ жестянкахъ, по мнѣнію генерала Федорова, могло помѣщаться около двухъ пудовъ динамита.

„Женщина, проживавшая вмѣстѣ съ Желябовымъ подъ именемъ Лидіи Войновой, скрылась изъ вышеуказанной квартиры Желябова на другой день его ареста, 28 февраля вечеромъ, и была задержана лишь 10 марта, на Невскомъ проспектѣ, окологороднымъ надзирателемъ Широковымъ.

„Задержанная оказалась дворянкою Софьею Львовою Перовскою, обвиняемою и разыскиваемою по дѣлу о покушеніи на жизнь священной Особы Государя Императора, совершенномъ 19-го ноября 1879 года, близъ города Москвы, на линіи московско-курской желѣзной дороги.

„Слѣдовательно, всѣ показанія, будто Государь произнесъ: „холодно... холодно“, „скорѣе... во дворецъ“... были вымышлены“...

Прибавимъ, что еще раньше это самое г. Кедринъ рассказывалъ одному изъ членовъ нашей редакціи.

„По обыску, при Перовской были, между прочимъ, найдены печатныя прокламаціи: отъ 2-го марта 1881 года, по поводу событія 1-го марта, 18 экземпляровъ отъ „Исполнительнаго Комитета“ и 14 жемпляровъ отъ „Рабочихъ членовъ партіи Народной Воли“.

„Дознаніемъ выяснено, что въ іюні 1880 года Перовская, подъ именемъ Войновой, вмѣстѣ съ женщиною, называвшеюся дочерью священника Ольгою Сиповичъ, еще неразысканною, выбыла изъ д. № 32—4 Петербургской части, 1-го участка, на углу Большой и Малой-Бѣлозерскихъ улицъ, и переѣхала на жительство въ кв. № 13, д. № 17—18 по 1-й ротѣ Измайловскаго полка. Въ октябрѣ Сиповичъ уѣхала, по заявленію ея, въ Ораніенбаумъ, а вскорѣ послѣ ея отъѣзда, у Перовской, подъ видомъ ея брата, поселился Желябовъ, проживавшій подъ именемъ Николая Ивановича Слатвинскаго“.

Обстоятельства ареста Геси Гельфманъ и самоубійства Саблина въ обвинительномъ актѣ изложены такъ:

„Вслѣдствіе свѣдѣній, полученныхъ властями при производствѣ разслѣдованія по настоящему дѣлу о томъ, что по Тельжной улицѣ, въ домѣ № 5, находится такъ называемая «конспиративная» квартира, т. е. такое помѣщеніе, въ которомъ собирались злоумышленники и производились приготовленія къ преступленію 1-го марта, въ означенномъ домѣ, въ квартирѣ № 5, сдѣланъ былъ въ ночь на 3-е марта внезапный обыскъ. При объявленіи должностными лицами, явившимися на обыскъ, о цѣли ихъ прибытія—лицу, спросившему ихъ о томъ чрезъ запертую наружную дверь квартиры, въ этой послѣдней послышалось нѣсколько выстрѣловъ, и затѣмъ какая-то женщина отперла дверь, чрезъ которую должностныя лица и проникли въ квартиру. Въ первой комнатѣ, направо, они нашли лежащимъ на полу, окровавленнымъ, только что, повидимому, застрѣливагося человѣка. По заключенію приглашеннаго для подачи ему медицинской помощи врача Павлова, человѣкъ этотъ нанесъ себѣ выстрѣлами изъ револьвера нѣсколько ранъ, въ томъ числѣ одну безусловно смертельную въ високъ. Не выходя изъ безсознательнаго состоянія, неизвѣстный тутъ же вскорѣ умеръ. По осмотру домовою книги и по показаніямъ свидѣтелей оказалось, что онъ проживалъ въ квартирѣ № 5, вмѣстѣ съ упомянутою, задержанною въ ней женщиною, подъ именемъ супруговъ Фесенко-Навроцкихъ, по подложному паспорту на имя коллежскаго регистратора Ивана Петрова Фесенко-Навроцкаго.

«При разслѣдованіи, произведенномъ съ цѣлью обнаружить личность застрѣливагося человѣка, проживавшаго подъ именемъ кол-

лежскаго регистратора Ивана Фесенко-Навроцкаго, подполковникъ 1-го лейбъ-гренадскаго полка Иванъ Алексѣевъ Саблинъ, призналъ въ предъявленномъ ему фотографическомъ снимкѣ застрѣлившася родного брата своего, дворянина Николая Алексѣева Саблина, который въ 1878 году выѣхалъ изъ города Москвы неизвѣстно куда, при чемъ съ тѣхъ поръ родные его никакихъ извѣстій о немъ не имѣли.

«Женщина, задержанная въ «конспиративной» квартирѣ, оказалась мозырскою мѣщанкою Гесею Мировою Гельфманъ. По ея объясненію, проживавшій вмѣстѣ съ нею въ этой квартирѣ неизвѣстный, называвшійся Фесенко-Навроцкимъ, застрѣлившійся предъ обыскомъ, былъ дѣйствительно Николай Алексѣевъ Саблинъ.

«Изъ имѣющихся въ дѣлѣ свѣдѣній видно, что означенный Саблинъ въ 1873 и 1874 годахъ, принадлежа къ революціонному кружку, образовавшемуся въ Москвѣ, и дѣйствуя какъ здѣсь, такъ и въ Ярославской губерніи, занимался преступной пропагандой въ народѣ совмѣстно съ скрывающимися нынѣ революціонными дѣятелями Николаемъ Морозовымъ и Иванчинымъ-Писаревымъ. Затѣмъ, уѣхавъ въ 1874 году за границу, Саблинъ въ мартѣ 1875 года вмѣстѣ съ Морозовымъ возвратился въ Россію, при чемъ былъ задержанъ въ пограничномъ селеніи Кибарты, съ прусскою легитимационною картою на имя Фридриха Вейсмана. Привлеченный къ дѣлу о революціонной пропагандѣ въ имперіи и преданный суду особаго присутствія правительствующаго сената для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, Саблинъ былъ признанъ виновнымъ во вступленіи въ преступное тайное сообщество, предусмотрѣнное 2 отд. ст. 250 уложен. о наказ., съ знаніемъ о цѣляхъ его, за что, какъ изложено въ приговорѣ особаго присутствія, состоявшемся 18-го октября (23 января) 1877—78 годовъ, онъ подлежалъ наказанію, указанному въ 3 степ. 31 ст. улож. о наказ., при чемъ особое присутствіе, принявъ во вниманіе обстоятельства, смягчающія въ числѣ другихъ и его, Саблина, вину въ размѣрахъ, выходящихъ изъ предѣловъ власти суда и, между прочимъ, долговременное содержаніе его подъ стражей и молодость, опредѣлило: ходатайствовать предъ Монаршимъ Милосердіемъ о вмѣненіи ему въ наказаніе предварительнаго ареста, на каковое ходатайство и послѣдовало Высочайшее Его Императорскаго Величества, нынѣ въ Бозѣ почившаго, Государя Императора соизволеніе.

„По обыску въ «конспиративной» квартирѣ былъ найденъ рядъ вещественныхъ доказательствъ, имѣющихъ непосредственную связь съ злодѣйскимъ дѣяніемъ 1 марта. Изъ числа означенныхъ вещественныхъ доказательствъ особое значеніе, по заключенію экспертовъ,

представляютъ нижеслѣдующіе предметы: а) двѣ метательныя мины, взрывающіяся при бросаніи отъ удара, въ жестянкахъ, заключающихъ въ себѣ, какъ подробно объяснено въ заключеніи и чертѣжахъ генераль-маіора Федорова, взрывчатый аппаратъ, который представляетъ систему сообщающихся другъ съ другомъ снарядовъ: а) съ сѣрною кислотою, б) съ смѣсью бертолетовой соли, сахара и сѣрнистой сурьмы, в) съ гремучей ртутью и г) изъ пироксилина, пропитаннаго нитроглицериномъ. Передавая другъ другу посредствомъ стопина воспламененія, вслѣдствіе удара или сотрясенія, снаряды эти доводятъ его, наконецъ, до смѣси гремучаго студня съ ламфарой, дѣйствующаго при взрывѣ въ шесть разъ сильнѣе пороха; часть означеннаго аппарата устроена вдвойнѣ такимъ образомъ, чтобы взрывъ послѣдовалъ при паденіи метательной мины въ какомъ бы то ни было направленіи; 2) колба и реторта, служащая для химическихъ опытовъ; 3) стеклянные шарики съ сѣрною кислотою; 4) небольшая деревянная призма, представляющая, по предположенію эксперта, часть модели метательнаго снаряда; 5) фарфоровая ступка, въ которой перетиралась бертолетова соль; 6) записка на клочкѣ бумаги о вышеупомянутой смѣси бертолетовой соли съ сахаромъ и сурьмой; 7) рисунокъ карандашомъ, на оборотѣ транспаранта, какого-то аппарата для производства гальваническаго тока, не имѣющей, впрочемъ, отношенія къ метательнымъ снарядамъ; 8) планъ города С.-Петербурга съ карандашными отмѣтками, въ видѣ неправильныхъ круговъ, на зданіи Зимняго дворца, и съ слабыми карандашными же линіями, проведенными отъ зданія Михайловскаго манежа по Инженерной улицѣ, по зданіямъ Михайловскаго дворца и по Екатерининскому каналу и 9) сдѣланный карандашомъ на оборотѣ конверта планъ, безъ соблюденія масштаба, представляющій, по сличенію его съ планомъ г. С.-Петербурга, сходство съ мѣстностью между Екатерининскимъ каналомъ, Невскимъ проспектомъ, Михайловскимъ дворцомъ и Караванной улицей, съ обозначеніемъ Михайловскаго манежа, Инженерной улицы и Малой Садовой. На планѣ этомъ, между прочимъ, имѣются знаки на Екатерининскомъ каналѣ, Манежной площади и кругъ по срединѣ Малой Садовой.

„3-го марта, утромъ, вскорѣ послѣ вышеупомянутаго обыска, въ домѣ № 5, по Телѣжной улицѣ, гдѣ были оставлены чины полиціи съ приказаніемъ задерживать каждого, кто придетъ въ обысканную квартиру—явился молодой человекъ и, поднимаясь по лѣстницѣ во второй этажъ, гдѣ находилась означенная квартира, былъ встрѣченъ дворникомъ Мирономъ Сергѣевымъ. На вопросъ послѣдняго— „куда

онъ идти? — неизвѣстный, спросивъ кучера, указаль на квартиру № 12, каковой вовсе въ домѣ не имѣется, вслѣдствіе чего былъ приглашенъ въ кв. № 5, гдѣ и задержанъ. Когда же было приступлено къ производству у него обыска, то онъ, выхвативъ изъ кармана револьверъ, сдѣлалъ шесть выстрѣловъ въ задержавшихъ его полицейскихъ чиновъ, изъ которыхъ нанесъ схватившему дуло револьвера городовому Ефиму Денисову опасную для его жизни рану въ правый пахъ и помощнику пристава 1-го участка Александроневской части Слупкому, контузію груди, съ ушибомъ праваго легкаго. Обезоруженный и, вслѣдствіе описаннаго сопротивленія, связанный неизвѣстный человекъ былъ доставленъ въ управленіе С.-Петербургскаго градоначальника, гдѣ и оказался крестьяниномъ Смоленской губерніи, Сычевскаго уѣзда, Ивановской волости, дер. Гаврилкова, Тимофеемъ Михайловымъ».

Далѣе обвинительный актъ гласить слѣдующее объ обстоятельстве обнаруженія подкупа на Малой Садовой:

«4-го марта 1881 года, вслѣдствіе заявленія дворниковъ дома № 56—8 (графа Менгдена), находящагося на углу Малой Садовой и Невскаго проспекта, того самаго, въ которомъ помѣщается и вышеупомянутая кондитерская Исакова, о томъ, что содержатель сырной лавки въ подвальномъ этажѣ того же дома, крестьянинъ Евдокимъ Ермолаевъ Кобозевъ скрылся вмѣстѣ съ женою своею Еленою Федоровою, а въ самой лавкѣ найдена земля и разныя орудія землекопанія, мѣстная полиція произвела осмотръ означенной лавки, оставленной хозяевами, при чемъ, по приглашеніи на мѣсто судебного слѣдователя, изъ жилья, смежнаго съ лавкою, подъ ближайшимъ къ ней окномъ, былъ обнаруженъ подкопъ подъ улицу Малую Садовую.

„По осмотру судебнымъ слѣдователемъ, при участіи экспертовъ: генералъ-маіора Федорова, военного инженера штабсъ-капитана Родивановскаго, командира гальванической роты полковника Лисовскаго и офицеровъ той же роты: штабсъ-капитана Линденера и поручика Тишкова, какъ внутренности лавки и смежныхъ съ ней помѣщеній, такъ и самаго подкупа, изслѣдованнаго съ помощью поименованныхъ экспертовъ и нижнихъ чиновъ гальванической роты, оказалось, въ общихъ и наиболѣе существенныхъ чертахъ, нижеслѣдующее: въ самой лавкѣ, на прилавкѣ, разложены сыры и оставлены разныя записки, не имѣющія значенія по своему содержанію; въ стоящихъ здѣсь же бочкѣ и кадкѣ, подъ соломою и за деревянную обшивкою нижней части задней и боковыхъ стѣнъ, сложена земля. Въ смежномъ жильѣ такая же земля найдена подъ сидѣвьемъ дивана и ря-

Николай Иванович
КИБАЛЬЧИЧЪ.

домъ, въ подвальныхъ помѣщеніяхъ, девять деревянныхъ ящиковъ, наполненныхъ землею, и шесть мокрыхъ мѣшковъ, въ которыхъ, по видимому, носили землю. Въ разныхъ мѣстахъ разбросаны землекопные и минные инструменты, кокъ-то: буравъ съ его принадлежностями, ручной фонарикъ съ лампочкой и проч. Въ жильѣ стѣна, подъ первымъ отъ входа окномъ, пробита, и въ ней открывается отверстіе, ведущее въ подземную галлерей, обложенную внутри досками и простирающуюся на двѣ слишкомъ сажени до середины улицы. Въ отверстіи оказалась стеклянка съ жидкостью (двухромокислымъ кали) для заряженія гальванической батареи, системы Грене, 4 элемента которой найдены тутъ же въ корзинѣ. Отъ батареи шли по минѣ провода, оканчивавшіеся зарядомъ. По заключенію генераль-маіора Федорова, зарядъ этотъ состоялъ изъ системы черного динамита, количествомъ около 2-хъ пудовъ, капсюли съ гремучей ртутью и пашки пироксилина, пропитаннаго нитроглицериномъ. Такая система вполне обезпечивала взрывъ, отъ котораго должна была образоваться среди улицы воронка до 2¹/₂ сажень въ діаметрѣ, а въ сосѣднихъ домахъ были бы вышиблены оконныя рамы и могли бы обвалиться печи и потолки. Что же касается до земли, найденной въ лавкѣ Кобозева, то, по заключенію полковника Лисовскаго, количество ея соотвѣтствуетъ объему земли, вынутой изъ галлерей.

„Слѣдствіемъ обнаружено, что называвшіе себя супругами Кобозевыми наняли лавку въ домъ графа Менгденъ въ декабрѣ 1880 г., по контракту за 1.200 руб. въ годъ и, переѣхавъ въ январѣ, открыли торговлю сыромъ при такой обстановкѣ, которая скоро обратила на себя вниманіе многихъ свидѣтелей, какъ несоотвѣтствовавшая свойствамъ, образу жизни и внѣшности обыкновенной торговли и обыкновенныхъ торговцевъ. Торговля производилась неумѣло и какъ бы лишь для виду. Кобозевъ казался человѣкомъ, стоящимъ гораздо выше своего состоянія, жена его обнаруживала привычки, несвойственныя женѣ простаго торговца, кромѣ того часто не ночевала дома. Вслѣдствіе павшаго поэтому на лавку Кобозевыхъ подозрѣнія, въ лавкѣ ихъ, 28 февраля 1881 г., по распоряженію градоначальника, мѣстной полиціею, при участіи техника генераль-маіора Мровинскаго, произведенъ былъ осмотръ подъ видомъ техническихъ и санитарныхъ цѣлей. Осмотръ этотъ не далъ никакихъ результатовъ, при чемъ, однако же, по удостовѣренію свидѣтелей: Мровинскаго, пристава 1-го участка Спасской части Теглева и дворника Никифора Самойлова, Кобозевъ казался смущеннымъ и испуганнымъ. Послѣ осмотра, 1-го и 2-го марта Кобозевы поочередно уходили изъ дома, а 3-го марта Кобозевъ ушелъ

утромъ, жена же его вечеромъ, послѣ чего они болѣе не возвращались“.

Обстоятельства обнаруженія квартиры лица, бросившаго второй снарядъ и проживавшаго подъ фамиліей Ельникова (И. І. Гриневицкій), а также обстоятельства, предшествовавшія событію 1 марта, въ обвинительномъ актѣ изложены такъ:

„3-го марта, по указаніямъ Рысакова, была обнаружена и квартира того самаго неизвѣстнаго человѣка, который умеръ отъ поврежденій, полученныхъ имъ при взрывѣ 1-го марта. Подъ именемъ виленскаго мѣщанина Николая Степанова Ельникова, онъ проживалъ на Выборгской сторонѣ, по Симбирской улицѣ, въ домѣ № 59, кв. № 22, у квартирной хозяйки Анны Артамоновой.

„По осмотру вещей, оставшихся въ квартирѣ Артамоновой, въ числѣ ихъ, кромѣ 6 экземпляровъ „Рабочей Газеты“, напечатанныхъ въ „Летучей типографіи Народной Воли“, и экземпляра упомянутой уже, найденной и у Рысакова „Программы рабочихъ членовъ партіи“, оказались еще: 1) счетъ въ израсходованіи за ноябрь 33 рублей, съ надписью внизу: „отчетъ Федорова“, и 2) платокъ съ мѣткою „Н. И. Р.“.

„По предъявленіи Артамоновой и служанкѣ ея, солдатской вдовѣ Акулинѣ Смѣлковой, трупа неизвѣстнаго человѣка, умершаго въ придворномъ госпиталѣ, онъ признали въ немъ своего жильца Ельникова.

„Рѣчь о царевубійствѣ зашла на собраніяхъ террористическаго отдѣла, происходившихъ сначала въ квартирѣ Рысакова, а затѣмъ въ особой конспиративной квартирѣ (Геси Гельфманъ) по Троицкому переулку; на этой послѣдней квартирѣ, недѣли за полторы до 1-го марта, Желябовъ „кликнулъ кличъ“, или, другими словами, вызвалъ добровольцевъ, желающихъ совершить новое покушеніе на жизнь Государя Императора, рѣшенное „исполнительнымъ комитетомъ“. Послѣ этихъ собраній состоялось еще одно въ какомъ-то трактирѣ, гдѣ снова обсуждался вопросъ о покушеніи; сначала событіе, о которомъ Желябовъ говорилъ съ Рысаковымъ въ видѣ предположенія, еще до упомянутыхъ собраній, представлялось отдаленнымъ, но затѣмъ Рысаковъ сталъ замѣчать въ Желябовѣ и его товарищахъ лихорадочную поспѣшность, которую Рысаковъ объясняетъ тѣмъ, что составъ и силы партіи были разстроены только-что постигшими ее арестами. На категорическое предложеніе Желябова совершить покушеніе, Рысаковъ согласился приблизительно за недѣлю до 1-го марта, послѣ чего вступилъ въ непосредственныя сношенія съ кружкомъ лицъ, устраивавшихъ посягательство, и быть введенъ въ новую конспиративную квартиру по Тельжной улицѣ, которая, по словамъ Желябова, и была

навята исключительно для подготовленія царубійства. На призывъ Желябова совершить преступленіе отозвались, кромѣ его, Рысакова, еще „Михаилъ Ивановичъ“ ¹⁾ и Тимоѣй Михайловъ, а также, по-видимому, и человекъ, называвшійся „Михаиломъ“ ²⁾, съ которымъ незадолго передъ тѣмъ его познакомилъ Желябовъ, какъ съ „товарищемъ по дѣлу“. Сверхъ названныхъ лицъ на „конспиративной квартирѣ“ появилась и Перовская, съ которою Желябовъ познакомилъ его, Рысакова, еще въ началѣ зимы, при чемъ Рысаковъ принялъ тогда же участіе, вмѣстѣ съ „Михаиломъ Ивановичемъ“, въ постоянномъ и правильномъ наблюденіи за выѣздами Государя Императора, которое было организовано Перовскою. На конспиративной квартирѣ по Телѣжной улицѣ собирались добровольцы, т. е. онъ, Рысаковъ, „Михаилъ Ивановичъ“, Тимоѣй Михайловъ и „Михаилъ“. Здѣсь же Рысаковъ видѣлъ Гесю Гельфманъ, а также человекъ, признаннаго имъ въ предъявленномъ ему трупѣ Саблина. На первое же собраніе, вслѣдъ за Желябовымъ, явился человекъ, котораго называли „техникомъ“ и который подробно объяснялъ устройство метательныхъ снарядовъ по принесеннымъ имъ образцамъ. 28-го февраля, онъ, Рысаковъ, „техникъ“, Тимоѣй Михайловъ и „Михаилъ Ивановичъ“ ходили за городъ въ пустынное мѣсто, за Смольнымъ монастыремъ, пробовать образецъ снаряда; снарядъ этотъ былъ брошень Тимоѣеымъ Михайловымъ и удачно разорвался. Оттуда участники задуманнаго преступленія отправились на конспиративную квартиру, для полученія какихъ-то указаній отъ Желябова, который однако же не пришелъ при чемъ, кажется, Гельфманъ сказала, что если онъ не придетъ, „то значить, занять“. На другой день, 1-го марта, въ 9 часовъ утра, согласно состоявшемуся наканунѣ уговору, всѣ вновь сошлись на конспиративной квартирѣ, для полученія снарядовъ и необходимыхъ указаній. Здѣсь были: онъ, Рысаковъ, Тимоѣй Михайловъ, „Михаилъ Ивановичъ“ и „Михаилъ“. Вскорѣ пришла Перовская и принесла съ собою узелъ со снарядами, въ которомъ ихъ было не больше двухъ; она сообщила объ арестѣ Желябова и объяснила, что не смотря на работу въ теченіе всей ночи, не успѣли приготовить предполагаеннаго прежде количества снарядовъ. „Можетъ быть, и еще принесутъ“, сказала Перовская, „нужно довольствоваться малымъ“. Затѣмъ явился „техникъ“ и, какъ кажется Рысакову, также принесъ снаряды. Всѣ указанія для совершенія злодѣянія были даны Перовскою, которая

¹⁾ И. И. Гриневицкій.

²⁾ И. П. Емельяновъ, тогда еще не обнаруженный. Осужденъ въ 1882 г. См. „Процессъ 20-ти народовольцевъ“ въ январской книжкѣ „Былого“.

начертила на конвертѣ планъ мѣстности и каждому изъ участниковъ указала на немъ назначенный ему пунктъ. При этомъ состоялось слѣдующее распредѣленіе: на Малой Садовой имѣлъ произойти взрывъ при проѣздѣ Государя, а лица, вооруженныя метательными снарядами, были разставлены по близости. Онъ, Рысаковъ, долженъ былъ стать у Екатерининскаго сквера, а „Михаилъ“ на углу Невскаго проспекта и Малой Садовой. На противоположномъ концѣ этой улицы, на углу Б.-Итальянской, близъ манежной площади, какъ на опаснѣйшемъ мѣстѣ, должны были помѣститься лица, болѣе другъ съ другомъ знакомыя, болѣе опытные и съ лучшимъ революціоннымъ прошлымъ; здѣсь могли стать „Михаилъ Ивановичъ“ и Тимоѣей Михайловъ. При взрывѣ на Малой Садовой, гдѣ, по словамъ Перовской, Государя „уже ждутъ“, всѣ лица со снарядами должны были, на случай неудачи, слѣпшиться къ мѣсту взрыва. Въ случаѣ же, если бы Государь Императоръ не прослѣдовалъ по Малой Садовой, то свиданіе съ Перовскою было условлено на Михайловской улицѣ, гдѣ она должна была подать знакъ о томъ, что слѣдуетъ идти на Екатерининскій каналъ и здѣсь ждать возвращенія Государя въ Зимній Дворецъ, послѣ обычнаго посѣщенія Имъ Михайловскаго дворца. Когда же оказалось, что Государь Императоръ прослѣдовалъ въ манежь не по Малой Садовой, а изъ манежа, послѣ посѣщенія Михайловскаго дворца, направился по Екатерининскому каналу, то онъ, Рысаковъ, придя по сигналу Перовской на набережную этого канала, бросилъ свой снарядъ, завернутый въ платкѣ, подъ ноги лошадамъ ѣхавшей ему навстрѣчу Императорской кареты, послѣ чего и былъ задержанъ. Тутъ же на набережной онъ, какъ ему кажется, видѣлъ предъ собою на далекомъ разстояніи „Михаила Ивановича“.

„2-го марта обвиняемый Желябовъ прислалъ на имя прокурора с.-петербургской судебной палаты заявленіе, въ которомъ, высказывая свою совершенную солидарность съ Рысаковымъ и требуя, по его выраженію, „пріобщенія его, Желябова, къ дѣлу 1-го марта“, объясняетъ, „что онъ многократно покушался на жизнь нынѣ въ Бозѣ почившаго Государя Императора и не принялъ физическаго участія въ преступленіи 1-го марта лишь по „случайности“. Далѣе, восхваляя Рысакова, онъ выражаетъ опасеніе, что правительство, „за недостаткомъ формальныхъ уликъ противъ него, „ветерана революціи“, предпочтетъ „внѣшнюю законность внутренней справедливости“, во избѣжаніе чего онъ, Желябовъ, и проситъ о привлеченіи его къ настоящему дѣлу¹⁾).

„Изъ имѣющихся въ дѣлѣ свѣдѣній о личности и прошедшемъ

¹⁾ Ниже,—въ особой замѣткѣ,—мы печатаемъ это, до сихъ поръ еще не появлявшееся въ печати, заявленіе А. И. Желябова полностью.

Желябова, котораго умершій обвиняемый по дѣлу о такъ называемыхъ террористахъ Гольденбергъ характеризуетъ какъ личность „въ высшей степени развитую и гениальную“, оказывается, что Желябовъ въ 1872 году былъ исключенъ изъ новороссійскаго университета за безпорядки, затѣмъ судился по дѣлу о революціонной пропагандѣ и по оправданіи, по собственному его показанію, проживалъ подъ разными именами въ разныхъ мѣстахъ, на средства изъ фонда народа.

«Обвиняемая Софья Львовна Перовская, признавая какъ принадлежность свою къ партіи «Народной Воли», такъ и свое участіе въ посягательствѣ 1-го марта 1881 года, показала, что она занимается революціонною дѣятельностью, а средства къ жизни получаетъ частью изъ фонда партіи. Получивъ домашнее образованіе и поступивъ въ 1869 году на высшіе женскіе курсы при 5-й с.-петербургской мужской гимназій, она въ 1870 году оставила родительскій домъ и послѣ нѣкотораго подготовленія сдѣлалась народною учительницей, а въ 1872 году примкнула къ революціонному движенію, при чемъ нѣсколько разъ подвергалась аресту и судилась по дѣлу о революціонной пропагандѣ въ Имперіи. Въ 1878 году она была вновь арестована и подлежала административной высылкѣ въ Олонецкую губернію, но съ пути слѣдованія скрылась и съ тѣхъ поръ жила «нелегально» подъ разными фамиліями и по подложнымъ видамъ на жительство. Въ іюнѣ 1880 года, подъ фамиліею Войновой, она поселилась въ Петербургѣ, въ д. № 17—18 по 1-й ротѣ Измайловскаго полка, вмѣстѣ съ своею знакомою, настоящей фамиліи которой она назвать не желаетъ и которая проживала подъ фамиліею Сиповичъ. Въ сентябрѣ къ ней на квартиру, вмѣсто уѣхавшей Сиповичъ, переѣхалъ Желябовъ. Какъ членъ „партіи“ „Народной Воли“ и „агентъ исполнительнаго комитета“, она знала обо всемъ происходившемъ въ террористической отрасли дѣятельности этой партіи и принимала непосредственное участіе какъ въ приготовленіяхъ къ преступленію 1-го марта и въ происходившихъ по поводу его совѣщаніяхъ между соучастниками, такъ и въ самыхъ дѣйствіяхъ по исполненію замысла. Уже за нѣсколько времени до 1-го марта она вмѣстѣ съ другими лицами слѣдила за обычными выѣздами Государя Императора и затѣмъ участвовала въ состоявшемся 28 февраля соглашеніи дѣйствовать именно 1-го марта. Подкопъ по Малой Садовой былъ устроенъ на случай проѣзда Государя по этой улицѣ. Независимо отъ этого подкопа, предстояло еще дѣйствіе метательными снарядами, часть коихъ, именно два, она, Перовская, утромъ привезла въ д. № 5 по Телѣжной улицѣ, въ квар-

тиру, хозяевами которой были застрѣлившійся въ ней передъ обыскомъ челоѣкъ (Саблинъ) и Геся Гельфманъ. Своихъ снарядовъ въ означенной квартирѣ не было, но откуда они были принесены туда обвиняемою, а также сколько ихъ всѣхъ было, считая въ томъ числѣ и снаряды, принесенные другими, она объяснить не желаетъ. По спѣшности дѣла и краткости срока, истекшаго со времени принятаго наканунѣ рѣшенія совершить преступленіе 1-го марта, не могло быть приготовлено большаго количества снарядовъ, о чемъ она, Перовская, и объяснила своимъ соучастникамъ, по пріѣздѣ своемъ на квартиру по Телѣжной улицѣ, утромъ названнаго дня. Здѣсь же, при окончательномъ распредѣленіи участія каждаго, она нарисовала на конвертѣ найденный по обыску въ квартирѣ Саблина и Гельфманъ планъ мѣстности, на которомъ и объяснила лицамъ, отправлявшимся со снарядами, гдѣ они должны были находиться. Сколько ихъ было, она сказать не желаетъ, равнымъ образомъ не желаетъ и назвать ихъ, кромѣ Рысакова, тоже получившаго снарядъ. По заранѣ составленному плану, отправивъ на условенныя мѣста лицъ, вооруженныхъ снарядами, обвиняемая также отправилась на мѣсто дѣйствія, при чемъ находилась на углу Большой Итальянской улицы и Михайловской площади для того, чтобы наблюдать за направленіемъ пути, принимаемымъ Государемъ Императоромъ. Увидя, что Его Величество, не проѣхавъ по Малой Садовой и, такимъ образомъ, благополучно миновавъ устроенный на ней подкопъ, направляется изъ манежа въ Михайловскій дворецъ, а затѣмъ имѣеть слѣдовать по Екатерининскому каналу, она, Перовская, пошла по Михайловской улицѣ, гдѣ встрѣченнымъ ею лицамъ со снарядами, въ томъ числѣ и Рысакову, подала, молча, сморкаясь въ платокъ, условный сигналъ, означавшій, что нужно идти для дѣйствія на Екатерининскій каналъ. Сама же она снаряда при себѣ не имѣла, такъ какъ такового для нея въ этотъ день не достало. Подавъ сигналъ, обвиняемая вышла на Невскій проспектъ и затѣмъ по Казанскому мосту обошла на противоположную сторону Екатерининскаго канала для того, чтобы оттуда наблюдать за дѣйствіемъ метательныхъ снарядовъ. Во время обоихъ взрывовъ она находилась въ противоположной сторонѣ Екатерининскаго канала и по совершеніи ихъ удалилась“.

Обстоятельства привлеченія къ дѣлу Н. И. Кибальчича обвинительный актъ излагаетъ слѣдующимъ образомъ:

„17-го марта 1881 года, въ городѣ С.-Петербургѣ задержанъ разыскиваемый, по обвиненію въ государственныхъ преступленіяхъ,

сынъ священника Николай Ивановъ Кибальчичъ, проживавшій по Инговкѣ, въ д. № 83, кв. № 2, подъ именемъ аккерманскаго мѣщанина Николая Степанова Ланскаго, по подложному паспорту на это имя, написанному отъ аккерманскаго мѣщанскаго старосты.

„При производствѣ о Кибальчичѣ установленнаго дознанія, онъ оказался однимъ изъ соучастниковъ совершеннаго 1 марта 1881 года злодѣянія, жертвою коего палъ Его Императорское Величество Государь Императоръ Александръ Николаевичъ.

„Въ разъясненіе и подтвержденіе падающихъ на Кибальчича обвиненій, дозваніемъ собраны нижеслѣдующія данныя:

„По предъявленіи Кибальчича обвиняемому Николаю Иванову Рысакову, онъ призналъ въ немъ того самаго «техника», о которомъ онъ говорилъ въ своихъ показаніяхъ, изложенныхъ въ главномъ обвинительномъ актѣ по настоящему дѣлу, какъ о томъ лицѣ, которое въ конспиративной квартирѣ, по Телѣжной улицѣ, въ д. № 5, давало техническія наставленія объ устройствѣ и дѣйствіи метательныхъ снарядовъ. По объясненію Рысакова, тотъ же Кибальчичъ, называвшійся «техникомъ», 28-го февраля находился съ ними, „Михаиломъ Ивановичемъ“ и Тимофеемъ Михайловымъ на испытаніи пробнаго снаряда, а 1-го марта, послѣ прибытія Перовской въ конспиративную квартиру съ двумя снарядами, доставилъ туда, какъ кажется ему, Рысакову, еще два таковыхъ же. Говоря о способахъ совершенія посягательства на жизнь Государя Императора, Кибальчичъ, повидимому, возлагалъ надежды на мину въ Малой Садовой, такъ какъ, по словамъ Рысакова, онъ считалъ «больше иллюзіей» мысль о томъ, что придется дѣйствовать метательными снарядами.

„Обвиняемый Николай Ивановъ Кибальчичъ, сознаваясь въ приписываемомъ ему участіи въ злодѣянніи 1-го марта 1881 года, показалъ, что, поступивъ въ 1871 году въ число студентовъ института инженеровъ путей сообщенія и пробывъ въ немъ до 1873 года, онъ затѣмъ перешелъ въ медико-хирургическую академію, во время пребыванія въ которой и составилъ себѣ социалистическія убѣжденія. Они развились и окрѣпли во время предварительнаго заключенія его подъ стражу, которому онъ подвергся въ 1875 году за храненіе у себя и распространеніе преступныхъ сочиненій. Будучи освобожденъ въ іюнь 1878 года, послѣ слѣдствія и отбытія наказанія, онъ, осенью того же года, вслѣдствіе арестовъ, вызванныхъ умерщвленіемъ генераль-адъютанта Мезенцева, перешелъ на нелегальное положеніе, но до весны 1879 г., не имѣя ни связей среди «партіи», ни революціоннаго прошлаго, не принималъ участія въ активной ея

дѣятельности. Весною 1879 года, онъ предложилъ чрезъ казеннаго нынѣ государственнаго преступника Квятковскаго свои услуги революціонной организаціи, сознавая, что въ виду обострившейся борьбы партіи съ правительствомъ, всякій, раздѣляющій ея убѣжденія, обязанъ оказать ей активное содѣйствіе. Съ Желябовымъ онъ познакомился позднѣе, именно лѣтомъ 1879 года.

„Послѣ происходившаго лѣтомъ 1879 года липецкаго съѣзда членовъ социально-революціонной партіи, о которомъ упоминается въ показаніи Гольденберга, онъ постоянно участвовалъ въ приготовленіи для партіи динамита, пріобрѣтѣ необходимыя для сего техническія свѣдѣнія гораздо ранѣе, такъ какъ, не имѣя еще связей съ партіей, онъ предвидѣлъ, что ей придется прибѣгнуть въ ея борьбѣ съ правительствомъ къ такимъ веществамъ, какъ динамитъ, и, рѣшившись изучить приготовленіе взрывчатыхъ веществъ, съ этою цѣлью перечиталъ все, что могъ достать по литературѣ предмета. Затѣмъ, когда ему удалось у себя въ комнатѣ добыть небольшое количество нитроглицерина, онъ убѣдился въ возможности приготовить какъ это вещество, такъ и динамитъ домашними средствами.

„Въ декабрѣ 1879 года, послѣ покушенія на жизнь нынѣ въ Бозѣ почившаго Государя Императора, близъ города Александровска, Екатеринославской губ. и приготовленія къ такому же покушенію близъ города Одессы, обвиняемый переѣхалъ на жительство въ Петербургъ.

„Рѣшившись во что бы то ни стало совершить удачно посягательство на жизнь Государя Императора, «партія» составила такой планъ дѣйствій, при которомъ оно было бы обставлено всѣми возможными шансами успѣха. Этимъ и объясняется то обстоятельство, что исполненіе плана затянулось, такъ какъ, съ одной стороны, было необходимо устроить мѣсто для мины и приготовить самую мину, посредствомъ которой рѣшено было совершить посягательство, а съ другой стороны, нужно было выработать наиболѣе удобный типъ метательныхъ снарядовъ, предполагавшихся для вспомогательнаго дѣйствія на случай неудачи покушенія посредствомъ мины. О заложении этой послѣдней въ Малой Садовой, онъ, Кибальчичъ, узналъ лишь незадолго до 1-го марта, при чемъ, не участвуя ни въ проведеніи подкопа, ни въ самомъ устройствѣ мины, онъ давалъ лишь научно-техническія указанія относительно нужнаго для нея количества динамита, а также сдѣлать запаль для заряда мины. Что же касается до метательныхъ снарядовъ, то онъ изготовлялъ ихъ при участіи двухъ помощниковъ, но гдѣ именно — объяснить не желаетъ. Подтверждая вообще показанія Рысакова о конспиративныхъ квартирахъ и пробѣ снаряда,

Кибальчичъ объяснилъ, что хозяйкою квартиры по Троицкому переулку была Гельфманъ, а квартиры по Телѣжной улицѣ—Гельфманъ и Саблинъ; проба же снаряда производилась кромѣ него, Кибальчича, еще двумя лицами, а именно Рысаковымъ и «Михайломъ Ивановичемъ». Въ планѣ посягательства 1 марта главное мѣсто отводилось минѣ на Малой Садовой, и лица, вооруженныя метательными снарядами, разставленныя по обоимъ концамъ Малой Садовой, должны были дѣйствовать на ней только въ случаѣ неудачнаго взрыва мины. Всего снарядовъ было сдѣлано имъ, Кибальчичемъ, четыре, при чемъ онъ работалъ надъ ними всю ночь на 1-е марта. Два изъ этихъ снарядовъ доставила на конспиративную квартиру по Телѣжной улицѣ Перовская, два же другихъ, запасные привезъ самъ обвиняемый утромъ передъ событіемъ. При выборѣ времени и мѣста совершенія посягательства, онъ не имѣлъ рѣшающаго голоса. Находясь на улицѣ во время проѣзда Государя Императора въ манежъ и изъ манежа, онъ отправился домой, не зная о томъ, что и безъ взрыва на Малой Садовой снаряды имѣютъ быть и въ дѣйствительности были употреблены въ дѣло. О послѣдствіяхъ посягательства онъ узналъ лишь вечеромъ.

«Излагая собственноручно на письмѣ вышеприведенныя свои показанія, Кибальчичъ въ одномъ изъ нихъ объяснилъ, что въ изготовленіи снарядовъ ему помогали два лица—техника, которыхъ онъ назвать не желаетъ.

«По обыску въ квартирѣ Кибальчича, въ домѣ № 83 по Лиговкѣ, у него, кромѣ разныхъ рукописей и замѣтокъ, не имѣющихъ прямого отношенія къ настоящему дѣлу, найдена была изданная морскимъ вѣдомствомъ брошюра, подъ заглавіемъ: «Правила выдѣлки игольчатыхъ запаловъ съ гремучей-кислой ртутью малаго и большого сопротивленія».

„Изъ имѣющихся въ дѣлѣ свѣдѣній, а отчасти изъ собственныхъ объясненій Кибальчича видно, что онъ уроженецъ Крелевецкаго уѣзда, Черниговской губерніи; первоначальное образованіе получилъ въ новгородъ-сѣверской духовной семинаріи; въ 1871 году поступилъ въ институтъ инженеровъ путей сообщенія, откуда въ 1873 году перешелъ въ императорскую медико-хирургическую академію. Въ 1875 г. Кибальчичъ, проживая лѣтомъ въ Липовецкомъ уѣздѣ, Кіевской губерніи, въ имѣніи своего брата, навлекъ на себя обвиненіе въ передачѣ рядовому Притулѣ брошюры преступнаго содержанія подъ заглавіемъ: „Сказка о четырехъ братьяхъ“—въ чемъ и сознался. При производствѣ у Кибальчича по этому дѣлу обыска, у него оказались два тюка съ разными запрещенными изданіями и нѣсколько видовъ на жительство. Преданный по вышеупомянутому дѣлу суду особаго при-

существовавшая правительствующаго сената для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, Кибальчичъ приговоромъ особаго присутствія, состоявшимся 1 мая 1878 года, былъ присужденъ, на основаніи 4 отд. ст. 251 ул., къ заключенію въ тюрьмѣ на 1 мѣсяць, каковой приговоръ и былъ приведенъ надъ нимъ въ исполненіе. По приѣздѣ Кибальчича въ Петербургъ въ концѣ 1878 года, онъ проживалъ подъ именемъ Агатескулова въ разныхъ квартирахъ, изъ которыхъ, кромѣ упомянутой уже квартиры въ домѣ № 83, по Лиговкѣ, были обнаружены еще слѣдующія: 1) весною 1880 г. по Забалканскому проспекту, въ домѣ № 10, въ „Серапинской гостинницѣ“; 2) лѣтомъ того же года, по Подольской улицѣ, д. № 11, вмѣстѣ съ неизвѣстною женщиною, называвшеюся его женою; 3) осенью 1880 г. по Невскому проспекту въ домѣ № 124, въ меблированныхъ комнатахъ, содержимыхъ крестьянкою Мареею Кононовою. Въ послѣднюю квартиру свою, на Лиговкѣ, Кибальчичъ переѣхалъ 23-го января 1881 года, при чемъ, по удостовѣренію квартирной хозяйки, мѣщанской вдовы Александры Ивановой, и дворника крестьянина Федора Козлова, онъ обыкновенно уходилъ изъ дома часовъ въ 10 утра и возвращался поздно вечеромъ“.

Въ планѣ настоящей статьи, конечно, не входитъ изложеніе всего дѣла 1 марта 1881 года,—дѣло это было напечатано тогда же въ газетахъ, а недавно снова вышло въ свѣтъ отдѣльнымъ изданіемъ,—но, для воспроизведенія главнѣйшихъ его моментовъ, мы приведемъ изъ „Правительствен. Вѣстника“ еще два слѣдующія официальные сообщенія:

Правительственный Вѣстникъ 31 марта:

„Резолюція Особаго Присутствія Правительствующаго Сената, объявленная 29-го марта 1881 года, въ 6 часовъ 20 минутъ по полуночи, по дѣлу о совершенномъ 1-го сего марта злодѣяніи, жертвою коего палъ въ Бозѣ почившій Государь Императоръ Александръ Николаевичъ.“

По указу Его Императорскаго Величества, Правительствующій Сенатъ, въ Особомъ присутствіи для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, выслушавъ дѣло и пренія сторонъ, постановилъ: подсудимыхъ: крестьянина Таврической губерніи, Феодосійскаго уѣзда, Петровской волости, деревни Николаевки, Андрея Иванова Желябова, 30 лѣтъ; дворянку Софью Львову Перовскую, 27 лѣтъ; сына священника Николая Иванова Кибальчича, 27 лѣтъ; тихвинскаго мѣщанина Николая Иванова Рысакова, 19 лѣтъ; мозырскую, Минской губерніи, мѣщанку Гесю Минову Гельфманъ, 26 лѣтъ, и крестьянина Смоленской губерніи, Сычевскаго уѣзда, Ивановской волости, дер.

Гаврилково, Тимоея Михайлова, 21 года, на основаніи ст. улож. о нак. 9, 13, 18, 139, 152, 241, 242, 243, 249 и 1.459 (по прод. 1876 г.), лишить всёхъ правъ состоянія и подвергнуть смертной казни чрезъ повѣшеніе. Приговоръ сей относительно дворянки Софьи Перовской, по вступленіи его въ законную силу, прежде обращенія къ исполненію, на основаніи 945 ст. уст. уг. судопр., на предметъ лишенія ея, Перовской, дворянскаго достоинства, представить чрезъ Министра Юстиціи на усмотрѣніе Его Императорскаго Величества“.

Правительственный Вѣстникъ отъ 4 апрѣля:

«3-го сего апрѣля, въ 9 ч. 50 м. утра, состоявшійся 29-го минувшаго марта и вошедшій въ законную силу приговоръ Особого Присутствія Правительствующаго Сената приведенъ въ исполненіе въ С.-Петербургѣ, на Семеновскомъ плацу, установленнымъ ст. 963 устава порядкомъ,— совершеніемъ на эшафотѣ смертной казни чрезъ повѣшеніе, надъ государственными преступниками: Николаемъ Рысаковымъ, Андреемъ Желябовымъ, Тимоеемъ Михайловымъ, Николаемъ Кибальчичемъ и Софією Перовскою».

Приведеніе въ исполненіе смертной казни надъ Г. М. Гельфманъ было *отсрочено* впредь до разрѣшенія ея отъ бремени... Въ такомъ положеніи дѣло тянулось много-много времени. Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ *отъ 15-го мая* были напечатаны такія строки:

„Въ № 1.867 газеты „Новое Время“ помѣщено, заимствованное изъ иностранныхъ газетъ извѣстіе, что приговоренная къ смертной казни, государственная преступница Геся Гельфманъ, исполненіе приговора надъ коею отсрочено въ виду ея беременнаго состоянія, преждевременно родила въ мѣстѣ ея заключенія. Въ виду сего Департаментъ Государственной полиціи признаетъ необходимымъ объявить, что по освидѣтельствованію Гельфманъ, 14-го сего мая, врачами: Славянскимъ, Баландинымъ и Суругинымъ оказалось, что беременность ея продолжаетъ свое нормальное теченіе“.

Такимъ образомъ, 15 мая, т. е. черезъ *полтора мѣсяца* послѣ объявленія приговора, „отсрочка“ еще висѣла надъ головой женщины, собиравшейся стать матерью... На это обратила вниманіе европейская пресса, и смертная казнь была замѣнена Гельфманъ безсрочною каторгою.

Въ „Прибавленіи къ №№ 8—9 Народной Воли“ было оповѣщено, что Гельфманъ умерла 2 февраля 1882 г.

Намъ изъ достовѣрныхъ источниковъ (отъ лица, лично отво- зившаго ребенка Гельфманъ) извѣстно, что ребенокъ Г. М. Гельфманъ былъ отправленъ въ воспитательный домъ.

* * *

Прежде чѣмъ закончить лѣтопись того, что происходило въ Петербургѣ „двадцать пять лѣтъ тому назадъ“, приведемъ отзвыы о событіи 1 марта главнѣйшихъ газетъ изображаемой эпохи. Вотъ что писала 3 марта (№ 61) газета „Порядокъ“:

„Предъ нами скорбный флагъ вѣетъ надъ дворцомъ, гдѣ покоится смертнымъ сномъ верховный руководитель судебъ Россіи за послѣдніе годы. Скорбныя мысли непрерывною чередою проходятъ въ умѣ— и гнетъ совершившагося усиливается тревожною смѣною надеждъ и опасеній. У всѣхъ невольно возникаетъ вопросъ — гдѣ же средство противъ конвульсивныхъ потрясеній, которыми горсть людей пытается, съ отчаянною самонадѣянностью, ускорить или измѣнить органической ходъ развитія страны? Гдѣ ясныя прямодушныя указанія на причины болѣзни, которая заставляетъ цѣлое государство жить изо-дня въ день, безъ разумнаго спокойствія и увѣренности въ томъ, что, въ общемъ порядкѣ вещей, можетъ и должно быть завтра? Ни суровая репрессія послѣднихъ лѣтъ, ни примирительное направленіе истекшаго года — не уничтожили этой болѣзни. Первая лишь принижала и обезличивала общество — второе, давая лучшее *сегодня* (курсивъ подлинника), ничего вѣрнаго не обѣщало и не гарантировало на *завтра* (тоже). Начинають говорить, что и противъ этого направленія неизбежна реакція. Для нея, безъ сомнѣнія, найдутся сторонники и совѣтники. Но совѣтъ ихъ будетъ продиктованъ или непониманіемъ задачъ и исторіи своей родины — или недобрымъ чувствомъ. Нѣтъ, не о реакція, пагубной для развитія общества — и, быть можетъ, желательной для виновниковъ потрясеній, — надо говорить теперь. Въ минуты исторической важности, въ торжественныя минуты, когда весь народъ клянется въ вѣрности своему Монарху, — необходима полная и безтрепетная искренность. Дай Богъ, чтобы вблизи престола были теперь люди, которые сказали бы: — Государь! Вы начинаете свое царствованіе въ трудную минуту, — когда тяжесть Вашего вѣнца усугубляется скорбью растерзаннаго сыновняго сердца. Но идите смѣло по ступенямъ трона на Ваше великое положеніе — и станьте — на стражѣ порядка и законной свободы. Да не смущается сердце Ваше! За вами довѣріе Вашего много-милліоннаго народа, — въ Вашихъ рукахъ его любовь, съ помощью которой можно все сдѣлать. — Будьте другомъ и оберегателемъ началъ, вложенныхъ въ великіе реформы Вашего Родителя. Пусть какъ дымъ разлетятся сомнѣнія въ томъ, что этимъ началамъ не суждено развиваться и дальше, и шире... Суровыя мѣры стѣсненія доказали свою непригодность и односторонность. Земля Ваша, Государь, — вѣками хранила въ себѣ и разумъ, и силы для государ-

степеннаго порядка и уклада. Она поддерживала своею любовью Вашихъ предковъ, она имъ вѣщала и съ ними думала въ години тяжелыхъ бѣдствій. Спросите ее—въ лицѣ излюбленныхъ людей. Что они скажутъ, мы не можемъ съ точностью предсказать, но вѣрно то, что въ одномъ чувствѣ, святомъ и глубокомъ, они тѣсно сольются съ Вами, Государь—въ чувствѣ горячей любви къ Россіи. А это чувство—залогъ всего хорошаго для будущаго... Вы въ расцвѣтѣ силъ, — предъ Вами давно уже раскрыта книга государственнаго управленія — раскройте же душу народа Вашего и дайте выдти на свѣтъ желаніямъ, давно живущимъ въ ней. Они всѣ имѣютъ цѣлью успокоеніе и развитіе Россіи—и между ними главное—желаніе мирной славы Вашему царствованію!“

Въ тотъ же день (3 марта) газета „Страна“ писала:

„Что же дѣлать теперь? Надъ гробомъ усопшаго Монарха для живыхъ все-таки возникаетъ вопросъ о жизни. Что дѣлать—устранить систему „умиротворенія“ и „новыхъ вѣяній“, которыя оказались безсильны предупредить катастрофу, —такъ скажутъ близорукіе совѣтники, провозгласить осадное положеніе, прибавятъ они, —усилить надзоръ, ограничить всякія права, возобновить ссылки массами.

„Но вѣдь—все это уже было. Въ каждомъ домѣ былъ обыскъ, передъ каждымъ домомъ, днемъ и ночью, сидѣлъ дворникъ, вокругъ дворца ѣздили пикеты, печать была взнудана, земство было стоптано, изъ университетовъ высылали сотни людей, и всѣмъ правила молчаливая, недоступная ни для какихъ народныхъ „вѣяній“ канцелярія. Такъ было съ 1866 года. Дальше того, что было въ то время, уже и итти некуда, развѣ къ закрытію всѣхъ школъ, газетъ, земствъ, даже правильныхъ судовъ въ Россіи. Однако, въ результатъ всего того явились: Соловьевъ, взрывъ подъ желѣзной дорогой близъ Москвы, взрывъ подъ Зимнимъ дворцомъ въ Петербургѣ и, наконецъ,—Государь, любимый народомъ, изувѣченъ злодѣями и истекъ кровью.

„Куда же итти? Тотъ путь безнадежный, бесплодный, онъ запертъ, загроможденъ массою обманувшихся третьоотдѣленныхъ расчетовъ, неудачею князя Василя Долгорукова, неуспѣхомъ графа Петра Шувалова, бесполезнымъ терроромъ генерала Мезенцова. Въ ту сторону нѣтъ выхода.

„Посмотримъ въ другую. Моментъ нынѣ крайне неблагоприятный, чтобы говорить о ней. Иные совѣты могутъ показаться даже просто неприличными, когда произносятся въ такую минуту, какъ нынѣшняя. Какъ намъ просить о довѣрїи къ русскому обществу, объ уступкѣ ему нѣкоторыхъ правъ—Государя, вступающаго на престолъ въ виду окровавленнаго тѣла любимаго Имъ и всѣмъ народомъ Родителя Его?

„Но есть такіе моменты въ жизни народовъ, когда слѣдуетъ побороть чувство. Естественное чувство въ настоящее время — мы признаемъ, это — является въ томъ, что затруднительно передъ стрышнимъ злодѣйствомъ, передъ возмущающею душу угрозою, дѣлать какія либо уступки. Но истинная политика есть — расчетъ, а не чувство. Чувство побуждало бы каждаго порядочнаго человѣка, когда бы онъ видѣлъ убійственный снарядъ, направленный въ Царя, — встать между смертью и человѣкомъ, носившимъ Царскій вѣнецъ. Но того же добросовѣтнаго гражданина, готоваго поступить такъ для спасенія Царя, теперь, когда надо думать о будущемъ — расчетъ, хладнокровное сознание реальныхъ отношеній побуждаетъ дать совѣтъ свободный отъ чувствъ негодованія и мести.

„Чрезвычайныя обстоятельства оправдываютъ искреннее слово, хотя бы оно и казалось выходящимъ изъ намѣченныхъ граней. Нѣтъ иного выхода, какъ уменьшить отвѣтственность Главы государства, а тѣмъ самымъ — и опасность, лично Ему угрожающую отъ злодѣевъ-фанатиковъ. Почему же всякая отвѣтственность за все, что дѣлается на Руси, за ошибки экономическія, и за разочарованія нравственныя, и за крутыя, ошибочныя мѣры реакціи, за ссылку въ Восточную Сибирь, за все неприглядное, однимъ словомъ, должна ложиться лично на одного Вождя русскаго народа? Развѣ Онъ лично пожелалъ всѣхъ этихъ мѣръ, развѣ Его собственною мыслью было приведеніе ихъ въ исполненіе? Неумѣлые, прежніе совѣтники, внушители реакціи здравствуютъ, а Царь нашъ, Царь-Освободитель погибъ!

„Нѣтъ, пусть впредь исполнители, которые зовутся исполнителями только на словахъ, сами несутъ отвѣтственность на себѣ. Надо устроить въ правильномъ общественно-государственномъ порядкѣ громотводъ для личности Главы государства. Надо, чтобъ основныя черты внутреннихъ политическихъ мѣръ внушались представителями русской земли, а потому и лежали на ихъ отвѣтственности.

„А личность русскаго Царя пусть служитъ впредь только свѣтлымъ, всѣмъ сочувственнымъ символомъ нашего національнаго единства, могущества и дальнѣйшаго преуспѣянія Россіи. Ему нужны помощники не безгласные, но и не безотвѣтственные. А Его да хранитъ Богъ на пользу страны“.

Четвертаго марта газета „Голосъ“ помѣстила двѣ слѣдующія статьи:

„Итакъ, что же дѣлать теперь?“

„По нашему, путь ясенъ. Должно искать указаній въ томъ, что хотѣлъ совершить въ Бозѣ почившій Императоръ. Должно всемѣрно отвращаться отъ того, что сдѣлало его время временемъ *переход-*

мыма (курсивъ подлинника) и что зависѣло не отъ Него, а отъ исполнителей Его воли.

„Переходное время не можетъ длиться до безконечности. Процессъ перехода отъ одного порядка вещей къ другому, затягивался, переходить въ разложеніе. И признаки разложенія несомнѣнно обнаружались въ послѣдніе годы, когда святая Русь могла быть терроризирована горстью изверговъ, фанатиковъ и безумцевъ.

„Въ переходное время было испробовано все, и ничто не привело къ желанному концу, напротивъ, рѣшеніе самыхъ насущныхъ вопросовъ оттягивалось все дальше и дальше, положеніе дѣлъ усложнялось все больше и больше и, наконецъ, послѣ страшной, неслыханной катастрофы 1-го марта, всѣ эти задачи полнымъ своимъ бременемъ легли на новое царствованіе.

„Нужно быть гигантомъ, чтобъ разрѣшить эти задачи вдругъ. Но для блага Россіи и для нашего внутренняго мира достаточно будетъ, если во всѣхъ нашихъ дѣлахъ почувствуется твердая рука, ведущая Россію къ тому единенію Царя съ народомъ, въ котораго намъ нѣтъ спасенія и жизни.

„Къ такому единенію хотѣлъ вести и велъ Россію усопшій Императоръ. Въ этомъ и состоитъ его царскій завѣтъ“.

Вторая статья „Голоса“ гласила:

„Сегодня, 3-го марта, газета „Страна“ высказала мысль, которая въ эти дни у всѣхъ на умѣ, которая сама собою просится на языкъ „Почему—спрашиваетъ газета—отвѣтственность за все, что дѣлается на Руси, за ошибки экономическія и за разочарованія нравственныя и за крутыя, ошибочныя мѣры реакціи, за ссылку въ Восточную Сибирь, за все неприглядное, однимъ словомъ, должна ложиться на одного вождя русскаго народа? Развѣ Онъ лично пожелалъ всѣхъ этихъ мѣръ? Развѣ Его собственною мыслью было приведеніе ихъ въ исполненіе? Неумѣлые, прежніе совѣтники, внушители реакціи здравствуютъ, а Царь нашъ, Царь-Освободитель погибъ!“

„Болѣзненно должны отозваться эти слова въ сердцахъ каждого человѣка, и русскаго и не русскаго. Какое страшное зло—отвѣтственность одного за все, что могутъ надъ многомилліоннымъ народомъ надѣлать своекорыстные, властолюбивые, невѣжественные совѣтники и исполнители! Нѣтъ, пусть же, если они совѣтуютъ и исполняютъ во вредъ Царю и народу, пусть же и несутъ они на себѣ всю тяжесть отвѣтственности предъ Царемъ и народомъ.

„Надо устроить—отвѣчаетъ газета „Страна“ на поставленный вопросъ—въ правильномъ общественногосударственномъ порядкѣ громо-

отводъ для личности главы государства. Надо, чтобъ основныя черты внутреннихъ политическихъ мѣръ внушались представителями русской земли, а потому и лежали на ихъ ответственности. А личность русскаго Царя пусть служитъ впредь только свѣтлымъ, вполне сочувственнымъ символомъ нашего національнаго единства, могущества и дальнѣйшаго преуспѣянія Россіи“.

„Раздѣленіе ответственности за государственныя мѣры между ближайшими совѣтниками и исполнителями державной воли было бы только первымъ шагомъ къ выходу на правильный, спокойный путь государственной жизни. Этотъ шагъ непременно обуславливаетъ дальнѣйшій— установленіе тѣхъ органовъ общественно-государственной жизни, предъ которыми исполнители ответственны“.

Таковы были настроенія газетной „крайней лѣвой“ легальной печати марта 1881 года. Много ли въ этихъ настроеніяхъ было „кромольнаго?“ И что же? Едва появились приведенныя статьи „Страны“ и „Голоса“, какъ уже въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ (№ 49) появилось такое сообщеніе:

„Принимая въ соображеніе, что въ передовой статьѣ № 27 газета „Страна“, ссылаясь на чрезвычайныя обстоятельства, будто бы оправдывающія выходъ „изъ намѣченныхъ граней“, а газета „Голосъ“ во второй передовой статьѣ № 69, приводя и развивая высказанныя газетою „Страна“ мысли, дозволили себѣ крайне неумѣстныя разсужденія, могущія имѣть вредное вліяніе, министръ внутреннихъ дѣлъ (это знаменитый-то Лорисъ-Меликовъ...), на основ. ст. 50 и пр. и пр... опредѣлилъ: объявить газетѣ „Страна“ *второе*, а газетѣ „Голосъ“ *первое* предостереженіе въ лицѣ издателей ихъ статскихъ совѣтниковъ Леонида Полонскаго и Андрея Краевскаго“.

Затѣмъ кары посыпалась даже на такія изданія, какъ „С.-Петербургскія Вѣдомости“, „Молва“ и проч.

Словомъ, правительство и среди событій, имѣвшихъ мѣсто „двадцать пять лѣтъ тому назадъ“, осталось вѣрнымъ своей „исконной политикѣ“...

* * *

О томъ, какъ реагировали на мартовскія событія 1881 года такіе выдающіеся русскіе люди, какъ Н. К. Михайловскій, Н. В. Шелгуновъ, В. С. Соловьевъ и гр. Л. Н. Толстой, мы помѣщаемъ въ этой же книжкѣ „Былого“ рядъ отдѣльныхъ статей.

В. Богучарскій.

**Игнатій Іоachimовичъ
ГРИНЕВИЦКІЙ.**

Письмо Исполнительнаго Комитета къ Александру III ¹⁾.

Ваше Величество! Вполнѣ понимая то тягостное настроеніе, которое Вы испытываете въ настоящія минуты, Исполнительный Комитетъ не считаетъ, однако, себя въ правѣ поддаваться чувству естественной деликатности, требующей, можетъ быть, для нижеслѣдующаго объясненія выждать нѣкоторое время. Есть нѣчто высшее, чѣмъ самыя законныя чувства человѣка: это долгъ передъ родной страной, долгъ, которому гражданинъ принужденъ жертвовать и собой, и своими чувствами, и даже чувствами другихъ людей. Повинуясь этой всесильной обязанности, мы рѣшаемся обратиться къ Вамъ немедленно, ничего не выжидая, такъ какъ не ждешь тотъ историческій процессъ, который грозитъ намъ въ будущемъ рѣками крови и самыми тяжелыми потрясеніями.

Кровавая трагедія, разыгравшаяся на Екатерининскомъ каналѣ, не была случайностью и ни для кого не была неожиданной. Послѣ всего происшедшаго въ теченіе послѣдняго десятилѣтія, она являлась совершенно неизбѣжной, и въ этомъ ея глубокой смыслъ, который обязанъ понять человѣкъ, поставленный судьбою во главѣ правительственной власти. Объяснить подобные факты злоумышленіемъ отдѣльныхъ личностей или хотя бы «шайки», — можетъ только человѣкъ, совершенно не способный анализировать жизнь народовъ. Въ теченіе цѣлыхъ 10 лѣтъ мы видимъ, какъ у насъ, несмотря на самыя строгія преслѣдованія, не смотря на то, что правительство покойнаго Императора жертвовало всѣмъ—свободой, интересами всѣхъ классовъ, интересами промышленности, и даже собственнымъ достоинствомъ — безусловно всѣмъ жертвовало для подавленія революціоннаго движенія, оно все-таки упорно разрасталось, привлекая къ себѣ лучшіе элементы страны, самыхъ энергичныхъ и самоотверженныхъ людей Россіи, и вотъ уже три года вступило въ отчаянную, партизанскую войну съ правительствомъ. Вы знаете, Ваше Величество, что правительство покойнаго Императора нельзя обвинять въ недостаткѣ энергіи. У насъ вѣшали и праваго и виноватаго, тюрьмы и отдаленныя губерніи переполнились ссыльными. Цѣлые десятки такъ называемыхъ «вожаковъ» переловлены, перевѣшаны: они гибли съ мужествомъ и спокойствіемъ

¹⁾ Помѣщаемое письмо Исполнительнаго Комитета партіи Народной Воли къ Императору Александру III было въ свое время широко распространено сначала въ Петербургѣ, а затѣмъ и во всей Россіи. Нѣкоторыя подробности, касающіяся составленія этого историческаго документа, читатели найдутъ въ нижепомѣщенной статьѣ «Событіе 1-го марта и Н. К. Михайловскій». *Ред.*

мучениковъ, но движеніе не прекращалось, оно безостановочно росло и крѣпло. Да, Ваше Величество, революціонное движеніе не такое дѣло, которое зависитъ отъ отдѣльныхъ личностей. Это процессъ народнаго организма, и висѣлицы, воздвигаемая для наиболѣе энергичныхъ выразителей этого процесса, такъ же безсильны спасти отживающій порядокъ, какъ крестная смерть Спасителя не спасла развратившійся античный міръ отъ торжества реформирующаго христіанства.

Правительство, конечно, можетъ еще переловить и перевѣшать многое множество отдѣльныхъ личностей. Оно можетъ разрушить множество отдѣльныхъ революціонныхъ группъ. Допустимъ, что оно разрушитъ даже самыя серьезныя изъ существующихъ революціонныхъ организацій. Но вѣдь все это нисколько не измѣнитъ положенія вещей. Революціонеровъ создаютъ обстоятельства, всеобщее неудовольствіе народа, стремленіе Россіи къ новымъ общественнымъ формамъ. Весь народъ истребить нельзя, нельзя и уничтожить его неудовольство посредствомъ репрессалій: неудовольствіе, напротивъ, растетъ отъ этого. Поэтому на смѣну истребляемыхъ постоянно выдвигаются изъ народа все въ большемъ количествѣ новыя личности, еще болѣе озлобленныя, еще болѣе энергичныя. Эти личности въ интересахъ борьбы, разумѣется, организуются, имѣя уже готовый опытъ своихъ предшественниковъ; поэтому революціонная организація съ теченіемъ времени должна усиливаться и количественно, и качественно. Это мы видимъ въ дѣйствительности за послѣднія 10 лѣтъ. Какую пользу принесла гибель Долгушинцевъ, Чайковцевъ, дѣятей 74 года? На смѣну ихъ выступили гораздо болѣе рѣшительные народники. Страшныя правительственныя репрессаліи вызвали затѣмъ на сцену террористовъ 78—79 гг. Напрасно правительство истребляло Ковальскихъ, Дубровинныхъ, Осинскихъ, Лизогубовъ. Напрасно оно разрушало десятки революціонныхъ кружковъ. Изъ этихъ несовершенныхъ организацій, путемъ естественнаго подбора, вырабатываются только болѣе крѣпкія формы. Появляется, наконецъ, Исполнительный Комитетъ, съ которымъ правительство до сихъ поръ не въ состояніи справиться.

Окидывая безпристрастнымъ взглядомъ пережитое нами тяжелое десятилѣтіе, можно безошибочно предсказать дальнѣйшій ходъ движенія, если только политика правительства не измѣнится. Движеніе должно расти, увеличиваться, факты террористическаго характера повторяться все болѣе обостренно; революціонная организація будетъ выдвигать на мѣсто истребляемыхъ группъ все болѣе и болѣе совершенныя, крѣпкія формы. Общее количество недовольныхъ въ странѣ между тѣмъ увеличивается; довѣріе къ правительству въ народѣ должно все болѣе падать, мысль о революціи, о ея возможности и неизбежности—все прочнѣе будетъ развиваться въ Россіи. Страшный взрывъ, кровавая перетасовка, судорожное революціонное потрясеніе всей Россіи завершитъ этотъ процессъ разрушенія стараго порядка.

Чѣмъ вызывается, обуславливается эта страшная перспектива? Да, Ваше величество, страшная и печальная. Не примите это за фразу. Мы лучше, чѣмъ кто-либо другой, понимаемъ, какъ печальна гибель столькихъ талантовъ, такой энергіи—на дѣлѣ разрушенія, въ кровавыхъ схваткахъ, въ то время, когда эти силы, при другихъ условіяхъ, могли бы быть потрачены непосредственно на созидательную работу, на развитіе народа, его ума, благосостоянія, его гражданскаго общежитія. Отчего же происходитъ эта печальная необходимость кровавой борьбы?

Оттого, Ваше Величество, что теперь у насъ нѣтъ настоящаго правительства, въ истинномъ его смыслѣ, не существуетъ. Правительство, по своему принципу, должно только выражать Народныя стремленія, только осуществлять Народную волю. Между тѣмъ у насъ—извините за выраженіе—правительство выродилось въ чистую камарилью и заслуживаетъ названіе узурпаторской шайки гораздо болѣе, чѣмъ Исполнительный Комитетъ.

Каковы бы ни были намѣренія государя, но дѣйствія правительства не имѣютъ ничего общаго съ народной пользой и стремленіями. Иператорское правительство подчинило народъ крѣпостному праву, отдало массы во власть дворянству; въ настоящее время оно открыто создаетъ самый вредный классъ спекулянтовъ и барышниковъ. Всѣ реформы его приводятъ лишь къ тому, что народъ впадаетъ все въ большее рабство, все болѣе эксплуатируется. Оно довело Россію до того, что въ настоящее время народныя массы находятся въ состояніи полной нищеты и разоренія, не свободны отъ самаго обиднаго надзора даже у своего домашняго очага, не властны даже въ своихъ мірскихъ, общественныхъ дѣлахъ. Покровительствомъ закона и правительства пользуется только хищникъ, эксплуататоръ; самые возмутительные грабежи остаются безъ наказанія. Но за то какая страшная судьба ждетъ человѣка, искренно помышляющаго объ общей пользѣ. Вы знаете хорошо, Ваше Величество, что не однихъ социалистовъ ссылаютъ и преслѣдуютъ. Что же такое—правительство, охраняющее подобный «порядокъ»? Неужели это не шайка, неужели это не проявленіе полной узурпаціи?

Вотъ почему русское правительство не имѣетъ никакого нравственнаго вліянія, никакой опоры въ народѣ; вотъ почему Россія порождаетъ столько революціонеровъ; вотъ почему даже такой фактъ, какъ царубійство, вызываетъ въ огромной части населенія—радость и сочувствіе! Да, Ваше Величество, не обманывайте себя отзывами льстецовъ и прислужниковъ. Царубійство въ Россіи очень популярно.

Изъ такого положенія можетъ быть два выхода: или революція, совершенно неизбежная, которую нельзя предотвратить никакими казнями, или—добровольное обращеніе Верховной власти къ народу. Въ интересахъ родной страны, во избѣжаніе напрасной гибели силъ, во избѣжаніе тѣхъ самыхъ страшныхъ бѣдствій, которыя всегда сопровождаютъ революцію, Исполнительный Коми-

теть обращается къ Вашему Величеству съ совѣтомъ избрать второй путь. Вѣрьте, что какъ только Верховная Власть перестанетъ быть произвольной, какъ только она твердо рѣшится осуществлять лишь требованія народнаго сознанія и совѣсти—Вы можете смѣло прогнать позорящихъ правительство шпионовъ, отослать конвойныхъ въ казармы и сжечь развращающія народъ висѣлицы. Исполнительный Комитетъ самъ прекратитъ свою дѣятельность, и организованныя вокругъ него силы разойдутся для того, чтобы посвятить себя культурной работѣ на благо роднаго народа. Мирная идейная борьба смѣнитъ насиліе, которое противно намъ болѣе, чѣмъ Вашимъ слугамъ, и которое практикуется нами только изъ печальной необходимости.

Мы обращаемся къ Вамъ, отбросивши всякія предубѣжденія, подавивши то недовѣріе, которое создала вѣковая дѣятельность правительства. Мы забываемъ, что Вы представитель той власти, которая только обманывала народъ, сдѣлала ему столько зла. Обращаемся къ Вамъ, какъ къ гражданину и частному человѣку. Надѣемся, что чувство личнаго озлобленія не заглушитъ въ Васъ сознанія своихъ обязанностей и желанія знать истину. Озлобленіе можетъ быть и у насъ. Вы потеряли отца. Мы теряли не только отцовъ, но еще братьевъ, женъ, дѣтей, лучшихъ друзей. Но мы готовы заглушить личное чувство, если того требуетъ благо Россіи. Ждемъ того же и отъ Васъ.

Мы не ставимъ Вамъ условій. Пусть не шокируетъ Васъ наше предложеніе. Условія, которыя необходимы для того, чтобы революціонное движеніе замѣнилось мирной работой, созданы не нами, а исторіей. Мы не ставимъ, а только напоминаемъ ихъ.

Этихъ условій—по нашему мнѣнію, два:

1) Общая амнистія по всѣмъ политическимъ преступленіямъ прошлаго времени, такъ какъ это были не преступления, но исполненіе гражданскаго долга.

2) Созывъ представителей отъ всего русскаго народа для пересмотра существующихъ формъ государственной и общественной жизни и передѣлки ихъ сообразно съ народными желаніями.

Считаемъ необходимымъ напомнить, однако, что легализація Верховной Власти народнымъ представительствомъ можетъ быть достигнута лишь тогда, если выборы будутъ произведены совершенно свободно. Поэтому выборы должны быть произведены при слѣдующей обстановкѣ:

1) Депутаты посылаются отъ всѣхъ классовъ и сословій безразлично и пропорціонально числу жителей;

2) Никакихъ ограниченій ни для избирателей, ни для депутатовъ не должно быть;

3) Избирательная агитація и самые выборы должны быть произведены совершенно свободно, а потому правительство должно въ видѣ временной мѣры, впредь до рѣшенія народнаго собранія, допустить:

- а) полную свободу печати,
- б) полную свободу слова,
- в) полную свободу сходовъ,
- г) полную свободу избирательныхъ программъ.

Вотъ единственное средство къ возвращенію Россіи на путь правильнаго и мирнаго развитія. Заявляемъ торжественно, предъ лицомъ родной страны и всего міра, что наша партія, съ своей стороны, безусловно подчинится рѣшенію Народнаго Собранія, избраннаго при соблюденіи вышеизложенныхъ условій, и не позволитъ себѣ впредь никакого насильственнаго противодѣйствія правительству, санкціонированному Народнымъ Собраніемъ.

Итакъ, Ваше Величество—рѣшайте. Передъ Вами два пути. Отъ Васъ зависитъ выборъ. Мы же затѣмъ можемъ только просить судьбу, чтобы Вашъ разумъ и совѣсть подсказали Вамъ рѣшеніе, единственно сообразное съ благомъ Россіи, съ Вашимъ собственнымъ достоинствомъ и обязанностями передъ родною страной.

Исполнительный Комитетъ 10 марта, 1881 г.

Типографія „Народной Воли“ 12 марта 1881 года.

Событіе 1-го марта и Николай Константиновичъ Михайловскій.

Вечеромъ 1-го марта находившіеся въ Петербургѣ члены Исполнительнаго Комитета собрались вмѣстѣ для обсужденія вопроса о томъ, въ какой именно литературной формѣ долженъ реагировать Комитетъ на происшедшее событіе. Остановились на формѣ письма Исполнительнаго Комитета къ Александру III и обязанность написать проектъ такого письма возложили на Л. А. Тихомирова. Г. Тихомировъ написалъ проектъ письма, но, прежде чѣмъ представить его на окончательную санкцію Исполнительнаго Комитета, онъ отнесъ его на просмотръ и редактированіе Н. К. Михайловскому. Одно лицо, — назовемъ его хотя Z., такъ какъ оно здравствуетъ и понынѣ, — на обязанности котораго лежало поддержаніе постоянныхъ связей Исполнительнаго Комитета съ «обществомъ» вообще и литературными кругами въ частности, также приняло участіе въ литературной обработкѣ принесеннаго Тихомировымъ къ Михайловскому письма. На нашу просьбу сообщить объ этомъ дѣлѣ подробности, это лицо отвѣтило намъ такими строками:

«Объ участіи Н. К. Михайловскаго въ составленіи письма къ Александру III могу сообщить слѣдующее: не протестуя противъ террора, какъ одного изъ средствъ политической борьбы, Николай Константиновичъ всегда требовалъ, чтобы революціонеры давали террористическимъ актамъ надлежащее объясненіе, способное вызвать въ обществѣ, если не симпатію, то, во всякомъ случаѣ, истинное пониманіе его широкихъ мотивовъ. Въ особенности онъ требовалъ этого по отношенію къ посягательствамъ на жизнь Александра II. Послѣ неудачной попытки Халтурина общественныя симпатіи къ «Народной Волѣ» быстро упали. «Либералы» почему-то стали думать, что удайся взрывъ дворца, — и по всей Россіи началась бы жестокая расправа простого народа со всѣми представителями бѣлой кости. Считаться съ общественнымъ настроеніемъ стало еще необходимѣе въ періодъ «диктатуры» графа Лорисъ-Меликова, когда легковѣрные люди ждали отъ него «конституціи». Были даже революціонеры, рекомендовавшіе отказаться на это время отъ дальнѣйшихъ террористическихъ актовъ. Но судьба рѣшила иначе. 1-го марта царь былъ убитъ. Естественно явилась необходимость въ яркомъ освѣщеніи этого крупнаго событія, и письмо къ Александру III было признано наиболѣе подходящею формой,

исключающей всякую мысль о революционерахъ, какъ о простыхъ убійцахъ.

„Л. А. Тихомировъ очень часто сносился съ Н. К. Михайловскимъ и зналъ, какое значеніе онъ придаетъ извѣстному освѣщенію cadaго террористическаго акта.

„По предварительному уговору, черновикъ письма къ Александру III, составленный Тихомировымъ и Лангансомъ¹⁾, былъ доставленъ Н. К. Михайловскому, и въ его квартирѣ на Стремянной ул., д. 5, состоялось редакціонное совѣщаніе изъ трехъ лицъ для выработки окончательнаго текста письма. Николай Константиновичъ внимательно относился къ каждому пункту, и ему въ значительной мѣрѣ должно быть приписано авторство этого замѣчательнаго историческаго документа“.

Выработанный такимъ образомъ проектъ письма Исполнительнаго Комитета къ Александру III былъ затѣмъ представленъ на окончательное утвержденіе Комитета.

Гдѣ, какъ и при какихъ обстоятельствахъ произошло такое утвержденіе, объ этомъ мы въ настоящей замѣткѣ еще говорить не будемъ по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что хотя у насъ и имѣются два сообщенія по этому поводу отъ лицъ, принимавшихъ въ засѣданіи Исполнительнаго Комитета, о которомъ идетъ рѣчь, непосредственное участіе, но мы ожидаемъ для всесторонняго освѣщенія событія еще нѣкоторыхъ подробностей и, во-вторыхъ, потому, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ въ виду остановиться только на участіи въ этомъ событіи Н. К. Михайловскаго.

Ограничимся поэтому лишь выпиской изъ письма къ намъ одного изъ членовъ Исполнительнаго Комитета, принимавшаго участіе и въ томъ засѣданіи, на которомъ былъ утвержденъ текстъ письма Комитета къ Александру III.

Сообщая, что объ участіи Михайловскаго въ составленіи или редактированіи документа, о которомъ идетъ рѣчь, ему, автору письма къ намъ, ничего не извѣстно, онъ, однако, прибавляетъ:

„Если Тихомировъ или кто-нибудь другой приносилъ черновикъ Н. К. Михайловскому—въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго. Это былъ бы актъ почета тѣмъ болѣе возможный, что Н. К. принималъ участіе въ редакціи газеты „Народная Воля“ на правахъ полноправнаго члена, хотя ни въ какихъ *обязательныхъ* (подчеркнуто въ подлинникѣ) отношеніяхъ къ нашей организаціи вообще не состоялъ“.

Одинъ изъ друзей Н. К. Михайловскаго рассказывалъ намъ, что объ участіи Михайловскаго въ составленіи письма къ Александру III онъ слышалъ отъ самого Михайловскаго.

Въ заключеніе два слова о самомъ письмѣ Исполнительнаго Комитета.

¹⁾ Умеръ въ Алексѣевскомъ равелинѣ. См. „Процессъ 20-ти народовольцевъ“ въ январской кн. и „Милость“ М. Ф. Фроленко въ февральской книжкѣ „Былого“.

Были люди, которые находили это письмо недостаточно рѣшительнымъ, какъ со стороны его содержанія, такъ и формы, но вотъ отзывы объ этомъ письмѣ Фридриха Энгельса и Карла Маркса.

„И я и Марксъ находимъ, — говорилъ Энгельсъ Герману Александровичу Лопатину, что письмо Комитета къ Александру III положительно прекрасно по своей политичности и спокойному тону. Оно доказываетъ, что въ рядахъ революціонеровъ находятся люди съ государственной складкой ума“ ¹⁾.

Мы совершенно убѣждены, что письмо Исполнительнаго Комитета, — какъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ литературныхъ памятниковъ нашего освободительнаго движенія, — будетъ всегда привлекать къ себѣ взоры всѣхъ историковъ этого движенія.

В. Я. Б.

¹⁾ Изъ письма Г. А. Лопатина къ М. Н. (Маріи Николаевнѣ Оловенниковой-Ошаниной). Напечатано въ № 2 „Съ родины и на родину“. Изд. группы старшихъ народовольцевъ. Женева 1898 г., стр. 99.

Событіе 1-го марта и Николай Васильевичъ Шелгуновъ.

Съ Николаемъ Васильевичемъ я видался очень часто въ теченіе 3-хъ или 4-хъ лѣтъ, и одно время обстоятельства заставили меня близко сойтись съ нимъ. Потомъ нѣкоторое время мы переписывались. А потомъ, какъ часто бываетъ у людей, живущихъ при совершенно различныхъ условіяхъ, наша переписка стала менѣ оживленной и, наконецъ, совсѣмъ прекратилась. Я хочу подѣлиться съ читателями «Былого» кой-какими воспоминаніями о Николаѣ Васильевичѣ, особенно въ связи съ 1-мъ марта.

Съ Шелгуновымъ я познакомился въ концѣ 1879 г., вскорѣ послѣ того, какъ ему было позволено вернуться въ Петербургъ послѣ 15-ти лѣтняго скитанія по провинціальнымъ городамъ. Меня ему отрекомендовалъ одинъ изъ сотрудниковъ «Дѣла». Съ большимъ смущеніемъ и съ неменьшимъ желаніемъ скрыть его, я вошелъ въ меблированную комнату одного изъ громаднѣхъ домовъ на Александровской, теперь Пушкинской, улицѣ. Мнѣ, чловѣку 70-хъ годовъ, не хотѣлось произвести дурного впечатлѣнія на чловѣка 60-хъ. А я еще такъ недавно читалъ полемику Шелгунова съ Скабичевскимъ, въ которой Шелгуновъ слегка иронизировалъ, между прочимъ, надъ большими претензіями 70-хъ годовъ. Но мое смущеніе и досада на автора этой статьи улеглись почти мгновенно, когда, послѣ первыхъ банальныхъ фразъ, Николай Васильевичъ просто и тепло заговорилъ со мной о томъ, какъ онъ интересуется теперешней молодежью и какъ онъ отсталъ отъ ея думъ и желаній, живя все время въ провинціи. Признаться, я не ждалъ этого и съ полной откровенностью высказалъ Шелгунову, что я думалъ, входя къ нему въ комнату, и какъ я рѣшилъ дешево не продать своей жизни и любимыхъ мною 70-хъ годовъ... Шелгуновъ улыбнулся той хорошей и странной улыбкой, которую я потомъ такъ любилъ у него: отчасти коварная, почти мефистофельская, эта улыбка была согрѣта гуманнѣмъ отношеніемъ къ себе-сѣднику и одухотворена дѣятельной мыслью. Шелгуновъ своею физиономіей мнѣ всегда напоминалъ именно Мефистофеля, но Мефистофеля добраго, проникнутаго любовью къ людямъ. Его низкій посрединѣ лобъ, поднимавшійся высоко къ обоемъ вискамъ; довольно коротко остриженные волосы; тонкія и обширныя дуги бровей; небольшіе узкіе глаза; острый носъ; тонкія губы, отгѣненные

негустыми усами и козлиная бородка на выдающемся подбородкѣ— все это было точно скопировано съ классическаго Мефистофеля. Но выраженіе было не злое, а лишь чуть-чуть коварное, и добродушный негромкій смѣхъ часто прерывалъ его разговоръ, въ которомъ звучала постоянно странная, не лишенная пріятности нота гуманной ироніи. Въ довершеніе всего и ходилъ-то онъ какъ-то по-мефистофельски, быстро, слегка припрыгивая и не безъ своеобразной торопливой граціи.

Въ то время, когда я познакомился съ нимъ, по его лицу нельзя было никакъ опредѣлить его возраста: не то 40, не то 50 лѣтъ. Его рѣчь звучала рѣдкой убѣдительностью. Не могу сказать, чтобы онъ былъ заправскій ораторъ, но говорилъ онъ просто, плавно и подчасъ такъ же хорошо, какъ были написаны его лучшія статьи. Замѣчу, между прочимъ, что почти всѣ его статьи были написаны другими подъ его диктовку, и диктовалъ онъ такъ же легко, какъ и говорилъ. Спорить онъ не любилъ и, въ особенности, не любилъ запальчивыхъ спорищковъ. Но онъ всегда умѣлъ найти въ аргументахъ своего собесѣдника какой-нибудь мостикъ, чтобы незамѣтно перевести противника на свою сторону. Я думаю, здѣсь играло главную роль его удивительное врожденное чувство такта, которое никогда не позволяло ему оскорблять спорившаго. Было бы, впрочемъ, ошибкою думать, что онъ былъ, что называется, человекъ покладистый на убѣжденія. Наоборотъ, по основнымъ вопросамъ онъ оставался всегда вѣренъ идеаламъ своей молодости, и если въ чемъ можно было упрекнуть его, такъ это скорѣе въ томъ, что въ его революціонныхъ воззрѣніяхъ была извѣстная доля традиціоннаго элемента: «такъ дѣлали наши праѣды-революціонеры,—такъ должны дѣлать и мы». А Шелгуновъ былъ убѣжденный социалистъ и убѣжденный революціонеръ. Онъ не былъ, пожалуй, тѣмъ, что называютъ теперь «научнымъ социалистомъ». Самыя условія его развитія и русская дѣйствительность, гдѣ ему пришлось жить и бороться, заставляли его придавать большее значеніе идейному элементу, интеллигенціи, чѣмъ, можетъ быть, допустилъ бы это послѣдователь «научнаго социализма». Но кто изъ насъ, русскихъ людей, былъ такъ безгрѣшенъ тогда въ этомъ отношеніи, чтобы могъ бросить этотъ камень въ человекъ, которому только передъ смертью удалось услышать сознательный откликъ среди русскихъ рабочихъ? За то по другому вопросу Шелгуновъ былъ гораздо ближе къ научному социализму, чѣмъ социалисты-утописты прошлаго времени. Именно, онъ былъ страстный политикъ и полагалъ, что революціонная политическая дѣятельность, предпринятая организованной партіей, можетъ сдѣлать удивительно много въ социалистическомъ смыслѣ.

Я припоминаю одинъ вечеръ у Шелгунова, когда онъ жилъ уже вмѣстѣ съ семьей въ большой квартирѣ. Собралось довольно много литераторовъ-социалистовъ, офицеровъ, студентовъ и студентокъ и два крупныхъ нелегальныхъ народовольца, которыхъ полиція тщетно пыталась словить. Одинъ изъ нихъ былъ покой-

ный Лангансъ, другой—нынѣ здравствующее лицо, которое мнѣ придется, по нѣкоторымъ соображеніямъ, скрыть подъ тогдашнимъ его политическимъ псевдонимомъ Николая Александровича Зыбина. Роль Зыбина заключалась въ пропагандѣ народовольческихъ идей и въ вербовкѣ сторонниковъ среди «общества», главнымъ же образомъ, въ литературныхъ сферахъ. И эту роль онъ исполнялъ съ рѣдкимъ мастерствомъ... Дѣло было въ половинѣ февраля 1881 г. Много пили, много танцовали и еще больше говорили о политикѣ. Хорошее это было время: даже тотъ, кто не вѣрилъ въ близость социальной революціи, ждалъ съ часу на часъ политическаго переворота. Довольно большое число изъ гостей Шелгунова знали о томъ, что Народная Воля поставила рѣшительный ультиматумъ правительству: смерть абсолютизму или скорая смерть царю. И кое-кто изъ насъ зналъ, что катастрофа была ближе, чѣмъ думали въ публикѣ. За ужиномъ живой, какъ ртуть, Зыбинъ, лихо отхвативъ передъ тѣмъ мазурку и закончивъ ее трепакомъ, сказала нѣсколько горячихъ словъ о значеніи современнаго момента и поднялъ бокалъ за «разрушеніе старой Россіи». Всѣ оживились, и Шелгуновъ, въ пылу разговоровъ, провелъ очень удачную параллель между цивилизаторской дѣятельностью Петра I и революціонной дѣятельностью народовольцевъ. Замѣчу, что Шелгуновъ, пламенный западникъ, вообще очень любилъ Петра: это былъ въ нѣкоторомъ родѣ герой его историческаго романа. «Мнѣ совсѣмъ не нравится Петръ, какъ царь,—сказалъ онъ на этотъ разъ,—но я преклоняюсь предъ нимъ, какъ предъ диктаторомъ. Въ чемъ была сила его? Въ томъ, что онъ разбилъ старыя формы московской Руси и ускорилъ естественный ходъ вещей, въ двадцать лѣтъ сдѣлавъ то, что московскіе цари тяпали бы да ляпали цѣлыхъ двѣсти. Теперь же я готовъ кричать ура народовольческой диктатурѣ: дѣло русскихъ социалистовъ-революціонеровъ разбить устарѣлыя для нашего времени нормы петербургской имперіи и вытащить на свѣтъ божій новое общество».

Двѣ недѣли спустя Шелгуновъ зашелъ ко мнѣ въ воскресенье—дѣло было 1 марта 1881 года—и мы отправились съ нимъ пройти на Невскій. Мы были на углу Екатерининскаго канала... Вдругъ раздался какой-то необычный гулъ, и мимо насъ съ гикомъ, со свистомъ, давя прохожихъ, промчалась бѣшенымъ галопомъ сотня казаковъ, копыя впередъ, шашки на голо. Обоихъ насъ, точно электрической токъ, пронизала одна мысль: должно быть, покушеніе. Мы не ошиблись. Казаки были вызваны по телеграфу къ Зимнему дворцу. Навстрѣчу намъ бѣжалъ народъ, разсыпаясь по улицамъ, по переулкамъ, торопясь сообщить что-то другъ другу, встрѣчнымъ знакомымъ и незнакомымъ, и все это съ какимъ-то таинственнымъ видомъ. Мѣстами образовались кучки; слышалось: «убили... нѣтъ... спасень... тяжело ранили»... Я до сихъ поръ не могу забыть выраженія лица Шелгунова. Его глаза смотрѣли напряженно вдоль, точно старались разглядѣть, что дѣлалось за извилиной канала. Тонкій носъ, острый подбородокъ, казалось,

впивались въ пространство. Блѣденъ онъ былъ смертельно. Я понималъ его: неужели новое неудачное покушеніе и, можетъ быть, новая ненужная кровь и новыя ненужныя жертвы?..

Намъ безумно хотѣлось бѣжать впередъ, все впередъ, *туда*, гдѣ совершался великій актъ русской трагедіи. Не знаю, какъ Шелгуновъ, но мнѣ казалось, что я съ ума сойду, если сейчасъ же не узнаю, чѣмъ кончилось *тамъ*. Мы пробѣжали съ нимъ нѣсколько шаговъ, какъ намъ навстрѣчу попался знакомый редакторъ либеральнаго «Церковнаго Вѣстника», Поповицкій. На его лицѣ было написано какое-то мучительное и пугливое недоумѣніе. Онъ бѣжалъ, какъ оказалось послѣ, предупредить своихъ домашнихъ и, тяжело дыша въ енотовой шубѣ, махалъ мѣховою шапкою. Должно быть, онъ упалъ передъ этимъ: по его лицу катились капли пота, вѣрнопопданническія слезы и маленькіе ручейки отъ приставшаго къ лицу и растаявшаго грязнаго снѣга. «Сейчасъ увезли... очень раненъ... государя убили, навѣрно убили... Самъ видѣлъ; другого арестовали, а тотъ самъ убилъ себя», — лепеталъ плачущій либераль безъ шапки. Мы сѣли на извозчика и доѣхали до квартиры Шелгунова вмѣстѣ. О томъ, что государь тяжело раненъ, знали уже почти всѣ прохожіе. По улицамъ бѣжали городовые и гвардейцы и запирали наскоро портерныя, кабаки, харчевни: правительство боялось бунта и думало, что покушеніе было только сигналомъ возстанія. Одинъ извозчикъ закричалъ другому, везшему одного моего пріятели изъ «Отечеств. Записокъ»: «Ванька, дьяволъ, буде тебѣ баръ возить: государя на четыре части рѣзорвало»...

Въ шесть часовъ вечера я былъ у Шелгунова, гдѣ собралось нѣсколько близкихъ друзей его изъ литераторовъ и кое-кто изъ революціонеровъ. Шелгуновъ былъ сдержанъ, но, очевидно, внутренно доволенъ, и если не показывалъ большой радости, то по врожденному чувству такта. Но онъ былъ гораздо болѣе озабоченъ, чѣмъ его друзья, по большей части, младшіе его по возрасту. Онъ задавался уже вопросомъ: «что же дальше, что дѣлать, что предпринять, на что рассчитывать?» Большинство литературной братіи отдавалось, напротивъ, всецѣло чувству радости и строило самые радужные планы. Старикъ Плещеевъ и соредакторъ Николая Васильевича по «Дѣлу», Станюковичъ, особенно вѣзались мнѣ своимъ оптимизмомъ въ памяти. Странное дѣло: революціонеры представляли на этомъ собраніи единственно-серьезный критическій элементъ и напирали на то, что, молъ, нельзя же только ликовать да ликовать, нужно и поразобратъ промежъ себя работу для возможнаго давленія на правительство въ печати, покамѣстъ не ушло время. Кстати сказать, даже такой на рѣдкость умный человѣкъ, какимъ былъ Михайловскій, еще нѣсколько дней спустя утверждалъ, что «на этотъ разъ на насъ идетъ революція». И ему вторилъ своими картинными выраженіями веселый, какъ никогда, Глѣбъ Успенскій. Но возвращусь къ бесѣдѣ у Шелгунова. Николай Васильевичъ въ своемъ нѣсколько скептическомъ, но дѣйственномъ отношеніи къ событіямъ былъ согласенъ скорѣе съ революціонерами, чѣмъ съ за-

писными литераторами, лишь «сочувствовавшими» движению. Къ тому времени принесли уже правительственную телеграмму, въ первомъ, неисправленномъ еще изданіи, которая начиналась курьезными словами: «Воля Всевышняго свершилась; Господу Богу угодно было призвать къ себѣ возлюбленнаго Монарха». Телеграмма была встрѣчена съ большимъ оживленіемъ; кто-то сострилъ даже: «Народная Воля—Воля Божія»...

Увы, и на этотъ разъ, и съ этой узловой точки Россія двинулась въ сторону реакціи. Возстанія не происходило, общество лишь «чувствовало», пока, наконецъ, Александръ III не заявилъ своимъ манифестомъ отъ 29-го апрѣля, что онъ рѣшилъ «стать бодро на дѣло управленія... съ вѣрою въ силу и истину самодержавной власти». Въ эти два мѣсяца Шелгуновъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы пресса настойчиво заявила о необходимости новаго политическаго режима. И отчасти благодаря его стараніямъ, которыя опирались на подобную же тактику писателей-соціалистовъ и чистыхъ народовольцевъ, составлявшихъ тогда радикальную коалицію «Дѣла», «Слова» и «Отечественныхъ Записокъ», литераторы соціалистическаго и революціоннаго направленія временно разобрали между собою въ печати роли либеральнаго репертуара. Въ «Дѣлѣ», кромѣ Шелгунова, Станюковича и еще кой-кого изъ молодыхъ писателей краснаго оттѣнка, видное мѣсто въ выработкѣ плана этой кампаніи игралъ Тихомировъ, писавшій подъ псевдонимомъ И. Кольцова, иногда просто И. К., и тогда въ публикѣ эти инициалы истолковались такъ: «Исполнительный Комитетъ». «Отечественныя Записки» защищали позицію народовольцевъ въ лицѣ самого Михайловскаго, который писалъ въ то время и въ органѣ партіи: я говорю о много читавшихся его письмахъ, помѣщенныхъ въ «Народной Волѣ» подъ псевдонимомъ Гроньяра. «Слово» было совершенно въ рукахъ уже упомянутаго мною Николая Александровича Зыбина; и этотъ журналъ, благодаря хорошему подбору статей и преобладанію среди сотрудниковъ людей крайняго направленія, носилъ очень опредѣленный соціалистическій и революціонный характеръ. Опираясь на это ядро болѣе или менѣе сплѣвшихся толстыхъ журналовъ, Шелгуновъ былъ въ числѣ самыхъ ревностныхъ пропагандистовъ уже упомянутаго плана воздѣйствія на общественное мнѣніе и давленія на правительство въ печати. Было рѣшено, что такъ какъ русскіе либералы, въ силу своей тогдашней политической неразвитости, не умѣли какъ слѣдуетъ выразить свои требованія, то радикальные и революціонные писатели придутъ къ нимъ на помощь. Не компрометируя себя писаніемъ статей подъ своими собственными именами, они должны были надѣть на себя временно маски «таинственныхъ незнакомцевъ» чисто либеральнаго лагеря. Въ результатѣ получился тотъ знаменательный фактъ, что лучшія статьи въ газетахъ этого направленія, заговорившихъ тогда о конституціи, были написаны соціалистами и кое-какими нелегальными. Такъ энергичная передовица въ «Странѣ», ясно говорившая о необходимости дать Россіи свободныя по-

литическія учрежденія, принадлежала перу покойнаго И. Н. Харламова.

Но жизнь, какъ Шекспиръ, пускаетъ трагичное въ перемежку съ комичнымъ, и иного рода воспоминанія изъ этого и хорошаго, и страшнаго времени связаны у меня съ Шелгуновымъ. Подобно прочимъ квартирантамъ, я былъ избирателемъ въ знаменитый «бараній парламентъ», названный такъ по имени выдумавшаго его фигляра и самодура Баранова ¹⁾. Въ противность обычнымъ порядкамъ, здѣсь не избиратель шелъ къ урнамъ, а къ избирателю урны въ образѣ полицейскихъ: гражданамъ внезапно было предписано весь день сидѣть дома и дожидаться полицейскихъ съ опросомъ: «кого вы желаете выбрать?» Какъ была понята эта процедура мелкими полицейскими сошками и дворниками, не говоря уже о большинствѣ населенія, видно изъ слѣдующаго. Утромъ въ день выборовъ прибѣгаетъ ко мнѣ ни живъ, ни мертвъ дворникъ и лепечетъ: «господинъ, потрудитесь убрать всѣ запрещенныя книжки, коли ежели имѣются, и ждать полицію: сегодня приказъ произвести повальный обыскъ, и объ этомъ начальство извѣщаетъ для вѣрности заранѣе». Должно быть, я улынулся: «не вѣрите, господинъ,—вскричалъ дворникъ—ей богу—съ такъ! Вонъ и лавочникъ все время катаетъ сельдяныя бочки, да ищетъ: все боится, что ему скубенты книжку по злобѣ подбросятъ». Несмотря на строгое запрещеніе выходить изъ дома, многіе изъ насъ, знавшіе Шелгунова, старались произвести избирательную агитацію въ его пользу и ходили по друзьямъ и знакомымъ съ просьбой давать имя Шелгунова. Николай Васильевичъ добродушно улыбался, видя наши старанія, но отказывался не отказывался; «считаю долгомъ заявить избирательному комитету,—говорилъ онъ шутя намъ,—что программа у меня будетъ простая: на первомъ же засѣданіи полицейскаго парламента я заявлю, что нужно распустить его и приступить къ выборамъ въ Земскій Соборъ». Избранъ Шелгуновъ, конечно, не былъ. Но начальство, какъ говорятъ, очень переполошилось, узнавъ, что Николай Васильевичъ на одной Пушкинской улицѣ, гдѣ была его квартира, получилъ 60 голосовъ...

Здѣсь не мѣсто говорить, почему и отчего не удалось 1-е марта. На Шелгунова это сильно подѣйствовало, и когда, послѣ поѣздки въ центральную Россію, я увидался съ нимъ въ октябрѣ мѣсяцѣ 1881 года, я нашель его страшно похудѣвшимъ, страшно нервнымъ, и его мефистофельская фізіономія приняла скорбное выраженіе. Но въ то время, какъ другіе начинали примиряться съ входившей во вкусъ да въ аппетитъ реакціей, Шелгуновъ все оставался на своемъ посту вѣрнымъ своимъ идеаламъ. Тогда я замѣтилъ лишь въ немъ одну новую черту: онъ значительно скептичнѣе сталъ

¹⁾ Дѣло идетъ о тогдашнемъ Петербургскомъ градоначальникѣ, позже Нижегородскомъ губернаторѣ, еще позже Туркестанскомъ генераль-губернаторѣ и т. д., который умеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, послѣ знаменитаго столкновенія съ Рождественскимъ.

смотрѣть на роль интеллигенціи, чѣмъ прежде, и будь въ это время мало-мальски возможна дѣятельность среди рабочихъ или даже среди крестьянъ, онъ удѣлилъ бы въ своемъ представленіи о революціонной диктатурѣ очень почетное мѣсто народнымъ массамъ. Но, повторяю, бодрымъ и вѣрующимъ онъ оставался неизмѣнно, и въ этомъ его не успѣла разочаровать 30-лѣтняя борьба съ русскимъ строемъ. Въ послѣднемъ письмѣ его,—не помню ко мнѣ, или къ одному изъ моихъ пріятелей,—помѣченномъ Берлиномъ, гдѣ Шелгуновъ былъ весною 1884 года передъ возвращеніемъ изъ короткаго путешествія по заграничѣ, онъ говоритъ, между прочимъ: «черезъ нѣсколько часовъ переѣзжаю границу—странное ощущеніе: точно я снова ученикъ, идущій на строгій экзаменъ; и, какъ во дни своей молодости, машинально я вычистилъ сюртучекъ и застегнулся на всѣ пуговицы. Впрочемъ, мнѣ это дѣло привычное». Экзаменъ оказался строже, нежели думалъ Николай Васильевичъ: съ границы его прямо отправили въ Петропавловку, и однимъ изъ мотивовъ его ареста было знакомство съ террористами и печатаніе въ «Дѣлѣ» статей, которыя писались нелегальными, въ особенности статей Тихомирова, онъ же упомянутый И. Кольцовъ «Дѣла», онъ же Иванъ Григорьевичъ Каратаевъ либеральныхъ домовъ Петербурга. Упомянутіемъ объ этой ироніи судьбы позволю себѣ закончить мои воспоминанія...

Какъ бы мнѣ хотѣлось, чтобы хоть разъ съ этихъ блѣдныхъ страницъ глянуль на моихъ читателей живой образъ Николая Васильевича, дорогого, милаго Николая Васильевича, такого, однимъ словомъ, какимъ я зналъ его: человѣка свѣтлаго ума и золотого сердца!

Н. Р.

Событіе 1-го марта и Владиміръ Сергѣевичъ Соловѣевъ.

Событіе такой огромной важности, какъ актъ 1-го марта, не могло не привлечь самаго серьезнаго и настойчиваго вниманія Владиміра Сергѣевича Соловьева. Въ ту пору онъ съ блестящимъ успѣхомъ читалъ лекціи по философіи въ Петербургскомъ университетѣ и на Высшихъ женскихъ курсахъ. Онъ развивалъ свою философскую систему, выдвигая впередъ христіанство, какъ элементъ философскій. Событіе 1-го марта заставило Соловьева продумать свое отношеніе къ революціи, какъ принципу и какъ факту, и освѣтитъ революціонную проблему съ религіозно-христіанской точки зрѣнія. Въ рѣчи, произнесенной на Высшихъ женскихъ курсахъ 13 марта 1881 года, Соловьевъ формулировалъ свои взгляды на революцію¹⁾. Нельзя осуществить на землѣ правду путемъ насилій и убійствъ—вотъ основная точка зрѣнія Соловьева. Христіанство, дѣйствительно, «завѣщало человѣчеству осуществить царство правды, которое открылось, какъ внутренній и міровой фактъ, какъ процессъ дѣйствительной жизни», но только извращенное христіанство могло дойти до мысли осуществить ложно истолкованное царствіе Божіе путемъ внѣшнихъ средствъ, путемъ насилія. Самое стремленіе человѣка осуществить на землѣ что-то лучшее, какое-то царство правды, Соловьевъ считаетъ остаткомъ дѣйствительнаго христіанства. Не вѣрны пути. Съ потерей Божественнаго начала человѣку осталось строить царство при содѣйствіи чистаго разума и инстинкта. Такъ онъ и сдѣлалъ въ эпоху Великой революціи. Разумъ дѣйствительно оказался способенъ разбить традиціонныя формы жизни, но онъ не могъ дать изъ себя содержаніе жизни. Потому-то революція во второй своей половинѣ, основываясь на насиліи, повела еще къ худшему деспотизму.

Современное революціонное движеніе началось съ того, чѣмъ кончила французская революція, и такой ходъ движенія логиченъ. Дѣло въ томъ, что господствующее міросозерцаніе отказалось не только отъ теологическихъ принциповъ, а и отъ метафизической идеи права чистаго разума, которая лежала въ основѣ революціи

¹⁾ Содержаніе этой рѣчи въ 1881 году было распространено въ гектографированныхъ листкахъ и напечатано въ III томѣ „Собранія сочиненій В. С. Соловьева“. Спб. Стр. 383—387.

89 г. Если же отнять и теологическіе принципы, и метафизическую идею безусловной личности, остается только звѣрская природа, дѣйствіе которой есть насиліе.

Но если современная революція начнетъ съ насилія, если она пользуется имъ, какъ средствомъ для осуществленія какой-то новой правды, она тѣмъ самымъ обнаруживаетъ, что въ ней кроется явная ложь: ложь въ принципѣ и на практикѣ: въ принципѣ — потому что, признавая только матеріальное начало въ мірѣ и человѣкѣ, нельзя говорить о чемъ-то должномъ, о чемъ-то такомъ, что не существуетъ, но должно существовать, ибо съ точки зрѣнія матеріальной все есть матеріальный фактъ, и никакого матеріальнаго начала не можетъ быть: это—ложь по факту, потому что, если бы дѣйствительно современная революція искала царство правды, она не могла бы смотрѣть на насиліе, какъ на средство его осуществить. Если она признаетъ правду, должное, истинное, нормальное, если она вѣритъ въ правду, она должна признавать, что правда сама собою сильнѣе неправды. Употреблять же насиліе для осуществленія правды, значитъ признать правду безсильною. Современная революція на дѣлѣ показываетъ, что она признаетъ правду безсильною.

Но поистинѣ правда сильна, а насиліе современной революціи выдаютъ ея безсиліе. Для человѣка, съ человѣческой точки зрѣнія, всякое насиліе, всякое внѣшнее воздѣйствіе чуждой ему силы есть безсиліе. Такая внѣшняя сила есть для звѣря — сила, а для духовнаго существа—безсиліе, и если человѣку не суждено возвратиться на звѣрское состояніе, то революція, основанная на насиліи, лишена будущности».

Высказавъ столь рѣшительное осужденіе насилію, назвавъ всякое внѣшнее воздѣйствіе чуждой человѣку силы проявленіемъ звѣря въ человѣкѣ, Соловьевъ, оставаясь вполнѣ послѣдовательнымъ, долженъ былъ осудить и смертную казнь, какъ наказаніе по суду. Онъ долженъ былъ заявить о необходимости амнистіи для обвинявшихся по дѣлу 1-го марта. Онъ такъ и сдѣлалъ въ лекціи своей, прочитанной имъ въ залѣ Кредитнаго общества, 28 марта—въ тотъ день, когда заканчивался процессъ въ Особомъ присутствіи сената. Мы имѣемъ возможность напечатать содержаніе этой не написанной лекціи, записанное одной изъ внимательныхъ слушательницъ и проверенное нами по другой современной записи и по рассказамъ слушателей. Лекція Вл. Серг., прочитанная имъ 28 марта, была второй (первая была прочитана 26 марта) и носила заглавіе «Критика современнаго просвѣщенія и кризисъ мірового процесса». Содержаніе отчетливо передаетъ нить разсужденій автора и сохраняетъ даже буквально отдѣльныя фразы. Въ этомъ мы могли убедиться изъ сравненія.

«Личное просвѣщеніе, крайнее выраженіе котораго есть наше время, приходитъ къ противорѣчію между безусловными требованіями личности и невозможностью ихъ осуществить. То, чего требуетъ просвѣщеніе, находится въ народной вѣрѣ.

1) Личное просвѣщеніе требуетъ безусловной правды, но, являя это требованіе, оно правдѣ не вѣритъ. Если бы вѣрили безусловной правдѣ, то вѣрили бы, что она сильнѣе неправды, что она должна быть осуществлена не чуждыми средствами, а сама собой. Народъ же вѣритъ въ нее, онъ вѣритъ, что правда сильнѣе неправды и собственно нравственною силою можетъ побѣдить неправду. Чтобы безусловная правда осуществлялась въ дѣйствительности внѣшней, нужно, чтобы эта правда существовала сама по себѣ. Эта правда сама по себѣ, сущая правда — есть Богъ. Если неправда состоитъ въ розни всего, то единство всего есть правда. Какъ живое единство оно есть Богъ. Личное просвѣщеніе отвергло Бога и хорошо сдѣлало, ибо этотъ Богъ, котораго оно отвергло и есть Богъ, въ котораго народъ вѣритъ. Его Богъ не есть ни внѣшній Богъ мистицизма, ни отвлеченный Богъ метафизики, а живой Богъ. Народъ вѣритъ въ Него, и эта вѣра не только не отвергается просвѣщеніемъ, разумомъ и наукой, а напротивъ, требуется ими; вѣдь и разумъ и наука признаютъ, что все существующее имѣетъ единство, что міръ есть нѣкоторое цѣлое; безъ этого ни разумъ, ни наука невозможны. Но какое же это цѣлое? Можно представить его какъ сумму частей, и тогда міръ будетъ огромнымъ механизмомъ, однако, машина требуетъ машиниста, но вѣдь если все есть машина, то для машиниста мѣста нѣтъ. Слѣдовательно, вселенная не можетъ быть механизмомъ, она есть организмъ, единое абсолютное живое существо, и это существо есть Богъ.

Далѣе: 2) Личное просвѣщеніе заявляетъ безусловныя права и безусловное значеніе личности, но и этого заявленія оно оправдать не могло, ибо оно не вѣритъ въ безусловное значеніе личности. Народъ же вѣритъ въ безусловное значеніе личности, потому что вѣритъ въ дѣйствительность и безусловность личности Христа, который своей личностью заявилъ вѣру, оправдалъ это заявленіе, осуществилъ безусловную правду, которая дѣломъ оказалась сильнѣе внѣшняго, случайнаго. Онъ побѣдилъ все случайное, все чуждое, и явилъ себя сильнѣе грѣха и смерти.

Личное просвѣщеніе отвергло Христа, но опять-таки этотъ Христосъ, отвергнутый просвѣщеніемъ, не есть Христосъ народной вѣры. Просвѣщеніе отвергло догматизмъ Христа, который представляетъ какую-то случайность — Бога, сошедшаго съ небесъ въ опредѣленный моментъ времени и потомъ вознесшагося. Но народъ вѣритъ не въ такого Христа. Для народа Христосъ не есть личность въ условіяхъ опредѣленнаго времени и мѣста, а личность живая, безусловная, универсальный принципъ. Народъ вѣритъ въ живого Христа, вѣритъ, что начало, которое дѣйствовало въ историческомъ Христѣ, можетъ проявлять свое дѣйствіе во всѣхъ людяхъ послѣ Христа. Эта вѣра народная во Христа не можетъ уничтожиться просвѣщеніемъ.

3) Личное просвѣщеніе ставитъ задачею осуществленіе абсолютной правды во внѣшней дѣйствительности, т. е. не только въ природѣ человѣческой, но и во внѣшнемъ мірѣ. И, однако, возмож-

ность такого осуществленія исключается тѣмъ, что личность признаетъ дѣйствительность природы, какъ нѣчто внѣшнее, и на міръ смотритъ, какъ на нѣчто случайное только, видитъ въ матеріальной природѣ лишь совокупность явленій, которая сама по себѣ равнодушна къ безусловной правдѣ, къ безусловной истинѣ, къ безусловному содержанію. Если такова внѣшняя дѣйствительность, то какъ же можетъ безусловная идея въ ней осуществиться.

Народная вѣра не такъ смотритъ на природу и на человѣчскій міръ. Она признаетъ, что природа сама по себѣ имѣетъ стремленіе къ безусловному единству, къ безусловной правдѣ. Народная вѣра вѣритъ, что природа человѣческая и внѣшній міръ имѣютъ единую душу, и что эта душа стремится воплотить Божественное начало, стремится родить въ себѣ Божество: народъ вѣритъ въ Богородицу. Конечно, эта Богородица, въ которую вѣритъ народъ, не есть та, которую, начиная съ протестантства, отвергало личное просвѣщеніе. Для народной вѣры Богородица, какъ и Христосъ, есть начало всего. Это—душа міра, первая матерія, мать всего существующаго, которая, переходя (отъ формъ астральныхъ) къ формамъ органическимъ и далѣе человѣческимъ, стремится воплотить въ себѣ Божественное начало, осуществить, родить его. Такова народная вѣра: народъ вѣритъ: 1) въ вѣчную сухую правду живого Бога, 2) въ безусловное человѣческое начало въ Богѣ—въ личность Христа и 3) въ присутствіе Божественнаго начала, какъ вѣчнаго стремленія во всей природѣ—въ Богородицѣ.

Этотъ вѣроу опредѣляется духовное содержаніе народной жизни, всѣ идеалы народа. Но народъ не довольствуется однимъ признаніемъ идеала. Какъ интеллигенція, такъ и народъ стремится признанные истинными идеалы, въ которые онъ вѣритъ, какъ въ существующіе сами по себѣ, перенести въ жизнь, въ свою неистинную дѣйствительность, осуществить ихъ въ неидеальномъ Божественномъ бытіи. На свое человѣческое земное существованіе народъ смотритъ, какъ на средство, какъ на форму для осуществленія этого Божественнаго начала.

Пока идеалъ Божественной абсолютной правды еще не осуществился, пока всѣ люди не стали Христами и всѣ женщины Богородицами, народъ признаетъ внѣшнія формы образованія (внутренняго міра), внѣшнюю среду, живетъ въ государствѣ. Но онъ никогда не признавалъ и никогда не признаетъ этой внѣшней среды, какъ нѣчто самостоятельное. Для народа всѣ земныя формы являются, какъ подчиненная среда, для осуществленія идеала.

И въ представителѣ государства, въ своемъ политическомъ вождѣ народъ видитъ не представителя внѣшняго закона, какъ чего-то самостоятельнаго, а носителя своего духовнаго идеала. Въ прошлое воскресеніе на этомъ самомъ мѣстѣ вы слышали красно-рѣчивое изложеніе идеи царя ¹⁾ по народному воззрѣнію. Я съ нимъ согласенъ (иначе я бы и не указывалъ на него). Скажу

¹⁾ Въ рѣчи К. Н. Бестужева-Рюмина.

только, что то, что говорилось, не было доведено до конца. Истинная мысль не была доказана. Беру на себя смѣлость ее досказать.

Несомнѣнно для народа Царь не есть представитель внѣшняго закона. Да, народъ видитъ въ немъ носителя и выразителя всей своей жизни, личное средоточіе всего своего существа. Царь не есть—распорядитель грубою физическою силою для осуществленія внѣшняго закона. Но если царь дѣйствительно есть личное выраженіе всего народнаго существа, и прежде всего, конечно, существа духовнаго, то онъ долженъ стать твердо на идеальныхъ началахъ народной жизни: то, что народъ считаетъ верховной нормой жизни и дѣятельности, то и Царь долженъ ставить верховнымъ началомъ жизни.

Настоящая минута представляетъ небывалый дотолѣ случай для государственной власти оправдать на дѣлѣ свои притязанія на верховное водительство народа. Сегодня судятся и, вѣроятно, будутъ осуждены убійцы Царя на смерть. Царь можетъ простить ихъ, и если онъ дѣйствительно чувствуетъ свою связь съ народомъ, онъ долженъ простить. Народъ русскій не признаетъ двухъ правдъ. Если онъ признаетъ правду Божию за правду, то другой для него нѣтъ, а правда Божія говоритъ: „Не убій“. Если можно допускать смерть какъ уклоненіе отъ недостижимаго идеала, убійство для самообороны, для защиты, то убійство холодное надъ безоружнымъ претитъ душѣ народа. Вотъ великая минута самоосужденія и самооправданія.—Пусть Царь и Самодержецъ Россіи заявить на дѣлѣ, что онъ прежде всего христіанинъ, а какъ вождь христіанскаго народа онъ долженъ, онъ обязанъ быть христіаниномъ.

Не отъ насъ зависитъ рѣшеніе этого дѣла, не мы призваны судить. Всякій осяздается и оправдывается собственными своими рѣшеніями, но если государственная власть отрицается отъ христіанскаго начала и вступаетъ на кровавый путь, мы выйдемъ, отстранимся, отречемся отъ нея.

Въ мірѣ борются два зла, два злыя начала: одно начало хаоса—грѣхъ, другое—начало внѣшняго закона; но есть и третье начало. Два первыя начала не могутъ сами рѣшить свою борьбу, но есть третье—начало внутренней правды, начало благодати, которое упраздняетъ и грѣхъ, и законъ. Русскій народъ всегда съ самаго начала своей исторіи безсознательно держался этого третьяго начала. Признаемъ же его, какъ такое, примемъ его сознательно.

Скажемъ же рѣшительно и громко заявимъ, что мы стоимъ подъ знаменемъ Христовымъ и служимъ единому Богу—Богу любви. Пусть народъ узнаетъ въ нашей мысли свою душу и въ нашемъ совѣтѣ свой голосъ; тогда онъ услышитъ насъ, и пойметъ насъ, и пойдетъ за нами“.

Одна изъ бывшихъ на лекціи отчетливо и ярко рассказываетъ объ этой лекціи Соловьева ¹⁾.

¹⁾ „Биржевыя Вѣдомости“ въ ноябрѣ 1905 г. Замѣтка г-жи Р-дн Бодуанъ-де-Куртенъ „Въ мартѣ 1881 года“.

«Это не былъ митингъ,—тогда еще митинговъ въ Петербургѣ не знали, но переполненный залъ кредитнаго общества ждалъ съ нетерпѣніемъ своего оратора.

Молодежи, какъ всегда, было много; въ первыхъ рядахъ кресель мелькали рѣдкіе гости на публичныхъ чтеніяхъ—крупные савонники, конечно, изъ категоріи уцѣлѣвшихъ еще либераловъ, и образованныя аристократическія дамы, между прочимъ, остроумная гр. Толстая, вдова Алексѣя Толстого, m-me Хитрово и т. п.

Никто не зналъ, какъ станетъ развивать свою тему въ этотъ вечеръ Владиміръ Соловьевъ, но никто не сомнѣвался, что все, что онъ скажетъ, будетъ необычайно, и что то будетъ вѣчная красота.

А вотъ и онъ. Высокій, тонкій, еще блѣднѣе обыкновеннаго. Его удивительные глаза свѣтятся глубокимъ, внутреннимъ свѣтомъ и смотрятъ прямо въ даль.

Странныя рѣчи! Сначала пространная, философски-мистическая глосса къ культу Богоматери; затѣмъ необъятные горизонты тайнъ христіанства, тайнъ невѣдомаго «того берега» бытія...

Но мало-по-малу перспектива суживается, ораторъ замѣтно близится къ нашему берегу. Еще одинъ смѣлый шагъ—и онъ уже среди насъ. Чудный языкъ боговъ становится языкомъ земной юдоли. Громко и звучно раздаются вѣщія слова:

— Завтра приговоръ. Теперь тамъ, за бѣлыми каменными стѣнами, идетъ совѣтъ о томъ, какъ убить безоружныхъ. Вѣдь безоружны же всѣ подсудимые узники... Но если это дѣйствительно свершится, если русскій Царь, вождь христіанскаго народа, заповѣди поправъ, предастъ ихъ казни, если онъ вступитъ въ кровавый кругъ, то русскій народъ, народъ христіанскій, не можетъ за нимъ идти. Русскій народъ отъ него отвернется и пойдетъ по своему отдѣльному пути...

Вдругъ передъ эстрадой вырастаетъ какая-то плотная фигура,—рука, съ поднятымъ указательнымъ пальцемъ, вытягивается по направленію къ оратору.

— Тебя перваго казнить, измѣнникъ! Тебя перваго вѣшать, злодѣй!—гремѣтъ грубый голосъ.

Соловьевъ, слегка наклонившись, старается, повидимому, слышать эти возгласы. Но это почти невозможно. Бурныя человѣческія волны хлынули уже со всѣхъ сторонъ къ эстрадѣ. Могуцій крикъ восторга, внезапной радости, умиленія, вырвался разомъ изъ тысячи нѣмыхъ, рабыхъ грудей и наполнилъ собою все пространство.

— Ты нашъ вождь! Ты насъ веди!—несется отовсюду.

Теперь уже десятки трепетныхъ рукъ протягиваются къ Соловьеву, и, минуто спустя, его одухотворенное лицо показывается высоко надъ окружающимъ его вѣнцомъ старыхъ и молодыхъ лицъ. А затѣмъ тѣ же руки бережно несутъ свою ношу съ эстрады въ залъ.

— Амнистія! Помилованіе! на устахъ всѣхъ.

Выходныя двери въ вестибюль широко раскрыты, но напрасно Владиміръ Сергѣевичъ старается въ нихъ проскользнуть. Всѣ его усилія остаются тщетными. Ликующая толпа не хочетъ съ нимъ разстаться и два или три раза обноситъ его кругомъ.

Лишь только кончились оваціи по адресу Соловьева, какъ на очередь всталъ вопросъ объ административной карѣ, ожидающей Соловьева. На лекціи присутствовалъ, между прочимъ, и министръ народнаго просвѣщенія. Встрѣтивъ Соловьева въ вестибюлѣ послѣ овацій, министръ посовѣтовалъ ему сейчасъ же ѣхать къ Лорисъ-Меликову и поговорить съ нимъ. Соловьевъ отказался ѣхать, заявивъ, что онъ не знакомъ съ Лорисъ-Меликовымъ.

— «Это не частное дѣло, а общественное»—сказалъ министръ,— «а то смотрите, придется Вамъ ѣхать въ Колымскъ».

— «Что же, философией можно заниматься и въ Колымскѣ»—отвѣчалъ Соловьевъ ¹⁾).

На другой день слухи о лекціи и объ административной карѣ, ожидающей Соловьева, облетѣли весь городъ. Дѣло могло окончиться дѣйствительно высылкой, но было улажено благодаря хлопотамъ, въ особенности К. Н. Бестужева-Рюмина и нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ лицъ. Желая, быть можетъ, парализовать дѣйствіе слуховъ, Соловьевъ счелъ нужнымъ обратиться съ письмомъ къ императору Александру III. Мы имѣемъ возможность воспроизвести это письмо, до сихъ поръ въ печати не появлявшееся. Въ немъ разъяснены второй изъ мотивовъ, выставленныхъ Соловьевымъ противъ смертной казни. Соловьевъ писалъ Государю:

«Ваше Императорское Величество
Всемилоостивый Государь!

До слуха Вашего, безъ сомнѣнія, дошли свѣдѣнія о рѣчи, сказанной мною 28 Марта, вѣроятно въ искаженномъ и во всякомъ случаѣ въ преувеличенномъ видѣ. Поэтому считаю своимъ долгомъ передать Вашему Величеству дѣло, какъ оно было.

Вѣруя, что только духовная сила Христовой истины можетъ побѣдить силу зла и разрушенія, проявленную нынѣ въ такихъ небывалыхъ размѣрахъ, вѣруя тоже, что народъ русскій въ цѣлости своей живетъ и движется духомъ Христовымъ, вѣруя, наконецъ, что Царь Россіи есть представитель и выразитель народнаго духа, носитель всѣхъ лучшихъ силъ народа, я рѣшилъ съ публичной кафедры исповѣдать эту свою вѣру.

Я сказалъ въ концѣ своей рѣчи, что настоящее тягостное время даетъ русскому Царю небывалую силу христіанскаго начала всепрощенія и тѣмъ совершить величайшій нравственный подвигъ, который подниметъ власть его на недосыгаемую высоту и на незбыблемомъ основаніи утвердитъ его державу. Милуя враговъ своей власти, вопреки всѣмъ естественнымъ чувствамъ человѣческаго

¹⁾ Этотъ фактъ сообщенъ намъ г-жею Бодуэнъ-де-Куртене.

сердца, всѣмъ расчетамъ и соображеніямъ земной мудрости, Царь становится на высоту сверхчеловѣческую и самымъ дѣломъ покажетъ, что въ немъ живетъ высшая духовная сила всего народа русскаго, потому что во всемъ этомъ народѣ не найдется ни одного человѣка, который могъ бы совершить подвигъ больше этого.

Вотъ въ чемъ заключалась сущность моей рѣчи и что, къ крайнему моему прискорбію, было истолковано не только несогласно съ моими намѣреніями, но въ прямомъ противорѣчій съ ними.

Имѣю счастье быть Вашего Императорскаго Величества вѣрно-подданный

Владиміръ Соловьевъ».

Произвело ли впечатлѣніе это письмо, или подѣйствовали хлопоты—не знаемъ,—но Соловьевъ не былъ высланъ изъ столицы. Ему только было запрещено читать и произносить публично что бы то ни было, и, конечно, былъ усиленъ надзоръ за нимъ и за его произведеніями. Въ университетѣ Соловьевъ продолжалъ читать до весны 1882 года. Онъ состоялъ на службѣ еще въ ученomъ комитетѣ мин. нар. просв. 6 окт. 1881 года Соловьевъ подалъ прошеніе объ отчисленіи его отъ службы «по разстроенному здоровью», и 11 ноября того же года его просьба была удовлетворена.

П. Щ.

Событіе 1-го Марта и Левъ Николаевичъ Толстой.

Событіе 1-го марта не явилось для русскаго общества того времени чѣмъ-то совершенно неожиданнымъ. Ему предшествовалъ цѣлый рядъ неудавшихся покушеній на жизнь Александра II, являвшихся, въ свою очередь, лишь отдѣльными эпизодами той борьбы, которую вели между собою два врага: русское правительство и русскіе революціонеры. Значительная часть русскаго общества долго относилась къ этой борьбѣ какъ-то равнодушно: оно точно присутствовало на какомъ-то представленіи, а не было свидѣтелемъ тѣхъ первостепенной важности событій, которыя ближе всего его касались.

Но постепенно наиболѣе подвижные и воспримчивые элементы общества стали интересоваться этой борьбой, стали втягиваться въ интересы борющихся сторонъ и даже принимать въ ней участіе. Русско-турецкая война, раскрывъ цѣлый рядъ вопіющихъ безобразій, царившихъ въ высшихъ сферахъ, заставила общество съ еще большимъ вниманіемъ отнестись къ дѣятельности тѣхъ таинственныхъ людей, которыхъ въ обществѣ называли то нигилистами, то социалистами, то просто красными.

Несмотря на свою неподвижность, «большое общество» не могло не замѣтить въ этой борьбѣ одного характернаго явленія. Правительство тратило огромныя средства на борьбу съ революціонерами, оно платило щедро и явнымъ и тайнымъ агентамъ, которые, благодаря этому, могли «въ свободное отъ занятій время» вознаграждать себя за труды всевозможными удовольствіями и наслажденіями, покупаемыми за деньги. Враждебная же правительству партія, наоборотъ, постоянно нуждалась въ деньгахъ, отдавала всѣ свои средства на борьбу, и члены ея, за рѣдкими исключениями, вели почти аскетичекій образъ жизни.

Я помню, какъ, будучи почти ребенкомъ, я былъ пораженъ, прочтя въ какой-то газетѣ описаніе одной конспиративной квартиры, въ какой ужасной обстановкѣ и тѣснотѣ жили эти люди, отдававшіе всѣ силы на борьбу за то дѣло, которое они считали святымъ. Я помню, какъ уже подросткомъ, попавъ лѣтомъ 1881 г. въ глушь Самарской губерніи, я слушалъ разсужденія малограмотнаго купца, неодобрявшаго событія 1-го марта, но выражавшаго удивленіе героизму «этихъ людей» и признававшаго въ ихъ стремленіяхъ большую долю правды. Мнѣ кажется, что этотъ

купецъ былъ характернымъ выразителемъ мнѣнія большинства. Несочувствіе самому факту, совершенному 1-го марта, и сочувствіе къ его совершителямъ.

Люди съ большимъ кругозоромъ не могли, конечно, ограничиться только такимъ отношеніемъ къ событію 1-го марта. Они смотрѣли дальше и видѣли въ грядущемъ цѣлую цѣпь кровавыхъ событій, вытекавшихъ изъ 1-го марта, какъ изъ своего источника. Цареубійство, казнь цареубійць, месть за эту казнь, преслѣдованіе мстителей, отмщеніе преслѣдователямъ и т. д. и т. д. безъ конца.

И что особенно ужасно, такъ это то, что эти событія въ сущности не представляли собою узкой цѣпи, но развѣтвлялись, усложнялись цѣлымъ рядомъ другихъ событій, охватывая всю страну кровавой сѣтью взаимной вражды, конца которой невозможно было предвидѣть.

Какъ помѣшать развитію этого ужаснаго зла, какъ оборвать эту цѣпь грядущихъ кровавыхъ событій? Вотъ вопросъ, который мучилъ многихъ людей того времени и въ числѣ ихъ прежде всего Льва Толстого. Обратиться съ воззваніемъ къ революціонерамъ, съ призывомъ къ прекращенію борьбы? Но какъ же обращаться съ такимъ призывомъ къ людямъ, которыхъ преслѣдуютъ, какъ дикихъ звѣрей, къ людямъ, которыхъ по одному подозрѣнію сажаютъ въ тюрьмы и ссылаютъ въ Сибирь? Они не послушаютъ, они не могутъ послушать. Вѣдь для нихъ внять такому призыву, значитъ признать, что та борьба, которую они вели съ правительствомъ, тѣ неисчислимыя жертвы, которыя они принесли этому дѣлу, что самая дорогая, самая святая для нихъ чувства любви къ свободѣ, къ народу, къ родинѣ — все это было призракомъ. Отказаться отъ борьбы для этихъ людей значило болѣе, чѣмъ отказаться отъ жизни. Объ этомъ нельзя было и думать.

Можно ли было обратиться къ правительству съ призывомъ прекратить борьбу? Конечно, объ этомъ тоже нельзя было думать. Для правительства прекратить борьбу значило прекратить существованіе. Да и какъ оно бы могло подумать о такой мѣрѣ, когда въ его рукахъ были всѣ средства для истребленія враговъ: сотни тысячъ солдатъ, десятки тысячъ полицейскихъ, сотни милліоновъ рублей... И вдругъ какая-то горсть безумцевъ осмѣливается вести съ нимъ борьбу, смѣетъ не только защищаться, но даже нападать. При такихъ условіяхъ всякій совѣтъ правительству одуматься и прекратить борьбу являлся кровнымъ ему оскорбленіемъ и доказательствомъ явной неблагонадежности совѣтчика.

Однако, надо же было найти какой-нибудь выходъ. Его, какъ ему тогда, по крайней мѣрѣ, казалось, и нашель Левъ Толстой.

Левъ Толстой переживалъ въ эти годы тяжелый періодъ душевной ломки. Это былъ какъ разъ тотъ самый періодъ, которымъ раскалывается на двѣ части жизнь великаго писателя. Толстой до этого періода—это авторъ «Дѣтства и Отрочества», «Войны и

Мира“, „Анны Карениной“, Толстой послѣ этого періода, — это авторъ „Въ чемъ моя вѣра“, „Такъ что же намъ дѣлать“, „Царство Божіе“, „Воскресенье“. Въ этотъ періодъ была написана „Исповѣдь“, помѣченная двумя годами: 1879 и 1882.

Чуткимъ сердцемъ, истерзаннымъ тяжелой душевной борьбой, пытливымъ разумомъ, искушеннымъ сомнѣніями, великій писатель пришелъ къ мысли, что былъ одинъ человекъ, который послѣ событія 1-го марта могъ явиться въ качествѣ примирителя между двумя враждующими сторонами, могъ дать измученной родинѣ умиротвореніе. Такимъ человекомъ могъ быть, по мнѣнію Толстого, императоръ Александръ III.

Толстой отдѣлялъ царя отъ правительства. Правительство была борющаяся, ожесточенная, озлобленная сторона, — царь былъ въ сторонѣ, какъ символическая фигура, олицетворявшая идеи справедливости и милосердія.

Призывомъ ничего нельзя было добиться, однимъ призывомъ къ добру нельзя было прекратить борьбу, необходимо былъ примѣръ величайшаго милосердія и этотъ примѣръ долженъ былъ исходить отъ лица, обладавшаго въ глазахъ народа наибольшимъ авторитетомъ. Примѣръ милосердія долженъ былъ блеснуть съ высоты трона, его долженъ былъ подать самъ царь.

Событія сложились самымъ необыкновеннымъ образомъ. Царь являлся лицомъ пострадавшимъ, лицомъ обиженнымъ: у него убили отца. И царь, преклоняясь передъ евангельской заповѣдью всепрощенія и любви, простилъ бы своихъ враговъ. Примѣръ, какого не знаетъ вся исторія человечества. Такой примѣръ христіанской любви, проявленный царемъ, долженъ былъ явиться тѣмъ громовымъ ударомъ, который заставилъ бы прекратить борьбу, ввиду присутствія неизмѣримо высшей силы—любви.

Надо было убѣдить Александра III рѣшиться на такой безпримѣрный поступокъ. Между тѣмъ, онъ былъ совершенно неизвѣстнымъ человекомъ по своимъ нравственнымъ и умственнымъ качествамъ. Слухи о немъ ходили самые противоположные. Толстой не могъ не чувствовать, какая трудная задача лежитъ передъ нимъ, и въ то же время онъ не видѣлъ какого либо иного способа вырвать родину изъ заколдованнаго круга междуусобной борьбы.

Весь охваченный порывомъ религіознаго вдохновенія, Толстой начинаетъ искать уединенія, желая подготовиться къ трудной работѣ, отъ успѣха которой зависитъ не только жизнь нѣсколькихъ человекъ, но и спасеніе родины. Онъ, если не ошибаюсь, налагаетъ на себя кратковременный постъ, горячо молится и, наконецъ, вкладываетъ всѣ силы своего ума и таланта въ письмо къ Александру III.

Пятнадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ пришлось прочесть это письмо; я не знаю, какое бы оно произвело на меня впечатлѣніе теперь, но я хорошо помню, что въ то время трудно было удержаться отъ слезъ, — столько было въ немъ теплоты и

искренности. Толстой убѣждалъ императора простить убійцъ своего предшественника на тронѣ. Онъ убѣждалъ сына помиловать людей, убившихъ отца. Вѣрующему человѣку онъ напоминалъ о евангельскихъ завѣтахъ. Правителю онъ говорилъ о томъ огромномъ вліяніи, которое окажетъ на все человѣчество этотъ примѣръ милосердія. Я самъ, писалъ онъ, чувствую, что, какъ собака, буду преданъ Вамъ, если Вы явите этотъ примѣръ всепрощенія...¹⁾

Дѣло было сдѣлано, письмо было написано, но надо было найти способъ доставить письмо по адресу. На почту было трудно налѣяться, необходимо было найти лицо, близко стоящее къ Александру III, которое согласилось бы передать это письмо. Выборъ палъ на К. П. Побѣдоносцева.

Въ настоящее время такой выборъ можетъ показаться по меньшей мѣрѣ страннымъ. Побѣдоносцевъ и доброе дѣло. Призывъ къ милосердію и Побѣдоносцевъ... Въ то время личность Побѣдоносцева не вылилась еще для Толстого въ такія опредѣленныя формы. Побѣдоносцевъ былъ тогда для него лишь человѣкомъ, соприкасавшимся съ религіозными вопросами, ученымъ, переводчикомъ извѣстнаго сочиненія Ѳомы кемпійскаго «О подражаніи Христу» и придворнымъ, близко стоящимъ къ императору, и Толстой обратился именно къ нему.

Побѣдоносцевъ на отрѣзъ отказался передать письмо Александру III и мотивировалъ свой отказъ тѣмъ, что онъ смотритъ на Христа совершенно не такъ, какъ смотритъ Толстой. Для него Христосъ являлся въ какомъ-то ореолѣ силы и власти, гдѣ не было мѣста всепрощенію и кротости.

Письмо было все таки отправлено къ Александру III, хотя и другимъ путемъ. Кажется, оно было передано черезъ Черевина. Во всякомъ случаѣ оно дошло по назначенію.

Отвѣта не послѣдовало. Прошло нѣкоторое время, и участники событія 1-го марта были казнены. Какъ подѣйствовало на Александра III письмо Л. Н. Толстого, осталось неизвѣстнымъ. Впрочемъ, имѣется одно косвенное указаніе на, то что письмо не прошло совершенно безслѣдно.

Однажды, нѣкоторое время спустя послѣ указанныхъ событій, въ довольно тѣсномъ придворномъ кругу, въ присутствіи императора Александра III завязался разговоръ о послѣднихъ произведеніяхъ Л. Н. Толстого. Одни находили ихъ скучными, другіе считали нелѣпыми, третьи называли Толстого чудакомъ, четвертые говорили, что онъ просто выжилъ изъ ума и, конечно, его послѣднія произведенія не могутъ ни на кого имѣть вліянія.

Александръ III молчалъ и потомъ съ замѣтнымъ раздумьемъ произнесъ:

— А мнѣ кажется, что Толстой своими разсужденіями можетъ

¹⁾ Письмо это никогда еще опубликовано не было ни въ Россіи, ни за границей, ни на русскомъ, ни на иностранномъ языкахъ. Мы имѣемъ основаніе думать, что читатели прочтутъ его черезъ нѣкоторое время на страницахъ „Былого“. *Ред.*

производить очень, сильное впечатлѣніе не только на молодежь, но и на людей вполнѣ установившихся.

Можетъ быть, это замѣчаніе было отголоскомъ впечатлѣнія, произведеннаго письмомъ. Можетъ быть, почувствовавъ убѣдительную силу призыва къ милосердію, Императоръ обратился за разъясненіемъ къ своему излюбленному совѣтнику, и тотъ, отказавши ранѣе въ своей помощи дѣлу милосердія, нашелъ возможнымъ употребить свое вліяніе, чтобы расчистить осужденнымъ дорогу къ висѣлицѣ. Но, разумѣется, это лишь предположеніе.

А. Хирьяковъ.

**Заявленіе, посланное изъ Петропавловской крѣпости А. И. Желябовымъ.
на имя прокурора Спб. судебной палаты 2 марта 1881 г.¹⁾.**

Если новый государь, получая скипетръ изъ рукъ революціи, намѣренъ держаться въ отношеніи цареубійцъ старой системы, если Рысакова намѣрены казнить, было бы вопіющей несправедливостью сохранить жизнь мнѣ, многократно покушавшемуся на жизнь Александра II и не принявшему физическаго участія въ умерщвленіи его лишь по глупой случайности. Меня очень беспокоитъ опасеніе, что правительство поставитъ внѣшнюю законность выше внутренней справедливости и украситъ корону новаго монарха трупомъ юнаго героя лишь по недостатку формальныхъ уликъ противъ меня, ветерана революціи. Я протестую противъ такого исхода всѣми силами души и требую для себя справедливости. Только трусостью правительство могло бы объяснить одну висѣлицу, а не двѣ.

Въ январѣ и февралѣ я не разъ вель съ нимъ (Рысаковымъ) разговоръ о роли царей въ судьбахъ русскаго народа и въ связи съ этимъ, о необходимости ихъ уничтоженія вообще, если русскіе цари пожелаютъ остаться при старой системѣ управленія.

Андрей Желябовъ.

¹⁾ О заявленіи этомъ упоминается въ обвинительномъ актѣ и тамъ же приводятся изъ него отдѣльныя выраженія (въ той части обвинительнаго акта, которая цитируется въ статьѣ „1 марта—3 апрѣля 1881 года“, эти выраженія также приведены), но полностью заявленіе А. И. Желябова печатается въ первый разъ. Оно выписано непосредственно изъ дѣлопроизводства о событіи 1 марта защитникомъ одного изъ обвиняемыхъ по этому дѣлу и имъ ннѣ намъ передано. *Ред.*

Изъ рѣчей на судѣ

А. И. Желябова, Н. И. Кибальчича и С. Л. Перовской ¹⁾).

Желябовъ:—Г.г. судьи, дѣло всякаго убѣжденнаго дѣятеля дороже ему жизни. Дѣло наше здѣсь было представлено въ болѣе извращенномъ видѣ, чѣмъ наши личныя свойства. На насъ, подсудимыхъ, лежитъ обязанность, по возможности, представить цѣль и средства партіи въ настоящемъ ихъ видѣ.

Обвинительная рѣчь, на мой взглядъ, сущность нашихъ цѣлей и средствъ изложила совершенно неточно. Ссылаясь на тѣ же самые документы и вещественныя доказательства, на которыхъ г. прокуроръ основываетъ обвинительную рѣчь, я постараюсь это доказать. Программа рабочихъ послужила основаніемъ для г. прокурора утверждать, что мы не признаемъ государственнаго строя, что мы безбожники и т. д. Ссылаясь на точный текстъ этой программы рабочихъ, говорю, что мы государственники, не анархисты. Анархисты—это старое обвиненіе. Мы признаемъ, что правительство всегда будетъ, что государственность неизбѣжно должна существовать, поскольку будутъ существовать общіе интересы...

Мы—не анархисты, мы стоимъ за принципъ федеральнаго устройства государства, а какъ средство для достиженія такого строя—мы рекомендуемъ очень опредѣленныя учрежденія. Можно ли насъ считать анархистами?...

Я въ своемъ заявленіи говорилъ и отъ прокурора слышалъ, что наше преступленіе—событіе 1-го марта—нужно разсматривать, какъ событіе историческое, что это не фактъ, а исторія. И совершенно вѣрно... Я совершенно согласенъ съ прокуроромъ и думаю, что всякій согласится, что этотъ фактъ нельзя разсматривать особнякомъ, а что его нужно разсматривать въ связи съ другими фактами, въ которыхъ проявилась дѣятельность партіи. Обвинитель дѣлаетъ отвѣтственными за событіе 1-го марта не только наличныхъ подсудимыхъ, но и всю партію, и считаетъ самое со-

¹⁾ Изъ официальнаго отчета о процессѣ царевійцѣ.

бытіе логически вытекающимъ изъ цѣлей и средствъ, о какихъ партія заявляла въ своихъ печатныхъ органахъ...

Первоприсутствующій прерываетъ рѣчь и ставитъ Желябову рамки.

Желябовъ: Чтобы не выйти изъ рамокъ, вами опредѣленныхъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не оставить свое дѣло необороненнымъ, я долженъ остановиться на тѣхъ вещественныхъ доказательствахъ, на которыя здѣсь ссылался прокуроръ, а именно на разныя брошюры, напримѣръ на брошюру Морозова и литографированную рукопись, имѣвшуюся у меня. Прокуроръ ссылается на эти вещественныя доказательства. На какомъ основаніи? Во 1-хъ, литографированная программа социалистовъ-федералистовъ найдена у меня. Но вѣдь всѣ эти вещественныя доказательства въ данный моментъ у прокурора. Имѣю ли я основаніе и право сказать, что они суть плоды его убѣжденія, поэтому у него и находятся? Неужели одинъ лишь фактъ нахождения литографированной программы у меня свидѣтельствуетъ о томъ, что это мое собственное убѣжденіе? Во 2-хъ, Николай ¹⁾ Морозовъ написалъ брошюру. Я ее не читалъ; сущность ея я знаю; къ ней, какъ партія, мы относимся отрицательно, и просили эмигрантовъ не пускаться въ сужденіе о задачѣ русской социальнo-революціонной партіи, пока они заграницей, пока они безпочвенники. Насъ дѣлаютъ отвѣтственными за взгляды Морозова, служащіе отголоскомъ прежняго направленія, когда дѣйствительно нѣкоторые изъ членовъ партіи, узко смотрѣвшіе на вещи, въ родѣ Гольденберга, полагали, что вся наша задача состоитъ въ расчищеніи пути черезъ частыя политическія убійства. Для насъ, въ настоящее время, отдѣльные террористическіе факты занимаютъ только одно мѣсто въ ряду другихъ задачъ, намѣчаемыхъ ходомъ русской жизни...

Первоприсутствующій снова прерываетъ Желябова.

Желябовъ: Я говорилъ о цѣляхъ партіи. Теперь я скажу о средствахъ. Я желалъ бы предпослать прежде маленькой исторической очеркъ, слѣдуя тому пути, которымъ шелъ прокуроръ. Всякое общественное явленіе должно быть познаваемо по его причинамъ, и чѣмъ сложнѣе и серьезнѣе общественное явленіе, тѣмъ взглядъ на прошлое долженъ быть глубже. Чтобы понять ту форму революціонной борьбы, къ какой прибѣгаетъ партія въ настоящее время, нужно познать это настоящее въ прошедшемъ партіи, а это прошедшее имѣется; немногочисленно оно годами, но очень опытнымъ. Если вы, гг. судьи, взглянете въ отчеты о политическихъ процессахъ, въ эту открытую книгу бытія, то вы увидите, что русскіе народолюбцы не всегда дѣйствовали метательными ядрами, что въ нашей дѣятельности была юность, розовая, метательная, и если она прошла, то не мы тому виною... Мы, пере-

1) Въ отчетѣ о дѣлѣ 1-го марта до сихъ поръ всегда повторялась ошибка, сдѣланная въ первомъ отчетѣ,—вмѣсто „Николай Морозовъ“ было ошибочно написано „Виктор Морозовъ“.

Ред.

... пользу народа. В начал
... именно положение рабо
... социалистическую
... своимъ. И тѣмъ
... о многочисленныхъ
... время и сылокъ. Движе
... наследие, не революционное,
... участие въ этомъ самомъ
... прокуроромъ въ вину. Я
... которое несу въ насто
... мое отношене къ моей

... не былъ революционеромъ,
... моя задача была рабо
... социалистическихъ идей.
... политики касаясь я весьма
... году въ государственныхъ
... действительно анархистами.
... Въ рѣчи его есть много
... взятые частичками—
... периодовъ времени, и за

... совершенно произвольная,
... туманъ... Всѣ мои
... народъ, тѣмъ мой
... изировался. Я пере
... хенія. Этотъ пере
... жень буду пе
... тратно, закончу
... держанія: что
... Какимъ обра
... дь Европы.

... до.
... еслительный
... книжность,
... фе... оны—убѣ
... кен... что слѣ
... ния. остано
... а сл... пра
... мат... алисти
... . И... ъ... Мы
... и ду... ресовъ
... атриб... рису
... други... рта
... Обвин... по
... тольк... ва
... мое со... я
... ъ
... ъ

Тимофей Михайлович
МИХАЙЛОВЪ.

испытать разные способы дѣйствовать на пользу народа, въ началѣ 70-хъ годовъ избрали одно изъ средствъ, именно положеніе рабочаго челоуѣка, съ цѣлью мирной пропаганды социалистическихъ идей. Движеніе крайне безобидное по средствамъ своимъ, и чѣмъ оно окончилось? Оно разбилось исключительно о многочисленныя преграды, которая встрѣтило въ лицѣ тюремъ и ссылокъ. Движеніе совершенно безкровное, отвергавшее насиліе, не революціонное, а мирное—было подавлено. Я принималъ участіе въ этомъ самомъ движеніи, и это участіе поставлено мнѣ прокуроромъ въ вину. Я желаю выяснитъ характеръ движенія, за которое несу въ настоящее время отвѣтъ. Это имѣетъ прямое отношеніе къ моему защитѣ...

Въ 1873, 1874 и 1875 годахъ я еще не былъ революціонеромъ, какъ опредѣляетъ прокуроръ, такъ какъ моя задача была работать на пользу народа, ведя пропаганду социалистическихъ идей. Я насилія въ то время не признавалъ, политики касался я весьма мало, товарищи—еще меньше. Въ 1874 году въ государственныхъ воззрѣніяхъ мы въ то время были дѣйствительно анархистами. Я хочу подтвердить слова прокурора. Въ рѣчи его есть много вѣрнаго. Но вѣрность такова: въ отдѣльности, взятое частичками— правда, но правда, взятая изъ разныхъ періодовъ времени, и затѣмъ составлена изъ нея комбинація совершенно произвольная, отъ которой остается одинъ только кровавый туманъ... Всѣ мои желанія были дѣйствовать мирнымъ путемъ въ народѣ, тѣмъ не менѣе, я очутился въ тюрьмѣ, гдѣ и революціонизировался. Я перешелъ ко второму періоду социалистическаго движенія. Этотъ періодъ начинается... Но, по всей вѣроятности, я долженъ буду отказаться отъ мысли принципиальной защиты и, вѣроятно, закончу рѣчь просьбою къ первоприсутствующему такого содержанія: чтобы рѣчь прокурора была отпечатана съ точностью. Такимъ образомъ, она будетъ отдана на судъ общественный и судъ Европы.

Первоприсутствующій снова прерываетъ Желябова.

Желябовъ: Теперь я сдѣлаю еще попытку. Непродолжительный періодъ нахождения нашего въ народѣ показалъ всю книжность, все доктринерство нашихъ стремленій, а съ другой стороны—убѣдилъ, что въ народномъ сознаніи есть много такого, за что слѣдуетъ держаться, на чемъ до поры до времени слѣдуетъ остановиться. Считаю, что при тѣхъ препятствіяхъ, какія ставило правительство, невозможно провести въ народное сознаніе социалистическіе идеалы цѣлостью, социалисты перешли къ народникамъ... Мы рѣшились дѣйствовать во имя сознанныхъ народомъ интересовъ уже не во имя чистой доктрины, а на почвѣ интересовъ, присущихъ народной жизни, имъ сознаваемыхъ. Это отличительная черта народничества. Изъ мечтателей-метафизиковъ оно перешло въ позитивизмъ и держалось почвы—это основная черта народничества.

Дальше. Такимъ образомъ измѣнился характеръ нашей дѣятельности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и средства борьбы,—пришлось отъ слова перейти къ дѣлу. Вмѣсто пропаганды социалистическихъ идей

Тимофей Михайлович
МИХАЙЛОВЪ.

выступает на первый планъ агитаціонное возбужденіе народа во имя интересовъ, присущихъ его сознанію. вмѣсто мирнаго слова мы сочли нужнымъ перейти къ фактической борьбѣ. Эта борьба всегда соотвѣтствуетъ количеству накопленныхъ силъ. Прежде всего ее рѣшили пробовать на мелкихъ фактахъ. Такъ дѣло шло до 1878 г. Въ 1878 г. впервые, насколько мнѣ извѣстно, явилась мысль о борьбѣ болѣе радикальной, явились помыслы разсѣчь Гордѣвъ узель, такъ что событіе 1-го Марта по замыслу нужно отнести къ зимѣ 1877—1878 гг. Въ этомъ отношеніи 1878 г. былъ переходный, что видно изъ документовъ, напр., брошюры: «Смерть за смерть». Партія не уяснила еще себѣ вполне значенія политическаго строя въ судьбахъ русскаго народа, и хотя всѣ условія наталкивали ее на борьбу съ политическою системою...

Первоприсутствующій: Вы опять говорите о партіи...

Желябовъ: Я принималъ участіе въ ней...

Первоприсутствующій: Говорите только о себѣ.

Желябовъ: Все толкало меня, въ томъ числѣ, на борьбу съ правительственною системою. Тѣмъ не менѣе, я еще лѣтомъ 1878 г. находился въ деревнѣ, дѣйствуя въ народѣ. Въ зиму 1878—79 г. положеніе вещей было совершенно безвыходное, и весна 1879 г. была проведена мною на югѣ въ заботахъ, относившихся прямо къ этого рода предпріятіямъ. Я зналъ, что въ другихъ мѣстахъ товарищи озабочены тѣмъ же, въ особенности на сѣверѣ, что на сѣверѣ этотъ вопросъ даже породилъ расколъ въ тайномъ обществѣ, въ организаціи «Земли и Воли», что часть этой организаціи ставитъ себѣ именно тѣ задачи, какъ и я съ нѣкоторыми товарищами на югѣ. Отсюда естественно сближеніе, которое перешло на липецкомъ съѣздѣ въ сліяніе. Тогда сѣверяне, а затѣмъ часть южанъ, собравшись въ лицѣ своихъ представителей на съѣздѣ, опредѣлили новое направленіе. Рѣшенія липецкаго съѣзда были вовсе не такъ узки, какъ здѣсь излагалось въ обвинительной рѣчи. Основная положенія новой программы были таковы: политическій строй...

Первоприсутствующій: Подсудимый, я рѣшительно лишу васъ слова, потому что вы не хотите слѣдовать моимъ указаніямъ. Вы постоянно впадаете въ изложеніе теоріи.

Желябовъ: Я обвиняюсь за участіе на липецкомъ съѣздѣ...

Первоприсутствующій: Нѣтъ, вы обвиняетесь въ совершеніи покушенія подъ Александровскомъ, которое, какъ объясняетъ обвинительная власть, составляетъ послѣдствіе липецкаго съѣзда.

Желябовъ: Если только я обвиняюсь въ событіи 1-го марта и затѣмъ въ покушеніи подъ Александровскомъ, то въ такомъ случаѣ моя защита сводится къ заявленію: да, такъ какъ фактически это подтверждено. Голое признаніе факта не есть защита...

Первоприсутствующій: Отношеніе вашей воли къ этому факту...

Желябовъ: Я полагаю, что уясненіе того пути, какимъ развивалось мое сознаніе, идея, вложенная въ это предпріятіе...

Первоприсутствующій: Объясненіе вашихъ убѣжденій, вашего

личнаго отношенія къ этимъ фактамъ я допускаю. Но объясненія убѣжденій и взглядовъ партіи не допущу.

Желябовъ: Я этой рамки не понимаю.

Первоприсутствующій: Я прошу васъ говорить о себѣ, о своемъ личномъ отношеніи къ факту, какъ физическомъ, такъ и нравственномъ, объ участи вашей воли, о вашихъ дѣйствіяхъ.

Желябовъ: На эти вопросы коротко я отвѣчалъ въ началѣ судебного засѣданія. Если теперь будетъ мнѣ предоставлено говорить только такъ же кратко, зачѣмъ тогда повторяться и обременять вниманіе суда...

Первоприсутствующій: Если вы болѣе ничего прибавить не имѣете...

Желябовъ: Я думаю, что я вамъ сообщилъ скелетъ. Теперь желалъ бы я изложить душу...

Первоприсутствующій: Вашу душу, но не душу партіи.

Желябовъ: Да, мою. Я участвовалъ на липецкомъ съѣздѣ. Рѣшенія этого съѣзда опредѣлили рядъ событій, въ которыхъ я принималъ участіе и за участіе въ которыхъ я состою въ настоящее время на скамѣ подсудимыхъ. Поскольку я принималъ участіе въ этихъ рѣшеніяхъ, я имѣю право касаться ихъ. Я говорю, что намѣчена была задача не такая узкая, какъ говоритъ прокуроръ: повтореніе покушеній и, въ случаѣ неудачи, совершеніе удачнаго покушенія во что бы то ни стало. Задачи, на липецкомъ съѣздѣ поставленныя, были вовсе не такъ узки. Основное положеніе было такое, что социальнo-революціонная партія—и я въ томъ числѣ, это мое убѣжденіе—должна удѣлить часть своихъ силъ на политическую борьбу. Намѣченъ былъ и практической путь: это путь насильственнаго переворота путемъ заговора, и для этого организація революціонныхъ силъ въ самомъ широкомъ смыслѣ. До тѣхъ поръ я лично не видѣлъ надобности въ крѣпкой организаціи. Въ числѣ прочихъ социалистовъ я считалъ возможнымъ дѣйствовать, опираясь по преимуществу на личную инициативу, на личную предприимчивость, на личное умѣніе. Оно и понятно. Задача была такова: уяснить сознаніе возможно большаго числа лицъ, среди которыхъ живешь: организованность была нужна только для полученія такихъ средствъ, какъ книжки, и доставка ихъ изъ-за границы, печатаніе ихъ въ Россіи было также организовано. Все дальнѣйшее не требовало особой организованности. Но разъ была поставлена задача насильственнаго переворота, задача, требующая громаднхъ организованныхъ силъ, мы, и я между прочимъ, озаботились созиданіемъ этой организаціи въ гораздо большей степени, чѣмъ покушенія. Послѣ липецкаго съѣзда, при такомъ взглядѣ на надобность организаціи, я присоединился къ организаціи, въ центрѣ которой сталъ Исполнительный Комитетъ, и содѣйствовалъ расширенію этой организаціи: въ его духѣ я старался вызвать къ жизни организацію единую, централизованную, состоящую изъ кружковъ автономныхъ, но дѣйствующихъ по одному общему плану, въ интересахъ одной общей цѣли. Я буду резюмировать ска-

занное. Моя личная задача, цѣль моей жизни было служить общему благу. Долгое время я работалъ для этой цѣли путемъ мирнымъ и только затѣмъ былъ вынужденъ перейти къ насилію. По своимъ убѣжденіямъ я оставилъ бы эту форму борьбы насильственной, если бы только явилась возможность борьбы мирной, т.-е. мирной пропаганды своихъ идей, мирной организации своихъ сторонниковъ. Въ своемъ послѣднемъ словѣ, во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, я сказалъ бы еще слѣдующее: мирный путь возможенъ; отъ террористической дѣятельности я, на примѣръ, отказался бы, если бы измѣнились внѣшнія условія...

Когда Желябову предоставили сказать послѣднее слово на судѣ онъ заявилъ:

— Я имѣю сказать только одно: на дознаніи я былъ очень кратокъ, зная, что показанія, данныя на дознаніи, служатъ лишь цѣлямъ прокуратуры, а теперь я сожалею и о томъ, что говорилъ здѣсь, на судѣ.—Больше ничего!..

Н. И. Кибальчичъ подробно изложилъ въ связномъ разсказѣ стремленія тайнаго общества, принявшаго наименованіе «Народной Воли», и причины, которыя, по мнѣнію его, заставили лицъ социалистическаго образа мыслей перейти отъ мирной пропаганды къ политической борьбѣ, выразившейся въ послѣднее время въ террористической формѣ. Между прочимъ, онъ сказалъ:

«Въ 1874 и 1875 годахъ, когда преобладающимъ настроеніемъ въ партіи явилось желаніе идти въ народъ, слиться съ народною массою, отречься отъ среды, въ которой мы были воспитаны, я тоже чувствовалъ и раздѣлялъ взгляды этого направленія. Вѣроятно, я бы осуществилъ свою задачу, если бы этому не помѣшала арестъ. Конечно, если бы не тотъ арестъ, если бы не строгія мѣры властей по отношенію къ дѣятелямъ, ходящимъ въ народъ, то я бы ушелъ въ народъ и былъ бы до сихъ поръ тамъ. Цѣли, которыя я ставилъ, были отчасти культурнаго характера, отчасти социалистическаго, а именно—поднять умственный и нравственный уровень массы, развить общинные инстинкты и наклонности, которые существуютъ въ народѣ, до социалистическихъ инстинктовъ и привычекъ. Я былъ остановленъ арестомъ. Если бы обстоятельства сложились иначе, если бы власти отнеслись, такъ сказать, патриархально, что ли, къ дѣятельности партіи, то ни крови, ни бунта, конечно, теперь не было бы. Мы всѣ не обвинялись бы теперь въ царевубійствѣ, а были бы среди городского и крестьянскаго населенія. Ту изобрѣтательность, которую я проявилъ по отношенію къ метательнымъ снарядамъ, я, конечно, употребилъ бы на изученіе кустарнаго производства, на улучшеніе способа обработки земли, на улучшеніе сельскохозяйственныхъ орудій и т. д.»

Затѣмъ, подсудимый заявилъ, что ему остается повторить сущность переданныхъ въ обвинительномъ актѣ обстоятельствъ, и на предложеніе первоприсутствующаго подтвердить таковыя, показалъ:

«Видя обостреніе борьбы правительства съ партіей и предвидя, что ей придется прибѣгать къ такимъ средствамъ, на которыя

она раньше не рѣшалась, я рѣшился запастись тѣми техническими и химическими свѣдѣніями, которыя для этого нужны. Я прочиталъ все, что могъ достать на русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ, касающееся литературы взрывчатыхъ веществъ, старался идти, такъ сказать, au courant науки по данному вопросу, и все время, когда велась эта борьба, пока являлась необходимость для партіи въ техническихъ свѣдѣніяхъ, я содѣйствовалъ въ этомъ отношеніи партіи. Такимъ образомъ, я участвовалъ въ покушеніяхъ подъ Москвою, Александровскомъ и Одессою и вмѣстѣ съ другими лицами принималъ участие въ изготовленіи снарядовъ. Затѣмъ, пріѣхавъ въ Одессу, я занимался подготовленіемъ веществъ, необходимыхъ для взрыва. О московскомъ покушеніи я только зналъ, что оно должно совершиться. Относительно александровскаго покушенія мое участие ограничивалось доставленіемъ туда спирали, которая не пошла въ дѣло. Затѣмъ я переѣхалъ въ Петербургъ. Всякій разъ, когда являлась надобность приготовить динамитъ, я участвовалъ въ этомъ. Но нужно замѣтить, что мое участие въ террористической дѣятельности ограничивалось исключительно научною техническою сферою. Я говорю это не для того, чтобы снимать съ себя часть обвиненія, а просто по чувству справедливости. Я не принималъ участія въ обсужденіи вопроса о томъ, какимъ образомъ произвести взрывъ, и гдѣ и какіе люди будутъ въ этомъ участвовать. Мое участие было чисто научное. Я даже не зналъ относительно взрыва 5-го февраля, что такой взрывъ будетъ. Я принималъ участие въ приготовленіи динамита для этого взрыва, но о самомъ взрывѣ и о формѣ его я узналъ только изъ газетъ. Точно также чувство справедливости побуждаетъ меня заявить, что въ изготовленіи метательныхъ снарядовъ, т. е. въ изобрѣтеніи идеи, въ приспособленіяхъ участвовалъ не я одинъ. Эта была скорѣе коллективная работа».

Первоприсутствующій: Для суда необходимо знать, приготовляя динамитъ и снаряды, знали вы, что они предназначаются для этой цѣли?

Кибальчичъ: Да, конечно, это не могло не быть мнѣ извѣстно. Я зналъ и не могъ не знать. Я долженъ повторить еще то, что сказалъ относительно своего участія въ минѣ на Малой Садовой. Я не принималъ тамъ участія въ подкопѣ, и вся моя задача ограничивалась научными и техническими совѣтами и указаніями и затѣмъ устройство за пала. Такъ, я долженъ былъ рѣшить вопросъ, какое количество динамита въ минѣ на Малой Садовой должно быть употреблено для того, чтобы, во-первыхъ, достигнуть предполагаемой цѣли, а во-вторыхъ—не принести никакого вреда частнымъ лицамъ, которыя находились бы на тротуарѣ, а тѣмъ болѣе въ домахъ. Я обсуждалъ этотъ вопросъ и рѣшилъ, что употребленное количество динамита было, такъ сказать, минимальнымъ, которое необходимо для того, чтобы достигнуть цѣли и не принести ущерба частнымъ лицамъ.

О своемъ фактическомъ отношеніи къ событію 1-го марта я

говорилъ уже раньше. Теперь, пользуясь правомъ слова, мнѣ представленнымъ, я скажу о своемъ нравственномъ отношеніи, о томъ логическомъ пути, по которому я пришелъ къ извѣстнымъ выводамъ. Я, въ числѣ другихъ социалистовъ, признаю право каждого на жизнь, свободу, благосостояніе и развитіе всѣхъ нравственныхъ и умственныхъ силъ человѣческой природы. Съ этой точки зрѣнія ишеніе жизни человѣка, и не съ этой только, но и вообще съ человѣческой точки зрѣнія—является вещью ужасною. Г. прокуроръ въ своей рѣчи, блестящей и красивой, заявилъ сомнѣніе на мое возраженіе, высказанное раньше, что для меня лично и для партіи вообще желательно прекращеніе террористической дѣятельности и направленіе силы партіи исключительно на дѣятельность другую; онъ выставилъ въ частности меня и вообще партію—лицами, проповѣдующими терроръ для террора, выставилъ лицами, предпочитающими насильственныя дѣйствія мирнымъ средствамъ только потому, что они насильственныя... Какая это странная, невѣроятная любовь къ насилию и крови! Мое личное желаніе и желаніе другихъ лицъ, какъ мнѣ извѣстно, мирное рѣшеніе вопроса...

Г. Прокуроръ говорилъ, что весьма важно выясненіе нравственной личности подсудимаго. Я полагаю, что то, что я говорю, относится къ характеристикѣ моей нравственной и умственной личности, если я заявляю свое мнѣніе объ извѣстныхъ существенныхъ вопросахъ, которые теперь волнуютъ всю Россію и обращаютъ на себя вниманіе. Я внимательно слѣдилъ за рѣчью г. прокурора, а именно за тѣмъ, какъ онъ опредѣляетъ причину революціоннаго движенія, и вотъ что я вынесъ: произошли реформы, всѣ элементы были передвинуты, въ обществѣ образовался негодный осадокъ, этому осадку нечего было дѣлать, и, чтобы изобрѣсти дѣло, этотъ осадокъ изобрѣлъ революцію. Вотъ отношеніе г. прокурора къ этому вопросу. Теперь въ отношеніи къ вопросу о томъ, какимъ же образомъ достигнуть того, чтобы эти печальныя событія, которыя всѣмъ извѣстны, больше не повторялись, какъ вѣрное для этого средство—имъ указывается на то, чтобы не давать никакихъ послабленій, чтобы карать и карать; но, къ сожалѣнію, я не могу согласиться съ г. прокуроромъ въ томъ, чтобы рекомендованное имъ средство привело къ желательному результату».

С. Л. Перовская: Я признаю себя членомъ партіи «Народной Воли» и агентомъ «Исполнительнаго Комитета». Относительно взглядовъ, которыхъ придерживается партія «Народной Воли» и которыхъ придерживаюсь и я, въ дополненіе къ словамъ моего товарища, я замѣчу только одно: партія „Народной Воли“ отнюдь не считаетъ возможнымъ навязывать какія бы то ни было учрежденія или общественныя формы народу и обществу и полагаетъ, что народъ и общество рано или поздно примутъ эти взгляды и осуществятъ ихъ въ жизни. Что касается до фактической стороны, то я дѣйствительно признаю, что, по порученію „Исполнительнаго Комитета“, какъ его агентъ, принимала участіе въ покушеніи подѣ

Москвою 19-го ноября 1879 г. и въ покушеніи 1-го марта нынѣшняго года...

Много, очень много обвиненій сыпалось на насъ со стороны г. прокурора. Относительно фактической стороны обвиненій я не буду ничего говорить,—я всѣ ихъ подтвердила на дознаніи, но относительно обвиненія меня и другихъ въ безнравственности, жестокости и пренебреженіи къ общественному мнѣнію, относительно всѣхъ этихъ обвиненій я позволю себѣ возразить и сошлюсь на то, что тотъ, кто знаетъ нашу жизнь и условія, при которыхъ намъ приходится дѣйствовать, не броситъ въ насъ ни обвиненія въ безнравственности, ни обвиненія въ жестокости*.

Письмо А. И. Желябова къ М. П. Драгоманову ¹⁾.

Понедѣльникъ, 12 мая 1880 г.

Многоуважаемый Михаилъ Петровичъ!

Два раза пришлось намъ встрѣтиться, теперь приходится писать, и все при обстоятельствахъ крайне своеобразныхъ. Помню первую встрѣчу въ 1873 году въ Кіевѣ, на квартирѣ Х. и У. Сидитъ кучка старыхъ, престарыхъ нигилистовъ за сапожнымъ столомъ, сосредоточенно изучая ремесло. То знаменіе «движенія въ народъ» для жизни честной, трудовой... Программа журнала «Впередъ» прочтена и признана за желательное. «Но какова-то дѣйствительность?» спрашивалъ себя каждый и спѣшилъ погрузиться въ невѣдомое народное море. Да, славное было время!... Наступила зима 1875—76 г. Тюрьмы переполнены народомъ; сотни жизней перебиты; но движеніе не унялось; только приѣмъ борьбы переѣнился, и на смѣну пропаганды научнаго социализма, умудренные опытомъ, выдвинули бойцы на первый планъ агитацію словомъ и дѣломъ на почвѣ народныхъ требованій. Въ то же время всколыхнулась украинская громада и, вѣрная своему основному принципу народолюбства,—замыслила цѣлый рядъ предприятий на пользу родной Украины. Въ эту зиму Вы пріѣхали въ NN... и мы повидались съ Вами вторично... Много ли времени ушло, подумаешь, а сколько переѣнъ!... Взять хоть бы этотъ уголокъ...—Я видѣлъ расцвѣтъ тамошней громады, ея живыя начинанія. Медленно, но непрерывно сливались тамъ въ одно два революціонные потока—обще-русскій и украинскій; не федерація, а единство было недалеко, и вдругъ... все пошло прахомъ. Соблазнились старики выгодой легальнаго положенія, медлили покинуть насиженные гнѣзда и погибли для борьбы, славные люди, погибли начинанія. На мѣстѣ ихъ грубое насиліе нагло праздновало побѣду. Но что смутило торжество злорадныхъ, нагнало панику на нихъ? Не совѣсть ли проснулась въ гонителяхъ безо-

¹⁾ Письмо это, послѣ смерти А. И. Желябова, было напечатано въ журналѣ „Вольное Слово“, а затѣмъ вмѣстѣ съ небольшимъ предисловіемъ къ нему М. И. Драгоманова издано отдѣльною брошюрою подъ заглавіемъ „Къ біографіи Желябова“. Мы перепечатаваемъ его здѣсь, ибо убѣждены, что множеству читателей, не видя на двукратное уже напечатаніе за границею этого письма (въ самомъ началѣ 80-хъ годовъ, т. е. свыше 20 лѣтъ тому назадъ), оно совершенно неизвѣстно, а между тѣмъ въ немъ очень ярко отражаются взгляды и самая личность А. И. Желябова. *Ред.*

щадныхъ? То остатки народниковъ-революціонеровъ начали наступленіе, но уже по новому плану борьбы. Трусливые тираны инстинктивно познали, что слабое мѣсто ихъ открыто, что власть и самая жизнь ихъ—на кону. Какъ звѣрь, почувствовавшій глубокую рану, стало правительство рвать и метать, не разбирая своихъ и чужихъ, а Дамокловъ мечъ по прежнему недосягаемо, грозно виситъ надъ его головой... Пришло раздумье на начальство: не поступиться ли? Правительству стало яснымъ положеніе его: всѣ считаютъ дни его сочтенными; нравственной поддержки ему ни отъ кого; только трусость, своекорыстіе и неспособность къ солидарному дѣйствию въ однихъ, да расхожденіе въ пониманіи задачъ между другими удерживаютъ правительство отъ паденія. Своевременно уступить подъ благовиднымъ предлогомъ—таково требованіе политики; но не того хочетъ властолюбивый старикъ и, по слухамъ, его сынъ. Отсюда двойственность, колебаніе во внутренней политикѣ. Въ расчетѣ лишить революцію поддержки, Лорисъ родитъ упованія; но, безсильный удовлетворить ихъ, приведетъ лишь къ пушему разочарованію. Какой удобный моментъ для введенія итоговъ! А между тѣмъ все молчать; молчать, когда активное участіе къ дѣлу революціи всего обязательнѣе, когда два-три толчка, при общей поддержкѣ, и правительство рухнетъ. Отъ общества, всегда дряблага, многого требовать нельзя; но русскіе революціонеры, какой процентъ изъ нихъ борется активно? Расхожденіе въ пониманіи ближайшихъ задачъ...

Неужто и вы, Михаилъ Петровичъ, не признаете близкихъ реальныхъ выгодъ для народа отъ нашей борьбы? Этого не можетъ быть: за насъ Ваши литературныя произведенія, Ваша отзывчивость на живое дѣло, Ваша склонность найти практической исходъ. Къ сожалѣнію, недосугъ, а также расходы на неотложныя дѣла мѣшали поѣздкамъ нашимъ съ цѣлями организационными и, въ частности, для защиты своей программы. Съ проваломъ типографіи мы лишились возможности разъяснить ее путемъ печати. Выходитъ въ результатѣ, что комментаторами ея вообще, а за границей чуть ли не исключительно являются лица, отрицающія ее вполне или въ значительной мѣрѣ. А намъ крайне интересно было бы знать Ваше личное мнѣніе о программѣ, и было бы очень хорошо, если Вы пришлете критику ея черезъ ZZ, пока не будутъ установлены межъ нами непосредственныя отношенія, а, можетъ быть, и сотрудничество Ваше въ «Народной Волѣ». Это первое, о чемъ пишу я по порученію товарищей. Второе: Вы, конечно, согласитесь склонять общественное мнѣніе Европы въ нашу пользу, о чемъ подробно сообщитъ податель письма. Третье: Ваше положеніе, какъ представителя украинскаго революціоннаго направленія, какъ дѣятеля, извѣстнаго въ Россіи, какъ революціонера съ исключительнымъ прошлымъ, обязываетъ Васъ, Михаилъ Петровичъ, принять дѣятельное участіе въ злобѣ дня родной страны. Вѣдь не даромъ же на Украинѣ многіе зовутъ Васъ «батькой!» А что дѣлаютъ они? И кто повиненъ кромѣ нихъ? Насъ, убѣж-

денныхъ автономистовъ, винять въ централизмъ... за Учредительное Собрание. Во первыхъ, не хотять понять, что Учредительное Собрание въ нашихъ глазахъ только ликвидационная коммисія, а, во вторыхъ, можно ли въ программу ближайшихъ требованій вносить такія, за которыми нѣтъ реальной поддержки, а есть изступленные враги? Гдѣ наши фени, Парнелль? Таково положеніе вещей, что исходишь отъ реальныхъ интересовъ крестьянства, признаешь его экономическое освобожденіе за существеннѣйшее благо, а ставишь ближайшей задачей требованія политическія, видишь спасеніе въ распаденіи имперіи на автономныя части и требуешь Учредительнаго Собранія. Не велика заслуга предъ отечествомъ аскета хранителя общественнаго идеала. Мы, по крайней мѣрѣ, предпочли быть мірянами.

Еще одна просьба къ Вамъ, Михаилъ Петровичъ! Не согласитесь ли Вы быть хранителемъ нашего Архива? Матерьяль тамъ весьма цѣнный для исторіи современнаго движенія, а между тѣмъ онъ проваливается здѣсь чуть ли не періодически. Храненіе это мы предлагаемъ Вамъ на слѣдующихъ условіяхъ: 1) право собственности на архивъ остается за нами; ни одна вещь оттуда не можетъ быть отчуждена; 2) въ отношеніи пользованія матеріалъ будетъ подѣленъ на двѣ части, изъ коихъ одной можете пользоваться свободно; другая связана съ живыми людьми и текущими дѣлами; пользоваться ей Вы могли бы, получивъ въ каждомъ частномъ случаѣ наше согласіе; 3) передать архивъ на храненіе можете съ нашего согласія; 4) узнавать насъ (редакцію «Народной Воли») по паролю, зашифрованному нами ключемъ, Вамъ извѣстнымъ...

Къ портрету А. И. Желябова.

Не взирая на всѣ наши старанія, фотографической карточки А. И. Желябова намъ достать не удалось, и мы помѣщаемъ его портретъ съ карандашнаго рисунка, сдѣланнаго однимъ лицомъ съ натуры въ залѣ суда, въ которой происходилъ процессъ Желябова и его товарищей. Лица, близко знавшія Желябова, находятъ, что рисунокъ имѣетъ большое сходство съ оригиналомъ; тѣмъ не менѣе,—это не фотографія, и мы обращаемся къ нашимъ читателямъ съ просьбою доставить намъ для воспроизведенія карточку Желябова. Такой карточкой, какъ оказывается, не располагаетъ и департаментъ полиціи, не имѣвшій, впрочемъ, понятія о существованіи на свѣтѣ и того карандашнаго рисунка, копию съ котораго мы помѣщаемъ въ этой книжкѣ. По крайней мѣрѣ, въ изданной департаментомъ полиціи на французскомъ языкѣ всего въ 100 экземплярахъ (tiré à 100 exemplaires) подъ редакцію товарища министра внутреннихъ дѣлъ генераль-лейтенанта Шебеко (redigée sous la direction de l'Adjoint du Ministre de l'intérieur, le lieutenant-général Schébéco) книгѣ «Chronique du mouvement socialiste en Russie 1878—1887» XI+761 ps. Imprimerie officielle du Ministère de l'intérieur, à St.-Petersbourg. 1890) и разсылавшейся издателями особо высокопоставленнымъ лицамъ при надписи „Confidentiel et exclusivement personel“, напечатаны о Желябовѣ такія строки:

«Ses traits et son extérieur ne purent être conservés pour la postérité, car une fois détenu, il ne consentit jamais à se faire photographier, et fit les plus grandes contorsions et grimaces en posant devant l'appareil. Il n'existe de lui qu'un petit médaillon paru dans le „Calendrier de la Volonté du Peuple pour 1883“ fait d'après un croquis, crayonné de memoire par un de ses affiliés». (стр. 319). Далѣе авторы книги критикуютъ появившійся въ «Календарѣ Народной Воли» медальонъ, находя, что онъ «ne ressemblait point à l'original» и описываютъ этотъ «original», какъ «doué d'une physiognomie vivace, énergique, brutal et grossière, type d'une organisation forte et robuste, à la tête habituée au commandement, avec un rire ouvrant deux rangées de dents éclatantes, une espèce de bandit terroriste, qui se forme peu à peu, à la suite d'une activité prolongée dans les té-

**Андрей Иванович
ЖЕЛЯБОВЪ.**

(Съ рисунка, сдѣланиаго карандашомъ съ натуры
во время суда).

nébres sinistres du crime» (*ibid*), но это прекрасное словие департаментских писцовъ представляетъ уже для читателей, конечно, мало интереса. Фактъ тотъ, что Шебеко и К^о говорятъ совсѣмъ о другомъ портретѣ, нежели тотъ, который нынѣ нами помѣщается. Кто видѣлъ портретъ Желябова въ «Календарѣ Народной Воли», — дѣйствительно очень плохой профиль, — тому не нужно доказательствъ; для не видѣвшихъ же его можно сослаться хотя бы на то, что сами департаментскіе писцы, описывая это изображение, говорятъ, что оно (изображеніе) „ne présente qu'un profil“.

Ред.

Мой арестъ въ 1881 году.

На дняхъ мнѣ пришлось прочесть въ одной газетѣ воспомина- нія неизвѣстнаго мнѣ лица о мартовскихъ событіяхъ 1881 года и въ частности о моемъ арестѣ въ Петербургѣ. Воспоминанія эти полны невѣрностей, и вотъ что случилось со мною въ дѣйстви- тельности передъ событіемъ 1 марта.

Пріѣхаль я въ послѣдній разъ въ Петербургъ въ концѣ января 1881 года и остановился въ меблированныхъ комнатахъ Миссуро на углу Невского и Караванной. На другой день по пріѣздѣ, мнѣ нужно было узнать адресъ у одного моего знакомаго, который служилъ въ конторѣ паровой хлѣбопекарни, на Васильевскомъ островѣ. Выйдя изъ дому и пройдя два-три квартала, я взялъ извозчика и отправился на Васильевскій островъ. Пробывъ съ четверть часа у знакомаго, я вышелъ и увидѣлъ, что съ моимъ извозчикомъ разговариваетъ подозрительный человекъ. Догадав- шись, что это агентъ полиціи, освѣдомляющійся у извозчика о мѣстѣ, откуда онъ меня привезъ, я сѣлъ въ сани и поѣхалъ въ университетъ. Расплатившись съ извозчикомъ, я не раньше вышелъ изъ университета, какъ пробывши тамъ довольно продолжительное время.

Я не ошибся. Въ тотъ же день я узналъ, что за посѣтите- лями конторы паровой хлѣбопекарни наблюдаютъ. Послѣ этого вплоть до 25-го февраля я ничего особеннаго не замѣчалъ. Утромъ 25-го февраля я обратилъ вниманіе на своего сосѣда по квартирѣ, носившаго флотскую форму отставнаго капитана. Его предупреди- тельность въ оказываніи мнѣ мелкихъ домашнихъ услугъ была настолько подозрительна, что я рѣшилъ перемѣнить квартиру. Но этому не суждено было сбыться.

Впослѣдствіи стало извѣстно, что рядомъ съ той комнатой, которую я занималъ, былъ помѣщенъ шпіонъ. Еще осенью 1880 года я получилъ извѣстіе изъ Крыма, что меня тамъ разыскиваютъ, но званіе помощника присяжнаго повѣреннаго было такъ удобно для конспиративной дѣятельности, что безъ солид- ныхъ причинъ мнѣ не хотѣлось стать нелегальнымъ. Меркуловъ хотя и былъ уже арестованъ, но тогда еще не началъ выдавать. 27-го февраля я вернулся домой отъ Николая Евгеньевича Су- ханова въ половинѣ седьмого вечера. Черезъ полчаса входитъ ко мнѣ Желябовъ и, поздоровавшись, говоритъ: „У тебя въ корридорѣ, кажется, полиція“. Желая узнать въ чемъ дѣло, я сейчасъ же вышелъ въ корридоръ, но едва успѣлъ сказать,— Катя (служанка), принесите самоваръ,—какъ былъ подхваченъ со всѣхъ сторонъ толпою людей, выбѣжавшихъ изъ противопо- ложнаго пустого номера. Меня отвели въ пустой номеръ, гдѣ

сейчасъ же и обыскали. Одновременно былъ арестованъ Желябовъ въ моемъ номерѣ. Минуть черезъ 20 каждого изъ насъ посадили съ конвоемъ въ отдѣльную карету и повезли въ канцелярію градоначальника. Градоначальникомъ въ то время былъ Федоровъ. Тамъ же присутствовалъ товарищъ прокурора судебной палаты, состоящій при департаментѣ полиціи, — Добржинскій. Послѣ обычныхъ вопросовъ градоначальникъ спросилъ меня: «какъ фамилія товарища вашего, котораго у васъ арестовали?» На это я ему отвѣтилъ— „потрудитесь обратиться съ этимъ вопросомъ къ моему товарищу; въ такихъ учрежденіяхъ я не имѣю обыкновенія говорить о другихъ и отвѣчать за другихъ“. На вопросъ товарища прокурора Добржинскаго „какъ вы могли проживать подъ своимъ именемъ въ то время, когда мы васъ давно разыскиваемъ“, я сказалъ, что состою помощникомъ присяжнаго повѣреннаго при Одесскомъ окружномъ судѣ, и найти меня было весьма легко. Въ десятомъ часу вечера насъ повезли въ тѣхъ же каретахъ въ домъ предварительнаго заключенія. Здѣсь, въ конторѣ, въ ожиданіи управляющаго домомъ, который долженъ былъ принять насъ подъ росписку, встрѣтились мы съ Желябовымъ въ послѣдній разъ. Онъ успѣлъ мнѣ сказать, что лишь только онъ вошелъ въ канцелярію градоначальника, какъ товарищъ прокурора Добржинскій встрѣтилъ его восклицаніемъ: „Желябовъ, да это вы!“ Желябовъ не нашелъ нужнымъ это отрицать. Добржинскій зналъ Желябова по Одессѣ въ то время, когда Желябовъ привлекался по процессу 193-хъ. По этому процессу Желябовъ былъ оправданъ, но, по возвращеніи въ Одессу, онъ состоялъ подъ надзоромъ полиціи. Мы обнялись, и насъ развели по камерамъ... Я зналъ Желябова съ 5-го класса Керченской гимназіи, куда я перешелъ изъ Симферопольской гимназіи. Одновременно мы окончили гимназію и поступили въ Новороссійскій университетъ на юридическій факультетъ. На 2-мъ курсѣ, по поводу исторіи съ профессоромъ славянскихъ законодательствъ Богишичемъ, душою которой былъ Желябовъ, онъ былъ высланъ административнымъ порядкомъ въ Керчь. Во время исторіи меня въ Одессѣ не было. Приѣзжалъ я уже наканунѣ отправки на пароходѣ Желябова въ Керчь. На пристани собрались почти всѣ студенты Новороссійскаго университета и масса посторонней публики провожать Желябова. Въ періодъ моей революціонной дѣятельности я часто съ нимъ встрѣчался. Я зналъ близко Желябова и постараюсь со временемъ возстановить образъ этого замѣчательнаго революціоннаго дѣятеля освободительнаго движенія. Заканчиваю. Въ ночь съ 1-го на 2-ое марта перевезли меня изъ дома предварительнаго заключенія въ Петропавловскую крѣпость. Въ моей квартирѣ взяли около 200 номеровъ „Народной Воли“. Въ карманѣ у меня нашли рукопись „О провинціальныхъ революціонныхъ организаціяхъ и отношеніи ихъ къ центральной организаціи“.

М. Тригопи.

Андрей Ивановичъ Желябовъ.

(Отрывки изъ воспоминаній) ¹⁾.

Послѣ оправдательнаго приговора по «Большому процессу» (193-хъ), длившемуся съ 18 октября 1877 г. по 23 января 1878 г., *Андрей Ивановичъ Желябовъ*, съ цѣлью пропаганды, лѣто 1878 г. провель въ Подольской губерніи, въ качествѣ бахчевода, а осенью того же года переѣхаль въ Одессу, гдѣ я съ нимъ и познакомился.

По происхожденію, А. И. былъ крестьянинъ Таврической губерніи, Феодосійскаго уѣзда, деревни Николаевки, но Одесса для него была во многихъ отношеніяхъ роднымъ городомъ. Благодаря своей талантливости, рѣдкой энергіи и трудоспособности, онъ самъ себѣ прокладываетъ дорогу изъ деревни до университета: окончивъ гимназію, А. И. поступилъ въ Новороссійскій университетъ, откуда въ 1872 г., въ возрастѣ 21-го года былъ удалень „за безпорядки“ по извѣстному въ свое время дѣлу профессора-слависта Богишича.

Помимо университета, А. И. связанъ былъ съ Одессою и своимъ бракомъ: онъ былъ женатъ на дочери бывшаго одесскаго головы С. С. Яхненко. Вотъ это послѣднее обстоятельство и послужило первою причиною знакомства моего съ А. И. Дѣло въ томъ, что въ 1875 году я былъ приглашенъ учителемъ въ школу при сахарномъ заводѣ Яхненко и Симиренко, при чемъ сталъ въ очень близкія отношенія съ послѣднимъ семействомъ и особенно съ Л. П. Симиренко. Представители семейства Яхненко, какъ родственники Симиренко, пріѣзжали изъ Одессы въ Городище, Кіевской губерніи,—въ 6-ти верстахъ отъ котораго расположенъ былъ сахарный заводъ,—и въ томъ числѣ бывала, кажется, и жена А. И., Ольга Семеновна Яхненко, хорошая пѣвица и піанистка. Я говорю „кажется“, такъ какъ точно не помню, гдѣ я впервые познакомился съ женою Желябова, но, во всякомъ случаѣ, какъ съ С. С. Яхненко, такъ и съ его семействомъ, — главнымъ образомъ, съ дочерьми — Ольгою Семеновною, и ея сестрою Натальею Семеновною, — я познакомился, вѣроятно, при посредствѣ семейства Симиренко и много ранѣе, чѣмъ съ Желябовымъ.

Мнѣ приходилось бывать въ Одессѣ и ранѣе 1878 г. и помню, что тогда уже я посѣщаль Наталью Семеновну Яхненко, которая

¹⁾ Эти „отрывки“, прежде чѣмъ отправить въ „Былое“, я послалъ на просмотръ Л. П. Симиренко, который внесъ въ нихъ поправки и дополненія. *И. Б.*

жила «на башнѣ» у Строгановскаго моста. Когда Л. П. Симиренко въ 1878 г. перевелся изъ Кіевскаго университета въ Новороссійскій и поселился въ г. Одессѣ, скоро и я переѣхалъ туда, при чемъ мы жили въ одной съ нимъ квартирѣ. Въ это время и произошло мое знакомство съ Желябовымъ, какъ съ родственникомъ моего пріятеля Л. П. Симиренко. Съ перваго же раза А. И. произвелъ на меня сильное впечатлѣніе и глубоко врѣзался въ моей памяти. Какъ сейчасъ вижу его внѣшній обликъ: ясные голубые глаза, открытый лобъ, небольшая окладистая борода, коренастая выше средняго роста фигура, гордая осанка, порывистая нервная походка.

Широко образованный и начитанный, онъ въ то же время былъ прекрасный ораторъ и всегда говорилъ съ большимъ увлеченіемъ и непоколебимою убѣжденностью въ справедливости тѣхъ взглядовъ, которые онъ защищалъ. Въ этотъ періодъ А. И. былъ еще ярый народникъ-пропагандистъ, и, слушая его горячую защиту чисто пропагаторской дѣятельности среди народа, никто бы не повѣрилъ, что всего черезъ годъ онъ будетъ уже однимъ изъ самыхъ видныхъ членовъ партіи «Народной Воли», а черезъ три года—будетъ приговоренъ къ смертной казни за дѣятельное участіе въ дѣлѣ 1-го марта. Дальше мы скажемъ о причинѣ такой эволюціи въ міросозерцаніи Желябова, а сейчасъ постараемся, насколько позволитъ память, сообщить еще нѣкоторыя данныя изъ описываемаго періода жизни А. И. въ Одессѣ. Онъ пользовался большою популярностью и уваженіемъ въ этомъ городѣ, энергично велъ пропаганду своихъ идей и приводилъ ихъ въ осуществленіе съ упорствомъ и настойчивостью, соотвѣтствовавшими его необыкновенно твердому характеру.

Между прочимъ, онъ и отъ жены своей требовалъ «сближенія съ народомъ».

Добрая Ольга Семеновна не могла не подчиниться властному призыву своего мужа, но это «сближеніе» было для нея мучительнымъ дѣломъ. Она сама мнѣ какъ-то говорила, что, работая на огородѣ (должно быть, въ родной Желябову Николаевкѣ), она, лежа на межѣ, «плакала, вспоминая о роялѣ». Сообщала ли объ этомъ Ольга Семеновна Андрею Ивановичу, не знаю, но, думаю, такой мотивъ показался бы ему смѣшнымъ, потому что благо народа, какъ его понималъ Желябовъ, было самою существенною и, пожалуй,—единственною цѣлью его жизни.

У насъ (т. е. у меня и Л. П. Симиренко) съ нимъ велись горячіе споры на тему о благѣ народа, разное нами понимаемомъ. Я переѣхалъ на жительство въ Одессу послѣ трехъ лѣтъ учительства, во время котораго имѣлъ возможность довольно близко познакомиться съ деревнею и результатами пропаганды. Такая дѣятельность лично меня уже не удовлетворяла и казалась безполезною.

Ужасающая безграмотность, тьма, невѣжество и безправіе крестьянскаго населенія совершенно парализовали пропагаторскую работу, тѣмъ болѣе, что правительственныя репрессіи лишали воз-

возможности свободной работы въ деревнѣ. Для меня уже тогда начинало выясняться, что безъ политической свободы трудно, если не невозможно, что-нибудь сдѣлать для народа. Конспиративная, тайная дѣятельность, не говоря уже о громадномъ %-ѣ жертвъ, захватывала такіе ничтожные круги населенія, что, въ сущности говоря, овчинка не стоила выдѣлки. Между тѣмъ при политической свободѣ эта работа принимала совершенно иной характеръ, причемъ само населеніе выступало на сцену въ качествѣ полноправныхъ гражданъ. Желябовъ же продолжалъ еще вѣрить въ пропаганду, какъ въ таковую, и на этой почвѣ у насъ происходили споры. Но споры эти въ общемъ носили совершенно мирный характеръ, и за все время пребыванія въ Одессѣ Желябовъ чуть не ежедневно посѣщалъ нашу студенческую квартиру. Бывали и мы у него. Онъ жилъ тогда съ женою, и у него былъ маленькій сынъ, тоже Андрей, очень, какъ помню, похожий на отца. Впрочемъ, знакомство наше было непродолжительное. Весною 1879 года я случайно уѣхалъ за границу и скоро по возвращеніи былъ арестованъ и затѣмъ одновременно съ Л. П. Симиренко высланъ въ Восточную Сибирь, гдѣ прожилъ до осени 1886 года. Слѣдовательно, въ моментъ рѣзкой эволюціи, происшедшей съ Желябовымъ, когда онъ изъ народника превратился въ горячаго народо-вольца, я и Симиренко нѣ были въ Россіи. Но родственники послѣдняго писали намъ въ Сибирь, что А. И. «совершенно измѣнился». Въ чемъ заключалось это «измѣненіе», они не сообщали, да, несомнѣнно, и не знали, а догадывались по чисто внѣшнимъ признакамъ, онъ бросилъ пропагандорскую дѣятельность и весною 1879 года, когда были получены точныя свѣдѣнія объ ожидавшихъ его арестѣ и административной высылкѣ, перешелъ на нелегальное положеніе.

Изъ показаній А. И. на судѣ, по дѣлу 1-го марта, вполне выясняется причина измѣненій взглядовъ Желябова. «Я долго былъ въ народѣ,—говорилъ А. И.,—работалъ мирнымъ путемъ, но вынужденъ былъ оставить эту дѣятельность по той причинѣ, на которую указалъ Кибальчичъ. Оставляя деревню, я понималъ, что главный врагъ партіи народолюбцевъ-соціалистовъ—власти».

А Кибальчичъ, на котораго ссылался Желябовъ, выяснилъ это очень хорошо ¹⁾.

Вотъ въ чемъ, значитъ, заключались причины рѣзкой эволюціи Желябова, и разъ онъ пришелъ къ убѣжденію, «что главный врагъ партіи народолюбцевъ-соціалистовъ—власти», то можно было напередъ предсказать, что Желябовъ ни передъ чѣмъ не остановится, чтобы очистить препятствіе, мѣшающее ему достигнуть цѣли его жизни—блага народа, какъ онъ его понималъ. Съ момента вступленія его въ ряды «соціально-революціонной партіи» онъ проявлялъ просто неестественную энергію, что отмѣтилъ и обвинитель Н. В. Муравьевъ, бывший тогда лишь товарищемъ прокурора С.-Петер-

¹⁾ См. вышенапечатанную рѣчь Кибальчича на судѣ.

бургской Судебной палаты и затѣмъ опредѣлившій свою карьеру процессомъ 1-го марта. Несмотря на то, что Желябовъ былъ арестованъ до царевубійства, 27-го февраля, г. Муравьевъ, «говоря языкомъ закона», нужно думать, совершенно вѣрно охарактеризовалъ его, какъ «главнаго виновника, зачинщика». Вообще обвинитель, при всемъ своемъ понятномъ желаніи умалить личность Желябова, все же не могъ не охарактеризовать его, какъ выдающагося человѣка.

«Конечно,—между прочимъ, говорилъ Муравьевъ,—мы не послѣдуемъ за умершимъ Гольденбергомъ, который, въ своемъ увлеченіи, называлъ Желябова личностью высоко развитою и гениальною. Мы, согласно желанію Желябова, не будемъ преувеличивать его значенія, дадимъ ему надлежащее мѣсто, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, отдадимъ ему и справедливость, сказавъ, что онъ былъ созданъ для роли вожака-злодѣя въ этомъ дѣлѣ». Въ другомъ мѣстѣ г. Муравьевъ характеризуетъ поразительную энергію Желябова: «уже липецкій съѣздъ, лѣтомъ 1879 года, въ числѣ наиболѣе вліятельныхъ членовъ своихъ, видитъ и Желябова: Прямо со съѣзда онъ отправляется въ Харьковъ и здѣсь, въ сентябрѣ 1879 г., руководить сходками, происходящими между молодежью, на нихъ читаетъ лекціи, произноситъ рѣчи извѣстнаго содержанія и участвуетъ въ составленіи плановъ будущихъ дѣйствій; смыслъ же, революціонное значеніе этихъ дѣйствій, опредѣляются присланнымъ въ Харьковъ изъ Петербурга динамитомъ. Въ ноябрѣ 1879 года устраивается взрывъ полотна близъ г. Александровска, и день неудавшагося взрыва 18 ноября 1879 года застаётъ Желябова не только въ рядахъ первыхъ бойцовъ царевубійства, но и непосредственнымъ организаторомъ предпринимаемыхъ съ этою цѣлью злодѣйскихъ приготовленій.... Въ 1880 году мы находимъ Желябова въ Петербургѣ, въ качествѣ агента Исполнительнаго Комитета.... Желябовъ называетъ себя агентомъ третьей степени, агентомъ ближайшимъ къ комитету, агентомъ съ большимъ довѣріемъ. Но я полагаю, что со стороны Желябова это не лишняя скромность, и что если существуетъ соединеніе, присвоивающее себѣ названіе Исполнительнаго Комитета, то въ рядахъ этого соединенія почетное мѣсто принадлежитъ подсудимому Желябову, и не напрасно думалъ Рысаковъ, что совершеніе 1 марта приметъ на себя одинъ изъ членовъ Исполнительнаго Комитета. Понятно, впрочемъ, что сознаться въ принадлежности къ Исполнительному Комитету, значитъ сказать: вы имѣете предъ собою дѣятеля перваго ранга и вашимъ приговоромъ вы исключаете изъ революціонныхъ рядовъ крупную силу, одного изъ самыхъ видныхъ сподвижниковъ партіи». Такъ говорилъ товарищъ прокурора г. Муравьевъ.

3-го апрѣля 1881 г., въ 9 ч. 15 м. утра, въ С.-Петербургѣ, на Семеновскомъ плацу Андрей Ивановичъ Желябовъ, 30 лѣтъ отъ роду, былъ повѣшенъ.

Погибла въ этотъ день громадная умственная и нравственная сила, погибла въ расцвѣтѣ лѣтъ, погибла, благодаря ужасающему

полицейско-бюрократическому режиму, который насильно толкает людей на преступление, а потом вѣшаетъ и разстрѣливаетъ ихъ. Слезы выступаютъ на глазахъ, когда читаешь слѣдующее показаніе Желябова на судѣ: «Если вы, г.г. судьи, заглянете въ отчеты о политическихъ процессахъ, то вы увидите, что русскіе народолюбцы не всегда дѣйствовали метательными снарядами, что *въ нашей дѣятельности была юность, розовая, мечтательная, и если она прошла, то не мы тому виною*». Къ этому я могу добавить, какъ уже и говорилъ, что еще въ 1878 году и въ началѣ 1879 г. А. И. находился въ періодѣ «юности, розовой и мечтательной», и лишь въ этомъ послѣднемъ, ужасномъ году, когда пошли невѣроятные аресты, ссылки и казни, особенно на югѣ Россіи, онъ вступилъ на тотъ путь, который привелъ его къ висѣлицѣ.

Закончимъ наше воспоминаніе небольшимъ, но очень характернымъ свѣдѣніемъ. У жены Желябова потребовали, чтобы она измѣнила свою и сына фамилію, и она, какъ и сынъ, послѣ казни А. И., стали носить фамилію Яхненко.

И. П. Бѣлоконскій.

Воспоминанія о С. Л. Перовской ¹⁾.

Въ первый разъ я увидѣла Софью Львовну Перовскую лѣтомъ 1875 г. въ Москвѣ при слѣдующихъ обстоятельствахъ: идя по Никольскому бульвару, я встрѣтила свою знакомую Н. А. Армфельдъ и остановилась на нѣсколько минутъ, чтобы поговорить съ ней. Подъ руку съ ней шла какая-то дѣвушка, скромно одѣтая въ темное платье и такую же простую шляпку. Она была очень миловидна и моложава; рядомъ съ Армфельдъ ²⁾, отличавшейся гигантскимъ ростомъ, ея фигурка казалась миниатюрной. Я приняла ее за дѣвочку-подростка и мало обратила на нее вниманія. На другой день я снова встрѣтила ее въ обществѣ Армфельдъ и Батюшковой ³⁾, но встрѣчи эти были такъ мимолетны, что я даже не помню, познакомились ли мы съ ней въ этотъ разъ, но фигура и милое личико этой дѣвушки остались у меня въ памяти.

Новая встрѣча съ этой особой произошла въ залѣ Петербургскаго Окружнаго Суда въ 1877 году, куда я была приведена подъ конвоемъ жандармовъ въ числѣ другихъ подсудимыхъ по процессу 193-хъ.

Зала суда въ этотъ день представляла собою невиданное зрѣлище: нѣсколько подсудимыхъ, которые считались «опасными», сидѣли на возвышенномъ мѣстѣ, которое тутъ же было названо «Голгоѳой»,—остальные подсудимые размѣстились по всей залѣ. Большинство изъ нихъ провели въ одиночномъ заключеніи отъ

¹⁾ Мои воспоминанія о С. Л. Перовской написаны давно, но я смотрю на нихъ лишь какъ на матеріалъ для біографіи. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы другія лица дополнили мой матеріалъ и чтобы кто-нибудь изъ близкихъ Перовской людей взялся обработать его и составить полную біографію. Въ настоящее время по разнымъ городамъ Россіи живетъ много людей, близко знавшихъ Софью Львовну и даже бывшихъ ея друзьями. Есть такіе, которые могутъ сообщать о раннемъ періодѣ ея жизни, мнѣ мало извѣстномъ; другіе расскажутъ о послѣднемъ годѣ ея жизни передъ арестомъ и т. д. Трудно вести переговоры съ каждымъ изъ нихъ въ отдаленности и потому я рѣшаюсь послѣдовать совѣту редакціи „Былого“. — напечатать свой матеріалъ, чтобы положить начало полной біографіи.

Авторъ.

Воспоминанія эти принадлежатъ Софьѣ Андреевнѣ Ивановой-Борейша, арестованной при взятіи жандармами типографіи „Народной Воли“ 17 января 1880 года и осужденной по „процессу 16-ти“ (Квятковскій, Прѣснаковъ, Степанъ Шяряевъ и др.) въ каторжныя работы. *Ред.*

²⁾ Осуждена въ каторжныя работы по дѣлу Антонова, Дебагоріо-Мокривича и др. въ Кіевѣ и умерла на Карѣ въ 1887 г. *Ред.*

³⁾ Осуждена на поселеніе по процессу 50-ти. Умерла въ 1894 г. *Ред.*

трехъ до четырехъ лѣтъ, и каждый былъ ошеломленъ въ буквальномъ смыслѣ, попавъ въ такое большое общество; правда, сидѣвшіе въ «Предварилкѣ» имѣли между собой сообщенія и даже за послѣднее время могли говорить другъ съ другомъ, крича въ окна и бесѣдуя въ «клубахъ»¹⁾, но это все-таки не то, что видѣть людей передъ собою и говорить съ ними самымъ обыкновеннымъ способомъ, какъ говорятъ всѣ люди «на волѣ». Каждый искалъ въ толпѣ своихъ знакомыхъ и старался наговориться какъ можно больше. Съ незнакомыми надо было познакомиться и узнать, кто эти товарищи по скамьѣ подсудимыхъ. Общее дѣло «о пропагандѣ въ 36 губерніяхъ» было сшито мастерской рукой прокурора Желиховскаго, но несмотря на это, многіе изъ подсудимыхъ не только не были знакомы между собой, но даже ровно ничего не знали другъ о другѣ. Разумѣется, это не относилось къ тѣмъ, которые составляли отдѣльные группы и кружки. Были и такія группы, которыя имѣли между собою связь и даже имѣли общихъ руководителей; но въ общемъ все-таки была масса незнакомыхъ между собой людей, которыхъ прокурору необходимо было выставить, какъ «преступное сообщество».

Въ залѣ стоялъ невообразимый гулъ отъ разговоровъ, несмотря на звонки предсѣдателя, призывавшаго къ порядку. Среди множества незнакомыхъ лицъ я снова увидѣла ту дѣвочку-подростка, съ которой встрѣчалась въ Москвѣ. Каково же было мое удивленіе, когда я узнала, что это была Софья Львовна Перовская, та самая, о которой я много слышала, какъ объ одномъ изъ видныхъ дѣятелей кружка чайковцевъ. Я знала, что кружокъ чайковцевъ организовалъ петербургскихъ рабочихъ, и Перовская въ этомъ дѣлѣ играла не послѣднюю роль. Она была арестована вмѣстѣ съ другими пропагандистами, но противъ нея не было серьезныхъ уликъ, и обвиненія, по счастливой случайности, были такъ слабы, что даже прокуроръ Желиховскій счелъ возможнымъ не только освободить ее на поруки, но даже не арестовывать ее снова передъ судомъ, какъ это было сдѣлано съ другими подсудимыми, бывшими на порукахъ. Такимъ образомъ, она могла являться на судъ въ качествѣ подсудимой, живя на волѣ. Это не помѣшало ей, однако, присоединиться къ тѣмъ изъ товарищей, которые назывались «протестантами»,—они отказались отъ суда и не пожелали принимать въ немъ никакого участія. Такъ какъ я была тоже «протестанткой», то въ залѣ суда мнѣ не пришлось присутствовать долго, и Софью Львовну я снова увидѣла только по окончаніи суда, когда она стала являться къ намъ на общія свиданія. Она была въ числѣ оправданныхъ судомъ. На женскомъ отдѣленіи «предварилки» тоже освободили массу народа, такъ что тамъ осталось всего шесть человѣкъ, которыхъ, въ ожиданіи высылки по приговору суда, держали довольно свободно: кто желалъ, могъ помѣщаться въ общей

¹⁾ Клубами назывались ватеръ-кюзеты, черезъ трубы которыхъ можно было разговаривать. С. И.

камерѣ, а кто оставался въ одиночныхъ,—ходили обѣдать, или просто проводить время, въ общую. Свиданія разрѣшались не только съ родными, но и со знакомыми, такъ что всѣ освобожденные, которые оставались въ Петербургѣ, считали долгомъ посѣщать насъ. Въ концѣ концовъ ихъ стали прямо пускать въ нашу общую камеру, которая поэтому стала представлять собою два раза въ недѣлю настоящей салонъ. Женщины, какъ это всегда бываетъ въ дѣлахъ посѣщенія тюрьмы, особенно старались окружить насъ вниманіемъ; имъ было совѣстно, какъ говорили нѣкоторыя, что онѣ пользуются свободой въ то время, какъ мы сидимъ подъ замкомъ. Намъ старались приносить побольше новостей съ воли, книгъ, газетъ, лакомствъ. Софья Львовна была изъ самыхъ старательныхъ. Я особенно помню одно посѣщеніе, когда она пришла сообщить намъ непріятную новость о томъ, что наши товарищи, приговоренные къ каторгѣ и сидѣвшіе въ Петропавловской крѣпости, увезены неожиданно въ Харьковскую центральную тюрьму. Тутъ, какъ извѣстно, случилось небывалое дѣло: судъ самъ ходатайствовалъ передъ верховной властью о замѣнѣ каторги ссылкой на поселеніе въ Сибирь, адвокаты увѣряли, что не бывало такихъ случаевъ, чтобы ходатайство суда не было уважено, и потому всѣ осужденные и ихъ родственники свыклись съ мыслью о томъ, что они пойдутъ на поселеніе. И вдругъ пришла вѣсть, что ходатайство не уважено, нѣкоторымъ объявлено, чтобы они собирались въ Сибирь на каторгу, а пятеро изъ нашихъ товарищей спѣшно увезены въ «централку». Это извѣстіе подѣйствовало на всѣхъ удручающимъ образомъ. Всѣмъ было тяжело и не хотѣлось говорить о постороннихъ предметахъ. Я видѣла, что у Перовской подергиваются губы и подбородокъ, и она дѣлаетъ надъ собою усилія, чтобы скрыть слезы. Но она быстро овладѣла собой и начала торопясь сообщать намъ другія новости, чтобы отвлечь наше вниманіе.

Поближе познакомиться съ Софьей Львовной мнѣ пришлось уже въ 1879 году, когда мы обѣ снова жили въ Петербургѣ, примкнувъ къ партіи Народной Воли. Я уже успѣла побывать въ ссылкѣ, она же вернулась, даже не побывавъ въ ней. Вотъ какъ это случилось: всѣхъ оправданныхъ и освобожденныхъ по процессу 193-хъ правительствомъ рѣшило въ одинъ прекрасный день выслать изъ Петербурга административнымъ порядкомъ, а тѣхъ, которые жили въ провинціи—прикрѣпить къ мѣсту, не позволяя имъ выѣзжать безъ разрѣшенія начальства. Перовскую тоже рѣшили выслать въ одну изъ сѣверныхъ губерній. Ее повезли по желѣзной дорогѣ два жандарма. Ночью оба они уснули, сидя на вокзалѣ, въ ожиданіи поѣзда (названія станціи не помню). Вѣроятно, молодая барышня съ такимъ добродушнымъ и милымъ лицомъ не внушала имъ опасеній. Барышня же, замѣтивъ, что стража спитъ, задумала этимъ воспользоваться. Чтобы не разбудить своихъ спутниковъ, она сняла башмаки и, неся ихъ въ рукѣ, осторожно вышла изъ комнаты, гдѣ они помѣшались. Черезъ нѣсколько времени она дожда-

лась поѣзда, идущаго въ Петербургъ, и благополучно помѣстилась въ одномъ изъ вагоновъ. Удивленію ея петербургскихъ друзей не было границъ, когда она явилась къ нимъ въ квартиру. Однако, ее уговорили на время уѣхать изъ Петербурга.

Лѣтомъ 1879 года Перовская опять появилась въ Петербургѣ, гдѣ въ это время произошло раздѣленіе организаціи «Земля и Воля» на двѣ самостоятельныя группы. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ практики большинство этой партіи пришло къ тому заключенію, что при данныхъ условіяхъ соціалистическая пропаганда въ народѣ невозможна, и что поэтому необходима борьба за политическую свободу, для чего однимъ изъ средствъ выдвигался терроръ. Считали нужнымъ добиться такого положенія вещей, при которомъ была бы возможна пропаганда соціалистическихъ идей какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ. Кромѣ того, многочисленныя приговоры къ смертной казни по политическимъ процессамъ, которые сыпались какъ разъ въ это время, тоже вынуждали партію дать отпоръ правительству. Такимъ образомъ, значительная часть силъ партіи настаивала на необходимости вступить въ непосредственную борьбу съ правительствомъ, тогда какъ другая часть ея, не признавая политической борьбы и во многомъ не согласная съ первой, выдѣлилась въ группу «Черный Передѣлъ». При раздѣленіи партіи «Земли и Воли» на двѣ самостоятельныя группы неизбѣжно возникли несогласія и неудовольствія, которыя были, конечно, непріятны для обѣихъ сторонъ, но особенно сильно отзывались эти несогласія на людяхъ съ болѣе чуткой душой, къ числу каковыхъ всегда принадлежала Софья Львовна. Она на время какъ бы ушла въ себя и объявила, что она пока не примкнетъ ни къ одной изъ группъ, но будетъ имѣть дѣло съ Исполнительнымъ Комитетомъ, входя съ нимъ въ соглашеніе по каждому отдѣльному случаю. Но какъ человѣкъ живой и очень дѣятельный, она не могла долго оставаться въ этой роли и очень скоро сдѣлалась полноправнымъ членомъ партіи «Народной Воли», тѣмъ болѣе, что къ этому времени силы партіи увеличились, и она, во главѣ съ Исполнительнымъ Комитетомъ, намѣтила сразу нѣсколько крупныхъ предпріятій. Члены партіи привѣтствовали вступленіе Перовской, потому что ее тогда уже высоко цѣнили всѣ близко знавшіе ее товарищи.

Объ ея участіи въ дѣлѣ взрыва подъ Москвою я говорить не стану, такъ какъ объ этомъ подробно разсказано въ «Подпольной Россіи» Степняка. На другой же день послѣ взрыва она была уже въ Петербургѣ и, когда ея друзья совѣтовали ей на время скрыться и уѣхать если не за границу, то хоть въ какое-нибудь глухое мѣсто, она отвѣчала только смѣхомъ, не признавая никакихъ опасностей. Въ серьезныхъ дѣлахъ, особенно когда дѣло касалось другихъ людей, Софья Львовна бывала очень осторожна и осмотрительна, но если рѣчь шла объ ея собственной особѣ, она отличалась поразительной безпечностью и никогда не думала объ опасностяхъ; эта черта особенно располагала къ ней людей. Какъ сейчасъ вижу ея маленькую подвижную фигурку, которая послѣ-

вала всюду, не производя при этомъ ни малѣйшей суеты. Организуя какое-нибудь серьезное дѣло, она умѣла держать себя такъ просто, что мало знавшіе ее люди никогда не заподозрили бы въ ней дѣлового человѣка. Причина тому была не одна только конспиративность: на всякомъ поприщѣ есть такіе работники, которые умѣютъ работать легко; это не значить, конечно, что они относятся по своему дѣлу не серьезно, а просто, благодаря большимъ способностямъ, легко справляются съ дѣломъ и въ большинствѣ случаевъ имѣютъ бодрый и веселый видъ.

Чувство долга было развито въ Перовской очень сильно, но она никогда не была педанткой; напротивъ, въ свободное время она очень любила поболтать, а хохотала она такъ звонко и заразительно, по дѣтски, что всѣмъ окружавшимъ ее становилось весело. Общительность ея была такъ велика, что она ухитрялась повидаться съ товарищами несмотря на массу дѣлъ. Надо сказать, что Софья Львовна предпочитала общество женщинъ, говоря, что съ ними она чувствуетъ себя проще. Впрочемъ, она не смотрѣла на эти свиданія какъ только на препровожденіе времени, и высказывала не разъ, что, по ея мнѣнію, всѣмъ намъ необходимо сходиться хоть изрѣдка для обмѣна мыслей по поводу текущихъ дѣлъ, иначе мы сдѣлаемся слишкомъ большими специалистами. Она знала, что многіе изъ насъ тяготеютъ той замкнутой жизнью, которую они вынуждены вести въ силу взятыхъ на себя обязательствъ. Товарищескія чувства были въ ней сильно развиты, и она была всегда внимательна къ своимъ ближнимъ. Партийныя собранія, которыя устраивались изрѣдка, мало удовлетворяли ее въ этомъ смыслѣ: во первыхъ, они, въ силу конспиративныхъ соображеній, не могли повторяться часто, а во вторыхъ, они имѣли слишкомъ дѣловой характеръ. Она была большая мастерица придумывать способы повидаться съ друзьями на нейтральной почвѣ. Напримѣръ, я нѣсколько разъ получала въ ту зиму отъ нея черезъ кого-нибудь изъ знакомыхъ билетъ въ театръ и, приходя туда, я находила Перовскую и еще кого-нибудь изъ нашихъ общихъ друзей. Въ антрактахъ мы успѣвали наговориться досыта и, въ концѣ концовъ, всѣ оставались довольны. Правда, на насъ ворчалъ за это Александръ Дмитріевичъ Михайловъ, который считалъ такіе наши поступки очень легкомысленными, ибо всѣ мы были нелегальными людьми и рисковали быть узанными кѣмъ-либо изъ полицейскихъ или жандармовъ, но уваженіе его въ Софѣ Львовнѣ было такъ велико, что онъ ей не противорѣчилъ даже въ тѣхъ случаяхъ, если приглашеніе посылалось именно черезъ него. Ко мнѣ Михайловъ былъ неумолимо строгъ, потому что я въ это время была хозяйкой типографіи, за которую онъ вѣчно боялся. «Дяденька», какъ звали мы его, такъ слѣдилъ за моими выходами «въ свѣтъ», что я могла бы серьезно сердиться, если бы не знала, что къ себѣ онъ относится еще строже, чѣмъ къ другимъ. Мы смѣясь говорили, что душа «дяденьки» только тогда бываетъ спокойна, когда всѣ наши типографшики сидѣли дома; иначе ему представлялось, что

насъ могутъ выслѣдить шпіоны, и тогда пропало столь дорогое учрежденіе. Зная, что я иногда терплю притѣсненія отъ Александра Дмитриевича, Софья Львовна устраивала мнѣ выходы и назначала свиданія у кого-нибудь изъ знакомыхъ. Въ такихъ случаяхъ я иногда приносила ей письма отъ ея матери, которую она очень любила. Ее мучило, что, живя въ нелегальномъ положеніи, она не могла вести съ ней правильную переписку. Я устроила ей такъ, что мать ея, жившая въ Крыму, адресовала письма на имя одной моей знакомой барышни, а та передавала мнѣ.

Я была арестована въ началѣ 1880 года, раньше многихъ другихъ моихъ товарищей, и узнавала о томъ, что дѣлается на волѣ, лишь изрѣдка, случайно; родственниковъ у меня въ Питерѣ не было, и я не имѣла ни съ кѣмъ свиданій. Неофіціальныя сношенія съ волей устраивать было трудно. Время было горячее, и дѣятельность партіи «Народной Воли» была настолько кипуча, что заботиться объ арестованныхъ не было никакой возможности; дѣло это предоставлялось организаціи «Краснаго Креста» или родственникамъ. Здѣсь какъ на войнѣ: выбывшіе изъ строя не могли ждать помощи отъ товарищей, тѣмъ болѣе, что большинство ихъ находилось въ «нелегальномъ» положеніи. Тѣмъ цѣннѣе было ихъ вниманіе и заботливость, проявлявшаяся въ отдѣльныхъ случаяхъ. Время отъ времени мнѣ удавалось получать записочки отъ товарищей съ воли, что было для меня настоящимъ праздникомъ. Но однажды привѣтствіе было получено въ совершенно неожиданной формѣ: въ день моихъ именинъ я получила букетъ живыхъ цвѣтовъ и коробку сладостей. Такъ какъ до этого времени я съ воли офіціальнымъ путемъ ничего не получала, то меня это очень заинтересовало. Перебирая въ умѣ тѣхъ, кто могъ послать все это, я невольно вспомнила Софью Львовну—это было такъ на нее похоже, но какъ могла она придти сюда? Потомъ оказалось, что она придумала послать эти вещи съ посыльнымъ, взятымъ съ улицы. Черезъ нѣсколько дней я получила записку съ воли, въ которой меня спрашивали, между прочимъ, получила ли я посылку отъ Софьи, которая пріѣзжала въ Питеръ на нѣсколько дней и придумала такой способъ передачи мнѣ привѣта. Ей очень хотѣлось бы знать, достигла ли она цѣли? Видѣться съ Софьей Львовной мнѣ больше не пришлось, а послѣдній ея привѣтъ я получила уже послѣ приговора по дѣлу 1-го марта, когда всѣ осужденные сидѣли въ домѣ Предварительнаго Заключенія. Изъ крѣпости ихъ перевезли наканунѣ суда, но они были окружены такой усиленной стражей, что завязать сношенія съ кѣмъ-либо изъ нихъ не было возможности. Послѣ приговора въ камерѣ Перовской былъ поставленъ жандармъ, который слѣдилъ за входившими туда надзирательницами. У меня была надежда завести сношенія, чтобы исполнить какое-нибудь ея порученіе и вообще оказать ей послѣднюю услугу, но за ней постоянно слѣдили, и входъ къ ней имѣли только избранныя начальствомъ надзирательницы. Между приговоромъ и казнью прошло,

кажется, два дня, и это было страшно тяжелое время. Но у меня все таки не пропадала надежда, что приговоръ измѣнятъ, хотя бы только относительно женщинъ. Самое мучительное состояніе для меня началось, когда я узнала, что вечеромъ наканунѣ казни къ ней прислали священника для бесѣды. Не помню даже, какъ мнѣ передавали,—отказалась ли она говорить со священникомъ, или приняла его,—для меня это было признакомъ того, что надежды нѣтъ никакой. Всю ночь я не спала, а рано утромъ узнала, что уже появились дроги, которые должны увезти осужденныхъ, и я слышала за стѣной во дворѣ глухой стукъ этихъ колесницъ. Потомъ мнѣ спѣшно передали, что Перовскую уже повели *отъезжать* въ контору Д. П. З. Потомъ я должна была прислушиваться, когда колесницы снова загремятъ во дворѣ... Конечно, легче было бы не знать этихъ подробностей, но искушеніе спросить и узнать что-нибудь о нихъ было такъ велико и состояніе мое такъ мучительно... Безсильная злоба отъ сознанія, что я не только не могу ничѣмъ предотвратить того ужаснаго дѣла, которое сейчасъ должно совершиться, но даже не могу выразить своего протеста и негодованія. Состояніе было мучительное. Съ тѣхъ поръ прошло уже 24 года, но я такъ ясно помню и чувствую то, что переживала тогда, что и теперь воспоминаніе объ этомъ ужасномъ днѣ заставляетъ меня содрагаться.

За всѣ эти дни, пока Перовская сидѣла въ «Предварилкѣ», мнѣ удалось получить отъ нея только привѣтъ на словахъ, переданный одной доброй феей. Но мнѣ удалось узнать кое-что о томъ, какъ Софья Львовна проводила свой послѣдній день. Говорили, что она была очень спокойна, но блѣдна и слаба физически. Это и не удивительно, такъ какъ за послѣднее время на волѣ она часто хворала. Ея письмо къ матери, которое приводится у Степняка, было написано наканунѣ смерти и, къ слову сказать, безцеремонно прочитано дежурными надзирательницами. Руководило ими, конечно, только праздное любопытство, но письмо произвело на всѣхъ сильное впечатлѣніе и внушило къ автору уваженіе. Въ общемъ мнѣ пришлось слышать много выраженій удивленія ея мужеству и спокойствію.

Софья Иванова.

Арестъ Н. Г. Чернышевскаго.

Въ 1862 году Николай Гавриловичъ Чернышевскій жилъ близъ Владимирской церкви, въ Большой Московской улицѣ, въ первомъ этажѣ дома Есауловой, числящагося въ настоящее время подъ № 4. Въ июль, 7 числа, мнѣ нужно было спросить Николая Гавриловича о чемъ-то касательно печатанія сочиненій Добролюбова, и я около часу пополудни отправился къ нему, засталъ его дома, нашель его въ его кабинетѣ, гдѣ мы и переговорили съ нимъ о дѣлѣ, по которому я пришелъ къ нему, и потомъ разговоръ нашъ перешель на разные другіе посторонніе предметы. Николай Гавриловичъ жилъ тогда въ квартирѣ одинъ съ прислугой, такъ какъ его семья, жена и два сына, уѣхали въ Саратовъ. Спустя полчаса къ намъ явился докторъ Петръ Ивановичъ Боковъ, и мы трое, уже не помню почему, изъ кабинета перешли въ залъ. Мы сидѣли, мирно и весело бесѣдовали, какъ вдругъ въ передней раздался звонокъ, такъ, около двухъ съ половиной часовъ. Мы подумали, что это пришелъ кто-нибудь изъ знакомыхъ лицъ, и продолжали разговаривать. Но вотъ въ залъ, дверь въ который вела прямо изъ передней, явился офицеръ, одѣтый въ новый съ иголочки мундиръ, но, кажется, не жандармскій,—такъ какъ онъ былъ не небеснаго голубого цвѣта, а чернаго, —преземистый и съ неприятнымъ выраженіемъ лица. Войдя въ залъ, онъ сказалъ, что ему нужно видѣть г-на Чернышевскаго. Николай Гавриловичъ выступилъ ему навстрѣчу, говоря: я — Чернышевскій, къ вашимъ услугамъ. — Мнѣ нужно поговорить съ вами наединѣ, сказалъ офицеръ. — А, въ такомъ случаѣ пожалуйста ко мнѣ въ кабинетъ, проговорилъ Николай Гавриловичъ и бросился изъ залы стремительно, какъ стрѣла, такъ что офицеръ растерялся, оторопѣлъ и бормоталъ: гдѣ же, гдѣ же кабинетъ? Свою квартиру Николай Гавриловичъ сдавалъ въ наемъ, такъ какъ рѣшился оставить ее и переѣхать на другую, и потому я въ первую минуту подумалъ, что офицеръ пришелъ осмотрѣть квартиру съ цѣлью найма ея. Растерявшійся офицеръ, обратившись въ переднюю, повелительно и громко закричалъ: «послушайте, укажите мнѣ, гдѣ кабинетъ Чернышевскаго, и проводите меня туда». На этотъ зовъ явился изъ передней приставъ Мадьяновъ, котораго Боковъ и я знали въ лицо. Появленіе пристава сразу освѣтило для насъ все, и мы поняли, кто такой этотъ офицеръ, и какая цѣль его визита. Приставъ, проводивъ офицера въ кабинетъ, возвратился къ намъ и на наши разспросы сказалъ, что офицеръ —это полковникъ Ракѣевъ, котораго мы знали какъ доку по политическимъ обыскамъ и арестамъ и какъ петербургскаго

домовладѣльца. Затѣмъ приставъ разсказалъ, что Ракѣвъ явился къ нему и потребовалъ, чтобы онъ проводилъ его къ Чернышевскому,—на что приставъ замѣтилъ, что, можетъ быть, Чернышевскаго нѣтъ дома; но Ракѣвъ увѣренно сказалъ, что ему хорошо извѣстно, что онъ дома. На наши вопросы, какъ онъ думаетъ о цѣли визита Ракѣва, приставъ отвѣчалъ, что полковникъ по всей вѣроятности произведетъ только обыскъ, а не арестуетъ Чернышевскаго, такъ какъ онъ пріѣхалъ на дрожкахъ, а казенной кареты нѣтъ. Затѣмъ приставъ сталъ убѣждать насъ уйти изъ квартиры. Да намъ больше ничего не оставалось, какъ только уйти. Но мы передъ уходомъ непременно пойдемъ проститься съ хозяиномъ, заявили мы. — Зачѣмъ это, убѣждалъ насъ приставъ, что за церемонія, можно уйти и не простившись. Мы рѣшительно заявили ему, что мы непременно пойдемъ проститься съ хозяиномъ и тѣмъ болѣе, прибавилъ я, что моя шляпа и мой свертокъ находятся въ кабинетѣ. Приставъ любезно предлагалъ принести ихъ изъ кабинета; но я не согласился, и мы съ Бокковымъ отправились въ кабинетъ.

Николай Гавриловичъ и Ракѣвъ сидѣли у стола; Николай Гавриловичъ на хозяйскомъ мѣстѣ у середины стола, а Ракѣвъ сбоку стола, какъ гость. Когда мы входили, Николай Гавриловичъ произносилъ такую фразу: нѣтъ, моя семья не на дачѣ, а въ Саратовѣ. Очевидно, Ракѣвъ, прежде чѣмъ приступить къ дѣлу, счелъ нужнымъ пуститься въ свѣтскіе любезные разговоры.— До свиданія, Николай Гавриловичъ, сказалъ я. — А вы развѣ уже уходите, заговорилъ онъ, и не подождете меня? И на мой отвѣтъ, что мнѣ нужно уйти, онъ сказалъ шутливымъ тономъ: ну, такъ до свиданія, высоко поднявъ руку, сразмаху опустилъ ее въ мою руку. Въ то время, какъ съ нимъ прощался Бокковъ, я пошелъ къ окну, взялъ шляпу и взялъ подъ мышку свертокъ съ завернутыми въ жесткую бумагу ботинками, купленными мною для себя. Нужно было видѣть выраженіе лица Ракѣва; онъ весь насторожился и устремилъ жадные взоры на мой свертокъ. Но, нужно отдать ему честь, онъ не остановилъ меня и даже не спросилъ, что содержится въ моемъ сверткѣ. Я думаю, и въ наше время всяческихъ свободъ меня въ подобныхъ обстоятельствахъ непременно раздѣли бы до нага и обыскали. Невольно припоминается мнѣ при этомъ случай, который заставилъ меня еще болѣе цѣнить любезность Ракѣва. Однажды я сидѣлъ въ книжномъ магазинѣ Черкесова и разговаривалъ съ управляющимъ магазина. Въ это время явились жандармы обыскивать магазинъ. Я хотѣлъ уйти, какъ лицо постороннее и не состоящее въ штатѣ магазина. Но жандармскій офицеръ, начальникъ обыскивательнаго отряда (къ сожалѣнію, я забылъ его фамилію), задержалъ меня и потребовалъ, чтобы я предъявилъ ему мой бумажникъ. Я сказалъ, что у меня бумажника нѣтъ. Тогда онъ потребовалъ показать ему мое портмоне или вообще то, въ чемъ я ношу деньги; но я отвѣчалъ, что у меня нѣтъ съ собою ни портмоне, ни денегъ.— Какъ же такъ, грозно окрикнулъ жан-

дармъ, идете въ магазинъ и не берете съ собою денегъ? Я отвѣтилъ, что я пришелъ въ магазинъ не для покупокъ, а повидаться съ знакомымъ.—Въ такомъ случаѣ, рѣшилъ жандармъ, я долженъ обыскать васъ. И дѣйствительно, онъ не только обшарилъ, но и вывернулъ всѣ мои пустые карманы, и только тогда выпустилъ меня изъ магазина. Такимъ образомъ, Ракѣвъ поступилъ со мною гораздо любезнѣе и при обстоятельствахъ гораздо болѣе серьезныхъ.

Мы съ Боковымъ вышли изъ квартиры Николая Гавриловича, понутивъ головы и не говоря ни слова другъ съ другомъ, и какъ бы инстинктивно отправились ко мнѣ на квартиру, находившуюся очень близко отъ Московской улицы. Здѣсь нѣсколько опомнившись и придя въ себя, мы стали обсуждать вопросъ: арестуютъ ли Николая Гавриловича или ограничатся только обыскомъ. Наше рѣшеніе склонялось на сторону послѣдней альтернативы. Мы думали, что Николай Гавриловичъ слишкомъ крупная величина, чтобы обращаться съ нимъ безцеремонно; общественное мнѣніе знаетъ и цѣнитъ его, такъ что правительство едва ли рискнетъ сдѣлать рѣзкій вызовъ общественному мнѣнію, арестовавъ Николая Гавриловича безъ серьезныхъ причинъ, каковыхъ, по нашему мнѣнію, не могло быть, — мы въ этомъ твердо были увѣрены; да и приставъ сказалъ правду, — кареты у подѣзда и мы не видали. Вотъ какъ мы были тогда наивны и какія преувеличенныя понятія имѣли о силѣ общественнаго мнѣнія и о вліяніи его на правительство. Да и не одни мы. Какъ тогда, такъ и теперь многіе повинны въ подобной наивности.

Черезъ полчаса мы вышли на Московскую улицу и увидѣли, что у подѣзда уже стояла карета, разрушившая всѣ наши надежды. Походивши по сосѣднимъ улицамъ еще съ полчаса, мы пришли къ дому Есауловой и — кареты уже не было. Мы пошли въ квартиру Николая Гавриловича. Намъ отворила дверь прислуга, заливаясь горькими слезами. «Бѣдный баринъ, говорила она сквозь слезы, его взяли, они его погубятъ; а тутъ какъ нарочно еще барыня уѣхала». Въ квартирѣ мы застали двоюроднаго брата жены Чернышевскаго, офицера Веніамина Ивановича Рычкова, который на время пріѣхалъ въ Петербургъ и жилъ на этой квартирѣ. Рычковъ сообщилъ намъ, между прочимъ, что Николаю Гавриловичу удалось сказать ему нѣсколько словъ такъ, чтобы ихъ не слышалъ Ракѣвъ. Николай Гавриловичъ поручилъ ему кланяться мнѣ и сказать, чтобы я не беспокоился и передалъ бы Н. Утину, чтобы и онъ не беспокоился. Какой спеціальнй смыслъ и какая цѣль заключалась въ этихъ словахъ я не могу себѣ объяснить. Несмотря на это успокоеніе, я все лѣто жилъ подъ угрожающимъ дамкловымъ мечемъ, не зная покоя ни днемъ ни ночью. Всѣ знакомые, встрѣчая меня, дѣлали большіе глаза и въ изумленіи восклицали: какъ! вы развѣ не арестованы? а я слышалъ изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ, что васъ уже давно арестовали.

Встрѣчая на каждомъ шагу подобныя изумленія, трудно было не беспокоиться. Но Богъ миловаль меня.

Обѣдать мы отправились къ Бокову и когда сообщили его женѣ о случившемся на нашихъ глазахъ, то она тоже не хотѣла этому вѣрится и тоже была увѣрена, что Чернышевскаго не посмѣютъ арестовать.

На другой день профессоръ-ориенталистъ И. Н. Березинъ поручилъ кому-то предупредить Николая Гавриловича, что ему угрожаетъ арестъ. Запоздалое предупрежденіе *post factum!*

Послѣ этого я только одинъ разъ видѣлся съ Николаемъ Гавриловичемъ при такихъ же печальныхъ обстоятельствахъ, при развязкѣ этой жестокой драмы, начавшейся его арестомъ, т. е. уже послѣ суда и приговора надъ нимъ, когда его собирались увозить изъ крѣпости на каторгу. Мы съ Григоріемъ Захаровичемъ Елисеевымъ рѣшили, чего бы это ни стоило, добиться свиданія съ Николаемъ Гавриловичемъ и обращаться съ просьбами о разрѣшеніи свиданія ко всевозможнымъ властямъ. Когда Некрасовъ узналъ о такомъ нашемъ намѣреніи, то сталъ горячо отговаривать насъ, убѣждалъ и совѣтовалъ, чтобы мы отказались отъ нашего намѣренія, не просили бы разрѣшенія на свиданіе и не пользовались бы этимъ разрѣшеніемъ, если бы оно даже было дано. «По искреннему расположенію къ вамъ и изъ желанія добра увѣряю васъ, говорилъ Некрасовъ, что это свиданіе очень понизитъ ваши курсы въ глазахъ III отдѣленія». Слова Некрасова дышали искренностью и убѣжденіемъ въ полезности его совѣта. Но мы все-таки стояли на своемъ, и намъ посовѣтовали обратиться къ князю Суворову, тогдашнему петербургскому генераль-губернатору, съ просьбою о разрѣшеніи свиданія съ Николаемъ Гавриловичемъ. Онъ далъ намъ это разрѣшеніе съ перваго же слова. Когда мы пришли въ крѣпость, то насъ адресовали къ коменданту крѣпости Сорокину. Мы представились ему, и онъ началъ говорить сначала съ Елисеевымъ и, между прочимъ, спросилъ, не родственникъ ли онъ купцу Елисееву, который снабжаетъ Петербургъ гастрономическими продуктами. А затѣмъ онъ обратился ко мнѣ съ разными вопросами: кто я? въ какомъ родствѣ состою съ Чернышевскимъ?—на что я отвѣтилъ, что я состою съ нимъ не въ родствѣ, а въ близкомъ знакомствѣ; а на вопросъ, чѣмъ я занимаюсь—я сказалъ, что служу въ военномъ министерствѣ (и это была суцая правда, а какъ я попалъ въ это министерство—это курьезная исторія; но долго было бы рассказывать ее здѣсь). На это комендантъ воскликнулъ: вотъ какъ! это странно! я самъ имѣю честь служить въ военномъ министерствѣ, и вы видите, я ношу военную форму, а вы не въ военной формѣ и даже совсѣмъ не въ формѣ, а въ штатскомъ платьѣ. Въ оправданіе себя я сталъ объяснять, что я чиновникъ сверхъ штата, принятъ въ министерство

временно на усиленіе личнаго состава, служу безъ жалованья и т. д. Комендантъ прервалъ мои объясненія короткимъ замѣчаніемъ, что всѣ служащіе въ военномъ министерствѣ имѣютъ форму и должны ходить въ формѣ. Но все это было сказано не страшнымъ начальническимъ и повелительнымъ тономъ, а совершенно добродушно и просто. Комендантъ приказалъ проводить насъ въ какую-то канцелярію, гдѣ уже ожидали свиданія съ Николаемъ Гавриловичемъ А. Н. Пыпинъ съ братомъ и съ двумя сестрами. Скоро ввели сюда и Николая Гавриловича въ сопровожденіи какого-то офицера, но не жандармскаго. Онъ былъ блѣденъ, но въ выраженіи его лица не видно было ни упадка духа, ни изнуренія, ни грусти и печали. Поздоровавшись со всѣми, Николай Гавриловичъ прежде всего обратился къ сестрамъ Пыпина и сталъ съ ними разговаривать. По какому-то молчаливому соглашенію мы дѣйствовали такъ. Когда Николай Гавриловичъ разговаривалъ съ кѣмъ-нибудь однимъ изъ насъ, остальные отходили въ сторону, окружали офицера и вступали съ нимъ въ разговоры. Когда очередь дошла до меня, то Николай Гавриловичъ прежде всего спросилъ меня о моихъ личныхъ дѣлахъ и затѣмъ сказалъ, что онъ на каторгѣ непременно будетъ писать много и постарается присылать намъ свои статьи для помѣщенія въ «Современникѣ» и что, если ихъ нельзя будетъ печатать съ его именемъ, то нужно попробовать подписывать ихъ какимъ-нибудь псевдонимомъ, а если и это будетъ нельзя, то чтобы онъ представлялись въ редакцію какимъ-нибудь подставнымъ лицомъ, напр. хоть вашимъ «Лозаніемъ»—такъ назывался въ нашемъ кругу мой товарищъ по духовной академіи Л. И. Розановъ, жившій у меня и близко познакомившійся съ Николаемъ Гавриловичемъ (онъ былъ описанъ въ «Искрѣ» подъ именемъ Лозанія, устроившаго походъ противъ начальства одной изъ семинарій, кое-что писалъ въ «Современникѣ» и былъ извѣстенъ Некрасову; мы и предполагали сдѣлать его подставнымъ лицомъ). «Да я, впрочемъ, поговорю объ этомъ съ самимъ Некрасовымъ». Я сказалъ, что Некрасовъ едва ли придетъ къ нему проститься. «Отчего же?»—съ живостью сказалъ Николай Гавриловичъ; «а Сашенька (Пыпинъ) говорилъ мнѣ, что Некрасовъ собирается ко мнѣ». Я повторилъ, что онъ едва ли придетъ и что я передамъ ему ваши слова. Мнѣ не хотѣлось огорчать Николая Гавриловича сообщеніемъ, что Некрасовъ самъ даже мнѣ съ Елисеевымъ не совѣтовалъ просить свиданія и являться на свиданіе съ нимъ. И затѣмъ я простился съ Николаемъ Гавриловичемъ уже навѣки съ чувствами, которыя мнѣ даже въ настоящее время трудно и больно было бы описывать. Повѣрьте мнѣ,—рана и до сихъ поръ не зажила.

М. Антоновичъ.

Дѣло Н. Г. Чернышевскаго.

(По неизданнымъ источникамъ).

Невозможно ожидать справедливости отъ богачей и дряхлыхъ стариковъ, величаемой громкимъ именемъ правительствующаго сената.

Герцень.*

Сорокъ два года тому назадъ русское общество узнало о ссылкѣ Чернышевскаго въ каторжныя работы и до сихъ поръ неизмѣнно задаетъ себѣ одинъ и тотъ же вопросъ: за что?

Напечатанная тогда же въ «Колоколѣ» краткая сенатская записка не разрѣшаетъ этой загадки и только заставляетъ задумываться надъ рѣшеніемъ многихъ другихъ вопросовъ. Въ литературѣ ничего сколько-нибудь опредѣленнаго по этому поводу не появилось. Самъ Чернышевскій, повидимому, никому ничего не разсказалъ; по крайней мѣрѣ, близкіе ему люди многого не знаютъ, а о степени участія его въ революціонномъ движеніи не имѣютъ никакихъ положительныхъ свѣдѣній.

На мою долю выпало познакомиться, наконецъ, русское общество и съ процессомъ Чернышевскаго, — съ тѣмъ ужасающимъ произволомъ и беззаконіемъ, которые скрываются за этимъ словомъ. Это не былъ процессъ слѣдствія и суда. Это процессъ подкупа, насилія и профанированія всякаго понятія законности. Это образецъ дѣла, котораго неоднократно потомъ вело самодержавное правительство противъ лицъ, ему неугодныхъ, не стѣснясь никакимъ декорумомъ приличія. Это процессъ, который власть, вообще несклонная знакомить подданныхъ съ какой бы то ни было «политикой», имѣла полное основаніе скрывать, особенно въ свое время.

Когда Чернышевскій говорилъ: «Богъ ихъ знаетъ. Можетъ быть, имъ и извѣстно, за что сослали, а я не знаю»¹⁾ — онъ былъ правъ: въ рукахъ правительства не было ни одного свидѣтеля, заслуживающаго довѣрія, и ни одного подлиннаго, не поддѣланнаго документа. Тотъ матеріалъ, съ которымъ оно имѣло дѣло, былъ совершенно негоденъ въ рукахъ любого сколько-нибудь добросовѣстнаго слѣдователя, не только высшаго въ имперіи суда.

¹⁾ В. Короленко— „Воспоминанія о Н. Г. Чернышевскомъ“, Лондонъ, 1894 г., 10.

Это, однако, не значитъ, чтобы я становился на точку зрѣнія болѣе или менѣе общепринятую въ литературѣ: Чернышевскій пострадалъ *совершенно* невинно. Я думаю, что положеніе вопроса иное: Чернышевскій пострадалъ *юридически* невинно. Этимъ я хочу сказать, что вовсе не склоненъ думать, будто Николай Гавриловичъ дѣйствительно не былъ прикосновененъ къ революціонной работѣ своего времени.

Не такой это былъ умъ и не такой человѣкъ, который сидѣлъ бы сложа руки и только и дѣлалъ, что писалъ въ «Современникѣ». Это былъ прежде всего пророкъ и вождь. Припомните некрасовское:

Не говори: „Забылъ онъ осторожность.
„Онъ будетъ самъ судьбы своей виной“...
Не хуже насъ онъ видитъ невозможность
Служить добру, не жертвуя собой.

Но любить онъ возвышеннѣе и шире,
Въ его душѣ нѣтъ помысловъ мірскихъ,
Жить для себя возможно только въ мірѣ,
Но умереть возможно для другихъ.

Такъ мыслить онъ, и смерть ему любезна.
Не скажетъ онъ, что жизнь ему нужна,
Не скажетъ онъ, что гибель бесполезна:
Его судьба давно ему ясна...

Его еще покамѣсть не распяли,
Но часъ придетъ—онъ будетъ на крестѣ.
Его послалъ Богъ гнѣва и печали
Рабамъ земли напомнить о Христѣ ¹⁾.

Замѣтите, что это писалъ человѣкъ, знавшій Чернышевскаго изо дня въ день восемь лѣтъ... восемь лѣтъ съ нимъ бесѣдовавшій о самыхъ различныхъ вопросахъ и при самыхъ различныхъ обстоятельствахъ. Ему ли, чуткому и проницательному, не понять было вождя своего журнала! По совершенно справедливому замѣчанію г. Николаева, политическіе взгляды Чернышевскаго можно выразить въ немногихъ словахъ: «катастрофа вскорѣ немислима, но долгъ мыслящаго и послѣдовательнаго человѣка—стремиться къ ней и *дѣлать* все возможное для ея приближенія. Поменьше фразъ и теорій и побольше *дѣйствія*» ²⁾.

Этого мало, Чернышевскій былъ демократомъ, человѣкомъ, всегда и вездѣ проводившимъ одну и ту же мысль: трудъ и трудящіеся во главѣ всего. Далѣе. Посмотрите на его знакомства:

¹⁾ Привожу это стихотвореніе полностью, съ четвертой строфой, до сихъ поръ не напечатанной въ собраніи сочиненій Некрасова и заимствуемой мною съ автографа, подареннаго Некрасовымъ П. А. Ефремову. Пора бы перестать подписывать подъ его заглавіемъ „Пророкъ“ „Изъ Варѣе“—эту ширму авторъ избралъ специально для взоровъ цензуры. На самомъ дѣлѣ стихотвореніе было озаглавлено (1874 годъ) просто: „Н. Г. Чернышевскій“.

²⁾ Николаевъ, „Личныя воспоминанія о пребываніи Н. Г. Чернышевскаго въ каторгѣ (въ Александровскомъ заводѣ) 1867—1872 гг.“, М. 1906 г.

Михаилъ Николаевичъ
ТРИГОНИ.
(До Шлиссельбурга).

В. А. Обручевъ, Сигизмундъ Сѣраковскій, Іосафать Огризко, Николай Серно-Соловьевичъ и многіе другіе дѣятели революціоннаго движенія шестидесятихъ годовъ. Г. Пантелѣевъ категорически утверждаетъ, что Чернышевскій зналъ отъ самого Михайлова о привозѣ имъ изъ-за границы прокламаціи «Къ молодому поколѣнію»¹⁾.

Онъ же говоритъ, что имѣеть основаніе думать, что Н. Г., быть можетъ, не совсѣмъ чуждъ «Великоруссу»... Николай Утинъ сообщилъ въ свое время г. Пантелѣеву, что, отвергнувъ посланнаго отъ «центрального революціоннаго комитета», издавашаго «Молодую Россію», Чернышевскій потомъ пожалѣлъ объ этомъ и хотѣлъ написать прокламацію «Къ нашимъ лучшимъ друзьямъ», но не успѣлъ. Н. Е. Кудринъ говоритъ, что Лавровъ хорошо сошелся съ Чернышевскимъ лишь за нѣсколько мѣсяцевъ до ареста послѣдняго, когда покойный А. Н. Энгельгардтъ ввелъ П. Л. Лаврова въ начавшее организовываться общество «Земли и Воли». Это нельзя понять иначе, какъ въ смыслѣ утвержденія, со словъ Лаврова, о прикосновенности къ этому обществу и Чернышевскаго²⁾.

Современники были вполне убѣждены въ томъ, что Чернышевскій принимаетъ активное участіе въ революціонной работѣ.

Въ этомъ отношеніи очень интересенъ одинъ анонимъ, полученный Н. Г. въ концѣ 1861 года отъ какого-то невѣдомаго злобствовавшаго аграрія. Онъ показываетъ, какой репутаціей пользовался Чернышевскій.

«Г-нъ Чернышевскій! О пропагандѣ Вы знаете; Вы ей сочувствуете; поговоримъ о ней. Вы, наконецъ, пережили себя, нехотя; Вы говорите о нашихъ собраніяхъ, протягиваете руку дворянству; но кого Вы этимъ обманете? Неужели Ваша улыбка украситъ Вашу медузину голову? Неужели мы не видимъ Васъ съ ножомъ въ рукахъ, въ крови по локоть? Неужели мы можемъ сочувствовать заклятымъ социалистамъ (направленіе Вашего журнала намъ понятно, да и «Великоруссъ» Ваше произведеніе), которые ищутъ и будутъ искать нашей гибели, которые съ маратовскимъ восторгомъ принесутъ въ жертву, для осуществленія своихъ бредней, наши имущества; насъ самихъ, наши семейства?! Кто во главѣ движенія? Желчный, злобный социалистъ-мужикофилъ Искандеръ, хитро упрятавшій въ свои карманы миллионъ два русскихъ денегъ и спокойно поджигающій вдали несчастную русскую молодежь. А Вы? Да, Вы его лакеи. У Васъ не станетъ духу обречь себя даже на изгнаніе. Скажите, пожалуйста, неужели же Вы думаете, что мы настолько просты, что будемъ жертвовать собой ради социализма, признаннаго наукою несчастнымъ произведеніемъ больного ума?! Допустимъ, что идеи социализма осуществимы, что все таки

¹⁾ «Изъ воспоминаній прошлаго», стр. 330.

²⁾ Пантелѣевъ, и. с., 327, 270, Н. Е. Кудринъ—„Н. Г. Чернышевскій и Россія 60-хъ годовъ“, „Рус. Бог.“, 1906 г. III, 167.

онѣ осуществимы въ странѣ, гдѣ нравственное развитіе всей массы слишкомъ велико, но никакъ ни въ странѣ монголовъ, шамеуговъ и т. д. Повѣрьте, мужички наши мало чѣмъ нравственнѣе этихъ милыхъ народовъ. Въ нашемъ народѣ есть добрая начала, но они еще въ зародышѣ, и за развитіе ихъ нужно взяться умно, практично, безъ нѣжностей, а нѣжностей Вашихъ они не поймутъ, наплюютъ они на Васъ и найдутъ себѣ другого Антона Петрова ¹⁾, о которомъ такъ искренно сожалѣетъ Ваша хамская натура.

„Не вѣрится же мы Вамъ, человѣку или совершенно непрактичному, или совершенно подлому: вспомните, въ какую цѣну Вы оцѣнили наши имѣнія. Кого Вы презираете? Лучшее сословіе въ Россіи—дворянство. На кого Вы надѣетесь? На полудикое сословіе мужиковъ, людей, религія которыхъ заключается въ одной ѣдѣ и гимнастическихъ упражненіяхъ. Вы хотите безусловной демократіи. Мы видимъ, до чего довела грязная демократія Францію, до чего доводитъ она великую республику Вашингтона. Да, дворянство лучшее сословіе; нашими деньгами поддерживается журналистика; при всей непрактичности нашего воспитанія, въ чемъ виноваты наши сентиментальные наставники, мы улучшили и улучшаемъ сельское хозяйство; мы давали и даемъ честнѣйшихъ должностныхъ лицъ. Обратите вниманіе на громадную разницу между выборными и коронными; взгляните на добросовѣстную дѣятельность взятыхъ изъ среды нашей мировыхъ посредниковъ. Вы этого не знаете. Вы говорите о провинціи, не потрудившись даже узнать о ней. Мы, т. е. наши офицеры-дворяне, сдѣлали изъ русской арміи силу, наводящую ужасъ воспоминаніемъ о Севастополѣ и на хвастливыхъ французовъ, и на стоическихъ англичанъ. Вы скажете, что мы же обокрали Россію. Ложь: обокрали ее бюрократы, а истые дворяне дальше поручика не служатъ. Мы хладнокровно встрѣтили разыгравшіяся страсти временно-обязанныхъ, опьянѣвшихъ отъ данной имъ свободы, и дѣйствуя снисходительно, добросовѣстно, мужественно, сохранили и сохраняемъ мужественное спокойствіе. Кого же вы пугаете? Ха, ха, ха!.. Мы люди благородные и потому безстрашно встрѣтимъ смерть, защищая права законныя, несомнѣныя. Совѣсть у насъ чиста. Вашей хамской натурѣ это непонятно. Впрочемъ, опасности большой нѣтъ.

„Вникнемъ въ дѣло: кто угрожаетъ и кѣмъ угрожаетъ? Вы, господа социалисты двухъ родовъ: социалисты безштанные, которые, какъ плотоядная птица, нетерпѣливо ждуть поживиться мертвечиной, и социалисты сентиментальные, которые за несчастныя писульки попадаютъ подъ розги, а иногда и въ каторгу. Какъ это трогательно, но какъ же пошло и тупо. Кровожадность у Васъ волчья, да слабость овечья. Есть рьяные, да ихъ немного. Вы не умѣете вооружить Петербургъ и думаете взволновать цѣлую Россію. Вы сами никуда не ходите и думаете, что грязная лапа мужика

¹⁾ Антонъ Петровъ разстрѣлянъ въ селѣ Безднѣ Казанской губ. за руководство крестьянскимъ бунтомъ.

выведеть васъ на дорогу. замѣтите, впрочемъ, что мы съ Вами поступать будемъ покруче, чѣмъ поступаютъ съ Вами въ столицѣ. Насъ много, теперь мы на-сторожѣ и, повѣрьте, не станемъ съ Вами нѣжничать. Кѣмъ Вы угрожаете и на кого Вы хотите дѣйствовать? На студентовъ. Дѣйствительно, прекрасная молодежь; но въдь по окончаніи курса эти мотыльки, по большей части, наперекоръ зоологіи, обращаются въ червячковъ. Въ особенности семинаристы, которые и въ аудиторіи вносятъ свой собственный запахъ. На купцовъ и мѣщанъ, но имъ нѣтъ времени: обмѣрить, обвѣсить, разсыропить водку—это нелегко, всего вдругъ не сдѣлаешь. Дальше что: духовенство?—это сословіе ни рыба, ни ракъ; полудикіе мужики?—я уже о нихъ сказалъ; они могутъ и должны быть пока въ ежовыхъ—понимаете... Притомъ же государственные крестьяне не только безъ участія, но, кажется, даже съ нѣкоторою злобою смотрятъ на временно-обязанныхъ. Да и временно-обязанные начинаютъ понимать, что быть ихъ значительно улучшенъ и что нельзя ограбить однихъ въ пользу другихъ. Притомъ нужно сказать, что они никогда не раздѣляли Вашихъ литературныхъ убѣжденій, а потому и не смотрѣли на насъ, какъ на злодѣевъ. Дворовые оставляютъ насъ неохотно; крестьяне не спѣшатъ заводить новые порядки.

«Однимъ словомъ, мы всего ожидаемъ отъ государя, которому не мѣшаетъ, впрочемъ, вспомнить свои же слова московскому дворянству: «движеніе должно начинаться сверху, а не снизу». Мы будемъ просить его избавить насъ отъ нашей болячки—Польши, которая вмѣстѣ съ остзейскими губерніями взяла, кажется, подрядъ на поставку намъ чиновниковъ-бюрократовъ. Считаемъ не лишнимъ замѣтить Вамъ, Г-нъ Чернышевскій, что мы не желаемъ видѣть на престолѣ какого-нибудь Антона Петрова и, если дѣйствительно произойдетъ кровавое волненіе, то мы найдемъ Васъ, Искандера или кого-нибудь изъ Вашего семейства и, вѣроятно, Вы не успѣете еще запастись тѣлохранителями».

Люди, не пользующіеся виднымъ вліяніемъ, такихъ писемъ не получаютъ...

Литературный міръ тоже считалъ Чернышевскаго очень вліятельнымъ въ революціонномъ кругу. Припомните рассказъ самого Достоевскаго, какъ тотъ въ 1862 году явился къ Н. Г. и уговаривалъ его подѣйствовать на составителей какой-то прокламаціи въ сторону ихъ вразумленія ¹⁾.

Таково же, повидимому, было убѣжденіе и правящихъ сферъ. Въ ненапечатанной части воспоминаній Шелгунова есть такой рассказъ кн. Суворова-Рымническаго, бывшаго петербургскаго генералъ-губернатора, человѣка весьма порядочнаго, неглупаго и не ставшаго бы говорить неправду. «Я поступалъ иначе—говорилъ

¹⁾ „Дневникъ Писателя“, IV. Достоевскій ошибочно называетъ эту прокламацію „Къ молодому поколѣнію“: этому противорѣчатъ его же указаніе, что вся она состояла изъ десяти строкъ. Прокламація Михайлова была очень велика.

Суворовъ Шелгунову вскорѣ послѣ своей отставки вслѣдъ за каракозовскимъ покушеніемъ.—„Мнѣ доносятъ, что готовится движеніе. Я посылаю за Чернышевскимъ, говорю ему: „пожалуйста, устройте, чтобъ этого не было“. Онъ даетъ слово мнѣ, и я ѣду къ государю и докладываю, что все будетъ спокойно. Вотъ какъ я поступалъ!» Записывая это, Шелгуновъ замѣтилъ: „пишу съ буквальной точностью, слышу эти слова, какъ бы теперь“. Конечно, это показаніе не значитъ, что Суворовъ при помощи Чернышевскаго подавлялъ и парализовалъ революціонныя проявленія. Чернышевскій бы не занялъ такой позиціи. Но, весьма вѣроятно, что нѣкоторыя возможныя проявленія общественнаго неудовольствія, демонстраціи, и были предотвращены бесѣдою съ Н. Г., пользовавшимся настолько вліятельнымъ положеніемъ, что его совѣтъ оставиться, снабженный достаточно вѣской аргументаціей, принимался къ исполненію.

Самъ Чернышевскій хорошо видѣлъ, какими глазами смотритъ на него жандармско-полицейское око. Онъ неоднократно отказывался отъ участія въ такихъ общественныхъ начинаніяхъ, которыя, благодаря его присутствію, могли бы быть взяты подъ особо внимательное попеченіе.

Нужно думать (а къ этому заключенію приводятъ и бесѣды съ хранящимъ архивъ отца—М. Н. Чернышевскимъ), что революціонная дѣятельность Н. Г., обставленная необыкновенно по тогдашнимъ временамъ конспиративно, такъ и не вскроется для насъ. Она унесена имъ въ могилу.

Какое же преступленіе было поставлено ему въ вину правительствомъ Александра II?

Прежде всего, не одно, а два. Первое—сочиненіе прокламаціи «Къ барскимъ крестьянамъ», второе—приготовленіе къ возмущенію. Было еще и третье—«противозаконныя сношенія съ изгнанникомъ Герценомъ»,—но оно сочтено недоказаннымъ. Изъ основательнаго изученія четырехъ томовъ архивнаго дѣла мнѣ представляется, что Чернышевскій, дѣйствительно, участвовалъ въ составленіи этой прокламаціи, (впрочемъ, не увидѣвшей свѣта), но такъ искусно велъ работу, что не далъ положительно никакихъ основаній къ сколько-нибудь юридически обставленному обвиненію.

Не забѣгая, однако, впередъ, приступаю къ изложенію дѣла во всей его полнотѣ и строгой послѣдовательности.

ЧАСТЬ I.

ВЪ ПОИСКАХЪ ЗА УЛИКАМИ.

I.

Послѣ майскихъ пожаровъ 1862 года правительство, опираясь на большую часть общества, утомленную непривычнымъ для нея форсированнымъ маршемъ по пути обновленія, стало въ курсъ реакціи и пошло въ немъ все тверже и опредѣленнѣе. Два вліятельныхъ журнала: «Современникъ» и «Русское Слово» были закрыты въ началѣ іюня. Учреждена особая слѣдственная комиссія, которая занималась, между прочимъ, уже извѣстнымъ читателю дѣломъ Писарева и другими. Чернышевскій, увидя возможность хоть немного отдохнуть отъ утомлявшей его журнальной работы, хлопоталъ о поѣздкѣ съ семьей въ Саратовъ. Спѣшно продавались вещи, ликвидировались нѣкоторыя дѣла и пр. Въ это время Чернышевскому пришлось быть у управляющаго III Отдѣленіемъ, Потапова, по поводу какой-то дерзости одного гвардейскаго офицера относительно его жены. Въ разговорѣ Н. Г. спросилъ генерала, не имѣетъ ли правительство какихъ-нибудь подозрѣній противъ него, и можетъ ли онъ спокойно ѣхать на родину. Потаповъ увѣрилъ, что ровно ничего не имѣется. ¹⁾

Но Потаповъ уже хитрилъ. Еще въ самомъ началѣ іюня, а именно 5-го числа, онъ направилъ въ слѣдственную комиссію кн. Голицына слѣдующій полученный имъ лично анонимный доносъ на Чернышевскаго:

«Что вы дѣлаете, пожалѣйте Россію, пожалѣйте Царя! Вотъ разговоръ, слышанный мною вчера въ обществѣ профессоровъ. Правительство запрещаетъ всякій вздоръ печатать, а не видитъ, какія идеи проводить Чернышевскій—это коноводъ юношей;—направленіе корпусныхъ юношей дано имъ ²⁾— это хитрый социалистъ; онъ мнѣ самъ сказалъ (говор. проф.), что «я настолько уменъ, что меня никогда не уличать». За пустяки сослали Павлова ³⁾ и много другихъ промаховъ дѣлаете, а этого вреднаго агитатора терпите. Неужели не найдете средствъ спасти насъ отъ такого зловреднаго человѣка! Никто вамъ въ глаза не скажетъ, что Чернышевскій язва всему, потому что сочтутъ его доносчикомъ; я вамъ пишу, не подписываясь, потому, что вы спросите, кто говорилъ,—а вы знаете, что многое говорятъ въ обществѣ, сказали бы и Потапову—но

¹⁾ Н. В. Рейнгардтъ, — „Н. Г. Чернышевскій“, „Рус. Стар.“, 1905 г., II, 470—471. Авторъ слышалъ это отъ самого Н. Г.

²⁾ Чернышевскій былъ одновременно преподавателемъ во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ.

³⁾ Высланъ въ Велгуу въ мартѣ 1862 г. за публичную рѣчь по поводу тысячелѣтія Россіи.

никогда не скажутъ жандарму. Передаю вамъ впечатлѣнїе, вынесенное изъ общества людей, десятки лѣтъ ¹⁾ знающихъ Чернышевскаго—бывшихъ его прїятелей, но теперь, видя его тенденціи уже не на словахъ, а въ дѣйствїяхъ, всѣ весьма либеральные люди, настолько благоразумные, что они сознаютъ необходимость существованїя у насъ монархизма,—отдалились отъ него и убѣждены, что ежели вы не удалите его, то быть бѣдѣ—будетъ кровь; ему нѣтъ мѣста въ Россїи—вездѣ онъ опасенъ—развѣ въ Березовѣ или Гижинскѣ; не я говорю это, говорили ученые, дѣльные люди, отъ всей души желающіе конституціи, но путемъ закона—земской думы, но по призыву Царя. Не дастъ Царь ни того, ни другого,—Господь ему судья. А крови не минуете и насъ всѣхъ сгубите—это шайка бѣшеныхъ демагоговъ, отчаянныя головы,—это «Молодая Россїя» выказала вамъ въ своемъ проспектѣ всѣ звѣрскїя ея наклонности; быть можетъ, ихъ перебьютъ, и сколько невинной крови изъ-за нихъ прольется! Тутъ же слышалъ, что въ Воронежѣ, въ Саратовѣ, въ Тамбовѣ, вездѣ есть комитеты изъ подобныхъ социалистовъ и вездѣ они разжигаютъ молодежь. Ник. Утинъ—правая рука Чернышевскаго; юношу бы за границу ²⁾, но навсегда, а Николая Гавриловича—куда хотите, но скорѣе отнимите у него возможность дѣйствовать.

«Я самъ не знакомъ съ этими злодѣями—пишу, что вчера случайно слышалъ. Не доискивайтесь, кто я—къ чему вамъ? Въ доносчики не гожусь, а услышу что-либо подобное—напишу,—теперь каждый честный человѣкъ обязанъ указывать Правительству все, что слышитъ, что знаетъ, ибо общество въ опасности, сорванцы бездомные на все готовы, и вамъ дремать нельзя; на васъ грѣхъ падетъ, коли допустите ихъ до рѣзни, а она будетъ, чуть задремлете или станете довольствоваться полумѣрами. Время николаевское ушло—распустили однажды, теперь не совладеете—выхода другого нѣтъ, какъ земская дума; боитесь дворянства—пошумятъ только; если потребуютъ конституціи, то путемъ законнымъ она не страшна для Царя, а это бѣшенная шайка жаждетъ крови, ужасовъ и пойдеть на проломъ, не пренебрегайте ею.

«Избавьте насъ отъ Чернышевскаго—ради общаго спокойствїя».

Отрывки изъ этого письма приведены въ сенатской запискѣ, но неисправно. Въ такомъ же видѣ ихъ цитируютъ оттуда и нѣкоторые авторы.

Донось этотъ писанъ очень красивымъ мелкимъ почеркомъ, и можно утверждать—неизмѣненнымъ.

Такимъ образомъ, комиссіи, разыскивавшей по Россїи крамолу (гдѣ самъ Потаповъ былъ членомъ), напоминалось о существованїи Чернышевскаго... Но вотъ въ концѣ юня III Отдѣленіе получаетъ свѣдѣнїя, что 27 числа изъ Лондона выѣдетъ въ Россїю нѣкій Павелъ Ветошниковъ и будетъ везти съ собой довольно много писемъ

¹⁾ Очевидный вздоръ: Чернышевскому тогда было 34 года.

²⁾ Николай Утинъ вскорѣ бѣжалъ за границу.

Бакунина, Герцена, Огарева и Кельсиева къ самымъ разнообразнымъ лицамъ... Разумѣется, сейчасъ же были приняты мѣры, и Ветошниковъ былъ арестованъ на границѣ со всей корреспонденціей...

Послѣ бѣглаго разбора ея въ III Отдѣленіи нашли, между прочимъ, такую приписку въ письмѣ Герцена къ Н. А. Серно-Соловьевичу: «Мы готовы издавать Совр. здѣсь съ Черныш. или въ Женевѣ—печатать объявленіе объ этомъ. Какъ вы думаете?» Этого оказалось достаточнымъ, чтобы на слѣдующій же день, 7 іюля, арестовать и Чернышевскаго ¹⁾.

Утромъ 7 іюля въ квартиру Чернышевскаго явился жандармскій полковникъ Ракѣвъ и квартальный надзиратель Мадьяновъ, запечатали всѣ бумаги и часть книгъ въ холщевый мѣшокъ, который и представили въ III Отдѣленіе, а всѣ остальные книги, по заявленію Н. Г., 2400 томовъ, корректуры и матеріалы для изданія сочиненій Добролюбова опечатали въ запертомъ кабинетѣ ²⁾. Самъ Чернышевскій былъ отвезенъ въ Алексѣевскій равелинъ Петропавловской крѣпости. Туда же были заключены Ветошниковъ, Серно-Соловьевичъ и всѣ главные обвиняемые по особому дѣлу, съ которымъ читатели «Былого» будутъ потомъ ознакомлены.

Можно себѣ представить впечатлѣніе, произведенное этимъ событіемъ на интеллигенцію!.. По словамъ г. Пантелѣева, «если сказать, что арестъ Чернышевскаго на всѣхъ произвелъ сильное впечатлѣніе, то это значитъ выразиться слишкомъ слабо: съ напряженнымъ вниманіемъ прислушивались къ малѣйшимъ извѣстіямъ о ходѣ его процесса»... Для всѣхъ стало ясно, что Чернышевскому не одобровать...

Осмотръ его бумагъ комиссія поручила своему члену, д. ст. сов. Каменскому, а опечатанныхъ на квартирѣ книгъ—д. ст. сов. Турунову, въ помощь, которому министромъ внутренннихъ дѣлъ были назначены трое чиновниковъ особыхъ порученій: Фридбергъ, Морозовъ и Третьяковъ. 17 числа всѣ они, въ сопровожденіи еще старшаго чиновника III Отдѣленія—Кейзера фонъ-Нилькгейма, состоящаго при оберъ-полицеймейстерѣ поручика Ниппе, квартальнаго надзирателя Мадьянова и сторонняго свидѣтеля—отстав. кол. секретаря Сергѣя Пыпина, прибыли на квартиру Н. Г. Окончивъ

¹⁾ Полностью письмо это напечатано мною въ январской книжкѣ „Былого“, на стр. 230—232. Тамъ я не имѣлъ возможности указать то, что самъ узналъ позже: первая половина письма, до словъ: „Кажется, рѣчь о нашемъ“... и т. д., писана Огаревымъ, а все, начиная съ этихъ словъ—Герценомъ. Герценъ разсказываетъ объ этомъ своемъ письмѣ не вѣрно: ср. стр. 461—462 тома III изд. Павленкова. Объявленіе въ „Колоколѣ“ появилось *позднѣе*, въ номерѣ отъ 3 (15) іюля. Вотъ оно: „Отъ издателей. Мы предлагаемъ издателямъ *Дня*, *Современника*, *Русскаго Слова* и издателямъ журналовъ, которые будутъ запрещены вслѣдствіе политическаго террора въ Россіи, продолжать ихъ изданія въ Лондонѣ. На первый случай мы готовы печатать, если это будетъ нужно, на свой счетъ, безъ всякаго вознагражденія“. Герценъ напечаталъ это объявленіе, не дожидая отвѣта отъ Серно-Соловьевича. Этотъ номеръ „Колокола“ выходилъ какъ разъ въ тотъ день, когда Ветошниковъ переѣзжалъ русскую границу.

²⁾ Въ этой же книжкѣ читатель найдетъ разсказъ М. А. Антоновича, присутствовавшаго при арестѣ Чернышевскаго.

осмотръ, отложили еще нѣсколько книгъ и пакетовъ для сдачи въ III Отдѣленіе, а остальное запечатали и поручили на храненіе полиціи ¹⁾. На другой день печати были сняты, и все имущество Чернышевскаго сдано Мадьяновымъ С. Н. Пыпину ²⁾.

II.

Среди бумагъ Н. Г. особенно заинтриговали всѣхъ двѣ средней толщины тетради размѣромъ въ писчій листъ. Пробовали читать—ничего не понять. А написано такъ часто и мелко.—Каменскій, какъ ни старался, ровно ничего не понялъ кромѣ того, что это «дневникъ». 7 августа рѣшено было отправить его въ III Отдѣленіе, отличавшееся искусствомъ раскрытія самыхъ замысловатыхъ шифровъ. Но какъ ни старался Потаповъ, а долженъ былъ сознаться, что ввѣренная ему тайная канцелярія тоже безсильна, и направилъ «дневникъ» въ министерство иностранныхъ дѣлъ. Тамъ пороботали съ мѣсяцъ, и 15 сентября товарищъ министра Мухановъ сообщалъ Потапову, что рукопись не шифрована, а писана только съ самыми сложными сокращеніями. Для удостовѣренія онъ приложилъ нѣсколько страницъ написанныхъ полностью, правда, всетаки, съ очень значительными искаженіями и пропусками, и при этомъ замѣчалъ, что при «всемъ желаніи со стороны министерства, по множеству текущихъ, не терпящихъ отлагательства дѣлъ, не было никакой возможности до настоящаго времени разобрать всю рукопись, но изъ содержанія разобраннаго можно думать, что слогъ этотъ имѣетъ условный смыслъ». Министерство иностранныхъ дѣлъ настолько простерло свою внимательность къ «дневнику» Чернышевскаго, что не преминуло даже изслѣдовать его на всѣ возможные способы, при которыхъ обыкновенно удаётся обнаружить тотъ или иной составъ симпатическихъ чернилъ, особый сортъ скрывающей бумаги и пр. Но и чернила и бумага оказались самыми обыкновенными.

Комиссію мало удовлетворилъ отвѣтъ Муханова. Имѣя теперь ключъ, въ видѣ нѣсколькихъ развернутыхъ страницъ, она рѣшила поручить добиться толку отъ «дневника» своему члену, сенатору Жданову.

Что же это за дневникъ? Я не рѣшился взяться за кропотливую работу его развертыванія, требующую для своего окончанія,

¹⁾ М. А. Антоновичъ разсказывалъ мнѣ, что онъ былъ на этомъ обыскѣ со спеціальною цѣлью вручить изъ рукъ комиссіи матеріалы по собранію сочиненій Добролюбова, которое не было доведено Чернышевскимъ до конца. Конецъ послѣдняго тома былъ полностью просмотрѣнъ и прокорректированъ уже г. Антоновичемъ. Турнуновъ отнесся внимательно къ его заявленію о возвратѣ запечатанныхъ матеріаловъ. При этомъ удалось вручить и «дневникъ» Добролюбова, переданный имъ потомъ А. Н. Пыпину.

²⁾ Семья Чернышевскаго еще 3 іюля уѣхала въ Саратовъ.

по крайней мѣрѣ, двухмѣсячнаго ежедневнаго посѣщенія сенатскаго архива, тѣмъ болѣе, что все равно не имѣлъ бы возможности напечатать этотъ «дневникъ», съ одной стороны, въ силу закона объ авторской собственности, съ другой—въ виду интимности нѣкоторыхъ мѣстъ, не подлежащей пока опубликованію. Работу эту взялъ на себя сынъ Н. Г.—М. Н. Чернышевскій, и конечно, все, что можно, будетъ имъ напечатано ¹⁾.

Въ дополненіе къ дневнику не мало интриговали и четыре картонныя полоски, длиною около четверти аршина. Вдоль нихъ слѣва были написаны по порядку буквы русскаго алфавита, а справа цифры, начиная съ 1. Всѣ полоски содержали въ себѣ буквально одно и то же... Шифръ, шифръ!—рѣшила сначала комиссія, но потомъ какъ-то сама охладѣла, понявъ, вѣроятно, что такими простыми шифрами не работаютъ уже и дѣти.

Затѣмъ комиссія сочла стоящими серьезнаго вниманія приведенный уже мною дворянскій анонимъ и довольно пространное письмо Огарева и Герцена къ неизвѣстному: обращеніе и всѣ фамиліи въ немъ подчищены перочиннымъ ножомъ.

Я не буду приводить здѣсь полностью это письмо, а познакомлю съ нимъ читателей только постольку, поскольку оно касается Чернышевскаго.

Сначала написанное Огаревымъ:

„Ну милый []²⁾, долго я думалъ и ждалъ, не поѣдетъ ли кто къ вамъ, но не дождался и рѣшился писать просто. Съ чего начать? Да ужъ начну съ того, что страхну злобу съ сердца. Истинно жаль мнѣ, что васъ нѣтъ въ Питерѣ, потому что наши шалятъ. Вы спрашивали, что такое, что больно было слышать. Да то, что Черн. поручилъ тому господину, который въ [] не попалъ, сказать намъ, чтобъ мы не завлекали юношество въ литературный союзъ, что изъ этого ничего не выйдетъ. Конечно, никто такъ не уважаетъ скептицизмъ, какъ я. Разсѣкая міръ до математической точки, я дохожу до формулы 0^∞ , но это не мѣшаетъ мнѣ знать, что нуль также результатъ $и=+-$, и собственно есть предѣлъ. Что я не въ состояніи наполнить бездну или черту, раздѣляющую логическія опредѣленія отъ живого міра, не могу показать, какимъ образомъ предѣлъ переходитъ въ дѣйствительность и чему, какой формулѣ $=0^\infty$, изъ этого не слѣдуетъ, что я въ ту минуту, когда надо дѣло дѣлать, задалъ бы себѣ задачу: ну, а если изъ этого ничего не выйдетъ? Такой скептицизмъ равенъ тунеядству и составляетъ преступленіе. А между тѣмъ онъ чловѣкъ съ вліяніемъ на юношество; на что жъ это похоже? Ступайте въ Питеръ, возьмите его за воротъ, порастрясите и скажите: стыдно. Вскорѣ послѣ этого, по случаю какой-то исторіи Рима, встречаемъ мы въ «Современникѣ» (уже прежде смекнувши изъ доволь-

¹⁾ Пользуюсь случаемъ принести М. Н. Чернышевскому свою искреннюю благодарность за многія весьма важныя указанія, сдѣланныя мнѣ.

²⁾ Эти скобки стоятъ на мѣстѣ вычищеннаго слова.

но плохой критики въ Петер. Вѣдом.) статью прямо противъ насъ, т. е. что напрасно, молъ, говорить, что въ Россіи есть возродительное общинное начало, котораго въ Европѣ нѣтъ, что общинное начало вздоръ, что Европа не умираетъ, потому что одному человѣку 60 лѣтъ, но зато другому 20 (какъ будто историческая смерть есть вымираніе людей, а не разложеніе общественныхъ химическихъ соединеній извѣстнаго порядка!) и что тѣ, кто это говорятъ, дураки и лжецы, съ намекомъ, что рѣчь идетъ объ насъ, и забывая, что до сихъ поръ сами держались этимъ знаменемъ. Зачѣмъ это битие по своимъ, да еще съ преднамѣренной ложью? Плохо дѣло! []! []! горе, когда личное самолюбіе поднимаетъ голову, завидуя или въ отместку за неуваженіе къ воровству какого-нибудь патрона! Какая тутъ общественная дѣятельность, какое общее дѣло! Тутъ идетъ продажа, продажа правды и доблести изъ-за личныхъ страстишекъ и видовъ; продажа *дѣла* изъ-за искусственнаго скептицизма, который даже не скептицизмъ, а просто сомнѣніе въ приложеніи *себя* къ дѣлу, безъ всякаго пониманія принципіальнаго скептицизма. Вдобавокъ въ этой статьѣ сказано, что растение не умираетъ оттого, что питательные соки перестаютъ въ него изъ земли съ любовью всасываться. Хорошъ скептицизмъ! Нѣтъ! Поѣзжайте въ Питеръ и скажите, что это стыдно, что такъ продавать Христа, т. е. правду и дѣло, непозволительно. Это то, что христіане называли преступленіемъ противъ духа. Ну! будетъ объ этомъ, только помните, что я считаю эти выходки не личной обидой, а *помтхой дѣлу*, поэтому и убѣжденъ, что вы обязаны щелкнуть дружески, но военнымъ кулакомъ по такой дребедени».

А вотъ и Герценовская приписка:

«[]¹⁾ такую бездну написалъ, что я изъ любви къ ближнему не буду писать много. Мы никогда бы не догадались, что Черныш. à la baron Vidil, ѣхавши дружески возлѣ, вытянулъ меня арапникомъ. Это я обязанъ Спб. Вѣдомостямъ—они указали. Впрочемъ, [] слишкомъ серьезно это принимаетъ. Я тутъ, какъ въ пресловутомъ письмѣ Чич.²⁾, больше всего дивлюсь ненужной запальчивости выраженій—ругаться слишкомъ простое средство и не есть патентъ на особую эстетичность.

«Если вы увидите [], кланяйтесь ему отъ меня, мнѣ очень досадно, что я его не могъ навѣстить []—хлопотъ была бездна.

„Читалъ повѣсть Печерскаго (Мельникова) *Гриша*³⁾. Ну скажите, что же это за мерзость—ругать раскольниковъ и дѣлать уродливо смѣшными! Экой тактъ. А прогос, рекомендую вамъ небольшую статейку мою объ открытіи мошей Тихона.

«Будьте здоровы и прощайте».

1) Вѣроятно вычищено „Огаревъ“.

2) Письмо Б. Н. Чичерина, напечатанное въ „Колоколѣ“, противъ Герцена.

3) Помѣщена въ мартовской книжкѣ „Современника“ за 1861 годъ.

Объ этомъ письмѣ будетъ говорить еще самъ Чернышевскій. Я сбѣлаю лишь необходимую для читателя историко-литературную справку, не останавливаясь на очень интересномъ вопросѣ о разрывѣ Герцена и Огарева съ Чернышевскимъ и Добролюбовымъ. Онъ такъ сложенъ и серьезенъ, что требуетъ особаго изученія.

Извѣстно, какъ реагировалъ Герценъ (а за нимъ и Огаревъ) на событія 1848 года, которыя ему удалось наблюдать лично. Онъ пришелъ къ убѣжденію, что западная Европа отжила свой вѣкъ, что ей не возобновить истощенныхъ жизненныхъ элементовъ, не продолжить дѣла прогресса, что вся созидательная роль въ исторіи должна принадлежать молодому русскому народу. Эта мысль съ каждымъ годомъ становилась все ближе и ближе символомъ тѣры издателя «Колокола». Несомнѣнно, въ ней была наличность нѣкоторой доли славянофильства, т. е. того политическаго ученія, которому такъ не сочувствовалъ Чернышевскій. Онъ считалъ, что говорить о дряхлости Запада и о возродительной роли Россіи значить играть въ руку людей, не желавшихъ кореннымъ образомъ, сверху донизу реформировать всю нашу жизнь и рассчитывавшихъ ограничиться крестьянской полу-реформой. Мысль эту онъ высказывалъ неоднократно. Въ майской книжкѣ «Современника» за 1861 г. онъ помѣстилъ статью „О причинахъ паденія Рима (подражаніе Монтескье)“, написанную по поводу выхода въ свѣтъ перевода «Исторіи цивилизаціи во Франціи отъ паденія западной римской имперіи» Гизо. Не называя, разумѣется, нигдѣ Герцена, онъ полемизируетъ тамъ съ его взглядомъ объ изжитіи Запада. Языкъ статьи мѣстами рѣзокъ. Напримѣръ, показавъ нелогичность оспариваемаго взгляда съ точки зрѣнія исторіи же, Чернышевскій говоритъ: «Что за охота выказывать себя глупцомъ или лгуномъ». Что касается общиннаго землевладѣнія, какъ средства для перестройки соціальной жизни, которое только и имѣется, однако, въ Россіи, то Н. Г. по этому поводу отвѣчалъ: «Если сохранился у насъ отъ патриархальныхъ (дикихъ) временъ одинъ принципъ, нѣсколько соответствующій одному изъ условій быта, къ которому стремятся передовые народы, то вѣдь западная Европа идетъ къ осуществленію этого принципа совершенно независимо отъ насъ... Европѣ тутъ позаимствоваться нечѣмъ и не для чего: у Европы свой умъ въ головѣ и умъ гораздо болѣе развитой, чѣмъ у насъ, и учиться ей у насъ нечему, и помощи нашей не нужно ей; и то, что существуетъ у насъ по обычаю, неудовлетворительно для ея болѣе развитыхъ потребностей, болѣе усовершенствованной техники; а для насъ самихъ этотъ обычай пока еще очень хорошъ, а когда понадобится намъ лучшее устройство, его введеніе будетъ значительно облегчено существованіемъ прежняго обычая, представляющагося сходнымъ по принципу съ порядкомъ, какой тогда понадобится для насъ, и дающимъ удобное, просторное основаніе для этого новаго порядка». При этомъ Чернышевскій замѣчалъ еще, что «кромѣ общиннаго землевладѣнія, невозможно было самымъ усерднымъ мечтателямъ открыть въ нашемъ общественномъ и част-

номъ бытъ ни одного учрежденія или хотя бы зародыша учрежденія для предсказываемаго ими обновленія ветхой Европы нашею свѣжею помощію». Такъ же онъ обращалъ вниманіе Герцена и его единомышленниковъ на ихъ коренную ошибку при констатированіи мнимаго историческаго вырожденія Европы: на то, что творящія истинное перерожденіе массы еще и не жили въ Европѣ историческою жизнью, а на нихъ-то и надо возлагать надежды, а не на Россію.

Статья эта, благодаря своему заглавію, не обратила бы на себя вниманія въ Лондонѣ, если бы не пространнѣй и довольно глупѣй фельетонъ о ней пресловутаго тогда Н. Воскобойникова въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ»¹⁾, въ которомъ авторъ беретъ подъ свою защиту «лучшихъ людей русскаго общества», оскорбленныхъ Чернышевскимъ. И если бы Герценъ и Огаревъ не прочли подлинной статьи, тогда ихъ негодованіе было бы еще понятно, но какъ могли они такъ понять самую статью—это совершенно непостижимо. Въ ней вовсе нѣтъ того, что имъ казалось.

Среди другихъ бумагъ болѣе или менѣе обратили на себя вниманіе записки и письма Чернышевскаго къ И. Е. Андреевскому по поводу прекращенія публичныхъ лекцій, письмо историка Костомарова по тому же поводу, вырванный листъ изъ дневника Добролюбова, и письмо къ Чернышевскому М. Е. Салтыкова²⁾.

Кромѣ бумагъ самого Чернышевскаго, было взято довольно много чужихъ рукописей, бывшихъ у него на просмотрѣ. Неизвѣстно, что бы сталось съ ними, если бѣ Некрасовъ (въ серединѣ ноября) не подалъ прошеніе о возвращеніи ихъ ему, и не получилъ бы часть самъ, а часть,—по его порученію, Салтыковъ. При этомъ изъ 60 рукописей были задержаны двѣ, признанныя комиссіей неудобными для печати: анонимная—«Слѣдственное дѣло о хреяхъ и силлогизмахъ», и «Изъ воспоминаній дѣтства» Н. Аристова.

Итакъ, ясно—объискъ не далъ, въ сущности, ничего, что такъ хотѣлось бы имѣть, бумаги Чернышевскаго обманули ожиданія и комиссіи и III Отдѣленія...

Но Потаповъ выходилъ и не изъ такихъ положеній...

1 августа онъ внесъ въ комиссію весьма любопытную «Записку изъ частныхъ свѣдѣній о титулярномъ совѣтникѣ Чернышевскомъ», что, на языкѣ III Отдѣленія, значило: по донесеніямъ той или иной степени рачительныхъ агентовъ. «Записка» эта, разумѣется, стоитъ того, чтобъ ее привести здѣсь полностью, исправляя по пути наиболѣе важныя «ошибки» частныхъ свѣдѣній.

«Отставной титулярный совѣтникъ Николай Гавриловичъ Чернышевскій, будучи авторомъ многихъ журнальныхъ статей политическаго и экономическаго содержанія, въ которыхъ постоянно про-

¹⁾ „Журнальныя замѣтки“, 1861 г., № 144.

²⁾ Все, что касается публичныхъ лекцій, читатель найдетъ въ № 4 „Былого“; письмо Салтыкова уже напечатано въ № 2. Добролюбовская страничка войдетъ въ мою работу о Герценѣ (см. „Миръ Божій“ 1906 года).

водились свободныя идеи, приобрѣлъ себѣ извѣстность литератора-публициста и пользовался авторитетомъ между молодымъ поколѣніемъ, которое онъ, съ своей стороны, старался возвысить въ глазахъ общества, какъ, по его мнѣнію, дѣятелей. Онъ составилъ себѣ отдѣльный кругъ знакомства, по преимуществу изъ молодыхъ людей, и при томъ недовольныхъ правительствомъ, лжепрогрессистовъ и лицъ, сдѣлавшихся государственными преступниками ¹⁾, собранія у него постоянно отличались какою-то таинственностью и большею частью происходили въ ночное время. Доступъ къ нему постороннихъ лицъ былъ чрезвычайно затруднителенъ. Корреспонденцію онъ имѣлъ огромную, вель ее не только въ Россіи, но и за границей. Вниманіе правительства обращено на Чернышевскаго послѣ безпорядковъ, происходившихъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ осенью въ 1861 г., когда получено было свѣдѣніе, что появившаяся между студентами прокламація, возбуждавшая молодежь къ сопротивленію властямъ, была составлена Чернышевскимъ ²⁾. Съ тѣхъ поръ за нимъ учреждено было постоянное наблюдение, которымъ обнаружено:

«Въ концѣ 1861 года Чернышевскій почти постоянно бывалъ дома и спать не болѣе 2—3 часовъ въ сутки; иногда онъ уходилъ изъ дому рано утромъ чуть свѣтъ, но въ 10 часовъ уже возвращался; по вечерамъ же уходилъ почти постоянно въ 10 час. и возвращался въ 12, пронося часто съ собою бумаги. Писемъ онъ разсылалъ очень много, большей частью по почтѣ, но иногда съ поваромъ или швейцаромъ; 14 ноября онъ отправилъ два довольно толстыхъ письма въ Москву по желѣзной дорогѣ. 16 ноября Чернышевскій, противу всякаго обыкновенія, ушелъ со двора въ 12 час. дня и воротился въ 7 час. вечера. Когда же за нѣсколько предъ этимъ времени Чернышевскій потерялъ ключи отъ своего письменнаго стола, то, не выходя изъ кабинета, велѣлъ позвать слесаря, подобрать къ столу ключъ и вмѣстѣ съ тѣмъ придѣлать замокъ къ двери кабинета, который съ тѣхъ поръ и запиралъ, когда уходилъ со двора. Напрасно жена его дѣлала ему замѣчаніе, что это лишняя предосторожность; онъ, все-таки, продолжалъ запираť комнату. Между тѣмъ замѣчено было, что Чернышевскій перемѣнился, сталъ задумчивъ, угрюмъ и мало разговорчивъ, избѣгалъ прислуги, тогда какъ прежде былъ ласковъ съ нею. Оказалось, что перемѣна эта произошла въ немъ послѣ поѣздки въ августѣ мѣсяцѣ въ Са-

¹⁾ Очевидно, имѣлись въ виду В. А. Обручевъ и М. И. Михайловъ.

²⁾ О такой прокламаціи до сихъ поръ ничего неизвѣстно. Несомнѣнно, въ связи съ начатымъ надзоромъ стоитъ и секретный циркуляръ всѣмъ губернаторамъ, данный Валуевымъ 23 ноября 1861 года: „Покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство, въ случаѣ поступленія къ Вамъ просьбы отъ литератора Николая Чернышевскаго о снабженіи его заграничнымъ паспортомъ, не выдавать ему онаго, а представить на разрѣшеніе вѣреннаго мнѣ министерства“. Вотъ, слѣдовательно, когда для Чернышевскаго уже готовилась крѣпостная кѣтка... (См. Второе приложеніе къ сборникамъ „Государственныя преступленія въ Россіи“, изд. подъ ред. В. Базилевскаго, Paris 1905 г. стр. 105).

марскую деревню его ¹⁾. 26 сентября Чернышевскій явился на сходку студентовъ около квартиры бывшаго попечителя округа генерала Филипсона. 20 ноября, въ день похоронъ литератора Добролюбова, Чернышевскій говорилъ рѣчь, въ которой, видимо, старался выразить, что Добролюбовъ былъ жертвою правительственныхъ распоряженій, мученикъ, убитый нравственно, однимъ словомъ, что Правительство уморило его ²⁾.

«Замѣчательно обстоятельство: за нѣсколько предъ симъ времени двери къ Чернышевскому въ комнату стала отпирать жена его, тогда какъ прежде это дѣлала ихъ гувернантка, когда же потомъ госпожа Чернышевская уѣхала, то двери къ себѣ отпиралъ уже самъ Чернышевскій. 8 декабря Чернышевскій получилъ изъ Парижа письмо слѣдующаго содержанія:

«Прошу васъ, Николай Гавриловичъ, постарайтесь выслать мнѣ деньги. Мнѣ очень деньги теперь надобны. Пишу вамъ опять на всякій случай, можетъ быть, Вы уже въ Петербургѣ. Прошу Васъ не медлите. Уважающая Васъ М. Марковичъ» ³⁾. Вскорѣ послѣ этого Чернышевскій вдругъ сталъ чрезвычайно остороженъ, онъ сталъ запирать кабинетъ свой, когда не только выходилъ со двора, но даже шель объѣдать или чай пить въ столовую; онъ никому не довѣрялъ и единственное лицо, которое пользовалось еще довѣріемъ его, былъ ментранпажъ изъ типографіи Вульфа, Иванъ Михайловъ Стругалевъ. Между литераторами составилось даже убѣжденіе, что Чернышевскій и Некрасовъ находятся подъ вліяніемъ какого-то паническаго страха, который, впрочемъ, распространился и на другихъ ⁴⁾. Поздно вечеромъ 22 декабря къ Чернышевскому пришли четверо мужчинъ, изъ коихъ одинъ въ волчьей шубѣ, не покрытой сукномъ, которые занимались съ нимъ въ кабинетѣ до утра. Въ часъ ночи онъ приказалъ принести самоваръ, но людямъ велѣлъ лечь спать и посѣтелей выпустилъ по черной лѣстницѣ. Судя по наружности, означенный посѣтитель въ волчьей шубѣ былъ, вѣроятно, изъ простаго званія. Около же этого времени сестра г-жи Чернышевской принесла три пачки какихъ-то бумагъ и сама сожгла ихъ, оставаясь передъ печкою до тѣхъ поръ, пока онѣ сгорѣли, и мѣшая собственноручно въ печкѣ. Черезъ нѣсколько дней подобное же сожженіе бумагъ было повторено ⁵⁾. Впослѣдствіи сдѣлалось извѣстнымъ, что жена г. Чернышевскаго развозила по городу какія-то небольшія книжки, завернутыя въ бумагу, и поручала кучеру своему, Никитѣ Тимофѣеву, спрятать ихъ въ сараѣ, но потомъ опять потребовала ихъ себѣ. Тогда полагали, что это были воззванія Герцена, подъ заглавіемъ «Что

¹⁾ Въ Саратовъ.

²⁾ Такой же смыслъ рѣчи передаютъ и Никитенко въ своемъ „Дневникѣ“ и г. Рейнгартъ на стр. 452—453 „Рус. Стар.“ 1905 г. II.

³⁾ М. А. Марковичъ (Маркъ Вовчокъ). Рѣчь шла о деньгахъ за собраніе ея сочиненій, которое Н. Г. устраивалъ у одного изъ издателей.

⁴⁾ Разумѣется, вздоръ.

⁵⁾ Рѣчь идетъ объ Е. С. Васильевой.

нужно народу»¹⁾ и т. п. Справедливость этого подтверждается тѣмъ, что черезъ нѣсколько послѣ сего времени братъ жены его, студентъ Студенскій²⁾, давалъ кучеру Чернышевскихъ брошюру «Что нужно народу» и тотъ читалъ ее въ кухнѣ въ присутствіи всей прислуги и даже постороннихъ. Оказалось, что книжки эти г-жа Чернышевская возила на Вас. островъ въ 8 линію, на подворье къ монахамъ³⁾. Въ мартѣ сего года Чернышевскій, будучи у Некрасова, рассказывалъ, что къ 26 августа по всей Россіи состоятся манифестаціи, въ которыхъ будутъ выражены слѣдующія желанія всего образованнаго сословія:

«Прощеніе политическихъ преступниковъ, всѣхъ безъ исключенія, какіе только находятся въ живыхъ; дарованіе конституціи; свобода печати и уничтоженіе цензуры; отвѣтственность министровъ, гласное судопроизводство и т. п. Онъ говорилъ также, что онъ видѣлся со многими лицами—коноводами въ провинціяхъ этихъ манифестацій, какъ то: изъ Кіева, Харькова, Владиміра и др. городовъ. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ разнесся слухъ объ адресѣ въ пользу преступника Михайлова, и главными двигателями этого называли: Чернышевскаго и подполковника Шелгунова, на адресѣ видѣли даже въ числѣ другихъ подписи Чернышевскаго. Въ маѣ Чернышевскій получилъ изъ-за границы письмо отъ профессора Пыпина, который увѣдомлялъ его, что онъ началъ заниматься своими спеціальными изученіями, но болѣе отрицательно; что берлинскія матрикулы народнаго образованія лучше путятинскихъ, и что онъ приготовляетъ для «Современника» статью о прусскомъ законѣ печатанія. Въ заключеніе же Пыпинъ просилъ отвѣчать ему немедленно.

«Наконецъ Чернышевскій утратилъ совершенно сочувствіе къ себѣ въ литературномъ кругу⁴⁾. Тамъ положительно увѣряли, что, если всѣ безпорядки въ городѣ и произведены молодежью, то, конечно, вслѣдствіе тѣхъ идей, которыя были развиты въ ней партією Чернышевскаго, Героглифова⁵⁾ Елисеѣва⁶⁾ и всѣхъ его сотрудниковъ. Арестаціи нѣсколькихъ изъ посѣщавшихъ Чернышевскаго лицъ и студентовъ⁷⁾, имъ образовываемыхъ, подѣйствовали на него: онъ разстался со всѣми, отправилъ жену въ деревню, распродалъ вещи, экипажи и намѣревался уѣхать, но въ это время открыты положительно его сношенія съ Герценомъ, и онъ арестованъ. Посѣщавшихъ Чернышевскаго въ продолженіе этого времени лицъ

¹⁾ Во-первыхъ, не Герцена, а Огарева; во-вторыхъ, не брошюра, а листокъ. Ольга Софратовна, конечно, никакой развозкой герценовскихъ изданій не занималась.

²⁾ Студенскій не былъ братомъ О. И.

³⁾ Тоже вздоръ.

⁴⁾ Разумѣется, явный вздоръ: раздѣлившійся на двое литературный міръ относился къ Чернышевскому далеко не одинаково.

⁵⁾ Героглифовъ ни въ какой связи съ Чернышевскимъ не стоялъ и былъ однимъ изъ мелкихъ газетныхъ дѣятелей.

⁶⁾ Григорій Захаровичъ Елисеѣвъ, потомъ одинъ изъ членовъ редакціи „Отечественныхъ Записокъ“.

⁷⁾ Кое-кто, дѣйствительно, былъ арестованъ уже по разнымъ поводамъ, но не благодаря знакомству съ Чернышевскимъ.

было чрезвычайно много, по преимуществу литераторы, студенты и молодые офицеры артиллерійскаго и инженернаго вѣдомства. Покойный Добролюбовъ и Михайловъ были его друзьями, полковники Лавровъ и Шелгуновъ пользовались особымъ расположеніемъ его. Вообще Чернышевскаго можно считать главою партіи либеральныхъ литераторовъ.

«Кромѣ сего извѣстно, что въ іюнѣ мѣсяцѣ 1859 г. Чернышевскій ѣздилъ за границу, былъ въ Лондонѣ у Герцена, который до того, по денежнымъ дѣламъ Огарева съ Панаевымъ, бывшимъ редакторомъ «Современника», былъ враждебенъ этому журналу, съ поѣздки же Чернышевскаго за границу со стороны лондонской русской прессы стало появляться сочувствіе къ оному»¹⁾.

Эта «записка» явилась какъ нельзя болѣе во-время. Комиссія не считала, разумѣется, необходимымъ провѣрить «частныя свѣдѣнія». На нихъ вѣдь былъ штампель безупречной истины: самого III Отдѣленія.

Кромѣ того, большія надежды возлагались ею на иногороднюю и заграничную корреспонденцію Чернышевскаго, которую со дня его ареста приказано было доставлять прямо въ III Отдѣленіе, а оттуда въ комиссію. Ждали самой преступной переписки, надѣялись встрѣтить подготовленія манифестаціи 26 августа и. т. д. Но и здѣсь постигло серьезное разочарованіе.

Изъ-за границы были получены сначала два письма Льва Мечникова, въ которыхъ онъ благодарилъ Чернышевскаго за вниманіе къ его литературнымъ предложеніямъ, посылалъ свою статью о Маццини и разрабатывалъ планъ статей о революціи 1848 года въ Италіи. Потомъ, не получая, разумѣется, отвѣта, Мечниковъ вновь напоминаетъ своему корреспонденту о сдѣланныхъ предложеніяхъ и проситъ написать въ первую же свободную минуту.

Изъ провинціи были письма отъ А. Н. Плещеева²⁾, Т. К. Гринвальдъ, просившей Чернышевскаго отвѣтить ей въ Дерптъ на два письма и все еще не вѣрившей возможности потерять умершаго Добролюбова, близкія ея отношенія съ которымъ Н. Г. были хорошо извѣстны, Захарьина (Якунина) о передачѣ забракованной статьи въ редакцію «времени», и друга Добролюбова—М. И. Шемановскаго, посылавшаго статью «Плата за ученіе и училищный налогъ» и просившаго выслать ему денегъ, безъ которыхъ невозможно будетъ продолжать начатое путешествіе по югу Россіи. Все это не обратило бы на себя совершенно никакого вниманія, если бы не

¹⁾ Полное незнаніе обстоятельствъ. Чернышевскій вовсе ѣздилъ не мириться, а объясняться насчетъ статьи Герцена „Very dangerous!!!“ прямо направленной по адресу „Современника“. Объясненія эти ни къ чему не привели и, возвратясь, Чернышевскій не разъ выражалъ сожалѣніе, что ѣздилъ въ Лондонъ... Отношенія ихъ съ Герценомъ остались острыя, не смотря на сочувственныя потомъ замѣтки послѣдняго о Добролюбовѣ и т. п. Кое что о поѣздкѣ рассказываетъ г. Тучкова-Огарева, но въ такихъ серьезныхъ событіяхъ на ея освѣщеніе и память совсѣмъ нельзя полагаться; что же касается ея сообщенія о переговорахъ по поводу изданія за границей „Современника“, то оно положительно невѣрно.

²⁾ Напечатано въ этомъ № „Былого“.

нервное недовольство комиссіи отсутствіемъ прямыхъ и положительныхъ уликъ. Письма Мечникова были исчерканы краснымъ карандашомъ, а письмо Шемановскаго обратило на себя вниманіе черезъ недѣлю, когда онъ прислалъ Чернышевскому нѣсколько лубочныхъ картинъ южнаго производства. Комиссія сейчасъ же пришла къ логическому заключенію, что Шимановскій не иначе, какъ «агентъ Чернышевскаго», и просила III Отдѣленіе «обратить на него вниманіе».

Остальная корреспонденція не стоила даже и такого вниманія, но, всетаки, вся доставлялась въ «Современникъ» черезъ комиссію. Денежные пакеты и тѣ не шли къ Некрасову непосредственно.

III.

А Чернышевскій терпѣливо сидѣлъ въ Алексѣевскомъ рavelинѣ въ компаніи съ Писаревымъ, Баллодомъ и др.

Онъ хорошо зналъ и былъ твердо увѣренъ, что ни въ его бумагахъ, ни въ бумагахъ близкихъ ему лицъ не найдутъ ровно ничего, могущаго служить матеріаломъ для сколько-нибудь добросовѣстно построеннаго обвиненія. Притомъ онъ вѣрилъ въ благоразуміе и элементарную порядочность правительства, не допуская еще мысли о возможности какихъ бы то ни было подлоговъ.

Поддерживая переписку съ женой (бывшей съ дѣтми въ Саратовѣ), Н. Г. всячески ее ободрялъ и успокаивалъ. Надо ли говорить, что всѣ письма, и отправляемая, и получаемая имъ, прочитывались предварительно въ комиссіи.

Послѣдняя обратила особое вниманіе на письмо Н. Г. отъ 5 октября, признала невозможнымъ отправленіе его женѣ и приобщила къ дѣлу, чтобы «имѣть въ виду при допросѣ Чернышевскаго».

Вотъ оно полностью:

«Милый мой другъ, моя несравненная, золотая Леличка,
«Цѣлую тебя мой ангелъ. Я получилъ твои письма отъ 19 и 22 сентября. Теперь я имѣю основаніе думать, что довѣренность тебѣ вышла на дняхъ,—тогда, моя милая, дѣлай, какъ тебѣ угодно, нисколько не сомнѣваясь въ томъ, что мнѣ будетъ казаться наилучшимъ именно то, что ты сдѣлаешь: если не станешь продавать домъ и останешься дожидаться меня въ Саратовѣ,—значитъ, такъ было лучше; если продашь домъ и пріѣдешь въ Петербургъ,—значитъ, такъ лучше. Вѣдь ты знаешь, моя милая, что для меня самое лучшее то, что для тебя лучше. Ты умнѣе меня, мой другъ, и потому я во всемъ съ готовностью и радостью принимаю твоѣ рѣшенія.—Объ одномъ только прошу тебя: будь спокойна и весела, не унывай, не тоскуй; одно это важно, остальное все вздоръ. У тебя больше характера, чѣмъ у меня,—а даже я ни на минуту не тужилъ ни о чемъ во все это время,—тѣмъ болѣе слѣдуетъ быть твердой тебѣ, мой дружокъ. Скажу тебѣ одно: наша съ тобой жизнь принадлежитъ исторіи; пройдутъ сотни лѣтъ, и наши имена все еще будутъ милы людямъ; и будутъ вспо-

минать о насъ съ благодарностью, когда уже забудутъ почти всѣхъ, кто жилъ въ одно время съ нами. Такъ надобно же намъ не уронить себя со стороны бодрости характера передъ людьми, которые будутъ изучать нашу жизнь]].—Въ это время я имѣлъ досугъ подумать о себѣ и составить планъ будущей жизни. Вотъ какъ пойдетъ она: до сихъ поръ я работалъ только для того, чтобы жить. Теперь средства къ жизни будутъ доставаться мнѣ легче, потому что восьмилѣтняя дѣятельность доставила мнѣ хорошее имя. Итакъ, у меня будетъ оставаться время для трудовъ, о которыхъ я давно мечталъ. Теперь планы этихъ трудовъ обдуманы окончательно. Я начну многотомную «Исторію матеріальной и умственной жизни человѣчества»,—исторію, какой до сихъ поръ не было, потому что работы Гизо, Бокля (и Вико даже) дѣланы по слишкомъ узкому плану и плохи въ исполненіи. За этимъ пойдетъ «Критическій словарь идей и фактовъ», основанный на этой исторіи. Тутъ будутъ перебраны и разобраны всѣ мысли обо всѣхъ важныхъ вещахъ и при каждомъ случаѣ будетъ указываться истинная точка зрѣнія. Это будетъ тоже многотомная работа. Наконецъ, на основаніи этихъ двухъ работъ я составлю «Энциклопедію знанія и жизни»—будетъ уже экстрактъ, небольшого объема, два-три тома, написанный такъ, чтобы былъ понятенъ не однимъ ученымъ, какъ два предыдущіе труда, а всей публикѣ. Потомъ я ту же книгу переработаю въ самомъ легкомъ, популярномъ духѣ, въ видѣ почти романа, съ анекдотами, сценами, остротами, такъ чтобы ее читали всѣ, кто не читаетъ ничего кромѣ романовъ. Конечно, всѣ эти книги, назначенныя не для однихъ русскихъ, будутъ выходить не на русскомъ языкѣ, а на французскомъ, какъ общемъ языкѣ образованнаго міра. Чепуха въ головѣ у людей, потому они и бѣдны и жалки, злы и несчастны; надобно разъяснить имъ, въ чемъ истина и какъ слѣдуетъ имъ думать и жить. Со времени Аристотеля не было сдѣлано еще никѣмъ того, что я хочу сдѣлать, и буду я добрымъ учителемъ людей въ теченіе вѣковъ, какъ былъ Аристотель.—А, впрочемъ, я заговорилъ о своихъ мысляхъ: онѣ секретъ, ты никому не говори о томъ, что я сообщаю тебѣ одной (тѣхъ, которые будутъ читать это письмо прежде тебя, я не считаю, потому что они этими вещами не занимаются). Но я рассказалъ тебѣ это для того, чтобы ты видѣла, какъ далекъ я отъ всякаго унынія,—о, нѣтъ, мой другъ, рѣдко когда бывалъ я такъ спокоенъ и доволенъ, какъ въ это время. Смотри же, будь и ты спокойна и бодря. Ты здорова—только это и нужно мнѣ, чтобы я былъ въ хорошемъ расположеніи духа.

«Но что тебѣ сказать о положеніи вздорнаго дѣла, которое служитъ причиною твоего огорченія и лишь по этому одному неприятно мнѣ? Рѣшительно ничего не могъ бы я тебѣ сказать объ этомъ, если бы даже говорилъ съ тобой наединѣ, потому что самъ ровно ничего не знаю: до сихъ поръ мнѣ не сказано ни одного слова объ этомъ дѣлѣ, и оно остается для меня секретомъ, котораго не

разгадалъ бы я при всемъ своемъ умѣ, которымъ такъ горжусь, не разгадалъ бы, если бы и хотѣлъ думать о вздорѣ, о которомъ и не думаю, будучи увѣренъ, что важнаго тутъ не можетъ быть ничего. Когда это дѣло кончится?—тоже не знаю; но, вѣроятно, скоро—вѣдь не годы же оно будетъ тянуться. Ну, можетъ быть, протянется еще мѣсяць, другой,—вѣдь три цѣлыхъ мѣсяца уже прошло,—а можетъ быть, и одного мѣсяца не протянется, — я ровно ничего не знаю, мой дружочекъ. Можно только судить по здравому смыслу, что большая половина этого нашего времени разлуки уже прошла. Будь же умница, мой дружочекъ, будь весела и спокойна,—за это я поклонюсь тебѣ въ ножки и расцѣбую ихъ.—Быть можетъ, мой милый ангель, ты вздумаешь, что лучше тебѣ дождаться въ Саратовѣ довѣренности и выѣхать уже по продажѣ дома, — если такъ, то такъ; а впрочемъ, тебѣ виднѣе это; вѣдь тутъ все зависить отъ денегъ,—продавъ домъ, ты будешь имѣть ихъ; а теперь имѣешь ли? Напиши объ этомъ. Когда мнѣ скажутъ что-нибудь, я увѣдомлю тебя, а теперь ровно ничего не знаю и ужъ по этому одному долженъ все предоставлять единственно твоему разсужденію, моя золотая Ляличка, если бы не былъ всегда расположенъ во всемъ думать, что ты лучше меня можешь судить, какъ и что надобно сдѣлать. Вѣдь ты у меня золотая умница, и за это я цѣбую тебя. Твой

Н. Чернышевскій.

«Чуть не забылъ приписать, что я здоровъ. Цѣбую дѣтишекъ. Будь здорова и спокойна. Тысячи и миллионы разъ цѣбую твои ручки, моя несравненная умница и красавица, Ляличка,—не тоскуй же смотри, будь (нѣсколько словъ на нижней строчкѣ стерлись отъ времени съ бумагой.—*М. Л.*). А какая отличная борода отросла у меня: просто загляднѣе».

Прочтя письмо, читатель, что бы вы думали, обратило на себя особое вниманіе комиссіи? Мѣсто, заключенное мною въ двойныя прямыя скобки. Комиссія увидѣла въ немъ непомятое самовозвеличеніе, преступную гордость! Она совершенно не поняла, что именно умный человѣкъ не могъ серьезно написать такого письма; что потому Чернышевскій и просилъ Ольгу Сократовну никому не разсказывать о его «планахъ», что понималъ, какъ они должны показаться всякому смѣшными своею совершенною несбыточностью. Онъ просто убѣждалъ жену въ полномъ своемъ спокойствіи. Дальше читатель встрѣтитъ объясненіе этого письма, сдѣланное самимъ Чернышевскимъ.

Наконецъ, когда комиссія увидѣла, что если и можно что получить въ видѣ уликъ, то только путемъ допроса самого Чернышевскаго, который, конечно, де проговорится, — она дала ему первый допросъ 30 октября, предварительно, слѣдуя общеустановленной формѣ,—сдѣлавъ ему черезъ протоіерея Полисадова «священническое увѣщаніе», чтобы показывалъ сущую правду».

Вотъ этотъ допросъ.

«Николай Гавриловичъ Чернышевскій; происхожу изъ духовнаго

званія; имѣю чинъ титулярнаго совѣтника и нахожусь въ отставкѣ, вѣроисповѣданія православнаго. На исповѣди и у св. причастія бывалъ, но не ежегодно, пропуская иногда обычное время говѣнія по множеству занятій. Женатъ на дочери покойнаго коллежскаго (или статскаго—не помню) совѣтника Сократа Евгеньевича Васильева, служившаго врачомъ при Саратовской удѣльной конторѣ; имя моей жены Ольга Сократовна. Мы имѣемъ двухъ сыновей: Александра, 8 лѣтъ, и Михаила, 4 лѣтъ ¹⁾. Жена и дѣти мои находятся нынѣ въ Саратовѣ.

«Отъ роду мнѣ 34 года. Воспитывался сначала въ Саратовской духовной семинаріи, потомъ въ Петербургскомъ университетѣ, въ которомъ кончилъ курсъ въ 1850 или 1851 году (кажется, въ 1850, но не ручаюсь, что именно тогда, а не годомъ позже) ²⁾.

«По окончаніи курса служилъ сначала преподавателемъ во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, потомъ (весною 1851 г., кажется) уѣхалъ учителемъ гимназіи въ Саратовъ ³⁾; весною 1853 г. возвратился въ Петербургъ и служилъ года два опять преподавателемъ во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ ⁴⁾; прослуживъ срокъ, требующійся для утвержденія въ чинѣ, вышелъ въ отставку, — кажется, въ началѣ 1856 или, можетъ быть, и въ началѣ 1855 года (последняя цифра, вѣроятно, точнѣе, но не помню хорошенько) ⁵⁾; потомъ черезъ годъ или годъ съ небольшимъ, причислился на службу въ С.-Петербургское губернское правленіе ⁶⁾, не принимая никакой должности въ немъ, лишь бы считаться на службѣ въ угожденіе отцу, которому это нравилось. Такое зачисленіе на службу устроилъ тогдашній петербургскій вице-губернаторъ, г. Муравьевъ; когда онъ былъ переведенъ изъ Петербурга, и поступилъ новый вице-губернаторъ, незнакомый мнѣ, разумѣется, нельзя стало мнѣ числиться на службѣ, не неся никакихъ занятій по ней, и я вышелъ въ отставку—кажется, въ 1858 г., а можетъ быть, и въ 1859—не помню хорошенько ⁷⁾.

«Недвижимую собственность я имѣю: по наслѣдству отца своего и своей матушки домъ въ городѣ Саратовѣ и нѣскольکو десятинъ земли (должно быть, около 25 или 30 десятинъ) въ Аткарскомъ уѣздѣ Саратовской губерніи.

«Подъ судомъ не былъ.

«Съ 1854 года, то есть почти съ самаго возвращенія своего въ Петербургъ изъ учительства въ Саратовѣ, занимался литературой».

В. «Съ кѣмъ вы знакомы въ Петербургѣ, Москвѣ и другихъ мѣстахъ Россіи, равно за границу; когда и по какому случаю

¹⁾ Всѣ въ настоящее время здравствуютъ. Былъ сынъ еще Викторъ, родившійся 31 января 1856 г., но потомъ вскорѣ умершій.

²⁾ Въ 1850 г., со степенью кандидата.

³⁾ Назначеніе туда произошло 6 января 1851 года.

⁴⁾ Тамъ и въ Саратовѣ преподавалъ русскую словесность.

⁵⁾ Высоч. приказомъ 1 мая 1855 года.

⁶⁾ Выс. приказомъ 7 декабря 1856 г. зачисленъ канцелярскимъ чиновникомъ съ 13 ноября того же года.

⁷⁾ 4 марта 1859 г.

съ каждымъ изъ нихъ познакомились и въ какихъ находились сношеніяхъ?».

О. «Занимаясь въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ редакціею одного изъ большихъ журналовъ, я долженъ былъ быть знакомъ съ сотнями или тысячами лицъ въ Россіи. Пересчитывать ихъ всѣхъ здѣсь было бы слишкомъ долго, да и напрасно, напрасно потому, что нужно только пересчитывать людей, писавшихъ въ журналахъ петербургскихъ и московскихъ,—и тотъ, кто потрудится пересчитывать ихъ, будетъ пересчитывать почти все знакомыхъ мнѣ. Отношенія эти у меня къ нимъ были чисто литературныя,—по помѣщенію статей въ журналѣ «Современникъ» и по платѣ денегъ за статьи.—По случаю помѣщенія статей г. Мечникова въ «Современникъ» я писалъ ему раза два или три въ Италію, гдѣ онъ тогда (въ первой половинѣ 1862 г.) жилъ. Содержаніе писемъ моихъ къ г. Мечникову было таково: «такая-то статья Ваша получена или напечатана мною. Деньги за нее Вамъ посылаются или будутъ посланы»¹⁾.

В. «По имѣющимъ въ комиссіи свѣдѣніямъ вы обвиняетесь въ сношеніяхъ съ находящимися за границею русскими изгнанниками и другими лицами, распространяющими злоумышленную пропаганду противъ нашего правительства, и съ сообщниками ихъ въ Россіи; равно въ содѣйствіи имъ къ достиженію преступныхъ ихъ цѣлей. Объясните: съ кѣмъ именно изъ этихъ лицъ вы были въ сношеніяхъ, въ чемъ заключались эти сношенія и ваши вслѣдствіе оныхъ дѣйствія, а также, кто участвовалъ съ вами въ этомъ дѣлѣ?»

О. «Мнѣ очень интересно было бы знать, какія свѣдѣнія могутъ имѣться о томъ, чего не было. Подъ русскими изгнанниками тутъ, вѣроятно, разумѣются гг. Герценъ и Огаревъ (это предположеніе я высказываю здѣсь потому, что ихъ фамиліи были мнѣ сказаны лицомъ, предлагавшимъ мнѣ изустные вопросы, имени и фамиліи котораго не имѣю чести знать²⁾)—всему литературному міру извѣстно, что я нахожусь въ личной непріязни съ ними по дѣлу г. Огарева съ г-жею Панаевою изъ-за имѣнія, которымъ управляла г-жа Панаева, по довѣренности г. Огарева. Непріязнь эта давнишняя.

«Какихъ соумышленниковъ имѣютъ и имѣютъ ли или нѣтъ какихъ соумышленниковъ въ Россіи гг. Герценъ и Огаревъ, мнѣ неизвѣстно.

«Я принужденъ здѣсь выразить свое удивленіе тому, что мнѣ предлагаются подобные вопросы.

«Прибавлю, что и по дѣлу г. Огарева съ г-жею Панаевою я не имѣлъ ни съ г. Огаревымъ, ни съ г. Герценомъ никакихъ сношеній. Точно также не имѣлъ я сношеній ни съ кѣмъ другимъ изъ русскихъ изгнанниковъ».

¹⁾ По отвѣтамъ Мечникова видно, что, въ сущности, письма были, конечно, вовсе не такого казенно-шаблоннаго характера, но Чернышевскій зналъ, съ кѣмъ имѣлъ дѣло, и былъ увѣренъ, что писемъ къ Мечникову комиссія не увидитъ.

²⁾ Генераломъ Огаревымъ.

Прочтя вопросные пункты, Чернышевскому стало совершенно ясно, что онъ не ошибался, что за четыре мѣсяца усиленной работы комиссія не нашла никакихъ серьезныхъ уликъ, и потому рѣшилъ держать себя съ нею совершенно опредѣленно и притомъ вызывающе.

Мало того, что онъ написалъ приведенные отвѣты, но по окончаніи допроса заявилъ еще, что подастъ жалобу на дѣйствія комиссіи, какъ только кончится это дѣло. Можно себѣ представить, какъ обозлилась комиссія всесильнаго Голицына...

Но она понимала свое неловкое положеніе.—На слѣдующій день она постановила признать послѣдніе отвѣты Чернышевскаго «неумѣстными» и, имѣя въ виду статью закона, по которой отвѣты должны излагаться безъ всякихъ околичностей, положила «потребовать отъ Чернышевскаго, чтобы на предложенные ему вопросы дать объясненіе, согласное съ требованіемъ закона».

1 ноября Чернышевскій былъ вытребованъ въ комиссію и написалъ другой отвѣтъ на послѣдній вопросъ: «Ни съ кѣмъ изъ лицъ, распространяющихъ противъ правительства злоумышленную пропаганду, и ни съ кѣмъ изъ находящихся за границею русскихъ изгнанниковъ и ни съ кѣмъ изъ ихъ сообщниковъ въ Россіи я не былъ ни въ какихъ сношеніяхъ. Прибавлю, что мнѣ и неизвѣстно, находятся ли таковыя сообщники у нихъ въ Россіи».

Повидимому, Чернышевскій надѣялся скоро быть выпущеннымъ и когда увидѣлъ, что надежда эта становится несбыточной, 20 или 22 ноября рѣшилъ написать два письма: одно государю, другое петербургскому генераль-губернатору, кн. Суворову. Въ первомъ онъ, вѣроятно, объяснялъ всю незаконность правительства въ отношеніи къ себѣ, во второмъ—просилъ Суворова, почти единственнаго умнаго и порядочнаго представителя тогдашней придворной и бюрократической камарилы, пояснить государю дѣйствія комиссіи. Дальше читатель нѣсколько разъ встрѣтитъ упоминанія Чернышевскаго объ этихъ письмахъ, но познакомить его съ ними я не имѣю, къ сожалѣнію, возможности: въ сенатскомъ дѣлѣ ихъ нѣтъ, въ комиссію они доставлены не были и, вѣроятно, припрятаны III Отдѣленіемъ, которое, конечно, получило ихъ отъ коменданта. Почему же оно ихъ скрыло? Разумѣется, потому, что считало справедливо рисующими картину собственнаго произвола и понимало, что передавъ эти письма официально въ комиссію, должно будетъ пустить ихъ и дальше—въ сенатъ и государственный совѣтъ, а это не входило въ расчеты ни кн. Долгорукова, ни Потапова...

Досугъ свей Чернышевскій употреблялъ на работу.

Началъ онъ ее переводомъ 16-го тома «Всемірной исторіи» Шлоссера, разобранной по томамъ имъ, Зайцевымъ, Обручевымъ и Серно-Соловьевичемъ. 15-й былъ готовъ еще до крѣпости и, по просьбѣ Чернышевскаго, былъ переданъ комиссіей въ типографію Огризко. 16-й былъ сначала данъ на просмотръ сенатору Гедда, а потомъ въ декабрѣ переданъ черезъ оберъ-полицеймейстера тоже Огризко, но тотъ отказался принять его, не зная, у него ли будетъ

печататься, и рукопись была сдана въ магазинъ Серно-Соловьевича.

15 января 1863 года Потаповъ передалъ комиссії начало романа «Что дѣлать?» и письмо Чернышевскаго женѣ. Рѣшено было романъ передать на просмотръ Каменскому, а письмо не посылать, пока не будетъ прочтена рукопись. 26 января она была послана оберъ-полицеймейстеру для передачи А. Н. Пыпину, съ правомъ напечатать ее «съ соблюденіемъ установленныхъ для цензуры правилъ». Каменскій, слѣдовательно, не нашель въ ней ничего относящагося къ дѣлу Чернышевскаго, а комиссія и не думала смотрѣть на «Что дѣлать?» съ точки зрѣнія цензора — предполагалось, что эту обязанность будутъ нести профессиональные цензора.

Начатый такимъ образомъ свой романъ Чернышевскій рѣшилъ, однако, прервать энергичной борьбой съ комиссіей.

22 января онъ написалъ коменданту крѣпости, генералу Сорокину, слѣдующую записку:

«Надѣясь, что дѣло его достаточно разъясненно теперь, Чернышевскій имѣеть честь покорнѣйше просить Ваше Превосходительство представить съ Вашимъ ходатайствомъ на разсмотрѣніе, кому слѣдуетъ, его желанія:

1. Чтобы ему *немедленно* было разрѣшено видѣться съ его женою постоянно.

2. Чтобы комиссія пригласила его для сообщенія ему тѣхъ свѣдѣній о положеніи его дѣла, которыя могутъ быть сообщены безъ всякаго нарушенія какой-либо слѣдственной тайны, — именно, въ какое приблизительно время дѣло Чернышевскаго можетъ быть окончено производствомъ. Чѣмъ оно кончится, этого онъ не спрашиваетъ; это ему извѣстно; но *когда* оно кончится, — это онъ жаеетъ знать.

«22 января 1863 г.

Н. Чернышевскій.

«Р. С. Если онъ не получить отвѣта до четверга вечера (24 ч. января), то онъ будетъ знать, что не нашли удобнымъ или нужнымъ обращать вниманіе на эти его желанія. 22 января 1863 г.

Н. Чернышевскій.

Сорокинъ, по долгу службы, отправилъ эту записку въ III Отдѣленіе, вѣдавшее Алексѣевскимъ равелиномъ.

На слѣдующій день Потаповъ передалъ ее въ комиссію. Она положила «пріобщить къ дѣлу» новый документъ и... все. Чернышевскій терпѣливо прождалъ 22-е, 23-е и день 24-го; наконецъ, вечеромъ послалъ Сорокину записку: «Чернышевскій имѣеть честь покорнѣйше просить Его Превосходительство Г-на Коменданта извѣстить его, полученъ ли Его Превосходительствомъ какой-либо отвѣтъ на записку Чернышевскаго отъ 22-го числа этого мѣсяца. — Вечеръ 24 января 1863 г.

Н. Чернышевскій.

Сорокинъ послалъ и эту записку въ III Отдѣленіе. Отвѣта не получалось. 1 февраля комиссія и ее «пріобщила къ дѣлу».

Чернышевскій прождалъ еще до утра 28-го января и началъ голодовку...

Это было тогда совершенною новостью. Къ ней не были приготовлены.

Вотъ что рассказываетъ помощникъ смотрителя равелина: «Дѣло было такъ: нижніе чины караула, да и самъ смотритель, замѣтили, что арестантъ подъ № 9, т. е. Чернышевскій, замѣтно блѣднѣетъ и худѣетъ. На вопросъ о здоровьѣ онъ отвѣчалъ, что совершенно здоровъ. Пища, приносимая ему, повидимому, вся съѣдалась. Между тѣмъ, дня черезъ четыре, караульные доложили смотрителю, что въ камерѣ № 9 началъ ощущаться какой-то тухлый запахъ. Тогда, во время прогулки Чернышевскаго въ садикѣ, осмотрѣли всю камеру и оказалось, что твердая пища имъ пряталась, а щи и супъ выливались... Стало очевидно, что Чернышевскій рѣшился умереть голодною смертию... Ни увѣщанія добряка смотрителя, ни воздѣйствія со стороны III Отдѣленія долго не вліяли на него. Приказано было, однако, приносить ему въ камеру всю пищу по прежнему ежедневно, но онъ еще 3—4 дня не дотрогивался до нея и пилъ только по 2 стакана воды въ день. Соблазнительный ли запахъ пищи, страхъ ли мучительной голодной смерти или другія побужденія, но на 10-й день Чернышевскій сталъ ѣсть и недѣли черезъ двѣ онъ совершенно оправился»¹⁾.

Состоявшій при крѣпости докторъ Оксель 3 февраля донесъ коменданту, что Чернышевскій голодаетъ, вслѣдствіе чего «замѣтно слабъ», «цвѣтъ лица у него блѣдный, пульсъ нѣсколько слабѣе обыкновеннаго, языкъ довольно чистый; прописанныя ему капли для возбужденія аппетита онъ принималъ только два раза, а 3-го числа объявилъ, что не намѣренъ принимать таковыя, и что онъ воздерживается отъ пищи не по причинѣ отсутствія аппетита, а по своему капризу».

Утромъ 6-го февраля Чернышевскій прекратилъ голодовку, выдержавъ, такимъ образомъ, девять дней.

7-го же Потаповъ довелъ обо всемъ этомъ до свѣдѣнія коммисіи. Утромъ 6-го Чернышевскій писалъ коменданту:

«Такъ какъ только черезъ Ваше Превосходительство я имѣю сношеніе съ правительствомъ надежнымъ для меня образомъ и такъ какъ, безъ сомнѣнія, будетъ спрошено Ваше мнѣніе о случаѣ, возбужденномъ мною²⁾, то я съ Вашего согласія, изустно сообщеннаго мнѣ г. Смотрителемъ, письменно прошу Васъ прямо сказать мнѣ, изустно или письменно: достаточно ли убѣждены Вы въ совершенной серьезности и твердости моей воли, которая была изустно объявлена мною Вамъ³⁾.—По неопытности въ различеніи симптомовъ страданія, я слишкомъ рано пріостановилъ продолженіе начатаго мною. Но я держу свой организмъ въ такомъ состояніи, что результаты, которыхъ я достигъ въ предыдущіе десять

¹⁾ Ив. Борисовъ, „Алексѣевскій равелинъ въ 1862—1865 гг.“, „Рус. Стар.“ 1901 г. XII.

²⁾ Почему такъ осторожно говоритъ онъ о голодовкѣ, неизвѣстно.

³⁾ Очевидно, передъ этимъ были разговоры лично съ комендантомъ.

дней, нисколько не пропадаютъ: и если Ваше Превосходительство еще недостаточно убѣждены, я возобновлю свое начатое, безъ всякой потери времени съ прежнимъ намѣреніемъ итти, если нужно, до конца. Мнѣ непріятенъ скандалъ, но не я причина его; вѣроятно, и Ваше Превосходительство также нисколько не причина его,—по крайней мѣрѣ, я въ томъ убѣжденъ, что Вы — не причина его.

«Прошу Васъ отвѣчать мнѣ — этого требуетъ ужъ и обыкновенная учтивость. Но если Вы не будете отвѣчать нынѣ (въ среду), это будетъ для меня значить, что Вы недостаточно убѣждены въ серьезности моего намѣренія. Въ такомъ случаѣ прилагаемая (запечатанная) записка моя къ Его Свѣтлости г. Генераль-Губернатору не можетъ имѣть успѣха, и для меня все равно, какъ Вы найдете нужнымъ распорядиться ею.

«Если же Вы достаточно убѣждены въ серьезности и твердости моей воли, я прошу Ваше Превосходительство помочь мнѣ испытать послѣднее средство избѣжать мнѣ отъ развязки, гибельной для меня и невыгодной для правительства: я прошу Васъ передать Его Свѣтлости г. Генераль-Губернатору мою записку къ нему. Она запечатана, — это требуется деликатностью относительно Его Свѣтлости. Но копія записки остается у меня и, если Вамъ нужно или угодно, Вы можете взять у меня копію, которую я въ такомъ случаѣ пришлю Вамъ также запечатанною, какъ это письмо — запечатанною потому, что я желаю избѣжать всякаго скандала. Съ истиннымъ уваженіемъ имѣю честь быть Вашего Превосходительства покорнѣйшій слуга *Н. Чернышевскій*. 7-го февраля 1863».

«P.S. Понятно, почему я пріостанавливаю начатое, когда въ послѣдній разъ пробую вступить въ переговоры, — это для того, чтобы по возможности не имѣть ненужнаго угрожающаго вида, *Н. Чернышевскій*. P.P.S. Прошу Ваше Превосходительство, не пренебрегайте моею просьбою. Дѣло нисколько не шуточное. Съ этой минуты, если еще эта попытка не удастся, я уже не буду тревожить никого ни однимъ словомъ».

А вотъ что писалось князю Суворову:

«Ваша Свѣтлость, я обращаюсь къ Вамъ, какъ человѣкъ, въ которомъ соединяются два качества, очень рѣдкія между нашими правительственными лицами: здравый смыслъ и знаніе правительственныхъ интересовъ. Моя судьба имѣетъ нѣкоторую важность для репутациі правительства. Она поручена людямъ (членамъ слѣдственной комиссіи), дѣйствія которыхъ показываютъ — тупость ума или всѣхъ ихъ, или большинства ихъ — говорю прямо, потому что это мое письмо вѣдь не для печати. — Для меня жизненный вопросъ, а для репутациі правительства не ничтожное дѣло, чтобы на мою судьбу обратилъ вниманіе человѣкъ, могущій здраво судить о правительственныхъ интересахъ, какимъ я знаю Вашу Свѣтлость.

«Мои желанія очень умѣренны. Я могу указать средства, кото-

рыми правительство можетъ исполнить ихъ съ честью для себя, нисколько не принимая вида, что дѣлаетъ мнѣ уступку, — нѣтъ, видъ будетъ только тотъ, что оно узнало ошибку нѣкоторыхъ мелкихъ чиновниковъ, и какъ скоро узнало, благородно исправило ее.

«Это объясненіе гораздо удобнѣе было бы сдѣлать изустно, чѣмъ письменно: въ разговорѣ всякія недоумѣнія съ той или другой стороны тотчасъ же могутъ быть устранены. Потому я прошу Вашу Свѣтлость навѣстить меня. Но если вы не имѣете времени исполнить эту мою просьбу, я прошу у Васъ разрѣшенія писать къ Вамъ, но лично къ Вамъ и только къ Вамъ, — потому что, какъ я сказалъ, я только въ Васъ вижу качества, какія нужны государственному человѣку для здраваго пониманія государственныхъ интересовъ и выгодъ правительства. Съ истиннымъ уваженіемъ имѣю честь быть Вашей Свѣтлости покорнѣйшимъ слугою *Н. Чернышевскій*. 7 февраля 1863».

Уже изъ того, что Чернышевскій считалъ свою голодовку въ десять дней и 6-е февраля счелъ за 7-е, которымъ и датировалъ оба документа, можно видѣть, какъ подѣйствовалъ на него самого оригинальный тогда протестъ...

Сорокинъ разсудилъ за лучшее вытребовать у Чернышевскаго и копію и всѣ три документа тотчасъ отправилъ въ III Отдѣленіе. На слѣдующій день они были получены въ комиссію, а Суворовъ опять ничего не получилъ. 7-го числа Сорокинъ передалъ свой отвѣтъ Чернышевскому весьма неопредѣленно и Н. Г. пишетъ ему: «Отвѣтъ Вашего Превосходительства переданъ мнѣ въ неясномъ видѣ—это обыкновенное неудобство сношеній черезъ третье лицо. Я спрашивалъ Васъ: совершенно ли Вы убѣждены въ твердости моего намѣренія. Прошу Васъ прислать въ отвѣтъ одно изъ двухъ словъ: «да» или «нѣтъ», не прибавляя къ этому одному слову ничего, чтобы опять не вышло путаницы. Итакъ—«да» или «нѣтъ». 7 февраля 1863. *Н. Чернышевскій*».

Неизвѣстно, что отвѣтилъ на это комендантъ.

11 февраля комиссія положила «всѣ эти документа приобщить къ дѣлу».

12-го Чернышевскій посылаетъ Пыпину уже 35 убористо написанныхъ страницъ продолженія «Что дѣлать?» и полулистъ замѣтокъ о необходимыхъ поправкахъ при корректурѣ. Все это получено комиссіей на слѣдующій день. Разсмотрѣніе рукописи было поручено генералу Слѣпцову, и потомъ она была отправлена Пыпину.

Оригинально, что писаніе романа Чернышевскій прерывалъ, и довольно на продолжительные сроки, переводомъ исторіи Гервинуса и Маколея, которые разсматривались обычнымъ порядкомъ и доставлялись полиціей Пыпину.

Должно быть, отвѣтъ коменданта на вопросъ: «да» или «нѣтъ» заключалъ въ себѣ какую-нибудь угрозу, потому что, выждавъ семь дней, 14 февраля Чернышевскій пишетъ ему: «Вотъ недѣля

проходить послѣ моего свиданія съ Вами, и мнѣ кажется, что ждать больше было бы напрасною потерю времени, и что Вамъ пора принимать противъ меня мѣры строгости, о которыхъ Вы говорили. 14 февраля 1863, утро, *Н. Чернышевскій*».

18 февраля комиссія, наконецъ, рѣшила не вызывать Чернышевскаго на вторичную голодовку и разрѣшить свиданіе съ женою въ присутствіи своихъ нѣкоторыхъ членовъ.

23 февраля, черезъ семь съ половиною мѣсяцевъ послѣ ареста, Чернышевскій, наконецъ, впервые увидѣлъ свою жену.

Передъ этимъ онъ былъ посѣщенъ въ казематѣ членами комиссіи, но объ этомъ ниже мы прочтемъ его собственный рассказъ. Они обѣщали черезъ нѣсколько дней его освободить. Вѣря обѣщанію, Н. Г. пишетъ комиссіи: «Чернышевскій просилъ бы увѣдомить его, когда будетъ назначено новое свиданіе его жены съ нимъ, и, если это не представляетъ неудобствъ, назначить его завтра, въ четвергъ.—Среда, 27 февраля 1863. *Н. Чернышевскій*».

Обѣщаніе и просьба, разумѣется, не были исполнены.

Ольга Сократовна успѣшила прислать мужу довольно много книгъ, рукописей изъ редакціи и новыхъ журналовъ: въ первыхъ числахъ февраля вышли уже первыя книжки „Современника“ и „Русск. Слова“, отбывшихъ наложенную на нихъ кару. Комендантъ адресовался къ Потапову, а послѣдній сообщилъ комиссіи, прибавивъ, что „для доставленія арестантамъ Алексѣевскаго рavelина развлеченія чтеніемъ, разрѣшено давать имъ книги изъ библіотеки, заведенной для сего при крѣпости“. Комиссія нашла, что все присланное Чернышевскому женою можно ему выдать, исключая *современныхъ* журналовъ.

4 марта Н. Г. пишетъ вторично въ комиссію: „Чернышевскій имѣетъ честь напомнить о той просьбѣ, которую онъ выражалъ въ своей запискѣ отъ 27 февраля. — Марта 4, 1863 г. *Н. Чернышевскій*“. Комиссія рѣшила молчать.

Тогда 7 марта Н. Г. пишетъ Сорокину:

„Ваше Превосходительство, со мною опять начинаютъ шалить. Задерживаютъ письма моей жены; не обращаютъ вниманія на мои желанія, о которыхъ я *знаю*, что для исполненія ихъ нѣтъ препятствій; даже не отвѣчаютъ на мои желанія, что уже просто невѣжливо; наконецъ, я не вижу исполненія того, что мнѣ было сказано въ глаза 23 февраля о *нѣсколькихъ* дняхъ.

„Сдѣлайте одолженіе, Ваше Превосходительство, употребите Ваше вліяніе на то, чтобъ убѣдить другихъ въ напрасности и неудобствѣ этихъ шутокъ. Я не знаю, кто это шутитъ; но, вѣроятно, лица, говорившія со мною 23 февраля, поддержать Ваше мнѣніе, что шутки эти пора прекратить.

„Когда мое терпѣніе истощится, я, по своему обѣщанію, предупрежу Ваше Превосходительство. Теперь пока, я думаю, что его еще достанетъ на нѣсколько времени. Но вѣрнѣе было бы не испытывать его. Нынѣ *восемь* мѣсяцевъ, какъ его испытываютъ, — кажется, этого довольно.

„Боже мой, что у насъ какъ все неловко и неумѣстно шалеть надъ людьми! Пора бросить эту старую привычку, — ею надѣлано довольно уже много такого, чему вовсе не слѣдовало быть и что, конечно, не приноситъ пользы правительству. Съ истиннымъ уваженіемъ имѣю честь быть Вашего Превосходительства покорнѣйшимъ слугою *Н. Чернышевскій*. 7 марта 1863 г.“

Но комиссія знала, почему она шутила. У Потапова созрѣлъ смѣлый планъ, и дѣло изъ фазиса полнаго отсутствія уликъ, вотъ-вотъ, должно было перейти въ другой.

III-е Отдѣленіе работало...

ЧАСТЬ II.

Два лжесвидѣтеля и одинъ подложный документъ.

I.

Въ августѣ 1861 г. въ Москвѣ было открыто тайное печатаніе противоправительственныхъ изданій. Привлеченными оказались отставной корнетъ Всеволодъ Костомаровъ, Иванъ Гольцъ-Миллеръ, Петръ Петровскій-Ильенко, Александръ Новиковъ, Яковъ Сулинъ, Леонидъ Яценко, Сваричевскій и др. Въ результатъ разбора въ 6 (московскомъ) департаментѣ сената дѣла «о составленіи и распространеніи злоумышленныхъ сочиненій», опредѣленіе котораго было утверждено государственнымъ совѣтомъ, подтверждено государемъ и объявлено обвиняемымъ 2 января 1863 года, Костомаровъ былъ разжалованъ въ рядовые и назначенъ въ отдѣльный кавказскій корпусъ, а передъ этимъ долженъ былъ просидѣть въ крѣпости шесть мѣсяцевъ. Другіе понесли тоже серьезныя кары.

Съ біографіей Костомарова читатель познакомится хорошо впоследствии, а теперь я только напомню ему, что этому господину М. И. Михайловъ обязанъ былъ своей каторгой. Онъ занимался литературой и потому имѣлъ въ ней много знакомствъ и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ. Шелгуновъ говоритъ, что у него былъ «какъ бы подавленный, нѣсколько жалкій видъ; въ немъ чувствовались бѣдность и не то какая-то робость, не то какая-то зависимость. Вообще онъ на свое положеніе жаловался и, какъ видно, очень нуждался. У Костомарова былъ узкій сверху и убѣгающій назадъ, совершенно ровный, безъ возвышенія лобъ и подъ гребенку остриженная голова. Костомаровъ обыкновенно смотрѣлъ внизъ и рѣдко заглядывалъ въ глаза, а если это и случалось, то онъ сейчасъ же опускалъ глаза книзу. Разговаривалъ Костомаровъ мало, да и вообще говорилъ немного и имѣлъ видъ человѣка молчаливаго и сосредоточеннаго. На меня эта молчаливость, глаза, опущенные книзу, и убѣгающій узкій гладкій лобъ производили впечатлѣніе силы и рѣшимости. Нужно думать, что такое впечатлѣніе производилъ Костомаровъ и не на меня одного. Во всякомъ случаѣ, ему вѣрили,

его жалѣли, ему старались помочь и помогали въ дѣйствительности».

Эта часть характеристики написана до приговора надѣ Костомаровымъ общественнаго мнѣнія, вслѣдъ за начатіемъ названнаго выше процесса. А вотъ какъ онъ характеризовался Шелгуновымъ послѣ: „Главными отличительными чертами характера Костомарова, какъ мнѣ кажется, были трусость и хвастливость. Хвастливость довела его и до либеральныхъ стишковъ и до ихъ печатанія. Вообще эта натура была придавленная, приниженная и пассивная. И вотъ, когда ужъ и такъ урѣзанная жизнь Костомарова кончилась заключеніемъ и солдатчиной, этого оказалось слишкомъ, чтобы онъ могъ вынести безъ протеста, но протеста въ формѣ жалобы и обвиненія другихъ. Это обыкновенная форма протеста всѣхъ слабыхъ людей, привыкшихъ повиноваться чужой волѣ. Слабый и неуверенный, Костомаровъ, потерявъ душевное равновѣсіе, потерялъ и способность правильно понимать и свои поступки. Личное чувство, и такъ уже въ немъ, должно быть, безмѣрное, въ заключеніи развилось еще больше, онъ преувеличивалъ свое несчастье и озлобился. Неоспоримо, что это былъ человѣкъ больной и несчастный“¹⁾.

Чернышевскій говорилъ, что былъ увѣренъ въ душевной болѣзни Костомарова, въ его психической ненормальности и даже просилъ М. И. Писарева говорить объ этомъ всѣмъ, кто о немъ вспомнить²⁾.

Итакъ, этотъ самый Костомаровъ сидѣлъ въ „Петропавловкѣ“. Повидимому, III Отдѣленіе еще раньше во время процесса оцѣнило его. Неизвѣстно, въ какую форму выливались ихъ взаимныя отношенія, насколько они были трогательны и платоничны, но такъ или иначе, по обстоятельствамъ дѣла Чернышевскаго *понадобилось* извлечь Костомарова изъ каземата и выпустить на свѣжій воздухъ, подѣ менѣе суровый и бдительный присмотръ. Для этого III Отдѣленіе пошло на освобожденіе его изъ крѣпости еще въ концѣ февраля, т. е. продержавъ тамъ Костомарова только мѣсяцъ съ небольшимъ вмѣсто полугода. 28 февраля его отправили къ мѣсту новаго служенія, на Кавказъ, но не въ сопровожденіи, какъ бы слѣдовало, двухъ нижнихъ чиновъ, а одного изъ выдающихся тогда расторопностью и „способностями“ жандармскаго капитана Чулкова...

1 марта они прибыли въ Москву, и, какъ доносилъ Чулковъ, „по слабости здоровья Костомарова“, остановились тамъ на сутки. Къ нимъ явился бывшій переписчикъ Костомарова — Яковлевъ и сдѣлалъ весьма важное открытіе въ разговорѣ съ бывшимъ своимъ принципаломъ: ему де извѣстны всѣ отношенія Чернышевскаго къ Костомарову. Чулковъ, приготовленный еще раньше къ приходу

¹⁾ Изъ неизданной части воспоминаній, по уцѣлѣвшему отъ сожженія печатному экземпляру.

²⁾ Рейнгардтъ, и. с., „Рус. Стар.“. 1906 г., 11, 473, 475.

этого гостя, явившагося по вызову Костомарова особой запиской, очень предупредительно подалъ Яковлеву бумагу и просилъ задокументировать все разсказанное. Яковлевъ, разумѣется, исполнилъ просьбу безъ особыхъ приглашеній...

Надо было, конечно, и дѣйствовать, и благодарить.

Для этого Чулковъ тутъ же написалъ Потапову: „Вашему Превосходительству осмѣливаюсь рекомендовать подателя сего, московскаго мѣщанина Петра Васильева Яковлева, который очень можетъ быть полезенъ во многихъ случаяхъ; онъ мнѣ уже оказалъ услугу, и покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство принять его подъ милостивое Ваше покровительство“¹⁾. Вручивъ Яковлеву эту многозначительную рекомендацію, Чулковъ далъ ему на дорогу въ Петербургъ. Костомаровъ, въ свою очередь, написалъ матери: „Я въ Москвѣ уже, по обыкновенію весель, здоровъ и благополученъ. Петръ Васильевичъ оказалъ мнѣ весьма важную услугу — и сообразно этому будетъ, конечно, принять тобою. Я подарилъ ему свое пальто—пожалуйста, отдай. Ну, больше я ничего тебѣ не пишу;—во-первыхъ, нечего, потому что я ни съ кѣмъ еще не видѣлся, во-вторыхъ... ты догадаешься почему. Au revoir. Крѣпко цѣлую тебя и мою милую Моху»...

Радостный Яковлевъ отправился на Николаевской вокзалъ.

Что же онъ написалъ по просьбѣ Чулкова и Костомарова?

Лѣтомъ 1861 года, около іюля мѣсяца, будучи переписчикомъ бумагъ и разныхъ сочиненій у Г. Всеволода Костомарова и занимаясь у него постоянно, я очень часто видалъ у него изъ Петербурга какого-то знаменитаго писателя подъ именемъ Николая Гавриловича Чернышевскаго и, переписывая бумаги по случаю лѣтняго времени въ бесѣдкѣ сада дома г. Костомарова, когда они, ходя между собою подъ руку и разговаривая между собою, произносили слова, изъ которыхъ мнѣ удалось запомнить слѣдующія фразы, произнесенныя Г. Чернышевскимъ: «Барскимъ крестьянамъ отъ ихъ доброжелателей поклонъ». Вы ждали отъ царя воли, ну, вотъ вамъ и воля вышла. Называя Г. Чернышевскій эту статью своею, упрашивалъ Г. Костомарова о скорѣйшемъ ея напечатаніи. Не только не находя въ этихъ фразахъ ничего противозаконнаго, но даже не имѣя рѣшительно никакой возможности понять точнаго смысла статьи, о которой у нихъ шелъ разговоръ, ибо до моего смысла доходило только нѣсколько отрывочныхъ фразъ,—я не считалъ тогда своимъ долгомъ довести этого ни до чьего свѣдѣнія. Но когда же услыхавъ впоследствии, что Г. Костомаровъ осужденъ будто бы за какія-то противу правительства незаконныя дѣйствія, и чтобы оградить себя отъ всякой могшей бы въ послѣдствіи возникнуть отвѣтственности и считая себя въ непремѣнной обязанности и долгѣ всякаго честнаго гражданина, обязаннаго не скрывать предъ прави-

¹⁾ Потомъ, когда дѣло было передано въ сенатъ, Чулковъ довесь Потапову, что подъ „услугой“ Яковлева онъ разумѣлъ полную его готовность объяснить извѣстныя ему отношенія Костомарова къ разнымъ лицамъ и назвать ихъ.

тельствомъ лицъ, ему вредящихъ, доводитъ до свѣдѣнія этотъ разговоръ, неясно слышанный имъ между г.г. Чернышевскимъ и Костомаровымъ, хотя я теперь не понимаю настоящаго его значенія, но единственно догадываюсь, что лицу, повидимому, стоящему въ такихъ близкихъ отношеніяхъ, какъ г. Чернышевскій къ г. Костомарову, можетъ быть, были извѣстны и преступныя, какъ оказалось, замыслы друга его Г. Костомарова. Московскій мѣщанинъ Петръ Васильевъ Яковлевъ».

На другой день, 2-го, Костомаровъ якобы сказалъ Чулкову, что ему хуже, и потому, по просьбѣ своего провожатаго, былъ отправленъ на гауптвахту, какъ въ свободное казенное помѣщеніе. Тамъ у него были профессоръ Назарьянцъ съ сыномъ, прапорщикъ Ростовскаго полка Охотскій, докторъ того же полка, Меншиковъ, прапорщикъ Днѣпровскаго полка Шостакъ, братъ Костомарова Алексѣй—прапорщикъ резерв. бат. Либавскаго полка, фотографъ Суловъ и содержатель нотнаго магазина Юргенсонъ. Общество, какъ видимъ, довольно разнообразное... 4-го Костомаровъ почувствовалъ себя лучше, и они выѣхали изъ Москвы, прибывъ 5-го утромъ въ Тулу. Тамъ Костомаровъ «снова заболѣлъ» и просилъ остановиться на два дня. Чулковъ, разумѣется, исполнилъ и эту просьбу.

Но два дня оказались нужны совсѣмъ для другихъ цѣлей...

5-го же Костомаровъ сѣлъ писать письма роднымъ, и вотъ Чулковъ замѣчаетъ у него одно довольно толстое, беретъ прочитать, видитъ, что въ немъ масса матеріала къ начатому дѣлу о Чернышевскомъ и спѣшитъ послать его въ тотъ же день Потапову. 7-го они «хотѣли» двинуться изъ Тулы дальше, но, конечно, какъ и было условлено, получили телеграмму Потапова о немедленномъ возвращеніи въ Петербургъ...

Что же это за письмо?

II.

Адресованное въ «Петербургъ, Николаю Ивановичу Соколову, оставить на почтѣ впредь до востребованія», оно состояло изъ 5 листовъ почтовой бумаги большого формата и было исписано очень мелкимъ почеркомъ по частному транспаранту и почти безъ помарокъ.

Привожу его полностью.

«Тула. 5 Марта».

«Ну вотъ, наконецъ, я и дождался возможности говорить съ вами на свободѣ, безъ разныхъ цензурныхъ стѣсненій со стороны агентовъ хранителей души и тѣла нашихъ. И я дождался этого, какъ видите, гораздо скорѣе, чѣмъ предполагалъ. Уѣзжая, я обѣщала писать къ вамъ съ мѣста, до котораго, вы знаете, не рукой подать; слышно такъ, что въ Тулѣ приключилась мнѣ болѣзнь нѣкая, такъ что не имѣя никакой возможности продолжать свое странствіе, мы остановились здѣсь на нѣсколько дней.

«Итакъ, пользуясь этимъ неожиданнымъ отдыхомъ, я, не откладывая до неизвѣстнаго намъ будущаго, принимаюсь за обѣщанный вамъ комментарий на нашу юридическую войну.

«Принимаюсь... а съ чего начать? Pour le commencement,—конечно, какъ говорятъ французы, или, по древней поговоркѣ, *ab ovo*—съ яиць Леды... Но вотъ тутъ-то и камень преткновенія... Съ яиць.. съ которыхъ же именно? Ихъ такъ много... Въ такомъ случаѣ всего лучше было бы начать съ самой Леды, необъятное чрево которой... но это слишкомъ далеко заведетъ насъ, а у меня слишкомъ мало времени и... бумаги. Поэтому я начну съ Чернышевскаго.—Что за чортъ—говорите вы (*à peu près*): Леда, яйца, и Чскій! Гдѣ же тутъ Witz, гдѣ жъ тутъ послѣдовательность, логическая связь, etc?... Mais, mon ami, toutes ces choses paraîtrons en temps et lieu; къ тому же я вѣдь собираюсь писать къ вамъ чуть ли не цѣлую эпопею, а—la plupart des poètes epiques se jettent tout d'abord *in medias res*: Horace fait de ce precepte le grand chemin de l'epopée... (изъ этого вы видите, между прочимъ, что я никакъ не могу отстать отъ своей несчастной привычки подражать въ своихъ письмахъ вавилонскому смѣшенію языковъ).

«Итакъ—начнемъ... Но васъ, можетъ быть (я бы даже долженъ былъ сказать «конечно»), удивляетъ, что я начинаю прямо съ лица, о которомъ нѣтъ и помину въ томъ разсказѣ объ юридической войнѣ, на которую я, en poëseau Cézair, пишу свои комментарии... Но въ томъ-то и штука, другъ мой. Слушайте и рукоплещите явлениямъ всероссійской Θεமிды... Говорю рукоплещите—*plaudite!*—и не «удивляйтесь», потому что дивиться тутъ нечему, nihil mirari. Смиренномудрая богиня правосудія не скрываетъ ни отъ кого, что она носитъ на глазахъ повязку и держитъ въ рукахъ фальшивые вѣсы... Въ такомъ видѣ, *in blinde Kuh*, ее можно видѣть ежедневно на одномъ изъ интереснѣйшихъ зданій нашей сѣверной пальмиры¹⁾.

«Но, боже мой — я написалъ уже цѣлую страницу и все еще ничего не написалъ. Mais dût mon premier vers me coûter une heure.—я все-таки не начну своей исторіи прежде, чѣмъ познакомлю васъ съ милой личностью моего «потаеннаго» героя.

«Разумѣется, я буду очень коротокъ и скажу вамъ только то, что необходимо знать вамъ пока, чтобы вамъ не показалось страннымъ то озлобленіе, съ которымъ я, при всемъ моемъ желаніи быть сдержаннѣе, не могу говорить объ этомъ человѣкѣ. Впослѣдствіи, когда я буду имѣть болѣе *свободною* времени, я непременно поговорю съ вами о его литературной дѣятельности, тайной и явной — чтобы показать вамъ, откуда подулъ тотъ вѣтеръ, который, какъ вы справедливо, хоть и немного увѣсисто, замѣтили—(ну, да вы, чай, не совсѣмъ забыли риторіку Кошанскаго-то), который наслалъ столько жалкихъ жертвъ въ казематы россійскихъ крѣпостей и въ тѣ злачныя мѣста, куда отсылаютъ «по

¹⁾ На севатѣ.

**Иванъ Пантелеймоновичъ
ЕМЕЛЬЯНОВЪ.**

соглашенію министра внутреннихъ дѣлъ съ шефомъ жандармовъ»... тогда вы увидите, откуда на святомъ знамени свободы появился тотъ скверный девизъ, во имя котораго дѣйствуютъ наши доморощенные агитаторы, пишутся всѣ эти «Великоруссы» и «Молодыя Россіи», всѣ эти бесполезныя прокламаціи съ красными и голубыми печатями. Вы слишкомъ хорошо меня знаете, чтобы заподозрить меня въ ультра-рenegатствѣ, въ подкупленномъ или вымученномъ каждаго деспотизму, въ малодушномъ отступничествѣ отъ Христа, «ниже свобода есть»—по словамъ Павла, отъ Христа, не идущаго во славу судить вселенную, но Христа заушеннаго и угнетеннаго, идущаго на казнь крестную... Вы знаете, чего ищу я, вы знаете, чему я поклоняюсь. Вы знаете, въ чемъ я вижу свободу, и знаете, какимъ путемъ хотѣлось бы мнѣ, дошла до нея моя родина. Вы давно знаете это, мой старый, мой сердечный другъ,—поэтому-то такъ смѣло говорю съ вами, увѣренный, что омерзене къ ложноповѣдникамъ свободы вы не назовете иудинимъ лобзаніемъ Христа. Да, я буду и могу говорить съ вами съ чистымъ сердцемъ, съ покойною совѣстью. Вы не имѣете ничего общаго ни съ тѣмъ чело-вѣкомъ, о которомъ я буду говорить вамъ, ни съ той средой, въ которой онъ дѣйствуетъ; вы не имѣете ровно никакого вліянія правительственнаго, поэтому, можетъ быть, слишкомъ рѣзкія, слишкомъ желчныя слова мои не будете объяснять ни личнымъ моимъ озлобленіемъ, ни желаніемъ очернить Чскаго для того, чтобы самому рядомъ съ нимъ казаться бѣлѣе (потому что ваше мнѣніе составилось обо мнѣ твердо и его, я увѣренъ, не измѣнитъ никакая сплетня): вы увидите въ письмѣ моемъ только желаніе, разсказавъ вамъ одинъ изъ подвиговъ нашего агитатора,—спросить васъ вмѣстѣ съ евангелистомъ Матѳеемъ: *«Какъ же могутъ добро моголатъ, эли суще?»* (Я знаю, вы, старый ханжа, любите читать свою старую книгу въ темномъ кожаномъ переплетѣ съ уродливыми мѣдными застежками).

«Вотъ какое длинное вышло предисловіе. Ну, за то я постараюсь сдѣлать какъ можно короче текстъ.

«Чскій—такъ, по крайней мѣрѣ, я его понимаю,—человѣкъ съ самолюбіемъ необъятнымъ. Онъ, безъ сомнѣнія, считаетъ себя самымъ умнымъ человѣкомъ въ мірѣ (онъ даже и не думаетъ дѣлать секрета изъ такого самопризнанія)¹⁾. Вслѣдствіе этого безцеремоннаго взгляда на самого себя, ему, разумѣется, кажется, что все, что сдѣлано не имъ, никуда не годится. И такъ какъ, кромѣ пагубы нѣсколькихъ десятковъ нашихъ лучшихъ юношей, до сихъ поръ пока еще ничего не сдѣлано, то и выходитъ, что все, елика на небеси горѣ и на землѣ низу, и въ водахъ, и подъ землею—не годится ни къ чорту. Молодое поколѣніе воспиталось не въ его школѣ (по крайней мѣрѣ, не все) — молодое поколѣніе дрянъ; общество устроилось не по его методѣ—ну, и оно дрянъ; да нечего тутъ пересчитывать, однимъ словомъ, все *существующее*

¹⁾ Вспомните, читатель, письмо Н. Г. къ женѣ. Не видѣлъ ли его Костомаровъ?.

идеть въ бракъ, въ ломку («всѣ права и блага общественной жизни находятся теперь въ нелѣпомъ положеніи», наприм., говорить онъ) и все, имѣющее существовать, должно созидаться по его методѣ, если хочеть, чтобъ оно на что-нибудь годилось. Итакъ, — «давайте все разрушать»... Но надѣленный отъ природы такими воинственными наклонностями, нашъ Thalaba the Destroyer не одаренъ, къ сожалѣнію, большой храбростью. Онъ, какъ новый Самсонъ, во что бы то ни стало хочеть разрушить зданіе нашего общественнаго устройства... Только видите ли... старый, сильный израильтянинъ былъ такъ непрактиченъ, что втемяшился въ самую середину зданія и, расшатавъ столбы of his Commonwealth—повалилъ всѣ обломки на свою голову:

The poor, blind slave, the scoff and jest of all,
Expired,—and thousands peris in the fall.

«Это и коротко и ясно. Но нашъ Самсонъ разсуждаетъ иначе. Онъ такъ полагаетъ: чѣмъ мнѣ погибать подъ обломками стараго зданія, я лучше пошлю другихъ развалить его; а самъ посижу пока въ сторонкѣ... Коли развалить — хорошо; я займусь тогда постройкой новаго (и, вы уже видите, что *такой* архитекторъ, составляя смѣты, конечно, не обидитъ своего кармана), а не развалить — надорвутся, толкая крѣпкіе еще столбы, — такъ мнѣ-то что? Я-то всячески цѣль останусь. И пошлю новыхъ работниковъ; авось же найдется когда-нибудь такой крѣпкій лобъ, что и прошибетъ стѣну... и въ писаніи сказано: толцые и отверзется и греческая пословица (которую, помните, зубрили мы когда-то въ грамматикѣ Кюнера) говорить: капля долбитъ камень не силою, но часто падая...

«Я сказалъ, что разрушитель нашъ не одаренъ большой храбростью. Не знаю, отчего это я такъ сказалъ. Можетъ быть, для того, чтобы фраза вышла покрасивѣе. Надо было бы сказать: «онъ просто жалкій трусъ». Это вѣрнѣе. Но многіе—вотъ что удивительно—видятъ въ немъ, напротивъ, чудо храбрости, просто какого-то черкесскаго делибаша или скандинавскаго берсеркера. Но это вотъ отчего: *ces braves gens* немножко перепутываютъ два понятія: наглость, нахальство, охаверничество съ храбростью, самоотверженіемъ, геройствомъ. Въ „Полемическихъ красотахъ“ ¹⁾ они видятъ, напримѣръ, цѣлую Илліаду храбрости. Отщелкать какого-нибудь Альбертини ²⁾ они считаютъ подвигомъ, равнымъ убіенію гидры Лернейской. Написать подъ всеохраняющей эгидой материчензуры статейку объ іюльской монархіи (т. е. перефразировать Луи Блана) и въ ней, съ разрѣшенія какого-нибудь Загибенина ³⁾, поглумиться надъ людьми, *восторжествующимися настоящими*, надъ отчаяніемъ людей *нетвердыхъ духомъ* или *нетерпеливыхъ* (ты-то

¹⁾ Извѣстная статья Чернышевскаго.

²⁾ Н. В. Альбертини, согрудникъ „Отечественныхъ Записокъ“.

³⁾ Фамилія цезвора.

твердь)—въ этомъ они видятъ цѣлый крестовый походъ противъ настоящаго порядка вещей, цѣлую революцію,—тогда какъ это, съ одной стороны, шишъ въ карманѣ, а съ другой—просто поддразниваніе. Но, боже мой! Неужели Аполлонъ сдѣлалъ великій подвигъ, содравъ кожу съ бѣднаго Марсіаса за то, что бѣдный пастухъ *осмѣлился* лучше его играть на флейтѣ? Неужели Чнскій взаправду совершилъ великій подвигъ, отваявъ на обѣ корки Альбертини, котораго самъ же называетъ ребенкомъ... въ сравненіи съ собой? Нѣтъ, воля ваша; это пакость, а не подвигъ... Отодрать человѣка десятеро слабѣйшаго да еще хвастаться: „вотъ, дескать, господа, смотрите, такъ будетъ со всѣми, кто не со мной идетъ, ибо кто не со мной, тотъ противъ меня... милыя дѣти, слушайте меня, и *кѣбгайте* полемическихкихъ встрѣчъ со мною, не то выпорю васъ, канальи, обругаю и сотру съ лица земли. А ужъ кого я обругаю, тотъ не жилецъ на бѣломъ свѣтѣ“... Вотъ вамъ и рыцарь Духа, и апостоль свободы, и проповѣдникъ равенства! Да вѣдь это просто застрачиваніе, это хуже всякаго III Отдѣленія, хуже... чортъ знаетъ чего! А потомъ это науськиванье въ его безконечныхъ *идеизмѣненіяхъ*... этотъ поддѣльный искусственный скептицизмъ, которымъ онъ такъ удачно бьетъ всегда по двумъ цѣлямъ разомъ: подстрекаетъ *нертшительныхъ*, которые видятъ въ этомъ скептицизмѣ глумленіе надъ собой, и отводитъ глаза кому слѣдуетъ... Вотъ, дескать, смотрите, добрые люди: я всѣмъ говорю, что *«изъ злою ничего не выйдеть»*, меня даже не разъ въ тунеядствѣ *уко-ради* за это... о, этотъ скептицизмъ, это науськиванье, эта дрессировка бульдоговъ!... Знаю я, хорошо знаю и этотъ скептицизмъ, и эту дрессировку, и это науськиваніе: *«сей есть ученикъ, свидѣтельствуй о сихъ, иже и написа сія»*.

И вотъ вы, ворчливѣе, чѣмъ когда 'нибудь, въ сотый разъ *предлагаете* мнѣ свой сердитый вопросъ: «за что жъ ты, дурень, *шадилъ* его, этого нехорошаго человѣка? За что жъ ты *взялъ* на себя его вину? Вѣдь въ твоихъ рукахъ были всѣ средства увязить его на свое мѣсто! Вѣдь я же самъ видѣлъ эти письма... что жъ ты теперь-то, снявши голову, плачешь по волосамъ?»—Да, другъ мой, вы правы въ томъ отношеніи, что въ рукахъ моихъ всегда была возможность сдѣлать то, чтобы текстъ моей сентенціи: «за составленіе возм. воззв. къ б. кр.¹⁾ осуждается на то-то»—относился не ко мнѣ, а къ Чскому. Но вы ошибетесь, если увидите въ письмѣ моемъ глупый «плачъ по волосамъ, снявши голову». Тогда я долженъ былъ молчать... даже передъ вами, чтобъ въ жалобѣ моей *даже вы* не видали малодушнаго моленія о чашѣ; теперь, когда уже *consummatum est*, «совершилось», говорите во мнѣ горькая боль оскорбленнаго сердца. Вы поймете меня. Вы знаете, что это не фраза. Вы можете быть судьей между мною и ими. Вы слышали, что они говорятъ обо мнѣ *на основаніи* какой-то *сплетни*, и видѣли, что я могъ сдѣлать *на основаніи* не-

¹⁾ Т. е. „Къ барскимъ крестьянамъ“.

оспоримаго *факта*. Вы знаете, что было въ моихъ рукахъ и какъ я *этимъ* воспользовался ¹⁾. Меня обвиняли въ малодушии, подозревали въ предательствѣ. Многіе, подхвативъ на лету нелѣпую сплетню, молча оставили меня, другіе были почестнѣе и говорили мнѣ, въ чемъ меня обвиняетъ молва. Передъ *этими* мнѣ легко было оправдаться, точно такъ же, какъ *было бы* легко оправдаться передъ закономъ. У меня были письма, которыя въ *моихъ рукахъ* служили мнѣ оправданіемъ передъ тѣми, кто меня обвинялъ въ предательствѣ, а въ *рукахъ правительства* могли служить мнѣ полнымъ оправданіемъ передъ лицомъ закона. Вы знаете, что я выбралъ, *какое* оправданіе я предпочелъ и что сдѣлалъ съ этими письмами... Нечего и говорить, что, выгораживая такимъ образомъ Чскаго и Шнова ²⁾ изъ этого дѣла, я болѣе щадилъ себя, чѣмъ ихъ. Я не стану объяснять вамъ этой фразы; вы ее поймете и такъ. Знаю я, что загораживая собою Ч. и ему подобныхъ, я глубоко виноватъ—не говорю передъ правительствомъ—потому что я не связанъ съ нимъ ничѣмъ,—но передъ обществомъ, для котораго дѣятельность кружка, созданнаго ученіемъ Чскаго, принесла и приноситъ такіе горькіе, такіе отравленные плоды.

„Не говоря уже о множествѣ личностей, сдѣлавшихся жертвою его науськиванія, я твердо убѣжденъ, что всѣмъ этимъ печальнымъ поворотомъ къ старому порядку, этими тяжелыми цѣпями, которыя снова наложили на наше слово и на нашу мысль, мы обязаны дѣятельности этихъ господъ. Они не избавили насъ отъ того, что они называютъ «рабствомъ египетскимъ», но своими безумными кривляніями сдѣлали то, что насъ закрѣпощаютъ въ еще большее рабство. Въ 60-мъ году, на примѣръ, пресса наша была въ положеніи, которое можно было назвать весьма близкимъ къ разумной свободѣ. Что же они сдѣлали? Они сейчасъ же воспользовались этой свободой для своего науськиванія (я стою на этомъ словѣ, потому что рѣшительно не признаю въ ихъ писаніяхъ апостольства свободы), они сдѣлали литературу орудіемъ своихъ личныхъ страстей, видѣли въ свободѣ слова только возможность скандальничать и оправдывались тѣмъ, что свобода, „дарованная“ нашей прессѣ, не шла далѣе этого позволенія (но вы хорошо знаете, что это вздоръ. Пр-во, конечно, не могло долѣе терпѣть этого безчинства, оставаясь самимъ собою, т. е. «императорско-россійскимъ» пр-омъ. Но оно поступило не совсѣмъ справедливо (ради Бога, да останется это между нами), отнявъ свободу слова (т. е. ту долю свободы, которую мы имѣли въ 60-мъ г.) у *всѣхъ*, а не у тѣхъ только, кто не умѣлъ ею пользоваться, хотя, съ другой стороны, нельзя и порицать его за это безусловно. (Я знаю, что его никакъ нельзя порицать, хотя бы оно засмаливало людей и зажигало ихъ вмѣсто факеловъ; но вѣдь.. да останется это между нами, другъ мой). Правительство наше постоянно смотрѣло на литературу

¹⁾ Ниже мы увидимъ, что разумѣлъ здѣсь Костомаровъ.

²⁾ Т. е. Шелгуновъ.

только издали, считая ее выражением не общественнаго мнѣнія, а носительницей идей того или другого кружка литераторовъ. Такъ оно и въ самомъ дѣлѣ было,—да и не могло быть иначе,—пока цензура подводила всѣ мнѣнія подъ одинъ общій уровень, мѣра котораго указана была свѣше, дана была извнѣ, а не вышла изъ внутренней потребности самого общества. Пр-во имѣло тогда полное право не интересоваться положениемъ нашей литературы, потому что, давая ей тонъ, оно знало напередъ, что найдетъ въ ней. Но когда оно значительно ослабило цѣпи, тяготѣвшія на нашемъ словѣ, оно должно бы было нѣсколько внимательнѣе присматриваться къ тому, что дѣлается въ литературѣ. И тогда... (тутъ я дѣлаю большой пропускъ; тутъ многое слѣдовало бы сказать, но ни время, ни мѣсто не позволяютъ этого)... тогда оно увидѣло бы, что голосъ Чскаго и брати его, раздавшійся правда крикливѣе всѣхъ голосовъ въ нашей литературѣ,—не есть голосъ общественнаго мнѣнія; оно увидѣло бы, что этотъ голосъ, изъ-за котораго нашу литературу снова вернули въ тотъ душный казематъ, въ которомъ она задыхалась со дня своего рожденія, снова отдали подъ солдатскій надзоръ разныхъ Фрейганговъ и Флеровыхъ ¹⁾, прогнавшихъ „вольный духъ» даже изъ поваренныхъ книгъ, какъ—не есть голосъ, выражающій общественное мнѣние, а напротивъ, идущій наперекоръ ему; оно поняло бы, что, говоря словами нѣмецкаго поэта:

Die öffentliche Meinung schreit und klagt:
Ihr habt von mir erborget eure Kraft;
Durch mich geschah, was Grosses ihr geschafft,
Durch mich gelang, was siegreich ihr gewagt.

Und nun ich euch ersöht, wollt ihr als Magd
Mich züchtigen mit Ruthen und mit Haft;
Ihr schämt euch flüchtigen Genossenschaft
Und habt mir, eurer Herrin, widersagt?

Und doch, ihr hörtet meine Donner rollen,
Und der Koloss der Zeit war schon zerstorben,
Von dessen loch ich kam euch zu erlösen.

Ihr Seifenblasen, die mein Heuch geschwollen,
Und flücht'gen Schimmers meine Huld gehoben,
Ihr eille Seifenblasen—seid gewesen!...

«Но обо всемъ этомъ, *en temps et lieu*, мы еще будемъ говорить съ вами. Въ сотый разъ принимаюсь за „прерванную нить моего разсказа“ (какъ говорилось когда-то) и на этотъ разъ уже съ положительнымъ обѣщаниемъ допрять ее какъ можно скорѣе.

«Итакъ, если вы что-нибудь поняли изъ моихъ безсвязныхъ словъ (я удивляюсь еще, какъ въ послѣднее время я окончательно не утратилъ всякую способность мыслить и говорить)—вамъ будетъ понятно и то ожесточение, съ которымъ я говорю объ этихъ

¹⁾ Фамиліи цензоровъ.

людяхъ, и та глубокая скорбь, которая разрываетъ теперь мое сердце... потому что

„Nessun maggior dolore“—

„Нѣтъ муки больше той, какъ страдать за идею, которой не служишь, и «положить душу свою» за людей, которыхъ не уважаешь, которымъ не имѣешь что сказать, кромѣ словъ нашего великаго апостола: „Гробъ отверзтъ гортань ихъ—языки своими мшаху; ядъ аспидовъ подъ устнами ихъ. Ихъ же уста клятвы и горести полна суть: скоры ноги ихъ проліяли кровь! Сокрушеніе и озлобленіе на путяхъ ихъ, и пути мирнаго не познаша“...

«Я выбралъ этотъ текстъ не наудачу, другъ мой. Съ глубокимъ убѣжденіемъ, не измѣняя ни одной юты въ этихъ горькихъ словахъ великаго апостола, я примѣняю ихъ къ людямъ, которыхъ называютъ моими учителями, моими сообщниками...

«Я никому не говорилъ этого,—ни даже вамъ,—пока исповѣдь моего сердца могла быть перетолкована въ малодушное желаніе отвертѣться отъ казни; но теперь, когда для меня уже все кончено, я имѣю полное право говорить съ вами такъ, какъ говорю; мнѣ нужно высказаться—«иль разорвется грудь отъ муки»... Я не могу молчать долѣе, потому что

„j micі pensieri civ me dormir non ponno“...

«Я долженъ *все* сказать вамъ. Я слишкомъ дорожу вами, мой вѣрный другъ, и не хочу,, чтобъ *вы* смѣшивали меня съ людьми, которые не познали мирнаго пути, но съ сокрушеніемъ и озлобленіемъ дѣйствуютъ, *«ибо скоры нош ихъ проліяли кровь!»*.

«Само собою разумѣется, кровь чужую.

«Зная мой миролюбивый и отъ природы кроткій характеръ, вы хорошо поймете, какъ тяжело было и тогда мнѣ смотрѣть на этихъ проповѣдниковъ «крещенья кровью и огнемъ», на этихъ людей, говорившихъ, что «незачѣмъ тратить слова тамъ, гдѣ штыкъ скорѣе возьметъ то, что намъ надо»... но тогда, по крайней мѣрѣ, (насколько это было возможно) меня мирила съ этими людьми мысль, что каковъ бы ни былъ путь, избранный ими, но они руководятся на немъ общей намъ цѣлью—исцѣленіемъ язвъ нашей страдающей родины; а теперь... съ какимъ глубокимъ омерзеніемъ смотрю я теперь на этихъ кровавыхъ людей, когда я убѣдился, что они вооружились огнемъ и мечемъ не во имя благой идеи, а только за тѣмъ, чтобъ, обрубивъ головы всѣмъ, кто выше ихъ, стать, такимъ образомъ, выше всѣхъ и господствовать, хотя бы и надъ обезглавленными трупами... Да, я имѣю полное право говорить это, я имѣю твердое основаніе называть этихъ людей проповѣдниками крещенья кровью и огнемъ: такъ назвали бы ихъ и вы, такъ назвали бы ихъ всякій, кто прочиталъ бы первая редакціи этихъ несчастныхъ воззваній, авторство которыхъ такъ обязательно приписывалъ мнѣ московскій сенатъ! Я не могъ, ко-

нечно, на память возобновить ихъ первоначальнаго текста, но живо помню то впечатлѣніе, которое они произвели на меня. Это было какое-то странное опьяняющее впечатлѣніе. Словно кровавый туманъ застилалъ глаза; казалось, онъ входилъ въ самый мозгъ, страшно и мерзко становилось мнѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ зарождалось какое-то безотчетное удалство, такъ и подмывало схватить топоръ или ножъ, такъ и хотѣлось рубить и рѣзать, не разбирая, кого и за что... Какъ Фету при видѣ обоза русскихъ мужичковъ сталъ понятенъ мнѣ объ Амфіонѣ, подъ звуки флейты котораго сами собой складывались евскія стѣны, такъ мнѣ впервые стала понятна тогда сила тиртеевыхъ пѣсень, сила марсельезы... такъ обаятельна была сила ихъ лукаваго слова! Потомъ, какъ и всякое опьяненіе, впечатлѣніе это, конечно, разсѣялось скоро... Черезъ нѣсколько часовъ я уже былъ въ состояніи понять, что такое въ самомъ дѣлѣ эти прокламаціи и потомъ (какой вздоръ я написалъ было) ¹⁾ уговорить Ч. совершенно передѣлать и значительно смягчить текстъ воззванія къ Б. К. (Но, говоря потомъ со мною объ этихъ измѣненіяхъ, Ч. признавался мнѣ, что онъ согласился на эти измѣненія только потому, что иначе я не соглашался печатать ихъ; что онъ остался при своемъ убѣжденіи, что *мужикамъ* не толковать слѣдуетъ, не вразумлять ихъ, а только кричать почаще—«въ топоры, ребята!», что въ такомъ дрябломъ видѣ, какой, по нашему убѣжденію, приняло воззв. къ Б. К., изъ него ничего не выйдетъ»... вотъ ужъ не это ли называютъ *скептицизмомъ*?) Впрочемъ, о воззваніяхъ этихъ рѣчь впереди. Мнѣ уже рѣшительно пора кончить бесѣдовать съ вами, а я съ ужасомъ замѣчаю, что я еще и не принимался за исполненіе своего обѣщанія,—сдѣлать нѣсколько поправокъ въ юрисдикціи моихъ нелицепріятныхъ судей, которымъ, по словамъ того же апостола Павла, «даде Богъ духъ умиленія, очи не видѣти и уши не слышати, даже до сего дня»...

«Итакъ, вотъ какъ было дѣло.

«Какъ и когда я сблизился или, лучше сказать, сошелся съ Чскимъ,—это все равно. Выступая на такъ называемое «литературное поприще», я искалъ случая пристроиться къ какому-нибудь журналу,—чего *безъ протекціи*, особенно мнѣ, съ моими, какъ вы знаете, весьма и весьма скромными способностями, сдѣлать было нельзя. Особенно хотѣлось мнѣ пристроиться какъ-нибудь къ «Совр.», направленію котораго (въ томъ видѣ, какъ оно проявлялось явно) я горячо сочувствовалъ. Больше всего мнѣ хотѣлось сблизиться съ Мих. ²⁾—и я былъ такъ счастливъ, что случай къ этому представился скоро... Я сердечно полюбилъ этого человѣка... и теперь горячо люблю его, несмотря на то, что мы пошли съ нимъ въ разныя стороны... ну, да объ этомъ говорить нечего.

«Первый визитъ мой къ Ч. былъ крайне неудаченъ. Меня

¹⁾Нѣсколько словъ вычеркнуто.

²⁾ М. И. Михайловъ.

привезъ Михайловъ. У Ч. было много народу въ тотъ вечеръ,— говорили все большею частью о такихъ важныхъ матеріяхъ, въ которыхъ въ то время я былъ совсѣмъ еще homo novus; говорили все люди для меня новые, незнакомые, говорили такъ горячо, такъ самоувѣренно обсуживали и рѣшали все такіе важные вопросы, что я, человѣкъ, какъ вы знаете, вообще до смѣшного застѣнчивый, только конфузился и молчалъ... Изобразивъ на лицѣ своемъ, вѣроятно, что-нибудь въ родѣ весьма глупаго умиленія, я долго сидѣлъ, забившись въ уголъ дивана. Наконецъ, хозяинъ сжалился надо мною и подошелъ ко мнѣ. Очевидно, онъ затруднялся тоже, не зная, объ чемъ ему говорить со мной. Я не помню ужъ, о чемъ онъ заговорилъ со мной — только коротко conversation наше опять не удалось, потому что я снова уткнулся въ уголъ дивана, а Ч., оставшись, впрочемъ, рядомъ со мной, на креслѣ, заговорилъ съ кѣмъ-то о чемъ-то другомъ. Такъ шло время. Я глупо молчалъ; Чскій, какъ-то странно оставшись въ своемъ креслѣ, безпрестанно хихикалъ своимъ визгливо дребезжающимъ, неприятнымъ голосомъ... Наконецъ, вышелъ Мих. изъ другой комнаты и, моргнувъ Чскому, увелъ его въ кабинетъ. Минуть черезъ 5 онъ вернулся и вызвалъ меня. Тутъ-то и началось наше настоящее знакомство... Я не стану, конечно, передавать вамъ нашего разговора; *слова* его не помню, а *смыслъ*—понятенъ. Съ стыдомъ сознаю, что результатъ его на первыхъ порахъ—сталъ благоговѣть передъ Ч., какъ передъ человѣкомъ, который, казалось мнѣ, держитъ въ рукахъ своихъ судьбы всея Руси. Тогда-то и происходило чтеніе «воззв. къ б. к.» въ первоначальномъ его видѣ. (Надо вамъ сказать, что Мих., знавшій уже отъ меня, что въ Москвѣ есть возможность печатать безъ цензуры, на томъ станкѣ, на которомъ отпечатана была книга о Корфѣ¹⁾, и предварительно переговоривъ съ Ч., привезъ меня къ Ч. именно съ той цѣлью, чтобы переговорить о возможности напечатанія воззванія). О впечатлѣніи, какое произвело на меня это воззваніе, я уже говорилъ... Я не былъ въ состояніи ничего отвѣтить Чскому. Я окончательно, что называется, потерялъ голову, исчезъ, какъ Семелла въ величіи Юпитера. Замѣтивъ это (т. е. не Семеллу и Юпитера, а мое плачевное состояніе), Мих. увезъ меня отъ Ч., захвативъ съ собою и рукопись воззванія.

«На другой день утромъ мы вмѣстѣ съ М. еще разъ прочли воззваніе. Впечатлѣніе было уже совершенно иное. Мнѣ просто было тошно слушать этотъ аннибальскій призывъ къ рѣзнѣ... Мих-ву тоже, очевидно, было неловко и тяжело. Одинъ Шлгновъ, тоже присутствовавшій на чтеніи, скакалъ и восклицалъ, какъ Давидъ передъ ковчегомъ завѣта... Много и долго говорили мы съ Мвымъ объ этомъ воззваніи. Оба мы признавали полную необходимость помочь, какъ умѣемъ, крестьянскому горю, вразумить мужика, что

¹⁾ Сочиненіе Огарева—„14 декабря 1825 г. и императоръ Николай“, изд. въ Лондонѣ, въ 1858 г., было напечатано въ Москвѣ въ 1861 г.

его—какъ намъ казалось тогда—во многомъ обошли и обманули; но вразумить вовсе не съ тѣмъ, чтобъ онъ съ топоромъ въ рукахъ сталъ добывать себѣ «Землю и волю»; поэтому мы положительно осудили текстъ воззванія, составленнаго Чскимъ. Мы покончили, наконецъ, тѣмъ, что Мих. долженъ былъ отправиться къ Чскому съ положительнымъ отказомъ, съ моей стороны, способствовать напечатанію брошюры, если въ ней не будутъ сдѣланы предложенныя нами измѣненія и поправки.

«Мих. съѣздить къ Ч., и что они тамъ говорили, не знаю. Въ слѣдующее свиданіе наше Мих. сказалъ, что Ч. съ трудомъ согласился на измѣненія, говоря, что, напротивъ, слѣдовало бы усилить тонъ, но что ужъ если *нельзя* печатать брошюру въ томъ видѣ, какой онъ проектировалъ, онъ, пожалуй, сдѣлаетъ измѣненія, только ужъ за успѣхъ не ручается и даже думаетъ, что въ *какомъ видѣ* прокламація будетъ совсѣмъ бесполезна (скептицизмъ).

«Прошло нѣсколько дней. Домашнія дѣла отозвали меня въ Москву. Я уѣхалъ, не дождавшись измѣненной брошюры.

«Въ Петерб. остался Сороко, пріѣхавшій вмѣстѣ со мной для распродажи своего изданія ¹⁾ и стоявшій на одной квартирѣ со мной.

«Черезъ нѣсколько дней въ Москвѣ вдругъ я узнаю стороною, что Сулинъ рассказывалъ какому-то своему пріятелю, будто Ч. поручилъ ему (Сулину) отпечатать одну чрезвычайно важную брошюру. Извѣстіе это, дошедшее до меня, можетъ быть, уже черезъ двадцатая руки, очень понятно, и удивило меня и встревожило. Я сейчасъ же отыскиваю Сна, и узнаю слѣдующее: Ско, оставшись въ Пб. для окончанія своихъ дѣлъ, отыскиваетъ Миху и, явившись къ нему познакомиться отъ моего лица, рекомендуетъ себя однимъ изъ владѣльцевъ тайнаго станка. Михайловъ отдалъ ему рукопись воззванія, «какъ человѣку, который говорилъ ему, что имѣетъ возможность напечатать рукопись въ Москвѣ» (такъ, à peu près Мих. говоритъ въ своемъ показаніи, которое я запомнилъ очень хорошо; но сенатъ принялъ во вниманіе не совершенно одинаковое показаніе двухъ лицъ, которыя не могли и не имѣли никакой надобности стаянуться между собою, а совершенно невѣроятное показаніе самого Срко) и отдавая рукопись «желалъ, чтобъ она была напечатана». Но это только *официальныя* показанія. Въ самомъ же дѣлѣ вотъ какъ было: познакомившись съ С-кой, Мих. повезъ его къ Чскому, и уже самъ Чскій, лично, передалъ Сорокѣ и рукопись воззванія и деньги (200 р.) для ея напечатанія. Когда я пришелъ къ Сну, я увидѣлъ, что деньги эти тратились совсѣмъ не на то, на что они были даны Чскимъ. Но, вѣроятно, устыдѣвшись моихъ нареканій, С. и С. сейчасъ же принялись за приготовленіе къ устройству станка. Шрифты и станокъ немедленно были куплены, помещеніе я далъ имъ у

¹⁾ Названной книги Огарева.

себя наверху—и работа началась. Тутъ я не могу не остановиться на нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, «слѣдствіемъ обнаруженныхъ». Сулинъ показалъ, что я «обѣщаль помочь его положенію», если онъ, Слнъ, «согласится въ свою очередь оказать содѣйствіе къ напечатанію одной бездѣлицы»... и Слнъ согласился, будто бы даже не полюбопытствовавъ у меня, что это за бездѣлица. Посмотримъ теперь, что же это было за содѣйствіе, за которое я, повидимому, обѣщаль заплатить Слну такъ щедро; ибо какимъ-нибудь пятіалтыннымъ помочь бѣдственному положенію человѣка нельзя же. А по показанію Слна (на которомъ, очевидно, основанъ и приговоръ судей) только наборомъ пяти или шести строкъ, потому что когда Слнъ набралъ эти пять-шесть строкъ, я будто бы сказалъ, что теперь я выучился набирать, и *могу обойтись безъ него*. Какъ все правдоподобно, не правда ли? Но пойдемъ далѣе. Когда получена была предостерегательная записка, я (по тому же показанію) принялся за *уничтоженіе* станка (должно, принялся его жевать и проглатывать); но при этомъ я (будто бы) хотѣлъ сохранить набранныя строки, но Сулинъ схватилъ ихъ (схватилъ!) и разсыпалъ... а потомъ взялъ нѣкоторыя части машины (да вѣдь я же принялся за ея *уничтоженіе*) и перевезъ на квартиру Кистера. Хорошо. Стало быть, станокъ, частью мною *уничтоженный*, частью отвезенный на квартиру Кистера, работать не могъ. Зачѣмъ же мнѣ было желать сохраненія набранныхъ строкъ тѣмъ болѣе, что ихъ было набрано такъ мало? Могъ ли, наконецъ, я желать сохраненія у себя чего-либо, могущаго компрометировать, если я, по показанію Слна, такъ искренно повѣрилъ его предостерегательной запискѣ, что *немедленно принялся за уничтоженіе станка*, т. е. сталъ его жевать и проглатывать? *Se pauvre diable* — Сулинъ, конечно, въ попыхахъ не могъ сообразить всей нелѣпости своихъ показаній, его въ продолженіе всего слѣдствія была лихорадка, — но послушайте, — что же *patres conscripti*?... Но мы никогда не кончимъ, если я буду останавливаться на всѣхъ подробностяхъ нашего дѣла, — (у меня нѣтъ на это ни времени, ни охоты). Поэтому «оставимъ мертвымъ погребать своихъ мертвецовъ», мы переходимъ къ другой брошюрѣ, озаглавленной такъ же вычурно, какъ и первая: «русскимъ солдатамъ отъ ихъ доброжелателей поклонъ».

«Призывая крестьянъ къ бунту (если и не прямо, то возбуждая между ними такіе вопросы, къ разрѣшенію которыхъ крестьянинъ, очевидно, не могъ найти другого средства, кромѣ топора), составители манифеста естественно должны были позаботиться о томъ, что противопоставить тѣмъ мѣрамъ, которыя правительство приметъ для подавленія бунта. Съ Чскаго довольно было только заварить кашу; какъ и кому придется ее расхлебывать, объ этомъ онъ не заботился. Ясно, что самое естественное, самое близкое и самое вѣрное орудіе пр-ва есть солдатъ. Стало быть, надо дѣйствовать на солдата, надо его сманить на крестьянскую сторону. И вотъ проектируется «Русскимъ солдатамъ отъ ихъ доброж. поклонъ».

Манифестъ этотъ берется составить Шелгуновъ. Но изъ его писаній вышло чортъ знаетъ что; такая чепуха, что въ ней и мужикъ реветъ, и корова реветъ, и самъ чортъ не разберетъ, кто кого деретъ. Недовольные этимъ опытомъ, пробовали и мы съ Мих. написать что-нибудь, но у насъ вышло едва ли даже не хуже. У Млова — какой-то философскій трактатъ, въ родѣ пресловутаго *dei doveri degli Uomini*, а у меня — не то полковой приказъ, не то марсельеза. Такъ что за неимѣніемъ лучшаго поневолѣ приходилось удовольствоваться произведеніемъ Шнова. Между тѣмъ самъ авторъ твердо былъ убѣжденъ въ томъ, что его воззваніе есть именно то, «что нужно солдату». И чтобы убѣдить насъ въ этомъ, предложилъ мнѣ походить вмѣстѣ съ нимъ по солдатамъ, поговорить съ ними и, если представится возможность, прочесть имъ воззваніе, чтобъ посмотрѣть, какое оно произведетъ на нихъ впечатлѣніе. Сказано, — сдѣлано. Шел. пошелъ въ однѣ казармы, меня послалъ въ другія. Сговорились сойтись въ какой-то харчевнѣ. Но я, конечно, не пошелъ въ казармы (вы знаете, что особеннымъ удалствомъ я вообще не отличаюсь), а, побродивъ по улицамъ, пришелъ прямо въ харчевню, гдѣ уже сидѣлъ Ш. съ своими знакомыми солдатами. Я, поздравившись съ Ш., подсѣлъ къ нимъ и молча слушалъ ихъ мудрую бесѣду. Ш. заносился, солдаты были такіе глупые, глупые, — пыхтѣли за чаемъ и поддакивали, какъ видно, ровно ничего не понимая и, всего скорѣе не слушая. Мнѣ (признаюсь въ своей трусости) была крайне непріятна эта глупая и опасная комедія, — и я скоро уговорилъ Ш. уйти изъ харчевни. Дорогой онъ сообщилъ мнѣ, что солдаты слушали его съ восторженнымъ участіемъ и сдѣлали ему много очень дѣльныхъ замѣчаній; а я — что его знакомаго солдата не нашелъ, а другіе, съ которыми я пробовалъ было заговаривать, чуть меня не приколотили. Я поздравилъ его съ успѣхомъ; онъ посмѣялся надъ моею трусостью и неспособностью къ политическому агитаторству. Таковы были наши экспедиціи въ полярныя страны. Ну, потомъ Ш., вразумленный опытомъ, еще разъ десять переписывалъ свое посланіе; Мих. поубавилъ въ немъ метафизики, повыкинулъ слишкомъ яркіе санкюлотизмы, — и я взялъ рукопись съ собою. Впрочемъ, мнѣ все-таки это посланіе не нравилось, особенно начало, гдѣ доказывалась несправедливость завладѣнія Польшей, — было, по моему мнѣнію, очень глупо. То есть не глупо само по себѣ, но глупо обращенное къ солдату, не имѣющему ровно никакого понятія ни о народномъ правѣ, ни объ «исторической необходимости»...

«Ну, теперь, *посланіе третье*. — Вы знаете, что у насъ на Руси есть общины, внѣшнія формы которыхъ довольно близко подходятъ къ идеалу коммуны. Это раскольники, на которыхъ съ такой любовью останавливаются наши современные реформаторы. Отреченіе отъ собственности (у духоборцевъ), общее пользованіе женами на б омъ положеніи, отвращеніе отъ наружныхъ обрядовъ церкви, неуваженіе къ предписаніямъ гражданской власти и пр. и

пр.—вотъ тѣ *attraits*, которые привлекають къ русскому расколу любовные взгляды нашихъ коммунистовъ. Они, конечно, не могутъ не видѣть во всемъ этомъ одного тупого религіознаго фанатизма, они очень хорошо понимаютъ, что ненависть къ наружной церкви явилась у раскольниковъ не потому, чтобъ имъ были тѣсны формы, данныя Никономъ, но потому, что эти формы не во всемъ соотвѣтствовали заскоружлому преданію; люди, провозгласившіе расколъ свободою отъ оковъ, наложенныхъ формами, не могли забыть фантастической привязанности раскольниковъ къ своимъ старымъ книгамъ, къ своимъ копченымъ образамъ, къ своему двуперстному знаменію, въ этихъ тупыхъ изувѣрахъ, которые считаютъ для себя оскверненіемъ даже пить воду изъ одного колодца съ «погаными» никонцами,—они никакъ не могутъ, въ самомъ дѣлѣ, видѣть людей, руководящихся правиломъ: что, «въ сущности, всѣ люди равны, ибо всѣ равно грѣшны и всѣ подлежатъ искушенію». Нѣтъ, не «живая сила духа» дорога мнѣ въ расколѣ, а дорога его неприимимая фанатическая ненависть къ обществу, дорого то, что они называютъ «позываніемъ ума и совѣсти всего человѣка къ свободѣ», но что для «имѣющихъ уши слышати» значить то, что въ расколѣ никогда не умиралъ зародышъ пугачевщины. Поэтому для нашихъ агитаторовъ расколъ есть желанный и ожидаемый Мессія бунта.

«Само собою разумѣется, что мы не забыли *подобржела-тельствовать* и расколу. «Поклонъ старообрядцамъ» былъ составленъ тѣмъ же «доброжелателемъ», который составлялъ и манифестъ къ крестьянамъ. Жаль, что онъ не сохранился у меня. Онъ былъ писанъ мною подъ диктовку Чскаго (жаль, что нѣтъ ни охоты, ни мѣста, ни времени, а то я рассказалъ бы вамъ, съ какими смѣшными предосторожностями совершалось это таинство... но, увя! ничто же тайно есть, еже не откроется),—и я сжегъ его вмѣстѣ съ многими другими бумагами во время торговъ съ Николкой ¹⁾ о доносѣ. Впрочемъ, это была страшная дребедень — скучная, сухая, длинная рація; во время ея писанья я съ трудомъ преодолевалъ сонъ. Помнится, это было безконечное разглагольствованіе во вкусѣ Ламеннэ; нелѣпая болтовня объ антихристѣ и его печатѣхъ, пересыпанная самой наглою лестью и самыми лживыми обѣщаніями...

«Такимъ образомъ, мы, казалось, ничего не упустили изъ вида... кромѣ одной мудрой пословицы: не шути огнемъ — обожьешься...

«А вы, Чскій, забыли еще одну пословицу, тоже очень глупую. Когда-нибудь я вамъ ее припомню.

«Это было во время второй моей поѣздки въ Птб., кажется, во время *послѣдней добровольной* поѣздки... съ тѣхъ поръ — но эта исторія еще впереди.

¹⁾ Братъ Всеволода Костомарова, Николай, который, по его словамъ, донесъ на него въ 1861 г., не получивъ просямой за доношение сумми.

«Во время самага печатанія манифеста къ крестьянамъ Чскій посѣтилъ меня въ Москвѣ, сдѣлалъ кое-какія поправки въ текстѣ воззванія и, оставшись доволенъ работою, благословилъ меня на новыя и новыя подвиги...

«Потомъ, какъ вы уже знаете, я бросилъ печатаніе брошюры, не кончивъ ее. Мих. уѣхалъ за границу. Этимъ роль моя политическаго агитатора и кончилась... навсегда.

«Весна и лѣто прошли тихо. Я предпринялъ изданіе исторіи всемірной литературы и, углубившись въ изученіе греческихъ и римскихъ классиковъ, совсѣмъ было забылъ о крестьянахъ барскихъ и о солдатахъ царскихъ, — какъ на меня былъ сдѣланъ юнось Николкой... Меня взяли. Судили. Приговорили и вотъ.—

«Вотъ и все.

«Т. е. все, о чемъ я хотѣлъ и обѣщалъ писать вамъ. А тамъ— что пережилось, что передумалось въ это время, это... что говорить объ этомъ! Это ужъ *мое* дѣло. Были у меня и другія столкновенія и съ этими и со многими другими людьми... «Суть же ина многа, яже сотвори, яже еще бы поединому писана быша, ни самому мнѣ всему міру вмѣстите пишемыхъ книгъ»...

«Я обѣщаль написать вамъ комментарий на производство моего дѣла въ сенатѣ. Ну, вотъ онъ вамъ. Теперь выводите, меня ли слѣдовало бы подвергнуть наказанію за *составленіе* «возмут. воззв. къ б. к.», меня ли должно было признать «*зачинщикомъ* содѣяннаго преступленія, управлявшаго дѣйствіями онаго»... Не говорю ужъ о другихъ обвиненіяхъ: логичность ихъ говоритъ сама за себя. Вотъ, на примѣръ, образчикъ: «К-въ по собственному его сознанию (любопытно было бы мнѣ прочесть это *собственное* сознание) и обстоятельствамъ дѣла (о!!!) *оказывается* (!!!) виновенъ въ участіи въ (въ чемъ бы вы думали?) въ *составленіи* и распространеніи разбора книги бар. Корфа» и т. д. Какъ это вамъ нравится? Я *оказываюсь* (разумеется, какъ положительно это говорится) виновенъ въ *составленіи* книги, напечатанной давнымъ давно за границей, *св именею автора* (Огаревъ) и только *перепечатанной* въ Москвѣ, да и то въ то время, когда я жилъ въ Петербургѣ. (Когда я пріѣхалъ въ Москву и познакомился съ Сулинымъ, допечатывался уже *последній* листъ разбора). Или вотъ еще: *По 6-й категоріи* (насъ раздѣлили на 7 категорій по числу гимназическихъ классовъ или, можетъ быть, по числу чиновъ небесныхъ) К-въ состоитъ подсудимымъ за... *распространеніе* воззваній «къ барскимъ крестьянамъ» и «къ солдатамъ!» За *распространеніе воззваній*, которыхъ (это ужъ точно, по обстоятельствамъ дѣла *оказалось*) не было отпечатано ни одного экземпляра и которыхъ даже въ рукописи ни у кого не было найдено ¹⁾.

«Ну, да будетъ, всего не пересчитаешь. Да и незачѣмъ.

«Итакъ, вотъ вамъ истина во всей наготѣ ея,—истина, которой

¹⁾ Невѣрно: къ солдатамъ напечатана, а къ крестьянамъ вшита въ рукописи въ официальное дѣло Костомарова.

я не позволилъ прикрыть никакимъ фиговымъ листкомъ даже самыхъ зазорныхъ частей тѣла...

«Но, спросите вы меня (т. е. я это предполагаю, въ самомъ же дѣлѣ вы, вѣрно, не спрашиваете, потому что болтовня моя надоѣла вамъ давно), какую роль я игралъ во всей этой комедіи *св. переодѣваніе*, которая, однако, для меня окончилась такъ трагически? Что же руководило мною? Желанье ли втереться въ кружокъ, въ который не пускали безъ извѣстнаго лозунга; желанье ли пощеголять въ роли политическаго агитатора; наконецъ, можетъ быть, искреннее сознаніе въ полезности всѣхъ этихъ прокламацій? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! — „Ну, такъ что же? — Mais si voulez savoir ce que c'est... demandez — le au pourceau qui voit le vent!... (quoique cette figure est banale et stupide, mais elle est empruntée on psaumes).

„Sur ce, mon ami, en vous souhaitant tous les biens possibles et impossibles.

Je suis
celui, qui Suis.

„PS. Письмо это я имѣю случай написать и послать вамъ, что называется, „воровскимъ манеромъ“, завтра или послѣ завтра буду писать къ вамъ ужъ *открыто* и тогда поговорю съ вами о нашихъ домашнихъ дѣлахъ и о кое-какихъ порученіяхъ, о которыхъ я хочу просить васъ. Valete... et plaudite“¹⁾.

III.

Зная, что, кромѣ самого Костомарова, долженъ еще вскорѣ появиться и документъ, вполне подтверждавшій приведенное письмо, III Отдѣленіе озаботилось, съ одной стороны, обѣлечь Костомарова передъ общественнымъ мнѣніемъ, а съ другой—внушить комиссіи сознаніе, что тотъ документъ, который скоро предстанетъ предъ нею, еще пустякъ въ сравненіи съ другими, которые есть у Костомарова, но запрятаны имъ очень далеко...

Съ этою цѣлью братъ Костомарова, Алексѣй, прислалъ Потопу письмо, въ которомъ сообщалъ о полученіи на его имя, во время его отсутствія изъ Москвы, какого-то пакета, по вскрытіи котораго оказался листъ, исписанный какими-то цифрами... Потоповъ отложилъ этотъ листъ до прибытія Всеволода Костомарова въ Петербургъ... Когда послѣдній прибылъ въ столицу и былъ помѣщенъ уже не въ крѣпость, а въ апартаменты III Отдѣленія, ему предложили дешифровать присланное братомъ.

Вотъ что писалъ какой-то И. С. Алексѣю Костомарову:

„26 января. Г. Костомаровъ,—совершенно нечаянно до меня дошли слухи, что вы уже давно ищите меня съ письмомъ отъ брата

¹⁾ Г. Рейнгардтъ сообщаетъ объ этомъ письмѣ совершенно невѣрные свѣдѣнія (см. «Рус. Стар.» 1905 г. II, 463). А ужъ совсѣмъ что-то непонятное и спутанное сообщалъ, со словъ какого-то товарища Чернышевскаго посылкѣ, г. Пекарскій въ № 77 «Нашей Живни» за 1905 г.

вашего, въ которомъ онъ поручаетъ взять у меня ввѣренный имъ мнѣ конвертъ съ бумагами извѣстнаго вамъ содержанія. Очень жалѣю, что я не могъ ни его посѣтить въ Суш. ч.¹⁾, ни встрѣтиться съ вами послѣ. Впрочемъ, въ послѣднемъ едва ли даже и предстояла какая-нибудь надобность послѣ того, какъ съ заключеніемъ въ крѣпость братъ вашъ совершенно пересталъ нуждаться въ довѣренныхъ имъ мнѣ бумагахъ, ибо не можетъ уже (извлечь?) изъ нихъ той нравственной пользы, какую онѣ приносили ему, когда онъ былъ на свободѣ. Но, если вы найдете возможность, увѣрьте брата вашего, что бумаги его будутъ у меня цѣлы, какъ нигдѣ, и что я строго и свято держу данное мнѣ слово возвратитъ ему эти бумаги тотчасъ же, какъ онъ самъ будетъ возвращенъ обществу и, стало быть, получить возможность дѣлать изъ нихъ то употребленіе, какое до сихъ поръ дѣлалъ, а не то, какое по слабости природы человѣческой могъ бы сдѣлать теперь въ минуту отчаянія и скорби.

„Я повторяю его же слова, которыя онъ сказалъ мнѣ, отдавая эти письма; онъ благородно созналъ, что, обезсиленный страданіями, самый честный человѣкъ можетъ быть иногда очень неразборчивъ въ средствахъ къ своему спасенію,—чего потомъ уже никогда не проститъ себѣ и, презираемый самимъ собой, отвергнутый (всѣми?) честными людьми, всю жизнь свою будетъ мучительно раскаиваться въ своей малодушной слабости. Вотъ это-то благородное сознание и заставило многоуважаемаго брата вашего отдать бумаги свои человѣку, образъ мыслей котораго былъ ему, конечно, извѣстенъ, но настоящей фамиліи и адреса котораго онъ не зналъ, — чтобы отнять у себя, такимъ образомъ, всякую возможность сдѣлать подлое дѣло на „пристрастномъ опросѣ“, который, къ стыду нашему, уничтоженный *de jure*, продолжаетъ существовать *de facto*. Все это я къ тому говорю, чтобъ показать вамъ (что?) мой образъ дѣйствій вполне согласуется съ желаніемъ брата вашего и, я увѣренъ, не можетъ быть ему непріятенъ. Да и оставя все это, онъ самъ же связалъ меня клятвой, нарушить которую меня не заставитъ ничто; въ силу этой клятвы, я обязанъ возвратитъ письма брату вашему немедленно по его водвореніи (тамъ?), когда онъ будетъ посланъ въ солдаты. И я сдержу свое слово, ибо, благодаря Бога, до сихъ поръ никогда не нарушалъ его. Тогда я умываю руки. Мое дѣло будетъ сдѣлано, а тамъ братецъ вашъ можетъ дѣлать съ своими письмами, что ему угодно. Мы внимательно слѣдимъ за судьбою его (потому что принимаемъ въ немъ большое участіе) и, повѣрьте, что куда бы судьба ни забросила его, письма, довѣренныя мнѣ имъ, немедленно найдутъ его. Я сегодня же долженъ уѣхать изъ Москвы, по дѣламъ своимъ, мѣсяца на три; а то повѣрьте, никакъ бы не отказалъ себѣ въ удовольствіи познакомиться

¹⁾ До отправки въ крѣпость Костомаровъ сидѣлъ, въ концѣ 1862 года, въ Сушевской части Москвы.

съ Вами. Но это, конечно, не помѣшаетъ мнѣ знать все о братѣ вашемъ; я буду къ нему даже нѣсколько ближе. И. С.“

Итакъ, ясно, — думало III Отдѣленіе: все, что расторопнымъ Чулковымъ найдено у Костомарова при обратномъ слѣдованіи въ Петербургъ, все это вовсе не было съ нимъ въ дорогѣ изъ Петербурга и тѣмъ болѣе въ крѣпости, а получено вернувшимся раньше, по какимъ-то случайнымъ обстоятельствамъ въ Москву „И. С.“, и „честный Костомаровъ“ даже при всемъ желаніи свалить свою вину на другихъ во время хода его процесса, не могъ этого сдѣлать, потому что еще раньше отдалъ всѣ компрометирующіе другіе документы въ постороннія, но вѣрныя руки...

Какъ я уже сказалъ, Чулковъ и Костомаровъ прибыли въ Петербургъ 10 марта. Тотчасъ способный капитанъ явился къ Потапову и, рассказавъ ему, какъ было дѣло, вручилъ уже извѣстный читателю доносъ Яковлева и все „найденное“ при Костомаровѣ. Почему Потаповъ обманулъ комиссію, пославъ ей доносъ Яковлева, какъ полученный имъ якобы отъ него самого — неизвѣстно; вѣдь по позднѣйшимъ бумагамъ эта ложь, какъ на ладони. На слѣдующій день, 11-го, онъ сообщилъ комиссіи о рапортѣ Чулкова и послалъ всѣ отобранныя у Костомарова документы.

Особенно драгоцѣненъ былъ одинъ уже пожелтѣвшій листочекъ, на одной сторонѣ котораго видны были написанныя рукой Костомарова какіе-то стихи и подборъ рифмъ, а на другой—рукой, *похожей* на почеркъ Чернышевскаго, карандашомъ значилось буквально слѣдующее: „В. Д. вмѣсто „срочнообяз.“ (какъ это по непростительной оплошности поставлен у меня) набирайтъ вездѣ „временнообяз.“, какъ это называется въ положеніи. Вашъ Ч“. Последняя буква сдѣлана весьма неискусно и очень походитъ больше на „С“. Я долгу сравнилъ почеркъ записки съ почеркомъ Чернышевскаго и *категорически утверждаю, что поддѣлка не удалась* ¹⁾).

Затѣмъ два письма Чернышевскаго къ Костомарову.

1. Отъ 20 апрѣля 1861 г. „Вчера моя жена видѣла, Всеволодъ Дмитріевичъ, одного юношу, который, отправляясь за границу, нуждается въ спутникѣ-руководителѣ его неопытнаго ума. Этотъ юноша показался женѣ порядочнымъ человѣкомъ, и она выразила ему предположеніе, что спутникомъ его, быть можетъ, согласитесь быть Вы. Онъ очень обрадовался и далъ намъ адресъ своего брата, живущаго въ Москвѣ, съ которымъ Вы можете переговорить относительно условий и т. д. Онъ напишетъ къ брату, а меня просилъ написать Вамъ. Вотъ адресъ юноши на брата: въ Москвѣ, на Моховой, въ домѣ Скворцова, Григорій Григорьевичъ Устиновъ. Пожалуйста, повидайтесь съ этимъ Г. Г. Устиновымъ,—быть можетъ, Вы и сойдетесь. Вашъ Н. Чернышевскій“.

2. Отъ 2 июля 1861 г. „Добрый другъ, Всеволодъ Дмитріевичъ, Ваша пьеса „Мостъ вздоховъ“ (или какъ это иначе называется?)

¹⁾ Въ будущей книгѣ „Былого“ будетъ дава фотографія этой записки и почерка Чернышевскаго.

объ утопленницѣ-то) печатается въ VII книжкѣ „Современника“ (за іюль). О Вашей благотворительности въ пользу дворовыхъ пишу къ Алексѣю Николаевичу ¹⁾.—Но что-то подѣлываете Вы въ свою пользу? Я все возвращаюсь къ мысли объ урокахъ въ одномъ изъ корпусовъ. У меня теперь тамъ, кромѣ Котляревскаго, есть еще добрый знакомый, Свириденко, человѣкъ вполне порядочный, подобно Котляревскому (хоть Алексѣй Николаевичъ его и не долюбиваетъ, говоря по просту, но вѣдь это только несходство темпераментовъ и пріемовъ, а люди они очень хорошіе). Мнѣ хотѣлось бы познакомить Васъ съ ними, конечно, въ томъ случаѣ, если бы Вы думали похлопотать при ихъ содѣйствіи объ урокахъ въ одномъ изъ корпусовъ.

„Спѣшу, по обыкновенію, и опять выходить отъ этого лапидарный слогъ. Жму Вашу руку, Вашъ преданный *Н. Чернышевскій*“.

Три письма М. И. Михайлова къ Всеволоду Костомарову я пропускаю, потому что они не даютъ ничего намъ необходимаго. Приведу еще письмо къ Костомарову А. Н. Плещеева отъ 3 іюня 1861 г.:

„Дражайшій полиглотъ. Во-первыхъ,, напишите мнѣ тотчасъ же по городской, что цензурный комитетъ и прошеніе наше? ²⁾. Вы объ этомъ меня не увѣдомили. Крыжовъ вашъ дачу смотрѣлъ, но у меня не былъ. Записку отдала мнѣ бабуся. Дѣло въ томъ, что вы, кажется, напутали. Соколовъ вѣдь самъ будетъ жить и хотеть сдать только комнату, а Крыжовъ рассчитываетъ, вѣроятно, на всю избу. Вы ему скажите, чтобы онъ побывалъ у Соколова, если онъ нецеремонный господинъ. (Въ Гагаринскомъ переулкѣ, близъ Успенья на Могильцахъ, домъ Копановскаго).

Въ субботу жду васъ непременно. У меня созрѣлъ еще проектъ изданія. Стихъ одинъ написался. А вы ужъ, чай, въ эту недѣлю цѣлую библиотеку навалаете. Зачѣмъ вы Шеллея ³⁾ нѣмецкаго увезли? Это гнусно съ вашей стороны. Реализмъ прочелъ. Хорошо составлено, но о Мейснерѣ мало. Больше о Грековѣ. Привезите Шеллея; я жду Агастора. Я писалъ къ Чернышевскому—если онъ отвѣтитъ черезъ васъ,—то дайте знать. Изъ Гартмана я перевелъ двѣ странички (*frei bearbeitet*), но къ вашему пріѣзду, авось, еще переведу. Скучно ужасно и потому именно скучно, что это *служба*, что хочется другое дѣлать. А очень, кажется, его путешествія замѣчательны, только не все идетъ въ географическую книгу. Будьте здоровы. Что переведете—привезите, прочтемъ. Если я буду раньше, то заѣду къ вамъ и васъ увезу. Это можетъ случиться. Весь вашъ *А. Плещеевъ*».

Мих. Лемке.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Плещееву, жившему въ Москвѣ.

²⁾ Они просили о разрѣшеніи имъ какого-то періодическаго изданія.

³⁾ Вѣсто Шелли (*Schelley*).

Толпа¹⁾.

(Посвящено В. Г. Бѣлинскому).

Среди людей, мнѣ близкихъ... и чужихъ,
Считаюсь я—безъ цѣли, безъ желанья.
Мнѣ иногда смѣшны забавы ихъ...
Мнѣ самому смѣшнѣй мои страданья.
Страданій тѣхъ толпа не признаетъ—
Толпа—нашъ царь—и ѣсть и пьеть исправно;
И что въ душѣ «задумчивой» живетъ,
Болѣзнью считаетъ своенравной.
И права ты, толпа! ты велика,
Ты широка—ты глубока, какъ море...
Въ твоихъ волнахъ все тонетъ: и тоска
Нелѣпая—и истинное горе.
И ты сильна... И знаетъ тебя Богъ—
И надъ тобой Онъ носится тревожно.
Передъ тобой я преклониться могъ—
Но полюбить тебя—мнѣ невозможно.
Я ни одной тебѣ не дамъ слезы...
Не отъ тебя я ожидаю счастья—
Но ты растешь, какъ море въ часъ грозы,
Безъ моего ненужнаго участья.
Гордись, толпа! Ликуй—толпа моя!
Лишь для тебя такъ ярко блещетъ небо...

¹⁾ Стихотвореніе „Толпа“ написано И. С. Тургеневымъ въ 1843 году и напечатано въ „Отечественныхъ Запискахъ“ въ 1844 г. (т. 32) за подписью Т. Л. (Тургеневъ—Лутовиновъ). Потомъ оно было перепечатано С. Н. Кривенко въ изданныхъ имъ „Стихотвореніяхъ И. С. Тургенева“. Въ обоихъ, однако, случаяхъ стихотвореніе „Толпа“ появлялось съ цензурными искаженіями и безъ посвященія его Бѣлинскому. Мы печатаемъ его съ рукописи, написанной рукою самого Тургенева.

Какъ извѣстно, Тургеневъ познакомился и близко сошелся съ Бѣлинскимъ въ 1843 году. Часто встрѣчаясь, они много тогда спорили о философскихъ и политическихъ вопросахъ. Стихотвореніе „Толпа“ и носить на себѣ несомнѣнно отблескъ споровъ, происходившихъ между обоими знаменитыми писателями. *Ред.*

Но все жъ я радъ, что независимъ я,
Что не служу тебѣ я ради хлѣба...
И я молчу о томъ, что я люблю...
Молчу о томъ, что страстно ненавижу—
Я похвалой толпы не удивлю,
Насмѣшками толпы я не обижу...
А тосковать—мечтать съ самимъ собой,
Бесѣдовать съ прекрасными друзьями...
Съ такой смѣшной-ребяческой мечтой
Разстался я—какъ съ дѣтскими слезами...
А потому... мнѣ *жить* не суждено...
И я тяну съ усмѣшкой торопливой
Холодной злости—злости молчаливой
Хоть горькое, но пьяное вино.

Т. Л.

Инструкція¹⁾.

(Для заключенныхъ въ Шлиссельбургской крѣпости).

§ 1.

Заключенные подчиняются установленнымъ въ тюрьмѣ порядкамъ, безпрекословно исполняютъ требованія начальника управленія, помощниковъ его и дежурнаго унтеръ-офицера, должны быть всегда опрятными, беречь и держать въ чистотѣ одежду, обувь, и убирать свои постели. Заключеннымъ воспрещается:—шумъ, крикъ, пѣніе, свистъ, разговоры и вообще дѣйствія, нарушающія спокойствіе и благочиніе въ тюрьмѣ.

§ 2.

Для заключенныхъ, отличающихся хорошимъ поведеніемъ, допускаются съ разрѣшенія начальника управленія слѣдующія снисхожденія:—бесѣда со священникомъ, занятія работами, пользование книгами изъ тюремной библіотеки.

§ 3.

Проступки, за которые опредѣляются наказанія, по распоряженію начальника управленія, раздѣляются на два рода: на дисциплинарныя нарушенія и на проступки, которые указаны въ 803 ст. Уст. о ссыльныхъ.

§ 4.

За проступки перваго рода назначаются наказанія: 1) лишеніе чая, 2) лишеніе матраца на койкѣ до пяти дней, 3) заключеніе въ карцеръ до пяти дней, 4) заключеніе въ темномъ карцерѣ на такое же время на хлѣбѣ и водѣ.

¹⁾ Печатаемъ дословно ту „Инструкцію“, которая висѣла на стѣнахъ Шлиссельбургской крѣпости во время нахожденія тамъ въ послѣднія два царствованія политическихъ узниковъ. *Ред.*

§ 5.

За повтореніе проступковъ назначаются наказанія: 1) заключеніе въ карцеръ до 8-ми дней, 2) заключеніе въ темномъ карцеръ на такое же время съ содержаніемъ на хлѣбѣ и водѣ съ наложеніемъ оковъ.

Примѣчаніе: Подвергаемые заключенію въ карцеръ спятъ на голыхъ доскахъ. Заключеніе въ карцеръ обязательно сопровождается лишеніемъ чая.

§ 6.

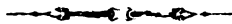
Когда проступки сопровождались особенными обстоятельствами, увеличивающими вину, то нарушители могутъ быть наказаны розгами до 50-ти ударовъ (ст. 225, XVII кн. Воен. пост.).

§ 7.

Взысканія, означенныя въ § 4, влекутъ за собой лишеніе заключенныхъ облегченій, поименованныхъ въ § 2, на срокъ до одного мѣсяца.—Послѣдствіемъ наказанія, опредѣленнаго въ § 5, должно быть лишеніе этихъ облегченій на срокъ до трехъ мѣсяцевъ.

§ 8.

За преступленія заключенные судятся военнымъ судомъ, примѣняющимъ къ нимъ постановленія устава о ссыльныхъ; за тяжкія же преступленія, указанныя въ 279 ст. XXII кн. Св. Воен. Пост., а также за оскорбленіе дѣйствіемъ начальствующихъ лицъ, судъ примѣняетъ къ нимъ мѣру наказанія, этой статьей опредѣленную—смертную казнь.

Вопросъ о преобразованіи государственнаго строя Россіи въ XVIII и первой четверти XIX вѣка.

(Очеркъ изъ исторіи политическихъ и общественныхъ идей).

Окончаніе.

VIII.

Самымъ выдающимся изъ всѣхъ декабристовъ былъ Пав. Ив. Пестель, стоявшій во главѣ Южнаго общества. Не считая нужнымъ останавливаться на внѣшнихъ фактахъ его біографіи ¹⁾, мы приведемъ отзывы о немъ лицъ, близко его знавшихъ. Его товарищъ по Южному обществу, князь С. Г. Волконскій, говоритъ въ своихъ «Запискахъ» (стр. 408), что Пестель былъ «человѣкъ замѣчательнаго ума, образованія, и въ сердцѣ котораго гнѣздились высокія и пылкія чувства патріотизма». Другой товарищъ его по тому же обществу, Лореръ, считалъ его человѣкомъ гениальнымъ и такъ называлъ его даже въ глаза. Начитанность Пестеля была очень велика. Это видно изъ его неизданной записной книжки съ выписками изъ сочиненій Руссо, Гельвеція, Кондильяка, Гольбаха, Дидро, Вольтера, г-жи Сталь, Беккари, Бентама и др. Лореръ, познакомившійся съ Пестелемъ въ 1824 г., говоритъ въ своихъ запискахъ, что во всю длину его комнатъ «тянулись полки съ книгами», преимущественно «политическими, экономическими, вообще ученаго содержанія, излагающими всевозможныя конституціи. Не знаю, чего этотъ человѣкъ не прочелъ на своемъ вѣку на многихъ иностранныхъ языкахъ» ²⁾. Извѣстный декабристъ И. Д. Якушкинъ такъ характеризуетъ его: «Пестель всегда говорилъ умно и упорно защищалъ свое мнѣніе, въ истину котораго онъ всегда вѣрилъ, какъ обыкновенно вѣрятъ въ математическую истину; онъ никогда и ничѣмъ не увлекался. Можетъ быть, въ этомъ-то и заключалась причина, почему изъ всѣхъ насъ онъ одинъ, въ теченіе почти 10 лѣтъ, не ослабѣвая ни на одну минуту, усердно трудился надъ дѣломъ тайнаго общества. Одинъ разъ доказавъ себѣ, что тайное общество вѣрный способъ для достиженія желаемой цѣли, онъ съ

¹⁾ См. статьи Н. П. Павлова-Сильванскаго въ „Русскомъ біографическомъ словарѣ“, изд. Имп. Русск. Ист. Общества, и во 2 № „Былого“.

²⁾ „Русское Богатство“, 1904 г. № 3, стр. 73.

нимъ слилъ все свое существованіе» ¹⁾. По словамъ кн. Е. П. Оболенскаго, Пестель «отличался умомъ необыкновеннымъ, яснымъ взглядомъ на предметы самые отвлеченные и рѣдкимъ даромъ слова, увлекательно дѣйствующимъ на того, кому онъ довѣрялъ свои задушевные мысли» ²⁾. Пятый декабристъ, Басаргинъ, членъ Южнаго общества, оставившій также интересныя записки, говоритъ: «П. И. Пестель былъ человѣкъ высокаго, яснаго и положительнаго ума. Будучи хорошо образованъ, онъ говорилъ убѣдительно, излагалъ мысли свои съ такою логикою, такою послѣдовательностью и такъ-какъ убѣжденіемъ, что трудно было устоять противъ его вліянія». Вполнѣ понятно поэтому, что Пестель «получилъ большой вѣсъ и вліяніе въ Южномъ обществѣ», что онъ импонировалъ своимъ товарищамъ ³⁾.

Лица, имѣвшія съ Пестелемъ дѣла по службѣ, были отъ него также въ восторгѣ. Его главный начальникъ, гр. Витгенштейнъ, далъ о немъ такой отзывъ: «Онъ на все годится: дай ему командовать арміею или сдѣлай его какимъ хочешь министромъ, онъ вездѣ будетъ на своемъ мѣстѣ». Начальникъ штаба второй арміи, П. Д. Киселевъ, впоследствии извѣстный министръ имп. Николая, отзывался о Пестелѣ, что онъ «всякое мѣсто займетъ съ пользою», что у него «особенныя способности». Петербургскіе пріятели упрекали даже Киселева, что онъ большую часть свободнаго времени проводитъ съ Пестелемъ ⁴⁾. Басаргинъ также свидѣтельствуемъ, что Киселевъ «съ удовольствіемъ слушалъ здравыя, но нѣсколько рѣзкія сужденія Пестеля».

Въ показаніяхъ на слѣдствіи Пестель сдѣлалъ замѣчательный очеркъ развитія своихъ политическихъ и общественныхъ идей. Онъ рассказываетъ, какъ, пристрастившись къ политическимъ наукамъ, увидѣлъ, что «благоденствіе и злополучіе царствъ и народовъ зависитъ по большей части отъ правительствъ». Продолжая занятія этими науками, онъ началъ «разсуждать о томъ, соблюдены ли въ устройствѣ россійскаго правленія правила политическихъ наукъ, не касаясь однако же еще верховной власти, но размышляя о министерствахъ, мѣстныхъ правительствахъ, частныхъ начальствахъ и тому подобныхъ предметахъ». Весьма замѣчательно, что, не поддаваясь аристократическимъ теченіямъ, довольно сильнымъ тогда въ русскомъ обществѣ, Пестель очень скоро сталъ приверженцемъ демократическихъ идей. Продолжая рассказъ о ходѣ своего развитія, онъ говоритъ: «Обратилъ также мысли и вниманіе на положеніе народа, при чемъ рабство крестьянъ всегда сильно на меня дѣйствовало, а равно и большія преимущества аристократіи, которую я считалъ, такъ сказать, стѣною между монархомъ

¹⁾ «Записки И. Д. Якушкина», М., 1906 г., стр. 23—24.

²⁾ «Общественное движеніе въ Россіи въ первую половину XIX в.», т. I, 237.

³⁾ «Деятельный вѣкъ», изданіе Бартенева, т. I, стр. 68, 73.

⁴⁾ *Заблуждѣній-Десятовскій*. «Графъ П. Д. Киселевъ и его время», I, 89—91, 139—140, 148.

и народомъ стоящую и отъ монарха, ради собственныхъ выгодъ, скрывающую истинное положеніе народа. Къ сему стали въ мысляхъ моихъ... присоединяться разные другіе предметы и толки, какъ-то: преимущества разныхъ присоединенныхъ областей» (т. е. непредоставленіе Россіи политическихъ правъ, какія даны были Финляндіи и Польшѣ), «слышанное о военныхъ поселеніяхъ, упадокъ торговли, промышленности и общаго богатства, несправедливость и подкупливость судовъ и другихъ начальствъ, тягость военной службы для солдатъ и многія другія тому подобныя статьи, долженствовавшія, по моимъ понятіямъ, составлять предметъ частныхъ неудовольствій и чрезъ коихъ всѣхъ совокупленіе воедино предствлялась моему уму и воображенію цѣлая картина народнаго неблагоденствія. Тогда началъ во мнѣ возникать внутренней ропотъ противу правительства. Возвращеніе Бурбонскаго дома на французскій престолъ и соображенія мои впослѣдствіи о семъ происшествіи могу я назвать эпохою въ моихъ политическихъ мнѣніяхъ, понятіяхъ и образѣ мыслей, ибо началъ разсуждать, что большая часть коренныхъ постановленій, введенныхъ революціею, были при рестораціи монархіи сохранены и за благія вещи признаны, между тѣмъ какъ всѣ возставали противъ революціи, и я самъ всегда противъ нея возставалъ. Отъ сего сужденія породилась мысль, что революція видно не такъ дурна, какъ говорятъ, и что можетъ даже быть весьма полезна, въ каковой мысли я укрѣплялся тѣмъ другимъ еще сужденіемъ, что тѣ государства, въ коихъ не было революціи, продолжали быть лишенными подобныхъ преимуществъ и учрежденій. Тогда начали сіи причины присовокупляться къ выше уже приведеннымъ, и начали во мнѣ рождаться, почти совокупно, какъ конституціонныя, такъ и революціонныя мысли. Конституціонныя были совершенно монархическія, а революціонныя были очень слабы и темны. Мало-по-малу стали первыя опредѣлительнѣе и яснѣе, а вторыя сильнѣе. Чтеніе политическихъ книгъ подкрѣпляло и развивало во мнѣ всѣ сіи мнѣнія, мысли и понятія. Ужасныя происшествія, бывшія во Франціи во время революціи, заставляли меня искать средства къ избѣжанію подобныхъ, и сіе то произвело во мнѣ впослѣдствіи мысль о временномъ правленіи и о его необходимости и всегдашніи мои толки о всевозможномъ предупрежденіи всякаго междоусобія».

Въ другомъ показаніи Пестель говоритъ, что «нѣкоторыя мысли» о верховной власти были написаны имъ на французскомъ языкѣ, при чемъ соображенія въ пользу монархіи были развиты подробнѣе, чѣмъ въ пользу республики. Онъ показывалъ Н. М. Муравьеву краткій проектъ конституціи, составленный имъ въ 1820 г. (если только Муравьевъ точно отмѣтилъ время ¹⁾ его написанія). Глав-

¹⁾ Не былъ ли составленъ этотъ проектъ нѣсколько ранѣе, такъ какъ, по показанію Пестеля, въ 1820 г. на собраніи коренной думы Союза Благоденствія, происходившемъ у Ѳ. Н. Глявки, послѣ доклада Пестеля о выгодахъ и невыгодахъ республики, присутствующіе единогласно высказались за республиканское правленіе.

ныя черты его, по свидѣтельству Муравьева, состояли въ слѣдующемъ. Исполнительная власть принадлежитъ императору, который участвуетъ и въ законодательной власти ¹⁾. Законодательная власть «въ особенности» принадлежитъ народному вѣчу, состоящему изъ 1000 членовъ, избранныхъ на два года. Вѣче обновляется ежегодно на половину по жребію. «Умѣрительная» власть принадлежитъ сенату, члены котораго избирались императоромъ изъ числа кандидатовъ, представленныхъ ему вѣчемъ. Сенаторы назначались на всю жизнь и не могли принять никакой должности, не теряя своего званія. Они могли быть только генераль-губернаторами въ областяхъ или генераль-прокурорами министерствъ, но въ обоихъ случаяхъ только тогда подписывали протоколы судебныхъ мѣстъ или министерскихъ коллегій, когда находили, что они не нарушаютъ установленныхъ формъ. Такимъ образомъ, они пользовались только «надзирательною властью», сообщая сенату, почему они остановили то или другое дѣло. Въ мирное время не должно существовать армій, а только корпуса, главнокомандующіе которыхъ дѣлались сенаторами безъ выборовъ ²⁾.

Всѣ совершеннолѣтніе жители мужского пола безъ исключенія должны были участвовать въ избраніи мѣстныхъ чиновниковъ и представителей въ народное вѣче, выбирая ихъ «избирателей». Слѣдовательно, въ это время, какъ и позднѣе, Пестель стоялъ за двухстепенные выборы. Но если для того, чтобы участвовать въ первой степеніи выборовъ, не нужно было по этому первоначальному наброску Пестеля имѣть никакого ценза, то, чтобы быть «избирателемъ представителей» въ народное вѣче, необходимо было «имѣть извѣстное состояніе» (отъ этого послѣдняго предположенія Пестель въ послѣдствіи отказался). Жители каждой деревни выбираютъ избирателей; списки получившихъ наибольшее число голосовъ отправляются въ уѣздный городъ, гдѣ на основаніи ихъ составляются списки уѣздныхъ избирателей. Въ губернскомъ городѣ изъ этихъ списковъ составляютъ губернской списокъ ста лицъ, получившихъ наибольшее число голосовъ. Эти избиратели «назначаютъ уже представителей въ вѣче, не обращая вниманія ни на какое денежное условіе», т. е. для того, чтобы быть выбраннымъ депутатомъ въ вѣче, не требовалось никакого имущественнаго ценза.

¹⁾ Сохранились часть набросковъ Пестеля на французскомъ языкѣ; тамъ, между прочимъ, сказано: „Государь управляетъ всею имперію... Каждое отдѣльное лицо въ своихъ отношеніяхъ къ государю будетъ называться подданнымъ, а въ отношеніяхъ съ соотечественниками — гражданиномъ... Нѣтъ нужды говорить, что государь и его августѣйшее семейство не могутъ принадлежать ни къ какой общинѣ (commune). Они находятся на вершинѣ соціальнаго зданія, и вся имперія составляетъ ихъ общину“.

²⁾ Нѣкоторыя изъ этихъ предположеній мы встрѣтимъ въ „Государственномъ Заветѣ“ Пестеля (см. ниже), но императоръ замѣненъ тамъ „державною думою“ изъ 5 членовъ.

Представители получают ежегодное вознаграждение. Кроме того губернские избиратели «назначали депутатовъ зъ областныхъ вѣча». Слѣдовательно, Пестель, ранѣе Н. Муравьева, высказалъ мысль о необходимости, кроме центрального представительнаго учреждения, и областныхъ представительныхъ собраний. Однако, познѣе онъ отказался отъ этой послѣдней мысли. Возвращаемся къ показанію самого Пестеля.

«Отъ монархическаго конституціоннаго образа мыслей былъ я переведенъ въ республиканскій главнѣйше слѣдующими предметами и соображеніями. Сочиненіе Детю-де-Траси на французскомъ языкѣ ¹⁾ очень сильно подѣйствовало на меня; онъ доказываетъ, что всякое правленіе, гдѣ главою государства есть одно лицо, особенно ежели сей санъ наслѣдственъ, неминуемо кончится деспотизмомъ. Всѣ газеты и политическія сочиненія такъ сильно прославляли возростаніе благоденствія въ Сѣверныхъ Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, приписывая сіе государственному ихъ устройству, что сіе мнѣ казалось яснымъ доказательствомъ въ превосходствѣ республиканскаго правленія. Новиковъ говорилъ мнѣ о своей республиканской конституціи для Россіи, но я еще спорилъ тогда въ пользу монархической, а потомъ сталъ его сужденія себѣ припоминать и съ ними соглашаться. Я воспоминалъ блаженныя времена Греціи, когда она состояла изъ республикъ, и жалостное ея положеніе потомъ. Я сравнивалъ величественную славу Рима во дни республики съ плачевнымъ ея удѣломъ подъ правленіемъ императоровъ. Исторія Великаго Новгорода меня также утверждала въ республиканскомъ образѣ мыслей. Я находилъ, что во Франціи и въ Англіи конституціи суть одни только покрывала, никакъ не воспрещающія министерству въ Англіи и королю во Франціи дѣлать все, что они пожелаютъ, и въ семъ отношеніи я предпочиталъ самодержавіе таковой конституціи, ибо въ самодержавномъ правительствѣ, разсуждалъ я, неограниченность власти открыто всѣмъ видна, между тѣмъ какъ въ конституціонныхъ монархическихъ тоже существуетъ неограниченность (?), хотя и медлительнѣе дѣйствуетъ, но и зато не можетъ такъ скоро худое исправить. Что же касается до обѣихъ палатъ, то онѣ существуютъ для одного только покрывала. Мнѣ казалось, что главное стремленіе нынѣшняго вѣка состоитъ въ борьбѣ между массаи народными и аристократіями всякаго рода, какъ на богатствѣ, такъ и на правахъ наслѣдственныхъ основанными. Я судилъ, что сіи аристократіи сдѣлаются, наконецъ, сильнѣе самого монарха, какъ-то въ Англіи, и что онѣ суть главная препона государственному благоденствію и притомъ могутъ быть устранены однимъ республиканскимъ образованіемъ государства. «Происшествія» (т. е. революціи) «въ

¹⁾ Дѣло идетъ о сочиненіи „Commentaire sur l'Esprit des Loix de Montesquieu, par M. le C-te Destutt de Tracy“, Paris, Juillet, 1819. Мы будемъ говорить о немъ ниже.

Неаполѣ» (1820—21 г.), «Гишпаніи» (1820 г.) «и Португаліи» (1820 г.) «имѣли тогда большое на меня вліяніе. Я въ нихъ находилъ, по моимъ понятіямъ, неоспоримыя доказательства въ непрочности монархическихъ конституцій и полныя, достаточныя причины къ недовѣрчивости къ истинному согласію» (т. е. къ искренности согласія) «монарховъ на конституціи, ими принимаемыя. Сіи послѣднія соображенія укрѣпили меня весьма сильно въ республиканскомъ и революціонномъ образѣ мысли, который раздѣляли весьма многіе члены тайнаго общества. Все сіе произвело, что я сдѣлался въ душѣ республиканцемъ и ни въ чемъ не видѣлъ большаго благоденствія и высшаго блаженства для Россіи, какъ въ республиканскомъ правленіи. Когда съ прочими членами, раздѣляющими мой образъ мыслей, рассуждалъ я о семъ предметѣ, то, представляя себѣ живую картину всего счастья, коимъ бы Россія, по нашимъ понятіямъ, тогда пользовалась; входили мы въ такое восхищеніе и, сказать можно, восторгъ, что я и прочіе готовы были не только согласиться, но и предложить все то, что содѣйствовать бы могло къ полному введенію и совершенному укрѣпленію и утвержденію сего порядка вещей».

На вопросъ слѣдственной комиссіи: «Какимъ образомъ революціонныя мысли и правила постоянно возрастали и укоренялись въ умахъ, и кто гдѣ началъ и продолжалъ внушать и распространять оныя въ государствахъ», Пестель отвѣчалъ: «Политическія книги у всѣхъ въ рукахъ, политическія науки вездѣ преподаются, политическія извѣстія повсюду распространяются. Сіе научаешь всѣхъ судить о дѣйствіяхъ и поступкахъ правительства: хвалить одно, хулить другое. Происшествія 1812, 13, 14 и 15 гг., равно какъ предшествовавшихъ и послѣдовавшихъ временъ, показали столько престоловъ низверженныхъ, столько другихъ постановленныхъ, столько царствъ уничтоженныхъ, столько новыхъ учрежденныхъ, столько царей изгнанныхъ, столько возвратившихся или призванныхъ, и столько опять изгнанныхъ, столько революцій совершенныхъ, столько переворотовъ произведенныхъ, что всѣ сіи происшествія ознакомили умы съ революціями, съ возможностями и удобствами оныя производить. Къ тому же имѣетъ каждый вѣкъ свою отличительную черту. Нынѣшній ознаменовывается революціонными мыслями. Отъ одного конца Европы до другого видно вездѣ одно и то же, отъ Португаліи до Россіи, не исключая ни единаго государства, даже Англии и Турціи, сихъ двухъ противоположностей. Тоже самое зрѣлище представляетъ и вся Америка. Духъ преобразования заставляетъ, такъ сказать, вездѣ умы клочкотать (*fait bouillir les esprits*). Вотъ причины, полагаю я, которыя породили революціонныя мысли и правила и укоренили оныя въ умахъ. Что же касается до распространенія духа преобразования по государству, то нельзя приписать сіе нашему Обществу, ибо оно слишкомъ еще было мало численно, дабы какое-нибудь имѣть на сей счетъ общее вліяніе, но приписать должно, полагаю я, ежели мысли сіи точно распростра-

нились, общимъ причинамъ, выше изложеннымъ и дѣйствовавшимъ на прочіе умы, точно такъ же какъ и на умы членовъ общества. Можетъ быть, что къ тому содѣйствовалъ также и духъ неудовольствія совершенно независимо отъ тайнаго общества».

Остановимся еще на томъ, какъ Пестель велъ устную пропаганду въ то время, когда его политическія идеи окончательно сложились. Живое изображеніе этого мы находимъ въ показаніи члена Южнаго общества А. В. Поджіо. Осенью 1824 г. Пестель, «по обыкновенію своему испытывать, оспаривать челоуѣка даже въ томъ, въ чемъ онъ былъ самъ убѣжденъ, дабы чрезъ то усмотрѣть способность всякаго и твердость въ мнѣніи, счелъ за нужное начать со мной съ азбуки и въ политикѣ..., и дѣйствіи... Началъ отъ Немрода, подробно, медленно переходилъ черезъ всѣ измѣненія правленій, понятій народовъ о нихъ; коснулся къ временамъ свободы Греціи, Рима, говоря, сколь мало она понятна была, не имѣя представительства своего; пронесся быстро мимо варварскихъ вѣковъ среднихъ временъ, поглотившихъ свободу и просвѣщеніе; приостановился на революціи французской, не упуская изъ виду нерѣшимость одной цѣли, непрочности въ достиженіи ея и основаніи, и, наконецъ, палъ на Россію. Тутъ онъ направилъ на нее всѣ свои ядовитыя стрѣлы, сталъ говорить о монархическомъ правленіи; сколь оно несогласно съ представительнымъ, какъ сила одного разрушаетъ силу другого, сколь они въ существѣ своемъ разнородны и несовмѣстны, сколь при такомъ родѣ правленія невозможно установленіе прочной системы равновѣсій властей, противуборство однихъ съ другими, сколь наслѣдствіе престола по первородству противно цѣли всякаго благоустроеннаго государства; какъ предполагать тѣхъ нужныхъ свойствъ въ первородцѣ для управленія государствомъ; коснулся къ избирательному на царствіе правленію, не упустивъ всѣхъ пагубныхъ послѣдствій его въ возрожденіи междоусобій и внутреннихъ раздоровъ и, наконецъ, ввелъ меня въ свою республику, имъ предположенную и основанную на народномъ представительствѣ. На все спрашивалъ мое мнѣніе. Я ему отвѣчалъ убѣжденіемъ моимъ и примолвилъ, что сіе все почерпнули у Детю-де-Траси «и его разборъ о духѣ законовъ Монтескье весьма искусно превратили въ систему математическую изложенную, добавивъ, что я во всемъ согласенъ, что нахожу, что предшественники наши въ преобразованіи государствъ были ни что, какъ ученики еще, что наука сія была въ дѣгствѣ и, наконецъ, приметъ свои положительныя и неизмѣнныя правила. На семъ кончилось испытаніе мое въ свѣдѣніяхъ моихъ политическихъ и согласія моего на введеніе сего рода правленія въ Россіи ¹⁾.

¹⁾ Отнѣтитъ еще, что Пестель давалъ порученіе членамъ Южнаго общества Ивашеву, Крюкову и Барятинскому дѣлать выписки изъ книгъ аббата Баррюэля о тайныхъ обществахъ („Mémoires pour servir à l'histoire du Jacobinisme“, 5 vol., Hamb. 1803), но они не исполнили порученія.

IX.

Главный трудъ Пестеля, Русская Правда, носить слѣдующее заглавіе: «Русская Правда ¹⁾, или заповѣдная государственная грамота великаго народа россійскаго, служащая завѣтомъ для усовершенствованія государственнаго устройства Россіи и содержащая вѣрный наказъ, какъ для народа, такъ и для временнаго верховнаго правленія» ²⁾).

Во введеніи къ «Русской Правдѣ» Пестель указываетъ на то, что народъ имѣетъ *право* требовать отъ правительства, чтобы оно непременно стремилось къ общественному и частному благоденствію и только бы то повелѣвало, что истинно къ сей цѣли ведетъ и безъ чего не могла бы она быть достигнута». Далѣе, очевидно, руководствуясь ученіемъ Бентама, онъ утверждаетъ, что «истинная цѣль государственнаго устройства должна непременно быть: возможно большее благоденствіе многочисленнѣйшаго числа людей въ государствѣ». По мнѣнію Пестеля, «правительство существуетъ для блага народа и не имѣетъ другого основанія своему бытію и образованію, какъ только благо народное». Повторяя приводимую и Н. Муравьевымъ въ его проектѣ мысль испанской конституціи 1812 г., Пестель говоритъ, что «народъ россійскій не есть принадлежность или собственность какого-либо лица или семейства»; по его мнѣнію, «напротивъ того, правительство есть принадлежность народа, и оно учреждено для блага народнаго, а не народъ существуетъ для блага правительства».

Всякое благоустроенное государство должно находиться «подъ властью и управленіемъ законовъ общественныхъ, а не прихотей личныхъ властителей» и доставлять «возможное благоденствіе всѣмъ и каждому», а не злоупластвовать ³⁾ «надъ всѣми для выгоды единаго или нѣсколькихъ. Все, что отъ сихъ правилъ удаляется, а тѣмъ паче онымъ противурѣчить, есть злоупластіе, испроверженіе правъ и уничтоженіе, нареканіе наносящее и гибель совершающее. Примѣняя сіи неизмѣнныя и непреложныя, коренныя правила въ Россіи, ясно видѣть можно», что они «непременно требуютъ измѣненія существующаго нынѣ государственнаго порядка въ Россіи и введенія на мѣсто его такого устройства, которое было бы основано на однихъ только точныхъ и справедливыхъ законахъ и постановленіяхъ, не предоставляло бы ничего личному самовластью

¹⁾ Названіе это было дано имъ въ 1824 г., но уже въ 1823 г. въ собраніи Южнаго общества Пестель читалъ отрывки изъ этого своего произведенія.

²⁾ Другое заглавіе: «Русская Правда, содержащая наставленіе верховному правленію и служащая залогомъ всероссійскому народу въ усовершенствованіи его положенія» Тутъ же краткое заглавіе: «Проектъ Русской Правды».

³⁾ Пестель старался употреблять какъ можно менѣе иностранныхъ выраженій. Въ началѣ «Русской Правды» приложенъ особый списокъ тѣхъ русскихъ словъ, которыми авторъ замѣняетъ соотвѣтствующія иностранныя; «зупластіе» онъ употребляетъ вмѣсто слова «тираннія».

и въ совершенной точности удостовѣряло бы народъ россійскій въ томъ, что онъ составляетъ устроенное гражданское общество, а не есть и никогда быть не можетъ чьею либо собственностью или принадлежностью. Изъ сего явствуютъ двѣ главныя для Россіи необходимости: первая состоитъ въ совершенномъ переобразованіи государственнаго порядка и устройства, а вторая—въ изданіи полнаго новаго Уложенія или Свода Законовъ, сохраняя при томъ все полезное и уничтожая вредное».

Съ этою цѣлью необходимо учредить Временное Верховное Правленіе и обнародовать «Русскую Правду» во всеобщее свѣдѣніе. Новый порядокъ не можетъ быть введенъ сразу: для этого нужно множество подготовительныхъ или переходныхъ мѣръ. Исполненіе этого важнаго дѣла всего лучше можетъ быть поручено Временному Верховному Правленію, такъ какъ «прежняя верховная власть довольно уже доказала враждебныя свои чувства противу народа русскаго, а представительный соборъ не можетъ быть созванъ» немедленно, потому что «начала представительнаго верховнаго порядка въ Россіи еще не существуютъ». Но «Россія должна имѣть залогъ въ томъ, что Временное Верховное Правленіе точно будетъ дѣйствовать» только для блага Россіи и потому необходимо «изданіе Русской Правды въ видѣ Наказа Верховному Правленію», тѣмъ болѣе, что составленіе уложенія или Свода Законовъ требуетъ много времени. Русская Правда должна опредѣлить всѣ перемѣны, которыя слѣдуетъ произвести въ государствѣ, и намѣтить «коренныя правила и начальныя основы», которыя должны послужить руководствомъ «при сооруженіи новаго государственнаго порядка и составленіи новаго государственнаго уложенія». Она содержитъ въ себѣ также «поясненіе коренныхъ соображеній начальныхъ причинъ и основныхъ доводовъ, утверждающихъ предполагаемое для Россіи государственное устройство. Итакъ, Русская Правда есть наказъ или наставленіе Временному Верховному Правленію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и объявленіе народу, отъ чего онъ освобожденъ будетъ и чего вновь ожидать можетъ. Она... служитъ для Россіи ручательствомъ, что Временное Верховное Правленіе единственно ко благу отечества дѣйствовать будетъ. Недостатокъ въ таковой грамотѣ», продолжаетъ Пестель, «звергнулъ многія государства въ ужаснѣйшія бѣдствія и междуусобія, потому что въ оныхъ правительство дѣйствовать всегда могло по своему произволу. по личнымъ страстямъ и частнымъ видамъ, не имѣя передъ собою яснаго и полнаго наставленія, коимъ бы обязано было руководствоваться, и что народъ между тѣмъ никогда не зналъ, что для него предпринимаютъ, никогда не видѣлъ яснымъ образомъ, къ какой цѣли стремятся дѣйствія правительства, и, волнуемый разными страхами, а потомъ и разными страстями, часто предпринималъ безпокойныя дѣйствія и, наконецъ, междуусобія производилъ. Русская Правда отвращаетъ своимъ существованіемъ все сіе зло и приводитъ государственное переобразование въ положительныя ходъ и дѣйствіе тѣмъ, что все опредѣляетъ и на всѣ предметы коренныя правила

издаеть. Посему обязаны съ нею въ полной мѣрѣ сообразоваться, какъ Временное Верховное Правленіе со всѣми частями, отраслями и степенями правительства, такъ равно и весь народъ со всѣми онаго членами или гражданами. Временное Верховное Правленіе обязано новый государственный порядокъ, Русскою Правдою опредѣленный, постепенными мѣропріятіями ввести и устроить, а народъ обязанъ сему введенію не только не противиться, но, напротивъ того, Временному Верховному Правленію усердно всѣми силами содѣйствовать и неумѣстнымъ нетерпѣніемъ не вредить пресуспѣванію народнаго возрожденія и государственнаго преобразованія*.

Въ разговорѣ съ А. В. Поджіо, о которомъ мы уже упоминали, Пестель сказалъ, что дѣятельность Временнаго Верховнаго Правленія должна продолжаться не менѣе десяти лѣтъ: одно «раздѣленіе земель» (см. ниже) «возьметъ много времени». По поводу этого показанія Поджіо Пестель подтвердилъ, что дѣйствительно онъ указывалъ на необходимость существованія Временнаго Правленія до окончанія преобразованія, но вмѣстѣ съ тѣмъ полагалъ, что оно не должно «продолжаться сверхъ надобности». По его мнѣнію, если Временное Правленіе прекратитъ свое существованіе до окончанія государственнаго преобразованія, то «не достигнетъ цѣли своего учрежденія, и надобно будетъ тогда опасаться подобныхъ послѣдствій, какія имѣли всѣ французскія республиканскія конституціи». Онъ считалъ для этого необходимымъ 8 или 10 лѣтъ. Нужно замѣтить, что Пестель высказывалъ нежеланіе быть членомъ Временнаго Верховнаго Правленія, ссылаясь на то, что не хочетъ быть уличеннымъ въ личныхъ видахъ, а также указывая и на свою не русскую фамилію. Но Поджіо сказалъ ему: «Вамъ предстоитъ слава Вашингтона; вы можете, какъ онъ, сейчасъ же удалиться къ числу частныхъ гражданъ послѣ водворенія законнаго правленія».

Пестель не успѣлъ окончить «Русскую Правду», и изъ 10 предполагаемыхъ главъ написалъ только 5; три первыя онъ считалъ обработанными, а двѣ—написанными вчернѣ; впрочемъ, и относительно третьей главы онъ говорилъ, что была отдѣлана «большая часть» ея.

Въ первой главѣ („О земельномъ пространствѣ государства“) онъ прежде всего утверждаетъ, что нужно думать не о расширеніи границъ Россіи, а только о «водвореніи благоденствія» въ ея обширныхъ владѣніяхъ. Онъ обращаетъ вниманіе на то, что безопасность и спокойствіе государства зависятъ отъ его хорошихъ границъ, опредѣленіе которыхъ затрудняется разноплеменностью населенія Россіи. При этомъ проявляются два противоположныя теченія: народы, подвластные большому государству и не принадлежащіе къ господствующему племени, всегда желаютъ независимости и отдѣльнаго политическаго существованія; Пестель называетъ это «правомъ народности». Съ другой стороны, всякое большое государство или, лучше сказать, всякій господствующій въ государствѣ народъ стремится къ тому, чтобы силы окружающихъ его

маленькихъ народовъ увеличивали могущество его самого, а не какого-либо сосѣдняго государства; Пестель называетъ это «правомъ благоудобства». Признавая вполне естественными оба эти противоположныя стремленія, онъ полагаетъ, что рѣшать, какому изъ нихъ должно быть отдано въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ предпочтеніе, слѣдуетъ на основаніи третьяго правила, состоящаго въ томъ, что право народности дѣйствительно существуетъ только для тѣхъ народовъ, которые, пользуясь имъ, могутъ его сохранить, „и что право благоудобства принимается въ соображеніе для утверженія безопасности, а не для какого-либо тщеславнаго распространенія предѣловъ государства. Такимъ образомъ, племена, подвластная большому государству, не могущія по слабости своей пользоваться самостоятельною политическою независимостью и должнствующія, слѣдовательно, непременно состоятъ подъ властью или покровительствомъ котораго-либо изъ большихъ сосѣдственныхъ государствъ, не могутъ ограждаться правомъ народности, ибо оно есть для нихъ мнимое и не существующее“. По мнѣнію Пестеля, для нихъ самихъ выгоднѣе слиться съ господствующимъ населеніемъ и составить съ нимъ одинъ народъ. Съ другой стороны, сильное государство „не должно противиться враждебными чувствами и дѣйствіями правильному отдѣльному существованію народовъ, могущихъ пользоваться полною политическою независимостью“.

Руководясь этою точкою зрѣнія, Пестель утверждаетъ, что Финляндія, Эстляндія, Лифляндія, Курляндія, Бѣлоруссія, Малороссія, Новороссія, Бессарабія, Крымъ, Грузія, весь Кавказъ, земля киргизовъ, всѣ народы сибирскіе иразныя другія племена, обитающія внутри государства, никогда не пользовались «самостоятельною независимостью» и принадлежали или Россіи, или «по временамъ» Швеціи, Даніи, Пруссіи, Польшѣ, Турціи, Персіи, вообще какому-нибудь сильному государству, и дѣлаетъ отсюда выводъ, что «и на будущія времена, по слабости своей», они «никогда не будутъ составлять особыхъ государствъ, а посему и подлежатъ всѣ они праву благоудобства, долженствуя притомъ навѣки отречься отъ права отдѣльной народности» и должны «на вѣчныя времена» оставаться въ составѣ русскаго государства. Пестель не принялъ во вниманіе того, что нѣкоторыя изъ названныхъ имъ областей и племенъ, даже и находясь подъ верховнымъ главенствомъ другого государства, пользовались значительною долею самостоятельности. Такъ, Малороссія подъ русскимъ владычествомъ имѣла своихъ гетмановъ и свои войсковыя рады; Грузія знала времена и полной независимости, и значительной самостоятельности подъ покровительствомъ Россіи, Персіи или Турціи; Крымъ, подъ главенствомъ Турціи, имѣлъ своихъ хановъ и собственное управленіе; Курляндія, несмотря на ленную зависимость отъ Польши, имѣла своихъ герцоговъ; киргизы и подъ русскимъ верховнымъ владычествомъ управлялись своими ханами. Такимъ образомъ, примѣры, приведенные самимъ Пестелемъ, доказываютъ, что между полною самостоятельностью и совершеннымъ объединеніемъ съ господствующимъ народомъ можетъ быть нѣчто

Николай Иванович
РЫСАКОВЪ.

среднее, и что, даже входя въ составъ какого-либо государства, извѣстный народъ, извѣстная область, могутъ пользоваться мѣстной автономіею, самостоятельно рѣшать мѣстные дѣла. Изъ перечисленныхъ Пестелемъ областей Финляндія даже въ то время составляла великое княжество, которое Сперанскій называлъ «государствомъ» и населеніе котораго официальные акты именовали націею. Если Пестель не захотѣлъ признать за Финляндіею никакой самостоятельности, то это, вѣроятно, объясняется, какъ тѣмъ, что тамошній сеймъ съ 1809 г. ни разу не созывался, такъ и тѣмъ, что онъ былъ основанъ на антипатичномъ для Пестеля сословномъ началѣ. Исходя изъ указанной выше точки зрѣнія, онъ предоставлялъ Временному Верховному Правленію присоединить къ Россіи «на вѣчныя времена» Молдавію и незавоеованныя еще части кавказскихъ, киргизскихъ и монгольскихъ земель.

Совершенно иначе относился Пестель къ Польшѣ. Онъ находилъ, что, такъ какъ Польша въ теченіе многихъ вѣковъ была большимъ, самостоятельнымъ государствомъ, то русскій народъ долженъ даровать побѣжденному народу самостоятельность въ то время, когда сама Россія пріобрѣтетъ «новую жизнь». Временному правительству слѣдуетъ разрѣшить дать Польшѣ «независимое, самостоятельное политическое существованіе въ видѣ отдѣльнаго государства». При этомъ слѣдуетъ отдѣлить къ Польшѣ часть западной Россіи ¹⁾ и заключить съ нею тѣсный союзъ на время мира и войны, вслѣдствіе котораго Польша обязалась бы присоединить все свое войско, въ случаѣ войны, къ русской арміи. Но дарованіе Польшѣ независимости возможно лишь при соблюденіи слѣдующихъ трехъ условий: 1) верховная власть должна быть устроена въ Польшѣ такъ же, какъ и въ Россіи; 2) назначеніе и выборъ всѣхъ лицъ и чиновниковъ во всѣхъ правительственныхъ учрежденіяхъ и присутственныхъ мѣстахъ должны происходить на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ Россіи и 3) «всякая аристократія», основанная какъ на богатствѣ и имуществѣ, такъ и на «привилегіяхъ и правахъ родовыхъ», должна быть «совершенно, навсегда отвергнута», и весь польскій народъ долженъ составлять такъ же, какъ и русскій одно сословіе. Пестель, въ отличіе отъ Никиты Муравьева, рѣшительно высказывается противъ федеративнаго устройства Россіи ²⁾.

¹⁾ Пестель предлагалъ всю Гродненскую губернію и Бѣлостокскую область дѣлкомъ включить въ составъ Польши, а Виленскую, Минскую и Волынскую губерніи раздѣлить между Польшею и Россіею. Граница между ними, по его мнѣнію, должна была идти отъ Полагана прямо на Динабургъ, затѣмъ Двиною до Полоцка, далѣе, рѣкою Ушатою (лѣвый притокъ Западной Двины) до Березины, отсюда Березинскою лѣною до Припяти, затѣмъ къ г. Острогу Волынской губ. и наконецъ къ Карпатскимъ горамъ.

²⁾ «Федеративными», по его опредѣленію, «называются тѣ государства, въ которыхъ области, ихъ составляющія, хотя и признають общую надъ собою верховную власть и обязываются совокупно дѣйствовать во всѣхъ сношеніяхъ внѣшнихъ, но при всемъ томъ право свое сохраняютъ законы дѣлать и постановленія издавать для собственнаго своего внутренняго гражданскаго и политическаго образованія и устраивать свое правленіе по частному своему усмотрѣнію».

По мнѣнію Пестеля, федеративное устройство государства представляеть слѣдующія неудобства:

1) Верховная власть въ такомъ государствѣ „не законы даетъ, но только совѣты, ибо не можетъ иначе привести свои законы въ исполненіе, какъ посредствомъ областныхъ властей, не имѣя особенныхъ другихъ принудительныхъ средствъ. Ежели же область не захочеть повиноваться, то, дабы къ повиновенію ее принудить, надобно междоусобную войну завести, изъ чего явствуетъ, что въ самомъ коренномъ устройствѣ находится уже сѣмя къ разрушенію“. Но онъ упускалъ изъ виду, что въ федераціяхъ проводится точная граница между тѣмъ, что устанавливается союзнымъ законодательствомъ, и тѣмъ, что подлежитъ рѣшенію мѣстныхъ штатовъ. Граница эта проводится союзною конституціею. принятою съ согласія всѣхъ составныхъ частей федераціи. 2) Особые законы, особый образъ правленія и особыя отъ того происходящія понятія и образъ мыслей еще болѣе ослабятъ связь между разными областями. На верховную же власть будутъ области смотрѣть, какъ на вещь нудную и неприятную, и каждое областное правительство будетъ разсуждать, что оно бы гораздо лучше устроило государственныя дѣла, въ отношеніи къ своей области, безъ участія верховной власти. Вотъ новое сѣмя къ разрушенію. 3) Каждая область, составляя въ федеративномъ государствѣ, такъ сказать, маленькое отдѣльное государство, слабо къ цѣлому привязано будетъ и даже во время войны можетъ дѣйствовать безъ усердія къ общему составу государства, особенно, если лукавый непріятель будетъ умѣть прельстить ее обѣщаніями о какихъ-нибудь особенныхъ для нея выгодахъ и преимуществахъ. Частное благо области, хотя и временное, однако же все таки сильнѣе дѣйствовать будетъ на воображеніе ея правительства и народа, нежели общее благо всего государства, не приносящее, можетъ быть, въ то время очевидной пользы самой области. 4) Слово государство, при такомомъ образованіи, будетъ слово пустое, ибо никто нигдѣ не будетъ видѣть государства, но всякій вездѣ только свою частную область, и потому любовь къ отечеству будетъ ограничиваться любовью къ одной своей области...

«Что же въ особенности касается до Россіи, то, дабы въ полной мѣрѣ удостовериться, до какой степени федеративное образованіе государства было бы для нея пагубно, стоитъ только вспомнить, изъ какихъ разнородныхъ частей сіе огромно: государство составлено. Области его не только различными учрежденіями исправляются, не только различными гражданскими законами судятся, но совсѣмъ различные языки (sic) говорятъ, совсѣмъ различныя вѣры исповѣдуютъ, жители оныхъ различнаго происхожденія имѣютъ, къ различнымъ державамъ нѣкогда принадлежали; и потому, ежели сію разнородность еще болѣе усилить чрезъ федеративное образованіе государства, то легко предвидѣть можно, что сіи разнородныя области скоро отъ коренной Россіи тогда отложатся, и она скоро потеряетъ тогда не только свое могущество, величіе и силу, но даже, можетъ быть, и бытіе свое между большими и главными государствами. Она тогда снова испытаетъ всѣ бѣдствія и весь неизъяснимый вредъ, нанесенные древней Россіи удѣльною системою, которая также не что иное была, какъ родъ федеративнаго устройства государства. И потому, если какое-нибудь другое государство можетъ еще сомнѣваться во вредѣ федеративнаго устройства, то Россія уже никакъ сомнѣнія раздѣлять не можетъ: она горькими опытами и долготѣнными дѣйствіями жестоко заплатила за свою ошибку въ прежнемъ ея государственномъ образованіи. А посему, соединяя всѣ сіи обстоятельства въ общее соображеніе, постановляется кореннымъ закономъ Россійскаго государства, что всякая мысль о федеративномъ для него устройствѣ отвергается совершенно, яко пагубнѣйшій вредъ и величайшее зло. Избѣгать надлежитъ всего того, что посредствомъ или непосредственно, прямо или косвенно, открыто или потаенно къ такому устройству государства вести бы могло.

«Вслѣдствіе всего здѣсь сказаннаго объявляется Россійское государство въ предѣлахъ выше обозначенныхъ единымъ и нераздѣлимымъ, отвергаю-

щимъ притомъ совершенно всякое федеративное образованіе, устройство и существованіе государства».

Пестель счелъ нужнымъ подробно обосновать въ «Русской Правдѣ» свое отрицательное отношеніе къ федеративному строю, въ виду того, что онъ былъ положенъ въ основу конституціи Н. Муравьева. Въ проектѣ, который, по мнѣнію Н. Муравьева, былъ составленъ въ 1820 г., самъ Пестель высказывался, какъ мы видѣли, за учрежденіе областныхъ представительныхъ собраній. Дѣло въ томъ, что у авторовъ, съ сочиненіями которыхъ онъ былъ знакомъ, онъ могъ встрѣтить сочувственное отношеніе къ федераціи союзному государству) или къ конфедераціи (союзу государствъ ¹⁾). Кромѣ того, главнымъ аргументомъ въ пользу федеративнаго строя могла быть для него конституція Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, пользовавшаяся большою популярностью среди членовъ тайнаго общества. Пестель измѣнилъ свой взглядъ на федерацію безъ сомнѣнія подъ влияніемъ сочиненія Детю-де-Траси «*Commentaire sur l'esprit des lois de Montesquieu*», которое, по его собственному признанію, сыграло такую огромную роль въ окончательномъ опредѣленіи его политическаго міросозерцанія. Детю-де-Траси говоритъ: «Задавшись мыслью, что республика, какъ демократическая, такъ и аристократическая, можетъ быть только маленькимъ государствомъ, Монтескье видитъ для нея только одно средство защиты—соединиться съ другими государствами узами федераціи; и онъ очень хвалитъ выгоды федеративнаго строя, который кажется ему возможно лучшимъ изобрѣтеніемъ для сохраненія свободы внѣ и внутри». Безъ сомнѣнія, продолжаетъ Детю-де-Траси, «для очень слабаго государства лучше соединиться со многими другими посредствомъ союзовъ или федераціи, которая является наиболѣе тѣснымъ изъ союзовъ, чѣмъ остаться одинокимъ; но если всѣ эти соединившіяся государства составятъ одно, они, конечно, станутъ сильнѣе. Это можетъ совершиться посредствомъ представительнаго правленія. Мы благодарствуемъ въ Америкѣ при федеративномъ строѣ ²⁾, потому что у насъ нѣтъ грозныхъ сосѣдей; но если бы французская республика приняла это государственное устройство, какъ ей предлагали, сомнительно, чтобы она имѣла возможность противостоятъ всей Европѣ, между тѣмъ она могла это сдѣлать, оставшись *единою и нераздѣльною*. Общее правило: государство выигрываетъ въ силѣ, примыкая ко многимъ другимъ; но оно стало бы еще сильнѣе, составивъ съ ними одно государство, и слабѣетъ, раздѣляясь на многія части,

¹⁾ Montesquieu, „*Lesprit des lois*“, книга IX, глава 1—3; M. Helvétius „*De l'homme*“ section IX, ch. 4; D'Holbach „*La politique naturelle*“, discours VII, § 10; Rousseau „*Consideration sur le gouvernement de Pologne*“, ch 5.

²⁾ Сочиненіе Детю-де-Траси вышло первоначально въ свѣтъ въ Америкѣ на англійскомъ языкѣ безъ имени автора, который, впрочемъ, никогда не эмигрировалъ въ Америку и не былъ ея гражданиномъ, вопреки мнѣнію Чичерина („*Ист. полит. ученій*“, т. V, 1902, стр. 328). См. *Mignet* „*La vie et les travaux de Destutt-de-Tracy*“, „*Revue des deux Mondes*“, Juin, 1842 г.

какъ бы тѣсно онѣ не были соединены». Детю-де-Траси самъ указываетъ на ту выгодную сторону федеративнаго строя, что онъ благопріятствуетъ болѣе равномерному распространенію просвѣщенія и совершенствованію администраціи, такъ какъ, помимо общаго патріотизма, возбуждаетъ патріотизмъ мѣстный, и кромѣ того мѣстные законодатели лучше знаютъ особые интересы ихъ маленькаго штата. Но «несмотря на эти счастливыя свойства», онъ думаетъ, «что на федераціи, особенно у народовъ древности, слѣдуетъ смотрѣть лишь какъ на опыты и попытки людей, не изобрѣвшихъ еще истиннаго представительнаго строя, и которые сразу пытались достигнуть свободы, спокойствія и могущества, возможныхъ лишь при указанномъ строѣ»¹⁾.

Подъ вліяніемъ этихъ соображеній и согласно съ французскою конституціею 1793 г. (п. I), хотя онъ и не упоминаетъ о ней, Пестель призналъ, что Россія должна быть государствомъ въ указанныхъ имъ предѣлахъ «единымъ и нераздѣлимымъ, отвергающимъ притомъ совершенно всякое федеративное образованіе, устройство и существованіе государства».

Онъ предлагаетъ раздѣлить Россію на 53 губерніи, изъ которыхъ 50 должны были называться округами, а три удѣлами: 50 округовъ должны были составить 10 областей, по 5 округовъ въ каждой, а удѣлы, не входившіе въ составъ областей, носятъ названія Столичнаго, Донскаго и Аральскаго. Округа и удѣлы раздѣляются на уѣзды, а уѣзды на волости. Столицею Пестель предлагалъ сдѣлать Нижній Новгородъ, переименовавъ его во Владиміръ. Вся Финляндія входила въ составъ Чудской области вмѣстѣ съ частью Петербургской губерніи и Олонецкимъ округомъ; весь Остзейскій край былъ включенъ въ составъ Холмской области (областной городъ—Новгородъ); Сибирь образовала особую область; Кавказъ вмѣстѣ съ Астраханскимъ округомъ составлялъ Кавказскую область.

Во второй главѣ «Русской Правды» Пестель разсматриваетъ вопросъ «о племенахъ, Россію населяющихъ». Исходя изъ своей мысли о томъ, что Россія должна быть государствомъ единымъ и нераздѣльнымъ, онъ говоритъ, что «во всѣхъ частяхъ государства» должны существовать «одни и тѣ же законы, одинъ и тотъ же образъ управленія». Онъ, правда, соглашался съ тѣмъ, что иновѣрные «законы духовные» могутъ быть допущены, но «всѣ дѣйствія» ихъ, противорѣчащія духу законовъ христіанскихъ, считалъ необходимымъ запрещать. При единообразіи общихъ «политическихъ законовъ» Пестель допускалъ также разнообразіе «хозяйственныхъ» постановленій для отдѣльныхъ мѣстностей. Но «гражданскіе законы», по его мнѣнію, должны быть одинаковы на всемъ пространствѣ государства, такъ какъ они «болѣе всего со-

¹⁾ „Commentaire sur l'esprit des lois de Montesquieu“, Paris, 1819 p. 120—122. Возраженія противъ федеративнаго строя Пестель могъ встрѣтить и у Бенжамена Константа „Cours de politique constitutionnelle“, I, 289.

дѣйствовать будутъ къ дарованію всѣмъ частямъ онаго одинаковаго оттѣнка нравственности» и этимъ создадутъ «крѣпкую и истинно-гѣсную политическую связь въ государствѣ».

Признавая въ Россіи 5 «оттѣнковъ» славянскаго племени, Пестель утверждалъ, что у нихъ: одинъ языкъ, несмотря на различіе нарѣчій, и одна православная вѣра, такъ какъ полагалъ, что число униатовъ все уменьшается, а католическая вѣра въ частяхъ западной Россіи, которыя не отойдутъ къ Польшѣ, будто бы исповѣдуется не народомъ, а лишь «потомками нѣкоторыхъ пришлецовъ прежнихъ временъ».

Исходя изъ своей идеи политическаго единообразія, Пестель требуетъ, чтобы временное верховное правленіе ввело во всѣ части Финляндіи тѣ законы и тотъ образъ правленія, которые приготавлиются въ «Русской Правдѣ» для русскихъ губерній. По его мнѣнію, «сей новый порядокъ будетъ для Финляндіи благодѣтельныѣ и пріятныѣ не только нынѣшняго російскаго, но и нынѣшняго финляндскаго. Что же касается до языка, то надлежитъ ввести въ Финляндію російскій языкъ, устраивая нужныя для сего училища и принимая другія, къ той же цѣли ведущія мѣры по усмотрѣнію верховнаго правленія». Въ подтвержденіе своей мысли Пестель сослался на то, что, когда въ части Финляндіи, присоединенной къ Россіи въ XVIII вѣкѣ, были введены русскіе законы, правленіе и языкъ, то народъ скоро будто бы почти совсѣмъ обрусѣлъ. Но если Пестель ошибался въ своихъ обрусительныхъ стремленіяхъ и слишкомъ мало цѣнилъ значеніе мѣстнаго языка, то онъ былъ совершенно правъ, утверждая, что введеніе того республиканскаго строя, основаннаго на широкомъ выборномъ правѣ, который онъ считалъ необходимымъ даровать Россіи, будетъ для большинства жителей Финляндіи «благодѣтельныѣ и пріятныѣ» финляндскаго государственнаго устройства, основаннаго на сословномъ представительствѣ.

Что касается финскаго населенія сѣвера и сѣверо-востока Россіи, то Пестель относился къ нему съ большою гуманностью. «Мало обращено было вниманія», говоритъ онъ, „на дѣйствительное положеніе сихъ маленькихъ народовъ, и отъ того они подъ тягостнымъ угнетеніемъ мѣстныхъ начальствъ находятся и продолжаютъ коснѣть въ нищетѣ и невѣжествѣ“. Онъ вмѣнялъ «въ особенную обязанность» временному верховному правленію принять всѣ мѣры «для избавленія сихъ племенъ отъ частнаго ига ихъ правителей и для доставленія имъ средствъ къ улучшенію ихъ состоянія и къ водворенію между ими просвѣщенія, особенно же приложить стараніе насчетъ правильнаго дѣйствія духовнаго чина».

Такъ какъ Пестель служилъ одно время въ Митавѣ, то онъ имѣлъ хорошее понятіе о положеніи латышей. По его словамъ, «находятся они въ состоянціи гораздо менѣ благоденственномъ, нежели... крестьяне русскіе, несмотря на мнимую вольность, имъ дарованную». Поэтому онъ ставилъ въ обязанность временному верховному правленію: „1) Большое обратить вниманіе, какъ на

ихъ положеніе, такъ и на то обстоятельство, что феодальная система, свирѣпствовавшая столь долгое время на западѣ Европы, даже и сюда гнилые свои корни пустила и 2) Всѣ мѣры принять для совершеннаго, окончательнаго искорененія остатковъ феодализма и для приведенія положенія латышей въ согласіе съ коренными правилами, долженствующими служить основаніемъ всякому благому устройству въ государствѣ. А посему нынѣшнее политическое образованіе сихъ губерній имѣетъ быть замѣнено тѣмъ новымъ порядкомъ, который введенъ будетъ въ цѣломъ государствѣ“.

Относительно иностранныхъ колонистовъ, поселенныхъ въ Россіи (нѣмцевъ, болгаровъ и волоховъ), Пестель предлагалъ сохранить за ними обѣщанныя имъ льготы, но въ то же время „дѣлежъ земель въ каждой волости совершить тѣмъ же образомъ, какъ и въ казенныхъ волостяхъ“. Онъ, очевидно, не зналъ, что въ этихъ двухъ требованіяхъ есть противорѣчіе, такъ какъ надѣленіе землею иностранныхъ колонистовъ при Екатеринѣ II было произведено не на тѣхъ началахъ, какія предлагалъ Пестель (см. ниже), а на основѣ подворнаго землевладѣнія, по 30 десятинъ на семью (въ Новороссіи давалось и болѣе)¹⁾. Но жизнь разрѣшила это противорѣчіе, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи, и часть нѣмецкихъ колонистовъ усвоила русскіе общинные порядки и передѣлы земель, которые были извѣстны Пестелю и которымъ онъ сочувствовалъ.

Онъ считалъ необходимымъ заботиться и объ улучшеніи положенія кочующихъ народовъ и выражалъ желаніе, чтобы они сдѣлались «нашими братьями» и перестали «коснѣть въ жалостномъ своемъ положеніи». Онъ предлагалъ посылать къ нимъ миссіонеровъ съ тѣмъ, чтобы они просвѣщали ихъ «кротостью и убѣжденіемъ», что, какъ извѣстно, плохо осуществлялось на дѣлѣ. Важнѣе другое предложеніе Пестеля—устроить склады всего необходимаго для удовлетворенія потребностей кочующихъ народовъ и тутъ же хлѣбные магазины съ дозволеніемъ пользоваться хранящимися въ нихъ запасами въ случаѣ нужды въ хлѣбѣ. Когда кочующіе народы перейдутъ къ земледѣлію, должно на общихъ основаніяхъ учредить среди нихъ волости, и тогда эти народы поступятъ «въ общій составъ государственнаго устройства», т. е. вѣроятно, получатъ права политическія.

Татарамъ Пестель предлагаетъ запретить многоженство, какъ противное православной вѣрѣ; «содержаніе женъ взаперти», добавляетъ онъ, «естъ большая несправедливость противу сей половины рода человѣческаго, а посему и надлежитъ употребить средства кроткія, дабы магометане обычай сей оставили». Онъ говоритъ о предоставленіи татарамъ „всѣхъ частныхъ²⁾ гражданскихъ правъ»; это, повидимому, нужно понимать такимъ образомъ, что правъ

¹⁾ Клаусъ „Наши колоніи“. Спб. 1869 г. т. I, 12, 14—15.

²⁾ Курсивъ подлинника.

политическихъ пока имъ не предоставлялось. Относительно немирныхъ, «буйныхъ» кавказскихъ племенъ Пестель требуетъ не только рѣшительнаго ихъ покоренія, но даже насильственнаго переселенія внутрь Россіи. Напротивъ, мирные кавказскіе народы слѣдуетъ оставить на ихъ мѣстахъ и дать имъ российское правленіе и устройство». Въ параграфѣ, посвященномъ сибирскимъ народамъ, Пестель дѣлаетъ такое замѣчаніе: «самые несчастные народы суть тѣ, которые управляются Американскою Компаніею. Она ихъ угнетаетъ, грабитъ и нимало о существованіи ихъ не заботится, почему и должны непремѣнно сіи народы отъ нея быть совершенно освобождены».

Что касается евреевъ, то большимъ зломъ Пестель считаетъ ихъ обособленность и враждебность христіанамъ, не обращая вниманія на то, что это являлось естественнымъ результатомъ ограниченія ихъ во многихъ правахъ. Для устраненія, главнымъ образомъ, обособленности евреевъ и вообще измѣненія отрицательныхъ сторонъ ихъ быта онъ предлагалъ созвать «ученѣйшихъ рабиновъ и умнѣйшихъ евреевъ, выслушать ихъ представленія» и принять надлежащія мѣры. На эту мысль, его, вѣроятно, навело собраніе, созданное въ 1806 г. Наполеономъ въ Парижѣ, въ которое префекты избирали наиболѣе выдающихся еврейскихъ раввиновъ и мірянъ, а также собранный въ 1807 г. великій синедрионъ, на $\frac{2}{3}$ состоявшій изъ раввиновъ ¹⁾. Пестель не прочь былъ и совсѣмъ освободить Россію отъ еврейскаго населенія и потому дѣлаетъ предложеніе о содѣйствіи евреямъ въ основаніи ихъ собственнаго государства въ Малой Азіи. По его словамъ, «нужно назначить сборный пунктъ для еврейскаго народа и дать нѣсколько войска имъ въ подкрѣпленіе. Ежели всѣ русскіе и польскіе евреи соберутся на одно мѣсто, то ихъ будетъ свыше двухъ милліоновъ. Таковому числу людей, ищущихъ отечества, не трудно будетъ преодолѣвать всѣ препоны, какія турки могутъ имъ противопоставить и, пройдя всю европейскую Турцію, перейти въ азіатскую и тамъ, занявъ достаточныя мѣста и земли, устроить особенное еврейское государство. Но такъ какъ сіе исполинское предпріятіе требуетъ особенныхъ обстоятельствъ и истинно гениальной предпримчивости, то и не можетъ быть оно поставлено въ непремѣнную обязанность временному верховному правленію».

Извѣстно, что Наполеонъ обратился въ 1799 г. къ азіатскимъ и африканскимъ евреямъ съ воззваніемъ, въ которомъ приглашалъ ихъ стать подъ его знамена и обѣщалъ имъ святую землю и возобновленіе іерусалимскаго храма во всемъ его блескѣ. За шесть лѣтъ передъ тѣмъ, нѣмецкій философъ Фихте, враждебно относившійся къ евреямъ, предлагалъ покорить для нихъ обѣтованную землю и отправить туда ихъ всѣхъ ²⁾. Пестель, подобно Фихте,

¹⁾ Гретцъ. „Исторія евреевъ отъ начала Мендельсоновской эпохи“. 1884 г., стр. 230, 247.

²⁾ Гретцъ, 197, 208.

былъ враждебно настроенъ относительно евреевъ ¹⁾ и выражался о нихъ довольно рѣзко (такой же несимпатичный антисемитизмъ сказывался и у нѣкоторыхъ другихъ декабристовъ). Онъ, впрочемъ, справедливо отмѣчаетъ, какъ одну изъ причинъ низкаго умственного уровня евреевъ, ихъ полную зависимость отъ раввиновъ, которые «именемъ вѣры» запрещаютъ имъ чтеніе какихъ бы то ни было книгъ, кромѣ талмуда и нѣкоторыхъ другихъ ²⁾. Онъ указываетъ на громадную власть раввиновъ надъ ихъ духовною паствою и въ другихъ отношеніяхъ. Тѣмъ болѣе странно, что тѣмъ же раввинамъ онъ отводитъ столь видную роль въ дѣлѣ преобразованія быта евреевъ.

Ни польская конституція 1815 г., ни проектъ Новосильцова не предоставляли евреямъ равенства въ политическихъ правахъ съ остальнымъ населеніемъ Россіи. Н. Муравьевъ во второй редакціи своего проекта отказался отъ первоначальной мысли предоставить евреямъ политическія права только въ чертѣ осѣдлости и предлагалъ уравнивать ихъ съ остальнымъ населеніемъ Россіи. Пестель высказывается за то, чтобы временное верховное правленіе, выслушавъ мнѣніе «ученѣйшихъ рабиновъ и умнѣйшихъ евреевъ», приняло мѣры, чтобы существующая обособленность евреевъ была замѣнена «такимъ порядкомъ, который бы соотвѣтствовалъ *въ полной мѣрѣ* общимъ кореннымъ правиламъ, имѣющимъ служить основаніемъ политическому зданію російскаго государства». Такимъ образомъ, онъ, повидимому, желалъ распространенія на евреевъ политическихъ правъ, но подю условіемъ преобразованія ихъ быта, которое онъ поручалъ временному верховному правленію. Нужно помнить, что совершеннымъ государственнымъ строемъ Пестель считалъ лишь тотъ, гдѣ на всемъ пространствѣ государства дѣйствуютъ одни и тѣ же «политическіе законы». Но это стремленіе къ уравниванію правъ всего населенія Россіи соединялось у Пестеля съ стремленіемъ къ общему обрусенію. Онъ полагалъ, что при всѣхъ своихъ мѣропріятіяхъ временное верховное правленіе должно руководствоваться одною цѣлью: чтобы всѣ народы и племена, населяющіе Россію, составили одинъ народъ, чтобы на всемъ пространствѣ государства «господствовалъ одинъ только языкъ російскій» и чтобы были уничтожены даже имена всѣхъ населяющихъ его племенъ и вездѣ были бы слиты «въ общее названіе русскихъ». Это были, конечно, мечты, совершенно неосуществимыя, но такая прямолинейность, не останавливающаяся ни передъ какимъ препятствіемъ, хорошо рисуетъ рѣшительный характеръ нашего яковинца.

Третья глава «Русской Правды» посвящена «сословіямъ, въ Россіи обрѣтающимся», при чемъ, принимая нѣкоторые отдѣльные разряды крестьянъ за особыя сословія, онъ насчитывалъ всѣхъ ихъ

¹⁾ Онъ былъ недоволенъ нѣкоторыми исключительными правами, предоставленными евреямъ, первое мѣсто среди которыхъ занимало освобожденіе отъ рекрутской повинности. Эта льгота была уничтожена при имѣ Николаѣ I. *Орманскій* „Русск. законод. о евреяхъ“, СПб. 1877. стр. 284.

²⁾ Ср. *Гретицъ*, 98, 340.

до 12, а именно: духовенство, дворянство, купечество, мѣщанство, казенные крестьяне, вольные землевладѣльцы, военные поселяне, солдатскія дѣти, дворянскіе крестьяне, дворовые люди, заводскіе крестьяне и монастырскіе крестьяне.

«Распредѣленіе народа на сословія, занимающіяся исключительно земледѣліемъ, издѣліемъ» (т. е. промышленностью) «и торговлею», говоритъ Пестель, «совершенно отвергнуто политической экономіею ¹⁾, доказавшею неоспоримымъ образомъ, что каждый чело-вѣкъ долженъ имѣть полную и совершенную свободу заниматься тою отраслью промышленности, отъ которой наиболѣе ожидаетъ для себя выгоды и прибыли». Далѣе онъ высказываетъ мысль, съ которою мы уже знакомы изъ его показанія о развитіи его политическаго міросозерцанія. «Отличительная черта нынѣшняго столѣтія ознаменовывается явною борьбою между народами и феодальною аристокраціею, во время коей начинается возникать аристокрація богатствъ, гораздо вреднѣйшая аристокраціи феодальной, ибо сія послѣдняя общимъ мнѣніемъ всегда потрясена быть можетъ, и слѣдовательно, нѣкоторымъ образомъ отъ общаго мнѣнія зависитъ, между тѣмъ какъ аристокрація богатствъ» находитъ въ нихъ «орудіе для своихъ видовъ, противу коихъ общее мнѣніе совершенно безсилно и посредствомъ коихъ она приводитъ весь народъ, какъ уже сказано, въ совершенную отъ себя зависимость».

Мы видѣли, что во введеніи къ «Русской Правдѣ» Пестель «истинною цѣлью государственнаго устройства» считаетъ (слѣдую Бенхаму) «возможно большее благоденствіе *многочисленнѣйшаго* числа людей въ государствѣ». Въ третьей главѣ онъ идетъ даже далѣе и говоритъ, что «гражданскія общества, а слѣдовательно, и государства составлены для возможно большаго благоденствія *всѣхъ и каждою*, а не блага нѣкоторыхъ, за устраненіемъ большинства людей». Онъ утверждаетъ, что «всѣ люди въ государствѣ должны непремѣнно быть передъ закономъ совершенно равны и что всякое постановленіе, нарушающее» это равенство, «есть нестерпимое зло-властіе» (тираннія), «долженствующее непремѣнно быть уничтоженнымъ... Сословія тѣмъ еще пагубнѣе, что они только однимъ пристрастіемъ дышатъ, что нѣкоторымъ членамъ народа выгоды даютъ, въ коихъ другимъ отказываютъ безъ всякой причины и безъ всякой для государства пользы, что, для пресыщенія корысти нѣсколькихъ людей, жестокою оказываютъ несправедливость противъ наибольшей части народа, и что противны цѣли государственнаго существованія, состоящей не въ пристрастіи къ малому числу, но въ елико возможно большемъ благоденствіи многочисленнѣйшаго числа людей въ государствѣ. А изъ всего вышесказаннаго слѣдуетъ, что

¹⁾ Въ одной французской рукописи Пестеля упоминается имя Сисмонди. Въ-роятно, ему было знакомо его сочиненіе „Nouveaux principes d'économie politique ou de la richesse dans ses rapports avec la population“ par Simonde de Sismondi. P. 1819, 2 vols. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что Пестель былъ знакомъ съ сочиненіемъ Адама Смита, которое было переведено на русск. яз. и издано въ 1802—6 гг.

учрежденіе сословіи непремѣнно должно быть уничтожено, что всѣ люди въ государствѣ должны составлять только одно сословіе, могущее называться гражданскимъ, и что всѣ граждане въ государствѣ должны имѣть одни и тѣ же права и быть передъ закономъ всѣ равны».

Духовенство, по мнѣнію Пестеля, должно быть не особымъ сословіемъ, а «частью правительства», чиновниками; дѣти ихъ пользуются одинаковыми правами со всѣми гражданами. Черное духовенство, отказавшись отъ свѣта, не должно занимать должностей по церковному управленію, кромѣ монастырей. Въ монахи никто не долженъ поступать ранѣе 60 лѣтъ, а въ бѣлое духовенство ранѣе 40. Духовенство иноземнаго исповѣданія, которое признаетъ надъ собою начальство внѣ Россіи ¹⁾, должно или оставить ее, или отказаться отъ повиновенія своему начальству и прекратить съ нимъ сношенія; монашескимъ же чинамъ иноземныхъ исповѣданій совсѣмъ не дозволяется пребываніе въ Россіи. При университетахъ должны быть особые богословскіе лица. Всякій, выдержавшій экзаменъ въ такомъ лицѣ, можетъ поступить на духовную службу. Находя, что положеніе русскаго духовенства „горько и жалостно“, что оно „едва имѣетъ нынѣ насущный хлѣбъ, а въ старости остается безъ всякаго должнаго призрѣнія“, Пестель ставитъ въ обязанность временному верховному правленію „всѣ средства употребить для доставленія почтенному руссійскому духовенству совершенно приличнаго содержанія“. Особенно слѣдуетъ улучшить положеніе приходскихъ священниковъ, „чтобы они не были принуждены сами заниматься земледѣліемъ и беспокоиться о своемъ пропитаніи“.

Пестель рѣшительно высказывается за необходимость уничтоженія всѣхъ дворянскихъ имуществъ: 1) слѣдуетъ уничтожить „рабство и крѣпостное состояніе“ ²⁾, а также маіораты и право учреждать ихъ, такъ какъ наслѣдство послѣ родителей должно дѣлиться поровну между дѣтьми ³⁾. 2) Дворяне должны быть обложены податями наравнѣ со всѣми прочими гражданами. 3) Они должны подвергаться тѣмъ же, какъ остальные преступники, наказаніямъ, не исключая и тѣлесныхъ, если они будутъ признаны необходимыми ⁴⁾. 4) Дворяне не должны быть избавлены отъ набора ратниковъ, какъ и всѣ другія сословія, по очереди и по жребію, при чемъ наравнѣ со всѣми они могутъ вступать на службу не рядовыми, а офицерами, если выдержать извѣстный экзаменъ. На

¹⁾ О вредѣ такой зависимости Пестель могъ найти упоминаніе въ книгѣ Детю-де-Траси (стр. 387).

²⁾ О взглядахъ Пестеля на вопросъ объ уничтоженіи крѣпостнаго права см. въ моей статьѣ въ сборн. „Крестыянскій строй“, 1905, т. I, 229—232.

³⁾ Мысль объ уничтоженіи маіоратовъ и равномъ раздѣлѣ наслѣдствъ Пестель могъ заимствовать у Детю-де-Траси (стр. 58).

⁴⁾ Мысль Пестеля объ уничтоженіи дворянства и равенствѣ наказаній могла быть навѣяна частью французскою конституціею 1791 г., частью сочиненіемъ Детю-де-Траси (стр. 298).

мысль о введеніи всеобщей воинской повинности должны были навести Пестеля подобныя же реформы во Франціи и Пруссіи. Точно также и гражданская служба становится по «Русской Правдѣ» доступною всѣмъ сословіямъ на основаніи общихъ правилъ. 5) Всѣ титулы уничтожаются. Отмѣна всѣхъ преимуществъ, которыми пользовались дворяне, приводитъ къ уничтоженію и самаго званія дворянина. Дворяне, подобно всѣмъ прочимъ гражданамъ, распределяются по волостямъ. „Всякое существованіе, отдѣльное отъ массы народной, сословія есть вещь пагубная“¹⁾. Пестель высказалъ увѣренность, „что добрые дворяне, истинные сыны отечества, съ удовольствіемъ и радостью примутъ сіе постановленіе... Они будутъ чувствовать, что выгоды, доставляемая дворянству наравнѣ съ прочими россиянами новымъ государственнымъ порядкомъ, сею Русскою Правдою опредѣляемъ, несравненно обширнѣе и значительнѣе тѣхъ преимуществъ, коихъ дворянство симъ лишается, и что они, слѣдовательно, мѣняютъ малое на большое, не говоря уже о томъ, что теряютъ постыдное, а приобретаютъ похвальное и достойное. Что же касается дворянъ, закоснѣвшихъ въ своихъ враждебныхъ противу массы народной предрасудкахъ и мыслящихъ, что вся Россія для нихъ однихъ существуетъ, то крѣпкую питать можно надежду, что таковыхъ дворянъ окажется весьма мало. Однако же, ежели, паче чаянія, найдутся таковыя недостойныя сыны отечества, то противу нихъ надлежитъ принять мѣры рѣшительныя, дабы въ полной мѣрѣ укротить свирѣпый ихъ нравъ и поставить въ невозможность отечеству вредить, хотя бы къ тому и нужными были дѣйствія скорой и непреклонной строгости».

Купеческое и мѣщанское сословія также уничтожаются, и члены

¹⁾ Въ концѣ третьей главы говорится о дворянствѣ слѣдующее: оно „обязывается подъ руководствомъ Верховнаго Правленія пересмотрѣть свой составъ и проектъ объ ономъ представить“, и лишь всѣ прочія сословія, кромѣ дворянства и духовенства „сливаются въ общее сословіе російскихъ гражданъ“. Это противорѣчіе объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что, приступивъ къ переработкѣ III главы, Пестель не закончилъ ея. Мы увидимъ ниже, варианты въ постановленіяхъ о крестьянствѣ. Въ самомъ концѣ третьей главы прибавлено еще слѣдующее: „При семъ надлежитъ замѣтить: 1) что съ уничтоженіемъ сословій и со введеніемъ гражданства всѣ уже граждане одинаковымъ законамъ подлежатъ будутъ, и что должны они право имѣть земли и вообще всякую движимую и недвижимую собственность приобретать, но только не крестьянъ, и 2) что люди, оказавшія отечеству большія услуги, должны быть отличены отъ тѣхъ, которые только объ себѣ думали и только о частномъ своемъ благѣ помышляли. Таковыя лица должны особенными пользоваться правами и преимуществами. Вотъ главное правило, основаніемъ дворянству служить“.

Въ главѣ IV о дворянствѣ сказано, что оно «естъ установленіе справедливое, когда основаніемъ своего существованія имѣетъ услуги, имѣ отечеству оказываемыя, но когда оно не что иное есть, какъ феодализмъ, подобно какъ сіе во многихъ европейскихъ государствахъ установлено, тогда оно есть зло безразсудное, гибельное государству наносящее». Въ той же главѣ Пестель говоритъ, что „всѣ обязанности политическія на всѣхъ гражданъ вообще одинаковымъ образомъ“ должны „быть распространены. Надлежитъ однако же замѣтить, которые большія отечеству оказывали услуги (дворяне) должны нѣкоторыми особыми преимуществами пользоваться въ видѣ награжденія за ихъ услуги и отъ нѣкоторыхъ тягостнѣйшихъ обязанностей быть освобождены“. Повторяемъ, что эти мѣста „Русской правды“ могли уцѣлѣть только вслѣдствіе неокончательной обработки III и IV главъ.

ихъ, подобно духовенству и дворянству, приписываются къ волостямъ; гильдии и цехи уничтожаются.

Однѣ изъ наиболѣе талантливо написанныхъ страницъ «Русской Правды» посвящены вопросу о военныхъ поселеніяхъ. «Одна мысль», говоритъ онъ, о «военныхъ поселеніяхъ, прежнимъ правительствомъ заводимыхъ, наполняетъ каждую благомыслящую душу терзаніемъ и ужасомъ. Сколько пало невинныхъ жертвъ для пресыщенія того неслыханнаго зловластія, которое съ яростью мучило несчастныя селенія, для сего заведенія отданныя! Сколько денежныхъ суммъ, на сей предметъ расточенныхъ, всѣ силы государства нарочито соединяя для гибели государства! И все сіе для удовлетворенія неистовому упрямству одного человѣка». Какъ извѣстно, истиннымъ инициаторомъ военныхъ поселеній былъ Александръ I, а Аракчеевъ являлся только тупымъ и жестокимъ исполнителемъ его воли. Далѣе Пестель подвергаетъ серьезному разбору доказательства мнимои выгоды военныхъ поселеній и затѣмъ говоритъ: «Никакое правительство не можетъ никогда право имѣть отдѣлить отъ общей массы народа часть онаго съ тѣмъ, чтобы на сію часть возложить, за исключеніемъ остальныхъ, самую тягостнѣйшую и жесточайшую повинность, какова есть военная. Какъ можно до такой степени всѣ чувства совѣсти и справедливости отвергнуть, чтобы навѣки нѣкоторыя семейства назначить для войны со всѣми ихъ дѣтьми, внуками и вообще потомствомъ, на сіи семейства возложить исключительно повинность военной службы и пролитіе крови за народъ, коего они знаютъ только потому, что за него всегда готовыми быть должны терять всѣхъ своихъ дѣтей... Развѣ военные поселяне не такія же чувства имѣютъ, развѣ они не такіе же граждане нашего отечества, развѣ они не тѣ же права имѣютъ на благоденствіе, какъ и прочіе россияне, развѣ прочіе россияне не тѣ же имѣютъ обязанности къ отечеству, какъ и они, и развѣ защита отечества не есть священная обязанность для всѣхъ и cadaго. И потому яснымъ образомъ изъ сего можно вывести заключеніе, что военныя поселенія суть самая жесточайшая несправедливость, какую только разъяренное зловластіе выдумать могло». Наконецъ, Пестель доказываетъ, что если бы вся армія была обращена въ военное поселеніе, то это было бы не безопасно для государства ¹⁾. Понятно, что онъ включаетъ въ число „первѣйшихъ обязанностей“ временнаго верховнаго правленія уничтоженіе военныхъ поселеній.

Дѣти солдатъ обязаны были въ то время поступать въ военную службу. Въ 7 лѣтъ ихъ насильно отбирали у родителей и помѣщали въ военно-сиротскія отдѣленія. Съ 18 лѣтъ они зачислялись въ войско, какъ и ихъ отцы, на 25 лѣтъ. Пестель требовалъ уничтоженія военно-сиротскихъ отдѣленій (кантонистовъ), оставленія солдатскихъ дѣтей въ распоряженіи родителей съ выдачею имъ отъ казны пропитанія все время, пока отцы будутъ служить, и посту-

¹⁾ Эту мысль высказалъ и декабристъ В. И. Штейнфельдъ въ письмѣ изъ Петровпавловской крѣпости къ имп. Николаю.

пленія солдатскихъ дѣтей въ военную службу на общемъ основаніи.

„Главнѣйшее основаніе предполагаемаго для Россіи гражданскаго бытія“, говоритъ Пестель, „состоитъ въ образованіи волостей и въ распредѣленіи всѣхъ россіянь по волостямъ“. Казенные крестьяне раздѣляются на государственныхъ или экономическихъ, удѣльныхъ и арендныхъ со старостинскими. Всѣмъ имъ слѣдуетъ дать „одинаковое существованіе, образованіе, управленіе и предназначеніе, считая ихъ всѣхъ на одинаковыхъ правилахъ государственнымъ имуществомъ“. Всѣхъ казенныхъ и удѣльныхъ крестьянъ слѣдовало объявить вольными «и никакого рода крѣпости болѣе не подлежащими», и признать ихъ россійскими гражданами. Распредѣливъ ихъ по волостямъ, Пестель предлагалъ раздѣлить всѣ земли въ каждой волости на двѣ равныя части, изъ которыхъ «одну отдать, подъ названіемъ общественной земли, въ собственность волостному обществу, а другую, подъ названіемъ казенной, оставить собственностью казны, входящею въ составъ государственныхъ имуществъ. Общественную землю не должно волостное общество имѣть право ни продавать, ниже закладывать, ибо она есть собственность неприкосновенная. Казна же является въ отношеніи къ казенной землѣ въ видѣ частнаго человѣка и потому казенныя земли продавать можетъ“¹⁾.

Указавъ на то, что многіе католическіе монастыри въ Россіи еще имѣютъ крестьянъ, Пестель требовалъ присоединенія ихъ къ государственнымъ имуществамъ и принятія относительно нихъ тѣхъ же мѣръ, какъ и для крестьянъ казенныхъ.

Относительно „вольныхъ земледѣльцевъ“, къ которымъ Пестель причисляетъ вольныхъ крестьянъ, малороссійскихъ казаковъ, панцирныхъ бояръ, однодворцевъ, колонистовъ и «разныхъ другихъ», онъ говоритъ: «Земли, принадлежащія вольнымъ земледѣльцамъ, могутъ на два рода быть раздѣлены: однѣ составляютъ собственность цѣлаго общества или селенія, другія составляютъ собственность частныхъ лицъ». Пестель обяываетъ временное верховное правленіе «раздѣлить земли каждой волости на двѣ половины, изъ коихъ одной быть собственностью общественной, а другой—соб-

¹⁾ Въ другомъ вариантѣ, послѣ предписанія раздѣлить земли на двѣ равныя части — общественную и казенную, сказано, что „крестьяне казенныхъ помѣстій или селеній продолжаютъ обрабатывать, какъ общественныя, такъ и казенныя земли теперешнимъ порядкомъ и платятъ казнѣ тотъ же оброкъ за оныя, который и нынѣ платятъ. Сей порядокъ будетъ продолжаться 10 или 15 лѣтъ сразу, а послѣ сего срока не будутъ крестьяне никакого оброка платить за общественную землю, а за казенную, которую пожелаютъ для обработыванія на откупъ взять, будутъ эти деньги платить по назначенію, какое тогда имѣетъ быть сдѣлано. Послѣ 10 или 15 лѣтъ, а если удобно будетъ, то и прежде, когда сей новый порядокъ возмѣнетъ существованіе, ходъ и дѣйствіе, будутъ казенные крестьяне пользоваться совершенною свободою и будутъ объявлены совершенно вольными“. Далѣе слѣдовали тѣ же правила о неотчуждаемости общественной земли и о привѣ казны продавать свою землю. Если крестьянинъ купитъ у казны какую-нибудь землю, то этимъ участкомъ онъ будетъ имѣть право распоряжаться, какъ своею частною собственностью.

ственностью частною. Земля общественная имѣть принадлежать всему волостному обществу вообще, а земля частная имѣть составить отдѣльную собственность частныхъ лицъ... „Во многихъ селеніяхъ и водостяхъ, населенныхъ вольными земледѣльцами, принадлежитъ нынѣ вся земля или большая часть оной всему обществу вообще, а поелику общественная земля имѣть по новому предположенію составлять только половинную часть всей земли волости, то въ таковыхъ волостяхъ, гдѣ общественная земля болѣе половины всей земли составлять будетъ, обязывается Временное Верховное Правленіе отдѣлить отъ общественной собственности ту часть земли, которая половину всей земли волости превышаетъ, и сію отдѣленную часть раздать по равнымъ участкамъ въ вѣчное потомственное владѣніе членамъ того общества вольныхъ земледѣльцевъ, коему вся земля принадлежитъ“. Протестуя противъ насильственного обращенія крестьянъ въ военныхъ поселянъ, Пестель не понималъ, что обращеніе хотя бы и части общественной земли въ частную собственность будетъ такимъ же насиліемъ и можетъ вызвать кровавыя столкновенія. У однодворцевъ въ то время шель совершенно обратный процессъ распространенія общиннаго землевладѣнія на земли, находившіяся во владѣніи подворного. „Ежели необходимымъ окажется“, продолжаетъ Пестель, „включить въ составъ общественной собственности частную землю какого-нибудь вольнаго земледѣльца, то сей вольный земледѣлецъ имѣть быть въ полной мѣрѣ за сію землю вознагражденъ или денежною платою, или выдачею ему въ собственность изъ казенныхъ земель такового участка, который бы въ цѣнности своей равнялся участку земли, у него отнятому, всѣ же земли, принадлежащія нынѣ въ частную собственность вольныхъ земледѣльцевъ, коихъ ненужнымъ окажется включить въ общественную волостную собственность, имѣютъ оставаться въ вѣчномъ потомственномъ владѣніи нынѣшнихъ своихъ владѣльцевъ на основаніи общихъ правилъ“.

Всѣхъ казенныхъ заводскихъ крестьянъ, работающихъ на заводахъ, Пестель считалъ необходимымъ „замѣнить людьми вольнонаемными или, что еще лучше, преступниками разнаго рода, распредѣляя ихъ по соображенію важности преступления и тяжести работы“, крестьянъ же „обратить въ первобытное земледѣльческое состояніе, устраивая для сего, въ случаѣ надобности, переселенія и составляя изъ нихъ волости на тѣхъ же основаніяхъ“, какъ у казенныхъ крестьянъ. Допуская въ интересахъ государства на устроенныхъ уже заводахъ подневольный трудъ преступниковъ, Пестель все же считалъ нужнымъ напомнить, что, какъ извѣстно изъ политической экономіи, „тѣ только издѣлія“ (т. е. промышленныя заведенія) „полезны, которыя заводимы быть могутъ безъ всякихъ насильственныхъ или принудительныхъ мѣропріятій и которыя, слѣдовательно, собственнымъ своимъ избыткомъ себя поддерживать могутъ“ съ примѣненіемъ вольнонаемнаго труда.

Въ началѣ четвертой главы, разсматривающей народъ „въ политическомъ отношеніи“, Пестель говоритъ о распредѣленіи населе-

нія по волостямъ. Въ каждой волости ведутъ два списка: одинъ гражданскій, другой „скарбовый“ ¹⁾: первый содержитъ въ себѣ имена всѣхъ гражданъ, приписанныхъ къ волости, второй—всѣхъ, имѣющихъ въ ней какое-либо имѣніе. Одно и то же лицо можетъ значиться въ скарбовыхъ спискахъ нѣсколькихъ волостей, въ гражданскомъ же списокѣ—лишь въ одной волости. Если какой-либо гражданинъ желаетъ перейти изъ членовъ одной волости въ члены другой, то долженъ получить согласіе той, въ которую собирается перейти. Гражданинъ, имѣющій недвижимую собственность, долженъ быть членомъ той волости, гдѣ эта собственность находится и, лишь продавъ ее, онъ можетъ перейти въ другую; имѣющій же недвижимую собственность въ нѣсколькихъ волостяхъ можетъ перечисляться изъ одной въ другую безъ предварительнаго волостного разрѣшенія.

По достиженіи 15 лѣтъ дѣти гражданъ приносятъ присягу отечеству, послѣ чего „волостной предводитель“ даетъ обѣдъ, „и весь день посвящается празднеству и увеселеніямъ, такъ чтобы и для всей волости“ онъ былъ днемъ „радости и веселія“. Такимъ образомъ, «недоросли» вступаютъ въ число російскихъ гражданъ, правами же гражданства они начинаютъ пользоваться только „по достиженіи 20-го года отъ рожденія“. Дѣвушки также въ 15 лѣтъ приносятъ присягу, но Пестель нигдѣ не говоритъ о предоставленіи женщинамъ политическаго равноправія ²⁾. Замѣтимъ, что Детю-де-Траси высказался противъ такого равноправія, хотя и указалъ на то, что люди уважаемые, авторитетные были противоположнаго мнѣнія (стр. 177). Вопросъ о политическомъ равноправіи женщинъ былъ поднятъ во время большой революціи и затѣмъ во время французской революціи 1830 года. Бентамъ лишь въ сочиненіи, вышедшемъ въ свѣтъ въ 1380 г., выразилъ мнѣніе о необходимости предоставленія женщинамъ политическихъ правъ ³⁾.

Русское гражданство по „Русской Правдѣ“ теряется:

„1) приговоромъ суда, 2) вступленіемъ въ иноземное гражданство или подданство, 3) вступленіемъ въ иностранную службу безъ предварительнаго разрѣшенія верховной власти и 4) подаченіемъ прошенія объ исключеніи изъ російскаго гражданства. Временно же оно теряется при вступленіи въ личное услуженіе“.

Пестель указываетъ на существованіе двухъ мнѣній относительно «раздѣленія земель». Одни полагаютъ, что «земля есть общая собственность всего рода человѣческаго, а не частныхъ лицъ, и посему не можетъ она быть раздѣлена между нѣсколькими только людьми, за исключеніемъ прочихъ. Коль скоро существуетъ хоть одинъ

¹⁾ Польское слово „skarb“ означаетъ—казна, сокровище, богатство; тутъ слово „скарбовый“ можно перевести словомъ „вмущественный“.

²⁾ Бестужевъ-Рюминъ, излагая въ своемъ показаніи содержаніе „Русской Правды“, прямо говоритъ: „Выборы народныя происходили слѣдующимъ образомъ: тысяча душъ мужскаго пола уже составляло волость. Въ оной набирались 2 депутата: одинъ въ уѣздъ, другой въ губернію“...

³⁾ *Уичеринъ* „Ист. политич. ученій“ III, 315.

человѣкъ, который никакимъ обладаніемъ землею не пользуется, то воля Всевышняго и законъ природы совершенно нарушены и права естественныя и природныя человѣка устранены насиліемъ и злоупастіемъ. На семъ соображеніи былъ основанъ извѣстный поземельный законъ римскій, который устанавливалъ частое раздѣленіе земель между всѣми гражданами». По мнѣнію другихъ, трудъ есть источникъ собственности, и удобрившій землю и сдѣлавшій ее способною «къ произведенію разныхъ произрастеній» долженъ имѣть на нее «исключительное право обладанія». Для процвѣтанія хлѣбопашества нужно много издержекъ, которыя согласится сдѣлать только тотъ, кто будетъ имѣть землю «въ полной своей собственности», и частые переходы земли изъ рукъ въ руки помѣшаютъ усовершенствованію земледѣлія. Поэтому «и должна вся земля быть собственностью нѣсколькихъ людей, хотя бы симъ правиломъ и было большинство людей отъ обладанія землею исключено». Пестель находить, что въ обоихъ мнѣніяхъ есть много справедливаго и думаетъ совершенно искусственнымъ способомъ согласить ихъ «обоюдныя выгоды и преимущества» и устранить „обоюдныя несправедливости“.

Это средство состоитъ въ раздѣленіи земель каждой волости на двѣ равныя части (какъ это было объяснено въ III главѣ); одна половина получитъ названіе „земли общественной“, другая „земли частной“. Земля общественная будетъ принадлежать всему волостному обществу и составлять его неприкосновенную собственность; она не можетъ быть ни продана, ни заложена, назначается „для доставленія *необходимаго* ¹⁾ всѣмъ гражданамъ безъ изъятія и будетъ подлежать обладанію всѣхъ и каждаго“. Частныя земли будутъ принадлежать казнѣ или частнымъ лицамъ, владѣющимъ ими на правѣ полной собственности. Земли, предназначенныя для образованія этой собственности, будутъ служить къ доставленію изобилія. Постановленіе это можетъ быть введено не вдругъ, а постепенно въ продолженіи 15 лѣтъ, и сдѣлать это въ Россіи легче, чѣмъ во всякомъ другомъ государствѣ: у насъ „понятія народныя весьма къ оному склонны“, такъ какъ „съ давнихъ временъ“ уже привыкли „къ подобному раздѣленію земель на двѣ части“.

Относительно общественныхъ земель могутъ быть приняты слѣдующія основныя начала. Общественная земля въ каждой волости должна быть раздѣлена на участки, имѣющіе такую величину, чтобы каждый изъ нихъ могъ доставлять средства для одного тягла, т. е. по опредѣленію Пестеля, мужа съ женою и тремя дѣтьми. Участки эти должны раздаваться членами волостного общества не въ собственность, а лишь въ пользованіе для обработки на одинъ годъ, послѣ чего участокъ или переходитъ въ другія руки, или утверждается за тѣмъ же хозяиномъ. Каждый членъ волостного общества имѣетъ право требовать столько участковъ, сколько пожелаетъ, но никто не можетъ быть принужденъ къ этому. Это право оди-

¹⁾ Курсивъ подлинника.

наково распространяется какъ на гражданъ, имѣющихъ собственныя частныя земли, такъ и на неимѣющихъ ихъ, ибо всѣ они члены волостного общества. Если требуется менѣе участковъ, чѣмъ имѣется, тогда каждый получаетъ желаемое число ихъ, а остальные „могутъ отдаваться въ откупъ“ (т. е. въ аренду) „постороннимъ лицамъ“. Когда требуется участковъ болѣе наличнаго ихъ числа, то остаются неудовлетворенными требованія тѣхъ гражданъ, которые желаютъ получить наибольшее число участковъ, „такъ что въ семъ случаѣ всегда большія требованія сравниваются съ меньшими. При невозможности удовлетворить равнымъ требованіямъ предпочитаютъ неимѣющіе частныхъ земель въ своей собственности тѣмъ, которые таковыми землями обладаютъ: пролитывающіеся отъ одного земледѣля—тѣмъ, которые занимаютъ еще и другую какую-нибудь промышленностью, однимъ словомъ, предпочитается тотъ, кто бѣднѣе“. Участки переходятъ изъ рукъ въ руки только въ трехъ случаяхъ: 1) если кто самъ не хочетъ держать участка или пожелаетъ переимѣнить его на свободный; 2) если не можетъ пользоваться прежнимъ числомъ участковъ по причинѣ увеличенія требованій и 3) когда лишень этого права за преступленія или приговоромъ волости за гласный и доказательный развратъ¹⁾.

Въ каждой волости долженъ быть учрежденъ волостной банкъ, изъ котораго каждый гражданинъ могъ бы получать «вспомоществованіе»; къ нему «полезно присоединить страховое учрежденіе». Изъ этого банка граждане получаютъ средства, необходимыя на первоначальное обзаведеніе при поступленіи въ «земледѣльческое состояніе».

Когда описанный порядокъ будетъ введенъ въ полной мѣрѣ, продолжаетъ Пестель; каждый «будетъ совершенно въ необходимомъ обезпеченъ и увѣренъ, что въ своей волости всегда клочекъ земли найти можетъ, который ему пропитаніе доставитъ», и онъ будетъ получать его «не отъ милосердія ближнихъ и не отдаваясь въ ихъ зависимость», но отъ трудовъ по обработкѣ земли, принадлежащей ему, какъ члену волостного общества, «наравнѣ съ прочими согражданами. Гдѣ бы онъ ни странствовалъ, гдѣ бы счастья не искалъ, но всегда въ виду имѣть будетъ, что ежели успѣхи стараніямъ измѣнять, то въ волости своей, въ семъ политическомъ своемъ семействѣ, всегда пристанище и хлѣбъ насущный найти можетъ». Каждый гражданинъ Россіи будетъ обладателемъ земли: или имѣя ее въ частной собственности, или имѣя право пользоваться

¹⁾ Въ „Государственномъ Завѣтѣ“ Пестеля (сокращенномъ изложеніи „Русской Правды“) сказано: „Переходъ изъ нынѣшняго положенія въ порядокъ, здѣсь предлагаемый, есть постепенный. У нынѣшнихъ помѣщиковъ земля откупается оброкомъ или работою лѣтнею. Напередъ заводится сіе въ казенныхъ имѣніяхъ и волостяхъ, а потомъ уже въ частныхъ. Оброчныя селенія и нахотныя селенія, дворовые люди, заводскіе крестьяне, продолжая нынѣшнія занятія положенное время, тоже сами откупаются, а дворовые въ волости поступаютъ“. Сказанное въ „Государственномъ Завѣтѣ“ относительно измѣненія быта крестьянъ не вполне соответствуетъ тому, что говорится въ „Русской Правдѣ“ по этому предмету. Срав. „Крестьянскій Строй“ т. I, стр. 230—232.

землю, не платя за нее «найма» (т. е. аренды). «Вся Россія будетъ, слѣдовательно, состоятъ изъ однихъ обладателей земли, и не будетъ у нея ни одного гражданина, который бы не былъ обладателемъ земли». Если кто будетъ заниматься какими либо промыслами или пойдетъ въ услуженіе, или наймется на какую либо работу, то все же будетъ неизмѣнно сохранять свое право на общественную землю. «Посредствомъ политическаго своего семейства» (т. е. своей волости) «будетъ каждый гражданинъ сильнѣе къ цѣлому составу государства привержень... каждый будетъ видѣть, что онъ въ государствѣ находится для своего блага, что государство о благоденствіи каждаго помышляетъ, каждый будетъ чувствовать, что онъ подати платитъ и повинности несетъ для цѣли ему близкой и для собственнаго своего блага». Каждый человекъ при своихъ сношеніяхъ съ правительствомъ будетъ находить въ другихъ членахъ волости защиту противъ «всякаго зловластия», вся волость будетъ вступаться за каждаго. Такимъ образомъ, «установится правильное и законное противоборство частному деспотизму». Все это Пестель выразилъ въ заключеніе словомъ «solidarité»¹⁾. Имѣя въ виду всѣ благодѣтельныя послѣдствія установленія волостныхъ обществъ и общественныхъ земель, онъ обязывалъ верховное правленіе непремѣнно ввести ихъ и не останавливаться передъ связанными съ этимъ трудностями.

Въ приведенномъ выше показаніи Пестеля подробно обрисовано происхожденіе его политическихъ идей; интересно было бы опредѣлить источники и его соціальныхъ воззрѣній, и особенно наиболѣе важной части ихъ—программы поземельной реформы. Нужно думать, что въ основу ихъ легли личныя наблюденія надъ нашимъ общиннымъ землевладѣніемъ (родители Пестеля имѣли помѣстье въ Смоленской губ.), нѣкоторыя же свѣдѣнія о немъ онъ могъ почерпнуть и изъ литературныхъ источниковъ.²⁾ Но столь же важнымъ, если не болѣе вліятельнымъ источникомъ его воззрѣній должны были быть произведенія западно-европейскихъ литературъ, изъ которыхъ Пестель, конечно, могъ почерпнуть лишь нѣкоторыя общія идеи, повліявшія на созданіе его плана аграрной реформы.

Пестель не могъ, конечно, не изучить основательно сочиненія Монтескье «О духѣ законовъ» уже потому, что трудъ Дютю-де-Траси, сыгравшій огромную роль въ развитіи политическаго міросозерцанія Пестеля, представлялъ комментарий на это сочиненіе. Въ трудѣ Монтескье Пестель могъ найти нѣкоторыя идеи, которыя, несмотря на то, что въ XVIII вѣкѣ еще не было извѣстно самое слово «соціализмъ», нельзя не признать соціалистическими, частью даже коммунистическими, хотя въ то же время въ современномъ ему государствѣ онъ рекомендуетъ уваженіе къ соб-

¹⁾ Въ сокращенномъ изложеніи „Русской Правды“, подъ названіемъ „Конституція Государственный Завѣтъ“, Пестель перевелъ слова „principe de la solidarité:“ „правило совокупной стоятельности“.

²⁾ Напримеръ, изъ „Примѣчаній“ Болтина на книгу Леклерка (II, 341-342) и статьи Дурасова въ „Трудахъ Вольнаго Экономич. Общества“ 1821 г., стр. 72.

ственности (кн. XXVI, гл. 15). Монтескье относится совершенно сочувственно къ законодательству Ликурга и дивится «силѣ генія», которыхъ должны были обладать Ликургъ, составитель законовъ Крита, послужившихъ образцомъ для Лакедемона, и философъ Платонъ, законодательные проекты котораго онъ называетъ «исправленнымъ изданіемъ» законовъ спартанскихъ. Монтескье сочувственно относится къ тому устройству, которое іезуиты ввели въ Парагваѣ, гдѣ продукты труда индѣйцевъ складывались въ магазины, изъ которыхъ они снабжались всѣмъ необходимымъ. «Желая создать подобныя учрежденія», говоритъ Монтескье, нужно установить общность имущества республики Платона, ... нужно поручить веденіе торговли государству, а не отдѣльнымъ гражданамъ; ... учрежденія подобнаго рода могутъ быть умѣстны въ республикахъ» (кн. IV, гл. 6—7). «Нѣкоторые древніе законодатели, какъ Ликургъ и Ромуль», говоритъ далѣе Монтескье, «раздѣлили земли поровну. Это могло произойти лишь при основаніи новой республики, или когда старая была до того испорчена и состояніе умовъ въ ней было таково, что бѣдные были поставлены въ необходимость домогаться подобнаго средства, а богатые допустить его». Но Монтескье замѣчаетъ, что «если законодатель, совершившій такой раздѣлъ, не установитъ особыхъ законовъ для его охраненія, то созданіе его будетъ недолговѣчно». По его словамъ, «въ благоустроенной демократіи земельные участки должны быть не только равными, но еще и очень небольшими, какъ у римлянъ. «Не дай Богъ, говорилъ Курій своимъ воинамъ, чтобы гражданинъ почиталъ слишкомъ малымъ кусокъ земли, достаточный для прокормленія человѣка!» Однако, Монтескье оговаривается, что «равный раздѣлъ земель возможенъ не для всѣхъ демократій. Есть обстоятельства, когда такая мѣра была бы неудобноисполнима, опасна и даже могла бы поколебать государственное устройство. Не всегда необходимо прибѣгать къ крайнимъ мѣрамъ. И если этотъ раздѣлъ, цѣль котораго охраненіе нравовъ, окажется неподходящимъ для какой-нибудь демократіи, то надо обратиться къ другимъ средствамъ» (кн. V, гл. 5—7). Въ другомъ мѣстѣ Монтескье говоритъ: «Законы о новомъ раздѣлѣ земель, которыхъ такъ настойчиво домогались въ нѣкоторыхъ республикахъ, были по природѣ своей очень благодѣтельны. Они были опасны лишь какъ дѣйствіе внезапное» (кн. VII, гл. 2).

Монтескье полагалъ, что «республика, по своей природѣ, требуетъ небольшой территоріи, иначе она не удержится» (кн. VIII, гл. 16), но не слѣдуетъ думать, что нѣкоторыя социалистическія идеи, по его мнѣнію, осуществимы лишь въ республикахъ. И въ большихъ государствахъ онъ признаетъ право на трудъ, право на обезпеченіе средствъ къ существованію. Въ главѣ «О богатѣльняхъ» онъ говоритъ: «Человѣкъ впадаетъ въ нищету не потому, что у него нѣтъ собственности, а потому, что онъ не работаетъ... Милостыня, подаваемая отъ времени до времени нищему, никакъ не исчерпываетъ обязанностей государства: на немъ лежитъ долгъ

обеспечить всѣмъ гражданамъ надежныя средства къ существованію,—пищу, приличную одежду и родъ жизни, не вредящій здоровью» (кн. XXIII, гл. 29) ¹⁾.

Пестель былъ знакомъ съ сочиненіями Ж. Ж. Руссо. Извѣстно знаменитое мѣсто противъ поземельной собственности въ началѣ второй части его «Разсужденія о происхожденіи неравенства среди людей» ²⁾. Что касается современнаго государства, то, признавая въ немъ право собственности, Руссо, однако, замѣчаетъ въ «Общественномъ договорѣ», что первый, занимающій свободную землю долженъ захватывать лишь количество, необходимое для его жизни и которое онъ можетъ обработать ³⁾. Онъ утверждаетъ также въ «Эмилѣ», что верховная власть, принадлежащая народу, не должна нарушать права собственности ни отдѣльнаго лица, ни многихъ лицъ, но она можетъ завладѣть имуществомъ всѣхъ, какъ это совершилось въ Спартѣ во времена Ликурга ⁴⁾.

Съ другой стороны, въ сочиненіяхъ авторовъ ему извѣстныхъ (у Гельвеція, Гольбаха и Бентама) Пестель могъ найти мысли о невозможности равенства имуществъ ⁵⁾.

Мы видѣли, какимъ образомъ Пестель пытался примирить два противоположные взгляда на поземельную собственность. Начитанность его, конечно, не ограничивается тѣми сочиненіями, изъ которыхъ были сдѣланы выписки въ его небольшой записной книжкѣ или названія которыхъ сохранились въ другихъ его рукописяхъ и въ показаніяхъ на слѣдствіи (есть показаніе, что часть этихъ рукописей была уничтожена въ ожиданіи обыска). Было уже приведено свидѣтельство Лорера объ обширной библиотекѣ Пестеля: его знакомству съ иностранною литературою должно было содѣйствовать и первоначальное воспитаніе въ Дрезденѣ (1805—1810 гг.), и его участіе въ заграничномъ походѣ русской арміи въ 1813—1815 гг.

Къ числу сочиненій западно-европейской литературы, близкихъ по идеямъ къ аграрной программѣ «Русской Правды» Пестеля принадлежитъ произведеніе аббата Курнана, профессора въ Collège

¹⁾ *Монтескье*. „О духѣ законовъ“. Пер. съ франц. подъ ред. А. Г. Горьфельда со вступ. статьей М. М. Ковалевскаго. Изд. А. Ф. Пантелѣева. Спб. 1900 г.

²⁾ *J. J. Rousseau*. „Contrat social“, P., edit. Garnier p. 67, 79—80, 88.

³⁾ *Ibid.*, 252.

⁴⁾ *Lichtenberger*. „Le Socialisme au XVIII siècle“, Paris, 1895 г., p. 160. См. *Поль Луи* „Исторія социализма во Франціи“, М. 1906 г., стр. 17—24. Въроятно Пестелю было извѣстно сочиненіе „Code de la nature“, прежде приписываемое Дидро печатавшееся въ собраніи его сочиненій, но принадлежащее Морелли, въ которомъ было сказано, что каждый городъ (cité) долженъ имѣть извѣстное пространство земли не въ собственность, но лишь для того, чтобы обезпечить существованіе его жителей и дать занятіе тѣмъ, которымъ будетъ поручена обработка земли. Земледѣль было обязательно въ возрастѣ отъ 20 до 25 лѣтъ. Морелли допускалъ, однако, частную собственность относительно вещей, нужныхъ для ежедневнаго употребленія *Morelli*. „Code de la nature“, P., 1841 г., p. 152, 155, 156.

⁵⁾ *D'Holbach* *Système social*, I Partie, ch. XII: „La politique naturelle“, Di I, § 10, 11. *Бентамъ* „Разсужденіе о гражданскомъ и уголовномъ законоположеніи“. Спб. 1806 г. т. II, 66—67, *Helvétius*, „De l'homme“, Sect. VI. ch X, XI.

de France, который въ 1791 г. издалъ брошюру (76 стр.) подъ заглавіемъ: «О собственности, или дѣло бѣдныхъ, защищаемое передъ трибуналомъ разума, справедливости и истины». Авторъ излагаетъ въ ней слѣдующій проектъ «аграрнаго закона»¹⁾. Онъ предполагаетъ, что во Франціи находится 25.000 кв. лье обработанныхъ земель и около 21 или 22 миллионъ жителей, что составляетъ по 7 арпановъ на человѣка (арпанъ нѣсколько менѣе $\frac{1}{2}$ десятины). Авторъ стоитъ за равный раздѣлъ земли между всѣми гражданами. До такого раздѣла онъ предлагаетъ отдѣлить отъ каждаго кв. лье $\frac{1}{3}$ земель, которая вошла бы въ составъ государственнаго земельного фонда, «откуда нарѣзался бы каждому, при его рожденіи, участокъ, необходимый для его существованія, и куда этотъ участокъ возвращался бы немедленно послѣ его смерти». Эти земли сдавались бы въ аренду отъ государства и приносили бы около 500 миллионъ арендной платы, которые и покрывали бы всѣ расходы государства. При равномъ раздѣлѣ остальныхъ $\frac{2}{3}$ земель, каждый получилъ бы въ свое распоряженіе участокъ болѣе $\frac{1}{2}$ арпановъ, свободный отъ всѣхъ налоговъ. Каждый французъ, при достиженіи 20-лѣтняго возраста, вынималъ бы жребій на свой участокъ; мужъ вынималъ бы жребій за жену, отецъ—за своихъ несовершеннолѣтнихъ дѣтей. Можно было бы сдавать въ наемъ и арендовать эти участки, но только не отчуждать ихъ и не передавать по наслѣдству. Напротивъ, движимую собственность можно было бы по прежнему передавать и наслѣдовать. Авторъ замѣчаетъ, что если бы Національное Собраніе побоялось слишкомъ рѣзкаго перехода къ новому поземельному строю, то оно могло бы осуществлять эту систему постепенно, по мѣрѣ вымиранія собственниковъ»²⁾.

Англійскій писатель Чарльзъ Голль (Hall) въ своемъ сочиненіи: «Дѣйствіе цивилизаціи на народъ въ европейскихъ государствахъ», предлагаетъ слѣдующую мѣру для измѣненія существующаго несправедливаго общественнаго порядка. Государство должно взять въ свою собственность всю землю и раздѣлить ее на участки между семействами, смотря по числу ихъ членовъ. Такъ какъ величина семействъ измѣняется не одинаково, то *отъ времени до времени должны происходить новые передѣлы земли*. Земельный участокъ долженъ быть неотчуждаемымъ, а въ случаѣ вымиранія семьи возвращаться въ собственность государства³⁾.

Нѣтъ никакихъ доказательствъ, что сочиненія Курнана и Голля

¹⁾ Это слово во время французской революціи соответствовало теперешнему слову социализмъ. Оларъ „Политич. истор. фр. револ.“, М. 1902 г., стр. 61, 543, 545—546.

²⁾ Оларъ, стр. 112, 113.

³⁾ А. Menger. Das Recht auf den vollen Arbeitsertrag. 1821, 47. 49. Не слѣдуетъ удивляться предложенію автора о произведеніи земельныхъ передѣловъ. Въ то время въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Англій сохранилось еще общинное землевладѣніе, при чемъ или передѣлу ежегодно подвергались одни луга, или передѣлялась и пахотная земля, но только не каждый годъ, и получившій по жребію участокъ пашни удерживалъ его на время одного сѣвооборота. Нассе, „О средневѣковомъ общинномъ

были извѣстны Пестелю, хотя въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго: такъ, напр., сочиненія Роберта Оуэна уже зналъ одинъ изъ декабристовъ. Во всякомъ случаѣ, характерно, что даже въ странахъ съ совершенно инымъ поземельнымъ строемъ проявлялись теченія, до нѣкоторой степени сходныя съ тѣмъ, что высказывалъ Пестель въ «Русской Правдѣ» относительно поземельной реформы.

Далѣе, въ четвертой главѣ, Пестель доказываетъ необходимость представительнаго правленія, къ «которому всѣ народы съ такимъ пламеннымъ желаніемъ стремятся», и затѣмъ переходитъ къ вопросу о томъ, какъ организовать это представительство въ Россіи такимъ образомъ, чтобы была удалена «даже тѣнь аристократическаго порядка», какъ «феодалнаго», такъ и основаннаго на богатствѣ.

Народныя собранія должны быть двухъ родовъ: одни называются земскими, другія намѣстными. Земскія народныя собранія (по одному въ каждой волости) состоятъ изъ всѣхъ гражданъ, приписанныхъ къ волости по гражданскому списку (а мы видѣли, что по проекту Пестеля всѣ граждане приписывались къ той или другой волости) и занимаются выборами «въ члены намѣстныхъ народныхъ собраній», руководствуясь только „довѣріемъ къ избираемымъ лицамъ“ (слѣдовательно, никакого особаго имущественнаго ценза, кромѣ предоставленнаго всѣмъ права пользованія общественною землею, ни для участія въ выборахъ, ни для права быть выбраннымъ не требуется) ¹⁾. Засѣданія земскихъ народныхъ собраній должны продолжаться не болѣе 6 дней. Намѣстныя народныя собранія „занимаются всѣми дѣлами, народному соучастію предоставленными“ и бываютъ трехъ степеней: волостныя, уѣздныя и окружныя, или губернскія. Каждое земское (волостное) собраніе „назначаетъ“ (т. е. избираетъ) всѣхъ членовъ (отъ 100 до 200 чел.) въ свое намѣстное волостное собраніе, и по нѣскольку членовъ въ уѣздное и окружное, или губернское, слѣдовательно, члены всѣхъ намѣстныхъ собраній избираются самимъ народомъ. Выборы въ намѣстныя собранія производятся ежегодно, но дозволяется переизбраніе тѣхъ же лицъ. Волостныя и уѣздныя намѣстныя собранія выслушиваютъ отчеты волостного и уѣзднаго правленія, принимаютъ и разсматриваютъ жалобы на нихъ, замѣщаютъ вакантныя мѣста въ волостныхъ и уѣздныхъ правленіяхъ „выборомъ новыхъ чиновниковъ и присяжныхъ или утвержденіемъ прежнихъ“, занимаются дѣлами, касающимися волости или уѣзда, „разрѣшаютъ различныя предпріятія для общественной пользы, раздають въ волостяхъ общественныя земли и проч. Окружныя намѣстныя собранія, кромѣ тѣхъ же дѣлъ, вы-

землевладѣнія и огораживанія полей въ Англіи въ XVI в.“. Перев. подъ редакц. Азаревича. Ярославль. 1878 г., стр. 14—16.

¹⁾ Дети-де-Траси также высказываются за участіе въ выборахъ всѣхъ, кромѣ женщинъ, людей слѣшкомъ престарѣлыхъ, лишенныхъ избирательныхъ правъ по суду и, „быть можетъ“, тѣхъ, которые добровольно приняли на себя обязанности, дѣлающія ихъ зависимыми отъ другихъ (р. 176—178).

бираютъ народныхъ представителей въ народное вѣче. Слѣдовательно, выборы въ это «верховное законодательное» учрежденіе двухстепенные ¹⁾).

Въ главѣ пятой „Русской Правды“ Пестель говоритъ „о народѣ въ гражданскомъ отношеніи“. Онъ разсматриваетъ здѣсь сначала правила родства, родительской власти, брака и его расторженія. Право собственности онъ признаетъ священнымъ и неприкосновеннымъ; лишать его для блага общаго онъ считаетъ въ этой главѣ возможнымъ только за полное вознагражденіе ²⁾). Конфискація имущества въ пользу казны никогда существовать не должна. Наслѣдованіе онъ допускаетъ, но не по завѣщанію, а только по закону, при чемъ оставшійся въ живыхъ супругъ наследуетъ половину движимаго и недвижимаго имущества, а другая половина раздѣляется между остальными наследниками, при чемъ сыновья и дочери получаютъ равныя части. Выморочное имѣніе продается съ публичнаго торга, и вырученныя деньги поступаютъ въ банкъ или въ казну той волости, гдѣ находится имѣніе. Далѣе, Пестель говоритъ о гражданскихъ договорахъ. Признавая личную свободу „первымъ и важнѣйшимъ правомъ каждаго гражданина“, онъ устанавливаетъ правило, что никто изъ гражданъ не долженъ быть лишень свободы „иначе, какъ законнымъ образомъ и законнымъ порядкомъ“, подъ опасеніемъ „строжайшей отвѣтственности“. Въ домъ гражданина никто не можетъ войти безъ его согласія, а взять подъ стражу онъ можетъ быть только на основаніи письменнаго предписанія отъ волостного правленія или высшаго мѣстнаго начальства съ указаніемъ причины. Впрочемъ, на улицѣ арестъ можетъ быть произведенъ безъ письменнаго предписанія, но о причинахъ задержанія должно быть письменно объявлено арестованному до истеченія 24 часовъ, въ противномъ случаѣ онъ долженъ быть немедленно освобожденъ. Содержащійся подъ стражею можетъ имѣть свиданіе со всѣми, съ кѣмъ пожелаетъ, и лишается этого права только «въ самыхъ важнѣйшихъ случаяхъ... съ письменнымъ объявленіемъ о причинахъ».

«Никто не можетъ быть судимъ инымъ порядкомъ, какъ обыкновеннымъ законнымъ судебнымъ и въ томъ именно мѣстѣ, которое закономъ опредѣлено и назначено; посему никогда не должны никакія чрезвычайныя судебныя комиссіи или чрезвычайныя суды быть учреждаемы, ниже въ какомъ бы то ни было случаѣ законный судебный порядокъ быть для какихъ бы то ни было причинъ нарушаемъ». Военные подлежатъ военному суду только за воинскія преступленія.

¹⁾ Двухстепенные выборы были установлены во Франціи декретомъ 22 декабря 1789 г. и сохранены конституціею 3 сентября 1791 г. Конституція 24 іюня 1793 г. ввела прямыя выборы, а по конституціи 1795 г. возстановлены опять выборы двухстепенныя, которые устанавливались и хартіею 1814 г. (ст 35). Детью-де-Траси связывается также за двухстепенныя выборы (р. 179—180).

²⁾ Однако, въ своихъ предположеніяхъ относительно освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ Пестель допускалъ отступленіе отъ этого правила.

Волостное правленіе и намѣстное собраніе имѣютъ право заступаться за членовъ своихъ волостей въ случаѣ нарушенія указанныхъ выше правилъ, и высшее начальство обязано произвести слѣдствіе и дать полное удовлетвореніе.

Повинности населенія въ пользу казны Пестель раздѣляетъ на два рода: 1) личныя и вещественныя и 2) денежныя. Пестель утверждаетъ, что «чѣмъ совершеннѣе благоденствіе государства», тѣмъ менѣе существуетъ въ немъ повинностей перваго рода, и потому ставить въ обязанность верховному правленію изыскивать всѣ средства для превращенія личныхъ и вещественныхъ повинностей въ денежные сборы. Самыми тягостными личными повинностями, кромѣ рекрутчины, Пестель считаетъ исправленіе дорогъ, дѣйствительно крайне обременительное для крестьянъ при Александрѣ I, и сопровожденіе колодниковъ и арестантовъ. Самыя тягостныя вещественныя повинности, которыя нужно стараться уничтожить и допускать ихъ лишь въ крайности, — квартированіе войскъ, продовольствованіе ихъ обывателями, содержаніе почтъ, принудительныя поставки и тому подобное. Другія повинности, какъ напр., составленіе и обновленіе запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ, общественные склады для оптовой продажи „въ пользу общественной казны или общественныхъ заведеній“ и т. п., „иногда весьма полезны“. Третьи, какъ напр., ясакъ кочующихъ народовъ, бываютъ неизбѣжны. Прямыя повинности должны быть взимаемы съ имущества гражданъ, а не съ лицъ, почему и слѣдуетъ замѣнить подушныя подати другими налогами (извѣстно, что уничтоженіе подушной подати совершилось у насъ лишь въ первой половинѣ 1880 гг., — законами 1882 и 1885 гг.; но еще Н. И. Тургеневъ въ своей книгѣ «Опытъ теоріи налоговъ» говорилъ, что подушныя налоги составляютъ «слѣды необразованности»). Налоги должны быть взимаемы съ имущества гражданъ уравнительно, такъ, чтобы изъ «прибытковъ» каждаго имущества уплачивалась $\frac{1}{10}$, $\frac{1}{20}$ или другая опредѣленная доля. Налоги должны падать не на капиталы, а только на чистую прибыль съ нихъ. Косвенными налогами слѣдуетъ возможно менѣе обременять предметы первой необходимости, и цѣна соли должна быть весьма сильно уменьшена.

Каждый гражданинъ имѣетъ право на занятіе всѣхъ должностей на государственной службѣ.

Граждане обязаны не только не повиноваться тѣмъ «законодательнымъ изреченіямъ или опредѣленіямъ», которыя «посмѣютъ» издавать правительственныя мѣста, не имѣющія права на составленіе законовъ, но даже противиться имъ «совокупными силами» и дѣйствіе ихъ всячески останавливать «до разрѣшенія верховной власти» ¹⁾

Всѣ молодые люди, имѣющіе 20 лѣтъ отъ роду, подлежатъ рек-

¹⁾ О правѣ сопротивленія Пестель могъ заимствовать у *Де-Лолма* „Конституція Англіи“. М. 1806 г. II, 57—65.

рутскому набору. (Общая воинская повинность была уже введена тогда и во Франціи, и въ Германіи). Военная служба продолжается 15 лѣтъ (вмѣсто прежнихъ 25). Кто разъ уже подлежалъ набору въ 20 лѣтъ и потомъ женился, тотъ навсегда освобождается отъ рекрутчины и не берется на службу даже и въ случаѣ особыхъ государственныхъ обстоятельствъ; холостыхъ же тогда брать можно съ тѣмъ, чтобы въ 35 лѣтъ они получали отставку. Навсегда освобождаются отъ рекрутчины: 1) выдержавшіе опредѣленный экзамень въ университетѣ или гимназіи; 2) составляющіе единственную опору своихъ родителей или малолѣтнихъ братьевъ и сестеръ и 3) нанявшіе за себя другого рекрута не старше 25 лѣтъ. Вольноопредѣляющіеся допускаются не моложе 20 лѣтъ, но съ тѣмъ, чтобы они увольнялись отъ службы не ранѣе 35 лѣтъ и не позже 40 лѣтъ отъ роду.

Пестель допускаетъ, чтобы отецъ воспитывалъ дѣтей дома, а если онъ этого не можетъ, то долженъ отдавать ихъ въ учебныя заведенія, учрежденныя правительствомъ; частнымъ же лицамъ онъ не предоставляетъ права устраивать пансіоны и другія учебныя заведенія, полагая, что правительственный надзоръ за ними будетъ всегда «слабъ и недостаточенъ». Онъ утверждалъ также, что всякія частныя общества, какъ открытыя, такъ и тайныя, должны быть совершенно запрещены, потому что, по его мнѣнію, первыя бесполезны, а послѣднія вредны. Первыя бесполезны потому, что они могутъ касаться предметовъ, входящихъ въ кругъ дѣйствія правительства, бесполезны «особенно при существованіи волостныхъ обществъ», вторыя—потому, что, касаясь предметовъ, которые не могутъ быть сдѣланы гласными, они должны быть признаны зловредными, такъ какъ государственный порядокъ, устанавливаемый «Русскою Правдою», «не только ничего добраго и полезнаго не принуждаетъ скрывать, но даже, напротивъ того, всѣ средства даетъ къ ихъ введенію и обнародованію законнымъ порядкомъ».

Въ «Русской Правдѣ» установлены слѣдующія «коренныя правила» относительно свободы книгопечатанія: «1) Каждый гражданинъ имѣетъ право писать и печатать все то, что онъ хочетъ, съ тѣмъ только, чтобы его имя было на его сочиненіи выставлено. Отъ сего исключаются одни только лютыя ругательства, которыя никогда допускаемы быть не должны. 2) Каждый гражданинъ пользуется правомъ имѣть типографію съ тѣмъ только, чтобы о томъ было предварительно правительство извѣщено» (т. е. явочнымъ порядкомъ) «и чтобы на каждой печатной вещи находилось имя хозяина типографіи. 3) За мнѣнія и правила, въ сочиненіи изложенныя, отвѣчаетъ каждый писатель на основаніи... правилъ объ ученіи и проповѣдываніи противныхъ законамъ и чистой нравственности, и судится общимъ судебнымъ порядкомъ» (т. е. съ присяжными 1). «4) Ежели въ сочиненіи излагаются какія-нибудь происшед-

1) Мысль о необходимости суда присяжныхъ въ дѣлахъ о печати Пестель могъ заимствовать у Дегю-де-Траси (стр. 217), а также у Бенжамена Констана (См.

ствія, или что-нибудь утверждается, то сочинитель обязан оныя доказать, если къ суду обиженною стороною призванъ будетъ. Если же доказать не можетъ, то подвергается уголовному наказанію по суду присяжныхъ, судя съ обыкновеннымъ порядкомъ. 5) Сему распорядку подлежатъ всѣ сочиненія большія и малыя, всѣ переводы, всѣ вѣдомости и срочныя изданія, всѣ живописи, гравировки и, однимъ словомъ, все то, что какого бы то ни было рода сочиненія составляетъ... Срочныя же сочиненія (повременныя изданія) «должны быть издаваемы не иначе, какъ по предварительному извѣщенію правительства о семъ намѣреніи».

Православная вѣра считается господствующею въ Россіи; «всѣ прочія христіанскія исповѣданія, равно какъ и всѣ инородныя вѣры, дозволяются въ Россіи, если только не противны онѣ российскимъ законамъ духовнымъ и политическимъ, правиламъ чистой нравственности и не нарушаютъ естественныхъ обязанностей человѣка»¹⁾).

Изъ правилъ относительно промышленности отмѣтимъ мысль, что правительство должно отказаться отъ всякихъ монополій и не предоставлять ихъ частнымъ лицамъ. Временныя товарищества дозволяются, но постоянныя компаніи, вродѣ нашей Американской (управлявшей русскими колоніями въ Сѣверной Америкѣ) или англійской Остъ-Индской, рѣшительно запрещаются. Далѣе, въ пятой главѣ, Пестель говоритъ объ устройствѣ волостныхъ банковъ или страховыхъ учрежденій и о «богоугодныхъ» заведеніяхъ въ волостяхъ (воспитательныхъ и родильныхъ домахъ²⁾), богадѣльняхъ, больницахъ и о наймѣ врача). Частный человѣкъ, желающій учредить „богоугодное“ заведеніе, долженъ, устроивъ его, подарить или продать волостному обществу, такъ какъ все, что имѣетъ общественное назначеніе, должно имѣть и общественное начальство. Подобно Монтескье, Пестель полагаетъ, что государство обязано доставлять всѣмъ средства къ существованію, какъ это видно изъ слѣдующихъ словъ „Русской Правды“: „Пользующійся общественными вспоможеніями получаетъ оныя не въ видѣ милости, но въ видѣ права, ибо первая обязанность человѣка состоитъ въ сохраненіи своего бытія“ и потому „имѣетъ каждый на все то право, что для сего нужно и необходимо, и безъ чего бы онъ сей цѣли не могъ достигнуть“.

Послѣднія пять главъ „Русской Правды“, которыя Пестель не успѣлъ написать, должны были содержать слѣдующее: главы 6 и 7—образованіе верховной власти и государственнаго управленія, глава 8 — мѣропріятія для безопасности, глава 9 — мѣропріятія для

«Cours de politique constitutionnelle», P 1861, I, 125) или Де-Лолма, „Конституція Англіи“, т. II, 41. Еще Союзъ Спасенія, статуты котораго писалъ Пестель въ 1817 г., требовалъ, какъ видно изъ показанія М. А. Фонъ-Визина, свободы книгопечатанія.

¹⁾ Идею релігіозной терпимости Пестель могъ почерпнуть у Бенжамена Констан. Ibid. I, 128.

²⁾ Пестель полагалъ, что незаконнорожденныхъ можно преимущественно брать въ рекруты.

благосостоянія ¹⁾, глава 10 — „составъ Государственнаго Уложения; временное установление“.

X.

Изъ болѣе ранняго, чѣмъ «Русская Правда», произведенія Пестеля, подъ названіемъ «Записка о государственномъ правленіи», отмѣтимъ его мысли объ устройствѣ суда. Онъ считаетъ необходимымъ: 1) разсмотрѣніе существа дѣла и рѣшеніе о виновности или невинности подсудимаго предоставить присяжнымъ; 2) производство дѣла должно быть не словеснымъ, а письменнымъ, и рѣчей въ судѣ произносить не должно; судопроизводство должно быть публичное. Судьи должны быть несмѣняемыми и могутъ быть лишены мѣста только по судебному приговору. Присяжные должны назначаться какъ для гражданскихъ, такъ и для уголовныхъ дѣлъ изъ среды гражданъ, не по выбору ихъ или по назначенію отъ правительства, а по очереди, предоставивъ тяжущимся или подсудимымъ право отводить нѣкоторыхъ изъ нихъ по уважительнымъ причинамъ. Число присяжныхъ зависитъ отъ важности дѣла, но ихъ должно быть не менѣе 10. Для каждаго дѣла назначаютъ особыхъ присяжныхъ; они рѣшаютъ единогласно и не должны расходиться, пока не постановятъ приговора. Полезно было бы прибавить, по примѣру римлянъ, третій родъ рѣшенія, выражающей сомнѣніе (*non liquet*) ²⁾. Такое дѣло могло бы быть возобновлено, если бы явились новыя обстоятельства дѣла.

Земскія уѣздныя и губернскія начальства, устраивающія благоточіе въ исполнительномъ порядкѣ, состоятъ изъ чиновниковъ, выбираемыхъ самими обывателями ³⁾.

Изъ труда Пестеля «Краткое умозрительное обзорѣніе государственнаго правленія. Сочиненіе русскаго гусара. 1820 г.», которое вмѣстѣ съ названною выше «Запискою о государственномъ правленіи» составляютъ, вѣроятно, части одного сочиненія, отмѣтимъ только требованіе уничтоженія смертной казни. По словамъ Пестеля, „имѣетъ каждый частный человекъ право убить того, который стремится лишить его жизни, если не имѣетъ другихъ

¹⁾ Статья о финансахъ и народномъ хозяйствѣ въ этой главѣ долженъ былъ написать Сергѣй Муравьевъ.

²⁾ Пестель заимствовалъ это послѣднее предложеніе, вѣроятно, изъ „Духа Законовъ“ Монтескье. (Изд. Пантелъева, стр. 81).

³⁾ Въ этомъ сочиненіи Пестель еще допускаетъ цензуру. „Исполнительное благоточіе“, говоритъ онъ, между прочимъ, имѣетъ надзоръ за книгопродавцами, типографіями, театральными представленіями и обращеніемъ книгъ, журналовъ, межахъ сочиненій и листковъ. Свѣдѣнія о дозволеніяхъ, данныхъ для тисненія новыхъ сочиненій и для пропуска книгъ изъ заграничья также относятся къ вѣдомству исполнительнаго благоточія.

Говоря о военной службѣ, Пестель предлагаетъ улучшить пищу солдатъ: кромѣ муки и крупы, давать имъ по полфунту говядины въ скоромни дни, соль и поперечно капусту, горохъ и картофель. Одежда солдатъ должна быть просторная и теплаго цвѣта; пѣхотѣ онъ совѣтуетъ дать кафтаны русскаго покроя; зимою полезно давать полушубки, а также плащъ (шинель).

средствъ для своего спасенія. Но гражданское общество и правительство, располагая всегда другими средствами для спасенія государства или гражданъ отъ покушеній частныхъ людей, не имѣеть права какого бы то ни было преступника наказывать смертию, ибо въ семь отношеніи все то есть *безсозвѣстно* и *зловластно*, что преступаетъ границы необходимости. Къ тому же надобно еще и то сказать, что *всезнаніе* не принадлежитъ къ качествамъ смертныхъ и что, слѣдовательно, нѣтъ такого случая, въ которомъ человѣкъ, а посему и судья не могъ бы ошибиться, признавая человѣка преступникомъ и налагая на него наказаніе. Изъ сего явствуетъ, что всякое наказаніе должно быть налагаемо такимъ образомъ, чтобы возмездіе, вознагражденіе или удовлетвореніе были возможны. Смертная же казнь, содѣлывая всякое возмездіе совершенно невозможнымъ, по одной уже сей причинѣ никогда не должна быть употребляема. Хвала російскому правительству, постигшему великую сію истину¹⁾.

Пестель не дописалъ «Русской Правды», но, къ счастью, сообщенная обществу Соединенныхъ Славянъ «Конституція Государственный Завѣтъ» представляетъ, хотя и въ самомъ сжатомъ видѣ изложеніе того, что онъ частью уже высказалъ, частью хотѣлъ сказать въ «Русской Правдѣ». Вотъ что заключаетъ въ себѣ новаго «Государственный Завѣтъ».

«Насчетъ устроенія верховной власти отвергается правило равновѣсія властей, но принимается правило опредѣлительности круга дѣйствій. Верховная власть раздѣляется на законодательную и верховно-исполнительную. Первая поручается *народному вѣчу*, вторая— *державной думѣ*. Сверхъ того нужна еще *власть блюстительная*, дабы тѣ двѣ не выходили изъ своихъ предѣловъ. Власть блюстительная поручается верховному собору».

«Народное вѣче²⁾ состоитъ изъ народныхъ представителей, выбранныхъ народомъ³⁾ на пять лѣтъ». Каждый годъ выходитъ изъ состава вѣча пятая часть членовъ и замѣняется посредствомъ новыхъ выборовъ, при чемъ допускается избраніе того же лица. «Устройство внутренняго порядка вѣча принадлежитъ ему самому. Предсѣдатель выбирается ежегодно изъ членовъ», засѣдающихъ послѣдній годъ. Народное вѣче составляетъ одно цѣлое и на камеры не раздѣляется; въ немъ «обрѣтается» вся законодательная власть; оно объявляетъ войну и заключаетъ миръ. Законы «завѣтные» (т. е. конституція) составляются инымъ порядкомъ, чѣмъ всѣ остальные. Первые обнародываются и предлагаются «на сужденіе

¹⁾ Относительно смертной казни Пестель разошелся съ мнѣніемъ Детье-де-Траси, который стоялъ за ея сохраненіе (р. 73—74) такъ же, какъ и Бенжамень Констанъ (I, 328—332).

²⁾ Въ сохранившейся, довольно неисправной копіи „Государственнаго Завѣта“ слово „вѣче“ употребляется то въ среднемъ родѣ, то въ женскомъ: «народная вѣча».

³⁾ Какъ мы видѣли, „Русская Правда“ устанавливаетъ двухстепенные выборы; повидимому, подъ избраніемъ народомъ и здѣсь разумѣются двухстепенные выборы (ср. ниже избраніе членовъ державной думы).

всей Россіи»¹⁾, слѣдовательно, вводится референдумъ. Когда народное вѣче не засѣдаетъ, то «оставляется временная коммиссія». «Никто не можетъ распустить народное вѣче; оно представляетъ волю въ государствѣ, душу народа».

«Державная дума»²⁾ состоитъ изъ 5 членовъ, народомъ выбранныхъ на пять лѣтъ». Было упомянуто, что по «Государственному Завету» члены думы выбираются «народомъ», между тѣмъ какъ въ «Русской Правдѣ» это производится двухстепенными выборами. Оказывается, что и выборъ «народомъ» членовъ державной думы въ «Государственномъ Заветѣ» также означаетъ двухстепенные выборы: «Каждая губернія» (т. е. каждое «окружное» собраніе) предлагаетъ ежегодно кандидата, и изъ числа этихъ кандидатовъ народное вѣче дѣлаетъ окончательный выборъ членовъ державной думы³⁾. Ежегодно одинъ изъ членовъ думы выходитъ и замѣняется другимъ лицомъ, по выбору народнаго вѣча. Предсѣдателемъ державной думы бываетъ членъ ея, засѣдающій послѣдній, пятый годъ. «Державная дума имѣетъ всю верховно-исполнительную власть, ведетъ войну и производитъ переговоры, но не объявляетъ войны и не заключаетъ мира. Всѣ министерства и всѣ вообще правительствующія мѣста состоятъ подъ вѣдомствомъ и начальствомъ державной думы»⁴⁾.

Верховный соборъ состоитъ изъ 120 членовъ, называемыхъ «боярами». «Бояре назначаются на всю жизнь и не могутъ участвовать ни въ законодательномъ, ни въ исполнительномъ порядкѣ. Губерніи назначаютъ кандидатовъ, а народное вѣче замѣщаетъ упразднившееся число бояръ. Предсѣдатель выбирается на

¹⁾ Бестужевъ-Рюминъ, излагая въ своемъ показаніи содержаніе «Русской Правды», говоритъ: Вѣроятно, открылись бы „въ конституціи, а особенно въ кодексѣ недостатки, то коль скоро бы они были замѣчены, собраніе законодательное или сенатъ“ (т. е. верховный соборъ) „долженствовали созвать собраніе депутатовъ народно для исправленія недостатковъ. Совершивъ свое дѣло, оное собраніе разрушалось“.

²⁾ Власть исполнительная.

³⁾ По французской конституціи 1795 г. 5 членовъ директоріи „назначаются“ законодательнымъ собраніемъ (§ 132).

⁴⁾ Когда Пестель читалъ отрывки изъ „Русской Правды“ Киселеву, послѣдній заявилъ ему, что онъ „своему царю“, т. е. исполнительной власти (державной думѣ) „предоставляетъ уже слишкомъ много власти“. Въ проектѣ, сообщенномъ имъ Н. Муравьеву, Пестель полагалъ предоставить сенату „умѣрительную власть“. — Бестужевъ-Рюминъ, излагая въ своемъ показаніи содержаніе „Русской Правды“, называетъ исполнительную власть не „державною думою“, а „директорією“ изъ 5 членовъ и замѣчаетъ при этомъ: „На сіе общество не соглашалось“. Онъ говоритъ, что директорія избиралась „собраніемъ законодательнымъ, яко представляющимъ народъ“, и не упоминаетъ о томъ, что выборы производились изъ числа кандидатовъ, предложенныхъ окружными собраніями. Въ другомъ показаніи Бестужевъ-Рюминъ сообщаетъ слѣдующее интересное свидѣніе: „Извѣстно, что Сѣверное Общество, въ особенности Тургеневъ, Никита Муравьевъ и кн. Сергій Трубецкой всегда Пестелеву конституцію отвергали, съ нѣкоторыми даже перемѣнами. Сергѣемъ Муравьевымъ и мною предложенными, ввести не соглашались,—и при отъѣздѣ Трубецкого изъ Кіева было положено между нами тремя, что онъ предложитъ Сѣверному Обществу, по введенію временнаго правленія, составить комитетъ изъ ученыхъ членовъ для сочиненія конституціи, основанія коей пошлются“ Бенжаменъ Коюстану, Детье-де-Траси, Бентаму и Гизъ, на одобреніе“.

годъ самимъ соборомъ. Соборъ имѣеть верховно-блюстительную власть: народное вѣче препровождаетъ къ нему на утверждение свои законы. Соборъ не разсуждаетъ о сущности предметовъ, но смотритъ на однѣ формы», чтобы во всемъ были соблюдены законы. Послѣ этого утверждения законъ получаетъ «свою дѣйствительную силу, самъ же соборъ не дѣйствуетъ». Онъ назначаетъ изъ своихъ членовъ по одному генераль-прокурору въ каждое министерство (приказный ¹⁾ блюститель) и по одному генераль-губернатору въ каждую область (областной посадникъ ²⁾. «Генераль-прокуроръ разсматриваетъ журналы палатъ министерства и утверждаетъ ихъ опредѣленія, взирая на одну законность и соблюдение предлагаемаго порядка, но не входя въ сужденіе о сущности самаго содержания; безъ ихъ утверждения не можетъ исполненіе послѣдовать. Они отвѣчаютъ (?) ³⁾ за свои дѣйствія. Державная дума рѣшаетъ, а верховный соборъ можетъ чиновника отдать подъ судъ. Отданный подъ судъ судится судебнымъ порядкомъ. Генераль-губернаторъ имѣеть таковыя же обязанности въ отношеніи волостныхъ правленій. Изъ сего явствуетъ, что соборъ удерживаетъ въ предѣлахъ законности народное вѣче и державную думу, самъ же не имѣеть никакого дѣйствія положительнаго. Главнокомандующіе дѣйствующихъ армій назначаются верховнымъ соборомъ. Онъ принимаетъ начальство надъ арміею, когда выступаетъ за предѣлы государства и слагаетъ (его), когда въ предѣлы вступаетъ». Внутри государства командованіе арміею, вѣроятно, зависитъ отъ державной думы.

Еъ организациіи верховной власти, болѣе чѣмъ гдѣ либо, обнаружилось въ предположеніяхъ Пестеля вліяніе Детю-де-Траси, который также стоитъ за одну законодательную палату (стр. 185). Такъ какъ это вліяніе сыграло очень большую роль въ превращеніи прежнихъ монархическихъ взглядовъ Пестеля въ республиканскіе и такъ какъ онъ не успѣлъ развить, какъ это сдѣлалъ по многимъ другимъ вопросамъ, мотивовъ предлагаемаго имъ устройства верховной власти, то мы считаемъ необходимымъ привести разсужденія по этому предмету Детю-де-Траси, тѣмъ болѣе, что вліянію идей этого французскаго ученаго подвергся не только Пестель, но и многіе другіе члены Южнаго Общества ⁴⁾.

¹⁾ Пестель называетъ министерства „приказами“.

²⁾ Какъ мы знаемъ, Пестель предполагалъ раздѣлить Россію на 10 областей по 5 округовъ въ каждой.

³⁾ Тутъ въ копіи „Государственнаго Завѣта“ явная описка,—написано „утверждаютъ“.

⁴⁾ М. О. Орловъ своею показаніемъ говоритъ: „книга l'estutt-de-Tracy „Commentaire sur l'esprit des lois“ была для нихъ высшею степенію премудрости; конституція англійская казалась имъ чрезвычайно тяжкою для народа и согласованною съ подзвонъ одной аристокраціи; французская партія была для нихъ не что иное, какъ лоскутокъ бумаги, бесполезный для гражданъ; но зато американскій федералъ гвишавскія происшествія, неаполитанская революція играли большую роль во всѣхъ ихъ разговорахъ. Они, казалось, отвергали силу обстоятельствъ и постепенность дарованныхъ правъ, а руководствовались одною только умозрительною теоріею, не признающею никакихъ оттѣнковъ въ различіи нравовъ и обычаевъ народовъ“.

«Совершенно необходимо», говорить Детю-де-Траси, «чтобы исполнительная власть не сосредоточивалась въ однѣхъ рукахъ. Единственное основаніе, которое приводили въ пользу противоположнаго мѣнія, состоитъ въ томъ, что одинъ человѣкъ болѣе способенъ дѣйствовать, чѣмъ собраніе многихъ людей. Это несправедливо. Необходимо единство въ волѣ, а не въ исполненіи... Нѣтъ монарха, у котораго не было бы нѣсколькихъ министровъ. Въ дѣйствительности имъ принадлежитъ исполнительная власть, а монархъ только изъявляетъ желаніе и часто ничего не дѣлаетъ... Законодательное собраніе и совѣтъ министровъ — вотъ истинное правительство. Король только паразитъ, лишнее колесо въ машинѣ, лишь увеличивающее треніе и издержки. Онъ ни на что не нуженъ, кромѣ того, чтобы занимать, съ возможно меньшими неудобствами, мѣсто, пагубное для общественаго спокойствія, которымъ каждый честолюбецъ захотѣлъ бы завладѣть, если бы оно не было уже занято, такъ какъ привыкли къ существованію короля... Несправедливо, повторяю, будто по свойству исполнительной власти лучше, чтобы она находилась въ рукахъ одного, а не въ собраніи нѣсколькихъ лицъ... Единство дѣйствія можетъ быть также создано большинствомъ немногочисленнаго совѣта, какъ и однимъ лицомъ». Что касается скорости дѣйствія, то она не всегда желательна. «Необходимо, чтобы дѣла большого государства, руководимыя въ общемъ законодательнымъ корпусомъ, велись единообразно и согласно одинаковой системѣ. Этого нельзя ожидать отъ одного человѣка, ибо онъ скорѣе можетъ мѣнять свои взгляды и принципы, чѣмъ совѣтъ..., который, возобновляясь по частямъ, проникнуть неизмѣннымъ направленіемъ...

Если глава исполнительной власти избирается на небольшое число лѣтъ, подчиненъ опредѣленнымъ правиламъ и не можетъ дѣйствовать безъ согласія извѣстныхъ лицъ, то, конечно, онъ становится безвреднымъ. Но тогда онъ въ сущности и не будетъ единымъ правителемъ, соотвѣтствующимъ идеѣ о монархѣ, а только первымъ чиновникомъ свободнаго народа. Если же единый правитель избирается на ограниченное время, но безъ указанныхъ предосторожностей и можетъ свободно распоряжаться войсками и деньгами, хотя и подъ руководствомъ законодательнаго корпуса, то положеніе его становится слишкомъ значительнымъ и возбуждаетъ честолюбивыя стремленія; при этомъ выборы будутъ сопровождаться интригами и насиліями. Еще въ большей степени это происходитъ при пожизненномъ избраніи, которое вызываетъ безпорядки и даже приводитъ къ распаденію государства, или правитель, избранный пожизненно, становится наследственнымъ, какъ это было въ Голландіи и во многихъ другихъ странахъ.

Переходя затѣмъ къ наследственной монархіи, авторъ замѣчаетъ, что считали бы безумнымъ сдѣлать наследственнымъ обязанности кучера или повара, адвоката или доктора, обязавшись пользоваться услугами только этихъ лицъ и ихъ наследниковъ по праву первородства, будутъ ли это дѣти или дряхлые старики,

сумасшедшіе или слабоумные, маниаки или подлецы, а между тѣмъ считаютъ вполне естественнымъ повиноваться государю, получившему власть такимъ порядкомъ. Трудно найти человѣка, способнаго управлять, который со временемъ не сдѣлался бы недостойнымъ этого. Весьма возможно, что дѣти облеченнаго великою властью будутъ дурно воспитаны; мало вѣроятно, чтобы, если одинъ изъ нихъ избѣгнетъ вредныхъ вліяній, это былъ бы непременно старшій; если бы это было и такъ, то его дѣтство, годы его неопытности, его увлеченія подъ вліяніемъ страсти, его болѣзни, его старость занимаютъ весьма значительную часть его жизни и дѣлаютъ опаснымъ повиновеніе ему въ это время. Наслѣдственная власть по природѣ своей неограниченна и не поддается ограниченію. Власть, находящаяся въ рукахъ одного лица, стремится къ все большему ея усиленію. Наслѣдственная монархія, чтобы укрѣпиться, подавить власть народа. Дѣло окончится или порабоженіемъ народа, или паденіемъ престола. Надѣются сохранить свободу при монархическомъ устройствѣ, значить желать двухъ вещей, взаимно одна другую исключаящихъ.

Изъ всѣхъ этихъ разсужденій Детю-де-Траси дѣлаетъ выводъ, что *«исполнительная власть»* должна быть ввѣрена совѣту, составленному изъ немногихъ лицъ, избранныхъ на время, и постепенно обновляемому; а *законодательная власть* должна быть представлена болѣе многочисленному собранію, состоящему также изъ избранныхъ на опредѣленное время, и обновляемому ежегодно по частямъ» (стр. 185—202).

На основаніи этихъ началъ и устроена законодательная и исполнительная власть въ „Государственномъ Завѣтѣ“ Пестеля. Детю-де-Траси полагалъ, что законодательное собраніе не должно ни назначать, ни смѣщать, ни судить членовъ совѣта, которому ввѣрена власть исполнительная. Пестель предлагаетъ поручить выборъ ихъ народному вѣчу, но только изъ числа кандидатовъ, избранныхъ окружными собраніями.

Мысль о верховномъ сборѣ, имѣющемъ «блюстительную власть», Пестель также заимствовалъ у Детю-де-Траси, который называетъ это учрежденіе «*corps conservateur*» и возлагаетъ на него слѣдующія обязанности: 1) Производить повѣрку выборовъ членовъ законодательнаго собранія. 2) Принимать участіе въ выборѣ совѣта, имѣющаго власть исполнительную (*corps exécutif*), или получая отъ избирательныхъ собраній списокъ кандидатовъ, изъ числа которыхъ это охранительное собраніе производитъ выборъ, или, наоборотъ, посылая избирательнымъ собраніямъ списокъ тѣхъ лицъ, изъ числа которыхъ они могутъ сдѣлать выборъ. 3) Участвовать почти такимъ же образомъ въ назначеніи верховныхъ судей или подобныхъ существующимъ въ Америкѣ или, въ качествѣ кассационнаго судилища, какъ во Франціи. 4) Отрѣшать отъ должности членовъ исполнительнаго совѣта (*corps exécutif*) по требованію законодательнаго собранія. 5) Объявлять противорѣчащими конституціи и, слѣдовательно, недѣйствительными постановленія законодательнаго собранія

Геся Мирвна
ГЕЛЬФМАНЪ.

или исполнительнаго совѣта по требованію одного изъ нихъ или по другимъ требованіямъ, допускаемымъ конституціею. б) Объявлять (на основаніи тѣхъ же требованій или по желанію гражданъ, высказанному въ установленной формѣ), когда произойдетъ пересмотръ конституціи, и созывать соборъ (convention) специально съ этою цѣлью. „Два послѣднія дѣянія охранительнаго собранія могли бы и даже должны бы прежде, чѣмъ быть исполненными, подвергнуться одобренію народа, который постановилъ бы рѣшеніе словами *да* или *нѣтъ* въ собраніяхъ первой степени, или въ избирательныхъ собраніяхъ, или въ собраніяхъ, созданныхъ специально съ этою цѣлью“.

Охранительное собраніе (corps conservateur), по мнѣнію Детю-де-Траси, должно состоять изъ пожизненныхъ членовъ, которые не могутъ занимать никакого другого мѣста. Званіе члена этого собранія должно быть вознагражденіемъ для тѣхъ, кто исполнялъ всякія должности. Члены охранительнаго собранія должны быть въ первый разъ назначены соборомъ, составившимъ конституцію, охраненіе которой будетъ ему ввѣрено, а затѣмъ замѣщеніе вакансій должно производиться избирательными собраніями на основаніи кандидатскихъ списковъ, составленныхъ въ законодательномъ собраніи и въ исполнительномъ совѣтѣ. Детю-де-Траси считалъ чрезвычайно важнымъ это охранительное собраніе и полагалъ, что оно придастъ прочность всему государственному зданію (стр. 203—208)¹⁾.

Какъ ни велико было вліяніе Детю-де-Траси на Пестеля, сравненіе ихъ предположеній показываетъ, что Пестель не механически заимствовалъ мысли французскаго ученаго, а перерабатывалъ усвоенныя имъ идеи.

Въ сохранившихся отрывкахъ болѣе ранняго труда Пестеля, подъ заглавіемъ «Записки о государственномъ правленіи», устанавливаются правила лишь о нѣкоторыхъ изъ высшихъ административныхъ учреждений — «государственныхъ приказовъ» (министерствъ), а именно о государственныхъ приказахъ: 1) Правосудія, 2) благочинія, 3) внѣшнихъ сношеній, 4) военныхъ силъ и 5) морскихъ силъ. Были, очевидно, и другіе приказы, или министерства, какъ это ясно и изъ того, что въ каждой области должно было быть 6 управъ: 1) правосудія, 2) благочинія, 3) духовныхъ дѣлъ, 4) просвѣщенія, 5) хозяйства и 6) казначейства.

Изъ показанія М. П. Бестужева-Рюмина о содержаніи „Русской Правды“ видно, что министерствъ предполагалось 10: 1) внѣшнихъ сношеній, 2) финансовъ, 3) промышленности, 4) правосудія, 5) полиціи, 6) просвѣщенія, 7) духовныхъ дѣлъ, 8) „переводныхъ“ (т. е. переходныхъ) дѣлъ, 9) военныхъ сухопутныхъ силъ и 10) морскихъ силъ. «Министръ внѣшнихъ сношеній долженъ былъ всѣ способы

¹⁾ О Детю-де-Траси см. *Mignet*, „La vie et les travaux de Destutt de Tracy“. „Revue des deux Mondes“, 1842, 1 juil.; *Chabot*, D. de Tracy. 1885; *Picavet*, Les Idéologues. P. 1891; *Коржуновъ*, „Исторія философіи права“; *Уичеринъ*, „Исторія политич. ученій“ т. V, М. 1902 г.

давать народамъ европейскимъ для введенія у нихъ представительнаго правленія; въ Азіи же онъ долженъ былъ распространять просвѣщеніе и поощрять народы къ перемѣнѣ правленія. Онъ также долженъ былъ требовать отъ пословъ и прочихъ агентовъ, чтобы они сообщали ему всѣ тѣ сочиненія и открытія, однимъ словомъ, все то, „что можетъ быть полезно народу или содѣйствовать его просвѣщенію, а онъ передавалъ бы это министру просвѣщенія. «Также всѣ люди, чѣмъ либо полезнымъ себя ознаменовавшіе, должны быть приглашены въ Россію. Для сего предоставлялись имъ всевозможныя обязанности, долженъ былъ учредить собраніе ученыхъ, которое изъ сообщеннаго министромъ внѣшнихъ сношеній извлекало бы все полезное для общества и наставляло бы народъ. Сочиненія всѣхъ знаменитыхъ писателей разныхъ народовъ должны быть переведены на русскій языкъ. Министръ правосудія долженъ былъ постоянно соображать, соотвѣтствуютъ ли законы нравамъ, „не опередило ли ихъ просвѣщеніе“, не измѣнился ли образъ мыслей, и если ему покажется нужнымъ какое либо улучшеніе, то онъ представляетъ проектъ о немъ законодательной власти. Министръ духовныхъ дѣлъ долженъ былъ изъ духовнаго сословія. Главная обязанность его состоитъ въ томъ, чтобы кроткими мѣрами склонять живущихъ въ Россіи идолопоклонниковъ къ принятію христіанства. Онъ долженъ былъ также посылать миссіонеровъ въ Азію, но только людей самыхъ просвѣщенныхъ и способныхъ, чтобы они могли сообщать министерству свѣдѣнія о степени образованія, мысляхъ и наклонностяхъ тѣхъ народовъ, у которыхъ они будутъ находиться. Министръ «переводныхъ дѣлъ» долженъ былъ, главнымъ образомъ, заботиться о томъ, чтобы переворотъ произошелъ какъ можно нечувствительнѣе для всѣхъ тѣхъ, кто принималъ участіе въ прежнемъ правленіи и вообще для дворянъ¹⁾. Къ нему должны были обращаться съ просьбами и жалобами, а также желающіе получить мѣста. Такъ какъ всѣ чиновники, пользующіеся арендами и другими выгодами, не должны были терять награды за оказанныя ими заслуги, то, если что либо должно было отойти отъ нихъ по новому учрежденію, министръ долженъ былъ вытребовать соотвѣтственное вознагражденіе, чтобы никто не могъ укорять въ неблагодарности «правленіе, стремящееся основаться на нравственности». Относительно мѣстнаго управленія Бестужевъ-Рюминъ въ своемъ показаніи сообщаетъ, что по проекту Пестеля «исполнительная власть въ областяхъ была поручена управамъ, назначеннымъ директоріею..., а въ губерніяхъ и уѣздахъ—управамъ, избраннымъ народомъ».

Таковы главнѣйшія черты политическихъ идей Пестеля, этого высокоталантливаго общественнаго дѣятеля, далеко опередившаго своихъ современниковъ въ Россіи въ области и политическихъ, и

¹⁾ Мы видѣли, что Пестель при окончательной переработкѣ „Русской Правды“ измѣнилъ въ демократическомъ смыслѣ прежнія свои предположенія относительно дворянства и проектировалъ полное его уничтоженіе.

соціальныхъ воззрѣній. Казнь этого человѣка, также какъ и его товарищей, лишила Россію нѣсколькихъ выдающихся людей, а ссылка остальныхъ декабристовъ удалила съ арены общественной дѣятельности множество способныхъ людей. Понятно, что послѣ правительство было окружено такими ничтожествами, какъ Чернышевъ, Бенкендорфъ, Левашевъ и другіе, и единственному способному человѣку, П. Д. Киселеву, многому научившемуся у Пестеля, почти ничего не удалось сдѣлать даже для подготовки паденія крѣпостного права. Гибель на висѣлицѣ пятерыхъ декабристовъ и позднѣйшихъ революціонеровъ служить лучшимъ доказательствомъ необходимости отмѣны смертной казни, чего, какъ мы видѣли, требовалъ и Пестель.—«Зачѣмъ вамъ революція?»—сказалъ имп. Николай Завалишину,—«я самъ вамъ революція: я самъ сдѣлаю все, чего вы стремитесь достигнуть революціею»¹⁾. Но русское общество слышало отъ его предшественника много хорошихъ словъ, притомъ сказанныхъ не наединѣ съ узникомъ, а публично, и не дождалось исполненія этихъ обѣщаній. Естественно, что интеллигентная молодежь, возмущенная всѣмъ, что творилось въ Россіи, рѣшилась революціоннымъ путемъ добиться того, что самодержавіе отказывалось дать добровольно даже послѣ печальнаго конца правленія имп. Павла.

XI.

Пестель, въ отличіе отъ Н. Муравьева проникнутаго симпатіею къ федеративному строю, былъ защитникомъ, по примѣру французской конституціи 1793 г., учрежденія республики „единой и нераздѣльной“, съ выдѣленіемъ только Польши въ самостоятельную, но соединенную съ Россіей союзомъ республику: это былъ бы союзъ двухъ братскихъ народовъ, возрожденныхъ къ новой жизни политическою свободою. Напротивъ, „Общество Соединенныхъ Славянъ“ желало охватить въ одномъ союзѣ всѣ славянскіе народы.

Основателемъ этого общества былъ подпоручикъ 8-ой артиллерійской бригады, Петръ Ивановичъ Борисовъ 2-ой. Онъ воспитывался въ домѣ отца, въ 1816 г. вступилъ на службу юнкеромъ и много занимался математикою и военными науками, но послѣ производства въ офицеры совершенно предался изученію естественной исторіи, философіи и „морали“. Одно время онъ стоялъ со своею ротой въ имѣніи богатаго польскаго помѣщика, у котораго была хорошая бібліотека. Здѣсь Борисовъ прочелъ Вольтера, Гельвеція, Гольбахъ и нѣкоторыхъ другихъ писателей XVIII вѣка и проникся свободными взглядами въ религіозномъ отношеніи. Большое значеніе въ его жизни имѣло знакомство съ классическою древностью. По его собственному свидѣтельству, изученіе греческой и римской исторіи и чтеніе жизнеописаній Плутарха и Корнелія Непота возбудили въ немъ съ дѣтства „любовь къ вольности и

¹⁾ „Записка декабриста Д. И. Завалишина“. Мюнхень, 1904 г., т. I стр. 255.

народодержавію“; а поддерживали ее жестокости командировъ относительно ихъ подчиненныхъ, а также насилія и угнетенія, которымъ помѣщики подвергали своихъ крестьянъ. Борисовъ говоритъ, что онъ былъ „ослѣпленъ любовью къ демократіи и свободѣ“... „Общее благо есть верховный законъ—вотъ максима, которая была основою и моей религіи, и моей нравственности“.

Руководясь этими высокими стремленіями, Борисовъ думалъ найти ихъ осуществленіе въ масонствѣ, и въ 1818 г. былъ принятъ въ Одессѣ въ масонскую ложу, въ которой числился до уничтоженія этихъ ложъ. Въ томъ же году, находясь по службѣ въ одномъ мѣстечкѣ Полтавской губ., онъ задумалъ основать тайное общество, цѣлью котораго были правила «питагоровой секты, усовершенствованія себя въ наукахъ, художествахъ и добродѣтели, любовь и дружба». Затѣмъ, къ прежней цѣли были присоединены «усовершенствованіе нравственности и очищеніе религіи» отъ предразсудковъ, а также «основаніе извѣстной республики философа Платона». Такъ устроено было общество «Друзей Природы», которое просуществовало недолго. Въ 1823 г. Борисовъ, при участіи брата и поляка Люблинскаго, основываетъ общество съ цѣлью объединенія славянскихъ племенъ. Мысль П. И. Борисова состояла въ томъ, чтобы учредить «федеративный союзъ славянскихъ колѣній, подобный греческому, но гораздо его совершеннѣе». Онъ предполагалъ также предложить членамъ, имѣющимъ крестьянъ, дозволить имъ выкупиться на волю, а неимѣющимъ крѣпостныхъ вносить нѣкоторую сумму на выкупъ людей у тѣхъ господъ, которые худо съ ними обращаются, и отпускать ихъ на волю. Нѣкоторые изъ членовъ общества уже согласились на это предложеніе.

П. И. Борисовъ составилъ «Катехизисъ соединенныхъ славянъ» и «Клятвенное обѣщаніе», которые были переведены Люблинскимъ на польскій языкъ. Отмѣтимъ нѣкоторыя правила катехизиса: «Не желай имѣть раба, когда самъ быть рабомъ не хочешь... «Будешь терпѣть всѣ вѣроисповѣданія... Будешь стараться разрушать всѣ предразсудки, а наиболѣе до разности состояній касающіеся... Употребишь даже свое оружіе, если того нужна будетъ требовать, на защиту невинности... Ты еси славянинъ и на землѣ твоей при берегахъ морей, ее окружающихъ, построишь 4 флота: Черный, Бѣлый, Далматскій и Ледовитый, а въ срединѣ оныхъ воздвигнешь городъ и въ немъ башню просвѣщенія, и своимъ могуществомъ на тронѣ посадишь. Оттуда будешь получать для себя правосудіе и ему повиноваться обязанъ... Въ портахъ твоихъ, славянинъ, будетъ цвѣсти торговля и морская сила, а въ городѣ, посреди земли твоей, справедливость для тебя обитать станеть. Желаетъ имѣть сіе? Соединись съ твоими братьями, отъ которыхъ невѣжество твоихъ предковъ отдалило тебя. Желаетъ все это имѣть? Будешь жертвовать десятою частью твоихъ доходовъ годовыхъ и будешь обитать въ сердцахъ друзей твоихъ».

Члены общества Соединенныхъ Славянъ. присягали на мечѣ

взаимно любить другъ друга. Въ «Клятвенномъ обѣщаніи», составленномъ Борисовымъ, между прочимъ, сказано: «пройду тысячи смертей, препятствій, пройду и посвящу послѣдній вздохъ свободѣ и братскому союзу благородныхъ славянъ. Если же нарушу сію клятву, то... пусть сіе оружіе обратится остриемъ въ сердце мое и наполнить оное адскими мученіями, пусть минута жизни моей, вредная для моихъ друзей, будетъ послѣднею»...

Другой членъ общества Соединенныхъ Славянъ, Горбачевскій, сообщаетъ въ своихъ запискахъ черты, дополняющія свѣдѣнія приведенныя изъ дѣла о П. И. Борисовѣ. Это общество, по словамъ Горбачевского, «имѣло главною цѣлью освобожденіе всѣхъ славянскихъ племенъ отъ самовластія, уничтоженіе существующей между нѣкоторыми изъ нихъ національной ненависти и соединеніе всѣхъ обитаемыхъ ими земель федеративнымъ союзомъ. Предполагалось съ точностью опредѣлить границы cadaго государства, ввести у всѣхъ народовъ форму демократическаго представительнаго правленія, составить конгрессъ для управленія дѣлами союза и для измѣненія, въ случаѣ надобности, общихъ коренныхъ законовъ, предоставляя каждому государству занятыя внутреннимъ устройствомъ и быть независимымъ въ составленіи частныхъ своихъ узаконеній...¹⁾ Славянскій союзъ», продолжаетъ Горбачевскій «носилъ на себѣ отпечатокъ какой то воинственности. Страшная клятва, обязывающая членовъ общества «посвящать всѣ мысли дѣйствія благу и свободѣ своихъ единоплеменниковъ и пожертвовать всею жизнью для достиженія сей цѣли, произносилась на оружіи; отъ однихъ своихъ друзей, отъ одного оружія славяне ожидали исполненія своихъ желаній; мысль, что свобода покупается не слезами, не золотомъ, но кровью, была вкоренена въ ихъ сердцахъ, и слова знаменитаго республиканца, сказавшаго: «обнаживши мечъ противъ своего государя, должно отбросить ножны сколь возможно далѣе», долженствовали служить руководствомъ ихъ будущаго поведенія»²⁾.

Извѣстно, что общество Соединенныхъ Славянъ, при посредствѣ Бестужева-Рюмина, присоединилось къ Южному Обществу, во главѣ котораго стоялъ Пестель. Бестужевъ-Рюминъ убѣдилъ членовъ общества Соединенныхъ Славянъ, что ихъ цѣль—соединеніе всѣхъ славянскихъ племенъ въ федераціи республикъ—неудобоосуществима, и что русскіе должны стремиться только къ тому, чтобы «на твердыхъ постановленіяхъ основать свободу» въ своемъ отечествѣ, чего можно достигнуть вооруженною силою. Но дабы избѣжать кровопролитія, подобнаго французской революціи, нужно предварительно приготовить хорошую конституцію, чтобы, «разрушивъ существующій порядокъ вещей, немедленно замѣнить его лучшимъ». Онъ

¹⁾ По свидѣтельству декабриста барона Розена, на 8-угольной печати общества Соединенныхъ Славянъ были обозначены 8 колынь славянскаго племени: русскіе, сербы, хорваты, болгары, чехи, словаки, лужичане, словинцы и поляки, всего до 90 милліоновъ.

²⁾ „Русскій Архивъ“, 1882 г. т. I, 443—445.

сообщилъ членамъ общества Соединенныхъ Славянъ, что въ Южномъ обществѣ конституція уже составлена, вручилъ имъ Государственный Завѣтъ» Пестеля, какъ основныя правила этой конституціи, и предложилъ, если они хотятъ, «промѣнять цѣль невозможную на истинно для Россіи полезную», присоединиться къ Южному обществу. Члены общества Соединенныхъ Славянъ приняли это предложеніе.

В. Семеvскій.

На смерть Т. Г. Шевченко¹⁾.

Не предавайтесь особой унылости;
Случай предвидѣнный, чуть не желательный,—
Такъ погибаетъ по Божіей милости
Русской земли человекъ замѣчательный.
Съ давняго времени: молодость трудная,
Полная страсти, надеждъ, увлеченія,
Смѣлая рѣчи, борьба безразсудная,
Вслѣдъ затѣмъ долгіе дни заточенія...
Все онъ извѣдалъ: тюрьму петербургскую,
Справки, допросы, жандармовъ любезности,
Все: и раздольную степь Оренбургскую
И ея крѣпость. Въ нуждѣ, въ неизвѣстности
Жилъ онъ солдатомъ съ солдатами жалкими,
Жилъ, оскорбляемый всякимъ невѣждою!
Могъ умереть онъ, конечно, подъ палками;
Можетъ, и жилъ только этой надеждою...
Но, сократить не желая страданія,
Поберегло его въ годы изгнанія
Русскихъ людей провидѣнье игривое,
Кончилось время его несчастливое,—
Все, что онъ съ юности ранней не видывалъ,
Милое сердцу его улыбалось;
Тутъ ему Богъ позавидовалъ:
Жизнь оборвалася!...

Н. А. Некрасовъ.

¹⁾ Это стихотвореніе Н. А. Некрасова совершенно неизвѣстно „большой публикѣ“. Оно было, правда, напечатано въ львовскомъ журналѣ „Зоря“ (1885 г. № 18), но номеръ этотъ не былъ пропущенъ въ Россію. Затѣмъ оно появилось въ № 1 издававшейся въ 1889 г. въ Женевѣ газетѣ „Свободная Россія“.

Ред.

Къ исторіи полицейской агентуры въ Россіи.

21 іюля 1849 года Николаю Павловичу былъ представленъ слѣдующій докладъ:

«Бывшій учитель 1-го Кадетскаго Корпуса *Бълецкій*, содержащійся два съ половиною мѣсяца въ С.-Петербургской крѣпости по дѣлу Буташевича-Петрашевскаго, по освобожденіи его съ тѣмъ, чтобы отнюдь не опредѣлять его на службу ни по военнымъ, ни по гражданскимъ учебнымъ заведеніямъ, встрѣтивъ агента по означенному дѣлу, чиновника 14-го класса *Антонелли* ¹⁾, убѣждалъ его за доносъ и оскорбилъ обидными выраженіями.

Г. Военный Министръ, принимая во вниманіе, что Бълецкій не восчувствовалъ сдѣланнаго ему взысканія и не смягчилъ строптиваго своего характера, что нанесенное имъ оскорбленіе относится до самаго полезнаго агента, котораго правительство должно защищать, сдѣлалъ распоряженіе къ высылкѣ Бълецкаго въ Вологду подъ строжайшій надзоръ полиціи».

На этомъ докладѣ Николай Павловичъ положилъ слѣдующую резолюцію: «Дѣльно».

¹⁾ Роль Антонелли въ дѣлѣ Петрашевскаго хорошо охарактеризована въ докладѣ шефа жандармовъ графа А. Ф. Орлова. Когда были получены извѣстія о собраніяхъ у Петрашевскаго „тогда употреблено было стараніе помѣстить въ общество Петрашевскаго благонадежнаго агента, и для этого избранъ былъ сынъ живописца Антонелли, образовавшійся въ здѣшнемъ университетѣ и впоследствии опредѣленный въ тотъ же департаментъ, въ которомъ служилъ Петрашевскій. Антонелли съ большимъ трудомъ, но сблизился и, наконецъ, успѣлъ войти въ общество Петрашевскаго“. Войдя, Антонелли регулярно представлялъ донесенія о собраніяхъ.

Пестель

предъ Верховнымъ уголовнымъ Судомъ.

(Продолженіе).

IV. Русская Правда Пестеля и Конституція Никиты Муравьева.

Изъ всѣхъ конституцій, которыя были писаны и предлагаемы, или о которыхъ было говорено, ни одна не была докончена. Иная только до половины доведена, другая въ отрывкахъ состояла. Полнаго ничего не было и общимъ согласіемъ ни одна еще принята не была: такъ что общество по справедливости не можетъ сказать, какую конституцію оно бы имѣло въ виду и въ желаніи рѣшительномъ.

Конституція Никиты Муравьева большей части членовъ весьма не нравилась, потому что два главныя оной основанія совершенно пагубными казались. У него предполагался федеративный образъ правленія, какъ въ соединенныхъ областяхъ Америки. Это походило на древнюю удѣльную систему и потому пагубнымъ казалось. Второе основаніе состояло въ томъ, что права на должности въ правленіи и на участіе въ дѣлахъ общихъ и государственныхъ основаны были на богатствѣ, такъ что для исполненія должностей даже въ уѣздныхъ правительствахъ нужно было богатство, а для высшихъ должностей все болѣе и болѣе. Сія ужасная аристократія богатствъ заставляли многихъ, и въ томъ числѣ и меня, противу его конституціи сильно спорить. При семъ умѣстнымъ будетъ сказать, что при сужденіяхъ и разговорахъ о конституціяхъ и предполагаемомъ общемъ порядкѣ вещей весьма часто говорено было, что ежели самъ государь подаритъ отечеству твердыми законами и положительно-постояннымъ порядкомъ дѣль, то мы тогда вѣрнѣйшіе его будемъ приверженцы и оберегатели: ибо намъ дѣло только до того, чтобы Россія пользовалась благоденствіемъ, откуда бы оно не происходило.

Что касается лично до меня, то я особенную имѣлъ склонность къ политическимъ наукамъ и много ими занимался. Изучился я онымъ въ Пажескомъ корпусѣ, до вступленія въ который нигдѣ онымъ не обучался. Я упражнялся много во всемъ томъ, что сихъ

предметовъ касается, какъ въ отношеніи администраціи или правленія, такъ и въ отношеніи конституцій. Мой образъ жизни, удаленной отъ большого совѣта, способствовалъ много къ тому, что я въ сіи предметы и познанія углублялся во времена и часы, свободные отъ службы. Такимъ образомъ, чрезъ протеченіе времени составила въ моихъ понятіяхъ общая полная мысль о государственномъ образованіи и устройствѣ, которая вмѣщала въ себѣ, какъ всѣ отрасли правленія въ главныхъ ихъ свойствахъ и отличительномъ значеніи, такъ равно и всѣ степени правительства, отъ низшихъ до высшихъ; при чемъ родилась во мнѣ увѣренность, что всѣ отрасли правленія, все устройство народа и всѣ степени правительства, исключая верховной власти, могутъ въ извѣстномъ какомъ-нибудь государствѣ быть учреждены одинаковымъ образомъ, хотъ Верховная Власть будетъ заключаться въ самодержавномъ монархѣ, хотъ въ конституціонномъ государствѣ, хотъ въ избирательномъ или республиканскомъ сословіи. Посему большая часть того, что я когда либо писалъ о предметахъ политики, касалась прочихъ предметовъ болѣе, чѣмъ Верховной Власти, постигая сполна и весьма твердо, что устройство ея зависитъ отъ обстоятельствъ болѣе, нежели отъ плановъ и проектовъ, между тѣмъ какъ на остальные предметы добрые планы могутъ имѣть хорошее дѣйствіе и вліяніе даже безъ превращенія (революціи); посему большая часть моихъ записокъ такимъ образомъ составлена была, что можно ихъ было даже правительству показать. Но изъ всѣхъ моихъ записокъ не было еще составлено полного сочиненія, а были отрывки, кои по большей части всѣ уничтожены или сожжены. Цѣлаго я еще не сводилъ. Имѣлъ же намѣреніе, когда окончу сію работу, передать оную подъ названіемъ *Русской Правды* на судъ и мнѣніе общества, составивъ главу о Верховной Власти вдвойнѣ: одну для монархическаго, а другую для республиканскаго оной образованія, и написавъ сію главу такимъ образомъ, что любую изъ нихъ выбравъ, можно было ее въ общее сочиненіе включить.

Но сіи двѣ главы, одного предмета касающіяся, не были въ «Русской Правдѣ» даже еще и начаты. Нѣкоторыя мысли о нихъ были однако же начертаны на французскомъ языкѣ и монархическая подробнѣе республиканской. Все сіе для того здѣсь объясняю, чтобы представить полное, справедливое и откровенное понятіе о письменныхъ своихъ занятіяхъ по предметамъ политики (показанія 7 января 1826 года).

Въ чемъ именно заключались главныя черты конституцій, написанныхъ: а) Вами и Сергѣемъ Муравьевымъ, б) Новиковымъ и с) Никитою Муравьевымъ, поелику всѣ оныя, по словамъ вашимъ, не были одобрены обществомъ, и гдѣ теперь находятся, какъ означенная конституція ваша, которую многіе изъ членовъ у васъ видѣли, такъ и законы или правила, у васъ же хранившіяся? (что комитету совершенно извѣстно) равно и статутъ, написанный вами 1816 или въ 1817 годахъ для *союза спасенія*?

Статутъ первоначальнаго общества нашего въ 1816 или 1817 годахъ былъ не мною однимъ составленъ, но комиссіею, обще-

ствомъ назначенною изъ трехъ членовъ и секретаря. Члены были: князь Сергѣй Трубецкой, князь Илья Долгоруковъ и я, а секретарь— князь Шаховской. вмѣстѣ съ учрежденіемъ Союза Благоденствія и составленіемъ Зеленой Книги былъ первый статутъ уничтоженъ и я не сохранилъ экземпляра онаго.

Законы или правила Союза Благоденствія послѣ преобразованія онаго въ 1821 году не были написаны, а оставались только словесными. Тогда было положено ничего не имѣть въ обществѣ писаннаго и твердо было внушено отнюдь ничего не писать. Сіе было исполнено въ отношеніи къ правиламъ объ образованіи союза; а посему и не сохранилъ я ничего, о семъ писаннаго.

Изъ бумагъ моихъ о предметахъ политики я большую часть самъ сжегъ. Оставалось малое число оныхъ, между коими и начатое мною предположеніе о государственномъ образованіи. Сіи послѣднія бумаги отдалъ я въ концѣ ноября Крокову 2-му, запечатанная съ тѣмъ, чтобы спрятать оныя гдѣ-нибудь въ Тульчинѣ, а въ случаѣ опасности оныя предать огню. Что же онъ съ оными сдѣлалъ, я не знаю, но полагаю, что ихъ истребилъ.

Отличительная черта конституціи Новикова заключалась въ томъ, что она была республиканская и Верховная Власть въ оной находилась въ особомъ сословіи, коего предсѣдатель имѣлъ два голоса, а прочіе члены только по одному. Прочіе предметы опредѣлялись, какъ и во всѣхъ почти республиканскихъ конституціяхъ. Много было сходства съ Американскою.

Конституція Никиты Муравьева не была еще dokonчена, но четыре замѣчательнѣйшія черты оной были слѣдующія: 1) У него предполагался федеративный образъ правленія, какъ въ соединенныхъ областяхъ Сѣверной Америки. Это подходило на древнюю удѣльную систему. На сей конецъ раздѣлялась у него Россія на 13 или 14 большихъ округовъ, которые назывались *державами*. Въ главномъ городѣ каждой державы были учреждены главныя мѣстныя правительства надъ державою. Сіи правительства такую большую власть имѣли, что даже законы могли дѣлать для своей державы. Верховной Власти посему почти ничего не оставалось. 2) Второе основаніе состояло въ томъ, что права на занятіе должностей по государственной службѣ и на участіе въ дѣлахъ общихъ и государственныхъ посредствомъ представительнаго порядка основаны были оба на богатствѣ, такъ что для исполненія должностей даже въ уѣздныхъ правительствахъ нужно было богатство и для высшихъ должностей болѣе и болѣе. 3) Всѣ различныя сословія сливались въ одно общее сословіе гражданское. 4) Министерствъ у него было только четыре: иностранныхъ дѣлъ, военныхъ, морскихъ силъ и финансовъ. Прочія отрасли правленія не доходили до Верховной Власти и Верховнаго Правительства, но имѣли свои окончательныя инстанціи въ державлахъ.

Онъ доставилъ ко мнѣ часть сей конституціи, извѣщая, что пишетъ оную въ монархическомъ смыслѣ не потому, чтобы онъ монархическаго правленія держался болѣе, чѣмъ республиканскаго,

ибо онъ былъ въ 1820 году одинъ изъ тѣхъ членовъ, которые наиболѣе въ пользу сего послѣдняго говорили, но для того, чтобы сблизиться съ понятіями вновь вступающихъ въ общество членовъ. Сія конституція Никиты Муравьева многимъ членамъ общества весьма не нравилась по причинѣ федеративной его системы и ужасной аристократіи богатствъ, которая оною созидалась въ обширнѣйшемъ видѣ.

Мое предположеніе о государственномъ образованіи состояло большею частью въ однихъ еще только отрывкахъ. Цѣлаго я еще не сводилъ. Намѣревался же я мое сочиненіе представить по окончаніи онаго на судъ общества. Оно долженствовало состоять изъ десяти главъ:

Первая глава разсуждала о границахъ государства и о раздѣленіи земельного пространства онаго на области, областей на округа или губерніи, округовъ на уѣзды, уѣзды на волости и опредѣляла значеніе и составъ волостей.

Вторая глава разсуждала о жителяхъ Россіи, раздѣляя оныя на коренной народъ русскій и на племена подвластныя и присоединенныя, и указывая на средства, коими можно слить всѣ сіи различные оттѣнки въ одинъ общій составъ такимъ образомъ, чтобы всѣ жители Россіи чрезъ нѣкоторое время составляли истинно только одинъ народъ.

Третья глава разсуждала о всѣхъ различныхъ сословіяхъ, въ государствѣ обрѣтающихся, указывая на права, преимущества и недостатки каждаго изъ оныхъ и представляя мѣры и дѣйствія, которыя бы надлежало въ каждомъ изъ оныхъ предпринять, дабы слить всѣ сословія въ одно общее сословіе гражданское.

Глава четвертая разсуждала о политическомъ или общественномъ состояніи народа, о правахъ гражданства, о равенствѣ всѣхъ передъ закономъ, и объ образѣ, коимъ устраивался представительный порядокъ въ избирательныхъ собраніяхъ.

Глава пятая разсуждала о гражданскомъ или частномъ состояніи народа, т. е. о главнѣйшихъ правилахъ и постановленіяхъ, такъ называемаго, гражданского частнаго права въ отношеніи лицъ, имуществъ и взаимныхъ между гражданъ сношеній.

Глава шестая долженствовала разсуждать о Верховной Власти и быть написана вдвойнѣ: одна въ монархическомъ, а другая въ республиканскомъ смыслѣ; любую можно было бы избрать и въ общее сочиненіе включить.

Глава седьмая долженствовала разсуждать объ образованіи правительственныхъ мѣстъ и начальствъ въ волостяхъ, уѣздахъ, округахъ и областяхъ, а равно и представить общее учрежденіе министерствъ, доказывая, что оныхъ должно быть десять, не болѣе и не менѣе.

Глава осьмая долженствовала разсуждать о частяхъ правленія, устраивающихъ государственную безопасность, какъ внѣшнюю, такъ и внутреннюю, т. е. объ юстиціи, полиціи, внѣшнихъ сношеніяхъ, военныхъ силахъ и морскихъ силахъ; говоря при томъ особенно о

каждой изъ главныхъ отраслей каждой изъ сихъ частей правленія.

Глава девятая долженствовала разсуждать о частяхъ правленія, завѣдывающихъ общественнымъ благосостояніемъ, т. е. о финансахъ, народномъ хозяйствѣ или внутреннихъ дѣлахъ, просвѣщеніи и учебной системѣ, духовныхъ дѣлахъ и общемъ дѣлосводѣ, говоря подобнымъ же образомъ особенно о каждой изъ главныхъ отраслей каждой изъ сихъ частей правленія.

Глава десятая, наконецъ, долженствовала содержать родъ наказа для составленія общаго государственнаго свода законовъ или уложенія и представить главнѣйшія правила или такъ сказать оглавление (*sommaire*) сего полнаго и общаго государственнаго уложенія.

Первая, вторая и большая часть третьей главы были кончены; четвертая и пятая были на черно написаны; а послѣднія пять состояли въ разныхъ отрывкахъ. Статью о финансахъ и народномъ хозяйствѣ долженствовалъ написать Сергѣй Муравьевъ (показанія 13-го января, п. 29).

Съ общаго ли согласія южныхъ и сѣверныхъ членовъ, когда и гдѣ былъ написанъ и выпущенъ *Катихизисъ* тайнаго общества, ложно и преступно доказывающей, что существованіе царей въ государствахъ противно Богу и естественному закону. Кто составлялъ сей Катихизисъ, и имѣете ли вы списокъ съ онаго?

Политическій катихизисъ былъ составляемъ Никитою Муравьевымъ по собственному его преднамѣренію и, сколько мнѣ извѣстно, безъ предварительнаго сношенія о томъ съ другими членами. Сей катихизисъ, когда я его видѣлъ, не былъ еще конченъ. Прѣзжая Тульчинъ съ Лунинымъ въ 1820-мъ году, Муравьевъ читалъ намъ отрывки онаго. Списка съ онаго не имѣлъ и не имѣю (тоже, п. 30).

Намѣревалось ли Южное общество при начатіи открытыхъ дѣйствій его выпустить двѣ прокламаціи: одну къ народу, а другую къ войскамъ, и какого содержанія?

Составленіе сихъ двухъ прокламацій входило во второе предположеніе, въ 3 пунктѣ объявленное (см. ниже стр. 215—216). Онѣ написаны не были и члены, то предположеніе сдѣлавшіе, говорили о нихъ только то, что надо двѣ прокламаціи выпустить въ духѣ намѣреній общества. О содержаніи оныхъ сказано и толковано не было (тоже, п. 31).

У. Замыслы общества. Республика.

Общимъ замѣчаніемъ насчетъ духа и разума Союза Благоденствія слѣдующее представляю.

Всѣ члены Союза Благоденствія единодушно согласны были въ намѣреніи содѣйствовать ко введенію въ Россію новаго порядка вещей и въ томъ, что сіе иначе произведено быть бы не могло, какъ чрезъ количественное усиленіе членовъ общества и распростране-

ніе тѣмъ самымъ Союза Благоденствія по елико возможно большимъ мѣстамъ; но по всѣмъ прочимъ предметамъ и статьямъ не было общей мысли и единства въ намѣреніяхъ и видахъ. Сіе разногласіе относится преимущественно до средствъ, коими произвести перемѣну въ Россіи, и до порядка вещей и образа Правленія, коими бы замѣнить существовавшее правительство.

Въ сихъ двухъ отношеніяхъ ничего не было обществомъ окончательнаго и рѣшительнаго положено. Происходили одни только разговоры и пренія безъ заключенія; такъ что сказать можно, что сіи два предмета въ обществѣ *еще не созрѣли* совершенно, хотя и много о томъ толковано было и много сдѣлано плановъ и проектовъ. Кончалось обыкновенно тѣмъ, что надо напередъ усилить общество, а потомъ уже соображаться для дѣйствія съ обстоятельствами и будущимъ положеніемъ дѣлъ союза. Изъ сего должно произойти большое разнообразіе въ показаніяхъ о семъ предметѣ членовъ союза, смотря на то, о какихъ мнѣніяхъ они слыхали или какихъ мнѣній они держались сами.

Еще замѣтить долгомъ считаю, что многимъ членамъ изъ тѣхъ, которые въ послѣднія времена были принимаемы, объявлено было, что планы дѣйствія и будущаго предполагаемаго образованія государства есть дѣло вышнихъ инстанцій союза, въ семъ отношеніи все уже сдѣлавшихъ. Сіе было имъ сказано для того, чтобы вселить въ нихъ болѣе довѣренности къ обществу и устранить умноженіе случаевъ къ преніямъ, вводящимъ разногласіе и холодность между членами. Часто одни и тѣ же члены мнѣнія свои перемѣняли или пополняли. Да и вообще едва ли найдется кто-либо изъ насъ, который съ самаго начала все одно мнѣніе бы имѣлъ.

— Насчетъ времени и образа приведенія въ исполненіе намѣреній тайнаго общества, много было различныхъ мнѣній и толковъ. Долгомъ считаю откровенно объяснить, какое мнѣніе было мое или коего я держался.

Во-первыхъ, надлежало рѣшить въ подробности, какой новый образъ правленія общество желаетъ ввести. Я всегда объяснялъ, что ежели сіе не будетъ твердымъ образомъ постановлено и соглашено, то легко родиться могутъ партіи и разныя козни. Сего, однако-же, до сихъ поръ постановлено въ обществѣ не было.

Во-вторыхъ, надлежало обществу усилить число своихъ членовъ до таковаго количества, чтобы можно было посредствомъ членовъ ввести образъ мыслей союза въ общее мнѣніе и намѣренія союза передать, какъ можно болѣе въ общее желаніе, дабы общее мнѣніе предшествовало революціи; а вмѣстѣ съ тѣмъ дабы членовъ союза такъ по всему государству распространить, чтобы чрезъ нихъ можно было не только повсюду пресѣчь всякое сопротивленіе, но даже вездѣ устроить содѣйствіе. Общество еще далеко было отъ такового положенія своихъ дѣлъ, ибо еще было весьма слабо.

Въ третьихъ, наконецъ, приступая къ самому превращенію надлежало произвести оное въ Петербургѣ, яко средоточіи всѣхъ правленій и властей, а наше дѣло въ арміи и въ губерніяхъ было бы

признаніе, поддержаніе и содѣйствіе Петербургу. Въ Петербургѣ же произойти бы оное могло такъ, какъ 4-го сего января объяснялъ, чрезъ Сенатъ.

Вотъ ходъ революціи, такъ какъ я ее понималъ, говоря всегда, что лучше не торопиться, но дѣло сдѣлать дѣломъ, не оставаясь въ бездѣйствіи и не сѣтуя, ежели удобные случаи пройдутъ безъ употребленія: главное дѣло, чтобъ не было партій и козней, которыя бы все могли испортить, и которыя при слабости союза были бы неизбѣжны. Сей планъ требовалъ еще много времени и потому соединялся съ онымъ предположеніемъ, что удобно будетъ начать революцію послѣ кончины покойнаго государя, коего смерти никто такъ скоро не ожидалъ. Впрочемъ, время начатія долженствовало опредѣлиться преимущественно обстоятельствами и силою общества. Я съ симъ мнѣніемъ всегда былъ согласенъ и о немъ всегда говорилъ. Что же касается до другихъ предположеній, то они никогда не происходили отъ меня, и я даже противу нихъ спорилъ, а ежели когда и не возставалъ сильно, то единственно, дабы споры не увеличивать, коихъ и безъ того было много, считая, что они сами собою упадутъ и отвергнутся, какъ то не разъ и бывало (показанія 7-го января 1826 г.).

Въ чемъ именно заключались всѣ различныя и въ разныя времена предположенныя цѣли, или намѣренія, и мѣры къ исполненію ихъ со стороны сѣвернаго и южнаго общества, и когда, въ какихъ мѣстахъ полагалось начать открытыя дѣйствія?

Съ самаго начала говорено было о желаніи даровать свободу крѣпостнымъ крестьянамъ и для того пригласить большую часть дворянства къ подаванію о томъ просьбы Государю Императору. О семъ было неоднократно и въ послѣдствіи повторяемо, но первоначальная мысль о семъ была кратковременна: ибо скоро получили мы убѣжденіе, что нельзя будетъ къ тому дворянство склонить. Въ послѣдствіи времени были мы еще болѣе въ томъ убѣждены, когда малороссійское дворянство совершенно отвергнуло похожее на то предложеніе своего военнаго губернатора. вмѣстѣ съ учрежденіемъ Общества Сыновъ Отечества появились мысли конституціонныя, но весьма неопредѣлительныя, однако же болѣе склонныя къ монархическому правленію. Сужденія и разговоры о семъ продолжались весь 1817, 1818 и 1819 годы.

Первую мысль о республиканскомъ правленіи подалъ проектъ конституціи Новикова. Наконецъ, въ началѣ 1820 года было назначено здѣсь въ Петербургѣ собраніе коренной думы Союза Благоденствія. Такъ называлось собраніе всѣхъ наличныхъ въ Петербургѣ коренныхъ членовъ Союза. Сія коренная дума, по правиламъ Зеленой Книги, имѣла законодательную власть Союза. Коренными членами назывались тѣ члены, которые присутствовали при учрежденіи Союза Благоденствія и первоначально въ оный вступили. Предсѣдателемъ союза былъ тогда графъ Толстой, а блюстителемъ князь Долгоруковъ. Присутствовали въ то время въ коренной думѣ, сверхъ предсѣдателя и блюстителя, еще Тургеневъ, Лунинъ, Глинка,

Иванъ Шиповъ, Сергѣй, Матвѣй и Никита Муравьевы и я, да еще нѣкоторые другіе, о коихъ не упомяну.

Князь Долгоруковъ, по открытіи засѣданія, которое происходило на квартирѣ у полковника Глинки, предложилъ думѣ просить меня изложить всѣ выгоды и всѣ невыгоды, какъ монархическаго, такъ и республиканскаго правленія съ тѣмъ, чтобы потомъ каждый членъ объявлялъ свои сужденія и свои мнѣнія. Сіе такъ и было сдѣлано. Наконецъ, послѣ долгихъ разговоровъ было преніе заключено и объявлено, что голоса собираться будутъ такимъ образомъ, чтобы каждый членъ говорилъ, чего онъ желаетъ: монарха или президента; а подробности будутъ со временемъ опредѣлены. Каждый при семъ объявлялъ причины своего выбора, а когда дѣло дошло до Тургенева, тогда онъ сказалъ по французски: *Le président sans phrases*; то есть: *Президентъ безъ дальнихъ толковъ*. Въ заключение приняли всѣ единогласно республиканское правленіе. Во время преній одинъ Глинка говорилъ въ пользу монархическаго правленія, предлагая императрицу Елизавету Алексѣевну. Сіе заключение коренной думы было сообщено всѣмъ частнымъ думамъ, а въ томъ числѣ и Тульчинской. Съ сего времени республиканскія мысли начали брать верхъ надъ монархическими.

Такимъ образомъ, и послѣ объявленія въ началѣ 1821 года въ Москвѣ объ уничтоженіи Союза Благоденствія продолжало республиканское правленіе быть цѣлью тѣхъ частей Союза Благоденствія, которыя сказанное уничтоженіе не признали. Но такъ какъ вообще въ Союзѣ съ самаго его начала до самаго конца ни одно правило не было постояннымъ образомъ въ дѣйствіи и ни одна мысль не была постояннымъ образомъ въ памяти членовъ, и весьма часто то, что сегодня было рѣшено, завтра опять поступало на сужденіе и споръ, то и нельзя никакъ удостоверительно сказать, какой образъ правленія Союзъ въ самомъ дѣлѣ, наконецъ, бы избралъ. Сіе болѣе бы всего зависѣло отъ обстоятельствъ; и вотъ причина, почему имѣлъ я намѣреніе написать главу о Верховной Власти вдвойнѣ: одну монархическую, а другую республиканскую, и почему я въ одномъ изъ прежнихъ моихъ показаній (см. выше стр. 211) говорилъ, что сей предметъ въ Союзѣ еще *не созрѣлъ* и что показанія по оному членовъ должны быть весьма разногласны, особенно, что касается объяснительныхъ статей и подробностей.

При семъ умѣстнымъ будетъ сказать, что при сужденіяхъ и разговорахъ о конституціяхъ и предполагаемомъ общемъ порядкѣ вещей весьма часто говорено было, что ежели самъ государь подарить отечество твердыми законами и постояннымъ порядкомъ дѣлѣ, то мы будемъ его вѣрнѣйшими приверженцами и оберегателями: ибо намъ дѣло только до того, чтобы Россія пользовалась благоденствіемъ, откуда бы оное ни произошло, и въ таковомъ случаѣ готовы совершенно забыть о республиканскихъ мысляхъ.

Насчетъ времени и образа приведенія въ исполненіе намѣреній тайнаго общества много было различныхъ мнѣній и толковъ. Главнѣйшее мнѣніе состояло въ слѣдующемъ: Во первыхъ, надлежало

рѣшить въ подробности, какой новый образъ правленія общество желаетъ, ибо ежели не будетъ сіе твердымъ образомъ постановлено, то легко родиться могутъ партіи и разныя козни: сего однако же до сихъ поръ сдѣлано въ обществѣ не было. Во вторыхъ, надлежало обществу усилить число своихъ членовъ до такого количества, чтобы можно было посредствомъ членовъ ввести образъ мыслей Союза въ общее мнѣніе и намѣренія Союза, какъ можно болѣе, передать въ общее желаніе, дабы общее мнѣніе революціи предшествовало; а вмѣстѣ съ тѣмъ, дабы членовъ Союза такъ по всему государству распространить, чтобы чрезъ нихъ можно было не только повсюду пресѣчь всякое сопротивленіе, но даже вездѣ устроить содѣйствіе, когда бы революція началась. Общество еще далеко было отъ такого положенія своихъ дѣлъ, ибо еще было весьма слабо. Въ третьихъ, наконецъ, приступая въ самой революціи, надлежало произвести оную въ Петербургѣ, яко средоточіи всѣхъ властей и правленій, а наше дѣло въ арміи и губерніяхъ было бы признаніе, поддержаніе и содѣйствіе Петербургу. Въ Петербургѣ же могло бы оное произойти возстаніемъ гвардіи, а также и флота, отправленіемъ особъ императорской фамиліи въ чужіе края, исключая покойнаго государя, созваніемъ сената, дабы чрезъ него обнародовать новый порядокъ вещей, порученіемъ временному правленію оный ввести, или созваніемъ чрезъ сенатъ же народныхъ депутатовъ утвердить конституцію. Ежели же бы монархическое правленіе было выбрано, то временное правленіе составляло бы регентство, а Александръ Николаевичъ былъ бы признанъ императоромъ.

Изъ объясненія сего плана видно, что оный требовалъ еще много времени; и потому соединилось съ онымъ предположеніе, что удобно будетъ революцію начать послѣ естественной кончины государя императора Александра Павловича, но его смерти никто такъ скоро не ожидалъ. Впрочемъ, время начатія долженствовало опредѣлиться преимущественно обстоятельствами и силою общества, въ каковомъ случаѣ и насильственная смерть покойнаго государя могла оказаться надобною; но сіе только въ крайнемъ случаѣ, ибо охотнѣе дождались бы собственной его смерти, развѣ опасности общества при силѣ онаго и обстоятельства не позволили бы медлить. Вотъ образъ дѣйствія, о которомъ болѣе всего говорено было и съ которымъ всѣ члены общества какъ въ южномъ, такъ и въ сѣверномъ округѣ были согласны. Ежели о чемъ еще спорили, то единственно объ образѣ введенія новаго порядка: чрезъ временное ли правленіе, чрезъ соборъ ли депутатовъ, и тому подобное; но всѣ говорили, что революція не можетъ начаться при жизни государя императора Александра Павловича и что надобно или смерть его обождать, или рѣшиться оную ускорить, коль скоро сила и обстоятельства общества того требуютъ будутъ. Въ семъ точно поистинѣ были всѣ согласны.

Но справедливость требуетъ также и то сказать, что ни одинъ членъ изъ всѣхъ теперешнихъ мнѣ извѣстныхъ не вызывался сіе

исполнить; а напротивъ того, каждый въ свое время говорилъ, что хотя сіе дѣйствіе, можетъ статься, и будетъ необходимо, но что найдется другой для сего. Да и подлинно большая разница между понятіемъ о необходимости поступка и рѣшимостью оной совершить. Разсудокъ можетъ говорить, что для успѣха такого-то предприятия, нужна смерть такая-то; но еще весьма далеко отъ сего умозаключенія до самаго покушенія на жизнь: человѣкъ не скоро доходитъ до такового состоянія или расположенія духа, чтобы на смертоубійство рѣшиться; во всемъ соблюдается въ природѣ постепенность.—Дабы способнымъ сдѣлаться на смертоубійство, тому должны предшествовать не мнѣнія, но *дѣянія*, изъ всѣхъ же членовъ теперешняго Союза Благоденствія ни одинъ, сколько мнѣ извѣстно, ни въ какихъ отношеніяхъ не оказывалъ злыхъ качествъ и злостныхъ поступковъ или пороковъ. Посему и твердо полагаю я, что ежели бы государь императоръ Александръ Павловичъ жилъ еще долго, то при всѣхъ успѣхахъ Союза, революція не началась бы прежде естественной его смерти, которую бы никто не ускоришь, несмотря на то, что всѣ бы находили сіе ускореніе, можетъ быть, полезнымъ для успѣха общества. Сію мысль объясняю я при полной увѣренности въ совершенной ея справедливости.

Другое предположеніе было слѣдующее: начать революцію во время ожидаемаго высочайшаго смотра войскъ 3 корпуса, въ 1826 году. Первое дѣйствіе долженствовало состоять въ насильственной смерти государя императора Александра Павловича. Потомъ изданіе двухъ прокламацій: одну войску, другую народу. Затѣмъ слѣдованіе 3-го корпуса на Кіевъ и Москву съ надеждою, что къ нему присоединятся прочія, на пути его расположенныя, войска безъ предварительныхъ даже съ ними сношеній, полагаясь на общій духъ неудовольствія. Въ Москвѣ требовать отъ сената преобразованія государства. Между всѣми сими дѣйствіями 3 корпуса надлежало всѣмъ остальнымъ членамъ Союза содѣйствовать революціи. Остальной части южнаго округа занять Кіевъ и въ ономъ оставаться. Сѣверному округу поднять гвардію и флотъ, препроводить въ чужіе края всѣхъ особъ императорской фамиліи и то же сдѣлать требованіе сенату, какъ и 3 корпусъ. Потомъ ожидать отъ обстоятельствъ, что окажется нужнымъ къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ. 3-й корпусъ не требовалъ отъ остальной части южнаго округа никакого содѣйствія въ первоначальномъ дѣйствіи, но чтобы потомъ одинаковыя съ нимъ объявить чувства и намѣренія и завладѣть войскомъ.

Соображая сіе предположеніе съ силою южнаго округа, о коей подробно будетъ объяснено въ 19 пунктѣ, ясно видѣть можно, что сіе предположеніе никакъ не могло быть приведено въ исполненіе, ибо ни въ какомъ отношеніи не обѣщало ни малѣйшаго успѣха. Оно доказывало нѣкоторую нетерпимость, которая при сближеніи времени къ исполненію назначеннаго необходимо уступила бы разсудку.

Сіе предложеніе было еще сдѣлано въ 3 корпусѣ въ 1824 году.

Я, Юшневскій, Давыдовъ, князь Волконскій и князь Барятинской сильно тогда спорили противу онаго во время Киевскихъ контрактовъ 1825 года и совершенно оное тогда опровергнули. Во второй половинѣ 1825 года было оно опять возобновлено. А дабы лучше убѣдить въ невозможности оное исполнить уже и потому, что сѣверный округъ не будетъ въ состояніи дѣйствовать такимъ образомъ, какъ сіе предположеніе отъ него ожидало, далъ я совѣтъ прежде всего обождать вѣрныхъ свѣдѣній о Петербургѣ. Князь Трубецкой ѣхалъ изъ Кіева въ Петербургъ и долженствовалъ привезти сии свѣдѣнія; но прежде полученія таковыхъ былъ Союзъ открытъ.

Я повторяю, что сіе предположеніе слишкомъ было неосновательно, чтобы не уступить разсудку и не быть совершенно оставленнымъ при сближеніи времени къ его исполненію назначеннаго. Чѣмъ таковое время далѣе отстоитъ, тѣмъ все кажется возможнымъ, а чѣмъ оное ближе становится, тѣмъ явственнѣе усматривается невозможность. Я тѣмъ болѣе, съ своей стороны, былъ въ томъ увѣренъ, что имѣли мы уже подобный опытъ въ 1823 году, въ которомъ та же управа 3 корпуса вдругъ вздумала такимъ же образомъ дѣйствіе начать въ Бобруйскѣ, гдѣ 9 дивизія была на работѣ; и къ намъ написали, чтобы нѣсколько членовъ поспѣшно туда прибыли, не говоря для чего. Никто, однако же, не ѣздилъ и потомъ, обдумавъ положительнѣе дѣло, оставили они сами сіе намѣреніе безъ всякаго исполненія. Тоже бы случилось и въ семь разѣ. Къ тому же сдѣланное выше замѣчаніе насчетъ покушенія на жизнь Государя Императора Александра Павловича отнесено быть можетъ также и къ сему предположенію.

Вообще замѣтить можно, что два главные существовали оттѣнка во всѣхъ предположеніяхъ. По первому располагалось начальное дѣйствіе въ Петербургѣ, а отъ арміи и губерніи ожидалось содѣйствіе. По второму располагалось начальное дѣйствіе въ арміи, гдѣ-нибудь, а отъ Петербурга ожидалось содѣйствіе. Что же касается до подробностей, то по онымъ сии два главныя предположенія раздѣлялись на весьма большое количество: ибо весьма часто о томъ говорили, и каждый разъ что-нибудь прибавляли, убавляли, однимъ словомъ, иное толковали. И хотя съ первымъ вышеобъясненнымъ предположеніемъ и были всѣ члены согласны, но согласіе состояло въ главныхъ только чертахъ, какъ я уже объяснилъ. А точнаго, подробнаго, положительнаго, полнаго и неукоснительнаго предположенія общество до самаго конца еще не сѣоставило. Сіе уже доказывается и тѣмъ, что второе предположеніе могло возникнуть (показанія 13 января. п. 3).

Съ котораго времени южное общество предпріяло намѣреніе ввести въ государство республиканское правленіе и достигнуть сего посредствомъ революціи? Кто первый предложилъ мысль сію и кто наиболѣе стремился къ ея исполненію? Тогда ли, или уже впослѣдствіи общество сіе предположило истребить безъ остатка всѣхъ священныхъ особъ августѣйшей царствующей фамиліи?

Изъ отвѣта на третій вопросъ (предыдущій) видно, какимъ образомъ республиканскія мысли дошли до южнаго края. Революціонныя же мысли существовали въ тайномъ обществѣ прежде еще учрежденія онаго на югѣ и въ нихъ-то состояло главное средство, обществомъ предполагаемое для достиженія своей цѣли. Сіи мысли всѣ члены безъ всякаго изъятія въ равной степени раздѣляли, ибо въ нихъ-то и состояла сущность Тайнаго Общества. Что же касается до истребленія всѣхъ священныхъ особъ императорской фамиліи, то общество никогда сего не предполагало: во-первыхъ, потому, что, какъ я уже объяснялъ выше, оно до самаго конца еще не утвердило рѣшительнымъ образомъ своего плана дѣйствія. Во-вторыхъ, потому, что, по плану дѣйствія, который наиболѣе ходу имѣлъ, и который мною объясненъ первымъ предположеніемъ въ отвѣтѣ на 3 пунктъ (предыдущій), надлежало всю императорскую фамилію перевезти въ чужіе края. Въ-третьихъ, потому, что южный округъ твердо намѣренъ былъ не дѣйствовать иначе, какъ вмѣстѣ съ сѣвернымъ округомъ, слѣдовательно, и долженъ былъ съ нимъ въ дѣйствиіи совѣщаніемъ согласиться. Въ-четвертыхъ, наконецъ, потому, что южный округъ, по причинѣ мѣстъ его пребыванія, даже и не могъ бы сіе исполнить, ибо отъ императорской фамиліи слишкомъ былъ удаленъ.

Въ разговорахъ о трудностяхъ предпріятія и о средствахъ сіи затрудненія уменьшить весьма легко могло быть говорено и о томъ, что ежели бы существовалъ одинъ государь и не было бы великихъ князей, то успѣхъ менѣе бы встрѣчалъ препонъ; но разговоры въ обществѣ чрезъ девять лѣтъ такъ было много, что никакъ нельзя всего того исчислить, что когда-либо говорено быть могло, а тѣмъ менѣе можно все то принять за намѣреніе общества, что когда-либо говорено было. Вѣрно то, что смерть великихъ князей никогда не входила въ планъ общества; ибо, кромѣ естественнаго отвращенія отъ таковаго поступка, присоединиться должно было и то соображеніе, что такое кровопролитіе поставитъ общее мнѣніе противъ революціи, а тѣмъ самымъ отниметъ у нея главнѣйшую podporу, и случай породитъ ко многимъ партіямъ и кознямъ. Увѣрялись еще притомъ, что гвардія вовсе не предана къ великимъ князьямъ, и что они посему не составляютъ своими особами сильнаго сопротивленія и препятствія исполненію и преуспѣванію революціи, и что коль скоро они оставятъ Россію, то и скоро забудутъ о нихъ при большемъ числѣ новыхъ предметовъ, коими всѣ умы заняты будутъ, и при улучшеніи положенія и состоянія какъ гражданъ, такъ и войска. Внѣшней же войны не опасались, во-первыхъ, потому что 1812 г. отнялъ навѣрно у всѣхъ охоту въ Россію входить, а во-вторыхъ, потому что при открытіи революціи въ Россіи, чужестранные кабинеты слишкомъ бы опасались собственныхъ своихъ земель, гдѣ умы еще болѣе къ переворотамъ склонны, дабы о чемъ-нибудь помышлять иномъ, какъ о предупрежденіи революціи у себя самихъ. Что же касается въ особенности до особъ женскаго пола императорской фамиліи, то на сей счетъ

ни малѣйшаго не было сомнѣнія. Предполагалось имъ отбыть въ чужіе края и тамъ пребывать подобно великимъ князьямъ Маріи Павловнѣ и Аннѣ Павловнѣ (показанія 13 января, п. 24).

Знали ли вы о намѣреніи тайнаго общества покуситься на жизнь блаженной памяти Государя Императора въ бытность Его Величества въ Москвѣ въ 1817 году, и о избранномъ къ совершенію сего злодѣяства Якушкинѣ?

Въ 1817-мъ году въ бытность мою въ Петербургѣ получилъ князь Трубецкой изъ Москвы письмо отъ одного изъ членовъ, въ которомъ извѣщались члены въ Петербургѣ бывшіе, что члены въ Москвѣ находящіеся, рѣшили дѣйствіе начать и потому требуютъ нашего согласія и нашего прибытія въ Москву. Князь Трубецкой въ тотъ же день испросилъ себѣ отпускъ въ Москву съ тѣмъ, чтобы туда отправиться и тамошнимъ членамъ сказать, что мы не соглашаемся на ихъ предложеніе, и ихъ удержать отъ исполненія онаго. Но между тѣмъ они сами уже сіе намѣреніе бросили. Оное возникло между ими по случаю извѣстій, ими полученныхъ о тѣхъ ужасахъ, которые якобы происходили въ Новгородской губерніи при введеніи военныхъ поселеній ¹⁾). Жребій назначилъ Якушкина. Скорое оставленіе сего намѣренія доказываетъ, что оно произведено было минутнымъ остервененіемъ о слыханныхъ якобы ужасахъ и подтверждаетъ мое замѣчаніе, въ 3 пунктѣ сдѣланное, что отъ намѣренія до исполненія весьма далеко. Слово и дѣло не одно и тоже (показанія 13 января, п. 25).

Дополнительныя показанія 6 апрѣля 1826 г.

Въ 3-мъ пунктѣ отвѣтъ (см. выше, стр. 213) вы объясняете, что южное общество насчетъ введенія въ государствѣ преобразованія имѣло два предположенія: одно въ духѣ республиканскомъ, а другое монархическомъ, но оба не были еще рѣшительно приняты и оставались болѣе рзсужденіями членовъ, нежели опредѣленною цѣлю.

Сергѣй же и Матвѣй Муравьевы, князь Волконскій и Давыдовъ, утверждаютъ: а) что въ 1882 г. на контрактахъ въ Кіевѣ вы, согласивъ ихъ на продолженіе Тайнаго Общества и бывъ избраны (съ Юшневскимъ) директорами, тутъ же изъ изъясняли главныя черты составляемой вами Русской Правды, и б) что тамъ же въ 1823 году она была одобрена, и вы первые предложили ввести въ Россіи республиканское правленіе посредствомъ ре-

¹⁾ На счетъ заговора въ Москвѣ въ 1817 году противъ блаженной памяти Государя Императора, вы говорите, что поводомъ къ оному были извѣстія, полученныя тамъ о происходившемъ въ Новгородскихъ военныхъ поселеніяхъ, но князь Трубецкой, письмо коего служило предлогомъ къ помянутому заговору, и другіе показываютъ, что Московскимъ членамъ сообщено было ложное извѣстіе объ отдѣленіи Польскихъ губерній отъ Россіи и о свободѣ крестьянъ отъ крѣпости. Поясните: что дѣйствительно было поводомъ съ сему заговору?

Объ отдѣленіи Польскихъ губерній отъ Россіи не слыхалъ я никогда ни отъ кого.—Освобожденіе крестьянъ отъ крѣпости входило въ цѣль общества и слѣдовательно не могло, полагаю я, возбудить оное къ заговору. Мы же говорили члены бывшіе въ то время въ Москвѣ, и между прочимъ Никита Муравьевъ, что преступили къ составленію сказаннаго заговора по извѣстіямъ, полученнымъ о происходившемъ въ Новгородскихъ поселеніяхъ. Не бывъ самъ въ Москвѣ, говорю то, что слышавъ (показанія 6 апрѣля, п. 4).

волюціи, или вооруженною силою, о они на сіе согласились, и съ того времени таковой образъ правленія былъ уже господствующею и всѣмъ членамъ извѣстною цѣлю. Сіе послѣднее подтверждаютъ также: Бестужевъ-Рюминъ, князь Барятинскій, подполковникъ Поджіо и Янтальцовъ и штабсъ-капитанъ Поджіо, поясняя изъ нихъ трое послѣдніе и подпоручикъ Лихаревъ, что по собственнымъ словамъ вашимъ предположеніемъ о республикѣ въ Россіи вы постоянно занимались болѣе семи лѣтъ. Полковникъ же Тизенгаузенъ говоритъ, что онъ видѣлъ васъ въ лагерѣ 1824 г., гдѣ вы съ жаромъ объяснялись съ нимъ о новомъ образованіи въ государствѣ, которое надѣялись ввести въ слѣдующемъ году (1825 г.). Поясните: такъ ли сіе происходило?

Въ 3 пунктѣ отвѣтовъ моихъ (стр. 213) объяснялся я не насчетъ южнаго общества, но насчетъ всего общества вообще, какъ южнаго, такъ и сѣвернаго, а потому говорилъ, что существовали два предположенія. Я же сіи два округа не раздѣлялъ на два различныя общества, тѣмъ болѣе, что оба округа согласились не дѣйствовать иначе, какъ вмѣстѣ, и во всякомъ случаѣ одинъ другому содѣйствовать, и что я самъ всегда утверждалъ, что безъ сѣвернаго округа и полнаго взаимнаго согласія къ дѣйствию приступить нельзя. Южное общество продолжало существовать съ республиканскою цѣлю, которая въ 1820 году коренною думою была объявлена, а въ сѣверномъ явились опять монархическія предположенія; почему и объяснялъ я, что два предположенія въ обществѣ существовали. А такъ какъ я твердо намѣренъ былъ, съ своей стороны, не дѣйствовать безъ сѣвернаго общества, то и имѣлъ я полную причину говорить, что сіи два предположенія не были еще рѣшительно приняты, особенно имѣя въ виду, какъ часто члены перемѣняли свой образъ мыслей и свои мнѣнія, и какъ ничего не было положительнаго. О томъ же, что южное общество держалось всегда республиканскою цѣлю, имѣлъ я честь комитету доносить въ 19 пунктѣ прежнихъ отвѣтовъ (см. февральскую книгу, стр. 142), говоря, что оно продолжалось съ прежнею цѣлю и въ прежнемъ значеніи.

Когда въ 1821 году тульчинская дума объявила продолженіе союза съ республиканскою цѣлю, тогда видѣлся я съ княземъ Волконскимъ *прежде* контрактовъ 1822 года и, сказавъ ему о продолженіи союза, получилъ отъ него отвѣтъ, что онъ также остается членомъ; а въ скорости потомъ увѣдомилъ онъ, *прежде* контрактомъ 1822 года, что и Давыдовъ остается въ обществѣ. При семъ было сказано, что цѣль остается та же самая—республиканская. Совершенно то же самое было объявлено и Сергѣю Муравьеву, когда онъ къ южному округу присоединился въ 1822, а не въ 1823 году.

Посему и остается непостижимымъ для меня, какъ они могли все это забыть и говорить, что въ 1823 году я *первый* предложилъ республику; особенно, какъ можетъ сіе говорить Сергѣй Муравьевъ, который самъ присутствовалъ въ коренной думѣ въ Петербургѣ въ 1820 году, когда республика была принята за цѣль общества и сія цѣль продолжалась послѣ продолженія общества, а не вновь составлялось нѣчто новое, передъ тѣмъ не бывавшее. Какъ въ 1822, такъ и въ 1823 году было разсуждаемо о республиканскомъ правленіи, и я при томъ объяснялъ свои мысли и свой планъ консти-

туции; но все сіе не было тогда новое предположеніе, но разговоры о старомъ, давно уже въ Петербургѣ еще принятомъ и при возобновленіи общества продолженномъ. Название же Русской Правды далъ я моему плану конституціи въ 1824 году.

Безстужевъ могъ еще говорить, что отъ меня перваго слышалъ о республикѣ, хотя гораздо вѣроятнѣе, что первый ему говорилъ о томъ тотъ, который его въ общество принялъ, т. е. Сергѣй Муравьевъ; но что касается до Бярятинскаго, Ентальцова, Лихарева и обоихъ Поджіо, то они ничего не могутъ показывать, что происходило между нами въ контрактахъ 1823 года: ибо ни одинъ изъ нихъ съ нами тогда не былъ, а были только: я, Юшневскій, Волконскій, Давыдовъ, Муравьевъ и Бестужевъ. О политическихъ же моихъ занятіяхъ сознался я самъ передъ комитетомъ во всѣхъ прежнихъ моихъ показаніяхъ.

Что касается до свиданія моего съ полковникомъ Тизенгаузенномъ, то оно происходило слѣдующимъ образомъ. По приѣздѣ моемъ въ Бѣлоцерковъ, на возвратномъ пути изъ Петербурга видѣлся я въ Бѣлоцеркви съ Сергѣемъ Муравьевымъ, Бестужевымъ, Швейковскимъ и Тизенгаузенномъ. Въ первый вечеръ не было разговора съ Тизенгаузенномъ объ обществѣ. На другой день, отъѣзжая, обѣдали мы всѣ четверо у Швейковскаго. Прежде, нежели къ Швейковскому поѣхали, просили меня Бестужевъ и Муравьевъ въ разговорѣ съ Тизенгаузенномъ прилагать много жару и говорить о началѣ дѣйствія въ 1825 году; ибо они мнѣ сказывали, что Тизенгаузенъ непременно ожидаетъ начала дѣйствія въ 1825 году. А имъ для управленія Васильковскими членами необходимо, чтобы и я въ семь духъ горорилъ съ Тизенгаузенномъ: ибо по его характеру сіе имъ нужно. Посему и исполнилъ я сіе, согласно ихъ желанію (показанія 6 апрѣля, п. 12).

Въ 24 пунктѣ отвѣтовъ (см. выше, стр. 217—218), вы отрицаете, что покушенія на жизнь всѣхъ священннхъ особъ августѣйшей императорской фамилии никогда предполагаемо не было, что предметъ сей заключался въ однихъ разговорахъ о трудности введенія новаго порядка вещей и что даже въ случаѣ принятія обществомъ республиканскаго правленія предполагалось императорскую фамилію перевести въ чужіе края.

Но князь Волконскій, Давыдовъ, Сергѣй Муравьевъ и Бестужевъ-Рюминъ положительно говорятъ, что истребленіе всей императорской фамилии въ первые предложили на контрактахъ 1823 г. въ Кіевѣ, гдѣ Юшневскій, Давыдовъ и Волконскій согласились съ вами. Бестужевъ одобрялъ истребленіе одного государя, а Сергѣй Муравьевъ не допускалъ онаго ни противъ кого; но послѣ смотра войскъ въ томъ же году въ бытность вашу въ деревнѣ Каменкѣ, у Давыдова предложеніе сіе было возобновлено, всѣми присутствовавшими единодушно принято и осталось господствующею цѣлью, какъ и республиканское правленіе.

Дѣйствительность сего предположенія въ особенности подтверждаютъ Бестужевъ-Рюминъ, Янтальцовъ и подполковникъ Поджіо, дополняя изъ нихъ: первый, что при самомъ вступленіи Сергѣя Муравьева и его, Бестужева, въ общество вы предложили имъ присягнуть на истребленіе всѣхъ священннхъ особъ августѣйшей императорской фамилии, но они не согласились; потомъ же, согласивъ прочихъ членовъ на введеніе республики посредствомъ революціи, вы успѣли уговорить ихъ и на истребленіе всей императорской фамилии, убѣждая въ особенности тѣмъ, что если останутся

великіе князья, то неминуемо произойдетъ междоусобная война, что не только въ войскахъ, но и въ народѣ найдется много лицъ, которыя сдѣлаютъ частные бунты или волненіе, и что воспрепятствовало бы ввести новый порядокъ вещей, особенно въ провинціяхъ, и *второй*, что вы, уговаривая его къ содѣйствію въ намѣреніяхъ общества, отзывались съ сильнымъ негодованіемъ противъ всѣхъ священныхъ особъ императорской фамиліи и явно показывали себя рѣшившимся покуситься на самую жизнь ихъ, утверждая, что средство сіе для революціи необходимо.

Въ 24 пунктѣ моихъ отвѣтовъ (стр. 217) говорилъ я не объ одномъ южномъ округѣ, но о цѣломъ обществѣ и объяснялъ, что истребленіе всей императорской фамиліи не входило въ планъ общества, главнѣйше, потому, что южное общество не могло бы даже сіе исполнить, ибо въ отдаленности находилось отъ мѣстопробыванія царствующей фамиліи, что такъ какъ мы долженствовали дѣйствовать въ согласіи и совокупности съ сѣвернымъ обществомъ и оно дѣйствія бы производило въ Петербургѣ, то при успѣхѣ завистло бы отъ него принятіе мѣръ въ отношеніи къ императорской фамиліи, и наконецъ, что сѣверное общество не рѣшилось еще единодушно въ избраніи образа правленія, ибо мнѣнія раздѣлялись между монархическимъ и республиканскимъ предположеніями. Я же считалъ дѣйствительнымъ планомъ общества только то, насчетъ чего была хоть вѣроятность, что уже перемены болѣе не послѣдуетъ.

Что же касается до упоминаемыхъ сужденій, то признательно сознаюсь, что между сказанными членами и мною они происходили и пригомѣ являлся я въ сихъ разговорахъ не такъ, какъ убѣждающее всѣхъ прочихъ лицо, но какъ о томъ разсуждающее наравнѣ съ ними. Они же возлагаютъ на меня одного, яко дѣятельнѣйшаго директора, то, что со мною въ равной степени раздѣляли, и весьма многіе съ гораздо большею противъ моего рѣшимостью, какъ о томъ комитетъ вѣрно изволилъ самъ уже замѣтить. Но, впрочемъ, не въ оправданіе сихъ сужденій сіе говорю, въ коихъ мое полное участіе совершенно сознаю. Одна изъ главныхъ причинъ, почему столь много предметовъ мнѣ одному членами общества приписывается, состоитъ въ томъ, что бывши предсѣдателемъ долженъ я былъ всякій предметъ на сужденіе предлагать и, слѣдовательно, первый его называть.

Ентальцовъ съ жестокою несправедливостью говоритъ, будто бы я себя показывалъ рѣшившимся покуситься на самую жизнь особъ императорской фамиліи. Я никогда сей рѣшимости не показывалъ и никогда бы не былъ въ состояніи такового дѣйствіе предпринять, и кто меня хоть нѣсколько только зналъ и справедливымъ быть захочетъ, тотъ вѣрно подтвердитъ сіи слова мои. Отъ сужденій до совершеній весьма далеко (показанія 6 апрѣля, п. 13).

Дополнительныя показанія 8 апрѣля 1826 года по вопросамъ комитета въ разъясненіе пункта 3-го отвѣтовъ 13 января (см. выше, стр. 207—211).

Когда я возвратился изъ Петербурга въ 1820 году, въ концѣ мая или началѣ іюня, тогда тульчинская Дума не имѣла еще сво-

ихъ засѣданій устроенными и не имѣла ни предсѣдателя, ни блюстителя. Бурцовъ и я, какъ коренные члены, завѣдывали прочими членами. Устроение засѣданія думы завелось въ концѣ 1820 года, мѣсяца за два или полтора до назначенія Московскаго съѣзда.

Во время моего возвращенія изъ Петербурга не принадлежали еще къ обществу Бассаргинъ, кн. Барятинской и оба Крюкова. Касательно Аврамова не припомню въ точности, былъ ли онъ тогда уже принятъ или нѣтъ. Всѣ сии лица поступили въ общество въ теченіе лѣта 1820 года, до сентября мѣсяца.

Приѣхавъ изъ Петербурга, сообщилъ я о заключеніи Коренной Думы насчетъ республиканскаго правленія Юшневскому, Вольфу, Ивашеву, Комарову и Бурцову, а потомъ узнали о семъ заключеніи также и Аврамовъ, Бассаргинъ, кн. Барятинской и оба Крюковы, когда были въ общество приняты. Объявить же именно, въ какое время кому было сіе извѣстіе сообщено, я никакъ не могу, ибо о такихъ подробностяхъ не въ силахъ вспомнить. Также, было ли сіе каждому изъ нихъ первоначально сообщено лично мною, или кѣмъ изъ другихъ членовъ, никакъ припомнить не могу, но очень помню, что каждый изъ нихъ зналъ о семъ до устройства засѣданій Думы, а слѣдовательно, и до отъѣзда еще Бурцова и Комарова въ Москву. Никто не противорѣчилъ сему заключенію Коренной Думы, исключая одного Бурцова, который показывалъ сомнѣніе въ возможности ввести въ Россію республиканское правленіе.

Постановленіями общества послѣ его возобновленія опредѣлены были три степени: бояре, мужья и братья; друзьями назывались члены приготавливаемые, но еще не принятые: братьямъ объявляться должноствовало просто намѣреніе ввести новый конституціонный порядокъ безъ дальнѣйшихъ объясненій; мужамъ—открывать цѣль республиканскаго правленія. Притомъ могъ вновь принимаемый членъ поступать прямо въ мужи, минуя степень братьевъ, если по образу своихъ мыслей былъ склоненъ къ принятію республиканскаго правленія за цѣль. Всѣ члены тульчинской, каменской и всѣ, мнѣ извѣстные, васильковской управъ знали о цѣли республиканскаго правленія. Изъ сего числа исключая подполковника Фаленберга и маіора Мартынова, о коихъ не могу я сего утверждать, ибо навѣрное не знаю.

Въ отвѣтахъ на вопросы 13 января (стр. 214—216) показывалъ я, что два главныя предположенія существовали; изъ коихъ одно заключалось въ томъ, что первоначальное дѣйствіе революціи должноствовало начаться въ столицѣ чрезъ сѣверное общество, коему южное всѣми силами содѣйствовало бы; а второе заключалось въ томъ, что главное и первоначальное дѣйствіе революціи должноствовало начаться въ арміи, а содѣйствіе и дѣйствіе по столицѣ производилось бы сѣвернымъ обществомъ. Я здѣсь называю главнымъ и первоначальнымъ дѣйствіемъ: открытіе революціи съ упраздненіемъ престола. Тульчинская Дума при возобновленіи союза предполагала первый образъ дѣйствія, а не второй, и такъ была увѣ-

рена, что и въ Петербургѣ общество будетъ продолжаться, что третьимъ предсѣдателемъ выбрала Никиту Муравьева, который, проѣзжая Тульчинъ въ 1820-мъ году, познакомился тогда почти со всѣми тульчинскими членами. Его назначеніе въ предсѣдателя пришло потомъ само собою въ забвеніе.

Аврамовъ, Юшневскій, Ивашевъ, Крюковъ 1 и 2, Бассаргинъ, к. Барятинскій и Вольфъ раздѣляли всё со мною и цѣль, и способности достиженія ея, и единогласно всё безъ изъятія и безъ всякихъ оговорокъ и противорѣчій опредѣлили и подтвердили то и другое. Они же присутствовали всё въ засѣданіи Думы и участвовали всё въ возобновленіи общества и въ совѣщаніи о цѣли и способѣ достиженія оной. Засѣданія сіи происходили у меня на квартирѣ, и одно ли или два ли оныхъ было, сего по истинѣ не припомню: но ежели и было два, то въ два дни одинъ за другимъ непосредственно послѣдующихъ, въ которые и было все рѣшено (показанія, 8 апрѣля, п. 1).

Въ 13 пунктѣ отвѣтовъ (см. выше стр., 216) вы *признательно сознаетесь*, что упоминаемая въ вопросѣ сужденія между сказанными членами и вами происходили и при томъ въ разговорахъ ихъ вы являлись не такъ, какъ убѣждающее всѣхъ прочихъ лицо, но какъ о томъ разсуждающее наравнѣ съ ними, но не объясняете положительно ни времени, ни мѣстъ, гдѣ сужденія сіи происходили, ни того, кто первый начиналъ таковыя, или дѣлалъ предложеніе, кто дѣйствительно въ тѣхъ сужденіяхъ участвовалъ, и предъ-являли ли вы причины, требованія предлагаемаго истребленія, о коихъ показываетъ Бестужевъ. Ибо наименованныя въ вопросѣ лица *первое соотчаніе* о семъ предметѣ относятся къ контрактамъ 1823 года въ Кіевѣ, гдѣ присутствовали вы, Юшневскій, Давыдовъ, князь Волконскій, Сергѣй Муравьевъ и Бестужевъ, и гдѣ послѣдніе двое были противнаго мнѣнія, а *второе (соотчаніе)* утверждаютъ бывшимъ въ Каменкѣ у Давыдова, гдѣ находились вы, Давыдовъ, князь Волконскій, С. Муравьевъ и Бестужевъ, и гдѣ по словамъ Волконскаго, предложеніе, въ первомъ совѣщаніи вами сдѣланное, было возобновлено тѣмъ самымъ Муравьевымъ, который прежде оному противился. Слѣдственно точное опредѣленіе времени, мѣстъ и наименованіе предлагавшихъ и согласившихся лицъ здѣсь совершенно необходимо.

Князь Волконскій объявилъ мнѣ въ теченіе 1821 года, какъ о томъ, что онъ самъ остается членомъ общества, такъ чрезъ нѣкоторое время и о томъ, что Давыдовъ остается членомъ общества. На контрактахъ 1822 года присоединился къ намъ и Сергѣй Муравьевъ. Въ сіе время контрактовъ 1822 года начались уже упоминаемая въ 13 пунктѣ (стр. 215) сужденія, и такъ такъ мы въ то время болѣе разсуждали о республикѣ, а гораздо менѣе о революціи, то и забывали о томъ, можетъ быть, сказанные члены. Не менѣе того было о томъ уже и въ 1822 году разсуждаемо; при чемъ к. Волконскій, Давыдовъ, Юшневскій и я, мы въ мнѣніяхъ нашихъ были согласны, а Сергѣй Муравьевъ яснаго образа мыслей не показывалъ, болѣе обращая разговоръ на планъ правленія и общество. Въ 1823 году присутствовалъ при сихъ же сужденіяхъ и Бестужевъ-Рюминъ. Въ сіе время сказанныя сужденія производились съ большею силою и долѣе. С. Муравьевъ объявлялъ тутъ противное мнѣніе, а Бестужевъ разсуждалъ противъ одного Госу-

даря Императора. Въ сихъ двухъ свиданіяхъ (какъ мною, кажется, сказано въ 13 пунктѣ отвѣтовъ), предлагаль я, какъ предсѣдатель, предметы на сужденіе, ибо членами тутъ присутствовавшими былъ избранъ въ предсѣдатели на время сужденій объ обществѣ, о цѣли его и о способахъ дѣйствія.

Третье сужденіе между мною, Давыдовымъ, кн. Волконскимъ, С. Муравьевымъ и Бестужевымъ происходило въ Каменкѣ у Давыдова въ ноябрѣ 1823 года. Въ сіе время объявилъ Сергѣй Муравьевъ и Бестужевъ Рюминъ, что они мнѣнія свои перемѣнили и нынѣ совершенно также судягъ, какъ и мы, прочіе, судили на контрактахъ 1823 года. О семъ начали говорить они, и кажется, что именно С. Муравьевъ, а потомъ участвовали и мы всѣ остальные семъ разговорѣ, продолжая держаться прежнихъ нашихъ сужденій контрактовъ 1823 года.

Предъявляль ли я, во время сихъ сужденій, тѣ именно причины, о коихъ упоминаеть Бестужевъ, или нѣтъ, сіе въ точности припомнить не могу; но впрочемъ, можетъ быть, что и упоминаль и предъявляль оныя. Каждый изъ членовъ, присутствовавшихъ на сихъ сужденіяхъ, предъявляль свои причины, коихъ я ни исчислить, ни припомнить не могу, потому что говорилось многое, и что я всегда держался заключенія въ мнѣніи и сужденіи, не сохраняя въ памяти различныхъ толковъ до оныхъ доводящихъ; но повторяю, что очень могъ сказанныя причины предъявлять, о коихъ я не упомянулъ въ особенности въ отвѣтѣ на 13 пунктѣ, (стр. 221) потому что въ семъ отвѣтѣ сознавался въ томъ, что вообще сужденія, въ вопросѣ названнаго, происходили между мною и названными членами (показанія 8 апрѣля, п. 2).

Изъ данныхъ вами здѣсь отвѣтовъ (см. выше стр. 209) видно, что тайное общество предполагавшее Императорскую фамилію перевести въ чужіе края, имѣло въ семъ случаѣ надежду на здѣшній флотъ, съ чиновниками коего былъ въ сношеніяхъ Рылѣевъ; а нѣкоторые изъ членовъ показываютъ, что участіе флота должно было имѣть цѣлію воспрепятствовать отъѣзду священныхъ особъ Царствующей фамиліи изъ Россіи; и потому поясните сіи два обстоятельства сколь можно опредѣлительнѣе, также, на чемъ именно основывалась сія надежда, т. е. кто изъ чиновниковъ флота былъ готовъ содѣйствовать намѣреніямъ общества? имѣло ли оно на сіе какія удостовѣренія, въ чемъ оныя состояли, и какія мѣры предназначались къ совершенію такого предпріятія?

Членъ общества Рылѣевъ имѣлъ сношенія съ чиновниками здѣшняго флота, изъ коихъ онъ нѣкоторыхъ принялъ въ общество, но сколько и кого именно, я не знаю, ибо ни одного имени ни разу не слыхаль. Сіи сношенія Рылѣева происходили съ флотомъ еще въ 1824 году, а послѣ того сказываль мнѣ Бестужевъ-Рюминъ, что сіи сношенія идутъ съ хорошимъ успѣхомъ. Ему же о семъ говорилъ пріѣзжавшій не за долго передъ симъ въ Кіевъ отставной полковникъ Брыгинъ (фонъ деръ Бригенъ), служившій прежде въ л.-гв. Измайловскомъ полку, членъ тайнаго общества по Сѣверному Округу.

Мѣры для препровожденія Императорской фамиліи въ чужіе края состояли бы въ томъ, что назначенный для того корабль

подошелъ бы Невою ко Дворцу, принялъ бы всѣхъ особъ Императорской фамилии и перевезъ бы ихъ въ чужіе краи. Впрочемъ, о подробностяхъ сего дѣйствія не было еще говорено.

Если бы флотъ не былъ на нашей сторонѣ, то могъ бы содѣйствовать къ тому, чтобы при отбытіи по собственной волѣ особъ Императорской фамилии въ чужіе краи, вся казна, въ Петербургской крѣпости сохраняемая, также увезена была. О сей казнѣ слухи носились, что она чрезвычайно значительна и потому желали оную непременно сохранить. Имѣя уже флотъ на своей сторонѣ, общество надѣялось, что сіе не могло бы произойти. Вотъ единственная причина, какъ я полагаю, почему нѣкоторые члены могли сказать, что флотъ долженствовалъ препятствовать отбытію особъ Императорской фамилии въ чужіе краи. Сіе обстоятельство служитъ доказательствомъ, какъ я справедливо говорилъ, что въ умахъ членовъ общества понятія о цѣли и дѣйствіяхъ, особенно касательно подробностей, весьма еще сбивчивы и неопредѣлительны, и что каждый еще толкуетъ по своему, принимая иногда, какъ въ семь на примѣръ случаѣ, гадательное предположеніе за намѣреніе и цѣль. (Показанія 13 января п. 48).

VI. Сношеніе Южнаго Общества съ Сѣвернымъ.

Какого рода были тѣ предложенія, кои были сдѣланы Сѣверному обществу отъ Южнаго посредствомъ васъ, князя Сергѣя Волконскаго, Василія Давыдова и полковника Швейковскаго? Когда и какіе получены были отзывы, и почему вы утверждаете, что общества сіи тотчасъ соединились между собою?

Я утверждалъ, что Сѣверное и Южное общество составляютъ одно потому, что они оба суть продолженіе Союза Благоденствія, что въ самой начальной перепискѣ съ Никитою Муравьевымъ мы себя признавали за одно общество, что оба округа имѣли твердое намѣреніе не иначе дѣйствовать, какъ вмѣстѣ, что когда я былъ въ 1824 году въ Петербургѣ, то отъ всѣхъ членовъ слышалъ, что никогда не считали иначе наши два округа, какъ отдѣленія одного и того же общества, и что всѣ сѣверные члены прибывавшіе въ Южный Округъ, были всегда изъ Петербурга къ намъ адресованы, какъ наши члены и точно также нами были принимаемы.

Полковнику Швейковскому, ѣздившему въ Петербургъ, никакого порученія не было дано. Князь Сергѣй Волконскій и Василій Давыдовъ ѣздили по своимъ дѣламъ и при семь случаѣ имѣли порученіе сообщить о происходящемъ у насъ и освѣдомиться о происходящемъ у нихъ. Отзывы, чрезъ нихъ полученные, состояли въ томъ, что у нихъ дѣла идутъ своимъ чередомъ, что число членовъ по возможности умножается и что особеннаго происшествія никакого не случилось. Я ѣздивъ въ Петербургъ по своимъ же дѣламъ, видѣлся съ членами и имѣлъ съ ними разговоры объ обществѣ, о членахъ и преимущественно о необходимости рѣшить окончательнымъ образомъ всѣ подробности цѣли, дабы перестать ходить въ туманѣ. Разговаривали и опять разъѣхались (показанія 13 января, п. 32).

На вопросъ о сношеніяхъ, какія Южное общество имѣло съ Сѣвернымъ, вы отозвались, что князь Волконскій, Давыдовъ и вы сами ѣздивши въ Петербургъ по дѣламъ своимъ, видѣлись съ тамошними членами, поговорили — и развѣхались, но умалчиваете, какъ о томъ, въ чемъ состояли взаимныя переговоры ваши, такъ и о князѣ Барятинскомъ, имѣвшемъ отъ васъ порученіе, подобно Волконскому и Давыдову

Между тѣмъ, показаній князя Волконскаго, Давыдова, Сергѣя и Матвѣя Муравьева, князя Барятинскаго, подполковника Поджіо и Бестужева-Рюмина извѣстно:

1) Что князь Барятинскій, бывшій въ Петербургѣ въ 1823 году, имѣлъ отъ Васъ къ Никитѣ Муравьеву письмо, которымъ, извѣщая о послѣднихъ предположеніяхъ Южнаго Общества (республика и истребленіе Императорской фамилии), вы требовали отъ него рѣшительнаго увѣдомленія: какія приобрѣтены успѣхи въ приемѣ членовъ, на какія силы Сѣверное общество надѣется, отвѣчаетъ ли Муравьевъ за оныя и будутъ ли готовы къ начатію дѣйствій по первому вашему требованію? Муравьевъ, медлившій отвѣтомъ на сіе, говорилъ младшему Поджіо: „на Югѣ Богъ знаетъ, что затѣвають — хотя въ всѣхъ“, однако же по настоянію Барятинскаго писалъ къ вамъ тогда же съ нимъ. 2) Что князь Волконскій и Давыдовъ также имѣли отъ васъ письма къ Никитѣ Муравьеву, и доставили къ вамъ на оныя отвѣты его. По словамъ ихъ, цѣль сношеній съ Муравьевымъ была соединеніе Сѣвернаго и Южнаго общества. 3) Что Волконскій, узнавъ отъ князя Оболенскаго о успѣхѣ Сѣвернаго общества въ приготовленіи нижнихъ чиновъ многихъ гвардейскихъ полковъ къ цѣли его, передалъ сіе Тульчинской Директоріи. 4) Что по увѣренію князя Волконскаго предсѣдателя Сѣверной управы (въ бытность Вашу въ Петербургѣ), хотя не явно для всѣхъ членовъ, но рѣшительно положили дѣйствовать единодушно съ обществомъ Южнымъ. 5) Что по словамъ его же, князя Волконскаго, и подполковника Поджіо, Сѣверная управа (во время бытности вашей въ Петербургѣ въ 1824 году) приняла преступное предположеніе Южнаго общества, въ Кіевѣ начатое, а въ Каменкѣ у Давыдова утвержденное въ 1823 году, о введеніи республиканскаго правленія силою и о истребленіи всей Императорской фамилии. 6) Что по возвращеніи вашемъ изъ Петербурга въ 1824 году вы удостовѣрительно рассказывали младшему Поджіо, Лореру и Майбородѣ: а) Что хотя въ сношеніяхъ вашихъ съ сѣверными членами и много встрѣтили сопротивленія, но, наконецъ, вы успѣли согласить ихъ на всѣ свои предположенія, ударивъ по столу рукою и сказавъ имъ рѣшительно: „такъ будетъ же республика“ и б) Что хотя также много спорили въ Петербургѣ противъ написанной вами Русской Правды, а нѣкоторые не соглашались на покушеніе противъ жизни Императрицы Елисаветы Алексѣевны, но силою доводовъ своихъ вы убѣдили сѣверныхъ членовъ принять вашу Конституцію и согласиться на все безъ изъятія, и что Никита Муравьевъ долженъ былъ сжечь Конституцію, имъ написанную.

Здѣсь объясните съ полнымъ чистосердечіемъ:

а) Въ чемъ именно заключались письма ваши къ Никитѣ Муравьеву, посланныя съ Волконскимъ, Давыдовымъ и Барятинскимъ, и какого содержанія были привезенныя ими отвѣты Муравьева, а Волконскимъ отъ кн. Оболенскаго? б) Когда, гдѣ и кто именно изъ членовъ Сѣвернаго общества приняли предположенія Южнаго Общества о введеніи въ государствѣ республики и о истребленіи всей Императорской Фамилии и были ли со стороны ихъ извѣщены о томъ всѣ прочіе? в) Подобно сему, кто именно изъ предсѣдателей Сѣверной Управы рѣшительно условился съ вами дѣйствовать единодушно, какія между вами предназначены мѣры къ начатію дѣйствій и гдѣ должны были оныя открыться. г) Кто изъ сѣверныхъ членовъ оспаривалъ введеніе русской правды, и кто не соглашался на покушеніе противъ жизни Императрицы Елисаветы Алексѣевны? д) Гдѣ именно происходило то совѣщаніе, въ которомъ вы, ударивъ по столу, сказали рѣшительно „такъ будетъ же республика“ и кто изъ сѣверныхъ членовъ тутъ присутствовалъ? е) Кромѣ письма, посланнаго съ Давыдовымъ къ Муравьеву, какія именно еще поручены были ему отъ Васъ бумаги?

Первое мое письмо къ Никитѣ Муравьеву, посланное съ княземъ Волконскимъ, ничего не заключало особеннаго. Я его просилъ быть откровеннымъ съ княземъ Волконскимъ и сообщить намъ о своихъ дѣйствіяхъ. Съ отвѣтомъ отъ Муравьева привезъ князь Волконскій начатую Муравьевымъ конституцію, о которой говорилъ онъ мнѣ въ письмѣ своемъ, что пишетъ ее въ монархическомъ смыслѣ, ради вновь вступающихъ членовъ: *comme un rideau derrière lequel nous formerons nos colonnes*, прибавляя, что онъ самъ лично остается тѣмъ же приверженцемъ республиканскаго правленія, каковымъ былъ и прежде. Въ февралѣ мѣсяцѣ 1823 писалъ я съ Давыдовымъ къ Никитѣ Муравьеву предлинное письмо, въ которомъ оспаривалъ разные пункты его конституціи и предлагалъ главныя черты своей. Наконецъ, когда князь Бяратинскій ѣхалъ въ Петербургъ въ 1823 году въ іюнѣ мѣсяцѣ, находился я въ Липовцѣ съ ротою для встрѣчи г. Главнокомандующаго, передъ которымъ ѣхалъ Бяратинскій. А по сему и успѣлъ я въ скорости только нѣсколько словъ къ Муравьеву написать. Я его просилъ откровенно говорить съ Бяратинскимъ и упрекалъ въ недѣятельности, говоря, что лучше совсѣмъ разойтись, нежели бездѣйствовать и все таки опасностямъ подвергаться. Съ Бяратинскимъ онъ на лоскуткѣ мнѣ отвѣчалъ, что дѣлаетъ все, что только можно. Къ князю Оболенскому я ни разу не писалъ, но отъ него въ 1823 году получилъ отъ князя Волконскаго письмо, въ которомъ онъ извѣщаетъ, что дѣла идутъ хорошо, что дѣйствуютъ на нижнихъ чиновъ, особенно унтеръ-офицеровъ, и просилъ ускорить присылкою Русской Правды.

Въ бытность мою въ Петербургѣ видѣлся я преимущественно съ тремя директорами. Никита Муравьевъ мнѣ тутъ говорилъ, какъ и прежде писалъ, доставляя начало своей конституціи, что монархическія формы имъ ей даны, ради вновь вступающихъ членовъ; при чемъ отзывался съ сильнымъ негодованіемъ о лицахъ Императорской фамиліи, но вмѣстѣ съ тѣмъ оспаривалъ разныя статьи моего конституціоннаго предположенія. Оболенскаго, имѣвшаго прежде еще сношенія съ Матвѣемъ Муравьевымъ, нашель я болѣе всѣхъ на республику согласнымъ. Трубецкой рѣшительнаго образа мыслей не показывалъ: то былъ согласенъ на республику, то опять оспаривалъ ее. Нарышкина видѣлъ я только одинъ разъ у кн. Оболенскаго, и онъ такъ мало говорилъ, что настоящей его образъ мыслей остался мнѣ неизвѣстнымъ. Съ Рылѣвымъ видѣлся я только одинъ разъ и говорили про одно только раздѣленіе земель. Съ Тургеневымъ имѣлъ я также только одно свиданіе и предметъ разговора былъ раздѣленіе земель, противъ котораго онъ спорилъ, но впрочемъ, былъ въ республиканскомъ образѣ мыслей. Съ Краснокутскимъ видѣлся я раза два, и мы все время разсуждали о республикѣ и объ объявленіи новаго порядка вещей чрезъ сенатъ. Вадковскій, Поливановъ, Свистуновъ, Анненковъ (всѣ четверо кавалергардскіе офицеры) и артиллерійскій Кривцовъ были со мною ознакомлены чрезъ Матвѣя Муравьева и находились въ полномъ революціонномъ и республиканскомъ духѣ.

За всѣми сими разногласіями и по опыту частой перемѣнчивости членовъ долженъ былъ я заключить, что ни цѣль, ни средства въ ихъ мнѣніяхъ не имѣютъ единства, а слѣдовательно, что сіи два предмета, какъ я прежде говорилъ, не дошли еще до созрѣлости. Условіе о единственномъ дѣйствіи было заключено со всѣми тремя директорами, при чемъ замѣчались нѣкоторые оттѣнки: единодушнѣ всѣхъ съ к. Оболенскимъ, а менѣе всѣхъ съ Никитою Муравьевымъ. Съ Трубецкимъ говорили, между прочимъ, что ежели не республика будетъ принята, то избрать Александра Николаевича въ императоры при регентствѣ. Со всѣми же тремя положено было, что ежели они найдутся въ необходимости дѣйствіе начать, то мы ихъ должны поддержать и, обратно, они насъ. Если же необходимости не встрѣтится, то передъ приступомъ къ дѣйствію должно было существовать взаимное соглашеніе, по которому и рѣшится тогда, *идти, какъ и что* дѣлать. При семъ было говорено и объ объявленіи чрезъ сенатъ новаго порядка вещей. О сообщеніи мнѣ сего заключенія прочимъ членамъ остался я въ безвѣстности, но сказывали они, что оное будетъ сдѣлано.

Прежде еще пріѣзда моего былъ Никита Муравьевъ принужденъ сказать свою конституцію, и онъ же спорилъ наиболѣе противъ моей, особенно противъ избирательной системы и раздѣленія земель. Трубецкой спорилъ преимущественно противъ Временнаго Правленія. Русская Правда не была тогда еще начата, и я тутъ вознамѣрился ее написать; къ чему особенно меня приглашалъ кн. Оболенскій и Матвѣй Муравьевъ. Тогда же и началъ я краткія ея начертанія.

Что же касается до того, кто не соглашался на покушеніе противъ жизни Государыни Императрицы Елисаветы Алексѣевны, то сколько себѣ не припоминаю, и сколько бы ни желалъ припомнить, но никакъ не могу придумать, не только кто этотъ былъ, но даже и чтобы о томъ была рѣчь. И потому не смѣшиваешь ли членъ, сіе показывающій, это обстоятельство съ тѣмъ случаемъ, что Глинка въ 1820 году предлагалъ Государыню Императрицу Елисавету Алексѣевну, а не республику.

У Оболенскаго на квартирѣ съѣхались къ нему Трубецкой, Никита и Матвѣй Муравьевы, Нарышкинъ и я. Главнымъ предметомъ разговора было Временное Правленіе, противъ котораго говорили наиболѣе Трубецкой, а также и Никита Муравьевъ. Они много горячились, а я все время былъ хладнокровенъ до самаго конца, какъ ударилъ рукою по столу и всталъ, но не произнося сказанныхъ словъ, ибо въ то именно время происходило разногласіе о Временномъ Правленіи. Говорили и о прочихъ предметахъ, но ничего не положили на мѣру; и потому доносилъ я комитету, что разговоривали и разѣхались.

Содержаніе письма моего, къ Никитѣ Муравьеву чрезъ Давыдова посланнаго, имѣлъ я честь комитету въ началѣ сего пункта объяснять. Другая же бумага, которую имѣлъ Давыдовъ, была краткое начертаніе Русской Правды, написанное на французскомъ языкѣ рукою Сергѣя Муравьева. Онъ ее взялъ, дабы показать графу По-

линьяку съ тѣмъ, чтобы сей, имѣвъ о ней свѣдѣніе, могъ извѣстить насъ, находится ли сходство у нея съ французскими предначертаніями, и даже о ней говорить во Франціи, если сойдется съ французскимъ тайнымъ обществомъ (показанія 6 апрѣля, п. 18).

Комитету извѣстно, что подполковникъ Матвѣй Муравьевъ-Апостоль по порученію же Южнаго Общества весьма продолжительно жилъ въ Петербургѣ (1823 и 1824) и находился въ непрерывныхъ сношеніяхъ какъ съ членами Сѣвернаго общества, такъ и съ пріѣзжавшими туда южными. Поясните-какіе имѣлъ онъ порученія отъ Южной Директоріи, съ кѣмъ изъ Сѣверныхъ членовъ, какіе производилъ переговоры и какіе пріобрѣлъ онъ тамъ успѣхи въ дѣлѣ, на него возложенномъ?

Порученіе, Матвѣю Муравьеву данное, состояло въ содержаніи связи между Южнымъ и Сѣвернымъ округами, въ совмѣстномъ дѣйствіи и въ пріобрѣтеніи членовъ. Наболѣе имѣлъ онъ сношеній съ тремя директорами и съ членами, въ предыдущемъ пунктѣ мною названными, а подъ конецъ особенно съ Оболенскимъ. Успѣховъ пріобрѣлъ онъ очень мало. Все сіе относится до времени прежде моего пріѣзда въ Петербургъ и во время пребыванія. Но что онъ дѣлалъ послѣ отъѣзда моего, о томъ онъ ничего мнѣ не сообщалъ ни самъ, ни чрезъ другихъ. А писалъ нѣсколько разъ ко мнѣ съ одними увѣреніями въ своей преданности къ обществу и его цѣли (тоже п. 19).

Князь Трубецкой показываетъ, что въ послѣднюю бытность въ Петербургѣ вы уговаривали его войти третьимъ членомъ въ главное управленіе съ тѣмъ, что такъ какъ Юшневскій мало занимается дѣлами, то онъ, Трубецкой, и вы будете дѣйствующими, но въ этомъ случаѣ Трубецкой долженъ былъ дать клятву дѣлать все, что товарищъ захочетъ, и повиноваться одинъ другому не связывая. Рылѣевъ же и младшій Поджіо поясняютъ, что сѣверные члены, отвергая Русскую Правду, опасались честолюбивыхъ вашихъ видовъ, или стремленія къ диктаторству, ибо вы требовали отъ нихъ слѣпого повиновенія одному Директору. Объясните: что побуждало васъ къ приведенному выше соглашенію князя Трубецкаго? и дѣйствительно ли вы требовали отъ сѣверныхъ членовъ того слѣпого повиновенія, о которомъ говорятъ Рылѣевъ и Поджіо?

Я говорилъ князю Трубецкому, что Южная Директорія состоитъ изъ двухъ членовъ, которые не клятву дали, но взаимно другъ друга разрѣшили (поелику въ разныхъ мѣстахъ находятся) дѣйствовать въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства, именемъ директоріи безъ предварительнаго между собою сношенія, въ полной увѣренности, что другой членъ подтвердитъ его дѣйствіе и что при составленіи одной общей директоріи таковыя же отношенія и взаимныя разрѣшенія (а не клятвы) могли бы съ пользою установиться и между южнымъ и сѣвернымъ отдѣленіями директоріи. Одна общая директорія придала бы болѣе связности и единодушія обществу, а упоминаемое взаимное разрѣшеніе необходимо бы было для хода общества, ибо за отдаленностью не было бы возможности ожидать случая для сношенія.

Я никогда не требовалъ отъ сѣверныхъ членовъ *слѣпого* повиновенія *одному* директору, а предлагалъ имъ составить одну общую

Юрій Николаевич
БОГДАНОВИЧЪ (КОБОЗЕВЪ).

директорію. Они отозвались, что южные директоры назначены непремѣнные, а сѣверные на три года, и потому по окончаніи сихъ трехъ лѣтъ можно будетъ приступить къ составленію одной общей директоріи. Южный округъ имѣлъ уже двухъ непремѣнныхъ директоровъ, слѣдовательно, по одной сей уже причинѣ не могъ я предлагать для всего общества только одного. Слеплого повиновенія я также никогда не требовалъ, но говорилъ, что надобно единство въ дѣйстви и порядокъ въ устройствѣ общества. Ихъ же директоры жаловались, что нѣтъ достаточнаго порядка за неимѣніемъ должнаго вліянія у директоріи надъ членами. Честолюбія моего напрасно они опасались, если справедливо, что имѣли сіе опасеніе, по словамъ Рылѣва и Поджіо, ибо отклоненіе себя отъ главныхъ должностей и намѣреніе по окончаніи революціи удалиться отъ свѣта не суть черты честолюбца. О семъ же самъ Поджіо показываетъ (тоже в. 17).

Н. П. Сильванскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Всеподданнѣйшее донесеніе о казни декабристовъ.

(13 іюля 1826 года).

Генераль-адъютантъ Голенищевъ-Кутузовъ, наблюдавшій 13 іюля 1826 года за исполненіемъ казни надъ декабристами, въ тотъ же день подалъ императору Николаю Павловичу слѣдующее донесеніе:

„Экзекуція кончилась съ должною тишиною и порядкомъ, какъ со стороны бывшихъ въ строю войскъ, такъ со стороны зрителей, которыхъ было немного. По неопытности нашихъ палачей и неумѣнью устраивать висѣлицы, при первомъ разѣ трое, а именно: Рылѣвъ, Каховскій и Муравьевъ сорвались, но вскорѣ опять были повѣшены и получили заслуженную смерть. О чемъ Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше доношу“.

Изъ бумагъ, взятыхъ при арестѣ Н. Г. Чернышевскаго.

2-го марта 1862 г., въ присутствіи многочисленной публики, на литературномъ вечерѣ, устроенномъ Литературнымъ Фондомъ, извѣстный профессоръ П. В. Павловъ, одинъ изъ основателей русскихъ воскресныхъ школъ, произнесъ рѣчь по поводу исполнившагося тысячелѣтія Россіи, а 5 марта его уже выслали за это въ Ветлугу. — Тогда рѣшено было прекратить чтеніе систематическихъ лекцій въ залахъ Думы и этимъ выразить посильный протестъ по адресу правительства. — Нѣкоторые профессора, и въ томъ числѣ извѣстный Н. И. Костомаровъ, не согласились на это. Молодежь собралась 8-го марта на его лекцію и на заявленіе Н. И. о своемъ рѣшеніи продолжать курсъ отвѣтила скандаломъ... Большинство его коллегъ рѣшило тоже читать. Такъ или иначе, а надо было уладить возможность уже нѣсколькихъ и большихъ скандаловъ. За это взялся Чернышевскій.

Нѣсколько бумагъ, захваченныхъ при его арестѣ, позволяютъ ознакомиться, какъ съ его ролью въ этой „думской исторіи“, такъ и съ деталями послѣдствій самой „исторіи“.

Прежде всего письмо профессора И. Е. Андреевскаго къ Чернышевскому отъ 17 марта (1862 г.). Андреевскій отказался отъ предложенія Н. Г. „быть посредникомъ между публикою и читавшими лекціи профессорами“, потому что самъ принадлежалъ къ ихъ числу, и находилъ недостаточно удобнымъ „формальный юридическій способъ“, предлагаемый Чернышевскимъ для разъясненія разногласій о причинѣ прекращенія лекцій.

На другой день Чернышевскій отвѣтилъ Андреевскому:

„М. Г. Иванъ Ефимовичъ, Изъ Вашего отвѣта на мое письмо отъ 17 марта я долженъ вывести слѣдующее заключеніе:

„Разъясненіе формальной стороны дѣла о прекращеніи лекцій было бы невыгодно для профессоровъ, читавшихъ лекціи;

„еслибы Вы не находили этого, Вы, вѣроятно, не затруднились бы сообщить имъ желаніе, выраженное въ моемъ письмѣ.

„Этотъ выводъ такъ натурален, что я буду считать его вѣрнымъ, пока не будетъ доказано противное, и присваиваю себѣ формальное право публично выражать это мнѣніе.

„Съ истиннымъ уваженіемъ имѣю честь быть Вашимъ покорнѣйшимъ слугою
Н. Чернышевскій.

18 марта
1862.

Андреевскій отвѣчалъ 19-го, что выводъ этотъ совершенно несправедливъ, что способъ невыгоденъ для профессоровъ, а „не можетъ выяснитъ существа дѣла“, и заявлялъ, что Чернышевскій не имѣетъ права основывать свое мнѣніе на его письмѣ.

Н. Г. стремился поставить выясненіе дѣла на ясную почву и приготовилъ для Андреевскаго три вопроса, отвѣты на которые разрѣшали бы многое: Вотъ они: „1) Было ли во вторникъ, 6 марта, на квартирѣ профессора В. Д.

Спасовича собраніе профессоровъ, читавшихъ публичныя лекціи? 2) Было ли на этомъ собраніи принято профессорами рѣшеніе прекратить чтеніе публичныхъ лекцій? 3) Были ли даваемы профессорами формальныя записки, сообщавшія распоряжавшимся лекціями студентамъ это намѣреніе дававшихъ записки профессоровъ прекратить чтеніе лекцій?*

Наконецъ, четвертый документъ, заинтересовавшій потомъ слѣдственную комиссію — очень любопытное письмо Николая Ивановича Костомарова къ Чернышевскому.

Вотъ оно:

„Посѣщеніе Ваше навело на меня грусть... мнѣ стало больно; мнѣ глубоко запали въ душу Ваши слова... да, мы были когда-то друзьями ¹⁾. Три года я боролся самъ съ собой и, наконецъ, рѣшился и написалъ уже формулу, и готовился съ нею ѣхать къ Вамъ... Вдругъ курьеръ отъ Делянова съ извѣщеніемъ, что лекціи мои прекращены по распоряженію мин. н. просвѣщенія.

„Прощайте, Николай Гавриловичъ. Во многомъ, что Вы говорили мнѣ сегодня, я слышалъ голосъ любви и правды... хотя, все таки, не знаю, въ чемъ бы Вы могли упрекнуть мое поведеніе въ прошедшей печальной исторіи съ публичными лекціями: я дѣйствовалъ логически и справедливо; мнѣ такъ кажется; я такъ увѣренъ... а между тѣмъ Ваши слова такъ встревожили меня... неужели я ошибался? Я не вижу этого. А между тѣмъ Ваши слова звучали любовью и правдою...

„Прощайте, Николай Гавриловичъ, мы, дѣйствительно, были когда-то друзьями... что развело насъ? Не знаю. Но знаю, что болѣе никогда не будемъ! Наши дороги разныя. Вы меня разъ, другой обругаете въ вашемъ Свисткѣ ²⁾ какъ уже было, со всѣми возможнѣйшими извращеніями дѣла, сообразно иезуитской мудрости, освящающей всякое средство для цѣли, а я въ своихъ нервныхъ увлеченіяхъ сдѣлаю еще два-три шага, которые удалятъ меня еще болѣе отъ Васъ, и такъ будетъ между нами пропасть поглубже, чѣмъ та, которая раздѣляла богача отъ убогаго Лазаря.

„О лекціяхъ я ни мало не сожалею. И, однако, мнѣ ужасно грустно, такъ грустно, что хоть въ воду...

„Скучно на этомъ свѣтѣ. Вы пріѣзжали обвинять меня въ самолюбіи, въ измѣнѣ прежнимъ убѣжденіямъ: послѣднее совершенно ложно, первое мнѣ кажется ложнымъ... Да неужели же правѣе меня тѣ, которые теперь спасены прекращеніемъ (министерскимъ предписаніемъ) моихъ лекцій отъ послѣдствій, какія постичь ихъ могли за свистки, ругательства и бросаніе яблоками, какъ они общались? Неужели Вы можете ожидать чего-нибудь въ будущемъ отъ такихъ *общественныхъ дѣятелей*? Неужели, наконецъ, мы должны преклоняться передъ всякою пошlostью потому только, что она одѣвается въ либеральную одежду? Воля Ваша, Николай Гавриловичъ; мнѣ кажется, ужъ если кому, такъ именно Вамъ слѣдовало бы такихъ героевъ бить по носу, а Вы ихъ по головкѣ гладите. Неужели вы раздѣляете такое мнѣніе, что закрытіе лекцій есть полезное дѣло, а не ребяческой фарсъ, капризъ дитяти, которое, разсердившись на няньку, разобьетъ объ полъ чашку, стаканъ, что ему попадется подъ руки? Неужели не было бы лучше, если бы лекціи продолжались и публика пріучалась къ серьезному, живому, свободному слову. Утвердились бы онѣ въ Петербургѣ, принялись бы въ провинціяхъ, вошли бы въ обычай, послѣ вошло бы въ обычай говорить публично и слушать. Мнѣ кажется, это было бы одно изъ великолѣпнѣйшихъ орудій обновленія нашего общества, котораго мы равно желаемъ. Смотря съ такой точки зрѣнія я старался во что бы то ни стало удержать отъ паденія учрежденіе, такъ недавно воздвигнутое... Оно пало; поднять его; я возобновлялъ свои лекціи, за мною уже готовились дѣлать три человекъ; можетъ быть, снова все связалось бы, все пошло бы по прежнему...

„Итакъ, вотъ что, а не мелкое самолюбіе руководило мною, какъ Вы хотѣли обличать меня. Хотите—вѣрьте, хотите—нѣтъ, но я высказываю Вамъ

1) Въ Саратовѣ, до пріѣзда Чернышевскаго въ Петербургъ.

2) Издавался при „Современникѣ“.

свое убѣжденіе: можетъ быть, ошибаюсь, но по крайней мѣрѣ, говорю, что думаю. Прощайте, но знайте, что поруганія и клеветы право не хуже ссылки въ Саратовъ или въ Ветлугу, чѣмъ можетъ надѣлать Третье Отдѣленіе“.

Объ этомъ письмѣ, воспроизводимомъ нами съ подлинника, рассказываетъ кое-что въ своей книжкѣ Л. Ф. Пантелѣевъ (стр. 217—218 „Изъ воспоминаній прошлаго“). Въ біографіи Костомарова оно, несомнѣнно, должно имѣть очень большое значеніе, поскольку можетъ служить яркой иллюстраціей разницы въ настроеніи молодежи и Костомарова. Писано оно очень нервнымъ почеркомъ, не датировано, безъ обращенія и подписи... Прочитавше въ книгѣ г. Пантелѣева главу „Думская исторія“ и соответствующее мѣсто изъ „Автобіографіи Костомарова“ поймутъ, какъ цѣнно это письмо.

Мих. Лемке.

Изъ дѣятельности среди рабочихъ въ 1880—84 гг. ¹⁾

Конецъ 80-го года былъ однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ для петербургскихъ рабочихъ. Наступила безработица, въ особенности на механическихъ заводахъ. Каждую недѣлю сотнями увольняли народъ, выбрасывали на улицу. Съ утра до вечера громадныя толпы народа стояли у воротъ заводовъ, гдѣ еще не расчитывали. Но такихъ заводовъ было мало. Едва показывался въ воротахъ мастеръ, механикъ или управляющій, какъ его осаждали со всѣхъ сторонъ: нѣтъ ли мѣста для токаря, не нуженъ ли слесарь, столяръ, кузнецъ, литейщикъ? На всѣ вопросы раздавался одинъ отвѣтъ: своихъ увольнять будемъ. На слѣдующій день появляется новая толпа, тѣ же вопросы и тотъ же отвѣтъ. А петербургская зима на-двигается, грязь, слякоть, дожди уступаютъ мѣсто морозу. Рѣзкій пронзительный вѣтеръ свиститъ во всѣхъ закоулкахъ, пробираетъ до костей обносившійся полугодовалый людъ. Теплая, лучшая одежда или въ закладъ, или продана. У рабочаго человѣка денежныхъ сбереженій не было и тогда, хотя въ тѣ времена заработная плата выше нынѣшней. Трудно жилось безработнымъ, плохо чувствовали себя и тѣ, которые сидѣли на мѣстахъ. Одни трепетали, что завтра или черезъ недѣлю ихъ постигнетъ та же участь—очутиться на улицѣ, другіе сознавали ни на чемъ не основанное свое привилегированное положеніе и какъ бы стыдились его, при видѣ выброшенной на улицу толпы, но утѣшали себя надеждой, что вотъ-вотъ прекратится безработица. Не вѣчно же будетъ она длиться! Но проходили недѣли, мѣсяцы, заводы пустѣли. Надо что-либо предпринимать! «Не собраться ли всѣмъ, да не двинуться ли къ Зимнему дворцу съ требованіемъ работы?»—предлагали одни. «Не работы требовать, а всего»... возражали другіе. Эта мысль нравилась многимъ и стала проникать въ среду безработныхъ, между которыми постоянно сновали уличные шпіоны, прислушиваясь къ разговорамъ. Трудно сказать, чѣмъ кончились бы эти разговоры.

¹⁾ Брошюра подъ такимъ названіемъ уже была издана (безъ имени автора) за-
границей въ 1905 году. Мы перепечатываемъ ее въ очень дополненномъ фактиче-
скими данными и переработанномъ авторомъ видѣ. *Ред.*

но въ противовѣсъ имъ всплыло новое средство на одномъ изъ заводовъ—на Балтійскомъ. Сами рабочіе обратились къ управляющему съ предложеніемъ принять уволенныхъ рабочихъ съ тѣмъ, чтобы сократить для всѣхъ рабочихъ день до 3 четвертей рабочаго дня. Сначала къ этому предложенію отнеслись равнодушно, но черезъ нѣсколько дней рассчитанные были снова приняты. Затѣмъ и на другихъ заводахъ рабочіе были приняты; казалось, что безработица идетъ къ концу.

Нѣкоторые революціонные кружки рабочихъ сожалѣли о пропущенномъ моментѣ, но уже было поздно.

Такіе кружки существовали почти на всѣхъ крупныхъ заводахъ въ Петербургѣ, вели пропаганду, заводили связи на фабрикахъ, которые въ то время мало были затронуты революціоннымъ духомъ. Этотъ пробѣлъ замѣчался всѣми. Интеллигентные люди, занимавшіеся съ рабочими, указывали на это обстоятельство и настаивали на необходимости привлечь фабричныхъ рабочихъ. Не знаю какъ теперь, а въ то время въ отношеніяхъ заводскихъ рабочихъ къ фабричнымъ замѣчалось какое-то высокомеріе. Заводскіе рабочіе: слесаря, токаря, модельщики и др. свысока смотрѣли на синія поддевки ткачей, прядильщиковъ, отбѣльщиковъ, называя ихъ сѣрыми мужиками, хотъ большинство заводскихъ рабочихъ были тоже крестьяне. Но болѣе высокая заработная плата, короткій рабочій день, — словомъ, нѣкоторыя матеріальныя преимущества отрывали ихъ отъ той среды, изъ которой они вышли, и ставили къ фабричнымъ въ ложное отношеніе. Его не было только у рабочихъ сознательныхъ, у людей, уже понявшихъ, что ихъ нѣсколько привилегированное положеніе—дѣло случайное, что они такіе же наемные труженники, какъ и тѣ. Но въ массѣ такое сознаніе приходилось развивать съ большими усиліями. Особенную энергію въ этомъ отношеніи проявили революціонныя группы Семянниковскаго, Чугуннаго и Обуховскаго заводовъ: онѣ организовали нѣсколько кружковъ среди рабочихъ на фабрикѣ Паля, на химическомъ заводѣ, а черезъ нихъ уже заводили связи съ другими фабриками, какъ на примѣръ, съ Калинковской, на фабрикѣ резиновой мануфактуры, за Невской заставой. Пропаганда шла довольно успѣшно, но чувствовался недостатокъ въ революціонной литературѣ. Пользовались только той, которая сохранилась на рукахъ отъ стараго времени, да легальными отчетами о процессахъ по политическимъ дѣламъ. Прокламація о казни Квятковскаго и Прѣснякова достигла къ рабочимъ въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ, и часто одинъ и тотъ же экземпляръ передавался съ заводовъ Васильевскаго острова за Невскую заставу. Исполнительный Комитетъ какъ будто затихъ. Но всѣ чувствовали, что готовится какая-то гроза. На этотъ счетъ строили всевозможныя догадки, ждали чего-то необыкновеннаго. Въ центрѣ Россіи, на югѣ тоже какъ будто наступила тишина. Ростовъ на Дону присмирѣлъ послѣ 79 г., послѣ страшнаго погрома. Кіевъ, Харьковъ, Одесса ни въ чемъ себя не проявляли. Тамъ шла такая же подготовительная работа, какъ въ Петербургѣ.

Наступилъ 81 г., появилась переизданная брошюра «Хитрая механика». Нѣкоторые помощники Народной Воли—интеллигенты—чаще стали посѣщать рабочіе кружки, но все какъ будто что не договаривали, что-то ожидалось и первыми, и послѣдними. Наконецъ, грянуло 1-ое марта. Весь Петербургъ объятъ паникой. Полиція растерялась, мирный обыватель напуганъ, по улицамъ молчаливое движеніе. Петербуржцы уже не бѣгутъ такъ стремительно по улицѣ, а какъ-то несмѣло, осторожно идутъ, ожидая чего-то новаго, болѣе грознаго. Рабочія революціонныя группы тоже волнуются, ждутъ призыва къ открытой массовой борьбѣ, призыва къ возстанію. Проходитъ день, другой. Полиція оживаетъ. Удобный моментъ упущенъ. Начались аресты; а призыва все нѣтъ. Появляется прокламація «Къ Александру III-му». Только послѣ нея стало яснымъ, что Исполнительный Комитетъ вовсе не имѣлъ въ виду народнаго возстанія. Многіе рабочіе это считали промахомъ. Надо было бы во что бы то ни стало поднять рабочихъ хотя въ одномъ Питерѣ,—говорили они,—пусть бы кончилось неудачей, но для будущаго оно послужило бы опытомъ, положило бы ясную границу между народомъ и правительствомъ. Да еще неизвѣстно, чѣмъ бы все кончилось. Другіе же, наоборотъ, одобряли дѣйствія Исполнительной Комиссіи послѣ 1-го марта, указывая на неподготовленность массъ, на недостаточность силъ и слишкомъ большія жертвы, которыхъ потребовало бы возстаніе. Съ этими доводами нельзя было не согласиться. Дѣйствительно, тогдашніе заводы не представляли такихъ грандіозныхъ казармъ, какими мы видимъ ихъ теперь. Но противъ боязни жертвъ возражали. Вѣдь рано или поздно онѣ потребуются. Да развѣ не несутъ ихъ каждый годъ, каждый мѣсяць? Развѣ не арестуютъ, не ссылаютъ, не казнятъ людей? Но какъ бы то ни было, время прошло, надо думать о томъ, что дѣлать дальше. Начались аресты и на нѣкоторыхъ заводахъ. Поводомъ прежде всего послужилъ арестъ Тимофея Михайлова. Тимоха, какъ звали рабочіе послѣдняго, работалъ на многихъ заводахъ и, какъ водится, жилъ среди нихъ. Департаментъ полиціи пустилъ въ ходъ всѣ свои темныя силы. Десятки рабочихъ были привлечены къ допросу только за то, что работали на одномъ заводѣ съ Тимофеемъ, а нѣкоторыхъ даже арестовали и продержали въ домѣ предват. заключ. мѣсяцевъ 8. Все это дѣлалось съ цѣлью запугать, нагнать страхъ на знавшихъ Михайлова. Арестованныхъ по его дѣлу содержали строго, постоянно повторяли имъ на допросахъ, что Михайлова ожидаетъ казнь „позорная“, какъ самаго ужаснаго преступника, но всѣ эти застрашиванія ни къ чему не привели: Т. Михайловъ былъ слишкомъ хорошо извѣстенъ среди рабочихъ, особенно среди котельщиковъ, не столько, конечно, своими знаніями, сколько своею честностью, преданностью рабочему дѣлу и чувствомъ товарищества. Много разъ онъ являлся защитникомъ обиженныхъ рабочихъ, заступаясь за нихъ, борясь съ грубой и несправедливой заводской администраціей. Послѣдняя прекрасно знала смѣлаго и рѣшительнаго Михайлова. Теперь она охотно пошла навстрѣчу жан-

дарискому сыску. Появились и добровольные шпионы-мастера. Въ старомъ арсеналѣ одинъ изъ такихъ добровольцевъ, подсмотрѣвъ, какъ рабочій читаетъ другимъ прокламацію въ мастерской, донесъ куда слѣдуетъ. Рабочаго арестовали, но другой отомстилъ доносчику, избивъ его на другой же день до такой степени, что мастеръ слегъ въ постель. Полиція не дремала. Послѣдовали новые аресты. Лучшихъ рабочихъ выхватили, двоимъ же другимъ пришлось скрыться. Шпионы рыскали по заводамъ и кое-гдѣ напали на новые слѣды: въ Коломенскомъ районѣ была арестована небольшая сходка: здѣсь взяли рабочихъ съ завода Берда, Путиловскаго, и Балтійскаго. За исключеніемъ одного все это были еще малосознательные люди. Обыски, аресты прололжались впродолженіе всей весны 81 года. Шпионство росло съ невѣроятной быстротой, затрудняя пропанду и агитацію. Ожидался судъ надъ первомартовцами. Знавшіе Т. Михайлова, Желябова и Перовскую поговаривали объ ихъ освобожденіи. Нѣкоторыя надежды возлагались на военную организацію, на офицеровъ. Но эта была мечта. Подсудимыхъ во время процесса держали подъ сильнымъ конвоемъ. Послѣ суда появилась прокламація, которая произвела сильное впечатлѣніе. Былъ казненъ Т. Михайловъ, котораго знали на многихъ заводахъ, А. Желябовъ, извѣстный среди рабочихъ подъ именемъ Тарасова. Чувство негодованія крѣпло, требовало мести. Ожидали расплаты за все это, и чтобы не быть застигнутыми въ расплохъ, рабочіе энергичнѣе вели пропаганду. Въ началѣ мая уже были организованы довольно многочисленныя группы—на Обуховскомъ, Чугунномъ, Семянниковскомъ, Балтійскомъ заводахъ, у Нобеля, Фридланда, Голубева, Леснера, за Невской заставой, на Варшавской желѣзной дорогѣ, у Берда и на другихъ. Во многихъ мѣстахъ завели своихъ дворниковъ, которые предупреждали рабочихъ о шпионахъ, о слѣжкѣ и даже арестахъ, передавали паспорта. Явилась потребность перенести пропаганду въ другіе города. Нелегальные интелленты, посѣщавшіе рабочихъ подъ разными кличками, поддерживали приподнятое настроеніе. Особенной популярностью пользовались «Сидорычъ», Андрей Петровичъ, «Сеня», Ивановскій, Василій Максимычъ и друг., теперь уже сошедшіе въ могилу. Нѣкоторые были чернопередѣльцы, потомъ примкнувшіе къ организаціи Нар. Воли. Рабочіе наиболѣе развитые не обращали вниманія на ихъ теоритическія разногласія, одинаково принимали какъ тѣхъ, такъ и другихъ, лишь бы они занимались съ рабочими, доставляли революціонную литературу. Но по мѣрѣ того, какъ пропаганда стала расширяться, она захватывала и слабый элементъ, который сказывался при арестахъ. Арестовали нѣсколько кружковъ, и для Судейкина, Янковскаго и др. сдѣлалось яснымъ, что петербургскіе рабочіе «заражены крамолой». Они пустили въ ходъ все: деньги, угрозы, провокацію. Вотъ что рассказывалъ рабочій Н., выпущенный на свободу послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ заключенія. При арестѣ у него ничего не было найдено, тѣмъ не менѣе Судейкинъ обратилъ на него особенное вниманіе. Онъ постоянно присутствовалъ на допросахъ и,

замѣтивъ, что такіе допросы не даютъ никакихъ результатовъ, сталь вызывать Н. на личныя собесѣдованія.

— Послушайте,—обращается Судейкинъ къ Н.,—вы напрасно скрываете, притворяетесь. Намъ все извѣстно. Вы въ нашихъ рукахъ.

— Если извѣстно все, что же вы хотите отъ меня? Зачѣмъ грозите? Дѣлайте, что хотите. Я самъ знаю, что въ вашихъ рукахъ,—отвѣчалъ ему рабочій.

— И сдѣлаемъ, если будете такъ упорствовать. Вамъ же будетъ хуже. А мы этого не желаемъ. Вы смотрите на насъ, какъ на вашихъ враговъ. Знаемъ, кто научилъ васъ этому. Эти динамитчики, эти, что съ кинжалами и револьверами гоняются за людьми. Не вѣрьте имъ. Я не хочу этимъ сказать, что всѣ они плохіе люди. Нѣтъ. И между народовольцами есть фанатики, есть и фантазеры и чистолюбцы. Но всѣ они влекутъ васъ къ гибели. Они говорятъ вамъ, что борятся за васъ—за рабочій народъ. А развѣ рабочимъ нужны бомбы, кинжалы, револьверы? Рабочимъ нуженъ хорошей зароботокъ, удобная квартира, здоровыя мастерскія. Дѣлаютъ ли что-нибудь для этого ваши террористы? Видите, мы хорошо знаемъ нужды рабочихъ, знаемъ не хуже вашихъ социалистовъ. Мы сами социалисты, но социалисты мирные. Мы преслѣдуемъ только за бомбы, револьверы и кинжалы и будемъ преслѣдовать безъ всякой пощады. У насъ есть тюрьмы, и Сибирь, и висѣлица.

— Нечего не понимаю, о чемъ вы говорите,—отвѣчалъ ему рабочій:—никакихъ бомбъ и револьверовъ не было у меня. За что же держите уже 7 мѣсяцевъ? Тамъ у меня мать и сестра остались, можетъ быть, голодаютъ.

— Вамъ нужны деньги?—предупредительно, ласково спросилъ Судейкинъ:—мы можемъ вамъ помочь. Сколько вамъ?

И ехидный оболъститель вынулъ изъ большого портмонэ новыя бумажки.

— Мнѣ не нужно денегъ... я не работалъ.

— Потомъ заработаете, заслужите и получите еще. Сколько вамъ? Не стѣсняйтесь—уже навязывалъ Судейкинъ.

— Я не писарь, не могу у васъ служить.

— О, да вы умѣете хорошо притворяться! Да!—перемѣнивъ тонъ, перебилъ Судейкинъ.

— Какая злость разбирала меня въ это время. Если бы мы сидѣли рядомъ, если бы у дверей не было жандармовъ, я бы бросился и загрызъ его зубами,—признавался Н.

Судейкинъ, зная, до чего онъ могъ своимъ поведеніемъ довести человека, имѣлъ обыкновение садиться на противоположной сторонѣ длиннаго стола, чтобы не получить пощечину, а у дверей ставилъ жандармовъ, готовыхъ ворваться въ таинственную приемную въ одинъ мигъ и спасти своего начальника.

— Никогда я еще не ненавидѣлъ такъ полицію, никогда не имѣлъ желанія убивать, а тогда, о какъ бы я его убилъ, не моргнулъ бы. Шаромыжникъ! раскудахтался, расхвастался, что забо-

тится о рабочихъ. Распинался, вралъ, что преслѣдуетъ только за бомбы. А за что меня морилъ въ тюрьмѣ почти годъ? Чему училъ, деньгами прельщаль? Чтобы я на заводѣ подслушивалъ разговоры мастеровыхъ и доносилъ ему; чтобы торговалъ, продавая своихъ товарищей. Продажная, проклятая его душа, хотѣлъ изъ меня луду сдѣлать. Нѣтъ, будь онъ проклятъ со своими деньгами и дѣлами. Какъ сладко распинался за насъ рабочихъ. А какъ мучилъ мою мать и сестру, когда просили у него свиданія со мною? Сколько разъ говорилъ онъ имъ, что меня повѣсятъ или сошлютъ на каторгу, обрѣютъ, закуютъ въ цѣпи. Все-то вралъ, чтобъ мать довести до слезъ, чтобы она меня склонила на его приманку. Нашелъ дуру, какъ разъ такъ вотъ и поддалась. Грозилъ, грозилъ, сманивалъ, сманивалъ да носъ и получилъ. Выпустилъ, ничего не добился. Теперь я ихъ жандармскіе подвохи знаю. Зарубите, ребята, себѣ на носу про случай.

Выпуская на свободу такихъ несговорчивыхъ рабочихъ, Судейкинъ и Янковскій прибѣгали къ жестокимъ средствамъ, чтобы сломить упорство: они назначали строгій негласный надзоръ за такими упорными; шпіоны преслѣдовали ихъ по пятамъ, а по заводамъ дѣлали распоряженіе — «не принимать». Можно представить себѣ положеніе такихъ рабочихъ. Являются они на прежніе заводы—имъ отказываютъ. Ищутъ мѣсто на другихъ, пристраиваются, сдаютъ пробную работу—и снова получаютъ отказъ, не подозревая, что все это продѣлки этихъ благодѣтелей, Судейкина и Янковскаго. Выѣхать изъ Петербурга денегъ нѣтъ, оставаться — нигдѣ не даютъ работать. Такими приемами они доводили нѣкоторыхъ рабочихъ до отчаянія, а слабыхъ и малосознательныхъ до предательства.

Янковскій былъ помощникъ Судейкина. Во время разъѣздовъ послѣдняго занималъ его мѣсто, нисколько не уступая своему начальнику ни въ жестокости, ни въ хитрости, ни въ безстыдствѣ. Онъ, какъ и самъ Судейкинъ, то запугивалъ рабочихъ, то соблазнялъ рабочихъ деньгами и распинался въ томъ, что всѣ усилія дѣлаетъ, чтобы улучшить положеніе рабочихъ; то клеветалъ одному на другого, что тотъ-то откровенно ему признался и все рассказалъ,—словомъ, какъ и Судейкинъ, всѣми способами развращалъ и мучилъ рабочихъ, называя себя въ то же время мирнымъ социалистомъ. Самая физиономія Янковскаго съ перваго же взгляда отталкивала и коробила. Бѣлобрысый, юркій какъ змѣя. Глаза какіе-то стеклянные, злые и холодные, такъ и прыгаютъ, точно онъ что нибудь укралъ или сдѣлалъ такое, за что бьютъ по физиономіи. Янковскій страшно не любилъ евреевъ и поляковъ. Сдѣлавшись потомъ житомирскимъ губернаторомъ, проявилъ эту злобу къ нимъ въ жестокихъ преслѣдованіяхъ и гоненіяхъ на евреевъ и поляковъ. Обитатели Житомира должны хорошо помнить этого господина.

Такими средствами они надѣялись сломить упорство непокорныхъ. Но достигли обратнаго; рабочіе озлобились, передавали свое раздраженіе товарищамъ. Нравственный развратъ, посѣянный

Судейкинымъ, не помогъ ему, хотя сильно связывалъ руки рабочимъ; зарождалось какое-то недовѣріе. «Прямо не знаешь, что дѣлать. Идешь къ своему, а смотришь—онъ проданъ», говорили нѣкоторые рабочіе, которымъ чаще приходилось бѣгать по заводамъ, разносить литературу, созывать на сходки: „тотъ сидитъ безъ работы и пьянствуетъ, мотаетъ деньги. Откуда онъ? Разумѣется, изъ секретнаго отдѣленія; другой обзавелся новымъ дорогимъ костюмомъ, а недѣлю назадъ сидѣлъ безъ сапогъ и въ рваныхъ брюкахъ. Надо слѣдить за ребятами—стоитъ двухъ-трехъ проучить, другіе сами перестанутъ“. На Балтійскомъ и Семяниковскомъ заводахъ образовались группы рабочихъ, задавшихся цѣлью выслѣживать, откуда берутся эти средства. Эти выслѣживания доходили до курьезовъ. Тотъ же рабочій Н., слѣдя какъ-то за однимъ изъ своихъ старыхъ пріятелей, довелъ его до Гороховой и тутъ увидалъ другого, съ которымъ подозрѣваемый встрѣтился. Оба отправились въ секретное отдѣленіе, т. е. къ Судейкину. Зная квартиру перваго, онъ цѣлый день простерегъ его на углу и такъ угостилъ, что тотъ на другой же день покинулъ столицу. Куда онъ дѣвался—такъ никто и не зналъ. Другого же завелъ въ портерную, подпоилъ и вынудилъ признаться.

— Грѣшень, отвѣтилъ тотъ: взялъ 25 руб. тамъ, но, клянусь, никого не указалъ.

— Иуда! Если ты еще разъ пойдешь туда, то и не вернешься. Самъ пропаду, но тебя достану. А не я, такъ другой. Вѣдь за всѣми вами, подлыми душами, мы смотримъ, каждый шагъ вашъ знаемъ,—пригрозилъ ему Н.а

И этотъ рабочій покинулъ Петербургъ, давъ обѣщанія оставить всякія дѣла и революціонныя, и шпіонскія.

Н. былъ вообще удалой, энергичный и предприимчивый парень, человѣкъ смѣлый до безумія. На такихъ малодушныхъ онъ прямо наводилъ ужасъ и мѣсяца черезъ два совершенно очистилъ Балтійскій заводъ отъ предателей. Но не вездѣ такъ легко удавалось открыть и освободиться отъ продажныхъ товарищей. Пропаганда опять приняла болѣе скрытный характеръ. Тогда жандармы пустили въ ходъ провокацію. Съ юга явился рабочій Преймъ, которому въ Ростовѣ грозила уголовная кара; онъ укралъ мѣдные подшипники съ цѣлаго поѣзда и продалъ ихъ, а самъ скрылся. Не знаю, былъ ли онъ когда въ ростовскомъ кружкѣ чернопредѣльцевъ, но, пріѣхавъ въ Петербургъ, сошелся съ рабочимъ Сусловымъ, жившимъ на содержаніи у Судейкина. Тотъ познакомилъ его съ послѣднимъ, и договоръ былъ заключенъ. Сусловъ же ввелъ его въ одинъ изъ рабочихъ кружковъ, отрекомендовавъ какъ стараго пріятеля, ловкаго, энергичнаго. Преймъ дѣйствительно былъ ловокъ, что подтверждается продажей подшипниковъ и пронырливостью, съ которой онъ проникалъ всюду, но у него не хватало выдержки. Деньги, получаемыя отъ Судейкина, онъ транжирить и пропивалъ, что не могло не вызвать подозрѣній. Замыселъ его былъ — по возможности познакомиться со всѣми передовыми рабочими и сразу всѣхъ

выдать. Поэтому онъ сначала никого не выдавалъ, но старательно велъ развѣдки, пользуясь неопытностью малосознательныхъ. Черезъ нихъ онъ узналъ о рабочихъ сходкахъ, которыя происходили за городомъ. Ему хотѣлось попасть на эти сходки, но не удалось. Многие прямо говорили, что онъ предатель, и требовали его устранения. Другіе же, наоборотъ, защищали его, указывая на то, что явныхъ уликъ нѣтъ никакихъ, а есть только подозрѣнія. Если бы онъ былъ предателемъ, съ нимъ бы не поддерживали сношеній ни Егорычъ, ни Петровичъ, говорили, они (последніе два — нелегальные интеллигенты). Но какъ бы то ни было, отношеніе къ Прейму измѣнилось.

Онъ и самъ сталъ замѣчать недовѣріе. Иногда куда-то пропадалъ, но выдавать еще не рѣшался: ему хотѣлось завести какъ можно болѣе широкое знакомство на всѣхъ заводахъ и однимъ ударомъ уничтожить все. Но вышло иное. Въ одномъ изъ трактировъ онъ провалилъ двухъ интеллигентовъ и тѣмъ выдалъ себя. Среди рабочихъ носился слухъ, что Судейкинъ представлялъ его Александру III, которому онъ будто бы далъ слово вывести всю крамолу среди рабочихъ. Негодованіе противъ такого провокатора было ужасное. Онъ чувствовалъ это и нѣкоторое время никуда не показывался. Эту предательскую особу всегда охраняли два или три шпіона. Наконецъ, онъ вновь явился: ему захотѣлось новыхъ знакомствъ, которыя уже были приготовлены во многихъ мѣстахъ съ тѣмъ, чтобы изъ нихъ онъ никогда не возвратился. 29 іюня, во время гулянья на Смоленскомъ кладбищѣ, уже валялся его трупъ, обнаруженный только на другой день. При немъ была найдена записка съ перечисленіемъ фамилій тѣхъ рабочихъ, которыхъ онъ собирался продать. По этому списку произвели аресты и совершенно разгромили нѣкоторые кружки. Сусловъ исчезъ, боясь участи Прейма. Судейкинъ снова возвратился къ прежнему средству — развращать рабочихъ деньгами. Онъ арестовывалъ «зеленыхъ», награждалъ ихъ деньгами, увѣрялъ, что онъ все же социалистъ, но что онъ жестоко будетъ преслѣдовать терроръ, что терроръ только вредитъ рабочему дѣлу, и быстро выпускалъ ихъ на волю. Эта тактика была ужъ не нова, — какъ она напоминаетъ зубатовщину! — передовые кружки не боялись ея, но она тормозила дѣло; миролюбивый элементъ сводилъ свою работу на культуртрегерство, побывавшіе въ рукахъ Судейкина внушали недовѣріе. Стали поговаривать о томъ, какъ бы самого Судейкина отправить къ Прейму. Наконецъ, въ іюль 81 г. было выпущено изъ предварилки нѣсколько дѣятельныхъ рабочихъ. Одинъ изъ нихъ, Р., взялъ на себя эту роль. Планъ былъ такой, что онъ обѣщаніями будетъ поддерживать сношенія съ Судейкинымъ и Янковскимъ и добьется у нихъ свиданія не въ секретномъ отдѣленіи, а на улицѣ. Игра была слишкомъ рискованная для такого молодого юноши, какъ Р. Ему было всего 19 л., но умный, энергичный и рѣшительный, пользовавшійся въ то время извѣстностью, онъ настаивалъ на своемъ планѣ, о которомъ знало всего нѣсколько лицъ. Насколько тактика Судей-

кина всѣхъ волновала, видно изъ того, что такую же цѣлью, какъ и Р., задался еще другой кружокъ. Пропаганда могла идти гораздо успѣшнѣе, если бы не мѣшали Судейкинъ и Янковскій, вносившіе развратъ въ рабочую среду. Нелегальной литературы для рабочихъ прибавилось.

Чернопередѣльцы въ нѣсколько мѣсяцевъ выпустили нѣсколько номеровъ «Зерна». Появились новые интеллигенты; посѣщеніе ихъ сдѣлалось чаще. Чаще устраивались рабочія сходки, на которыхъ они выясняли рабочимъ ихъ положеніе, призывали къ дружной, непрестанной борьбѣ. Рѣчи Теллалова особенно нравились рабочимъ; онъ говорилъ всегда горячо, просто и коротко. Каждое слово его жгло рабочихъ, будило энергію. Въ это время были и другіе, но общимъ любимцемъ оставался Теллаловъ. Не даромъ чернопередѣльцы обвиняли его въ томъ, что онъ привлекъ въ ряды Народной Воли самыхъ видныхъ членовъ ихъ партіи.

Многіе рабочіе понимали, что уже въ то время обѣ организациі работали совмѣстно. Народовольцы часто передавали рабочіе кружки чернопередѣльцамъ, приносили чернопередѣльческую нелегальную литературу. Съ ней уже не обращались такъ бережливо и скупю, какъ прежде, но щедро раздавали повсюду. На нѣкоторыхъ заводахъ ее расклеивали или разбрасывали по инструментальнымъ ящикамъ въ мастерскихъ. Неутомимый Судейкинъ и это обстоятельство не оставилъ безъ вниманія. Онъ насовывалъ своихъ шпионовъ почти во всѣхъ заводахъ. Одинъ изъ нихъ, обнаружившій особенную энергію и ловкость, исчезъ навсегда и для своего начальника, и для рабочихъ, надъ головой другого пролетѣлъ громадный камень и заставилъ прятаться отъ рабочихъ. Хитрый жандармъ, повидимому, и самъ не особенно надѣялся на своихъ уличныхъ слугъ, его главные сподвижники были предатели и провокаторы. Р. игралъ съ ними въ темную и раздражалъ. Изъ трусости, или по какимъ другимъ причинамъ, Судейкинъ передалъ дѣло съ Р. Янковскому. Тотъ повелъ дѣло круто, прямо далъ понять Р., что тотъ строитъ ловушку. Нервы Р. не вынесли. Онъ собрался уѣхать, но вмѣсто того отправился къ Янковскому и бросился на него съ ножомъ. Янковскій отскочилъ за столъ. Ворвались его слуги. Р. выбросился изъ окна второго этажа и сломалъ себѣ позвоночный столбъ.

Жандармы воспользовались безсознательнымъ состояніемъ Р., который будто бы указалъ на скрытый трупъ шпиона въ ретирадѣ дома, гдѣ квартировалъ его товарищъ. Бросились туда, перерыли весь ретирадъ, дворъ, но ничего преступнаго не нашли и всетаки привлекли было этого товарища, но онъ благополучно ускользнулъ изъ ихъ рукъ. Другая группа тоже жестоко поплатилась. Трое рабочихъ были арестованы и обвинялись въ замыслѣ на жизнь Судейкина и Янковскаго. Доказательствъ формальныхъ не было, но ихъ содержали такъ строго, что одинъ изъ нихъ, И. Самострѣловъ, сошелъ съ ума черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Многимъ рабочимъ пришлось выѣхать изъ Петербурга, частью для заведенія связей съ

другими городами, частью—чтобы не попасть въ руки жандармовъ. Въ Москву перебрался нѣкто Степанъ Бѣловъ, рабочій изъ Стараго арсенала, оказавшійся потомъ предателемъ и провокаторомъ.

Въ Москвѣ онъ очень ловко выдалъ чернопредѣльца Яковенко и др. затѣмъ провалилъ Буланова съ товарищами.

Въ то время, когда Петербургъ кипѣлъ революціонной жизнью, Москва какъ-то дремала. Нѣсколько мѣсяцевъ здѣсь работалъ С. Халтуринъ. Онъ завелъ знакомство съ рабочими на Комиссаровскомъ заводѣ и въ мастерскихъ Курской ж. д. По прїѣздѣ Желвакова въ Москву, онъ вмѣстѣ съ нимъ отправился на югъ, предложивъ революціонерамъ обратить вниманіе на Москву. Нѣсколько лѣтъ московскіе рабочіе были предоставлены самимъ себѣ. Главнымъ образомъ, работа здѣсь велась среди студенчества. Не знаю, чѣмъ это объяснить, но теперь было рѣшено поставить здѣсь рабочее дѣло такъ же, какъ и въ Петербургѣ. Передъ отъѣздомъ Халтурина сюда были вызваны рабочіе съ юга и съ сѣвера. Двое изъ послѣднихъ скоро пристроились на заводахъ. Надо уговориться, что московскіе рабочіе того времени во многомъ уступали петербургскимъ: они были менѣе развиты, съ меньшимъ чувствомъ собственнаго достоинства держали себя съ администраціей и хозяевами, меньше зарабатывали. Петербургскіе рабочіе, если не каждый день, то хоть въ праздники читали газеты, у московскихъ же любимымъ препровожденіемъ времени было чаепитіе въ трактирахъ, да и безграмотныхъ здѣсь было гораздо больше, чѣмъ въ Петербургѣ. Кромѣ того, московскіе рабочіе отличались крайней неподвижностью, громадное большинство изъ нихъ нигдѣ кромѣ Москвы не бывало. Впрочемъ, это послѣднее обстоятельство облегчало работу. Всякіе рассказы о томъ, какъ живутъ рабочіе въ другихъ городахъ, привлекали ихъ вниманіе, и прїѣзжій новичекъ дѣлался чуть ли не героемъ.

Въ 81 году, зимою, рабочему П. удалось поступить на маленькой заводъ Беккера, гдѣ работали почти одни подмосковные крестьяне. Сѣверный новичекъ рассказалъ имъ о жизни петербургскихъ рабочихъ.

— А вотъ у насъ совсѣмъ не такъ. Нашихъ иногда хозяинъ колотить, и всѣ молчатъ—боятся.

— А въ Питерѣ за это свои сживутъ съ завода. Тамъ рабочіе бьютъ хозяевъ. Мало имъ того, что на нихъ работаешь, да еще бить. Это позоръ. Сами виноваты. Что, стыдно?

— Мы ничего не знаемъ, нигдѣ не бывали.

— Не въ этомъ дѣло. Надо помнить, что ты человекъ, и никто не смѣетъ тобой помыкать. Насъ много, мы—сила! Только надо поменьше пьянствовать, да дружище стоять другъ за друга. Соединиться со всѣми рабочими другихъ фабрикъ и заводовъ... Вы вотъ познакомьте-ка меня въ праздникъ со своими пріятелями, тогда дѣло пойдетъ.

— Что жъ, можно...

Въ ближайшее же воскресенье его повели на Бромлеевскій за-

водъ, къ Гоперу, Доброву и другимъ. По московской привычкѣ знакомились въ трактирѣ за чаемъ. Удалось намѣтить наиболѣе подходящихъ лицъ, съ которыми въ слѣдующій праздникъ поговорилъ откровеннѣе, и вотъ связи завязаны, пошла работа, намѣченные лица уже сами повели агитацію. Явилось желаніе читать, бесѣдовать о положеніи рабочаго люда, явилось желаніе улучшить это положеніе. А отъ экономическихъ вопросовъ до политическихъ одинъ шагъ, который сдѣлать не трудно. Работа пошла противъ ожиданія чрезвычайно быстро, чувствовался только недостатокъ въ нелегальной литературѣ. Въ это время былъ выпущенъ № 2 *Рабочей Газеты*, но и то въ небольшомъ количествѣ. Приходилось пользоваться исключительно легальной литературой. Къ концу февраля здѣсь уже были организованы рабочіе кружки: на заводѣ Беккера, на прохоровской мануфактурѣ, въ мастерскихъ московско-смоленской ж. д., на заводѣ Доброва, Бромлея, заведены связи во многихъ другихъ мастерскихъ, на заводѣ Лигарта и на фабрикѣ роялей. Рабочіе завода Бромлея не ограничивались одной пропагандой, они наказывали своихъ мастеровъ, колотили ихъ за грубое обращеніе.

Интересно отмѣтить, насколько московскіе рабочіе стояли въ сторонѣ почти съ 78 г. Одинъ изъ пріѣзжихъ рабочихъ революціонеровъ наткнулся на цѣлую группу рабочихъ на смоленской ж. д., сохранившуюся еще со времени процесса 50-ти. Они говорили, что съ того времени не имѣли никакихъ революціонныхъ связей, не читали ни одного революціоннаго изданія и знали о существованіи организацій только по легальнымъ газетамъ и тѣмъ фактамъ, которыми заявлялъ о себѣ Исп. Ком. Когда ихъ спрашивали, дѣлали ли они что-либо за это время, отвѣчали—ничего, потому что чувствовали себя оторванными. На другихъ заводахъ встрѣчались тоже такія отдѣльныя лица, которыя охотно присоединялись къ рабочимъ кружкамъ. Въ Москвѣ существовала сапожная мастерская, переведенная съ юга чернопредѣльцами. Организована она была по старому шаблону; въ ней было только трое: двое уже сознательныхъ, а третій новичекъ. Изъ него они должны были воспитать революціонера. Днемъ всѣ работали вмѣстѣ сапоги, а по вечерамъ читали, бесѣдовали. Такой способъ пропаганды оказался никуда негоднымъ, не стоилъ труда. Сидѣть двоимъ надъ однимъ было уже слишкомъ бесплодно. Кромѣ того вести пропаганду среди ремесленниковъ того времени было дѣло чрезвычайно трудное, дававшее къ тому же ничтожные результаты. Не говоря уже объ умственномъ и нравственномъ уровнѣ ремесленниковъ, но главное у нихъ не замѣчалось и настроенія, котораго и быть не могло благодаря тому, что они живутъ и работаютъ въ маленькихъ мастерскихъ съ пятью-шестью рабочими, всегда на глазахъ у хозяина. Ихъ рабочій день отъ 14 до 15 часовъ. Какой же можетъ быть интересъ къ революціи. Правда, встрѣчались отдѣльныя личности, но черезчуръ рѣдко. Сапожная мастерская быстро разстроилась, просуществовавъ мѣсяца 2 и завербовавъ только одного человѣка.

Въ началѣ фѣвралѣ 82 г. въ Москвѣ начались провалы среди нелегальныхъ интеллигентовъ. Новое предательство рабочаго Степана Бѣлова. Были арестованы: Юрій Богдановичъ, Златопольскій, А. Булановъ и др. Оставшіеся разъѣхались, за исключеніемъ немногихъ, но и тѣ нѣкоторое время не показывались. За рабочими Мартыновымъ и П. стали слѣдить. Необходимо было скрыться, передать рабочихъ кому-либо изъ интеллигентовъ. Между нѣкоторыми рабочими и уцѣлѣвшими интеллигентами возникло недоразумѣніе. Первые упрекали послѣднихъ въ томъ, что тѣ мало удѣляли времени на занятія съ рабочими. Рѣшили обратиться къ петербургской организаціи, но дѣло скоро уладилось: рабочіе узнали причину невниманія—это аресты. Какъ разъ выхватили тѣхъ, которые брали на себя роль руководителей рабочихъ. Успѣвшіе скрыться переселились въ другіе города въ виду того, что рабочій Степанъ Бѣловъ былъ заподозрѣнъ въ предательствѣ. Переселившись въ Москву, онъ жилъ здѣсь нелегально, на заводъ работать никуда не поступилъ, ссылаясь на то, что сейчасъ же провалится, такъ какъ Романовъ его знаетъ и навѣрно укажетъ. Чтобы прикрыть свое предательство, онъ все сваливалъ на Р., который въ то время содержался въ СПБ. Литовскомъ замкѣ, въ больницѣ, куда къ нему ходилъ непричастный ни къ какому дѣлу землякъ. Еслибы Р. выдалъ, то въ Москвѣ были бы арестованы другія лица, но арестовывали не ихъ. Кромѣ того, Бѣловъ велъ безобразную жизнь: пьянствовалъ, особенно въ концѣ января, завелъ «темныя» знакомства и тратилъ массу денегъ. Разъ на столѣ его комнаты была найдена записка со счетомъ на 450 рублей. Для рабочихъ, близко знающихъ Бѣлова, было ясно, что, сидя въ предварилкѣ, онъ сошелся съ Судейкинымъ и Янковскимъ и поступилъ къ нимъ на содержаніе. Эти рабочіе обратились къ нелегальнымъ. Но тѣ сочли приведенныя доказательства недостаточными и предложили удалить Бѣлова отъ кружковъ. Тотъ догадался. Немедленно рѣшилъ переѣхать въ Питеръ; за нимъ отправились двое рабочихъ, но тамъ къ нимъ отнесли такъ же, какъ и въ Москвѣ: Бѣлова не признали предателемъ, хотя нашли нужнымъ совершенно изолировать. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ предположеніе подтвердилось: одинъ изъ подвыпившихъ жандармскихъ офицеровъ похвастался на вечерѣ, сказавъ, что хотя и убили С. Прейма, но у нихъ есть другой—Степанъ Бѣловъ. Послѣдній, потерявъ всѣ связи въ Питерѣ, куда-то исчезъ; говорятъ, его встрѣчали на югѣ, но уже не у дѣль.

Жизнь юга въ 82—83 гг. нѣсколько отличалась отъ жизни сѣвера. Въ Харьковѣ существовало два теченія: чернопредѣльческое и народовольческое. Это разграниченіе сказывалось и на рабочихъ. Народовольцы имѣли свой кружокъ на желѣзной дорогѣ и въ Полтавѣ. Чернопредѣльцы—на мелкихъ заводахъ. Крупныхъ заводовъ въ Харьковѣ не было. Здѣсь отношенія чернопредѣльцевъ къ народовольцамъ не были такъ миролюбивы, какъ въ СПБ. Одному изъ членовъ рабочей организаціи пришлось натолкнуться на такой случай. Однажды въ обѣденное время онъ велъ разговоръ съ новыми

рабочими на тему о программахъ. Подходить пожилой строгальщикъ, прислушивается и вдругъ прерываетъ. «А развѣ вы не знаете, что народовольцы силою заставляютъ своихъ членовъ идти на террористическія предпріятія!..» «Какой жандармъ или глупецъ сказалъ вамъ это—прерываетъ его другой—развѣ, напримѣръ, тебя можно силою послать на такое дѣло?» «Мнѣ такъ говорили люди знающіе»—возражаетъ строгальщикъ. «Да, дѣйствительно свѣдущіе, но мало знающіе,—нападаютъ на него многіе,—жандармы то же говорятъ всѣмъ». «Отъ нихъ—я самъ слышалъ», прибавляетъ одинъ.— Но строгальщикъ слышалъ не отъ жандармовъ, а отъ одного изъ интеллигентныхъ руководителей. Последніе тщательно изолировали свои рабочіе кружки отъ народовольческихъ. Часто случалось такъ, что на одномъ заводѣ, напримѣръ, у Пильстрема, существовали и тѣ, и другіе, не входя ни въ какія сношенія. И когда приходилось поднимать общее дѣло, возникала рознь и даже вражда. Борьба переносилась на борьбу между собой, а не съ заводскими порядками. Не то же ли самое происходитъ и теперь. Очень жаль, что опытъ не научилъ товарищей! Въ доброе старое время, когда работа имѣла видъ подготовительной работы, подобнаго рода рознь не вредила такъ, какъ теперь, когда борьба идетъ въ открытую и массами.

Въ 81 и 82 г. харьковскіе рабочіе вели только пропаганду, организовали рабочіе кружки. Наибольшею энергіею отличался у Н. В. Яковъ Сабко, арестованный въ 83 г. и умершій въ харьковской тюрьмѣ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, и еще нѣсколько лицъ. У чернопередѣльцевъ—Федоръ Шкряба, потомъ поступившій на службу Судейкина и убитый Антоновымъ въ 84 году за предательство. На харьковской рабочей группѣ лежала обязанность перевозки нелегальной литературы въ южные районы. Доставка была организована очень искусно, кажется, Ан-мъ, и просуществовала весьма долго, съ начала 82 по 84 г.

Къ Харьковскому району примыкали Ростовъ на-Дону, Таганрогъ и Полтава. Послѣ арестовъ въ 79 году, когда ростовцы разгромили нѣсколько участковъ и разогнали городскую полицію, совершенно овладѣвъ городомъ, они теперь какъ будто отдыхали. Буйный городъ затихъ, но не потому, что аресты выхватили передовой элементъ, а просто вслѣдствіе того, что другіе города не откликнулись. Въ 80, 81 и 82 г. настроеніе здѣсь было таково, что достаточно было гдѣ-нибудь произвести бурю, ростовцы немедленно бы поднялись. Замѣчательно, что здѣсь и босякъ настроенъ былъ революціонно и былъ проникнутъ такой ненавистью къ полиціи, что достаточно было малѣйшаго повода, чтобъ снова поднять его. Ростовскіе революціонеры не оставляли его безъ вниманія: у нихъ имѣлось нѣсколько человекъ матросовъ и кочегаровъ, которые вели пропаганду только среди береговыхъ рабочихъ, но никакой организаціи создать не удалось. Вся дѣятельность сводилась только къ пропагандѣ. Босякъ неусидчивъ, не привязывается къ одному и тому же мѣсту, онъ переселяется очень быстро. Но

благодаря своей подвижности, онъ занесъ революціонный духъ и въ Грушевскія каменноугольныя копи. Наибольше постоянная часть босяковъ, живущая въ Ростовѣ, не была затронута отчасти потому, что невыносимыя условія жизни свели ее на самую низкую ступень человѣчества. Она только знала работать и пить; отчасти это были мѣщане, небогатые домовладѣльцы, извозчики и крестьяне,—тоже довольно консервативный элементъ, мечтающій о торговлѣ.

Совсѣмъ другое представляли заводскіе рабочіе. Это была однородная рабочая масса, образовавшаяся по большей части изъ пришедшихъ мастеровыхъ со всѣхъ концовъ Россіи. Между ними издавна велась пропаганда и пропаганда смѣшанная. Среди нея работали и чернопредѣльцы, и народовольцы, и мѣстная учащаяся молодежь, и члены организациі изъ другихъ городовъ. Въ 82 г. весною здѣсь ввели патриархальные порядки, несмотря на провалъ 81 г., когда было арестовано нѣсколько человѣкъ. Каждый зналъ всѣхъ и всѣ знали cadaго. По праздникамъ сходились цѣлыми толпами въ одну квартиру какъ интеллигенція, такъ и рабочіе. Несостоятельность какого порядка тотчасъ же сказалась, какъ только провалились истребленіе студентовъ, когда-то жившіе здѣсь. Одинъ—Литвиновъ—разсказалъ все о Ростовѣ. Произвели обыски, но только благодаря тому, что ни у кого ничего не нашли, дѣло кончилось благополучно, отдѣлалось надзоромъ до поры до времени. Послѣ этого произошла группировка. Организовался центральный кружокъ, задалъ постоянную связь съ Х. центральной группой Народной Воли. Многимъ это не понравилось, но потомъ всѣ примирились, видя, что при такихъ условіяхъ рабочіе проявляютъ больше инициативы и энергіи. Возникла мысль устроить типографію, кассу. Главнымъ двигателемъ были мастерскія владикавказской ж. д., отсюда уже заводились кружки на заводѣ Пастухова, Граммана и др. Центральный кружокъ поставилъ себя такъ, что рабочіе по всѣмъ вопросамъ обращались то къ тому, то къ другому изъ его членовъ, не подозревая существованія связи между ними. Когда осенью одному изъ членовъ на ж. д. сбавили плату, рабочіе предоставили рѣшеніе вопроса членамъ этой группы, которая увлекла за собою всѣхъ, и членъ былъ удовлетворенъ. Позже рабочіе разгромили мастерскія и наказали почти всѣхъ мастеровъ. Въ концѣ 83 г. этотъ кружокъ издавалъ гектографированную газету, статьи которой были писаны исключительно рабочими. Ростовская группа выдѣлила изъ себя рядъ дѣятельныхъ личностей и разслала ихъ въ другіе города. Ник. Мартыновъ (арестованъ въ Кіевѣ, оказалъ вооруженное сопротивление, просидѣлъ въ Шлиссельбургской крѣпости 12 лѣтъ и застрѣлился въ гор. Якутскѣ въ 1903 г. въ маѣ); наиболѣе видную роль игралъ здѣсь Андрей Карпенко. Молодой, скромный и умный юноша пользовался громаднѣйшей популярностью среди ростовскихъ рабочихъ, особенно въ токарномъ цехѣ владикавказскихъ мастерскихъ. Родился и выросъ онъ въ Ростовѣ, много читалъ. Книжки носилъ онъ даже въ мастерскую. Прекрасно говорилъ. Часто въ свободное время собиралъ онъ группы рабочихъ, читалъ имъ что-

либо изъ европейскихъ революцій, ловко выбирая отдѣльныя страницы и связывая ихъ по своему въ одно цѣлое. Когда торопливые упрекали его въ томъ, что онъ пичкаетъ рабочихъ только легальной литературой, Карпенко отвѣчалъ: «надо фундаментъ заложить крѣпкій, тогда вамъ все что угодно. Наша нелегальщина бѣдна. Я самъ до сихъ поръ прочелъ всего 3 или 4 №№ Народной Воли. Научись изъ легальныхъ книгъ выхватить нужное. Мы все хотимъ взвалить на интеллигентовъ: они придуть, разжуютъ и въ ротъ положить. У нихъ и безъ того много работы. Мы сами должны работать надъ собой и надъ своими товарищами, съ которыми бываемъ каждый день. Интеллигентъ къ намъ можетъ явиться разъ-два въ недѣлю. Многому не научимся. А вѣдь скоро придется разъѣзжаться: во многихъ городахъ у насъ совсѣмъ нѣтъ связей. Мы не знаемъ, что случится, можетъ быть, повторится новый мартъ, а мы не сможемъ поддержать его ничѣмъ. Такъ никогда ничего и не добьемся. Рабочіе должны привыкать самостоятельно работать, не дожидаясь подталкиваній».

Съ такими призывами Карпенко часто обращался къ своимъ товарищамъ. Въ его молодой головѣ зарождались самые широкіе планы. Поставивъ дѣло на широкую ногу въ Ростовѣ, организовавъ нѣсколько центральныхъ кружковъ, типографію, установивъ прочныя связи съ Новочеркасскомъ, Воронежемъ, Грушевскими копиями, онъ думалъ уговорить товарищей разъѣхаться по другимъ рабочимъ пунктамъ. Въ это время двое изъ его пріятелей-рабочихъ заявили представителю центральной харьковской группы желаніе принять участіе въ террористическихъ актахъ. Одному было отвѣчено откровенно, что онъ молодъ. Другого успокоили на время тѣмъ, что указали на необходимость немедленно поѣхать въ Елисаветградъ и заняться тамъ рабочей организаціей. Къ такимъ мѣрамъ народовольцы часто прибѣгали, когда стремительная натуры одолѣвали ихъ своими предложеніями на боевую работу. Карпенкѣ въ то время очень нравились такіе приемы. Вскорѣ онъ и самъ уѣхалъ въ Екатеринославъ, быстро организовалъ здѣсь нѣсколько кружковъ, а затѣмъ не устоялъ и заболѣлъ тою же болѣзью, какою страдали почти всѣ передовые рабочіе того времени—мечтою о боевой дѣятельности. Да и трудно было сохранить буддійское спокойствіе, когда кругомъ полиційскія преслѣдованія, аресты, ссылки и казни. Мирная подготовительная работа казалась чѣмъ-то маленькимъ, обещающимъ дать результаты только въ далекомъ, далекомъ будущемъ. Затѣмъ Карпенко былъ переведенъ въ Севастополь, гдѣ его и арестовали въ 85 г. Почему его не присоединили ни къ одному процессу—трудно сказать. Подъ слѣдствіемъ онъ просидѣлъ болѣе 3-хъ лѣтъ, а затѣмъ вмѣстѣ съ другими былъ высланъ на Сахалинъ на 10 лѣтъ, гдѣ и умеръ отъ чахотки. Затѣмъ рядъ другихъ, фамиліи которыхъ упоминать неудобно. Въ 85 г. въ Ростовѣ были произведены большіе аресты, многихъ выслали въ Сибирь и на сѣверъ Россіи. Изъ интеллигентныхъ людей въ 80 и 81 гг. здѣсь работали Сергѣй Пешекеровъ, К., Рафаэли и

другіе. Въ 82 г. при основаніи революціонной группы Народной Воли—Л., нынѣ здравствующій; Немоловскій, умершій въ шлиссельбургской крѣпости въ 86 г.; Кашинцевъ, Желваковъ и др. Дѣятельность ростовской группы распространялась на Новочеркасскъ, Таганрогъ, Елисаветградъ и Екатеринославль. Въ 82 и 83 г. во всѣхъ этихъ пунктахъ уже имѣлись кружки. Въ Елисаветградѣ одному изъ членовъ кружка П. пришлось работать совершенно на неподготовленной, нетронутой почвѣ. Тѣмъ не менѣе въ теченіе двухъ мѣсяцевъ здѣсь уже имѣлось два рабочихъ кружка, учащаяся молодежь принялась за гектографированіе нелегальной литературы. Отгектографирована была программа рабочей партіи Народной Воли. Тотъ же членъ ростовской группы былъ вызванъ въ Севастополь, который было необходимо связать съ харьковскимъ райономъ. Здѣсь велась работа и прежде Поликарповымъ, Телепневымъ и др. Были связи среди рабочихъ и матросовъ. Но аресты въ 82 г. разрушили организацію. Въ такихъ мѣстахъ нетрудно было восстановить порванные связи: всегда находились или остатки организаціи, или же люди близко стоявшіе къ ней. По этимъ связямъ восстанавливались организаціи, или же заводилась новая. Но въ то время Севастополь не представлялъ особеннаго интереса для рабочаго движенія, кромѣ переправочнаго пункта нелегальной литературы изъ-за границы въ Россію. Поэтому сознательные рабочіе недолго оставались здѣсь и переселялись въ центры: въ Харьковъ, Одессу и Кіевъ. Сношенія съ Севастополемъ были довольно оживленныя. Сюда часто наѣзжали не только изъ центровъ, но и рабочіе изъ организаціи.

Сравнивая условія жизни западной части юга: Одессу, Николаевъ, Полтаву и Кіевъ того времени, нельзя было не замѣтить громадной разницы. Полиція этого района была поставлена лучше, а на помощь ей часто являлось предательство. Въ 81 и 82 г. рабочей Меркуловъ провалился въ Одессѣ все, что зналъ. Затѣмъ военный прокуроръ Стрѣльниковъ дѣлалъ безпрестанные набѣги, производились массовые аресты, запугивалъ молодыхъ рабочихъ и велъ себя на допросахъ грубо и дерзко. Благодаря такой системѣ, онъ часто разрушалъ мѣстныя организаціи. Его дерзость дошла въ Кіевѣ до того, что раздраженный на допросѣ однимъ рабочимъ, отказавшимся давать какія либо показанія, схватилъ его за горло со словами: «задушу, заставлю говорить!» Когда узнали объ этомъ рабочіе на волѣ—негодованію не было конца. Но Исполнительный Комитетъ уже рѣшилъ покончить со Стрѣльниковымъ. Въ 1882 г. онъ былъ убитъ въ Одессѣ Желваковымъ, который навѣрно скрылся бы, такъ какъ въ качествѣ извозчика его ждалъ Халтуринъ. Поднялась тревога. Переодѣтые жандармы, охранявшіе Стрѣльникова, подняли крикъ: «Ловите, ловите жулика!» Хотя Желваковъ и прокричалъ, что онъ не жуликъ, а социалистъ, крющники бросились на него. Соскочивъ съ козелъ, Халтуринъ поспѣшилъ на помощь товарищу, но тоже былъ сбитъ съ ногъ. Правительство было такъ озлоблено, что казнило обоихъ, не открывъ даже ихъ фамилій. По

этому поводу была издана прокламація. Одесса ожила. Среди рабочихъ организовались новые кружки, распространившіе свою дѣятельность на солдатъ и матросовъ. Въ Николаевѣ и Полтавѣ велъ рабочее дѣло Петръ Антоновъ (содержавшійся потомъ въ шлессельбургской крѣпости), уцѣлѣвшій отъ всѣхъ погромовъ только благодаря тому, что жилъ нелегально. Своей боевой темпераментъ онъ передалъ и группамъ, организованнымъ имъ. Когда въ Полтавѣ оказался предатель, одна изъ группъ проучила его, отстрѣливъ ему ухо. Вскорѣ удалось завести связи съ воронежскими рабочими. Въ Кіевѣ, Одессѣ, Николаевѣ и Полтавѣ, несмотря на постоянные разгромы рабочихъ организацій, пропаганда и агитація не прекращались. На смѣну арестованнымъ появлялись новые дѣятели. Въ 80 годахъ здѣсь работали: В. Ивановъ, В. Гориновичъ, Немоловскій, Бычковъ, Марейнисъ, Сухомлиновъ и многіе другіе.

Таково было положеніе рабочаго дѣла на сѣверѣ и югѣ Россіи. Сѣтъ революціонной пропаганды и агитаціи была раскинута довольно широко, но трудно было удовлетворить всѣ запросы жизни. Прежде всего, всегда и повсюду ощущался недостатокъ въ литературѣ, которая могла бы замѣнить и дополнить устную пропаганду. Наша легальная литература служила почти единственнымъ средствомъ теоретическаго воспитанія рабочихъ. Наибольшимъ распространеніемъ пользовались: В. Гюго—93 годъ, Э. Шатрианъ—Исторія одного крестьянина, Швейцаръ—Эмма, Шпильгагенъ—Одинъ въ полѣ не воинъ, І. Шерръ—Комедія всемірной исторіи. Изъ русскихъ: Наумовъ. Гл. Успенскій, Тургеневъ, Гончаровъ, Щедринъ, Достоевскій, Михайловскій, Писаревъ, Шелгуновъ, Гаршинъ, П. Лавровъ, Костомаровъ, Флеровскій, Исаевъ, Иванюковъ, Чернышевскій, Добролюбовъ, Бѣлинскій и др. Несмотря на все преимущество и солидность послѣдней, которая давала основу міровоззрѣнію и развитію рабочихъ, эта литература была лишь немногимъ подѣ силой, она требовала нѣкоторой подготовки и много свободнаго времени, котораго у рабочихъ, за немногими исключеніями, оказывалось, наоборотъ, весьма мало. Для широкихъ массъ нужна была другая, болѣе доступная литература въ видѣ брошюръ, листовъ, но ея было весьма мало.

Въ то время часто говорили о пропагандѣ среди крестьянъ, но работа среди нихъ носила почти случайный характеръ. Извѣстно, что наши заводскіе и фабричныя рабочіе, попавъ въ города, долгое время сохраняютъ связь съ деревней, возвращаясь въ послѣднюю на Рождество, на Пасху или на лѣто. Такіе-то рабочіе и служили проводниками революціонныхъ идей въ деревни. Если бы въ изобилии имѣлась народная литература, то съ нею въ рукахъ рабочіе могли бы занести въ деревни очень много: устное слово легко забывается, печатное же никогда. Но что было дѣлать, когда и для городовъ ея не хватало. Легальныхъ же брошюръ, которыми теперь изобилуютъ наши города, тогда и въ поминѣ не было. Теперь болѣе или менѣе подготовленный рабочій, имѣя въ карманѣ нѣсколько свободныхъ рублей, можетъ пріобрѣсти довольно порядоч-

ную библиотеку, хоть для себя. Въ то время все это было въ зародышѣ, какъ и вся наша промышленность, которая переживала тяжелый застой послѣ русско-турецкой войны. Кстати надо сказать, что такое представляли наши заводы и фабрики 80-хъ годовъ по сравненію съ теперешними. Приведу приблизительныя цифры нѣкоторыхъ изъ нихъ:

Петербургскіе заводы:

Балтійскій заводъ, на немъ работало въ то время около $2\frac{1}{2}$ тыс., тогда какъ теперь тамъ болѣе 6 тыс.

Обуховскій имѣлъ отъ 2 до $2\frac{1}{2}$ т., теперь насчитываетъ около 10 тыс.

Путиловскій тогда еле влѣчилъ свое существованіе и держалъ около 500—600 чел., въ настоящее время имѣетъ болѣе 12 тысячъ рабочихъ.

Московскіе заводы и фабрики:

Заводъ Бромлея въ то время съ 250 рабочими, теперь даетъ работу 1,000 человекамъ.

Прохоровская мануфактура съ 3,000 раб. въ настоящее время имѣетъ 10 тыс.

Другіе же фабрики и заводы, представлявшіе изъ себя маленькія жалкія мастерскія съ десятками рабочихъ, теперь выросли въ громадныя казармы съ тысячами рабочихъ.

То же самое и въ Харьковѣ.

Заводъ Сади, который въ то время давалъ работу только $1\frac{1}{2}$ сотнямъ рабочихъ, въ настоящее время разросся въ громадный заводъ съ 5 тыс. раб.

А сколько новыхъ заводовъ и фабрикъ открылось въ 90-хъ годахъ!

Всѣ эти рабочіе муравейники представляютъ широкое поле не только для пропаганды и агитаціи, но и для массоваго движенія. Теперь городскіе рабочіе представляютъ дѣйствительно внушительную, многочисленную армію. Не то было въ 80-хъ годахъ. Тогда такого широкаго движенія и быть не могло, потому что самихъ широкихъ рабочихъ массъ въ городахъ не было, были только ихъ зародыши, и въ нихъ—то Народная Воля старалась внести сознаніе, разрыхлить почву для будущихъ революціонныхъ работниковъ. Несправедливы упреки и въ томъ, что въ 80-хъ годахъ не было забастовокъ и стачекъ. Онѣ были и въ Петербургѣ на Балтійскомъ заводѣ, у Гофмана, въ Кронштадтѣ, въ Ивановѣ-Вознесенскомъ, въ Москвѣ и въ Ростовѣ-на-Дону. Но тогда имъ не придавали того значенія, потому что всѣ онѣ были почти стихійны, за исключеніемъ ростовской и на балтійскомъ заводѣ. Кромѣ того тогда положеніе рабочихъ въ матеріальномъ отношеніи нѣсколько отличалось отъ настоящаго. Заработная плата была несравненно выше теперешней. Такъ, на примѣръ, средней руки токарь на заводѣ Семьяникова зарабатывалъ не менѣе 60—70 р. въ мѣсяцъ, тогда какъ

теперь тамъ заработки самыхъ лучшихъ работниковъ не превышаютъ 50—40 рублей. То же самое и съ другими профессіями. Содержаніе рабочимъ обходилось тоже дешевле, такъ какъ многіе продукты были дешевле. Если къ этому прибавить развитіе потребностей рабочихъ, а оно несомнѣнно было, то станетъ понятнымъ, почему, начиная съ 96 года, стачки и забастовки участились и стали повторяться все чаще и чаще.

Приемы пропаганды были въ то время почти тѣ же, что и теперь. Прежде всего съ рабочими говорили объ ихъ экономическихъ бѣдствіяхъ, о томъ, что все создается трудомъ, труду должно и принадлежать, что всѣ бѣдствія, невзгоды, нищета и невѣжество происходятъ отъ неправильнаго распредѣленія продуктовъ труда. Если бы этого не было, то всѣмъ бы жилось хорошо; что фабриканты, помѣщики, заводчики обируютъ рабочихъ, и противъ нихъ надо бороться. Но за эту борьбу сами рабочіе знали, чѣмъ приходилось расплачиваться—тюрьмой и ссылкой. Правительство всегда на сторонѣ богатыхъ, а не рабочихъ.

Тогда пропаганда принимала политическій характеръ: приходилось объяснять, что все правительство за одно съ заводчиками, фабрикантами, попами и помѣщиками. Стоитъ только забунтовать рабочимъ противъ хозяевъ или помѣщиковъ, какъ сейчасъ же имъ на помощь полиція, жандармы, казаки и солдаты. Тогда какъ, если рабочихъ притѣсняютъ, за нихъ не вступается никто: наоборотъ, за всякую жалобу сажаютъ въ тюрьму и ссылаютъ въ Сибирь. Рабочіе должны завести другой порядокъ, при которомъ правители выбирались бы и устранялись народомъ. Но были и другіе приемы, менѣе удачные. Начинались они отрицаніемъ Бога, критикой духовенства или нападками на царя. Бывали примѣры, что такая пропаганда кончалась дракой: пропагандиста колотили благочестивые и вѣрные царю рабочіе. Такой способъ порицался почти всѣми. Иногда пропаганда велась въ портерныхъ или трактирахъ. Петербургскіе рабочіе любятъ посѣщать эти заведенія не потому, что тамъ можно выпить, нѣтъ: тамъ можно почитать газеты, журналы и поговорить. Заплати за кружку пива 5 коп. и сиди хоть цѣлый день, читай газеты. Въ портерныхъ же часто происходили свиданія съ интеллигентами. При пропагандѣ среди отдѣльныхъ лицъ особенное вниманіе обращалось на нравственность рабочаго: требовалось, чтобы онъ былъ честный, некорыстолюбивый и трезвый хороший работникъ, только такой можетъ пользоваться довѣріемъ и уваженіемъ среди рабочихъ. Только такого будутъ слушать. О пьяницахъ иногда говорили: «экъ, болтаетъ спяну, за стаканъ водки все продастъ». Бывали, впрочемъ, примѣры, когда, познакомившись съ революціоннымъ дѣломъ, пьяницы бросали совершенно пить. Рабочихъ кассъ въ то время въ Петербургѣ не существовало. вмѣсто нихъ производились сборы временные, для арестованныхъ и для ихъ семействъ; вмѣсто того, чтобы покупать книги, записывались въ публичныя бібліотеки, что дѣлалось частью потому, что при обыскахъ жандармерія отбирала самыя невинныя книги: Не-

красова, Иванюкова, Писарева, Наумова и т. п. Имѣвшуюся нелегальную литературу берегли. Если кому давали, то непременно съ условіемъ возвратить. Часто упрекаютъ Н. В. въ томъ, что она вырвала наиболѣе энергичныхъ рабочихъ и привлекала ихъ къ террору. Это совсѣмъ невѣрно. Дѣло обстояло очень просто. Рабочіе-террористы вырабатывались самими условіями. Начиналось обыкновенно съ того, что рабочій побьетъ мастера часто по собственной инициативѣ или подниметь какую-либо исторію. Начинаются преслѣдованія. Мѣнѣе твердая, мѣнѣе постоянная натура, способная только въ отдѣльные моменты активно проявляться, останавливается. Наиболѣе же устойчивая идетъ далѣе. Чѣмъ больше препятствій, тѣмъ сильнѣе у нея потребность сломить эти препятствія. А въ нихъ недостатка не было: на заводахъ притѣсненія, въ тюрьмѣ произволъ. И вотъ отъ фабричнаго, заводскаго террора, переходятъ къ политическому. Какъ это ни странно, но бывали примѣры, когда на словахъ и въ спорахъ человѣкъ громить всякій террористическій поступокъ, а на дѣлѣ оказывается террористомъ не только самъ, но увлекаетъ къ тому же и толпу. Такъ было съ Халтуринимъ въ С.-П.Б., когда онъ работалъ на Патронномъ заводѣ. Во время работы взорвало одну гранатку, осколки отъ нея попали въ грудь другихъ гранатъ. Нѣскольکو токарей было убито и ранено. Рабочіе понесли ихъ въ Тучковскую-Маринскую больницу. Настроеніе было возбужденное. Халтуринъ поддался ему, онъ произнесъ горячую рѣчь, и когда раненыхъ внесли въ больницу, тутъ чуть не произошла свалка, которую поднялъ С. Халтуринъ. Дежурный докторъ приказалъ прислугѣ снять простыни съ коекъ, чтобы рабочія засаленныя блузы не запачкали этихъ тряпокъ. Надо было видѣть С. Халтурина, съ какимъ ожесточеніемъ бросился онъ на разсудительнаго доктора. Тотъ поспѣшилъ скрыться, предоставивъ С. Халтурину съ товарищами распоряжаться палатой. Мало ли подобныхъ случаевъ пережили С. Халтуринъ въ своей жизни! И одинъ ли онъ? Въ 82 г. въ Москвѣ рабочіе завода Бромлея, позднѣе у Девисона въ мастерской, устроили забастовки съ жестокими избіеніями начальства безъ всякаго призыва къ тому. Часто слышались жалобы на отсутствіе массоваго движенія. Нѣкоторые изъ членовъ боевой организациі предложили приурочить террористическіе акты къ массовому движенію. Планъ былъ таковъ: организовать рядъ террористическихъ предпріятій и привести ихъ въ исполненіе по возможности одновременно, въ то же время подготовить возстаніе въ нѣсколькихъ городахъ и овладѣть ими. Въ этомъ направленіи и сосредоточить всѣ силы. Грандіозный планъ нравился всѣмъ, тѣмъ болѣе, что въ Польшѣ организовалась партія «Пролетаріата». Явилась возможность войти съ нею въ соглашеніе и дѣйствовать совмѣстно. Южная боевая дружина предложила съѣздъ, на которомъ должны были участвовать представители сѣверныхъ организациі и представители «Пролетаріата». На этомъ съѣздѣ предполагалось обсудить именно этотъ планъ. Но созвать съѣздъ въ то время было не такъ легко. Судейкинъ и Дегаевъ,

знавшій лично многихъ, раскинули широко свои сѣти. То тамъ, то тутъ они выхватывали людей. Необходимо было устранить ихъ. Кромѣ того заняться подготовительными работами въ городахъ, намѣченныхъ для возстанія. Необходимо было немедленно устроить нѣсколько типографій. Въ концѣ 83 г. Судейкина уже не стало. Многие остались недовольны, что Дегаевъ остался ненаказаннымъ. Говорили, что онъ могъ снова попасться въ руки правительства и оказывать ему услуги. Въ Харьковѣ былъ убитъ предатель и провокаторъ Ѳедоръ Шкряба, сподвижникъ Судейкина, долго подвизавшійся на этомъ поприщѣ. Какъ ловко онъ дѣйствовалъ, можно судить по тому, что послѣ убійства, харьковскіе чернопередѣльцы обвиняли народовольцевъ въ ошибкѣ. Убѣдились они только тогда, когда получили доказательства отъ самого Судейкина. Въ началѣ 84 г. начались аресты на югѣ Россіи. Была арестована типографія въ Кіевѣ. Произошло два ареста съ вооруженнымъ сопротивленіемъ. Погромъ распространился на сѣверъ. Арестовали Салову, Лопатина и другихъ, а затѣмъ разгромы пошли по всей Россіи: въ Харьковѣ, Кіевѣ, Ростовѣ, Москвѣ, Одессѣ, Севастополѣ, Елисаветградѣ, Полтавѣ и другихъ городахъ. На помощь революціонной неосторожности явился предатель Элько, который предалъ то, что еще уцѣлѣло. Онъ выдалъ Лисянскаго и Антонова. Лисянскаго взяли въ квартирѣ, гдѣ хранились бомбы. Его арестъ сопровождался вооруженнымъ сопротивленіемъ, при чемъ одинъ околоточный поплатился жизнью. Кромѣ этихъ двухъ лицъ, Элько выдавалъ многихъ другихъ въ Воронежѣ и Екатеринославѣ, не говоря о томъ, что онъ рассказалъ все, что зналъ объ арестованныхъ. Партія «Пролетаріатъ», не успѣвъ окрѣпнуть, тоже была разгромлена. Лучшие члены ея были арестованы. Хотя одинъ предатель и былъ убитъ, но его мѣсто заступилъ другой и предалъ остальныхъ. Наступило затишье. Начались процессы въ Кіевѣ, Харьковѣ, Варшавѣ и С.-Петербургѣ, затѣмъ въ Одессѣ. Движеніе начало замирать, лучшія силы томилась по тюрьмамъ, на каторгѣ и въ ссылкѣ, а кто уцѣлѣлъ—покинули Россію. Движеніе не проникло широко въ массу. Русская интеллигенція, поставлявшая много лѣтъ революціонныхъ борцовъ, какъ бы истощилась. Новымъ силамъ взяться было неоткуда. И вотъ наступаетъ мрачное время затишья и царство реакціи. Лишь по временамъ дѣлаются попытки воскресить движеніе. Такими попытками была дѣятельность Сигиды съ товарищами и дѣло Ульянова, Осипанова и др. въ С.-П.Б. Но это были слабыя огоньки на обширномъ потухающемъ пожарищѣ. Кое гдѣ уцѣлѣли рабочіе кружки, но они были одиноки и вели мирную пропаганду до 90-хъ г. Нѣкоторые изъ нихъ погибли по дѣлу Гинзбургъ. Часто приписываютъ гибель партіи Н. В. тому, что она отводила слишкомъ много мѣста террору, слишкомъ увлекалась политическими задачами и мало обращала вниманія на рабочую массу. Такіе упреки могутъ дѣлать только люди, стоявшіе далеко отъ дѣла. Они знали только внѣшность, а о той работѣ, которая шла безъ всякаго шума, въ нѣдрахъ рабочей массы, они не знали и не могли

знать. Не надо забывать притомъ, что Н. В. пришлось работать въ то время, когда рабскій духъ крѣпостничества не успѣлъ заглохнуть, когда промышленность только зарождалась, когда реформа 19-го февраля висѣла пріятнымъ кошмаромъ надъ русской землей, когда на 100 человѣкъ приходилось только 10—12 чел. грамотныхъ, когда легальная литература была достояніемъ немногихъ; тогда могло быть одно изъ двухъ: или стихійное движеніе—массовое или партійное, какъ народовольческое. Первое было предупреждено 19-мъ февралемъ. Оставалось второе. Его и избрала Н. В. Но ей не доставало массоваго движенія, создать которое въ нѣсколько лѣтъ не могла бы никакая организація.

В. Панкратовъ.

Н. А. Морозову ¹⁾).

Доброй, отзывчивой, чуткой душою
Миръ озаряй,
Страстью могучею, твердой рукою
Зло покоряй.

* *
* *
*

Если тебя за святою работою
Люди убьютъ,
Братья придутъ и окончатъ съ заботою
Начатый трудъ.

А. Ольхинъ.

¹⁾ Стихотвореніе это, никогда не бывшее въ печати, написано присяжнымъ повѣреннымъ А. А. Ольхинымъ въ 1879 году и намъ передано одною писательницею, получившей его лѣтъ около десяти тому назадъ отъ самого Ольхина. Посвящено оно извѣстному дѣятелю освободительнаго движенія, протомвшемуся почти четверть вѣка въ казематахъ Петропавловской и Шлиссельбургской крѣпостей, Николаю Александровичу Морозову. Изъ стихотвореній Ольхина напечатано только одно, но это одно—знаменитое въ свое время стихотвореніе на смерть Мезенцева—„У гроба“. Оно напечатано въ № 1 „Земля и Воля“ и перепечатано въ сбор. Базилевскаго „Революціонная журналистика 70-хъ годовъ“. Самъ Ольхинъ былъ преданъ суду въ 1879 году по дѣлу Л. Ф. Мирскаго (недавно *сторично* приговореннаго къ смертной казни въ Читѣ), но судъ его оправдалъ. Тѣмъ не менѣе, Ольхинъ, какъ водится, былъ высланъ административно и возвратился въ Петербургъ лишь въ 90-хъ годахъ, гдѣ и скончался.

Ред.

Шлиссельбургская узница

Людмила Александровна Волкенштейнъ.

* * *

Не на волѣ широкой—подъ сводомъ тюрьмы
Мы впервые съ тобой повстрѣчались...
Въ тѣ тяжелые дни, когда съ жизнью мы
Предъ суровою карой прощались..
 Было мнѣ въ эти дни не до новыхъ людей:
 Жизнь прошедшая мнѣ рисовалась...
 Проходилъ предо мной рядъ погибшихъ друзей...
 Братство славное ихъ вспоминалось...
Съ этимъ братствомъ несла я тревоги борьбы...
Ему силы свои отдавала...
Неудачи, измѣны, удары судьбы
До послѣдняго дня раздѣляла...
 Но союзъ нашъ, борьбою расшатанный, палъ...
 Неудачи его сокрушили:
 Безпощадно судъ смертью однихъ покаралъ,
 Въ рavelинѣ другихъ схоронили...
И пришлось въ день расчета одной мнѣ предстать,
Съ грустнымъ взоромъ, назадъ обращеннымъ...
Среди новыхъ людей одинокою стать,
Съ думой тяжкою, съ сердцемъ стѣсненнымъ...
 Мудрено-ль, что тебѣ, какъ подругѣ чужой,
 Равнодушно я руку пожала?!
 Жизнь кончалась, и темная ночь надо мной
 Свой туманный покровъ разстилала...
И не думала я, что съ тобою войду
Въ эти стѣны дѣлить одно бремя...
Что въ тебѣ я опору и друга найду
Въ безразсвѣтное, мрачное время...
Шлиссельбургъ, 1893 г.

Это стихотвореніе посвящено мною Людмилѣ Александровнѣ Волкенштейнъ, съ которой въ первый разъ я встрѣтилась 24-го

сентября 1884 г., въ Петербургѣ, въ залѣ Суда, а разсталась въ Шлиссельбургѣ, 23-го ноября 1896 г., послѣ 12 лѣтъ жизни въ этой крѣпости. Наша встрѣча на судѣ была слишкомъ мимолетна, чтобъ я могла вынести опредѣленное впечатлѣніе отъ личности Л. А. На скамьѣ подсудимыхъ мы сидѣли далеко другъ отъ друга и не могли перекинуться ни единымъ словомъ. Только разъ, послѣ даннаго подсудимымъ «послѣдняго слова», намъ, тремъ женщинамъ, судившимся по этому процессу (Волкенштейнъ, Чемодановой и мнѣ), удалось въ корридорѣ привѣтствовать другъ друга. Эпизодъ убійства князя Крапоткина въ Харьковѣ, по поводу котораго Л. А. была привлечена къ процессу 14-ти, по времени и дѣйствующимъ лицамъ, не имѣлъ никакой прямой связи съ остальными судившимися. Въ самомъ дѣлѣ, участники этого убійства (Кобылянской, Зубковской) были осуждены уже давно, а главное дѣйствующее лицо, Гольденбергъ, еще ранѣе покончилъ съ собою въ Петропавловской крѣпости, какъ о томъ въ свое время донесъ Исполнительному Комитету Клѣточниковъ, служившій помощникомъ дѣлопроизводителя въ III-мъ Отдѣленіи, а съ преобразованиемъ его, въ той же должности въ департаментѣ полиціи. Участіе въ дѣлѣ убійства Крапоткина было единственнымъ обвиненіемъ противъ Л. А. и основывалось на показаніи Гольденберга, рассказавшаго во время своего предательства, что Волкенштейнъ была посвящена въ его намѣренія относительно харьковскаго губернатора и вмѣстѣ съ Гольденбергомъ, Кобылянскимъ и Зубковскимъ отправилась изъ Кіева въ Харьковъ, гдѣ наняла конспиративную квартиру, въ которой совѣщались и укрывались заговорщики. На судѣ, кромѣ показаній умершаго Гольденберга, были прочтены старая показанія горничной, якобы признавшей въ предъявленной ей карточкѣ Волкенштейнъ—ту самую особу, которая нанимала вышеупомянутую квартиру. Самой свидѣтельницы на судѣ не было. Улики были не велики, но Л. А. не желала скрывать свои убѣжденія: она открыто признала свое полное сочувствіе террористической дѣятельности партіи Народной Воли, свое полное участіе въ дѣлѣ Крапоткина и заявила, что вернулась изъ-за границы съ цѣлью отдать свои силы на дальнѣйшую дѣятельность партіи въ томъ же направленіи. Надо замѣтить, что раньше, чѣмъ Гольденбергъ былъ арестованъ осенью того же 79 г., въ которомъ былъ убитъ Крапоткинъ, Л. А. эмигрировала и возвратилась въ Россію лишь осенью 1883 г. и чрезъ самое короткое время—въ сентябрѣ того же года была арестована въ Петербургѣ, выслѣженная сыщиками, повидимому, еще въ Румыніи, гдѣ она передъ тѣмъ жила.

На судѣ Л. А. не имѣла защитника, отказавшись отъ такового по принципу. Военный судъ, щедро назначавшій смертную казнь, приговорилъ къ ней и Л. А. По прочтеніи приговора, судьи, по разсказамъ одного изъ присяжныхъ повѣренныхъ, въ разговорахъ между собой цинично говорили: «Однако.. мы ей закатали!» Присяжный повѣренный Леонтьевъ 2-й тщетно предлагалъ Л. А. подать кассационную жалобу въ Сенатъ: она отказалась отъ этого наот-

рѣзь. Однако, вѣроятно, въ виду полной несоразмѣрности этой кары, смертная казнь была замѣнена Л. А. 15-ю годами каторжныхъ работъ. 12-го октября 1884 г. изъ Петропавловской крѣпости ее увезли въ Шлиссельбургъ. Мать и мужъ Л. А. случайно опоздавшие прѣхать въ Петербургъ ко времени суда, тщетно хлопотали, чтобъ имъ дали проститься съ нею. Этого утѣшенія они не добились. Л. А. не видала и своего единственнаго сына, Сергѣя, оставленнаго ею въ 79 году 2-хъ-лѣтнимъ ребенкомъ на попеченіи отца и бабушки. Эти обстоятельства все время составляли предметъ горькихъ воспоминаній Л. А.

По привозѣ въ Шлиссельбургъ Л. А. и меня помѣстили вдали другъ отъ друга, на противоположныя стороны тюрьмы, не задолго предъ тѣмъ открытой (въ августѣ 1884 г.)¹⁾. Сношеній между нами не было, хотя по нѣкоторымъ, почти неуловимымъ признакамъ мы знали, что обѣ привезены въ эту крѣпость.

Уже съ начала 85 года заключеннымъ было разрѣшено гулять вдвоемъ, и мы замѣтили, что нѣсколько человекъ, дѣйствительно, пользуются этой льготой. До января 86 года я, молча, ожидала, когда же и мнѣ дадутъ возможность видѣться съ Л. А., и недоумѣвала, почему же собственно я лишена радости имѣть товарища и друга? Наконецъ, 3-го или 4-го числа я рѣшилась и спросила смотрителя Соколова: «Почему мнѣ не даютъ гулять съ подругой?» Смотритель, съ которымъ всѣ мы избѣгали о чемъ бы то ни было говорить, немного помолчалъ, а затѣмъ сказалъ: «Можно дать, только... не слѣдуетъ... Онъ согнулъ указательный палецъ и сталъ постукивать имъ въ косякъ, какъ въ тюрьмѣ разговариваютъ стукомъ въ стѣну.

Я отвѣтила, что и такъ стучу очень мало.

Разговоръ на этомъ кончился, и я продолжала прежній образъ жизни, разговаривая понемножку съ моими сосѣдями: Панкратовымъ (рядомъ) и Морозовымъ, камера котораго была внизу.

14-го января, когда меня повели гулять и я, ничего не подозревая, вошла въ калитку той «клѣтки», гдѣ должна была совершаться прогулка, я неожиданно увидѣла фигуру въ нагольномъ полушубкѣ и холщевомъ платкѣ, которая быстро заключила меня въ свои объятія и въ которой я съ трудомъ признала Волкенштейнъ, видѣнную мной на судѣ въ цивилизованномъ платьѣ. Вѣроятно, и она столь же была поражена метаморфозой, совершившейся со мной...

И такъ мы стояли, держа другъ друга въ объятяхъ, не зная: радоваться намъ или плакать?..

А потомъ стали знакомиться.

Л. А. хорошо было извѣстно, что о ней я ровно ничего не знала, кромѣ того, что выяснилось на судѣ. До того я слышала ея имя только изъ устъ Гольденберга, когда послѣ Воронежскаго съѣзда я видѣла его въ Петербургѣ. Онъ отзывался о Л. А. съ величайшей похвалой и рекомендовалъ ее въ члены организациі «Народ-

¹⁾ Везли насъ на пароходѣ тоже врозь.

ной Воли», какъ человѣка вполне преданнаго революціонному дѣлу и раздѣляющаго программу партіи. Но изъ первоначальныхъ членовъ организаціи «Народной Воли» никто не зналъ Л. А. лично, а потому вопросъ о приглашеніи ея въ организацію былъ отложенъ. Однако, было рѣшено имѣть ее въ виду и, конечно, ее приняли бы, если бы въ ту же осень она не выѣхала за-границу. Обо мнѣ же Л. А., кажется, слыхала болѣе и, по ея словамъ, заочно любила меня. Съ трогательной откровенностью она сказала, что, получивъ обвинительный актъ и найдя въ немъ мое имя, она приложила къ нему губами.. Теперь же, когда мы, наконецъ, встрѣтились при такихъ условіяхъ, что могли свободно говорить, ей хотѣлось поскорѣй излить свою душу, рассказать о своей прошлой жизни, о воспитаніи, семьѣ и дѣтяхъ, обо всемъ, что необходимо было рассказать, чтобъ сблизиться другъ съ другомъ.

Людмила Александровна Волкенштейнъ (урожденная Александрова) родилась въ Кіевѣ 18-го сентября 1857 года. Ея родители принадлежали къ дворянскому сословію, и отецъ былъ военнымъ, въ отставкѣ. Они были довольно богаты, но, по смерти отца, мать увлеклась строительной горячкой, одно время свирѣпствовавшей въ Кіевѣ, и въ спекуляціяхъ домами потеряла всѣ средства, такъ что впоследствии пользовалась матерьяльной поддержкой двухъ сыновей (одинъ служилъ на желѣзной дорогѣ, другой—былъ ветеринаромъ на Дальнемъ Востокѣ) и жила съ младшей дочерью, занимавшейся на бактериологической станціи въ Кіевѣ. Въ Кіевѣ же Л. А. провела свое дѣтство и раннюю молодость. Отца своего Л. А. не любила и не уважала. По ея отзывамъ это былъ грубый и во всѣхъ отношеніяхъ несимпатичный человѣкъ, и отношенія въ семьѣ были дурныя. Когда Л. А. была уже взрослой гимназисткой, отецъ дошелъ до того, что однажды поднялъ, было, на нее руку... Послѣ этого мать, страстно любившая дочь, устроила ее отдѣльно отъ семьи, нанявъ у знакомыхъ комнату и давъ средства для самостоятельной жизни. Свою мать Л. А. любила безпредѣльно и уважала глубоко, какъ человѣка добраго, гуманнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ твердаго. Все, что въ ней самой было хорошаго, Л. А. приписывала воспитательному вліянію и наслѣдственности со стороны матери, объ отцѣ же сохраняла лишь тяжелое воспоминаніе.

Къ грусти, что, уходя изъ жизни, ей не удалось проститься съ матерью, въ Шлиссельбургѣ присоединилось огорченіе отъ отсутствія какихъ бы то ни было свѣдѣній о родныхъ.

Случилось такъ, что изъ всѣхъ товарищей я первая получила краткое и сухое словесное извѣщеніе изъ департамента полиціи, что моя мать жива, здорова и шлетъ мнѣ *поклонъ*. Это было черезъ *три* года по заключеніи въ Шлиссельбургъ, а Л. А. еще долго послѣ того не имѣла ни одной вѣсточки. Тщетно успокаивала я ее тѣмъ, что мои родные живутъ въ Петербургѣ, или имѣютъ частыя сношенія съ нимъ; что по процессамъ сестеръ они пріобрѣли извѣстную опытность, которой не имѣетъ ея мать; что, живя въ Кіевѣ, она даже не знаетъ, куда обратиться съ просьбой извѣстить

Николай Алексѣвичъ
САБЛИНЪ.

дочь о своемъ существованіи. Л. А. была неутѣшна и каждый разъ, когда я снова получала холодную реляцію на подобіе первой, она начинала тосковать и горько плакать, такъ что мнѣ тяжело было сообщать ей о своей радости, тяжело, что я имѣю ее одна и не могу помочь горю друга. Наконецъ, вѣсть отъ матери, эта долгожданная вѣсть, пришла, но при такихъ обстоятельствахъ, что Л. А. даже не захотѣла выслушать ее...

Въ первые годы заключенія, каждые шесть мѣсяцевъ насъ посѣщало какое-нибудь высшее начальство изъ Петербурга. Въ одно изъ подобныхъ посѣщеній (если не ошибаюсь, въ 1889 г.) товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ генеральъ Шебеко обошелся непозволительно грубо съ нѣкоторыми изъ заключенныхъ. Войдя въ камеру Шебалина, онъ остался недоволенъ выраженіемъ его лица. «Это что за дерзкая фізіономія? Кто это?» спросилъ онъ смотрителя и присутствовавшаго при этомъ коменданта. У Тригопи, когда тотъ хотѣлъ сдѣлать какое-то заявленіе, генеральъ, перебивая его, закричалъ: «Надо помнить, что эта тюрьма замѣняетъ смертную казнь!»... а выходя въ корридоръ, говорилъ: «они разсуждаютъ, бунтуютъ!.. Полковникъ, — плети, плети!»... Поднявшись наверхъ, Шебеко зашелъ къ Конашевичу и къ Волкенштейнъ. И тутъ произошли сцены въ родѣ предыдущихъ. Обращаясь къ Л. А., Шебеко сказалъ: «Вы отвратительно себя ведете! Вы только и дѣлаете, что сидите въ карцерѣ! Въ инструкціи есть розги!»...

Когда, послѣ отъѣзда Шебеко, въ тюрьмѣ узнали о всѣхъ этихъ возмутительныхъ грубостяхъ, то единодушно рѣшили не принимать болѣе генерала Шебеко къ себѣ; въ случаѣ дальнѣйшихъ визитацій бойкотировать его: заявленій не дѣлать, на вопросы не отвѣчать, никакихъ сообщеній не выслушивать и въ той или иной формѣ просить его выйти вонъ...

Послѣ этого прошелъ, должно быть, годъ, и Шебеко въ тюрьмѣ не появлялся. Быть можетъ, онъ и самъ потомъ понялъ, что зашелъ слишкомъ далеко, а можетъ быть, ему и донесли, что къ его встрѣчѣ приготовились, и онъ не желалъ дать поводъ къ какой-нибудь тяжелой тюремной исторіи... Загѣмъ, онъ прибылъ въ свитѣ м-ра внутр. дѣлъ И. Н. Дурново, но при обходѣ всѣхъ камеръ министромъ оставался въ корридорѣ и зашелъ вмѣстѣ съ Дурново лишь къ Волкенштейнъ. Раскланявшись, онъ началъ: «Ваша матушка»... Но Л. А., въ присутствіи Дурново, прервала его словами: «Отъ васъ я не хочу слышать даже о матери»...

Шебеко повернулся и тотчасъ вышелъ. Ни къ кому другому онъ въ этотъ разъ ужъ не зашелъ и, вообще это былъ его послѣдній визитъ въ Шлиссельбургскую тюрьму, хотя на своей должности онъ оставался еще долго.

Съ 92 года намъ стали вмѣсто устныхъ сообщеній о родныхъ давать крошечныя памятки, бумажку, гдѣ канцелярскимъ слогомъ, сообщалось, что родные (имя рекъ) живы и здоровы, чего и намъ желаютъ. Сначала эти бумажки только давали прочитатъ и отби-

рали; потомъ стали оставлять въ нашихъ рукахъ. Подобныя памятки стала получать и Волкенштейнъ.

Училась Л. А. въ Кіевской женской гимназіи, но, имѣя хорошія способности, относилась къ дѣловымъ школьнымъ занятіямъ довольно небрежно. Въ силу этого, срѣзавшись на экзаменѣ, не захотѣла подвергнуться переэкзаменовкѣ и оставила гимназію, не получивъ диплома объ окончаніи ея. Изъ гимназической жизни Л. А. рассказала мнѣ одинъ эпизодъ, характерный для ея личности. Въ одномъ классѣ съ ней училась горбатая дѣвочка, которая всегда оставалась одинокой и, видимо, чувствовала себя для всѣхъ чужой. Однажды, вызвавшій ее учитель позволилъ себѣ какую-то насмѣшку надъ ея уродствомъ. «Вы не смѣете поступать такъ! Вы не смѣете унижать и насмѣхаться!»... закричала на весь классъ Л. А. со своего мѣста.

Учитель сконфузился, а въ маленькой горбунѣ Л. А. нашла самую горячую, почтительную преданность. Судьба, должно быть, не баловала дѣвочку сочувствіемъ людей и съ той поры, какъ она увидѣла въ Л. А. свою покровительницу, во всякую погоду Л. А. встрѣчала ее на своемъ пути въ гимназію: дѣвочка поджидала ее гдѣ-нибудь на улицѣ, чтобъ проводить до гимназическаго зданія, а по окончаніи уроковъ—до дому.

Между одноклассниками Л. А. имѣла большихъ пріятельницъ, носившихъ среди знакомыхъ шутовское прозвище «галки», кажется, по чернымъ платьямъ. Хотя этотъ кружокъ не преслѣдовалъ никакихъ общественныхъ цѣлей, но съ социалистическими идеями Л. А. познакомилась, еще будучи въ гимназіи. Въ числѣ ея знакомыхъ былъ Александръ Александровичъ Волкенштейнъ, студентъ-медикъ Кіевского университета, за котораго, по выходѣ изъ гимназіи, она вышла замужъ. Александръ Александровичъ стоялъ довольно близко къ кіевской группѣ Чайковцевъ. Члены петербургскаго кружка Чайковцевъ считали его членомъ организации, но затѣмъ, безъ рѣзкаго разрыва, онъ постепенно отдался отъ всѣхъ революціонныхъ дѣлъ. Тѣмъ не менѣе, въ глазахъ полиціи онъ былъ скомпрометтированъ, и его судили по процессу 193-хъ (18 октября 77-го—23 января 78 г.). Во время заключенія Александра Александровича въ тюрьмѣ, родился его сынъ—Сергій. Л. А. тогда было 19 или 20 лѣтъ. Во время самаго процесса она была въ Петербургѣ и посѣщала мужа, а послѣ суда вмѣстѣ съ Ал. Ал., который былъ оправданъ, возвратилась въ Кіевъ, гдѣ встрѣчалась съ различными революціонерами (Самарская, Григорій Гольденбергъ, Зубковскій, Кобылянский и др.). Мысль объ убійствѣ харьковскаго губернатора, князя Крапоткина, возникла въ Кіевѣ въ декабрѣ 1878 г. и принадлежала Гольденбергу. Мотивомъ, какъ извѣстно, было дурное обращеніе съ политическими заключенными въ центральныхъ тюрьмахъ (Зміевской и Бѣлгородской) и избіеніе харьковскихъ студентовъ во время уличныхъ беспорядковъ. Нахо-

дивійся въ то время въ Кіевѣ Валеріанъ Осинскій, бывшій душой всѣхъ террористическихъ фактовъ на югѣ, доставилъ Гольденбергу деньги, оружіе и адреса въ Харьковъ. Волкенштейнъ и Зубковскому было предложено ѣхать туда же для основанія конспиративной квартиры. Выслѣдивши съ помощью Кобылянскаго время выѣздовъ губернатора, Гольденбергъ смертельно ранилъ его 9 февраля 79 года выстрѣломъ изъ револьвера ¹⁾. Онъ вскочилъ на подножку кареты въ то время, когда князь, возвращаясь съ бала, ѣхалъ черезъ Вознесенскій скверъ, расположенный передъ губернаторскимъ домомъ. Фактъ былъ совершенъ отъ имени Исполнительнаго Комитета, ядро котораго уже существовало внутри организациі общества «Земля и Воля». Самъ Гольденбергъ считался однимъ изъ агентовъ низшей степени Исполнительнаго Комитета. Заговорщики благополучно скрылись. Черезъ 4 дня послѣ убійства Л. А. возвратилась въ Кіевъ, а осенью того же года, какъ было уже сказано, покинула Россію.

За границей Л. А. проживала короткое время во Франціи и въ Швейцаріи.

Въ послѣдней она мелькомъ встрѣтилась въ 80 г. съ Н. А. Морозовымъ, своимъ будущимъ товарищемъ по Шлиссельбургу. Но большую часть времени, проведеннаго за границей, Л. А. прожила въ Болгаріи и Румыніи, въ кругу русскихъ эмигрантовъ. Въ числѣ послѣднихъ она называла Каца съ женой, Василя Ивановскаго, Дическула (судившагося по процессу 193-хъ) и др. Нѣкоторое время Л. А. служила въ Болгаріи въ качествѣ смотрительницы больницы, которою завѣдывалъ знакомый ей русскій врачъ Ю., жена котораго была близкимъ другомъ Л. А. Надо сказать, что Л. А. была нѣсколько причастна и медицинѣ, такъ какъ во время Русско-Турецкой войны прослужала въ Кіевѣ 3-хъ мѣсячный курсъ перевязокъ, приготовлявшій сестеръ милосердія для русской арміи. Въ послѣдній годъ пребыванія въ Шлиссельбургѣ Л. А. начала усердно заниматься медициной, чтобъ пріобрѣсти занятія въ разнѣрѣ фельдшерскаго курса, что должно было пригодиться ей въ ссылкѣ. Но объ этомъ я скажу послѣ.

Заграничная жизнь съ ея оторванностью, отсутствіемъ живой дѣятельности и платоническими мечтами о родинѣ не удовлетворяли Л. А. и, оставивъ друзей, она возвратилась въ Россію съ паспортомъ болгарской подданной. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ она была приглашена въ участокъ, гдѣ подверглась подробному допросу насчетъ знанія болгарскаго языка и почему хорошо говоритъ по-руски. Отвѣты были, болѣе или менѣе, правдоподобны, и ее отпустили. Но по прошествіи недѣли или двухъ, безъ всякихъ дальнѣйшихъ поводовъ, она была арестована.

Съ большой горечью, пробѣгая въ воспоминаніяхъ свое прошлое, Л. А. говорила, что всю жизнь стремилась къ настоящимъ людямъ и къ настоящей дѣятельности, и что ей такъ и не пришлось

¹⁾ Крапогкинъ умеръ черезъ 5 дней (16 февр.).

найти себѣ удовлетворенія... Въ связи съ этимъ она признавалась, что судъ былъ для нея праздникомъ, такъ какъ на немъ она могла, по крайней мѣрѣ, открыто исповѣдать свои убѣжденія. Поэтому-то она не взяла себѣ защитника, отказалась отъ кассации и была чрезвычайно довольна вынесеннымъ ей суровымъ приговоромъ. Характерна и слѣдующая подробность ея настроенія и поведения послѣ суда.

Когда, передъ увозомъ въ Шлиссельбургъ, ей надѣли ручные кандалы, это не произвело на нее тяжелаго впечатлѣнія. Напротивъ, она почувствовала приливъ гордости и «на пароходѣ я все время демонстративно побрякивала ими», рассказывала она мнѣ въ Шлиссельбургѣ.

Искренность и простота Л. А., ея готовность понести, какую угодно, кару за свои убѣжденія и необыкновенная сердечность въ обращеніи скоро вполне обворожили меня. Мы подружились дружбой самой нѣжной и идеальной, какая возможна только въ такихъ условіяхъ, въ какихъ мы тогда были. Мы ходили на людей, выброшенныхъ кораблекрушеніемъ на необитаемый островъ. У насъ не было *никого* и *ничего*, кромѣ другъ друга. Мы были оторваны отъ жизни и дѣятельности, отрѣзаны отъ человѣчества и родины, лишены друзей, товарищей и родныхъ. Не только люди, но и природа, краски, звуки—все исчезло.. Вмѣсто этого былъ сумрачный склепъ съ рядомъ таинственно замурованныхъ ячеекъ, въ которыхъ томилась невидимые люди, зловѣщая тишина и атмосфера насилія, безумія и смерти.

Понятно, что общеніе двухъ душъ въ такой обстановкѣ должно было доставлять невыразимое наслажденіе и навсегда оставило въ душѣ самое трогательное воспоминаніе.

Не знаю, что давала я Л. А., но она была моимъ утѣшеніемъ, радостью и счастьемъ. Мои нервы и организмъ были потрясены въ глубочайшихъ своихъ основахъ. Я была слаба физически и измучена душевно.. общее самочувствіе мое было прямо ненормально... и вотъ я получила друга, на котораго тюремныя впечатлѣнія не дѣйствовали такъ губительно, какъ на меня: и этотъ другъ былъ воплощеніемъ нѣжности, доброты и гуманности. Всѣ сокровища своей любящей души она щедрой рукой отдавала мнѣ. Въ какомъ бы мрачномъ настроеніи я ни приходила, она всегда умѣла чѣмъ-нибудь развлечь и утѣшить меня. Одна ея улыбка и видъ милого лица разгонялъ тоску и давалъ радость. Послѣ свиданья я уходила успокоенной, преобразенной... камера ужъ не казалась мнѣ такой сумрачной, а жизнь—тяжелой. Тотчасъ я начинала мечтать о новой встрѣчѣ послѣзавтра... Свиданія были черезъ день: тюремная дисциплина, очевидно, находила нужнымъ разбавлять радость нашихъ встрѣчъ днемъ полного одиночества. Но это, быть можетъ, только обостряло наше стремленіе другъ къ другу и поддерживало то «праздничное» настроеніе, о которомъ впоследствии было такъ пріятно вспоминать.

Когда въ тюрьмѣ происходило какое-нибудь несчастье, когда

ужирали наши товарищи, стоны и предсмертную агонию которых мы слышали отчетливо въ стѣнахъ тюрьмы, замѣчательно отзывчатой въ акустическомъ отношеніи, мы встрѣчались блѣдныя, взволнованныя и безмолвныя. Стараясь не смотрѣть другъ другу въ лицо, мы цѣловались и, обнявшись, молча прохаживались по дорожкѣ, или сидѣли на землѣ ¹⁾, прислонившись къ забору, подалше отъ жандарма, слѣдившаго съ высоты своей вышки за каждымъ нашимъ движеніемъ. Въ такіе дни простая физическая близость, возможность прижаться къ плечу друга—была уже отрадой... и облегчала тяжесть жизни... Былъ въ 86 году мѣсяць, когда одинъ за другимъ умерли: Кобылянский, Исаевъ и Игнатій Ивановъ. Первый отъ цинги, второй отъ чахотки, а Игнатій Ивановъ, кажется, отъ того и другого... къ тому же—онъ былъ безуменъ!...

Пока Исаевъ былъ на ногахъ и ходилъ гулять, его громкій, хриплый и словно изъ пустой бочки кашель надрывалъ душу, если приходилось быть рядомъ... Иногда же насъ приводили въ ту самую клѣтку, гдѣ передъ тѣмъ былъ онъ. На снѣгу, справа и слѣва, виднѣлась алая, только что выброшенная имъ кровь... Эта не убранная, не прикрытая, хотя бы снѣгомъ, кровь товарища вызывала щемящую тоску... Это былъ символъ изсякающей жизни,—жизни товарища, которому не поможетъ наука, никакая сила человѣческая... И отвести отъ этой крови глазъ было некуда. Небольшое пространство «клѣтки» было сплошь завалено снѣгомъ: оставалась лишь узкая тропинка, по которой, поневолѣ, только и приходилось ходить. Отвратительно было это палачество, которое нѣсколькими ударами лопаты могло скрыть кровавый слѣдъ, но цинично оставляло его на муку и поученіе невольныхъ посѣтителей... Намъ же тогда не давали даже лопаты.

Предсмертныя страданія Исаева были ужасны. Это была, кажется, самая тяжелая агонія изъ всѣхъ, которая пришлось пережить. Немного морфія или опія, вѣроятно, облегчили бы ему борьбу со смертью и избавили отъ потрясенія всѣхъ насъ. Но ничего подобнаго не было сдѣлано. Мертвая тишина стояла въ тюрьмѣ... всѣ мы притаились, какъ будто, сжались и съ затаеннымъ дыханіемъ прислушивались къ полному затишью... не было ни звука... и среди напряженнаго состоянія внезапно раздавался протяжный стонъ, скорѣе похожій на крикъ... Тяжело быть *свидѣтелемъ* разставанья человека съ жизнью, но еще тяжелѣй и страшнѣй быть пассивнымъ, замурованнымъ въ каменный мѣшокъ, *слушателемъ* такого разставанья. Только въ тюрьмѣ да въ домѣ умалишенныхъ, который вообще имѣетъ во многихъ отношеніяхъ сходство съ тюрьмою, возможны потрясающія, зловѣщія сцены въ родѣ этихъ...

Весной намъ съ Л. А. дали по 2 грядки ²⁾ въ огородѣ. Еще долго до того мы были сильно заинтересованы какими-то таинственными приготовленіями, скрытыми отъ нашихъ взоровъ досчатой

¹⁾ Скамей не было.

²⁾ Арш. 4 длины, 1 ар. ширины—каждая.

перегородкой: оказывается тамъ ставили заборы для 6 огородовъ; они примыкали къ высокой крѣпостной стѣнѣ и оканчивались саженьяхъ въ трехъ отъ тюремнаго зданія. На баржахъ была привезена гдѣ-то по дорогой цѣнѣ купленная земля и въ видѣ уже готовыхъ грядъ насыпана по огородамъ.

Нашъ огородъ представлялъ собою небольшое, продолговатое, очень невзрачное мѣстечко, почти совсѣмъ лишенное лучей солнца. Съ одной стороны каменная стѣна, съ трехъ остальныхъ—3 1/2 аршинный досчатый заборъ: откуда-нибудь да всегда падаетъ тѣнь! Однако, и этотъ колодезь показался намъ раемъ. Тутъ была земля—настоящая земля... земля полей и деревень... черная, рыхлая и прохладная. До этого мы видѣли въ своей тѣсной оградѣ только бесплодный пустырь: плотно убитую каменистую почву, на которой не пробивалась ни одна травка. Это было устроено, конечно, для облегченія надзора, чтобъ мы не завели другъ съ другомъ письменныхъ сношеній, скрывая письма среди какой-нибудь зелени. Въ 86 г., въ эти дворики, лѣтомъ, съ береговъ рѣки, привезли песку и положили по деревянной лопатѣ: «для моціона», сказалъ смотритель. Предполагалось этой лопатой перебрасывать песокъ съ одного мѣста на другое и этимъ цѣлесообразнымъ способомъ укрѣплять силы заключенныхъ. Дѣйствительно, кто не имѣлъ огорода (а его дали весьма немногимъ), чтобъ какъ-нибудь убить время, бросалъ этотъ песокъ; но потомъ это страшно надѣло, и мы называли это занятіе работами національныхъ мастерскихъ во Франціи 48-го года.

Когда давали огородъ, смотритель и вахмистръ молча вводили заключеннаго и пальцемъ указывали одну или двѣ гряды. Затѣмъ, также молча, вахмистръ вручалъ пакетъ съ огородными сѣменами (редисъ, рѣдька, морковь, рѣпа, горохъ, брюква, макъ) и, взявъ щепотку, мимикой показывалъ, что надо дѣлать: наклонялся къ землѣ, дѣлалъ въ ней пальцемъ ямки и клалъ сѣмячко, послѣ чего въ молчаньи удалялся вмѣстѣ съ присутствовавшимъ при всей процедурѣ смотрителемъ. Не только разговаривать, но вообще говорить что-нибудь заключенному—жандармамъ было строго запрещено. Въ случаѣ необходимости—вахмистръ прибѣгалъ къ мимикѣ и, благодаря этому, въ послѣдствіи мы обозначали его шутивнымъ прозвищемъ «Мимика».

Появленіе молодыхъ всходовъ, пробивавшаяся повсюду зелень, доставляли намъ несказанное удовольствіе, а когда лѣтомъ зацвѣли посаженные самими жандармами вдоль забора цвѣты, мы пришли въ чисто дѣтское восхищеніе. Мы страшно соскучились по травѣ, по полямъ и лугамъ, и клокъ зелени вызывалъ совершенно неожиданно пріятную волну чувствъ въ нашей изголодавшейся душѣ. Такое же чувство возбуждали во время заключенія и тѣ немногія животныя, которыя были намъ доступны. Л. А. въ послѣдствіи такъ пріучила воробьевъ, что они цѣлыми стаями сидѣли у нея на колыняхъ и ѣли крошки хлѣба съ ея халата... Часто, когда мы ходили подъ руку, я вдругъ замѣчала, что она дѣлаетъ обходъ и

тянет меня въ сторону. Нѣкоторое время я недоумѣвала, что это значитъ, а когда услышала отвѣтъ, то не могла не разсмѣяться... а потомъ—умилилась. Эта террористка, замѣчая ползущую гусеницу или жука, боялась раздавить насѣкомое!.. А мнѣ и въ голову не приходило смотрѣть, бѣжитъ ли какая-нибудь маленькая тварь поперекъ дороги... Когда, позднѣе, у насъ появились кусты малины, и маленькая гусеница стала объѣдать зелень, то никакъ нельзя было уговорить моего друга заняться собираніемъ вреднаго существа и потопленіемъ его въ лейкъ. Пусть лучше пропадаетъ малина и весь кустъ—истреблять живое созданіе она не можетъ! Однажды много смѣха возбудилъ ея поступокъ съ клопомъ, найденнымъ въ камерѣ и, вѣроятно, занесеннымъ какимъ-нибудь жандармомъ. Л. А. тщательно завернула его въ бумажку и вынесла на гулянье: здѣсь клопъ былъ освобожденъ изъ бумажной обертки и осторожно выпущенъ на волю.

Меня очень интересовало такое отношеніе къ животнымъ и я спросила: всегда ли она такъ относилась къ нимъ? Она сказала, что всегда уважала жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ. И у нея это, дѣйствительно, была не временная тюремная «сентиментальность», а искреннее чувство, вполне гармонизировавшее со всей ея любящей натурой. Человѣка, болѣе гуманнаго по отношенію къ людямъ, трудно было встрѣтить, и въ первые годы, когда мелкая борьба съ тюремщиками не омрачала ея душу, эта гуманность и добросердечіе сіяли чуднымъ блескомъ. Л. А. знала жизнь и знала людей и не идеализировала ни то, ни другое. Она брала ихъ такъ, какъ они есть—смѣсь свѣта и тѣни. За свѣтъ—она любила, а тѣнь—прощала. Она имѣла счастливую способность находить и никогда не терять изъ виду хорошія стороны человѣка и непоколебимо вѣрила въ доброе начало, таящееся въ каждомъ. Она была убѣждена, что добро и любовь могутъ побѣдить всякое зло; что не суровый приговоръ, не репрессія, а доброе слово, участливое, дружеское порицаніе—самыя дѣйствительныя средства исправленія. Безконечная снисходительность во всѣхъ личныхъ отношеніяхъ была характернымъ свойствомъ Л. А. «Всѣ мы нуждаемся въ снисхожденіи»—было ея любимой поговоркой.

Мое собственное міросозерцаніе далеко не отличалось такимъ мягкимъ колоритомъ, но въ первые годы заключенія, вдали отъ общественной борьбы и той разгоряченной атмосферы, въ которой я жила на свободѣ, душа моя смягчилась, и общеніе съ такимъ прекраснымъ типомъ любви не только къ *человѣчеству*, но и къ *человѣку* производило на меня чарующее впечатлѣніе. Я чувствовала удовольствіе нравственное и вмѣстѣ съ тѣмъ эстетическое: это была любовь, это была красота... красота совѣмъ другого рода, чѣмъ жесткая энергія и непреклонная суровая воля, которая ломаетъ все, что встрѣчаетъ на своемъ пути, и удивительные образцы которой я видѣла ранѣе вокругъ себя... Слушая и наблюдая Л. А., оцѣнивая ее, какъ человѣка, невольно можно было спросить, какъ мирится ея гуманность и добросердечіе съ насиліемъ и кровью ре-

волюціонної діяльності? Распространять вокруг себя свѣтъ и теплоту, дѣлать людей счастливыми—вотъ, казалось,—поприще для такой любящей натуры. И однакожь, безобразіе и несправедливость политическаго и экономическаго строя бросили ее на другой путь. Вопіющая експлоатація трудящихся массъ сдѣлала ее социалисткой. Невозможность свободной общественной діяльности въ Россіи и варварское угнетеніе личности—превратили ее въ террористку. Любящая, самоотверженная душа нашла въ революціонномъ протестѣ единственную форму, въ которую, съ спокойной совѣстью, могла вложить свои альтруистическія чувства, чтобъ цѣною собственной жизни расчистить пути жизни для слѣдующихъ поколѣній...

Осенью того же 86 года, когда мы свидѣлись съ Л. А., мы были вынуждены отказаться отъ прогулокъ вдвоемъ, хотя онѣ однѣ только и крашивали нашу жизнь. Это случилось такъ: по тюремной инструкціи прогулка вдвоемъ и пользованіе огородомъ были льготой, даваемой за «хорошее поведеніе». Понятно, быть взысканнымъ, не въ примѣръ прочимъ, «за поведеніе», никому не могло быть пріятнымъ, а оцѣнка поведенія производилась зрителемъ, или вѣрнѣе, онъ просто давалъ льготы, кому хотѣлъ, проявляя обыкновенно вопіющую несправедливость. Были товарищи, повседневно поведеніе которыхъ не выходило изъ рамокъ, въ которыхъ держались всѣ, и, однако, никакими льготами они не пользовались. Они немножко стучали съ сосѣдями—но это былъ общій грѣхъ.

Въ тюрьмѣ люди не могутъ обойтись безъ сношеній между собой: всѣмъ не стучать только одни душевно-больные. Но, если однимъ нарушителямъ тюремныхъ правилъ можно было дать прогулку вдвоемъ и огородъ, казалось бы, слѣдовало дать ихъ всѣмъ. Но этого не было... и нѣкоторые товарищи, какъ Кобылянской, Златопольской умерли, не видавъ дружескаго лица. Другимъ, какъ Панкратову, Мартынову, Лаговскому—пришлось ждать этой льготы цѣлые годы...

Какими средствами, не имѣющими ничего общаго съ «хорошимъ поведеніемъ», иногда можно было добиться свиданья съ товарищемъ, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра, случившагося съ М. Р. Поповымъ.

Однажды наша тюрьма огласилась крикомъ: «Караулъ!!!» Всѣ насторожились, недоумѣвая, въ чемъ дѣло?

Мгновенно форточка въ двери Попова открылась, и въ ней появилось лицо зрителя Соколова.

— «Что нужно?» грубо спросилъ онъ.

— Не могу дольше такъ жить!... отвѣчаетъ Поповъ.—Дайте свиданье!...

Зритель, помолчавъ и, смотря въ упоръ ему въ лицо, сказалъ: «Доложу Начальнику Управленія».

Черезъ нѣсколько минутъ является Покрошинскій (комендантъ).

— «Что нужно заключенному?» спрашиваетъ онъ.

— Не могу дольше жить такъ... повторяетъ Поповъ.—Дайте прогулку вдвоемъ!...

Покрошинскій: «Заключенный кричалъ: караулъ! и требуетъ льготы... Пусть заключенный подумаетъ: если мы теперь же исполнимъ его желаніе,—какой примѣръ это подастъ другимъ?!... Но, если заключенный немного подождетъ,—мы удовлетворимъ его. Если же онъ вздумаетъ кричать опять, мы уведемъ его въ другое помѣщеніе»... (т. е. въ старую тюрьму или карцеръ).

Михаилъ Родіоновичъ нашелъ болѣе выгоднымъ подождать, и чрезъ нѣсколько дней его свели на гулянья съ Шебалинымъ.

Но не всякій былъ такъ изобрѣтателенъ, какъ Михаилъ Родіоновичъ, и большинство молчало. Иногда раздача льготъ была прямо таки орудіемъ непонятной злобы и мести въ рукахъ смотрителя. Если на его «ты» ему отвѣчали той же монетой, то заключенный терялъ всѣ шансы на то, чтобъ увидѣться съ кѣмъ-нибудь изъ своихъ, хотя бы дни его жизни были сочтены. Савелій Златопольскій никакихъ столкновеній со смотрителемъ не имѣлъ, но стучалъ съ сосѣдями, хотя весьма мало. У него открылось сильное кровотеченіе горломъ... Силы его падали день ото дня, но смотритель съ холодной жестокостью оставлялъ его въ одиночествѣ. То же было и съ Кобылянскимъ, который говорилъ смотрителю «ты»... Отсутствіе льготъ у Панкратова тоже было актомъ мести.

Тяжело было, возвращаясь съ гулянья, думать о сосѣдѣ, лишенномъ послѣдней радости—видѣться съ товарищемъ. Тяжело—гулять вдвоемъ, когда тутъ же вблизи уныло бродитъ товарищъ, тоже жаждущій встрѣчи и столь же нуждающійся въ обществѣ, въ сочувствіи, въ другѣ.

Но мнѣ никогда не приходила въ голову мысль о какомъ-нибудь выходѣ изъ этого положенія. Я считала тюремныя правила такой же несокрушимой твердыней, какъ каменные стѣны, желѣзныя двери и рѣшетки. Мнѣ казалось невозможнымъ сломить гнетущій насъ тюремный режимъ, какъ невозможно разрушить стѣны и замки.

Но Л. А. была другого мнѣнія: она думала, что противъ тюремныхъ порядковъ надо въ той или иной формѣ протестовать. Распредѣленіе льготъ смотрителемъ—произвольно и несправедливо, а *потому* не можетъ быть терпимо. Л. А. предлагала въ этомъ случаѣ протестъ пассивный, а именно добровольный отказъ отъ льготъ со стороны тѣхъ, кто ими пользуется въ данное время. Отказъ, конечно, долженъ быть мотивированнымъ: въ немъ слѣдовало указать на болѣе или менѣе одинаковое поведеніе всѣхъ заключенныхъ и на чувство товарищества и симпатіи, не позволяющее намъ спокойно пользоваться тѣмъ, чего лишены другіе.

Я долго не могла рѣшиться на такую жертву. Конечно, мнѣ было тяжело при мысли, что я пользуюсь благомъ, отъ отсутствія котораго рядомъ задыхается товарищъ... Но я чувствовала себя «на днѣ» жизни, и свиданія съ Л. А. были моей единственной радостью!... Если бы я еще могла вѣрить, что жертва будетъ плодотворна и что добровольнымъ отказомъ намъ удастся вырвать изъ

рукъ смотрителя орудіе угнетенія товарищей! Но мнѣ казалось невѣроятнымъ, чтобъ намъ уступили въ такомъ серьезномъ пунктѣ, а если такъ, то не будетъ ли это простымъ самоистязаніемъ и притомъ навсегда, потому что, отказавшись однажды, отступить было уже невозможно. Къ тому же нѣкоторые изъ пользовавшихся «льготой» гуляли съ товарищами настолько уже большими, что имъ безусловно была необходима дружеская помощь.

Видя, какъ меня пугаетъ разлука, Л. А. на время замолкала. Но вопросъ, безпокоившій насъ, снова и снова выплывалъ въ нашихъ бесѣдахъ. Л. А. постоянно указывала мнѣ на новыя стороны вопроса: она говорила, что нужно имѣть въ виду не одни только непосредственные результаты протеста; что помимо прямой цѣли—добиться того, чтобы прогулки вдвоемъ и пользованіе огородомъ стали общимъ достояніемъ тюрьмы, нормой, а не льготой,—протестъ, самъ по себѣ, имѣетъ значеніе. Среди всеобщаго молчанія и подчиненія, администрація увидитъ, что мы не относимся пассивно къ тому, что совершается вокругъ насъ, что мы думаемъ не только о себѣ, какъ того постоянно требуетъ начальство, но такъ сочувствуемъ товарищамъ и поднимаемъ голосъ въ защиту ихъ «Говорите только о себѣ»—было всегдашнимъ замѣчаніемъ при употребленіи кѣмъ-либо слова «мы». А тутъ, во имя товарищества люди отказываются отъ того, что въ глазахъ начальства составляетъ награду. Ничто не дорого такъ начальству, какъ безпрепятственное, пассивное воспріятіе всего, что отъ него исходитъ.

И вотъ люди, лишенные не только всѣхъ юридическихъ, но просто элементарныхъ человѣческихъ правъ, и относительно которыхъ приняты всѣ мѣры къ полному подавленію ихъ личности,—эти люди ставятъ себя, хотя бы на минуту, выше своихъ тюремщиковъ и палачей: они критикуютъ и осуждаютъ распоряженія тюремной администраціи и указываютъ на необходимость переменъ въ режимѣ, установленномъ для того, чтобъ держать въ желѣзныхъ тискахъ этихъ самыхъ критиковъ.

Мало-по-малу Л. А. убѣдила меня въ справедливости своихъ доводовъ, и вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими товарищами мы отказались отъ пользованія льготами до тѣхъ поръ, пока онѣ не будутъ распространены на всю тюрьму. Первоначально довольно много соглашались дѣйствовать съ нами за одно, но потомъ, какъ это часто случается въ тюрьмѣ, все спуталось и замѣшалось, и вмѣсто болѣе или менѣе общаго протеста, только Л. А., я, Ю. Богдановичъ, Поповъ и Шебалинъ довели дѣло до конца. Въ теченіе полутора года мы не пользовались льготами... За этотъ періодъ не мало утекло воды. Погибъ жестокой смертью Грачевскій, сжегшій самъ себя. Смотритель Соколовъ былъ послѣ этого уволенъ и новый смотритель Федоровъ весной 1888 г., далъ льготы всѣмъ кромѣ Лаговскаго. Когда же Л. А. и я заявили, что все же не воспользуемся прогулкой вдвоемъ, пока и Лаговскій не будетъ пользоваться ею, то Федоровъ далъ товарища и Лаговскому. Съ тѣхъ поръ въ тюрьмѣ вывелись какія бы то ни было раздѣленія на ка-

тегоріи, и я думаю, что желаніе администраціи не возбуждать неудовольствія заключенныхъ было причиной, что льготы, какъ награда за поведеніе, остались только на бумагѣ (въ инструкціи), но исчезли въ нашей тюремной жизни.

Послѣ того, какъ осенью 86 года Л. А. разсталась со мной, въ ея жизни начался новый періодъ. Въ первые годы заключенія въ Шлиссельбургѣ ея отношеніе къ крайне тягостнымъ правиламъ тюремной дисциплины ничѣмъ не отличалось отъ отношенія къ нимъ всѣхъ товарищей: всѣ мы были въ подавленномъ состояніи, и въ атмосферѣ застѣнка, въ который мы были брошены, казалось, надо или прямо идти на смерть, какъ пошли Минаковъ и Мышкинъ, или молчать, покоряясь участи связаннаго по рукамъ и ногамъ человѣка. Но Минаковъ и Мышкинъ, равелинцы и карійцы, были людьми, уже нѣсколь-ко лѣтъ терпѣвшими безправіе и угнетеніе; у нихъ могло уже не хватать силъ на дальнѣйшую жизнь при такихъ условіяхъ. Изъ остальныхъ многіе, въ томъ числѣ Л. А., — были новички. Тотъ, кто былъ когда-либо подъ обаяніемъ образа Иисуса, во имя идеи претерпѣвшаго оскорбленія, страданія и смерти, кто въ дѣтствѣ и юности считалъ Его идеаломъ, а его жизнь—образцомъ самоотверженной любви,—пойметъ настроеніе только что осужденнаго революціонера, брошеннаго въ живую могилу за дѣло народнаго освобожденія. Въ первое время вослѣ суда душа, во многихъ отношеніяхъ, настроена почти такъ же, какъ у человѣка, который умираетъ; спокойный и просвѣтленный, онъ не цѣпляется судорожно за то, что покидаетъ, но твердо смотритъ впередъ съ полнымъ сознаніемъ, что наступающее—неизбѣжно и неотвратимо.

Мало того: идеи христіанства, которыя съ колыбели, безсознательно и сознательно, прививаются всѣмъ намъ, внушаютъ осужденному отрадное чувство, что наступилъ моментъ, когда дѣлается проба человѣку, испытывается сила его любви и твердость его духа, какъ борца за тѣ идеальныя блага, добыть которыя онъ стремился не для своей скоро-преходящей личности, а для народа, для общества, для будущихъ поколѣній.

Понятно, что при такомъ настроеніи никакой словесный или физическій бой съ шайкой сбировъ и заплочныхъ дѣлъ мастеровъ немислимъ. Вѣдь Иисусъ не сопротивлялся, когда Его поносили и заушали. Всякая мысль объ этомъ является уже профанаціей Его чистой личности и кроткаго величія...

Несомнѣнно и у Л. А. было подобное же настроеніе. Но потому оно исчезло. Пока мы видѣлись съ нею, она сдерживалась, чтобъ не оставить меня въ одиночествѣ, которое для меня было такъ губительно. Но даже и тогда порой у нея прорывался гнѣвъ при обстоятельствахъ, которыя мнѣ казались ничтожными. Такъ, однажды, жандармъ, стоявшій на посту и бдительно присматривавшійся ко всему, что мы дѣлали, почему-то улыбнулся. Быть можетъ, онъ слышалъ что-нибудь изъ нашего разговора, и это показалось ему забавнымъ. Внезапно я услышала гнѣвный голосъ

Л. А. «Вы приставлены тутъ, чтобъ наблюдать, а не для того чтобъ смѣяться!» говорила она... и вся дрожала отъ волненія. Я удивилась ея горячности и была огорчена: мнѣ казалось, лучше бы сдѣлать видъ, что не замѣнаешь этой улыбки. Но Л. А. была другого мнѣнія...

Послѣ нашей разлуки подобныя столкновенія съ жандармами участились, а осенью 87 г. Л. А. съ нѣсколькими товарищами была уведена въ старую тюрьму. Это было—наказаніе, такъ какъ санитарныя условія въ послѣдней были несравненно хуже, чѣмъ въ новой тюрьмѣ, гдѣ мы находились съ 84 г. Отлученіе отъ остальныхъ товарищей тоже должно было имѣть тягостное психическое вліяніе, а обращеніе тюремщиковъ съ наказанными было само безцеремонное. Пребываніе въ теченіе 6—7 мѣсяцевъ въ старой тюрьмѣ и было тѣмъ поводомъ, по которому ген. Шебеко дѣлалъ Л. А. выговоръ. Уводъ же ея туда случился при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Лаговскій постоянно лазилъ на окно, чтобъ въ форточку смотрѣть на товарищей, гулявшихъ въ огородѣ, расположенномъ противъ его камеры. Самъ же онъ въ то время не имѣлъ ни прогулки вдвоемъ, ни огорода. Однажды, когда, не смотря на многократныя замѣчанія, онъ все-таки не повиновался,—его увели въ старую тюрьму. Узнавъ объ этомъ Л. А. стала требовать, чтобъ увели и ее. Смотритель Соколовъ исполнилъ это желаніе. Тогда Поповъ потребовалъ того же. Увели и его. Въ той же тюрьмѣ, но по другимъ поводамъ, оказались еще Грачевскій и Манучаровъ. Послѣдній былъ уведень за пѣніе, на нѣсколько минутъ нарушившее обычную тишину тюрьмы. По пути изъ одного зданія въ другое онъ былъ избитъ въ присутствіи коменданта Покрошинскаго, вполнѣ ствѣи отрицавшаго этотъ фактъ.

Въ старой тюрьмѣ шли почти непрерывныя столкновенія съ жандармами изъ-за «стука». Товарищи переговаривались между собой и, чтобъ помѣшать имъ, жандармы поднимали неистовый шумъ: они брали полѣно и колотили имъ изо всей силы въ дверь, страшно раздражая этимъ нервы всѣхъ, или скоблили кочергой по желѣзу въ корридорной печи. Начиналась адская музыка: въ корридоры человекъ 6 здоровенныхъ унтеръ-офицеровъ бомбардировали полѣнными дверями камеръ, а запертыя въ нихъ, измученные люди бѣшено отвѣчали, стуча кулаками и ногами, единственными орудіями, которыхъ у нихъ нельзя было отнять. По обѣ стороны дверей, снаружи и внутри, люди были въ бѣшенствѣ. Сцена выходила дикая и жестокая...

Когда-то, въ качествѣ студентки, я посѣщала психіатрическую больницу въ Бернѣ. Тамъ, между прочимъ, насъ водили въ отдѣленіе буинныхъ. Одну женщину, высокую худую брюнетку, съ горящими черными глазами и зловѣщимъ румянцемъ на щекахъ, я помню до сихъ поръ.

Когда профессоръ вошелъ къ ней, она, пробормотавъ нѣсколько словъ, внезапно принялась на него кричать, яростно жестикулируя

и наступая. Скоро онъ долженъ былъ сдѣлать нѣсколько шаговъ назадъ и быстро запереть дверь ея чисто тюремной кельи. Неистовые крики, угрозы и проклятья понеслись изъ-за двери. Съ силой, совершенно не гармонировавшей съ истощеннымъ видомъ пациентки, она наносила кулаками такіе удары въ дверь, что, казалось, еще минута, и дверь разлетится въ щепки. Толпа учащейся, мужской и женской, молодежи стояла въ тягостномъ смущеніи... Одинъ профессоръ, холодный и невозмутимый, со строгими, пронизывающими глазами, стоялъ, словно тюремщикъ, держа въ рукѣ ключъ... Онъ привыкъ, онъ не волновался...

Теперь такія же сцены происходили здѣсь, въ тюрьмѣ, съ людьми, которые не были маніаками, но находились въ условіяхъ и обстоятельствахъ, дѣлавшихъ ихъ похожими на маніаковъ. Немного раньше, въ Л. А., я сама въ теченіе нѣсколькихъ дней была участницей подобнаго же рода сценахъ, и ярость, которую я испытала, была такъ ужасна, что, разъ навсегда, я дала себѣ слово никогда болѣе не ставить себя въ подобное положеніе...

И такую жизнь, такую обстановку, когда каждую минуту дверь могла отвориться, и 6 жандармовъ могли ворваться въ камеру, избить, связать и надругаться,—Л. А. съ небольшими передышками жила цѣлые мѣсяцы...

Это одинъ типичный случай, происходившій въ первый, самый тяжелый періодъ заключенія. Въ послѣдующіе годы условія тюремной жизни стали измѣняться къ лучшему, дикія сцены выходили изъ обихода. Побои, вязанье и надѣваніе сумасшедшей рубашки, которымъ въ первый періодъ подвергались нѣкоторые товарищи-мужчины, —прекратились. Столкновения съ тюремной администрацией стали ограничиваться шумными пререканіями и рѣзкими словами...

Тюрьма, конечно, даетъ множество поводовъ къ неудовольствіямъ и конфликтамъ, и Л. А., въ той или иной степени, принимала участіе въ послѣднихъ. Иногда она воевала по поводу фактовъ, относившихся къ ней, но несравненно чаще—мотивомъ было чувство товарищества, желаніе поддержать или защитить кого-нибудь другого. Въ своей брошюрѣ о жизни въ Шлиссельбургѣ она говоритъ: «сидя въ тюрьмѣ, нѣкоторое удовлетвореніе находишь въ постоянной борьбѣ за чувство человѣческаго достоинства». Она, дѣйствительно, искала такого удовлетворенія и находила его... По своимъ взглядамъ на обязательность борьбы по всякаго рода поводамъ она сходилась съ той группой женщинъ на Карѣ, къ которой принадлежали Ковалевская, Россикова и Ковальская. Но она не была истерзана и надломлена, какъ Ковалевская, и не отличалась деспотизмомъ и такой страстной нетерпимостью, которые причиняли Ковалевской такія жгучія нравственныя страданія. Л. А. уважала чужое убѣжденіе и чужую личность. Конечно, холодокъ пробѣгалъ и у нея, когда по поводу какого-нибудь тюремнаго вопроса дѣло доходило до рѣзкаго разногласія съ друзьями. Но это было мимолетное явленіе; безконечно добрая, она скоро забывала

не только разногласіе, но даже и жесткое слово, которое могло сорваться по ея адресу. Ея незлобіе въ послѣднемъ отношеніи было удивительно—она ни на минуту не забывала тѣхъ условій, среди которыхъ мы жили въ Шлиссельбургѣ, и эти условія, въ ея глазахъ, вполне объясняли и извиняли всякую раздражительность. Сама она, по отношенію къ товарищамъ, никогда не страдала этимъ качествомъ: ея характеръ былъ всегда ровень и отличался несравненной мягкостью и веселостью, что составляло рѣзкую противоположность съ ея всегдашними отношеніями къ жандармеріи низшаго и высшаго порядка.

Долго гуляли мы съ Л. А., бесѣдуя только вдвоемъ и не имѣя никакой возможности увидѣться съ остальными товарищами. Но, какъ искусно описалъ М. Ю. Ашенбреннеръ въ своихъ воспоминаніяхъ, въ 1-ой книжкѣ «Былого», въ одинъ прекрасный день преграды, раздѣлявшія насъ, рушились: въ заборахъ самовольно были прорублены окошечки, и явилась возможность, въ каждахъ 2-хъ смежныхъ огородахъ, видѣться и говорить съ сосѣдями. Видя, что изоляція уже не существуетъ и что возстановить старую систему значило бы поднять въ тюрьмѣ волненіе и беспорядокъ, комендантъ Гангардъ, всегда отличавшійся большимъ тактомъ и лойяльной добротой, сдѣлалъ департаменту государственной полиціи докладъ, въ которомъ предлагалъ передѣлать огородные заборы такимъ образомъ, чтобы верхняя часть ихъ была замѣнена деревянной рѣшеткой. Онъ мотивировалъ эту реформу скудостью свѣта въ огородахъ, со всѣхъ сторонъ затѣненныхъ сплошными заборами въ 3¹/₂ аршина высоты, отчего растенія тянулись и плохо развивались. Реформа прошла, и это было великое событіе въ нашей жизни. Не говоря уже о томъ, что количество солнечнаго свѣта, который мы научились цѣнить только въ тюрьмѣ, сильно увеличилось и уже отъ одного этого намъ стало веселѣе жить,—мы получили неоцѣненное благо, стоя на маленькихъ эстрадахъ, построенныхъ нами у заборовъ, говорить уже не въ окошечко, а черезъ рѣшетку съ сосѣдями. Этотъ переломъ въ общей жизни тюрьмы произошелъ въ 92 году.—Наша жизнь расширилась неизмѣримо, особенно для Л. А. и меня. Товарищи-мужчины могли смѣняться другъ съ другомъ парами (это тоже далось не сразу!) и, такимъ образомъ, каждый могъ познакомиться со всѣми и изъ 21—28 чел. выбирать себѣ любого собесѣдника, мы же были совершенно лишены всякаго другого общества, кромѣ насъ двухъ, такъ какъ другихъ женщинъ въ тюрьмѣ не было. На меня одиночное заключеніе подѣйствовало такимъ образомъ, что я потеряла потребность въ общеніи съ людьми. Одинъ или два друга были бы для меня вполне достаточны. Но Л. А. была человѣкъ крайне общительный, она любила общество, любила, какъ она выражалась, быть «на улицѣ». Въ этомъ мы составляли въ тотъ періодъ полную противоположность: я прямо тяготилась встрѣчами съ товарищами и чувствовала непреодолимое стремленіе бѣжать отъ нихъ. Такъ какъ я была

вполнѣ откровенна съ Л. А., то часто жаловалась ей на тягостныя чувства, которыя я испытывала; но она всѣми силами старалась убѣдить меня, чтобъ я боролась съ нездоровымъ стремленіемъ къ одиночеству. Она находила его ненормальнымъ и утѣшала, что понемножку это пройдетъ. Много разъ она ободряла меня, уговаривала и всячески старалась облегчить мнѣ возвратъ къ естественнымъ отношеніямъ къ людямъ. Ея здравомыслію и гуманной поддержкѣ я очень много обязана въ томъ, что въ концѣ концовъ стала находить пріятнымъ общеніе съ товарищами и вышла изъ состоянія, которое я теперь не могу назвать иначе, какъ состояніемъ одичанія. Ту же милую доброту и широкое альтруистическое чувство, которыми Л. А. обогрѣвала меня, она дарила и другимъ товарищамъ. И если для нея самой было нужно и пріятно жить въ обществѣ, то для нихъ, лишенныхъ теплой ласки, ея обаятельной личности имѣла неотразимую привлекательность. Всѣ хотѣли ее видѣть, и какъ можно чаще видѣть!—и ей приходилось, какъ выразился однажды Морозовъ, рѣзать себя на кусочки. И, въ самомъ дѣлѣ, она рѣзала, потому что отказать въ просьбѣ—была не въ силахъ. Время ея прогулокъ было распределено на нѣсколько смѣнъ, въ одномъ огородѣ, въ сосѣднемъ находились двое товарищей; затѣмъ они уходили, и на ихъ мѣсто являлись другіе.

Послѣ обѣда въ 1 часъ насъ водили въ мастерскія, помѣщавшіяся въ 90-хъ годахъ въ старой тюрьмѣ. Когда тамъ добились того, чтобъ форточки въ дверяхъ были во время работъ отперты, и затѣмъ товарищи завоевали право находиться по 2 и даже по 4 человека въ общемъ корридорѣ, то у двери столярной, гдѣ работала Л. А., постоянно стояла кучка собесѣдниковъ, и не смолкали разговоры, шутки или пренія. Всѣхъ она встрѣчала съ радушіемъ и улыбкой, всегда находя темы для разговора и обсуждения и служа для своихъ друзей постояннымъ источникомъ радости и утѣшенія. Невозможно перечислить все, что она дѣлала для товарищей, эти сотни мелкихъ услугъ, заботъ и маленькихъ подарковъ, которые скрашивали и разнообразили монотонную жизнь въ тюрьмахъ. Понятно, что ее любили горячо. Прочувствованные стихи Н. А. Морозова, написанные по случаю ея увоза отъ насъ въ 1896 г., прекрасно выражаютъ чувства, которыя она вызывала въ друзьяхъ:

* * *

Полна участья и привѣта
Среди безмолвія и тьмы,
Она сошла, какъ ангель свѣта,
Подъ своды мрачныя тюрьмы...
Была чарующая сила
Въ душѣ прекрасной и живой,
И жизнь она намъ обновила
Своей сердечной чистотой.
Въ глухой тюрьмѣ она страдала
Среди насилія и зла
Потомъ ушла... и не узнала,
Какъ много свѣта унесла...

Есть въ мірѣ люди: ихъ встрѣчаешь
Лишь въ дни гоненій и утратъ,
Но міръ за нихъ благословляешь
И жизнь за нихъ отдать бы радъ!..

* * *

Въ началѣ ноября 1896 г., когда мы находились въ старой тюрьмѣ на работѣ въ мастерскихъ, внезапно пришелъ вахмистръ и увелъ одного за другимъ нѣсколькихъ лицъ ¹⁾ и между ними и Л. А., сказавъ, что ихъ ждетъ комендантъ. Всѣ были въ недоумѣніи и трегогѣ, не зная, что бы это значило. Однако, увведенные скоро возвратились. Они были взволнованы и рассказали, что комендантъ имъ объявилъ, что по коронаціонному манифесту срокъ каторжныхъ работъ имъ сокращенъ: каторга безсрочная замѣнена 20 годами (Василію Иванову, Ашенбреннеру и Поливанову), а остальнымъ (Панкратову, Суровцеву, Яновичу и Л. А.) срокъ сокращенъ на одну треть, въ силу чего Л. А., Суровцевъ и Яновичъ должны теперь же выйти изъ крѣпости. Частичная амнистія, остававшаяся другихъ товарищей въ прежнемъ положеніи, не принесла амнистированнымъ радости, а Л. А. встрѣтила ее прямо съ гнѣвомъ: когда мы, обрадованные, что хоть нѣсколько человѣкъ выйдутъ изъ нашей могилы, бросились поздравлять ее,—она не хотѣла слышать никакихъ поздравленій и ликованій и лишь мало-помалу примирилась съ фактомъ. Тогда начались спѣшныя приготовления къ отправкѣ и планы насчетъ будущаго.

Еще въ 95 году, предполагая, что черезъ четыре года, по окончаніи срока каторги, она будетъ послана въ Сибирь или на Сахалинъ, Л. А. рѣшила пополнить свои медицинскія знанія, чтобъ въ ссылкѣ быть полезной населенію въ качествѣ фельдшерицы. Докторъ Безродный, который, оставаясь вполнѣ лояльнымъ, облегчалъ намъ жизнь своей гуманной отзывчивостью на каждую нашу нужду, оказалъ и тутъ всевозможную помощь, доставивъ нѣкоторые учебники, полный человѣческій скелетъ и отдѣльныя кости, по которымъ Л. А. могла изучить анатомію. Морозовъ прочелъ ей краткій курсъ химіи, а Лукашевичъ, этотъ образецъ альтруизма, когда дѣло шло о помощи въ научныхъ занятіяхъ, взялся прочесть Л. А. на гуляньи курсъ гистологіи, что и выполнилъ блестящимъ образомъ. Микроскопъ у насъ былъ съ 91 г., когда на заработанныя товарищами ²⁾ деньги комендантъ Гангардъ купилъ намъ подержанный Гартнагъ. Этотъ микроскопъ выносился на гулянье, ставился между рейками рѣшетчатой части забора, и такимъ образомъ Лукашевичъ могъ демонстрировать Л. А. гистологическіе препараты, которые приготовлялъ съ большимъ искусствомъ. Л. А. быстро усваивала необходимыя знанія и съ большимъ усердіемъ изучала предметы намѣченнаго курса, который предполагала пройти въ че-

¹⁾ Василія Иванова, Суровцева, Яновича, Поливанова, Панкратова.

²⁾ Она выточила ограду на братскую могилу воиновъ, павшихъ въ битвѣ со шведскими при Петрѣ I.

тыре года. Амнистія неожиданно прервала эти занятія, чрезвычайно полезныя въ видахъ будущей ссылки.

Тяжело было Л. А. покинуть насъ послѣ столькихъ лѣтъ общей жизни, полной всевозможныхъ невзгодъ. Она любила насъ... и знала, что для нѣкоторыхъ нужна, какъ свѣтъ, какъ воздухъ. Нѣжная заботливость объ этихъ лицахъ сказывалась много разъ въ послѣднихъ ея бесѣдахъ со мной, когда она просила меня не забывать, что для нихъ—ея отъѣздъ особенно тяжелъ... 23-го ноября ее и 4-хъ другихъ товарищей: Мартынова и Шебалина, 12-лѣтній срокъ которыхъ какъ разъ тогда кончился помимо амнистіи, и амнистированныхъ: Яновича и Суровцева—должны были увезти.

Послѣдній часъ передъ отъѣздомъ Л. А. провела въ моей камерѣ. Все время—она плакала, я—утѣшала. Трогательныя слова, сказанныя ею на прощанье, были—что въ Шлиссельбургѣ она покидаетъ лучшихъ людей, которыхъ когда-либо знала...

Въ 1 часъ дня, уѣзжавшихъ, одного за другимъ, стали выводить изъ камеръ, а потомъ изъ тюрьмы. По выходѣ изъ тюремной ограды на обширный дворъ крѣпости, гдѣ съ одной стороны находятся братская могила по убитымъ воинамъ и рядъ домовъ, въ которыхъ обитаетъ высшая тюремная администрація, а съ другой—церковь, садъ и казармы низшихъ чиновъ,—каждый освобожденный останавливался, чтобы безмолвнымъ жестомъ выразить намъ свое «последнее прощанье». Изъ оконъ камеръ мы смотрѣли на ихъ удаляющуюся фигуру... Каждый, обернувшись въ нашу сторону, дѣлалъ низкій поклонъ; мужчины снимали шапку и махали ею, въ знакъ признателности... а Л. А., остановясь два или три раза, махала платкомъ. Мы тоже держали въ рукахъ бѣлые платки, которые издали легче было видѣть черезъ двояныя рамы и рѣшетки нашихъ оконъ... Мы провожали взглядомъ друзей, возвращающихся къ жизни, и въ эту минуту, казалось, вокругъ насъ образуется новая темная пустота... Вотъ они дошли до воротъ и скрылись... для насъ они переставали существовать: словно морская бездна разверзлась и поглотила ихъ, и ни одна вѣсточка не должна была сказать намъ, что будетъ съ ними дальше?.. Темная неизвѣстность, какъ «слѣпцовъ» Мэтерлинка, всегда и во всемъ окружала насъ...

По выходѣ изъ Шлиссельбурга Л. А. увидалась, наконецъ, со своимъ сыномъ, тогда уже студентомъ естественнаго факультета Петербургскаго университета, и духовная связь между ними оказалась сильна и глубока. Мужъ Л. А.—Александръ Александровичъ Волкенштейнъ, еще до суда говорившій ей, что въ случаѣ ссылки въ Сибирь послѣдуетъ за ней, исполнилъ это обѣщаніе теперь, и отправился на Сахалинъ, назначенный Л. А., какъ мѣсто поселенія. Тамъ въ портѣ Корсаковскомъ, представляющемъ лучшей пунктъ всего острова, онъ занялъ мѣсто врача въ больницѣ, а прибывшая туда моремъ Л. А. получила мѣсто фельдшерицы. Въ газетѣ «Наша Жизнь» отъ 26-го января нынѣшняго года помѣщена теплая замѣтка г-жи Александровой о дѣятельности Л. А. на Сахалинѣ.

Эта жизнь была полна самоотверженія и активной любви къ

ближнему. Обстановка Сахалина, съ его безправнымъ населеніемъ, жестокими нравами, презрѣніемъ администраціи къ человѣческой личности, давала полный просторъ для протеста противъ угнетателей и защиты угнетенныхъ, къ чему было такъ склонно сердце Л. А. Какъ должно было вліять на больныхъ ея участливое, мягкое отношеніе, можетъ составить себѣ понятіе всякій, кто только имѣлъ случай знать лично Л. А. Въ Шлиссельбургѣ были товарищи, которые считали, что обязаны ей своею жизнью. Такъ, С. А. Ивановъ, одно время почти обреченный на гибель вслѣдствіе кровотеченій горломъ, приписываетъ свое воскресеніе ничему иному, какъ сочувствію и нравственной поддержкѣ, которую во время болѣзни ему оказывала Л. А., нарочно переселившаяся къ нему въ сосѣдство, чтобъ черезъ стѣну оказывать ему дружескую помощь. Кто читалъ мемуары объ Алексѣевскомъ равелинѣ нашего дорогого товарища П. С. Поливанова, конечно, помнитъ трогательный образъ Н. Колодкевича, на костыляхъ подходившаго къ стѣнѣ, чтобъ нѣсколькими ласковыми словами утѣшить и развлечь Петра Сергѣевича. Короткій разговоръ черезъ бездушный камень раздѣлявшій двухъ узниковъ, погибавшихъ отъ цынги и одиночества,—былъ ихъ единственнымъ утѣшеніемъ и поддержкой. По признанію автора мемуаровъ, не разъ доброе слово Колодкевича спасало его отъ острыхъ припадковъ меланхолии, толкавшихъ его къ самоубійству... И въ самомъ дѣлѣ ласковое участіе въ тюрьмѣ творить истинныя чудеса, и если бы легкій стукъ въ стѣну не разрушалъ каменную преграду, раздѣляющую человѣка отъ человѣка, осужденный не имѣлъ бы возможности сохранить жизнь и душу... Не даромъ борьба за стукъ есть первая борьба, которую ведетъ узникъ: это прямо борьба за существованіе, и за нее, какъ за соломенку, бессознательно хватается всякій замурованный въ келью.. Когда же наступаетъ моментъ, что осужденные на одиночное заключеніе могутъ встрѣтиться лицомъ къ лицу и замѣнить символическій стукъ живой рѣчью, то доброта души, воплощенная въ звуки голоса, ласковый взглядъ и дружеское рукопожатіе даютъ отраду, невѣдомую для того, кто не терялъ свободы. Въ этомъ отношеніи миссія и роль Л. А. въ тюрьмѣ была велика, и многія сердца навсегда запечатлѣли ея образъ и сохранятъ о ней горячее воспоминаніе, полное признательности... Въ Шлиссельбургѣ и на Сахалинѣ—она была одна и та же—великая силой своей любви къ людямъ, полная благороднаго мужества и неуклонной стойкости.

Прекрасная душой, Л. А. обладала и красивой внѣшностью: она была довольно высокая, очень стройная... Темные, слегка вьющіеся волосы тяжеловѣсной косой падали на ея спину. Прекрасный цвѣтъ лица и мягкія славянскія черты съ бровями, проведенными широкимъ мазкомъ, хорошо очерченный ротъ и чудные сѣрые глаза, неотразимые въ минуты серьезности и грусти—вотъ ея портретъ въ лучшіе годы жизни въ Шлиссельбургѣ.

Л. А. убита 10-го января текущаго года во Владивостокѣ, гдѣ она жила послѣдніе годы по отъѣздѣ съ Сахалина. Одна изъ пуль,

направленныхъ въ безоружную толпу манифестантовъ, среди которыхъ была и она, порвала ея жизнь. Она покоится въ землѣ на разстояніи 9 т. верстъ отъ того мѣста, гдѣ она мучилась и страдала, и гдѣ погребены тѣ, кто не перенесъ физическихъ и нравственныхъ тягостей нашей Бастиліи. Но одна и та же идея, идея свободы соединяетъ эти два отдаленные пункта, лежащіе на противоположныхъ концахъ нашей родины. Борьба, начатая одиночками, поднятая среди общаго молчанія организаціей, которая была сильна не числомъ, а лишь энергіей и готовностью погибнуть за общее благо, волнуетъ теперь все наше отечество отъ моря до моря и, быть можетъ, лучшей эмблемой едиனுшія русскихъ людей, стремящихся къ свободѣ, будутъ служить эти могилы: въ Шлиссельбургѣ, съ одной стороны, и во Владивостокѣ—съ другой. И если когда-нибудь здѣсь и тамъ захотятъ почтить память погибшихъ, то памятникъ въ честь ихъ долженъ быть одинъ и тотъ же, и на немъ можно начертать одни и тѣ же слова:

„Погибшимъ—слава,
Живущимъ свобода!“

25-го февраля 1906 г.

В. Фигнеръ.

Къ біографіи А. В. Ухтомскаго ¹⁾.

Навсегда останутся памятными обстоятельства геройской смерти машиниста А. В. Ухтомскаго, разстрѣяннаго безъ суда на с Люберцахъ въ декабрѣ мѣсяцѣ «карательнымъ» отрядомъ л.-гв. Семеновскаго полка. Ухтомскій обнаружилъ необыкновенное велич духа, поразившее даже тѣхъ, кто разстрѣливалъ его. Корреспондентъ газеты «Русь», г. Владимировъ, на основаніи собранныхъ им матеріаловъ, даетъ слѣдующее замѣчательное описаніе его смерти ²⁾

«Собирая свѣдѣнія о дѣятельности отряда Семеновскаго полка на станціяхъ Московско-Казанской жел. дор., мнѣ пришлось слышать отъ многихъ свидѣтелей рассказы о машинистѣ Ухтомскомъ, который геройски держалъ себя въ послѣднюю минуту своей жизни. Многія свѣдѣнія о немъ почерпнуты изъ рассказа капитана Семеновскаго полка, который самъ разстрѣливалъ его въ Люберцахъ вмѣстѣ съ тремя рабочими, и наблюдалъ его послѣднія минуты.

«Капитанъ былъ очарованъ этой личностью; солдаты съ глубокимъ уваженіемъ смотрѣли, какъ умѣютъ умирать мужественныя люди. Они любовались имъ и свои чувства къ нему проявили въ томъ, что послѣ перваго залпа онъ остался цѣлъ и невредимъ. Н одна пуля не коснулась его.

«Это обстоятельство можетъ служить лучшимъ доказательствомъ того, что въ моментъ казни однородныя чувства переживались всѣми»

«По внѣшности онъ (Ухтомскій) ничѣмъ не обращалъ на себя вниманіе. Небольшого роста, съ живыми умными глазами, онъ производилъ впечатлѣніе очень скромнаго, даже застѣнчиваго чловѣка»

«Совершенно случайно, проѣзжая на лошадахъ черезъ Люберцы Ухтомскій остановился въ мѣстномъ трактирѣ, ничего не предполагая о прибытіи солдатъ на станцію. Когда его обыскали тамъ нашли при немъ револьверъ, задержали и отправили къ офицеру на станцію.

¹⁾ Въ февральской книжкѣ „Былого“ мы просили доставить намъ портретъ машиниста Ухтомскаго и біографическія о немъ свѣдѣнія, дабы, помѣстивши въ нашъ журналъ то и другое, прочіе сохранили память объ этомъ замѣчательномъ чловѣкѣ. Просьба наша исполнена, и мы убѣждены, что исполнившему ее будутъ благодарны вмѣстѣ съ нами и всѣ читатели-друзья „Былого“.

²⁾ „Русь“ № 14. 30-го января 1906 г.

«На допросъ онъ не говорилъ своей фамиліи.

«Офицеръ, просматривая списокъ, имѣвшійся у него въ рукахъ, и фотографическія карточки, сличивъ одну изъ нихъ съ живымъ оригиналомъ, вскрикнулъ: «вы машинистъ Ухтомскій, вы будете разстрѣляны!»—«Я такъ и думалъ!»—хладнокровно отвѣтилъ Ухтомскій.

«Это происходило днемъ, около 3 часовъ. Ему предложили, не желаетъ ли онъ исповѣдываться, на что Ухтомскій изъявилъ свое желаніе.

«Послѣ исповѣди его, вмѣстѣ съ тремя рабочими люберецкаго тормознаго завода, повели къ разстрѣлу.

«Онъ обратился къ офицеру и сказалъ: «Я зналъ, что, если попадусь въ ваши руки, вы разстрѣляете меня, поэтому я такъ спокойно чувствую себя, такъ какъ былъ ежеминутно готовъ къ смерти. Теперь, предъ смертью, я скажу вамъ, кому вы обязаны, что поѣздъ съ дружинниками благополучно ушелъ изъ Москвы, спасая равныхъ участниковъ и главарей боевой дружины и членовъ студенческаго комитета.

«Когда всѣ дороги въ Москвѣ были захвачены войсками и выѣздъ ихъ изъ Москвы не представлялся возможнымъ, я взялся вывезти дружину, несмотря на то, что около сортировочной станціи, на огородахъ, вы угрожали мнѣ пулеметами.

«Въ этомъ опасномъ мѣстѣ, на большой кривой и совершенно открытой мѣстности, удобной для обстрѣла пулеметами, я развилъ скорость поѣзда до 90 верстъ въ часъ. Я самъ управлялъ паровозомъ.

«Давленіе пара въ котлѣ я довелъ до 15 атмосферъ, до предѣла взрыва котла. Намъ грозила опасность не отъ пулеметовъ, а отъ возможности взлетѣть на воздухъ.

«Чтобы развить такую скорость, пришлось идти не только при открытомъ поддувалѣ, но еще при усиленной работѣ сифона.

«И вотъ, когда на этой кривой нашъ поѣздъ стремглавъ летѣлъ впередъ, застрекотали ваши пулеметы. Они не были для насъ опасны, потому что сильнѣе намъ грозили взрывъ котла и возможность слетѣть внизъ головой съ насыпи.

«Но тутъ помогла опытная рука машиниста, управлявшая паромъ и вмѣстѣ судьбою преслѣдуемыхъ вами людей. Вы ранили тогда 6 человекъ, но ни одного не убили. Всѣ спаслись и находятся далеко... Вамъ не достать ихъ!..»

«На мѣстѣ казни ему предложили завязать глаза, онъ отказался, говоря, что встрѣтитъ смерть лицомъ къ лицу, а также отказался повернуться спиной къ солдатамъ.

«Его случайные товарищи по разстрѣлу молили офицера даровать имъ жизнь, становились на колѣни, рыдали. Минута передъ казнью была ужасна!

«Ухтомскій молча смотрѣлъ на приготовленія, потомъ обратился къ солдатамъ: «Сейчасъ вамъ предстоитъ обязанность исполнить долгъ согласно вашей присягѣ. Исполните его честно, такъ же,

какъ я исполнялъ честно долгъ передъ своей присягой; но наши присяги разныя... Капитанъ, командуйте!..»

«Раздался залпъ... Рабочіе упали.

«Ухтомскій остался недвижимъ съ скрещенными руками на груди. Ни одна пуля его не задѣла.

«Раздался второй залпъ—и онъ упалъ на снѣгъ!.. Онъ былъ живъ... въ полномъ сознаніи, ужаснымъ взглядомъ смотря на окружающее.

«Капитанъ, видя его живымъ и желая быть милосерднымъ, приблизился съ револьверомъ въ рукахъ и прекратилъ его мученія выстрѣломъ въ голову».

Къ даннымъ о смерти мы можемъ присоединить нѣсколько біографическихъ подробностей объ А. В. Ухтомскомъ, сообщенныхъ намъ г. Какушкинымъ.

Алексѣй Владимировичъ Ухтомскій, мѣщанинъ, родомъ изъ Новгородской губерніи, 29 лѣтъ отъ роду. Учился въ Петербургѣ, въ ремесленномъ училищѣ Цесаревича Николая. Года за два до окончанія курса А. В. вышелъ изъ училища и поступилъ на чугунолитейный заводъ (въ Петербургѣ). Затѣмъ служилъ помощникомъ машиниста и машинистомъ на Самаро-Златоустовской жел. дорогѣ. Здѣсь онъ нѣсколько лѣтъ назадъ получилъ поврежденіе лица при исполненіи своихъ обязанностей на паровозѣ и выигралъ затѣмъ дѣло, взыскавъ съ дороги, какъ пострадавшій по винѣ послѣдней, 4.000 рублей. Эта сумма дала ему возможность приобрести домъ въ гор. Пензѣ, гдѣ до настоящаго времени проживаетъ его семья¹⁾. Передъ смертью Ухтомскій служилъ машинистомъ на Московско-Казанской желѣзной дорогѣ. 11-го октября прошлаго года былъ арестованъ въ Москвѣ за участіе въ забастовкѣ; 22 октября былъ амнистированъ. Ни къ какой политической партіи Ухтомскій не принадлежалъ. О смерти Ухтомскаго его родные узнали только изъ газетъ...

¹⁾ Семья Ухтомскаго состоитъ изъ жены и четырехъ дѣтей. Кромѣ дома, приносящаго ежегодно не болѣе 100 руб. дохода, никакихъ средствъ у семьи не осталось.

Письмо В. К. Кюхельбекера къ А. С. Пушкину ¹⁾.

3 августа 1836 г. Баргузинъ.

Признаюсь, любезный другъ, что я было уже отчаявался получить отъ тебя отвѣтъ на письмо мое; но тѣмъ болѣе я ему обрадовался; жаль только, что при немъ не было первой книжки твоего журнала: я ее не получилъ.

Ты хочешь, чтобъ я тебѣ говорилъ о самомъ себѣ. *Ничто* это мнѣ еще совершенно невозможно: въ судьбѣ моей произошла такая огромная перемѣна, что и понинѣ душа не устоялась. Дышу чистымъ, свѣжимъ воздухомъ, иду куда хочу, не вижу ни ружей, ни конвоя, не слышу ни скрипу замковъ, ни шопота часовыхъ при смѣнѣ,—все это прекрасно, а между тѣмъ, повѣришь ли? порою жалѣю о своемъ уединеніи. Тамъ я былъ ближе къ вѣрѣ, къ поэзіи, къ идеалу; здѣсь все не такъ, какъ ожидалъ даже я, порядочно же, кажись, разочарованный насчетъ людей и того, чего можно отъ нихъ требовать.—Впрочемъ, *le gût me viendra en mangeant*: вотъ, напр., какъ вчера въ лѣсу, когда предложили мнѣ вмѣсто обѣда соленыхъ омулей, нѣсколько, какъ говорятъ здѣсь, *вонькихъ*; отъ нихъ чуть было не сорвало съ души; но протаскавъ цѣлое утро бревна и доски, я усталъ, проголодался и—вообрази—съѣлъ цѣлаго омуля. Такъ-то, наконецъ, и нравы здѣшніе придутся же мнѣ по зубамъ. Еще одно: когда я началъ дневникъ свой, я именно положилъ, чтобъ онъ отнюдь не былъ исповѣдью, а вышло напротивъ; проговариваюсь, и довольно даже часто. Иначе и быть не можетъ. Есть случаи, гдѣ „*всякъ человекъ ложь*“; но есть и такіе, гдѣ всякъ человекъ—истина. Писать *къ тебѣ* и о самомъ себѣ, какъ не высказать того, что во мнѣ бродить? А это еще рано.

Ты, другъ Александръ Сергѣевичъ, полагаешь, что я получалъ въ крѣпости много литературныхъ новостей. Ошибаешься. Французскихъ и нѣмецкихъ книгъ мнѣ давали очень немного; изъ русскихъ только въ послѣднее время попадались мнѣ не совсѣмъ еще старья.

¹⁾ Отрывки изъ этого письма были напечатаны въ статьѣ Н. Ф. Дубровина „В. А. Жуковский и его отношенія къ декабристамъ“. (Русск. Стар. 1903, т. СХ, апр., стр. 95, 96, 103). Письмо напечатано вскорѣ послѣ освобожденія Кюхельбекера изъ крѣпости и водворенія его на поселеніе. Въ полномъ видѣ оно печатается въ первый разъ.

Здѣсь у брата нашель я кое-что, но и то не новое. Надо, Бальзака, Альфреда де-Виньи знаю только по отрывкамъ изъ русскихъ журналовъ. Послѣдняго: une Histoire de la Terroir, по моему мнѣнію, разсказъ превосходный. Надо, кажется, талантъ мощный, но стулья, штаны, карнизы etc. его слишкомъ занимають. Что сказать объ исторической вѣрности, о мѣстности, на которой помѣшались особенно наши молодцы? Не пустое ли и глупое ребячество все это? У Шекспира анахронизмовъ, анатотезмовъ тѣма. А между тѣмъ! Съ анахронизмовъ перейдемъ къ бездѣлкѣ, которую тебѣ посылаю. „Моя Ксенія всего менѣе поэма историческая. Женитьба князя Ярослава Ярославича Тверскаго только матерьяль. Мой Ярославъ совсѣмъ другое лице, лице до-татарское, потому и небывалое; и—полагаю, что это хорошо. Упомяни я только слово о татарахъ, такъ воспоминанія о ихъ чудовищномъ величіи чисто бы задушили ничтожную басню о любви Ксеніи и Ермила, Юрія и Ольги“. Эти строки, отдѣленные вводными знаками, пусть будутъ предисловіемъ къ моей поэмѣ, если только позволятъ ее напечатать. А это бы было очень не худо, потому что деньги мнѣ нужны и пренужны. Земледѣлецъ я плохой; быть же въ тягость брату не хочется. Кстати! Нѣсколько разъ писалъ я къ роднымъ, чтобъ отправили ко мнѣ всѣ мои деньги сполна; у меня по всѣмъ расчетамъ еще около 1,000 рублей, которые мнѣ теперь *необходимы здѣсь*; у брата-де около 700 долгу, а это въ нашемъ положеніи не вздоръ, особенно же потому, что порабощаетъ насъ людямъ, отъ которыхъ я не желалъ бы зависѣть. Сдѣлай же дружбу, Александръ Сергѣевичъ, скажи сестрѣ и племяннику, чтобъ непременно выслали мнѣ всѣ мои деньги *разомъ*; увѣрь ихъ, что по 100 или по 200 рублей намъ нисколько не поможетъ. Твои слова, быть можетъ, будутъ дѣйствительнѣе писемъ. Ты же, съ своей стороны, выхлопочи мнѣ позволеніе сызнова пріобрѣсть что-нибудь. На тебя надѣюсь болѣе, чѣмъ на дюжину такъ называемыхъ дѣльныхъ людей. Запасу у меня довольно; и въ стихахъ и въ прозѣ. Участвовать въ твоемъ журналѣ я радъ. Мои условія: по 24 листа печатныхъ или по 12 статей въ стихахъ и въ прозѣ въ годъ за 2,000 или 1,500,—разумѣется, что мелкія стихотворенія не въ счетъ. Не дорого-ли? Сверхъ того прими на себя трудъ издать или продать то, что позволятъ мнѣ напечатать отдѣльно. Учиться мнѣ, другъ, ровно некогда: надобно выработать хлѣбъ насущный. Книгъ пришли мнѣ: Эсхилла съ комментаріями, хорошій словарь латинскій, Тацита, Куранъ на англійскомъ, Саконталу на англійскомъ же, Ша-Намэ на нѣмецкомъ (Герреса). Только все это, когда заведется у меня свои пѣнязи. Въ подарокъ приму отъ тебя съ благодарностью все русское, что разсудишь переслать мнѣ. *Нашею* критикою и я не слишкомъ доволенъ; только не думаю, чтобъ она въ наше время была лучше. Честности-то точно было болѣе; но, другъ, иная простота хуже воровства. Не слишкомъ ли ты строгъ и къ Кукольнику. *Къ тебѣ* я, конечно, писалъ бы о немъ нѣсколько иначе, чѣмъ къ племянникамъ; но все же онъ не то, что Тимофеевъ, который (par paranthèse) безбожно

**Алексѣй Владиміровичъ
УХТОМСКІЙ.**

обкрадываетъ и тебя и меня. Языкъ Кукольникъ знаетъ плохо, стихъ его слишкомъ изнѣженъ, главный порокъ его—болтовня; но все же онъ стоитъ, чтобъ, напр., ты принялъ его въ руки: въ немъ могъ бы быть путь; дай ему болѣе сжатости, силы, бойкости: мыслей и чувства у него довольно, особенно (не во гнѣвъ тебѣ) если сравнить его кое съ кѣмъ изъ нашихъ сверстниковъ и старшихъ братій.—Гоголь? Изъ выписокъ Сенковского, который его, впрочемъ, ругаетъ, вижу, что онъ долженъ быть челоѣкъ съ истиннымъ дарованіемъ. Пришли мнѣ его комедію. Трагедію Хомякова (только не Ермака) Ник. Глинка мнѣ расхвалилъ; точно ли она хороша? Гдѣ Левъ Сергѣевичъ? Пишетъ-ли? Прошу ему кланяться.

Обнимаю тебя твой *Вильгельмъ*.

P. S. Je ne vous ai pas remercié pour votre lettre, mais c'est que tout procédé généreux et noble est une chose qui vous est toute naturelle, et sur laquelle on ne fait pas de phrases, quand on parle à Pouchkine.

Разумѣется, что статьи, которыя стану присылать къ тебѣ, будутъ подлиннѣе нынѣшней.

Документы для исторіи Общества Краснаго Креста партіи Народной Воли.

Въ исторіи освободительнаго движенія въ Россіи за послѣднія 25 лѣтъ Красный Крестъ сыгралъ огромную роль. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ не существуетъ не только исторіи этого Общества, но даже не собраны документы, относящіеся къ его дѣятельности. Въ бумагахъ П. Л. Лаврова, полученныхъ редакціей «Былого», мы нашли нѣсколько документовъ по исторіи «Краснаго Креста», часть которыхъ мы и печатаемъ ниже.

Начало организациі Краснаго Креста относится къ 1881 году. Партія Народной Воли придавала Красному Кресту чрезвычайно важное значеніе и энергично занялась его устройствомъ въ то самое время, когда ей приходилось одновременно вести рядъ другихъ очень серьезныхъ предпріятій. Лѣтомъ того же года по порученію Исполнительнаго Комитета Ю. Н. Богдоновичъ взялъ на себя задачу организовать особый отдѣлъ Краснаго Креста для устройства побѣговъ изъ ссылки. Для этой цѣли онъ ѣздилъ въ Томскъ, а его ближайшій помощникъ И. В. Колюжный—въ Красноярскъ. Имъ помогали въ этой задачѣ Теллаловъ, Грачевскій и др. Благодаря перехваченнымъ адресамъ въ Москвѣ, въ концѣ 1881 г., произведены были многочисленныя аресты среди лицъ, привлеченныхъ въ Красный Крестъ. Тогда были арестованы Шварцъ, Юрасовъ и др.,—всего до 150 чел.

Осенью 1881 г. Центральное Управленіе Краснаго Креста Народной Воли обратилось къ П. Л. Лаврову съ письмомъ, гдѣ оно просило его совмѣстно съ В. И. Засуличъ быть представителями Краснаго Креста за границей. Вотъ это письмо цѣликомъ, не бывшее еще въ печати:

Многоуважаемый

Петръ Лаврович!

Центральное Управленіе Общества Краснаго Креста партіи Народной Воли, имѣющаго своею цѣлью защиту и нравственную поддержку лицамъ, подвергшимся гоненію за свободу мысли и совѣсти, въ виду наиболѣе широкаго осуществленія задачи Общества, намѣрено распространить свою организацию не только въ Россіи, но и за границей. Зная Васъ за человѣка, посвятившаго всѣ свои силы

тому же великому дѣлу, которому служимъ и мы, Управление убѣждено, что Вы не откажетесь принять участіе въ осуществленіи задачъ Общества и при томъ всеобщемъ уваженіи и довѣриі, которымъ вы пользуетесь, окажете ему тѣмъ существенную пользу. Управление проситъ Васъ быть его представителемъ въ качествѣ Уполномоченнаго Агента и, при Вашемъ согласіи, поручаетъ Вамъ вмѣстѣ съ Вѣрою Ивановною Засуличъ организовать Заграничный Отдѣлъ Общества.

Для полнаго уясненія задачъ Общества и руководства при организаціи отдѣла, прилагается уставъ. При этомъ Управление находитъ нужнымъ присовокупить, что при составленіи устава имѣлась ввиду, главнымъ образомъ, организація Общества въ Россіи, но такъ какъ условія дѣятельности его за границею могутъ имѣть значительныя особенности, то и самый уставъ по отношенію къ Заграничному Отдѣлу подлежитъ измѣненію, поэтому Управление покорнѣйше проситъ Васъ внести въ него дополненія, какія вы найдете нужнымъ.

Центральное Управление Общ. Кр. Кр. Народной Воли.

Р. С. Письмо это, если Вы сочтете нужнымъ, можетъ быть опубликовано въ заграничныхъ газетахъ».

П. Л. Лавровъ и В. И. Засуличъ приняли предложеніе, и 27 декабря за ихъ именами было опубликовано на русскомъ и французскомъ языкѣ заявленіе «Отъ заграничнаго отдѣла Общества Краснаго Креста Народной Воли»,—потомъ оно было перепечатано во многихъ иностранныхъ газетахъ, въ «Вольномъ Словѣ» и т. д. Подъ давленіемъ русскаго правительства, французскія власти выслали Лаврова въ началѣ 1882 г. изъ Франціи за эту попытку открыто организовать за границей отдѣлъ «тайнаго» русскаго общества Народной Воли, и онъ только спустя нѣсколько мѣсяцевъ получилъ возможность вернуться изъ Лондона снова въ Парижъ; приказъ объ его высылкѣ, однако, никогда отмѣненъ не былъ.

Отчеты Заграничнаго отдѣла печатались въ 1—3 №№ «Вѣстника Народной Воли». Осенью 1884 г. въ 10 № «Народной Воли» Центральное Управление Краснаго Креста заявило объ упраздненіи «Заграничнаго отдѣла» и передачѣ его дѣлъ отдѣльнымъ своимъ заграничнымъ агентамъ (см. «Вѣстникъ Народной Воли», № 4-й, стр. 236). Съ тѣхъ поръ за границей, хотя не переставали существовать различныя организаціи для помощи ссыльнымъ, но въ составъ Краснаго Креста онѣ не входили.

Въ Россіи Общество Краснаго Креста Народной Воли вскорѣ приняло вѣдущій характеръ и стало дѣйствовать подъ именемъ «Общества помощи политическимъ ссыльнымъ и заключеннымъ» или, просто, «Краснаго Креста»: дѣятельность Краснаго Креста, начавшаяся въ 1881 году, продолжается непрерывно до нашихъ дней. Можно безъ преувеличенія сказать, что Краснымъ Крестомъ за время его дѣятельности оказана разнаго рода помощь

многимъ-многимъ тысячамъ политическихъ ссыльныхъ и заключенныхъ и ихъ семьямъ. Освобожденная Россія съ благодарностью будетъ вспоминать эту дѣятельность Краснаго Креста, и было бы крайне желательно, чтобы нашлись свѣдующіе люди, которые занялись бы составленіемъ его исторіи.

Ред.

Уставъ Общества Краснаго Креста партіи Народной Воли.

I.

§ 1. Общество Краснаго Креста есть спеціальный отдѣлъ общей организаціи партіи Народной Воли.

§ 2. *Цель ея:* а) Матеріальная помощь (деньгами, платьемъ, доставленіемъ мѣстъ и т. п.) всѣмъ лицамъ, подвергшимся гоненію и пострадавшимъ за свободу мысли и совѣсти, безъ различія партій, къ которымъ они принадлежали, и религиозныхъ ученій.

б) Нравственная помощь тѣмъ же лицамъ, посредствомъ защиты и возстановленія ихъ правъ путемъ словесной агитаціи въ обществѣ, легальной и нелегальной прессы и воздѣйствія на мѣстную и центральную администрацію.

в) Установленіе правильныхъ и постоянныхъ сношеній между ссыльными и заключенными.

и г) Организація побѣга и освобожденіе лицъ заключенныхъ.

II.

СОСТАВЪ ОБЩЕСТВА.

§ 3. Общество Краснаго Креста составляется изъ постоянныхъ членовъ, испытываемыхъ и случайныхъ агентовъ.

§ 4. Постоянными членами могутъ быть только лица вполне согласныя съ настоящимъ уставомъ и готовые безусловно подчиняться ему.

§ 5. Пріемъ постоянныхъ членовъ производится Мѣстными отдѣлами и Центральнымъ управленіемъ Общества, при чемъ вступающій членъ долженъ имѣть за себя поручительство двухъ постоянныхъ членовъ.

§ 6. Для вступленія членомъ нужно пребыть испытываемымъ агентомъ не менѣ полугода.

§ 7. Всѣ члены пользуются одинаковыми и равными правами.

§ 8. Во всемъ, что касается общаго дѣла, членъ поступаетъ съ согласія Административнаго Отдѣла или Центрального Управленія, къ которымъ принадлежитъ, и по требованію ихъ обязанъ дать отчетъ о своей дѣятельности.

§ 9. Каждый членъ правообязанъ привлекать случайныхъ агентовъ, о чемъ немедленно сообщаетъ Отдѣлу, для привлеченія же испытываемыхъ агентовъ должно быть и согласіе Отдѣла.

§ 10. Члены обязаны безусловно хранить тайну организациі.

§ 11. За всѣ проступки противъ организациі членъ подлежитъ суду товарищей.

§ 12. Если по суду членъ будетъ исключенъ изъ Общества, то постановленіе объ этомъ съ подробною мотивировкою передается въ Исполнительный Комитетъ.

§ 13. О выходѣ своемъ изъ Общества или о переходѣ въ другой Отдѣлъ членъ долженъ своевременно заявить *Администраціи*, при чемъ ему ставятся опредѣленные обязательства, охраняющія цѣльность организациі и дальнѣйшее успѣшное веденіе дѣла.

§ 14. Все имущество, переданное членомъ общества, по выходѣ его считается собственностью общества.

§ 15. *Испытуемыми агентами* могутъ быть лица, способныя по своимъ умственнымъ и нравственнымъ свойствамъ стать постоянными членами, но еще недостаточно извѣстныя Мѣстному Отдѣлу.

§ 16. Они могутъ быть посвящены во всѣ дѣла *Мѣстную Отдѣла*, но ни въ какомъ случаѣ не въ общія дѣла организациі.

§ 17. Они, не имѣя права голоса въ общихъ дѣлахъ, не имѣютъ и строгихъ обязательствъ къ Обществу, но *Мѣстные Отдѣлы* должны стремиться поставить ихъ въ полную отъ себя зависимость.

§ 18. По прѣшествіи полугода Испытуемые Агенты могутъ быть приняты въ члены ¹⁾).

§ 19. *Случайными агентами* называются лица, привлеченныя для отдѣльныхъ дѣлъ и предпріятій членами на свой рискъ.

§ 20. Они не стоятъ ни въ какихъ обязательныхъ отношеніяхъ къ организациі, и за всѣ ихъ поступки отвѣтственъ членъ, привлекшій ихъ къ дѣлу.

§ 21. Кромѣ спеціального дѣла, къ которому они привлечены, имъ не должно быть ничего извѣстно объ организациі, какъ и вообще всѣмъ постороннимъ лицамъ.

III.

ОРГАНИЗАЦІЯ ОБЩЕСТВА КРАСНАГО КРЕСТА.

§ 22. Всѣ дѣла и учрежденія Общества ведутся *Мѣстными Отдѣлами и Центральнымъ управленіемъ*.

А. МѢСТНЫЙ ОТДѢЛЪ.

§ 23. Мѣстный Отдѣлъ составляется изъ всего наличнаго числа членовъ данной мѣстности.

§ 24. Всѣми дѣлами Мѣстнаго Отдѣла завѣдуетъ администрація,

¹⁾ Срокъ этотъ можетъ быть сокращенъ или увеличенъ по желанію Отдѣла.

состоящая изъ трехъ членовъ и двухъ кандидатовъ, выбираемыхъ отдѣломъ безъ срока, простымъ большинствомъ голосовъ.

§ 25. Администраціи отдѣла подлежатъ всѣ дѣла мѣстной организациі, а именно:

а) веденіе и завѣдываніе всѣми денежными средствами и всѣмъ имуществомъ (кассой, складами имущества, оружія и т. п.).

б) Устройство конспиративныхъ квартиръ, складовъ, притоновъ.

в) Заведеніе связей, полезныхъ для обезпеченія побѣговъ и сношеній и для защиты гонимыхъ отъ произвола мѣстной администраціи.

г) Храненіе всѣхъ имѣющихся въ Отдѣлѣ свѣдѣній о проѣзжихъ и таежныхъ дорогахъ, населенныхъ мѣстахъ и лицахъ въ нихъ. могущихъ быть полезными дѣлу, о количествѣ и расположеніи мѣстныхъ войскъ, планы мѣстъ заключенія, этаповъ и проч.

д) Составленіе подробныхъ списковъ всѣхъ ссыльныхъ и заключенныхъ съ обозначеніемъ ихъ біографій, средствъ къ жизни и отношеніе ихъ къ революціонному дѣлу.

е) Распредѣленіе помощи между ссыльными и заключенными.

ж) Организациія побѣговъ въ томъ случаѣ, если на это требуется затрата, превышающая смѣтную сумму не болѣе, какъ на 500 руб. одновременно и 1000 р. въ годъ. Въ случаяхъ болѣе сложныхъ должно быть спрошено согласіе Центрального управленія ¹⁾.

з) Созывать отдѣлъ для приѣма новыхъ членовъ и другихъ экстренныхъ надобностей.

§ 26. Всѣ вопросы въ администраціи рѣшаются простымъ большинствомъ голосовъ.

§ 27. Совѣщанія администраціи происходятъ еженедѣльно.

§ 28. Два раза въ годъ *администрація* отдаетъ подробный отчетъ наличному числу членовъ Отдѣла, при чемъ адреса, притоны и фамиліи могутъ не сообщаться.

§ 29. Для сношеній администраціи между собой, ими устанавливается особый шифръ, сношенія же съ центромъ см. ниже.

§ 30. Всѣ имѣющіяся въ отдѣлѣ свѣдѣнія администрація передаетъ въ Центръ по мѣрѣ ихъ накопленія.

§ 31. Два раза въ годъ: къ 1 января и къ 1 августа *администрація* представляетъ подробный отчетъ въ своей дѣятельности Центру и подробную смѣту необходимыхъ для нея затратъ на текущее полугодіе.

¹⁾ Прежде чѣмъ оказать помощь въ побѣгѣ Отдѣлы и Уполномоченный агентъ извѣщаютъ Центръ о бѣгущихъ возможно подробнѣе, именно: имена и фамиліи, краткія біографіи и характеристики ихъ и ихъ намѣренія.

Въ видахъ цѣлости организациі и пользы революціонному дѣлу имъ не должна оказываться помощь до полученія отвѣта изъ Центра.

При самомъ побѣгѣ Отдѣлы и Уполном. агентъ предупреждаютъ бѣгущихъ, что по прибытіи ихъ въ Россію имъ будетъ оказана помощь въ теченіе одного мѣсяца: въ это время они должны или примкнуть къ революціонной организациі, или избрать себѣ родъ жизни.

§ 32. Касса отдѣла составляется изъ суммъ, отпускаемыхъ Центромъ.

Б. ЦЕНТРАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ОБЩЕСТВА.

§ 33. Центральное Управление составляется не менѣе, какъ изъ пяти членовъ и не болѣе числа всѣхъ существующихъ Отдѣловъ Общества.

§ 34. Члены Центрального Управленія есть представители Отдѣловъ, отъ каждаго по одному, и одинъ изъ членовъ сверхъ числа представителей назначается отъ Исполнительнаго Комитета.

§ 35. Каждому отдѣлу извѣстенъ только его представитель, полный же составъ Центрального Управленія есть тайна, извѣстная только ему самому.

§ 36. Членъ Центрального Управленія можетъ уволиться не иначе, какъ съ согласія Центрального Управленія.

§ 37. Представитель отдѣла долженъ быть утвержденъ Центромъ.

§ 38. Членъ Центрального Управленія, назначенный Исполнительнымъ Комитетомъ, можетъ быть всегда отозванъ имъ, но на его мѣсто долженъ быть немедленно назначенъ новый.

§ 39. Всѣ дѣла и вопросы въ Центръ рѣшаются простымъ большинствомъ голосовъ и только исключеніе члена требуетъ двухъ третей.

§ 40. Для веденія своихъ дѣлъ Центръ, кромѣ своихъ членовъ, можетъ имѣть неопредѣленное число запасныхъ агентовъ, избираемыхъ имъ самостоятельно.

§ 41. Запасный агентъ долженъ удовлетворять всѣмъ требованіямъ, необходимымъ для вступленія постояннымъ членомъ.

§ 42. Вѣдѣнію Центрального Управленія подлежатъ:

а) Центральная касса.

б) Центральный архивъ.

в) Сношенія съ Мѣстными Отдѣлами и Исполнительнымъ Комитетомъ.

г) Судъ надъ своими членами и запасными агентами.

д) Веденіе всѣхъ предпріятій, учреждений и связей, обезпечивающихъ цѣлость всей организаци и успѣшность въ достиженіи общихъ задачъ ея.

§ 43. Центральная Касса составляется: изъ имущества, внесеннаго всѣми членами общества, добровольныхъ сборовъ среди лицъ, сочувствующихъ его задачамъ, и временныхъ, случайныхъ взносовъ членовъ и постороннихъ лицъ.

§ 44. Два раза въ годъ, по полученіи отчетовъ изъ отдѣловъ, Центральное Управление составляетъ смѣту на всѣ необходимыя затраты Общества, распределяетъ денежные расходы по Отдѣламъ и, составивши такимъ образомъ денежный отчетъ и смѣту на текущее полугодіе, представляетъ въ Исполнительный Комитетъ.

§ 45. Разъ въ годъ Центральное Управление составляетъ подробный отчетъ въ дѣятельности всего Общества, одинъ экзем-

плярь котораго передается въ Исполнительный Комитетъ, другі съ нарочно посланнымъ агентомъ передаются всѣмъ Мѣстнымъ Отдѣламъ и Уполномоченнымъ агентамъ.

§ 46. Въ Центральномъ Архивѣ хранятся всѣ свѣдѣнія, полученные изъ Отдѣловъ.

§ 47. Для сношенія съ отдѣлами и уполномоченными агентами Центральное управление устанавливаетъ общій всему обществу шифръ.

§ 48. Центральное управление заботится объ увеличеніи денежныхъ средствъ Общества, о цѣлости всей организаціи, о привлеченіи лицъ, могущихъ такъ или иначе быть полезными Обществу (литературнымъ содѣйствіемъ, вліяніемъ на Центральную администрацію и т. п.).

§ 49. Всѣ дѣла Общества Центральное Управление ведетъ вполне самостоятельно.

Уполномоченные агенты.

§ 50. Въ мѣстахъ, гдѣ за малочисленностью не можетъ быть организованъ Мѣстный Отдѣлъ, Центральное Управление ведетъ дѣло чрезъ Уполномоченныхъ Агентовъ, которыхъ избираетъ и назначаетъ самостоятельно.

§ 51. Правообязанности Уполномоченныхъ Агентовъ тѣ же, что и Мѣстныхъ Отдѣловъ (см. §§ 23—32) съ ограниченіемъ въ слѣдующемъ:

они не имѣютъ права:

- а) принимать новыхъ членовъ;
- б) начинать самостоятельно дѣла освобожденія.
- и в) расходовать выше смѣтной суммы.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ должно быть спрошено согласіе Центра

§ 52. Уполномоченный Агентъ не можетъ выйти изъ Общества прежде, чѣмъ сдастъ всѣ свои дѣла назначенному на его мѣсто

§ 53. Члены Общества, притоны, шифры, имѣющіяся связи и самая организація Общества составляютъ тайну его и обнаруженіе ея передъ посторонними есть преступленіе противъ организаціи.

Уставъ Заграничнаго Отдѣла Краснаго Креста Народной Воли.

I.

Задачи его.

§ 1. Главная задача Заграничнаго отдѣла Общества состоитъ въ сборѣ денегъ и всякихъ пожертвованій для помощи лицамъ, подвергшимся преслѣдованіямъ и пострадавшимъ въ Россіи за свободу мысли и совѣсти безъ различія партій, къ которымъ они принадлежали. Оно также заботится о возбужденіи общественнаго мнѣнія Европы противъ русскаго деспотизма въ пользу русской революціонной партіи.

II.

Составъ Общества:

§ 2. Заграничный Отдѣлъ Общества Краснаго Креста состоитъ изъ Уполномоченныхъ Агентовъ Центрального Управленія, изъ Постоянныхъ членовъ и Случайныхъ агентовъ.

§ 3. Уполномоченные Агенты избираются Центральнымъ Управленіемъ изъ лицъ ему извѣстныхъ и отдавшихъ въ его полное распоряженіе.

§ 4. *Постоянными членами* могутъ быть лица, признающія этотъ уставъ и готовыя посвящать свои силы и время на достиженіе задачъ Заграничнаго Отдѣла Общества Краснаго Креста.

§ 5. Первые два члена въ каждой мѣстности приглашаются Уполномоченнымъ агентомъ этой мѣстности съ согласія остальныхъ Уполномоченныхъ агентовъ, по соглашенію съ Центральнымъ Комитетомъ. Дальнѣйшій же пріемъ Постоянныхъ членовъ совершается по единогласному рѣшенію Уполномоч. Агент. и всѣхъ принятыхъ уже постоянныхъ членовъ Общества.

§ 6. *Случайными агентами* называются лица, оказывающія тѣ или другія услуги Обществу и временно занимающіяся его дѣлами. Они привлекаются Уполномоч. Агент. или Постоянными членами на свой рискъ, не стоятъ въ обязательныхъ отношеніяхъ къ Обществу и не имѣютъ голоса въ его дѣлахъ, за исключеніемъ того именно предпріятія, для котораго они привлечены; всѣ же дѣла Общества, какъ и настоящій уставъ, не должны быть извѣстны ни имъ, никому другому изъ постороннихъ лицъ.

III.

Способы веденія дѣлъ Общества. (Организаціи).

Обязанности лицъ входящихъ въ составъ Общества:

вылог № 3.

19

а) Уполномоченныхъ Агентовъ:

§ 7. Уполномоченные Агенты ведутъ сношенія Заграничнаго Отдѣла Общества Краснаго Креста съ Центральнымъ его Управленіемъ, находящимся въ Россіи.

§ 8. У нихъ хранятся адреса и шифры для сношенія съ Центральнымъ Управленіемъ, безъ согласія котораго они не могутъ передавать ихъ другимъ членамъ.

§ 9. Они выдаютъ постояннымъ членамъ сборные листы за №, и печатью Заграничнаго Отдѣла, также брошюры, фотографическія карточки и другія изданія Общества для распродажи ихъ.

§ 10. Къ Уполномоченнымъ Агентамъ поступаютъ всѣ собранныя въ пользу Русскаго Краснаго Креста суммы, которыя ими пересылаются въ Россію.

§ 11. Никакія публикаціи, заявленія и изданія отъ имени Общества Краснаго Креста не должны совершаться безъ вѣдома Уполномоченныхъ Агентовъ, которые о такихъ въ важныхъ случаяхъ сносятся съ Центральнымъ Управленіемъ.

§ 12. Они сообщаютъ Центральному Управленію о приѣмѣ постоянныхъ членовъ, о выходѣ и исключеніи ихъ, а также должны наблюдать за точнымъ исполненіемъ настоящаго устава и отвѣтственны предъ Центральнымъ Управленіемъ за его нарушеніе.

§ 13. Удалиться отъ веденія дѣлъ Уполномоченный Агентъ можетъ только по согласію съ Центральнымъ Управленіемъ и по замѣщенію его новымъ.

б) Постоянныхъ членовъ:

§ 14. Постоянные члены содѣйствуютъ веденію всѣхъ дѣлъ Заграничнаго Отдѣла Общества и во всемъ, касающемся Общества, поступаютъ съ согласія собранія постоянныхъ членовъ Уполномоч. Агентъ.

§ 15. Постоянные члены занимаются сборами пожертвованій по бланкамъ Заграничнаго Отдѣла, передавать которыя могутъ лишь тѣмъ случайнымъ агентамъ, за которыхъ вполнѣ увѣрены, что они по нимъ будутъ производить сборы и не станутъ злоупотреблять ими, т. е. не передадутъ ихъ въ ненадежныя руки.

§ 16. Постоянные члены заботятся о продажѣ изданій Общества (брошюры, фотографическихъ карточекъ и проч.) и всячески способствуютъ примѣненію тѣхъ способовъ и путей, которые Общество найдетъ полезнымъ практиковать для пріобрѣтенія матеріальныхъ средствъ, или для возбужденія Евр. сочувствія.

§ 17. Они должны стараться не допускать никакихъ сборовъ по бланкамъ не отъ Общества и вообще никакихъ сборовъ отъ его имени, но въ сущности не для него, а также никакихъ публикацій и заявленій отъ имени, но безъ вѣдома и согласія Общества.

§ 18. О своемъ выходѣ пост. члены даютъ знать собранію членовъ, и по выходѣ обязаны продолжать хранить тайну Общества.

§ 19. За проступки противъ Организациі члены подлежатъ суду товарищей и могутъ быть исключены изъ состава Общества по приговору двухъ третей его мѣстныхъ членовъ, о чемъ (§ 12) сообщается Центральному Управленію.

Собранія постоянныхъ членовъ.

§ 20. Собранія постоянныхъ членовъ происходятъ по мѣрѣ необходимости и состоятъ изъ Уполномоч. Агентовъ и постоянныхъ членовъ.

§ 21. На нихъ обсуждаются и рѣшаются способы веденія дѣлъ, подлежащихъ постояннымъ членамъ.

§ 22. На этихъ собраніяхъ постоянные члены даютъ отчетъ въ своей дѣятельности и дѣятельности случайныхъ агентовъ, ими привлеченныхъ.

§ 23. Рѣшенія собранія постановляются простымъ большинствомъ.

ОБЩІЯ СОБРАНИЯ.

§ 24. Разъ въ три мѣсяца происходятъ Общія Собранія, на которыхъ, кромѣ Уполномоченныхъ Агентовъ и постоянныхъ членовъ, могутъ присутствовать и случайные агенты, а также *постоянные жертвователи*, т. е. лица, вносящія извѣстную сумму въ опредѣленные сроки.

§ 25. На Общихъ Собраніяхъ Уполномоч. Агенты знакомятъ присутствующихъ съ общимъ положеніемъ дѣлъ Заграничнаго Отдѣла. Какъ случайные агенты, такъ и постоянные жертвователи имѣютъ на нихъ право вносить предложенія на пользу Общества и пользуются правомъ голоса.

Настоящій уставъ имѣетъ силу во всѣхъ своихъ пунктахъ лишь въ странахъ, гдѣ не можетъ существовать вполне открыто и на законныхъ основаніяхъ общество афилированное Народной Волѣ, въ Англіи же и Америкѣ онъ допускаетъ значительныя видоизмѣненія.

Историческая библіографія.

Джорджъ Кеннанъ. *Сибирь и ссылка*. Очерки изъ жизни политическихъ ссыльныхъ. СПб., 1906, 160 стр., ц. 40 к.

Американецъ Кеннанъ посѣтилъ въ 1885 г. Сибирь, и въ результатъ этого посѣщенія явилось добросовѣстное описаніе русскихъ тюрьмы и ссылки и рядъ яркихъ портретовъ русскихъ борцовъ за свободу; его книга не мало способствовала правильному пониманію въ Европѣ русскаго государственнаго строя и оказала громадную услугу освободительному движенію въ Россіи; эта заслуга Кеннана никогда не забудется. Появленіе этой книги въ русскомъ переводѣ въ высшей степени желательно. Правда, 15 лѣтъ тому назадъ она появилась въ Лондонѣ; но переводъ былъ неподонъ и къ тому сдѣланъ не съ книги Кеннана, а съ его статей въ журналѣ, который въ отдѣльномъ изданіи были значительно пополнены. Только теперь стало возможнымъ появленіе ея въ Россіи. Къ сожалѣнію, переводъ который лежитъ передъ нами, страдаетъ крупными недостатками. «Въ изданіи, говоритъ переводчикъ въ предисловіи, сдѣланы незначительные пропуски, именно опущены описанія нѣсколькихъ приволжскихъ городовъ, не представляющихъ интереса для русскаго читателя». Право переводчика на подобныя сокращенія не подлежитъ сомнѣнію. Въ книгѣ Кеннана есть, дѣйствительно, не малое количество страницъ, для русскаго читателя ненужныхъ. Но заявленіе переводчика совершенно не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Первый томъ подлинника имѣетъ 409 довольно убористыхъ страницъ; русскій переводъ имѣетъ 160 весьма разгонистыхъ страницъ. Изъ этого видно, что сокращенія далеко не незначительны; дѣйствительно выкинуты цѣлыя главы и притомъ весьма интересныя. Глава о Тюменской тюремѣ сокращена болѣе, чѣмъ вдвое, и сокращена совершенно произвольно; это уже не описаніе приволжскаго города. Изъ очень интереснаго описанія арестантской баржи въ Сибирь остались только жалкія лохмотья. То же самое можно сказать о главѣ 11 подлинника («Ссылка въ административномъ порядкѣ»), которая уничтожена, какъ самостоятельная глава, и включена въ главу 5 перевода («Административно-ссылные»), въ которую вклю-

чена также 10 глава подлинника («Двѣ колоніи политическихъ дѣльныхъ»).

Сверхъ того, переводчикъ позволяетъ себѣ иногда довольно странно обращаться съ подлинникомъ. Виторта, технолога изъ Риги (стр. 223 подлинника), онъ обращаетъ въ Фитерта, врача изъ Варшавы (стр. 152 перевода); насколько намъ извѣстно, въ этомъ мѣстѣ Кеннанъ ошибки не сдѣлалъ, а если онъ ее сдѣлалъ, то исправлять ее слѣдовало въ примѣчаніи переводчика, а не въ текстѣ; еще хуже такія искаженія: Кеннанъ говоритъ о полякѣ Бѣловѣжскомъ, который, несмотря на испытанныя имъ страданія, «смотрѣлъ на жизнь бодро и мужественно»; переводчикъ же говоритъ: «несмотря на свое глубоко-пессимистическое міросозерцаніе, (онъ) горно подчинился своей судьбѣ» (стр. 56). Ничего подобнаго въ подлинникѣ нѣтъ, а если переводчикъ знаетъ дѣйствительно міросозерцаніе упоминаемаго лица, то все-таки не слѣдовало приписывать автору того, чего тотъ не говорилъ.

Переводчикъ не знаетъ того, что слово «officer» по-англійски значитъ не только офицеръ, но и чиновникъ, и потому писателя Фанова, никогда на военной службѣ не состоявшаго, онъ обращаетъ въ офицера (стр. 135). Подобныхъ искаженій и ошибокъ масса.

Что касается до русскаго языка перевода, то въ общемъ онъ хорошъ, хотя иногда встрѣчаются крайне тяжеловѣсныя фразы, напр., въ самомъ началѣ перевода, на стр. 1.

Процессъ 193-хъ. Съ предисловіемъ В. Каллаша. *Изданіе В. М. Саблина. Москва 1906 г. Цѣна 1 руб.*

Мы горячо привѣтствуемъ появленіе на книжномъ рынкѣ отчета о политическихъ процессахъ 70-хъ и 80-хъ годовъ, ибо безъ изученія этихъ процессовъ немислимо познаніе судебъ нашего свободительнаго движенія. Среди процессовъ 70-хъ годовъ первенствующее мѣсто занимаетъ безспорно процессъ «Большой» или 193-хъ». Чрезвычайно интересный во многихъ отношеніяхъ самъ по себѣ, процессъ этотъ долженъ останавливать на себѣ вниманіе всѣхъ лицъ, занимающихся исторіей освободительнаго движенія въ Россіи, и со стороны его значенія въ послѣдующихъ судьбахъ движенія.

Къ сожалѣнію, заглавіе лежащей передъ нами книги не соответствуетъ совсѣмъ ея содержанію. Зачѣмъ понадобилось назвать ее «Процессомъ 193-хъ», когда въ книгѣ, кромѣ обвинительнаго акта по этому дѣлу, нѣтъ не только рѣшительно никакихъ свѣдѣній о *процессѣ*, но нѣтъ даже опубликованнаго въ свое время *приговора* по этому процессу.

Книга снабжена предисловіемъ г. Каллаша, но и въ этомъ предисловіи читатель напрасно будетъ искать хоть какихъ-нибудь объясненій, касающихся причинъ непомѣщенія въ книгѣ,—не гово-

римъ уже такого историческаго документа, какъ много разъ г издававшаяся и за границей, и въ Россіи (нелегально) рѣчь на И. Н. Мышкина, но, повторяемъ, даже официально опубликован приговора.

Между тѣмъ, на дѣятельности правительства касательно цесса 193-хъ г. Каллашу болѣе чѣмъ стоило бы остановить вниманіе. Дѣло вотъ въ чемъ: обвинительный актъ по проц 193-хъ, нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ процессѣ, рѣчь Мыши и приговоръ вошли въ томъ 3-й изданной за границей серіи сниковъ Базилевскаго «Государственныя преступленія въ Россіи тамъ, въ предисловіи къ этому тому, находятся слѣдующія, кащіяся затронутаго нами вопроса, строки:

«18 октября 1877 года въ Особомъ Присутствіи Правителствующаго Сената съ участіемъ сословныхъ представителей нлось разбирательство дѣла о «революціонной пропагандѣ въ Имперіи болѣе извѣстнаго подъ именемъ «Большаго процесса» и «проц 193-хъ». Это знаменитое дѣло окончилось лишь 23 января 1 года, т. е. тянулось свыше четырехъ мѣсяцевъ. Подробнаго отч о процессѣ не существуетъ, хотя въ № 231 *Правительственн. Вѣстника за 1877 годъ* черными буквами на бѣлой бумагѣ на чатаны слѣдующія строки:

«Краткія свѣдѣнія о засѣданіяхъ Особаго Присутствія Правительствующаго Сената по дѣлу о преступной пропагандѣ въ періодъ будутъ съ настоящаго времени постоянно печататься «Правительственномъ Вѣстникѣ». Къ опубликованію обвинительнаго акта будетъ приступлено по прочтеніи его въ засѣданіи Особаго Присутствія. *Подробный же стенографическій отчетъ этого обширнаго дѣла, вслѣдствіе невозможности своевремениаю его опубликованія на газетныхъ столбцахъ будетъ отпечатано особо.*»

Это торжественно данное на страницахъ «Правительственн. Вѣстника» обѣщаніе (относительно напечатанія стенографическаго отчета) не только никогда не было приведено въ исполненіе, когда въ 1878 году нѣкоторые изъ участвовавшихъ въ процессѣ пригласившихъ на собственный счетъ стенографовъ-адвокатовъ отпечатали также на собственный счетъ первую половину стенографическаго отчета о процессѣ 193-хъ, то книга эта, по повеленію Комитета министровъ, была сожжена». (О послѣдней обстоятельствѣ см. въ Энцикл. Словарѣ Брокгауза ст. Богучарск. «Цензурныя взысканія»).

Ничего подобнаго во вступительной статьѣ г. Каллаша «Процессу 193-хъ» не имѣется, а самый «Процессъ», повторяемъ, содержитъ въ себѣ только обвинительные акты, хотя нѣкоторыя свѣдѣнія о процессѣ въ «Правит. Вѣстникѣ» все же печатали (Въ книгѣ Базилевскаго они приведены по болѣе подробному изложенію этихъ свѣдѣній, напечатанному въ заграничномъ журналѣ 70-хъ годовъ «Община»).

При такихъ обстоятельствахъ цѣна книги въ рубль—непомѣрно высока.

Тѣмъ не менѣе мы рекомендуемъ читателямъ ознакомиться съ этимъ процессомъ хотя бы только по одному его обвинительному акту.

В. Я.

Записки декабриста кн. С. П. Трубецкого. СПБ. Изд. ред. журн. „Всемирный Вѣстникъ“ СПБ. 1906.

Извѣстно, что записки кн. С. П. Трубецкого впервые были изданы Герценомъ въ 1863 году въ Лондонѣ во второмъ и третьемъ выпускѣ «Записокъ декабристовъ». Записки были напечатаны Герценомъ по черновому списку, и далеко не въ полномъ видѣ. Кн. С. П. Трубецкой не успѣлъ дать окончательной отдѣлки своимъ запискамъ: приблизительно половина сохранившихся послѣ него мемуаровъ посвящена цѣльному разсказу, главнымъ образомъ, о придворныхъ событіяхъ междуцарствія и о крѣпостномъ сидѣніи; другую половину занимаютъ короткіе и болѣе длинные отдѣльные наброски и отрывки. Нѣкоторые изъ послѣднихъ представляютъ рядъ замѣчаній на записки Штейнгеля. Они являются цѣннымъ дополненіемъ къ запискамъ. Герценъ напечаталъ и основной, связанный разсказъ и, въ видѣ дополненій къ нему, отдѣльные наброски. Но въ изданіи Герцена не появилась сравнительно большая часть «Записокъ», кратко излагающая исторію тайнаго общества, и довольно много набросковъ, представляющихъ, главнымъ образомъ, поправки и варианты поправокъ къ запискамъ Штейнгеля. Не знаемъ, почему Герценъ не помѣстилъ этихъ матеріаловъ: быть можетъ, потому что въ рукописи, имъ полученной, какъ разъ ихъ не хватало. Эти матеріалы остаются ненапечатанными до сихъ поръ и извѣстны лишь специалистамъ. Надо думать, что они войдутъ въ полное изданіе записокъ, предпринятое дочерью С. П. Трубецкого съ подлинной рукописи, подъ наблюденіемъ В. Е. Якушкина.

Въ 1874 году Каспровичъ перепечаталъ въ Лейпцигѣ «Записки» Трубецкого, цѣликомъ воспроизведя текстъ, данный Герценомъ, и подпортивъ его корректурными ошибками и недосмотрами. Конечно, изданіе Каспровича было предпринято безъ всякаго разрѣшенія наследниковъ. Теперь «Записки» Трубецкого появляются третьимъ изданіемъ (первымъ въ Россіи). Они были напечатаны г. Сухонинимъ въ журналѣ «Всемирный Вѣстникъ» и вышли теперь отдѣльнымъ оттискомъ. Этотъ оттискъ представляетъ перепечатку изданія Каспровича, но г. Сухонинимъ текстъ еще болѣе испорченъ корректурными ошибками, а, главное, сокращеніями: всѣ отдѣльные наброски оказались г. Сухонину лишнимъ балластомъ и онъ, безъ всякихъ колебаній, выбросилъ ихъ, сохранивъ все же заглавіе «Записки кн. Трубецкого».

Записки Трубецкого изданы г. Сухонинимъ тоже, конечно, безъ разрѣшенія лицъ, владѣющихъ правомъ изданія и подлинной ру-

копией. Когда Герцену сообщили о неудовольствіи наслѣдниковъ кн. Трубецкого, вызванномъ изданіемъ безъ ихъ разрѣшенія записокъ, Герценъ гнѣвно писалъ: «мы забыли, что у нихъ есть наслѣдники, мы имѣли дерзость считать себя наслѣдниками ихъ дѣла, хранителями ихъ дѣла, хранителями ихъ памяти,—каждаго слѣда ихъ, ихъ страдальческой жизни». Герценъ и его друзья имѣли право считать себя наслѣдниками дѣла декабристовъ, но на какомъ основаніи г. Сухонинъ печатаетъ записки кн. Трубецкого, на какомъ основаніи онъ раньше, безъ всякаго разрѣшенія, перепечаталъ записки И. Д. Якушкина, записки Л. А. Волкенштейнъ,—отвѣтить трудно. Если бы еще онъ не искажалъ перепечатываемыхъ имъ матеріаловъ, а прилагалъ старанія къ возможно точному и полному воспроизведенію, можно было бы думать, что онъ считаетъ себя хранителемъ памяти, а то и этого сказать нельзя. Нѣкоторая доля уваженія къ памяти тѣхъ, чьи сочиненія г. Сухонинъ непрестанно перепечатываетъ, должна была бы обязать его просить разрѣшенія на изданіе у тѣхъ, кому авторы передали свои сочиненія, относиться съ вниманіемъ къ своимъ перепечаткамъ и не спѣшить выбрасывать на рынокъ изданія,—плохія—и съ внѣшней, и съ внутренней стороны.

П. Щ.

Процессъ Вѣры Засуличъ (судъ и послѣ суда). Изд. „Современника“ 1906 г. ц. 30 коп.

Брошюра возсоздаетъ картину крайне интереснаго, по своей исключительности въ исторіи освободительнаго движенія въ Россіи, процесса В. И. Засуличъ, обвинявшейся въ покушеніи на жизнь ген.-м. Трепова, бывшаго Петербургскаго градоначальника.

Не касаясь подробностей фактической стороны дѣла, изложенныхъ въ брошюрѣ, мы только отмѣтимъ, что выстрѣлъ В. Засуличъ и послужилъ какъ бы сигналомъ къ дальнѣйшей террористической дѣятельности революціонной партіи.

Характеренъ процессъ Засуличъ еще и тѣмъ, что это былъ первый и послѣдній гласный политическій процессъ, переданный на разсмотрѣніе суда присяжныхъ.

Оправданіе было неожиданно и повело за собой изъятіе разна всегда политическихъ дѣлъ изъ компетенціи суда присяжныхъ.

Брошюра почти исчерпываетъ фактическіе матеріалы, печатавшіеся въ русскихъ и заграничныхъ изданіяхъ; многіе изъ нихъ являются впервые въ легальномъ изданіи. Особого вниманія заслуживаетъ блестящая рѣчь защитника прис. пов. Александра, дающая не только біографическія свѣдѣнія о Засуличъ, и рисующая яркую картину положенія политическихъ заключенныхъ и весь ужасъ творимаго надъ ними административнато произвола вплоть до «порки» Боголюбова ¹⁾.

¹⁾ Настоящая фамилія Боголюбова, такъ и осужденнаго подъ чужимъ именемъ, о чемъ судъ и не подозрѣвалъ, Емельяновъ,—объ этомъ было въ послѣдствіи опубликовано въ нелегальной литературѣ.

Ред.

Въ главѣ «Послѣ суда» особенно интересны «Воспоминанія начальника Дома Предварительнаго Заключенія» Федорова, который вскрываетъ закулисную сторону административной практики, попирающей и тотъ мінімумъ правъ, которыя предоставлены закономъ политическому заключенному. Много злобы и неистовства проявила администрація, когда Засуличъ, благодаря отчасти Федорову, удалось уйти живой и неискалѣченной изъ ея рукъ.

Къ брошюрѣ приложены еще выдержки изъ «Исторіи рев. движенія въ Россіи» Туна—«О значеніи процесса В. Засуличъ», характеристика Засуличъ изъ «Подпольной Россіи» Степняка и отрывокъ изъ воспоминаній Льва Гартмана о личности Боголюбова, изъ № 3 «Былое» 1903 г. (загр. изд.).

Брошюра производитъ законченное впечатлѣніе объ этомъ крайне интересномъ процессѣ.

Вл. Бѣлгородскій.

Н. П. Карабчевскій. *Второе прибавленіе къ книгѣ «Рѣчи» (Дѣло бывшаго студента московскаго университета Егора Сергѣева Сазонова, обвиняемаго въ убійствѣ статсъ-секретаря Плеве и рѣчь въ защиту Сазонова). Ц. 25 к. 1906 г.*

Въ этой брошюрѣ проводится полностью обвинительный актъ, довольно подробно излагающій обстоятельства дѣла, разбиравшагося на рубежѣ двухъ эпохъ русской исторіи. Данныя, добытыя предварительнымъ слѣдствіемъ, пытаются кратко охарактеризовать дѣятельность П. С. Р. и передаютъ нѣкоторыя подробности, какъ подготовлялся самый актъ убійства Плеве. Наряду съ этимъ приводятся краткія данныя для біографіи Сазонова и Сикорскаго. Защитительная рѣчь Н. П. Карабчевскаго дополняетъ эти данныя не безынтересными подробностями.

Вл. Бѣлгородскій.

Alexander Ular. *Die russische Revolution. Berlin. 1905.*

Иностранная публика, интересующаяся переживаемою Россіей революціею, познакомится изъ книги Улара по большей мѣрѣ лишь съ одною стороною ея. Дѣло въ томъ, что авторъ почти совершенно не касается собственно исторіи русскаго освободительнаго движенія и формъ, въ которыя оно вылилось; это, впрочемъ, и къ лучшему, такъ какъ онъ, очевидно, совершенно не освѣдомленъ въ подобнаго рода вопросахъ, черпаетъ свои свѣдѣнія о нихъ изъ ходячихъ сплетенъ и случайныхъ разговоровъ, а его рассказы о дѣятельности террористовъ за послѣдніе годы подчасъ носятъ уже прямо самый фантастическій характеръ.

Книга посвящена не положительной, творческой сторонѣ нашей революціи, а тому процессу разложенія самодержавнаго режима

Россіи, который довелъ его теперь до паденія. При этомъ, точка зрѣнія, на которой стоитъ авторъ, въ высшей степени неглубока; онъ скользитъ по поверхности явленій жизни и останавливается лишь на наиболѣ сенсационныхъ изъ нихъ, т. е. по преимуществу не на явленіяхъ соціальныхъ, а на такихъ, гдѣ проявляютъ себя особенно выдающіяся по своему положенію или дѣятельности личности. Причины революціи Уларъ объясняетъ слѣдующимъ простымъ образомъ. До середины прошлаго вѣка самодержавіе имѣло твердую опору въ дворянахъ-рабовладѣльцахъ. Послѣ того появились бюрократы-разночинцы. «Народилась новая каста. Она одинаково презирала и царя и народъ. Она забрала неограниченную, безконтрольную силу и фактическое господство въ странѣ, гдѣ политическія убѣжденія являются преступленіемъ, а отвѣтственность—личная прерогатива монарха (стр. 140). Бюрократія образовала настоящіе союзы заговорщиковъ, связанныхъ общими интересами (стр. 146)». Безсовѣстное хозяйничанье этой бюрократической олигархіи, находящей поддержку и въ самой высшей сферѣ общества, но не имѣющей подъ собою никакой твердой почвы, вызвало въ концѣ концовъ нашу теперешнюю смуту. «Несчастіе Россіи заключается не въ возмутительной системѣ управленія, а въ управленіи возмутительными людьми. И тайныя пружины революціи кроются не въ сопротивленіи противъ системы, а въ ненависти противъ индивидуумовъ, которые принаравливаютъ ее къ своимъ собственнымъ матеріальнымъ выгодамъ (стр. 167)». Другими словами, революція идетъ не противъ самодержавія, а только противъ бюрократіи.

Эти элементарныя разсужденія плохо, конечно, рекомендуютъ книгу Улара, носящую во всѣхъ частяхъ своихъ несерьезный, фельетонный характеръ. Такъ же мало рекомендуютъ основательность автора его легковѣріе ко всякимъ непровѣреннымъ слухамъ и фактическія ошибки въ изложеніи событій. И все же изображаемая имъ галерея историческихъ личностей не лишена интереса. «Душевно-больной нѣмецкій Гольштейнъ-Готорпъ, Ольденбургскій Петръ III, Павелъ I, Александръ I, Николай I, Александръ II, и т. д., Императрицы, отецъ Іоаннъ Кронштадтскій, отецъ Филиппъ Ліонскій, великіе князья, Побѣдоносцевъ, Плеве, Муравьевъ, Витте, діи тіпогес Алексѣевъ, Безобразовъ, Вонлярскій, и пр.—одинъ за другимъ проходятъ предъ читателемъ въ галереѣ виновниковъ русской революціи. Краски наложены рѣзко, грубо, подчасъ сгущенно, частью, какъ сказано уже, невѣрно, книга вообще совершенно не выдерживаетъ, въ особенности въ своихъ деталяхъ, научной критики, но... мы не рѣшили бы утверждать, что изображаемая ею общая картина продажности, разврата, тупости и жестокости тѣхъ круговъ, противъ которыхъ «интеллигентнымъ слоямъ русскаго общества приходится теперь напрягать всѣ свои усилія», не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Въ этомъ смыслѣ книга можетъ до нѣкоторой степени оказаться полезной. Прибавимъ еще, что написана она очено бойко и живо.

Въ подробности ея входитъ, какъ явствуетъ изъ всего выше-

сказаннаго, не стоитъ. Укажемъ лишь, какъ на примѣръ невѣрностей въ изложеніи фактовъ, что авторъ категорически приписываетъ Плева сознательное непринятіе мѣръ къ предотвращенію перваго марта и участіе въ Судейкинско-Дегаевскомъ заговорѣ противъ жизни Великаго князя Владиміра—обвиненія безусловно невѣрныя. Бывшаго министра иностранныхъ дѣлъ графа Муравьева Уларъ считаетъ братомъ бывшаго министра юстиціи Муравьева и т. д.

Журналъ «Наука и Жизнь» началъ печатать переводъ Улара.

Б. В.

Книги, поступившія въ редакцію:

Письма Ф. Лассала къ К. Марксу и Ф. Энгельсу. Съ прим. Ф. Меринга. Книгоизд. „Литературное Дѣло“ ц. 1 р. 50 к.

Ю. И. Гессенъ. Евреи въ Россіи ц. 1 р. 50 к.

Діежъ Шигоя. Уставшій царь. Изд. Балашева ц. 1 р.

Г. Сенкевичъ. На полѣ славы ц. 1 р. 20 к.

Эмиль Дель. Судьба всѣхъ утопій, въ особенности соц.-демократической, и Дюрингова эмансипація личности, перев. Дм. Ройтманъ ц. 15 к.

Къ исторіи декабристовъ. Библ. „Свободная Россія“ ц. 10 к.

Кн. В. А. Щетининъ. Въ Московскомъ университетѣ ц. 15 к.

Б. Каутовій. Соціальная реформа и на другой день послѣ соц. реформы. Изд. „Донская Рѣчь“ Н. Парамонова ц. 25 к.

Сборникъ программъ политическихъ партій въ Россіи, подъ ред. В. В. Водовозова, вып. II изд. Книж. маг. „Наша Жизнь“ ц. 10 к.

Сборникъ Книгоиздательство „Набатъ“ М. ц. 1 р.

Отто Лангъ. Соціализмъ въ Швейцаріи. Библ. „Обществен. Пользы“ ц. 10 к.

Н. Бунаковъ. Какъ я сталъ и какъ пересталъ быть „учителемъ учителей“ изд. „Общ. Польза“ ц. 50 к.

Н. Бунаковъ. Сельская школа и народная жизнь изд. „Общ. Польза“ ц. 1 р.

Д-ръ Эд. Давидъ. Соціализмъ и сельское хозяйство изд. „Общ. Польза“ ц. 2 р. 50 к.

Б. Каутовій. К. Гуго, П. Лафаргъ и Э. Бернштейнъ. Изъ исторіи общественныхъ теченій т. II изд. „Общ. Польза“ ц. 2 р.

Алексѣй Веселовскій.—Западное вліяніе въ новой русской литературѣ. 3-е перераб. изд. М. 1906. ц. 1 р. 75 к.

Л. А. Чароная.—Газавать. 30 лѣтъ борьбы горцевъ за свободу. Истор. повѣсть. Изд. Т-ва Вольфъ.

Полное собраніе соч. Н. Г. Чернышевскаго. т. VIII. (Современникъ 1861 г.). Изд. М. Н. Чернышевскаго. Спб. 1906 г.

Мы просимъ доставить намъ:

I. Изданія, выходившія въ Россіи въ свободныхъ типографіяхъ.

Изъ изданій русскихъ тайныхъ типографій, появившихся до 90-хъ гг., намъ въ настоящее время удалось разыскать почти все;—неразысканнымъ осталось не многое, между прочимъ: «Листокъ Нар. Воли» 1886 г. (съ рѣчью В. Н. Фигнеръ), 3-й и 5-й №№ «Чернаго Передѣла» (1881 г.), „Заря рабочаго“ Халтурина (1880 г.), Приложение къ 4 № «Нар. Воли» (1880 г.), Приложение къ 5 № «Нар. Воли» (1881 г.), прокламація по поводу казни 3 апр. 1881 г. «Рабочая Газета» (народовольцевъ) № 3... (если только выходила эта газета послѣ 2 №), Отчетъ по д. 193-хъ (1878 г.), прокламація Южно-русскаго Рабочаго Союза (1880—81 гг.), Богоразы «Борьба общественныхъ силъ въ Россіи» (1886 г.), „Изъ Сибири“ (1886 г.), „Зерно“ № 2, нѣсколько прокламацій 60-хъ гг. („Мысль и Дѣло“, по поводу казни Аригольда и немногія др. прокламаціи).

Недостатокъ въ изданіяхъ, выходившихъ въ тайныхъ типографіяхъ послѣ 90 года, у насъ болѣе значителенъ, но большинство изъ нихъ мы надѣемся разыскать съ помощью нашихъ читателей, которыхъ и просимъ подѣлиться съ нами этими изданіями, или только хотя бы пока прислать намъ ихъ списки и описанія.—Въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ „Былого“ мы напечатасемъ перечень того, что намъ къ тому времени не удастся разыскать.

Еще болѣшій недостатокъ мы ощущаемъ въ литографированныхъ и гектографированныхъ изданіяхъ свободной прессы, которыя иногда представляли большой интересъ. Такъ у насъ нѣтъ: брошюры о террористической борьбѣ, изд. въ 1884 г., газеты „Рабочій“ (1884 г.), „Студенчество“ (1882—3 гг.), „Свободное Слово“ (1883 г.), „Союзъ“ (1883 г.), „Гомонъ“ (1884 г.), „Письмо къ товарищамъ“ (Распопина) (1884 г.), „Самозванные марксисты“ (1885 г.), прокламаціи 86 и 87 гг. (кружка А. Ульянова) и т. д.

Болѣе подробный списокъ этихъ найденныхъ нами брошюръ мы дадимъ впоследствии, когда получимъ списки брошюръ, имѣющихся у разныхъ лицъ.

II. Заграничныя изданія.

Заграничныя изданія намъ удалось разыскать почти всѣ,—пока не найдены нами: „Отечество въ опасности“, изд. набатовцевъ (1877—78 г.), „Современность“ (Николадзе и Мечникова) (1868 г.), нѣкоторые №№ нечаевскихъ „Колокола“ (1870 г.) и „Общины“ (1871 г.).

III. Тайныя или неопубликованныя изданія и документы правительства.

Для нашихъ историческихъ работъ были бы очень нужны подобныя изданія. У насъ, напр., нѣтъ: біографическаго словаря русскихъ революціонеровъ Н. Н.

Голицына, „Списковъ разыскиваемыхъ по дѣламъ департамента полиціи“ (издается каждое полугодіе), „Ежегодныхъ обзоровъ важнѣйшихъ дознаній“ и т. д.

IV. Изданія, задержанныя цензурой.

Мы будемъ пополнять уже имѣющіеся въ литературѣ (см. „Энцикл. Словарь“ Брокгауза подъ словомъ „цензурныя взысканія“) списки задержанныхъ въ свое время цензурой книгъ и журнальныхъ статей и въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы будемъ на страницахъ „Былого“ возстановлять цензурные пропуски. Для этого намъ необходимо получить точныя свѣдѣнія о цензурныхъ вырѣзкахъ въ сочиненіяхъ такихъ писателей, какъ Щедринъ, Тургеневъ, Некрасовъ, Михайловскій, въ воспоминаніяхъ и дневникахъ Пирогова, Горбачевского и пр.

NB. Въ томъ случаѣ, когда будетъ почему-либо невозможно выслать намъ недостающія у насъ изданія, о которыхъ мы только что говорили въ первыхъ 4 параграфахъ, то мы просимъ дѣлать для насъ обстоятельную опись этихъ сочиненій по той программѣ, по какой въ настоящее время нами составляется „Опытъ описанія русскихъ изданій, появившихся за границей и въ тайныхъ русскихъ типографіяхъ, и изданій, задержанныхъ цензурой“.

При описи этихъ изданій мы стараемся давать слѣдующія свѣдѣнія:

- а) полный титулъ сочиненія, годъ и мѣсто изданія, число страницъ, форматъ, указаніе, въ какой типографіи печаталось (вносить поправки въ ошибочныя обозначенія).
- б) имя автора (по возможности, раскрывать псевдонимы).
- в) краткія біографическія свѣдѣнія объ авторѣ.
- г) указанія на рецензіи и критическія статьи.
- д) всякаго рода поправки и комментаріи къ тексту.

V. Неопубликованныя письма, дневники и статьи замѣчательныхъ революціонныхъ и оппозиціонныхъ дѣателей и партійные документы.

Желательно получить: письма Желябова, А. Михайлова, Перовской, Халтурина, Гриневицкаго, Кравчинскаго и др.; документы: „Уставъ боевой дружины рабочихъ“ (1880 г.), „Задачи боевой рабочей организаціи“, „Объяснительную записку къ программѣ рабочихъ членовъ партіи Н. В.“, уставъ мѣстныхъ организацій Н. В. и пр.

VI. Автобіографическія и біографическія свѣдѣнія.

Желательно собирать автобіографическія и біографическія данныя по программѣ, изложенной въ слѣдующемъ особо изданномъ нами „Вопросномъ листкѣ“:

- 1) Фамилія, имя, отчество (псевдонимы въ литературѣ и жизни), національность, сословіе, вѣроисповѣданіе, образованіе, занятіе;
- 2) годъ, число и мѣсто рожденія и др. біографическія свѣдѣнія (свѣдѣнія о родныхъ, гдѣ преимущественно жилъ и т. д.);
- 3) когда, гдѣ, по какому дѣлу былъ арестованъ, гдѣ судился, каковъ былъ приговоръ, въ какихъ тюрьмахъ содержался, когда освобожденъ?
- 4) участвовалъ ли въ литературѣ? въ какихъ изданіяхъ?
- 5) не было ли въ литературѣ біографическихъ матеріаловъ и свѣдѣній о дѣлѣ? не помѣщались ли гдѣ портреты?
- 6) въ какихъ революціонныхъ дѣлахъ принималъ участіе?

NB. Желательно получать о каждомъ лицѣ возможно болѣе подробныя вся-

каго рода автобіографическіе и біографическіе матеріалы (его характеристики, оцѣнку его дѣятельности, описаніе отдѣльныхъ эпизодовъ его жизни, свѣдѣнія о настоящемъ мѣстонахожденіи).

Адресъ для присылки обратно вопросныхъ листковъ и отвѣтовъ изъ нихъ: *С.-Петербургъ. Спасская ул., 25, Редакція журнала „Былое“.*

Адреса лицъ, къ которымъ можно было бы обратиться за полученіемъ дополнительныхъ свѣдѣній по „Вопроснымъ листкамъ“.

VII. Матеріалы для изученія политическихъ процессовъ.

Желательно, чтобы участники политическихъ процессовъ (подсудимые, свидѣтели, адвокаты и т. д.) просмотрѣли бы имѣющійся уже въ печати матеріалъ, внесли въ него поправки, дополненія и всякаго рода комментарии, собрали бы біографическіе матеріалы о лицахъ, причастныхъ къ процессамъ, и ихъ судьбѣ.

Для нѣкоторыхъ процессовъ у насъ не имѣется ни обвинительныхъ актовъ, ни отчетовъ о судѣ,—такъ, напр., о дѣлѣ рабочаго Малиновскаго (74 г.). Обнора (80 г.), Ковальской (81 г.), Халтурина (82 г.), Геккера (82 г.), Дзвонкевича (83 г.), Гориневича (83 г.), Манучарова (85 г.), Оржиха (88 г.), Зотова (89 г.), Кочурихина (92 г.), Лекерта, Качура и т. д.

Для другихъ процессовъ имѣются обвинительные акты, но очень мало иныхъ матеріаловъ, напр.: для дѣла Нечаевскихъ солдатъ (82 г.), Юр. Богдановича (83 г.), Вѣры Фигнеръ (84 г.), Шебалина (84 г.), Ульянова (87 г.), Лопатина (87 г.), Гинсбургъ (90 г.), процессы послѣдняго времени и т. д.

VIII. Данныя для хронологической наивы по исторіи освободительныхъ движеній.

Желательно возможно точно:

- а) установить года и числа событій.
- б) составить списки членовъ революціонныхъ и общественныхъ организацій, съ указаніемъ времени вступленія ихъ въ организаціи.
- в) дать списокъ лицъ, участвовавшихъ въ отдѣльныхъ предпріятіяхъ (сѣзлахъ, конспиративныхъ квартирахъ, типографіяхъ, террористическихъ покушеніяхъ, побѣгахъ, динамитныхъ мастерскихъ и т. д.)
- г) собрать свѣдѣнія о наиболѣе крупныхъ стачкахъ и аграрныхъ движеніяхъ.
- д) указывать литературу, относящуюся къ перечисляемымъ событіямъ.

NB. Свѣдѣнія о событіяхъ слѣдуетъ давать по годамъ, а затѣмъ уже располагать по мѣстностямъ и по отдѣламъ („аресты“, „борьба“, „побѣги“, „некрологи“, „правительственныя распоряженія“, „литература“ и т. д.),—какъ это было сдѣлано въ сборникъ „За сто лѣтъ“ В. Л. Бурцева.

IX. Карточки, рисунки, реликвіи.

У насъ уже имѣется значительное количество фотографическихъ карточекъ дѣятелей освободительнаго движенія. Тѣмъ не менѣе нѣкоторыхъ карточекъ также намъ до сихъ поръ разыскать не удалось,—напр., нѣтъ карточекъ декабриста Бестужева-Рюмина, Ковальскаго, Дубровина (офиц.), Желябова, Колодкевича, Тетерки, Теллалова, Тихонова, Чубарова, Виттенберга, Логовенко, Бранднера, Малинки, Дробязгина, Степурина, Прѣснякова и др. Нѣтъ у насъ, конечно, и карточекъ многихъ, очень многихъ дѣятелей освободительнаго движенія, погибшихъ въ самое послѣднее время.

Тѣхъ, кто имѣетъ въ своемъ распоряженіи фотографическія карточки рево-

люціонныхъ и общественныхъ дѣятелей, мы просимъ въ томъ случаѣ, если они почему-либо не могутъ прислать намъ своихъ коллекцій, дать намъ полный списокъ карточекъ, съ обозначеніемъ времени, къ какому онѣ относятся. Для многихъ дѣятелей мы будемъ издавать ихъ карточки за разные эпохи ихъ жизни, или будемъ выбирать наиболѣе почему-либо важныя.

Затѣмъ мы повторяемъ свою просьбу къ читателямъ-друзьямъ, напечатанную въ февральской кн. „Былого“ о высылкѣ намъ выходящихъ произведеній текущей литературы всѣхъ партій (нѣкоторыя партійныя учрежденія эту просьбу нашу уже исполняютъ, за что мы приносимъ имъ нашу искреннюю признательность), конфискованныхъ администраціей произведеній періодической и неперіодической печати и пр.; изъ совокупности всѣхъ такихъ произведеній станетъ возможнымъ составить архивъ относящихся къ освободительному движенію документовъ, который такъ необходимъ для исторіи движенія.

Въ заграничномъ изданіи „Былого“ и въ изданіяхъ Базилевскаго-Богучарскаго, когда мы начали собирать революціонныя изданія, рукописи, карточки и т. д., мы говорили, что все, что мы получимъ отъ товарищей,—все это нами будетъ передано въ музей, посвященный изученію освободительнаго движенія.

То же самое мы можемъ повторить и въ настоящее время и просимъ товарищей имѣть въ виду, что, собирая рукописи, карточки, реликвіи и пр., мы все это передадимъ въ такой музей, когда онъ будетъ основанъ и когда условія политической жизни въ Россіи обезпечатъ ему прочное существованіе.

Отъ Шлиссельбургскаго Комитета.

I.

Избранный первоначально „Союзомъ Союзовъ“ Шлиссельбургскій Комитетъ состоитъ въ настоящее время изъ слѣдующихъ лицъ:

Предсѣдатель—В. И. Семеескій (Вас. Остр., 2 л. д. 11).

Товарищъ Предсѣдателя—П. Ф. Якубовичъ (Л. Мельшинъ. Ст. Удѣльная, Фил. ж. д.).

Секретарь—В. Я. Яковлевъ-Богучарскій (ред. жур. „Былое“. Спасская ул. 25, кв. 20).

Казначей—Н. Ф. Анненскій (Троицкая ул., д. 11, кв. 22).

Члены: Ф. Д. Батюшковъ, В. Л. Вурцевъ, П. И. Вейнбергъ, С. А. Венгеръ, В. П. Водовозова, В. В. Водовозовъ, Е. Н. Водовозова-Семевская, А. С. Змудный, Д. А. Клеменць, В. Ф. Коммисаржевская, В. Г. Короленко, Н. С. Кудринъ, Л. П. Купріянова, П. Н. Милюковъ, В. А. Мякотинъ, Л. Ф. Пантелевъ, В. А. де-Плансонъ, А. С. Пругавинъ, А. А. Римскій-Корсаковъ, И. Е. Рѣпинъ, М. П. Сажинъ, кн. Г. Д. Сидамоновъ-Эристовъ, Л. Н. Стаховичъ, О. Н. Флоровская, Л. Э. Шишко, П. Е. Щеголевъ, С. А. Щепотьевъ.

Пожертвованія просятъ направлять на имя казначея, а всякаго рода сообщенія и запросы—посылать на имя предсѣдателя Комитета, его товарища или секретаря по вышеуказаннымъ ихъ адресамъ.

II.

Съ 16 февраля по 8 марта въ шлиссельбургскій фондъ поступило: отъ Ново-Оскольскаго общества взаимной помощи служащихъ—60 р. 70 к.; отъ неизвестнаго въ память друга—200 руб.; И. А. Корсакова—10 руб.; Е. А. Родичевой—3 р.;—гонораръ за двѣ замѣтки въ „Быломъ“ (Л. П.)—12 руб.; двухъ русскихъ женщинъ изъ Ввны—30 р.; О. Н. Поповой—10 р.; Э. Пекарскаго, Е. А. Пекарской и А. А. Р-л-з-н-й—3 р.; М. И. Щеголевой—2 р.; А. В. Погожевой—5 р.; А. А. Тихонова (Лугового)—15 р.; черезъ „Нашу Жизнь“—94 р.; Ю. И. Лаврентьевой—15 р.; неизвестной—10 р.; М. Л. В.—5 р.; Н. Oelsnitz—50 р.; Н. И. Степанова—15 р.; С. Щепотьева—25 р.; В. Л. Ратта—5 р.; неизвестнаго—25 р.; г-жи З. I.—3 р.; М. А. Прессе—5 р.; Гонораръ за ст. и стих. въ „Быломъ“ П. С. Поливанова, по желанію его сестры Е. С. Волковой,—40 руб.

Итого—642 р. 70 к.

А съ прежде поступившими всего:

деньгами 1372 р. 70 к.

проценты, бумагами, . . . 4000 р. — к.

Всего . . . 5372 р. 70 к.

О полученіи всѣхъ этихъ пожертвованій Комитетъ съ благодарностью извѣщаетъ жертвователей.

Пріемъ пожертвованій продолжается.

Казначей Комитета Н. Анненскій.

III.

Для составленія альбома шлиссельбуржцевъ въ Комитетъ изъ числа недостававшихъ ему портретовъ шлиссельбургскихъ узниковъ, поступили послѣ 15 февраля портреты Малавскаго, Шевырева, Андреюшкина и Вас. Иванова ¹⁾. Обѣщаны портреты Игната Иванова, Савелія Златопольскаго и Логовскаго. Совсѣмъ не имѣется портретовъ (Комитетъ убѣдительно проситъ ихъ разыскать) Арончика, Исаева, Минакова, Клименко, Тихоновича, Немоловскаго, Николая Рогачева, Генералова, Чепегина, Васильева и Гершковича. Комитетъ проситъ также лицъ, живущихъ за границей, разыскать и выслать ему портреты шлиссельбуржцевъ-поляковъ Лукасинскаго и Шварца.

Получены біографическія свѣдѣнія о Фроленко, Кобылянскомъ, Варыскомъ, Яновичѣ и Сергѣѣ Ивановѣ.

О полученіи всѣхъ перечисленныхъ портретовъ и свѣдѣній Комитетъ съ благодарностью извѣщаетъ доставившихъ ихъ лицъ.

Секретарь Комитета В. Богучарскій.

¹⁾ Получена также фотографическая карточка Игната Иванова, но снятая еще, когда онъ былъ гимназистомъ и очень выцвѣтшая.

Современная Лѣтопись.

Въ теченіе мѣсяца обратили на себя общественное вниманіе слѣдующіе акты центральныхъ и мѣстныхъ властей:

Главнымъ командиромъ, адмираломъ Чухнинымъ, опубликованъ приказъ, въ которомъ онъ объявляетъ, что по дѣламъ о преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ 100 статьей уголовного уложенія, онъ находитъ нужнымъ примѣнять правило, установленное 1401-й статьей военныхъ постановленій, а именно, *не давать дѣламъ сего рода направленія въ кассационномъ порядкѣ*, въ кассационнымъ жалобамъ и протестамъ, поданнымъ на приговоры военно-морского суда.

Правило это сейчасъ же было примѣнено Чухнинымъ къ дѣлу о низкихъ чинахъ команды крейсера „Очаковъ“ и совмѣстно съ ними переданныхъ суду гражданскихъ лицъ.

Командующимъ войсками Одесскаго военного округа генер. Каульбарсомъ было опубликовано слѣдующее объявленіе:

Въ видахъ охраненія, согласно статьи 8-й правилъ о мѣстностяхъ, объявляемыхъ состоящими на военномъ положеніи, государственнаго порядка и общественной безопасности въ районѣ вѣреннаго мѣст. Одесскаго военного округа, я вынужденъ объявить, что на основаніи статьи 12 вышеуказанныхъ правилъ, всѣ дѣла о лицахъ, виновныхъ какъ въ покушеніи или въ приведеніи въ исполненіе своихъ преступныхъ замысловъ помощью взрывчатыхъ веществъ, или снарядовъ, оружія или иными способами, такъ и изобличенныхъ въ приобрѣтеніи или храненіи, или изготовленіи, или переносѣ взрывчатыхъ веществъ, или снарядовъ, съ преступною цѣлью, будутъ подвергаемы мною и уполномочиваемыми мною на то временными генералъ-губернаторами и комендантомъ Севастопольской крѣпости *разрѣшенію въ административномъ порядкѣ, съ примѣненіемъ смертной казни.*

Министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ разосланъ циркуляръ губернаторамъ, въ которомъ имъ предлагается: „безотлагательно принять всѣ запискія мѣры къ восстановленію правильной дѣятельности сельскихъ и волостныхъ сходовъ и къ предупрежденію составленія общественныхъ приговоровъ по предметамъ, вѣдѣнію сихъ сходовъ не подлежащимъ“.

Другимъ циркуляромъ губернаторамъ м-ръ вв. дѣлъ Дурново признаетъ необходимымъ: сосредоточить въ главномъ управленіи по дѣламъ мѣстнаго

хозяйства свѣдѣнія о ходѣ занятій губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ собраний, какъ очередныхъ, такъ и чрезвычайныхъ сессій, а также и городскихъ думъ, *характеризующія общее настроеніе земскихъ и городскихъ властей и отмѣчающія уклоны отъ законовъ установленнаго пути дѣятельности общественныхъ учреждений и проситъ независимо представляемыхъ министерству по департаменту полиціи донесеній о проявленіяхъ въ средѣ земскихъ и городскихъ учреждений *противоправительственныхъ теченій* своевременно сообщать въ названное главное управленіе по дѣламъ земскаго и городского хозяйства по принадлежности всѣ вышеуказанныя свѣдѣнія, съ приложеніемъ въ необходимыхъ случаяхъ выписокъ изъ постановленій журналовъ земскихъ собраний и городскихъ думъ и докладовъ управъ“.*

Въ циркулярѣ губернаторамъ отъ 30 ноября 1905 г. министръ внутр. дѣлъ писалъ: „прошу васъ: 1) всѣхъ подстрекателей, зачинщиковъ и революціонныхъ агитаторовъ, которые не арестованы судебною властью—арестовать и войти безотлагательно представлениемъ о высылкѣ ихъ подъ надзоръ полиціи; 2) никакихъ особыхъ дознаній по сему предмету, а равно допросовъ не производить, а ограничиваться протоколомъ, въ которомъ должно указать причины арестованія и краткія свѣдѣнія, удостоверяющія виновность; 3) если завѣдомые агитаторы освобождены судебными властями, то оставлять ихъ подъ стражей и поступать по пункту второму; 4) въ случаѣ арестованія учителей, фельдшеровъ и другихъ служащихъ въ земскихъ учрежденіяхъ, а равно постороннихъ лицъ или пріѣзжихъ, не обращать никакого вниманія на мятежные протесты разныхъ самозванныхъ союзовъ и делегацій; 5) не обращать вниманія на угрозы собраний и митинговъ, и въ случаѣ необходимости, самымъ рѣшительнымъ образомъ разгонять протестующихъ силою, съ употребленіемъ, согласно закону, если нужно, оружія; 6) представленія должны быть сдѣланы безотлагательно; 7) вообще всякія колебанія при исполненіи предыдущаго не должны быть допускаемы“.

Высочайшимъ указомъ отъ 12 февраля созывъ Государственной Думы назначенъ на 27 апрѣля 1906 г. Производство выборовъ членовъ Думы на избирательныхъ собраніяхъ въ губерніяхъ и городахъ допущено въ разные сроки, назначаемые Высочайшими указами, которые министръ внутреннихъ дѣлъ испрашиваетъ черезъ совѣтъ министровъ.

Высочайшимъ повелѣніемъ 7 февр. утверждено мнѣніе госуд. совѣта объ измѣненіи правилъ и призывѣ войскъ для содѣйствія гражданскимъ властямъ. Новыя правила устанавливаютъ, что для предупрежденія неповиновенія толпы *„ни стрѣльба вверхъ, ни стрѣльба голостыми патронами не должны быть допускаемы“*. Неуклонное исполненіе этого закона, по мнѣнію государств. совѣта, *„скоро приучитъ населеніе видѣть въ войскахъ грозную силу, а не только средство устрашенія“*.

Высочайшимъ манифестомъ 20 февраля дополнены законоположенія о Государ. Думѣ и утверждено положеніе о переустройствѣ Государственнаго Совѣта, которому наравнѣ съ Государственной Думой отнынѣ предоставлены законодательныя права. Въ Государственный Совѣтъ вводятся въ равномъ числѣ съ членами, присутствующими тамъ по назначенію, выборные отъ духовенства (избираемые святѣйшимъ синодомъ), отъ дворянства и земства, а также представители науки, торговли и промышленности. Ком-

петенція Государственной Думы манифестомъ 20 февраля значительно ограничена.

Опубликована инструкція мин. вн. дѣль о порядкѣ производства выборовъ посредствомъ записокъ.

Мин. внут. дѣль разосланы земскимъ начальникамъ инструкціи, которыми имъ вмѣняется въ обязанность „наблюдать за тѣмъ, чтобъ во время выборовъ не было насилия со стороны противоправительственныхъ партій: соц.-демократовъ, соц.-революціонеровъ и конституц.-демократовъ“, „выяснять населенію всю неосновательность программъ, клонящихся къ измѣненію основнаго государственнаго строя“, удалять черезъ довѣренныхъ людей изъ помѣщенія выборщиковъ ораторовъ, обольщающихъ крестьянъ несбыточными надеждами на даровое надѣленіе частновладѣльческими землями и крикуновъ“, „вывѣсить имена лицъ, кои по неблагонадежности кандидатами быть не могутъ“, „обращаться къ содѣйствію военной силы, если бы агитаторы выказали намѣреніе выборныя собранія обратить въ крестьянскіе комитеты для раздѣла частно-владѣльческихъ земель, чтобъ арестовать лицъ, принявшихъ участіе въ таковыхъ комитетахъ“.

Кіевскій генер.-губернат. Сухомлиновъ предлагаетъ къ исполненію слѣдующій циркуляръ министра внутреннихъ дѣль: „Сегодня въ мѣстности Кагарлыкь, Кіевской губерніи, въ имѣніи Черткова, арестованъ агитаторъ. Толпа съ угрозами требуетъ немедленнаго его освобожденія. Мѣстная вооруженная сила недостаточна. Въ виду этого настоячиво предлагаю какъ въ данномъ случаѣ, такъ и во всѣхъ подобныхъ приказать немедленно истреблять силою оружія бунтовщиковъ, а въ случаѣ сопротивленія—сжечь ихъ жилища. Въ настоящую минуту необходимо разъ навсегда искоренить самоуправство. Аресты теперь не достигаютъ цѣли; судить сотни и тысячи людей невозможно. Нынѣ единственно необходимо, чтобы войска проникнулись вышеизложенными указаніями“.

* * *

Главнѣйшія проявленія революціоннаго движенія въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи:

1) Въ Варшавѣ убиты револьверными выстрѣлами двое постовыхъ городовыхъ. Злоумышленники, забравъ у нихъ оружіе, скрылись.

2) Въ Прибалтійскомъ краѣ, возлѣ Прекупльна произведено вооруженное нападеніе на разъѣздъ изъ шести драгунъ; трое драгунъ ранены, одинъ изъ нападавшихъ убитъ.

3) Въ Ригѣ 6 февр. толпа неизвѣстныхъ стрѣляла въ воинскій патруль. Убитъ 1 рабочій, ранены 2 солдата и 1 рабочій.

4) На ст. Алатырь Моск.-Каз. ж. д. убиты выстрѣломъ изъ револьвера начальникъ станціи г. Бабенко и старшій жандарм. унтеръ-офицеръ; тяжело раненъ желѣзно-дорожн. сторожъ.

5) Въ Ялтѣ типографія Вахтина была захвачена группой лицъ съ цѣлью напечатанія прокламацій. Когда прокламаціи были набраны, явилась полиція. Захватившимъ типографію удалось скрыться, за исключеніемъ одного, бѣжавшаго, но настигнутого полиціей.

6) Въ Ригѣ въ центрѣ города полиція обнаружила въ погребѣ дома по Манежной ул., 14 бомбъ, изъ которыхъ 8 были заряжены, 6 пустыя.

7) Въ Вильнѣ, 10 февраля, въ Квасномъ переулкѣ еврей нашель бомбу

и толкнулъ ее ногой, вслѣдствіе чего произошелъ взрывъ, оторвавшій ему ногу.

8) Въ Казани вновь конфисковано нѣсколько ящиковъ огнестрѣльнаго оружія.

9) Въ Варшавѣ начальникъ Привислинскихъ желѣзныхъ дорогъ, инженеръ Ивановъ, убитъ наповаль выстрѣломъ изъ револьвера; убійца скрылся.

10) Въ Одессѣ 12 февр. къ Ратнеру, снявшему комнату въ Треугольномъ пер., въ 1 ч. ночи явилась полиція съ обыскомъ. Ратнеръ, еще двое мужчинъ и дѣвушка встрѣтили ее выстрѣлами изъ браунинговъ, потомъ всѣ трое забѣжали по лѣстницѣ на крышу, оттуда перебрались на крышу сосѣдняго дома и засѣли на чердакѣ. Полиція, казаки, солдаты до 300 человекъ осадили ихъ. Перестрѣлка длилась до семи часовъ утра. Осажденные защищались храбро, на виду у многочисленной публики. Дѣвушка оказалась переодѣтымъ мужчиной. Ранены надзиратель, дворникъ, дворничиха, убиты анархисты. Найдены бомбы.

11) Въ Варшавѣ 7-го февр. задержанъ пріѣхавшій изъ провинціи еврей съ 43,000 капсулей для винтовочныхъ патроновъ.

12) Въ Варшавѣ 12 февр. на предвыборномъ собраніи произошло кровавое столкновение между участниками союза изъ партіи національ-демократовъ и ворвавшимися социалистами. Убитъ 1 раб. социалистъ и ранено около 15 чел. Были вызваны войска, которыя окружили собравшихся. Всѣ были обысканы, оказавшіеся безъ документовъ арестованы. Зачинщики схватки бѣжали.

13) Въ Петербургѣ 13 февраля въ одиннадцатомъ часу утра убитъ пятью выстрѣлами изъ револьвера помощникъ начальника мастерскихъ Путиловскаго завода Назаровъ.

14) Въ Иркутскѣ 13 февраля вечеромъ на Большой улицѣ домогъ убитъ помощникъ коменданта станціи Иркутскъ и Мысовая баронъ Корфъ.

15) Въ окрестностяхъ Ремерсгофа произведено нападеніе на лейтенанта князя Путятина, получившаго двѣ огнестрѣльныя раны. Одинъ изъ нападавшихъ убитъ матросами. Князь Путятинъ внѣ опасности.

16) Въ Костромѣ 15 февр. ночью въ губернскую земскую больницу явились шесть вооруженныхъ лицъ и освободили политическаго заключеннаго Вульпе. Городовой, охранявшій арестантское отдѣленіе больницы и оказавшій сопротивленіе, раненъ. Виновники освобожденія Вульпе скрылись и разыскиваются полиціей.

17) Въ Варшавѣ 15 февр. 30 вооруженныхъ революціонеровъ разгромили типографію Немира за отказъ печатать революціонныя изданія.

18) Въ Херсонѣ на Греческой улицѣ открыта фабрикація бомбъ. Арестованъ пріѣзжій еврей. Найдена одна готовая бомба и 9 приготавливавшихся. Обнаружены запасы взрывчатыхъ веществъ.

19) Въ Лодзи 17 февр. нѣсколькими выстрѣлами изъ револьвера убитъ жандармскій унтеръ-офицеръ.

20) Въ Кіевѣ на Андреевскомъ спускѣ обнаружена тайная типографія украинской револ. партіи. Задержано нѣсколько пудовъ шрифта и типограф. принадлежностей. Арестовано двое неизвѣстныхъ.

21) Въ Симферополѣ, на Фонтанной ул., выслѣжена тайная типографія. Арестованы работавшіе тамъ мужчины и женщины. Въ сосѣднемъ домѣ

захвачено много готовыхъ прокламацій и типографскихъ принадлежностей.

22) Въ Лодзи 19 февраля, въ 5 ч. вечера, на Константиновской улицѣ, нѣсколькими выстрѣлами изъ револьверовъ убитъ околоточный надзиратель второго участка Даниль Ярчакъ. Убийцы успѣли скрыться.

23) Въ Бердичевѣ 20 февр. захвачена полиціей въ полномъ ходу тайная типографія вмѣстѣ съ участниками. Конфискована масса только-что отпечатанныхъ прокламацій, обращенныхъ къ войскамъ.

24) Въ Радомѣ 20 февраля обнаружена тайная типографія, дѣйствовавшая на главной улицѣ. Найдено 4 пуда набора.

25) Въ Екатеринославѣ 23 февр. на Заводской улицѣ открыта полиціей тайная типографія съ множествомъ шрифта и частями типографскихъ машинъ.

26) Изъ Самары сообщаютъ, что 19 февраля, въ 10 часовъ утра, капитану 12 роты 2 замурскаго желѣзнодорожнаго батальона Захарченко обнаружилъ похищеніе 152-хъ 3-хъ-линейныхъ винтовокъ и 7,500 патроновъ изъ вагона-цейхгауза.

27) Въ Петербургѣ 20 февраля чинами охранной полициі, въ домѣ № 19 по Троицкой улицѣ, обнаружена мастерская взрывчатыхъ веществъ. Въ квартирѣ задержано пять чловѣкъ, при обыскѣ найдены готовые снаряды, а также формы для нихъ.

28) Въ Лодзи 21 февраля револьвернымъ выстрѣломъ убитъ наповалъ околоточный надзиратель четвертаго участка Дента.

29) Въ Варшавѣ 24 февр. 20 чловѣкъ, вооруженныхъ револьверами, уехали изъ пражской больницы въ заранѣ приготовленной каретѣ переодѣтаго въ женское платье Владислава Редке, который 17 февр. ранилъ околоточнаго надзирателя и, отстрѣливаясь затѣмъ отъ окружавшихъ домъ солдатъ, былъ самъ тяжело раненъ.

30) „Страна“ сообщаетъ, будто въ л.-гв. измайловскомъ полку похищено 1,000 винтовокъ.

31) Въ Варшавѣ 3 выстрѣлами изъ револьвера тяжело раненъ инспекторъ народныхъ училищъ Орловъ.

32) Въ Одессѣ 24 февраля проходившій по Городской улицѣ городской Дергачъ тяжело раненъ выстрѣломъ изъ револьвера.

33) Въ Лодзи 24 февраля въ Пабяницахъ убитъ двумя выстрѣлами изъ револьвера ночной сторожъ Гаувальдъ.

34) Въ Вѣлостокѣ 25 февраля изъ цейхгауза 120-го запаснаго баталіона похищено 200 винтовокъ трехлинейнаго образца, 20 ящиковъ съ патронами и 16 ящиковъ съ гильзами.

35) Въ Варшавѣ 25 февр. въ 8 ч. вечера двое неизвѣстныхъ на Каміонковской улицѣ въ Прагѣ выстрѣлами изъ револьверовъ убили околоточнаго надзирателя Шантала и городского Волкова.

36) Въ Лодзи 25 февраля около 5 ч. вечера, въ Пабяницахъ, по дорогѣ на вокзалъ на извозчикѣ выстрѣлами изъ револьвера убитъ начальникъ Ласкаго уѣзда Ивановъ. Убийцы скрылись.

37) Въ Одессѣ 26 февр. на вокзалѣ жандармской полиціей вскрыты въ багажѣ двѣ подозрительныя корзины. Оказалось 19 ружей, 25 штыковъ, 20 шомполовъ.

38) Въ Томскѣ 26 февраля въ помощника полиціймейстера Кириллова въ два часа ночи, на площади у собора, были произведены два выстрѣла. Стрѣлявшій задержанъ и будетъ преданъ военному суду. Оня оказался студентомъ.

39) Въ Варшавѣ 26 февр. на Варшавско-Вѣнскомъ вокзалѣ задержана женщина, привезшая контрабандой ящикъ съ револьверами Браунинга и 3000 патроновъ.

Въ предмѣстьѣ Прага толпа окружила патруль и убила околоточнаго и городского; арестованъ одинъ изъ нападавшихъ, остальные скрылись.

40) Въ Ковнѣ 19 февраля въ два часа дня, въ шавельскую тюрьму, когда надзиратель отворилъ калитку для пріема принесенной пищи, ворвались два революціонера, вооруженные револьверами, съ цѣлью освобожденія политическихъ арестованныхъ, открыли стрѣльбу по тюремной стражѣ и ранили надзирателя. Прибывшій во главѣ конной стражи исправникъ разогналъ на улицѣ толпу. Запертые въ тюрьмѣ революціонеры Гламжо и Фоскрупникъ сдались безъ сопротивленія.

41) Въ станицѣ Гіанинской бросившіе самовольно службу казаки Урупскаго полка укрѣпились окопомъ и увеличили число забунтовавшихся недовольными изъ сосѣднихъ станицъ. На усмиреніе высланы войска.

* * *

За февраль мѣсяцъ имѣли мѣсто слѣдующіе судебные приговоры по политическимъ дѣламъ:

1) Кассационная жалоба по дѣлу Короткаго, убившаго осенью 1905 г. въ Вильнѣ полицейскаго и ранившаго полиціймейстера, отвергнута. Приговоръ военно-окружнаго суда утвержденъ командующимъ войсками съ замѣной смертной казни черезъ повѣшеніе *смертной казнью* черезъ *разстрѣляніе*. 1 февраля приговоръ приведенъ въ исполненіе въ Виленской губ. тюрьмѣ.

2) Въ Черниговѣ 31 января на разсвѣтѣ *повѣшенъ* покушавшійся на бывшаго черниговскаго губернатора Хвостова.

3) 5 февраля военно-морской судъ по Потемкинскому процессу вынесъ слѣдующую резолюцію: Зауложновъ, Луцаевъ и Мартыновъ приговорены къ *смертной казни чрезъ повѣшеніе*, съ замѣной, согласно манифеста 21 октября, каторжными работами на 15 лѣтъ каждому; Гусь на 20 лѣтъ, Задорожный на 7 лѣтъ. Кашугинъ на 12 лѣтъ въ каторжные работы, 32 подсудимыхъ приговорены въ арестантскія отдѣленія отъ 1 г.—2 л. 4 м., одинъ—въ воен. мор. плавуч. тюрьму на 3 мѣс. Судъ ходатайствовалъ о сокращ. сроковъ лишенія свободы на половину. 1 кондукторъ и 24 матроса оправданы.

4) Въ Новочеркасскѣ, 4 февраля, судившійся судебной палатой Мазуренко, за агитацию отъ имени крестьянскаго союза, приговоренъ къ заключенію въ крѣпости на одинъ годъ.

5) Въ Вяткѣ 8 февраля военно-окружнымъ судомъ рассмотрѣно дѣло рядового Фабричнаго, смертельно ранившаго 18 декабря командира котельничскаго батальона Нестеренко. *Фабричный приговоренъ къ разстрѣлу*. Судъ ходатайствуетъ о смягченіи наказанія.

6) Въ Митавѣ, 9 февраля, вышедшій въ сѣверную часть гизенпотскаго

езда отрядъ арестовалъ 34 крестьянъ, изъ которыхъ 5 за сопротивление *аустрыяны*.

7) Въ Лифляндіи отрядомъ Мейнгарда 4 февраля *казнено семь революціонеровъ*.

8) Военно-полевой судъ въ Верхнеудинскѣ судилъ 10 февраля тридцать *этнодорожныхъ служащихъ*. Четверо приговорены къ каторжнымъ работамъ, *девять къ смертной казни*. Генераль Ренненкампфъ замѣнилъ четверть казнь каторгою. Остальные *пять казнены*.

9) 13 февраля въ главномъ военномъ судѣ слушалось въ кассационномъ порядкѣ дѣло о безпорядкахъ, бывшихъ въ 1-й и 2-й батареяхъ 26-й артиллерійской бригады въ гор. Гродно 4 и 5 ноября минувшаго года. Засѣданіе ознаменовалось постановленіемъ рѣшенія, единственнаго въ практикѣ кассационныхъ судовъ. Въ отношеніи одного изъ подсудимыхъ, канона Цвѣткова, главный судъ замѣнилъ каторжныя работы, назначенныя постановомъ виленскаго военно-окружнаго суда, *смертной казью*, основываясь на ст. 1041 воен. суд. устава.

10) Въ Варшавѣ, 14 февраля военный судъ *приговорилъ* двухъ братьевъ мальскихъ и Зерницкаго *къ смертной казни*: первыхъ за покушеніе 21 ноября на убійство земскаго стражника въ Бендинѣ, а третьяго за убійство 23 декабря земскаго стражника въ Заверцѣ. *Зерницкій казненъ* 14 февр.

11) Въ Сувалкахъ, 15 февраля, рассматривалось въ особомъ присутствіи выѣздной сессіи варшавской судебной палаты дѣло о Шмидтѣ, Косекомъ и Милевскомъ, обвиняемыхъ въ пропагандѣ между войсками. Судимые приговорены къ заключенію въ крѣпости: первые два—на *пять годъ*, третій—на *восемь мѣсяцевъ*.

12) Въ Одессѣ военный судъ приговорилъ аккерманскаго мѣщанина Пана Александровскаго къ отдачѣ въ исправительный домъ на *одинъ годъ и 5 мѣсяцевъ* за распространеніе прокламацій и сочиненій въ войскахъ съ цѣлью возбужденія нижнихъ чиновъ къ нарушенію обязанностей военной службы и къ неповиновенію.

13) Въ Вильнѣ, обвинявшійся въ покушеніи на жизнь околоточнаго извѣстателя, Якуновичъ, *приговоренъ къ смертной казни* черезъ повѣшеніе. Начальникомъ края смертная казнь замѣнена безсрочными каторжными работами.

14) Изъ Ташкента сообщаютъ: „Кочегаръ ст. Мервѣ Петрунинъ, покушавшійся на жизнь коменданта кушкинской крѣпости ген. Прасолова, приговоренъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе. Въ виду наличности смягчающихъ его вину обстоятельствъ, командующій войсками ген. Субботинъ не только удовлетворилъ ходатайство суда о *смягченіи его участи* *именно смертной казни 8-ми-лѣтнею каторгою, но и понизилъ еще наказаніе на пять степеней: Петрунинъ отданъ на три года въ арстантскія казни*“.

15) Въ Минскѣ, 16 февраля, военный судъ приговорилъ покушавшихся на жизнь губернатора и полицеймейстера Анну Измайловичъ и Ивана Пуховича *къ смертной казни* черезъ повѣшеніе.

16) Тамъ же, по дѣлу о покушеніи на жизнь полицеймейстера Норова военный судъ приговорилъ Оксенкруга къ смертной казни черезъ повѣ-

шеніе. Командующій войсками замѣнилъ для Измайловичъ смертную казнь безсрочной каторгой, по отношенію къ *Пумихову* приговоръ утвержденъ и 25 февраля въ 5 ч. утра *приведенъ въ исполненіе* въ минской тюрьмѣ. Смертная казнь Оксенкругу замѣнена 15-лѣт. каторгой.

17) Изъ Тулы сообщаютъ: рабочій Баташевъ, ранившій жандармскаго офицера, *приговоренъ* военно-окружнымъ судомъ къ *смертной казни* черезъ повѣшеніе, при чемъ судъ постановилъ ходатайствовать передъ командующимъ войсками о замѣнѣ Баташеву смертной казни ссылкой въ каторжные работы на 4 года.

18) Въ Очаковѣ, 18 февраля, лейтенантъ Шмидтъ *присужденъ къ смертной казни* черезъ повѣшеніе; кондукторъ Частникъ, комендоръ Антоненко и машинистъ Гладковъ — *черезъ разстрѣляніе*. Оправданы десять матросовъ. Остальные подсудимые присуждены къ разнымъ наказаніямъ: каторжнымъ работамъ и арестантскимъ отдѣленіямъ. Защитники подаютъ кассационную жалобу. Они просили занести въ протоколъ 4 обстоятельства, изъ которыхъ два касаются фактической стороны процесса, а два формальной.

19) Въ Одессѣ закончилось дѣло о покушеніи на жизнь генерала Коханова, Карангозова и Нейдгардта. Владиміръ Кирилловъ и его невѣстка Нетта Давидовичъ, привлеченные къ суду за участіе въ сообщничествѣ съ именуемой себя „боевою“ дружиной одесскаго комитета „соціалъ-революціонеровъ“, имѣвшей въ своемъ распоряженіи средства для взрывовъ, приговорены къ каторжнымъ работамъ на два года. Елена Найдтъ оправдана.

20) Изъ Харькова сообщаютъ: утромъ въ окружномъ судѣ собрался масса публики слушать дѣло профессора Гредескула. Когда въ залѣ суда появился профессоръ подѣ конвоемъ солдатъ, вся публика встала съ мѣстъ, устроивъ молчаливую сочувственную овацію. Дѣло слушалось при закрытыхъ дверяхъ. До приговора суда высылка профессора въ Архангельскую губернію задержана. Профессоръ Гредескулъ приговоренъ къ 10-ти дневному аресту.

21) Въ Ригѣ, 18 февраля, временнымъ военнымъ судомъ крестьянинъ вендевскаго уѣзда Янъ Берзинъ, обвиняемый въ убійствѣ 11 января на Николаевской улицѣ казака и въ пораненіи другого казака *приговоренъ къ смертной казни* черезъ повѣшеніе.

22) Въ Одессѣ жандармъ одесской конно-жандармской команды Черенко приговоренъ военнымъ судомъ къ ссылкѣ на поселеніе въ Сибирь за распространеніе среди войскъ сужденій, возбуждающихъ воинскихъ чиновъ къ нарушенію обязанности военной службы.

23) Въ Тифлисѣ, 21 февраля, убійца генерала Грязнова приговоренъ къ *смертной казни* черезъ повѣшеніе.

24) Въ Одессѣ, 21 февраля, военный судъ, закончивъ разсмотрѣніемъ дѣло о 30 нижнихъ чинахъ 15 артиллерійской бригады, обвинявшихся въ явномъ возстаніи и неповиновеніи 12 декабря прошлаго года, приговорилъ шестерыхъ къ каторжнымъ работамъ на 20 лѣтъ и одного на 15 лѣтъ; шесть человекъ въ дисциплинарные батальоны, двухъ на два года, четверехъ на годъ; двѣнадцать человекъ подвергнуть одиночному заключенію въ военной тюрьмѣ на 1 мѣсяцъ; четверо оправданы. Судъ постановилъ ходатайствовать о замѣнѣ наказанія Степанову, приговоренному къ катор

ными работамъ на 15 лѣтъ, отдачей въ дисциплинарный батальонъ на три года.

25) Въ Воронежѣ, 21 февраля, военнымъ судомъ объявленъ приговоръ по дѣлу дисциплинарнаго батальона. Приговорены къ каторжнымъ работамъ на двѣнадцать лѣтъ—восемь человекъ, на десять лѣтъ—трое, на восемь лѣтъ—семеро, на шесть лѣтъ—шестеро, на четыре года—двое; въ исправительныя арестантскія отдѣленія, на четыре года—десять, на два года—шестеро, на одинъ годъ—одинъ; увеличены сроки пребыванія въ дисциплинарномъ батальонѣ—одиннадцати лицамъ. Оправданы четверо.

26) Въ Вильнѣ, приговореннымъ къ казни за нападеніе на магазинъ Альшванга и покушеніе на городского четырьмя евреями командующій войсками замѣнилъ смертный приговоръ десятилѣтней и двадцатилѣтней каторгой.

27) Въ особомъ присутствіи варшавской судебной палаты разсматривалось дѣло Зильберблата, обвиняемаго въ пропагандѣ между войсками, и дѣло Красавца, обвиняемаго по статьѣ 129. Первый приговоренъ къ заключенію въ крѣпости на 8 мѣсяцевъ, второй—оправданъ.

28) Въ Казани, 24 февраля, судебная палата приговорила фельдшера Чувашина и крестьянина Кононова, обвинявшихся по 129 статьѣ угол. улож. въ произнесеніи преступной рѣчи, къ заключенію въ крѣпости пераго—на годъ, второго—на 9 мѣсяцевъ. Воспитанникъ промышленнаго училища Васильевъ, обвинявшійся по 132 ст. угол. улож. въ храненіи съ крѣбю распространенія прокламацій, присужденъ къ заключенію на 9 дней въ крѣпости; крестьянинъ, Фроловъ, обвинявшійся по 129 статьѣ, оправданъ.

29) Въ Бобруйскѣ, военно-окружный судъ 21 февраля приговорилъ 13 человекъ къ расстрѣлянію, 12 человекъ къ 15 годамъ каторги, 3-хъ—къ 3 годамъ каторги, по дѣлу дисциплинарнаго батальона о попыткѣ возстанія въ прошломъ ноябрѣ. Осужденными послана телеграмма Государю съ ходатайствомъ о помилованіи.

30) Въ Кіевѣ приговоренному за покушеніе на убійство городского къ смертной казни Заславскому командующимъ войсками Сухомлиновымъ *смертная казнь замѣнена безсрочной каторгой.*

31) Въ Варшавѣ, 25 февр., военный судъ разсмотрѣлъ вчера дѣло лица называющагося Витковскимъ (своей настоящей фамиліи обвиняемый суду не указалъ), и Янкевича, обвиненныхъ по 279 статьѣ военно-уголовныхъ уложеній. Судъ приговорилъ обоихъ къ лишенію всѣхъ правъ, кромѣ того Витковского къ каторжнымъ работамъ на 7½ лѣтъ, Янкевича на 15 лѣтъ и затѣмъ къ пожизненному поселенію въ Сибири.

32) Въ Уфѣ, 24 февр., Бушуеву, присужденному военнымъ судомъ къ смертной казни, за покушеніе на жизнь уфимскаго генераль-губернатора Келеповскаго, *смертная казнь замѣнена каторгой.*

33) Въ Ригѣ, 25 февр., утромъ въ Устьдвинской крѣпости *приведенъ въ исполненіе приговоръ надъ* Яномъ Берзинымъ, присужденнымъ военнымъ судомъ къ смертной казни за убійство казака Страхова и пораненіе казака Лосева.

34) Въ Черниговѣ, 25 февр., палатой вынесенъ приговоръ по дѣлу о покушеніи на жизнь черниговскаго и нѣжинскаго полицеймейстеровъ. По

первому дѣлу подсудимый приговоренъ къ 4 годамъ каторжныхъ работъ, по второму — къ 4 мѣсяцамъ тюремнаго заключенія.

35) Во Владивостокѣ, 25 февр., въ военно-окружномъ судѣ закончился разборъ дѣла о беспорядкахъ, происходившихъ въ Апшеронскомъ полку въ концѣ октября прошлаго года. Подсудимымъ нижнимъ чинамъ предъявлено обвиненіе по 110 статьѣ военно-уголовныхъ законовъ.

Четверо приговорены къ двѣнадцатилѣтней каторгѣ, десять человекъ въ дисциплинарный баталіонъ.

36) Въ Читѣ 26 февр., въ три часа ночи судъ приговорилъ директора верхнеудинскаго реальнаго училища Окунцова, доктора Шинкмана и Мирскаго къ смертной казни. Военный прокуроръ Сергѣевъ отказался отъ обвиненія Шинкмана и Мирскаго по статьямъ, указаннымъ въ обвинительномъ актѣ, предлагая иную мѣру наказанія.

37) Въ Кутаисѣ *произведена смертная казнь* черезъ разстрѣляніе надъ Кабеліани, обвиняемымъ въ убійствѣ пристава.

38) Получены слѣдующія извѣстія о дѣйствіяхъ экзекуціонныхъ отрядовъ въ Прибалт. краѣ:

Въ городѣ Газенпотъ воинскимъ отрядомъ *четыре мятежниковъ разстрѣляно, двое повѣшено*; въ имѣніи уѣзднаго предводителя дворянства барона Маятейфеля при вторичномъ столкновеніи раненъ драгунъ и *убитъ мятежникъ*.

39) Въ Икскюль риж. уѣз. по приговору полевого суда *казнено 3* вооруженныхъ революціонера. Въ Юргенсбургѣ риж. уѣз. *разстрѣляны два латыши*, сознавшіеся въ убійствѣ волостного писаря Кальнина.

40) Въ Эдоленѣ 6 февраля военно-полевымъ судомъ *разстрѣляны хозяйинъ усадьбы Случче и кузнецъ* той же усадьбы.

41) Въ Кацдангенѣ *учитель Пумтуръ и волостной писарь Кроубергъ*, согласно рѣшенію военного суда, 30 января *были повѣшены*, а *сыроваръ Клоунъ и хозяйинъ усадьбы Трулле и Чиче*, равно какъ и *спедельникъ Данбергъ разстрѣляны*.

42) Вторичной экспедиціей ген. Орлова въ имѣніи Сесвегенъ Вендскаго уѣзда приговорены полевымъ судомъ *къ разстрѣлу 12 человекъ*. Смертный приговоръ *десяти осужденныхъ приведенъ въ исполненіе* 7 февраля. Наказано плетьми около 70 человекъ, между ними 5 женщинъ.

43) Въ Шванебургѣ наказаны всѣ члены волостного правленія плетьми. Тамъ же *5 человекъ разстрѣляно*. Завѣдывающій двухкласснымъ министерства народнаго просвѣщенія училищемъ приговоренъ къ смертной казни, но потомъ „помидованъ“ съченіемъ плетьми до потери сознанія.

44) Въ Гапсальскомъ уѣздѣ въ мѣстечкѣ Леаль экзекуціоннымъ отрядомъ *разстрѣляно 9 человекъ*.

45) Въ Сиссегадѣ *разстрѣляны* какъ агитаторъ, *неизвѣстный, назвавшій себя Шмидтомъ*.

46) Въ Митавѣ 4 февр. военный отрядъ, прибывшій въ Дондангенъ *разстрѣлялъ 4 человекъ, повѣсилъ 2* и сжегъ нѣсколько крестьянскихъ домовъ.

47) Вблизи Газенпота въ пятницу 3 февраля *разстрѣляно 32 человекъ*, въ субботу 4 февраля *повѣшенъ учитель и разстрѣляны два крестьянина*. Вблизи Гробина *разстрѣляно 8 человекъ*. Сожжены 2 усадьбы.

48) Въ окрестностяхъ Ерлаа отрядъ Орлова казнилъ 4 революціонеровъ и сжегъ нѣсколько домовъ.

49) Въ Ригѣ военно-полевымъ судомъ *присужденъ къ смертной казни* германскій подданный, несовершеннолѣтній Іогансонъ, за покушеніе на отягчѣніе шашки у городского 1-го декабра, когда военное положеніе въ Ригѣ еще не было объявлено.

* * *

Въ теченіе февраля мѣсяца печать въ той или иной формѣ подверглась слѣдующимъ преслѣдованіямъ.

1) Въ Лодзи, по распоряженію вновь назначеннаго отдѣльнаго цензора вечерній нумеръ „Нейе Лодеарь Пейтунгъ“ отъ 30 января *конфискованъ* за перепечатку статей изъ „Новаго Времени“. Редакторъ привлекается къ судебной отвѣтственности.

2) По распоряженію мѣстной администраціи, на всѣхъ московскихъ вокзалахъ 31 января чины полиціи *отбирали изъ книжныхъ шкафовъ* номера „Русскаго Дѣла, (?) издаваемаго Шараповымъ. № 4 этой газеты отбирался также во всѣхъ книжныхъ магазинахъ, газетныхъ кіоскахъ и у газетчиковъ.

3) Въ Москвѣ *конфискованъ* цѣлый рядъ изданій, какъ-то: драма „На баррикадахъ“, Прудона „Собственность—кража“, „О налогахъ“, „За что они борются подъ краснымъ знаменемъ“, „Гдѣ аграрныя программы?“ и нѣкоторые петербургскія газеты и журналы.

4) Въ Москвѣ, 5 февраля, *конфискована* брошюра, содержащая программу прогрессивно-демократической партіи.

5) Въ Кіевѣ генераль-губернаторомъ *закрытъ* на время военнаго положенія „Кіевскій Вѣстникъ“, замѣнявшій закрытую „Кіевскую Газету“. Причина—вредное направленіе, однако, совершенно безъ указанія, въ чемъ оно проявлялось. Такимъ образомъ, въ Кіевѣ уничтожены всѣ прогрессивныя газеты за исключеніемъ конституціонно-демократической „Свобода и Право“, номера которой часто конфискуются.

6) Въ Вильнѣ, 3 февр., ночью *конфискованы* номера социалдемократической газеты „Деръ Векеръ“.

7) Въ Екатеринбургѣ *приостановлена* на время чрезвычайной охраны газета „Уральскій Край“.

8) Въ Самарѣ *конфискованъ* „Самарскій Курьеръ“.

9) Въ Саратовѣ, 5 февраля, *конфискованъ* приготовленный къ выпуску первый номеръ новой народной газеты „Голосъ Деревни“. Редакторъ издатель Огановскій привлекается къ суду.

10) Въ Верхнедвѣпровскѣ *конфискованы* полиціей послѣдніе выпуски газетъ „Радикаль“ и „Полтавское Дѣло“.

11) Въ Петербургѣ за напечатаніе въ номерѣ 1 газеты „Рабочая Жизнь“ статьи „Бѣлостокъ“ редакторъ этой газеты г. Андреевъ *привлеченъ къ отвѣтственности* по 1 п. 129 ст. уг. улож., а изданіе самой газеты *приостановлено*.

12) Редакторъ сатирическаго журнала „Водоворотъ“ *привлекается къ отвѣтственности* по ст. 6 отд. VIII времен. прав. о печати за напечатаніе въ номерѣ 1 журнала статей „О чертъ“, „Усмирители“, „Бой въ технологическомъ институтѣ“, и „Казаки“.

13) По опредѣленію с.-петербурскаго окружнаго суда *отыскиваются* редакторъ газеты „Сынъ Отечества“ Григорій Ильинъ Шрейдеръ, обвиняемый по 1 и 3 п. 129 ст. уг. улож., и редакторъ-издатель газеты „Молодая Россія“ студентъ с.-петербурскаго университета Вячеславъ Эриковъ Лесневскій, обвиняемый по тѣмъ же статьямъ. Въ случаѣ обнаруженія имущества названныхъ лицъ, оно должно быть немедленно передано въ опекуное управление.

14) Въ Петербургѣ, по распоряженію цензурнаго комитета, подвергнуты *конфискаціи* послѣдніе №№ журналовъ „Наша Мысль“ и „Голосъ Средне-учебныхъ Заведеній“. Участкамъ, гдѣ находятся типографіи, печатающія названныя изданія, предписано произвести въ нихъ обыскъ и арестовать матеріалъ для этихъ журналовъ.

15) 9 февраля ночью послѣ обыска была *запечатана* полиціей типографія Виленчика (Литейный пр., д. 58). Закрытіе ея вызвано напечатаніемъ перваго номера сатирическаго журнала „Водоворотъ“, оставшіеся номера котораго были конфискованы.

16) Въ Керчи конфискованъ номеръ „Южнаго Курьера“ отъ 2 февраля

17) Въ Таганрогѣ, 8 февраля, въ редакціи „Таганрогскаго Вѣстника“ *конфискованы* номера газеты отъ 2 февраля. Редактору Чумаченко предъявлено обвиненіе по 2 пункту 1 части 129 статьи угол. улож. Послѣ представленнаго залога въ 5000 р. онъ освобожденъ отъ ареста.

18) Въ Казани, 8 февраля, въ редакціи „Волжскаго Вѣстника“ произведенъ обыскъ. Конфискованы рукописи.

19) Въ Москвѣ *возбуждено нѣсколько уголовныхъ дѣлъ* противъ типографовъ за печатаніе послѣ 17 октября брошюръ, вызывающихъ къ бунту и разрушенію существующаго строя. Совершено изъята изъ продажи газета „Русь“.

20) Въ Ярославлѣ торговля печатными произведеніями *всюду стѣснена* Въ кіоскахъ, на фабрикахъ и улицахъ брошюры и газеты за небольшими исключеніями отбираются.

21) Въ Гомелѣ, 11 февраля, мѣстная газета „Трудъ“ закрыта. Послѣдній номеръ конфискованъ.

22) Въ Варшавѣ редакторъ „Працы польской“, Пешке, *привлеченъ* прокурорскимъ надзоромъ къ уголовной отвѣтственности за помѣщеніе статьи „Отголоски Литовскихъ безпорядковъ“.

23) Въ Петербургѣ, въ типографію Четверикова, гдѣ хранились оставшіеся экземпляры, и гдѣ готовился уже къ печати слѣдующій номеръ сатирическаго журнала „Волшебный Фонарь“, неожиданно явилась полиція и, не вступая ни въ какія объясненія, *запечатала* типографію, заколотивъ послѣднюю досками.

24) Въ Херсонѣ редактору приостановленной генераль-губернаторомъ газеты „Югъ“ Гошкевичу губернаторомъ *отказано* въ разрѣшеніи издавать другую газету.

25) Въ Петербургѣ, по инициативѣ главнаго управления по дѣламъ печати, редакторъ „Молвы“ г. Зенгеръ *привлеченъ* къ отвѣтственности по 5 п. 129 ст. уг. ул. за напечатаніе въ № 11 „Молвы“ „Воззванія 2 Урупскаго казачьяго полка“.

27) Въ Кіевѣ вышедшій первый номеръ журнала „Русская Жизнь“ *конфискованъ*.

28) 8 февраля въ особомъ присутствіи петербургской судебной палаты слушалось дѣло редактора-издателя „Сына Отечества“ С. П. Юрицина, обвинявшагося по 1 и 2 пп. 129 и 128 ст. угол. улож. за статьи въ номерѣ его газеты. Палата приговорила Юрицина къ *заключенію въ крѣпость на 1 годъ*, навсегда прекратила изданіе газеты „Сынъ Отеч.“ и запретила Юрицину быть редакторомъ или издателемъ періодическихъ изд. въ теченіе 5 лѣтъ.

29) По дѣлу о приостановкѣ газеты „Свобод. Народъ“ Сенатъ оставилъ частную жалобу на опредѣленіе судеб. палаты *безъ разсмотрѣнія*.

30) Въ Петербургѣ редакторъ журнала „Молодость“ С. А. Бронштейнъ за напечатаніе въ № 1 редактируемаго имъ журнала статей: „Еще циркуляръ“ и „Петербургъ 2 февраля“, и редакторъ журнала „Буря“ П. І. Эрастовъ за напечатаніе въ № 5 этого журнала статьи „89 годъ“ и стихотвореній: „Я васъ не зналъ, былого тѣни“ и „Никто не ждетъ“ *привлечены къ отвѣтственности по 1 п. 129 ст. угол. улож.*, а изданіе этихъ журналовъ приостановлено.

31) Въ Керчи опредѣленіемъ судебной палаты газета „Южный Курьеръ“ *приостановлена* до судебнаго приговора.

32) Въ Лодзи выѣздная сессія петроковскаго окружнаго суда приговорила редактора газеты „Розвой“ за оскорбленіе арміи въ газетной статьѣ къ *заключенію въ тюрьму на восемь мѣсяцевъ*.

33) Въ Петербургѣ, опредѣленіемъ спб. судебной палаты, основаннымъ на ст. 14 отд. VII вр. пр. о печати, *приостановлены* изданіемъ „Современныя Записки“, выходящія взамѣнъ „Русскаго Богатства“. Поводомъ къ приостановленію журнала послужило напечатаніе въ январьской книжкѣ статей: „Примѣнительно къ аграрнымъ погромамъ“ А. Петрищева, „Прошлое и настоящее“ С. Елпатьевскаго и „Слѣдуетъ ли идти въ Государственную Думу“ И. Бикермана. Помимо редактора Н. Ф. Анненскаго привлекаются также къ отвѣтственности и авторы статей.

34) Въ Варшавѣ редакторы Варшавскихъ газетъ „Слова“ Донимирскій и „Всеобщаго Дневника“ Еленскій *привлечены* къ уголовной отвѣтственности по 129 статьѣ.

35) Въ Петербургѣ редакторъ сатирическаго жур. „Сигналъ“ К. Чуковский, которому палата на дняхъ вынесла оправдательный приговоръ, не находя въ обвиненіи состава преступленія, *снова привлеченъ* по 128 ст. угол. улож. Мѣра пресѣченія—внесеніе залога въ 10,000 руб.

36) Въ Петербургѣ *арестованъ* помощникъ присяжнаго повѣреннаго Власовъ, редакторъ сатирическаго журнала „Жало“, единственный номеръ котораго былъ выпущенъ еще въ ноябрѣ прошлаго года. Къ г. Власову предъявлено обвиненіе по 129 ст. угол. улож.

37) Въ Витебскѣ распоряженіемъ вице-губернатора *конфискованъ* № 12 газеты „Витебская Жизнь“. Редактору, доктору Вруку, предъявлено обвиненіе по 129 ст. ул. о наказ.

38) Прокуроръ саратовской судебной палаты сверхъ залога въ 2,500 р. потребовалъ *съ привлеченнаго* по 128 и 129 статьямъ редактора „Самарской Газеты“ Кастирина еще 10,000.

39) Изъ Харькова получено извѣстіе *объ арестъ* Ефимовича, редактора-издателя газеты „Іриднѣпровскій Край“.

40) Въ Москвѣ, — въ городѣ и на вокзалахъ полиціей *конфисковалася* брошюра „Новая нагорная проповѣдь“.

41) Въ Ярославлѣ редакторъ „Сѣверной Газеты“ Троицкій *привлеченъ* къ судебной отвѣтственности по 129 ст. угол. улож.

42) Въ Варшавѣ въ типографіи Ляскауера полиціей *конфисковано* 2,000 экземпляровъ перваго тома изданія „Ксножницы“, содержащаго драму Словацкаго, подъ заглавіемъ „Кордыанъ“.

43) Въ Петербургѣ главное управленіе по дѣламъ печати возбудило *уголовное преслѣдованіе* по 2 п. 129 ст. уг. ул. противъ редактора журнала „Наша Мысль“ г. Цеммермана за напечатаніе въ № 3 — 4 журнала статьи: „Литературныя бесѣды“. Изданіе журнала приостановлено.

44) Противъ редактора газеты „Современная Жизнь“ П. Сойкина возбуждено *уголовное преслѣдованіе* по 6 ст. VII отд. вр. пр. о печати за напечатаніе въ № 25 газеты стихотворенія „Народное горе“ и статьи „Бомбардировка булками“.

45) Редакторъ журнала „Фискаль“ г. Нарускевичъ *привлеченъ* къ отвѣтственности по 6 ст. VII разд. врем. пр. о печати за помѣщенный на послѣдней страницѣ № 3 журнала рисунокъ, изображающій на челоуѣческомъ скелетѣ казака, и за напечатаніе стихотворенія, относящагося къ рисунку.

46) Въ Петербургѣ, въ квартиру занимаемую редакціей журнала „Паяцъ“, явилась полиція и передала издателю студенту В. М. Вышомирскому приглашеніе пристава мѣстнаго участка—явиться къ нему къ 11 часамъ утра по дѣлу. Въ участкѣ предложили немедленно дать подписку въ томъ, что впредь издаваться сатирической *журналъ не будетъ*.

47) По дѣлу газеты „Буревѣстникъ“ судеб. палата 16 февр. приговорила редактора ея пом. пр. пов. Барона за напечатанныя въ ней статьи къ заключенію *въ крѣпость на 1 годъ*, приостановила это изданіе навсегда и запретила Барону быть редакторомъ въ теченіе 5 лѣтъ.

48) Во Владивостокѣ распоряженіемъ администраціи закрыта газета „Владивостокскій Листокъ“ за статьи, помѣщенные еще въ декабрѣ. Редакторъ-издатель Подпахъ *привлеченъ* къ суду разомъ по нѣсколькимъ дѣламъ. Такимъ образомъ, на русскомъ Дальнемъ Востокѣ не существуетъ болѣе прогрессивныхъ органовъ печати: въ Иркутскѣ, Читѣ, Верхнеудинскѣ, Хабаровскѣ, Благовѣщенскѣ, а теперь и Владивостокѣ устроена полная монополія консервативныхъ газетъ.

49) По инициативѣ цензурнаго комитета, признавшаго вышедшія на дняхъ въ свѣтъ книжки „Популярная исторія Россіи“ преступными по ихъ содержанію, судебнымъ слѣдователемъ по важнѣйшимъ дѣламъ г. Зайцевымъ *начато судебное преслѣдованіе* для обнаруженія автора и издателя книги съ цѣлью привлеченія этихъ лицъ къ отвѣтственности по 128 и 5 п. 129 ст. уг. ул.

50) Въ Кяхтѣ *арестованы* редакторъ газеты „Байкаль“ Игумновъ, владѣлецъ типографіи Саплинъ и сотрудникъ газеты Поповъ. Типографія „Байкала“ опечатана.

51) Въ Петербургѣ, 13 февраля, въ 11 ч. 30 м. вечера въ редакціи жур-

нала „Водоворотъ“ былъ произведенъ обыскъ, при чемъ была арестована переписка. Обыскъ былъ произведенъ по предписанію охраннаго отдѣленія.

52) Въ Москвѣ редакторъ газ. „Ворьба“ г. Скирмунтъ, привлеченный уже къ отвѣтственности по 129 ст., получилъ извѣщеніе, что къ нему предъявляется обвиненіе по 103 ст. угол. улож. Дѣло будетъ слушаться въ Москвѣ 13 марта.

53) Въ Москвѣ судебная палата *приостановила* газету «Вѣкъ» до судебного разбирательства. Редакторъ привлеченъ къ отвѣтственности по 129 статьѣ уг. улож.

54) Въ Нижнемъ при произведенныхъ въ книжныхъ магазинахъ обыскахъ, между прочимъ, *отобранъ манифестъ 17 октября*, какъ изданный безъ цензуры.

55) Въ Варшавѣ *разбиралось* дѣло редактора «Gazety Polskiej» Гадомскаго за статью «Провокація». Гадомскій присужденъ къ штрафу въ 50 рублей, или къ 10 днямъ ареста.

56) Въ Елизаветградѣ „Новая Россія“ *приостановлена* на время военнаго положенія.

57) Въ Симферополѣ судебная палата утвердила послѣднее распоряженіе о *конфискаціи* номера газеты «Крымъ». Редакторъ Эйдлинъ привлеченъ къ отвѣтственности по ст. 129 угол. улож.

58) На всѣхъ московскихъ вокзалахъ *конфисковывалась* полиціей брошюра графа Л. Н. Толстого „Солдатская памятка“.

59) Въ пятницу, 10 февраля, около 1 ч. дня, въ Н.-Новгородѣ, въ книжный магазинъ г-жи Л. З. Гець явился чиновникъ особыхъ порученій г. Мельниковъ, который съ помощью полицейскихъ чиновъ *конфисковалъ* 4.694 брошюры.

60) Въ Петербургѣ редакторъ газеты «Русь» М. М. Крамалей *привлекается* къ уголовной отвѣтственности за напечатаніе въ № 17 редактируемой имъ газеты статьи „Отъ забастовочнаго учительскаго комитета“.

61) Отвѣтственный редакторъ журнала „Оводъ“ Ф. К. Зиминъ *привлеченъ* по 129 ст. ул. за стихотвореніе, помѣщенное въ первомъ № журнала. По постановленію судебного слѣдователя Ф. К. Зиминъ до суда отданъ подъ надзоръ полиціи.

62) 4 февраля *конфискованъ* № 1 журнала «Паяцы», вышедшій взамѣнъ приостановленнаго журнала «Паяцъ». Редактору-издателю студенту В. М. Вышомирскому *предъявляется обвиненіе* по 129 ст.

63) Въ Петербургѣ 17 февраля въ уголовномъ кассационномъ департаментѣ сената разсматривалась кассационная жалоба редактора «Новостей» О. К. Нотовича на приговоръ судебной палаты, приговорившей его къ заключенію въ тюрьму на 2 недѣли за помѣщеніе въ редактируемой имъ газетѣ воззванія союза телеграфистовъ. Сенатъ оставилъ жалобу *безъ последствий*.

64) За выпускъ послѣдняго номера сатирическаго журнала „Сигналы“ *арестованъ* его редакторъ В. Е. Турохъ.

65) Редакторъ „Петербургской Газеты“ Н. С. Худековъ *привлекается* къ судебной отвѣтственности по 129 ст. уг. ул. за напечатаніе воззванія союза союзовъ. Н. С. Худековъ оставленъ на свободѣ въ виду того, что онъ внесъ залогъ въ размѣрѣ 1,000 рублей.

66) Въ Екатеринославѣ, по распоряженію генералъ-губернатора, „Придѣпровскій Край“ *закрытъ* на время военнаго положенія. Екатеринославъ остается теперь безъ органа печати.

67) Въ Костромѣ *арестованъ* номеръ „Костромскаго Голоса“ отъ 19 февраля; предъявлено обвиненіе по ст. 9, п. 15, 8 отд. временн. правилъ о печати и по ст. 129, ч. 1 п. 2 и ч. 2 п. 1.

68) Въ Петербургѣ 17 февраля въ особомъ присутствіи сб. судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей слушалось дѣло по обвиненію редактора сатирическаго журнала „Митингъ“ г. Волькенау, который напечаталъ статью подъ заглавіемъ „Очнитесь, придите въ себя, звѣри“, завѣдомо для него возбуждающую къ учиненію буйствическаго дѣянія и къ нарушенію воинскими чинами обязанностей военной службы; преступленіе это предусмотрено 1 и 5 пп. 129 ст. уг. ул. Палата приговорила г. Волькенау къ *тюремному заключенію* на три мѣсяца, при чемъ закрыла журналъ навсегда и запретила г-ну Волькенау быть редакторомъ въ теченіе 5 лѣтъ.

69) Въ Петербургѣ въ ночь на 20 февраля полиціей *опечатана* типографія И. Люндорфъ, въ которой печатался 2-й номеръ журнала „Скорпіонъ“.

70) Постановленіемъ судебной палаты, состоявшимся 17 февраля, приостановлено изданіе эстонской газеты «Undized» за напечатаніе въ № 93 этой газеты статьи: „Постановленія собранія народныхъ депутатов“. Редакторъ П. Спекъ *привлеченъ* къ отвѣтственности.

71) Определеніемъ судебной палаты, состоявшимся 18 февраля, *наложена арестъ* на брошюру подъ названіемъ: „Хватить ли на всѣхъ земля“, изданія Парамонова. Издатель привлеченъ къ отвѣтственности.

72) Въ Петербургѣ редакторъ еженедѣльнаго журнала „Полярная Звѣзда“ П. Б. Струве *обвиняется* по 129 ст. уг. ул. за напечатаніе въ № 8 редактируемаго имъ журнала статьи В. Стенцицкаго.—„Открытое обращеніе вѣрующаго къ православной церкви“.

73) Въ Харбинѣ газета „Харбинскій Листокъ“ *закрыта*; возникшая вмѣсто нея „Манчжурія“ также приостановлена.

74) Въ Кіевѣ редактору „Свободы“ и „Права“ Лучицкому предложено *снять подпись съ газеты* въ виду возбужденнаго противъ него преслѣдованія по 129 статьѣ.

75) Въ Москвѣ долженъ былъ выйти въ свѣтъ первый номеръ новой прогрессивной еженедѣльной газеты „Другъ Народа“. Въ типографію Мамонтова, гдѣ печаталась эта газета, уже раннимъ утромъ явилась полиція съ пѣлюю *арестовать газету*. Конфисковано всего нѣсколько номеровъ, такъ какъ всѣ напечатанные номера были распространены еще наканунѣ.

76) Въ Петербургѣ редакторъ газеты „Право“ проф. В. М. Гессенъ *привлекается* къ отвѣтственности за передовую статью, помѣщенную въ № 7 „Права“ и за напечатаніе резолюціи, принятой офицерами въ г. Читѣ.

77) Въ Твери, пробный номеръ „Тверской жизни“, вышедшій въ количествѣ 3000 экз., по распоряженію губернатора Слѣпцова конфискованъ.

78) Въ Кременчугѣ харьковская палата постановила *привлечь къ суду* заключеннаго въ тюрьму редактора кременчугской газеты „Южное Слово“ по 128 и 129 статьямъ, выпустивъ его при этомъ на свободу по внесенію залога въ 300 руб.

79) Въ Москвѣ издательская фирма „Посредникъ“ послала для напечатанія въ типографію Печковской двѣ брошюры Толстого: „Исповѣдь“ и „Христіанское ученіе“, ранѣе уже издававшіяся и свободно продававшіяся въ Петербургѣ. Однако, когда типографія отослала эти брошюры въ цензурный комитетъ, послѣдовалъ вызовъ содержателя типографіи въ участокъ, гдѣ ему было объявлено, что по распоряженію инспектора типографій брошюры *конфискуются* и по требованію цензурнаго комитета возбуждается вопросъ о привлеченіи къ судебной отвѣтственности.

80) Въ Петербургѣ противъ редактора журнала «Фискаль» г. Нарусбека, привлеченнаго уже къ отвѣтственности за № 3 журнала вновь *возбуждено уголовное преслѣдованіе* по 128 ст. угол. улож. за напечатаніе въ № 4 журнала замѣтокъ: «Юмористическіе осколки» и «Вънцевосныя головы».

81) Въ Полтавѣ, вышедшій первый номеръ новой газеты «Полтавскія Думки» *конфискованъ* полиціей. Произведены новые аресты между рабочими.

82) Въ Твери редакторъ-издатель «Тверской Жизни» *привлекается* къ судебной отвѣтственности. Газета приостановлена до рѣшенія суда.

83) Въ Лодзѣ противъ редактора «Гонецъ Лодзскій» *возбуждено четырнадцати процессовъ*. Кромѣ него привлекаются къ отвѣтственности сотрудники этой газеты Монсиорскій и Френкель.

84) Въ Тифлисъ, 25 фев., по распоряженію временнаго генераль-губернатора, газета «Возрожденіе» *приостановлена* на все время дѣйствія въ городѣ Тифлисъ и его уѣздѣ военнаго положенія, въ виду продолжающагося вреднаго направленія названной газеты, несмотря на объявленное редактору ея предостереженіе.

85) Въ Одессѣ ежедневно, по распоряженію генерала Карангозова, *конфисковываютъ* прибывающія изъ Петербурга и другихъ городовъ изданія. Въ послѣдній разъ на вокзалѣ жандармами и инспекціей книжной торговли конфискована „Полярная Звѣзда“ Струве (около 6 пудовъ), кіевскій еженед. «Южный Голосъ» (около 1 пуда), возвращены въ Одессу изъ Петербурга «Южныя Записки» (около 3 пудовъ), ежен. журн. „Безъ заглавія“ Кусковой (около 3 пуд.), 500 №№ «Пулемета» и др. Конфисковываются на одесскомъ вокзалѣ и всякаго рода книги, изданныя по постановленію союза издателей безъ цензуры.

86) Въ Сызрани, 22 февр., редакторъ газеты «Сызрань» *привлеченъ* къ суду по 1028 статьѣ уложенія о наказаніяхъ.

87) Во Владикавказѣ, 21 февр., генераль-губернаторъ *закрываетъ* за вредное направленіе газету „Казбекъ“.

88) Въ Петербургѣ авторъ брошюры «Въ странѣ вольнаго крестьянства», С. Русова и издатель ея Н. Парамоновъ *привлечены* къ отвѣтственности по 128 и 1 п. 129 ст. уг. ул. Брошюру постановлено конфисковать.

89) Изданная Е. Алексѣевой брошюра «Новый Законъ» по постановленію судебной палаты *конфискуется*. Издательница брошюры и авторъ ея Л. Мартовъ привлечены къ отвѣтственности по 128 и 1 п. 129 ст. уг. улож.

90) Въ Петербургѣ №№ 2 и 3 еженедѣльнаго журнала «Голосъ Среднеучебныхъ заведеній» были *конфискованы* полиціей. Съ № 3 журналъ приостановленъ, и редакторъ, г-жа Волгина привлекается къ отвѣтственности.

91) Въ Могилевѣ губ. *арестованъ* номеръ 41 „Могилевскаго Голоса“.

92) Въ Оренбургѣ судебною палатой изданіе газеты «Оренбургскій

„Листокъ» *приостановлено*. Къ редактору Столпянскому предъявленъ рядъ обвиненій по статьѣ 129 уголовного уложенія. Столпянскій заключенъ въ тюрьму.

93) Въ Томскѣ редакторъ-издатель газеты „Вѣстникъ Сибири“ *арестованъ* по обвиненію его по 129 статьѣ. Предложеніе замѣнить заключеніе подъ стражу залогомъ отклонено. Изданіе «Вѣстника Сибири», послѣ выпуска перваго номера, на все время военнаго положенія редакціей прекращено.

94) Въ Керчи редакторъ-издатель „Южнаго Вѣстника“, Гарнесъ, *заключенъ въ тюрьму* жандармской властью.

95) Въ Екатеринбургѣ, 22 фев., губернаторъ *не разрѣшилъ* изданія въ Кунгурѣ газеты „Кунгурскій Листокъ“.

96) Въ Петербургѣ, по постановленію петербургской судебной палаты журналъ «Голосъ Фармацевта» *приостановленъ*. Редакторъ его, Л. М. Блячко, привлекается къ судебной отвѣтственности.

97) Въ Одессѣ, генераль-губернаторъ *встретилъ* на время военнаго положенія газету «Вѣсти Попедѣльника».

98) Въ Петербургѣ редактору «Новостей» Н. К. Ноговичу *предъявлено два новыхъ обвиненія* за статью „Терроръ успокоенія“, содержащую рѣзкое описаніе и рѣзкую критику дѣйствій карательныхъ отрядовъ, отчетъ о съѣздѣ литовцевъ въ Вильнѣ, перепечатки изъ „Одесскихъ Новостей“, письма нижнихъ чиновъ изъ „Асхабада“, „Письма унтеръ-офицера Галушкина“ и другихъ перепечатокъ. Одно дѣло объ оскорбленіи воинскихъ частей, возбужденное на основаніи 6 ст. отд. VIII врем. пр. о печати,—полжить окружному суду; другое, формулированное по 1, 3 и 5 пп. 129 ст. уг. ул., судебной палатѣ.

99) Въ Петербургѣ охранной полиціей производится *конфискація* появившейся на этихъ дняхъ брошюры „Свобода и гражданскія права“. Обираніе брошюры сопровождается немедленнымъ арестомъ продавцовъ. Задержано нѣсколько лицъ.

100) 24 февраля въ правительствующемъ сенатѣ слушалось дѣло по кассационнымъ жалобамъ редакторовъ сатирическаго журнала „Свобода“ гг. Усаса и Гутьяра на приговоръ спб. судебной палаты, коимъ они по 129 и 128 ст. уг. ул. были присуждены къ годичному заключенію въ крѣпость. Сенатъ оставилъ жалобы *безъ послѣдствій*.

101) Въ Петербургѣ, по распоряженію цензурнаго комитета, произведенъ внезапный *обскъ* въ типографіи, напечатанной 4-й номеръ сатирическаго журнала „Фискаль“. Всѣ найденные номера журнала *конфискованы*.

102) Въ Петербургѣ редакторъ журнала «Альманахъ», С. В. Чеховинъ *привлеченъ* къ судебной отвѣтственности за напечатанное въ № 1 журнала стихотвореніе „Балбесъ“.

103) Въ Ярославлѣ, по приказанію губернатора, *арестованы* воззванія конституціонно-демократической партіи.

104) Въ Петербургѣ по дѣлу редактора социаль-демократической газеты „Начало“ и „Нашъ Голосъ“ судебная палата 25 февраля *притворила* редактора Д. М. Герценштейна къ заключенію въ крѣпость на 1 г.; издатель Салтыковъ оправданъ.

105) Въ Казани къ редактору татарской газеты „Азаръ“ („Свобода“)

Апонаеву предъявлено обвиненіе по пункту пятому, отдѣла 8 правилъ 14 ноября.

106) По книжнымъ магазинамъ Петербурга ходятъ инспектора главнаго управленія по дѣламъ печати и отбираютъ отъ владѣльцевъ магазиновъ подписки въ томъ, что они отнынѣ обязываются *не продавать никакихъ программъ политическихъ партій*, запрещенныхъ за послѣднее время брошюръ и изданій, за исключеніемъ дозволенныхъ цензурой. Всѣ эти изданія тутъ же инспекторами конфискуются.

107) Въ Петербургѣ полиція „предложила“ книжному магазину „Трудъ“ изъять изъ продажи нѣкоторыя изданія, вполнѣ легальныя, но, по ея мнѣнію, революціоннаго содержанія.

108) Въ Петербургѣ кассационная жалоба ред. газ. „Русь“ А. А. Суворина на приговоръ судеб. пал., „коимъ оныя были присуждены къ годичному заключенію въ крѣпости 24 февраля Сенатомъ оставлена *безъ послѣдствій*.

109) 8 февраля судебная палата *приговорила* редактора сатирическаго журнала „Жупель“ Гржебина, обвиняемаго по 103 и 129 ст. уг. ул. за помѣщеніе въ № 1 журнала стихотворенія „Сказка о царѣ Берендѣ“ и рисунка „Орелъ-оборотень“ къ заключенію въ крѣпость на 6 мѣс., запретила выходъ въ свѣтъ журнала навсегда, а З. И. Гржебину въ теченіе 10 лѣтъ редактировать или издавать какое бы то ни было періодическое изданіе.

110) За всѣ корреспонденціи, помѣщенныя въ „Полтавщинѣ“ и въ „Полтавскомъ Дѣлѣ“, которыя критикуютъ дѣйствія казаковъ, противъ редактора *возбужденъ* рядъ уголовныхъ дѣлъ.

111) Въ Курскѣ *конфискованъ* первый номеръ газеты „Курскій Голосъ“.

112) Въ Петербургѣ, по распоряженію ценз. комит., отбираются №№ 1-й и 2-е изданія „Рабочій Народъ“, 15 февр. произведенъ *обыскъ* въ типографіи, гдѣ печатается названное изданіе. Противъ редакторовъ Кирьякова и Сафонова *возбуждено* угол. преслѣд. по п. 1. 129 ст.

113) Въ Москвѣ *конфискованъ* первый номеръ еженедѣльной газеты „Другъ Народа“.

114) Въ Петербургѣ опредѣленіемъ судебной палаты *приостановлено* до судебнаго приговора изданіе журналовъ „Паяцы“ и „Гвоздь“.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на историческій журналъ „Б Ы Л О Е“.

Журналъ издается подъ редакціей В. Я. Яковлева-Богучарскаго и П. Е. Щеголева при ближайшемъ участіи В. Л. Бурцева.

Журналъ внѣпартійный и посвященный исторіи освободительнаго движенія въ Россіи. Программа журнала:

- 1) Статьи и изслѣдованія по исторіи освободительнаго движенія въ Россіи.
- 2) Біографіи дѣятелей движенія, воспоминанія о нихъ, ихъ собственные мемуары, дневники, письма, статьи, стихотворенія и проч.
- 3) Документы и другіе матеріалы, касающіеся движенія.
- 4) Отдѣльные факты и эпизоды изъ исторіи движенія.
- 5) Историческая бібліографія.
- 6) Современная лѣтопись (регистрація главнѣйшихъ фактовъ современнаго движенія).

Въ журналѣ помѣщаются портреты дѣятелей освободительнаго движенія и рисунки, изображающіе различные эпизоды изъ исторіи движенія.

Въ журналѣ принимаютъ участіе:

М. А. Антоновичъ; кн. А. М. Аргутинскій-Долгоруковъ; М. Ю. Ашенбреннеръ; В. П. Батуринскій; В. Я. Богучарскій; А. К. Бороздинъ; В. Л. Бурцевъ; И. П. Бѣлоконскій; Л. Василевскій (Плохоцкій); С. А. Венгеровъ; В. В. Водъвовозовъ; Н. А. Виташевскій; Левъ Гартманъ; М. О. Гершензонъ; В. С. Голубевъ; Л. Я. Гуревичъ; И. С. Джабадари; С. Я. Елпатьевскій; С. А. Иванова-Борейша; С. А. Ивановъ; А. И. Иванчинъ-Писаревъ; А. С. Изгоевъ; Е. И. Кедринъ; Д. А. Клеменць; Е. Н. Ковальская; А. А. Корниловъ; В. Г. Короленко; кн. П. А. Крапоткинъ; В. Ф. Костуринъ; Н. С. Кудринъ; Е. Д. Кускова; М. К. Лемке; Г. А. Лопатинъ; О. С. Любатовичъ; Е. А. Ляцкій; И. И. Майновъ; М. Маньковскій; В. П. Махновецъ (Акимовъ); П. Н. Милоковъ; Н. А. Морозовъ; М. А. Натансонъ; М. В. Новорусскій; Д. Н. Овсяннико-Куликовскій; Н. П. Павловъ-Сильванскій; Л. Ф. Пантелѣевъ; Э. К. Пекарскій; М. Р. Поповъ; А. П. Прибылева-Корба; А. В. Прибылевъ; А. С. Пругавинъ; А. А. Русовъ; С. Ф. Русова; М. П. Сажинъ; С. Г. Святиковъ; В. И. Семевскій; Н. П. Стародворскій; Е. В. Тарле; А. В. Тырковъ; В. Н. Фигнеръ; М. Ф. Фроленко; В. М. Хижняковъ; А. М. Хирьяковъ; Н. В. Чайковскій; С. Л. Чудновскій; кн. Д. И. Шаховской; Л. Э. Шишко; П. Е. Щеголевъ; П. Ф. Якубовичъ; В. Е. Якушкинъ и др.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно книжками въ 20 печатныхъ листовъ каждая.

Цѣна съ пересылкой и доставкой: на годъ—8 руб., на 1/2 года 4 руб., на 3 мѣс.—2 руб., За границу—10 руб.

Подписка принимается въ конторѣ журнала: С.-Петербургъ, Спасскій переулокъ, домъ 5, кв. 1, Книгоиздательство „Донская Рѣчь“. Контора открыта ежедневно (кромѣ праздниковъ) отъ 9 до 4 час. дня.

Отдѣльныя книжки „Былого“ продаются по рублю въ конторѣ журнала и извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Адресъ редакціи: Спасская улица, д. 25, кв. 20. Для личныхъ объясненій съ редакторами—ежедневно (кромѣ праздниковъ) отъ 3 до 4 час. дня.

Редакторы { В. Я. Богучарскій.
П. Е. Щеголевъ.

Издатель Н. Е. Парамоновъ.

Отъ редакціи.

Кромѣ продолженія статей **М. К. Лемке** (Дѣло Чернышевскаго) и **Н. П. Павлова-Сильванскаго** (Пестель предъ Верх. Угол. Судомъ), въ ближайшихъ книжкахъ «Былого» предположены къ помѣщенію, между прочимъ, слѣд. статьи: **А. П. Прибылева-Корба** — **С. П. Дегаевъ** (изъ воспоминаній); **Ред.** — **Дегаевщина** (матеріалы и документы); **М. Новорусскій** — Какъ и за что я попалъ въ Шлиссельбургъ. **П. Е. Щеголевъ** — Семень Олейничукъ и агитационная литература декабристовъ. **М. Корольковъ** — поручикъ **Кречетовъ** (Шлис. узникъ XVIII вѣка). **П. Надинъ**. — Стрѣльниговскій процессъ 1883 г. въ Одессѣ; **П. Семенюта** — Изъ воспоминаній о другѣ (**А. И. Желябовъ**); **Д. В. Стасовъ** — Процессъ **Каразовцевъ** 1866 года; (къ сорокалѣтію со времени процесса). **Д. Плохоцкій** — Польская с.-р. партія «Пролетаріатъ». **В. Е. Якушкинъ** — Изъ бумагъ декабриста **И. Д. Якушкина**. **И. С. Жабадари** — «Въ неволѣ». **А. А. Спандани** — Изъ воспоминаній о процессѣ **В. Н. Фигнеръ**, **Дегаевщинѣ** и пр.); **Н. А. Морозовъ** — Изъ воспоминаній (о Липецкомъ съѣздѣ народovolъцевъ 1879 г.); **П. Р. Поповъ** — Изъ воспоминаній (о Воронежскомъ съѣздѣ земледельцевъ 1879 г.); **М. Ю. Ашенбреннеръ** — Изъ воспоминаній (о военно-революціонной организаціи); **А. В. Тырковъ**. — Изъ воспоминаній (о событіи 1 марта 1881 г.); **М. Ф. Фроленко** — Изъ воспоминаній («Побѣгъ **Алеши Поповича**»); **С. А. Ивановъ** — Изъ воспоминаній; **М. Н. Тригопи** — Изъ воспоминаній; **В. Л. Бурцевъ** — Изъ воспоминаній; **О. С. Миноръ** — Драма 1889 года въ Якутскѣ; **А. Л.** — Организація «Рабочее Знамя»; **М. К. Лемке** — Процессы **Н. А. Серно-Соловьевича**, **П. А. Мартьянова** и **В. А. Обручева** (по подлиннымъ дѣламъ). Обвинительные акты и отчеты о политическихъ процессахъ, не бывшихъ въ печати, письма извѣстныхъ общественныхъ дѣятелей къ разнымъ лицамъ и пр.

Будутъ помѣщены портреты **Н. А. Серно-Соловьевича**, **Д. В. Каразова**, **П. И. Войноральскаго**, **П. А. Алексѣева**, **Н. В. Чайковскаго**, **В. А. Осинскаго**, **Д. А. Лизогуба**, **П. В. Бардовскаго**, **С. Буницкаго**, **М. Р. Ланганса**, **С. М. Кравчинскаго**, **Н. Л. Зотова**, **А. Л. Гаусмана**, **Л. М. Коганъ-Беренштейна**, **А. П. Прибылевой-Корбы**, **Н. А. Желвакова**, **Л. Варынскаго**, **В. Н. Фигнеръ**, **Г. А. Лопатина**, **Н. А. Морозова** и др., изображеніе въ 6 видахъ **Дегаева**, распространявшееся, въ цѣляхъ его розыска, правительствомъ, рисунокъ **Виллюйской тюрьмы**, въ которой жилъ **Чернышевскій**, виды старой и новой тюрьмы, въ **Шлиссельбургской крѣпости** и проч.

БЫЛОЕ

**ЖУРНАЛЪ ПОСВЯЩЕННЫЙ ИСТОРИИ
ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНІЯ**

**ГОДЪ ПЕРВЫЙ
№ 4 АПРѢЛЬ 1906**

ПЕТЕРБУРГЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Книгопечатня Ш м и д т ъ, Звенигородская, 20.
1906.

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТР.
1. Сергѣй Петровичъ Дегаевъ. Изъ воспоминаній Анны Прибылевой-Корбы	1
2. Дегаевщина (<i>Материалы и документы</i>)	18
3. Къ біографіи Адама Мицкевича 1829. (<i>По неизданнымъ матеріаламъ</i>)	39
4. Поручикъ Ѳеодоръ Кречетовъ. Шлиссельбургскій узникъ XVIII столѣтія. М. Королькова	43
5. Какъ и за что я попалъ въ Шлиссельбургъ. М. В. Новорусскаго	65
6. Стрѣльниковскій процессъ 1883 года въ Одессѣ. (<i>Отрывки изъ воспоминаній государственнаго преступника</i>). П. Надина	84
7. Страница изъ давно написанныхъ воспоминаній (Н. А. Желваковъ) Л.	103
8. Семень Олейничукъ. П. Е. Щеголева	107
9. Дѣло Н. Г. Чернышевскаго. (<i>По неизданнымъ источникамъ</i>). Продолженіе. М. К. Лемке	125
10. Изъ бумагъ декабриста И. Д. Якушкина. (<i>Сообщилъ В. Е. Якушкинъ</i>).	188
11. Польская с.-р. партія «Пролетаріатъ» 1882—1886. (<i>Общій обзоръ дѣятельности</i>). Л. Василевскаго (Плохоцкаго).	194
12. Изъ воспоминаній объ А. И. Желябовѣ. П. П. Семенюты.	216
13. Изъ воспоминаній о 1881 годѣ. Сергѣя Иванова	228
14. Къ характеристикѣ П. Я. Чадаева. М. О. Гершензона.	243
15. Пестель предъ Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ. Продолженіе. Н. П. Сильванскаго	254

	СТР.
16. Караказовскій процессъ (<i>Нѣкоторыя свѣдѣнiя и воспо- минанiя</i>). Д. В. Стасова	276
17. 4-е апрѣля 1866 года (<i>Изъ моихъ воспоминанiй</i>). П. И. Вейнберга	299
18. Изъ полицейскихъ разслѣдованiй 1882 года касательно «противоправительственныхъ сообществъ не столь вред- ныхъ»	304
19. Матерiалы, документы и мелкiя замѣтки. Литографи- рованная записка М. В. Буташевича-Петрашевска- го — 61. Голуби, стих. Н. А. Саблина — 64. Письмо М. Ф. Пантелѣева къ мин. вн. дѣлъ Сипягину—214. Къ исторiи отправленiя декабристовъ въ Сибирь	226
20. Книги и матерiалы, поступившiе въ редакцiю	317
21. Современная лѣтопись	319
22. Объявленiя	343

Въ этой книгѣ помѣщены: портреты А. П. Прибылевой-Курба, Людвигъ Варынского, Н. А. Желвакова, Д. В. Караказова; виды Шлиссельбургской крѣпости и факсимиле объявленiя о розыскѣ С. П. Дегаева.

Анна Павловна
ПРИБЫЛЕВА (КОРБА).

Сергѣй Петровичъ Дегаевъ.

(Изъ воспоминаній).

Лично я знала Сергѣя Дегаева въ теченіе 2¹/₂ лѣтъ: съ 80 до половины 82 года. Знакомство это было чисто дѣловое, къ которому не примѣшивалась ни дружба, ни просто симпатія. Проблескъ болѣе живого интереса къ его личности я почувствовала только въ тотъ моментъ, когда узнала о выходѣ его изъ дома предварительнаго заключенія въ мартѣ 81 года. Но освобожденіе человѣка изъ тюрьмы всегда является желаннымъ событіемъ, и не надо быть очень привлекательной личностью, чтобы вызвать радость въ своихъ знакомыхъ однимъ фактомъ появленія среди нихъ послѣ заключенія, какова бы ни была его продолжительность.

Дегаевъ принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, которые не отличаются привлекательностью. Я не знаю ни одного изъ нашихъ революціонеровъ, кто бы относился когда-либо къ нему съ любовью или питалъ къ нему чувство дружеской привязанности. Но объ отношеніяхъ революціонеровъ къ Дегаеву я скажу позднѣе; теперь же замѣчу, что все сообщенное мною о немъ изъ періода времени, послѣдовавшаго за моимъ арестомъ, я слышала отъ лицъ, истинность словъ которыхъ стоитъ внѣ сомнѣнія.

Дегаевъ по образованію былъ артиллерійскій офицеръ и служилъ въ кронштадтской крѣпостной артиллеріи. Одно время онъ былъ слушателемъ артиллерійской академіи, но удаленъ оттуда за неблагонадежность. Потомъ онъ вышелъ въ отставку. Большія способности къ математикѣ, какъ и вообще хорошія способности, соединенныя съ большою трудоспособностью, возбудили въ немъ желаніе поступить въ институтъ путей сообщенія. Онъ это и исполнилъ, и въ годы, къ которымъ относятся мои воспоминанія, онъ состоялъ уже студентомъ института.

Сношенія Дегаева съ революціоннымъ міромъ Петербурга начались въ концѣ 70-хъ годовъ. И такъ какъ онъ всегда могъ представить наилучшія рекомендаціи послѣдующимъ дѣятелямъ на революціонномъ поприщѣ, то его связи продолжались также съ народовольцами, программу которыхъ онъ раздѣлялъ. Его считали полезнымъ членомъ партіи: онъ велъ, насколько это было возможно, пропаганду между студентами-путейцами и предоставилъ народовольцамъ знакомство съ нѣкоторыми радикалами-офицерами

изъ своихъ прежнихъ сослуживцевъ. Между прочимъ, Дегаевъ въ 80 г. служилъ связующимъ звеномъ между партіей Народной Воли и центральнымъ петербургскимъ студенческимъ кружкомъ, всѣ члены котораго ему поэтому были извѣстны. Вообще онъ никогда не отказывался исполнять порученія, которыя ему давались членами Исполнительнаго Комитета. Составъ послѣдняго Дегаевъ не зналъ, но несомнѣнно, что, приходя часто въ соприкосновеніе съ нѣкоторыми его членами, онъ догадывался о ихъ принадлежности къ Комитету.

Въ 80 г. Дегаевъ перевезъ въ Петербургъ свою семью съ юга Россіи. Семья эта состояла изъ матери, двухъ сестеръ, изъ которыхъ старшая была замужемъ за техникомъ М., окончившимъ курсъ въ Московскомъ техническомъ училищѣ, и младшаго брата Владимира.

Кажется, не будетъ ошибкою, если я скажу, что семья Дегаева была очень романтична. Ей нравилось все необыкновенное и чрезвычайное. И эта любовь къ исключительному влияла на поступки всѣхъ членовъ семьи. Старшая сестра Дегаева была убѣждена, что въ ней кроется большой сценическій талантъ, и готовилась стать знаменитостью. Приѣхавъ въ Петербургъ, она пожелала дебютировать передъ большой публикой. Нѣкоторые радикалы, знакомые ея брата, доставили ей знакомство съ Артистическимъ Кружкомъ, и на его сценѣ долженъ былъ состояться дебютъ жаждавшей проявить свой талантъ артистки. Драматическій вечеръ состоялся, сестра Дегаева выступила съ большою смѣлостью, но успѣха не имѣла. Она не обладала красотой, которая могла бы подкупить зрителей, таланта въ ней не открыли, а дикцію ея нашли манерной и нехудожественной. Неудача сразу охладила рвеніе къ театру молодой особы, и вскорѣ послѣ своего провала (иначе нельзя назвать холодность, съ которой встрѣтила ее публика) она уѣхала обратно изъ Петербурга въ Харьковъ.

Лѣтомъ 81 г. мнѣ случилось быть въ Харьковѣ, и по просьбѣ матери Дегаева, тогда жившей у замужней дочери, я посѣтила ее. Въ этотъ мой приѣздъ хозяйка дома, которая, къ слову сказать, очень мало меня знала, увѣряла меня, что въ бытность ея въ Парижѣ, за годъ или за 2 до того, Петръ Лавровичъ Лавровъ объяснялся ей пламенно въ любви, но она устояла противъ всѣхъ искушеній. Теперь, какъ и тогда, я считаю этотъ рассказъ старшей сестры Дегаева плодомъ ея фантазіи и любви къ романтизму. Мои усилія убѣдить ее, что она ошибочно приняла какую-нибудь дружескую бесѣду за объясненіе въ любви, не привели ни къ чему. Она твердо стояла на томъ, что П. Л. былъ безъ ума въ нее влюбленъ, и, видимо, это убѣжденіе доставляло ей большое удовольствіе.

Младшую сестру звали Лизой, и она просила радикаловъ, бывавшихъ въ Петербургѣ въ квартирѣ ея брата, называть ее этимъ уменьшительнымъ именемъ. Въ 80 г. это была молодая дѣвушка лѣтъ 21—22, красивой наружности, одѣтая всегда съ претензіей

на изящество и даже кокетство. Она училась въ петербургской консерваторіи и, по мнѣнію ея родныхъ, очень хорошо играла на фортепіано.

Тотчасъ послѣ переселенія своей семьи въ Петербургъ, Сергѣй Петровичъ сталъ настаивать на томъ, чтобы представители Народной Воли, которыхъ онъ зналъ, сирѣчь члены Исполнительнаго Комитета, посѣтили его съ цѣлью познакомиться съ его матерью и сестрами. Не желая оскорбить Дегаева отказомъ, нѣкоторые члены Комитета рѣшили пожертвовать нѣсколькими часами драгоцѣннаго времени для скучнаго и не представлявшаго ни малѣйшаго интереса посѣщенія. Послѣ много разъ повтореннаго приглашенія, Желябовъ и, кажется, еще кое-кто отпраздничались къ Дегаевымъ. Въ этотъ вечеръ Лиза играла на роялѣ, но игра ея впечатлѣнія на гостей не произвела, и все дѣло ограничилось лишь нѣсколькими вынужденными съ ихъ стороны по адресу Лизы комплиментами.

Такъ какъ Дегаевъ былъ очень чувствителенъ къ знакамъ уваженія и довѣрія, оказываемымъ его семьѣ, то народовольцы и послѣ этого вечера посѣщали его. Они пользовались его квартирой для маловажныхъ свиданій или для другихъ подобныхъ цѣлей. Старуха мать смотрѣла очень благосклонно на эти посѣщенія и принимала гостей съ неизмѣннымъ радушіемъ и привѣтливостью. Что руководило ею при этомъ? Сама она производила впечатлѣніе мало развитой и мало образованной женщины, наружностью напоминавшей чиновницу средней руки или что-нибудь въ этомъ родѣ. Она знала, что гости ея сына принадлежатъ къ виднымъ революціоннымъ дѣятелямъ, и любила изъ ихъ устъ слышать самыя свѣжія новости изъ революціоннаго міра, дѣянїями котораго былъ полонъ тогда весь Петербургъ. Ея внезапное увлеченіе революціоннымъ движеніемъ было правдиво, иначе она сдѣлалась бы доносчицей, но оно не могло быть глубокимъ, такъ какъ началось со вчерашняго дня.

Тщеславіе было свойственно семьѣ Дегаевыхъ, и возможно, что съ своей стороны мать лелѣяла заманчивые планы будущаго. Можетъ быть, ей мерещилось, что когда-нибудь эти смѣлые люди съ выразительными и обаятельными лицами составятъ счастье горячо любимыхъ дѣтей ея! Впрочемъ, къ чести госпожи Дегаевой надо сказать, что ей не были чужды и вполне человѣчныя чувства, источникомъ которыхъ являлись непосредственные импульсы сердца. Когда послѣ 1 марта 1881 года она узнала изъ приговора осужденныхъ, что у Гессы Гельфманъ долженъ родиться ребенокъ, она вызвала меня къ себѣ черезъ кого-то и со слезами на глазахъ просила помочь ей получить этого ребенка на воспитаніе. Я обѣщалась сдѣлать все, что будетъ возможно, но уже тогда выразила сомнѣніе въ осуществимости такого проекта. Когда же я посѣтила почтенную даму въ Харьковѣ, я должна

*

была ей сказать, что доброе намѣреніе ея оказалось невыполнимымъ ¹⁾.

На Елизаветѣ Петровнѣ Дегаевой вполнѣ оправдалось мое мнѣніе о томъ, что семья эта была обуреваема романтизмомъ. Въ день исполненія приговора надъ первомартовцами она захотѣла непременно присутствовать при казняхъ. Остальные члены семьи отказались ей сопутствовать, и она отправилась одна на лобное мѣсто Петербурга. Ужасное зрѣлище вызвало въ ней обморочное состояніе. Она пошатнулась и упала въ предупредительно разставленныя подлѣ нея объятія «гороховаго пальто» ²⁾, у котораго оказался припасенный пузырекъ съ нашатырнымъ спиртомъ. Нашатырный спиртъ и любезность кавалера привели барышню въ чувство. Молодой человекъ предложилъ ей отвезти ее домой, на что она охотно согласилась. Подъѣзжая на извозчикѣ къ своей квартирѣ, барышня попросила своего спутника зайти къ ней, чтобы представиться ея мамашѣ, которая будетъ очень рада познакомиться съ спасителемъ ея дочери. Носитель гороховаго пальто не заставилъ себя упрашивать и былъ ласково принять матерью, — Сергѣемъ Петровичемъ же хмуро и недовѣрчиво. Его пригласили къ семейному обѣду, за которымъ онъ одинъ говорилъ. Онъ выдалъ себя за служащаго въ какой-то строительной конторѣ и увѣрялъ, что это учрежденіе даетъ хорошіе заработки переписчикамъ его бумагъ. Елизавета Петровна съ одушевленіемъ стала его просить доставить ей переписку, такъ какъ она давно уже ищетъ работы, желая скопить нѣсколько денегъ для поступленія на высшіе женскіе курсы. Нечего и говорить, что ея желаніе было болѣе чѣмъ быстро исполнено. На другой же день кавалеръ явился съ пачкою бумагъ подъ мышкой и поручилъ барышнѣ ихъ переписку на весьма выгодныхъ условіяхъ. Его посѣщенія участились и стали обыкновеннымъ явленіемъ въ квартирѣ Дегаевыхъ. Безпокойство Сергѣя Петровича росло, такъ какъ его наблюденія надъ новымъ знакомымъ ничего хорошаго ему не говорили. Онъ повидался съ Савеліемъ Златопольскимъ ³⁾, пребывавшимъ тогда въ Петербургѣ. Златопольскій справился въ

¹⁾ Впослѣдствіи въ 1882 г., находясь въ домѣ предварительнаго заключенія, я узнала, что ребенокъ Г. Гельфманъ тотчасъ послѣ его рожденія былъ увезенъ въ каретѣ, въ которой помѣстились тогдашній начальникъ тюрьмы и начальница женскаго отдѣленія ея. Куда эти лица увезли ребенка — неизвѣстно, но вѣроятно въ воспитательный домъ. (Намъ безусловно извѣстно, что именно въ воспитательный домъ. *Ред.*). Сама Гесса умерла вскорѣ послѣ родовъ отъ недостатка медицинской помощи. Свидѣтельницы ея послѣднихъ дней говорили мнѣ, что невозможно было видѣть безъ содроганія муки бѣдной страдалицы, заключенной въ одиночной камерѣ, лишенной всякаго ухода. Никто не старался облегчить ея страданія. Насильственный увозъ ребенка несомнѣнно ускорилъ смерть Гесси.

²⁾ Быть можетъ инымъ изъ нашихъ молодыхъ читателей неизвѣстно, что „гороховымъ пальто“, съ легкой руки пустившаго это выраженіе въ обращеніе Щедрина, долгое время назывались въ нашемъ обществѣ и литературѣ „тайные агенты полиціи“. т. е., по просту говоря, шпионы. *Ред.*

³⁾ Приговоренъ къ смерти въ 1883 г. по процессу 17-ти (судился вмѣстѣ съ авторомъ настоящихъ воспоминаній), былъ затѣмъ „помылванъ“ замѣною смерти вѣчной каторгой и умеръ въ Шлиссельбургѣ. *Ред.*

спискѣ шпионовъ, которымъ обладалъ Исполнительный Комитетъ со времени Клѣточникова ¹⁾. Въ немъ значится новый знакомый Дегаевыхъ съ именемъ, отчествомъ, фамиліей и съ примѣтами его привлекательной наружности.

Сергѣй Петровичъ просилъ пришельца прекратить посѣщеніе его дома подѣ предлогомъ, что не желаетъ, чтобы его сестра вела знакомство съ молодымъ человѣкомъ, никѣмъ ей не рекомендованнымъ.

Въ 80 г. Владимиру Дегаеву было 19 лѣтъ. Онъ былъ небольшого роста, съ свѣтло-пепельными волосами, съ очень блѣднымъ лицомъ, сохранившимъ, какъ и симпатичные глаза, почти дѣтское выраженіе; вслѣдствіе этого юноша казался много моложе своихъ лѣтъ. Онъ учился въ морскомъ корпусѣ, но былъ удаленъ оттуда за неблагонадежность, послѣ чего поступилъ на службу въ правленіе какой-то желѣзной дороги, кажется Рязанской. Въ этомъ же учрежденіи занимался, будучи въ то же время студентомъ, и его братъ Сергѣй. Познакомившись черезъ своего брата съ революціоннымъ движеніемъ, онъ искренно и горячо имъ увлекся. Изъ всѣхъ Дегаевыхъ, въ томъ числѣ и Сергѣя, Володя былъ наиболѣе способенъ къ воспріятію идей. Въ отличіе отъ другихъ членовъ семьи онъ могъ руководиться ими въ своихъ поступкахъ, не повинуюсь скрытымъ побужденіямъ тщеславія, любви къ чрезвычайному и т. п. Мысль, что началась борьба за освобожденіе Россіи отъ самодержавнаго произвола, что и онъ можетъ принять участіе въ этой борьбѣ, наполнила его дѣтски чистую душу восторгомъ, подѣ влияніемъ котораго онъ былъ готовъ на самыя большія жертвы. Къ революціонерамъ, посѣщавшимъ его брата, онъ относился съ благоговѣніемъ. Эти суровые люди, всегда поглощенные дѣлами и сосредоточенные на задачахъ дня, на минуту забывались въ разговорѣ съ нимъ; его искреннее увлеченіе вызывало на ихъ лицахъ дружескую улыбку, и симпатіи къ юношѣ зарождались въ ихъ сердцахъ. Мнѣ приходилось слышать отъ многихъ нашихъ народовольцевъ, что у Володи болѣе цѣльный характеръ, чѣмъ у его брата, что онъ самый симпатичный изъ всѣхъ Дегаевыхъ.

Погромы начала 81 года положили конецъ частымъ сношеніямъ революціонеровъ съ С. Дегаевымъ. Около того же времени Володя попался съ прокламаціями и былъ посаженъ въ домъ предварительнаго заключенія. Его арестъ уже продолжался нѣсколько мѣсяцевъ, когда однажды знаменитый Судейкинъ вызвалъ его къ себѣ на допросъ. «Я знаю, что вы мнѣ ничего не скажете,—обратился онъ къ нему,—и не для того я позвалъ васъ, чтобы задавать вамъ бесполезные вопросы. У меня другая цѣль относительно васъ. Я хочу предложить вамъ очень выгодныя условія. Ваше дѣло будетъ прекращено, ваша виновность будетъ забыта, если вы мнѣ окажете существенную услугу».—«Какъ!»—

¹⁾ См. процессъ 20-ти народовольцевъ въ янв. кн. „Былого“.

воскликнулъ съ негодованіемъ юноша, вы хотите изъ меня сдѣлать шпіона! Кто далъ вамъ право говорить мнѣ подобныя вещи?»— кричалъ онъ, выходя изъ себя. Но Судейкинъ остановилъ его. Начинаясь игра кошки съ мышью, столь любимая Судейкинымъ. «Вы даже не выслушали меня, а уже разсердились,— замѣтилъ онъ, самоувѣренно улыбаясь.— Не думайте, что я предназначаю васъ на роль шпіона или предателя. Я не рѣшился бы на это изъ уваженія къ вашей семьѣ; и по васъ вижу, что вы слишкомъ благородны для такихъ ролей. То, что я вамъ предлагаю, заключается въ слѣдующемъ: правительство желаетъ мира со всѣми, даже съ революціонерами. Оно готовитъ широкія реформы. Нужно, чтобы революціонеры не препятствовали дѣятельности правительства. Нужно ихъ сдѣлать безвредными. И помните, ни одного предательства, ни одной выдачи я отъ васъ не потребую».— По мѣрѣ того, какъ произносилась эта рѣчь, Володя больше и больше задумывался. Клѣточниковъ уже былъ арестованъ. Вѣсть о его значеніи для революціонной партіи распространилась по Петербургу. О ней знала вся радикальная молодежь. Многіе юноши мечтали сдѣлаться Клѣточниковыми. Этого желалъ и Володя. Слова Судейкина прозвучали для него откровеніемъ. Оказывать неоцѣнимыя услуги партіи, спасти революціонеровъ отъ опасности! Какая побѣда! Какой ударъ для звѣря, котораго онъ видѣлъ передъ собой! Можетъ быть, судьба именно его, юношу, почти еще мальчика, предназначила для великихъ дѣлъ! И если онъ приметъ предложеніе Судейкина, то только потому, что онъ всѣмъ сердцемъ желаетъ свободы для своей родины, потому что онъ страстно ожидаетъ наступленія царства справедливости и счастья на землѣ.

Судейкинъ уже кончилъ говорить, а Володя молчалъ, погруженный въ свои наивныя мечтанія. Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ Судейкинъ могъ наслаждаться произведеннымъ имъ впечатлѣніемъ.

«Я ничего не могу вамъ отвѣтить, опомнился наконецъ Володя, не подумавши надъ вашими словами, но и сейчасъ же скажу вамъ, что никогда, ни при какихъ обстоятельствахъ вы не услышите отъ меня ни одного имени, не дождетесь ни одного предательства!» «Я вполне въ этомъ увѣренъ, Владиміръ Петровичъ», воскликнулъ Судейкинъ, внезапно превращаясь въ джентльмена.

Въ тотъ же день Володя былъ освобожденъ. Онъ возвращался домой взволнованный и возбужденный: онъ торопился узнать мнѣніе старшаго брата о предложеніи Судейкина. Совѣщанія съ Сергѣемъ Петровичемъ повели къ тому, что послѣдній отыскалъ представителя Комитета, изъ котораго только одинъ Савелій Златопольскій въ то время проживалъ въ Петербургѣ. Другіе члены комитета находились лѣтомъ 81 года или въ Москвѣ, или въ провинціи.—Златопольскій не отклонилъ Володю отъ мысли поступить на службу къ Судейкину. Онъ выяснилъ юношѣ всю

трудность пути, на который зоветъ его Судейкинъ, указывалъ на возможность того, что его самоотреченіе останется безъ всякихъ результатовъ для партіи и пройдетъ безслѣдно, но онъ не воспротивился рѣшительнымъ образомъ осуществленію проекта Судейкина, тогда какъ одного его слова было бы достаточно, чтобы удержать юношу отъ ложнаго шага. Савелій Златопольскій былъ поглощенъ идеей залѣчить рану, нанесенную партіи арестомъ Клѣточникова. Но соглашаясь на услуги Володи, онъ упускалъ изъ виду, что искусственно и скороспѣло не создаются Клѣточниковы и, въ особенности, не создаются изъ дѣтей! И что еще важнѣе,—онъ забывалъ громадное различіе, которое существуетъ между скрытымъ контръ-шпіономъ и такимъ, который завербованъ правительствомъ изъ рядовъ радикаловъ. Въ первомъ случаѣ, какъ это и было съ Клѣточниковымъ, такое лицо можетъ все болѣе и болѣе приобретать довѣріе своего начальства, не совершая подлостей. Во второмъ случаѣ, человѣкъ будетъ очень скоро выставленъ за дверь, какъ случилось съ Володей, или же онъ станетъ предателемъ въ самомъ мрачномъ значеніи этого слова и поможетъ правительству тащить революціонеровъ на висѣлицу, какъ сдѣлалъ Сергій Дегаевъ.

Для Володи началась его мнимая служба у Судейкина, а въ сущности невѣроятно нелѣпное и тягостное для бѣдняги положеніе. Такъ какъ онъ не давалъ Судейкину никакихъ свѣдѣній, то въ его глазахъ и не имѣлъ никакой цѣны. Самъ онъ, мечтавшій при своемъ дебютѣ узнавать очень многое отъ лицъ, окружавшихъ Судейкина, вскорѣ убѣдился, что онъ и видитъ-то только безмолвнаго швейцара у подъѣзда, да жандарма, который подавалъ чай въ кабинетъ, гдѣ происходили свиданія Володи съ Судейкинымъ. Было очевидно, что послѣдній черезъ своего молодого агента желаетъ прослѣдить народовольцевъ, а если возможно, то и членовъ Исполнительнаго Комитета; поэтому Златопольскій никогда не видался съ Володей, а посредникомъ между ними былъ Сергій Дегаевъ. Кромѣ скрытыхъ цѣлей, которыя имѣлъ въ виду Судейкинъ, завязывая сношенія съ Володей, онъ открыто ставилъ требованіе, чтобы тотъ сообщалъ ему о настроеніяхъ и новыхъ теченіяхъ, съ которыми онъ будетъ встрѣчаться, а главное, чтобы онъ сообщалъ ему, если услышитъ о готовящихся террористическихъ фактахъ. Между Судейкинымъ и Володей произошелъ однажды такой разговоръ:

Судейкинъ: Вы обращаете мое предпріятіе въ шутку, такъ какъ ничего не дѣлаете, чтобы оправдать довѣріе, которое я вамъ оказалъ.

Володя: Я совершенно серьезно смотрю на принятые мною передъ вами обязательства, но я ничего не знаю, потому что боюсь показаться куда бы то ни было. Ваши агенты выслѣдятъ тѣхъ невинныхъ людей, къ которымъ я пойду, донесутъ вамъ на нихъ, и вы ихъ арестуете.

Судейкинъ: Я далъ приказъ, чтобы за вами не слѣдили.

О настроеніи въ революціонной средѣ Володя постоянно сообщалъ, что, насколько ему извѣстно, оно не измѣнялось, а о террористическихъ фактахъ докладывалъ, что о нихъ ничего не слышно. Такъ тянулось дѣло до начала 82 г.

Въ январѣ или въ февралѣ Володя попросилъ у Судейкина командировку за границу. Предлогомъ для своей поѣздки онъ выставилъ намѣреніе облизиться съ эмигрантами и заручиться ихъ рекомендаціями, съ которыми онъ де и пріѣдетъ въ Петербургъ для того, чтобы завязать болѣе тѣсныя сношенія съ радикальною молодежью. Непремѣннымъ условіемъ онъ ставилъ, чтобы заграничные шпіоны ничего не знали о его пріѣздѣ, иначе онъ грозилъ немедленно порвать всякія сношенія съ Судейкинымъ. Послѣдній согласился на это условіе и сдержалъ обѣщаніе, но Володя мало отъ этого выигралъ. Пріѣзду его въ Парижъ предшествовало письмо Златопольскаго, въ которомъ тотъ характеризовалъ положеніе молодого Дегаева безъ утайки, такимъ, какъ оно было въ дѣйствительности. Но когда парижскіе эмигранты увидали Володю, посланнаго къ нимъ одновременно и Исполнительнымъ Комитетомъ и Судейкинымъ, увидали юношу, недавно вышедшаго изъ отрочества, то тотчасъ же отказались имѣть съ нимъ какія бы то ни было дѣла, отказывались даже отъ дальнѣйшихъ встрѣчъ съ нимъ. Володя вернулся въ Петербургъ не солоно хлебавши. Впрочемъ, онъ выѣхалъ изъ-за границы не тотчасъ послѣ своей неудачи. Во-первыхъ, ее надо было скрыть отъ Судейкина и потому продолжить пребываніе за границей. Во-вторыхъ, одна изъ причинъ его поѣздки состояла въ томъ, что ему надо было передохнуть отъ той удушливой атмосферы, въ которую онъ попалъ, и хоть на время избавиться отъ душившаго его кошмара. Онъ прожилъ нѣсколько недѣль за границею, употребляя свой досугъ на чтеніе и самообразование.

Судейкинъ встрѣтилъ его довольно сурово. Онъ заявилъ ему, что до сихъ поръ не видалъ результатовъ отъ своихъ стараній извлечь какую-нибудь пользу изъ дѣятельности своего молодого агента и отъ расходовъ, потраченныхъ на него, что онъ ему даетъ еще нѣкоторое время для исправленія дурного мнѣнія, которое онъ составилъ о его пригодности къ «дѣлу», но, если образъ дѣйствія его не измѣнится, то имъ придется разстаться. Володя обѣщался оправдать оказанное ему довѣріе и совершенные для него расходы. Надо правду сказать: расходы эти были очень незначительны, и ихъ едва хватало на покрытіе незатѣйливыхъ Володиныхъ потребностей.

Вскорѣ послѣ этой начальнической головомойки состоялось знакомство Сергѣя Дегаева съ Судейкинымъ по инициативѣ перваго изъ нихъ. Но о свиданіяхъ героевъ позднѣйшей драмы я расскажу въ своемъ мѣстѣ, когда перейду къ фактамъ, относящимся къ дѣятельности Дегаева, теперь же тороплюсь къ развязкѣ походовъ его младшаго брата.

Поведеніе Володи не могло измѣниться, и потому въ глазахъ

Судейкина онъ оставался по-старому плохимъ служащимъ, котораго предстояло уволить не сегодня—завтра. Въ маѣ Судейкинъ призвалъ его къ себѣ, чтобы дать ему окончательную отставку. Онъ излилъ передъ нимъ всю горечь своего разочарованія и въ заключеніе сообщилъ ему обязательства, которыя въ дальнѣйшемъ на него налагались. Для Володи наступилъ призывной возрастъ, и онъ долженъ былъ отбывать воинскую повинность. Судейкинъ потребовалъ, чтобы онъ отправился въ одинъ изъ полковъ, расположенныхъ въ Саратовѣ. «Устройтесь такъ, сказалъ онъ ему на прощаніе, чтобы правительство никогда больше не слышало о васъ». Это звучало угрозою, и Володя съежился подъ ея ударомъ. Этимъ онъ доказалъ, что былъ, хотя и вполне чисто-плотной, но въ сущности слабой личностью. Онъ поторопился сдать юнкерскій экзаменъ и выѣхалъ на службу въ Саратовъ. Съ тѣхъ поръ онъ погрузился въ неизвѣстность, и имя его покрыто забвеніемъ. Самое первое время у Володи были еще нѣкоторыя сношенія съ проживавшими въ Саратовѣ нелегальными Франжоли и его женой Завадской, но съ отъѣздомъ ихъ изъ Саратова всякія связи радикальнаго міра съ Володей оборвались совершенно и, кажется, болѣе никогда не возобновлялись.

Желая восстановить, насколько возможно, прошлое Сергѣя Дегаева, я намѣренно долго останавливалась на описаніи его семьи, такъ какъ она составляетъ ту среду, къ которой онъ самъ принадлежалъ. Семья эта не была ни дурна, ни порочна, но чего ей абсолютно не доставало—это твердо установившихся принциповъ и знанія тѣхъ границъ, на которыхъ останавливается чуткая совѣсть или гордое самоуваженіе. Она являла собою зыбкую почву и не могла дать русскому революціонному движенію закаленного борца за свободу; она дала ему человѣка способнаго, предприимчиваго, дѣятельнаго, но тщеславнаго, лишь посредственно смѣлаго, принимавшаго участіе въ опасныхъ предпріятіяхъ частью изъ тщеславія и, можетъ быть, также изъ любви къ чрезвычайному, столь свойственной всему семейству Дегаевыхъ. И этотъ человѣкъ, когда очутился въ тюрьмѣ и увидалъ въ перспективѣ для себя каторгу, не выдержалъ испытанія и палъ до самыхъ низовъ той пропасти, гдѣ кроются измѣна, предательство, шпіонство.

Такимъ Дегаевъ обнаружился впоследствии, въ 80 и 81 же годахъ онъ неизмѣнно оказывался хорошимъ работникомъ на разныхъ революціонныхъ поприщахъ и вѣрнымъ сотрудникомъ народовольцевъ, которые относились къ нему съ полнымъ довѣріемъ, считали его своимъ человѣкомъ и никогда не сомнѣвались въ его добропорядочности. Самъ Дегаевъ не былъ доволенъ своимъ положеніемъ. Въ февралѣ 1881 г. онъ поручилъ Х. передать Комитету, что чувствуетъ себя обиженнымъ. Онъ жаловался на то, что въ то время, когда онъ дѣлаетъ для революціоннаго движенія все, что только можетъ, и готовъ отдать ему всѣ свои

силы, Комитетъ всетаки считаетъ его недостойнымъ стать въ его ряды.

Комитетъ отвѣтилъ черезъ лицо, передававшее жалобу Дегаева, что очень цѣнить его услуги, вполне вѣрить въ его искренность, безусловно довѣряетъ ему, и если не вводитъ его въ учрежденіе, стоящее во главѣ движенія, то только потому, что не находитъ его достаточно революціоннымъ. Если же онъ желаетъ проявить свое рвеніе къ дѣлу, ему предоставятъ возможность участвовать въ работахъ по террористическому факту, который въ данный моментъ ведутся.—Дегаевъ удовлетворился отвѣтомъ и выразилъ согласіе на предложеніе Комитета. Его допустили къ участию въ подкормѣ на Малой Садовой улицѣ, гдѣ минныя работы велись только по ночамъ и, само собой разумѣется, представляли большой рискъ и большую опасность. Этотъ искусь Дегаевъ прошелъ благополучно, но положеніе его не измѣнилось, и, повидимому, мысль проникнуть въ Комитетъ не оставляла его и по временамъ тревожила. Предположеніе мое подтверждается тѣмъ, что гораздо позднѣе, зимою 82 г. (въ январѣ), Дегаевъ повторилъ мнѣ свои жалобы. Большіе аресты народовольцевъ уже произошли тогда, и это обстоятельство въ глазахъ Дегаева значительно увеличило его шансы попасть въ Комитетъ.

Я возвращалась однажды съ нимъ по желѣзной дорогѣ изъ Кронштадта, куда мы ѣздили по дѣламъ военнаго кружка. Вагонъ, въ который мы помѣстились, былъ пустой, никто не могъ услышать нашъ разговоръ, и Дегаевъ воспользовался случаемъ, чтобы излить передо мною свое неудовольствіе: онъ перечислялъ свои заслуги и рассказывалъ о своихъ тщетныхъ усиліяхъ достигъ равноправія съ заправилами партіи. «Отношеніе Комитета ко мнѣ становится еще болѣе непонятнымъ,—говорилъ онъ—послѣ арестовъ многихъ его членовъ. Не можетъ же Комитетъ отрицать, что онъ понесъ большія потери, такъ какъ столько выдающихся людей не могли не принадлежать къ его составу».

Не желая поддерживать разговоръ на эту тему, я выразила Дегаеву соболѣзнованіе по поводу его положенія и совѣтовала ему настаивать на своемъ приѣмѣ.

Разумѣется, при томъ безлюдіи, которое ощущалъ въ то время Комитетъ, единственнымъ препятствіемъ для принятія Дегаева служило, какъ и раньше, убѣжденіе, что онъ не придастъ ему силы. Его не признавали самостоятельнымъ носителемъ революціонной идеи, и это мнѣніе Комитета являлось непреодолимой преградой, которую Дегаевъ встрѣчалъ на своемъ пути.

Испытывалъ-ли когда-нибудь Дегаевъ искушеніе сдѣлаться предателемъ ранѣе, чѣмъ онъ сталъ имъ фактически? На этотъ вопросъ врядъ-ли можетъ отвѣтить кто-либо, кромѣ него самого. Теоретически мысль его останавливалась на случаяхъ предательства, и онъ углублялся въ ихъ анализъ. Я заключила объ этомъ изъ словъ, сказанныхъ имъ мнѣ незадолго до 1 марта

1881 года, въ тотъ періодъ времени, когда онъ работалъ въ подкѣ на М.-Садовой.

Мы встрѣтились въ посторонней квартирѣ. Поговоривъ о дѣлѣ, ради котораго мы пришли, Дегаевъ остался сидѣть у стола, за которымъ мы помѣщались. У меня было нѣсколько минутъ свободныхъ, и я не торопилась уйти. Помолчавъ немного, онъ сказалъ, что его очень интересуетъ вопросъ, почему въ Россіи всегда счастливо доводятся до конца политическіе заговоры? Не было случая, чтобы у насъ заговоры не удавались вслѣдствіе доноса, тогда какъ въ другихъ странахъ судьба политическихъ заговоровъ была совершенно иная, и чаще всего они разоблачались въ самомъ началѣ своего возникновенія. Меня удивила неожиданность этой темы; все же я, вѣроятно, никогда не вспомнила бы о тогдашнемъ разговорѣ съ Дегаевымъ, еслибъ не произошелъ позднѣйшій поворотъ въ его жизни. Я отвѣтила ему, что вижу причины удачи политическихъ заговоровъ въ Россіи въ томъ, что они являются народнымъ, а не партійнымъ дѣломъ,—и тотъ, кто захотѣлъ бы стать измѣнникомъ революціоннаго предпріянія въ Россіи, долженъ бы сдѣлаться прежде всего предателемъ народного освобожденія, и это вѣроятно чувствуется всякимъ, кто былъ бы способенъ на доносъ.

Дегаевъ согласился съ моимъ мнѣніемъ, и мы разстались.

Вскорѣ послѣ 1 марта Дегаевъ былъ арестованъ по пустяшному подозрѣнію или, вѣрнѣе, потому, что тогда всѣхъ арестовывали. Онъ легко выпутался изъ бѣды, доставивъ неопровержимыя доказательства того, что онъ всецѣло поглощенъ легальными занятіями, и у него не остается времени для революціонныхъ увлеченій. Дѣйствительно, онъ готовился къ экзаменамъ, давалъ уроки и бралъ изъ министерства заказную чертежную работу. Ему удалось также доказать, что его довольно многочисленная семья существовала исключительно на его заработки. Конечно, всего этого было достаточно, чтобы заполнить время всякаго зауряднаго работника; слѣдствіе нашло Дегаева вполне благонамѣреннымъ, и послѣ нѣсколькихъ дней онъ былъ выпущенъ. По окончаніи экзаменовъ онъ получилъ командировку въ Архангельскую губернію для инженерныхъ изысканій.

По дорогѣ въ Архангельскъ онъ видѣлся въ Москвѣ съ нѣкоторыми членами Комитета. Его братъ въ то время началъ уже свою карьеру у Судейкина, и Дегаевъ говорилъ объ этомъ въ Москвѣ. Отъ членовъ Комитета ему пришлось выслушать упреки въ томъ, что онъ не воспротивился службѣ малолѣтняго брата своего у Судейкина.

Вообще, можно сказать, что остальные члены Комитета порицали Златопольскаго за его затѣю съ Володей Дегаевымъ. Они много разъ настаивали, чтобы сношенія съ нимъ были прекращены, но Златопольскій постоянно просилъ отсрочки для окончанія дѣла, надѣясь въ концѣ концовъ извлечь изъ него пользу для партіи.

Въ Архангельскѣ Дегаевъ женился на тамошней мѣщанкѣ, не отличавшейся ни образованіемъ, ни нравственнымъ развитіемъ; эта особа, разумѣется, не могла способствовать облагораживанію духовнаго облика своего мужа.

Вернувшись осенью въ Петербургъ, Дегаевъ продолжалъ свои занятія въ институтѣ путей сообщенія и сталъ дѣятельнымъ сотрудникомъ С. Златопольскаго, все еще остававшагося единственнымъ представителемъ Комитета въ Петербургѣ. Это былъ періодъ расцвѣта революціонной военной организаціи, насчитывавшей въ своихъ рядахъ много энергичныхъ и выдающихся личностей. Пропаганда велась въ разныхъ городахъ Россіи и шла очень успѣшно. Молодые офицеры жаждали продолженія дѣятельности партіи Народной Воли и готовы были поддержать ее всѣми средствами, которыми располагали.

Однако же силы Народной Воли были такъ надорваны, что о новыхъ предпріятіяхъ не могло быть и рѣчи. Приходилось только пополнять кадры революціонеровъ для того момента, когда Комитетъ почувствуетъ себя опять сильнымъ попрежнему. Этого никогда не случилось.

Февральскіе аресты въ Москвѣ причинили Комитету новыя потери.

Осенью 81 г., правда, еще нельзя было предвидѣть такого исхода. Общее настроеніе въ Петербургѣ было бодрое, а успѣхи военной организаціи предвѣщали новыя побѣды въ будущемъ.

Сношенія съ кронштадтскимъ военнымъ кружкомъ въ это время вплоть до весны 82 г. въ значительной степени велись Дегаевымъ, такъ какъ Златопольскій не имѣлъ возможности часто отлучаться изъ Петербурга. Онъ ввелъ въ кружокъ Дегаева, который зналъ такимъ образомъ весь его составъ. Нѣкоторые члены кружка были ему знакомы ранѣе и онъ же рекомендовалъ ихъ Комитету.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Сергій Дегаевъ служилъ посредникомъ между своимъ братомъ и Златопольскимъ, о чемъ я упоминала раньше. (Въ его отсутствіе изъ Петербурга эта обязанность лежала на другомъ лицѣ). Впрочемъ, позднѣе, и въ особенности послѣ того, какъ онъ убѣдился въ осторожности Володи, Златопольскій иногда лично видался съ нимъ. Въ такомъ положеніи я застала дѣла, когда возвратилась въ Петербургъ въ началѣ января 82 г. послѣ болѣе чѣмъ полугодовой отлучки.

Въ мартѣ Златопольскій уѣхалъ въ Москву и былъ тамъ арестованъ. Его замѣнили въ Петербургѣ Грачевскій и другое лицо, которые были присланы для усиленія Комитета.

На очереди стало дѣло объ убійствѣ Судейкина. Онъ успѣлъ произвести такое опустошеніе въ рядахъ Комитета и всей партіи, что неизбѣжно возникъ вопросъ объ его устраненіи, которое становилось условіемъ, при которомъ только возможно было дальнѣйшее существованіе самой партіи: «Народной Воли». Въ моментъ пріѣзда Грачевскаго въ Петербургъ планъ убійства еще

не былъ выработанъ. Одно было ясно, что Володя для этой цѣли непригоденъ, и о немъ, какъ объ исполнителѣ, никто даже не подумалъ. Съ своей стороны Сергѣй Дегаевъ рѣшился лично познакомиться съ Судейкинымъ, о чемъ онъ говорилъ Грачевскому и о чемъ съ нимъ совѣтовался. Володя долженъ былъ сказать Судейкину, что Сергѣй Петровичъ сильно стѣсненъ въ деньгахъ и ищетъ письменной работы, что онъ поручилъ спросить у него, Судейкина, не можетъ-ли онъ ему доставить чертежную работу или переписку бумагъ.

Оба,—Дегаевъ и Грачевскій,—разсчитывали на то, что Судейкинъ приметъ эту просьбу, какъ шагъ къ сближенію съ нимъ и пойдетъ ему на встрѣчу. Дегаевъ уже зналъ, что убійство Судейкина рѣшенное дѣло. Онъ высказалъ Грачевскому свое мнѣніе о томъ, что необходимо для партіи, въ видахъ самосохраненія, покончить съ Судейкинымъ. Это понимали въ то время всѣ, стоявшіе близко къ дѣламъ Народной Воли и принимавшіе участие въ ея судьбѣ. На слова Дегаева Грачевскій отвѣтилъ, что рѣшеніе Комитета уже состоялось, и что лично онъ занятъ приведеніемъ этого рѣшенія въ исполненіе. Дегаевъ не брался за убійство Судейкина, но желалъ быть полезнымъ при выслѣживаніи Судейкина и надѣялся, что его знакомство съ нимъ обнаружитъ до нѣкоторой степени образъ его жизни, привычки, а, можетъ быть, и квартиру.

Но выслѣдить Судейкина было очень трудно. У него оказалась не одна, а множество квартиръ, разбросанныхъ по всему Петербургу, которыя онъ посѣщалъ не въ опредѣленные сроки, а когда вздумается. Къ тому же эти квартиры были очень недолговѣчны: послѣ 2-3 посѣщеній онъ бросались, и заводились новыя. Бѣдилъ онъ по преимуществу въ наемныхъ каретахъ, и иногда усаживалъ въ такую карету того человѣка, который ему нуженъ былъ для переговоровъ.

Разсчетъ Дегаева и Грачевскаго оправдался. Какъ только Судейкинъ узналъ о просьбѣ Сергѣя Петровича, онъ выразилъ желаніе познакомиться съ братомъ своего молодого агента и обѣщался помочь ему въ его нуждѣ. Свиданіе было назначено въ маленькомъ деревянномъ домѣ гдѣ-то на Пескахъ. Домикъ имѣлъ мезонинъ, и въ немъ жила какая-то пожилая женщина. Въ этомъ мезонинѣ Дегаеву пришлось дожидаться появленія Судейкина. Свиданіе было непродолжительно и велось съ обѣихъ сторонъ въ чисто дѣловомъ тонѣ. Работа была тотчасъ прислана Сергѣю Петровичу на домъ. Она состояла въ перечерчиваніи на-бѣло плановъ здания, которое намѣревался строить департаментъ полиціи. Если не ошибаюсь, рѣчь шла о казармахъ для городскихъ. Въ планахъ должны были произойти измѣненія, и о нихъ-то Судейкинъ бесѣдовалъ съ Дегаевымъ. Пока тянулась работа, состоялось еще одно или два свиданія¹⁾. Они не дали никакихъ

¹⁾ Содержаніе своихъ разговоровъ съ Судейкинымъ Дегаевъ каждый разъ передавалъ Грачевскому, и если ему вѣрить на слово, какъ тогда вѣрилъ Грачевскій и другіе народо-

результатовъ для слѣженія и ни на югу не подвинули вопроса объ убійствѣ, въ виду чего было рѣшено прекратить ихъ подъ предлогомъ, что Дегаевъ началъ готовиться къ экзаменамъ.

Вскорѣ послѣ того Судейкинъ разстался съ Володей, причемъ произошла выше мною описанная сцена.

Сергѣй Петровичъ предвидѣлъ этотъ разрывъ; онъ также зналъ, что послѣ его знакомства съ Судейкинымъ несомнѣнно за нимъ и за членами его семьи будетъ учрежденъ полицейскій надзоръ. Поэтому онъ рѣшился, не ожидая развязки событій, выпроводить свою семью изъ Петербурга. Самъ онъ также покинулъ Петербургъ еще ранѣе Володи, и такъ какъ это случилось въ маѣ, то я думаю, что онъ не успѣлъ покончить съ экзаменами.

Въ ночь на 3-ье июня, послѣ неудачнаго или, вѣрнѣе сказать, не состоявшагося покушенія на жизнь Судейкина, были арестованы Грачевскій, множество другихъ лицъ и я.

Отъ старыхъ народовольцевъ оставалась Вѣра Николаевна Фигнеръ, проживавшая въ Харьковѣ. Зная отчаянное положеніе партіи, непоправимость дѣла въ данный моментъ и опасность, которой подвергалась сама Вѣра Николаевна, я изъ тюрьмы умоляла ее уѣхать за границу, и тамъ образовать новый Комитетъ. Она прислала мнѣ отвѣтъ, что не покинетъ Россіи.

Много лѣтъ спустя, я о дальнѣйшей судьбѣ Дегаева узнала слѣдующее:

Осенью 82 г. онъ былъ арестованъ въ Одессѣ по дѣлу народовольческой типографіи. Какъ только Судейкинъ узналъ объ арестѣ Дегаева, онъ выѣхалъ для самоличнаго допроса своего стараго знакомаго. При первомъ же свиданіи Судейкинъ предложилъ Дегаеву стать предателемъ своихъ прежнихъ товарищей и поступить къ нему на службу чистосердечно и искренно, а не такъ, какъ когда-то сдѣлалъ его братъ. Дегаевъ попросилъ свиданія съ женою, чтобы посоветоваться съ нею. Оно состоялось при довольно характерной обстановкѣ. Дегаева ввели въ просторную красивую комнату, гдѣ находился обильно накрытый столъ. Вскорѣ появилась жена, которая съ плачемъ бросилась ему на шею. Нѣжныхъ супруговъ оставили наединѣ, чтобы они на досугъ въ пріятной обстановкѣ рѣшили кровавый вопросъ о предательствѣ.

вольцы, то на этихъ свиданіяхъ шла рѣчь о чертежахъ, по поводу которыхъ Судейкинъ дѣлалъ свои указанія. Но въ виду финальной дѣятельности Дегаева естественно возникаютъ вопросы: говорилъ-ли онъ Судейкину то, что передавалъ потомъ Грачевскому? Не тогда-ли началась его вѣрна?

Мнѣ кажется, въ виду полной исповѣди, пренесенной Дегаевымъ парижскимъ народовольцамъ, въ которой онъ не скрылъ даже, что выдалъ членовъ военной организаціи, можно допустить, что, опредѣляя мѣстомъ своего паденія одесскую тюрьму, онъ сказалъ правду, и, сдѣловательно, свиданія его съ Судейкинымъ весной 82 г. носили именно тотъ характеръ, который имъ придавалъ Грачевскій со словъ Дегаева. Лично я видѣлась съ нимъ въ это время довольно часто, слышала его рассказы о свиданіяхъ съ Судейкинымъ и помню, что видъ у него былъ совершенно спокойный; въ настроеніи его видимыхъ пережвѣнъ не произошло, и вообще рѣшительно ничто не указывало на какое-нибудь внутреннее перерожденіе, которое могло бы тогда у него произойти.

Они и рѣшили его. Послѣ этого Дегаеву былъ устроенъ фальшивый побѣгъ. Для прикрытія его понадобилась помощь мѣстныхъ радикаловъ, и Дегаевъ обратился съ просьбой помочь ему къ немолодой уже госпожѣ Х., по добротѣ сердца принимавшей всегда участіе въ революціонерахъ. Она доставила ему въ тюрьму по способу, имъ указанному, все необходимое для побѣга. Мѣстные радикалы были въ восторгѣ отъ энергіи, практичности и предпримчивости заключеннаго. Тотчасъ же послѣ побѣга, Дегаевъ отправился въ Харьковъ, гдѣ проживала въ то время В. Н. Фигнеръ, явился къ ней, представилъ свой побѣгъ, какъ дѣло собственной ловкости и находчивости и, конечно, выразилъ горячее желаніе стать снова въ ряды революціонеровъ. Основаній не вѣрить въ разсказъ Дегаева объ его побѣгѣ или заводоверить что либо преступное въ его дѣйствіяхъ у В. Н. Фигнеръ не было никакихъ, и вотъ, передъ Дегаевымъ открылись двери квартиръ революціонеровъ, всѣхъ сочувствовавшихъ и помогавшихъ имъ, и, что, для него было всего важнѣе, передъ нимъ открылись всѣ революціонныя тайны. Его завѣтная мечта осуществилась: фактически онъ сталъ въ число лицъ, руководившихъ революціоннымъ движеніемъ.

Когда въ Харьковѣ все было узвано и выдано, и наступило время предать въ руки правительства самое Вѣру Николаевну, Дегаевъ исполнилъ и это дѣло при помощи другого извѣстнаго предателя—Меркулова¹⁾. «Дѣло» было устроено такъ: Дегаевъ завелъ съ Фигнеръ разговоръ о возможности ея ареста, на что Вѣра Николаевна отвѣтила, что ее не арестуютъ, если только она не встрѣтитъ какъ нибудь Меркулова. Потомъ Дегаевъ освѣдомился у своей собесѣдницы, въ которомъ часу она выходитъ изъ дому и есть ли изъ ея квартиры другой выходъ? Вѣра Николаевна отвѣтила, что ходъ изъ квартиры у нея одинъ, а выходитъ она ежедневно въ 8 ч. утра. Ю февраля 83 года, выходя, по обыкновенію, въ 8 ч. утра изъ дому, Фигнеръ встрѣтилась въ трехъ шагахъ отъ своей квартиры лицомъ къ лицу съ Меркуловымъ. Немедленно послѣ этого Вѣра Николаевна была арестована, будучи въ полномъ убѣжденіи, что это дѣло рукъ Меркулова, и лишь въ мартѣ или апрѣлѣ 84 года, при заключеніи слѣдствія (слѣдовательно, уже послѣ убійства Судейкина, вторичной измѣны Дегаева и тщетныхъ поисковъ его правительствомъ), Вѣрѣ Николаевнѣ была предъявлена, подписанная Дегаевымъ, тетрадь со всѣми его выдачами. Тутъ только *въ первый разъ* узнала Вѣра Николаевна, кто былъ истиннымъ предателемъ ея и множества другихъ лицъ. То былъ Дегаевъ. Меркуловъ же игралъ лишь подсобную роль.

Предавши Вѣру Николаевну, Дегаевъ отправился въ Петербургъ и сталъ тамъ «работать» во всю. Въ дѣлѣ провокаціи онъ сдѣлался правой рукой Судейкина. Они сблизились и по-

¹⁾ См. процессъ 20 народовольцевъ въ янв. кн. „Былого“.

дружились, какъ могутъ дружить лишь два злодѣя. Тогда-то выработали они совмѣстно обширные планы захвата власти, о которыхъ разсказывается подробно въ напечатанной въ «Вѣстникѣ Народной Воли» статьѣ «Въ мирѣ мерзости и запустѣнія»¹⁾. Дегаевъ жилъ широко на большія средства, отпускавшіяся ему его покровителемъ. При немъ находилась жена его, безъ любви которой онъ не могъ обходиться.

Подозрѣнія въ революціонной средѣ росли, но ни къ какимъ опредѣленнымъ выводамъ придти было нельзя, такъ какъ кругомъ все было уничтожено и провалено. Люди, имѣвшіе непоколебимыя доказательства противъ Дегаева, были заперты въ крѣпости и отрѣзаны отъ всего міра. И онъ «дѣйствовалъ» на просторѣ.

Петербургская революціонная молодежь, наконецъ, рѣшилась отыскать предателя во что бы то ни стало. Нѣкоторыя лица уже указывали на Дегаева. Было назначено собраніе, на которомъ долженъ былъ присутствовать и Дегаевъ. Чувствуя свою жизнь въ опасности, онъ попросилъ тогда у Судейкина командировку за границу и выѣхалъ съ женою въ Парижъ.

Здѣсь онъ принесъ свое пресловутое покаянiе. Отъ парижскихъ народовольцевъ Дегаевъ не скрылъ ничего, вплоть до честолюбивыхъ замысловъ, которые развивались имъ совмѣстно съ Судейкинымъ. Глава русскихъ шпионовъ при помощи провокаціи и мнимыхъ террористическихъ актовъ, которые во время открываются и блестящимъ образомъ устраняются, намѣревался стать министромъ внутреннихъ дѣлъ; Дегаеву же обѣщали за это мѣсто товарища министра. На этомъ мечтанiи сообщниковъ не останавливались. Посредствомъ систематическихъ запугиванiй дѣльцы надѣялись фактически устранить отъ власти самого Императора и править Россiей по своему усмотрѣнiю.

Немедленно послѣ-этихъ признанiй собрался совѣтъ нѣсколькихъ народовольцевъ, жившихъ въ то время въ Парижѣ. Было рѣшено даровать Дегаеву жизнь лишь подъ условiемъ, что онъ доставитъ революціонерамъ случай и возможность убить Судейкина. При выполненiи этого условiя народовольцы обѣщали вывести Дегаева цѣлымъ и невредимымъ за границу. Онъ долженъ былъ немедленно возвратиться въ Петербургъ и отнынѣ дѣйствовать по указанiямъ нѣкоторыхъ революціонеровъ, которые съ тѣхъ поръ не упустили его изъ вида.

Жена Дегаева оставалась въ Парижѣ, и по его просьбѣ, въ его отсутствiе, ей помогли перебраться въ Лондонъ, гдѣ она должна была ожидать его прiѣзда. Ея пребыванiе за границей служило нѣкоторой гарантiей, что на этотъ разъ ея мужъ не измѣнитъ принятому на себя обязательству.

Онъ очутился въ тискахъ, изъ которыхъ не могъ уже выр-

¹⁾ См. ниже ст. «Дегаевщина».

ОБЪЯВЛЕНИЕ.

ОТСТАВНОЙ ШТАБСЪ-КАПИТАНЪ
СЕРГЪЙ ПЕТРОВЪ ДЕГАЕВЪ

Примѣты: Маленькаго роста, худощавый, темный блондинъ.

Обвиняется въ убійствѣ 16-го Декабря 1883 года Подполковника Судейкина.

5,000 РУБЛЕЙ

Назначено за сообщеніе полиціи свѣдѣній, которыя, давъ возможность опредѣлить мѣстонахожденіе Дегаева, поведутъ къ его задержанію.

10,000 РУБЛЕЙ

Будутъ выданы тому, кто, указавъ полиціи мѣстопребываніе Дегаева, окажетъ содѣйствіе къ задержанію преступника.

ваться. Вскорѣ послѣ его возвращенія въ Петербургъ убійство Судейкина стало совершившимся фактомъ.

Лицо, близко знавшее обстоятельства этого дѣла, утверждаетъ, что во время убійства Дегаевъ выказалъ большую трусость. Драма разыгралась въ квартирѣ самого Дегаева. Въ роковой вечеръ Дегаевъ впустилъ въ нее участниковъ убійства нѣсколько раньше, чѣмъ ожидался приходъ Судейкина. Всѣ они находились въ одной изъ заднихъ комнатъ, вооруженные ломами. Согласно условію Дегаевъ долженъ былъ встрѣтить Судейкина у входныхъ дверей и дать ему пройти въ комнаты. Но онъ поступилъ иначе. Судейкинъ пришелъ въ сопровожденіи своего родственника, служившаго въ охранномъ отдѣленіи. Этотъ родственникъ обладалъ такимъ же, какъ и Судейкинъ, атлетическимъ тѣлосложеніемъ. Дегаевъ встрѣтилъ вошедшихъ у входной двери, но затѣмъ, когда они у стѣны вѣшали свои шинели, онъ выстрѣлилъ Судейкину въ спину, что не входило въ планъ дѣйствія. Испугавшись собственнаго выстрѣла, онъ бросился вонъ черезъ входную дверь, которую оставилъ за собою открытой, сбѣжалъ по лѣстницѣ и вышелъ на улицу. Предпріятіе было спасено только тѣмъ обстоятельствомъ, что выстрѣлъ, раздавшійся за ихъ спинами, вызвалъ въ Судейкинѣ и его родственникѣ паническій ужасъ.

Вмѣсто того, чтобы въ свою очередь выбѣжать въ открытую наружную дверь и такимъ образомъ избѣгнуть опасности, они опрометью бросились во внутреннія комнаты, гдѣ ихъ встрѣтили ударами ломовъ. Одинъ изъ участниковъ убійства поторопился запереть дверь, оставленную Дегаевымъ открытой.

Первымъ свалился родственникъ Судейкина, впоследствии ожившій, такъ такъ онъ былъ только оглушенъ; Судейкинъ былъ убитъ въ отхожемъ мѣстѣ, гдѣ искалъ убѣжища. Ломы были выбраны орудіемъ убійства въ видахъ того, чтобы выстрѣлами не привлечь швейцара и сосѣднихъ жильцовъ.

Исполнители этого дѣла благополучно выбрались изъ дому. Въ тотъ же вечеръ Дегаевъ былъ отвезенъ на Варшавскій вокзалъ челоуѣкомъ, поджидавшимъ его на улицѣ, и когда русское правительство узнало о томъ, что убитъ одинъ изъ усерднѣйшихъ его слугъ, Дегаевъ уже подвѣзжалъ къ западной границѣ. Безостановочно онъ проѣхалъ въ Лондонъ, и старанія правительства отыскать этого двойного измѣнника остались тщетными.

Анна Прибылева-Корба

Дегаевщина.

(Материалы и документы).

Историкъ русскаго революціоннаго движенія не будетъ въ состояніи обойтись безъ того, чтобы не остановить своего вниманія на двухъ тѣсно сплетенныхъ между собою именахъ: Судейкина и Дегаева. Первый—официальный искоренитель «крамолы», жандармскій подполковникъ; второй—сначала революціонеръ, потомъ предатель революціи Судейкину, и, наконецъ, убійца этого самого Судейкина. Если судить только по такимъ, такъ сказать, внѣшнимъ чертамъ въ біографіяхъ обоихъ «дѣятелей», то фигура Дегаева получается, какъ будто, сложнѣе фигуры Судейкина, но на самомъ дѣлѣ это не такъ, и центръ тяжести, когда-то разыгравшейся въ лѣтописяхъ русскаго революціоннаго движенія глубокой драмы, лежитъ въ личности не Дегаева, а именно Судейкина или, правильнѣе, тѣхъ, созданныхъ самодержавіемъ условій русской жизни, на почвѣ которыхъ могли произрасти такіе необыкновенные персонажи, какъ Судейкинъ. Чтобы дать читателямъ понятіе объ этой страницѣ изъ исторіи русскаго освободительнаго движенія, мы остановимся сначала на тѣхъ мѣстахъ изъ обвинительнаго акта по дѣлу Г. А. Лопатина и другихъ, въ которыхъ изложены улики противъ обвинявшихся въ убійствѣ Судейкина Н. П. Стародворскаго и В. П. Конашевича. Вотъ что гласилъ по этому поводу обвинительный актъ:

«16-го Декабря 1883 года, около 9-ти часовъ вечера въ домъ № 93 по Невскому проспекту, въ квартирѣ № 13, были найдены мертвымъ, съ явными признаками насильственной смерти, инспекторъ С.-Петербургской секретной полиціи подполковникъ Георгій Порфирьевичъ Судейкинъ и тяжело раненный въ голову чиновникъ полиціи Николай Судовскій. По судебно-медицинскомъ вскрытіи трупа покойнаго, врачи дали заключеніе, что смерть подполковника Судейкина послѣдовала отъ безусловно смертельнаго поврежденія, костей черепа, имѣющихъ нѣсколько трещинъ, а равно и отъ огнестрѣльной раны, проникающей въ полость живота и осложненной разрывомъ ткани печени и послѣдовавшимъ за этимъ разрывомъ кровоизліяніемъ въ названную полость. Всѣ приведенныя поврежденія по свойству своему, были при жизненны, при чемъ огнестрѣльная рана, вѣроятно, предшествовавшая другимъ поврежденіямъ, сама по себѣ должна бытъ

признана безусловно смертельною, хотя смерть послѣ причиненія этой раны могла и не послѣдовать немедленно. Поврежденія же головы, по заключенію экспертовъ, послѣдовали вѣроятно отъ нанесенныхъ сзади ударовъ тупымъ орудіемъ, которымъ могли быть и найденныя въ квартирѣ ломы.

По осмотру доставленнаго въ Рождественскій барачный лазаретъ Николая Судовскаго, у него оказались двѣ раны на макушкѣ головы съ раздробленіемъ теменныхъ костей, нанесенныя, какъ это видно изъ скорбнаго листа, тяжелымъ орудіемъ, повидимому, ломомъ.

При осмотру домовой книги дома № 91 по Невскому проспекту установлено, что въ квартирѣ № 13 проживалъ дворянинъ Сергій Петровичъ Яблонскій по паспорту, выданному Путивльскимъ уѣзднымъ исправникомъ 27 февраля 1883 г. за № 1933, оказавшемуся подложнымъ; а показаніемъ старшаго дворника означеннаго дома Григорія Кондратьева тогда же было установлено, что въ упомянутой квартирѣ съ дворяниномъ Яблонскимъ проживалъ въ качествѣ его лакея Павелъ Ивановъ Суворовъ.

Спрошенный вслѣдствіе сего въ качествѣ свидѣтеля запасный унтеръ-офицеръ Павелъ Ивановъ Суворовъ, по предъявленіи ему карточекъ разныхъ лицъ, разновременно привлечавшихся къ дознаніямъ о государственныхъ преступленіяхъ, показалъ, что въ карточкѣ *Сергея Петрова Дегаева признаетъ дворянина Сергея Петрова Яблонскаго, у котораго онъ жилъ въ качествѣ прислуги по желанію покойнаго подполковника Судейкина*. Къ Яблонскому онъ поступилъ 8 ноября, а послѣднюю квартиру переѣхалъ съ нимъ 3 декабря 1883 г. и за все это время Яблонскаго посѣщали лишь подполковникъ Судейкинъ и его родственникъ Николай Судовскій. Самъ Яблонскій уходилъ изъ дому часовъ въ 11 утра, возвращался часа въ четыре, но затѣмъ скоро снова уходилъ и часто не возвращался до поздней ночи.

Спрошенный по выздоровленіи отъ нанесенныхъ ему ранъ, Николай Дмитріевъ Судовскій показалъ, что въ квартирѣ № 13 дома № 91 по Невскому проспекту, гдѣ былъ убитъ подполковникъ Судейкинъ и раненъ онъ самъ, проживалъ подъ фамиліей Яблонскаго отставной штабсъ-капитанъ Сергій Петровъ Дегаевъ. 16-го декабря 1883 г. онъ съ подполковникомъ Судейкинымъ отправился въ эту квартиру въ пятомъ часу пополудни по предварительному уговору Дегаева. Человѣка Дегаева, Суворова, не было дома, Дегаевъ самъ отперъ дверь и, впустивъ ихъ, заперъ ее. Войдя въ квартиру онъ, Судовскій, снялъ и повѣсилъ свою шубу въ передней, а подполковникъ Судейкинъ, не оставиваясь въ этой комнатѣ, прошелъ прямо въ слѣдующую—залу, гдѣ бросилъ на диванъ свое пальто, въ карманъ котораго былъ револьверъ, и тутъ же оставилъ палку со стилетомъ. Затѣмъ подполковникъ Судейкинъ прошелъ вмѣстѣ съ Дегаевымъ въ слѣдующія комнаты, а онъ вошелъ въ залу и сѣлъ въ кресло. Черезъ нѣсколько минутъ совершенно неожиданно на него напали

*

сзади, повидимому, два человека и почти одновременно съ этимъ въ комнатахъ, гдѣ были Судейкинъ и Дегаевъ, послышался шумъ, глухой звукъ выстрѣла и голосъ Судейкина, кричавшаго насколько ему помнится: «Коко, бѣги сюда и бей ихъ изъ револьвера». Получивъ затѣмъ сильный ударъ въ голову, онъ, свидѣтель, потерялъ сознание и происходившаго впослѣдствіи совершенно не помнить. Все описанное свидѣтелемъ совершилось такъ быстро, что онъ не имѣлъ возможности разсмотрѣть нападавшихъ, а потому и не можетъ дать никакихъ указаній относительно товарищей Дегаева, участвовавшихъ въ убійствѣ подполковника Судейкина. Очнулся онъ, свидѣтель, лишь на другой день въ больницѣ, совершенно же пришелъ въ сознание только нѣсколько дней спустя послѣ описаннаго событія.

«Обвиняемый въ убійствѣ подполковника Судейкина отставной штабъ-капитанъ Сергѣй Петровъ Дегаевъ вслѣдъ за совершеніемъ этого преступленія скрылся и до сего времени не розысканъ.

«3-го января 1884 года въ Кіевѣ, въ квартирѣ студента Эйберга, былъ арестованъ скрывавшійся отъ преслѣдованія по дѣлу о преступномъ кружкѣ, обнаруженномъ въ г. Ромвахъ въ іюлѣ 1883 г. дворянинъ Василій Конашевичъ, проживавшій въ Кіевѣ по подложному паспорту на имя Бориса Ростипцаго.

«Обыскомъ, произведеннымъ въ означенной квартирѣ, было обнаружено значительное количество преступнаго содержанія брошюръ, шесть экземпляровъ прокламацій по поводу убійства подполковника Судейкина, руководство о взрывчатыхъ веществахъ и нѣсколько принадлежностей для изготовленія послѣднихъ, въ видѣ стеклянныхъ ретортъ и металлическихъ трубокъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ было установлено, что Конашевичъ въ концѣ 1883 г. проживалъ въ Петербургѣ, хотя обстоятельство это онъ упорно отрицалъ».

«Между тѣмъ, 22-го декабря 1883 г. изъ дома № 114 по Большой Садовой улицѣ скрылась проживавшая тамъ акушерка Татьяна Голубева и ея жилецъ Михаилъ Адамовъ Савицкій. Это обстоятельство обратило на себя особое вниманіе полиціи.

«Вслѣдствіе сего задержанный Конашевичъ по доставленіи его въ Петербургъ былъ предъявленъ дворнику дома № 114 по Большой Садовой улицѣ Петру Демидову, который призналъ Василю Конашевича за лицо, посѣтившее одинъ разъ Татьяну Голубеву и Михаила Савицкаго. Спрошенный по поводу этого обвиняемый Василій Конашевичъ объяснилъ, что онъ въ Петербургѣ никогда не жилъ, въ убійствѣ подполковника Судейкина никакого участія не принималъ и къ организаціи преступнаго сообщества, именующагося «партіей Народной Воли», не принадлежить, хотя принципы партіи раздѣляетъ.

«16-го марта 1884 г. въ Москвѣ былъ задержанъ скрывавшійся отъ преслѣдованія сынъ священника, Николай Петровъ Стародворскій, представившій въ удостовѣреніе своей личности паспортъ на имя почетнаго гражданина Дмитрія Шухальскаго, составленный

отъ имени Мелитопольской городской управы за № 2651 и оказавшійся подложнымъ.

«По предъявленіи Николая Стародворскаго дворнику дома № 114 по Большой Садовой улицѣ Петру Демидову и выше-названной квартирной хозяйкѣ Вѣрѣ Ильиной, свидѣтели эти заявили, что въ Стародворскомъ признаютъ лицо, проживавшее по паспорту на имя дворянина Михаила Савицкаго.

«Привлеченный вслѣдствіе сего въ качествѣ обвиняемаго Николай Стародворскій, отрицая на первыхъ допросахъ свою виновность въ принадлежности къ преступному сообществу и участіе свое въ убійствѣ подполковника Судейкина, показалъ, что на такъ называемое нелегальное положеніе онъ перешелъ въ августѣ 1883 г. послѣ освобожденія имъ, Стародворскимъ, бѣжавшаго изъ административной ссылки Никона Волянскаго, арестованнаго въ г. Барѣ, Подольской губерніи, и что освобожденіе это было совершенно имъ въ силу личныхъ отношеній къ Волянскому, а не по порученію революціоннаго сообщества, къ которому онъ никакихъ отношеній не имѣетъ. Живя затѣмъ въ провинціи у своего знакомаго, назвать котораго не желаетъ, онъ, Стародворскій, въ октябрѣ 1883 г. получилъ письменное приглашеніе пріѣхать въ Петербургъ. По прибытіи сюда онъ вскорѣ познакомился съ Сергѣемъ Петровымъ Дегаевымъ и сначала поселился въ домѣ № 14 по Лиговкѣ, въ квартирѣ Ильиной, представивъ въ удостовѣреніе своей личности паспортъ на имя дворянина Михаила Савицкаго, а затѣмъ, Сергѣй Дегаевъ, часто его посѣщавшій, предложилъ ему переѣхать на конспиративную квартиру, гдѣ помѣщалась тайная типографія. Вслѣдствіе отказа его, Стародворскаго, Дегаевъ недѣли черезъ три снова предложилъ ему поселиться на другой конспиративной квартирѣ въ домѣ № 114 по Большой Садовой улицѣ у акушерки Татьяны Голубевой, объявивъ, что эта квартира предназначена лишь для свиданій. Стародворскій согласился и прожилъ въ квартирѣ Голубевой до 17-го или 18-го декабря, когда къ нимъ явилось одно изъ лицъ, приходившихъ ранѣе къ Дегаеву на свиданіе, и заявило о необходимости оставленія квартиры въ виду послѣдовавшаго убійства подполковника Судейкина, въ чемъ, по словамъ этого лица, принималъ участіе Дегаевъ. Вслѣдствіе этого предупрежденія, онъ уѣхалъ на югъ, а въ мартѣ 1884 г. возвратился въ Петербургъ, откуда снова отправился на югъ, но на пути, въ Москвѣ, былъ задержанъ, при чемъ у него были отобраны разныя шифрованные замѣтки, революціонныя изданія, чертежи и замѣтки относительно взрывчатыхъ веществъ. Всѣ эти предметы были получены имъ въ Петербургѣ для передачи лицу, назвать которое онъ не желаетъ.

«Обвиняемый Василій Конашевичъ при вторичномъ допросѣ показалъ, что онъ дѣйствительно жилъ въ Петербургѣ, но лишь до 3-го или 5-го декабря 1883 г., а затѣмъ на вопросы, въ какой мѣстности Петербурга проживалъ, съ кѣмъ видѣлся, по какому

поводу прїѣзжалъ, по какой дорогѣ выѣхалъ обратно въ Кіевъ и останавливался-ли гдѣ на пути, отвѣчать отказался.

«При дальнѣйшемъ производствѣ дознанія обвиняемый въ государственномъ преступленіи, итальянскій подданный Степанъ Антоновъ Росси, между прочимъ, показалъ, что въ октябрѣ 1883 г., во время сѣзда въ С.-Петербургѣ лицъ, принадлежавшихъ къ социально-революціонному сообществу, Сергѣй Дегаевъ нѣсколько разъ намекалъ ему о предстоящихъ убійствахъ министра внутреннихъ дѣлъ, графа Толстого, директора департамента полиціи Плеве, прокурора Добржинскаго и подполковника Судейкина; а потомъ въ декабрѣ того же года признался ему въ своихъ отношеніяхъ къ Судейкину и назвалъ лицъ, привлеченныхъ къ убійству послѣдняго. По словамъ Дегаева, революціонеры, проживавшіе за границей, требовали, чтобы онъ оставилъ всѣ остальные проекты убійствъ и поскорѣе убилъ Судейкина, на что онъ и согласился. Хотя Дегаевымъ давно были подысканы нужные для совершенія убійства люди, но передъ самымъ убійствомъ онъ избралъ двухъ другихъ: Василія Конашевича и Николая Стародворскаго (нелегальнаго Савицкаго). До 16-го декабря 1883 г., т. е. до дня убійства подполковника Судейкина, Дегаевъ дважды пытался привести въ исполненіе это преступленіе. Первая попытка (3-го декабря) не удалась вслѣдствіе того, что Судейкинъ прежде, чѣмъ пойти въ квартиру Дегаева, послалъ дворника узнать, дома ли послѣдній. Дегаевъ, наблюдавшій за появленіемъ Судейкина изъ окна ватерклозета, выходящаго на лѣстницу, замѣталъ это, и когда къ дверямъ его подошелъ дворникъ и сталъ звонить, не отперъ послѣднему двери, и Судейкинъ долженъ былъ уѣхать. Вторая попытка была назначена приблизительно спустя недѣлю послѣ первой. На этотъ разъ Судейкинъ почему то не прибылъ къ условленному часу, и потому Дегаевъ удалилъ Стародворскаго и Конашевича изъ своей квартиры, не дождавшись Судейкина. Назначивъ 16 декабря днемъ убійства, Дегаевъ предупредилъ Стародворскаго и Конашевича, чтобы въ случаѣ, если онъ снова пожелаетъ удалить ихъ изъ своей квартиры до прїѣзда Судейкина, они не исполнили такого его требованія. Такое же требованіе не удаляться было предъявлено Стародворскому и Конашевичу и Германомъ Лопатинымъ, знавшимъ о приготовленіяхъ къ убійству Судейкина. Въ день убійства онъ, Росси, встрѣтилъ Дегаева утромъ на Невскомъ проспектѣ и по его просьбѣ отправился въ квартиру Татьяны Голубевой (она же Раиса Кранцфельдъ), чтобы передать послѣдней какой-то паспортъ и вмѣстѣ съ тѣмъ напомнить Стародворскому, чтобы онъ прїѣхалъ къ двумъ часамъ на квартиру къ нему, Дегаеву. Придя къ Голубевой, онъ засталъ тамъ и Конашевича, которому вмѣстѣ съ Стародворскимъ передалъ слова Дегаева, а затѣмъ ушелъ домой на Пушкинскую улицу, уложилъ въ чемоданъ свои вещи и поѣхалъ въ заранѣе приготовленную квартиру, гдѣ долженъ былъ ожидать Дегаева. Въ исходѣ 5 часа Дегаевъ прїѣхалъ взволнованный, быстро переодѣлся,

взялъ чемоданъ и отправился вмѣстѣ съ нимъ на Варшавскій вокзалъ, сказавъ дорогой, что выстрѣлилъ въ Судейкина и убѣжалъ, оставивъ Стародворскаго и Конашевича. Вскорѣ на тотъ же вокзалъ пріѣхалъ и Конашевичъ, вѣроятно, прямо изъ квартиры Дегаева и подоспѣлъ къ тому же поѣзду, на которомъ уѣхалъ Дегаевъ. На другой день вечеромъ онъ, Росси, былъ въ квартирѣ Кранцфельдъ, гдѣ взялъ типографскій шрифтъ, а утромъ къ ней же заходилъ Германъ Лопатинъ за отпечатанными объявленіями объ убійствѣ Судейкина, которыя были напечатаны Раисою Кранцфельдъ и Стародворскимъ. Послѣ убійства Стародворскій и Кранцфельдъ (Голубева) пребыли въ Петербургѣ два дня; послѣдняя уѣхала въ Саратовъ—причемъ на вокзалъ ее провожалъ Петръ Елько, который, хотя и былъ во время убійства въ Петербургѣ, но свѣдѣній о совершеніи его не имѣлъ, исполняя лишь мелкія порученія Дегаева. На квартирѣ Голубевой, гдѣ также происходили совѣщанія по дѣлу объ убійствѣ Судейкина, кромѣ хозяевъ, Дегаева, Конашевича и Лопатина до 16 декабря никто не бывалъ.

«Спрошенные затѣмъ въ виду изложенныхъ свѣдѣній обвиняемые Николай Стародворскій и Василій Конашевичъ, признавъ свою виновность въ убійствѣ подполковника Судейкина, показали: Стародворскій—что до освобожденія арестованнаго въ Подольской губерніи административно-ссылнаго Волянскаго, онъ къ организаціи преступнаго сообщества, именующаго себя «партіей Народной Воли», не принадлежалъ, хотя революціонною дѣятельностью занимался; послѣ же освобожденія Волянскаго онъ отправился въ Кіевъ и тамъ формально вступилъ въ означенное сообщество. Въ концѣ сентября или началѣ октября 1883 г., тамъ же, въ Кіевѣ, онъ получилъ приглашеніе отъ лица, которое назвать не желаетъ, пріѣхать въ Петербургъ, куда тотчасъ же и отправился. Здѣсь, дня черезъ три по прибытіи, его познакомили съ какимъ-то Николаемъ Владиміровичемъ, впоследствии оказавшимся Сергѣемъ Дегаевымъ, который, сообщивъ ему о приготовленіяхъ къ убійству подполковника Судейкина, спросилъ, можетъ ли онъ рѣшиться на содѣйствіе въ этомъ его, Стародворскаго, на что онъ и далъ свое согласіе. О двойственной роли Дегаева, т. е. о томъ, что онъ состоялъ агентомъ у Судейкина, онъ, Стародворскій, узналъ уже позже, именно въ день первой попытки на убійство Судейкина, 6 декабря 1883 г., но не отъ самого Дегаева, который хотя и признавалъ это, но избѣгалъ по этому вопросу какихъ-либо объясненій. Первоначально рѣшено было совершить убійство безъ употребленія огнестрѣльнаго оружія, чтобы избѣжать шума, и потому орудіемъ убійства должны были служить ломы и, въ случаѣ необходимости, кинжалъ. Когда орудіе убійства было окончательно избрано, онъ, Стародворскій, въ первыхъ числахъ декабря купилъ два лома въ лавкѣ на Невскомъ проспектѣ, вблизи квартиры Дегаева и тамъ же при себѣ приказалъ обрубить ихъ, такъ какъ они были слишкомъ длинны. Эти ломы онъ привезъ

изъ лавки къ себѣ на Большую Садовую, а впоследствии уже перевезъ ихъ въ квартиру Дегаева. Затѣмъ было назначено время убійства, къ которому Дегаевъ пригласилъ къ себѣ подполковника Судейкина; Стародворскій же заранѣ помѣстился въ спальнѣ Дегаева, Конашевичъ въ корридорѣ, а Дегаевъ въ ватерклозетѣ, чтобы наблюдать въ окно, выходявшее на лѣстницу, за прибытіемъ Судейкина. Судейкинъ къ назначенному часу не пріѣхалъ, и это такъ сильно встревожило Дегаева, вообще трусливаго по природѣ, что минуту черезъ десять онъ вышелъ изъ ватерклозета и попросилъ ихъ удалиться изъ своей квартиры. Въ это время раздался звонокъ у входной двери, и всѣ поспѣшно заняли свои мѣста. Дегаевъ вошелъ въ ватерклозетъ и увидѣлъ, что звонить дворникъ, почему и не отперъ двери; а вслѣдъ за этимъ Дегаевъ услышалъ внизу лѣстницы голосъ Судейкина, который спрашивалъ дома-ли Дегаевъ. Узнавъ объ этомъ, онъ, Стародворскій и Конашевичъ послали Дегаева внизъ пригласить Судейкина, но послѣдній успѣлъ уже сѣсть въ карету и уѣхать. Вторая попытка убить подполковника Судейкина была назначена дней черезъ семь или восемь. Въ этотъ разъ, ближе ознакомившись съ расположеніемъ комнатъ квартиры Дегаева, они съ Конашевичемъ размѣстились иначе и рѣшили употребить въ дѣло револьверъ, полагая, что выстрѣла внѣ квартиры слышно не будетъ. Прежнее размѣщеніе признано было неудобнымъ, такъ какъ никого бы не было вблизи передней, вслѣдствіе чего выходъ изъ квартиры остался бы не защищеннымъ, и потому Конашевичъ помѣстился въ кухнѣ, дверь изъ которой выходила въ переднюю. Въ этотъ разъ Судейкинъ въ назначенное время не пріѣхалъ, и Дегаевъ поспѣшилъ удалить ихъ изъ своей квартиры. Въ промежутокъ времени между этой послѣдней попыткой и слѣдующей Дегаевъ предлагалъ еще другой планъ убійства Судейкина. По словамъ Дегаева Судейкинъ предполагалъ устроить фиктивное покушеніе на свою жизнь съ цѣлью: во-первыхъ, устранить возникшія въ средѣ революціонной партіи подозрѣнія относительно Дегаева, а во-вторыхъ, получить такимъ путемъ повышеніе по службѣ.

«По этому плану Дегаевъ долженъ былъ выстрѣлить Судейкину въ лѣвую руку во время прогулки его въ Петровскомъ паркѣ и скрыться на лошади, приготовленной заранѣ самимъ же Судейкинымъ; а во время болѣзни послѣдняго отъ этой раны должно было послѣдовать, согласно замыслу Судейкина и Дегаева, убійство министра внутреннихъ дѣлъ, графа Толстого. Дегаевъ предложилъ имъ воспользоваться означеннымъ планомъ фиктивнаго покушенія на жизнь Судейкина для того, чтобы на самомъ дѣлѣ убить его, на что Стародворскій и изъявилъ согласие. Роли осуществленія этого послѣдняго плана были распределены такъ, что Конашевичъ принималъ на себя обязанность кучера Дегаева, а онъ, Стародворскій, долженъ былъ прибыть въ паркъ заранѣ и выстрѣлить въ Судейкина. Покушеніе это пред-

полагалось произвести 19 декабря; но вскорѣ Дегаевъ отказался отъ этого плана, опасаясь, съ одной стороны, промаха, а съ другой засады со стороны Судейкина.

Тогда рѣшили обратиться къ прежнему плану, согласно которому преступленіе и было совершено 16 декабря. Въ этотъ разъ онъ, Стародворскій, помѣстился въ спальнѣ, а Конашевичъ—въ кухнѣ. До звонка у входной двери всѣ сидѣли въ спальнѣ, когда же раздался звонокъ, Конашевичъ отправился на назначенное ему мѣсто въ кухню, а Дегаевъ пошелъ отворить дверь. Еще ранѣе рѣшено было, что когда Судейкинъ войдетъ въ комнату, что передъ спальней, то Дегаевъ выстрѣлитъ въ него сзади, вслѣдствіе чего Судейкинъ, по предположенію, долженъ былъ броситься впередъ, т. е. въ спальню, гдѣ его встрѣтитъ онъ, Стародворскій. Вскорѣ послѣ звонка Стародворскій услышалъ шаги, а затѣмъ выстрѣлъ въ сосѣдней комнатѣ. Прождавъ моментъ и видя, что Судейкинъ не показывается въ спальнѣ, онъ бросился въ комнату, откуда былъ слышенъ выстрѣлъ, и увидѣлъ Судейкина на порогѣ лицомъ въ гостиную. Онъ, Стародворскій, ударилъ его ломомъ, но такъ какъ Судейкинъ занималъ неудобное для удара положеніе, то ломъ только скользнулъ по немъ, не причинивши существеннаго вреда. Послѣ удара Судейкинъ, держась лѣвой рукой за бокъ, съ крикомъ побѣжалъ въ переднюю, гдѣ въ это время возлѣ выходной двери находились Судовскій и Конашевичъ. Здѣсь онъ снова ударилъ Судейкина въ високъ и увидѣлъ, что Конашевичъ въ то же время наносилъ удары Судовскому. Отъ послѣдняго удара Судейкинъ упалъ, какъ показалось ему, Стародворскому, безъ признаковъ жизни, но черезъ нѣсколько мгновеній вскочилъ и вбѣжалъ въ ватерклозетъ, удерживая руками изнутри дверь. Желая воспрепятствовать Судейкину затворить за собою дверь ватерклозета, онъ, Стародворскій, вставилъ ногу между дверью и косякомъ, причѣмъ одной рукой старался оттянуть дверь, а другою билъ Судейкина ломомъ по рукамъ. Когда дверь такимъ образомъ была имъ вырвана изъ рукъ Судейкина, то послѣдній вмѣстѣ съ дверью оказался въ передней, гдѣ Стародворскій нанесъ ему еще нѣсколько ударовъ ломомъ по головѣ, въ затылокъ. Отъ этихъ ударовъ Судейкинъ опрокинулся назадъ въ ватерклозетъ; здѣсь онъ еще разъ ударилъ Судейкина ломомъ, причѣмъ разбилъ находившійся тамъ ночной горшокъ, и прекратилъ нанесеніе ударовъ, лишь убѣдившись, что Судейкинъ мертвъ. Въ это время Судовскій лежалъ на полу въ передней на мѣховомъ пальто; Конашевичъ же ушелъ во внутренніе комнаты за своей одеждой и затѣмъ совершенно удалился, а онъ, Стародворскій, остался еще въ квартирѣ, чтобы взять, по порученію Дегаева, нѣкоторыя вещи и кинжалъ, во избѣжаніе, чтобы по этому кинжалу не отыскиали его прежняго владѣльца. На это потребовалось минутъ пять времени, въ теченіе котораго онъ ходилъ со свѣчей по разнымъ комнатамъ. Уходя изъ квартиры, онъ заперъ за собою дверь на ключъ, который бросилъ на Нев-

скомъ проспектъ. Преступленіе было совершено между четырьмя съ половиною и пятью часами по полудни, и въ тотъ же вечеръ онъ, Стародворскій, печаталь прокламаціи объ этомъ убійствѣ, какъ объяснено выше. Кто участвовалъ въ сообщаніяхъ объ убійствѣ Судейкина, Стародворскій объяснить отказался.

«Обвиняемый Василій Конашевичъ, признавая свою принадлежность къ «партіи Народной Воли», показалъ, что на нелегальное положеніе онъ перешелъ приблизительно въ іюль мѣсяцѣ 1883 г., но еще и до этого времени принималъ нѣкоторое участіе въ революціонной дѣятельности. Такъ, онъ давалъ совѣты относительно постановки революціонной типографіи въ Кіевѣ, гдѣ была напечатана въ 1882 или 1883 г. прокламація по поводу возмущенія крестьянъ въ мѣстечкѣ Ольшаной, Кіевской губерніи, и ѣздилъ въ Ромны, гдѣ дважды подвергался обыску, что и заставило его, по возвращеніи въ Кіевъ, перейти на нелегальное положеніе; приблизительно въ августѣ 1883 г. онъ возилъ въ г. Черниговъ революціонныя изданія, а въ концѣ октября того же года—по возвращеніи его изъ Чернигова, въ Кіевъ пріѣхалъ его знакомый, назвать котораго онъ не желаетъ, и предложилъ принять участіе въ одномъ террористическомъ предпріятіи въ Петербургѣ, которое, по словамъ этого знакомаго, могло значительно содѣйствовать успѣху революціоннаго движенія вообще и народовольчества въ частности. Сущность этого предпріятія знакомый обѣщалъ объяснить по пріѣздѣ въ Петербургъ, если онъ, Конашевичъ, дастъ свое согласіе на участіе. Конашевичъ согласился и недѣлю спустя отправился въ Петербургъ, гдѣ, не имѣя ни квартиры, ни письменнаго вида, оставилъ свой чемоданъ на Варшавскомъ вокзалѣ, отдавъ его на храненіе дежурному полицейскому служителю. Дня черезъ два по пріѣздѣ онъ напелъ Дегаева, который на третій день помѣстилъ его въ квартирѣ акушерки Татьяны Голубевой, по Большой Садовой улицѣ, въ домѣ № 114, а спустя недѣлю познакомился съ Стародворскимъ, также поселившимся у Голубевой подъ именемъ Савицаго. Вскорѣ онъ узналъ отъ Дегаева о предположеніи убить подполковника Судейкина. Причины, которыя привели его и другихъ лицъ къ мысли о необходимости этого убійства, заключались въ томъ вредѣ, который нанесенъ былъ Судейкинымъ революціонной партіи. Еще со времени своей службы въ Кіевѣ Судейкинъ былъ извѣстенъ за способнаго розыскаго чиновника, а въ Петербургѣ онъ наводилъ, по выраженію Конашевича, панику на революціонеровъ и дѣйствовалъ растлѣвающимъ образомъ на слабыхъ членовъ партіи, обращая ихъ въ своихъ агентовъ. О томъ, что самъ Дегаевъ былъ агентомъ Судейкина, онъ, Конашевичъ, узналъ уже впоследствии, когда Дегаевъ вынужденъ былъ объяснить, какимъ образомъ онъ могъ пригласить Судейкина къ себѣ на квартиру. Время для убійства подполковника Судейкина назначалось нѣсколько разъ, но совершеніе преступления откладывалось по разнымъ причинамъ. Сначала предполагалось, по указанію Дегаева.

совершить названное убійство въ Петровскомъ паркѣ, гдѣ, по словамъ Дегаева, онъ условился съ Судейкинымъ произвести фиктивное покушеніе на убійство послѣдняго. Съ этою цѣлью онъ, Конашевичъ, по порученію Дегаева, набросалъ съ натуры планъ Петровскаго парка, но порученіе это исполнилъ весьма неудачно, такъ что Дегаевъ, передавъ этотъ планъ Судейкину, возвратился отъ него крайне взволнованнымъ и объявилъ, что Судейкинъ остался имъ недоволенъ за небрежное составленіе плана, и что вслѣдствіе этого онъ, Дегаевъ, боится, чтобы Судейкинъ не сталъ относиться къ нему подозрительно. Затѣмъ рѣшено было убить Судейкина ломомъ въ квартирѣ Дегаева. Первыя двѣ попытки привести въ исполненіе этотъ замыселъ кончились неудачей по причинамъ, указаннымъ Конашевичемъ, вполнѣ согласно съ приведеннымъ выше показаніемъ Стародворскаго. Наконецъ, 16 декабря Судейкинъ прибылъ въ квартиру Дегаева къ назначенному времени, въ сопровожденіи Судовскаго, и вмѣстѣ съ Дегаевымъ и Судовскимъ прошелъ во внутреннія комнаты, гдѣ вскорѣ раздался выстрѣлъ, вслѣдствіе чего онъ, Конашевичъ, немедленно вышелъ изъ кухни въ переднюю, куда одновременно съ нимъ выбѣжали изъ гостиной Судовскій, Судейкинъ, Дегаевъ и Стародворскій. Судовскій бросился на него, Конашевича, но онъ нанесъ ему ударъ ломомъ, послѣ котораго Судовскій бросился къ выходной двери, гдѣ онъ, Конашевичъ, нанесъ ему еще нѣскольکو ударовъ, отъ которыхъ Судовскій упалъ. Въ это время Судейкинъ вбѣжалъ въ ватерклозетъ, возлѣ котораго между нимъ и Стародворскимъ произошла продолжительная борьба, слѣдить за которой онъ не могъ, будучи отвлеченъ борьбою съ Судовскимъ. Дегаевъ-же, лишь только во время борьбы ихъ освободилась выходная дверь на лѣстницу, отперъ ее и быстро убѣжалъ, даже не затворивъ за собой двери. Послѣ нанесенія нѣсколькихъ ударовъ Судовскому, когда послѣдній, равно какъ и Судейкинъ, свалился съ ногъ, онъ, Конашевичъ, отправился въ спальню Дегаева, гдѣ переодѣлся и немедленно удалился изъ квартиры, оставивъ тамъ одного Стародворскаго, и въ тотъ же вечеръ убѣжалъ изъ Петербурга по Варшавской дорогѣ, одновременно съ Дегаевымъ. Отправляясь 16 декабря 1883 г. въ квартиру Дегаева въ качествѣ одного изъ участниковъ убійства Судейкина, онъ, Конашевичъ, не рассчитывалъ возвратиться живымъ, такъ какъ предварительно рѣшено было убить Судейкина, если бы даже онъ пришелъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ человекъ, но самимъ живыми въ руки власти не отдаваться. Кто, кромѣ него, Дегаева и Стародворскаго, участвовалъ въ обсужденіи убійства Судейкина, Конашевичъ объявить отказался».

Такова официальная сторона дѣла ¹⁾, познакомившись съ кото-

¹⁾ Конашевичъ и Стародворскій были приговорены къ смертной казни, замѣненной имъ пожизненною каторгой. Оба они были заключены въ Шлиссельбургъ, гдѣ Конашевичъ впалъ въ психическое разстройство и находится дониндѣ въ психіатрической лѣчебницѣ въ Казани. а Стародворскій амнистированъ послѣ 17 октября 1905 года.

рою, обратимся теперь къ другимъ свидѣтельствамъ. Въ № 2 «Вѣстника Народной Воли» была помѣщена статья редактора этого журнала Л. А. Тихомирова «Въ мѣрѣ мрзости и запустѣнія», изъ которой мы и приведемъ нѣсколько въ высокой степени интересныхъ отрывковъ. Намъ нѣтъ, разумѣется, дѣла до того, что статья эта принадлежитъ человѣку, радикально измѣнившему потомъ свои убѣжденія, для насъ важно лишь то, что развертывающіяся въ статьѣ г. Тихомирова страницы изъ исторіи «дегаевщины» и «судейковщины» написаны авторомъ на основаніи собственно-ручныхъ показаній самого Дегаева, когда онъ, мучимый ли угроженіями совѣсти или по другимъ причинамъ, явился за границу и принесъ революціонерамъ повинную въ своемъ предательствѣ. Перейдемъ же къ отрывкамъ статьи, о которой идетъ рѣчь.

«Георгій Порфирьевичъ Судейкинъ былъ типичнымъ порожденіемъ и представителемъ того политическаго и общественнаго разврата, который развѣдаетъ Россію подъ гнойнымъ покровомъ самодержавія. Это не былъ какой нибудь убѣжденный фанатикъ реакціонной идеи, съ ожесточеніемъ преслѣдующій ея враговъ. Въ Судейкинѣ, напротивъ, вовсе не замѣчалось никакого ожесточенія противъ революціонеровъ. Онъ былъ просто глубокой эгоистъ, не стѣсняемый въ своихъ стремленіяхъ къ карьерѣ ни убѣжденіями, ни какими бы то ни было соображеніями гуманности. Убѣжденій онъ не имѣлъ, а къ человѣческому страданію, счастью или несчастью, относился съ полнымъ безразличіемъ. Онъ не былъ положительно золъ, видъ страданія не доставлялъ ему удовольствія, но онъ съ безусловно легкимъ сердцемъ могъ жертвовать чужимъ счастьемъ, чужой жизнью — для малѣйшей собственной выгоды или удобства. Его безразличіе въ этомъ отношеніи заходило такъ далеко, что иногда становилось въ противорѣчіе даже съ простымъ благоразуміемъ практическаго дѣльца, и возбуждало неудовольствіе собственныхъ друзей Судейкина. «Нѣтъ, такъ нельзя, разсуждалъ однажды Скандраковъ (ближайшій другъ и повѣренный Судейкина), такъ нельзя, это уже неблагородно: высосать все изъ человѣка, а потомъ бросить его, какъ собаку, безъ всякихъ средствъ». Рѣчь шла, собственно, объ одномъ шпіонѣ, бывшемъ радикалѣ, П. Этотъ жалкій человѣкъ, сдѣлавшись шпіономъ, выдавалъ очень быстро всѣхъ, кого только зналъ, и возбудилъ противъ себя подозрѣнія революціонеровъ. Выдавать было больше некого, искать новыхъ жертвъ — опасно, вслѣдствіе уже возникающихъ подозрѣній... Такимъ образомъ П. сдѣлался бесполезнымъ, и Судейкинъ забросилъ его, какъ выжатый лимонъ. Этимъ то и возмущался Скандраковъ. Читатели не должны, однако, особенно увлекаться «благородствомъ» самого Скандракова. Вѣдь мы находимся теперь въ мѣрѣ совершенно особенномъ, гдѣ всѣ обычные понятія о нравственности имѣютъ свой оригинальный характеръ. «Благородство» Скандракова состояло собственно въ томъ, что онъ старался вновь достать П. «заработокъ». Онъ настаивалъ на томъ, чтобы выдохшагося шпіона перевести въ «нелегаль-

ность» и, возбудивъ такимъ образомъ новое довѣріе къ нему среди революціонеровъ, доставить ему возможность опять сдѣлаться «полезнымъ». Судейкинъ не имѣлъ такой сантиментальности и заговаривалъ планъ совершенно иного рода. Дѣло въ томъ, что Дегаеву нужно было чѣмъ нибудь зарекомендовать себя въ революціонномъ мірѣ, и Судейкину пришла счастливая идея—извлечь изъ П. послѣднюю выгоду. Онъ предложилъ Дегаеву прослѣдить П., доказать передъ революціонерами его измѣну и убить его. Такимъ образомъ всякія подозрѣнія революціонеровъ противъ самого Дегаева должны были исчезнуть. «Конечно, замѣчалъ Судейкинъ, жалко его. Да что станете дѣлать? Вѣдь нужно же вамъ чѣмъ-нибудь аккредитовать себя; а изъ П. все равно никакой пользы нѣтъ». Такихъ примѣровъ мы могли бы привести нѣсколько. Тому же Дегаеву Судейкинъ предлагалъ убить еще шпиона Шкрабу ¹⁾ (въ Харьковѣ): «Вотъ, если угодно,—можете его уничтожить, коли понадобится», и т. д. Но гораздо характернѣе то, что Судейкинъ и къ самому правительству относился нѣсколько не лучше. Какъ ни пріучила насъ официальная Россія къ зрѣлищу политическаго индифферентизма и предательства, дѣянія Судейкина все-таки невольно поражаютъ даже человѣка, хорошо знакомаго съ извѣстной самодержавнаго строя и настоящей подкладкой реакціонныхъ гражданскихъ доблестей. Мы остановимся нѣсколько на этой страницѣ біографіи Судейкина, любопытной особенно потому, что она рисуетъ яркими красками самый строй, которому онъ служилъ, или, правильнѣе сказать, который самъ служитъ привольнымъ пастбищемъ для ненасытныхъ аппетитовъ этихъ искателей пирога и приключеній.

«Нужно замѣтить, что отношенія выскочки-сыщика къ верхнимъ правительственнымъ сферамъ, вообще, не отличались особеннымъ дружелюбіемъ. Онъ и пугалъ ихъ и внушалъ имъ отвращеніе. Судейкинъ—плебей; онъ происхожденія дворянскаго, но изъ семьи бѣдной, совершенно захудалой. Образование получилъ самое скудное, а воспитаніе и того хуже. Его невѣжество, не прикрытое никакимъ свѣтскимъ лоскомъ, его казарменные манеры, самый, наконецъ, родъ службы, на которой онъ прославился, все шокировало верхнія сферы и заставляло ихъ съ отвращеніемъ отталкивать отъ себя мысль, что этотъ человѣкъ можетъ когда-нибудь сдѣлаться «особой». А, между тѣмъ, перспектива казалась неизбежной. Въ сравненіи съ массой нашихъ государственныхъ людей, Судейкинъ производилъ впечатлѣніе блестящаго таланта. Мужичковѣта и дѣла сами это прекрасно чувствовали и начинали все больше тревожиться за свои портфели, за свое вліяніе на царя и на дѣла. Отвращеніе и страхъ создавали такимъ образомъ постоянную оппозицію противъ Судейкина. Его старались держать въ черномъ тѣлѣ. Онъ же со своей стороны глубочайшимъ образомъ

¹⁾ Этотъ Шкраба, впрочемъ, пережилъ Судейкина, и уже послѣ него не такъ давно былъ дѣйствительно убитъ революціонерами. *Прим. ред. Вис. Нар. Воин.*

презиралъ всѣхъ этихъ мужей совѣта и въ своихъ честолюбивыхъ стремленіяхъ не считалъ для себя слишкомъ высокимъ какое бы то ни было общественное положеніе. Ему, котораго не хотѣли выпустить изъ роли сыщика, постоянно мерещился портфель министра внутреннихъ дѣлъ, роль всероссійскаго диктатора, держащаго въ своихъ ежевыхъ рукавицахъ бездарнаго и слабаго царя. Разладъ между радужной мечтою и сѣренькой дѣйствительностью оказывался слишкомъ рѣзокъ. Судейкинъ всѣми силами старался разрушить такой «увкій» взглядъ на себя и постоянно добивался свиданія съ царемъ. Толстой употреблялъ напротивъ всѣ усилія не допустить его до этого, и дѣйствительно—Судейкинъ во всю жизнь такъ и не успѣлъ получить у царя ни одной аудіенціи, не былъ даже ни разу ему представленъ. Толстой на этотъ счетъ—человѣкъ ловкій и на своемъ поставитъ умѣть. Судейкинъ изъ себя выходилъ, но ничего не могъ сдѣлать, постоянно наталкиваясь на невидимую руку, оттиравшую его отъ царя. «Если бы мнѣ увидать Государя хоть одинъ разъ, говорилъ онъ съ досадою, я бы съумѣлъ показать себя, я бы съумѣлъ его привязать къ себѣ», и онъ ненавидѣлъ гр. Толстого всѣми силами души.

«Ближайшій начальникъ Судейкина—Плеве—дорожилъ имъ совершенно искренне, какъ человѣкомъ, необходимымъ для собственной карьеры самого Плеве. Онъ не скупился передъ Судейкинымъ на комплименты и въ глаза сказалъ ему однажды: «Вы должны быть осторожны. Вѣдь Ваша жизнь, послѣ жизни Государя Императора—наиболѣе драгоцѣнна для Россіи». Все это было, разумѣется, очень лестно и приятно. Судейкинъ могъ, пожалуй, утѣшаться и тѣмъ, что его начальникъ сходится съ нимъ до нѣкоторой степени даже въ нелюбви къ графу Толстому. Однако же сплетеніе взаимной ненависти, интригъ и подсиживаній, образующихъ въ общей сложности гармонію Россійскаго государственнаго механизма, представляетъ для карьеры каждаго отдѣльнаго честолюбца столько же удобствъ, сколько и затрудненій. Когда Судейкинъ, въ отвѣтъ на приведенный выше комплиментъ, замѣтилъ, что Его Превосходительство забываетъ еще о жизни гр. Толстого, который точно также составляетъ особенный предметъ ненависти для террористовъ, то Плеве раздумчиво отвѣтилъ: «Да, конечно его было-бы жаль—какъ человѣка; однако, нельзя не сознаться, что для Россіи это имѣло бы и нѣкоторыя полезныя послѣдствія»... Начальникъ государственной полиціи находилъ, что Министръ Внутреннихъ Дѣлъ слишкомъ despoticenъ и реакціоненъ. Но отпуская эти фразы, Плеве имѣетъ свою линію. Онъ кандидатъ на министерство ужъ, конечно, не меньше Судейкина. Онъ гладитъ по шерсткѣ нужнаго человѣка, но вовсе не намѣревается строить изъ себя лѣстницу для его честолюбія. Въ общей сложности—Судейкинъ напрасно рвался на дорогу государственнаго дѣятеля. Его постоянно держали въ уздѣ и обходили даже наградами. Онъ получалъ ордена, получилъ даже аренду, но

его упорно не допускали до чиновъ, т. е. до самаго главнаго, чего онъ добивался. Это, конечно, было самое дѣйствительное средство благовиднымъ образомъ загоразивать выскочкѣ путь къ высокимъ должностямъ, и Судейкинъ за пять лѣтъ службы, полной блестящихъ успѣховъ, могъ возвыситься изъ капитановъ всего только въ подполковники. Онъ ждалъ производства въ полковники хотя бы послѣ коронаціи, во время которой за нимъ всѣ такъ ухаживали. Боязнь допустить повышение Судейкина оказалась, однако, болѣе сильною, чѣмъ опасеніе его раздражить. Спаситель Россіи получилъ всего на всего Владиміра 4-ой степени и, разумѣется, буквально взбѣсился. Подъ вліяніемъ такихъ-то столкновеній у Судейкина рождаются планы, достойные дѣйствительно временъ семибоярщины или бироновщины. Его упорно преслѣдовала соблазнительная мечта, которую онъ весь послѣдній годъ жизни лелѣялъ, какъ Валленштейнъ свой планъ измѣны, не рѣшаясь приступить къ осуществленію этихъ дерзкихъ замысловъ, но не рѣшаясь и разстаться съ ними. Онъ думалъ поручить Дегаеву подъ рукою сформировать отрядъ террористовъ, совершенно законспирированный отъ тайной полиціи; самъ же хотѣлъ затѣмъ къ чему-нибудь придрататься и выйти въ отставку. Въ одинъ изъ моментовъ, когда онъ уже почти рѣшался начать свою фантастическую игру, Судейкинъ думалъ мотивировать отставку прямо безтолковостью начальства, при которой онъ-де не въ состояніи добросовѣстно исполнять свой долгъ; въ другой такой моментъ Судейкинъ хотѣлъ устроить фиктивное покушеніе на свою жизнь, причѣмъ долженъ былъ получить рану и выйти въ отставку по болѣзни. Какъ бы то ни было, немедленно по удаленіи Судейкина, Дегаевъ долженъ былъ начать рѣшительныя дѣйствія: убить гр. Толстого, великаго князя Владиміра, и совершить еще нѣсколько болѣе мелкихъ террористическихъ фактовъ. При такомъ возрожденіи террора—понятно, ужасъ долженъ былъ охватить царя; необходимость Судейкина, при удаленіи котораго революціонеры немедленно подняли голову—должна была стать очевидной, и къ нему обязательно должны были обратиться, какъ къ единственному спасителю. И тутъ уже Судейкинъ могъ запросить, чего душѣ угодно, тѣмъ болѣе, что со смертью Толстого—сходитъ со сцены единственный способный человѣкъ, а мѣсто министра внутреннихъ дѣлъ остается вакантнымъ... Таковы были интимныя мечты Судейкина. Его фантазія рисовала ему далѣе, какъ, при исполненіи этого плана, Дегаевъ въ свою очередь дѣлается популярнѣйшимъ человѣкомъ въ средѣ революціонеровъ, попадаетъ въ Исполнительный Комитетъ или же организуетъ новый центръ революціонной партіи, и тогда они вдвоемъ—Судейкинъ и Дегаевъ—составятъ нѣкоторое тайное, но единственно реальное правительство, заправляющее одновременно дѣлами надпольной и подпольной Россіи: цари, министры, революціонеры—все будетъ въ ихъ распоряженіи, всѣ повезутъ ихъ на своихъ спинахъ къ какому-то туманно-ослѣпительному будущему, которое Судейкинъ,

можетъ быть, даже наединѣ съ самимъ собою не смѣлъ рисовать въ сколько-нибудь опредѣленныхъ очертаніяхъ...

«Вотъ собственно каковъ былъ по своимъ «убѣжденіямъ» и по своей «вѣрности» этотъ отчаянный авантюристъ, за гробомъ котораго впоследствии несли вѣнокъ, присланный, по слухамъ, императрицей и предназначенный «честно исполнившему свой долгъ до конца», какъ гласила чувствительная надпись. Можно ли придумать что-нибудь болѣе жестоко - ироническое! И нужно, между прочимъ, сказать, что Судейкинъ далеко не оставался въ области однихъ грѣшныхъ мечтаній. Еще незадолго до смерти онъ было совсѣмъ рѣшился переходить Рубиконъ. Онъ уже далъ Дегаеву указанія объ образѣ жизни гр. Толстого и сообщилъ необходимые данныя для слѣженія за нимъ. Точно также онъ рѣшился устроить покушеніе и на свою собственную жизнь, для чего уже началъ ходить въ паркъ, гдѣ Дегаевъ долженъ былъ его яко-бы подстергать, хотя при всемъ своемъ довѣрїи къ Дегаеву, Судейкинъ хотѣлъ себѣ нанести рану непремѣнно самъ. Въ концѣ концовъ—Судейкинъ, послѣ совѣщанія съ докторомъ, не рѣшился, впрочемъ, нанести себѣ даже малѣйшей раны и ограничился тѣмъ, что подалъ Плевѣ прошеніе объ отставкѣ. Просьбы Плевѣ еще болѣе поколебали Судейкина, подавъ ему надежду побѣдить начальство безъ кровопролитія. Но онъ все-таки рѣшительно заявилъ, что не останется на службѣ далѣе мая 1884 г., до котораго срока и отложилъ еще разъ исполненіе своихъ замысловъ, прекративши, разумѣется, и слѣженіе за Толстымъ. Но если Судейкинъ, такимъ образомъ, робѣлъ нѣсколько разъ передъ своимъ отчаяннымъ предпріятіемъ, въ которомъ рисковалъ головой, при малѣйшей нескромности помощниковъ,—то съ другой стороны онъ энергично и неустанно преслѣдовалъ другую, уже вполне безопасную часть плана: подборъ лицъ, на которыхъ могъ бы опереться, достигнувъ могущества. Онъ систематически окружалъ себя своими креатурами, выбирая людей не только способныхъ, но безусловно лично ему преданныхъ. Всѣ эти Скандраковы, Судовскіе, Сидрины и т. д.—люди всѣхъ степеней сыскной іерархіи—все друзья его, земляки или еще чаще родственники. Онъ ихъ вытаскивалъ за уши изъ всѣхъ норокъ и группировалъ около себя. Онъ наполнялъ ими всѣ мѣста и стремился превратить секретную полицію въ нѣкоторую организацію, связанную съ нимъ неразрывными узами пріятельства, матеріальныхъ интересовъ, совмѣстнаго успѣха и совмѣстнаго риска. Тутъ уже Судейкинъ не забывалъ и не выдавалъ друзей и клиентов. Въ свою очередь онъ также могъ смѣло полагаться на нихъ.

«Система Судейкина была вполне опредѣлена: онъ поставилъ себѣ за правило — обращаться съ предложеніемъ поступить въ шпионы—рѣшительно ко всякому. Чѣмъ мотивировать такое предложеніе—это все равно. Будетъ оно принято или отвергнуто съ презрѣніемъ—это, конечно, не все равно, но трудъ и хлопоты въ обоихъ случаяхъ не пропадаютъ даромъ, потому что безплодны

переговоры, бывшіе у полиціи съ честнымъ человѣкомъ, дѣлаютъ менѣе замѣтными тѣ переговоры, которые по отношенію къ какому-нибудь негодяю увѣнчались полнымъ успѣхомъ; вообще, все это отнимаетъ у массы зрителей возможность провести ясное различіе между обоими лицами, и, наконецъ, приучаетъ всѣхъ къ мысли о естественности и законности собесѣдованій порядочнаго человѣка съ чинами секретной полиціи. На такихъ же основаніяхъ Судейкинъ не жалѣлъ бросать деньги, повидимому, совершенно зря—такимъ людямъ, которыхъ агентура была совершенно фиктивна, потому что они, очевидно, лукавили съ полиціей. Съ точки зрѣнія Судейкина—это не составляло еще важности. Нужно было приучить людей брать деньги отъ полиціи: вотъ главная задача, и въ этомъ смыслѣ, пожалуй, даже лучше, если на первое время будутъ попадаться люди, которые деньги возьмутъ, а шпіонской роли исполнять не станутъ. Это опять затрудняетъ для зрителей возможность разобраться, кто шпіонъ, кто нѣтъ, и позволяетъ шпіону утверждать, что онъ обманываетъ полицію и только высасываетъ изъ нея деньги. Нельзя, къ сожалѣнію, не замѣтить, что такимъ путемъ деморализація и дѣйствительно проникала въ общество и молодежь.

«Что такое Дегаевъ? Какимъ путемъ и для чего попалъ онъ такъ близко къ полицейскому диктатору? Какимъ образомъ Судейкинъ могъ такъ довѣриться бывшему революціонеру? Мы къ сожалѣнію до сихъ поръ не получили такихъ обстоятельныхъ свѣдѣній, которыя позволили-бы намъ пуститься въ безбоязненное распутываніе этой новой темной исторіи. Съ другой стороны намъ не хотѣлось-бы говорить и наугадъ. Читатели знаютъ во всякомъ случаѣ, что Дегаевъ былъ нѣкогда революціонеромъ, а затѣмъ—оставаясь въ рядахъ партіи—сдѣлался въ то же время наиболѣе довѣреннымъ агентомъ Судейкина: въ концѣ же концовъ онъ помогаетъ Исполнительному Комитету совершить казнь Судейкина. Въ настоящей замѣткѣ мы уже видѣли достаточно невѣроятныхъ чудесъ и даже принуждены были дать себѣ слово ничему не удивляться. Не будемъ же удивляться и на этотъ разъ, а перейдемъ прямо къ окончанію этой серіи невѣроятностей, къ происшествію 16-го декабря 1883 г.

«Съ 3-го декабря 1883 г. Дегаевъ, подъ фальшивымъ паспортомъ Яблонскаго, проживаетъ въ собственной квартирѣ на одномъ изъ тѣхъ дворовъ, которые выходятъ однимъ фасомъ на Невскій, другимъ на Гончарную (№ 91—12). Самая квартира расположена во дворѣ, въ 3-мъ этажѣ, окнами на дворъ и имѣетъ единственный ходъ со двора же, изъ-подъ воротъ (по Гончарной). Квартира эта довольно большая и состоитъ изъ кухни, передней и трехъ комнатъ (столовая, кабинетъ, спальня), расположенныхъ амфиладой. Меблирована она, однако, довольно безпорядочно.

«Дегаевъ раньше жилъ съ женой, Судейкинъ—большой пріятель Дегаева—часто посѣщалъ супруговъ, по дѣламъ и безъ дѣлъ, ѣлъ и пилъ у нихъ, засиживался до поздней ночи. Онъ является

очень часто со своимъ племянникомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ казначеемъ, Судовскимъ, а другой его приближенный человѣкъ и чуть-ли тоже не родственникъ, Сидринъ (простой шпионъ), бываетъ у Дегаевыхъ чуть не каждый день. Вообще — отношенія вполне интимныя, и Судейкинъ, при всей своей осторожности и подозрительности, здѣсь очевидно ничего не опасается. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ г-жа Дегаева собирается уѣхать за границу; Судейкинъ даетъ ей деньги, даетъ фальшивый заграничный паспортъ. Онъ полагаетъ, что она ѣдетъ слѣдить за эмигрантами. Дегаевъ, оставшись одинъ, для полного успокоенія Судейкина, проситъ его дать ему слугу изъ шпионовъ. Просьба, разумѣется, удовлетворяется, и какой-то сыщикъ, шуринъ Сидрина, дѣлается лакеемъ Дегаева, проживая, впрочемъ, подъ фальшивымъ видомъ, яко-бы сына дьячка, Константина Александрова. Такимъ образомъ Судейкину не можетъ придти въ голову даже самая мысль объ опасности посѣщать его квартиру.

«А между тѣмъ смерть уже приближалась къ нему. Дегаевъ пробовалъ стрѣлять въ комнату — и оказалось, что звукъ не слышенъ внѣ квартиры. Его пособники уже входили въ квартиру и осматрѣли ее. Они обсудили, какое орудіе будетъ наиболѣе подходящимъ для убійства и остановились на желѣзныхъ, полупудовыхъ ломахъ, около аршина длиной. Наконецъ, былъ назначенъ день...

«Дегаевъ долженъ былъ устроить такъ, чтобы въ этотъ день къ нему пришелъ Судейкинъ, и чтобы Константина въ то же время не было дома. Такой случай очень скоро самъ явился на помощь заговорщикамъ. Константинъ отпросился отлучиться изъ дому на парадъ, и Дегаевъ тотчасъ же написалъ Судейкину, что желаетъ его видѣть. Все было готово... Такъ кончилась эта жизнь, переносица вась мысленно куда-то далеко, ко временамъ какого-нибудь Гришки Отрепьева; а черезъ нѣсколько дней полицейская Россія уже воздала послѣдній долгъ своему герою и проводила его на кладбище, мрачно и уныло, среди тоскливыхъ опасеній за свою собственную судьбу»...

Судьба Судейкина свершилась. Правительство развѣсило по всей Россіи буквально въ десяткахъ тысячь экземпляровъ воспроизводимое нами здѣсь объявленіе, обѣщавшее награду въ тысячи рублей за поимку Дегаева или хотя бы за доставленіе полиціи какихъ либо указаній на его мѣстопробываніе, но все было тщетно: Дегаева и слѣдъ простылъ. Съ своей стороны революціонеры выпустили двѣ прокламаціи, въ одной изъ которыхъ заявлялось, что событіе 16 декабря было дѣломъ организаци «Народной Воли», въ другой — обѣщалось возмездіе всякому, кто соблазнится правительственнымъ обѣщаніемъ денежной награды и приметъ участіе въ задержаніи Дегаева¹⁾. Вторая прокламація

¹⁾ Обѣ прокламаціи были затѣмъ перепечатаны въ № 10 «Нар. Воли», а нынѣ воспроизведены въ 6-мъ томѣ сборниковъ Базилевскаго — «Литература партіи Народной Воли» стр. 651—652.

вызвала недоразумѣніе въ томъ смыслѣ, что будто бы партія «Нар. Воли» беретъ Дегаева подъ свое покровительство. Вслѣдствіе этого въ № 10 «Народной Воли» появилось слѣдующее заявленіе Исполнительнаго Комитета:

«Въ виду разнообразныхъ и большею частью ложныхъ слуховъ, распространяющихся о фактахъ, связанныхъ съ казнью Судейкина, Исполнительный Комитетъ партіи Народной Воли считаетъ своею обязанностью передъ товарищами и передъ публикой обнародовать по этому поводу слѣдующее.—Изъ нашихъ предъидущихъ публикацій извѣстно, что И. К. рѣшилъ до появленія коронаціоннаго манифеста Александра III не производить никакихъ наступательныхъ дѣйствій, предоставивъ русскому правительству самому доказать русскому обществу, что оно, правительство, и не обезпечиваемое ударами революціонеровъ, не способно ни къ какимъ благодѣтельнымъ для Россіи мѣрамъ. Казнь Стрѣльникова, подготовленная заранее, была лишь частнымъ средствомъ самозащиты.

«Но это преднамѣренное бездѣйствіе начало истолковываться не только врагами, но даже нѣкоторыми членами организациі Н. В., какъ результатъ ослабленія партіи вслѣдствіе крупныхъ ударовъ, нанесенныхъ ей передъ этимъ. Это могло въ особенности имѣть мѣсто для кое-кого изъ тѣхъ лицъ, которыя, занимая лишь второстепенныя положенія въ организациі, не позволявшія имъ обладать надлежащими свѣдѣніями о ея намѣреніяхъ и силахъ, и очутившись вслѣдъ затѣмъ въ заключеніи или ссылкѣ, отрѣзавшихъ ихъ отъ живыхъ сношеній съ товарищами, могли лишь крайне недостаточно знать то, что дѣлалъ или имѣлъ въ виду сдѣлать въ это время Комитетъ. Такое малодушно-недовѣрчивое отношеніе къ внутренней силѣ нашего дѣла и къ наличнымъ силамъ защищающей его партіи, въ связи съ несчастнымъ личнымъ характеромъ, представляющимъ уродливую смѣсь громадной самоувѣренности и самонадѣянности съ позорнымъ страхомъ за свою личную безопасность и благополучіе, повели въ одномъ случаѣ къ дѣлому ряду глубоко прискорбныхъ и прямо преступныхъ дѣйствій, нанесшихъ партіи много непоправимаго нравственнаго и матеріальнаго вреда и дѣйствительно парализовавшихъ на время ея дѣятельность. Мы говоримъ, конечно, о С. П. Дегаевѣ,—человѣкѣ, присоединившемся къ партіи въ моментъ ея могущества, исполнявшемъ многія довѣренныя ему службы и поднявшемся поэтому во время позднѣйшихъ разгромовъ довольно высоко въ организационной іерархіи, хотя его прошедшее, бѣдное серьезными испытаніями, и не давало всѣхъ требуемыхъ въ другое время гарантій безусловной состоятельности во всѣхъ случаяхъ. Арестованный въ Одессѣ въ декабрѣ 1882 года, чувствуя себя скомпрометированнымъ самымъ серьезнымъ образомъ, устрешенный открывавшейся передъ нимъ перспективой личной гибели, малодушно сдѣлавшая, подъ вліяніемъ тюремныхъ иллюзій и своего слабого характера, свою собственную гибель и безсиліе съ гибелью и безсиліемъ самаго дѣла и партіи и суевѣрно представляя себя схва-

*

тившую его полицію Судейкина какою-то всемогущею, вездѣсущею силою, онъ рѣшился на такой планъ дѣйствій, который не только спасалъ его отъ каторги, но и открывалъ передъ нимъ, по его мнѣнію, заманчивую перспективу блестящей политической роли. А именно, находясь въ этомъ состояніи духовнаго помраченія и нравственнаго паденія и отрѣванный отъ нравственной поддержки болѣе сильныхъ и благородныхъ товарищей, онъ задумалъ купить признательность и довѣріе правительства цѣной выдачи ему своихъ вчерашнихъ друзей и его злѣйшихъ враговъ, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи, заручившись полнымъ довѣріемъ самодержавной власти, нанести ей при случаѣ рѣшительный ударъ. Съ этими химерическими, смутными и глубоко-безнравственными идеями въ головѣ, онъ предложилъ Судейкину свои услуги, которыя и были охотно приняты перепуганнымъ правительствомъ, немедленно устроившимъ ему подложный побѣгъ, приведшій снова въ ряды партіи этого безсовѣстнаго и опаснаго предателя. Если вѣрять его собственнымъ объясненіямъ, то онъ льстилъ себя нѣкоторое время надеждами на то, что ему удастся достигнуть своей цѣли цѣною сравнительно незначительныхъ жертвъ, выдавая лишь второстепенныя дѣла и личности и спасая всѣхъ важныхъ дѣятелей и всѣ важныя предпріятія и учрежденія и даже обезпечивая этимъ послѣднимъ болѣе широкое развитіе подъ ея самоличною охраною. Но дѣйствительность скоро разбила эти фантастическіе планы и показала всю химеричность этой безпринципной и преступной затѣи. Находясь подъ неустаннымъ давленіемъ ненасытной полиціи и подъ непрестаннымъ опасеніемъ потерять ея довѣріе и возбудить противъ себя ея подозрѣнія, онъ былъ вынужденъ мало-по-малу выдать ей почти все, что зналъ, не щадя ни личныхъ друзей, ни довѣрившихъ ему знакомыхъ, ни учреждений и предпріятій самаго серьезнаго свойства, за исключеніемъ лишь того, что оставалось ему неизвѣстнымъ въ силу его іерархическаго положенія. Мало того, подъ давленіемъ тѣхъ же мотивовъ и для приданія себѣ большей важности и болѣе прочнаго положенія, ему пришлось даже сочинять небывалыя предпріятія и приписывать многимъ отдѣльнымъ личностямъ, даже и не принадлежавшимъ совсѣмъ къ организаціи, совершенно фантастическое значеніе. Но все это, конечно, не повело ни къ чему и, разрушивъ множество серьезныхъ предпріятій и погубивъ не мало благородныхъ личностей, нисколько не вывело его самого изъ позорнаго положенія обыкновеннаго предателя и сыщика. И вотъ, подавленный сознаніемъ своего преступнаго самообольщенія, невольно поддаваясь вліянію окружавшей его опять нравственной атмосферы, мучимый угрызеніями совѣсти, отчаявшись въ возможности для себя не только блестящей, но и какой бы то ни было карьеры, удерживаемый правительствомъ въ незавидной роли полицейской ищейки, постоянно опасаясь обнаруженія своей позорной тайны и утомленный въ конецъ вѣчной борьбой съ вѣчно возникавшими противъ него подозрѣніями, онъ рѣшился напослѣдокъ открыться

Исполнительному Комитету, предоставивъ этому послѣднему или подвергнуть его заслуженной казни, или дозволить ему искупить, хотя до нѣкоторой степени, свое преступленіе какою-нибудь услугою дѣлу партіи. Очутившись передъ лицомъ этой глубоко печальной и трагической задачи, Исполнительный Комитетъ, какъ представитель политической партіи, не счелъ себя въ правѣ дѣйствовать подобно частному лицу въ обыденной жизни и руководствоваться въ своемъ рѣшеніи только нравственной брезгливостью да требованіями отвлеченной справедливости. Напротивъ того, онъ полагалъ, что его прямая обязанность состояла въ томъ, чтобы, обезпечивъ—путемъ ли физической смерти, или иными способами—полное уничтоженіе личности Дегаева для партіи, правительства и общества, достигнуть вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣкоторыхъ другихъ важныхъ цѣлей. А именно,—онъ нашелъ необходимымъ: 1) спасти прежде всего тѣхъ изъ дѣйствительныхъ дѣятелей, которые, хотя и были указаны полиціи, находились еще на свободѣ; 2) вывести изъ подъ надзора полиціи указанные ей учрежденія и скрыть ихъ вполне надежнымъ образомъ; 3) отобрать у Дегаева подробныя свѣдѣнія обо всѣхъ наемныхъ агентахъ и добровольныхъ пособникахъ политической полиціи; 4) и, наконецъ, казнить самого Судейкина (но непременно руками самого же Дегаева), ибо этотъ неумолимый сѣятель политическаго разврата долженъ былъ, по мнѣнію Комитета, погибнуть въ той самой ямѣ, которую онъ рылъ другимъ, оставивъ собственной гибелью вѣчно памятный урокъ того, какъ ненадежно все основанное на предательствѣ. Къ тому же только такое взаимоистребленіе двухъ достойныхъ другъ друга дѣятелей могло, по его мнѣнію, успокоить, хоть до нѣкоторой степени, возмущенное нравственное чувство зрителей этой трагедіи и дѣйствительно обезпечить на будущее время полную невозможность новаго выступленія Дегаева на той или другой сторонѣ русской политической арены. Нѣтъ надобности прибавлять, что всѣ выдачи были прекращены безусловно съ того самаго момента, какъ Дегаевъ отдался въ распоряженіе Исполнительнаго Комитета.

«Что касается того, какъ выполнены приказанія Комитета касательно казни Судейкина, то это достаточно извѣстно всѣмъ и каждому изъ разныхъ газетъ. Вынужденный горькою необходимостью преодолѣть свою нравственную брезгливость и законное негодованіе и воспользоваться услугами Дегаева, Исполнительный Комитетъ нашелъ справедливымъ замѣнить ему смертную казнь безусловнымъ изгнаніемъ его изъ партіи съ запрещеніемъ ему, подъ опасеніемъ смерти, вступать когда-либо на почву русской революціонной дѣятельности. Исполнительный Комитетъ приглашаетъ всѣхъ членовъ партіи Народной Воли слѣдить за точнымъ выполненіемъ этого приговора, а также за поведеніемъ другихъ лицъ, запятнавшихъ себя дѣловыми съ Судейкинымъ, Плеве и вообще полиціей.

«Пусть эти лица знаютъ, что организація предупреждена объ ихъ продѣлкахъ, и помнить, что въ настоящее время единствен-

ный выходъ для нихъ составляетъ добровольное удаленіе къ частной жизни. Несмотря на всю важность занимающихъ его вниманіе цѣлей, Исполнительный Комитетъ найдетъ время неуклонно преслѣдовать дѣло очищенія русской политической атмосферы отъ деморализаціи, развитой въ ней Судейкинымъ»¹⁾.

Таковъ остовъ тѣхъ страницъ русскаго революціоннаго движенія, которыя связаны съ именами Судейкина и Дегаева. Мы привели ихъ здѣсь для болѣе яснаго пониманія читателями уже не остова «Дегаевщины» а самой плоти и крови той эпохи въ живомъ ея воспроизведеніи современниками. Выше помѣщенными высоко интересными воспоминаніями по этому поводу А. П. Прибылевой-Корбы исторія Дегаевщины далеко, конечно, еще не исчерпывается, и наши читатели встрѣтятся съ нею еще не разъ въ мемуарахъ А. А. Спандони, С. А. Иванова и другихъ крупныхъ дѣятелей той эпохи.

¹⁾ Это заявленіе Исполнительнаго Комитета приводится здѣсь съ небольшими сокращеніями (опущены, напр. нѣсколько строкъ, содержащихъ характеристику личности Александра III). Полностью см. 6-й томъ сборниковъ Базилевскаго «Литература партіи Народной Воли» стр. 653—657.

Къ біографіи Адама Мицкевича.

(1829).

(По невѣданнымъ матеріаламъ).

Въ январѣ 1829 года Адамъ Мицкевичъ, обязанный еще въ 1827 году по Высочайшему повелѣнію отбывать государственную службу во внутреннихъ губерніяхъ Россіи, началъ хлопотать о разрѣшеніи выѣхать за границу для поправленія здоровья. Шефу жандармовъ ген.-ад. А. Х. Бенкендорфу Мицкевичъ подалъ тогда слѣдующую записку о своемъ дѣлѣ:

„Въ концѣ 1823 года я былъ арестованъ виленской полиціей и въ теченіе семи мѣсяцевъ находился въ заключеніи, въ тюрьмѣ, въ которой на меня смотрѣли какъ на преступника, и обращались какъ съ преступникомъ. На пятый мѣсяцъ моего заключенія я подвергся первому и послѣднему допросу передъ комиссіей, которой поручено было произвести розысканіе о существованіи тайныхъ обществъ между студентами Виленскаго университета. Нѣкоторое время спустя выше-названная комиссія признала, что я, будучи еще студентомъ университета, принадлежалъ къ литературному обществу, состоявшему изъ 5—7-ми членовъ, продолжительность существованія котораго не простиралась свыше 2-хъ лѣтъ, 1817 и 1818, и которому слѣдственная комиссія никогда не приписывала политической цѣли. Но въ то же самое время было признано, что я не принадлежалъ къ другому студенческому обществу, заключавшему болѣе сотни членовъ, возникновеніе котораго относилось къ 1820-му году и которому сама комиссія могла приписать единственную вину—любовь къ родинѣ, ни разу не объяснивъ какимъ образомъ и почему она не дозволена. По заключенію этой комиссіи въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1824-го года я былъ освобожденъ и, какъ мнѣ казалось, могъ предать забвенію все мои прошлыя несчастья, какъ вдругъ, по предписанію полиціи въ октябрѣ я вынужденъ былъ въ 24 часа покинуть Вильну и отправиться въ Петербургъ. Я узналъ тогда, что я былъ помѣщенъ въ число 14-ти студентовъ, осужденныхъ нести государственную службу въ отдаленныхъ отъ Польши губерніяхъ. По пріѣздѣ въ Петербургъ, по распоряженію свыше, предоставлявшему мнѣ выборъ мѣста служенія, я былъ направленъ къ графу Витту, попечителю Одесскаго лицея. Но немного спустя, послѣ новаго распоряженія, вынуждавшаго измѣнить мѣсто моего пребыванія, я выбралъ службу въ Москвѣ, гдѣ я былъ причисленъ къ канцеляріи по гражданскимъ дѣламъ московскимъ генераль-губернаторомъ.

Положеніе моихъ собственныхъ дѣлъ и моей семьи заставляеть меня желать перемѣненія въ С.-Петербургъ, а состояніе моего здоровья требуетъ, чтобъ я предпринялъ путешествіе на воды въ Германію. Но я хорошо вижу, что всѣ мои попытки будутъ бесплодны, пока мнѣ приходится защищаться не противъ явныхъ уликъ, но противъ неясныхъ и неопредѣленныхъ подозрѣній. Я не подлежу законному осужденію, ибо я не былъ осужденъ; я не заслуживаю наказанія, ибо я не былъ приговоренъ къ наказанію; мое поведеніе безупречно, ибо свидѣтельство моего начальства отвѣчаетъ за меня. Я заслуживаю довѣрія, разъ я могъ получить профессорскую кафедру, и не смотря на все это я—опасный человѣкъ, подозрѣнія рѣютъ надо мной. И послѣ того какъ все перемѣнилось вокругъ меня, послѣ того какъ я самъ достигъ возраста, когда нужно окончательно подумать о своей судьбѣ, и когда человѣкъ, и какъ поданный, и какъ отецъ семейства, долженъ выяснить и исполнить свои обязанности, на меня все же смотрятъ, какъ на студента Виленскаго университета. Новыя розысканія слѣдуютъ одно за другимъ, не прибавляется никакихъ новыхъ обвиненій ни противъ меня, ни противъ моихъ товарищей, ни съ какой стороны не вспоминаютъ о виленской слѣдственной комиссіи; милость государя смягчаетъ суровость суда, манифесты отмѣняютъ приговоры трибуналовъ, открываютъ тюрьмы, возвращаютъ ссылныхъ. Не смотря на это, мое общественное положеніе остается все тѣмъ же. Изгнанный въ 1824 году за дѣйствія, имѣвшая мѣсто въ 1818 году, я въ теченіе пяти лѣтъ не могу достигнуть искупленія моихъ первыхъ школьныхъ лѣтъ.

Адамъ Мицкевичъ.

Письмо Мицкевича написано по-французски. Для интересующихся приводимъ и подлинникъ:

C'était vers la fin de l'année 1823 que j'ai été saisi par la police de Vilna pour être enfermé pendant sept mois dans une prison, dans laquelle j'ai été gardé et traité comme un criminel. Dans le cinquième mois de mon emprisonnement, j'ai subi mon premier et mon dernier interrogatoire devant la Commission, chargée alors d'enquête sur l'existence des sociétés secrètes, parmi les étudiants de l'Université de Vilna. Il a été reconnu quelque temps après par la dite Commission que j'ai appartenu, étant encore étudiant de l'Université, à une société littéraire composée de 5 à 7 membres dont la durée ne s'étendait au delà de deux années 1817 et 1818, et à laquelle la Commission d'enquête n'a jamais attribué un but politique: mais il a été reconnu en même tems, que je n'avais pas appartenu à une autre société des étudiants, composée de plus de 100 membres, dont l'origine se rapportait à l'année 1820 et à laquelle la Commission elle-même n'a trouvé qu'une seule faute *l'amour de la nationalité*, sans jamais dire comment et en quoi il était illicite. Par suite de cette enquête j'ai été mis en liberté au mois d'Avril 1824 et j'ai cru pouvoir vouer à l'oubli toutes mes tribulations passées, lorsqu'un ordre de police au mois d'Octobre m'a fait quitter Vilna dans le délai de 24 heures, pour aller à Petersburg. J'ai appris alors que j'ai été mis au nombre de 14 étudiants condamnés à prendre le service de la Couronne dans les gouvernements éloignés de la Pologne. Arrivé à St.-Petersbourg par suite de l'ordre suprême qui m'avait laissé le choix du lieu du service

je fus adressé au Comte de Witt Curateur du Lycée d'Odessa. Mais peu de tems après un nouvel ordre m'ayant fait changer le lieu de mon séjour, j'ai choisi le service à Moscou; où je suis attaché à la Chancellerie civile du Général Gouverneur Militaire.

L'état de mes propres affaires et de celles de ma famille m'ont fait désirer d'être placé à St.-Petersbourg, l'état de ma santé exige que je fasse un voyage aux eaux de l'Allemagne, mais je vois bien que toutes mes démarches seront infructueuses tant que j'aurais à me défendre non par contre les preuves évidentes, mais contre des soupçons vagues et obscurs. Je ne mérite pas un jugement, car je n'ai pas été jugé, je ne mérite pas une peine, car je n'ai pas été puni ma conduite n'est pas blamable, car le témoignage de mon Chef répond pour moi, j'ai mérité la confiance, car j'ai pu obtenir la place de Professeur, et malgré tout cela je suis un homme dangereux, des soupçons planent sur moi. Ainsi donc après que tout est changé autour de moi, après que moi même je suis parvenu à l'âge où l'on est obligé à penser décidément à son sort, où l'homme et comme sujet et comme père de famille doit connaître et remplir ses devoirs, je suis regardé toujours comme un étudiant de l'Université de Vilna. Des enquêtes nouvelles succèdent l'une après l'autre, rien ne vient à augmenter la charge contre moi, ni contre mes collègues, nulle part on ne fait mention de la Commission d'enquête de Vilna; la grâce du Souverain relâche les rigueurs de la justice, les Manifestes suspendent les poursuites des tribunaux, ouvrent les prisons, rendent les relégués à leur famille, malgré cela ma position sociale reste toujours la même. Exporté en 1824 pour des faits survenus en 1818, je ne puis pas pendant cinq ans réussir à expier mes premières années d'école.

Adam Mickiewicz.

За Мицкевича усиленно хлопотали; его предстатели имѣли успѣхъ у Бенкендорфа, такъ какъ на запискѣ Мицкевича онъ положилъ слѣдующую резолюцію: „Просимъ В. К. Константина рѣшить вопросъ въ благопріятномъ смыслѣ“—(le demander au g: D: Const: bien touaner la question). Этой резолюціей долженъ былъ руководить чиновникъ III отдѣленія, составившій рапортъ великому князю. Рапортъ былъ написанъ въ весьма благопріятномъ для Мицкевича смыслѣ. Приводимъ его цѣлымъ:

„Извѣстный польскій поэтъ Мицкевичъ, высланный, за принадлежность къ тайному обществу филаретовъ изъ Польскихъ губерній во внутренность Россіи, и находящійся, по Высочайшему соизволенію, въ здѣшней Столицѣ, проситъ дозволенія отправиться за границу для употребленія цѣлительныхъ водъ отъ болѣзни, которая, по мнѣнію здѣшнихъ врачей, незамедлительно прекратитъ его жизнь.

Поелику Мицкевичъ, по свидѣтельству мѣстныхъ начальствъ, равно какъ по всѣмъ собраннымъ о немъ секретнымъ справкамъ, вель себя, во все время пребыванія своего въ Москвѣ и въ С.-Петербургѣ, отлично хорошо и скромно, и снискалъ себѣ искреннее уваженіе всѣхъ тѣхъ, съ коими онъ имѣлъ случай познакомиться; то его Императорское Величество, въ уваженіе всего вышеизложеннаго, и въ особенности болѣзненнаго его состоянія, содѣлывающаго жизнь его недолговѣчною, Высочайше благоволилъ повелѣть мнѣ испросить всепокорнѣйше Ва-

шего Императорскаго Высочества разрѣшеніе, на дозволеніе Мицкевичу отправиться за границу.

Донесли всеподданнѣйше Вашему Императорскому Высочеству, буду имѣть честь ожидать предписанія Вашего, для всеподданнѣйшаго доклада Государю Императору*.

Рапортъ былъ отправленъ 7 февраля 1829 года, а 21 февраля изъ Варшавы былъ отправленъ слѣдующій отвѣтъ на имя Бенкендорфа:

„На отношеніе ко мнѣ Вашего Превосходительства отъ 7-го февраля за № 600-мъ, коимъ по Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію спрашиваете моего согласія на дозволеніе поэту Мицкевичу отправиться за границу для лѣченія болѣзни, угрожающей самою смертію,—имѣю честь отвѣтствовать Вашему Превосходительству, что коль скоро благоудно оноЕ Его Императорскому Величеству, я, съ моей стороны, совершенно согласенъ съ Высочайшею волею и никакого препятствія не нахожу“.

Генераль Инспекторъ всей Кавалеріи *Константинъ*.

12 марта ген.-ад. Бекендорфъ рапортовалъ Великому князю:

„Долгомъ считаю всепокорнѣйше донести Вашему Императорскому Высочеству, что вслѣдствіе отзыва Вашего Императорскаго Высочества отъ 21 февраля, подъ № 12212 послѣдовало Всемиловѣннѣйшее Государя Императора дозволеніе польскому поэту Мицкевичу отправиться за границу.“

Поручикъ Ѳедоръ Кречетовъ.

Шлиссельбургскій узникъ XVIII столѣтїа.

Общественное движеніе во второй половинѣ царствованія императрицы Екатерины II выдвинуло на общественную арену цѣлый рядъ замѣчательныхъ дѣятелей, съ Новиковымъ и Радищевымъ во главѣ. Но наряду съ этими извѣстными людьми на общественной нивѣ трудились многие рядовые дѣятели, чьихъ именъ не донесла до насъ исторія. Безвѣстность была ихъ участію при жизни и по смерти. Но иногда безвѣстность постигала и выдающихся людей по причинамъ исключительнымъ. Они погибали въ каменныхъ мѣшкахъ государственныхъ тюремъ—этихъ твердыхъ государственнаго строя. Сколько ихъ было, кто были они, что дѣлали и какъ мыслили,—мы не знаемъ и съ полной достовѣрностью и опредѣленностью никогда не узнаемъ. Только случайныя архивныя находки вдругъ освѣщаютъ яркимъ свѣтомъ фигуры этихъ забытыхъ исторіей работниковъ и ту сцену, на которой они выступали. Къ числу такихъ дѣятелей второй половины XVIII в. принадлежитъ и поручикъ Ѳедоръ Кречетовъ, неизвѣстный и по имени даже изслѣдователямъ и специалистамъ. А его нужно считать однимъ изъ первыхъ русскихъ конституціоналистовъ. Не принадлежа къ крупнымъ писателямъ своего времени, Кречетовъ по духу былъ однимъ изъ непосредственныхъ сподвижникомъ Новикова и Радищева. Въ многомъ сходясь съ ними во взглядахъ, стремясь къ облегченію участи изнемогающаго въ невѣжествѣ и рабствѣ народа, видя кругомъ себя возмутительныя картины безправія и произвола, онъ болѣлъ о горѣ родины и думалъ о средствахъ избавленія родины отъ общественныхъ золъ и неурядицъ. Во второй половинѣ XVIII вѣка спасеніе государства онъ видѣлъ въ уничтоженіи самодержавія и замѣнѣ его конституціоннымъ образомъ правленія. Живя въ самый разгаръ крѣпостничества, видя на каждомъ шагѣ торжество грубой силы и попраніе правъ человѣческихъ, онъ работаетъ надъ проектомъ конституціи. Нѣтъ нужды, что проектъ навѣнъ и неисполнимъ, но достойно удивленія то, что этотъ замѣчательный человѣкъ не побоялся открыто заявить о томъ, что спустя болѣе ста лѣтъ еще не вполне осуществилось въ Россіи. Тяжелая судьба выпала на долю Кречетова: онъ былъ заключенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, сочиненія его подверглись конфискаціи; ни одно изъ нихъ не было напечатано и, такимъ

образомъ, даже имя его до сихъ поръ оставалось совершенно неизвѣстнымъ русскому обществу. Произведенныя нами архивныя розысканія даютъ возможность пополнить этотъ пробѣлъ и должнымъ образомъ освѣтить личность перваго русскаго конституціоналиста ¹⁾.

I.

Биографическія свѣдѣнія о Кречетовѣ крайне скудны. Въ его «дѣлѣ» ²⁾ не находится никакихъ документовъ, выясняющихъ его происхожденіе. Извѣстно, что онъ вступилъ въ службу въ 1761 г. въ Карачевскую воеводскую канцелярію писцомъ, затѣмъ, послѣдовательно, служилъ: копистомъ въ государственной юстицъ-коллегіи, писаремъ въ штабѣ фельдмаршала Разумовскаго и аудиторомъ (1771 г.) въ Тобольскомъ пѣх. полку. Въ 1775 г. вышелъ въ отставку подпоручикомъ и, произведенный въ 1779 г. въ поручики, былъ причисленъ къ Герольдіи Прав. Сената.

Сочиненія Кречетова, которыя, конечно, не могутъ назваться вполне литературными, обнаруживаютъ въ авторѣ большую начитанность. Цитаты изъ классическихъ и современныхъ ему авторовъ въ изобиліи снабжаютъ его произведенія. Но образованіе его, повидимому, было «домашнее»; для того, чтобы имѣть право обучать дѣтей, онъ держалъ при академіи наукъ экзаменъ и получилъ аттестатъ на право обученія словесности ³⁾.

Военная служба не могла увлечь Кречетова; да онъ и самъ не признавалъ себя способнымъ къ этой дѣятельности: «не только что человѣка,—говорилъ онъ позднѣе на допросѣ въ слѣдственной комиссіи,—а и животное убить не могу, а шпагой и до сихъ поръ владѣть не научился». Съ такими взглядами трудно было ужиться въ грубой, казарменной обстановкѣ.

Ослѣпленный феерической стороной Екатерининскаго царствованія, повѣривъ, какъ и многіе, въ осуществимость обѣщаній и мудрыхъ указовъ императрицы, онъ мечтаетъ о широкой дѣятельности, о пользѣ, которую, при содѣйствіи общества и власти, можно будетъ принести отечеству. Увлечшись ученіемъ энциклопедистовъ, онъ проектируетъ устройство «всенароднаго, вольнаго, къ благодѣтельствуванію всѣхъ общества». Цѣлью общества являлось открытіе ряда юридическихъ школъ для распространенія юридическихъ свѣдѣній. Общество должно заботиться о привлеченіи для этого въ члены общества лицъ, могущихъ своими сочиненіями и познаніями въ юриспруденціи способствовать указанной цѣли. Считааясь съ обиліемъ законовъ и различныхъ постановленій, Кречетовъ считалъ юридическую

¹⁾ Почти всѣ сочиненія Кречетова сохранились въ рукописяхъ; наиболѣе интересныя изъ нихъ предполагается выдать отдѣльно.

²⁾ Госуд. Арх. Разр. VII, № 2813.

³⁾ Т. е. чтенію и письму. Ничто въ родѣ домашняго учителя.

подготовку населенія первымъ и самымъ необходимымъ шагомъ къ его процвѣтанію.

Пылкій энтузіастъ, патріотически настроенный, Кречетовъ съ жаромъ принялся за проведеніе въ жизнь своихъ идей. Наказъ Екатерины еще болѣе увеличилъ его энергію, и въ словахъ Наказа призывающихъ всѣхъ русскихъ гражданъ принести посильную пользу отечеству, онъ видитъ прямое указаніе для своей дѣятельности. Съ этого момента, онъ начинаетъ усиленно заниматься литературными трудами, подготавливая основы для будущаго благодѣтельствованія человѣчества. Онъ подаетъ цѣлый рядъ про-страннѣйшихъ прошеній императрицѣ, Синоду, митрополиту, вельможамъ, указываетъ на неотложную необходимость организаціи общества по его программѣ; въ воззваніяхъ къ гражданамъ, женщинамъ и духовенству, онъ горячо доказываетъ пользу народнаго просвѣщенія.

Въ теченіе 1781—84 г.г. онъ пишетъ обширное сочиненіе въ стихахъ: «Камилловы пять сновидѣній», въ которомъ, прославляя юридическія знанія, между прочимъ, говоритъ:

..... „съ самыхъ первыхъ дней,
Какъ въ обществахъ введенъ законъ имѣть судей,
На толикъ всѣхъ предметъ, чтобъ лучшихъ избирати
Изъ всѣхъ родовъ людей, судьями засѣдати,
Которые бъ могли судить разумно всѣхъ
По правдѣ, чтобы могъ всемірный быть успѣхъ
Ко общей тишинѣ, чтобъ всѣ могли жить мирно,
Не обижавъ другихъ ничѣмъ насильно.
Потомъ за трудностью народъ на судъ собирать
За благо суждено: разумнѣйшихъ избрать
И оныхъ нареши избранныхъ— „сенаторы“,
Могущихъ разбирать дѣлъ общихъ всяки споры.

.....
А какъ усмотрѣно, что отъ того избранства
Явилась въ обществѣ не мала часть тиранства:
Неправдъ, хищенія, раздоровъ, ссоръ и дракъ
И зла всеобщаго нельзя избѣить никакъ,—
То всѣхъ умы рекли: да выберемъ Монарха
И къ оному еще на помощь Патріарха,
Которые бъ для всѣхъ имѣли правый судъ
И пусть они на то намъ дѣло присягнуть:
Чтобъ быть Монархамъ—всѣмъ намъ милыми отцами,
А Патріархамъ—какъ добрымъ пастырямъ надъ (кроткими) овцами“.

Дальше, указывая на недостатки современнаго ему строя, авторъ пишетъ:

„А въ Россяхъ, чтобъ успѣть уставить добры нравы,
Потребно учредить всеобщіе уставы:

Чтобъ добрыхъ не казнить дѣтей за злыхъ отцовъ,
А злыхъ не награждать за добрыхъ ихъ дѣдовъ,
Но всякому свое чтобъ воздавати право.

Честнѣйшимъ чтя того, кто честенъ въ пользу всѣхъ,
А не того, кто въ честь свой родъ лишь мнитъ въ успѣхъ.
Какую пользу въ томъ имѣеть Государство,
Коль кто за пятьсотъ лѣтъ считавъ свое дворянство,
Для пользы общія не сдѣлавъ ничего,
Имѣеть право то жъ, какъ дѣдъ имѣлъ его?

А кто его честнѣй хотя бы былъ разъ сто,
Да дѣдъ не дворянинъ,—того труды ни въ что!“

Въ концѣ произведенія есть строки не безынтересныя и для настоящаго времени:

„Не смѣхъ ли?... Черезъ воровъ—воровъ искоренять!
Или чрезъ дураковъ судьбою управлять?...
Или изъ низости (отъ самыхъ подлыхъ душъ)
Столь вредныхъ, кто таковъ какъ Каинъ или Картушъ
Во обществахъ въ чины людей устроить
И во правленье дѣлъ общественныхъ вмѣщати?
И на толико злыхъ отечеству враговъ
Надѣяться, такъ какъ на вѣрнѣйшихъ друговъ!..“

Закончивъ это сочиненіе, Кречетовъ переводитъ вновь и исправляетъ книгу Самуила Пуфендорфа ¹⁾: «О должности человека и гражданина»; составляетъ философскій «Трипѣснецъ» и рѣчь на день рожденія Екатерины II. Въ 1775 г. онъ заканчиваетъ обширное изслѣдованіе о всеобщей юриспруденціи, въ 4-хъ частяхъ, и планъ составленія всенароднаго общества и сочиняетъ двѣ оды: одну въ честь мудраго правленія Императрицы, а другую въ похвалу супружеству. Въ 1786 г. онъ пишетъ сатиру «Испуганный стихотворецъ», бичующую невѣжество; брошюру о вновь составляемомъ обществѣ подъ заглавіемъ: «Не всю и не ничево» ²⁾; излагаетъ патріотическія мысли, относящіяся къ новому обществу, и «открытое масонство». Въ слѣдующемъ 1787 г. онъ переводитъ съ французскаго два сочиненія: «Разумъ политики» и «Вѣнецъ мудрецовъ»; ³⁾ пишетъ два поясненія о пѣляхъ общества, къ женщинамъ и юношеству. Затѣмъ идетъ цѣлый рядъ его трудовъ: «Защита судей», «Планъ юридическій», въ 4 том. «Лѣсъ лѣсовъ», «Пчела и паукъ», «Царскій перстень»

¹⁾ Первое изданіе книги Пуфендорфа было при Петрѣ I.

²⁾ Библиографическая рѣдкость. Текстъ этой брошюры, найденный въ библиотекѣ П. М. Дмитриева, напечатанъ въ „Чтеніяхъ въ Импер. Общ. Ист. и Древ. Россійскихъ при Московскомъ Универс.“ за 1899 г. съ предисловіемъ Е. А. Лазцаго.

³⁾ Оба произведенія не сохранились.

и «Юриспруденція Россійская». Всѣ эти сочиненія (за исключеніемъ брошюры «Не все и не ничего») напечатаны не были и пролежали у Кречетова до его ареста. Въ 1787 г. онъ задумалъ выпустить ихъ въ свѣтъ въ видѣ періодическаго изданія «О всѣхъ и за вся или Россійскій патриотъ и патриотизмъ». Въ декабрѣ этого года онъ издалъ брошюру о подпискѣ на названное изданіе подъ названіемъ: «Открытіе новаго изданія; души и сердца пользующаго. О всѣхъ и за вся и о всѣмъ къ всѣмъ или Россійскій патриотъ и патриотизмъ» ¹⁾. Это объявленіе оказалось для него роковымъ.

II.

1-го января 1788 года, петербургскій оберъ-полицеймейстеръ Рытѣвъ извѣстилъ Управу Благочинія, что Его Высокопреосвященство митрополитъ С.-Петербургскій и Новгородскій Гавріилъ сообщилъ ему письменно о вновь изданной книгѣ подъ названіемъ «О всѣхъ и за вся». Такъ какъ слова заглавія новаго изданія проносятся во время совершенія литургіи, то Высокопреосвященный предлагалъ оберъ-полицеймейстеру навести въ Управѣ справки и выяснить, не имѣется ли тутъ какого либо кощунства или иного злоупотребленія.

По полученіи полицеймейстерскаго запроса Управой было произведено строгое разслѣдованіе, выяснившее, что издатель книги, вопреки существующимъ правиламъ, не испросилъ предварительно разрѣшенія Управы Благочинія, а владѣлецъ типографіи также самовольно ее напечаталъ. Въ виду этого послѣдовало распоряженіе конфисковать новую книгу, а содержателя типографіи и книгопродавца ²⁾ привлечь къ отвѣтственности.

Кречетовъ въ это время былъ больной; у него была горячка, и онъ лежалъ въ домѣ своего знакомаго, вахмистра коннаго полка Дмитрія Татищева ³⁾. Явившаяся полиція отобрала сто экземпляровъ книги и взяла отъ Кречетова два письменныхъ заявленія, которыя, вмѣстѣ съ показаніемъ содержателя типографіи купца Овчинникова, препроводила въ Управу Благочинія.

Въ объясненіи своемъ Кречетовъ заявилъ, что изданіе «О всѣхъ и за вся» не можетъ считаться за вновь изданную книгу, т. е. не есть какое либо сочиненіе, а только объявленіе объ открытіи подписки на рядъ сочиненій подъ названнымъ заглавіемъ. Въ названіи же выпущенной брошюры онъ не усматриваетъ ничего предосудительнаго или оскорбительнаго для религіи въ виду того, что цѣль его изданій—патріотическая, служить къ распростра-

¹⁾ Первоклассная библиогр. рѣдкость. Упоминается у Сопикова (№ 7990), Березина-Шираева (1834 г. стр. 191), Неустроева (Истор. розысканіе 1876 г. стр. XXII и 582—584) и Ульянинскаго (Среди книгъ, стр. 131).

²⁾ Кречетовымъ было сдѣлано объявленіе о продажѣ его книги въ лавкѣ купца Овчинникова, находящейся въ 3-й Адмиралтейской части, въ Анничковскомъ домѣ, № 3.

³⁾ Графъ Дмитрій Павл. Татищевъ. Членъ Госуд. Совѣта. Посоль въ Вѣнѣ. 1767—1845 г.

ненію въ публикѣ нравственныхъ началъ и является обращеніемъ «ко *всѣмъ* людямъ, о *всѣхъ* людяхъ и *всѣмъ* общемъ благомъ трудиться». Поэтому, болѣе подходящаго заглавія онъ придумать не могъ.

Управа Благочинія нашла все дѣло себѣ не подсуднымъ, но «весьма важнымъ» и передала его въ Нижній Надворный Судъ. Въ виду болѣзни Кречетова слѣдствіе пришлось отложить до его выздоровленія. вмѣстѣ съ тѣмъ одичъ изъ отобранныхъ при обыскѣ печатныхъ экземпляровъ и одинъ оригиналъ были отосланы на заключеніе митрополита Гавріила. Митрополитъ, разсмотрѣвъ присланныя книги, извѣстилъ Управу Благочинія, что въ присланныхъ изданіяхъ онъ нашелъ слѣдующія злоупотребленія:

«Первое сочиненіе поименовано словами, возглашаемыми въ священнодѣйствіи; второе сочиненіе, не заслуживающее одобренія, называется «Трипѣснецомъ», именемъ, употребляемымъ въ церковныхъ книгахъ; въ письменной книгѣ, на многихъ страницахъ вводятся тексты Свящ. писанія, но сего тѣмъ паче дозволить не можно, что сочинитель даетъ многимъ толкованіе, не соответствующее смыслу ихъ и нѣкоторыя на себя обращаютъ». Наиболѣе дерзкимъ нашелъ митрополитъ тотъ отрывокъ, въ которомъ Кречетовъ выражалъ намѣреніе: «сдѣлать въ существеннѣйшую ясность всего въ святѣ Священнаго писанія приведеніе», и слѣдующую фразу: «надѣется многими благовнимательными чловѣками, вредящее имъ на мѣстѣ святѣ стоящее невѣжество, яко идола сдвинуть».

Обѣщаніе же издать «открытаго масонства святую истину», а также намѣреніе писать о законахъ, что единственно предоставлено Сенату, является, по мнѣнію Высокопреосвященнаго, несомнѣнный вредъ и вслѣдствіе сего всякое издательство Кречетову должно быть воспрещено.

26 августа 1790 года, опредѣленіемъ I Департамента Нижняго Надворнаго Суда Кречетову было объявлено: чтобы онъ впредь въ такихъ не заслуживающихъ одобренія сочиненіяхъ не упражнялся и оныхъ печатать самовольно не отваживался! Въ исполненіе этого предписанія онъ былъ обязанъ подпиской, и судебное слѣдствіе было прекращено.

III.

Всѣ планы Кречетова разсѣялись, какъ миражъ. Запрещеніе заниматься литературой лишило его главной жизненной цѣли и обрекало на жалкое существованіе дворянина «не у дѣлъ». Приглашенный Татищевымъ для веденія тяжёбнаго дѣла, онъ поселяется у него въ домѣ. Озлобленный неудачей, разочарованный жизнью, Кречетовъ становится раздражительнымъ и недовольнымъ всѣмъ окружающимъ. Вспыльчивый, онъ не переноситъ противорѣчій и въ спорахъ доходитъ до бѣшенства. Этимъ недо-

статкомъ часто пользовались бывавшіе въ домѣ Татищева и нарочно заводили съ нимъ споры. Особенно любили съ нимъ спорить на политическія темы чиновникъ Государственнаго Архива Окуловъ, домашній парикмахеръ Татищева Малевинскій и писарь Скворцовъ. Сначала имъ доставляло просто удовольствіе бѣсить Кречетова, но увѣренность его въ правотѣ своихъ рѣчей и рѣзкое порицаніе правительства убѣдили ихъ въ его преступности.

25 апрѣля 1793 года, къ Петербургскому генераль-губернатору Коновницыну поступилъ отъ Малевинскаго доносъ на Кречетова.

«Ваше Высокопревосходительство», писалъ Малевинскій въ своемъ письмѣ къ Коновницыну, «да будетъ мнѣ позволено открыть Федора Кречетова, обнаружить его заблужденія и ту опасность, которая всѣмъ намъ угрожаетъ. Я искренно изъявляю о безпорядкахъ и преступленіяхъ его, которые по всему Государству распространяютъ сѣтованіе; онъ, негодуя на необузданность власти, возставъ на злоупотребленія, возвращаетъ права народу. Довольно уже слышно народнаго ропота на неправоудіе и не возжечь бы попустительствомъ еще большаго пламени». Къ доносу приложено было прошеніе на имя Императрицы, въ которомъ Малевинскій указывалъ, что Кречетовъ произносилъ «непристойныя и укорительныя слова» на Высочайшую честь Ея Величества, на Высочайшихъ наслѣдниковъ и на государство и «весь Сенатъ ругалъ, яко воровъ и разбойниковъ, и сама де она (Императрица) потакаетъ имъ и дѣлаетъ заодно, и чинилъ онъ великую противность святымъ церквамъ, яко идолослуженіе производятъ; а правотѣрныхъ всѣхъ называлъ идолопоклонниками, а также призывалъ къ величайшему бунту, такому, котораго еще не бывало никогда. Но недовольно было ему»—говорится далѣе въ прошеніи,—«продолжатъ свою зломъ дышащую продерозость, дерзнулъ онъ на честь блаженныя и вѣчно достойныя памяти Императора Петра Великаго и говорилъ про него, что онъ де не Государь былъ, а великій тиранъ, яко воръ и обманщикъ. А про Высочайшую честь Вашего Величества непристойныя слова произносили: она де впадшая въ роскошь и въ распутную жизнь и не знающая въ правленія престоломъ и управляютъ имъ наемники, и потому не достойная престола и удобно будетъ и лишить ее онаго, какъ убійцу, и довлѣетъ заключенію въ монастырь».

Далѣе въ прошеніи указывалось, что Кречетовъ старается опровергнуть Уложеніе и «изображаетъ пристойными красками» уложеніе французское и намѣревается различными вольностями довести челоуѣчество до высшей степени благополучія, просвѣтитъ Россію и тѣмъ избавить народъ отъ царскаго ига, въ которомъ онъ по слѣпотѣ своей пробываетъ, и путемъ общаго законодательства сдѣлать законы ненарушимыми.

Такой необычайный доносъ обратилъ особенное вниманіе генераль-губернатора и въ тотъ же день былъ отосланъ въ тайную экспедицію къ генераль-прокурору Самойлову для разслѣдованія. Кречетовъ немедленно былъ розысканъ и арестованъ. Всѣ ру-

кописи найденныя у него были тщательно рассмотрѣны въ тайной экспедиціи и дали цѣлый рядъ тяжкихъ уликъ противъ ихъ автора. Слѣдствіе велось быстро: допросы производились не только въ экспедиціи, но и въ домѣ генераль-прокурора.

Неопрровержимымъ доказательствомъ злонамѣренности Кречетова явилась найденная въ его бумагахъ записка такого содержания: «Въ составленіи законовъ неподвижныхъ, дабы Монархію соблюсти невредиму, полезно будетъ сдѣлать законъ всѣмъ общезначительствомъ человѣческимъ по плану моему и, всѣми подписавъ, положить его на тронѣ, подъ изображеніемъ креста и подъ короною, къ коему всѣхъ вообще привести къ присягѣ, такъ какъ нынѣ Монархамъ присягаютъ, и хранить сей законъ такъ, какъ храненъ былъ у жидовъ кивотъ завѣта Господня. Монарховъ же переименовать стражами закона или блюстителями о исполненіи по немъ. Если же Монархъ сего наблюдать не будетъ, то да подверженъ онъ будетъ сего своего сана лишенію; сему же подобно и каждый судья и каждый помѣщикъ подверженъ быть долженъ».

19 мая 1793 г. генераль-прокуроръ показалъ эту записку обвиняемому, которую тотъ призналъ за писанную своею рукою. На вопросъ прокурора: «для чего онъ осмѣлился писать такую записку, слова которой касаются уничтоженія въ Россіи самодержавной власти», Кречетовъ отвѣчалъ, что эти слова онъ написалъ по причинѣ «въ душѣ его расположенныхъ мыслей, что какъ бы всѣмъ обществомъ сдѣланъ былъ законъ, гдѣ бы вмѣстить, чтобъ Государю такой власти, чтобъ сверхъ закона дѣлать хотѣлъ не давать, а ограничить его на такомъ основаніи, какъ были князьями Долгоруковыми сдѣланы для Императрицы Анны Іоанновны пункты; но о своихъ мысляхъ онъ никому не сообщалъ для того, что желалъ прежде составить изъ общества собраніе для сочиненія законовъ, изъ людей знатныхъ и всякаго состоянія, приготова прежде въ юридической школѣ умы. Однакоже не думалъ никакъ сдѣлать такой законъ, ко вреду общества или Государыни».

Въ тотъ же день былъ допрошенъ писарь Скворцовъ, который показалъ, что онъ переписывалъ различныя бумаги для Кречетова, и послѣдній не разъ говорилъ при немъ, что въ случаѣ разрѣшенія открытъ школу по его плану, онъ будетъ обучать въ ней также и женщинъ, лучшихъ же учащихся, по окончаніи курса, намѣревался послать въ губерніи и такимъ путемъ устроить въ Россіи вольность. Объ Императрицѣ выражался неприлично, а особенно о Петербургскомъ митрополитѣ. Послѣ Скворцова допрашивали купца Еркова, у котораго нѣкоторое время проживалъ Кречетовъ. Ерковъ упорно отрицалъ всякое знакомство съ Кречетовымъ и Малевинскимъ, не смотря на заявленіе послѣднихъ, что онъ ихъ знаетъ. 15 мая Ерковъ былъ допрошенъ страшнымъ Шешковскимъ, очевидно подъ пыткой, но остался упоренъ и не сознался. Напрасно уличалъ его Скворцовъ, на очной ставкѣ,

въ томъ, что одинъ разъ, во время спора между нимъ и Кречетовымъ, Еркоть качалъ головой, какъ бы давая тѣмъ Кречетову знакъ, что говорить это опасно. На что Кречетовъ ему отвѣтилъ: «не бойся, это свой человѣкъ, да и «тайной» больше нѣтъ, нечего бояться, говори и пиши что хочешь. Но Еркоть не призналъ и этой неопровержимой улики. Такое заpiresтельство, какъ мы увидимъ далѣе, ему обошлось очень дорого.

Яркую картину всѣхъ мыслей и убѣжденій Кречетова дало показаніе регистратора Окулова. Этому человѣку, повидному, Кречетовъ очень довѣрялъ и въ разговорахъ съ нимъ не стѣснялся. «Разъ,—показывалъ Окуловъ въ тайной экспедиціи—я спросилъ Кречетова: цензурованы ли его сочиненія? а онъ мнѣ отвѣтилъ: да дѣе цензура? и могутъ ли они имѣть понятіе о цензурѣ вообще, а не только о моихъ сочиненіяхъ?» Поясняя Окулову о предложавшемся обществѣ, Кречетовъ говорилъ, что общество это надлежитъ устроить не одному человѣку, а нѣсколькимъ, и потому онъ обращался за помощью къ Петербургскому митрополиту, великому президенту и плуту» Гавріилу, но тотъ, понявъ его идею по своему, предложилъ ему поступить въ монахи и обѣщалъ сдѣлать архимандритомъ, но онъ возразилъ ему, «что не въ томъ только духовный, кто носитъ длинную рясу, а тотъ, кто живетъ духомъ кротости и исполняетъ законъ Христовъ». Возраженіе это очень не поправилось митрополиту, и онъ поссорился съ Кречетовымъ. «Если бы Государыня утвердила мой проектъ объ устройствѣ школъ,—не разъ говорилъ Кречетовъ,—то въ скоромъ бы времени всѣ пустосвяты оставили бы въ церквахъ свое пустобарабанное проповѣданіе, а принялись бы за истинное Христово ученіе—ученіе не словами, а дѣломъ. Тогда бы всѣ архіереи, воры и лицемѣры, всѣ духовныя святоши и государственныя туеядцы исчезли, а возродились бы безъ пышныхъ титуловъ такіе пастыри, какъ Митрофанъ Воронежскій и ему подобныя». По словамъ Окулова, Кречетовъ намѣревался уничтожить всѣ княжескіе и дворянскіе титулы и приводилъ въ призмѣръ слова Петра Великаго, что знатная порода не даетъ преимуществъ, а дворянъ считать надо по годности. «Когда же возсияла бы истина сія,—говорилъ онъ,—тогда перестали бы архіереи въ церквахъ чесать гребенками бороды, въ которыхъ и вшей то нѣтъ, и не стали показывать народу одну зажженную свѣчу, говоря, что такъ да просвѣтитесь свѣтъ предъ человѣки, яко да видятъ добрыя дѣла, а истинно доказали бы правоту этого изреченія своими добрыми и апостольскими дѣлами и не стали бы пусто говорить и проповѣдывать: *что всяка власть отъ Бога*, а поясняли бы, что *одна только та власть отъ Бога*, которая истинно законъ Божій знаетъ и почитаетъ, а почитая его, любить какъ самого себя и человѣчество, не различая: турокъ ли, шведъ ли, русакъ ли, ибо всѣ единого Творца люди! И тутъ то бы исполнилась истинная вѣра, исполнилось познаніе всей тварью Бога и Его святѣйшаго закона, и проповѣдуемъ Богъ былъ бы

не словами, а истинно существующими дѣлами, и не стали бы лютеране и кальвинисты кричать: нашъ законъ лучше! Тогда познали бы всё, что не одной вѣрой спастись можно, а добрыми дѣлами. И страшная присяга упразднилась бы, т. к., зная, что зло не останется безъ наказанія, а добро безъ награжденія, всякій бы былъ вѣренъ Божію закону, Отечеству и Государю».

Въ разговорѣ о Высочайшемъ Наказѣ, Кречетовъ указалъ на нѣкоторыя, по его мнѣнію, неточности въ немъ заключающіяся. На возраженіе же Окулова отвѣтилъ: «пожалуй, не вѣрь; вѣд онъ же человѣкомъ писанъ, то можетъ ли одинъ столь премудръ сдѣлать, чтобъ не погрѣшить», а потомъ добавилъ: что онъ такоу планъ о своихъ школахъ выдумалъ, что никто во всю жизнь свою о такомъ не думалъ и не помышлялъ. Когда же Окуловъ на помнилъ ему, что Императрицею уже учреждены школы, то онъ отвѣтилъ: «все это она вамъ только по губамъ помазала, а Наказъ и совсѣмъ оставленъ безъ дѣйствія: или Государыня боится, чтобъ изъ него страшнаго чего не вышло, или не знаетъ, какъ по немъ настоящее дѣйствіе произвести, а думать надобно, что если бы возможно было, то конечно, она его совсѣмъ бы истрбила». На слова Окулова, что Наказъ весьма хорошъ, и изъ него можно извлечь много пользы, доказательствомъ чего можетъ служить указъ 1773 г. по дѣлу о дворянинѣ Сукинѣ, въ которомъ Екатерина II высказала, что «не дать знать, за что онъ поарестъ поставленъ», есть родъ насилія и въ томъ сослалась на X главу Наказа,—Кречетовъ отвѣтилъ: «это можетъ быть какънибудь иначе вышло и случайно, а то въ Комиссіи Уложенія спятъ только, пьянствуютъ и гуляютъ, получая чины и жалованье даромъ. А на послѣдокъ выйдетъ такъ, какъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ случилось, что пришелъ въ комнату народъ и взялъ при немъ самоу первѣйшаго его любимца и отрубилъ ему на площади голову, а суднаго приказа судью, за еу несправосудіе, придя въ присутствіе тоже убили, почему тогда сдѣлали на 6 недѣлъ Соборное народомъ Уложеніе». Разговаривая объ арестѣ и преданіи суду Радищева, Кречетовъ сказалъ: «хотя Радищевъ своею книгоу одно дурачество и глупость показалъ, но однако Государыня неправильно и строго объ немъ рѣшила, когда сама въ Наказѣ сказала: «что хотя бываюу иногда злоупотребительныя сочиненія, но чтобы умы не почувствовали отягощенія, поступать съ ними осторожнѣе». Окуловъ указалъ на то, что Радищевъ не только виновенъ въ злоупотребительномъ сочиненіи, но и въ томъ, что внесъ въ свою книгу многіе листы безъ цензуры и не убоаяся напечатать и издать въ народъ. Это возраженіе ввѣсило Кречетова, и онъ закричалъ на Окулова: «ты тиранъ и самъ думаешь быть судьей, то страшись, чтобъ не погибнуть, если судишь по словамъ, не видя дѣйствія могущества въ дурачествѣ полиціймейстера, который на столько глупъ, что если бы принесли на его собственныя дѣянія критическую книг

да изъ большихъ бы людей кто попросилъ, онъ тотчасъ бы одобрилъ и печатать позволилъ».

Разсуждая о французской революціи, Окуловъ замѣтилъ, что надо молиться, чтобъ избавить отечество отъ междоусобія подобнаго тому, которое свирѣпствуетъ во Франціи. Кречетовъ отвѣтилъ, что молиться надобно, но не одной кивать головою, а отложить злость и неправду, и добавилъ, что если при Государынѣ не удастся исполнить свое предпріятіе, то можетъ возродиться въ Россіи величайшее зло, подобное французскому, гдѣ народъ страдаетъ изъ-за несправедливости и удручающей чужеземности тираніи. «Куда ни пойду,—говорилъ онъ,—здѣсь вездѣ жалуются на несправедливости и не стыдятся всякъ гласно говорить о содомскомъ грѣхѣ, говоря безъ страха о себѣ и людяхъ, не считая за прокъ, а ставя себѣ въ славу и похвалу. И потому, если предпріятіе мое не удастся, то можетъ и малая толпа, соединясь съ недовольными, разрушить всѣ власти въ мгновенье ока». Одинъ изъ Окуловъ разсказалъ Кречетову о нѣкоемъ майорѣ Соболевѣ, дѣло котораго возмутительно велось въ судѣ, и удивлялся, отчего Государыня не обратитъ на это вниманія. Кречетовъ съ насмѣшкой сказалъ ему: «Государыня теперь не чувствуетъ ничего, она блещетъ блестящей славою, занимается дѣлами управленія и какъ молодой баринъ печется о собственномъ своемъ семействѣ, а дворяне бьются противъ друга силятся достигнуть графства и чиновъ и выигрывать ордена и кресты. Сочинители же ослѣпляются пышными словами, что настала де золотая вѣкъ, а мервское духовенство въ балахахъ лицемѣритъ и льститъ, изъ пышныхъ словъ составляя проповѣданія, а потомъ, глядя усы и бороды, отходятъ въ свои кельи и тамъ упиваются въ роскоши и изобиліи своего богатства, ваяя отъ пота и крови ближняго».

Оправдывая правительство, Окуловъ сказалъ Кречетову съ гороромъ: «видно ты уклонился отъ общества честныхъ людей, а находишься среди подлыхъ, которые весьма любятъ столь дерзновенно разсуждать?» Кречетовъ внѣ себя схватилъ лежащее на столѣ Евангеліе и, раскрывъ его, крикнулъ Окулову: «смотри, что тутъ сказано, что по сердцу своему учителей изберутъ», и сталъ бранить всѣхъ архіереевъ распинателями Христа, гонителями истины и творителями всѣхъ суевѣрствъ. «Гляди,—продолжалъ онъ,—вотъ и здѣсь про нихъ сказано: «видитъ Богъ мерзость запустѣнія, стоящу на мѣстѣ святѣ», и сильно взволнованный сказалъ, что скроется изъ Россіи въ другое государство, т. е. въ 20 лѣтъ изыскивалъ пользу для отечества, пренебрегая выгодами и спокойствіемъ своей жизни, а между тѣмъ не нашелъ въ Россіи ни одного человѣка, который бы пожелалъ вникнуть въ существо его дѣятельности.

Окуловъ безъ всякой жалости обвинялъ своего недавняго пріятеля; онъ припомнилъ всѣ, когда либо говоренныя Кречетовымъ, рѣзкія фразы, направленныя противъ лицъ высокихъ, указавъ, что тотъ обозвалъ одинъ разъ Великаго князя дуракомъ, а

о князь Вяземскомъ сказалъ: что «Государыня его жалуетъ, а онъ взятки безъ стыда беретъ». Кречетовъ на всѣ его обвиненія отвѣчалъ односложной фразой: «Богъ насъ разсудитъ, я же тебѣ прощаю!» Заключая свое показаніе, обвинитель заявилъ, что Кречетовъ, испрашивая Высочайшее разрѣшеніе на основаніе своего общества и утверждая, что благодаря ему Россія освободится отъ государственной, что Императрицу стануть боготворить—лгалъ. На стоящую же цѣлью является желаніе, свергнувъ самодержавіе, сдѣлать республику, чтобы всѣмъ быть равными. Словомъ, хотя не скоро, но думалъ онъ привести мысль свою въ исполненіе. «Когда я его спросилъ,—говорилъ Окуловъ—конечно, ты хочешь безвластіе сдѣлать? а онъ на то мнѣ сказалъ: «Боже оборони! чтобъ сдѣлать то при нынѣшней Государынѣ, а хочу я посредствомъ школь народъ довести до такой тонкости, чтобы онъ самъ страшился всякихъ беззаконій и насилія, и тогда бы Государя, видя народъ сильнымъ и праведнымъ, убоялись бы ему дѣлать противное, потому что всегда они знали изъ онаго, что обществу вредно и полезно. Принятые народомъ къ общей пользѣ рѣшенія исполнялись бы Государями, а въ случаѣ неисполненія, самодержавная власть тотчасъ бы слетѣла! Тѣ власти, которыя старались бы о своемъ народѣ и дѣлали все къ его пользѣ, въ скоромъ времени достигли бы народнаго обоготворенія. Но такъ какъ онъ истиннаго добра и многого нужнаго и необходимаго народу не дѣлаютъ, то и не могутъ достигать совершенства и существуютъ лишь выдуманной для удержанія власти тираніей».

Защищая Екатерину, Окуловъ сказалъ, что одно учрежденіе воспитательныхъ домовъ и отмѣна пытокъ, дѣлаютъ безсмертнымъ имя Царицы. На это Кречетовъ возразилъ: «все это сдѣлано Петрами: первое—Великимъ, а послѣднее Третьимъ». Объ остальныхъ учрежденіяхъ Императрицы онъ отзывался все въ томъ же скептическомъ духѣ: «все молъ это сдѣлано отъ Емельки Пугачева, чтобъ могущественнѣе тиранію укрѣпить».

IV.

По опросѣ всѣхъ свидѣтелей, Кречетову было предложено дать отвѣтъ на такъ называемые «вопросные пункты». Пунктовъ этихъ было семь, слѣдующаго содержанія:

1) Когда ты читалъ извѣстныя свои сочиненія о учрежденіи школь и когда слушавшіе оныя тебѣ противорѣчили, говоря, что по милости Государыни вездѣ училища заведены, то ты, разсердясь, говорилъ слова такія: «этими училищами Государыня только по губамъ помазала, какія это училища? а я заведу училище такое, что наберу множество людей, да и бабъ до тысячи, а какъ совѣмъ это учрежу, то стану приглашать къ себѣ солдатъ и уговаривать, чтобъ они командировъ всѣхъ перевязали и крестьянъ сдѣлали вольными, солдатамъ же дамъ гвардейское жалованье, а

какъ все это сдѣлаю, то и солдатъ всѣхъ распустимъ, ибо воевать ни съ кѣмъ не станемъ, а Государыня сиди какъ въ клѣткѣ, да гляди, что мы станемъ дѣлать».

2) Какъ ты здѣшнему преосвященному подносилъ книгу подъ названіемъ: «о всѣхъ и за вся» съ тѣмъ, чтобъ позволилъ тебѣ ее напечатать, но какъ преосвященный книги печатать не позволилъ, то ты, будучи въ домѣ купца Еркова, браня преосвященнаго, говорилъ: «я де съ нимъ тоже сдѣлаю, какъ съ Московскимъ архіереемъ Амвросіемъ сдѣлали, такъ онъ запрещать книгъ печатать не будетъ». И какъ Малевинскій тебя спросилъ, какъ ты можешь это говорить, вѣдь въ Москвѣ то былъ бунтъ, при чемъ изъ предосторожности взглянулъ на Еркова, то ты ему сказалъ: его не опасайся, онъ нашъ; а Ерковъ на это говорилъ: въ Москвѣ то былъ бунтъ, а чтожъ: долголь это здѣсь сдѣлать, вѣдь здѣсь былъ такой случай: пришли ко дворцу 1000 человекъ просить на подрядчика, а кабы еще тысяча привалила, такъ бы сдѣлала что хотѣла, да только здѣсь люди то въ загонѣ, то и прячется одинъ за другого.

3) Когда ты говорилъ, что ты съ здѣшнимъ архіереемъ сдѣлаешь то же, что съ Московскимъ, то при этомъ приговаривалъ: Московскій то архіерей былъ тебѣ другъ и во всѣхъ твоихъ проектахъ былъ съ тобою согласенъ и во всемъ тебѣ хотѣлъ помогать.

4) Въ одно время Малевинскій тебѣ говорилъ: я видѣлъ здѣсь въ Петербургѣ, какъ чрезъ палача жгли пасквиль, который былъ найденъ во дворцѣ, куда какая это дерзость? на что ты говорилъ: «что это за диковина подкинуть письмо? но то диво, что для Государыни это ничто, ее хоть пилой пили».

5) Въ прошломъ году, въ день тезоименитства Ея Величества былъ Малевинскій у обѣдни и пришедъ изъ церкви поздравилъ тебя съ тезоименитствомъ, а ты ему говорилъ: «какъ тебѣ не стыдно, съ чѣмъ ты поздравляешь? ты бы лучше меня поздравилъ съ какимъ ни на есть татаринѣмъ, нежели съ нею». Малевинскій же тебѣ говорилъ: всѣмъ бы надобно быть въ церкви и помолиться Богу, на что ты говорилъ: «а я въ церковь то не хожу для того, что поминаютъ въ оной синодѣ, да шелудяка архіереишку, да и въ церквахъ то болтаетъ попишка и самъ не знаетъ что, да Государыня украшаетъ церкви золотомъ и поклоняется какъ идоламъ, да строитъ каменные монументы, а дѣлаетъ это изъ хвастовства и роскоши, а надлежитъ имѣть одну соборную и апостольскую церковь во всемъ свѣтѣ».

6) Ты въ разные времена и много разъ когда хаживалъ со двора и возвращаясь сказывалъ, куда ходилъ и гдѣ былъ, какъ-то: въ банѣ, на рынкѣ или переѣзжалъ черезъ рѣку, то всегда рассказывалъ, что ты съ попадавшими солдатами говорилъ и толковалъ, что присяга ничего не значитъ и выдумана государями для ихъ осторожности, а мужикамъ внушалъ, чтобъ они старались

о свободѣ и вольности, увѣряя при томъ, что и Государыня давно оное хочетъ сдѣлать, но не допускаютъ ее до сего бояра.

7) На какой конецъ выписывалъ ты пункты изъ книги «Государственномъ правленіи», клонящееся болѣе къ вреду, нежели къ пользѣ? ¹⁾

Кречетовъ горячо защищался противъ вводимыхъ на него ложныхъ обвиненій. Онъ доказывалъ, что всѣ его поступки и намѣренія были направлены на пользу отечества и къ увеличенію славы Государыни. Желаніе его учредить школы явилось прямымъ послѣдствіемъ выраженной въ манифестѣ объ учрежденіи губерній воли Императрицы, что «всякъ благоразумный человѣкъ и ревностный сынъ отечества усердно стремиться будетъ къ умноженію правосудія и къ исправленію нравовъ». Не отрицая возможности произнесенія имъ рѣзкихъ выраженій о Го-

¹⁾ Выписки эти были такого содержанія: „Безъ сомнѣнія общество имѣетъ волю составить правленіе по своему соизволенію, смѣшать и соединять оное разными образами. Если законодательная власть дана отъ народа одному человѣку или многимъ по смерти, или на которое извѣстное время, то по истеченіи этого времени таковая верховная власть возвращается къ обществу, отъ котораго происходитъ. И какъ только она возвратилась къ своему источнику, общество можетъ пакн располагать оною по своему соизволенію: поручитъ оную по своему благоумотрѣнію тѣмъ, коиъ почитаетъ добродѣтельными и, слѣдовательно, учредить новый образъ правленія“.

„Какой бы образъ правленія предпочитаемъ не былъ, всегда есть во всякомъ правленіи главное намѣреніе, клонящееся къ общему благу народному. На семь правилъ самое лучшее правленіе есть то, которое болѣе число людей дѣлаетъ благополучныхъ. Во всякомъ образѣ правленія государственнаго, должность того, на котораго оное какимъ бы то способомъ ни было возможно, состоятъ въ попеченіи дѣлать подданныхъ благополучными, доставляя имъ съ одной стороны выгоды жизни, безопасность и спокойство, а съ другой, всѣ способы, могущіе сдѣлать ихъ добродѣтельными. Главный законъ всякаго добраго правленія есть благо общему блаженству народное да будетъ главнѣйшимъ закономъ, и въ самомъ раздорѣ объ образѣ правленія, всѣ единодушно соглашаются о сей истинѣ.“

„Благо народное, самое величайшее, есть вольность. Вольность въ обществѣ составляемъ Государство есть то, что здравіе въ каждомъ человѣкѣ: человѣкъ божь здравіе не можетъ чувствовать увеселеній—безъ вольности нѣтъ блаженства въ Государствѣ, и такъ правитель являющій свое отечество признаетъ, что право защищать и содержать вольности есть самое священнѣйшее изъ его обязанностей.“

„Люди вступаютъ въ общество гражданское для того, чтобы сохранить собственное свободнѣе, а власть законодательную и силу исполнительную поручаютъ нѣкоторымъ особамъ на тотъ конецъ, чтобы имѣть надъ собою власть и законы, которые бы покровительствовали и защищали бы собственно принадлежащее всему обществу.“

„Законы должны быть таковы, чтобы благородные принуждены были судить народу въ правду.“

„Законы, во всякомъ случаѣ, должны обуздывать гордость властвующиыхъ. Надобно, чтобы на время или навсегда была власть, устрашающая благородныхъ.“

„Весьма трудно, чтобы народъ хорошо былъ управляемъ, когда жребій его въ рукахъ немногихъ людей, коиъ различныя польза и власть основаны на похищеніи. Разумное правленіе часто перемѣнялось въ олигархію.“

„Если государь добродѣтельный, если онъ раздѣляетъ награжденія и наказанія справедливо и благоразумно,—всѣ съ великимъ тщаніемъ стараются заслужить его милость, и царствованіе его есть вѣкъ золотой; но если монархъ не таковъ, то начальное основаніе служащее къ возвышенію душъ его подданныхъ для полученія участія въ его милостяхъ, для отлученія себя отъ другихъ славными дѣлами—превращается въ подлость и рабство“.

сударынѣ, Кречетовъ объяснялъ это пылкостью своего характера, а также злонамѣренностью свидѣтелей, исказившихъ его слова. «Не бываютъ ли такіе люди,—говорилъ онъ,—которые не только чрезъ многое время, но и чрезъ весьма короткое, сказанной имъ рѣчи силу пересказать не могли, прибавляютъ и убавляютъ всю истинную рѣчь собственнымъ умомъ и совсѣмъ въ другой видъ передѣлываютъ?» На обвиненіе въ намѣреніи освободить крестьянъ при помощи войска, онъ отвѣтилъ, что «и мыслей такихъ имѣть не могъ, потому что имѣю довольно познаніе о бѣдствіяхъ могущихъ быть въ обществѣ изъ вольности *невѣждъ*. Зная это, не могъ желать, чтобъ вольность была дана невѣждамъ, силы ея не понимающимъ; ибо давать такимъ вольность, есть то же самое, что давать дѣтямъ ножи вмѣсто игрушекъ, такъ какъ настоящую силу свободы и грамотные не всѣ разумѣютъ, а у насъ въ народѣ великая часть грамотѣ неумѣющихъ».

«Митрополиту смертью также не грозилъ»,—опровергалъ Кречетовъ второй пунктъ обвиненія,—«а лишь огорченный несправедливостью его ко мнѣ, сказалъ; за что сей человекъ меня гонить? неужели за то, что я стараюсь о народномъ просвѣщеніи? неужели для него невѣжество полезнѣе, нежели просвѣщеніе? Неужели ему не представляеть страха смертѣ Московскаго архіерея Амвросія ¹⁾, невѣжествомъ народнымъ убійеннаго? Если доноситель эти слова счелъ за похвалу мою къ убійству пресвященнаго,—то сіе весьма криво. Ибо слова мои означаютъ опасность убійства не отъ меня самого, но отъ народнаго невѣжества. А что касается до Московскаго митрополита, то я другомъ его не былъ и даже лично его не зналъ. И этотъ извѣтъ на меня неправиленъ»: На пункты 4 и 5 Кречетовъ сказалъ: «понеже горестная жизнь моя весьма мнѣ тягостна, то посему, избавляя себя отъ оной, признаюсь, что можетъ быть я въ такой, самому себѣ противной, жизни всѣ тѣ слова подлинно выговорить могъ, въ чемъ и прошу Всемилостивѣйшаго помилованія. Съ солдатами же о присягѣ ничего не говорилъ, зная, что она бережетъ цѣлость всѣхъ жителей и для того должна быть свято исполняема всѣми, ибо она безъ исполненія, подобно какъ вѣра безъ дѣлъ, т. е. ничего не значить. Можетъ быть это и подало причину сказать, что я ее уничтожаю. Касательно же выписокъ изъ книги «о государственномъ правленіи», то я не только изъ сей, но изъ всякаго рода книгъ выписывалъ матеріалы добрые и худые отнюдь не съ тѣмъ, чтобы ихъ употреблять къ вреду, но съ тѣмъ, чтобы все то въ наилучшую обратить роду человѣческому пользу».

Показаніе свое Кречетовъ заключилъ слѣдующими словами: «Я не сужу тѣхъ, кто столь великую тяжесть на меня навелъ, я отпускаю тому, кто противъ меня погрѣшилъ, по словамъ Христа, не только такихъ прощать, но и любить ихъ повелѣ-

¹⁾ Амвросій (Зергивъ-Каменскій) архіепископъ Московскій былъ убитъ чернью 16 сентября 1771 г. во время моровой язвы.

какого, дабы и мои предъ Богомъ согрѣшенія за то мнѣ прощены были. Боже! Заступи и спаси мою невинность!»

Слѣдственная комиссія нашла всѣ его поступки въ высшей степени опасными для цѣлости государства и ведущими къ ниспроверженію самодержавной власти. 18 іюля 1793 года, Кречетову былъ объявленъ приговоръ въ слѣдующей формѣ: «Во исполненіе Высочайшаго Ея Императорскаго Величества повелѣнія, правящій должность генераль-прокурора генераль-поручикъ Самойловъ о содержащемся подъ стражею отставномъ поручикѣ Федорѣ Кречетовѣ приказалъ учинить слѣдующее: Кречетовъ, какъ всѣ его дѣянія обнаруживаютъ его, что онъ самаго злою врага и гнусная душа его наполнена прямимъ зломъ противъ Государя и Государства, ибо онъ именно открывалъ злое свое намереніе въ томъ, чтобъ сдѣлать въ Россіи правленіе таково, которое бы разрушило все благоустроенное въ нынѣшнемъ подданномъ Государствѣ, а по сему, хотя онъ, яко совершенный бунтовщикъ и обличенный въ семь злѣ, по законамъ государственнѣмъ яко извергъ рода человѣческаго, и достоинъ казни, но по милости и милосердію Ея Величества и что съ твердостью сказать можно, что сей его богомерзкій умыселъ по подлому и злому своему расположенію, никакимъ образомъ не нашелся бѣ въ мысли поколебать вѣрноподанныхъ сыновъ отечества, по приписанности къ освященной Ея Величества особѣ и человѣколюбивому Ея правленію ко благу вѣрноподанныхъ, отъ оной отълучивъ, а чтобъ сей извергъ о описанномъ имъ злѣ признать Кречетову покаяніе, а тѣмъ паче, чтобъ впредь не могъ своими злыми плеледами заразить малосмысленныхъ людей, то приказано его въ здѣшней крѣпости до Высочайшаго указа, подъ Высочайшею стражею, не допуская къ нему никого, такъ и питья ему не давать, потому паче, что иногда не откроется ль еще что на него здѣсь извѣщенія».

По утвержденію Императрицей приговора, Кречетовъ былъ заключенъ въ одинъ изъ казематовъ Петропавловской крѣпости и заключенъ, какъ важнѣйшій государственный преступникъ. Дочетшій на него парикмахеръ Малевинскій былъ по Высочайшему повелѣнію, въ награду за вѣрность, освобожденъ отъ крѣпостной дисциплины вмѣстѣ съ дочерью и, кромѣ того, получилъ двѣсти рублей. Окуловъ и Скворцовъ за то, что не донесли въ свое время на Кречетова, подлежали осужденію, но были помилованы и оставлены при своихъ обязанностяхъ, причѣмъ они были обязаны подпискою о своемъ участіи въ процессѣ во всю свою жизнь никому ничего не говорить, подъ опасеніемъ строжайшаго наказанія. Сильнѣе всѣхъ пострадалъ купецъ Ерквъ: за свое упорное заирательство онъ былъ сосланъ въ Сибирь, въ Пелымъ, а имущество его было конфисковано ¹⁾.

¹⁾ При Павлѣ I онъ получилъ прощеніе и былъ награжденъ 1000 рублями за понесенные убытки.

Кречетову не долго пришлось пробыть въ одиночномъ заключеніи. Спустя мѣсяць послѣ приговора (17 августа 1793 г.), онъ былъ вытребованъ въ тайную экспедицію и допрошенъ вторично. Поводомъ къ возникновенію слѣдствія послужили вновь найденныя бумаги, встревожившія генераль-прокурора. «Въ одной твоей запискѣ,—спросили Кречетова,—написано: «объяснить великость дѣла Петра III? Какія ты знаешь великія дѣла Петра III?». Онъ отвѣтилъ, что великими дѣлами покойнаго Императора считаетъ указъ о вольности дворянства и указъ данный Синоду, который онъ приказывалъ прибить къ четвертой сторонѣ зеркала, чтобъ подсудимыхъ не отдавать подъ судъ тому, на кого они доносятъ или бьютъ челомъ. «Тобой же написано,—спрашивалъ прокуроръ,—«весьма разумно, Іисуса Христа признать монархомъ всего рода человѣческаго и изъ его ученія вѣчное составить уложеніе». То, что ты подъ сими твоими словами разумѣешь? Мы и кромѣ Іисуса Христа имѣемъ монарховъ, разумѣя подъ симъ титуломъ самодержавныхъ коронованныхъ главъ».—«Нѣтъ,—возразилъ обвиняемый,—я бы думалъ признать монархомъ одного Іисуса Христа, а коронованныхъ главъ я почитаю лишь какъ хранителей закона и исполнителей его».

«Въ другой же запискѣ сказано у тебя, — продолжался допросъ,—чтобъ очиститься обществу отъ людей наглыхъ, надлежитъ въ войны позвать вольницу. Для чего написалъ ты это? «Для того,—отвѣтилъ Кречетовъ,—что почитаю лучше набрать вольницу въ солдаты, нежели какъ нынѣ наборы бываютъ: нынѣ въ солдаты отдають воровъ да мошенниковъ, то какой отъ нихъ пользы ожидать? а вольные наилучшимъ образомъ служить могутъ». По поводу найденной записки изъ книги «Масонъ безъ маски», Кречетову было замѣчено, что такъ какъ въ этой выпискѣ восхваляется равенство, также какъ и глава масонства, который де долженъ быть англичаниномъ, для того, что никому такъ не свойственно, какъ этому народу, ставить человѣка въ равенствѣ съ человѣкомъ и отдавать людямъ должное почтеніе, то для какой цѣли сдѣлана эта выписка? Кречетовъ отвѣтилъ, что хотѣлъ помѣстить выписку въ свои сочиненія, не находя ее преступной.

Наиболѣе вредными тайная экспедиція нашла двѣ записки: въ первой изъ нихъ говорилось, что «имѣнія, которыя даны Государями по страсти, безъ явныхъ всему государству услугъ, тѣ можетъ другой потомствующій Государь и отнять, а которыя даны за явныя услуги, то они должны быть записаны въ книгѣ народной и при другомъ Государѣ народомъ подтверждены и тѣ останутся неотмѣнно крѣпки»; во второй было написано: «сдѣлать толкованіе на символъ вѣры по моему собственному понятію».—«На какой конецъ писалъ ты первую записку и какой символъ хотѣлъ сочинить и чѣмъ тебѣ не нравится старый, который всѣми Соборами утверждень, столько лѣтъ принятъ и кровью великаго числа мучениковъ запечатлѣнъ?» спросили Кречетова. «Что ска-

зано въ первой запискѣ.—быль его отвѣтъ,—то я хотѣлъ помѣстить сіе при сочиненіи законовъ въ правило и отдать на судъ всѣмъ, если же бы признали, что это глупо, то я бы и отмѣнилъ, а символъ вѣры я думалъ написать пространнѣе и яснѣе, чѣмъ старый, такъ какъ прежде были умы, а теперь другіе».

Послѣ допроса Кречетова снова отвезли въ крѣпость и помѣстили подъ строгимъ надзоромъ въ Алексѣевскомъ рavelинѣ. Тайная экспедиція занялась тщательнымъ пересмотромъ его дѣла и нашла, что по новымъ даннымъ вина преступника увеличилась. «Изъ всѣхъ его мыслей и произносимыхъ имъ словъ видно,—писалъ въ новомъ докладѣ генераль-прокуроръ,—что онъ не хочетъ, чтобъ были монархи, а заботится болѣе о равенствѣ и вольности для всѣхъ вообще, ибо онъ, между прочимъ, сказалъ, что разъ дворянамъ сдѣлали вольность, для чего жъ не распространить оную и на крестьянъ, вѣдь и они такіе же человѣки. Изъ показаній же Малевинскаго усматривается, что онъ хотѣлъ набрать вольницу и дать имъ хорошее жалованье, а гвардію распустить для того, что если бы Государь не сталъ хранить законы, то бы и Его смѣнить».

Послѣдствіемъ доклада Самойлова явилось Высочайшее повелѣніе о заточеніи Кречетова въ Шлиссельбургскую крѣпость. Въ ночь на 25 декабря 1794 года, комендантъ Петропавловской крѣпости ¹⁾ получилъ предписаніе выдать секретнаго арестанта Фёдора Кречетова фельдъегерю ²⁾. Въ 8 часовъ утра 25-го декабря, арестантъ былъ привезенъ въ Шлиссельбургъ и помѣщенъ въ верхнемъ этажѣ, въ камерѣ № 5. Доставившій новаго узника фельдъегерь объявилъ коменданту ³⁾ Высочайшее повелѣніе о содержаніи его *наикрѣпчайше*, наблюдая, чтобъ онъ никакихъ разговоровъ и сообщеній ни съ кѣмъ не имѣлъ.

Кречетовъ пробылъ въ ужасномъ заключеніи шесть лѣтъ. Въ 1801 г. по случаю вступленія на престолъ Александра I онъ былъ выпущенъ на свободу, но оказался совершенно больнымъ и неспособнымъ ни къ какому труду. Ему были выданы изъ Управы Благочинія принадлежащія ему и отобранныя еще при первомъ арестѣ вещи.

Дальнѣйшая судьба его неизвѣстна.

М. Корольковъ.

¹⁾ Ген. Чернышевъ.

²⁾ Выѣздъ съ Кречетовымъ былъ отосланъ и другой секретный арестантъ—Фишеръ.

³⁾ Полк. Колубанну.

Литографированная записка М. В. Буташевича-Петрашевскаго¹⁾.

О способахъ увеличенія цѣнности дворянскихъ или населенныхъ имѣній.

Цѣна населенныхъ имѣній нынѣ менѣе дѣйствительной цѣнности сихъ имѣній. Эта разница въ цѣнѣ имѣній и ихъ стоимости гибельна для общественнаго благосостоянія вообще. Всякій должень съ этимъ согласиться, какъ и съ тѣмъ, что ее нужно устранить; чѣмъ скорѣе это будетъ совершено, тѣмъ лучше. Причины сему: предоставленіе владѣнія населенными землями одному только классу, исключительная малость капиталовъ, обращающихся на сію промышленность, неразвитіе кредита и ощутительный недостатокъ мѣстъ и учреждений, содѣйствующихъ къ его развитію, неопредѣленность въ будущемъ условій владѣнія сими родами собственности, разныя постановленія, вышедшія въ послѣднее 10-тилѣтіе. Уничтожить вредное вліяніе вышеозначенныхъ причинъ можно принятіемъ слѣдующихъ мѣръ.

1. Предоставленіемъ купцамъ права пріобрѣтать земли подъ условіемъ дѣлать обязанными крестьянъ, на сихъ земляхъ находящихся, вмѣстѣ съ правомъ голоса и участія въ дворянскихъ собраніяхъ въ качествѣ землевладѣльцевъ и по дѣламъ относящимся до обоихъ словій, какъ землевладѣльцевъ. Единновременно съ этимъ можно предоставить крестьянамъ право выкупаться за извѣстную сумму. Въ слѣдствіе сего по меньшей мѣрѣ должно обратиться на пріобрѣтеніе земель до 500,000,000 руб. асс. и даже болѣе купеческихъ капиталовъ. Къ облегченію способовъ пріобрѣтенія населенныхъ земель купцами на вышеозначенномъ основаніи можетъ служить дозволеніе имъ дѣлать ссуды денегъ дворянамъ подъ населенныя имѣнія.

2. Введеніемъ гипототическихъ книгъ на томъ же основаніи, какъ сіе существуетъ въ Пруссіи.

¹⁾ Въ началѣ марта 1848 года М. В. Буташевичъ-Петрашевскій, участвовавшій, какъ помѣщикъ Новоладожскаго уѣзда, въ губернскомъ дворянскомъ собраніи Петербургской губ., раздавалъ дворянамъ свою записку, до сихъ поръ никогда въ печати не появлявшуюся (Выдержки изъ нея напечатаны во II томѣ „Крестьянскаго вопроса“ В. И. Семевскаго). Записка была затѣмъ въ небольшомъ числѣ экземпляровъ распространена по городу. Какъ извѣстно, она играла въ извѣстной мѣрѣ роль „поличнаго“ въ процессѣ Петрашевскаго.

Мы печатаемъ эту „записку“ съ подлинника, исправленнаго рукою самого автора и находящагося въ дѣлѣ о петрашевцахъ, находящемся въ архивѣ III Отдѣленія С. Е. И. В. Канцеляріи.
Мил. Лемке.

3. Заведеніемъ кредитныхъ земскихъ учреждений (Kreditvereine) какъ въ Польшѣ.

4. Учрежденіемъ дворянскихъ или, лучше сказать, земледѣльческихъ банковъ.

5. Равнымъ уменьшеніемъ процентовъ на капиталы, платимые какъ кредитнымъ установленіямъ за ссуду денегъ, такъ и платимыхъ ими самими на капиталы, врученные ихъ храненію. Эта мѣра также вдвинетъ огромные капиталы въ оборотъ. Отъ сего никто не потерпитъ, ибо можетъ быть сохранено нынѣ существующее отношеніе между процентами, платимыми на капиталъ за ссуду его кредитными установленіями частнымъ лицамъ, и процентами, платимыми кредитными установленіями за ссуду или отдачу имъ на храненіе капиталовъ частнымъ лицамъ.

6. Усиленіемъ библиотекъ, находящихся при уѣздныхъ училищахъ. сочиненіями, относящимися до сельскаго хозяйства и отраслей промышленности съ ними связанныхъ, и предоставленіемъ безмезднаго пользованія семи книгами всѣмъ земледѣльцамъ и городскимъ обывателямъ.

7. Учрежденіемъ сохранныхъ кассъ во всѣхъ уѣздныхъ городахъ и порученіемъ приѣма взносовъ въ сіи кассы всѣмъ приходскимъ священникамъ; эта мѣра также должна внести въ общественный оборотъ значительные капиталы, нынѣ находящіеся безъ движенія, а крестьянамъ дать возможность быть обязанными своему труду и благоразумію, а не странному пожертвованію другихъ своимъ освобожденіемъ. Нравственная сторона этой мѣры, какъ развивающая духъ предусмотрительности въ низшемъ классѣ, весьма важна; въ то же время она достойна уваженія, какъ благонадежное постепенно дѣйствующее средство приготовленія сихъ классовъ къ пользованію дарами гражданской свободы и плодами своей свободной дѣятельности. Сверхъ сего эта мѣра, равно какъ и допущеніе купцовъ покупать земли, населенныя дворянами, для дворянъ важна тѣмъ, какъ въ политическомъ, такъ и въ экономическомъ отношеніи, что значительную часть тягости и неудобства сопряженныхъ съ измѣненіемъ настоящихъ отношеній крестьянина и помѣщика переносить на другіе классы, и за уступку, болѣе мнимую, нежели дѣйствительную, нѣкотораго преимущества, значительно вознаграждаетъ за это дворянъ выгодами экономическими.

8. Учрежденіемъ при сохранныхъ кассахъ mont de pign^o на тѣхъ же основаніяхъ, какъ онѣ существуютъ во Франціи, съ присовокупленіемъ права принимать подъ залогъ нѣкоторыя земледѣльческія произведенія.

9. Улучшеніемъ формъ судопроизводства и надзора за административными или исполнительными властями. Таковыя усовершенствованія не могутъ не имѣть вліянія на цѣнность имѣній, какъ на все другое чрезъ усиленіе кредита, наличнаго довѣрія между гражданами.

Мѣры эти, одновременно принятыя въ теченіе весьма непродолжительнаго времени, не только должны значительно увеличить цѣнность поземельной собственности, но и развить многія какъ нравственныя, такъ и матеріальныя силы въ народѣ, находящіеся понынѣ въ дремотномъ состояніи; положить начало самосознанія и сознанія своего общественнаго значенія въ тѣхъ классахъ, кои до сего были совершенно чужды

этого; установить благосостояніе общественное на началахъ прочныхъ, истинныхъ, согласныхъ съ мѣстными условіями страны. Учрежденія эти, равняваясь соотвѣтственно общимъ нуждамъ и потребностямъ страны, должны необходимо сдѣлать богатство и благосостояніе доступнымъ всѣмъ классамъ посредствомъ ихъ труда и благоразумнаго употребленія производительныхъ силъ природы, находящихся въ ихъ завѣдываніи, и дать возможность всѣмъ въ мѣру ихъ силъ быть дѣйствительными участниками всеобщаго счастья и благоденствія.

Сдѣлать предъ лицомъ дворянскаго сословія С.-Петербургской губерніи въ общемъ губернскомъ собраніи изъясненіе всѣхъ сихъ мѣръ, безспорно полезныхъ не только тому одному сословію, къ которому имѣю честь я принадлежать, но и всему обществу, мѣръ, настоятельность нужды принятія которыхъ очевидна, въ подробности соотвѣтственной ихъ практическому назначенію чрезъ чтеніе подробнаго изложенія всѣхъ сихъ мѣръ, и словесно разрѣшить тогда же всѣ недоразумѣнія и вопросы разнаго рода, могущіе возникнуть по сему предмету, почту для себя пріятной обязанностью, если на то будетъ изъявлено желаніе почтеннаго С.-Петербургскаго дворянства. *Дворянинъ С.-Петербургской губерніи, землевладѣлецъ и избиратель М. Бутайшевичъ-Петрашевскій.*

Голуби ¹⁾).

Голуби по двору ходять-воркуютъ
Сизой артелью своей.
Все подозрительно какъ-то толкуютъ,
Быстро летать отъ людей.
Часто гурьбою громадной слетаются
Мирно ко мнѣ подъ окно;
Цѣлой коммуною дружно питаются,
Дѣлятъ по братски зерно.
Видно вліянье идей растлѣвающихъ
Въ бѣдной семьѣ голубей—
Мыслей основы основъ подрывающихъ,
Соціализма идей.
Гдѣ у нихъ личность отъ злыхъ ограждающій
Мудрой полиціи глазъ?
Гдѣ у нихъ кормчій, ихъ жизнь направляющій,—
Этотъ порядка компасъ?
Здѣсь анархизма примѣръ замѣчается—
Страшный примѣръ для людей!
Браки свободны—никто не вѣнчается,
Нѣтъ ни поповъ, ни церквей.
Голуби сизые, пташечки бѣдныя,
Развращены вы совѣмъ!
Кѣмъ же идеи эти зловредныя
Къ вамъ прививаются?—Кѣмъ?
Скажутъ—природой.. Для благъ человѣчества
Выскажу мнѣніе свое:
Если природа враждебна отечеству—
Выслать подальше ее!

¹⁾ Стихотвореніе это принадлежит застрѣлившемуся въ ночь на 8 марта 1881 года Н. А. Саблину (см. март. кн. „Былого“, стр. 13—15). Оно было напечатано въ № 5 „Земли и Воли“ и перепечатано въ сборникъ Базилевскаго „Революц. журналистика 70-хъ годовъ“. Портретъ Н. А. Саблина помѣщенъ въ мартовской книжкѣ „Былого“.

Какъ и за что я попалъ въ Шлиссельбургъ.

Обыкновенно къ запискамъ подобнаго рода авторъ приступаетъ съ большой натугой, и не иначе, какъ «уступая настоянню друзей». Если встрѣтишь, бывало, такую фразу у другого автора, она кажется немножко жеманной и потому совершенно излишней. Но очутившись самъ въ аналогичномъ положеніи, видишь, что это не пустая фраза.

Когда на тебя устремляются взоры, когда ты не только становишься центромъ вниманія (къ этому люди легко привыкають), вѣтъ, когда отъ тебя ждуть съ весьма понятнымъ волненіемъ, чтобы ты огласилъ и какъ можно живѣе изобразилъ тѣ ужасы, которые нельзя иначе назвать, какъ позоромъ нашей цивилизаціи, тобой овладѣваетъ весьма естественная робость и нерѣшительность. Для такого сюжета нужно хотъ немножко художественное перо, а тѣмъ болѣе нуженъ извѣстный литературный навыкъ свободно излагать свои мысли. Между тѣмъ ясно чувствуешь свою почти младенческую беспомощность.

Каждый изъ насъ, приступая къ такимъ запискамъ, невольно приводитъ себѣ на память записки декабристовъ—полныя широкаго интереса и высокаго драматизма. Добрую половину тѣхъ записокъ составляло описаніе и характеристика общественнаго движенія, продуктомъ котораго явилось 14 декабря. И самый фактъ, и слѣдовавшій за нимъ судебный процессъ, были единичнымъ событіемъ, подобнаго которому русская исторія не знала ни ранѣе, ни позже. Другое дѣло—мы. Мы были только продолжателями движенія, уже широко разлитаго. И наши цѣли, и наши идеалы давно уже перестали быть новинкой для всего образованнаго русскаго общества. Настолько перестали, что когда Ульяновъ на судѣ попробовалъ излагать принципиальныя основы дѣятельности партіи, предсѣдатель неоднократно останавливалъ его, откровенно заявляя: «все это мы давно знаемъ». Наши судебныя процессы были уже столь многочисленны, что детальное изображеніе каждаго изъ нихъ для рядового читателя казалось бы излишнимъ и скучнымъ. Установились уже общіе карательныя приемы, сложились типичныя фигуры и прокуроровъ, и слѣдователей, и подсудимыхъ, за которыми индивидуумъ, какъ таковой, совершенно ступшевывается. И изъ груды накопившагося въ теченіе десятилѣтій матеріала для читателя дорого выдѣлать

только нѣсколько болѣе крупныхъ личностей, какъ наиболѣе типичныхъ, уложивши всѣхъ остальныхъ въ общую схему движенія, медленно, но почти непрерывно нараставащаго. ¹⁾

Приведу одинъ только примѣръ, чтобы показать, до чего однообразны были такъ называемые судебные приемы въ теченіе цѣлыхъ 30 лѣтъ. Еще въ 70-хъ гг. подсудимые заявляли суду, что всякій человекъ, котораго они пригласятъ на судъ въ качествѣ свидѣтеля съ своей стороны, арестуется вслѣдъ затѣмъ жандармами. Буквально то же заявленіе повторилъ недавно и Гершуни въ 1903 г., и практика неизмѣнно подтверждала эти заявленія.

Это одна половина дѣла. Затѣмъ у декабристовъ даже на ваторгѣ, въ самые суровые моменты, все же была нѣкоторая жизнь. По извѣстному опредѣленію Спенсера «жизнь есть приспособленіе внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ». У декабристовъ были эти внѣшнія отношенія, благодаря присутствію дамъ за тюремною оградой, и тѣмъ рѣдкимъ, но никогда не прерывавшимся сношеніямъ съ покинутымъ міромъ, которыя чрезъ нихъ были доступны всѣмъ. Наконецъ, положеніе ихъ вмѣстѣ съ самымъ мѣстомъ жительства постоянно мѣнялось и, доставляя имъ рядъ разнообразныхъ впечатлѣній, давало вмѣстѣ съ тѣмъ достаточный матеріалъ для того, чтобы потомъ составить изъ него цѣлое живое описаніе.

Ничѣмъ подобнымъ мы похвалиться не можемъ. Наши сношенія съ внѣшнимъ міромъ начались уже слишкомъ поздно и были всегда подъ стражайшимъ контролемъ жандармеріи. И вотъ теперь какъ ни силишься остановить свое воспоминаніе хоть въ чемъ-нибудь выдающемся, какъ ни стараешься воспроизвести хоть какое нибудь «событіе», чувствуешь, что вспоминать и воспроизводить тебѣ нечего, что у тебя въ головѣ въ буквальномъ смыслѣ слова «хоть шаромъ покати». Воображеніе рисуетъ одну безрадостную, унылую зимнюю равнину, гдѣ глубокій снѣгъ скрылъ всѣ очертанія, и гдѣ пытливый глазъ тщетно ищетъ, въ чемъ бы онъ могъ остановиться и отдохнуть на минутку отъ томительнаго однообразія. Самый снѣгъ здѣсь не пустая метафора. Жизнь была какъ бы заморожена, и въ нашей зимѣ не было ни малѣйшихъ художественныхъ красокъ. Она была не просто безрадостна. Въ первые годы она была почти мучительна. Каждый прожитый день давалъ иллюзію облегченія тѣмъ, что онъ прошелъ и уже назадъ не вернется. Будетъ другой, подобный ему, но о будущемъ вообще не думалось, притомъ же, кто знаетъ? слѣдующій день можетъ быть внесетъ хоть какую нибудь перемѣну. Вспоминаетъ же прожитые дни не только не было ни малѣйшаго интереса, напротивъ, былъ прямой интересъ—по возможности о нихъ никогда не вспоминать. Тягостное настоящее казалось бы еще болѣе тягостнымъ, если бы переживаніе его сплести съ

¹⁾ Съ этимъ взглядомъ автора мы согласиться не можемъ.

уственнымъ переживаніемъ прошлаго. А потому, забвеніе считалось всегда самымъ желаннымъ гостемъ и культивировалось съ особеннымъ вниманіемъ и тщательностью. Насаждаемое сознательно цѣлыми годами, оно прочно укоренялось, овладѣвало психикой и царило невозбранно. Въ этомъ отношеніи многіе достигли большой виртуозности...

Когда на смѣну первыхъ тяжелыхъ лѣтъ пришли болѣе спокойныя и сносныя годы, когда жгучая боль пережитаго отодвинулась вдаль и могла воспроизводиться въ памяти со спокойствіемъ и безстрастіемъ историка, стало казаться, что вспоминаешь, собственно говоря, нечего. Пережиты были сложныя чувствованія. Пережиты факты внутренней жизни. Пережиты наединѣ, глазъ на глазъ съ собою физическія и нравственныя страданія, которыя въ нормальномъ ходѣ жизни человѣкъ старается заглушить другими житейскими впечатлѣніями. Никто не дѣлаетъ ихъ постояннымъ центромъ своего вниманія. А въ нашихъ условіяхъ дѣлать ихъ предметомъ усиленнаго вниманія и нельзя было безъ серьезнаго риска — утратить нормальное душевное настроеніе. Извѣстно вѣдь, что нѣтъ такого предмета, который при усиленномъ вниманіи не сталъ бы казаться и очень интереснымъ, и очень важнымъ, и весьма рельефнымъ. Самонаблюденіе — прекрасная вещь. Но когда нѣтъ никакого другаго объекта для наблюденія, кромѣ самого себя, оно скоро можетъ довести до привычныхъ нелѣпостей.

Это почти полное отсутствіе рѣзкихъ и важныхъ переменъ, независимо отъ легкости или суровости режима, налагало на наше существованіе печать полной безжизненности. Ни во внѣ, ни внутри, не было ничего, почему бы мы могли хоть какъ нибудь ориентировать теченіе времени. Оно какъ будто совсѣмъ остановилось. Даже болѣе, его совсѣмъ для насъ не существовало. Были, конечно, и осень, и лѣто. Но перемѣны погоды обыкновенно столь слабо задѣваютъ человѣка, что служатъ сюжетомъ для мимолетныхъ мыслей только въ скучномъ обществѣ, да и то въ первые же минуты встрѣчи окончательно исчерпываются. Наша осень и наше лѣто были точной копіей съ лѣта и осени прошлаго года и составляли столь же малую перемѣну въ жизни, какъ и смѣны дня и ночи.

Мы всѣ были точно заморожены или законсервированы другимъ какимъ нибудь способомъ. Это было существованіе съ крайне пониженной психикой, напоминающее зимнюю спячку у некоторыхъ животныхъ. Былъ нервный аппаратъ, вполне и даже тонченно организованный, но онъ не дѣйствовалъ за отсутствіемъ впечатлѣній. А всякая система функций въ организмѣ, не дѣйствующая продолжительное время, ослабѣваетъ и замираетъ. Не было дѣла ни для органа слуха, ни для органа зрѣнія. Звуки все тѣ же. Членораздѣльную человѣческую рѣчь въ первые годы слышали настолько рѣдко, что иногда въ разговорѣ забывали самые обыденные русскіе термины. Для зрительныхъ упражненій

были «пески» (о нихъ позже) и сѣрыя стѣны. Сегодня какъ вчера, завтра какъ сегодня. Еще нужно удивляться послѣ этого стойкости нервной организаціи и тому, что мы сохраняли этотъ аппаратъ не окончательно испорченнымъ.

При такой пониженной воспримчивости, даже на болѣе крупныя перемены въ нашей жизни я реагировалъ только вполонину. Мнѣ все представлялось, будто у меня дѣйствуетъ только одно полушаріе головного мозга, а другое спитъ безмятежнымъ сномъ. А разъ не было исходныхъ возбужденій, дающихъ толчекъ внутренней мозговой дѣятельности, эта послѣдняя тоже совершалась вяло и апатично. Конечно, мы не стояли на одномъ мѣстѣ, и въ области многихъ знаній сдѣлали болѣе или менѣе серьезные пріобрѣтенія. Но вѣдь это за 20 лѣтъ!

Нужно, впрочемъ, оговориться, что при такой пониженной психикѣ (разумѣется, не у всѣхъ равномерно) у насъ всегда туго была натянута одна струна, которая громко звучала при малѣйшемъ прикосновеніи. Это была постоянная настороженность въ отношеніи къ своимъ мучителямъ, и опасеніе съ ихъ стороны какихъ-нибудь новыхъ вылазокъ съ цѣлію усугубить наши страданія. Въ силу этого, *modus vivendi* каждаго даннаго момента мы считали своимъ неотъемлемымъ достояніемъ, въ защиту котораго готовы были ежедневно стать въ угрожающую позицію. Попытки же отнять уже разъ данное повторялись такъ часто, точи наши враги, оперируя надъ нами, изучили предварительно психологическую истину, что всякое страданіе, оставаясь неизмѣннымъ, перестаетъ ощущаться, какъ боль.

Еслибы отъ такой жизни сохранился дневникъ, онъ немногочего помогъ бы теперь, потому что и самый дневникъ при такихъ обстоятельствахъ оставался бы столь же безжизненнымъ, какъ и среда, въ которой онъ писался. Пробовалъ я въ первый же годъ вести такой дневникъ, но скоро же бросилъ. Не говоря о томъ, что самыя смѣлыя надежды не давали ни малѣйшей увѣренности вывезти такое произведеніе изъ тамошнихъ стѣнъ, онъ, вѣроятно, не стоилъ бы того, чтобъ сохранять его какъ матеріаль. Въ другой разъ я приведу сохранившійся у меня отрывокъ, а пока скажу только, что это былъ скорѣе рядъ размышленій, расположенныхъ подъ числами, по поводу того, что читалось въ эти дни. Все это дало бы, вѣроятно исторію «одного размышляющаго духа», но исторіи нашего быта и нашихъ чувствованій тамъ навѣрное не оказалось бы.

Сдѣлавши такое длинное вступленіе, перейду теперь къ прямой темѣ этого очерка.

I.

И такъ, я начинаю съ вопроса, стоящаго въ заголовкѣ статьи: за что же собственно я посаженъ былъ въ Шлессельбургъ и выдержанъ тамъ ровно 18½ лѣтъ? Но приступаю къ этому

вопросу съ большимъ смущеніемъ. Я былъ причисленъ къ категоріи «важнѣйшихъ» государственныхъ преступниковъ, приговоренъ къ смертной казни и помилованъ на «безъ срока». При идѣ такой квалификаціи, каждый невольно вообразить себѣ какую нибудь трагическую деталь *борьбы* за свободу, какую нибудь частности конспиративной *дѣятельности*, какое нибудь личное организационное *предпріятіе*, словомъ, какое нибудь дѣло, за которымъ послѣдовало такое административно-судебное вершеніе. Увы, ничѣмъ подобнымъ я похвалиться не могу, и о моемъ прошломъ, можно сказать, не было никакого политическаго прошлаго.

Я кончилъ петербургскую духовную академію со званіемъ кандидата и, какъ одинъ изъ «лучшихъ воспитанниковъ», былъ представленъ при академіи въ качествѣ «профессорскаго стипенданта», т. е. претендента на кафедру при академіи. Прямой обязанностью моею было писать магистерскую диссертацию, темой для которой служилъ забытый теперь нѣмецкій философъ, психологъ и педагогъ Бенеке. Это было въ 1886 году. Почти до 85 г. я былъ уединенно въ зданіи академіи, никому невѣдомый и самъ о себѣ ничего незнающій и, какъ водится, «двигаль» науку. Такъ въ привычной формѣ выражались мы въ товарищескомъ кругу о своихъ занятіяхъ, которымъ я предавался со страстью неопита. Когда мною только что открылись во всей своей широтѣ обширныя области, въ которыхъ я былъ чистѣйшимъ профаномъ, и я впервые созналъ, что семинарское образованіе, которое поселяетъ въ своихъ адептахъ чувствъ самообольщенія и горделиваго пренебреженія надъ «лжеименнымъ» разумомъ, само никуда не годится. И какъ человѣкъ съ неглупой головой и отъ природы инстинктивно разнательный, я жадно удовлетворялъ чтеніемъ только что открывшюся умственную пытливість.

Въ это время совершенно случайно до меня дошли слухи, что мои земляки (новгородцы), студенты разныхъ учебныхъ заведеній въ ЦВ., вновь организуютъ свое «землячество», распавшееся почему-то незадолго передъ тѣмъ. Побуждаемый естественнымъ стремленіемъ къ общительности, а можетъ быть и «жаждой» общительности, я выступилъ впервые на общественную арену. Я привелъ знакомства въ студенческой, да еще земляческой средѣ было дѣломъ нѣсколькихъ недѣль. А черезъ какихъ нибудь полгода я уже состоялъ кассиромъ своего землячества, разумѣется тайнымъ и подпольнымъ. Таковы были тогда времена, что собирать промежъ себя членскіе взносы по 25 к. въ мѣсяцъ и собирать этими грошами снабжать въ долгъ наиболѣе нуждающихся изъ своего кружка—считалось запрещеннымъ дѣломъ, съ которымъ нужно было во что бы то ни стало скрывать. Такъ какъ это «общество» было тайное, то вѣроятно и «преступное», и мы, главныя души, совсѣмъ не воображали, что ведемъ опасную игру и стоимъ у границы, гдѣ вотъ-вотъ начнется политическая дѣятельность.

А политика, дѣйствительно, уже подстерегала насъ. Въ началѣ 1886 г. организовался «союзъ землячествъ» (какъ организовывался онъ можетъ быть десятки разъ), который, среди другихъ своихъ цѣлей, какъ-то: саморазвитіе, касса, бібліотека, выставялъ между прочимъ—страшно сказать—выработку сознательныхъ революціонеровъ. Я говорю объ этомъ съ нѣкоторой ироніей, потому что на самомъ дѣлѣ никакой «выработки» не было, а были изрѣдка собранія депутатовъ отъ землячествъ, которыя проходили довольно вяло и безжизненно. Надо прибавить для тѣхъ, кто выросъ позднѣе, что это было время полного упадка революціоннаго движенія. Разгромъ партіи только что закончился. Кто уцѣлѣлъ, скрылся за границу. Литературы, ни старой, ни новой, почти не было. Молодежь тогда, какъ и потомъ, была такою же молодежью, т. е. съ идеальными помыслами и благородными порывами. Но самостоятельнаго творчества она одна не въ силѣ проявить, и никакой агитаторъ не вдохнетъ въ нее революціонной энергіи (вопреки мнѣнію разныхъ оффиціозовъ), если не накопилось таковой въ самомъ обществѣ. Въ обществѣ же тогда не хватало смѣлости даже на открытіе новыхъ начальныхъ школъ, и оно не рѣшалось преодолѣть въ этомъ отношеніи оппозицію правительственныхъ сферъ, относившихся явно враждебно къ народному образованію.

Единственное «дѣло», которое организовалъ нашъ союзъ, была панихида по Добролюбову на Волковомъ кладбищѣ въ 25-лѣтнюю годовщину его смерти 17 ноября 1886 г. Панихиды-то собственно не было, потому что полиція была освѣдомлена и на кладбище насъ не пустила. Когда же мы сомкнутой толпой пошли назадъ въ наивномъ расчетѣ дойти до Казанскаго собора и отслужить панихиду въ немъ, на Лиговкѣ Грессеръ оцѣпилъ насъ казаками и, продержавъ на слякоти часа два, распустилъ по домамъ. Задержаны были, кажется, человекъ 15 изъ тѣхъ, кто вступалъ въ пререканія съ полиціей, и большинство ихъ было выслано изъ Петербурга.

II.

Вскорѣ послѣ этой «демонстраціи» были выпущены прокламаціи къ русскому обществу, которыя были арестованы на почтѣ. Но о нихъ я лично ничего не зналъ вплоть до суда, гдѣ онѣ фигурировали въ обвинительномъ актѣ, какъ показатель дѣятельности «террористич. фракціи», бросившей якобы вызовъ правительству и приступившей тотчасъ послѣ 17 ноября къ осуществленію преступнаго замысла на жизнь государя Александра III.

Потомъ я узналъ, что эта оффиціальная версія совершенно не соответствовала дѣйствительности. Но когда и какъ возникъ самый замыселъ, мнѣ было абсолютно неизвѣстно. Въ него я посвященъ не былъ, и никакой роли въ осуществленіи его я не игралъ вплоть до 7 февраля 1887 г. Какъ одинъ изъ депутатовъ

въ союзѣ землячествѣ, я познакомился между прочимъ на депутатскихъ собраніяхъ съ А. И. Ульяновымъ, студ. университета. Человѣкъ онъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ необыкновенно симпатичный. Отъ него такъ и вѣяло какой-то особенной чистотой и благородствомъ, и съ первой же встрѣчи нельзя было не почувствовать къ нему сердечнаго влеченія. Но такъ какъ я встрѣчался съ нимъ только на собраніяхъ (два изъ нихъ были у него на квартирѣ и одно у меня), то сойтись ближе съ нимъ мнѣ не удалось. Понятно, что на этихъ собраніяхъ ни о какомъ «замыслѣ» даже и не заикались, и вплоть до 7 февраля я совсѣмъ не подозревалъ, что у Ульянова, кромѣ союзныхъ и студенческихъ дѣлъ, имѣются еще и другія.

Союзныя собранія происходили рѣже, на нихъ являлись не аккуратно, и они умирали должно быть естественною смертію. Лично же я мирно занимался своей диссертацией и даже земляковъ видалъ рѣдко, потому что при окончаніи курса передалъ свои кассирскія обязанности другому лицу.

7 Февраля Ульяновъ обратился ко мнѣ съ запросомъ (сначала черезъ лицо, оставшееся до сихъ поръ внѣ подозрѣній), нельзя ли въ моей квартирѣ приготовить недостающіе 3 ф. динамита, который ранѣе приготовлялся въ другомъ мѣстѣ, но теперь продолжать тамъ работу стало неудобно. У меня это было тоже неудобно, и я рѣшительно отказалъ, чѣмъ доставилъ ему явное огорченіе. Въ разговорѣ между прочимъ я вспомнилъ про новую квартиру въ Парголово, куда собирался переѣхать на дняхъ на дачу—чисто изъ матеріальныхъ соображеній, а частію ради тѣхъ удобствъ, которые представляло уединеніе для моихъ занятій. Тамъ жила М. А. Ананьина, служившая земской акушеркой, съ которой совмѣстно я содержалъ и петербургскую квартиру, такъ какъ дочь ея, Лидія Ивановна, учившаяся въ учительской семинаріи, жила вмѣстѣ со мной. Я ничего не зналъ о квартирныхъ условіяхъ Парголово и сдѣлалъ запросъ въ этомъ отношеніи Маріи Александровнѣ. Получивши ея согласіе, я условился съ Ульяновымъ, что онъ доставитъ въ мою квартиру всю свою лабораторію, а я отправлю ее въ Парголово вмѣстѣ съ мебелью и кухонной посудой, для перевозки которыхъ уже наняты были подводы изъ того же Парголово.

Лабораторія и была доставлена мнѣ, но не Ульяновымъ, а Канчеромъ, котораго я никогда раньше не видывалъ и который потомъ выдалъ меня и многихъ другихъ, судившихся съ нами. Самого Ульянова я больше уже не видалъ вплоть до скамьи подсудимыхъ. Онъ съѣздилъ въ Парголово на нѣсколько дней, приготовилъ чтò было нужно, и уѣхалъ, оставивши тамъ не только лабораторію, но и нѣсколько унцій нитроглицерина, оказавшагося для него излишнимъ, которыя онъ поручилъ тамъ вниманію М. А. Ананьиной. Вѣроятно она думала, что у насъ съ Ульяновымъ было на этотъ счетъ какое-нибудь условіе. А когда я самъ переѣхалъ туда, это оказалось для меня сюрпризомъ,

который я рѣшилъ выяснитъ при первой же поѣздкѣ въ Петербургъ и свиданіи съ Ульяновымъ. Но этой поѣздкѣ не суждено было состояться, потому что 3-го марта я былъ арестованъ «съ личнымъ».

Какъ человѣкъ, стоящій внѣ организаціи, я считалъ совершенно неумѣстнымъ обращаться къ Ульянову съ какими бы то ни было разспросами о подробностяхъ готовящагося покушенія. Да Ульяновъ навѣрное и не отвѣтилъ бы мнѣ на основаніи самаго элементарнаго правила всякой конспираціи: «каждый долженъ знать только то, что онъ самъ дѣлаетъ». Я же считалъ, что, предоставляя квартиру, да еще не свою, я, собственно говоря, ничего не дѣлаю, а играю совершенно пассивную роль передаточной станціи. На такую роль, насколько мнѣ было извѣстно тогдашнее настроеніе, согласились бы многие изъ моихъ знакомыхъ, если бы, конечно, гарантирована была имъ безопасность.

III.

Такъ какъ квартира, гдѣ дѣлались самые снаряды и приготавлился остальной динамитъ, не была найдена, а для «округленія» дѣла нужно было показать, что оно раскрыто полностью, то нашей квартирѣ суждено было нести отвѣтственность и за то, что въ ней совершалось, и за то, чего вовсе не совершалось. Этому посодѣйствовалъ еще и я самъ своею чисто дѣтскою наивною. Дѣло въ томъ, что въ крѣпости, куда я былъ посаженъ на другой день послѣ ареста, я не просидѣлъ и недѣли. У меня тамъ случился какой-то нервный припадокъ, послѣ котораго вскорѣ меня перевели въ Предварилку. На допросѣ Котляревскій сказалъ, что это онъ постарался перевести меня въ виду моего нервного разстройства и въ увѣренности, что здѣсь мнѣ будетъ лучше¹⁾. На самомъ же дѣлѣ онъ посадилъ меня тамъ рядомъ съ предателемъ, каковымъ оказался А. П. Остроумовъ, извѣстный съ этой стороны многимъ южанамъ, моимъ современникамъ. Онъ, конечно, обучилъ меня «стуку», я проявилъ быстрыя способности, и черезъ недѣлю мы уже болтали. На мой вопросъ, за что онъ посаженъ, онъ отвѣтилъ съ краткостью, требуемой самимъ способомъ рѣчи и слабымъ навыкомъ въ ней: «за бомбы». Я въ свою очередь на его вопросъ отвѣтилъ въ унисонъ: «я тоже за бомбы». Свою любознательность къ моему дѣлу онъ проявлялъ съ такой откровенностью, что только такой необстрѣлянный птенецъ, какъ я, и могъ вести съ нимъ длинные разговоры, совершенно не подозрѣвая до самаго Шлиссельбурга его настоящей физиономіи.

¹⁾ Товарищъ прокурора, который тогда производилъ дознаніе по политич. дѣламъ въ Петербургѣ, совмѣстно съ жандармами и П. Н. Дурново, тогдашнимъ директоромъ Департамента полиціи. Мы съ нимъ встрѣчались развѣ въ домѣ одного протоіерея, и его участіе ко мнѣ могло объясняться вниманіемъ къ старому знакомству. Недавно онъ прославился на всю Русь въ Гомелѣ въ роли предсѣдателя Виленской судебной палаты.

Вскорѣ послѣ этого «признанія», дѣйствительно, было построено обвиненіе меня въ дѣланіи бомбъ, и построено по всѣмъ правиламъ жандармскаго слѣдственнаго искусства. У меня въ квартирѣ было нѣсколько десятковъ книгъ, большею частью изъ академической бібліотеки. Всѣ ихъ я отлично зналъ по внѣшнему виду. Однажды, какъ только привезли меня на допросъ, Котляревскій показываетъ мнѣ одну изъ моихъ книгъ (Льюиса, кажется Физиологію обыденной жизни) и спрашиваетъ: «Ваша эта книга?» Я отвѣчаю: «моя». Онъ отодвигается отъ меня подальше, медленно и съ явной предосторожностью вынимаетъ изъ этой книги чистый конвертъ, еще медленно заглядываетъ внутрь его. Я невольно улыбаюсь.

— Да вы, говорить, не смѣйтесь! Это очень серьезно.

Я становлюсь серьезнымъ и жду. Изъ конверта, наконецъ, появляется кусочекъ переплетной зеленомраморной бумаги, весьма распространеннаго рисунка, величиной не больше 1 кв. сагт. Это было такъ для меня неожиданно, что я снова улыбаюсь, снова получаю замѣчаніе и, наконецъ, рядъ вопросовъ. Требуется объяснить, какимъ именно образомъ попалъ этотъ кусочекъ въ мою квартиру и въ частности въ мою книгу. Я объяснить не въ состояніи. Тогда, чтобы доканать меня окончательно, Котляревскій объявляетъ, что этотъ кусочекъ отрѣзанъ отъ того самаго листа, отъ котораго отрѣзаны другіе такіе же кусочки, употребленные для заклейки винтовъ у одного изъ снарядовъ. Наконецъ-то я начинаю понимать! Очевидно, я дѣлалъ бомбы, оклеивалъ ихъ переплетной бумагой и слѣдовъ своей оклейной работы не успѣлъ уничтожить. Какой нибудь самый ничтожный кусочекъ, на который менѣе гениальный сыщикъ никогда бы и вниманія не обратилъ, теперь выдаетъ меня головой и ведетъ прямымъ путемъ къ шафоту. Изволь тутъ оправдываться, какъ хочешь, когда улыка на лицо! Забавнѣе всего въ этой трагикомедіи то, что они назвали не человѣка, который въ химіи былъ тогда столь же свѣдущъ, какъ и въ абиссинской литературѣ, и который съ клейстеромъ имѣлъ такое же знакомство, какъ и съ японской инкрустацией. Во всей квартирѣ (а я жилъ семейно) никто ничего не клеилъ, не покупалъ цвѣтной бумаги, не рѣзалъ ее и не могъ оставить обрѣзковъ. Въ книгѣ, уже ветхой и многократно читанной, онъ не могъ удержаться столько лѣтъ со временъ ея переплета. Конечно, мое отрицаніе было приписано моему запирательству, а книга съ конвертомъ была отправлена въ судъ, гдѣ и фигурировала на столѣ среди другихъ вещественныхъ доказательствъ.

Сорвалось только съ экспертомъ. Позвали обыкновеннаго переплетнаго мастера, обошли его какъ слѣдуетъ, и онъ показалъ то, чего имъ хотѣлось, т. е. что предъявленный ему кусочекъ (найденный якобы у меня) отрѣзанъ отъ того самаго листа, отъ котораго отрѣзаны и другіе кусочки, прикрывающіе винты на снарядѣ. Но на судѣ подъ присягой этотъ экспертъ отказался отъ такого

удовольствия и показалъ, что всѣ листы до такой степени сходны, бумага этого типа такъ распространена, что ни одинъ опытный мастеръ не можетъ утверждать ничего подобнаго и не въ силахъ отличить, отъ какого именно листа отрубъзанъ тотъ или другой кусокъ. Такъ эта улика и была похоронена, и прокуроръ уже не рискнулъ опереться на нее. Подозрѣнiе же все таки было заброшено и можетъ быть влiяло на дальнѣйшую мою судьбу.

Какъ бы то ни было, уликъ противъ меня было и безъ того достаточно. Не говоря уже о томъ, что по согласному показанiю нѣкоторыхъ свидѣтелей ко мнѣ ходило много народу (ага! стояль, значить, въ центрѣ организаци!) и что я переѣхалъ на дачу въ февралѣ мѣсяцѣ, когда никто изъ благонамѣренныхъ гражданъ еще не помышляетъ о дачахъ,—нитроглицеринъ все таки у меня хранился. Хранился онъ, правда, крайне небрежно, и въ комнатѣ, гдѣ онъ стояль, дѣти невозбранно поднимали такую возню, что весь полъ дрожаль. Но этому на судъ, конечно, не вѣрили, потому что правительственный экспертъ и притомъ генераль-майоръ (между прочимъ уличенный Ульяновымъ въ незнанiи способа приготовления динамита) авторитетно завѣряль, что нитроглицеринъ взрывается отъ малѣйшаго сотрясенiя. И согласно этому приставъ (или околodочный) тщательно расписываль, съ какими скрупулезными предосторожностями онъ переезжалъ на лошади стѣлянку съ нимъ изъ Парголова въ Петербургъ (18 верстъ).

Наконецъ, динамитъ все таки дѣлался на той дачѣ, въ которую я затѣмъ переѣхаль, и материалы для его производства дѣйствительно прошли черезъ мои руки. Теперь трудно даже вообразить ту степень юношескаго легкомыслия, подъ влiянiемъ котораго мы согласились съ Ульяновымъ на той версиі показанiй, которую мы будемъ давать на случай (совершенно невѣроятный случай!), если я буду привлеченъ къ дѣлу. Такъ какъ я стояль въ сторонѣ отъ него, то ему казалось желательнымъ выгородить меня изъ него совершенно, придавши своей повѣздкѣ въ Парголово дѣловой, но совершенно невинный видъ. Онъ ѣдетъ туда въ качествѣ репетитора къ Колѣ, сыну М. А. Ананьиной, и какъ студентъ и химикъ беретъ съ собой лабораторiю для личныхъ занятiй. Хотя мы соглашались заранѣе, что оба будемъ давать единогласно показанiе въ такомъ же смыслѣ, но будучи арестованнымъ и, очевидно, обдумавши дѣло, онъ не захотѣль грѣшить противъ истины (впрочемъ, онъ бралъ на себя чужую вину) и заявилъ на вопросъ обо мнѣ, что предоставляетъ мнѣ самому выяснитъ все, что касается его отношенiй ко мнѣ. Между тѣмъ, согласно заранѣе составленному плану, я уже сталъ на путь ложныхъ показанiй и, какъ ни противно и тяжело это было, остался на немъ до конца. Такъ какъ я не зналь,—всякому это покажется невѣроятнымъ,—что подсудимый имѣеть право отказаться отъ дачи показанiй, то передо мной стояла дилемма, или упротствовать во лжи, или, выдавая себя, выдать вмѣстѣ съ тѣмъ

и близкихъ мнѣ лицъ, а въ томъ числѣ и все землячество, и союзъ землячествъ.

Одинъ только разъ, чуть ли не на послѣднемъ допросѣ, я долго колебался, когда Котляревскій предложилъ мнѣ взять на себя все дѣло устройства конспиративной квартиры въ Парголовѣ, и тѣмъ избавить М. А. Ананьину отъ всякихъ преслѣдованій. Соблазнъ былъ очень великъ, и я можетъ быть не устоялъ бы. Но меня удержало соображеніе, что человѣку, правдивость котораго уже заподозрѣна, не повѣрятъ и тогда, когда онъ расскажетъ одну правду. Впослѣдствіи я понялъ, что дѣло для нихъ не въ правдѣ и не неправдѣ, а въ томъ, чтобы раскрыть если не все, то какъ можно болѣе, въ той области «неразгаданнаго», которая въ нашемъ дѣлѣ была довольно обширной. Извѣстно вѣдь, что дѣла подобнаго рода для нихъ сущій кладъ, потому что за умѣлое раскрытіе ихъ имъ даютъ чины, высокіе посты и др. награды. Но я, увы, не могъ бы при всемъ желаніи удовлетворить лобовзательность Котляревскаго, и мои истинныя показанія, навѣрное, были бы сочтены за неполныя и потому неудовлетворительныя и недостоверныя. Не беспокоитъ ихъ ни мало и вопросъ о томъ, чтобы «избавить то или другое лицо отъ преслѣдованій». Участь каждаго изъ насъ они по произволу могутъ рѣшить и такъ, и этакъ. Такъ, вначалѣ они колебались, составить ли судебный процессъ только изъ лицъ, взятыхъ на улицѣ съ бомбами, или же придать ему какъ можно больше грандіозности и, показавши громадныя размѣры «гидры», тѣмъ лучше отбѣгнуть все величіе побѣды надъ ней. На мой вопросъ на послѣднемъ допросѣ Котляревскій сказалъ, что можетъ быть мое дѣло окончится административно, а на судъ будутъ поставлены только главные виновники. Я уѣхалъ успокоенный и началъ предаваться мечтамъ о ссылке.

IV.

Какъ вдругъ, 2-го Апрѣля мнѣ врученъ былъ обвинительный актъ со всею торжественностью, которая въ такихъ случаяхъ, должно быть, всегда соблюдается. Онъ былъ для меня столь же интересною новинкой, какою былъ бы тогда и для всякаго другого обывателя. Тамъ перечислялись 15 человѣкъ (Генераловъ, Андреюшкинъ, Осипановъ, Канчеръ, Горкунъ, Волоховъ, Ульяновъ, Шевыревъ, Лукашевичъ, Ананьина Пилсудскій, Пашковскій, Шмидова Сердюкова, и я) которые всѣ были отнесены къ «террористической фракціи партіи Народной Воли», и говорилось, что всѣ они «согласились между собой» посягнуть на священную особу Государя Императора. Изъ этихъ лицъ, «согласившихся между собой» мнѣ былъ извѣстенъ болѣе или менѣе только одинъ Ульяновъ. Раза два-три я встрѣчался также съ Шевыревымъ и Лукашевичемъ, какъ студентами. Первый, устроившій тогда студенческую столовую при универсп-

тетъ, носился съ планами организаціи разныхъ кружковъ саморазвитія и былъ поэтому хорошо извѣстенъ въ студенческой средѣ. А Лукашевича я встрѣчалъ въ Научно-Литературномъ обществѣ при университетѣ (оно было закрыто послѣ нашего дѣла) и на собраніи депутатовъ отъ землячества. Благодаря своему громадному росту, онъ во всякой толпѣ былъ головой выше всѣхъ, и потому всякій, встрѣтивши его однажды, невольно запоминалъ. М. А. Ананьина, которая тоже «согласилась» съ прочими, знала только меня, какъ своего нареченнаго зятя, и Ульянова, котораго она никогда ранѣе не видывала до пріѣзда къ ней на дачу съ указанною выше цѣлью.

Изъ обвинительнаго же акта я впервые узналъ, что Генераловъ, Андреюшкинъ и Осипановъ съ бомбами въ рукахъ, а Канчеръ, Горкунъ и Волоховъ въ качествѣ развѣдчиковъ выходили на Невскій три раза въ разные сроки въ расчетъ встрѣтить случайно проѣзжавшаго Государя и, не встрѣтивши его, были арестованы 1 Марта сыщиками, которые давно уже слѣдили за ними. Почему-то имя Генералова стояло первымъ въ обвинительномъ актѣ, почему и самое «дѣло» наше официально извѣстно подъ именемъ «дѣла Генералова».

Всѣ мы предавались суду особаго присутствія правителя сената съ сословными представителями. Предсѣдатель (Первоприсутствующій) П. А. Дейеръ самолично вручалъ обвинительный актъ каждому изъ насъ. Благодаря полному невѣжеству въ области судопроизводства, я не заявилъ ему своевременно о желаніи имѣть защитника, и такимъ образомъ, къ стыду своему, долженъ былъ защищаться самъ. Предсѣдатель же передъ началомъ суда, перечисляя защитниковъ у другихъ подсудимыхъ, обо мнѣ почему-то провозгласилъ: «Новорусскій защитника имѣть не пожелалъ».

На судѣ, не смотря на трагизмъ положенія, я очень часто иронически смѣялся. До такой степени казалось мнѣ невѣроятно забавнымъ то легкомысліе, съ какимъ многіе серьезные и высокопоставленные мужи относятъ меня къ числу величайшихъ государственныхъ преступниковъ, которыхъ нужно истреблять во что бы то ни стало, подыскивая для этого въ юридическомъ лабиринтѣ самые подавляющіе доводы. На столько-то я все таки былъ свѣдушъ и понималъ, что всякое подобное преступленіе, какъ бы мы ни квалифицировали его значеніе для народнаго блага, требуетъ для своего осуществленія людей высокаго героизма, самоотверженности и мужества. А во мнѣ все нутро, воспитанное въ школѣ рабства и угнетенія трепетало отъ робости и дѣлало для меня невозможнымъ какое бы то ни было смѣлое и рѣшительное дерзновеніе. И я совершенно искренно считалъ себя безусловно неспособнымъ на подвигъ и величіе, будетъ-ли въ этомъ величіи заключаться великое преступленіе, какъ думали судьи, или великое благодѣяніе. Изъ недавняго еще тогда прошлаго мнѣ припоминались образцы лицъ, смѣло бросившихъ

вызовъ всеильному абсолютизму, мужественно до конца защищавшихъ свою правоту и стойко принявшихъ наложенное на нихъ и ожидаемое ими возмездіе. И вотъ, въ той же залѣ, черезъ которую раньше меня прошло столько отважныхъ, и гдѣ гремѣли ихъ рѣчи, полныя негодованія, любви къ меньшему брату и восторженнаго желанія пострадать за свои убѣжденія,—въ этой залѣ сижу теперь я, безобидное мирное существо, никогда въ жизни не державшее въ рукахъ никакого оружія. Какъ! я политическій преступникъ (да еще важнѣйшій!), я, политическое образованіе котораго стояло тогда на уровнѣ 0, и который не въ силахъ былъ обозначить въ самыхъ общихъ чертахъ, какого же собственно переворота мнѣ желательно? Какъ! я—политическій преступникъ, я,—кандидатъ духовной академіи, которому высшая школа не внушила ни зерна гражданскаго мужества, ни сознанія своихъ обязанностей, какъ члена націи, воля которой есть единственный законный устроитель государственнаго быта! И я вышелъ изъ той же самой школы, которая дала Россіи Сперанскаго, положившаго основы русской государственной науки и начертавшаго еще 65 л. тому назадъ: «Деспотическая власть могла приличествовать только младенчеству гражданскихъ обществъ», и еще: «Основные государственные законы должны быть дѣломъ націи и выраженіемъ ея воли». Какая иронія судьбы!

Не думаю, чтобы я ошибался въ такой самооцѣнкѣ. Но прокуроры, которымъ по штату полагается умѣнье читать въ сердцахъ, очевидно, были другого мѣннія: они сочли меня крайне зловерднымъ и опаснымъ, мое смѣшливое настроеніе сочли за насмѣшливое отношеніе къ суду, поставили это мнѣ въ самую вину, приписали это, въ связи съ моимъ упорнымъ запертствомъ моею крайнею испорченности, и умыли руки, подписавши смертный приговоръ столь порочному и преступному типу. Въ настоящій моментъ, когда я пишу эти строки, дѣло о томъ, чтобы отправить челоуѣка на тотъ свѣтъ, сильно упростилось: согласно извѣстному распоряженію министра внут. дѣлъ (того самаго лица, которое и 19 л. назадъ содѣйствовало заточенію меня въ Шлиссельбургъ), всякое лицо, у котораго найдены на храненіи взрывчатые вещества, предается военному суду, который и приговариваетъ его, какъ взятаго съ оружіемъ въ рукахъ. Если-бы я могъ провидѣть торжество такихъ юридическихъ принциповъ, то предаваться празднымъ размышленіемъ и нервничать на судѣ—у меня не было бы ни малѣйшихъ основаній.

V.

Я не помню точно, какого числа былъ произнесенъ смертный приговоръ въ предварительной формѣ. Въ тотъ же, или на другой день, подъ влияніемъ продолжительныхъ и настойчивыхъ убѣжденій своего сосѣда шпіона, имѣвшаго тогда въ моихъ гла-

захъ огромный вѣсъ, я подалъ прошеніе на Высочайшее имя. Въ немъ я писалъ въ выраженіяхъ, которыя никогда съ тѣхъ поръ не могу вспоминать безъ нравственной боли, жалобу на строгость приговора и просьбу сохранить мнѣ жизнь и отправить меня въ ссылку. На 3-й, должно быть, день читался приговоръ въ окончательной формѣ, и предъ этимъ было объявлено мнѣ, что мое прошеніе оставлено безъ послѣдствій. У меня сохранилось убѣжденіе, что оно не ходило по назначенію, да за краткостью времени и не могло вернуться. Насколько припоминаю теперь, оно по формѣ своей подходило подъ категорію тѣхъ жалобъ и прошеній, которыя остаются безъ разсмотрѣнія, согласно правиламъ, которыми должна руководиться Комиссія прошеній.

Въ окончательной формѣ приговоръ былъ произнесенъ должно быть 24 или 25 апрѣля, и еще съ недѣлю вслѣдъ за этимъ я оставался въ Предварительномъ Домѣ. Съ этихъ поръ отношеніе ко мнѣ тамъ нѣсколько измѣнилось: на прогулку меня стали сопровождать дежурный вплоть до выхода на дворъ, чего не дѣлалось раньше, а на ночь съ 9 ч. вечера оставляли форточку въ двери открытой и запрещали тушить огонь, очевидно въ тѣхъ видахъ, чтобы я «не учинилъ надъ собою какого дурна», и не вырвалъ изъ рукъ правосудія его жертвы. Затѣмъ, я опять былъ перевезенъ въ Петропавловскую крѣпость, сердечно распростившись съ единственнымъ своимъ сосѣдомъ «помощникомъ правосудія», очевидно, какъ думалось тогда, для исполненія казни. Тамъ я просидѣлъ дня три и прислушивался ко всякому удару топора на дворѣ, полагая, что это создается намъ общій эшафотъ.

Но эшафота мнѣ видѣть не пришлось. Кажется 3-го мая вечеромъ неожиданно вошелъ ко мнѣ камендантъ, глухой старикъ, со свитой и съ бумагой въ рукахъ, и объявилъ, что «Государь Императоръ, по неизрѣченному своему милосердію Высочайше повелѣтъ соизволилъ: даровать жизнь такому-то и замѣнить смертную казнь ссылкой въ каторжныя работы безъ срока». Я спросилъ его, не можетъ ли онъ мнѣ сказать, куда меня пошлютъ отбывать каторжныя работы, и получилъ краткій и рѣшительный отвѣтъ:

— Въ рудники! Въ рудники!—вторично повторилъ онъ, направляясь къ выходу.

Дверь захлопнулась, и я остался мечтать о прелестяхъ рудничныхъ работъ и сибирской жизни.—Испытывалъ ли я удовольствіе отъ такого подарка? Не берусь вѣрно воспроизвести настроеніе, пережитое тогда, но помнится, что радости никакой я не ощущалъ. Съ мыслью о смерти я уже успѣлъ свыкнуться и мирился съ нею, какъ съ неизбѣжнымъ. Быть можетъ, въ самый моментъ, при видѣ эшафота, я и поблѣднѣлъ бы, какъ это бываетъ со многими, но заранѣе и въ воображеніи я взиралъ на него довольно спокойно съ чувствомъ фаталиста, увѣреннаго въ томъ, что «чему быть, того не миновать». Разъ попалъ въ руки

людей, которые играют твоею жизнью по своему усмотрѣнію и спокойно говорятъ тебѣ: «можетъ быть я тебя съѣмъ, а можетъ быть помилую», тебѣ остается утѣшаться мыслью, что положеніе жертвы при такихъ обстоятельствахъ неизмѣримо почтеннѣе, тѣмъ роль палача. Являлось только чувство досады: умирать и ни за что! Уходить изъ жизни безслѣдно, ничего не совершивъ! Не могъ же я утѣшать себя мыслью, что это за то, что и у меня были благіе порывы, что и я мечталъ о счастья и процвѣтаніи своей родины, что и я инстинктивно возмущался противъ того безсмысленнаго и свирѣпаго полицейскаго гнета, съ которымъ тогдашній студентъ сталкивался на каждомъ шагѣ. Такъ на казнь въ это время взиралъ я безъ страха. Получить же взамѣнъ ея каторгу безъ срока... Бррр!

Какъ бы тамъ ни было, жизнь я получилъ, и при этомъ не воображалъ, что еще много разъ потомъ мнѣ придется жалѣть объ этомъ и завидовать тѣмъ, которые вмѣсто медленнаго умиранія получили быструю смерть. Сколько разъ потомъ я призывалъ ее вновь и долго, мучительно долго лелѣялъ мысль о ней, какъ единственной избавительницѣ отъ того высочайшаго дара, который мнѣ теперь преподнесли, и который сумѣли превратить въ безконечную утонченную пытку!

VI.

На другой, кажется, день послѣ этой объявки, примѣрно въ полночь, я былъ разбуженъ дежурнымъ. Онъ приглашалъ меня одѣть свой костюмъ и слѣдовать за нимъ. Мы поднялись на верхъ, вошли въ какую-то большую комнату, сплошь наполненную солдатами, гдѣ мнѣ предложено было присѣсть. Осмотрѣвшись близорукими глазами¹⁾, я увидалъ у другой стѣны на скамьѣ фигуру въ черномъ пальто, въ которой потомъ я узналъ І. Д. Лукашевича. Офицеръ самъ подошелъ ко мнѣ и, указывая на него пальцемъ, сказалъ, что мы можемъ говорить другъ съ другомъ.

Въ это время рядомъ за досчатой стѣной слышался постоянный лязгъ желѣза. По звуку мы скоро заключили, что это отбираютъ кандалы изъ склада, не весьма бѣднаго ими. Вскорѣ мимо нашей двери, не плотно закрытой, провели толпой одного закованнаго, затѣмъ съ нѣкоторыми промежутками второго, третьяго, четвертаго... Мы не считали, сколько именно прошло, и ждали своей очереди. Кандаловъ, однако, намъ не дали, и я такъ до сихъ поръ и остаюсь бывшимъ сыльно-каторжнымъ (изъ тяжкихъ!), который никогда въ жизни не видывалъ кандаловъ. Изъ всѣхъ нашихъ современниковъ, препровождавшихся въ Шлиссельбургъ, не были закованы по дорогѣ въ него, насколько я

¹⁾ Очки были отобраны, равно какъ и золотой тѣльный крестикъ, золотое колечко и часы. Всѣ эти предметы исчезли безслѣдно для меня.

знаю, только Лукашевичъ, да я. Даже объ наши дамы (Фигнеръ и Волкенштейнъ) шли туда въ наручникахъ. И мнѣ совершенно неизвѣстно, кому или чему мы были обязаны этой льготой или «милостью». Особенно странно это для Лукашевича, атлетическая фигура котораго не могла не внушать опасеній.

И такъ, безъ всякихъ особыхъ церемоній, офицеръ пригласилъ сначала Лукашевича «пожаловать» и, спровадивши его со значительной свитой, скоро вернулся ко мнѣ. Мы спустились внизъ, затѣмъ къ выходу, и не успѣлъ я оглянуться въ полумракѣ весенней ночи, какъ очутился въ каретѣ, рядомъ опять съ Лукашевичемъ. Напротивъ насъ сидѣли, какъ водится, 2 жандарма. Карета тронулась въ путь, но скоро остановилась, и насъ съ тою же постепенностью просили выходить. Конечно, шли мы не просто, а вѣдомые, точнѣе влекомые, подъ руки двумя дюжими молодцами, которые такъ спѣшно и старательно исполняли возложенное на нихъ порученіе, что первая мысль, которая мелькнула при этомъ, была мысль о потопленіи: «не топить ли меня ведутъ?»¹⁾ И неудивительно: передъ глазами открывалась широкая гладь Невы, пустынной въ этотъ часъ ночи, и отъ самой воды насъ отдѣляла только узкая полоса берега, десятка въ 2—3 шаговъ. «Влеченіе» совершалось съ такой быстротой, что прежде чѣмъ я что-нибудь увидалъ, меня толкнули въ какой-то люкъ, и я очутился не на днѣ Невы, а въ каютѣ маленькаго парходика, довольно комфортабельно обставленной, и опять въ обществѣ Лукашевича. Въ каютѣ мы были одни, и въ теченіе всего пути офицеръ заходилъ изрѣдка, пріятно улыбался, но былъ неразговорчивъ; остальной же стражи мы вовсе не видали. Дорогой намъ предложенъ былъ чай съ булками,—очевидно, какая то фея заботилась о нашихъ нуждахъ. Почти ровно 18½ лѣтъ спустя мы возвращались съ Лукашевичемъ (въ обществѣ уже Морозова и Лопатина) на такомъ же парходикѣ по той же самой Невѣ, но съ другими чувствами. Любопытно, что теперь (въ 1905 г.) наша стража была почему-то неразлучна съ нами въ каютѣ, и объ угощеніи насъ чаемъ никто не позаботился. Можно, значить, и на свободу ѣхать подъ болѣе бдительнымъ надзоромъ, чѣмъ на каторгу.

¹⁾ По поводу этихъ страховъ, которые невольно вызывало воображеніе, я скажу кстати 2 слова о пыткахъ. На волѣ мнѣ не разъ приходилось слышать упорные слухи, что поддѣльные, особенно въ такихъ дѣлахъ, какъ наше, пытаютъ. Когда меня привели первый разъ на допросъ на Гороховую ул., то въ ожиданіи очереди посадили въ совершенно пустую камеру, съ отбѣленными стѣнами. На нихъ, на высотѣ моего лица, въ 2 мѣстахъ ясно были видны брызги, которыя я принялъ за брызги свѣжей крови. Какое впечатлѣніе произвело это на меня, понятнo всякому. Прибавлю, что за дверью, какъ разъ напротивъ, слышался рѣзкій лягъ желѣза, который можно было принять за перемазываніе орудіи пытки. Была ли это „хозяйственная“ случайность, устроено ли нарочно, съ цѣлью произвести психическое водѣйствіе, не берусь сказать. Въ этой камерѣ потомъ мнѣ пришлось быть нѣсколько разъ; ничего новаго я больше не видалъ и не слышалъ. Лукашевичу же Котляревскій прямо сказалъ, должно быть въ тѣхъ же видахъ водѣйствія, что у нихъ есть средства заставить давать показания.

(Пс. 90, 12). Прошли мы, наконецъ, черезъ всю крѣпостную площадь, прошли кордегардію, сквозь которую вошли въ тюремный дворъ, и когда стали приближаться къ приснопамятному отнынѣ «Сараю», я немало былъ удивленъ его, можно сказать, кокетливымъ видомъ: низкое длинное зданіе, съ поломъ на одномъ уровнѣ съ почвой, недавно должно быть штукатуренное, ярко бѣлѣло на солнцѣ, а у основанія стѣны желтѣла масса одуванчиковъ, только что раскрывавшихъ свои вѣнчики въ лучахъ его. Такою же толпой, и также подъ руки, несмотря на то, что мы были уже на третьемъ дворѣ, за третьими воротами, я былъ введенъ въ свое жилище. И только послѣ того какъ я очутился въ камерѣ, я почувствовалъ, что мои руки отпущены, и понялъ, что нахожусь у самой цѣли своего путешествія. Древнее картинное выраженіе: «былъ вверженъ въ темницу» въ нашъ цивилизованный вѣкъ устарѣло и должно быть замѣнено болѣе деликатнымъ: «былъ введенъ».

Не успѣлъ я опомниться, какъ былъ раздѣтъ до нага, обысканъ съ такою тщательностью, о которой въ подробностяхъ можно писать только въ специально медицинскомъ журналѣ, и одѣтъ въ грубое бѣлье. На ноги дали мнѣ необыкновенныхъ размѣровъ башмаки, на плечи накинули старый арестантскій халатъ съ бубновымъ тузомъ на спинѣ, и преображеніе мое оказалось вполне законченнымъ. Весь туалетъ совершался въ присутствіи начальника Шл. жанд. управленія (полковника), его двухъ помощниковъ, доктора и соответственнаго количества нижнихъ чиновъ. На лицахъ у всѣхъ было суровое выраженіе, гармонировавшее съ величіемъ минуты, а на устахъ—совершеннѣйшее безмолвіе. Историки говорятъ, что въ XVIII вѣкѣ французскіе короли совершали свой туалетъ при столь же торжественной обстановкѣ.

Когда я былъ совершенно готовъ, мнѣ скорѣе жемами, чѣмъ словами, указали на необходимость идти куда-то вдоль корридора, и не прошло одной минуты, какъ я очутился у двери № 8-го, вошелъ въ нее и былъ моментально захлопнутъ наглухо.

Это былъ конецъ моего короткаго путешествія, конецъ моей молодой жизни. Мнѣ только недавно исполнилось 25 лѣтъ, и изъ нихъ 14 л. я провелъ въ глухихъ стѣнахъ закрытыхъ учебныхъ заведеній, и только 6 мѣсяцевъ «на волѣ»! Конецъ надеждамъ, молодымъ стремленіямъ и исканіямъ лучшаго будущаго, конецъ гордымъ думамъ, горячимъ порывамъ и тому высокому воодушевленію, которое окрыляло юношескія мечты и заставляло подчасъ невольно повторять вмѣстѣ съ поэтомъ:

„Отъ ликующихъ, праздно болтающихъ,
Обагряющихъ руки въ крови,
Уведи меня въ станъ погибающихъ
За великое дѣло любви“.

Здѣсь порывы твои заглохнуть. Здѣсь потухнетъ пламя, со-

VII.

Когда мы выѣхали изъ Пстербурга, мы еще терялись въ догадкахъ, куда собственно насъ везутъ. На разспросы офицеръ упорно отмалчивался и неизмѣнно повторялъ: «а вотъ скоро увидите». Скоро мы, дѣйствительно, остановились у пристани и ждали здѣсь болѣе часа. Очевидно было, что мы пріѣхали, и что дальше насъ не повезутъ. По времени, и по тому, что мы ѣхали Невой (берега чуть-чуть виднѣлись въ маленькія окна каюты), мы заключили съ несомнѣнностью, что пріѣхали въ Шлиссельбургъ. На мои разспросы объ условіяхъ жизни тамъ, офицеръ, улыбаясь, столь-же загадочно отвѣчалъ: «а вотъ сейчасъ увидите». Всякое уголовное преступленіе карается опредѣленнымъ наказаніемъ, и въ уставѣ о ссыльныхъ съ большой обстоятельностью описано, въ чемъ состоитъ и какъ протекаетъ наложенная закономъ кара. Для политическаго же преступника, который яко бы подлежитъ отвѣтственности по тому же кодексу, совершенно обратно считаются необходимыми неизвѣстность предстоящаго ему возмездія и таинственность манипуляцій, связанныхъ съ прпровожденіемъ въ невѣдомое узлище. И до самыхъ послѣднихъ дней жизни тамъ, намъ строжайше запрещалось писать что бы то ни было объ условіяхъ, въ которыхъ мы живемъ. Таинственность, окружавшая это лобное мѣсто, и спасительный страхъ, который якобы нагоняло напуганное воображеніе на обывателей, считались въ высшихъ полицейскихъ сферахъ самымъ дѣйствительнымъ и надежнымъ оплотомъ противъ революціи. Что такова именно была государственная мудрость командующихъ надъ нами лицъ, объ этомъ мы не разъ получали вѣрныя извѣстія.

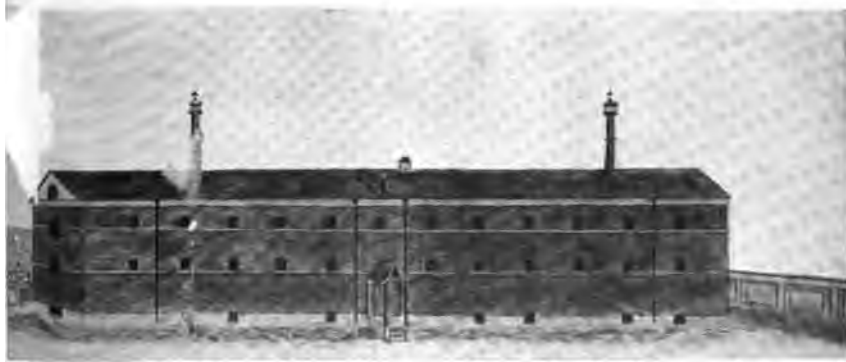
Между тѣмъ мы съ Лукашевичемъ терпѣливо ждали и не мучились въ бесплодныхъ догадкахъ и опасеніяхъ разстаться другъ съ другомъ надолго, быть можетъ навсегда. Наконецъ, мы дождались: предложено было выходить опять въ томъ же порядкѣ, сначала ему. Примѣрно черезъ $\frac{1}{4}$ ч. пришли затѣмъ за мной, и я совершилъ вступленіе въ знаменитую крѣпость тѣмъ же торжественнымъ и триумфальнымъ маршемъ, какимъ, вѣроятно, входили и всѣ другіе мои товарищи по процессу: въ яркомъ сіяніи майскаго утра, со свитой человѣкъ въ 12 высшихъ и низшихъ чиновъ и также весьма заботливо поддерживаемый подъ руки. Легкомысленный юношескій умъ старался и тутъ въ трагизмъ положенія замѣчать однѣ смѣшныя стороны. Веденіе подъ руки въ такой большой толпѣ, да еще въ глухихъ стѣнахъ крѣпости, было такимъ ненужнымъ избыткомъ усердія, который казался мнѣ придуманнымъ нарочно не то для забавы, не то для вящаго усиленія престожа моей персоны. И память почему-то подсказала какъ разъ подходящій къ данному случаю стихъ псалма: «На рукахъ возмутьъ ты, да не когда преткнеши о камень ногу твою»

Шлиссельбургская крѣпость

(съ рисунковъ П. В. Карповича).

Старая тюрьма.

Новая тюрьма

грѣвшее тебя. Здѣсь думы твои будутъ долго и безнадежно биться, подобно птицѣ въ клѣткѣ, и послѣ многократныхъ попытокъ найти какой-нибудь выходъ, преждевременно угаснуть. Здѣсь твоей гостьей твоей будетъ апатія и равнодушіе. Здѣсь не разъ доска сожметъ тебѣ сердце своими острыми когтями, и чувство пустоты, бессмысленности и полной ничтожности твоего прозябанія будетъ преобладающимъ у тебя чувствомъ. Да, здѣсь испытаетъ ты, можетъ быть, такія муки ада, съ которыми фантазія Данта не была еще знакома, и для которыхъ поэтъ не найдетъ достаточно выразительныхъ и наглядныхъ образовъ. На вратахъ нашего Ада не было Дантовской надписи. Тамъ стояло просто со времени Петра I: «Государевы ворота». Но мы часто чувствовали, что это только по недосмотру, или по привычкѣ властей вообще не считается съ надписями. Вѣдь и на томъ аданіи, гдѣ рѣшено было истребить насъ съ лица земли, стояли тогда великія слова: «Правда и милость да царствуетъ въ судѣхъ». И всю иронию этихъ словъ мы скоро постигли на дѣлѣ.

М. Новорусскій.

Стрѣльниковскій процессъ 1883 года въ Одессѣ.

(Отрывокъ изъ воспоминаній государственнаго преступника.)

27 марта 1883 года открылось засѣданіе одесскаго военно-окружнаго суда по политическому дѣлу такъ называемому «Стрѣльниковскому». Въ печати не появилось ни судебного отчета, ни даже выдержекъ изъ обвинительнаго акта. Была лишь оглашена въ газетахъ одна резолюція. А между тѣмъ этотъ процессъ для характеристики русскаго правосудія и способа веденія предварительнаго слѣдствія и дознанія по раскрытію государственныхъ преступленій представляетъ немалый интересъ.

Насколько мнѣ извѣстно, объ этомъ процессѣ почти ничего не появлялось даже въ заграничной (нелегальной) печати, а потому я рѣшилъ опубликовать выдержки изъ своихъ воспоминаній, относящіяся къ настоящему дѣлу.

Обвиняемыми по этому процессу были и осуждены слѣдующія лица:

1) Михаилъ Дрей, студентъ, сынъ извѣстнаго врача въ Одессѣ (10 л. кат.), 2) Дзвонкевичъ, 40 лѣтъ, судебный приставъ (безср. кат.), 3) Моисей Поповъ, 36 лѣтъ, рабочій, столяръ (безср. кат.), 4) Самуилъ Майеръ, лѣтъ 25, интеллигентъ (безср. кат.). 5) Галактионъ Батаговъ, рабочій столяръ (15 л. кат.), 6) Матвѣевичъ, бывший студентъ, сынъ священника (15 л. кат.), 7) Иванъ Карлъ, рабочій-слесарь, уроженецъ Финляндіи (15 л. кат.), 8) Павелъ Ровенскій, рабочій изъ интеллигентовъ, кажется, переплетчикъ (10 л. кат.), 9) Василій Голковъ, 42 лѣтъ, желѣзно-дорожный поставщикъ (10 л. кат.), 10) Петръ Валуевъ, запасный унтеръ-офицеръ, по профессіи столяръ (10 л. кат.), 11) Зайднеръ, интеллигентъ (15 л. кат.), 12) Николай Надѣинъ 23-хъ лѣтъ, рабочій, уже разъ судившійся въ 1879 году. Былъ приговоренъ 19 лѣтъ отъ роду къ смертной казни, но по конфирмаціи казнь была замѣнена ему 3-хъ мѣсячнымъ арестомъ, (10 л. кат.), 13) Наумъ Геккеръ, бывший студентъ (10 л. кат.), 14) Фанія Моренисъ, 23-хъ лѣтъ, интеллигентка (4 г. кат.), 15) Анастасія Степанова 27 лѣтъ, дочь дворянина (поселеніе), 16) Василій Клименко, 40 лѣтъ, рабочій-столяръ, революціонеръ временъ Заславскаго (безсрочная каторга замѣнена по конфирмаціи поселеніемъ). 17) Райхъ, учитель въ еврейскомъ училищѣ (поселеніе), 18) Карлъ Надѣинъ, рабочій-слесарь (поселеніе), 19) Немировскій, бывший студентъ (поселеніе), 20) Павелъ Торгашовъ, бывший студентъ,

Въ статьѣ «Стрѣльниковскій Процессъ», по недосмотру, вкрались слѣд. досадныя неточности: пропущены подсудимые студентъ Константинъ Куртъевъ (10 л. кат. раб.), рабочій Сарычевъ (10 л. кат.), рабочій Филиковъ (поселеніе) и Рубановскій (скрылся до суда). Степановой имя не Анастасья, а Евгенія; Николай Надѣевъ осужденъ не на 10, а на 15 л. кат. работъ. Наконецъ Геккеръ и Зайднеръ осуждены по другимъ дѣламъ.

лоть штыками, но все таки водворенъ на Кару. Въ виду болѣзненнаго состоянія и ряда манифестовъ срокъ былъ сокращенъ, и его вернули изъ Сибири послѣ окончанія срока каторги. Живеть гдѣ-то на югѣ. Моисей Поповъ послѣ сокращенной по манифестамъ каторги былъ поселенъ въ Сибири. Гдѣ теперь находится, не знаю. Майеръ послѣ каторги сосланъ въ г. Баргузинъ Забайкальской области, гдѣ находится и въ настоящее время, если только не подошелъ къ октябрьской амнистии. Батаговъ послѣ каторги поселенъ въ Читѣ, гдѣ и до сихъ поръ проживаеетъ совершенно больной. Матвѣевичъ послѣ каторги сосланъ въ Якутскую область, гдѣ живетъ и теперь. Онъ заболѣлъ психически, сидя въ одиночномъ заключеніи до суда. Въ такомъ состояніи его судили, сослали и держали на каторгѣ и въ Якутскѣ. Иванайнъ умеръ на Карѣ отъ чахотки. Ровенскій послѣ каторги былъ сосланъ въ Якутскую область. Теперь живетъ въ Харбинѣ, имѣетъ книжный магазинъ и, кажется, издаеетъ мѣстную газету. Голиковъ послѣ каторги по болѣзненному состоянію возвращенъ изъ Сибири. Но старика правительство не разъ по возвращеніи засаживало въ тюрьмы. Валуевъ, поселенный послѣ каторги въ Забайкальѣ, живетъ тамъ и до сихъ поръ. Обремененный семействомъ и за отсутствіемъ матеріальныхъ средствъ, навѣрно, никогда не выберется на родину, хотя и имѣетъ на то право. Зайднеръ вышелъ съ каторги чахоточнымъ. Но его сослали въ Баргузинъ, гдѣ онъ и умеръ. Надѣинъ Николай послѣ каторги попалъ въ Якутку. Геккеръ осужденъ больнымъ, больнымъ отбылъ каторгу, затѣмъ возвращенъ изъ Сибири. По возвращеніи разбитъ параличемъ и уже нѣсколько лѣтъ живетъ въ Одессѣ, прикованный къ креслу. Занимается литературой. Въ продолжающіяся и понынѣ времена владычества генерала Карангозова былъ признанъ неблагонадежнымъ и подлежалъ высылкѣ на сѣверъ Россіи. Но такъ какъ вмѣстѣ съ Геккеромъ приходилось ссылатъ и его кресло и слугу, безъ котораго несчастный больной не можетъ пошевелиться, то генераль Карангозовъ смилостивился, оставивъ Геккера въ Одессѣ подъ домашнимъ арестомъ. Фанни Моренисъ послѣ каторги была поселена къ Читѣ.

Она жила затѣмъ добровольно въ глухомъ углу Забайкалья на Туркинскихъ минеральныхъ водахъ, гдѣ ея мужъ служилъ врачомъ. Въ послѣднее время находилась за границей. Степанова была сослана въ Якутскую область, вышла замужъ за Надѣина Николая. Дальнѣйшей судьбы ея не знаю. Василий Клименко отъ угрызеній совѣсти сейчасъ же послѣ суда началъ хворать. Сознаніе своей глубокой вины передъ товарищами, которыхъ онъ оговорилъ на допросахъ, мучило его ужасно. Больной онъ отправился въ Сибирь и въ Томской пересыльной тюрьмѣ въ юнѣ 1883 года умеръ отъ скоротечной чахотки, прощенный и примиренный съ своими товарищами. Могила его во дворѣ пересыльной тюрьмы, гдѣ содержались государственные преступники. Немировский, заболѣвшій чахоткой во время тюремнаго заключенія до суда, былъ выпущенъ на поруки совершенно больной. Осужденный судомъ и отправленный въ Сибирь больнымъ, онъ не вынесъ дорожныхъ лишеній и вскорѣ по водвореніи на мѣстѣ ссылки около Красноярска умеръ. Судьба Райха, Карпа Надѣина мнѣ неизвѣстна. Вѣроятно, давно вернулись изъ Сибири. Торгашовъ также вернулся изъ Сибири, проживъ въ разныхъ мѣстахъ на востокъ двадцать лѣтъ. Фурсенко вернулся нѣсколько лѣтъ тому назадъ на родину въ Херсонъ, разбитый условіями сырьевой жизни, и вскорѣ умеръ.

О судьбѣ Попельницкаго ничего неизвѣстно, но ходилъ слухъ, что послѣ передраги слѣдствія и суда этотъ убѣжденный монархистъ и противникъ революціоннаго движенія возмутился совершеннымъ надъ нимъ беззаконіемъ. Въ чемъ выразилось это возмущеніе, неизвѣстно, но говорятъ, что Попельницкій вскорѣ послѣ суда и оправданія былъ административно куда то сосланъ. Этотъ слухъ, во всякомъ случаѣ, требуетъ подтвержденія.

Майеръ, Иванайнъ, Дзвонкевичъ и Фанни Моренисъ рѣшительно отказались давать какія либо показанія на слѣдствіи и на судѣ. Майеръ и Иванайнъ отказались и отъ защитниковъ и на всѣ вопросы суда отвѣчали: «не желаю отвѣчать».

Пишущему эти сроки пришлось на себѣ испытать весь режимъ 1879—1883 годовъ.

Мирныя занятія въ университетѣ смѣнились одиночной камерой на Шпалерной, а затѣмъ безъ суда и слѣдствія, безъ единого вопроса ссылка въ глухой городокъ подъ надзоръ полиціи. Пожелалъ шпіонъ отличиться, и человекъ не стало. Кому какое дѣло до того, что разбита молодая жизнь, поруганы юныя мечты? Правительство считало, что лучше тысячу невинныхъ искалчить, чѣмъ упустить одного преступнаго. Это было въ концѣ 1879 г., а два года спустя, генераль Стрѣльниковъ снова засадилъ меня въ казематъ, какъ государственнаго преступника.

Въ 1881 г. этотъ генераль ¹⁾ былъ облеченъ громадными полномочіями для производства дознаній по государственнымъ преступленіямъ. Получивъ въ свое распоряженіе извѣстнаго предателя Василя Меркулова, Стрѣльниковъ не зналъ удержу. Кіевскія и Одесскія тюрьмы переполнились. Кто побывалъ въ рукахъ у Стрѣльникова, тотъ знаетъ, что это былъ за слѣдователь. Арестованныхъ онъ застрачивалъ всяческими угрозами, подвергалъ всевозможнымъ лишеніямъ въ тюрьмѣ, вынуждалъ подписывать показанія, имъ самимъ составленныя. Даже привлеченныхъ въ качествѣ свидѣтелей онъ держалъ въ заточеніи до тѣхъ поръ, пока они ему не давали желательныхъ показаній. По нашему дѣлу сидѣли двѣ молодыхъ дѣвушки. Онѣ просидѣли почти два года до суда и отказывались давать какія либо показанія. Стрѣльниковъ мстилъ имъ, не давалъ прогулокъ, не разрѣшалъ свиданій и часа въ два ночи вызывалъ ихъ къ себѣ на допросъ. Но добился лишь того, что одна изъ дѣвушекъ не выдержала и плюнула ему въ лицо. Особенно генераль не церемонился съ рабочими. Однихъ страдалъ, что безъ суда повѣситъ, другихъ развращалъ обѣщаніемъ всякихъ милостей, требуя предательства, вооружалъ ихъ противъ интеллигентныхъ революціонеровъ и т. п. Но несмотря на свою опытность, Стрѣльниковъ всетаки нарывался иногда на непріятности. Расскажу комичный случай, происшедшій съ однимъ рабочимъ.

Это былъ чернорабочій, почти босякъ. Даже фамиліи у него не было настоящей. Безъ роду, безъ племени, онъ назывался просто Иванъ Божій. Онъ и не принадлежалъ къ революціонной организаціи, а путался какъ-то съ боку-припеку. Стрѣльниковъ много усилій потратилъ надъ Иваномъ Божіимъ, желая сдѣлать его предателемъ. Но ничего не выходило. Иванъ Божій клялся, божился, что никого и ничего не знаетъ, но Стрѣльниковъ не вѣрилъ и послѣ каждаго вопроса приказывалъ примѣнять къ нему разныя суровыя мѣры въ тюрьмѣ. Сидѣлъ какъ-то Иванъ Божій въ камерѣ, выходящей на общій корридоръ, гдѣ былъ еще съ десятокъ такихъ же камеръ. Вечеромъ въ этотъ корридоръ вводили на ночь жандарма, и корридоръ запирался. Въ дверныхъ окошечкахъ мы повыбивали стекла и, какъ только корридоръ запрутъ, мы подходили къ этимъ окошечкамъ и разговаривали между собой. Жандармъ сначала запрещалъ намъ переговариваться, а затѣмъ надоѣдало ему препираться, и мы свободно далеко за полночь бесѣдовали другъ съ другомъ. Иногда даже устраивалось хоровое пѣніе. Вотъ въ одинъ изъ такихъ вечеровъ Иванъ Божій заявляетъ намъ, что ему надоѣло сидѣть въ тюрьмѣ, а потому онъ завтра намѣренъ выдать Стрѣльникову всѣхъ, кого онъ знаетъ. Стрѣльниковъ обѣщалъ его выпустить

¹⁾ Въ 1879 и 1880 г.г. Стрѣльниковъ составилъ себѣ блестящую карьеру кіевскими процессами, закончившимися рядомъ казней, начиная съ Осняскаго и кончая 19 лѣтнимъ Разовскимъ.

Авт.

на волю, разъ онъ такъ поступить. Можете себѣ представить, что почувствовали всѣ, услышавъ такое заявленіе. Кое-кто обругалъ Ивана Божьяго. Затѣмъ всѣ умоляли и отошли отъ окошекъ. Тяжело этотъ вечеръ прошелъ для всѣхъ. Хотя знали, что Иванъ Божій не въ курсѣ дѣла, но всетаки онъ могъ потянуть лишнія жертвы изъ рабочей среды. На другой день мы слышали, какъ Ивана Божьяго увели изъ камеры. Часа черезъ три снова привезли его. Ближайшіе сосѣди окликали его, но онъ не отзывался. Настала ночь. Въ эту ночь никто не спалъ. До самого утра по корридору звякали щпоры жандармовъ, звенѣли ключи тюремщиковъ, хлопали тяжелыя двери пустыхъ камеръ, лязгали желѣзные засовы. То привозили новыхъ жильцовъ въ нашу тюрьму. Кого взяли? Кого выдалъ Иванъ Божій? Эти мучительные вопросы истомили всѣхъ. На слѣдующій день снова по корридору движеніе и стукъ—то уводили по одиночкѣ новичковъ на допросъ къ Стрѣльникову. Но ни одинъ изъ нихъ не возвратился назадъ. Мы поняли, что ихъ увезли въ «№ 5 казармъ», гдѣ происходила обыкновенно первая стадія дознанія и расправы Стрѣльникова. Наконецъ, вызвали и Ивана Божьяго. Прошелъ часъ, и къ нашему изумленію, Иванъ Божій снова былъ приведенъ въ свою камеру. Всѣ были въ страшно удрученномъ состояніи. Насталъ вечеръ. Заперли корридоръ. Но никто не подходилъ къ окошечкамъ.—Ну и подлець же этотъ Стрѣльниковъ! раздался вдругъ гулко по корридору голосъ Ивана Божьяго. Мы всѣ бросились къ окошечкамъ.—Слушайте, ребята, какъ надулъ меня Стрѣльниковъ, заговорилъ Иванъ Божій.—Ты, говорилъ онъ мнѣ не разъ, назови всѣхъ своихъ знакомыхъ, и я тебя отпущу, даже денегъ дамъ. Вотъ я и надумалъ. Назвалъ ему человѣкъ десять своихъ товарищей, съ которыми иногда путался. Вчера ночью ихъ всѣхъ забрали... Сегодня на допросъ... Послѣ допроса—въ шею!.. «Гони вонъ ихъ», кричитъ Стрѣльниковъ. Затѣмъ вызвалъ меня. «Ты», говоритъ, «такой сякой, посмѣлъ смѣяться надо мной?.. Да я тебѣ такъ упеку... да я тебя безъ суда повѣшу!..» И пошелъ, и пошелъ... Топаютъ ногами, грозить кулаками. «Да я. Ваше пр-ство, говорю ему, ей Богу, всѣхъ своихъ знакомыхъ пріятелейъ назвалъ. Я не виноватъ, что у меня только такіе и есть». А онъ и слушать не хочетъ. Топаютъ ногами и кричитъ: «Я тебѣ покажу!.. Я тебя проучу!.. А? Всѣхъ босяковъ-золоторотцевъ съ Молдаванки назвалъ!.. Погоди у меня!.. Вонъ съ глазъ моихъ!.. Уведите его!..» Вотъ те фунтъ, ха-ха-ха! Тутъ у насъ поднялся такой гамъ, что жандармъ всполошился и просилъ потише говорить. Ивана Божьяго мы благодарили, привѣтствовали. Весело, радостно прошелъ у насъ этотъ вечеръ. Въ тѣ времена, мы знали, этотъ поступокъ дорого могъ обойтись Ивану Божьему. Тогда не судили, а злобно мстили. Но къ счастью Стрѣльникова вскорѣ убили, а Ивана Божьяго, противъ котораго не было никакихъ уликъ, освободили совѣмъ.

Помню также такой случай мести со стороны правительства.

Когда привезли въ тюрьму убившихъ Стрѣльникова Н. А. Желвакова и С. Н. Халтурина, то всѣхъ сидящихъ вызывали въ контору и предъявляли вновь арестованныхъ, личности которыхъ не были еще установлены. Многие не знали ихъ, а кто зналъ—конечно, не призналъ. Такъ и повѣсили Халтурина и Желвакова, какъ неизвѣстныхъ. Спустя дня два послѣ казни, молодой рабочій, сидѣвшій въ тюрьмѣ, заявилъ, что онъ имѣетъ сдѣлать важное сообщеніе. Рабочаго вызвали. И онъ сообщилъ прокурору, что повѣшенный былъ Халтуринъ, покушавшійся въ 1880 г. взорвать зимній дворецъ.

— Почему вы не признали его, когда мы вамъ его показывали? закричалъ прокуроръ. Какъ вы смѣли тогда промолчать? Рабочій этотъ передавалъ, какъ при его сообщеніи, что повѣшенный—Халтуринъ, прокуроръ ввѣсился, весь повеленъ отъ злости.

— Я думалъ, онъ бить начнетъ меня, говорилъ рабочій. Я зналъ, что мое открытіе будетъ ударомъ для нихъ. Знай они, что это Халтуринъ, они не скоро бы повѣсили его, а замучили бы. Чѣмъ могъ, тѣмъ и отомстилъ этотъ рабочій за смерть Халтурина. Этого рабочаго, уже предназначеннаго къ освобожденію, выслали за это административно въ Сибирь.

Стрѣльниковъ подготовлялъ два грандіозныхъ процесса, которыми думалъ стяжать себѣ наибольшую славу. Одинъ процессъ въ Кіевѣ, другой въ Одессѣ.

Слѣдствіе свое онъ велъ секретно, никого не посвящалъ въ дѣло, чѣмъ даже жандармовъ вооружилъ противъ себя. Несомнѣнно онъ очистилъ бы слѣдственное производство отъ многихъ сфабрикованныхъ имъ на время показаній. Онъ не довелъ бы до суда многихъ арестованныхъ, выжавъ отъ нихъ все, что можно. Устроивъ предварительную тюрьму въ казармахъ № 5, онъ тамъ же производилъ и допросы, просиживая цѣлые дни и ночи. Ожидая на себя покушенія, онъ носилъ кольчугу и былъ очень остороженъ. Но судьба рѣшила иначе. Твердая рука Желвакова поразила генерала днемъ, на приморскомъ бульварѣ послѣ сытнаго обѣда. И поразила раньше, чѣмъ онъ успѣлъ скрыть слѣды и писанные документы своей преступной дѣятельности, какъ слѣдователя. И если бы Халтуринъ былъ болѣе ловкимъ кучеромъ, то онъ и Желваковъ успѣли бы скрыться. Халтуринъ опрокинулъ пролетку, а Желваковъ неосмотрительно бросился по лѣстницѣ къ морю, гдѣ всегда кишитъ много народа. Событіе это произошло 18-го марта 1882 года. Въ Одессѣ было сплошное ликование, даже жандармы радовались смерти этого ненавистнаго всѣмъ человѣка. Когда же вѣсть объ этомъ дошла до тюрьмы, гдѣ около 200 человѣкъ сидѣло по приказу Стрѣльникова, то радости заключенныхъ, казалось, и конца не будетъ. Тюремная администрація не препятствовала шумнымъ переговорамъ, поздравленіямъ другъ друга черезъ форточки въ дверяхъ и окнахъ. Надзиратели пробѣгали по корридорамъ, подымали «глазокъ» и

кричали: «вашего генерала убили, на бульваръ застрѣлили». Затѣмъ черезъ нихъ же заключенные узнали, что задержано двое, что они сидятъ въ изолированныхъ камерахъ, что назначенъ скорый судъ. Черезъ нѣсколько дней тѣ же надзиратели передали о казни, выражали изумленіе стойкости и мужеству Желвакова и Халтурина.

Послѣ смерти Стрѣльникова осталось наслѣдіе—груда бумагъ, протоколовъ дознанія и переполненные тюрьмы г. г. Одессы и Кіева.

Разобраться въ этой грудѣ хлама поручено было молодому, начинающему, судебную карьеру, правовѣду, по фамиліи Прохорову. Къ концу 1882 года разборка была закончена, хотя ни одинъ изъ обвиняемыхъ не вызывался болѣе къ допросу. Очевидно матеріаль, собранный дознаніемъ Стрѣльникова, вполне выяснялъ дѣло. 23 человѣка были признаны болѣе тяжкими преступниками и преданы военному суду. Трое изъ нихъ, освобожденные до суда на поруки, скрылись за границу, а 20 судились. Остальныхъ заключенныхъ разослали административнымъ порядкомъ по разнымъ окраинамъ Имперіи.

Мучительно тянулось время для сидящихъ въ тюрьмѣ, особенно для тѣхъ, кто просидѣлъ почти два года. У многихъ разстроилось здоровье, а Матвѣвичъ впалъ въ психическое расстройство, но власти продолжали держать его въ тюремной обстановкѣ, вѣрняя, что онъ притворяется.

Болѣзнь Матвѣвича выразилась въ томъ, что ему казалось недостаточно въ камерѣ воздуху, и онъ выбивалъ оконныя стекла. Засадили его въ круглую башню отдѣльно отъ общаго корридора. Окно тамъ было громадное. Но и тутъ стекла были имъ выбиты. Такъ и сидѣлъ бѣдняга зиму и лѣто съ выбитыми стеклами. Матвѣвичъ за все время не мылся, не стригся, не мѣнялъ бѣлья, не имѣлъ свиданій и въ такомъ положеніи просидѣлъ болѣе года. Когда мы увидѣли его на судѣ, то ужаснулись. Грязный, обросшій волосами съ безумными глазами, онъ производилъ ужасное впечатлѣніе. Судъ тоже не призналъ нужнымъ освидѣтельствовать больного и судилъ его, какъ нормальнаго человѣка.

Тяжелѣе всѣхъ досталось двумъ дѣвушкамъ, Фанни Моренисъ и Анастасіи Степановой, все время просидѣвшимъ въ самыхъ ужасныхъ условіяхъ. Ихъ держали не въ тюрьмѣ, а въ приспособленныхъ «въ казармахъ № 5» камерахъ ¹⁾. У дверного окошка постоянно стоялъ жандармъ и наблюдалъ за происходящимъ въ камерѣ. Стоило только на время завѣсить изнутри окошко, какъ жандармъ поднималъ шумъ, вызывалъ старшихъ и заставлялъ снять съ окошка завѣсу. Тамъ не давали свиданій, не выпускали на прогулку. Послѣ двухлѣтняго сидѣнія

¹⁾ Въ 3-тѣ-этажномъ зданіи казармъ № 5 средній этажъ былъ превращенъ въ камеры, гдѣ Стрѣльниковъ завелъ особенный режимъ и держалъ тамъ арестованныхъ до тѣхъ поръ, пока они ему нужны были для допроса и пытокъ. Затѣмъ переводилъ въ городскую тюрьму.

Авт.

Степанова вышла больной и разбитой, а Фанни Моренисъ, маленькая энергичная дѣвушка, выдержала и это и предстала на судъ бодрой, жизнерадостной, поразившей своей веселостью даже судей.

Въ этой «№ 5 казармѣ» просидѣлъ около двухъ лѣтъ еще одинъ изъ привлеченныхъ по нашему процессу, нѣкто Попельницкій. Это было лицо совершенно постороннее революціи, жертва глупости шпионовъ и подлости прокурорской.

Всѣ остальные участники процесса содержались въ одиночныхъ камерахъ, расположенныхъ въ двухъ отдѣльныхъ флигеляхъ одесской тюрьмы. Условія содержанія были изъ рукъ вонъ плохи, но все же было удобнѣе, чѣмъ въ «казармѣ № 5». И тутъ бывали нерѣдко случаи грубаго произвола, издѣвательства и насилія надъ заключенными; морили голодомъ и холодомъ, отказывали въ медицинской помощи и т. п. Въ отвѣтъ на тюремныя репрессіи сидящіе въ концѣ 1882 г. объявили голодовку, послѣ которой были даны нѣкоторыя, незначительныя льготы.

Въ началѣ 1883 г. бѣжалъ изъ тюрьмы Дегаевъ. Всѣ поразились такому смѣлому побѣгу на глазахъ караула и тюремщиковъ. Тогда никому не приходило въ голову, что вся комедія этого побѣга была жандармской продѣлкой, устроенной по распоряженію Судейкина, который затѣмъ, при благосклонномъ содѣйствіи того же Дегаева, и покончилъ свое земное существованіе.

Итакъ, 20 лицъ, 28 марта 1883 года, предстали предъ военнымъ судомъ, по обвиненію въ принадлежности (тогдашняя стереотипная формула) «въ сообществѣ, присвоившемъ себѣ наименованіе русской социальна-революціонной партіи, стремящейся къ ниспроверженію существующаго государственнаго и общественнаго строя, дѣятельность котораго (не строя, а сообщества) выразилась въ цѣломъ рядѣ тяжкихъ уголовныхъ преступленій и даже царубійствѣ». Это преступленіе подводилось подъ 249—250 ст. улож. о наказ. и каралось смертной казнью. Судъ закрытый. Публика—лишь высшія власти. Все зданіе снаружки и внутри окружено войсками. Тутъ же послѣдовало распоряженіе не печатать въ газетахъ ни слова о процессѣ, кромѣ одной резолюціи суда. Въ первые дни засѣданій разрѣшили присутствовать въ числѣ публики кому-нибудь одному изъ родныхъ женскаго пола. Или мать, или жена, или сестра. Но, когда на судѣ стала изобличаться дѣятельность Стрѣльникова, то всѣхъ матерей, женъ и сестеръ удалили изъ залы засѣданія.

Десять дней длился процессъ. Десять дней продѣлывалась ¹⁾ комедія правосудія, во время которой неожиданно открылся рядъ преступныхъ продѣлокъ Стрѣльникова. На судѣ устанавливались не улики противъ насъ, а рассказывалась вся безцеремонность,

¹⁾ Въ эти самые дни въ Петербургѣ происходило другое судилище по дѣлу Грачевскаго. Богдановича, Борба и другихъ, въ числѣ 16 человекъ.

чтобы не сказать больше, въ производствѣ слѣдствія. Въ теченіе нѣсколькихъ дней свидѣтели, вызванные со стороны обвиненія противъ насъ въ количествѣ свыше ста человекъ, обличали подлоги, пристрастіе, насилие Стрѣльникова во время производства имъ слѣдствія. Свидѣтели, говорю, были вызваны исключительно со стороны обвиненія, но большинство и этихъ свидѣтелей ¹⁾ отрицало на судѣ свои показанія, данныя Стрѣльникову. Они категорически заявляли судьямъ, что они вовсе не показывали того, что записано отъ ихъ имени въ протоколахъ допроса. А тѣ факты, о которыхъ они говорили Стрѣльникову, по ихъ мнѣнію, извращены и выставлены въ ложной окраскѣ.

— Хотя показанія и подписаны нами, но это происходило противъ нашей воли,—объясняли свидѣтели.—Насъ генералъ держалъ въ тюрьмѣ, грозилъ каторгой, висѣлицей и такимъ образомъ заставлялъ подписывать то, что онъ, по своему усмотрѣнію, заносилъ въ протоколъ. Получалась такая картина, будто 20 лицъ, сидящихъ на скамьѣ подсудимыхъ, являются потерпѣвшими, а обвиняемымъ мертвый уже Стрѣльниковъ. И свидѣтели, вызванные со стороны обвиненія противъ подсудимыхъ, выступили въ защиту ихъ. Перечислять всего происходившаго на судѣ не буду,—это было бы слишкомъ долго. Приведу лишь для примѣра нѣсколько характерныхъ эпизодовъ судебного разбирательства. Напримѣръ, квартирная хозяйка одного рабочего якобы показала на допросѣ Стрѣльникову, что каждую недѣлю у ея квартиранта собирались революціонеры и обсуждали, какъ разрушить существующій государственный строй. На судѣ же эта свидѣтельница, старая, полуграмотная женщина, только глазами хлопала, слушая прочитанное ея прежнее показаніе. Она даже не могла понять тѣхъ выраженій, которыя вписалъ въ показаніе своей рукой Стрѣльниковъ.

— Ничего этого я, господа милосердные судьи, не понимаю. Генералъ писалъ, писалъ, затѣмъ велѣлъ подписать, я и подписала. Правда, у жильца каждую получку (по субботамъ) собирались его товарищи. Долго шумѣли, галдѣли, а о чемъ—не знаю,—такъ говорила на судѣ старуха.

Обвинитель не растерялся и началъ объяснять, что никакого противорѣчія между показаніемъ на предварительномъ слѣдствіи и настоящимъ объясненіемъ свидѣтельницы на судѣ не имѣется. Фактъ преступныхъ собраній и происходившихъ на нихъ преступныхъ замысловъ не отрицается свидѣтельницей. Если же нѣкоторыя выраженія въ протоколѣ ей непонятны, то это не болѣе, какъ исправленная редакція показаній полуграмотнаго свидѣтеля.

При этомъ обвинитель задаетъ такой вопросъ старухѣ:

— Вы подтверждаете, что у вашего жильца происходили сходки и что тамъ говорили возмутительныя вещи?

¹⁾ Кроме, разумѣется, шпионовъ и чинновъ жанлармерин.

— Это вѣрно, господинъ судья. Каждую субботу приходили. Самые непутевые люди... До полуночи хороводились. Слышу изъ-за перегородки ихъ гомонъ, только и сотворяю крестъ Господень,—отвѣчаетъ старуха.—Даже не разъ отъ квартиры отказывала, да не съѣзжалъ все, озорникъ! Такъ его тутъ у меня и забрали жандармы.

Защитникъ подсудимаго, присяжный повѣренный Вейнбергъ спрашиваетъ свидѣтельницу:

— Скажите, свидѣтельница, изъ-за перегородки были слышны разговоры у жильца? Не можете ли вы припомнить хоть что-нибудь изъ слышаннаго? Хоть какую-нибудь возмутительную фразу?

— Какъ же, батюшка, могу. До сихъ поръ помню до одного словечка срамоту богохульника изъ ихней компаніи.

И старуха рассказала слѣдующее.

— Собрались у жильца это человѣкъ пять народу. Поставила я имъ самоваръ. Принесла колбасы, полдюжины пива. Вотъ жилецъ и говоритъ мнѣ: «выпей, Митревна, стаканчикъ пива съ нами!»—Что ты, прости, Господи! говорю я. Никогда смолоду не пивала я этого велья... А одинъ изъ гостей засмѣялся, да и говоритъ: «Эхъ, Митревна, напрасно бережешь себя, все равно въ рай не попадешь. Апостолы Петръ и Павелъ давно ключи отъ рая пропили»... Да какъ загогочатъ всѣ, что твои стоялые жеребцы. Я только перекрестилась, затѣмъ плюнула на ахальниковъ и ушла къ себѣ. Вотъ, милосердные судьи, что только дѣлалось. Извѣстно, шантрапа ¹⁾, налакаются пива и Бога не боятся. Вотъ какую напраслину пустили на святыхъ апостоловъ!.. Ужъ вы, господа судьи, хорошенько его засудите, да потребуйте съ него 2 р. 92 коп.—остался долженъ за фатеру.

Рассказъ Митревны вызвалъ неудержимый хохотъ не только среди насъ подсудимыхъ, но и во всей залѣ среди отборной публики. Судъ сдѣлалъ строгое внушеніе подсудимымъ и публикѣ—и не позволилъ дальше защитнику распрашивать эту свидѣтельницу.

Другой подсудимый обвиняется въ томъ, что въ его квартирѣ былъ складъ всевозможнаго оружія для революціонныхъ цѣлей.

На предварительномъ допросѣ квартирная хозяйка его якобы показала, что вся комната жильца была завалена оружіемъ. Разные люди приходили къ жильцу, приносили и уносили кинжалы, револьверы, сабли и т. п.

На перекрестномъ допросѣ этой свидѣтельницы какъ обвинителемъ, такъ и защитой выяснилось, что въ квартирѣ ея жильца было разное оружіе: револьверы, кинжалы, сабли, но были также и замки, швейныя машины и т. п. вещи. Все это приносилось въ квартиру разными лицами для починки. Жилецъ былъ слесарь и работалъ на дому.

Студентъ М-ъ, присидѣвшій до суда почти два года въ оди-

¹⁾ Шантрапа—безпутный человѣкъ, босакъ.

ночномъ заключеніи, обвинялся въ устройствѣ празднества въ годовщину парижской коммуны и въ произнесеніи тамъ возмущительныхъ противоправительственныхъ рѣчей, призывавшихъ къ возстанію. Такъ гласилъ обвинительный актъ, составленный на основаніи показаній, данныхъ двумя рабочими Стрѣльникову. На судѣ эти свидѣтели отказались отъ прежнихъ показаній. Они заявили, что долго не соглашались подписывать составленные Стрѣльниковымъ показанія. Но ихъ держали въ одиночкѣ, стращали каторгой, висѣлицей. Измучившись въ тюрьмѣ, они исполнили наконецъ требованія генерала. Теперь же, принявъ присягу и стоя передъ судомъ, они приносятъ повинную въ дачѣ ложнаго показанія. И тутъ же на судѣ одинъ изъ нихъ рассказалъ все, что онъ зналъ про празднованіе въ городскомъ саду годовщины парижской коммуны. «Встрѣтилъ я какъ то студента М-а. «Приходите, сказалъ онъ мнѣ, завтра въ городской садъ, тамъ будетъ студенческая гулянка. На другой день я и товарищъ мой пошли. Но товарищъ у меня имѣетъ слабость. Ни за что не пропустить питейнаго. Намъ пришлось идти версты три. Сколько по дорогѣ питейныхъ?.. Въ каждое заходили. Я ужъ былъ и не радъ, что съ нимъ связался. Когда мы пришли въ садъ, то тамъ уже всѣ разошлись. На травѣ валялись пустыя бутылки, заселенныя бумажки. Мы опоздали. Гулянка кончилась. У воротъ сада встрѣтили М-а. «А тутъ было весело, сказалъ онъ намъ. Ну, въ другой разъ придете»... Такъ и не пришлось мнѣ изъ-за своего товарища посмотреть, какъ гуляла студентъ!»

Свидѣтель, извѣстный предатель и шпионъ Меркуловъ, на судѣ не явился «за неврученіемъ ему повѣстки», хотя правительству было прекрасно извѣстно его мѣстопробываніе. Но въ то время на судѣ уже не выпускали свидѣтелей изъ предателей и т. н. лицъ.

Василій Меркуловъ, одесскій рабочій, былъ буйная, экзальтированная натура. Избытокъ молодости и физической силы не удержимо рвались наружу. Распропагандированный, онъ примкнулъ къ мѣстной рабочей организаціи и быстро проявилъ себя активнымъ и смѣлымъ революціонеромъ. Онъ постоянно требовалъ себѣ дѣла, жаждалъ опасныхъ предпріятій, и его скоро допустили сначала на югъ, а потомъ и на сѣверъ къ самымъ конспиративнымъ замысламъ. Онъ охотно выполнялъ порученія, участвовалъ даже въ нѣкоторыхъ подготовленіяхъ къ покушенію на цареубійство. Поэтому онъ зналъ многихъ членовъ партіи «Народной Воли», если не по фамиліямъ, то въ лицо, и былъ осведомленъ о многомъ, происходившемъ въ 1879—81 г.г.

Арестованный въ началѣ 1881 г. попалъ въ передѣлку Судейкина и Стрѣльникова, которые сумѣли этого буйнаго человека, малосознательнаго революціонера, вооружить противъ террористовъ и, обѣщаніемъ спасти его отъ висѣлицы, превратить въ предателя.

Послѣ процесса «20 народовольцевъ» (въ 1881 г.), Меркулова

сразу не освободили. Его подъ конвоемъ возили по городамъ, держали въ заключеніи и широко пользовались его указаніями.

Куда онъ потомъ дѣвался—не знаю. Но вреда принесъ онъ революціонерамъ гораздо больше, чѣмъ Гольденбергъ.

Такъ вотъ по показаніямъ этого-то Меркулова и обвинялось двое изъ нашего процесса въ томъ, что вблизи Ялты они спу-скали по уклону горы камни и слѣдили за полетомъ этихъ кам-ней на пролегавшую подъ горой дорогу. Эти камни, по словамъ Меркулова, спускались въ видѣ опыта. Это была рещетиця къ подготовлявшемуся покушенію на цареубійство. Тутъ на камняхъ они обучались, какъ слѣдуетъ бросать бомбы въ день проѣзда Александра II-го по этой дорогѣ. И только на основаніи этого показанія обвиняемые были приговорены къ смертной казни, замѣненной потомъ безсрочной каторгой. По отношенію къ Т-у было предъявлено обвиненіе въ организаціи революціоннаго кружка въ г. Х-ѣ.

Двое рабочихъ, свидѣтели со стороны обвиненія, на судѣ из-мѣнили свои первоначальныя показанія. Они говорили, что въ г. Х. былъ уже кружокъ, когда Т-ъ туда пріѣхалъ. Въ первое же посѣщеніе имъ этого кружка Т-ъ уговаривалъ рабочихъ разойт-ся, бросить рискованное занятіе, указывалъ имъ, какому суро-вому наказанію они подвергнутся, разъ ихъ накроютъ жандармы. Присутствующіе на собраніи рабочіе не стали слушать Т-а, и онъ ушелъ. Но черезъ нѣсколько дней Т-ъ снова явился среди нихъ и снова убѣждалъ прекратить опасную затѣю. Тутъ воз-дѣйствіе Т-а имѣло уже успѣхъ, и кружокъ распался. Второе обвиненіе противъ Т-а заключалось въ покушеніи на взрывъ од-ной изъ центральныхъ тюремъ на югѣ. На судѣ это покушеніе обрисовалось такъ. Т-ъ съ тремя или четырьмя товарищами ка-тались на лодкѣ по рѣкѣ. Проплывая мимо крутого берега, на которомъ высилась тюрьма, Т-ъ сказалъ: «хорошо бы взорвать эту тюрьму, пока въ ней еще нѣтъ арестантовъ». На этомъ все покушеніе и окончилось. Подсудимый М-ръ, былъ арестованъ «нелегальнымъ», т. е. проживалъ по подложному виду. Просидѣвъ около двухъ лѣтъ предварительнаго заключенія, онъ не давалъ никакихъ показаній, и на судѣ отказывался отвѣчать на предло-женные ему вопросы. Никакихъ уликъ въ совершеніи имъ какого-либо преступленія не установлено. И судъ вынесъ М-ру смерт-ный приговоръ, замѣненный безсрочной каторгой.

Въ заключеніе всего судопроизводства произошелъ настоящій скандалъ, какового, на сколько помню, ни раньше, ни послѣ не было въ русскихъ судахъ.

Когда послѣ одиночнаго заключенія вся наша группа очути-лась вмѣстѣ, и мы впервые послѣ долгаго времени увидѣли другъ друга въ залѣ судебного засѣданія, намъ бросилась въ глаза фигура совершенно незнакомаго господина, лѣтъ 35. Изъ врученнаго намъ обвинительнаго акта мы знали, что этотъ не-извѣстный намъ господинъ привлекается по одному съ нами про-

цессу, но обвиняется въ самостоятельныхъ тяжкихъ преступленіяхъ. Это былъ кандидатъ правъ Попельницкій. Вотъ все, что мы знали о немъ. Онъ сидѣлъ полтора года въ одиночкѣ въ казармѣ № 5 и не имѣлъ никакого общенія съ нами.

На судѣ мы узнали изъ обвинительной рѣчи слѣдующее.

Кандидатъ правъ петербургскаго университета П-ій по окончаніи курса сейчасъ же уѣхалъ за границу. И уѣхалъ въ такое время, когда новые суды нуждались въ свѣжихъ силахъ, въ образованныхъ юристахъ. Очевидно, П-му не дорого было отечество, и онъ промѣнялъ его на заграницу, да и заграницу выбралъ подозрительную. А именно Цюрихъ — гнѣздо русскихъ крамольниковъ. Что могъ дѣлать онъ тамъ? Несомнѣнно, — занимался революціонными дѣлами, руководилъ оттуда революціоннымъ движеніемъ въ Россіи. Болѣе десяти лѣтъ П-ій жилъ въ Цюрихѣ и вдругъ въ самое горячее время появился въ Одессѣ. Зачѣмъ? Очевидно съ цѣлью пополнить порѣдѣвшіе кадры мѣстныхъ революціонеровъ. На границѣ онъ обратилъ на себя вниманіе шпионовъ. Когда П-ій поселился въ городѣ О., то полиція стала слѣдить за нимъ. И выслѣдила многое. П-ій поселился въ большой квартирѣ (комнатъ 8—9). Мебель почти отсутствовала въ этой квартирѣ. Прислуги онъ не держалъ, а пользовался услугами дворника. Ключъ отъ квартиры всегда уносилъ съ собой. Часто П-ій уѣжалъ изъ города на нѣсколько дней. Такія отлучки тоже возбудили подозрѣніе полиціи, которая установила, что П-ій въ двухъ губерніяхъ купилъ по клочку земли, десятины въ 1½ и 2. Слѣдить стали еще строже. Какъ то шпионы видѣли П-го, идущаго по улицѣ съ лицомъ, бывшимъ у жандармовъ на подозрѣніи. Словомъ, цѣлый рядъ подозрительныхъ фактовъ. Думать тутъ нечего! Очевидно, ловкій, опытный заговорщикъ. Нагрянули къ нему ночью на квартиру. Обыскъ не далъ блестящихъ результатовъ, но вѣдь дѣло имѣли не съ простакомъ. Тѣмъ не менѣе нашли у него заряженный револьверъ на столѣ, клочки нарванной бумаги, два плана земельныхъ участковъ, и книгу, отпечатанную на русскомъ языкѣ въ заграничной типографіи, подъ заглавіемъ «Исторія революціоннаго движенія въ Россіи» неизвѣстнаго автора.

Захваченный преступникъ былъ представленъ предъ грозныя очи Стрѣльникова и ввергнутъ въ темницу. П-ій сильно протестовалъ противъ ареста и отказался давать какія-либо показанія. Возмущался предьявленнымъ къ нему обвиненіемъ. Стрѣльниковъ рѣшилъ выдержать его въ одиночкѣ для испытанія. При разборѣ слѣдственнаго дѣла послѣ смерти Стрѣльникова были найдены протоколы дознанія, которыми П-ій изобличался, какъ важный государственный преступникъ, пріѣхавшій въ Россію для террористическихъ замысловъ. Такіе незначительные участки земли были, какъ гласило дознаніе, пріобрѣтены съ цѣлью устроиться на нихъ конспиративно и оттуда вести подкопы подъ полотно желѣзной дороги. Когда же по этой дорогѣ поѣдетъ царскій поѣздъ, то взорвать его.

Николай Алексѣвичъ
ЖЕЛВАКОВЪ.

Свидѣтели по дѣлу П-го на судъ не явились, а потому читались лишь показанія неизвѣстныхъ лицъ (шпіоновъ), данныя на предварительномъ слѣдствіи, на основаніи коихъ и составленъ обвинительный актъ. На предложенные П—му судомъ вопросы онъ отвѣтилъ, что ни въ чемъ не виновенъ и считаетъ свой арестъ и преданіе суду грубымъ нарушеніемъ закона, т. к. прочитанныя показанія ложны и не провѣрены предварительнымъ слѣдствіемъ.

Обвинитель въ своей рѣчи ярко обрисовалъ преступность и адскіе умыслы П-го. Онъ просилъ судъ не давать никакого снисхожденія этому подсудимому, а покарать его высшей мѣрою наказанія. Придавать значеніе нѣкоторымъ неясностямъ слѣдствія, по мнѣнію прокурора, не слѣдуетъ, такъ какъ нередъ судомъ опытный, ловкій, прошедшій хорошую школу заговорщикъ. Упорное нежеланіе сознаться въ своей винѣ—лучшее доказательство, что судъ имѣетъ дѣло съ истиннымъ революціонеромъ и при томъ террористическаго толка. Словомъ, обвинитель требовалъ для П—го смертной казни.

Настала очередь выступить и защитѣ П—го. Молодой, талантливый присяжный повѣренный выяснилъ суду ужасную истину. Невинный человѣкъ просидѣлъ 1½ г. въ одиночномъ заключеніи совершенно безъ всякихъ основаній. Вотъ что сообщила суду защита.

По окончаніи университета П-ій уѣхалъ за границу въ Цюрихъ и поступилъ воспитателемъ въ какой-то (не помню теперь) русскій великосвѣтскій пансіонъ, гдѣ дѣти и юноши знатныхъ росіянъ воспитывались въ духѣ самодержавія, православія и народности. Ни съ кѣмъ изъ русскихъ крамольниковъ П—ій не имѣлъ знакомства и общенія.

За свою преподавательскую и воспитательскую дѣятельность П—ій получилъ блестящій аттестатъ, который защитникъ и предъявилъ суду для ознакомленія.

Аттестатъ передается предсѣдателю, затѣмъ ходитъ по рукамъ судей, прокурора. Получается нѣкоторое замѣшательство среди членовъ судилища. Въ мундирной публикѣ шепотъ и движеніе.

Защитникъ продолжаетъ дальше.

Въ городѣ О. жила мать подсудимаго, богатая женщина. Въ послѣднее время мать хворала и была окружена приживалками. Когда она умерла, то приживалки ограбили почти всю квартиру и все изъ нея порастаскали. П—ій, пріѣхавъ послѣ смерти матери, нашелъ квартиру въ томъ запустѣніи, какое и вызвало подозрѣніе у шпіоновъ и полиціи. П—ій, занявшись приведеніемъ въ порядокъ полученнаго наслѣдства, вмѣстѣ съ тѣмъ обдумывалъ проектъ устройства образцовыхъ пасѣкъ. Онъ имѣлъ влеченіе къ пчеловодству и на досугѣ отъ педагогической дѣятельности еще въ Цюрихѣ изучалъ эту отрасль сельскаго хозяйства.

Съ этой цѣлью П—ій пріобрѣлъ въ двухъ губерніяхъ небольшія липовыя рощицы, гдѣ и задумалъ устроить пасѣки. Защитникъ предлагаетъ вскрыть вещественныя доказательства и раз-

смотрѣть отобранные при арестѣ у подсудимаго планы купленныхъ участковъ. Судь распечаталъ вещественныя доказательства и сталъ разсматривать планы. Оказалось, что участки находятся въ тѣхъ губерніяхъ, по которымъ никогда не ѣздятъ русскіе цари, при чемъ одинъ участокъ отстоялъ отъ ближайшей желѣзнодорожной линіи на 80 верстъ, а другой еще дальше. Такъ что для проведенія подкopa подъ полотно желѣзной дороги было, надо думать, мало благопріятныхъ условій. Когда окончилось разсмотрѣніе злополучныхъ плановъ, защитникъ приступилъ къ дальнѣйшему разъясненію.

— Теперь прошу судь просмотрѣть книгу, отобранную тоже при арестѣ у моего клиента, и прочесть изъ нея хотя бы одну страницу. Она издана за границей, и автора ея мнѣ разрѣшено назвать. Авторъ этой книги—самъ подсудимый.

Книгу извлекли изъ пачки вещественныхъ доказательствъ, и секретарь началъ читать предисловіе.

И судь услышалъ слѣдующее. Книга написана специально для русскаго юношества съ цѣлью предостеречь это юношество отъ того пагубнаго вліянія, какое въ послѣдніе годы оказывали на него русскіе революціонеры. Авторъ задался цѣлью подробно выяснитъ всю ложь, все заблужденіе революціонеровъ и указать, въ какую пропасть можетъ низринуться цвѣтъ и краса русскаго народа. Фактъ встрѣчи на улицѣ съ лицомъ, находившимся въ подозрѣніи у полиціи, объясняется весьма просто. Они были товарищами еще по университету и тутъ впервые встрѣтились послѣ долгихъ годовъ разлуки. А потому защитникъ просилъ судь вынести подсудимому оправдательный приговоръ.

П—ій былъ по списку подсудимыхъ послѣднимъ, и явившееся такъ неожиданно для суда разоблаченіе было финаломъ всего шемкинскаго судопроизводства.

Судь удалился для составленія приговора.

Пока же почтенные судьи пишутъ приговоръ, я познакомлю читателя съ нашимъ обвинителемъ.

Это былъ тотъ самый правовѣдъ Прохоровъ, которому пришлось заканчивать слѣдствіе по смерти Стрѣльникова.

Удачное проведеніе этого дѣла обѣщало прокурору блестящую карьеру, и онъ старался изо всѣхъ силъ заработать будущее свое служебное благополучіе. Когда окончилось судебное слѣдствіе, то судь объявилъ на сутки перерывъ засѣданія, чтобы дать возможность прокурору обработать свою обвинительную рѣчь. Такимъ образомъ получился свободный отъ засѣданія день. Мы съ своей стороны заявили суду, что въ этотъ день желаемъ тоже ознакомиться съ слѣдственнымъ дѣломъ, чтобы подготовиться къ защитѣ. Судь согласился допустить насъ въ залу засѣданія и предоставить намъ на разсмотрѣніе слѣдственное производство, но при условіи, если прокуроръ согласится при этомъ присутствовать. Прокуроръ, къ нашему удивленію, охотно изъявилъ свое согласіе. На другой день насъ собрали въ залѣ засѣданія и

предоставили на наше разсмотрѣніе судебное дѣло. Разумѣется, никто изъ насъ не сталъ разсматривать этой груды лживыхъ подложныхъ бумагъ. Начались разговоры, бесѣды, въ которыхъ принялъ участіе и прокуроръ. Мы указывали ему на всю гнусность, на всю преступность дѣйствій Стрѣльникова. Онъ внимательно слушалъ, самъ возмущался многимъ, негодовалъ, увѣрялъ, что только на судѣ у него открылись глаза, что только теперь онъ убѣдился въ натажкѣ обвиненія и т. п. Мы почти повѣрили его словамъ и болѣе подробно ознакомили его съ продѣлками Стрѣльникова. Такъ прошло у насъ часа три въ этихъ бесѣдахъ. Затѣмъ мы вернулись въ камеры до слѣдующаго дня.

При разставаніи прокуроръ сказалъ намъ, что онъ вполне раздѣляетъ наше негодованіе. Всѣ дни судебного слѣдствія онъ, по его словамъ, сторуалъ отъ стыда, когда выступали обличенія, устанавливалась ложность показаній, состряпанныхъ Стрѣльниковымъ.—Господа, я вашъ противникъ по убѣжденіямъ, но я честный человѣкъ! закончилъ онъ свою къ намъ рѣчь. Прокуроръ не только обвинитель, но и защитникъ подсудимаго, поскольку законъ на его сторонѣ. Повѣрьте, я постараюсь все исправить, загладить тѣ правонарушенія, которыя были допущены противъ васъ. Дѣятельность Стрѣльникова—позоръ для нашего правосудія, и, повѣрьте, если бы онъ былъ живъ, я потребовалъ бы преданія его суду. Хотя мы не особенно повѣрили въ искренность словъ прокурора, но всетаки не ожидали той подлости, какую онъ на слѣдующій день проявилъ при произнесеніи обвинительной рѣчи. Началъ онъ свою рѣчь сразу заявленіемъ суду, что вчера три часа слишкомъ ему пришлось выслушивать гнусныя обвиненія отъ насъ на покойнаго Стрѣльникова. Три часа мы настойчиво старались убѣдить его, что мы невинны, чернили и грязнили всѣми способами память честнаго царскаго слуги, великаго мученика, погибшаго отъ злодѣйской руки на своемъ служебномъ посту.

— Вчера, господа судьи, я окончательно убѣдился, что передъ вами настоящіе враги Россіи, несомнѣнные государственные преступники. Самъ фактъ убійства Стрѣльникова говоритъ противъ нихъ. Неужели люди стали бы рисковать своей жизнью, убивая Стрѣльникова по пустякамъ? Нѣтъ! Убійцы знали, что покойнымъ генераломъ захвачены важные преступники. И рѣшили убить его, чтобы не дать докончить слѣдствіе, чтобы лишить возможности установить виновность арестованныхъ. Въ интересахъ сидящихъ здѣсь на судѣ подсудимыхъ, по ихъ приказанію убить вѣрный царскій слуга. И вы, господа судьи, ради памяти безвременно погибшаго мученической смертью генерала, воздадите достойнымъ образомъ настоящимъ виновникамъ этого гнуснаго злодѣянія!

Такъ приблизительно говорилъ этотъ знаменитый прокуроръ. Онъ требовалъ всѣмъ безъ исключенія высшую мѣру наказанія, т. е. смертную казнь. Интеллигентнымъ, образованнымъ подсуди-

*

мымъ необходима казнь въ виду того, что по своему образованію и общественному положенію они болѣе должны были бы понимать свою преступную дѣятельность. Рабочихъ слѣдуетъ казнить за то, что, будучи мало развитыми, необразованными, осмѣлились поднять руку противъ правительства. Двое изъ насъ были военными (въ запасѣ) и наша вина усугублялась, кромѣ того, военной присягой. Словомъ, для всѣхъ одно наказаніе требовалъ обвинитель—казнь черезъ повѣшеніе.

Въ послѣднемъ словѣ, предоставленномъ подсудимымъ, никто не захотѣлъ произносить рѣчей. Обстановка суда, избранная публика изъ администраціи—все это не располагало тратить попустому слова. Къ тому же стало извѣстно, что сдѣлано распоряженіе не допускать въ печати судебного отчета.

Только душевно-больной Матвѣвичъ протодіаконскимъ голосомъ провозгласилъ вѣчную память погибшимъ борцамъ, а всѣмъ высшимъ властямъ, всему правительству, включительно до нашихъ судей—анаемю.

Предсѣдатель нашего суда былъ глухъ. Онъ не разобралъ, что говорилъ Матвѣвичъ. Пока помощникъ предсѣдателя кричалъ на ухо предсѣдателю содержаніе рѣчи подсудимаго, Матвѣвичъ уже кончилъ.

И привывъ къ порядку подсудимаго предсѣдателемъ явился опоздавшимъ.

Судъ вынесъ намъ суровый приговоръ. Насъ не судили, а мстили намъ, мстили за смерть Стрѣльникова. Всѣ разоблаченія преступной дѣятельности Стрѣльникова не оказали никакого вліянія на судей. Судъ былъ, говорю, простой комедіей, а судьи покорными слугами правительства. Разслабленный, дряхлый предсѣдатель суда далъ такой отвѣтъ женѣ одного подсудимаго, еще до суда справлявшейся у него, какое наказаніе можетъ грозить ея мужу.—Ничего я не могу сказать. Приговоръ зависитъ не отъ суда, а отъ Петербурга. Какъ намъ оттуда прикажутъ, такъ и присудимъ.—Судъ призналъ насъ всѣхъ виновными и подлежащими смертной казни черезъ повѣшеніе, но, принимая во вниманіе смягчающія вину обстоятельства, нашелъ возможнымъ для четырехъ лицъ замѣнить смертную казнь безсрочной каторгой, для всѣхъ остальныхъ каторгою на 15 лѣтъ.

Кромѣ того, онъ постановилъ ходатайствовать передъ генералъ-губернаторомъ о смягченіи приговора для четырехъ лицъ до 10 лѣтъ, для трехъ до 4 лѣтъ каторги, для трехъ ссылкой на поселеніе. Попельницкаго признали по суду оправданнымъ.

Даже избранная публика присутствовавшая на судѣ, дрогнула, когда услышала такой приговоръ. Одна изъ великосвѣтскихъ дамъ упала въ истерикѣ, а мы на произнесенный приговоръ отвѣтили дружнымъ смѣхомъ.

Долго не утверждался приговоръ. И судъ и генералъ-губернаторъ убѣдились, что мы осуждены безъ всякихъ основаній, но они не хотѣли сознаться въ этомъ. Десять дней употребляли всѣ

усилія черезъ родныхъ, черезъ защитниковъ, чтобы уговорить насъ подать прошеніе о помилованіи. Но, кромѣ одного, никто не подалъ.

По конфирмаціи ходатайство суда было удовлетворено, при чемъ двумъ 4-хъ-лѣтняя каторга была замѣнена ссылкой на житье въ Сибирь безъ срока. Подавшему же прошеніе безсрочная каторга замѣнена ссылкой на поселеніе въ Сибирь.

По окончаніи суда насъ снова увезли въ тюрьму, но уже посадили всѣхъ вмѣстѣ. Отвели большое отдѣленіе въ общемъ тюремномъ корпусѣ. Выпускали гулять вмѣстѣ, давали общія свиданія съ родными и знакомыми.

Но на всѣ вопросы, когда насъ отправятъ въ Сибирь, отвѣчали незнаемъ. Все таки понемногу мы стали готовиться въ далекій путь. Наши родные и знакомые закупали, заготовляли понемногу все необходимое, какъ для дороги, такъ и на мѣстѣ ссылки. Но ничего заготовленного пока не разрѣшили намъ передавать.

— Въ свое время объявимъ, что можно и въ какомъ количествѣ брать съ собой ссыльнымъ, говорили тюремщики.

И тутъ правительство не могло обойтись безъ обмана, совершивъ никому не нужную, ничѣмъ не оправдываемую жестокость.

Въ полночь на Свѣтлое Христово Воскресеніе, когда раздавался по всему городу благовѣстъ о всеобщемъ прощеніи, о великой христіанской любви, насъ по одиночкѣ вызывали въ тюремную контору. Здѣсь обряжали насъ въ арестантское одѣяніе и заковывали въ кандалы. Тюремный кузнецъ изъ арестантовъ отказался въ такой торжественный часъ заковывать насъ. Его отправили въ карцеръ и разыскали въ городѣ «вольнаго» кузнеца. До самаго утра раздавались удары молотка и звенѣли цѣпи. То подъ звуки всеобщаго привѣтствія «Христосъ Воскресе!» русское правительство заковывало и обряжало въ позорный костюмъ русскую свободу, клеймило неповинныхъ людей, какъ тяжкихъ преступниковъ. И все это продѣлывало тайкомъ, подъ покровомъ ночного мрака. Никто изъ родныхъ не зналъ объ этой продѣлкѣ. Администрація хотѣла, чтобы никто не успѣлъ проститься, послѣдній разъ обнять, пожать руку дорогому и близкому человѣку.

На другой день рано утромъ насъ отправили подъ сильнымъ конвоемъ на вокзалъ и усадили въ особый поѣздъ.

Не успѣли мы еще размѣститься по мѣстамъ, какъ услышали какой-то шумъ на перронѣ вокзала. Подойти къ окну, выглянуть изъ него—нельзя было. У каждаго окна внутри вагона стояли конвойные. Вдругъ—о радость! Въ вагонъ вбѣжало человѣкъ десять нашихъ друзей, близкихъ и родныхъ лицъ. Оказалось, что они подозрѣвали тайную отправку насъ и устроили по очереди караулъ вблизи тюрьмы.

Караульные дали знать остальнымъ, и къ удивленію жандармеріи и тюремщиковъ на вокзалъ явились провожающіе. Послѣ долгихъ и жаркихъ препирательствъ друзьямъ разрѣшили про-

ститься съ нами. Нужно-ли описывать минуты разставанья, минуты, оказавшіяся послѣдними для многихъ, такъ какъ уже больше не пришлось никогда увидѣться, обнять близкаго, дорогаго человѣка? Какъ ни кратко, какъ ни спѣшно было прощаніе, но оно имѣло огромное значеніе, много облегчило, успокоило и увѣжающихъ, и остающихся. Клятвамъ, обѣщаніямъ, казалось, и конца не будетъ.

Но вотъ послѣдній поцѣлуй, послѣднее пожатіе руки—и все кончено.

Желѣзное чудовище заревѣло, дрогнуло своимъ мощнымъ туловищемъ, и 19 человѣкъ отправились въ невѣдомую даль съ растерзанными сердцами, съ разбитой жизнью, закованные въ цѣпи, наряженные въ позорные халаты. Отправились эти люди съ гордо поднятою головой, съ полнымъ сознаніемъ своей правоты, съ вѣрою въ свое дѣло, съ надеждою, что оставшіеся на родинѣ не положатъ рукъ, а будутъ продолжать непоколебимо работу, будутъ до послѣднихъ силъ и возможности бороться за освобожденіе обездоленнаго, поработеннаго насильниками народа.

И дѣйствительно, кто возвратился двадцать слишкомъ лѣтъ спустя изъ Сибири, тотъ воочію убѣдился, что надежды его осуществились. Не одинъ изъ стариковъ нашель своихъ сыновей, дочерей, засаженныхъ въ казематы, разосланныхъ по сѣвернымъ трупобамъ, а въ послѣднее время избитыми, окровавленными на мостовой или въ грудѣ труповъ, сваленныхъ въ общую братскую могилу.

П. Надинъ.

Страница изъ давно написанныхъ вос- помянутій.

(Н. А. Желваковъ).

... А вотъ и онъ выходитъ изъ толпы, онъ, котораго я называлъ братомъ, погибшій на висѣлицѣ, Николай Алексѣевичъ Желваковъ. Онъ всегда скрывался въ толпѣ и выходилъ впередъ только когда нужно было жертвовать собой. Тысячи воспоминаній при этомъ имени. Это было недавно, года два-три назадъ. Мой вечеръ былъ свободенъ, и я готовился провести его такъ, какъ хотѣлъ когда-то провести всю жизнь,—за любимыми книгами. Я сидѣлъ около стола въ своей комнатѣ и читалъ. Я читалъ уже болѣе часа и совсѣмъ погрузился въ свое занятіе. Вдругъ я услышалъ въ передней какой-то шумъ, звукъ шаговъ и незнакомый голосъ. Кто-то спрашивалъ меня. Я жилъ нелегально и былъ весьма изумленъ неожиданнымъ посѣщеніемъ. По моимъ расчетамъ никто изъ товарищей не могъ ко мнѣ зайти. Хозяйка отворила дверь и впустила ко мнѣ въ комнату гостя. Я всталъ и пошелъ на встрѣчу. Предо мной стоялъ человекъ съ молодымъ, безбородымъ, красивымъ лицомъ, выше средняго роста, прекрасно сложенный, въ лѣтнемъ черномъ пальто (была ранняя, но уже теплая весна), съ простымъ купеческимъ картузомъ въ рукахъ. Я вопросительно смотрѣлъ на незнакомца. Не торопясь, оглядѣлъ онъ меня и произнесъ имя человека, который сообщилъ ему мой адресъ, и къ которому я питалъ полное довѣріе. Я пригласилъ своего гостя садиться около стола, самъ сѣлъ и приготовился слушать. Но гость молчалъ. Я взглянулъ на него. Не спуская глазъ, смотрѣлъ онъ на меня и легкая, едва замѣтная улыбка скользнула по его лицу. Мнѣ стало неловко. Я отвелъ глаза, поправилъ абажуръ на лампѣ, поправилъ книги на столѣ, чтобы занять чѣмъ нибудь время и скрыть свое смущеніе. А гость попрежнему молчалъ. Я опять взглянулъ на него, на этотъ разъ съ открытымъ и настойчивымъ вопросомъ въ глазахъ. На лицѣ гостя та же легкая улыбка и ни тѣни смущенія. Я съ недоумѣніемъ гляжу на него, — улыбка растеть, заливаешь все его милое лицо, и глаза уже начинаютъ весело искриться и сверкать. Что это? Противъ воли я начинаю улыбаться, подозрѣвая какой-то сюрпризъ, и вглядываюсь пристально въ пришельца, чтобы вспомнить это лицо, но не нахожу

ничего... ничего... ничего, кромѣ слабаго, какъ давній сонъ, воспоминанія, давно забытаго, умершаго и теперь неожиданно воскресшаго при пристальномъ взглядѣ на это лицо. Правда ли? «Неужели это ты?» восклицаю я, и по его веселому смѣху, по радостному блеску его глазъ я догадываюсь, что это онъ; «неужели это ты? Коля? (фамилію я въ первый моментъ никакъ не могъ вспомнить, но потомъ, подъ чрезвычайнымъ напоромъ памяти, и она воспрянула изъ тьмы давно забытаго), ты? Желваковъ?...» Это былъ онъ. Я его такъ давно не видѣлъ, что за этотъ промежутокъ могъ бы забыть черты любимаго брата, отца, матери. Когда-то, очень давно, мы съ нимъ гуляли вмѣстѣ дѣтьми по берегамъ великой рѣки, карабкались по крутымъ и дикимъ прибрежнымъ обрывамъ, искали грибовъ въ дѣвственныхъ лѣсахъ русскаго сѣвера, когда-то вмѣстѣ, въ одной комнатѣ, за однимъ столомъ читали по складамъ. Потомъ мы разстались съ нимъ. Года три послѣ этой разлуки я не могъ забыть своего друга и тосковалъ по немъ. Потомъ новые друзья, живыя впечатлѣнія юношеской жизни заставили меня совсѣмъ позабыть друга дѣтства. И вдругъ, забытый, онъ приходитъ ко мнѣ послѣ двѣнадцати лѣтъ разлуки. Какъ живо, съ какой радостью я встрѣтилъ бы его десять лѣтъ назадъ, когда помнилъ и любилъ его и тосковалъ по немъ! А теперь мы сидѣли другъ противъ друга нѣсколько смущенные, робко оглядывая одинъ другого. Впрочемъ, можетъ быть, я преувеличиваю наше смущеніе. Несомнѣнно, я былъ смущенъ и чувствовалъ себя неловко. Послѣ перваго радостнаго порыва, когда я усадилъ его на диванъ и самъ сѣлъ рядомъ съ нимъ, я почти не зналъ о чемъ говорить, и меня немного смущала излишняя порывистость моей радости, эти поцѣлуди, крѣпкія пожатія рукъ. Но онъ, принявшій эти порывы съ спокойной и ласковой улыбкой, не терялъ ни на минуту спокойствія и, можетъ быть, даже въ глубинѣ своей души не чувствовалъ никакого смущенія. Скоро и я сталъ наружно такимъ же спокойнымъ, но двѣ вещи не переставали беспокоить меня въ глубинѣ души. Первая—невозможность сразу заполнить ту двѣнадцатилѣтнюю пропасть, которая раздѣляла насъ, невозможность сразу же стать къ нему, котораго кровную близость я чувствовалъ, такимъ же близкимъ, какимъ былъ когда-то. Недоставало какого-то слова, какого-то движенія. Нашъ разговоръ, вертѣвшійся около фактическихъ подробностей жизни каждаго, освѣщаль раздѣлявшую насъ пропасть, но не уничтожалъ ее и не могъ уничтожить. И я съ тревогой ожидалъ того слова, которое должно было сблизить насъ. Второе, что меня беспокоило, было опасеніе, что онъ скоро уйдетъ, что то, чего я желалъ наиболѣе страстно, не исполнится, что вся наша сегодняшняя встрѣча останется какой-то нелѣпой и досадной. И опасенія мои оправдались. Посидѣвъ часа полтора, онъ всталъ, взялъ свой картузъ и, стряхивая съ него пыль, сказалъ:

— Я иду. Прощай.

Тонъ былъ очень рѣшителенъ. «Не останется», мелькнуло у меня въ головѣ.

— Не уходи, сказалъ я ему дрогнувшимъ голосомъ. Ночуй у меня.

— Нѣтъ, я пойду, отвѣтилъ онъ и, поднявъ голову, съ улыбкой смотрѣлъ на меня.

— Не уходи, настаивалъ я, не уходи, я прошу тебя. Тебѣ не грозитъ никакой опасности въ моей квартирѣ... и я, не зная чѣмъ удержать его, началъ описывать конспиративныя удобства моей квартиры. Онъ остановилъ меня.

— Я знаю. Но я долженъ идти, и, тряхнувши съ нетерпѣніемъ картузомъ, онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ.

Это меня ободрило: если гость, собираясь домой, начинаетъ ходить по комнатѣ, есть надежда задержать его. Я пошелъ вслѣдъ за нимъ и, положивши руку на его плечо, началъ говорить:

— Постой, я тебѣ докажу, что ты не долженъ уходить. Обратимся къ нашей исторіи. N. N. былъ арестованъ потому, что лишній день пробылъ у своей матери; M. M. погибъ, выручая интимныя письма своего брата; X. Y. попалъ въ руки жандармовъ, заказывая въ фотографіи карточку своего друга; S. Z. пошелъ въ Сибирь вслѣдъ за своей женой. Обратимся къ логикѣ. Будемъ дорожить этими непрактичными, но героическими поступками. Будемъ дорожить этими проявленіями искренняго человеческого чувства. Безъ нихъ молодая русская революція потеряла бы свою душу, стала бы жестокой, какъ возстаніе рабовъ, узкой, какъ дворцовый заговоръ. Это идеальная, возвышенная сторона кроваваго дѣла Народной Воли.... Коля, останешься?...

Въ первый разъ за весь вечеръ я его назвалъ такъ. Я говорилъ долго и горячо. Я убѣдилъ самого себя въ томъ, что онъ долженъ остаться. Но все же я чувствовалъ робость, задавая ему послѣдній вопросъ, и голосъ мой дрожалъ.

— Останусь, но не потому, что ты убѣдилъ меня, а потому, что... потому что....

Онъ хотѣлъ что-то сказать, но не сказалъ. Съ его лица исчезла улыбка; онъ опустилъ голову и сталъ мраченъ. Мы продолжали ходить по комнатѣ. Я не снималъ съ его плеча руки. Достигнувъ цѣли, я какъ-то притихъ весь, и внутри у меня притихло, будто ожидая чего-то, или прислушиваясь къ чему-то.

— Я останусь, но что изъ этого?... спросилъ онъ, и лицо его стало еще мрачнѣе, еще ниже опустилась голова. Въ моей груди что-то будто оборвалось; рука сама собою съ одного плеча перелегла на другое плечо, другая рука обвила его шею; его лицо поднялось; я увидѣлъ грустное и радостное сіяніе его глазъ и, весь охваченный чувствомъ какой-то невыразимой жалости, сталъ бесцѣтно цѣловать его голову, лицо, шею....

Двѣнадцатилѣтняя пропасть закрылась. Мы снова стали братьями...

Я плачу, вспоминая объ этой минутѣ. Простите мнѣ эти слезы, мои товарищи и братья. Это не слезы отчаянія, или слабости, или жалости; это святые слезы умиленія. Все, что есть въ мірѣ прекраснаго, возвышеннаго, идеальнаго, соединилось для меня въ этой минутѣ. Тутъ и неумирающая прелесть первой дѣтской привязанности, и неподкупные юношескіе идеалы. Тутъ и золотые горизонты счастливыхъ дѣтскихъ воспоминаній, и уходящія вдаль перспективы гордыхъ юношескихъ грезъ, и горящее надъ всѣмъ солнце социализма, великое и лучезарное солнце нашего столѣтія. Вплоть до утра тянулася эта минута радости и восторга, счастливейшая въ моей недолгой жизни. Утромъ Коля ушелъ, не обѣщая заходить и какъ-то заминая объ этомъ разговоръ. Черезъ нѣсколько дней я узналъ и ужаснулся: его уже не было въ живыхъ: онъ былъ казненъ.

То, что я считалъ извѣстнымъ, оказалось неизвѣстнымъ; то, что считалъ близкимъ, оказалось далекимъ. Я думалъ, что предо мной сидитъ прежній ребенокъ, съ открытой душою. Какое ослѣпленіе! Я двѣнадцать часовъ провелъ съ глазу на глазъ съ человѣкомъ, обрѣкшимъ себя на страшную смерть, съ человѣкомъ, полнымъ силъ, жаждущимъ жизни и уже видящимъ себя у подножія висѣлицы, — а я не подозрѣвалъ ничего, не замѣтилъ ничего, рисовалъ себѣ будущее въ самыхъ розовыхъ, плѣнительныхъ краскахъ. Какъ я, слѣпецъ, не замѣтилъ въ его глазахъ предсмертнаго ужаса, какъ не услышалъ въ его голосѣ невольнаго дрожанія! Мнѣ казалось, что онъ весь со мной, что его душа открыта для меня. Мнѣ казалось, что онъ, какъ и я, всѣмъ существомъ своимъ отдается радостнымъ мечтамъ о жизни. А онъ въ это время думалъ о висѣлицѣ, которая уже закинула на него свою проклятую петлю. Впослѣдствіи я узналъ, что онъ еще почти ребенкомъ дважды прошелъ Волгу бичевой; что, стремясь къ жизни и свѣту, онъ пѣшкомъ пришелъ изъ Вятки въ Петербургъ. Это положило конецъ моимъ сомнѣніямъ: мнѣ стало ясно, что я не зналъ, кто сидитъ передо мной.

Ихъ называютъ черствыми, жестокими, умѣющими только разрушать и ненавидѣть. И подѣломъ! Развѣ это не черствость — идти на смерть и не попрощаться съ другомъ? И они, дѣйствительно, все разрушаютъ. Разрушаютъ семейство, уходя изъ него, лишая его своей помощи и поддержки. Разрушаютъ всякое спокойствіе, всякое счастье напоминаніями о страданіяхъ народа, своими мольбами о помощи народу, своими призывами къ долгу, который равенъ самоубійству, къ справедливости, которая равна смерти. А ихъ кровавая погоня за человѣкомъ! А страшныя висѣлицы, на которыхъ они гибнутъ! Они все разрушаютъ и безпощаднѣе всего разрушаютъ свою жизнь. Все свѣтлое они отстраняютъ отъ себя, все мрачное берутъ себѣ....

Л.

Семень Олейничукъ.

„Языкъ до Кіева доведеть,
а перо до Шлиссельбурга“.
М. С. Лукинъ.

Семень Никитичъ Олейничукъ... Это имя ни у кого не вызоветъ рѣшительно никакихъ ни впечатлѣній, ни представлений, а оно принадлежитъ человѣку, который заслуживаетъ всяческаго нашего вниманія, и которому историкъ освободительнаго движенія не можетъ не отвести страницы въ этой исторіи.

Каждый изъ насъ помнитъ легенды и рассказы о людяхъ, которые внезапно исчезали, какъ будто въ воду канули; объ узникахъ неизвѣстнаго званія, которые сидѣли годы въ крѣпостяхъ и тюрьмахъ и умирали неизвѣстными. И память о нихъ исчезала, и слухи становились темными. Исторія Олейничука— воплощеніе легенды въ дѣйствительность; онъ именно тотъ человѣкъ, который вдругъ исчезъ, оставивъ по себѣ среди окружающихъ темную память. Но съ теченіемъ времени и память стерлась такъ, какъ будто въ дѣйствительности никакого Олейничука и не было. А онъ жилъ, думалъ и чувствовалъ, бродилъ и искалъ, какъ бы избыть горе крѣпостнаго права для своего милаго и дорогаго ему, малорусскаго народа. И вдругъ въ 1849 году былъ схваченъ и исчезъ навсегда. Быть можетъ, окружавшіе его помнили о немъ; но сошло со сцены современное ему поколѣніе, и онъ былъ бы совершенно забытъ.

Въ 1849 году Олейничукъ исчезъ изъ предѣловъ Кіевской губерніи для того, чтобы появиться въ казематѣ Шлиссельбургской крѣпости. Здѣсь его содержали строжайше, и фамилія его была извѣстна лишь коменданту крѣпости. Въ 1852 году Олейничукъ «отъ долговременной болѣзни» умеръ въ крѣпости. Въ чемъ же вина этого страшнаго государственнаго преступника? Да ни въ чемъ. У него были найдены *вредныя мысли*, и только. Дѣло Олейничука представляется необыкновеннымъ даже въ административной практикѣ Николая I. Человѣкъ, не совершившій никакого преступленія, но державшійся мыслей, распространение коихъ могло бы оказаться (не оказалось, а могло бы оказаться) вреднымъ, *безъ всякаго суда* былъ заточенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость и здѣсь умеръ. Прибавимъ, что по своимъ воззрѣніямъ Олейничукъ былъ убѣжденнымъ монархистомъ и пылкимъ патріотомъ, относившимся съ большою неприязнью къ поля-

камъ и евреямъ. Вся мысль его была направлена лишь на бѣдственное положеніе крестьянства, на крѣпостное право, которое угнетало душу Олейничука. Проникновенностью своего отношенія къ крѣпостному рабству, страстностью и горячностью проповѣди противъ этого явленія Олейничукъ напоминаетъ Радищева. Протеста противъ крѣпостничества было достаточно для того, чтобы привести Олейничука въ Шлиссельбургскую крѣпость и черезъ нее къ смерти. Самое поразительное, что власти, при всемъ своемъ стараніи, могли установить наличность этого протеста только... въ черновомъ рукописномъ сочиненіи Олейничука, не установивъ ни одного факта пропаганды или даже попытки къ пропагандѣ.

Жизнь Олейничука необычайно интересна и полна содержанія; по всему тому, что мы узнаемъ о немъ, онъ оказывается замѣчательнымъ человѣкомъ.

I.

Осенью въ 1849 году подозрительное вниманіе полиціи обратилъ необычнымъ образомъ жизни неизвѣстный странникъ, жившій за Днѣпромъ, въ Никольской слободкѣ Остерскаго уѣзда Черниговской губерніи. При обыскѣ были захвачены рукописи и книги. Взятый былъ отправленъ вмѣстѣ съ вещественными доказательствами къ военному Кіевскому, Подольскому и Волынскому губернатору Бибикову. Арестованный странникъ оказался вольноотпущеннымъ изъ крестьянъ Семеномъ Олейничукомъ, а захваченныя бумаги—рукописнымъ сочиненіемъ Олейничука на 158 листахъ подъ заглавіемъ «Историческій рассказъ природныхъ жителей Малороссіи Заднѣпровской, т. е. губерній Кіевской, Каменецъ-Подольской и Житомиръ-Волынской, про свое житье-бытье».

Кіевскій генераль-губернаторъ приказалъ чиновнику особыхъ порученій тит. сов. Владимиру Сивицкому «разсмотрѣть бумаги и книги, отысканныя при вольноотпущенномъ изъ крестьянъ Семенѣ Олейничукѣ и раскрыть, какъ дѣйствительную сущность и цѣль сочиненныхъ имъ бумагъ, такъ равно вообще образъ его жизни и поступковъ, съ обнаруженіемъ, не участвовалъ ли онъ въ злонамѣренныхъ преступленіяхъ». Чиновникъ Сивицкій произвелъ разслѣдованіе, обнаружившее слѣдующіе факты.

Олейничукъ родился въ 1798 году и, слѣдовательно, во время дознанія, имѣлъ уже 51 годъ отъ роду. Онъ былъ крѣпостнымъ человѣкомъ помѣщика Собѣщанскихъ въ Винницкомъ уѣздѣ Подольской губерніи. Со всѣми ужасами крѣпостного права Олейничуку пришлось познакомиться подробно и самолично. Судьба Олейничука сложилась крайне своеобразно. Въ 1818 году, безъ вѣдома помѣщика, двадцатилѣтній Семенъ былъ отданъ его отцомъ въ Винницкую гимназію. Въ гимназіи онъ воспитывался до 1824 года и здѣсь получилъ образованіе, крѣпостному совѣмъ не подо-

бавшее. Онъ изучилъ даже языки французскій, латинскій, польскій. Образование открыло ему глаза на сущность крѣпостного права, съ которымъ онъ ознакомился на практикѣ. Результатомъ было поразительное по своей глубинѣ возмущеніе нравственнаго чувства, возмущеніе, оставляющее слѣды на всю жизнь и опредѣляющее самое теченіе жизни. Къ Олейничуку очень примѣнима фраза А. Н. Радищева: «взглянулъ окрестъ себя—душа его страданіями чловѣчества уязвлена стала». Душа Олейничука развѣ навсегда была уязвлена страданіями родного ему малорусскаго крестьянства. Передъ нимъ возникъ вопросъ, разрѣшенію котораго онъ посвятилъ всю свою жизнь, какъ самому выбиться изъ крѣпостного званія и какъ избавить отъ него своихъ единоплеменниковъ.

Въ 1824 году Олейничукъ, по всей вѣроятности, къ тому времени уже окончившій курсъ въ Винницкой гимназій, былъ доставленъ изъ Винницы въ имѣніе своего помѣщика. Помѣщикъ предположилъ отдать его въ рекруты, но Олейничукъ бѣжалъ съ мѣста жительства, приобрѣтя у шляхтича Сорочинскаго документы. За этими краткими фактическими сообщеніями, единственными сохранившимися для насъ, рисуется, конечно, цѣлая тяжелая драма. При крѣпостномъ правѣ нерѣдки аналогичные случаи. Крѣпостной случайно получалъ образованіе, выросалъ изъ крѣпостныхъ цѣпей; происходило столкновеніе съ неумолимой судьбой въ лицѣ помѣщика. Исходы были различные, вплоть до убійствъ. Жизнь оказывалась во всякомъ случаѣ сломленной, бѣгство вело къ дѣяніямъ уголовнымъ и т. д. Исходъ конфликта Олейничука былъ нѣскольکو иной. Онъ ушелъ съ тѣмъ, чтобы найти средства для мирнаго разрѣшенія мучительнаго вопроса. Онъ сталъ искателемъ. «Будучи самъ—показывалъ на допросѣ Олейничукъ—изъ крѣпостного званія, имѣя родныхъ, близкихъ и далекихъ, въ крестьянскомъ быту и будучи, сколько для меня возможно, грамотнымъ, я не могъ переносить того положенія, въ какомъ находились вообще крестьяне при произвольномъ и нерѣдко жестокомъ обращеніи съ ними помѣщиковъ и ихъ экономическихъ служителей, и поэтому старался сперва, всѣми возможными средствами выбиться изъ крѣпостного званія и въ такой крайности перемѣнялъ православную мою вѣру и званіе русскаго крестьянина на польскаго шляхтича, но это отступленіе не только не успокаивало меня, но еще болѣе мучило различными опасеніями».

Получивъ документы шляхтича Сорочинскаго и перейдя въ католичество, Олейничукъ поступилъ сперва на должность приходскаго учителя при латинскомъ костелѣ, потомъ въ Почаевскій монастырь, а отсюда въ монастырь ордена Кармелитовъ въ Волынской губерніи. Изъ этого монастыря Олейничукъ, уже въ званіи клирика, былъ переведенъ въ кармелитскій же монастырь въ г. Чаусѣ Могилевской губерніи. Попытка скрыться отъ крѣпостного званія въ католическую вѣру и въ личину шляхтича

не разрѣшила, конечно, общаго вопроса и не принесла успокоенія Олейничуку. Въ 1833 году Олейничукъ возвратился вновь въ лоно православія и въ слѣдующемъ году поступилъ на должность приходскаго учителя въ Бѣлорусскомъ учебномъ округѣ въ Оршанскомъ уѣздѣ. Здѣсь онъ оставался учителемъ до 1839 г. Привязанность къ родинѣ заставила его возвратиться въ Винницкій уѣздъ и отдаться въ руки помѣщика. Здѣсь онъ былъ арестованъ и преданъ суду. Нужно думать, что между помѣщикомъ Собѣщанскимъ, Олейничукомъ и судомъ произошло какое-то соглашеніе. Помѣщикъ, очевидно, не настаивалъ на осужденіи своего крѣпостного, а подольскій совѣстный судъ оставилъ Олейничука, по рѣшенію 5 апрѣля 1843 года, отъ дѣла свободнымъ, признавъ подсудимаго подверженнымъ слабоумію. Впослѣдствіи, въ 1849 году, Олейничукъ заявилъ, что слабоумію или сумасшествію онъ никогда не подвергался, а показанія его по этому поводу были фальшивыми. Вскорѣ по освобожденіи отъ суда, въ 1845 году Олейничукъ получилъ наконецъ отъ своего помѣщика формальную отпускную.

Но давно желанное освобожденіе отъ крѣпостного плѣна не дало успокоенія Олейничуку. Освободился онъ, а крѣпостное-то право осталось. Нужно было протестовать, убѣждать въ безнравственности этого явленія, дѣлать, что можно въ его положенія. «Будучи преслѣдуемъ по возвращеніи на родину,—показывалъ Олейничукъ,—за бродяжество и подвергаясь тюремнымъ заключеніямъ, я еще болѣе возненавидѣлъ крѣпостное свое званіе и хотя получилъ отъ помѣщика своего отпускную, но это меня не успокоило, и насмотрѣвшись странствуя по Россіи на разные порядки, а также зная исторію Малороссіи и Польши, зная вражду поляковъ къ русскимъ и преслѣдованія ими крестьянъ, я рѣшился заняться описаніемъ оныхъ и на первый случай сочинилъ всеподданнѣйшее прошеніе государю императору отъ имени крестьянъ острожской ординаціи о переводѣ ихъ на оброчное положеніе по примѣру крестьянъ казенныхъ. Въ этомъ прошеніи, которое поднесено государю императору, я описалъ злоупотребленія разныхъ помѣщиковъ, ляховъ. Но потомъ, боясь преслѣдованія за это прошеніе и отлучаясь въ разные мѣста и собравъ въ разное время, до 1847 года и послѣ того, частные случаи и свѣдѣнія объ обращеніи ляховъ съ крестьянами, я предположилъ себѣ заняться подробнымъ сочиненіемъ, чтобы въ случаѣ подверженія меня отвѣтственности за сочиненіе государю императору прошенія, я могъ представить начальству болѣе подробностей о злоупотребленіяхъ помѣщиковъ».

Исторія странствій Олейничука въ рапортѣ чиновника Сивицкаго изложена подробнѣе, слѣдующимъ образомъ: «Получивъ отпускную, онъ, Олейничукъ, отправился странствовать по разнымъ городамъ и монастырямъ; такимъ образомъ, въ теченіе 1846, 1847 и 1848 годовъ, кромѣ подольской, волынской и кievской губерній, онъ былъ: въ Нѣжинѣ, Борзвѣ, Кролевецѣ, Глу-

ховѣ, Черниговѣ, Сѣвскѣ, Орлѣ, Тулѣ, Калугѣ, Москвѣ, Новгородѣ, Петербургѣ и въ другихъ мѣстахъ, по словамъ его, собственно для посѣщенія церквей, монастырей, поклоненія угодникамъ и въ надеждѣ поступить въ духовное званіе, но убѣдясь наконецъ, какъ утверждаетъ нынѣ, что при условіяхъ прежней его жизни, подсудимости и происхожденія трудно поступить въ какой нибудь монастырь, Олейничукъ представлялъ себѣ весьма тяжкимъ крѣпостное званіе и собиралъ, между тѣмъ, свѣдѣнія о положеніи крестьянъ; глядя на все поверхностно, онъ пустился въ разсужденія о началахъ укрѣпленія въ Западномъ краѣ поселенъ, отвергая законность правъ помѣщичьихъ и выставляя изъ разныхъ разсказовъ частныя злоупотребленія ихъ, замыслилъ описать все это въ особомъ сочиненіи».

Самъ Олейничукъ рассказываетъ, что онъ началъ заниматься своимъ сочиненіемъ украдкой на мѣстѣ жительства въ Винницкомъ уѣздѣ. «Но—рассказываетъ Олейничукъ—какъ начали тамъ за мною присматривать и подозрѣвать, что я по ночамъ занимаюсь чѣмъ либо непозволительнымъ, то я, боясь ответственности, забравъ книги свои и разныя черновыя замѣтки и оставивъ мѣсто жительства, пустился опять странствовать. Пройдя изъ подольской въ кievскую губернію, равно побывавъ въ Кіевѣ, и опасаясь расположиться здѣсь съ своими сочиненіями, я высмотрѣлъ за Днѣпромъ, въ Никольской слободкѣ, удобное мѣсто, укрытое отъ глазъ любопытныхъ и полиціи, и тамъ преднамѣривалъ рѣшительно заняться сочиненіемъ, окончить оное, и потомъ хотѣлъ посоветоваться съ болѣе грамотными чѣмъ я людьми и пустить свое сочиненіе въ ходъ,—но, какъ извѣстно изъ особыхъ показаній моихъ и обстоятельствъ, преднамѣренія мои не состоялись,—сочиненіе мое не окончено, отобрано у меня въ чернѣ, и нынѣ не представляетъ въ себѣ ничего цѣлаго и полнаго».

II.

Въ преступленіе Олейничуку было поставлено черновое, неопищенное и неотдѣланное сочиненіе. Обратимся къ нему и познакомимся съ его содержаніемъ, приведемъ нѣсколько выдержекъ, какъ разъ тѣхъ, что были выписаны производившимъ слѣдствіе чиновникомъ, какъ наиболѣе криминальныя.

Сочиненіе Олейничука носитъ слѣдующее заглавіе: «Историческій разсказъ природныхъ или коренныхъ жителей Малороссіи Заднѣпровской, т. е. кievской, каменецъ-подольской и житомиръ-волинской губерній, про свое житье-бытье». Оно состоитъ изъ ряда отрывковъ или набросковъ, написанныхъ въ различной литературной формѣ: то это—теоретическія разсужденія, то—чисто фактическіе разсказы, иллюстрирующіе разсужденія, то—обращенія къ старинѣ, историческія ссылки. Иногда авторъ беретъ форму разговора, иногда вставляетъ пѣсни и сказки, которыя вкладываются въ уста странникамъ и лирникамъ. Наброски не

сведены въ одно цѣлое, и даже отдѣльнымъ отрывкамъ не придана отдѣланная литературная форма. Очевидно, автору предстояло еще очень много работы надъ отдѣлкой своего произведенія. Главный предметъ, главная мысль, преслѣдующая автора и выражаемая имъ многократно въ разнообразнѣйшихъ формахъ—ненормальность и тягость крѣпостного строя жизни. Авторъ знаетъ о томъ, что малороссы были когда-то свободны, и потому крѣпостной гнетъ становится для него еще чувствительнѣе. Крѣпостное право для Олейничука—не только форма экономического гнета: такъ какъ угнетатели и угнетаемые принадлежатъ къ разнымъ національностямъ, то крѣпостной гнетъ принимаетъ еще и форму гнета національнаго. Отсюда—крайнее возбужденіе противъ поляковъ или «ляховъ», евреевъ или «жидовъ», и иностранцевъ. Отсюда и правительство, которое способствуетъ угнетенію, покровительствуетъ полякамъ, жидамъ и иностранцамъ, оказывается достойнымъ всякаго порицанія. Вотъ—краткая схема разсужденій Олейничука. Изложены они въ нервномъ, напряженномъ стилѣ, обличающемъ литературное образованіе автора. Вообще, и по стилю, и по формѣ, и по предмету «Историческій разсказъ» напоминаетъ «Путешествіе» Радищева. Но «Путешествіе» захватываетъ вопросъ крѣпостного права гораздо глубже и ставитъ гораздо шире, на фонѣ политическаго строя. У Олейничука этого нѣтъ: его политическое міросозерцаніе далеко не разработано.

О содержаніи своего сочиненія Олейничуку далъ слѣдующія разъясненія: «Въ сочиненіи своемъ я успѣлъ только выразить мысль мою въ такой силѣ, въ какой понималъ исторію здѣшняго края, читая по сей части разныя сочиненія, равно обременяясь крѣпостнымъ моимъ званіемъ; испытавъ на себѣ и собравъ въ равное время свѣдѣнія изъ разсказовъ о разныхъ зловердныхъ и произвольныхъ поступкахъ ляховъ и жидовъ, я описалъ народную ненависть къ силѣ ляховъ и жидамъ въ такомъ духѣ, въ какомъ мнѣ все сіе казалось, приноравливая мое описаніе въ сказкахъ и въ разговорахъ съ разными лицами, намѣреваясь дать форму разсказовъ сему сочиненію. Зная разныя повѣсти и исторію Малороссіи и Польши и будучи наслышаннымъ отъ стариковъ простаго званія о смутныхъ временахъ здѣшняго края, за временъ поляковъ о равныхъ набѣгахъ и гайдамацкихъ войнахъ, я описывалъ, что крѣпостное званіе, какому подвергся здѣшній народъ по возвращеніи къ Россіи, не подходитъ прежнему положенію крестьянъ, ибо я наслышанъ, что прежде здѣсь крестьянъ не продавали на души, и прежній бывший бездомный шляхтичъ теперь сдѣлался помѣщикомъ и, будучи латинистъ, преслѣдуетъ крестьянъ. Изобразилъ я также по наслышкѣ, странствуя по свѣту, что къ намъ въ Россію кромѣ ляховъ и жидовъ являются иностранцы и дѣлаются распорядителями крестьянъ, что шляхтичи иностранцы имѣютъ преимущества предъ русскими крестьянами, которые сдѣлались ихъ имуществомъ и достояніемъ. Также я описывалъ то, какъ слышалъ, что русскіе солдаты ропщутъ

на службу потому, что у нихъ старшіе по большей части ляхи или иностранцы, а въ особенности рошцуть на жестокіе побои и распространяють молву о разныхъ крѣпостяхъ, и какъ мнѣ больно было это слушать, то изобразилъ все сіе какъ могъ. Все это, что я въ сочиненіи своемъ описалъ, клонило меня къ тому, чтобы выставить въ разныхъ видахъ положеніе крестьянъ, дабы облегчить ихъ участь, и я предназначивалъ доказать необходимость перевода крестьянъ на оброкъ, какъ сіе значится въ сочиненномъ мною въ 1847 году всеподданнѣйшемъ прошеніи государю императору, также я думалъ, что какъ кончу цѣлое сочиненіе и обдѣлаю оное, какъ мнѣ казалось лучше, то симъ сдѣлать услугу правительству, пустивши въ ходъ свое сочиненіе, которое я писалъ совершенно въ тайнѣ, никому его не читалъ, ни съ кѣмъ объ ономъ не совѣтовался и теперь не понимаю, справедливо ли я описывалъ, или несправедливо, ибо для сего, чтобы очистить мое сочиненіе, еще мнѣ много нужно было времени.

Законовъ я вовсе не знаю и никогда оныхъ не читалъ и не разумѣю, какія опредѣлены по законамъ обязанности для каждаго сословія,—меня только занимала одна мысль о крѣпостномъ званіи, на которое я насмотрѣлся въ прежніе годы, до обнаруженія въ здѣшнемъ краѣ въ началѣ прошлаго года Правиль о крестьянскихъ повинностяхъ; но и сихъ Правиль не читалъ и не понимаю, какою они имѣютъ силу.

Наконецъ, при постоянномъ увѣщаніи меня господина слѣдователя, раскрыть истинную цѣль всего мною сочиненнаго, я по доброй волѣ чувствуя и понимая мое положеніе, сознаюсь здѣсь, какъ бы на исповѣди, что я никакого самъ по себѣ злого умысла не имѣлъ и никто меня къ тому не наговаривалъ, ни съ какими вредными людьми связей не имѣлъ, а только самъ думалъ сочиненіемъ своимъ раскрыть положеніе крестьянъ, и симъ самымъ послужить имъ къ сдѣланію какого либо облегченія».

Сочиненіе Олейничука представитъ большой интересъ для историка малорусской общественной—и экономической исторіи. Положеніе малорусскаго народа въ концѣ сороковыхъ годовъ изображено Олейничукомъ съ необыкновенной яркостью и выпуклостью. Приведемъ первыя страницы его сочиненія, въ которыхъ какъ бы сконцентрировано содержаніе фактической части работы Олейничука.

«Кто бы подумалъ и повѣрилъ тому, чтобы русскій народъ, или природные жители Малороссіи заднѣпровской, въ половинѣ XIX-го столѣтія, въ столь цвѣтущую эпоху Россійской имперіи, въ благополучное царствованіе Николая I смѣлъ бы сказать, что онъ внутренне жестоко страдаетъ, и что ему боль доходитъ уже до сердца, и выражалъ бы свое горе сими историческими словами, что сотворилося великое зло въ Русской землѣ, какого еще здѣсь не было, и то зло такого рода, какого нигдѣ не встрѣчаемъ въ лѣтописяхъ народовъ, что насъ, коренныхъ русскихъ, природныхъ жителей сей страны наѣздники ляхи и жида нашими жъ

таки собственными русскими веревками такъ крѣпко связали, что насъ жестоко связанныхъ бьютъ и плакать не даютъ; правда, что мы уже спредка вѣкъ привыкли къ веревкамъ, но прежнія веревки были по крайней мѣрѣ лядскія, жидовскія и татарскія, и кажется намъ не были столь тягостны и столь крѣпкія, какъ наши собственно-русскія, которыми насъ теперь гораздо покрѣпче связали, какъ прежде своими лядскими, и не даютъ даже и рта отворить, если что нибудь хочешь говорить.

«Роду человѣческому, безъ законовъ и верховной данной отъ Бога власти жить было бы весьма тягостно и можно сказать никакъ невозможно; но кольми-паче тягостнѣе еще жить тамъ, гдѣ наѣзники верховной власти надъ собою не терпятъ и не повинуются, а всякъ желалъ бы быть надъ другими въ чужой землѣ ничѣмъ неограниченнымъ деспотомъ, гдѣ всякъ защищаетъ закономъ только себя, въ разсужденіи же другихъ дѣлается совершеннымъ беззаконникомъ, гдѣ на прародительской русской нашей землѣ законы природныхъ нашихъ русскихъ царей не защищаютъ насъ отъ варварскаго тиранства, вѣчно насъ терзающихъ гонителей и невѣрныхъ иноплеменныхъ ляховъ, которые царскіе законы попираютъ ногами и обращаютъ въ насмѣшку, а насъ тиранятъ безъ всякаго состраданія, гдѣ многочисленное и почти числомъ уже насъ превосходящее лядское и жидовское праздное и ничѣмъ нетруждающееся племя обратилось для насъ въ кроваваго пьющаго, ссущихъ безпрестанно кровь христіанскую.

«Исторія свидѣтельствуетъ, какъ жестоко и сколь долгое время святая церковь, христіанская вѣра и всѣ жители здѣшняго края страдали подъ тягостнымъ игомъ неистовыхъ своихъ завоевателей ляховъ и корыстолюбивыхъ жидовъ, когда христовы тайны и всякая христіанская святость богохульно сравнены были съ кабачными откупамъ и всѣ вообще народныя сословія православнаго исповѣданія обращены въ презрѣнное и постыдное рабство. Вотчины велико-кіевскихъ и прочихъ князей, потомковъ святаго Владиміра и Маномеха сдѣлались театромъ междуусобій и набѣговъ польской и литовской шляхты, — кто изъ нихъ собиралъ болѣе сволочи, устрашалъ и преодолевалъ разбойничьими набѣгами другихъ, тотъ болѣе похищалъ оныхъ, и такимъ родомъ сдѣлался магнатомъ, располагалъ уже ими, какъ собственностью.

«Настало наконецъ отрадное для народа время, когда единодержавный скипетръ вѣнценосныхъ потомковъ и наслѣдниковъ Мономаха защитилъ нашу святую вѣру отъ поругательнаго гоненія, — и мы, смотря по наружному виду, должны бы вкусить болѣе народной отрады.

«Но политики нерѣдко жертвуютъ правосудіемъ и монаршее великодушіе, дѣлая иногда слишкомъ счастливыми однихъ, чрезъ что увеличивается несчастіе и обиды другихъ; дарованная нашимъ наѣзникамъ ляхамъ и жидамъ совершенная свобода и безопасность и предоставивъ — за ними расхищенные ими кня-

жескія, или казенныя имущества, угнетили до крайности народность.

«Равномѣрно многочисленныя полчища ляховъ, коихъ число вѣками чрезмѣрно возрастало въ разныя противъ Россіи войны, въ разныя противъ королей конфедерацій, такъ же по уничтоженіи Запорожской Сѣчи, откуда бѣжавшіе козаки отъ предназначенныхъ имъ русскимъ правительствомъ работъ и податей, обратились въ польскихъ шляхтичей, наиболѣе же въ разныя междуусобія, или конфедераціи, гдѣ магнаты, увеличивая всякъ свою партію, отдавали нашимъ малороссійскимъ, литовскимъ и бѣло-русскимъ мужикамъ преимущества польскаго шляхетства цѣлыми селами и околицами и вообще, кто только изъ русской вѣры переходилъ лядскую, тотъ дѣлался ляхомъ и пользовался преимуществомъ польскаго шляхетства, которое всегда составляло народную военную силу и всегда находилось въ военномъ упражненіи и дѣйстви; теперь же, оставшись совершенно праздными, переменяя сабли на нагайки и въ мирное время тиранскими по боями проливаютъ кровь русскую.

«Прошло, говорю, время безправія и бурныхъ смятеній, наступила тишина и новый порядокъ вещей; съ первой народной здѣсь ревизіи, послѣдовавшей въ 1795 году, народъ русскій почитанъ на души, чего прежде здѣсь не бывало, и всякая душа русская сдѣлалась собственностію ляха, и составляетъ его имущество, наравнѣ со скотомъ, вмѣсто буйныхъ лядскихъ полчищъ наступилъ рекрутскій наборъ и подушная подать изъ русскаго только народа, и вся государственная тягость свалилась на однихъ только природныхъ жителей здѣшняго края, пришельцы же жида и ляхи: первые заняли торговлю, сдѣлались здѣшними гражданами,—вторые же присвоили себѣ право великороссійскаго дворянина, ибо права польской шляхты совершенно были не тѣ; шляхтичъ считаетъ своею собственностію землю, а не душу человека и его имущество, — слѣдственно не имѣлъ права, даже и времени торговать русскими душами, будучи самъ всегда на военной ногѣ, проливая весьма часто кровь русскую въ браняхъ, проливалъ также и собственную.

«Итакъ, оставшись многочисленная лядская саранча, при такихъ правахъ и преимуществахъ собственно праздною, устремилась на нивы и кровавые труды русскихъ хлѣбопашцевъ.

«Магнаты при роскошной и буйной своей жизни, недовольные переменною въ политическомъ мѣрѣ, странствуя всегда по чужимъ землямъ, начали продавать, отдавать подъ залогъ, уступать за долги, пущать на откупа присвоенныя себѣ вотчины; отчего водворилась здѣсь колликацінная, или мелкопомѣтная анархія, а съ ней распространилась торговля и возвысилась цѣна русской души.

«Расхищенные благодатной и всѣмъ изобилующей страны имущества Великихъ Князей Кіевскихъ, сдѣлались совершенно «бонцемъ и пастыбою отъ наброду здѣшней и заграничной сво-

*

лочи, гдѣ страсть къ корыстолюбію и хищности не имѣть, или не хочетъ имѣть никакого обузданія. вмѣсто дѣтей и наслѣдниковъ мономаховыхъ, которымъ сей добродѣтельный монархъ, въ своемъ завѣщаніи, внушалъ, дабы они бдительно наблюдали, чтобы тивуны и отроки ихъ не обижали поселянъ,—нахлынула теперь на насъ со всего свѣта нехристь, которая, подъ видомъ законности, торгуеть русскими душами и, какъ кровожадны пѣявицы, сосеть безпрестанно нашу кровь. Первопрестольный градъ Кіевъ, колыбель вѣры и купель отъ рожденія Русскаго народа, въ христіанскомъ мірѣ, сдѣлался унизительнымъ для рода человѣческаго торжищемъ душъ русскихъ, гдѣ ляхъ ляху, за жидовскія деньги, законнымъ правомъ, продаетъ души русскихъ мучениковъ, гдѣ жида, въ коихъ рукахъ торговля и все богатство здѣшняго края, подъ личиною лядскою, покупають русскихъ невольниковъ и изнурають ихъ безпрестанными работами, вмѣстѣ съ ляхами.

«Такъ какой нибудь нищій бродяга, еретикъ, или что чаще всего бываетъ совершенный атеистъ, супостатъ вѣры и Царя, не только недѣлающій никакой пользы отечеству, но еще закоренѣлый врагъ онаго, имѣеть право истиннаго сына отечества и святой церкви,—продать, подарить, за собаку промѣнять, жену или дочь взять въ наложницы,—мужа ея отдать въ солдаты, или посадить безвинно въ тюрьму,—сослать въ Сибирь, даже не опасается и предать его смерти. Пойдите жъ вы теперь по селамъ, и вы тамъ не въ одномъ селѣ найдете нѣсколько десятъ, а даже нѣсколько десятъ помѣщиковъ, а если село не изъ числа мѣлкопомѣстныхъ, то тамъ будетъ нѣсколько семействъ бурковыхъ (безмѣстныхъ) шляхты, прискивающихъ должностей и разныхъ спекуляцій. Тамъ, вмѣсто Великокняжескихъ тивуновъ и отроковъ, вѣчно пьяные атеисты съ нагайками въ рукахъ, увеличивая своимъ принципаламъ ¹⁾ интраты ²⁾, сами дѣлаются принципалами, или помѣщиками; вникните вы порознь въ сельскую исторію и каждого эконома, или помѣщика дѣйствіе,—мало ли тамъ, подъ жестокими побоями испустило духъ, мало ли бременныхъ поронило несчастный плодъ свой, мало ли тамъ, не перенося своего горя, наводятъ на себя руки и собственноручно прекращають несчастную жизнь свою, мало ли тамъ насильно скверняютъ супружескія ложа, растлѣвають невинныхъ дѣвъ, тамъ, говорю, безбожный бродяга, въ крайней нищетѣ, съ одною же нагайкою въ рукахъ, едва приползетъ до села, вдругъ дѣлается ни чѣмъ неограниченнымъ деспотомъ, всякъ мужикъ съ своею собственностію совершенно въ его рукахъ,—все предъ нимъ трепещетъ, послѣднее яйцо, послѣдняя курица съ хаты летитъ къ нему прямо, у него всякій день полная обора сельскаго скота, то съ запрещеннаго пастбища, то съ осенной земли

1) Помѣщикамъ, вѣртелямъ

2) Доходъ.

(уруна), то съ лѣснаго запусту: Наступить ли рекрутскій наборъ, то они всегда берутъ прежде таковыхъ, у кого есть состояніе для выкупа, если у кого будутъ наличные, то онѣ перейдутъ за выкупъ сына, или мужа, въ экономскій сундукъ до послѣдней копѣйки,—гдѣ только что будетъ въ хозяйствѣ: индѣйка, гусь, курица, пчелы, все то, пока не перейдетъ въ экономическія руки, до тѣхъ поръ не выпустить сына или мужа изъ кандаловъ,—тоже самое водится, когда кто отдаетъ дочь въ замужество въ чужое село, или за солдата, чтобы получить отъ эконома дозволеніе, не обойдется безъ множества предварительныхъ просьбъ и подарковъ, берутъ даже по 15, 20, 25 рублей серебромъ купцы.

«Несчастный тотъ навѣкъ, кто выйдетъ изъ терпѣнія, или по неосторожности, скажетъ что другъ другу о своей бѣдѣ, а тѣмъ паче, что промолвить о Царскихъ указахъ и его подслушаютъ экономическіе клеветы, писаря, или сипаки¹⁾, то еще мало наказанія, когда дѣло кончится однимъ только тѣлеснымъ наказаніемъ, несчастному набиваютъ на руки и ноги кандалы, и везутъ, какъ бунтовщика, для пострашки другихъ въ рекрутское присутствіе, или тюрьму; напрасно злополучная жена съ дробными дѣтьми проливаетъ горькія слезы, просятъ прощенія,—напрасно родственники съ воплями жены и дѣтей проливаютъ свои слезы, лежатъ у ногъ жестокаго ляха: несчастный погибъ самъ и посиротилъ жену и дѣтей, за одно только слово о законѣ и правосудіи.

«Но это общія теорія, безъ образцовыхъ примѣровъ. Возьмемъ мы въ замѣчаніе хотя одно какое нибудь имѣніе, гдѣ помѣщикъ не только въ немъ не имѣетъ постоянного жительства, но даже и рѣдко оно посѣщаетъ,—возьмемъ напримѣръ Уладовское имѣніе, принадлежащее австрійскому подданному графу Потоцкому. Здѣсь графскіе официалисты почти всѣ заграничныя; хотя они ляхи, всеже они таки заграничныя и болѣе имѣютъ, какъ они сами о себѣ говорятъ, просвѣщенія и познаній въ хозяйственномъ искусствѣ, какъ туземныя; мы не станемъ спорить насчетъ ихъ познаній: правда познаютъ и они хорошо всѣ способы и средства, какъ разорять другихъ и самимъ наживаться, словомъ сказать, что сіи просвѣщенные заграничныя странники, путешествуя нищиты ради своей между непросвѣщеннымъ народомъ, оставляютъ по себѣ незабвенные памятники просвѣщеннаго злодѣйства,—смѣются, вмѣстѣ съ туземными ляхами, надъ русскимъ варварствомъ, а жалуютъ къ намъ въ палачи, гнушаются и презираютъ нами за то, что насъ тутъ покупаютъ, какъ они говорятъ, на штуки, какъ зараницею ословъ, и думаютъ, что въ Россіи, у варваровъ, нѣтъ закона, равно какъ и у нихъ совѣсти и стыда, и что бѣднаго русскаго осла вольно терзать не только заграничному равному намъ мужику, но даже и заграничному

¹⁾ Служители.

барону, потому что его никто не покупает на штуки.—Боль до сердца доходить, смотря только со стороны на чужое горе; кто бы могъ повѣрить тому, какъ здѣсь просвѣщенные странники просвѣщаютъ погруженныхъ во тьмѣ невѣжества туземныхъ мужиковъ; здѣсь они, какъ наша русская пословица говорить: ни Бога не боятся, не людей не стыдятся, а только всякъ карманы себѣ набиваетъ,—стыдъ же, совѣсть и русскіе законы обращаютъ въ насмѣшку. Если бы вы посмотрѣли на пространство здѣшнихъ луговъ и лѣсовъ, сколько тутъ разнаго рода скота, какое здѣсь множество овецъ и лошадей, и вы бы подумали, что эти стада лошадей здѣшнихъ жителей, которые несутъ на себѣ всѣ государственныя тягости, податями, рекрутами, постоемъ и проч., которыхъ сыновья и родственники проливаютъ кровь свою за Царя и отечество; нѣтъ, напрасно бы вы такъ думали,—эти стада заграничныхъ странниковъ, официалистовъ графа Потоцкаго, которые странствуютъ здѣсь по паспортамъ; здѣшнимъ непросвѣщеннымъ жителямъ нельзя держать и гусей, ибо ихъ убьютъ просвѣщенные странники, чтобы они ихъ заграничнымъ образованнымъ лошадямъ не толкли травы,—здѣшній необразованный мужикъ, баба, даже и ребенокъ не смѣй ходить чрезъ лѣсъ, ибо тебя заграничные странники обдерутъ и обсѣкутъ, хотя бы ты ни одного грибка плоднаго, сухого прутика не поднялъ.

«Если ляхи неліцемѣрно бунтуются, а на невинныхъ русскихъ мужиковъ клеветаютъ, бросаютъ поклевъ и жестоко за сіе терзаютъ, здѣсь, говорю, уже съ давняго времени, еще до революціи 1831 года, пуцаютъ нарочно молву, и держатъ въ подозрѣніи русскихъ мужиковъ у лядской черни, и секретно ее предостерегая, говорятъ, что будто русскіе хотятъ рѣзать ляховъ, — а сію мысль въ особенности препоручаютъ шинкарямъ, разумѣется ляхамъ, которые, подстрекая обѣ стороны и пробуя съ обѣихъ сторонъ народнаго духа, а между тѣмъ ловятъ неосторожныхъ въ разставленныя на нихъ сѣти,—и чуть кто-нибудь изъ русскихъ мужиковъ скажетъ что-либо предосудительное насчетъ ляховъ въ шуткахъ, сейчасъ даютъ до двора знать, и несчастныхъ сѣкутъ или куютъ въ кандалы и везутъ въ растворенное всегда для нихъ мѣсто рекрутское присутственное мѣсто или въ тюрьму... Среди помѣщиковъ вы найдете пришельцевъ, фигляра, даже и шута, съ своими форсами и фокусами, попались къ русскимъ помѣщикамъ, имъ открываются банки на покупку нашихъ душъ, они располагаютъ безъ отчета нашими землями, нашими личностями, посчитанными на ревизскіе листки, нашею даже кровію, основавъ свои силы на силѣ законнаго варварства, не подъ видомъ законнаго порядка вещей, выше мирныхъ и необразованныхъ коренныхъ жителей здѣшняго края и прародительской землѣ, въ узы жестокаго рабства и разнымъ иноплеменнымъ чужестранцамъ. Правительство, между нами будетъ сказано, угождаетъ постоянно ихъ даже страстямъ и любостыжанію. Что такое вообще здѣсь обѣихъ сторонъ Днѣпра народъ? когда чернь исключается

изъ числа людей, ихъ души покупаются на штуки, какъ у просвѣщенныхъ народовъ скоть; кто-жъ тутъ составляетъ высшаго сословія русскій народъ? крещенные и некрещенные ляхи, жиды и пришельцы цѣлаго свѣта. Всѣ вообще училища, Гимназіи, Лицеи, Университеты—наполнены чужестранцами, или здѣшнихъ помѣщиковъ дѣтьми; всѣ женскіе пансіоны, Институты, какъ напримѣръ въ Кіевѣ и въ Полтавѣ, наполнены ляховками, жидовками, нѣмками, француженками; правда, хлопаютъ кое-гдѣ хоть взрѣдка, по между ими и наши бывшія казачки: Хвески, Ганки, Явдохи и прочія хохлушки, переработанныя теперь на модные заграничные образцы, безбожіе и незнаніе рѣшительно никакихъ постовъ; ихъ тамъ постоянно кормятъ казеннымъ иждивеніемъ изъ нашихъ податей, вовсе безъ исключенія, въ постъ и мястницы говядиной, — и повѣрите ль вы, что еще при томъ всѣмъ кричатъ на тиранское правительство, которое страшится ихъ просвѣщенія и держитъ ихъ въ совершенной темотѣ, чуждаются публичными учебными заведеніями, когда ихъ дѣтей не принимаютъ даромъ, и говорятъ, что тамъ пастухи, а не учителя, которые грубо обращаются съ деликатными и нѣжными ихъ дѣтьми.

«У насъ въ Каменцѣ былъ Губернаторъ изъ польскихъ жидовъ, словомъ сказать во всей нашей Малороссіи заднѣпровской, мѣсто прежнихъ магнатовъ заступили жиды; пересчитайте вы всѣхъ перекрестовъ Навроцкихъ, Новицкихъ, Познанскихъ, Крижановскихъ, Добровольскихъ, Мошковицъ, Рабиновичъ, Абрамовичъ, Рафайловичъ, Нефидовичъ, Колтмановъ, Гертмановъ, Бетмановъ, Сисирмановъ, Ребегольцовъ, Ференгольцовъ, Шварцберговъ, Юшторфовъ и проч. и проч. и проч., которые только одними привилегіями польскихъ жидовъ, перекрестовъ, повыходили въ малороссійскіе помѣщики, — посчитайте вы теперь тѣхъ, которымъ польская шляхта поприписывала и продала свои клейноты, — спросите вы польскаго шляхты, пана Грохольскаго, нѣкогда бѣдняка, а теперь, какъ извѣстно цѣлому свѣту, за фраціенды шляхетскихъ клейнотовъ, потомство его владѣтъ имѣніемъ.

«Что къ намъ жалуютъ въ бары изъ цѣлаго свѣта бродяги и торгуютъ нашими душами, и подвышаютъ цѣну ихъ душъ, — взяли бъ вы въ замѣчаніе, нашъ Волуйскій Воронежской губерніи околдокъ, и можно сказать всю Воронежскую губернію: тутъ столько намножилось дворянъ, что уже скоро сравняются въ числѣ съ своими крестьянами душами, а не забудьте притомъ, что эти торгаши почти всѣ чужой а не русской породы, — все это какіе-то: Гриневичи, Гринявскіе, Навроцкіе, Яновскіе, Шабельскіе, Крижановскіе, Добровольскіе, Калиновскіе, Малиновскіе, Парадовскіе, прибавьте сюда превеликое множество прямо жидовскихъ, прикрытыхъ нѣметчиной, французовъ и разныхъ азіатцевъ, чужеплеменный и чужестранный набродъ, всѣ ладзкія пьяныя и буйныя полчища, разрушавшія нѣкогда наше отечество

и всё съ жидами чужеземцы, подъ заглавіемъ Русскихъ дворянъ, пользуясь онѣ преимуществами, торгуютъ русскими душами и владѣютъ русскими землями, какъ не знаютъ законной цѣны мужской и женской русской душѣ,—пожалуй сдѣлайся только овцою. сыщется волковъ пропасть,—спросили бы ихъ, почему плотятся ихъ множество блаженствующихъ въ Россіи чужестранцевъ: иудовская, лядская, татарская, нѣмецкая и даже цыганская душа? скажите вы жиду, который страдаетъ, какъ они говорятъ, за грѣхи свои, безъ Царя, отечества, скитаясь по чужимъ землямъ, что его душа продается. Скажите поляку, нѣмцу, какому нибудь авіатцу, даже и цыгану, о томъ, что ихъ душу имѣетъ русскій дворянинъ продать и даже часто водится, на собаку или скотину промѣнять, они вамъ просто кто бы вы ни были въ глаза наплевали; говорить старинная пословица, что на отеческомъ пашелицѣ и пѣтухъ храбрится, это развѣ бывало въ старинныя времена; теперь что другое, теперь приходятъ на наше пашелице храбриться разные Еврейны: Фидельскіе, Фонберки, Мошки,—словомъ сказать пройдохи цѣлаго свѣта, стекающіеся сюда, для порабощенія русскаго народа, на его пашелице, и никто не обращаетъ на сію ужасную нашу участь вниманія; правда, что въ пропорцію цѣлой массы народа разыгрываютъ еще кой-гдѣ помежду чужестранцами и наши коренные русскіе, хотъ изрѣдка хлопаютъ еще ушами въ нѣмецкихъ, или французскихъ своихъ неглежахъ,—и жалкіе въ своихъ толпахъ дворянскаго преимущества, барышничаютъ русскими неграми, одно-утробными своими братьями и родной матери святой Руси рѣдными дѣтьми...—Прежде, въ старину, всякъ Дворянинъ постоянно находился на службѣ и былъ полезнымъ Царю и отечеству, а теперь, стыдно даже и подумать о томъ, что теперь дѣлается,—теперь они точно какъ на театрѣ, по обстоятельству въ мирное время, пошालитъ немножко въ полку, потѣшится прапорщичьими эполетами, такъ уже и возвращается къ своимъ французскимъ негляже представлять по деревнямъ мужикамъ грозную военную фигуру; вы не повѣрите, какъ здѣсь по деревнямъ эти военные фигуры, въ своихъ негляжахъ, тиранятъ крестьянъ,—повѣрите ли тому, что изувѣченные, калѣки на деревняхъ, Христа ради по міру хлѣба просятъ, а помѣщику, иностранцу, долженъ заплатить оброку отъ своей деревняшки 50 рублей въ годъ. Говорятъ, что въ старинныя времена рѣдко встрѣчалось видѣть чужестранца русскимъ генераломъ,—а теперь рѣдкая диковина видѣть природнаго россиянина въ генеральскихъ эполетахъ,—а тѣмъ паче между ужаснымъ числомъ этого порожденія здравомыслящаго и надежнаго для Царя и отечества человѣка».

Какъ бы для иллюстраціи послѣдняго положенія Олейничукъ приводитъ слѣдующую народную сказку, представляющую весьма любопытный образчикъ народнаго творчества:

«Когда сильно могучій богатырь, правдивый Наслѣдникъ Русскаго престола, Константинъ Николаевичъ выросъ не по лѣтамъ,

а по часамъ, вотъ и просить бѣлаго Русскаго Царя: батюшка мой милый, батюшка родимый, позвольте мнѣ въ чистомъ полѣ побывать, на синемъ морѣ погулять, свою армию повидать!

«Вотъ ему бѣлый Русскій Царь отвѣчалъ: сынъ мой милый, сынъ родимый, развѣ въ моихъ бѣлокаменныхъ палатахъ, за дубовыми столами, бѣлыми скатертями, мало есть сладкаго вина и меду и всякихъ дорогихъ наѣстковъ и напитковъ; куда ты понесешь свою буйную головушку и станешь подвергаться по бѣлому свѣту разнымъ опасностямъ? Но Царевичъ своими богатырскими словами и ревностными слезами выпросился у Царя и поѣхалъ чистыми полями, синими морями въ Кронштадтъ, и когда онъ по своему богатырскому любопытству влѣвъ на высокую корабельную мачту, чтобы чрезъ подзорную трубу осмотрѣть всю свою армию, тогда поднялся на морѣ сильный вѣтеръ и свалилъ его въ море,—тогда онъ купался въ морской пучинѣ и сколько тамъ ни было генераловъ и рыцаровъ, никто не хотѣлъ вырывать Царевича, только одинъ русскій солдатъ и спасъ отъ смерти Царевича, который возвратился чистыми полями, синими морями до Петербурга; рассказавши свое приключеніе, и просить бѣлаго Царя, чтобы этого неустрашимаго солдата наградить генеральскимъ чиномъ; но Царь ему отвѣчаетъ: сынъ мой любезный, я не хочу жаловать русскаго солдата генеральскимъ чиномъ, когда онъ не изъ нѣмцевъ,—тогда Царевичъ закручинился, да призадумался и сталъ думу гадать, да думу думать, и просить опять Царя: позвольте жъ, батюшка, мнѣ еще на чистомъ полѣ погулять, на синемъ морѣ побывать и моего родного Дядюшку повидать; я здѣсь болѣе не хочу жить, ибо въ русскомъ царствѣ нѣтъ правды, а другого наслѣдника кромѣ меня,—ибо я Царскій сынъ, а Александръ только княжескій, и русская корона мнѣ принадлежитъ а не Александру, потому, что я родился тогда, когда вы были царемъ, а Александръ тогда, когда Вы были княземъ. Вотъ тутъ и поѣхалъ сильный могучій богатырь русскій царевичъ Константинъ Николаевичъ чистыми полями, синими морями, на девятое царство, въ чужое государство, отыскивать родного дядюшку, Константина Павловича».

III.

Чиновникъ особыхъ порученій Сивицкій быстро исполнилъ порученіе, возложенное на него генераль-губернаторомъ. 29 октября онъ снялъ допросъ съ Олейничука, а 5 ноября онъ уже представилъ рапортъ, въ которомъ изложилъ всѣ полученные имъ свѣдѣнія о личности Олейничука и далъ характеристику его сочиненія, основываясь въ ней не столько на изученіи рукописи, сколько на показаніи о ней самого автора. По мнѣнію чиновника Сивицкаго, преступныя мысли были высказаны авторомъ по слѣдующимъ поводамъ: «Олейничукъ выражается, что дворяне торгуютъ крестъ янами, и въ этомъ случаѣ у него прорывается

много мыслей, противныхъ настоящему порядку вещей и даже могущихъ вредно дѣйствовать на понятіе народа». Докладъ чиновника заканчивался слѣдующей сентенціей:

«При всѣхъ убѣжденіяхъ и увѣщеніяхъ моихъ сознавать истину, при распросахъ и передопросахъ Олейничука,—онъ говорить, что кромѣ того, что теперь объ немъ раскрыто и въ чемъ самъ онъ обличается, въ другихъ предосудительныхъ поступкахъ не участвовалъ и ни съ какими зловерными и подозрительными людьми связей не имѣлъ; отысканныя же при немъ деньги, въ количествѣ 301 р. сер., изъ которыхъ начальствомъ Черниговской губерніи употреблено на посылку эстафеты, при задержаніи его, а также на отправку его съ нарочнымъ въ Киевъ и проч. 29 р. 56 к. сер.—собраны имъ въ разное время, какъ самъ объясняетъ, испрашивая лицемѣрно для себя милостыни».

Казалось бы, послѣ такого заключенія слѣдователя Олейничукъ подлежалъ освобожденію. Онъ, правда, имѣлъ вредныя мысли, но слѣдствіе не могло выставить ни одного факта, доказывающаго, что онъ распространялъ эти мысли. Дѣло обернулось для Олейничука совершенно неожиданнымъ образомъ.

10 ноября 1849 года кievскій военный подольскій и волыньскій генералъ-губернаторъ Бибииковъ донесъ о Семенѣ Олейничукѣ шефу жандармовъ графу А. Ф. Орлову. Изложивъ вкратцѣ собранныя его чиновникомъ свѣдѣнія объ Олейничукѣ, Бибииковъ снабдилъ слѣдующимъ заключеніемъ. «Долгомъ поставляю довести о семъ до свѣдѣнія Вашего Сіятельства и представляя на благоусмотрѣніе списокъ съ подробнаго донесенія ко мнѣ по этому предмету, а также выписку изъ означеннаго сочиненія Олейничука, съ подлиннымъ показаніемъ его,—имѣю честь присовокупить: 1) что какъ челоуѣкъ этотъ обнаруживаетъ много мыслей, противныхъ настоящему порядку вещей,—могущихъ, при его отношеніяхъ съ простымъ народомъ, вредно дѣйствовать на умы, особенно при устройствѣ нынѣ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ здѣшняго края по Высочайше утвержденнымъ инвентарнымъ правиламъ порядка, то было-бъ полезно выслать его навсегда въ одну изъ отдаленныхъ губерній, и подвергнуть такому содержанію, чтобы онъ вовсе не имѣлъ никакихъ отношеній съ крестьянами; и 2) что впредь до разрѣшенія Вашего Сіятельства, онъ, по распоряженію моему, содержится подъ стражею въ кievской крѣпости».

21 ноября 1849 года донесеніе Бибиикова было получено въ Петербургѣ. Графъ Орловъ, ознакомившись съ донесеніемъ, приказалъ заготовить всеподданнѣйшій докладъ, «выписавъ для этой цѣли главныя черты». Заключеніе Бибиикова его не удовлетворяло: пребываніе Олейничука въ католическихъ монастыряхъ внушало ему опасеніе, что Олейничукъ можетъ быть опасенъ и какъ религіозный пропагандистъ. Поэтому, его заключеніе не сошло съ заключеніемъ Бибиикова.

Всеподданнѣйшій докладъ былъ готовъ уже 25 ноября, т. е.

черезъ четыре дня по полученіи дѣла въ Петербургѣ. Закончился онъ слѣдующимъ образомъ: «Всепоподданнѣйше представляя сіе на Высочайшее усмотрѣніе В. И. Величества, я осмѣливаюсь присовокупить, что по моему мнѣнію необходимо заключить Олейничука въ Соловецкій монастырь потому, что онъ съ своимъ образомъ мыслей и съ понятіями, заимствованными въ латинскихъ монастыряхъ, можетъ быть вездѣ вреденъ, преимущественно для низшаго класса людей, съ которыми онъ неминуемо долженъ быть въ сношеніяхъ».

Такимъ образомъ во второй инстанціи кара Олейничука была значительно усугублена. Вина его не была квалифицирована; впрочемъ это трудно было бы и сдѣлать, такъ какъ вины вовсе и не было, но она могла быть въ будущемъ. Олейничука карали не за то, что онъ сдѣлалъ, а за то, что онъ могъ бы сдѣлать. Передъ Бибиковымъ и Орловымъ стоялъ вопросъ, какъ сдѣлать такъ, чтобы лишить Олейничука всякой возможности воздѣйствія словами. Оставалось еще одна инстанція—Высочайшая воля. На этотъ разъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, царь оказался гораздо предусмотрительнѣе и гораздо суровѣе, чѣмъ его помощники. Высочайшая воля послѣдовала 25 ноября 1849 года. «Высочайше повелѣлъ посадить Олейничука въ Шлиссельбургскую крѣпость»—такова надпись гр. Орлова на подлинномъ докладѣ.

26 ноября на усмотрѣніе г.-л. Дубельта была представлена слѣдующая справка: «въ Высочайше утвержденной въ іюнѣ 1849 г. инструкціи коменданту Шлиссельбургской крѣпости, между прочимъ сказано, что о каждомъ арестантѣ, отправляемомъ для заключенія въ крѣпость, онъ будетъ получать особую инструкцію изъ III Отдѣленія, съ указаніемъ, гдѣ именно, т. е. въ секретномъ ли замкѣ или въ другихъ крѣпостныхъ казематахъ арестантъ долженъ быть заключенъ, и въ какой степени можетъ быть оказываемо ему со стороны коменданта снисхожденіе». Дубельтъ положилъ слѣдующую резолюцію: «въ секретный замокъ и недопускать никакихъ и ни съ кѣмъ сношеній».

Затѣмъ по Отдѣленію пошли отписки. 28 ноября сообщили о Высочайшей волѣ Бибикову и коменданту Шлиссельбургской крѣпости Троцкому. Бибикову предложили подъ строжайшимъ присмотромъ препроводить Олейничука прямо въ крѣпость, а Троцкому—принять его и содержать согласно указаніямъ III Отдѣленія. 29 ноября дополнительно сообщили Бибикову о томъ, чтобы Олейничука отправили въ кандалахъ съ двумя жандармами, Троцкому—о томъ, чтобы онъ по прибытіи Олейничука распорядился снять съ него кандалы и по принадлежности передать ихъ жандармамъ, которые его будутъ сопровождать. 7 декабря Бибиковъ увѣдомилъ о послѣдовавшихъ съ его стороны распоряженіяхъ, а 17 декабря Троцкій рапортовалъ, что Олейничуку въ вѣренную ему крѣпость доставленъ и заключенъ въ секретномъ замкѣ подъ № 11.

23 декабря 1849 года Бибииковъ спрашивалъ III Отдѣленіе, какъ поступить съ оставшимися послѣ Олейничука деньгами (268 руб. 65 коп. сер.) и рукописью его сочиненія. «Рукопись къ намъ, а деньги въ крѣпость»—послѣдовала резолюція Дубельта. Тогда же она была приведена въ исполненіе.

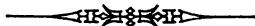
Это были послѣднія свѣдѣнія, касавшіяся Олейничука. Съ этихъ поръ «дѣло» его точно кануло въ воду, самое имя его было окружено могильнымъ молчаніемъ. Оно было нарушено лишь въ іюль 1852 года. 27 іюля этого года комендатель Шлиссельбургской крѣпости рапортовалъ графу А. Ѳ. Орлову:

«Содержавшійся во ввѣренной мнѣ крѣпости вольноотпущенный крестьянинъ Семенъ Олейничукъ, отъ долговременной болѣзни, сего числа волею Божіею помре; о чемъ ¹⁾ *почтительнѣйше Вашему Сіятельству* сямъ честь имѣю донести».

1 августа Николаю Павловичу былъ поднесенъ докладъ о смерти Олейничука со справкой о томъ, что заключенъ онъ былъ въ крѣпость по Высочайшему Его Величества повелѣнію.

«Подлинный (докладъ) Его Величество изволилъ читать. 1 августа 1852 года».

П. Е. Щеголевъ.

¹⁾ Рапортъ написанъ рукою писаря, но имя и фамилія „Семенъ Олейничукъ“ означены собственноручно комендантомъ.

Дѣло Н. Г. Чернышевскаго.

(По неизданнымъ источникамъ)

(Продолженіе).

V.

Итакъ, 7 марта комиссія узнала, что, наконецъ то, III Отдѣленіемъ найденъ путь къ вѣрному обвиненію Чернышевскаго по любому числу преступленій. Въ этотъ же день она получила письмо Н. Г. къ коменданту Сорокину... Очевидно каждому, какъ она могла реагировать теперь на подобный документъ...

9-го Потаповъ прислалъ въ комиссію нѣсколько листовъ рукописи перевода Гервинуса. Значитъ, Чернышевскій работалъ, несмотря на все больше обострившіяся отношенія съ своими обвинителями.

10-го, въ день вѣзда въ Петербургъ Костомарова, ничего еще не подозрѣвавшій Н. Г. писалъ Сорокину: «Я не понимаю, Ваше Превосходительство, чего добиваются господа, упорствующіе не отвѣчать мнѣ. Чего они хотятъ? Прошу ихъ бросить шалить,—извольте взглянуть на подчеркнутыя мною строки письма моей жены отъ 8 марта. Вы видите, что здоровье бѣдной женщины разстраивается съ каждымъ днемъ отъ каприза какихъ-то шалуновъ. Прошу ихъ отвѣчать мнѣ, чтобы не отвѣчать передъ правительствомъ, которое раньше или позже пойметъ, какую плохую шутку играютъ надъ нимъ эти шалуны. Что это за мальчишество въ людяхъ, которымъ правительство поручаетъ важныя обязанности. Съ истиннымъ уваженіемъ имѣю честь быть Вашего Превосходительства покорнѣйшимъ слугою *Н. Чернышевскій*. P. S. Шутя, по своей обыкновенной догадливости, шалуны опять вздумаютъ задерживать письма моей жены и мои, какъ столько разъ принимались дѣлать—не совѣтую имъ дѣлать этого».

Но теперь комиссія уже не намѣрена была спускать Чернышевскому все, что онъ прямо или косвенно писалъ по ея адресу. Теперь она хорошо понимала, что съ помощью Потапова сумѣетъ отомстить дерзкому арестанту за всѣ его издѣвательства и оскорбленія... На слѣдующій же день было положено просить комен-

данта крѣпости «сдѣлать Чернышевскому строгій выговоръ за неумѣстныя и неприличныя выраженія, употребленныя въ запискѣ, со внушеніемъ при томъ, что если онъ и на будущее время позволить себѣ неумѣстныя выраженія, то ему будетъ воспрещена всякая вообще переписка».

Когда комендантъ объявилъ письменно этотъ выговоръ, Чернышевскій написалъ на той же бумагѣ:

«Тѣ выраженія, на которыя комиссія выражаетъ свое неудовольствіе, употреблены были мною не по какому-нибудь желанію выражаться грубо,—этой наклонности нѣтъ въ моемъ характерѣ; но это было нужно, чтобъ доказать, что я слишкомъ твердо знаю свою правоту, и что я очень хорошо понимаю отношенія, которыя, по винѣ неизвѣстныхъ мнѣ лицъ, имѣютъ такое тяжелое вліяніе на мою судьбу и—я имѣю право просить вниманія къ этимъ слѣдующимъ моимъ словамъ,—вводятъ правительство въ продленіе напрасной несправедливости. Что касается до рѣшенія комиссія сдѣлать мнѣ строгій выговоръ, то, не имѣя подъ руками свода законовъ, я не могу знать, имѣетъ ли она на это право,—если имѣетъ, то я не имѣю противъ этого ничего сказать, кромѣ того, что одними выговорами не должно ограничиваться, а слѣдуетъ вникать въ сущность дѣла и удовлетворять справедливымъ требованіямъ.—Что касается до угрозы воспретить мнѣ вообще переписку, то мнѣ кажется, что въ письмахъ моихъ жентѣ и къ г. А. Пыпину (моему родственнику) очень давно не было ничего, дающаго основаніе для такой угрозы,—я въ этихъ письмахъ не выражалъ ровно никакихъ чувствъ или мнѣній оскорбительныхъ для комиссія и, кажется, можно изъ этого видѣть, что я хорошо понимаю разницу между официальными записками, въ которыхъ высказываюсь прямо и вполне, и моею частною перепиской, въ которой я соблюдаю канцелярскую тайну. Но важнѣе всѣхъ этихъ моихъ замѣчаній, имѣющихъ только формальное, — неинтересующее меня—значеніе будетъ слѣдующее мое желаніе: пусть же, наконецъ, сдѣлаютъ по моему дѣлу то, что обязаны сдѣлать по закону и по совѣсти—пусть же, наконецъ, прекратятъ несправедливость, тяжелую для меня, не приносящую ничего полезнаго правительству,—пусть вспомнятъ, что я испытывалъ всѣ пути для этого: пять мѣсяцевъ терпѣлъ молча, потомъ просилъ (въ письмахъ 20—22 ноября), наконецъ вотъ уже три мѣсяца дѣйствовалъ возбужденіемъ самолюбія, обидчивости,—и все было до сихъ поръ напрасно. Неужели же въ самомъ дѣлѣ никакъ и ничѣмъ не можетъ добиться у насъ человѣкъ, чтобы ему оказана была справедливость. Отставной титул. совѣтникъ *Н. Чернышевскій*. 13 марта 1863. P. S. Можетъ, для формы нужно прибавить и потому прибавляю: это отношеніе за № 61-мъ читалъ отстав. титул. совѣт. *Н. Чернышевскій*».

13-го съ Костомарова былъ снятъ первый допросъ.

Онъ показаль, что воспитывался въ Московскомъ дворянскомъ институтѣ, а потомъ въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ,

не кончивъ которое, поступилъ юнкеромъ въ Малороссійскій кирасирскій полкъ, а потомъ въ 1856 г. былъ произведенъ корнетомъ въ Смоленскій уланскій. Въ 1860 г. вышелъ въ отставку по домашнимъ обстоятельствамъ. Мать, отца и двухъ сестеръ содержитъ на свой литературный заработокъ ¹⁾. Жилъ въ Москвѣ, но часто прѣзжалъ въ Петербургъ.

Чина и аванія Соколова, которому адресовалъ письмо изъ Тулы, не знаетъ, какъ и тогдашняго его адреса. Познакомился съ нимъ въ 1851 г., по рекомендаціи одного изъ своихъ учителей, и бралъ у него уроки греческаго и санскритскаго языковъ. Одно время былъ съ нимъ очень близокъ и неразлученъ. Въ 1859 г. они встрѣтились въ Парижѣ, гдѣ Соколовъ жилъ въ качествѣ гувернера въ какомъ-то русскомъ семействѣ. Писалъ ему туда до августа 1861 г., а потомъ ничего о немъ не слышалъ до декабря 1862 г. Въ это время Соколовъ посѣтилъ его ужъ въ Суцешской части, въ Москвѣ, гдѣ Костомаровъ, въ ожиданіи приговора, и обѣщалъ, де, ему рассказать всю истинную подкладку своего дѣла.

Письмо свое онъ писалъ вовсе не для того, чтобы свалить вину на Чернышевскаго и Шелгунова. «Скрывъ отъ правительства настоящихъ виновниковъ преступленія, я совершенно сознаю всю виновность свою передъ закономъ и поэтому я прошу комиссію въ настоящемъ отказѣ моемъ «представить доказательства на все написанное мною въ письмѣ къ Н. И. Соколову», видѣть не желаніе остаться при своемъ прежнемъ образѣ дѣйствій, а только финансовую невозможность доказывать такія вещи, которыя большею частью происходили съ глазу на глазъ между мною и обвиняемыми мною людьми или совершались въ присутствіи такихъ людей, фамиліи которыхъ были мнѣ или совершенно неизвѣстны, или въ настоящее время мною забыты. Если же изъ какихъ бы то ни было источниковъ комиссія найдетъ какое-нибудь стороннее подтвержденіе словамъ моимъ, то и я, съ своей стороны, извѣляю полную готовность подтвердить ихъ даже, если нужно, подъ присягой».

Сколько къ этомъ тонкости и знанія обстоятельствъ...

Знакомство его съ Михайловымъ было чисто литературное. «Что же касается до моего выраженія, что *«мы пошли съ нимъ съ разныхъ сторонъ»*, то я теперь повторю то же, что писалъ въ письмѣ Соколову, т. е. что «говорить объ этомъ нечего...» особенно послѣ настоящаго приключенія съ этимъ письмомъ (sic!). Впрочемъ, пусть лучше первый камень въ меня будетъ брошенъ самимъ

¹⁾ Курьезно, что когда Костомаровъ увидѣлъ сильную пережѣну въ отношеніи къ себѣ въ литературномъ мірѣ, онъ сталъ присылать свои стихотворенія и статьи, подписываемыя разнообразными и всегда новыми псевдонимами, со всевозможными пріятелями, которые и называли себя авторами. Потомъ это было обнаружено, и постепенно печатать его уже никто не сталъ, кромѣ грязныхъ задворковъ. Любопытно также, что принятый въ «Русскій Вѣстникъ», онъ напечаталъ свой «Сонъ Евгенія Арама», какъ разъ рядомъ съ гнусной «Замѣткой для издателя Колокола» Каткова.

мною, а не другими. Вотъ въ чемъ въ настоящее время мы *не сходимся* съ Михайловымъ: Михайловъ до конца остался вѣренъ своимъ убѣжденіямъ и своимъ друзьямъ, а я сдѣлался врагомъ тѣхъ, которые называли меня своимъ другомъ, и навсегда отказался отъ того, на что когда-то смотрѣлъ, какъ на лучшую цѣль моей жизни... не потому, чтобы я струсилъ передъ опасностями этого пути, не потому, чтобы меня соблазнили пріятности другой дороги, болѣе торной,—а только потому, что я имѣлъ несчастье убѣдиться вполне, что мы сѣяли на совершенно бесплодную почву. Михайловъ *до конца* вынесетъ на себѣ, вмѣстѣ съ своимъ грѣхомъ грѣхъ другихъ; а и въ своемъ-то грѣхѣ онъ признался только изъ состраданія ко мнѣ; а я, хотя и совершенно невольно, являюсь безъ всякой надобности обвинителемъ другихъ». «Михайлову будутъ всѣ сочувствовать—сознается Костомаровъ,—а меня отвергнуть *вст*». И разумѣется, былъ вполне правъ...

Когда Михайловъ везъ его къ Чернышевскому, то сказалъ, что тамъ они переговаряютъ съ хозяиномъ о прокламаціи къ крестьянамъ. «Что воззваніе къ барскимъ крестьянамъ сочинено Чернышевскимъ,—говорилъ мнѣ и самъ авторъ, говорилъ и Михайловъ». Кто былъ тогда у Н. Г.—онъ не помнилъ уже. «Почеркъ прокламаціи мнѣ былъ незнакомъ».

Свидѣтелей при передачѣ ему Михайловымъ разговора его съ Чернышевскимъ по поводу необходимыхъ измѣненій въ прокламаціи не было.

Когда Костомарову предъявили рукопись этой прокламаціи, онъ показалъ: «Это не та рукопись, которую читалъ Чернышевскій въ первое наше свиданіе, это уже окончательная редакция манифеста, сдѣланная Чернышевскимъ, вслѣдствіе моихъ убѣжденій, и переданная г. Чернышевскимъ Сорокѣ. Переписано оно Михайловымъ»¹⁾.

Съ Шелгуновымъ познакомился у Михайлова, жившаго тогда у него.

«О знакомствѣ моемъ съ Михайловымъ Сороко зналъ, а о воззваніи написанномъ Чернышевскомъ, а равно и о самомъ Чернышевскомъ, разговора у насъ не было».

Сороко самъ ему разсказалъ, какъ былъ у Чернышевскаго и получилъ отъ него воззваніе и деньги на печатаніе. «Относительно *доказательствъ* повторяю: что не имѣю ихъ да и вообще не считаю возможнымъ представлять какія-нибудь доказательства на то, что говорится въ дружескомъ, частномъ письмѣ, а не писалось для судебного показанія...»

«Мы втроемъ (т. е. Костомаровъ, Михайловъ и Шелгуновъ—*М. Л.*) разсуждали о манифестѣ къ крестьянамъ (на другой день моего перваго визита къ Чернышевскому) и потомъ всѣ трое принимались за составленіе воззванія къ солдатамъ. Шелгунову, какъ человѣку въ солдатскомъ дѣлѣ болѣе насъ компетентному, мы

¹⁾ Прокламацію эту я приведу дальше.

предоставили только формулированіе общей идеи. Развитіе этой идеи, примѣненіе ее къ венгерцамъ и полякамъ, наконецъ, тонъ всего посланія—неотъемлемо принадлежать одному Шелгунову. Рукопись его я получилъ отъ Шелгунова изъ рукъ въ руки при Михайловѣ». Писаль Шелгуновъ измѣненнымъ почеркомъ, поправилъ потомъ Михайловъ.

Солдаты, бывшихъ съ Шелгуновымъ въ трактирѣ, не знаетъ ни по полку, ни по фамиліямъ, но могъ бы узнать, пожалуй, въ лицо. Харчевню тоже, вѣроятно, нашель бы.

Привезя въ Москву прокламацію къ солдатамъ, Костомаровъ пряталъ ее въ столъ, откуда она была украдена братомъ его Николаемъ и представлена имъ въ III Отдѣленіе.

Воззваніе къ раскольниковамъ писалось въ Петербургѣ, въ Знаменской гостиницѣ, весною 1861 г., разумѣется безъ свидѣтелей, по крайней мѣрѣ, замѣтныхъ. Костомаровъ и потомъ никому никогда не показывалъ этой рукописной прокламаціи.

«Котораго мѣсяца и числа пріѣзжалъ Чернышевскій въ Москву во время печатанія воззванія, не помню. Гдѣ онъ останавливался, сколько времени прожилъ, не знаю. Я къ нему не ходилъ, Чернышевскій бывалъ у меня всегда одинъ, и у меня никого не встрѣчалъ».

На вопросъ комиссіи, что это за литературная дѣятельность Чернышевскаго, о которой Костомаровъ хотѣлъ еще написать Соколову особо,—онъ отвѣчалъ: «ни мое здоровье, ни мое положеніе не позволяютъ мнѣ принять на себя такой обширный и такой щекотливый трудъ». «Я убѣдительнѣйше прошу комиссію обратить вниманіе на то, что въ письмѣ къ Соколову я высказывалъ только свой *личный* взглядъ на литературную дѣятельность Чернышевскаго (какъ публициста) и его школы (или кружка, какъ я неосторожно выразился въ письмѣ къ моему пріятелю, передъ которымъ, разумѣется, я не старался быть слишкомъ разборчивымъ и осмотрительнымъ въ выраженіяхъ); и я нисколько не намѣренъ упорно отстаивать непогрѣшимость моего мѣнія, а напротивъ, всегда готовъ согласиться съ тѣми, кто убѣдитъ меня въ противномъ...»

Бездна благородства и... подлости...

Что касается замѣчанія въ письмѣ къ Соколову о средствахъ «связать Чернышевскаго», то Костомаровъ показалъ: «Въ рукахъ комиссіи, вѣроятно, уже находится записка Чернышевскаго, отнятая у меня, въ числѣ нѣсколькихъ другихъ писемъ, сопровождавшимъ меня на Кавказъ капитаномъ Чулковымъ. Я полагаю (можетъ быть, я и ошибаюсь, не знаю), что этой записки, еслили я представилъ ее въ комиссію (1-ю), было бы совершенно достаточно, чтобы сложить съ меня всякое обвиненіе въ *составленіи* воззванія къ барскимъ крестьянамъ».

На слѣдующій день Костомарова допросили о кое-какихъ мелочахъ. Такъ, кто нанималъ номеръ въ Знаменской гостиницѣ?—«Чернышевскій». Какъ Яковлевъ могъ слышать ихъ бесѣду?—«не

понимаю». Кого считалъ онъ жертвами науськиванія Чернышевскаго?—«прежде всего самого себя, а потомъ всѣхъ тѣхъ молодыхъ людей (лично мнѣ неизвѣстныхъ), которые агитировали, какъ мнѣ кажется, подъ вліяніемъ Чернышевскаго». Какъ онъ получилъ карандашную записку?—Чернышевскій заѣхалъ къ нему, но не засталъ дома и написалъ на первомъ попавшемся клочкѣ бумаги, оставивъ записку на столѣ.

Достаточно прочесть всѣ эти показанія, чтобы понять окончательно, съ кѣмъ имѣете дѣло. Ясно было, что Костомаровъ не постоитъ ни за чѣмъ и продастъ все на свѣтѣ, лишь бы исполнить обѣщанное Потапову...

VI.

Наканунѣ перваго допроса Костомарова Чернышевскій послалъ коменданту сразу три записки.

Первая:

«Ваше Превосходительство, будучи очень благодаренъ Вамъ за Ваши прежнія хлопоты обо мнѣ, я теперь утруждаю Васъ новыми,—извините, но чтожъ дѣлать, когда шалуны доводятъ до этого?

«Я думалъ написать раньше двѣ записки, которыя прошу Васъ представить по начальству,—(не въ комиссію, потому что этотъ безтелковый омутъ совершенно глупъ и имѣть съ нимъ дѣло значитъ только терять время,—нѣтъ, не въ комиссію, которая вѣдь и не начальство Вамъ, а прямо по начальству),—но я въ эти дни былъ нѣсколько нездоровъ; болѣзнь была ничтожная, конечно, не имѣвшая вліянія на настроеніе моихъ мыслей, но, всетаки, могли бы сказать: онъ писалъ это въ болѣзненномъ раздраженіи. Я ничего не дѣлаю иначе, какъ по зрѣлому расчету, и въ особенности никогда ничего важнаго не дѣлаю безъ расчета. Потому я отправляю только нынѣ записки, которыя если бы не было у меня рѣдкаго терпѣнія, отправилъ бы еще въ прошлый вторникъ. Вчера былъ у меня докторъ и сказалъ, что моя болѣзнь совершенно прошла. Значить можно и не говорить о болѣзненномъ раздраженіи.

«Первая записка, гдѣ я говорю о себѣ въ первомъ лицѣ, имѣетъ только полуофициальную форму, и это потому, что иначе она вышла бы длинна. Если Вы найдете, что 6-й пунктъ ея имѣетъ видъ излишней угрозы, я предоставляю Вамъ право вычеркнуть его: Вамъ виднѣе, нужно ли повторять то, что я рѣшительно не хочу оставаться долго и не останусь въ настоящемъ моемъ положеніи—здоровье жены погибло бы все равно, а въ такомъ случаѣ мнѣ непріятно было оставаться гдѣ бы то ни было,—такъ или иначе, я буду свободенъ очень скоро ¹⁾; но если на-

¹⁾ Намекъ на смерть.

помянуть объ этомъ лишнее, если въ этомъ достаточно убѣждены, то конечно не къ чему грозить лишній разъ.

«Во всякомъ случаѣ смѣю увѣрить Васъ въ двухъ вещахъ: 1) я не буду ничего особеннаго дѣлать, не предупредивши Васъ, чтобы Вы могли заранѣе сложить съ себя отвѣтственность, 2) я не намѣренъ повторять того, что дѣлалъ однажды, потому что повтореніе скучно 1).

«Правила, которыя Вы обязаны соблюдать, такъ дики, что, кажется, нѣтъ средства избавить Васъ отъ труда лично навѣстить меня, чтобы я могъ узнать о ходѣ дѣла,—извините, что я обрежаю Васъ этимъ, но это единственное средство отклонить недоразумѣнія, конечно, неприятныя для Васъ, какія было произошли однажды. На то, чтобы Вамъ имѣть случай для доклада и полученія отвѣта, я полагаю, достаточно будетъ, если я подожду три-четыре дня. Но Вы согласитесь, что нужно же знать потомъ, что намѣрены дѣлать, и слѣдуетъ ли ждать дальше.

«Я человекъ очень мягкій, всегда любящій извиняться; потому прошу у Васъ извиненія въ томъ, что обременяю Васъ своими просьбами. Я очень цѣню Вашу добрую волю и очень радъ былъ бы жить смиренно, какъ жилъ прежде, не дѣлая Вамъ хлопотъ. Но обстоятельства принуждаютъ меня и потому не будьте въ претензіи на мою видимую безпокойность,—спросите прислугу,—я точно также спокоенъ и отчасти веселъ, какъ всегда. Съ истиннымъ уваженіемъ имѣю честь быть Вашего Превосходительства покорнѣйшимъ слугою *Н. Чернышевскій*.

«P. S. Это мое письмо, конечно, ужъ совершенно неофициальное, оно имѣетъ единственною цѣлью только показать, собственно Вамъ, что Вамъ я очень благодаренъ и на Васъ нисколько не претендую, а напротивъ отчасти совѣщусь передъ Вами, что надоѣдаю Вамъ вещами, которыя могутъ казаться Вамъ странными, но въ самомъ дѣлѣ нисколько не странны».

Вторая:

«Ваше Превосходительство. Я хотѣлъ писать Его Свѣтлости длинную записку, но разсудилъ, что она именно своею длиннотою могла бы затянуть развязку. Потому я предпочитаю просить Васъ при докладѣ Его Свѣтлости прилагаемой моей записки къ Вамъ, сообщить изустно Его Свѣтлости изъ сообщавшихся мною Вамъ моихъ мыслей, какія понадобятся по ходу Вашего разговора; изъ нихъ я осмѣливаюсь напомнить Вамъ тѣ, которыя, можетъ быть, важнѣе другихъ, и прибавить еще двѣ-три замѣтки, которыхъ я не сообщалъ Вамъ, потому что еще не видѣлся съ Вами послѣ того, какъ онѣ сдѣланы мною 23 февраля.

«1) Съ первого же раза я говорилъ Вамъ, что меня арестовали по какимъ нибудь пустымъ сплетнямъ; что тотчасъ по моему арестованіи лица, виновныя въ немъ, убѣдились, что слишкомъ сильно промахнулись своими сплетнями, и просто боятся

1) Очевидно, рѣчь идетъ о голодовкѣ.

сказать правительству, что ввели его въ ошибку; что поэтому они дѣлають дѣло только съ тою цѣлью, чтобы самимъ выпутаться изъ него, заглушивъ его длиннотою времени (я писалъ это однажды съ тою цѣлью, чтобъ комиссія прочла и увидѣла, что не смѣетъ потребовать у меня отказа отъ такого дурного для нея утверждения моего, и чтобы въ моемъ дѣлѣ остался документъ объ этомъ).

«2) Вообще я дѣлалъ все возможное, чтобы возбудить комиссію вызвать меня для объясненій, для сдѣланія мнѣ замѣчаній,—съ этою цѣлью, я нѣсколько разъ писалъ рѣзкія дерзости—это вовсе не въ моемъ характерѣ, но это было нужно, чтобы доказать ей, что она боится или совѣстится взглянуть мнѣ въ лицо. И, дѣйствительно, она уличила себя въ этомъ. Вы сами были свидѣтель, что отъ одного воспоминанія о моихъ рѣзкостяхъ корчились и теряли хладнокровіе,—значить, чувствовали ихъ; а вызывать для требованія отвѣта или для отреченія отъ нихъ, всетаки, не посмѣли ни разу. Комиссія можетъ объяснять такую ангельскую свою терпѣливость какими ей угодно причинами—пренебреженіемъ, снисхожденіемъ, но, конечно, никто изъ людей съ здравымъ смысломъ не повѣритъ возможности другого мотива, кромѣ того, который привожу я.

«3) Вѣрность этого моего объясненія терпѣливости комиссіи къ обидамъ отъ меня совершенно подтвердилась тѣмъ, что я видѣлъ во время разговора моего 23 февраля съ членами комиссіи: я началъ говорить, по своей привычкѣ, легко и шутя, любезно,—и лица членовъ приняли и сохранили во все время разговора выраженіе, говорившее: «Ну, слава Богу, какъ легко мы отъ него отдѣлываемся»; они могутъ признаваться или не признаваться въ этомъ, какъ имъ угодно,—но вѣдь я былъ въ очкахъ и потому видѣлъ выраженіе ихъ лицъ.

«4) Я официально заявилъ въ комиссіи при первомъ (и единственномъ) моемъ допросѣ, что по окончаніи моего дѣла я подамъ жалобу на дѣйствія комиссіи.

«5) Прежде, чѣмъ въ эти послѣдніе дни я сталъ писать Вамъ записки съ дерзкими выраженіями о комиссіи (Вы теперь знаете цѣль этихъ рѣзкостей—заставить комиссію уличать себя саму въ томъ, что совѣстится или труситъ видѣть меня)—я два раза писалъ мягкія, формально-мирныя просьбы о разрѣшеніи мнѣ новыхъ свиданій съ моею женою.

«6) Да вообще я всегда начинаю мягко и мирно, желая избѣжать скандала; только вынуждаемый крайностью, я прибѣгаю къ другимъ средствамъ; но въ этихъ другихъ средствахъ я съ каждымъ новымъ разомъ шельзъ дальше и дальше. Теперь, у меня въ запасѣ остается только одно изъ этихъ тяжелыхъ для меня средствъ,—не то, которое было употреблено мною въ концѣ января и началѣ февраля,—нѣтъ, повтореніе было бы скучно;—этого послѣдняго моего средства я вовсе не желаю употреблять,—думаю, что мнѣ не придется употреблять его; но Вы согласитесь,

что я не сталъ бы писать такъ, какъ пишу, если бы не зналъ, что я ни отъ кого не въ зависимости, если такъ понадобится. Пожалуй, вычеркните эти строки, чтобы не было вида угрозы. Но неужели эти глупцы до сихъ поръ не поймутъ, что со мною шутить—вещь рискованная? (NB. Обыска не стоитъ производить,—у меня нѣтъ ни ядовъ, ни кинжаловъ, никакихъ подобныхъ штукъ,—я до нихъ вообще не охотникъ). Повторяю: я вовсе не угрожаю, я только говорю, что я дѣйствую по расчету,—если я горячусь, я горячусь по расчету; если я терплю, я терплю до рассчитаннаго срока. Если кому кажется, что я дѣйствую во увлеченію, то я на это замѣчу, что всѣ называютъ меня человекомъ умнымъ, слѣдовательно, очень можетъ быть, что я поступаю не безъ нѣкотораго соображенія...

«7) Если бы стали говорить, что свиданія мои съ женою мою не допускались въ видахъ соблюденія знаменитой нашей канцелярской тайны (которая у насъ вовсе не соблюдается лицами, которыми должна охраняться,—напримѣръ, за двѣ недѣли до моего ареста мнѣ сдѣланъ былъ очень явный намекъ,—конечно, вовсе незамѣченный лицомъ, дѣлавшимъ его и думавшимъ, что дурачить меня, тогда какъ я издѣвался надъ нимъ,—намекъ вовсе не произвольный со стороны этого лица, но очень понятный для меня,—что меня хотятъ арестовать; я пренебрегъ этимъ, думая: нѣтъ, вы не посмѣете такъ компрометировать правительство,—кто это лицо, вы можете догадаться, я Вамъ говорилъ о немъ нѣсколько разъ, какъ о болтунѣ¹⁾—если бы стали говорить, что мои свиданія съ женою не допускали въ видахъ соблюденія канцелярской тайны, это пустяки: во 1-хъ, мнѣ не о чемъ спрашивать, потому что противъ меня нѣтъ обвиненій, во 2-хъ, у меня нѣтъ нужды рассказывать чтонибудь для того, чтобы узнали это въ городѣ,—разбалтываніе дѣлается (очень давно) лицами, которые были бы обязаны молчать по долгу службы. Я, напримѣръ, былъ довольно пріятно изумленъ, когда прежде, чѣмъ успѣлъ вымолвить хоть одно слово женѣ, услышалъ отъ нея вопросъ: «зачѣмъ тебя держать? вѣдь противъ тебя нѣтъ никакихъ обвиненій». «Да ты почему жъ это знаешь?»—спросилъ я ее. «Да какже, вѣдь это давно всѣмъ извѣстно, объ этомъ такъ давно говорили, что ужъ и говорить устали». Вотъ вамъ канцелярская тайна! Это курамъ на смѣхъ.

«8) Собственно для меня рѣшительно все равно, сидѣть ли въ заключеніи или въ своемъ кабинетѣ. Но мнѣ необходимо скорое освобожденіе потому, что здоровье моей жены требуетъ этого.

«9) Въ моемъ дѣлѣ, кромѣ общей несправедливости, есть много частныхъ очень неблагоприятныхъ. Назову двѣ изъ нихъ: во 1-хъ, пропажа золотого кольца во время второго обыска, дѣлавшагося безъ меня. Кольцо лежало въ запертой шкатулкѣ; шкатулка стояла въ комнатѣ, запечатанной при первомъ обыскѣ—какова эта

¹⁾ Должно быть рѣчь идетъ объ А. Л. Потаповѣ.

штука? А вотъ какова эта, во 2-хъ: моей женѣ долго не выдавали вида на проживаніе въ Петербургѣ, чтобъ вытѣснить ее полицейскими придирками изъ Петербурга,—а вѣдь она не только для свиданій со мной пріѣхала, ей приказали ѣхать въ Петербургъ медико, это было необходимо для лѣченія. Однажды Вы сказали мнѣ, что невыдаваніе вида ей могло быть слѣдствіемъ ошибки или недоразумѣнія—нѣтъ, у меня есть доказательство противнаго, доказательство того, что это было дѣлано съ умысломъ. Такихъ милыхъ вещей я могу подобрать не одинъ десятокъ.

«10) Вообще, каждое изъ моихъ словъ я могу подтвердить фактами. Я не такъ глупъ, чтобъ говорить въ подобной запискѣ чтонибудь, кромѣ того, что могу доказать.

«Само собою разумѣется, что Ваше Превосходительство, передавая эти мои мысли и замѣчанія, нисколько не принимаете за себя ручательства за ихъ вѣрность,—я прошу Васъ только передать ихъ Его Свѣтлости, какъ мои мысли. Съ истиннымъ уваженіемъ имѣю честь быть Вашего Превосходительства покорнѣйшимъ слугою *Н. Чернышевскій*».

Третья записка:

«Чернышевскій имѣетъ честь покорнѣе просить Его Превосходительство Г. Коменданта С.-Петербургской крѣпости доложить Его Свѣтлости Г. С.-Петербургскому Генераль-Губернатору слѣдующее:

«1. Чернышевскій приноситъ Его Свѣтлости благодарность за то, что имѣлъ свиданіе съ своею женою (23 февраля).

«2. Передъ этимъ свиданіемъ Чернышевскій имѣлъ разговоръ съ нѣкоторыми изъ гг. членовъ комиссіи. Чернышевскій говорилъ имъ: «какъ же это комиссія можетъ поступать со мною такимъ образомъ, какимъ поступала?». Ему на это отвѣчали: «съ вами поступали жестоко, но не кладите отвѣтственности за то на комиссію; это дѣйствовала не она». Чернышевскій говорилъ: «Если вы полагаете, что я когда-нибудь могъ вѣрить, что противъ меня существовали какіянибудь обвиненія, то вы ошибаетесь». Ему отвѣчали: «это такой случай, какъ противъ меня (члена комиссіи, отвѣчавшаго Чернышевскому) могли бы быть подозрѣнія въ убійствѣ» (Чернышевскій увѣренъ, что дѣйствительно противъ лица, говорившаго съ нимъ, могли бы быть только вздорныя подозрѣнія въ убійствѣ, изъ которыхъ никакъ не могло бы произойти никакого обвиненія,—вѣдь отъ подозрѣнія до обвиненія, по законамъ о слѣдственномъ производствѣ, очень далеко, и отъ обвиненія до ареста—тоже очень далеко: чтобы арестовать, нужно, по закону, хорошенько рассмотреть солидность обвиненія; а чтобы составилось обвиненіе, нужно бы, по закону, рассмотреть основательность подозрѣній). Чернышевскій говорилъ: «да когда же это кончится? когда вы освободите меня?»—Ему отвѣчали: «черезъ нѣсколько дней». Вообще весь характеръ разговора (дружелюбнаго и веселаго, по привычкѣ Чернышевскаго до послѣдней крайности выдерживать такой тонъ и заставлятъ

других принимать его)—былъ таковъ, что Чернышевскій винилъ и укорялъ, а передъ нимъ извинялись и слагали съ себя отвѣтственность на другихъ.

«3. Если бы ктонибудь,—по здравому смыслу, этого нельзя ждать, но съ Чернышевскимъ сдѣлано довольно много такого, чего нельзя ждать по здравому смыслу,—если бы ктонибудь осмѣлился сказать, что Чернышевскій не съ совершенною точностью передаетъ или хотя одно изъ приводимыхъ имъ словъ разговора, или общій смыслъ, характеръ разговора, то Чернышевскій бросаетъ въ лицо такому человѣку названіе лжеца и требуетъ очной ставки съ тѣмъ, чтобы доказать, что справедливо клеймить его такимъ названіемъ.

«4. Послѣ этого Чернышевскій, кажется, имѣетъ право сказать, что то лицо (или тѣ лица), которое внушило (или которыя внушили) или Его Величеству или Его Свѣтлости сомнѣніе въ совершенной справедливости просьбы Чернышевскаго о его освобожденіи по недостатку обвиненій противъ него, выраженной въ письмахъ Чернышевскаго къ Его Величеству и къ Его Свѣтлости отъ 20—22 ноября прошлаго года, что это лицо виновно (или эти лица виновны) передъ правительствомъ, которое они ложными своими увѣреніями ввели въ напрасное продленіе напрасной несправедливости.

Н. Чернышевскій.

12 марта 1863 года*.

Разумѣется, комиссія эти бумаги «пріобщила къ дѣлу» и—только...

VII.

Наконецъ, 16 марта Чернышевскій понялъ, почему съ нимъ «шутили» такъ настойчиво и нагло. Въ этотъ день съ него былъ снятъ допросъ, и Н. Г. ясно увидѣлъ, какимъ «kozyремъ» обладала комиссія...

На вопросы комиссіи, почему Герценъ писалъ Серно-Соловьевичу объ изданіи «Современника» за границей, и когда Чернышевскимъ было дано на это согласіе, Н. Г. отвѣчалъ: «Подтверждаю прежнее показаніе и совершенно не знаю, на какомъ основаніи г. Герцену вздумалось, что я могъ согласиться издавать съ нимъ журналъ, ибо никакихъ сношеній съ нимъ не имѣлъ, ни прямыхъ, ни черезъ какое либо посредство».

Относительно письма Огарева и Герцена, онъ показалъ:

«Письмо это я получилъ по городской почтѣ весною (или въ началѣ лѣта) 1862 г. ¹⁾, къмъ оно мнѣ было прислано, не знаю. По тону рѣчи и языку видно, что оно писано гг. Огаревымъ и

¹⁾ Значить, долго спустя послѣ полученія этого письма адресатомъ.

Герценомъ (почерковъ ихъ я не знаю, потому сужу только по содержанию письма); къ кому оно писано, неизвѣстно мнѣ. Кѣмъ и для чего и какія слова выскоблены въ немъ, я не знаю,—оно было прислано ко мнѣ со словами уже выскобленными (вѣроятно, посылавшій его ко мнѣ хотѣлъ, чтобы не зналъ я его фамилиі и другихъ—вѣроятно, выскобленные слова—фамилиі). Лицо, которому я поручалъ передать Герцену, чтобы онъ не увлекалъ молодежь въ политическія дѣла—г. М. И. Михайловъ, ѣздившій за границу лѣтомъ 1861 года. Слова, что я «имѣю вліяніе на юношество», означаютъ, что я, какъ журналистъ, пользовался уваженіемъ въ публикѣ. «Знамя», о которомъ упоминается въ письмѣ—наше обычное общинное землевладѣніе, которое я постоянно защищалъ, но относительно котораго все-таки выражалъ сомнѣніе, удержится ли оно противъ расположенія къ потомственному землевладѣнію,—это объясняется въ статьѣ «Современника» (моей), которою Герценъ остался недоволенъ;—выраженіе «ѣхали вмѣстѣ» относится къ тому, что я, подобно Герцену, защищалъ обычное наше общинное землевладѣніе. Порученіе М. И. Михайлову отклонять Герцена отъ вовлеченія молодежи въ политическія дѣла основывалъ я на общеизвѣстныхъ слухахъ о томъ, что Герценъ желаетъ производить политическую агитацію,—я поручалъ Михайлову сказать Герцену, что изъ этого не можетъ выйти ничего хорошаго, ни съ какой точки зрѣнія, что это повело бы только къ несчастію самихъ агитаторовъ»¹⁾.

О картонныхъ полоскахъ съ алфавитомъ и цифрами Чернышевскій отозвался: «Эти лоскутки заключаютъ въ себѣ какую то азбучную шалость, составленную неизвѣстно мнѣ кѣмъ изъ моихъ родственниковъ, живавшихъ у меня».

«Съ Михайловымъ я познакомился, когда былъ студентомъ, а онъ вольнослушающимъ, потомъ выдвигались и почти всегда по журнальнымъ дѣламъ (г. Михайловъ читалъ корректуры «Современника», по желанію г. Некрасова). Съ г. Шелгуновымъ я былъ знакомъ уже черезъ г. Михайлова, кромѣ того, онъ помѣщалъ статьи въ «Современникѣ»; это знакомство было слишкомъ близкое. Г. В. Костомарова я видѣлъ нѣсколько разъ по тому случаю, что онъ помѣщалъ стихи въ «Современникѣ». У г. Михайлова и г. Шелгунова я бывалъ; къ г. Костомарову заѣзжалъ однажды отдать деньги за стихи (когда проѣзжалъ черезъ Москву въ Саратовъ). Г. Михайловъ и Шелгуновъ бывали у меня по журнальнымъ дѣламъ. Собственно журнальными дѣлами ограничивалось мое знакомство и съ г. Костомаровымъ и Шелгуновымъ. О распространеніи возмутительныхъ сочиненій г. Костомаровымъ я ничего не зналъ, о преступленіи г. Михайлова точно

¹⁾ 19 марта Чернышевскій къ этому добавилъ: „М. И. Михайловъ, отправляясь за границу, упомянулъ мнѣ, что если онъ поѣдетъ въ Англію, то, можетъ быть, увидится съ Герценомъ. Больше мнѣ ничего не было извѣстно. О намѣреніяхъ Михайлова издавать что-нибудь тайное я не зналъ. О сообщеніяхъ его тоже не зналъ и самъ никакого участія въ какихъ замыслахъ Михайлова не принималъ“.

также ничего. Подъ журнальными дѣлами, которыя имѣлъ я съ г. Шелгуновымъ и Костомаровымъ, я разумю то, что г. Шелгуновъ приносилъ мнѣ свои статьи, а г. Костомаровъ свои стихи для помѣщенія въ «Современникъ»; я никому изъ нихъ никакихъ порученій не давалъ».

«Изъ лицъ, жившихъ въ Москвѣ, я былъ знакомъ съ г. Плещеевымъ. Въ 1861 г. весною я ѣздилъ въ Москву хлопотать по цензурнымъ дѣламъ и прожилъ тамъ дня три; въ 1862 г. я проѣзжалъ черезъ Москву въ Саратовъ и пробылъ тамъ нѣсколько часовъ. Бывши въ 1861 г. въ Москвѣ, я бывалъ у г. Каткова. Билъ въ гостиницѣ противъ дома Шитова, вѣроятно, на Луцкѣ. Г. Плещеевъ—литераторъ, постоянно помѣщавшій повѣсти въ «Современникъ»; другихъ отношеній къ нему у меня нѣтъ и не было».

Относительно воззванія къ барскимъ крестьянамъ Чернышевскій показалъ: «Ничего подобнаго я не писалъ. Эти свѣдѣнія неосновательны. Г. Сороко я не знаю; ни съ Михайловымъ, ни съ г. Костомаровымъ, ни съ Шелгуновымъ ничего подобнаго не говорилъ и никакихъ статей о крестьянскомъ дѣлѣ не передавалъ. Все, что я писалъ, печаталось въ «Современникъ». Г. Костомаровъ не имѣлъ никакого участія въ моей дѣятельности, которая всегда была открыта и законна. Никогда не имѣлъ я никакихъ сношеній съ Костомаровымъ по тайному печатанію и ничего не поручалъ печатать. Но подарилъ ему сборникъ рукописный—лирическія стихотворенія, которыя когда то хотѣлъ издать съ книгопродавцемъ Вольфомъ и который валялся у меня брошенный».

«О воззваніи къ русскимъ солдатамъ я ничего не знаю».

Что касается составленія прокламаціи къ раскольникамъ въ гостиницѣ, Н. Г. отвѣчалъ: «Ничего такого не было. Эти свѣдѣнія неосновательны».

Когда комиссія, въ опроверженіе показанія о поверхностномъ знакомствѣ съ Костомаровымъ, предъявила Чернышевскому его письма къ послѣднему, то Н. Г. отвѣтилъ: «Мои слова не имѣли того смысла, что я знакомъ въ Москвѣ только съ однимъ г. Плещеевымъ,—я вспомнилъ о немъ потому, что больше знакомъ съ нимъ, чѣмъ съ кѣмъ другимъ, хотя, все-таки, не слишкомъ близко; будучи знакомъ съ г. Костомаровымъ только по журнальнымъ дѣламъ, я, по своей привычкѣ помогать всякому нуждающемуся, принималъ человѣческое участіе въ его стѣсненномъ положеніи,—просто по чувству доброты. Г. Котляревскій—преподаватель въ какомъ то московскомъ кадетскомъ корпусѣ¹⁾, я былъ знакомъ съ нимъ, какъ съ литераторомъ и человѣкомъ умнымъ. Г. Свириденко—служить въ книжномъ магазинѣ Кожанчикова; я былъ нѣсколько знакомъ съ нимъ, какъ съ человѣкомъ образованнымъ; онъ искалъ моего знакомства,—я не могу отказываться

¹⁾ Отецъ нынѣшняго профессора, Н. А. Котляревскаго.

304.

В. Д. Вятский "спиритизм". (Книга по истории
 философии спиритизма в России и за границей)
 издана в СПб. "Дружеский союз" в 1885 г.
 для издательства "Нива".

Велик С

Эта книга является отличным учебным пособием
 для учащихся и для всех желающих
 узнать о спиритизме и о его истории и
 развитии в России и за границей.
 СПб. "Дружеский союз" в 1885 г.

Подложная карандашная записка (въ настоящую величину).

отъ посѣщеній, мнѣ дѣлаемыхъ,—у меня такой характеръ, слишкомъ деликатный. Ни съ г. Котляревскимъ, ни съ Свириденко я не былъ близокъ».

Наконецъ, дѣло дошло до центрального пункта: Чернышевскому предъявили карандашную записку къ Костомарову. Онъ отвергъ ее, написавъ: «Предъявленная мнѣ записка не моего почерка, я не признаю ее своею и потому остаюсь при прежнемъ отвѣтѣ». А на самой запискѣ написалъ: «Эта записка была мнѣ предъявлена комиссіею, и я не признаю ее своей. Этотъ почеркъ красивѣе и ровнѣе моего. Отставной тит. совѣтн. Н. Чернышевскій. 16 марта 1863 г.»¹⁾.

19-го Чернышевскому была дана очная ставка съ Костомаровымъ.

Приведу протоколъ о ней полностью. Онъ очень характеренъ и необходимъ для яснаго пониманія дальнѣйшаго:

Костомаровъ:—«Я съ своей стороны подтверждаю свои прежнія показанія:

а) «что былъ введенъ въ домъ къ г. Чернышевскому Михайловымъ; что г. Чернышевскій въ присутствіи Михайлова читаль мнѣ возмутительное воззваніе «Къ барскимъ крестьянамъ», написанное имъ, Чернышевскимъ»;

Чернышевскій:—«Я съ своей стороны остаюсь при прежнихъ своихъ отвѣтахъ:

А) «Кѣмъ и когда я былъ познакомленъ съ г. Костомаровымъ, я не помню. Воззванія «Къ барскимъ крестьянамъ» въ присутствіи г. В. Д. Костомарова вмѣстѣ съ г. М. И. Михайловымъ я не читалъ и этого воззванія не писалъ».

К.: б) «что впослѣдствіи я получилъ отъ г. Сороко это воззваніе въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, причемъ Сороко мнѣ сказалъ, что получилъ это воззваніе отъ Чернышевскаго вмѣстѣ съ 200 р. на издержки по тайному печатанію брошюры»;

Ч.: в) «Съ г. Сороко я не знакомъ; потому денегъ ему не давалъ ни на тайное печатаніе, ни на что другое; не давалъ ему и воззванія «Къ барскимъ крестьянамъ».

К.: с) «что печатаніе воззванія началось у меня въ домѣ и г. Чернышевскій, посѣтивъ меня, видѣлъ наборъ этого воззванія и оставилъ мнѣ денегъ на дальнѣйшее производство работы»;

Ч.: с) «Набора у г. Костомарова я не видѣлъ, денегъ на работу ему не оставялъ».

К.: d) «что, придя ко мнѣ въ другой разъ, онъ не засталъ меня дома и оставилъ на столѣ предъявленную мнѣ записку, въ которой просилъ меня исправить въ своей брошюрѣ невѣрно написанное имъ выраженіе «срочнообязанные» и замѣнить его словомъ «временнообязанные»;

Ч.: D) «Записка эта не писана мною».

¹⁾ Мы прилагаемъ фотографію этой записки, чтобы читатели сами могли сознательно и самостоятельно рѣшить, что это нагая поддѣлка. Пользуюсь случаемъ принести благодарность М. Н. Чернышевскому, много потрудившемуся при снятіи фотографій.

К.: е) «что весной 1861 г., въ Знаменской гостиницѣ г. Чернышевскій диктовалъ мнѣ воззваніе «Къ раскольникамъ», съ тѣмъ, чтобы я напечаталъ и его; но я этого не исполнилъ»;

Ч.: Е) «Въ Знаменской гостиницѣ я не былъ съ г. Костомаровымъ и воззваніе «Къ раскольникамъ» ему не диктовалъ».

К.: f) «что я писалъ къ г. Чернышевскому о томъ, что онъ поступилъ весьма неосторожно, поручивъ печатаніе своей брошюры Сороко».

Ч.: F) «Такого письма отъ г. Костомарова я не получалъ».

К.: g) «передъ поѣздкой въ Знаменскую гостиницу г. Чернышевскій заѣхалъ въ квартиру моего отца, на Поварскую; номеръ Знаменской гостиницы я запомнилъ тѣмъ, что изрѣзалъ подоконникъ перочиннымъ ножомъ, взятымъ нами въ числѣ принадлежностей для писанія».

Ч.: G) «На квартирѣ у батюшки г. Костомарова въ Поварскомъ переулкѣ я былъ, но оттуда отправился прямо домой».

Комиссія, разумѣется, торжествовала свою побѣду, видя какимъ «молодцомъ» держится ея союзникъ, Костомаровъ.

Что чувствовалъ и думалъ Чернышевскій—трудно сказать. Но онъ еще не потерялъ надежду на благоприятный исходъ дѣла, твердо вѣря, разумѣется, не въ порядочность правительства вообще, а просто въ его благоразуміе; вѣря, что оно не станетъ скандализировать себя явно незаконнымъ приговоромъ ужъ слишкомъ замѣтному человѣку... Въ этой вѣрѣ онъ и черпалъ силы и спокойствіе духа, необходимыя для продолженія начатыхъ литературныхъ работъ.

А онъ шлѣ усиленнымъ темпомъ. Гервинусъ подвигался быстро и то и дѣло отсылался Пыпину. 26 марта Потаповъ прислалъ въ комиссію 4-ю главу «Что дѣлать?», 28 и 30 — еще главы, а 6 апрѣля получено было и окончаніе. Какъ и прежде, романъ читалъ кто нибудь изъ членовъ комиссіи, не находилъ въ немъ ничего, касающагося дѣла, и его отправляли къ Пыпину черезъ оберъ-полицеймейстера, каждый разъ напоминая, что печатаніе его должно происходить на общемъ основаніи съ разрѣшенія цензуры. Цензора «Современника», гдѣ печатался романъ въ мартовской, апрѣльской и майской книжкахъ, видя на рукописи печать и шнуры комиссіи, проникались соотвѣтствующимъ трепетомъ и, не читая, пропускали ¹⁾.

¹⁾ Въ литературѣ по этому поводу масса самыхъ разнообразныхъ розсказней. Кто приписываетъ разрѣшеніе романа кн. А. Ѳ. Голицыну, кто—Потапову, кто—Валуеву и т. д. и, что любопытно, почти всѣ ссылаются на „достоверныхъ“ свидѣтелей и „очевидцевъ“ Г. Скальковскій (см. „Новое Время“ 1904 г. № 10308) прибавляетъ еще одну выдумку. Подъ романомъ, видите ли, подписано было: „4 апрѣля 1862 года“, и указывалось, что черезъ четыре года произойдетъ важное событіе. 4 апрѣля 1866 года Баракзовъ покупается на Александра П... Все это совершенный вздоръ: подъ романомъ подписано: „4 апрѣля 1863 г.“... Головачева-Панаева рассказываетъ о потерѣ Некрасовымъ рукописи „Что дѣлать?“ съ запятой. Оказывается, въ ея пространномъ разсказѣ, какъ и всегда, много лишняго и невѣрнаго. Романъ былъ доставленъ только на третій день послѣ утери. Вотъ текстъ объясненія, доставленнаго Некрасовымъ въ №№ 29, 30 и 31 „Вѣдомостей Спб. Городской Полиціи“ за

Но возникает невольно вопросъ: почему же послѣ напечатанія начала «Что дѣлать?» власти не хватились и не поторопились исправить свою ошибку? По моему, были двѣ причины: сразу вообще не поняли значенія романа, и во-вторыхъ, цензурное вѣдомство чувствовало себя спокойно за спиной комиссіи, а послѣдняя, не зная этого и занятая массою дѣлъ, не интересовалась ни романомъ, ни произведеннымъ имъ впечатлѣніемъ.

VIII.

По содержанію допросовъ и очной ставки рѣшено было вывезти въ Петербургъ Сороко и Яковлева.

Въ это время исправлявшій должность московскаго губернскаго прокурора прислалъ Потапову докладную записку Яковлева и отобранныя отъ него бумаги.

Оказывается, достойный помощникъ Костомарова такъ обрадовался случаю выпить на жандармскій счетъ, что на станціи Тверь былъ задержанъ за буйство въ пьяномъ видѣ и переданъ въ мѣстную полицію. Оттуда его направили въ Москву, а мѣщанское общество постановило заключить Яковлева, уже неоднократно попадавшася въ буйствѣ, въ смиренный домъ на четыре мѣсяца.

«Находясь въ настоящее время въ московскомъ смиренномъ и рабочемъ домѣ, я—пишетъ Яковлевъ Потапову—упустилъ возможность лично объяснить Вашему Превосходительству обстоятельства, касающіяся до г. Чернышевскаго, равно и письмо г. Чулкова, изъ котораго Вы изволили бы усмотрѣть надобность личнаго моего присутствія въ Петербургѣ для разясненія обстоятельствъ, сопряженныхъ съ отношеніемъ г. Чернышевскаго къ Костомарову, а потому я осмѣливаюсь убѣдительно просить Ваше Превосходительство приказать вытребовать меня въ Петербургъ, хотя бы за карауломъ, но только въ собственной одеждѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ истребовать доносъ и письмо на Ваше имя, которыя въ настоящее время находятся въ домѣ московскаго городского общества».

Яковлевъ обидся: доносъ его былъ давно уже полученъ отъ Чулкова, а рекомендательное письмо послѣдняго къ Потапову и письмо Костомарова къ матери прокуроръ приложилъ при вышеприведенномъ документѣ.

5 апрѣля Сороко и Яковлевъ были доставлены въ III Отдѣленіе.

1868 годъ: „Потеря рукописи. Въ воскресенье 3 февраля, во второмъ часу дня, проѣздомъ по Б. Конюшенной отъ гостиницы „Демуть“ до угольнаго дома Кангера, а отгуда чрезъ Невскій пр., Бараванную и Семеновскій мостъ до дома Краевскаго, на углу Литейнаго и Бассейной, оброрень свертокъ, въ которомъ находились двѣ прошнурованныя по угламъ рукописи съ заглавіемъ „Что дѣлать?“ Кто доставитъ этотъ свертокъ въ означенный домъ Краевскаго къ Некрасову, тотъ получитъ пятьдесятъ руб. сер.“

Черезъ три дня ихъ допросили.

Сороко показалъ, что дѣйствительно прїѣзжалъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ Костомаровымъ, но для хлопотъ по переводу своему изъ московскаго университета въ медико-хирургическую академію. У нихъ никто не бывалъ. Уѣзжая въ Москву, Костомаровъ просилъ его зайти къ Михайлову переговорить насчетъ своихъ стиховъ. Сороко исполнилъ просьбу и получилъ отъ Михайлова запечатанное письмо къ Костомарову. Что касается Чернышевскаго, то онъ его не знаетъ, никогда у него не былъ и никакихъ денегъ отъ него не получалъ.

На очной ставкѣ съ Костомаровымъ Сороко подтвердилъ всѣ эти показанія.

Яковлевъ заявилъ: «Доказательствъ, кромѣ своего справедливаго доноса, представить не могу, а уличать и доказывать справедливость слышаннаго мною разговора г. Чернышевскаго съ Костомаровымъ лично могу, потому что очень хорошо помню разговоры ихъ».

Въ 1858 и 1859 гг. Яковлевъ жилъ въ квартирѣ въ домѣ Костомаровыхъ. Отношенія ихъ были чисто дѣловыя, какъ съ переписчикомъ.

«Видалъ я г. Чернышевскаго положительно три раза. Первый разъ въ февралѣ или мартѣ мѣсяцѣ 1861 г., а за вѣрное припомнить не могу, но только хорошо помню, что г. Чернышевскій былъ въ енотовой шубѣ; второй разъ вскорѣ послѣ этого времени и, наконецъ, третій разъ въ июлѣ мѣсяцѣ 1861 г. (числа же припомнить не могу), именно въ то время, когда онъ ѣхалъ въ Саратовскую или Симбирскую губернію. Въ этотъ послѣдній прїѣздъ г. Чернышевскаго я дѣйствительно находился въ бесѣдкѣ сада г. Костомарова, изъ которой и слышалъ разговоръ г. Чернышевскаго съ Костомаровымъ, когда они ходили по саду подлѣ руку, и г. Чернышевскій дѣйствительно произносилъ слова: «барскимъ крестьянамъ отъ ихъ доброжелателей поклонъ. Вы ждали отъ царя воли, вотъ вамъ и воля вышла»—и между тѣмъ усиленно упрощивалъ Костомарова поскорѣе напечатать эту статью. За какими именно надобностями бывалъ г. Чернышевскій у г. Костомарова, мнѣ неизвѣстно, а полагаю, что по короткому ихъ (какъ это видно было) знакомству. Видѣлъ же я Костомарова въ послѣдній разъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1862 года»¹⁾.

Очевидно, комиссіи надо было показать, всетаки, видѣ, что она не склонна признавать голословныя показанія Костомарова окончательными обвиненіями Чернышевскаго, и потому 11 апрѣля она запросила его, что онъ можетъ представить къ уликѣ. Костомаровъ отвѣчалъ, что «фактическихъ доказательствъ къ уликѣ г. Чернышевскаго, кромѣ тѣхъ, которыя уже имѣются въ виду комиссіи, дать никакихъ не можетъ, но просить доставить ему

¹⁾ Явная ложь: они видѣлись 1 марта 1863 г. въ Москвѣ.

еще разъ очную ставку съ г. Чернышевскимъ, ибо, можетъ быть, ему удастся подѣйствовать на него силою убѣжденія»...

Разумѣется, очная ставка была дана на слѣдующій же день, но Чернышевскій не поддался силѣ костомаровскихъ убѣжденій... Мало того, когда она была закончена, Н. Г., обратясь къ комиссиі, сказалъ: «Сколько бы меня ни держали, я посѣдѣю, умру, но прежняго своего показанія не измѣню»... Этому заявленію онъ остался вѣренъ до конца.

Въ тотъ же день Чернышевскаго предъявили Яковлеву, но при такой обстановкѣ, что онъ безошибочно могъ утверждать, что именно его-то и видальъ у Костомарова... Затѣмъ имъ была дана очная ставка.

Яковлевъ прибавилъ на этотъ разъ, что—«въ первое посѣщеніе г. Чернышевскимъ Костомарова они сидѣли въ кабинетѣ послѣдняго и г. Чернышевскій разговаривалъ что-то съ жаромъ, тихо и повидимому очень осторожно; разговора же ихъ въ то время я слышать не могъ, потому что входилъ въ комнату одинъ разъ, подавая имъ чай или закуску, чего хорошенько припомнить не могу. Во второй же разъ г. Чернышевскій не засталъ г. Костомарова дома, а оставилъ ему запечатанную записку, написанную имъ въ кабинетѣ Костомарова на бумагѣ, лежащей на столѣ и, кажется, одна сторона была исписана». На это Чернышевскій возразилъ, что «въ бытность его въ Москвѣ проѣздомъ (въ августѣ 1861 г., а не въ іюнѣ, какъ онъ теперь воображаетъ), онъ заходилъ къ г. Костомарову на нѣсколько времени и просидѣлъ это время у него въ бесѣдкѣ». «Я былъ въ Москвѣ въ 1861 г. до конца августа только два раза, а не три. Никакой записки г. Костомарову въ бытность мою въ Москвѣ я не оставлялъ, потому что заставлялъ его дома, когда заходилъ». Остальные показанія Яковлева Чернышевскій отвергалъ безусловно.

Въ тотъ же день комиссія рѣшила отпустить Сороко въ имѣніе, откуда онъ былъ вытребованъ, взявъ съ него подписку о неравнѣнн о своемъ вызовѣ въ Петербургъ, а Яковлева вернуть въ смиренный домъ для окончанія наложеннаго на него обществомъ взысканія... Это рѣшеніе въ высокой степени характерно: вѣдь каждому ясно, что оговоръ Костомарова одинаково компрометировалъ и Чернышевскаго и Сороко. Но перваго рѣшено было не выпускать изъ рукъ иначе, какъ въ кандалахъ, а втораго— совершенно освободить... Очень все это не тонко... Каждому понятно, что Сороко вызывался исключительно въ расчетъ услышать и отъ него лжесвидѣтельство, а когда онъ не оправдалъ этихъ надеждъ, то комиссія, хорошо понимая, что оговоръ Костомарова вздоръ, и не желая начинать дѣла противъ Сороко, отпустила его на всѣ четыре стороны... Что касается Яковлева, то его не могли не заключить: приговоръ общества не подлежалъ чьей бы то ни было отгвнѣ, да и добиваться ея было бы ужъ слишкомъ нетактично.

Затѣмъ комиссія рѣшила сличить почеркъ Чернышевскаго съ

почеркомъ карандашной записки, для чего вызвать секретарей сената. Любопытно, что сенаторъ Гедда рѣшился подать свое особое мнѣніе: сличеніе почерка можетъ дѣлать только судъ и при томъ на точномъ основаніи особыхъ для этого правилъ. Но министръ юстиціи отказалъ въ командированіи секретарей сената безъ его опредѣленія объ этомъ, и потому пришлось ограничиться чиновниками губернскаго правленія и палаты. 24 апрѣля ихъ собралось пять человекъ и они нашли, что «почеркъ записки имѣеть *нѣкоторое* сходство съ почеркомъ Чернышевскаго».

Такимъ образомъ, все шло, какъ по маслу...

Вдругъ къ Потапову является поэтъ Некрасовъ и вручаетъ ему только что полученное письмо изъ Москвы... Скрыть его было уже нельзя... Надо отправить въ комиссію...

Вотъ оно:

«Милостивый Государь, недѣли двѣ тому назадъ съ нами произошелъ случай, о которомъ считаемъ долгомъ довести до вашего свѣдѣнія.

«Мы находимся арестованными въ смиренномъ домѣ съ конца февраля; на страстной недѣлѣ къ намъ явился какой-то арестантъ, мѣщанинъ Петръ Васильевъ Яковлевъ (какъ сказалъ намъ) и началъ рѣчь съ того, что онъ содержится тоже за политическое преступленіе (какъ было замѣтно, онъ считалъ насъ арестованными за университетскіе безпорядки 61 года), и потому рѣшился обратиться къ намъ за совѣтомъ. Въ чемъ долженъ былъ состоять этотъ совѣтъ, Вы увидите изъ нашего съ нимъ разговора, который мы постараемся передать Вамъ возможно точнѣе.

— Я, господа, ѣздилъ по очень важному дѣлу въ Петербургъ къ начальнику III Отдѣленія, но на Тверской станціи подвыпилъ немного и забуянилъ; тверская станція представила меня обратно въ Москву, къ оберъ-полицеймейстеру, передавъ меня въ распоряженіе мѣщанскаго общества, которое и послало меня за дурное поведеніе въ рабочій домъ; оно вотъ уже второй разъ присылаетъ меня сюда, все за пьянство...

— По какому же дѣлу вы ѣздили къ г. Потапову?

— А вотъ, видите ли: былъ я знакомъ съ Всеволодомъ Дмитріевичемъ Костомаровымъ. На дняхъ получаю записку безъ подписи, въ которой меня приглашаютъ явиться въ гостиницу «Венеція» въ 18 номеръ. Явившись туда, я былъ крайне изумленъ, заставши тамъ Костомарова въ солдатской шинели и въ сопровожденіи жандармскаго офицера; оказалось, что записка была отъ Костомарова, который сдѣлалъ мнѣ слѣдующее предложеніе: «вотъ тебѣ письмо къ моей матери, поѣзжай съ нимъ въ Петербургъ и отдай его по адресу,—мать моя научитъ тебя, что дѣлать и, ежели ты послѣдуешь ея наставленіямъ, то будешь хорошо вознагражденъ».

— А Костомаровъ не говорилъ Вамъ, что именно Вамъ придется дѣлать?

— Говорилъ, и говорилъ, что я долженъ дать показаніе въ

III Отдѣленіи въ томъ, будто я слышала, какъ Николай Гавриловичъ Чернышевскій лѣтомъ 61 года, въ разговорѣ съ Костомаровымъ сказалъ слѣдующую фразу: «барскимъ крестьянамъ отъ ихъ доброжелателей поклонъ—вы ждали воли, вотъ вамъ и воля—благодарите царя». Я не знаю, что значать эти слова и зачѣмъ Костомарову нужно, чтобъ я дала такое показаніе, но скажите мнѣ, господа: если я дѣйствительно дамъ такое показаніе, можетъ ли сдѣлать для меня что нибудь Потаповъ, можетъ ли онъ, напримѣръ, велѣть освободить меня изъ рабочаго дома?

— Ну это врядъ-ли, мы думаемъ, что за ложное показаніе Потаповъ васъ будетъ скорѣе преслѣдовать, потому что по закону ложный свидѣтель подвергается строгому наказанію.

— Я уже подалъ Потапову отсюда прошеніе, и меня должны скоро потребовать въ Петербургъ; самъ не знаю, что дѣлать!..

«Мы сказали, что лучше всего будетъ, когда онъ скажетъ правду, и разговоръ на этомъ покончился.—Мы не повѣрили Яковлеву, зная хорошо, что Костомаровъ не могъ быть въ это время въ Москвѣ, потому что онъ судился по одному съ нами дѣлу и, по приговору сената, подтвержденному государемъ и объявленному намъ 2 января этого года, долженъ подвергнуться шестимѣсячному заключенію въ крѣпости и потомъ уже сослѣтъ въ солдаты на Кавказъ. 4 апрѣля мы удивились, увидя на дворѣ Яковлева въ сопровожденіи двухъ жандармовъ; его повезли, какъ намъ сказали, въ Петербургъ. Тогда мы вспомнили нашъ прежній разговоръ съ нимъ и невольно пришли къ такимъ предположеніямъ: 1) что Чернышевскій дѣйствительно обвиняется въ какомъ нибудь политическомъ преступленіи, 2) что Костомаровъ и его семейство хотятъ съ помощью Яковлева подвергнуть Чернышевскаго несправедливому обвиненію суда. Все это заставляетъ насъ обратиться къ Вамъ, Милостивый Государь, какъ человѣку, вѣроятно, близкому къ г. Чернышевскому (по редакціи «Современника»), уполномочивая Васъ, въ случаѣ дѣйствительности нашихъ подозрѣній, представить это письмо куда слѣдуетъ, чтобы предупредить возможность несправедливаго приговора суда.

«Все это мы готовы, въ случаѣ надобности, подтвердить передъ судомъ присягой. *Иванъ Гольцъ-Миллеръ, Петръ Петровскій-Ильенко, Александръ Новиковъ, Яковъ Сулинъ, Леонидъ Яценко.* Москва 13 апрѣля 1863 г.»

Что оставалось дѣлать комиссіи, когда въ обществѣ уже пошли разговоры о лжесвидѣтельствѣ, подкупахъ и пр.? Очевидно, надо было примѣрно наказать пьяницу-болтуна. И вотъ она входитъ съ всеподданнѣйшимъ докладомъ о томъ, чтобы, — «не ожидая окончанія 4-мѣсячнаго срока, на который Яковлевъ присужденъ обществомъ въ рабочій домъ, отправить его теперь же на жительство и подъ надзоръ полиціи въ Архангельскую губернію». 22 апрѣля государь утвердилъ докладъ, и было сдѣлано распоряженіе о приведеніи его въ исполненіе.... Такимъ образомъ, казалось, одно лжесвидѣтельство сорвалось совершенно, а авто-

ритеть другого сильно поколебался... Ничего подобнаго. Костомаровъ остался дорогимъ союзникомъ, а всѣ показанія Яковлева были оставлены въ полной силѣ. Мало этого, въ своемъ приговорѣ сенатъ разсказалъ о всей этой исторіи и, всетаки, основался на показаніяхъ Яковлева!...

IX.

19 апрѣля былъ снятъ допросъ и съ Н. В. Шелгунова, арестованнаго, какъ извѣстно, въ Сибири и привезеннаго въ Петербургъ.

Онъ показалъ, что знаетъ и Чернышевскаго, и Костомарова, и Михайлова, и братьевъ Серно-Соловьевичей. «Николая Серно-Соловьевича, какъ домохозяина, у котораго я квартировалъ, и какъ содержателя книжнаго магазина. Александра Серно-Соловьевича, какъ издателя на русскомъ языкѣ перевода всемірной исторіи Шлоссера; Николая Чернышевскаго, какъ редактора «Современника», въ которомъ я помѣщалъ свои статьи. Михайлова зналъ очень давно, и онъ у меня жилъ на квартирѣ; наконецъ Всеволода Костомарова видѣлъ раза два у Михайлова; мои отношенія къ этимъ лицамъ были такого рода: къ Николаю Серно-Соловьевичу, какъ къ домохозяину; съ нимъ я познакомился при переѣздѣ къ нему въ домъ въ январѣ 1862 г.; Александра Серно-Соловьевича видѣлъ разъ зимой 1861—1862 г. у Михайлова и потомъ, по переѣздѣ въ домъ его брата, получилъ отъ него работу — переводъ исторіи Шлоссера. Съ Чернышевскимъ имѣлъ отношенія исключительно по поводу статей моихъ, помѣщавшихся въ «Современникѣ». Зналъ г. Чернышевскаго, какъ литератора съ замѣчательнымъ талантомъ, но знакомства съ нимъ не имѣлъ, посѣщая его исключительно по своимъ литературнымъ дѣламъ¹⁾. По какому случаю, какъ познакомился съ Михайловымъ, не припомню, ибо знакомство наше давнее; но онъ жилъ прежде у меня на квартирѣ лѣтъ шесть или семь. Всеволода Костомарова я видѣлъ у Михайлова въ концѣ 1860 или въ началѣ 1861 года раза два, но знакомъ съ нимъ не былъ. Знакомыхъ въ Петербургѣ и внѣ онаго, кромѣ лицъ, съ которыми я находился въ служебныхъ отношеніяхъ, не имѣлъ».

«Предъявленное мнѣ комиссіею воззваніе къ солдатамъ мнѣ неизвѣстно и рукопись его я никогда не передавалъ Всеволоду Костомарову и какое участіе въ составленіи его привималъ Чернышевскій, Костомаровъ и Михайловъ, мнѣ неизвѣстно».

¹⁾ На слѣдующій день комиссія замѣтила Шелгунову, что его знакомство съ Н. Г. было ближе. На это онъ отвѣтилъ: „Знакомства, или вѣрнѣе говоря, того, что я зналъ Н. Чернышевскаго, я не отрицаю, но только дѣлалъ различіе между выраженіями „зналъ“ и „былъ знакомъ“, понимая подъ послѣднимъ, какъ говорятъ, „водить хлѣбъ-соль“. Такого рода знакомства я съ Чернышевскимъ не имѣлъ и до конца 1861 г., когда Михайловъ былъ преданъ суду, съ Чернышевскимъ почти не видѣлся. Съ этого времени же я видѣлъ Чернышевскаго чаще, потому что, правнужденный оставить службу, я обратился къ литературнымъ занятіямъ и сталъ помѣщать статьи въ „Современникѣ“, который редактировалъ Чернышевскій“.

«Участія въ составленіи воззванія къ барскимъ крестьянамъ не принималъ и читалось ли оно въ квартирѣ Михайлова Костомаровымъ не знаю, потому что при этомъ не былъ. Что же касается до обстоятельствъ его написанія, т. е. кѣмъ, когда и по какому случаю оно написано, я этого не знаю».

Что касается разсказа Костомарова о хожденіи съ солдатами въ харчевню, то Шелгуновъ призналъ его «совершенно невѣрнымъ», ибо «ничего даже подобнаго онъ не дѣлалъ и не могъ дѣлать, по совершенному незнанію русскаго солдата». «Съ Костомаровымъ я даже и не имѣлъ случая сталкиваться, ибо служилъ постоянно по специальной и учебной лѣсной части».

Очная ставка Шелгунова съ Костомаровымъ кончилась замѣчаніемъ перваго, что «показывая голословно, г. Костомаровъ не указываетъ на казармы или солдатъ, съ которыми я говорилъ или куда я ходилъ, въ харчевню, въ которой Н. Г. меня видѣлъ. Помня такъ хорошо разныя мелочныя подробности, онъ эти болѣе крупныя не помнить».

Въ неизданной части своихъ воспоминаній Шелгуновъ говоритъ, что Костомаровъ сочинилъ всѣ свои обвиненія, и что ему совершенно непонятны причины такого озлобленія противъ него. «Лично у меня съ Костомаровымъ почти не было никакихъ отношеній и не знаю, сказалъ ли я съ нимъ во все наше знакомство больше десяти словъ». При этомъ добавлю, что Чернышевскій сказалъ г. Рейнгардту: «Честнѣйшій и благороднѣйшій человекъ Николай Васильевичъ, такіе люди рѣдки. Прекрасно держалъ себя въ моемъ дѣлѣ...» ¹⁾.

24 апрѣля Потаповъ прислалъ въ комиссію двѣ записки Чернышевскаго къ коменданту крѣпости. Въ одной Н. Г. просилъ отыскать въ его бумагахъ паспортъ жившей у него прислуги и передать его Пышину, а въ другой писалъ:

«Ваше Превосходительство, я много разъ говорилъ Вамъ въ своихъ откровенныхъ объясненіяхъ, что всѣ неприятели, отъ которыхъ я страдаю, возникаютъ изъ какихъ то недоразумѣній. Третьяго дня также произошло недоразумѣніе: я слишкомъ поздно получилъ отъ моей жены письмо, говорившее, что она на другой день уѣзжаетъ. Я сказалъ Вамъ вчера, что я изъ этого вывелъ, что и я и г. предсѣдатель комиссіи (давшій мнѣ обѣщаніе дозволить свиданіе мнѣ съ моей женой) — мы оба обмануты. Теперь я вижу, что нынѣ моя жена еще не уѣхала,—прошу Васъ, убѣдите, что я не добиваюсь ничего чрезмѣрнаго,—напримѣръ, въ настоящемъ случаѣ я только прошу, во-первыхъ, чтобъ мое письмо къ моей женѣ отъ нынѣшняго числа,—не содержащее въ себѣ ровно ничего подозрительнаго, было отправлено къ моей женѣ поскорѣе, безъ проволочекъ, нынѣ же, чтобы успѣло застать ее еще въ Петербургѣ, а во-вторыхъ, чтобы ея отвѣтъ мнѣ на это письмо также былъ доставленъ безъ проволочки; на-

¹⁾ „Рус. Стар.“ 1905 г., II, 468.

конецъ, чтобы сказали намъ, когда мы можемъ ожидать назначенія свиданія, въ которомъ вѣдь вовсе и не хотятъ намъ отказывать,—не завтра, не послѣ завтра, ну черезъ три, четыре дня или какъ будетъ можно, только къ чему же вводить въ недоумѣнне женщину, когда вовсе не хотѣлъ г. предсѣдатель комиссiи обѣщать напрасно,—конечно, онъ хочетъ разрѣшить свиданіе,—я только и прошу, чтобы сказали моей женѣ, когда это будетъ, тогда она и будетъ ждать спокойно. А вѣдь я только этого и добиваюсь въ настоящемъ случаѣ. Съ истиннымъ уваженіемъ имѣю честь быть Вашего Превосходительства покорнѣйшимъ слугою, *Н. Чернышевскій*. 24 апрѣля».

Это второе свиданіе было разрѣшено въ присутствіи члена комиссiи, генерала Огарева.

Въ первыхъ числахъ мая государь утвердилъ докладъ комиссiи о передачѣ дѣла Чернышевскаго въ сенатъ.

Такимъ образомъ оно вступило въ новый фазисъ.

ЧАСТЬ III.

Начало сенатскаго слѣдствія и второй подложный документъ изъ III Отдѣленія.

I.

16 мая министръ юстиціи, Замятинъ, сообщилъ сенату о волѣ государя. При этомъ онъ прибавилъ, что Шелгуновъ преданъ военному суду, а Костомаровъ ...а Костомаровъ прикомандированъ къ Петербургскому баталіону внутренней стражи, впредъ до минованія въ немъ надобности по дѣламъ Чернышевскаго и Шелгунова... Потомъ оказалось, что Костомаровъ преспокойно жилъ себѣ на частной квартирѣ, на службу не являлся и считался, какъ сыръ въ маслѣ, на счетъ III Отдѣленія.

Составъ перваго отдѣленія пятаго департамента сената, которому предстояло судить Чернышевскаго, былъ таковъ: первоприсутствующій М. М. Карніолинъ-Пинскій и сенаторы Веневитиновъ, Лукашъ, Б. И. Беръ, Венцель и гр. Д. А. Толстой, оберъ-прокуроръ Чемадуровъ, оберъ-секретарь Кузнецовъ.

29 мая Чернышевскій былъ вызванъ въ первый разъ. Онъ подтвердилъ все показанное въ комиссiи и просилъ, во-первыхъ, о разрѣшеніи подать особое объясненіе, во-вторыхъ, о свиданіяхъ съ родственниками, въ третьихъ, объ освобожденіи на поруки и, наконецъ, о допущеніи его къ прочтенію и къ рукоприкладству записки, которую сенатъ составитъ въ концѣ разсмотрѣнія всего дѣла. Сенатъ призналъ возможнымъ исполнить все, кромѣ освобожденія. Послѣднее было обусловлено ознакомленіемъ съ дѣломъ.

По удостовѣренію оберъ-полицеймейстера, Чернышевскій «вель живъ до такой степени уединенную, что не только сосѣди, но даже и лица, жившія въ одномъ съ нимъ домѣ, весьма рѣдко его видѣли», а потому и нельзя было, въ сущности, произвести требуемаго закономъ «повального обыска».

7 іюня кн. Суворовъ прислалъ въ сенатъ очень пространное «Дополнительное показаніе Чернышевскаго, даваемое имъ Правительствующему Сенату».

Привожу его, разумѣется, полностью:

«Оставаясь при показаніяхъ, данныхъ мною слѣдственной комиссіи, я имѣю честь пополнить ихъ передъ судомъ Правительствующаго Сената слѣдующими объясненіями.

Общія поясненія.

1. Противъ каждаго изъ обвиненій я выставляю такіе факты, большая часть которыхъ общеизвѣстна въ кругу, близко знающемъ меня. Доказывать ихъ теперь же ссылками на свидѣтелей и отыскиваніемъ документовъ значило бы осложнять и затягивать дѣло. Потому беру на себя смѣлость просить, чтобы Пр. С. принималъ настоящее показаніе за окончательное по полнотѣ доказательствъ только относительно тѣхъ изъ указываемыхъ мною фактовъ, въ вѣрности которыхъ не останется сомнѣнія у Пр. С. по выслушаніи настоящаго показанія и чтобы Пр. С. предоставилъ мнѣ право привести болѣе полныя доказательства на тѣ факты, которые, по мнѣнію Сената, еще нуждаются въ дальнѣйшемъ подтвержденіи.

2. Мнѣ извѣстно, что кромѣ обвиненій, противъ которыхъ я могу теперь прямо оправдаться, потому что они прямо выражены, существовало противъ меня множество другихъ подозрѣній. Напримеръ, были слухи, называвшіе меня возбудителемъ беспорядковъ между студентами Спбургскаго университета осенью 1861 года; возбудителемъ беспорядка, происшедшаго въ залѣ Думы весной 1862 г. на одной изъ публичныхъ лекцій¹⁾; были также слухи, что я направляю къ пропагандѣ запрещеннаго характера Главнѣйшій совѣтъ петербургскихъ воскресныхъ школъ; что я возбудилъ профессора Павлова написать и при публичномъ чтеніи дополнить рѣзкими прибавленіями ту статью, за чтеніе которой профессоръ Павловъ былъ удаленъ изъ Петербурга (весною 1862); что я даже былъ участникомъ поджога Толкучаго рынка (въ концѣ мая 1862). Мнѣ неизвѣстно, до какой степени продолжаютъ существовать такіе слухи въ кругахъ, въ которыхъ они существовали годъ тому назадъ, и неизвѣстно, можетъ ли имѣть

¹⁾ Послѣ лекціи Н. И. Костомарова.

вліяніе на мнѣніе моихъ судей о мнѣ болѣе или менѣе опредѣленный или неопредѣленный отголосокъ такихъ слуховъ,—отголосокъ, дававшій мнѣ прежде въ мнѣніи многихъ почтенныхъ людей, не знавшихъ меня лично, репутацію агитатора. Если можетъ, то я прошу, чтобы мнѣ дано было право разобрать и эти подозрѣнія для отстраненія сомнѣній въ томъ, дѣйствительно ли я такой человекъ, за какого меня знаютъ всѣ, хорошо знающіе меня лично,—человекъ очень мирнаго характера, всегда ставившій главною заботою своею то, чтобы удалаться всякихъ столкновений не только съ уголовнымъ судомъ, но и съ простою полиціею.

Выразивъ эти общія просьбы мои Пр. С., перехожу къ разбору обвиненій, находящихся въ дѣлѣ.

1. Поясненія по обвиненію меня въ намѣреніи ухъать за границу, чтобъ издавать журналъ вмѣстѣ съ Герценомъ.

Въ концѣ мая или началѣ іюня 1862 года, было остановлено на восемь мѣсяцевъ изданіе журнала «Современникъ», въ редакцірованіи котораго я участвовалъ. Черезъ это я приобрѣталъ на время свободу жить или не жить въ Петербургѣ. По моимъ домашнимъ обстоятельствамъ, мнѣ небезполезно было переѣхать въ мой родной городъ, Саратовъ. Мое семейство уѣхало туда 2 или 3 іюля (1862), за 4 или за 5 дней до моего ареста. Мы продавали лошадей, экипажи, мебель. Отчасти для окончанія этого, отчасти для окончательнаго приведенія въ порядокъ своихъ литературныхъ дѣлъ, я долженъ былъ остаться въ Петербургѣ еще на мѣсяць. Послѣ того я долженъ былъ уѣхать въ Саратовъ и прожить тамъ до весны 1863 года вмѣстѣ съ семействомъ, а весною или лѣтомъ 1863 г. возвратиться вмѣстѣ съ семействомъ въ Петербургъ.

Это предположеніе было извѣстно всѣмъ моимъ знакомымъ. Въ искренности его не могъ сомнѣваться никто изъ знавшихъ мою семейныя чувства. Продолжительная разлука съ семействомъ—единственное серьезное страданіе, которое я могу чувствовать.

Если бы я думалъ эмигрировать, неужели я проводилъ бы свое семейство въ Саратовъ, отъ котораго такъ далеко до Западной Европы, а не прямо за границу изъ Петербурга? Или я хотѣлъ на долгіе годы разлучиться съ семействомъ?

Въ моихъ рукахъ бывало довольно много денегъ. Моя жена, уѣзжая, взяла съ собою только 500 рублей, а мы привыкли расходовать довольно много. Еслибъ я думалъ, что моей женѣ придется долго жить безъ меня въ Саратовѣ, неужели она уѣхала бы изъ Петербурга съ 500 р.?

При отъѣздѣ моя жена не получила отъ меня довѣренности на завѣдываніе моимъ домомъ въ Саратовѣ. Изъ этого вышла

серьезныя домашнія неприятыности для меня. По характеру ея прежнихъ отношеній къ моимъ саратовскимъ роднымъ, я не могъ не ждать этого, въ случаѣ, еслибъ ей пришлось долгое время оставаться въ Саратовѣ безъ меня. Еслибъ я думалъ долго разлучиться съ нею эмигрированьемъ, неужели бы я не далъ ей довѣренность, которую при первой возможности успѣшилъ дать, когда былъ разлученъ съ нею арестомъ?

Когда меня арестовали, у меня было только 115 рублей. А въ нѣсколько предыдущихъ дней я получилъ до 1500 р. или болѣе. Но я отдалъ изъ нихъ 300 р. типографщику, 200 р. торговцу бумагою, остальные роздалъ сотрудникамъ «Современника». Мнѣ же было настоящей нужды дѣлать ни одной изъ этихъ выдачъ: бумажный торговецъ и типографщикъ могли ждать, сотрудники «Современника»—обратиться за деньгами въ контору журнала, вмѣсто которой я заплатилъ имъ. Такъ ли распоряжались деньгами тотъ, кто собирается эмигрировать?

Сборы моего семейства къ отъѣзду, продажа вещей—все это дѣлалось длинно, со всею обычною хлопотливостью такихъ перемѣнъ. Надѣюсь, что еслибы я думалъ эмигрировать, то у меня достало бы смысла и умѣнья, чтобъ уѣхать не подавъ ни малѣйшаго знака намѣренія двинуться куда бы то ни было изъ Петербурга,—быть далеко за Берлиномъ или Стокгольмомъ прежде, чѣмъ кто бы ни было подумалъ бы, что я думаю уѣхать дальше Павловска, гдѣ была у меня дача.

Я былъ арестованъ въ субботу (7 іюля); въ понедѣльникъ (9 іюля) долженъ былъ прійти ко мнѣ изъ типографіи Вульфа наборщикъ (бывшій помощникомъ метранпажа по «Современнику») съ образцами формата и шрифта для изданія, которое я хотѣлъ начать печатать дня черезъ 3, 4 послѣ того. Я поручилъ ему сдѣлать образцы въ то самое утро, какъ былъ арестованъ, или наканунѣ. Факторъ другой типографіи (г. Огризко) имѣлъ порученіе поскорѣе сдѣлать для меня образцы шрифта и формата для другого изданія у Вульфа; я хотѣлъ печатать маленькія книжки, въ которыхъ думалъ, съ разрѣшенія авторовъ, перепечатывать для простого народа рассказы и отрывки изъ повѣстей. У Огризко я хотѣлъ печатать переводъ политической экономіи Милля, который былъ уже оконченъ мною.

Эти два изданія должны были печататься черезъ нѣсколько дней—12 или 15 іюля. Еще недѣли двѣ, три понадобилось бы мнѣ оставаться въ Петербургѣ, чтобъ устроить правильность въ чтеніи корректуръ, цензурованія и т. п. Устроивъ это, я тотчасъ отправился бы въ Саратовъ. Но я предполагалъ очень быстро начать другія изданія, изъ которыхъ назову три. Я тогда уже имѣлъ столько извѣстности, что публика стала бы покупать «собраніе» моихъ «сочиненій». Они составляютъ массу болѣе 8000 страницъ (500 печатныхъ листовъ въ-8) журнальнаго формата. Я хотѣлъ многое выбросить, какъ не важное, другое сократить, но, всетаки, оставалось бы листовъ 300 печатныхъ. Печатаніе такого

огромнаго числа листовъ заняло бы много времени. Я рассчитывалъ сдѣлать это года въ два. Но во всякомъ случаѣ нельзя напечатать такую массу въ 3, въ 4 мѣсяца. И потомъ, вѣдь не могло же изданіе, которое хотѣлъ я сдѣлать въ 4 или 5 тысячъ экземпляровъ, распродаться въ какойнибудь годъ. Слѣдовательно, ужъ это одно изданіе связывало меня съ Россіею не на одинъ годъ. А я рассчитывалъ, что оно дастъ мнѣ нѣсколько десятковъ тысячъ рублей,—это не такой расчетъ, которымъ могъ бы пренебречь человекъ безъ состоянія, для удовольствія издавать журналъ за границую. Но, отнимая у меня всякую мысль объ эмиграціи, это изданіе не стоило бы мнѣ почти никакой работы. Печатаая его, я хотѣлъ готовить два другія. Я хотѣлъ составить два ручные энциклопедическіе словаря. Одинъ—въ два тома лексиконнаго формата, цѣною отъ 7 до 10 р., другой—вовсе маленькій, страницъ въ 600 или 700 въ 12 дола, цѣною рубля въ полтора, два. Книгопродавцы знаютъ, что такіа книги такой цѣны имѣли бы большой успѣхъ, и, постоянно перепечатаваясь, служили бы источникомъ очень порядочнаго дохода на долгіе годы. Я называю только эти три изданія потому, что могу указать въ моихъ бумагахъ расчеты, сдѣланные для нихъ.

Эти расчеты свидѣтельствуютъ, что я не думалъ о себѣ иначе, какъ о человекѣ, по крайней мѣрѣ, на нѣсколько лѣтъ остающемся въ Россіи.

Я перечислилъ нѣкоторые изъ фактовъ, показывающихъ, что я не думалъ эмигрировать. Есть другіе, свидѣтельствующіе, что я не могъ, положительно не могъ эмигрировать.

Я уже привыкъ получать и проживать много. Я имѣлъ тысячъ 10 въ годъ и больше ¹⁾. Но я проживалъ всѣ деньги, которыя получалъ. Домъ въ Саратовѣ и кусокъ земли въ Аткарскомъ уѣздѣ, доставшіеся мнѣ по наслѣдству, имущество слишкомъ незначительное для человека, привыкшаго имѣть такіа деньги отъ своей работы. Я оставлялъ и намѣренъ былъ оставлять это имущество и доходъ съ него во владѣніи моихъ саратовскихъ родственниковъ. Но если бы я для эмиграціи измѣнилъ свою мысль и продалъ его (къ чему не дѣлалъ никакихъ приготовленій), всетаки оно не дало бы мнѣ возможности жить за границею. По особенностямъ моего образованія, я, читая книги на главныхъ европейскихъ языкахъ, рѣшительно не умѣю, до замѣчательной странности не умѣю ни говорить, ни тѣмъ болѣе писать ни на одномъ изъ нихъ. Слѣдовательно, я не могъ очень долго, по крайней мѣрѣ нѣсколько лѣтъ, сдѣлаться французскимъ, нѣмецкимъ или англійскимъ литераторомъ. А писать за границею на русскомъ языкѣ вещи, не пропускаемыя въ открытую продажу въ Россіи, значить не получать почти никакого дохода отъ

¹⁾ По словамъ М. Н. Чернышевскаго, родители его жили тогда очень широко, держа своихъ лошадей, прекрасные экипажи, нанная повара и т. п. Впрочемъ, самъ Н. Г. отнесся къ комфорту вполне равнодушно.

своей работы. Итакъ, эмигрировать значило бы для меня обречь свое семейство на великія страданія отъ нужды. Надѣюсь, кто знаетъ меня, тотъ не усомнится, что мысль объ этомъ не могла быть для меня слишкомъ привлекательна ¹⁾.

Или не хотѣлъ ли я уѣхать по опасенію ареста? Я слишкомъ давно, слишкомъ много слышалъ отъ другихъ опасенія, что меня арестуютъ. Еслибъ я считалъ возможнымъ, что сбудутся эти опасенія, то конечно не сталъ бы ждать іюля 1862 года, а уѣхалъ бы въ сентябрѣ 1861 года. Но кто знаетъ меня, тотъ знаетъ, что я смѣялся надъ опасеніями другихъ, будто меня могутъ арестовать ²⁾. Я подробнѣе говорю объ этомъ въ письмѣ къ Его Свѣтлости СПбургскому Генераль-Губернатору отъ 20 или 22 ноября и ссылаюсь на это письмо въ дополненіе настоящаго моего показанія.

Я не думалъ, я не предполагалъ нужды думать, я не имѣлъ возможности думать объ эмиграціи. Но еслибъ я могъ и хотѣлъ эмигрировать, то Герценъ менѣе всѣхъ литераторовъ дѣлалъ свѣта могъ представляться мнѣ товарищемъ въ изданіи журнала. На это много причинъ.

Въ письмѣ моемъ къ Его Величеству я привелъ и въ письмѣ къ Его Свѣтлости Г. СПбургскому Генераль-Губернатору изложилъ подробнѣе двѣ изъ причинъ, отчуждавшихъ меня отъ Герцена. Я не одобрялъ нѣкоторыхъ плановъ Герцена, извѣстныхъ мнѣ по слуху (о чемъ говорится въ его письмѣ, находившемся въ моихъ бумагахъ), и мое личное неудовольствіе на него по процессу г-жи Панаевой изъ-за векселей и имѣнія покойной г-жи Огаревой. Ссылаюсь на эти письма (отъ 20 или 22 ноября прошлаго года) въ пополненіе моего настоящаго показанія. Въ нихъ я представилъ только двѣ причины, какъ почти не требовавшія повѣрки. Здѣсь приведу еще двѣ, повѣрка которыхъ незатруднительна.

Первая изъ нихъ—моя чрезвычайно сильная привязанность къ покойному Н. А. Добролюбову и дурные отзывы о немъ Герцена, начинающіеся съ весны 1859 года, когда въ № 45 или 47 ³⁾

¹⁾ Пробывшій съ Чернышевскимъ въ ссылкѣ около шести лѣтъ, С. Г. Стаховичъ рассказываетъ, что задолго до ареста Н. Г. на Сѣраковскій передалъ ему свой разговоръ съ Кауфманомъ, директоромъ канцеляріи военнаго министерства. Этотъ потомъ извѣстный генералъ находилъ, что за вредное вліяніе на молодежь Чернышевскій долженъ былъ быть сосланъ. Не задолго же до ареста къ Чернышевскому явился адъютантъ кн. Суворова и посоветовалъ Н. Г., отъ имени князя, немедленно уѣхать за границу отъ грозившаго ареста. Суворовъ обѣщавъ выхлопотать для этого всѣ документы и устранить всѣ затрудненія. На вопросъ Чернышевскаго, почему же князь такъ о немъ заботится, адъютантъ отвѣтилъ: «Если васъ арестуютъ, то ужъ, значить, сошлютъ, сошлютъ въ сущности безъ всякой вины, за ваши статьи, хотя онѣ и пропущены цензурою. Вотъ князю и желательно, чтобы на государя, его личнаго друга, не легло бы это пятно—сослать писателя безвинно». Но Чернышевскій отказался послѣдовать совѣту Суворова. «Не поѣду за границу. Будь, что будетъ». (См. фельетоны Стаховича въ «Закаспійскомъ Обзорѣннѣ» 1906 г. №№ 237, 238, 239, 243 и 250). О процессѣ г. Стаховичъ сообщаетъ немного и невѣрно.

²⁾ Дѣйствительно, Никитенко, напримѣръ, записалъ 22 сентября 1861 года: «говорить, вѣтъ и великій проповѣдникъ социализма и матеріализма, Чернышевскій».

³⁾ 44.

«Колокола» была напечатана обидная для Добролюбова (и для меня, но о себѣ я не говорю) статья Герцена «Very Dangerous». Этихъ отзывовъ о Добролюбовѣ я не могъ извинить Герцену никогда, а тѣмъ болѣе послѣ смерти Добролюбова. Когда я потерялъ Добролюбова (въ ноябрѣ 1861 г.) неприязнь къ Герцену за него усилилась во мнѣ до того, что увлекла меня до поступковъ, порицаемыхъ правилами литературной полемики, недозволяющей бранить того, кого не могъ бы похвалить, еслибъ захотѣлъ. Укажу для примѣра на выраженіе мое о немъ въ одной изъ первыхъ книжекъ «Современника» за 1862 г. въ статьѣ, которую началъ я біографію Добролюбова. Это было напечатано мною около того времени, когда я, говорить обвиненіе, будто бы собирался вступить въ товарищество съ Герценомъ. Эта моя рѣзкость надѣлала тогда довольно шума въ нашей литературѣ, и вообще въ послѣднее время передъ моимъ арестомъ литературный міръ очень хорошо зналъ мою неприязнь къ Герцену. На это есть печатныя указанія въ русскихъ періодическихъ изданіяхъ. Для примѣра укажу на «СПБургскія Вѣдомости» первой половины 1862 г. ¹⁾

Но кромѣ политическихъ причинъ несогласія и кромѣ личной неприязни, существуетъ еще одно обстоятельство, по которому я никакъ не могъ думать о товариществѣ съ Герценомъ. Я привыкъ быть полнымъ хозяиномъ направленія журнала, въ которомъ участвую. Я могу уступить своему товарищу всю денежную часть, оставить на его волю помѣщеніе безразличныхъ по своему содержанію повѣстей, но направленіе журнала должно быть безусловно мое. Съ Герценомъ это было бы невозможно. Онъ не только сталъ бы спорить со мною о чужихъ статьяхъ, но сталъ бы требовать, чтобъ я поправлялъ по его замѣчаніямъ свои статьи. А я не только не могъ бы допустить такого вмѣшательства, а самъ потребовалъ бы отъ него безусловнаго подчиненія себѣ, то есть вещи невозможной. Кто не знаетъ, что непременно я хочу быть безусловнымъ хозяиномъ направленія журнала, въ редакціи котораго участвую, тотъ не знаетъ меня. А при этомъ мысль о моемъ товариществѣ съ Герценомъ — нелѣпость. Натурально послѣ этого, что я былъ до крайности удивленъ, услышавъ на допросѣ 30 октября, что я обвиняюсь въ сношеніяхъ съ Герценомъ, и почелъ этотъ вопросъ сдѣланнымъ безъ всякихъ основаній. Но еще болѣе былъ я изумленъ, когда на первомъ изъ двухъ допросовъ, бывшихъ въ мартѣ, сообщили мнѣ, что существуетъ письмо, выражающее согласіе Герцена на то, чтобъ

¹⁾ Къ общезвѣстнымъ рассказамъ о благоговѣнномъ отношеніи Чернышевскаго къ Добролюбову прибавлю сообщаемый г. Николаевымъ: „Я помню, онъ читалъ намъ свой „Прологъ къ прологу“. Когда онъ читалъ дневникъ Левинскаго (въ которомъ онъ хотѣлъ, по крайней мѣрѣ до известной степени, изобразить Добролюбова), голосъ его задрожалъ, въ немъ послышались величавыя ноты, на глазахъ показались слезы. И онъ убѣждалъ тогда на полчаса вѣроятно, хотѣлъ остаться одинъ со своими слезами. Онъ вообще не могъ безъ слезъ вспоминать Добролюбова: такъ сильно онъ любилъ его и настолько выше себя ставилъ его“ (см. брошюру г. Николаева, стр. 24).

издавать журналъ со мною. Кѣмъ придуманъ такой невозможный для меня проектъ, я и не постигаю. Но если еще остается какое нибудь подозрѣніе въ томъ, что я имѣлъ это намѣреніе, то я прошу, чтобы Пр. С. разрѣшилъ мнѣ принять для изслѣдованія этого страннаго случая, тѣ мѣры, какія могутъ быть допущены по закону.

2. Объясненіе о мнимомъ шифрѣ, найденномъ у меня.

Эти картонные лоскутки исписаны буквами и цифрами почерка моего родственника, Алексѣя Осиповича Студенскаго, который теперь, вѣроятно, находится въ Петербургѣ и адресъ котораго, вѣроятно, извѣстенъ моему двоюродному брату, Александру Николаевичу Пыпину, живущему у Владимірской, въ Свѣчномъ переулкѣ, въ домѣ Тулякова, квартира № 43 (А. Н. Пыпина).

Уѣзжая въ Саратовъ, за нѣсколько времени передъ моимъ арестомъ, г. Студенскій принесъ мнѣ на сохраненіе зеленую папку съ своими бумагами и положилъ ее на окно моей комнаты или въ нижній ящикъ стоявшаго въ ней шкапа съ книгами,—не припомню въ точности. Я, разумѣется, и не дотрогивался до этой папки. Вѣроятно, въ ней и нашлись эти картонные лоскутки. Что это за игрушка, вѣроятно, объяснить г. Студенскій. А я дѣлаю такое предположеніе, за удачность котораго, впрочемъ, не ручаюсь:

Незадолго передъ моимъ арестомъ, были совѣщанія людей, занимающихся русскою грамматикою (кажется, въ залѣ 2-й гимназій), объ улучшеніи русскаго языка и орфографіи. Г. Студенскій былъ очень заинтересованъ этимъ предметомъ и занимался лексикографическими и этимологическими разложеніями русскихъ словъ на ихъ составныя части,—я думаю, не сдѣлалъ ли онъ эти картонные лоскутки для пособія себѣ въ такомъ занятіи. А, впрочемъ, не рѣшаю, угадалъ ли я.

Я не обратилъ на нихъ большого вниманія, когда мнѣ показывали ихъ, думая, что сама коммиссія почтетъ удобнымъ оставить безъ вниманія эту игрушку. Но если не обманываетъ меня память, лоскутки исписаны такъ: по краю лоскутка съ начала строки идетъ рядъ цифръ отъ 1 до 36 или 35, а послѣ цифръ написаны буквы русской азбуки. Еслибъ это былъ шифръ, этотъ шифръ принадлежалъ бы къ такой системѣ: каждой буквѣ соответствуетъ одна цифра (отъ 1 буквы до 9-й) или 2 цифры (отъ 10 буквы до конца азбуки); знакъ каждой буквы (одну цифру или двѣ) надобно ставить отдѣльно отъ предыдущаго и послѣдующаго знака, потому что иначе нельзя было бы различать, гдѣ брать двѣ цифры за букву, гдѣ одну, и самъ писавшій не могъ бы разобрать того, что написалъ, и никакой ключъ не помогъ бы путаницѣ. Поясню это примѣромъ. Пусть будетъ

а — 1
б — 2
л — 12;

тогда, если написать сплошь 1212, нельзя будет, имѣющему ключъ шифра знать, какъ прочесть это: *абл* или *лаб*, или *абаб*, или *лл*. Потому необходимо писать врознь, такъ:

1 2 12 —

это будетъ *абл*.

12 1 2 — *лаб*,
12 12 — *лл*.

Но всѣ шифры такой системы (для каждой буквы особый знакъ и знакъ каждой буквы ставится особо отъ предыдущаго и послѣдующаго) уже черезчуръ просты. Я никогда не занимался искусствомъ дешифровки, но берусь въ одинъ вечеръ найти ключъ къ отрывку, писанному какимъ бы то ни было шифромъ этой системы. Еслибъ я имѣлъ надобность или охоту придумывать или употреблять шифръ, то надѣюсь, что у меня достало бы смысла понять, что шифръ такой системы слишкомъ плохъ, и достало бы ума придумать шифръ получше.

Прибавлю: я не такой невѣжда, какимъ предполагаетъ меня это обвиненіе. Изъ чтенія гражданскихъ и политическихъ и не-политическихъ уголовныхъ иностранныхъ процессовъ мнѣ извѣстно, что употребленіе какого бы то ни было шифра признано вещь устарѣлою, неудобною для тайныхъ сношеній и слишкомъ опасною для сносящихся. И еслибъ я хотѣлъ имѣть съ кѣмъ нибудь тайныя письменныя сношенія, то ужъ навѣрное не выбралъ бы средствомъ для нихъ не только такой младенческой системы шифра, какую давали бѣ эти лоскутки, когда бы служили для шифрованія, но и никакой системы шифра.

3. Поясненія по показаніямъ г. Костомарова всѣмъ вообще.

Я не юристъ, потому прошу Пр. С. быть снисходительнымъ, если въ этомъ отдѣлѣ моего дополнительнаго показанія беру предметъ, который, по обычаемъ нашей судебной практики, долженъ быть предметомъ моихъ отвѣтовъ не теперь, а въ какомъ либо послѣдующемъ періодѣ моего процесса. Слѣдственная коммиссія не спрашивала меня, имѣю ли я причины отвода противъ г. Костомарова. Я не знаю, долженъ ли быть предложенъ мнѣ этотъ вопросъ; если нѣтъ, то вновь прошу снисходительности Пр. С. къ той погрѣшности, что утруждаю Сенатъ разборомъ вопроса, не подлежащаго моему отвѣту. Наконецъ, что касается самой сущности предъявляемыхъ мною основаній отвода, вновь прошу снисходительности Пр. С. въ томъ случаѣ, если причины эти неудовлетворительны: я никакъ не хотѣлъ бы приводить за-

кововъ, не подходящихъ къ дѣлу, но по недостатку спеціального юридическаго знанія могу ошибиться.

Мнѣ кажется, не знаю, основательно ли, что г. Костомаровъ подходитъ или подъ какой либо, или подъ нѣкоторые изъ слѣдующихъ законовъ:

Св. зак. т. XV кн. 2 ст. 216 п. 1—«не допускаются въ дѣлѣ уголовномъ къ свидѣтельству подъ присягою 1) лица, прикосновенныя къ дѣлу».

Г. Костомаровъ есть лицо прикосновенное къ дѣлу, если не сдѣлалъ своихъ показаній противъ меня при самомъ началѣ слѣдствія надъ нимъ, по статьѣ (того же тома той же книги) 596:

«Всякаго состоянія люди обязаны доносить о дѣлахъ, касающихся до преступленій государственныхъ, означенныхъ въ статьяхъ 275—280 и 282—287 улож. о наказ., подъ опасеніемъ за недонесеніе наказаній, опредѣленныхъ за сіе въ статьяхъ 277, 279, 281,—286 и 288 того же уложенія», и статьи 17 уложенія о наказаніяхъ:

«прикосновенными къ преступленію считаются и тѣ, которые, зная о умышленномъ или уже содѣянномъ преступленіи и имѣвъ возможность довести о томъ до свѣдѣнія правительства, не исполнили сей обязанности».

Если же г. Костомаровъ сдѣлалъ свои показанія противъ меня при самомъ началѣ слѣдствія надъ нимъ, то я прежде допущенія показаній г. Костомарова за обвиненія, подлежащія судебному разсмотрѣнію, въ настоящее время, долженъ просить Пр. С. объ изслѣдованіи вопроса: почему при существованіи такихъ показаній я не былъ призванъ къ суду или какому либо отвѣту въ послѣднюю половину 1861 года, когда производилось слѣдствіе надъ г. Костомаровымъ.

Или, быть можетъ, г. Костомаровъ подходитъ подъ пунктъ 2-й той же 216 статьи XV тома 2 ч.

«не допускаются въ дѣлѣ уголовномъ къ свидѣтельству подъ присягою 2) имѣвшіе съ нимъ (подсудимымъ) вражду», мнѣ казалось бы, что онъ подходитъ подъ этотъ пунктъ на основаніи фактовъ, которые я излагаю ниже.

Если же г. Костомаровъ подходитъ подъ какой либо изъ этихъ законовъ, то мнѣ казалось бы, что мнѣ нѣтъ нужды и входить въ разборъ его показаній, на основаніи

Св. зак. т. XV кн. 2 ст. 334: «Показанія свидѣтелей вовсе не имѣютъ силы доказательства 1) когда они учинены безъ присяги».

Перехожу къ поясненію моихъ отношеній съ г. Костомаровымъ.

Я былъ внимателенъ, могу сказать: добръ къ нему. Не скрывается ли въ этомъ нѣчто особенное? Да, скрывается или, вѣрнѣе сказать, обнаруживается особенность моего характера, доходящая до такой крайности, которая служить предметомъ всеобщихъ насмѣшекъ въ кругу моихъ знакомыхъ, источникомъ

безчисленных хлопотъ и неприятностей для меня: трудно найти человека, который не получилъ бы отъ меня всякой возможной услуги и помощи, кто ни бы былъ этотъ ищущій ее у меня,—знакомый или незнакомый, все равно. Какъ писатель, я извѣстенъ крайнею жестокостію,—въ частной жизни я страдаю противоположнымъ недостаткомъ.

Но кромѣ этой особенной, была другая, самая обыкновенная причина моей внимательности къ г. Костомарову. Я былъ журналистъ. Всякій неглупый журналистъ знаетъ, что должно быть внимательнымъ къ молодымъ начинающимъ литераторамъ, потому что изъ нихъ выходятъ свѣжія силы, а безъ внимательности къ нимъ журналъ хилѣетъ и падаетъ. Поэтому я, для собственной выгоды, всегда былъ внимателенъ къ начинающимъ литераторамъ, высматривая, не окажется-ли кто нибудь изъ нихъ хорошимъ работникомъ. Люди болѣе меня зоркіе умѣютъ скоро различать, годится или не годится молодой человекъ въ сотрудники журнала. Мнѣ нужно всматриваться долго. И я все еще только всматривался въ г. Костомарова, не рѣшаясь предложить ему работу въ «Современникѣ», пока получше не узнаю его способностей (Быть можетъ, излишнее объяснить, что сотрудничество, постоянное участіе въ собственно журнальной работѣ, въ такъ называемыхъ текущихъ статьяхъ вовсе не то, что печатаніе стиховъ въ журналѣ).

Въ такихъ отношеніяхъ я былъ съ десятками начинающихъ литераторовъ. Г. Костомаровъ былъ не исключеніе, а подходилъ подъ общее правило. Для г. Костомарова я сдѣлалъ даже гораздо меньше, чѣмъ для многихъ другихъ.

Эта необходимость быть внимательнымъ и оказывать возможные услуги еще вовсе не составляетъ интимности и не свѣдѣтельствуешь о довѣрїи. Это просто то, что наниматель на работу, высматриваетъ хорошихъ работниковъ между людьми, ищущими работы. Съ г. Костомаровымъ я былъ менѣе коротокъ, нежели бывалъ со многими изъ начинающихъ литераторовъ. Что дѣйствительно не былъ я съ нимъ коротокъ и почему не былъ, это будетъ видно изъ слѣдующихъ поясненій.

Но я дѣйствительно былъ внимателенъ къ нему. Напримѣръ, онъ сталъ говорить, что хочетъ издать поэтическую хрестоматію; я отдалъ ему сборникъ подобнаго рода, валявшійся у меня уже нѣсколько лѣтъ и не нужный мнѣ. Онъ принялъ за большую услугу подарокъ этой вещи, непригодной мнѣ ни на что, и просилъ позволенія написать въ предисловіи, что хрестоматія, которую онъ сдѣлаетъ на основаніи этого сборника (уже устарѣваго и потому требовавшаго передѣлки), составлена по моимъ совѣтамъ. Когда онъ вздумалъ издать переводъ «Исторіи литературы» Шерра, я на его просьбу помочь отвѣчалъ, что беру цензурныя хлопоты и печатаніе на себя. То и другое не было для меня важною. Цензоръ былъ всегда готовъ по моей просьбѣ прочесть рукопись поскорѣе; типографія Вульфа и бумажная

лавка (бывшая) Завѣтнова имѣли текущій счетъ и кредитъ съ конторою «Современника». Но для г. Костомарова была важна услуга, которая не стоила мнѣ ничего.

По возвращеніи моемъ (въ сентябрѣ 1861 г.) изъ Саратова въ Петербургъ, когда г. Костомаровъ былъ уже арестованъ, я пересталъ дѣлать для него что либо и, между прочимъ, отказался печатать переводъ Шерра. Кто хочетъ объяснить это только въ невыгодную для меня сторону, легко найдетъ двѣ причины перемѣны. Возвратившись изъ Саратова, я узналъ, что мой двоюродный братъ, г. А. Пыпинъ, взялъ на себя редакцію другого перевода той же книги Шерра; натурально предположить, что я не хотѣлъ мѣшать успѣху изданія, въ которомъ работалъ мой родственникъ. Этимъ, кажется, достаточно объясняется отказъ мой печатать переводъ г. Костомарова. А вообще, у меня, какъ у журналиста, исчезала причина внимательности къ г. Костомарову: даровитый онъ былъ человекъ или нѣтъ, все равно, онъ надолго лишился способности быть полезнымъ для журнала. Я не имѣю права требовать, чтобы мою перемѣну приписывали побужденіямъ болѣе благороднымъ¹⁾.

Но отчего бы ни произошла перемѣна, г. Костомаровъ увидѣлъ, что ошибся въ расчетахъ на мою помощь, и это очень раздражило его противъ меня.

Въ то время, когда производилось дѣло г. Михайлова, носились слухи, что у г. Костомарова найдено воззваніе къ барскимъ крестьянамъ или два какія то воззванія; что по судебному изслѣдованію найденъ былъ авторъ этой рукописи или этихъ рукописей. Если какой либо изъ этихъ слуховъ основателенъ, то мнѣ нѣтъ надобности доказывать, что воззваніе къ барскимъ крестьянамъ писано не мною. На очной ставкѣ со мною при второмъ изъ допросовъ, сдѣланныхъ мнѣ въ мартѣ, г. Костомаровъ упомянулъ, что это воззваніе (или эти два воззванія) признано (или признаны) по суду за написанныя имъ, г. Костомаровымъ. Но хотя эти слова его и совершенно въ мою пользу, я не ссылаюсь на нихъ, какъ на что либо достовѣрное, потому что вообще въ словахъ г. Костомарова слишкомъ много неточностей; я только прошу о повѣркѣ этихъ его словъ справкою съ его дѣломъ.

Прибавлю: носились слухи, что г. Костомаровъ въ продолженіе своего процесса перемѣнялъ свои показанія и постепенно дошелъ въ нихъ до такихъ странностей, что слѣдственная комиссія, производившая его дѣло, перестала принимать его показанія къ свѣдѣнію. Этотъ слухъ также требуетъ повѣрки справкою съ дѣломъ г. Костомарова.

Вообще справка съ дѣлами г. Костомарова и г. Михайлова должна объяснить много вопросовъ, рѣшеніе которыхъ, каково

¹⁾ Разумѣется истинная причина—доносъ на Михайлова. Послѣ этого Чернышевскій при-
ялъ, по всей вѣроятности, мѣры къ уничтоженію слѣдовъ сношеній съ Костомаровымъ.

бы оно ни было, непременно устраняетъ обвиненія противъ меня, извлекаемыя изъ показаній г. Костомарова. Изъ этихъ вопросовъ въ предыдущемъ изложеніи фактовъ уже явились слѣдующіе: когда и какъ даны показанія г. Костомарова (если давно, я устраняю ихъ, какъ уже отвергнутыя судомъ; если недавно, я устраняю ихъ, какъ показанія лица, лишившагося способности быть свидѣтелемъ); перемѣнялъ ли г. Костомаровъ свои показанія или нѣтъ (если перемѣнялъ, они теряютъ силу доказательствъ по взаимному противорѣчію; если не перемѣнялъ, то, значить, они признаны за основательныя судомъ, не призывавшимъ меня къ отвѣту); открытъ ли судомъ авторъ рукописи (или рукописей), найденныхъ у г. Костомарова (если открытъ, мнѣ не въ чемъ оправдываться; если нѣтъ, то одно изъ двухъ: г. Костомаровъ знаетъ или не знаетъ его; если знаетъ, онъ неспособенъ быть свидѣтелемъ, какъ лицо, бывшее укрывателемъ; если не знаетъ, его показанія противъ меня неосновательны). Другіе вопросы, требующіе справки съ дѣлами г. Костомарова и г. Михайлова, будутъ представляться въ послѣдующемъ изложеніи фактовъ.

Сдѣлавъ эти поясненія, относящіяся ко всѣмъ обвиненіямъ противъ меня, извлекаемымъ изъ показаній г. Костомарова, перехожу къ разбору каждаго изъ этихъ обвиненій въ отдѣльности, повторяя, что къ предыдущимъ объясненіямъ мнѣ кажется, что я имѣю право отвергать ихъ безъ всякаго разбора, какъ незаслуживающія судебного разсмотрѣнія, и прося снисходительности Пр. С. къ моей ошибкѣ, если, не будучи юристомъ, ошибаюсь въ этомъ моемъ мнѣніи.

4. Поясненія по показанію г. Костомарова, будто я читалъ ему съ г. Михайловымъ воззваніе къ барскимъ крестьянамъ, какъ написанную мною вещь.

Г. Костомаровъ (зимою 1860—61 года) однажды вечеромъ пріѣзжалъ ко мнѣ съ г. Михайловымъ. Когда меня спрашивали при слѣдствіи, гдѣ я видѣлъ г. Костомарова въ первый разъ, я не могъ ручаться за то, что онъ когда нибудь прежде этого не видѣлъ меня въ лицо или не былъ въ однѣхъ комнатахъ со мной. Человѣкъ, который по своимъ занятіямъ постоянно видитъ новыя лица, часто и не говорящія ему своей фамиліи изъ авторскаго самолюбія, чтобы не осталось у журналиста связаннаго съ фамиліею воспоминанія о какой нибудь плохой отвергнутой имъ повѣсти или статьѣ, такой человѣкъ не можетъ ручаться за то, когда именно видѣлъ его кто либо въ первый разъ. Приведу фактъ изъ своей жизни. Г. Краевскій и г. Некрасовъ поступили бы очень опрометчиво, если бы сказали передъ судомъ, когда видѣлись со мной въ первый разъ. Безъ сомнѣнія, каждый изъ нихъ очень хорошо помнитъ, когда я былъ у него въ первый разъ въ 1853 году, съ котораго начались наши лите-

ратурныя отношенія. Но я видѣлъ того и другого несравненно раньше. Г. Краевскому я отдалъ (лично, въ тогдашней конторѣ «Отечественныхъ Записокъ») переводъ біографіи г-жи Ментенонъ изъ фельетона «Journal des Débats» въ іюль или августъ 1846 года; и г. Краевскій былъ такъ милъ, что говорилъ со мною довольно долго и очень ласково, но переводъ мой не годился для журнала. Онъ очень удивится, когда я напомню ему это обстоятельство. Точно также удивится г. Некрасовъ, когда я скажу, что въ концѣ 1847 года или въ началѣ 1848 года я видѣлъ его и сказалъ съ нимъ нѣсколько словъ въ тогдашней конторѣ «Современника», отдавая ему написанную мною тогда повѣсть (содержаніе которой были несчастія сироты-дѣвушки, воспитывавшейся въ институтѣ и потомъ попавшей въ дурныя руки),—повѣсть, которая тоже оказалась незаслуживающею печати. Конечно, я не напомнилъ ни тому ни другому объ этихъ свиданіяхъ, когда начиналъ знакомство съ ними черезъ нѣсколько лѣтъ, и былъ очень радъ, что они совершенно забыли о нихъ и встрѣтили меня, какъ человѣка, никогда еще не виданнаго ими.

Но когда мнѣ сказали, что г. Костомаровъ говоритъ, что не видѣлъ меня до своего пріѣзда съ г. Михайловымъ ко мнѣ, то я полагаю, что это правда; по крайней мѣрѣ, это согласно съ моими собственными воспоминаніями. И когда теперь мнѣ известно, что подъ первымъ свиданіемъ моимъ съ г. Костомаровымъ разумѣется пріѣздъ г. Костомарова съ г. Михайловымъ ко мнѣ, то я могу объяснить, какъ это произошло.

Въ ту зиму (1860—1861 г.) г. Михайловъ бывалъ у меня довольно рѣдко, почти всегда только по утрамъ, на короткое время, по дѣламъ «Современника», корректуры котораго тогда читалъ онъ. Но онъ зналъ, что мои знакомые собираются сидѣть у меня по средамъ. И вотъ въ одну среду вечеромъ онъ пріѣхалъ ко мнѣ съ молодымъ человѣкомъ въ уланскомъ мундирѣ и рекомендовалъ его мнѣ, какъ г. Костомарова, литератора. Когда они пріѣхали, у меня уже находилось, когда они уѣхали, у меня еще оставалось нѣсколько человѣкъ гостей. Я встрѣтилъ г. Михайлова и г. Костомарова въ залѣ, гдѣ сидѣлъ съ гостями, и новые два сѣли въ кругу прежнихъ. Черезъ нѣсколько времени г. Костомаровъ сказалъ мнѣ, что хочетъ поговорить со мною наединѣ; это очень обыкновенная вещь у литераторовъ, журналисты привыкли слышать такія желанія и исполнять ихъ; литературныя дѣла такъ близко касаются авторскаго самолюбія, что о нихъ очень часто говорятъ наединѣ. Я ждалъ обыкновеннаго для журналистовъ объясненія о литературныхъ намѣреніяхъ, просьбъ о совѣтахъ по какимъ нибудь стихотвореніямъ или повѣстямъ, и пошелъ съ г. Костомаровымъ,—однимъ имъ,—въ мой кабинетъ. Г. Михайловъ оставался въ залѣ съ другими гостями, и не входилъ въ кабинетъ. Все время нашего отсутствія онъ оставался безвыходно въ

залѣ. Черезъ нѣсколько времени я и г. Костомаровъ возвратились въ залъ. Это факты, видѣнные моими гостями въ ту среду.

Г. Михайловъ привезъ ко мнѣ г. Костомарова въ такой вечеръ, въ который у меня бывали гости. Изъ этого я вывожу, что, привозя ко мнѣ г. Костомарова, онъ не имѣлъ никакой тайной цѣли. Для тайныхъ разговоровъ не выбираютъ вечера, когда у хозяина собираются гости.

Мой разговоръ съ г. Костомаровымъ въ кабинетѣ весь, съ начала до конца, происходилъ наединѣ. Г. Костомаровъ очень неудачно ввелъ въ свое показаніе обстоятельство, неточность котораго я въ состояніи доказать. Такъ какъ въ этомъ обстоятельствѣ—присутствіи г. Михайлова—не было ему надобности для его цѣлей, то изъ этого я вывожу, что его воспоминанія очень сбивчивы.

Итакъ, нашъ разговоръ съ г. Костомаровымъ въ моемъ кабинетѣ происходилъ совершенно наединѣ, какъ очень часто происходятъ разговоры журналиста съ литераторомъ,—и безъ особеннаго случая я не могъ бы доказать, что содержаніе этого разговора было вовсе не таково, какъ говоритъ г. Костомаровъ. Но, къ счастью, черезъ нѣсколько дней послѣ того произошелъ слѣдующій случай. У г. Некрасова былъ обѣдъ. Я и г. Михайловъ находились въ числѣ гостей. За обѣдомъ г. Михайловъ обратился ко мнѣ съ укоризнами въ томъ, что я охлаждаю молодыхъ людей и что я возбудилъ этимъ неудовольствіе г. Костомарова, который говорилъ ему (г. Михайлову), что разговоръ его (г. Костомарова) со мною въ кабинетѣ показалъ ему (г. Костомарову) во мнѣ апатичнаго человѣка, желающаго, чтобъ и всѣ другіе были, подобно мнѣ, апатичными гражданами, не думающими объ общей пользѣ, заботящимися только о своихъ семейныхъ дѣлахъ. Г. Михайловъ осыпалъ меня этими укоризнами почти съ самаго начала до самаго конца обѣда, довольно продолжительнаго. Онъ сидѣлъ довольно далеко отъ меня (я сидѣлъ на одной изъ узкихъ сторонъ стола, а г. Михайловъ близко къ другой узкой сторонѣ стола), такъ что онъ говорилъ со мною черезъ весь столъ, говорилъ громко и съ жаромъ, заглушая разговоръ между собою другіе обѣдавшихъ, которые скоро почти всѣ перестали говорить между собою, слушая нашъ разговоръ, состоявшій изъ длинныхъ горячихъ нападеній Михайлова на меня и моихъ короткихъ холодныхъ или шутивыхъ отвѣтовъ.

Это послѣдствіе моего разговора съ г. Костомаровымъ показываетъ, что этотъ происшедшій между мною и имъ разговоръ имѣлъ съ моей стороны направленіе и содержаніе прямо противоположное тому, что утверждаетъ г. Костомаровъ.

Мнѣ кажется, что я могу теперь ожидать вѣры въ слѣдующее мое показаніе о дѣйствительномъ содержаніи этого разговора. Вотъ оно. Г. Костомаровъ, начавъ рѣчь съ сборника переводныхъ стихотвореній, который онъ издавалъ тогда, перешелъ къ обыкновеннымъ жалобамъ литераторовъ на цензуру, а отъ нихъ началъ было переходить къ тому, что вообще дѣла у насъ въ Россіи

идуть плохо, но на этомъ, совершенно еще неопредѣленномъ періодѣ его словъ я остановилъ его шутивнымъ вопросомъ, велико ли у него состояніе, когда онъ служитъ репетиторомъ въ одномъ изъ московскихъ кадетскихъ корпусовъ—«я привыкъ находить, сказалъ я, что между преподавателями кадетскихъ корпусовъ нѣтъ людей очень богатыхъ (о томъ, гдѣ онъ служитъ, я спрашивалъ у него прежде, когда мы сидѣли въ залѣ)».—«Никакого состоянія, кромѣ маленькаго разваливающагося домика у моей матушки».—«Ахъ, у васъ есть матушка?»—спросилъ я иронически,—«и сестры» отвѣчалъ онъ.—«Вотъ какъ, у васъ есть матушка и сестры, сказалъ я съ еще большею ироніей, — и вѣроятно живутъ доходами съ этого развалиющагося домика?»—«Нѣтъ, какой же съ него доходъ», отвѣчалъ онъ уныло,—«я содержу ихъ своею работою и жалованьемъ.»—«А когда такъ, сказалъ я серьезнымъ тономъ,—то вамъ слѣдуетъ думать не о томъ, хорошо или дурно идутъ дѣла въ Россіи, а о вашемъ семействѣ, которое вы обязаны содержать вашими трудами»;—сказавъ нѣсколько словъ на эту обыкновенную тему обыкновеннымъ тономъ людей, успѣвшихъ поостыть и читающихъ по всякому малѣйшему поводу нотаціи молодымъ людямъ о семейныхъ обязанностяхъ и разсудительности,—я всталъ, и мы возвратились въ залъ.

Я перервалъ г. Костомарова такъ рано, что онъ не только не успѣлъ дойти до какихъ бы то ни было намековъ о какихъ нибудь тайныхъ своихъ дѣлахъ, но и не успѣлъ сказать ровно ничего особеннаго,—немногія слова, которыя успѣлъ сказать онъ о плохомъ, по его тогдашнему мнѣнію, ходѣ дѣлъ въ Россіи, были такъ неопредѣленны и блѣдны, что показались мнѣ не больше, какъ попыткою того, что называется «полиберальничать»—обыкновенною замашкою очень многихъ, скучною для меня ¹⁾.

Въ горячихъ укоривнахъ, дѣлаемыхъ мнѣ г. Михайловымъ за обѣдомъ у г. Некрасова также не было ничего такого, что могло бы возбудить во мнѣ предположеніе о какихъ нибудь тайныхъ дѣлахъ или намѣреніяхъ у г. Михайлова или г. Костомарова. Это само собою слѣдуетъ уже изъ того, что онъ говорилъ при нѣсколькихъ лицахъ, открыто, громко. Я зналъ г. Михайлова за человѣка пылкаго, но очень мало занимающагося политическими вопросами,—да и разгорячился тогда онъ вовсе не по какому нибудь политическому вопросу, а изъ-за того, что я назвалъ бездарнымъ стихоплетомъ г. А. Майкова (извѣстнаго поэта),—г. Михайловъ вспыхнулъ, началъ говорить, что у меня нѣтъ эстетическаго чувства, что я унижаю искусство, отвергаю поэзію, отвергаю все высокое и благородное, что мой взглядъ холодный, леденящій всѣ благородные порывы,—вотъ какимъ рядомъ мыслей дошелъ онъ до того, что я охладѣлъ и тѣмъ разсердился г. Ко-

¹⁾ Чернышевскій ея вообще не выносилъ.

стомарова—и поэтому слова г. Михайлова въ своей неопредѣленности не имѣли никакого политическаго смысла.

Но если не было ничего замѣчательнаго въ содержаніи словъ г. Михайлова, то всетаки вѣдь они говорились въ укоризну мнѣ,—это была сцена непріятная для меня: полчаса слушать брань на себя, хоть и отъ добраго знакомаго,—это такой случай, на который не стоитъ сердиться, но который невольно запоминается съ обстоятельствами, къ которымъ онъ относится. Вотъ причина, по которой врѣзались въ моей памяти черты разговора съ г. Костомаровымъ.

Но самъ по себѣ этотъ разговоръ не былъ важенъ, да и весь вечеръ, проведенный у меня г. Костомаровымъ вмѣстѣ съ г. Михайловымъ, тоже не былъ важенъ; вотъ объясненіе тому, что у г. Костомарова осталось слишкомъ слабое воспоминаніе объ этомъ вечерѣ и этомъ разговорѣ, такъ что, дѣлая показаніе, онъ не могъ сообразить, что вводитъ въ него такую черту, неточность которой я могу доказать,—то есть мнимое присутствіе г. Михайлова при нашемъ разговорѣ.

У меня никогда не было никакого разговора втроемъ съ г. Костомаровымъ и г. Михайловымъ безъ другихъ свидѣтелей. Я видѣлъ г. Михайлова и г. Костомарова вмѣстѣ только одинъ разъ, и въ этотъ разъ г. Михайловъ не выходилъ изъ моего зала, гдѣ сидѣлъ съ другими моими гостями.

Г. Костомаровъ ввелъ въ свое показаніе другое обстоятельство, котораго не вдумалъ бы утверждать при близкомъ знакомствѣ съ моими привычками. Онъ говоритъ, будто я читалъ ему и г. Михайлову вещь, написанную мною. Всякій близко знающій меня знаетъ, что это нравственная невозможность. Я никогда не читаю никому чтобы то ни было написанное мною. Этотъ обычай столь же чуждъ мнѣ, какъ танцованье балетныхъ танцевъ и собраніе милостыни подъ окнами. Авторъ только по одному изъ двухъ слѣдующихъ побужденій читаетъ комунибудь чтонибудь написанное имъ: или изъ авторской любви къ написанному, когда дорожить тѣмъ, что написалъ, или по авторской скромности, чтобы просить замѣчаній, совѣтовъ. Но всѣмъ моимъ хорошимъ знакомымъ извѣстно, что въ моихъ глазахъ не имѣетъ никакой важности ничто изъ того, что я пишу. Быть можетъ, когданибудь я напишу чтонибудь, чѣмъ буду дорожить, но это будетъ не политическій памфлетъ, а большое философское сочиненіе. А все, что я писалъ до сихъ поръ, я считаю ничтожнымъ для себя. Я, какъ литераторъ, чрезвычайно гордъ, но именно по чрезмѣрной гордости чуждъ авторскаго тщеславія. Мнѣ противно даже слушать, когда говорятъ о чемънибудь, написанномъ мною,—съ похвалою ли говорятъ, или съ порицаніемъ, или тономъ безразличнымъ, все равно,—я немедленно поворачиваю разговоръ на другой предметъ. При такой чрезвычайной гордости естественно, что я не могу читать и для того, чтобы спрашивать совѣтовъ или замѣчаній у кого бы то ни было. Это было бы уни-

зительно для меня. Я имѣю гордость думать, что, какъ писатель, не нуждаюсь ни въ чьихъ мнѣніяхъ и совѣтахъ, и самъ лучше всѣхъ знаю достоинства и недостатки того, что пишу. Я никогда ни у кого не спрашивалъ мнѣнія или совѣта ни о чемъ, что писалъ или пишу.

То, что г. Костомаровъ могъ ввести въ свое показаніе такое неимовѣрное обстоятельство, будто бы я читалъ что бы то ни было написанное мною, объясняется только тѣмъ, что онъ не былъ никогда близокъ ко мнѣ и потому не знаетъ моихъ обычаевъ.

Прибавлю: по словамъ самого г. Костомарова, я видѣлъ тогда его въ первый разъ. Правдоподобно ли, чтобъ я сталъ выдавать себя за государственнаго преступника, чтобъ отдалъ свою голову во власть человѣка, котораго видѣлъ въ первый разъ?! Я дорожу моею головою больше, чѣмъ предполагалъ г. Костомаровъ, дѣлая такое показаніе.

5. Поясненія на показаніе г. Костомарова о посѣщеніяхъ, сдѣланныхъ ему мною въ бытность мою въ Москвѣ весною 1861 года, и о запискѣ, будто бы оставленной мною ему въ это время.

Г. Костомаровъ говоритъ, что въ одинъ изъ дней, которые я провелъ въ Москвѣ весною 1861 года, когда онъ возвратился домой, ему отдали записку со словами, что она оставлена ему мною, незаставшимъ его дома. Въ дополненіе къ этому найдено, что г. Яковлевъ показываетъ, будто бы я, не заставши дома г. Костомарова, написалъ ему (г. Костомарову) записку и, какъ кажется г. Яковлеву, написалъ ее на лоскуткѣ бумаги, уже написанномъ съ другой стороны. О способности или неспособности г. Яковлева быть свидѣтелемъ, я буду говорить ниже, по поводу его показанія о моемъ посѣщеніи г. Костомарова въ августѣ 1861 года. Здѣсь же я разбираю не качества показывающихъ лицъ, а только существо самого дѣла.

Мнѣ показывали записку на лоскуткѣ бумаги, другая сторона котораго исписана чѣмъ то. Я сдѣлалъ на ней надпись, что не признаю почерка этой записки своимъ, что онъ ровнѣе и красивѣе моего.

Въ поясненіе этого обращу вниманіе на двѣ изъ тѣхъ особенностей, которыми ровные и красивые почерки отличаются отъ неровныхъ и некрасивыхъ. Строка состоитъ изъ трехъ частей: 1. росчерки, выдающіеся вверхъ, 2. росчерки, выдающіеся внизъ, 3. средняя полоса строки. Примѣръ—въ этомъ словѣ «примѣръ» буквы *p* имѣютъ росчеркъ внизъ, буква *ъ*—росчеркъ вверхъ, буквы *и* и *ж* не должны выдаваться ни вверхъ ни внизъ изъ основной средней полосы строки. Въ ровномъ почеркѣ линіи, проведенныя по верхнимъ и нижнимъ оконечностямъ буквъ и частей буквъ, не выдающихся изъ основной средней полосы, должны

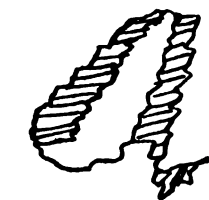
быть прямыя параллельныя линіи; въ неровномъ онѣ ломаныя линіи, то сходящіяся, то расходящіяся. Примѣръ: слово *наша*,—тутъ всѣ части всѣхъ буквъ должны оставаться въ основной средней полосѣ строки, въ ровномъ почеркѣ верхнія и нижнія части этого слова представляются въ такихъ линіяхъ

въ неровномъ въ такихъ Прямые части буквъ, занимающія эту среднюю основную полосу строки, въ ровномъ почеркѣ всѣ имѣютъ одинаковое наклоненіе къ горизонтальной оси строки, а согнутыя части—части эллипсовъ, имѣющихъ одинъ размѣръ, то есть одинаковую степень собственно искривленности, или цѣлые ровные эллипсисы; эти части эллипсисовъ и эллипсисы всѣ имѣютъ центръ на одной прямой и горизонтальной линіи, то есть одинаковое наклоненіе къ оси строки. Въ неровномъ почеркѣ ни одна изъ этихъ одинаковостей не соблюдается. Примѣръ: *теплота*. Здѣсь въ ровномъ почеркѣ первая линія буквъ *т* и *п* одинаковы, одинаково наклонены; послѣднія линія буквъ *т*, *п*, *л*, *т*, а также большая округлость буквы *е* буквы *о* и первая половина буквы *а*—также. Въ неровномъ почеркѣ этого не будетъ.

Пропу сравнить мой почеркъ съ почеркомъ записки, напрасно мнѣ приписываемой, въ этихъ двухъ отношеніяхъ.

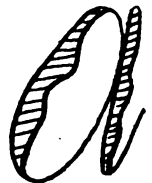
Мой почеркъ гораздо хуже почерка записки въ обоихъ этихъ отношеніяхъ. Можно нарочно написать худшимъ, но нельзя нарочно написать лучшимъ почеркомъ, чѣмъ какимъ способенъ писать. Въ ломаномъ почеркѣ не могутъ уменьшиться недостатки подлиннаго почерка.

Если же, чтобы уменьшить эти недостатки подлиннаго почерка, для замаскированія руки, въ ломанномъ почеркѣ будутъ употреблены особенныя средства: проведеніе линеекъ, очень медленное черченіе (вырисовываніе) буквъ вмѣсто обыкновеннаго и довольно быстрога и свободнаго движенія руки, то эти искусственныя средства оставляютъ очень яркіе слѣды на написанномъ. Въ комиссіи я слышалъ замѣчаніе: «мы могли вырисовывать буквы». Поэтому укажу средство распознать вырисованныя буквы отъ писанныхъ свободнымъ движеніемъ. Это средство—сильная лупа или микроскопъ, увеличивающій въ 10 или 20 разъ. Вырисованныя буквы явятся съ рѣзкими обрывами по толстотѣ линій, въ буквахъ естественнаго почерка переходъ толстаго въ тонкое и тонкаго въ толстое гораздо постепеннѣе. Примѣръ.

(Рис. 1).

Дана буква *а*, спрашивается, вырисована она или написана свободно и довольно быстро. Въ первомъ случаѣ она подмикроскопомъ явится въ такомъ видѣ (Рис. 1) (части, перечерченныя поперечными линіями, представляютъ собою сплошную массу). Таковъ будетъ

(Рис. 2).

видъ рисованной буквы; видъ буквы написанной свободно будетъ (Рис. 2). То есть при вырисовываніи буквъ край черты имѣетъ тенденцію становиться ломанною линією, между тѣмъ, какъ въ обыкновенномъ почеркѣ онъ имѣетъ тенденцію быть кривою или прямою линією.

Я не изучалъ специально правилъ распознаванія почерковъ, потому привожу лишь отрывочныя свѣдѣнія, какія мнѣ случилось приобрѣсть изъ чтенія иностранныхъ гражданскихъ процессовъ. Въ случаѣ недостаточности этихъ сообщенныхъ мною приемовъ распознаванія почерковъ, прошу Пр. С. разрѣшить мнѣ прибѣгнуть къ тѣмъ изъ даваемыхъ для этого наукою средствъ, какія могутъ быть допущены по закону.

Осмѣлюсь сказать слѣдующее: я бы никакъ не подумалъ дѣлать указанія на приемы, употребляемые для распознаванія почерковъ, если бы не былъ и не оставался въ недоумѣніи о томъ, какимъ образомъ было возможно приписывать писанную не моимъ почеркомъ записку мнѣ, имѣющему почеркъ, дикая своеобразность котораго рѣжетъ глаза. Мой почеркъ такъ дикъ, что когда, бывало, въ школѣ товарищи дурачатся, по школьническому обыкновенію поддѣлываясь подъ почерки другъ друга и учителей, я бѣсился отъ рѣшительныхъ неудачъ написать что нибудь похожее на обыкновенные почерки.

Относительно общеизвѣстнаго приема распознаванія почерковъ, состоящаго въ сличеніи фигуры отдѣльныхъ буквъ, прошу обратить вниманіе, между прочимъ, на слѣдующія буквы и группы буквъ:

e, c, g выходятъ въ моемъ почеркѣ очень часто очень похожи другъ на друга;

группа *es* выходитъ подобно буквѣ *и* (иногда бываетъ трудно обратитъ въ моемъ почеркѣ *если* отъ *или*);

форма буквы *з* въ моемъ почеркѣ;

постоянная уродливость буквы *и* (первая черта обыкновенно бываетъ слишкомъ велика передъ второю, разстояніе между ними вверху очень часто бываетъ слишкомъ мало сравнительно съ нижнею частью);

почеркъ очень часто перерывается, гораздо чаще, чѣмъ въ обыкновенныхъ почеркахъ; эти обрывы бывають между прочимъ на буквахъ *и, л, м*, послѣ которыхъ не обрывается обыкновенный почеркъ.

Въ настоящемъ показаніи особенности моей руки являються менѣе ярко, чѣмъ въ вещахъ, написанныхъ стальнымъ перомъ или карандашомъ,—притомъ же, я пишу это показаніе крупно и тщательно ¹⁾. Для сличенія удобнѣе могутъ служить

¹⁾ Въ крѣпости никому стальныхъ перьевъ не давалось. Всѣмъ пришлось уже пригото-
товленныя гусиные.

вещи, писанныя карандашомъ, подобно присваиваемой мнѣ запискѣ, такихъ вещей много между моими бумагами.

Сдѣлавъ эти поясненія, я утверждаю, что почеркъ приписываемой мнѣ записки: 1) не имѣетъ сходства съ моимъ почеркомъ и относится къ почеркамъ совершенно другого характера,

2) что онъ не есть ни ломанный почеркъ, ни вырисованный почеркъ, т. е., что неизвѣстное лицо, писавшее эту записку, писало ее свободнымъ и быстрымъ движеніемъ руки,

3) что я, какъ бы ни старался, не могъ бы написать такъ ровно.

Кончивъ эти поясненія о почеркѣ записки, перехожу къ другимъ сторонамъ вопроса о ней.

Писать и оставить записку, которая, если бы была дѣйствительно моя, служила бы прямою уликою,—это такая глупость, которая рѣшительно не согласна ни съ моею извѣстностью, какъ человѣка неглупаго, ни съ моимъ мнительнымъ характеромъ. Если бы я былъ такой преступникъ, какимъ выставленъ въ показаніяхъ г. Костомарова, и съ тѣмъ вмѣстѣ такой опрометчивый глупецъ, какимъ слѣдовало бы назвать меня, если бы я написалъ эту записку, то, конечно, противъ меня были бы сотни уликъ болѣе солидныхъ, чѣмъ эта записка и вообще тѣ обвиненія, которыя я опровергаю теперь.

Я былъ въ Москвѣ весною 1861 года и заходилъ тогда же къ г. Костомарову—то и другое обстоятельство я обращаю въ доказательство тому, что я не находился ни въ какихъ преступныхъ сношеніяхъ съ нимъ и не предполагалъ, чтобы онъ былъ замѣшанъ въ какомъ нибудь дѣлѣ тайнаго печатанія. Недѣли за двѣ передъ моею поѣздкою было отправлено въ Москву лицо, служившее по политической полиціи, отправлено съ порученіемъ розыскать тайное литографированіе и печатаніе, производившееся тогда въ Москвѣ. Я зналъ это по слуху, который былъ тогда извѣстенъ всему Петербургу, и по такому же слуху я знаю, что это лицо еще оставалось въ Москвѣ въ то время, когда я поѣхалъ туда. Мнѣ, какъ и всему литературному кругу, было извѣстно, что политическая полиція давно имѣетъ надзоръ за мною. Сверхъ того, я долженъ былъ думать, что само дѣло, по которому ѣхалъ я въ Москву, обратить на себя вниманіе политической полиціи (ниже я объясняю это дѣло) и что поэтому надзоръ за мной въ Москвѣ будетъ особенно бдителенъ. Если бы я дѣйствительно былъ прикосновененъ къ дѣлу тогдашняго московскаго тайнаго печатанія, то у меня, по всей вѣроятности, достало бы осторожности, чтобы не ѣздить въ Москву въ такое опасное (въ случаѣ моей прикосновенности) время. Ѣхать для предупрежденія моихъ соучастниковъ (въ случаѣ моей прикосновенности) было уже поздно; еслибъ у меня была эта мысль, я поѣхалъ бы двумя недѣлями раньше. Ѣхать въ то время, когда поѣхалъ я, значило бы (въ случаѣ моей прикосновенности) уже только понапрасно лѣзть

въ петлю. И безъ всякаго сомнѣнія, у меня достало бы благоразумія не бывать въ домѣ г. Костомарова, если бы я предполагалъ, что онъ занимается тайнымъ печатаніемъ, которое разыскивается политическою полиціею, имѣющею надзоръ за мною. Еслибъ я былъ его соучастникомъ или зналъ о его участіи въ тайномъ печатаніи, то я, конечно, сообразилъ бы, что своими сообщеніями выдаю его и себя.

То, что я посѣщалъ г. Костомарова въ бытность мою въ Москвѣ весною 1861 года, пріобрѣтаетъ характеръ нравственной возможности только при принятіи за истину того, что я не былъ съ нимъ въ тайныхъ сношеніяхъ и не зналъ о его участіи въ тайномъ печатаніи.

Прибавлю: когда я познакомился съ г. Костомаровымъ и сталъ оказывать участіе къ нему, то оказалось, что нѣкоторые изъ моихъ знакомыхъ знаютъ его ближе, чѣмъ г. Михайловъ. Отъ нихъ я услышалъ, что онъ человѣкъ, во-первыхъ, не умѣющий молчать, во-вторыхъ, расположенный выдавать свои мечты за факты. Когда я былъ у него въ Москвѣ въ первый разъ, я ужъ имѣлъ эти свѣдѣнія о немъ. Конечно, ихъ было бы достаточно для меня, чтобы прекратитъ всякія сношенія съ нимъ, если бы эти сношенія имѣли сколько нибудь тайный или рискованный характеръ. Но такъ какъ я имѣлъ съ нимъ дѣло только какъ съ молодымъ начинающимъ литераторомъ, то для меня было все равно, скромнѣе онъ или нескромнѣе, прикрашиваетъ онъ или не прикрашиваетъ факты—при совершенной невинности и нескретности моихъ отношеній къ нему мнѣ нечего было опасаться ни отъ нескромности, ни отъ наклонности прикрашивать факты.

Дѣло, по которому я ѣздилъ тогда въ Москву, было слѣдующее: Нѣсколько петербургскихъ литераторовъ, собравшихся въ квартирѣ г. Вернадскаго, ¹⁾ выслушали и съ нѣкоторыми измѣненіями одобрили основныя черты новыхъ правилъ цензуры, написанныя г. Вернадскимъ, и положили подать объ этомъ просьбу г. министру народнаго просвѣщенія. Надобно было кому нибудь отправиться въ Москву для предложенія участія въ этомъ дѣлѣ московскимъ литераторамъ. Г. Вернадскій вызывался ѣхать, но не раньше, какъ недѣли черезъ двѣ или три. А былъ тотъ самый день, какъ было это собраніе, «Современникъ» получилъ сильную цензурную неприятность, которая усилила мое нетерпѣніе хлопотать о цензурныхъ улучшеніяхъ, и потому я сказалъ: «что откладывать въ долгій ящикъ; если присутствующіе согласны поручить это мнѣ, я поѣду завтра или послѣ завтра». Они согласились, и я дѣйствительно поѣхалъ черезъ полторы сутки. По приѣздѣ въ Москву тотчасъ же поѣхалъ къ г. Каткову, важнѣйшему тогда изъ московскихъ журналистовъ; онъ собралъ у себя

¹⁾ Издатель редакторъ еженедѣльнаго журнала „Экономическій Указатель“.

другихъ; я былъ на этомъ собраніи, проектъ г. Вернадскаго былъ принятъ съ нѣкоторыми измѣненіями, г. Каткову было поручено написать записку и подробныя правила; я почелъ свое порученіе исполненнымъ и уѣхалъ въ Петербургъ ¹⁾).

6. Поясненія на показаніе г. Костомарова, будто я диктовалъ ему воззваніе къ раскольникамъ.

Г. Костомаровъ утверждаетъ, будто бы я диктовалъ ему въ Знаменской гостиницѣ воззваніе «Къ раскольникамъ». Онъ не вздумалъ бы говорить о Знаменской гостиницѣ, если бы былъ ближе знакомъ со мною. Нѣтъ на свѣтѣ человѣка менѣе меня расположеннаго къ посѣщенію гостиницъ, ресторановъ и всего тому подобнаго. Г. Костомаровъ напрасно основался на слухѣ, будто бы я кутилъ; нѣтъ, я не охотникъ кутить.

Когда я сказалъ это на первомъ изъ мартовскихъ допросовъ, то у г. Костомарова, явившагося при второмъ мартовскомъ допросѣ на очную ставку, было готово объясненіе такому странному обстоятельству, какъ мой обѣдъ съ нимъ въ Знаменской гостиницѣ. Онъ сказалъ: «Вы повели меня въ гостиницу потому, что вашъ (т. е. мой, Чернышевскаго) кабинетъ былъ неудобенъ для диктованія». Но эти слова г. Костомарова показываютъ только, что онъ забылъ положеніе моего кабинета въ тогдашней моей квартирѣ (на Вас. островѣ, во 2 линіи, въ домѣ Громова). Нельзя было бы желать комнаты болѣе удобной для тайной диктовки. Эта комната отдалена отъ другихъ корридоромъ.

Но эта комната имѣла менѣе хорошіе обои, менѣе красивую печь, менѣе красивые полы, чѣмъ другія комнаты той квартиры; вѣроятно, г. Костомаровъ слышалъ какія нибудь порицанія моей комнаты по сравненію съ другими въ этихъ отношеніяхъ,—перезабылъ, спуталъ, подумалъ, что она неудобна для нужной ему тайной диктовки, и поэтому выстроилъ своею мечтою Знаменскую гостиницу. Напрасно. Очень удобно было бы помѣстить тайную диктовку въ мой кабинетъ. Тогда однимъ неправдоподобіемъ было бы меньше.

Но если бы мой кабинетъ дѣйствительно былъ неудобенъ для тайной диктовки, то вѣдь я очень хорошо знаю, что гостиницы еще гораздо неудобнѣе для такихъ занятій. Ужъ лучше было бы намъ съ г. Костомаровымъ отправиться для диктовки къ г. Михайлову, если мои отношенія съ г. Михайловымъ и съ г. Костомаровымъ были таковы, какъ говоритъ г. Костомаровъ. Или и у г. Михайлова не было удобной для того комнаты?

¹⁾ Подробности объ этомъ и самая „записка“ русскихъ литераторовъ приведены въ моеи кнѣжѣ „Эпоха цезурныхъ реформъ 1859—1865 гг.“, на стр. 57—82.

*7. Поясненія о способности или неспособности г. Яковлева
быть свидѣтелемъ.*

На допросахъ въ мартѣ и на первой очной ставкѣ моей съ г. Костомаровымъ еще не представлялось ничего преступнаго въ посѣщеніи, которое дѣлалъ я г. Костомарову въ августѣ 1861 г. Но на апрѣльскомъ допросѣ былъ выведенъ на очную ставку со мною г. Яковлевъ и сказалъ, что слышалъ, какъ я просилъ въ это время г. Костомарова печатать воззваніе «Къ барскимъ крестьянамъ». Г. Костомаровъ только уже подтвердилъ это.

Въ началѣ очной ставки г. Яковлева спросили, узнаетъ ли онъ меня, но меня не спросили, не имѣю ли я причины отвода противъ г. Яковлева. Но когда, по окончаніи очной ставки, онъ вышелъ, я сказалъ: «предостерегаю комиссію противъ этого свидѣтеля». Если остается хотя малѣйшая тѣнь подозрѣнія на мнѣ отъ его показанія, я прошу Пр. С. разрѣшенія пояснить эти мои слова.

Теперь скажу только слѣдующее. Я не знаю, въ качествѣ ли свидѣтеля или только оговаривающаго соучастника является г. Яковлевъ. Если въ качествѣ свидѣтеля, то (прося у Пр. С. свисхожденія къ моей ошибкѣ, когда такое мнѣніе мое ошибочно) я полагаю, что онъ не имѣетъ способности быть свидѣтелемъ. Если онъ сдѣлалъ свои показанія въ недавнее время, то онъ былъ укрывателемъ и, слѣдовательно, есть лицо, прикосновенное къ дѣлу. Если же онъ не былъ укрывателемъ, т. е. немедленно сообщилъ правительству о преступномъ разговорѣ, который будто бы слышалъ, въ августѣ 1861 г., то—такъ какъ я не былъ тогда ни арестованъ, ни призванъ къ отвѣту, изъ этого слѣдуетъ, что его показанія противъ меня были во время процесса г. Костомарова найдены неосновательными и что я не имѣю нужды разбирать ихъ. Но отъ этой формальной стороны обращаюсь къ существу дѣла.

8. Поясненія по показаніямъ гг. Костомарова и Яковлева о посѣщеніи мною г. Костомарова въ августъ 1861 г.

Показанія представляютъ меня гуляющимъ въ саду. Я не гуляю и не прохаживаюсь. Исключеніе бываетъ лишь, когда я бываю принужденъ къ тому желаніемъ лица, предъ которымъ обязанъ держать себя слишкомъ почтительно, благодаря его оффиціальному званію. Я терпѣть не могу ходить по комнатѣ или по саду. Это было очень ясно видно во время моего ареста. Сначала я думалъ, что тяжесть въ головѣ, которую я чувствовалъ въ первый мѣсяцъ ареста, происходитъ отъ геморроя, и принуждалъ себя ходить по комнатѣ для моціона. Но какъ только я замѣтилъ, что это боль не геморроидальная, а ревматическая, происходящая

оттого, что я лежалъ головою къ окну, я сталъ ложиться головою въ противоположную сторону отъ окна, и съ того же дня пересталъ ходить по комнатѣ. Когда меня приглашали выходить въ садъ, я сначала выходилъ, воображая, что въ это время обыскивается комната и что я возбудилъ бы подозрѣніе отказомъ удалиться изъ нея, но мѣсяца черезъ три я убѣдился, что обысковъ не дѣлають, подозрѣвать не стануть,—и какъ только убѣдился въ этомъ, сталъ отказываться выходить въ садъ. Такъ я абсолютно не сдѣлалъ ни одного шага для прогулки по комнатѣ до сихъ поръ съ начала сентября, не выходилъ въ садъ съ октября. Исключеніе были нѣсколько дней въ концѣ апрѣля, когда я принуждалъ себя къ тому и другому по гигиенической необходимости; она прошла—и вотъ ужъ больше мѣсяца я опять бываю исключительно только въ двухъ положеніяхъ: сижу и лежу.

Неужели я съ осени предвидѣлъ, что это понадобится для возраженія г. Яковлеву? Но не предвидѣлъ же я этого за двадцать лѣтъ назадъ. А я, по крайней мѣрѣ, 20 лѣтъ абсолютно не гуляю. Прогуливаться мнѣ скучно и противно. Это извѣстно моимъ знакомымъ. Съ кѣмъ изъ нихъ, когда я ходилъ по комнатѣ или по саду? Ни съ кѣмъ никогда.

Я все время, когда былъ у г. Костомарова въ августѣ 1861 г., просидѣлъ съ нимъ въ бесѣдкѣ.

Г. Яковлевъ говорилъ на очной ставкѣ: «г. Костомаровъ не повелъ васъ (меня, Чернышевскаго) въ бесѣдку потому, что тамъ былъ я» (т. е. г. Яковлевъ). Кто знаетъ меня, знаетъ, что если бы г. Костомаровъ сказалъ: «въ бесѣдку идти нельзя», то я тотчасъ бы уѣхалъ на скамью,—если бы скамьи не было, я пошелъ бы къ г. Костомарову сидѣть въ комнатахъ, если бы нельзя было идти сидѣть въ комнатахъ, я все время простоялъ, прислонившись къ стѣнѣ или дереву, или легъ бы на землю, но гулять не сталъ никакъ и ни за что.

Г. Яковлевъ ввелъ въ свое показаніе (а г. Костомаровъ подтвердилъ) мое невозможное гуляніе по саду только потому, что оба они не знали моихъ особенностей.

Итакъ, г. Яковлевъ, говоря, что я и г. Костомаровъ не входили въ бесѣдку потому, что онъ былъ въ ней, этимъ самымъ признаетъ, что я и онъ, г. Яковлевъ, не могли быть вмѣстѣ въ бесѣдкѣ. Я утверждаю, что въ бесѣдкѣ былъ я.

Чѣмъ доказать, что я былъ въ бесѣдкѣ? Я описалъ г. Костомарову (на очной ставкѣ) расположеніе мебели въ ней. Положимъ, я могъ говорить наудачу и отгадать. (Хотя г. Костомаровъ послѣ этого моего описанія сказалъ: «быть можетъ, мы съ вами и входили въ бесѣдку, но все-таки гуляли и по саду»). Но вотъ чего ужъ никакъ нельзя было отгадать, не видѣвши: на столѣ въ бесѣдкѣ стоялъ мой портретъ въ величину обыкновеннаго, фотографическаго, но не фотографическаго, а рисованнаго. «Какъ это вы нарисовали?» спросилъ я.

— «На память»—отвѣчалъ онъ. Кажется, ясно теперь, что въ бесѣдкѣ былъ я.

Слѣдовательно, неосновательны слова г. Яковлева, будто бы онъ, сидя въ бесѣдкѣ, слышалъ отрывки разговора между мной и г. Костомаровымъ, гулявшими по саду. И слѣдовательно напрасно подтверждалъ эти слова г. Костомаровъ.

Но въ бесѣдкѣ или въ саду, сидя или прогуливаясь, будучи или не будучи слышимъ г. Яковлевымъ, говорилъ ли я въ августѣ 1861 г., чтобы г. Костомаровъ напечаталъ воззваніе «Къ барскимъ крестьянамъ»?

Рѣшить это поможетъ рѣшеніе вопроса: когда было написано воззваніе «Къ барскимъ крестьянамъ»? До высочайшаго манифеста? или по его обнародованіи, но до Безднинскаго дѣла, о которомъ, конечно, не могъ бы не упомянуть авторъ? ¹⁾ Или послѣ того, но до полученія извѣстій, что крестьяне повсюду неохотно принимаютъ уставныя грамоты (до этого и послѣ этого должно быть совершенно разное содержаніе)? Вопросъ о времени, когда написано воззваніе, вѣроятно, безспорно рѣшается его содержаніемъ.

По словамъ г. Костомарова, оно было написано до весны. Въ словахъ г. Костомарова столько неточностей, что ни на одно изъ нихъ невозможно опереться. Но если воззваніе дѣйствительно было написано до весны, оно уже никуда не годилось въ августѣ. Когда я сказалъ это г. Костомарову (на очной ставкѣ), онъ даже не понималъ моихъ словъ (значить, мы съ нимъ не говорили о воззваніи ни въ августѣ, ни когда прежде, иначе онъ понималъ бы меня на очной ставкѣ). «Конечно, вы говорили тогда, что весною оно имѣло бы больше дѣйствія»—сказалъ онъ. Не въ томъ дѣло, наплывъ новыхъ фактовъ съ весны до августа былъ такъ великъ, что все содержаніе писаннаго до весны должно было никуда не годиться. Видя, что онъ не понимаетъ этого, я сказалъ: «мы съ вами литераторы, мы должны понимать, что писанное въ февралѣ никуда не годится по своему содержанію въ августѣ».—«Но наборъ былъ цѣль»—отвѣчалъ онъ мнѣ на это. Это требуетъ справки съ дѣломъ г. Костомарова. Если я былъ его соучастникомъ, то я зналъ, что дѣлается у него. Былъ ли цѣль наборъ, былъ ли цѣль станокъ у него 17 или 18 августа, когда я проѣзжалъ черезъ Москву? Если нѣтъ, то онъ, когда бы я былъ его соучастникомъ, могъ бы рассказывать мнѣ объ уничтоженіи станка и набора, если это не было сообщено мнѣ прежде. Но ужъ никакъ въ этомъ случаѣ не оставалось мѣста моей мнимой просьбѣ о печатаніи.

Если же станокъ и наборъ были цѣлы, является другое соображеніе. Когда я выѣхалъ изъ Петербурга, весь Петербургъ уже зналъ, что въ Москвѣ арестованы нѣкоторые лица, обвиняемыя въ тайномъ печатаніи. И, безъ сомнѣнія, я сталъ бы просить г. Костомарова не о печатаніи, а объ уничтоженіи всякихъ слѣ-

¹⁾ Въ селѣ Бездна, Казанской губ., весною 1861 г. было сильное крестьянское волненіе.

довъ печатанія. А вѣрнѣе всего, что я не показалъ бы носа къ г. Костомарову.

Я могъ быть у него только потому, что зналъ себя и считалъ его нimalo неприкосновеннымъ къ дѣлу тайнаго печатанія.

Но все-таки, зачѣмъ я былъ у г. Костомарова въ августѣ? Когда я прожилъ весною нѣсколько дней въ Москвѣ, я отъ нечего дѣлать навѣщалъ и знакомыхъ и полузнакомыхъ и почти незнакомыхъ (напримѣръ, г. Масловъ, управляющій московскою удѣльною конторою, скорѣе почти незнакомый, чѣмъ полузнакомый мой, особенно тогда; послѣ мы встрѣчались раза три въ обществѣ, когда онъ прїѣзжалъ въ Петербургъ). Но въ августѣ я прїѣхалъ въ Москву съ петербургскимъ поѣздомъ, выѣхалъ изъ нея въ тотъ же день съ владимірскимъ,—не показываетъ ли короткости, что я поскакалъ на свиданіе съ г. Костомаровымъ? Дѣло въ томъ, что я поѣхалъ вовсе не къ нему. Переѣхавъ съ петербургской станціи на владимірскую и взявъ билетъ, я написалъ письмо къ женѣ. Мнѣ сказали: съ этой станціи оно не попадетъ на нынѣшній петербургскій поѣздъ, отправляйтесь въ отдѣленіе почтамта. Я повезъ письмо. Отдавъ письмо, я подумалъ: если ужъ попалъ въ городъ, то заѣду къ Плещееву. Поѣхалъ, но вспомнилъ, что его нѣтъ въ Москвѣ, сказалъ извозчику «стой» и началъ думать, куда бы поѣхать. При моемъ отъѣздѣ изъ Петербурга Добролюбовъ далъ мнѣ адресъ г. Головачева ¹⁾, сказавъ, что, быть можетъ, г. Головачевъ годится въ сотрудники «Современника». Я поѣхалъ по этому адресу: собственный домъ на какомъ-то бульварѣ. — Дома г. Головачевъ?—Нѣтъ, отвѣчала служанка. Выходя изъ калитки я взглянулъ — передъ глазами Екатерининскій институтъ. — «А, да это рядомъ съ Костомаровымъ,—зайду къ нему покурить». И зашелъ. Но зашелъ только покурить. Г. Костомаровъ на очной ставкѣ, сказавъ сначала, что я пробылъ у него долго, согласился потомъ, что я торопился ѣхать, говоря: «опоздаю на поѣздъ», — точно, я говорилъ это: вѣдь неловко же сказать: мнѣ скучно сидѣть съ вами, я зашелъ только выкурить папиросу, потому что боюсь курить на улицахъ ²⁾. На самомъ дѣлѣ я не могъ опасаться опоздать,—я прїѣхалъ на станцію очень задолго до перваго звонка—вѣроятно, слишкомъ за часъ,—это можно повѣрить. При мнѣ происходила сцена между военнымъ и мужчиною высокаго роста, худощавымъ, въ русскомъ костюмѣ — это было очень задолго до перваго звонка. Полиція должна знать это. Итакъ, я предпочелъ куреніе у г. Костомарова некуренію, одинокое куреніе на станціи куренію въ разговорѣ съ г. Костомаровымъ, — вотъ предѣлы, показывающіе степень нашей интимности.

Повторяю: быть внимательнымъ и оказывать услуги—выгода журналиста и качество моего характера; но отъ этого еще очень

¹⁾ Алексѣя Адриановича.

²⁾ Тогда, послѣ пожаровъ, вездѣ смотрѣли за куреніемъ на улицахъ.

далеко не только до тайныхъ отношеній, но и до хорошаго знакомства; не только до хорошаго знакомства, но и до того, чтобъ не предпочитать сидѣнье на станціи сидѣнью съ нимъ.

9. Общее заключеніе поясненій по всемъ обвиненіямъ, выводимымъ изъ показаній гг. Костомарова и Яковлева.

Если остается на мнѣ хотя малѣйшая тѣнь подозрѣнія по этимъ обвиненіямъ, то я прошу Пр. С. разрѣшить мнѣ употребленіе средствъ для полученія болѣе полныхъ опроверженій. Средствами къ тому я нахожу: то, чтобы мнѣ дано было пересмотрѣть дѣла г. Михайлова и г. Костомарова—въ нихъ должно быть много вещей, разрушающихъ настоящія показанія гг. Костомарова и Яковлева; то, чтобы мнѣ дано было рассмотретьъ воззваніе къ барскимъ крестьянамъ, такъ какъ оно не писано мною, то я ожидаю найти въ самомъ его содержаніи примѣты того, что оно не писано мною; позволить мнѣ внимательно рассмотретьъ записку, отвергаемую мною. Упомянувъ особенныя средства къ раскрытію истины, я, конечно, не отважусь считать нужнымъ для меня перечислять общія средства къ тому, полезныя для всякаго подсудимаго: мои судьи сами лучше, нежели могъ бы сдѣлать я, откроютъ всѣ тѣ способы къ защитѣ, какіе могутъ быть доставлены мнѣ изъ этихъ общихъ средствъ.

10. Поясненія по нѣкоторымъ изъ вопросовъ, порождаемыхъ предыдущимъ изложеніемъ или изустною частью допросовъ, отланныхъ мнѣ во время слѣдствія.

Я ссылаюсь на мои письма къ Его Величеству и къ Его Свѣтлости г. СПетербургскому Генералъ-Губернатору, въ пополненіе моего настоящаго показанія. Но въ нихъ есть одно утвержденіе, котораго я не могу повторить теперь. Я въ нихъ говорю, что противъ меня нѣтъ обвиненій,—теперь противъ меня выставлено много обвиненій. Какъ могъ я говорить тогда, что противъ меня нѣтъ и не можетъ быть обвиненій, и что я долженъ сказать теперь вмѣсто этого?

Чтобы отвѣчать на это, прежде всего нужно знать: когда явилось въ слѣдствіи, производившемся надо мною, каждое изъ показаній или обстоятельствъ, служащихъ матеріалами для обвиненій. При допросѣ 30 октября мнѣ не было сказано, что есть письмо, говорящее о согласіи Герцена издавать со мною журналъ,—находилось ли тогда это письмо въ рукахъ комиссіи? Мнѣ не было сказано о картонныхъ лоскуткахъ,—имѣла ли тогда комиссія въ виду эти лоскутки и считала ли ихъ достойными того, чтобы спрашивать о нихъ, не шифръ ли они?—и такъ далѣе по каждому обвиненію. Какъ изъ положительнаго, такъ и изъ отрица-

тельного отвѣта на каждый изъ этихъ вопросовъ является новый вопросъ. Изъ положительнаго отвѣта является вопросъ: если это обвиненіе существовало, почему не спрашивали о немъ? Изъ отрицательнаго отвѣта является вопросъ: почему жъ этого обвиненія не было тогда въ рукахъ комиссіи или почему она прежде не находила, а потомъ нашла его достойнымъ быть предметомъ допроса?

Вотъ факты: я былъ арестованъ 7 іюля. Первый допросъ мнѣ былъ сдѣланъ 30 октября. Но это допросъ—говорю не въ порядкѣ, а въ юридическомъ смыслѣ слова, не заключающемъ въ себѣ ничего предосудительнаго—чисто только формальный, онъ совершенно удовлетворительно исполнялъ юридическую форму, необходимость и почтенность которой я вполне понимаю и цѣню: отобрать у подсудимаго показанія о имени, званіи, лѣтахъ, и проч., я знаю, что эта форма служить для огражденія подсудимаго и уже она сама иногда открываетъ его невинность. Но существа дѣла этотъ допросъ не представлялъ. Существо дѣла явилось только на первомъ мартовскомъ допросѣ, болѣе чѣмъ черезъ восемь мѣсяцевъ послѣ моего ареста.

Эти факты многозначительны: я еще не имѣю права говорить, въ какую сторону они многозначительны; это право дать мнѣ или отниметь у меня приговоръ моихъ судей, но и въ томъ и другомъ случаѣ многозначительны.

Когда я былъ призванъ въ комиссію 1 или 2 ноября (не для допроса, а для формальной замѣны нѣкоторыхъ моихъ выраженій другими,—замѣны, почтенность которой я вполне понимаю), одинъ изъ членовъ комиссіи,—я теперь знаю его имя, онъ сказалъ мнѣ его 23 апрѣля, это г. Огаревъ,—я сказалъ ему въ глаза, что считаю человѣкомъ честнымъ и хорошимъ, и, конечно, не скажу за глаза меньше, скорѣе я говорю въ подобныхъ случаяхъ больше за глаза, чѣмъ въ глаза,—но не потому я составилъ себѣ очень выгодное мнѣніе о его честности, чтобъ онъ защищалъ меня на допросахъ,—напротивъ, онъ живѣе всѣхъ налегалъ на то, чтобъ я призналъ записку за мою, а лоскутки за шифръ, но я могу понимать и всегда цѣню, когда человѣкъ честно высказываетъ свое мнѣніе, все равно ошибочно или справедливо само это мнѣніе на мой взглядъ, въ мою ли пользу оно или противъ меня,—я въ томъ и другомъ случаѣ одинаково признаю его честность и уважаю за него человѣка,—итакъ, г. Огаревъ 2 ноября сказалъ мнѣ, что за нѣсколько времени передъ моимъ арестомъ я болѣе или менѣе офиціальнымъ образомъ спрашивалъ, могу ли я получить заграничный паспортъ. Я прошу Пр. С. изслѣдовать истину по этому вопросу. Лицо, манеры и тонъ голоса г. Огарева всегда внушали мнѣ и теперь внушаютъ мнѣ полную увѣренность, что онъ никогда не унижится до уловокъ для полученія признанія—да это и говорилось вовсе не къ тому, чтобы получить отъ меня показаніе,—нѣтъ, онъ, конечно, считалъ основательнымъ свидѣ-

ніе, которое высказывалъ ¹⁾. Такое свѣдѣніе важно, если же не основательно, то какъ примѣръ того, что гг. члены слѣдственной комиссіи могли имѣть невѣрныя свѣдѣнія обо мнѣ и принимать ихъ за вѣрныя,—то есть съ полною добросовѣстностію ошибаться во вредъ мнѣ. Гдѣ, какъ, у кого я болѣе или менѣе официальнымъ образомъ спрашивалъ за нѣсколько дней передъ моимъ арестомъ, могу ли я получить заграничный паспортъ? Мнѣ кажется, что это заслуживаетъ изслѣдованія, если же не заслуживаетъ, прошу Пр. С. извинить то, что я напрасно утруждалъ его представленіемъ этого моего мнѣнія.

Въ изустныхъ объясненіяхъ на допросахъ въ слѣдственной комиссіи, я говорилъ многое изъ того, что письменно представляю теперь Пр. С. въ свою защиту, но многого не говорилъ. Почему же я не говорилъ тогда? Если это не разъяснится самымъ ходомъ моего процесса, то я съ полнѣйшею готовностію объясню это Пр. С. точно также, какъ и все, что потребуетъ объясненія, по мнѣнію Пр. С. Это показаніе даль 1 іюня 1863 года Пр. С. отставной титулярный совѣтникъ *Н. Чернышевскій*».

Итакъ, мы прежде всего видимъ, что Чернышевскій все еще не терялъ надежды на благоприятный исходъ своего дѣла. Въ сенатѣ онъ думалъ найти въ концѣ концовъ правду... Въ этомъ Н. Г. горько ошибся... Сенатъ ограничился приобщеніемъ къ дѣлу его пространныхъ показаній.

Такое отношеніе произошло, несмотря на безусловную убѣдительность той части показаній, въ которой Чернышевскій, на точномъ основаніи дѣйствовавшего тогда права, доказывалъ незаконность принятія обвиненій Костомарова и Яковлева. Бесѣдуя теперь съ опытными юристами, основательно знакомыми съ судопроизводствомъ тогдашняго времени, я убѣдился, что игнорировать эти совершенно элементарныя указанія Чернышевскаго можно было только при явномъ рѣшеніи вовсе не руководствоваться никакимъ закономъ, сколько нибудь ограждавшимъ интересы обвиняемаго. И сенатъ вступилъ на этотъ путь твердо и опредѣленно... Вотъ почему онъ не счелъ уже нужнымъ провѣрить всѣ тѣ фактическія указанія, которыя были сдѣланы Н. Г. въ доказательство того или другаго своего утвержденія... Онъ и ихъ совершенно, разумѣется, игнорировалъ.

Все это еще не было вполне ясно лишь самому обвиняемому, потому что онъ не могъ знать, какъ отнесся сенатъ къ его показаніямъ.

¹⁾ Разумѣется, Чернышевскій заявилъ, чтобы показать отношенія къ себѣ комиссіи. (Старевъ былъ именно изъ тѣхъ, которые были въ состояніи прибѣгать ко всѣмъ приемамъ, лишь бы вынудить необходимое признаніе. Н. Г. не могъ не знать этого «отличавшагося» генерала.

II.

Здѣсь мнѣ кажется необходимымъ привести прокламацію къ барскимъ крестьянамъ, до сихъ поръ совершенно никому неизвѣстную.

Писалъ ли ее Чернышевскій? На этотъ вопросъ нельзя отвѣтить *категорически* ни да, ни нѣтъ. Ни у меня, ни у современниковъ Чернышевскаго, ни у лицъ съ нимъ близкихъ, насколько мнѣ извѣстно, нѣтъ никакихъ серьезныхъ основаній, чтобы утверждать одно изъ двухъ рѣшеній. *Предполагать* же, что она принадлежитъ Н. Г., можно.

Во-первыхъ, откуда она взялась у Костомарова? Ему передалъ ее Сороко, получившій, въ свою очередь, отъ Михайлова. Костомаровъ получилъ отъ послѣдняго прокламацію къ солдатамъ. Откуда могъ взять ихъ Михайловъ? Кругъ отношеній его былъ не очень широкъ, особенно въ области общественныхъ интересовъ. Ближе всего онъ былъ съ Шелгуновымъ, не былъ далекъ и съ Чернышевскимъ. Въ своихъ показаніяхъ, данныхъ слѣдственной комиссіи по дѣлу Костомарова и другихъ, Михайловъ говорилъ: «Я дѣйствительно желалъ, чтобы возванія были напечатаны, но, отдавая ихъ, плохо на это рассчитывалъ, и не помню, выражалъ ли даже положительно свое желаніе. Корректурный листъ возванія къ барскимъ крестьянамъ, помнится, былъ, точно, переданъ мнѣ Костомаровымъ; на немъ, если не ошибаюсь, была только часть рукописи. При этомъ Костомаровъ, кажется, говорилъ мнѣ, что на томъ и остановилась попытка напечатать возваніе»¹⁾. Очевидно, Михайловъ былъ заинтересованъ въ появленіи прокламаціи.

Во-вторыхъ слогъ прокламаціи въ связи съ удивительной способностью Чернышевскаго говорить съ каждымъ его языкомъ и кругомъ міровоззрѣнія. Посмотрите на прокламацію, вчитайтесь въ нее. Вы увидите, что ее писалъ человѣкъ, очень хорошо умѣвшій сдѣлать понятными свои мысли тогдашнему очень мало развитому крестьянину. Кромѣ того, точка зрѣнія автора прокламаціи совершенно совпадаетъ съ точкой зрѣнія Н. Г. на крестьянскій вопросъ, особенно если взять во вниманіе нѣкоторую перемѣну въ ней, сказавшуюся впервые въ «Письмахъ безъ адреса», написанныхъ въ февралѣ 1862 года.

¹⁾ В. А. Зайцевъ въ своей статьѣ о Чернышевскомъ, помѣщенной въ № 189 „Бочко-кола“, говоритъ, что прокламація къ крестьянамъ была напечатана III Отдѣленіемъ уже во время процесса Чернышевскаго, что корректура ея правилась подъ почеркъ Н. Г. и такъ, де, образомъ готово было новое обвиненіе. Это все совершенно невѣрно. Прокламація, какъ я уже сказалъ, никогда напечатана не была. Эта статья Зайцева перепечатана въ заграничныхъ изданіяхъ, гдѣ кое-что рассказано о процессѣ Чернышевскаго, и во второмъ приложеніи къ сборникамъ подъ редакціей г. Богучарскаго.

Въ-третьихъ, Чернышевскій, какъ и многіе въ 1862 г., разсчитывалъ на грандіозное крестьянское движеніе въ 1863-мъ. Потомъ только увидѣли, какъ переоцѣнили настроеніе крестьянъ, а тогда ждали громаднѣхъ событій и, разумѣется, были не прочь подготовить имъ почву.

Съ другой стороны, я думаю, что осторожный Чернышевскій не входилъ съ Костомаровымъ ни въ какія отношенія по печатанію прокламаціи, не подавъ ему даже вида, что онъ авторъ ея или вдохновитель. Фигура Костомарова, дѣйствительно, не была для него вполнѣ ясной. Онъ разсчитывалъ на конспираторскія способности Михайлова, который долженъ былъ дать ходъ прокламаціи. Поэтому всѣ разказы Костомарова, касающіеся прокламаціи и Чернышевскаго, по моему, совершенный вздоръ, и Н. Г., дѣйствительно, не надо было много усилій памяти, чтобы лишить всѣ его показанія всякой вѣры.

Но, повторяю, все это болѣе или менѣе вѣроятныя соображенія и только.

Если бы ихъ не было, и комиссія, а за ней и сенатъ не ставили бы Чернышевскому въ вину авторство прокламаціи, я не сталъ бы приводить ее здѣсь. Но теперь считаю это очень важнымъ.

Вотъ она.

Воззваніе къ барскимъ крестьянамъ.

Барскимъ крестьянамъ отъ ихъ доброжелателей поклонъ.

Ждали вы, что дастъ вамъ царь волю, вотъ вамъ и вышла отъ царя воля.

Хороша ли воля, какую далъ вамъ царь, сами вы теперь знаете.

Много тутъ разсказывать нечего. На два года останется все по прежнему, и барщина останется, и помѣщику власть надъ вами останется, какъ была. А гдѣ барщины не было, а былъ оброкъ, тамъ оброкъ останется, либо какой прежде былъ, либо еще больше прежняго станеть. Это на два года, говоритъ царь. Въ два года, говоритъ царь, землю перепишутъ да отмежуютъ. Какъ не въ два года! Шесть лѣтъ, либо 10 лѣтъ проволочать это дѣло. А тамъ что? Да, почитай, что то же самое еще на семь лѣтъ; только та разница и будетъ, что такія разныя управленія устроить, куда, вишь ты, можно жаловаться будетъ на помѣщика, если притѣснятъ будутъ. Знаете вы сами, не ново это слово «жалуйся на барина». Оно жаловаться-то и прежде было можно, да много ли толку было отъ жалобъ? Только жалобщиковъ же оберуть да разорять, да еще пересѣкутъ, а иныхъ, которые смѣлость имѣли, еще и въ солдаты заберутъ, либо въ Сибирь да въ арстантскія роты сошлютъ. Только и проку было отъ жалобъ. Извѣстно дѣло: коза съ волкомъ тягалась—одинъ хвостъ

остался. Такъ оно было, такъ оно и будетъ, пока волки останутся, значить, помѣщики да чиновники останутся. А какъ уладить дѣло, чтобъ волковъ то не осталось, это дальше все разсказано будетъ. А теперь покуда не объ томъ рѣчь, какіе новые порядки, какъ надо завести; покуда объ этомъ рѣчь идетъ, какой порядокъ вамъ отъ царя данъ,—что значить не больно-то хороши для васъ нынѣшніе порядки, а что порядки, какіе по царскому манифесту да по указамъ заводятся, все тѣ же самыя прежніе порядки. Только въ словахъ и выходитъ разница, что названія перемѣняются. Прежде крѣпостными либо барскими васъ звали, а нынѣ срочнообязанными васъ звать велятъ, а на дѣлѣ перемѣны либо мало, либо вовсе нѣтъ. Эки слова то выдуманы! Срочнообязанные, вишь ты глупость какая! Какой имъ чортъ это въ умъ то вложилъ такія слова. А по нашему, надо сказать: вольный человѣкъ да и все тутъ. Да чтобъ не названіемъ однихъ, а самымъ дѣломъ былъ вольный человѣкъ. А какъ бываетъ взаправду вольный человѣкъ и какимъ манеромъ вольными людьми можно вамъ стать, объ этомъ обо всемъ дальше написано будетъ. А теперь покуда о царскомъ указѣ рѣчь: хорошъ ли онъ?

Такъ вотъ оно какъ: два года ждать царь говоритъ, покуда земли отмежуются, а на дѣлѣ земля то межеваться будетъ пять либо и всѣ десять лѣтъ, а потомъ еще семь лѣтъ живите въ прежней неволѣ, а по правдѣ то оно выйдетъ опять не семь лѣтъ, а развѣ что семнадцать либо двадцать, потому что все, какъ сами видите, въ проволочку идетъ. Такъ, значить, живите вы по старому въ кабалѣ у помѣщика всѣ эти годы, два года да семь лѣтъ, значить, девять лѣтъ, какъ тамъ въ указѣ написано, а съ проволочками то взаправду выйдетъ двадцать лѣтъ, либо тридцать лѣтъ, либо и больше. Во всѣ эти годы остается мужикъ въ неволѣ, уйти никуда не моги: значить, не сталъ еще вольный человѣкъ, а все остается срочнообязанный, значить, все такой же крѣпостной. Не скоро же воли вы дождетесь; малые мальчики до бородъ аль и до сѣдыхъ волосъ дожить успѣють, покуда воля то придетъ по тѣмъ порядкамъ, какіе царь заводитъ.

Ну, а покуда она придетъ, что съ вашей землею будетъ? А вотъ что съ нею будетъ. Когда отмежевывать стануть, обрѣзывать ее велѣно противъ того, что у васъ прежде было, въ иныхъ селахъ четвертую долю отберуть изъ прежняго, въ иныхъ третью, а въ иныхъ и цѣлую половину, а то и больше, какъ придется гдѣ. Это еще безъ плутовства отъ помѣщика да безъ потачки имъ отъ межевщиковъ, по самому царскому указу. А безъ потачки помѣщикамъ межевщики дѣлать не стануть: вѣдь имъ за то помѣщикамъ стануть деньги давать, оно и выйдетъ, что оставятъ вамъ земли менѣе, чѣмъ на половину противъ прежней; гдѣ было тягло по двѣ десятины въ полѣ, оставятъ меньше одной десятины. И за одну десятину либо меньше мужикъ справляетъ барщину почти что такую же, какъ прежде за двѣ десятины, либо оброкъ плати почти что такой же, какъ прежде за двѣ десятины.

Ну, а какъ мужику обойтись половиной земли. Значить, долженъ будетъ прийти къ барину просить: дай, дескать, землицы побольше, больно мало мнѣ подѣ хлѣбъ по царскому указу оставили. А помѣщикъ скажетъ: мнѣ за нее прибавочную барщину справляй, либо прибавочный оброкъ давай. Да и заломить съ мужика сколько хочеть. А мужику уйти отъ него нельзя, а прокормиться съ одной земли, какая оставлена ему по отмежевкѣ, тоже нельзя. Ну, мужикъ на все будетъ согласенъ, что баринъ потребуеть. Вотъ оно и выйдеть, что нагрузить на него баринъ барщину больше нонѣшней, либо оброкъ тяжеле нонѣшняго.

Да на одну ли пашню надбавка будетъ? Нѣтъ, ты барину за луга подавай, вѣдь, сѣнокосъ-то, почитай, весь отнять у мужика по царскому указу. И за лѣсъ баринъ съ мужика возьметъ, вѣдь лѣсъ-то, почитай, во всѣхъ селахъ отнять; сказано въ указѣ, что лѣсъ барское добро, а мужикъ и валежнику подобрать не смѣй, коли барину за то не заплатилъ. Гдѣ въ рѣчкѣ или озерѣ рыбу ловили, и за то баринъ станетъ брать. Да за все, чего ты ни коснись, за все станетъ съ мужика баринъ либо въ барщину, либо въ оброкъ надбавки требовать. Все до послѣдней нитки будетъ баринъ брать съ мужика. Просто сказать, всѣхъ въ нищю поворотять помѣщики по царскому указу.

Да еще не все. А усадьбы то переносить? Вѣдь отъ барина зависить. Велить перенести—не на годъ, а на десять лѣтъ разоренья сдѣлаеть. Съ рѣки на колодцы пересадить, на гнилую воду да на вшивую; съ доброй земли на солончакъ, либо на песокъ, либо на болото, вотъ тебѣ и огороды, вотъ тебѣ и коноплянники, вотъ тебѣ и выгонъ добрый, все поминай, какъ звали. Сколько тутъ перемереть народу на болотахъ-то да на гнилой водѣ! А больше того ребятишекъ жалъ: ихъ лѣта слабыя, какъ мухи будутъ на дрянной то землѣ да на дрянной то водѣ мереть. Эхъ, горькое оно дѣло! А гробы то родительскіе—отъ нихъ то каково отлучиться?

Точно мужику придется, коли баринъ по царскому указу велить на новыя мѣста переселяться. А коли не переселилъ баринъ мужиковъ, такъ значить въ чистой, какъ есть, въ кабалѣ у него; на все есть у него такое одно словцо, что въ ноги ему упадетъ мужикъ да завопить: «батюшка, отецъ родной, что хочешь требуй, все выполню, весь твой рабъ!» А словцо это у барина таково: «коли не хочешь такую барщину справлять, либо такой оброкъ платить, такъ я хочу перенести усадьбу». Ну и сдѣлаешь все по этому словечку.

А то вотъ что еще скажетъ: ты на меня работалъ этотъ день, да я его въ счетъ не ставлю: плохо ты работалъ, завтра приди отработывать. Ну и придешь. На это тоже власть барину дана по указу царскому.

Это все объ томъ говорится, какъ мужикамъ будетъ жить, пока ихъ срочнообязанными звать будутъ, значить девять лѣтъ,

какъ въ бумагѣ обѣщано, а на дѣлѣ дольше будетъ, лѣтъ до двадцати либо до тридцати.

Ну, такъ, а потомъ что то будетъ, когда, значить, мужику разрѣшено будетъ отходить отъ помѣщика? Оно, пожалуй, что и толковать объ этомъ нечего, потому что долго еще ждать этого по царскому указу... А коли любопытство у васъ есть, такъ и объ этомъ дальнемъ времени разсудить можно.

Когда срочнообязанное время кончится, воленъ ты будешь отходить отъ помѣщика. Оно такъ въ указѣ обѣщано. Только въ немъ вотъ что еще прибавлено: а коли ты уйдешь, такъ земля твоя остается за помѣщикомъ. А помѣщикъ и самъ, коли захочетъ, можетъ тебя прогнать съ нея. Потому, вишь ты, что земля, которая была тебѣ отмежевана, все же не твоя была, а барская, а тебѣ баринъ только разрѣшеніе давалъ ее пахать, либо сѣю съ нея косить; покуда ты срочнообязаннымъ назывался, онъ тебя съ нея прогнать не могъ, а когда пересталъ ты срочнообязаннымъ называться, онъ тебя съ нея прогнать можетъ. Въ указѣ не такъ сказано на прямки, что можетъ прогнать, да на то выходитъ. Тамъ сказано: мужикъ уйти можетъ, когда срочнообязанное время кончится. Вотъ вы и разберите, что выходитъ. Барину то у мужиковъ землю отнять хочется; вотъ онъ будетъ тѣснить ихъ, да жать, да сожметъ такъ, что уйдутъ, а землю ему оставить,—оно, по просту сказать, и значить, что баринъ у мужика землю отнять можетъ, а мужиковъ прогнать.

Это о томъ времени, когда срочнообязанными васъ называть перестанутъ. А покуда называютъ, барину нельзя мужиковъ прогнать всѣхъ съ одного разу, а можно только по отдѣльности прогонять, нонѣ Ивана, завтра Сидора, послѣ завтра Карпа, поочередно; оно, впрочемъ, на то же выходитъ.

А мужику куда итти, когда у него хозяйство пропало? Въ Москву что ли или въ Питеръ, или на фабрики? Тамъ уже все полно, больше народу не требуется, помѣстить некуда. Значить, походить, походить по свѣту, по большимъ городамъ да по фабрикамъ, да все туда же въ деревню навадъ вернется. Это съ первоначала пробу мужики станутъ дѣлать. А на первыхъ то глядя, какъ они нигдѣ себѣ хлѣба не нашли, другіе потомъ и пробовать не будутъ, а прямо такъ въ томъ околоткѣ и будутъ оставаться, гдѣ прежде жили. А мужику въ деревнѣ безъ хозяйства да безъ земли, что дѣлать, куда дѣваться, кромѣ, какъ въ батраки наняться. Ну и нанимайся. Сладко ли оно батракомъ то жить? Нонѣ, сами знаете, не больно вкусно, а тогда и гораздо похуже будетъ, чѣмъ нонѣ живутъ батраки. А почему будетъ хуже, явное дѣло. Какъ всѣхъ то погонять съ земли то, такъ вездѣ будутъ сотни да тысячи народу шататься, да просить помѣщиковъ, чтобъ въ батраки ихъ взяли. Значить, ужъ помѣщика воля будетъ, какое имъ житье опредѣлить, они торговаться не могутъ, какъ нонѣ батракъ съ хозяиномъ торгуется: они куску хлѣба рады будутъ, а то у самого то въ животъ то пусто, да

семья то приюта не имѣеть. Есть такія поганыя земли, гдѣ ужъ и давно заведенъ этотъ порядокъ: вотъ вы послушайте, какъ тамъ мужики живутъ. У васъ нонѣ избы плохи, а тамъ и такихъ нѣтъ: въ землянкахъ живутъ да въ хлѣвахъ, а то въ сараяхъ большихъ, въ одномъ сараѣ семей десятокъ набито, все равно какъ табунъ скота какого. Да и хлѣба чистаго не ѣдятъ, а дрянъ всякую; какъ у насъ въ голодные годы, у нихъ вѣчно такъ. У насъ въ русскомъ царствѣ есть такая поганая земля, гдѣ города Рига, да Ревель, да Митава стоятъ, а народъ тоже христіанскій и вѣра у нихъ тоже хорошая, да не по вѣрѣ эта земля поганая, а по тому, какъ въ ней народъ живетъ: коли хорошо мужику жить въ какой землѣ, то и добрая земля, а коли дурно, то и поганая.

Такъ вотъ оно къ чему по царскому манифесту да по указамъ дѣло поведено; не къ волѣ, а къ тому оно идетъ, что въ вѣчную кабалу васъ помѣщики взяли да еще въ такую кабалу, которая гораздо и гораздо хуже нонѣшней.

А не звалъ царь что ли, какое дѣло онъ дѣлаеть? Да сами вы посудите, мудрено ли это разобрать. Значить, зналъ. Ну и разсудите, чего надѣяться вамъ на него

Не дождетесь вы отъ него воли, какой вамъ надобно. А почему не дождетесь отъ него, тоже разсудить можно. Самъ то онъ кто такой, коли не тотъ же помѣщикъ? Удѣльные то крестьяне чьи-же? Вѣдь они его крестьяне крѣпостные. Да и васъ то въ крѣпостные помѣщикамъ все царь же отдал, иныхъ давно, такъ что вамъ уже и не памятно, а другихъ немного давно, такъ что дѣды помнятъ. Прабабка нонѣшняго царя Екатерина отдала въ крѣпостные изъ вольныхъ. А есть еще такіе неразумные, что ее матушкою Екатериною величаютъ. Хороша матушка, дѣтей въ кабалу отдала.

Вы у помѣщиковъ крѣпостные, а помѣщики у царя слуги, онъ надъ ними помѣщикъ. Значить, что онъ, что они все равно.

Ну царь и держитъ барскую сторону. А что манифестъ да указы выпустили, будто волю вамъ даетъ, А почему сдѣлалъ, вотъ почему: у французовъ да у англичанъ крѣпостного народа нѣтъ, вотъ они ему глаза и кололи, что у тебя, говорятъ, народъ въ кабалѣ. Ему и стыдно было передъ ними

Волю, слышь, далъ онъ вамъ! Да развѣ такая и въ правду то воля бываетъ? Хотите знать, такъ вотъ какая.

Вотъ у французовъ есть воля. У нихъ нѣтъ разницы; самъ ли человекъ землю пашеть, другихъ ли нанимаетъ свою землю пахать; много у него земли, — значить богатъ онъ, мало — такъ бѣденъ, а разницы по званію нѣтъ никакой, все одно, какъ богатый помѣщикъ либо бѣдный помѣщикъ — все одно помѣщикъ. Надо всѣми одно начальство, судъ для всѣхъ одинъ, и наказаніе всѣмъ одно.

Вотъ у англичанъ есть воля, а воля у нихъ та, что рекрут-

ства у нихъ нѣтъ: кто хочетъ, иди на военную службу, все равно, какъ у насъ помѣщики тоже юнкерами и офицерами служить, коли хотятъ. А кто не хочетъ, тому и принужденія нѣтъ. А солдатская служба у нихъ выгодная, жалованья солдату больше дается, значить, доброй волей идутъ служить, сколько требуется людей.

А то вотъ еще въ чемъ воля и у французовъ и у англичанъ: подушной подати нѣтъ. Вамъ это, можетъ, и въ умъ не приходило, что безъ рекрутчины да безъ подушной подати можетъ царство стоять. А у нихъ стоитъ. Вотъ, значить, умные люди, коли такъ устроили себя умѣли.

А то вотъ еще въ чемъ у нихъ воля. Паспортовъ нѣтъ, каждаго ступай, куда хочетъ, живи гдѣ хочешь, ни отъ кого разрѣшенія на это не надо.

А вотъ еще въ чемъ у нихъ воля: судъ праведный. Чтобы судья деньги съ кого бралъ—у нихъ это и не слыхано. Они и вѣрить не могутъ, когда слышатъ, что у нихъ судьи деньги берутъ. Да у нихъ такой судья одного дня не просидѣлъ бы на мѣстѣ, въ ту же минуту въ острогъ его запрятали бы.

А вотъ еще въ чемъ у нихъ воля: никто надъ тобою ни въ чемъ не властенъ, окромѣ міра. Міромъ все у нихъ правится. У насъ исправникъ, либо становой, либо какой писарь, а у нихъ ничего этого нѣтъ, а замѣсто всего староста, который безъ міру ничего подѣлать не можетъ и во всемъ долженъ міру отвѣтъ давать. А міръ надъ старостою во всемъ властенъ, а кромѣ міра никто надъ старостою не властенъ и ни къ кому староста страха не имѣетъ, а къ міру имѣетъ. Полковникъ ли, генераль-ли, у нихъ все одно передъ старостою шапку ломить и во всемъ старосту слушаться долженъ; а коли чуть въ чемъ провинился генералъ али кто бы тамъ ни былъ предъ старостою, али ослушался старосты, староста его, полковника-то аль генерала-то въ острогъ сажаетъ,—у нихъ предъ старостою все равно; хоть ты простой мужикъ, хоть ты помѣщикъ, хоть ты генераль будь, все одно староста надъ тобою начальствуетъ, а надъ старостою міръ начальствуетъ, а надъ міромъ никто начальствовать не можетъ, потому что міръ значить народъ, а народъ у нихъ всему голова: какъ народъ повелитъ, такъ всему и быть. У нихъ и царь надъ народомъ не властенъ, а народъ надъ царемъ властенъ. Потому что у нихъ царь значить для всего народа староста и народъ значить надъ этимъ старостою, надъ царемъ то, начальствуетъ. Хорошъ царь, послушествуетъ народу, такъ и жалованье ему отъ народа выдается, а чуть что царь сталъ супротивъ народа дѣлать, ну, такъ и скажутъ ему: ты, царь, надъ нами ужъ не будь царемъ, ты намъ не угоденъ, мы тебя смѣняемъ, иди ты съ богомъ куда самъ знаешь, отъ насъ подальше, а не пойдешь, такъ мы тебя въ острогъ посадимъ да судить ставемъ тебя за твое ослушанье. Ну, царь и пойдетъ отъ нихъ куда самъ знаетъ, потому что ослушаться народа не можетъ. А какъ провозжать его отъ

себя станутъ, они ему на дорогу еще деньженокъ дадутъ изъ жалости, Христа ради тамъ складчину ему сдѣлаютъ промежь себя по грошу или по копейкѣ съ души, чтобъ въ чужой то землѣ съ голоду не умеръ. Доброй народъ, только и строгой же: потачки царю не любятъ давать. А на мѣсто его другого царя выберутъ, коли хотять, а не захотять, такъ и не выберутъ, коли охоты нѣтъ. Ну тогда ужъ просто тамъ на срокъ староста народный выбирается, на годъ ли тамъ, на два ли, на четыре ли года, какъ народъ ему срокъ полагаетъ. Такъ заведено у народа, который швейцарцами зовется, и у другого народа, который американцами зовется. А французы и англичане царей у себя пока держатъ. И надобно такъ сказать, когда народный староста не по наслѣдству бываетъ, а на срокъ выбирается, и царемъ не зовется, а просто зовется народнымъ старостою, а по ихнему по иностранному президентомъ, тогда народу лучше бываетъ жить и народъ богаче бываетъ. А то и при царѣ можно тоже хорошо жить, какъ англичане и французы живутъ, только значить тѣмъ, чтобы царь во всемъ народу и послушаніе оказывалъ и безъ народа ничего дѣлать не смѣлъ и чтобы народъ за нимъ строго смотрѣлъ и чуть что дурное отъ царя увидитъ, смѣнялъ бы народъ его, царя то, и вонъ изъ своей земли выпроваживалъ, какъ у англичанъ да у французовъ дѣлается.

Такъ вотъ она какая взаправду то воля бываетъ на свѣтѣ: чтобы народъ всему голова былъ, а всякое начальство міру покорствовало, и чтобы судъ былъ праведный и ровный для всѣхъ былъ бы судъ, и безчинствовать надъ мужикомъ никто не смѣлъ и чтобы паспортовъ не было, и подушнаго оклада не было бы, и чтобы рекрутчины не было. Вотъ это воля, такъ воля и есть. А коли того нѣтъ, значить и воли нѣтъ, а все одно: обольщеніе въ словахъ.

А какъ же намъ русскимъ людямъ и въ правду вольными людьми стать? Можно это дѣло обработать и не то чтобы очень трудно было; надо только единодушіе имѣть между собою мужикамъ, да своровку имѣть, да силой запасться.

Вотъ вы, барскіе крестьяне, значить, одна половина русскихъ мужиковъ. А другая половина государственные да удѣльные крестьяне. Имъ тоже воли то нѣтъ. Вотъ вы съ ними и соглашайтесь и растолкуйте имъ, какая имъ воля слѣдуетъ, какъ выше прописано. Чтобъ рекрутчины, да подушной, да паспортовъ не было, да окружныхъ тамъ, да всей этой чиновной дряни надъ нами не было, а чтобы у нихъ также міръ былъ всему голова. И отъ насъ, вашихъ доброжелателей, поклонъ имъ скажите: какъ вамъ, такъ и имъ одного добра мы хотимъ.

Государственнымъ и удѣльнымъ крестьянамъ отъ ихъ доброжелателей поклонъ.

А вотъ тоже солдатъ — вѣдь онъ изъ мужиковъ, тоже вашъ братъ. А на солдатѣ все держится, всѣ нонѣшніе порядки. А солдату какая прибыль за нонѣшніе порядки стоять? Что ему житье

что ли больно сладкое? Али жалованье хорошее? Проклятое нонче у насъ житье солдатамъ. Да и лобъ то имъ забрили по принужденію и каждому изъ нихъ вольную отставку получить бы хотѣлось. Вотъ вы имъ и скажите всю правду, какъ объ нихъ написано. Когда воля мужикамъ будетъ, каждому солдату тоже воля объявится: служи солдатомъ кто хочетъ, а кто не хочетъ, отставку чистую получай. А у солдата денегъ нѣтъ, чтобы домой итти, да хозяйствомъ или какимъ мастерствомъ обзавестись, такъ ему при отставкѣ будутъ на то деньги выданы, сто рублей серебромъ каждому. А кто волей захочетъ въ солдатахъ остаться, тому будетъ въ годъ жалованья 50 рублей серебромъ. А и принужденья никакого нѣтъ, хочешь оставайся, хочешь въ отставку иди. Вы такъ имъ и скажите, солдатамъ: вы, братья солдатушки, за насъ стойте, когда мы себѣ волю добывать будемъ, потому что и вамъ воля будетъ: вольная отставка каждому, кто въ отставку пожелаетъ, да сто рублей серебромъ награды за то, что своимъ братьямъ мужикамъ волю добыть помогалъ. Значить и вамъ и себѣ добро сдѣлаютъ и поклонъ имъ отъ насъ скажите:

Солдатамъ русскимъ отъ ихъ доброжелателей поклонъ.

А еще вотъ кому отъ насъ поклонитесь: офицерамъ добрымъ, потому что есть и такіе офицеры, и не мало такихъ офицеровъ. Такъ чтобы солдаты такихъ офицеровъ высматривали, которые надежны, что за народъ стоять будутъ, и такихъ офицеровъ пусть солдаты слушаются какъ волю добыть.

Такъ вотъ какое дѣло, надо мужикамъ всѣмъ промежъ себя согласіе имѣть, чтобы за одно быть, когда пора будетъ. И покуда пора не пришла, надо силу беречь, себя напрасно въ бѣду не вводить, значить, спокойствіе сохранять и виду никакого не показывать. Пословица говоритъся, что одинъ въ полѣ не воинъ. Что толку, что ежели въ одномъ селѣ булгу поднять, когда въ другихъ селахъ готовности еще нѣтъ? Это значить только дѣло портить да себя губить. А когда вездѣ готовы будутъ, значить, вездѣ поддержка подготовлена, ну тогда дѣло начинай. А до той поры рукамъ воли не давай, смиренный видъ имѣй, а самъ промежъ своимъ братомъ мужикомъ толкуй да подговаривай его, чтобы дѣло въ настоящемъ видѣ понималъ. А когда промежъ васъ единое будетъ, въ ту пору и назначеніе выйдетъ, что пора, дескать, всѣмъ дружно начинать. Мы ужъ увидимъ, когда пора будетъ, и объявленіе сдѣлаемъ. Вѣдь у насъ по всѣмъ мѣстамъ свои люди есть, отовсюду намъ вѣсти приходятъ, какъ народъ да что народъ. Вотъ мы и знаемъ, что покудова еще нѣтъ приготвленности. А когда приготвленность будетъ, намъ тоже видно будетъ. Ну, тогда и пришлемъ такое объявленіе, что пора, люди рускіе, доброе дѣло начинать, что во всѣхъ мѣстахъ въ одну пору начнется доброе дѣло, потому что вездѣ тогда народъ готовъ и единоедушіе въ немъ есть и одно мѣсто отъ другого не отстанетъ. Тогда и легко будетъ волю добыть. А до той поры готовься къ дѣлу,

а самъ виду не показывай, что къ дѣлу подготовленіе у тебя идетъ.

А это наше письмоце промежь себя читайте да другъ дружкѣ раздавайте. А кромѣ своего брата мужика да солдата ото всѣхъ его прячьте, потому что для мужика да для солдата наше письмоце писано, а къ другому ни къ кому оно не писано, значить окромѣ васъ, крестьянъ, да солдатъ, никому и знать объ немъ не слѣдуетъ.

Оставайтесь здоровы да вѣсти отъ насъ ждите. Вы себя берегите до поры до времени, а ужъ отъ насъ вы безъ наставленья не останетесь, когда пора будетъ.

Печатано письмоце это въ славномъ городѣ Христіаніи, въ славномъ царствѣ шведскомъ, потому что въ русскомъ царствѣ царь печатать правды не велить. А мы всѣ люди русскіе и промежь васъ находимся, только до поры до времени не открываемся, потому что на доброе дѣло себя бережемъ, какъ и васъ просимъ, чтобы вы себя берегли. А когда пора будетъ за доброе приняться, тогда откроемся».

Каждый, внимательно прочитавшій эту въ своемъ родѣ единственную прокламацію, согласится, что написана она очень удачно и умѣло; все, кончая «славнымъ городомъ Христіаніей», соображено и завѣшено именно въ отношеніи крестьянина.

(Окончаніе будетъ.)

Мих. Лемне.

Изъ бумагъ декабриста И. Д. Якушкина.

Въ бумагахъ И. Д. Якушкина находятся два документа, характеризующіе ту симпатію, тотъ интересъ, съ которыми авторъ ихъ относился къ «Полярной Звѣздѣ» А. И. Герцена. Первый изъ этихъ документовъ,—написанное карандашомъ,—черновое письмо Якушкина къ Герцену по поводу первой книжки «Полярной Звѣзды». Неизвѣстно, было ли это письмо переписано и отправлено по назначенію. Часть стихотвореній, предполагавшихся къ отсылкѣ при письмѣ, напечатана въ слѣдующей книжкѣ «Полярной Звѣзды», но вмѣстѣ съ другими стихотвореніями, что заставляетъ думать, что они все получены Герценомъ отъ другого лица. Въ письмѣ И. Д. Якушкина заслуживаетъ особеннаго вниманія его показаніе о томъ интересѣ и сочувствіи, съ какимъ изданія Герцена встрѣчены были въ Сибири. Интересенъ также и рассказъ о Чаадаевѣ. Шеппингъ, о которомъ упоминается въ письмѣ, тотъ самый, про котораго Пушкинъ писалъ Чаадаеву:

Но только ради Бога
Гони ты Шеппинга отъ нашего порога.

Другой документъ тоже вызванъ чтеніемъ «Полярной Звѣзды» и представляетъ рассказъ объ Ивашевой, написанный И. Д. Якушкинымъ для исправленія рассказа о ней, помѣщеннаго въ «Быломъ и Думахъ». Этотъ листъ написанъ чернилами. Вѣроятно, въ этомъ видѣ онъ и предназначался для отправки въ Лондонъ, но отправленъ не былъ.

В. Якушкинъ.

I.

«Полярная Звѣзда» читается даже въ Сибири, и ее читаютъ съ великимъ чувствомъ; если бы вы знали, какъ бы этому порадовались. Я уже не говорю о людяхъ, (которые) сочувствуютъ вашимъ убѣжденіямъ и цѣнятъ вполне прекрасное ваше направленіе и благородный трудъ Вашъ, но даже и тѣ, которые не имѣютъ никакихъ убѣжденій, никакого направленія, читая Вашу книжку, и они находятся подъ какимъ то обаяніемъ, невольно

грудь ихъ расширяется, и они чувствуютъ, что дышутъ свободно. Вы не ругаетесь и потому вы не отщепенникъ; но говорите какъ свободный русскій человѣкъ и свободная ваша рѣчь для всякаго русскаго человѣка какъ будто летящій отъ родины гласъ. Надо полагать, что на вызовъ вашъ къ нашимъ соотечественникамъ доставлять вамъ статьи для вашей «Полярной Звѣзды», отозвались уже многіе. При этихъ строкахъ вы получите стихотвореніе Рылѣева: «Гражданинъ», которое конечно вамъ неизвѣстно, и которое если и извѣстно въ Россіи, то очень немногимъ. Стихотвореніе Кюхельбекера «Тѣнь Рылѣева», вѣроятно, также никто не знаетъ.

Очень многіе знаютъ коротенькое посланіе Пушкина «во глубинѣ Сибирскихъ рудъ», которое, разумѣется, никогда не было напечатано и можетъ нынѣ читаться только въ вашемъ сборникѣ. На всякій случай прилагаю еще Пушкина No 1, который во время оно всѣ знали наизусть и распѣвали чуть не на улицѣ (можетъ быть, онъ и вамъ извѣстенъ). На первый разъ не вышлите, чѣмъ богаты тѣмъ и радъ.

Въ 1-мъ номерѣ «Полярной Звѣзды, единственно который пока дошелъ сюда, есть нѣкоторыя, правда не очень важныя, невѣрности.

Дмитрій Николаевичъ Болговской, участвовавшій въ заговорѣ 11-го марта, служилъ въ Измайловскомъ полку, а не въ Семеновскомъ, былъ отставленъ по вступленіи на престолъ императора Александра и только въ 12-мъ году получилъ позволеніе вступить опять въ службу.

Свиданіе Чаадаева съ императоромъ рассказано у васъ также не совсѣмъ точно, Чаадаевъ по прибытіи въ Лейбахъ остановился у кн. Меншикова, бывшаго тогда начальникомъ канцеляріи главнаго штаба. Императоръ Александръ не только не сдѣлся на Чаадаева, но напротивъ принялъ его очень благосклонно и довольно долго толковалъ съ нимъ о пагубномъ направленіи тогдашней молодежи, признаваясь, что онъ можетъ быть грѣшитель, полагая, что Грець главный виновникъ волненія Семеновскаго полка, и сознаваясь, что Семеновцы и въ этомъ случаѣ вели себя отлично.

Когда Чаадаевъ вышелъ отъ Императора, кн. Петръ Михайловичъ Волконскій догналъ его и сообщилъ ему высочайшее повелѣніе, ни слова не говорить князю Меншикову о своемъ разговорѣ съ Государемъ. По возвращеніи Чаадаева въ Петербургъ Шеппингъ и многіе другіе поздравляли его съ будущимъ счастьемъ, пророча, что онъ непремѣнно будетъ флигель-адъютантомъ; чтобъ доказать Шеппингу и другимъ, какъ онъ мало дорожитъ такого рода счастьемъ, Чаадаевъ вышелъ въ отставку. Вообще же очеркъ Чаадаева вы накидали очень удачно.

Дружески Васъ привѣтствуя, одинъ изъ стариковъ крѣпко жметъ Вамъ руку.

II.

Разсказъ объ Ивашевой въ «Быломъ и Думахъ» (стр. 88) очень не вѣренъ; онъ дошелъ до издателя «Полярной Звѣзды» со всѣми романтическими прикрасами, какія нерѣдко придаютъ, рассказывая о двухъ нѣжныхъ сердцахъ, соединившихся законными узами. Во всемъ этомъ происшествіи, какъ оно ни любопытно, не было ничего особенно цвѣтистаго и все происходило очень просто.

Ивашевъ, сынъ довольно зажиточнымъ родителей, воспитывался сперва дома, а потомъ въ Пажескомъ Корпусѣ, откуда онъ и поступилъ въ кавалергарды. Бывши нѣсколькими годами моложе того поколѣнія, которое участвовало въ походахъ 12, 13 и 14 года, онъ какъ и большая часть правдой молодежи, помышлялъ только о самыхъ обыденныхъ наслажденіяхъ жизни и могъ бы въ нихъ погрязнуть, если бы на свое счастье, опредѣлившись адъютантомъ къ гр. Витгенштейну, онъ не познакомился съ Пестелемъ, который принялъ его въ Тайное Общество. Имѣя теперь положительную цѣль предъ собою, онъ былъ спасенъ, и съ этого времени зажилъ жизнью всѣхъ Тульчинскихъ своихъ товарищей, усердно занимавшихся вопросами о всемъ томъ, что могло тогда наиболѣе способствовать благоденствію Россіи, и трудившихся надъ собою, чтобы образовать для нея полезныхъ дѣятелей.

M-me Ledentu жила гувернанткой при сестрахъ Ивашева съ своей дочерью Камилою; молодой кавалергардъ, бывши въ отпуску, отъ нечего дѣлать за ней ухаживалъ; жениться же на ней, какъ онъ самъ послѣ рассказывалъ, ему не приходило и на мысль; она также въ то время не помышляла быть его женой, а потому тутъ и не замышлялось никакой *mesaillance* и не было никакой необходимости ссылатъ невинную въ Парижъ; родившись въ Россіи, она никогда въ него и не заглядывала. Когда Ивашевъ былъ сосланъ въ Сибирь, его родители и сестры страстно его любившіе, желая облегчить его положеніе, предложили ему жениться на M-me Ledentu; онъ не видалъ ее уже лѣтъ семь или осемь, долго колебался и согласившись на предложеніе родныхъ, не былъ увѣренъ, что поступаетъ разумно, соединяя судьбу свою съ судьбой молодой особы, которую почти не зналъ. Какія причины заставили M-me Ledentu ѣхать добровольно въ ссылку, чтобы быть женой Ивашева, трудно вполне опредѣлить, но очень вѣрно только то, что въ природѣ ея не было ничего восторженнаго, что могло бы побудить ее на такой поступокъ. Имѣя очень неблестящее положеніе въ свѣтѣ, выходя замужъ за ссыльно-каторжнаго государственнаго преступника, она вмѣстѣ съ тѣмъ вступала въ знакомую ей семью, какъ невѣстка Генерала Ивашева, богатаго помѣщика, при чемъ, въ нѣкоторомъ отношеніи,

обеспечивалась ея будущность и будущность старушки ея матери; за отсутствиемъ сердечнаго влеченія мало ли есть какихъ причинъ побуждающихъ вообще дѣвицъ выходить замужъ, и нѣрѣдко очертя голову. Согласившись на предложеніе ѣхать въ Сибирь и быть женой Ивашева, она написала письмо къ Императрицѣ, въ которомъ разсказала давнишнюю и непреодолимую любовь свою къ изгнаннику, и просила одной милости: дозволенія соединиться съ нимъ законнымъ бракомъ. Письмо это произвело желанное дѣйствіе и обратило общее вниманіе на страстно любящую и великодушную французанку. Государь согласился на ея просьбу, и ей объявили, по общепринятому порядку, положеніе для женъ, послѣдовавшихъ въ Сибирь за своими ссыльно-каторжными мужьями; она впрочемъ знала и прежде въ чемъ заключалось это положеніе. Скоро потомъ Липарскій, по наименованію Комендантъ Нерчинскихъ рудниковъ, а въ сущности Начальникъ и блюститель надъ государственными преступниками, получая предписаніе прежде еще прибытія M-lle Ledentu, о дозволеніи ей выйдти замужъ за Ивашева.

Лѣтомъ въ 31-мъ году она пріѣхала въ прекрасной каретѣ съ своей горничной и огромнымъ крѣпостнымъ на козлахъ прямо къ кн. Волконской. Дамы въ Петровскомъ имѣли свои домики, во всякое время дня могли выходить изъ казармы и опять возвращаться къ своимъ мужьямъ. Новопріѣзжая всѣми ими была обласкана и самъ Липарскій явился къ ней съ своимъ драгунскимъ привѣтствіемъ. Старикъ этотъ бывшии человекъ очень не глухой и не лишенный человѣческаго чувства, во многихъ случаяхъ велъ себя отлично. Взявши отъ M-lle Ledentu письменное обѣщаніе, что она будетъ исполнять всѣ правила, которымъ подчинялись жены послѣдовавшія за своими мужьями, онъ ей обѣщаль свиданіе съ Ивашевымъ, и Ивашевъ скоро потомъ вошелъ къ ней съ однимъ изъ своихъ товарищей; она такъ мало сохранила его образъ въ своей памяти, что не вдругъ могла отгадать, который изъ двухъ вошедшихъ къ ней былъ ея женихъ. Бракъ совершили въ тиши ночной, скрытно. Липарскій былъ посаженнымъ отцомъ, и кромѣ его только дамы и человекъ три изъ товарищей Ивашева присутствовали на свадьбѣ. Этимъ кончился прологъ; настоящая же драма началась, какъ она обыкновенно начинается въ подобныхъ случаяхъ, съ той минуты, какъ сочтавшіеся бракомъ (передъ) налоемъ произнесли взаимные обѣты. Драма эта для Ивашевыхъ разыгралась очень удачно.

Въ это время государственные преступники жили въ крѣпко замкнутой казармѣ, нарочно для нихъ выстроенной, въ Петровскомъ желѣзноплавительномъ заводѣ, гдѣ находилось около трехъ тысячъ жителей изъ ссыльно-каторжныхъ и заводскихъ служителей; каждый жилъ въ отдѣльномъ казематѣ и кромѣ особенныхъ случаевъ выходили они изъ казармы только на работу, подъ надзоромъ вооруженной стражи. Дамы, которыя имѣли дѣтей и потому не могли жить съ своими мужьями, навѣщали ихъ

днемъ, тѣ же, у которыхъ не было дѣтей, жили вмѣстѣ съ своими мужьями въ довольно тѣсныхъ казематахъ. Только въ 1832 году послѣ кончины Александры Григорьевны Муравьевой, простудившейся въ одну изъ своихъ прогулокъ въ казематъ, что и было причиной ея смерти, пришло изъ Петербурга разрѣшеніе отпустить мужей къ ихъ женамъ на домъ. Послѣ свадьбы, Ивашева перешла къ мужу и помѣстилась съ нимъ въ небольшемъ казематѣ, довольно темномъ и во всѣхъ отношеніяхъ для женщины очень неудобномъ; кромѣ общаго сторожа для всего корридора не допускалась въ казематъ, даже во время дня, никакая другая прислуга. Все окружавшее бѣдную Ивашеву было ей чуждо, и даже съ своимъ мужемъ она была еще мало знакома. Всѣ неудобства такого существованія первое время явно тяготили ее; но это продолжалось не долго. Ивашевъ выработавшій себя всѣми испытаніями, черезъ которыя ему пришлось пройти, кроткимъ и разумнымъ своимъ поведеніемъ всякій разъ успокаивалъ молодую свою жену, и окончательно умѣлъ возбудить въ ней чувства, которыя она прежде не знала. Она выросла и поняла и оцѣнила свое положеніе. Съ этихъ поръ супруги пошли рука объ руку, и шли пока смерть не разлучила ихъ, дѣля и радость жизни, и горе все пополамъ.

Въ 36-мъ году кончился срокъ работы для Ивашева, и онъ съ женой и годовой дочерью, въ сопровожденіи казака отправился на поселеніе въ Туринскъ, гдѣ попеченіями родныхъ его, по обстоятельствамъ, ему доставлялись всевозможныя удобства жизни. Старушка M-me Ledentu пріѣхала къ дочери на житье, и Языкова, сестра Ивашева пріѣзжала къ нему тайкомъ и пробыла у него нѣсколько дней.

Ивашева умерла не отъ того, какъ сказано въ «Быломъ и Думахъ», что силы въ ней были потрясены ссылкой въ Парижъ и пр., чего никогда не бывало; въ это время она вполне развилась и окрѣпла, но она простудилась и скончалась отъ воспаленія въ груди. Мужъ умеръ ровно черезъ годъ отъ удара. Послѣ нихъ оставшимся малолѣтнимъ сыну и двумъ дочерямъ по просьбѣ кн. Хованской сестры Ивашева дозволено было пріѣхать къ теткѣ, у которой они и остались.

Послѣ, сынъ Ивашева былъ принятъ въ артиллерійское училище съ переименованіемъ его по существовавшему порядку того времени. Фамилія же Ивашева возвращена ему манифестомъ 26 августа.

Разбойникъ, одинъ изъ товарищей Ивашева, о которомъ идетъ рѣчь тамъ же въ «Быломъ и Думахъ», лицо, какъ и все прочее изукрашено фантазіей; объ немъ сказано, что онъ работалъ въ крѣпости, каковой не имѣется не только въ Петровскомъ, но и во всей Восточной Сибири, и что узнавши о горькомъ положеніи прибывшей M-me Ledentu, онъ предложилъ ей переносить ея записки къ Ивашеву и отъ него къ ней, и что она, тронутая

такимъ великодушiемъ разбойника, отъ восторга рыдала и воспользовалась его предложенiемъ.

Но въ Петровскомъ, съ самаго своего приѣзда, M-lle Ledentu, какъ и всѣ прочiя дамы, не находилась въ товариществѣ съ ссыльными работающими на заводѣ; и ей не было никакой надобности употреблять котораго нибудь изъ нихъ для переписки съ своимъ женихомъ; тотчасъ по своемъ прибытiи она могла сообщаться съ нимъ, посредствомъ дамъ, имѣвшихъ всегда доступъ въ казематы, куды никто изъ постороннихъ не допускался. Въ это время въ Петровскомъ находился ссыльно-каторжный, бывший прежде хрѣпостнымъ человѣкомъ Генерала Ивашева, отданный въ солдаты; онъ поступилъ въ жандармы въ Петербургъ и тамъ ему случилось одинъ разъ въ питейномъ, хлебнуть, до такой степени черезъ край, что онъ проснулся на стѣзжей и ему объявили, что онъ убилъ человѣка, чего онъ рѣшительно не помнилъ; былъ онъ мужикъ рослый, плечистый и необыкновенно сильный, и надо полагать, что въ пьяномъ видѣ, онъ сразу зашибъ до смерти человѣка, подвернувшася ему подъ руку, и который можетъ лѣзъ къ нему также въ нетрезвомъ видѣ. Его судили, наказали за смертоубiйство и сослали въ работу. Не мудрено, что когда этотъ человѣкъ, узнавши о прибытiи невѣсты прежняго своего барина, пришелъ къ ней въ первый разъ и сказалъ откуда онъ, она была поражена и тронута его присутствiемъ тѣмъ болѣе, что можетъ быть еще вѣрила тогда, что всѣ ссыльно-каторжные непременно закончѣные ужасные злодѣи, она съ прiятнымъ чувствомъ увидѣла одного изъ нихъ, въ которомъ не было ничего особенно страшнаго и отвратительнаго.

Польская с.-р. партія «Пролетаріатъ.»

1882—1886.

(Общій обзоръ дѣятельности).

Осень 1878 г. ознаменовалась событіями, взволновавшими всю Варшаву. Впервые послѣ возстанія 1863—1864 гг. столица Царства Польскаго была свидѣтельницей массовыхъ арестовъ, начавшихся 8-го августа и продолжавшихся до ноября. Польское общество съ удивленіемъ узнало, что «бредни», распространяемыя «молокососами, начитавшимися сумасбродныхъ книжекъ», успѣли проникнуть въ фабрики и мастерскія и приобрѣсть тамъ немалое количество приверженцевъ. Соціалистическое движеніе, скрывавшееся до сихъ поръ отъ взоровъ широкой публики, обнаружилось вслѣдствіе арестовъ 1878 г. передъ лицомъ всего общества. Это послѣднее отнеслось къ нему, какъ къ явленію беспочвенному, наносному, чуждому по существу польской націи,—отчасти съ сожалѣніемъ, что молодые люди, преисполненные идеалистическихъ порывовъ, губятъ себя безъ всякой пользы для родины, отчасти съ отвращеніемъ и даже съ ужасомъ, вселяемымъ таинственными борцами за непонятныя цѣли. Однако, такъ или иначе, польское общество должно было уже считаться съ соціалистическимъ движеніемъ въ Польшѣ, какъ съ фактомъ реальнымъ, не подлежащимъ никакому сомнѣнію. И съ нескрываемою тревогою слѣдила польская закоренѣлая печать, не скованная гнетомъ русской цензуры, за первыми явными шагами польскихъ соціалистовъ.

Краковскій процессъ 1880 г. былъ событіемъ, которое въ еще большей степени, нежели варшавскіе аресты, убѣдило польское общество въ томъ, что соціалистическое движеніе пустило корни, развѣтвилось и привлекло къ себѣ рядъ недюжинныхъ силъ. Закончившійся полнымъ торжествомъ обвиняемыхъ и позорнымъ пораженіемъ австрійской прокуратуры краковскій процессъ Варынского и товарищей обнаружилъ, что существующее всего нѣсколько лѣтъ польское соціалистическое движеніе является факторомъ, съ которымъ приходится считаться самымъ серьезнымъ образомъ. Оно не только охватило Царство Польское, но проникло уже

въ Галицію, успѣвъ вмѣстѣ съ тѣмъ создать свои кружки и среди разбѣянной отъ Вѣны до Женева учащейся заграничной польской молодежи. Существовала уже социалистическая агитаціонная литература, возникъ органъ печати, проповѣдующій социалистическія идеи; ихъ глашатаями являлись такія личности, какъ Людвигъ Варыньскій, пламенные рѣчи котораго, произнесенныя во время краковскаго процесса, вызывали робкую симпатію къ социализму среди довольно широкой публики.

Высланный изъ предѣловъ Галиціи и Австріи, Людвигъ Варыньскій ѣдетъ въ Женеву, отгуда въ декабрѣ 1881 г. онъ возвращается въ Царство Польское съ рѣшеніемъ создать тамъ сильную организацію, которая могла бы руководить движеніемъ, сплотивъ ведино разрозненыя и деморализованныя арестами кружки рабочихъ и интеллигенціи.

Пріѣздъ Варыньскаго въ Варшаву является эрой въ исторіи развитія польскаго социально-революціоннаго движенія.

Задача, за исполненіе которой взялся Варыньскій, была нелегка. Она врядъ ли была бы подъ силу кому нибудь другому, у кого не было бы тѣхъ данныхъ, которыми располагалъ Варыньскій. Прекрасный ораторъ, выражающій очень ясно и точно свои мысли въ формѣ, лишенной всякаго фразеологическаго балласта, а вмѣстѣ съ тѣмъ очень образной и увлекательной, Варыньскій умѣлъ примѣняться ко всякой аудиторіи, что давало ему возможность одинаково сильно дѣйствовать и на рабочихъ, и на интеллигентную молодежь. Одаренный недюжинными организаторскими способностями, легко ориентирующійся въ самыхъ запутанныхъ отношеніяхъ, безгранично преданный дѣлу революціи, Варыньскій принялся за работу, вкладывая въ нее весь свой горячій темпераментъ, все свое увлеченіе, съ неослабѣвающей энергіей и настойчивостью преодолевая всѣ преграды.

Аресты конца 70-хъ гг. вырвали изъ рядовъ польскихъ социалистовъ большое количество борцовъ. Около пятидесяти человекъ—студентовъ, рабочихъ и женщинъ было выслано въ Сибирь, и организація оказалась совершенно разгромленной. Нужно было объединить кружки рабочихъ, существовавшіе въ Варшавѣ, создать рядъ рабочихъ организацій въ промышленныхъ пунктахъ провинціи Царства Польскаго, привлечь къ работѣ среди пролетаріата какъ можно больше интеллигентныхъ агитаторскихъ силъ, выработать программу дѣйствій новой организаціи и точно опредѣлить ея роль по отношенію къ русскимъ революціоннымъ партиямъ.

Что касается первой изъ этихъ задачъ, то ея осуществленіе находилось въ самой тѣсной зависимости отъ увеличенія количества агитаторовъ-интеллигентовъ, которые отдали бы всѣ свои силы на дѣятельность среди рабочихъ. Однако, жертвами всѣхъ арестовъ и высылкъ главнымъ образомъ и были агитаторы-интеллигенты, недостатокъ въ которыхъ давалъ себя чувствовать самымъ серьезнымъ образомъ. Поэтому Варыньскій, первымъ дѣломъ

занявшійся возстановленіемъ рабочей организаціи, одновременно прилагаетъ усиліе къ тому, чтобы привлечь къ ней интеллигентную молодежь.

При помощи удѣлѣвшихъ отъ разгромовъ 1878—80 гг. агитаторовъ-рабочихъ, среди которыхъ особенно выдѣлялся по своему развитію и преданности дѣлу Генрихъ Дулемба, Варынской очень скоро создаетъ прочную, быстро разрастающуюся рабочую организацію. Эта послѣдняя старается вліять и на болѣе широкія массы, пытается использовать для цѣлей пропаганды своихъ идей факты, волнующіе эти массы. Такъ во время сильнаго броженія среди рабочихъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ Варшавско-Вѣнской ж. д., вызваннаго прижимками администраціи, варшавская рабочая организація издаетъ воззваніе, въ которомъ формулируются требованія желѣзно-дорожныхъ рабочихъ, указывается, какъ эти послѣдніе должны себя вести, чтобы повліять на администрацію, и выясняется лицемѣрная роль правительственныхъ властей.

Это воззваніе вышло въ іюль 1882 г., а немного спустя мы уже имѣемъ дѣло съ «Рабочимъ Комитетомъ», который принимаетъ на себя роль руководителя всѣхъ имѣющихся на лицо организованныхъ силъ. Въ августѣ (15-го) этотъ комитетъ выпускаетъ гектографированную прокламацію, заключавшую проектъ программы, который былъ подвергнутъ обсужденію членовъ организаціи, послѣ чего онъ, въ переработанномъ и дополненномъ видѣ, былъ отпечатанъ и распространенъ въ качествѣ программы новой организаціи, назвавшейся партіей «Пролетаріатъ». Такъ какъ эта программа легла въ основу всей дѣятельности «Пролетаріата» и, такимъ образомъ, составляетъ важный историческій документъ, то мы и приводимъ ее здѣсь полностью.

Воззваніе «Рабочаго Комитета» социальнo-революціонной партіи «Пролетаріатъ».

I.

Причиной нужды и всякаго гнета въ современныхъ обществахъ является неравенство и несправедливость при распредѣленіи богатствъ между различными ихъ классами. Хотя богатства—это результатъ труда, однако они не составляютъ удѣла тѣхъ, кто трудился надъ ихъ созданиемъ. При теперешнемъ социальномъ строѣ привилегированные классы (имущіе классы), не работая производительно, захватываютъ большую часть богатствъ созданныхъ трудомъ; рабочей же классъ (классъ непривилегированный, неимущій), насильно лишенный (огтабіона) плодовъ своего труда, принужденъ терпѣть нужду и униженіе; такое взаимоотношеніе двухъ этихъ классовъ, основанное на эксплуатаціи трудящихся, существуетъ въ обществѣ издавна, только отъ времени до времени поверхностно измѣняя свою форму. Зачатковъ подобнаго положенія дѣлъ слѣдуетъ искать въ тѣхъ отдаленныхъ

времена, когда болѣе сильныя единичныя личности или группы, опираясь единственно на правѣ сильнѣйшаго, забрали въ свои руки насильственнымъ образомъ или же путемъ обмана земли и всѣ орудія труда; экспропрированный такимъ образомъ земледѣлецъ долженъ былъ, взявъ за право работать на отнятой у него сильнѣйшимъ землѣ, не только уступить грабителю значительную часть плодовъ своего труда, но и отказаться отъ личной свободы. Онъ сталъ рабомъ, честь и жизнь котораго вполне зависѣли отъ капризной воли «господина». *Рабство*, а затѣмъ *крѣпостная* и *цеховая* зависимость рабочаго продолжали существовать вплоть до конца XVIII ст., когда Великая Французская Революція, уничтожая средневѣковыя привилегіи, положила начало новой эпохѣ *буржуазно-капиталистическаго* развитія общества. Освобожденный отъ узъ средневѣковаго крѣпостного права и цеховъ, рабочій сталъ какъ бы независимымъ, въ сущности же его отношеніе къ имущимъ классамъ не подверглось вовсе коренному измѣненію. Вчерашній *рабъ* получилъ названіе *свободнаго работника*, прежнее принужденіе получило названіе *свободнаго найма*; по скольку рабъ или подданный долженъ былъ повиноваться приказаніямъ «господина» изъ страха его кула, по стольку и въ настоящее время *свободный работникъ* покорно принимаетъ условія, которыя ему предписываетъ капиталистъ, потому что его *принуждаетъ къ этому голодъ, угрожающій ему и его семьѣ въ каждую минуту*. Итакъ эксплуатація измѣнила только свой видъ, оставаясь тѣмъ же менѣе *основной нормою* отношеній между классами современныхъ обществъ—между классомъ имущимъ и классомъ эксплуатируемымъ, между капиталистомъ и пролетаріемъ.

Существованіемъ въ теченіе вѣковъ этого гнета и этой эксплуатація общество главнымъ образомъ обявано *безсознательности эксплуатируемыхъ массъ*, которыя, не понимая, въ чемъ состоитъ дѣйствительная причина ихъ бѣдствій, не сумѣли до сихъ поръ сплотить своихъ силъ для согласованной борьбы противъ общаго врага. Въ настоящее время, однако, эта сознательность начинается наконецъ пробуждаться—рабочіе все лучше и лучше понимаютъ, что нѣтъ свободы тамъ, гдѣ господствуетъ экономическая зависимость, гдѣ земля и орудія труда, являясь частной собственностью привилегированныхъ, даютъ имъ возможность эксплуатировать рабочія массы.

Благодаря пробужденію этой сознательности, современный пролетаріатъ, сплачившаяся въ одно органическое (классовое) цѣлое, вступаетъ постоянно увеличивающейся массой въ борьбу, требуя *полнаго экономическаго политическаго и нравственнаго освобожденія*.

II.

Въ общемъ развитіи европейскихъ обществъ наша страна *не составляетъ исключенія*: прошлый и современный ея строй, опирающийся на эксплуатацію и гнетъ, не даетъ нашему рабочему ничего, кромѣ нужды и уничтоженія. Наше общество въ настоящее время обладаетъ всѣми чертами буржуазно-капиталистическаго строя, хотя отсутствіе политической свободы придаетъ ему измороженннй и болѣзненный видъ. Но это не мѣняетъ положенія вещей. У насъ есть привилегированные эксплуататоры чужого труда, наука и печать, продавшіяся ихъ интересамъ, опутительная нужда рабочаго класса, проституція, унижительная зависимость женщинъ и т. д. и т. д. А сверхъ всего этого ни въ угнетенныхъ массахъ, ни у горсти эксплуатирующихъ не развилось даже чувство собственного достоинства: когда одни, привыкнувъ къ ярму покорности по отношенію къ болѣе сильнымъ, терпѣливо переносятъ уничтоженіе, другіе, поднимаясь все выше и выше, смотрятъ съ презрѣніемъ на все, что находится ниже ихъ, лѣтя однако сильнѣйшимъ, лѣтя правительствамъ и деспотамъ. Золото и удовлетвореніе похотей—вотъ единственная въ настоящее время цѣль нашихъ имущихъ классовъ, нужда, гнетъ и невѣжество—вотъ содержаніе жизни польскаго рабочаго.

Придавленный сломъ оподлившихся и пожираемыхъ апатіей эксплуататоровъ, лишенный права голоса въ дѣлахъ страны, угнетаемый правительствомъ и эксплуататорами, польскій пролетаріатъ спалъ дольше другихъ. Кромѣ экономическихъ и политическихъ условій общаго характера, этому содѣйствовала еще въ значительной степени *національно-политическая зависимость нашей страны отъ завоевателей*. Національное движеніе и возстаніе, призывая всѣхъ поляковъ къ единенію и къ общей борьбѣ съ внѣшними угнетателями, *убивали въ нашемъ обществѣ классовое сознаніе вообще, а спеціально сознаніе трудящихся классовъ*. Имъ не дано было понять противорѣчія, реально существующаго между интересами и стремленіями эксплуатируемыхъ и эксплуататоровъ, наоборотъ, существовало желаніе убѣдить общество, что это противорѣчіе вызывается у насъ искусственно внѣшнимъ гнетомъ и что оно исчезнетъ въ моментъ восстановленія «національной независимости». Именно эта то «независимость», предлагаемая въ качествѣ средства противъ всѣхъ соціальныхъ невзгодъ и призывающая къ согласію и единенію классовъ, отвлекала вниманіе рабочаго отъ настоящихъ причинъ его нужды и гнета. И вотъ, въ то самое время, когда приверженцы «независимости», зывая къ фиктивному согласію, убивали всякое классовое движеніе, единственно нормальное въ современномъ обществѣ, врагъ эксплуатировалъ дѣйствительныя отношенія иными способами, но тѣмъ не менѣе съ величайшимъ вредомъ для трудящихся классовъ. Когда

ослѣпленные національно-религіозной ненавистью городскіе рабочіе шли подъ знамена привилегированныхъ, не помня о своихъ интересахъ, земледѣльческое населеніе дало себя обмануть правительству, которое лицемѣрно затронуло струну классоваго интереса. Одаряя его милостиво крохами правъ, оно старалось распространить среди нашихъ крестьянъ убѣжденіе, что именно оно печется объ ихъ интересахъ и улучшить ихъ судьбу, и такимъ образомъ отвлекало моментъ пробужденія среди нихъ классоваго сознанія!..

Однако такое положеніе дѣлъ не можетъ продолжаться вѣчно, и *нравственное освобожденіе* польскаго пролетаріата изъ подъ враждебнаго его классовымъ интересамъ вліянія привилегированныхъ классовъ, правительствъ и національныхъ традицій должно непремѣнно предшествовать всякому движенію, которое имѣло бы право причислить себя къ современнымъ народнымъ движеніямъ.

III.

Принимая во вниманіе, что интересы эксплуатируемыхъ не могутъ быть примирены съ интересами эксплуататоровъ и никакимъ образомъ не могутъ слѣдовать по одному съ ними пути во имя фиктивнаго національнаго единства; принимая во вниманіе, что интересы городскихъ рабочихъ и народа, трудящагося въ деревнѣ, являются общими интересами, *польскій пролетаріатъ совершенно отдѣляется отъ привилегированныхъ классовъ и вступаетъ въ борьбу съ ними въ качествѣ самостоятельнаго класса, совершенно отличнаго по своимъ экономическимъ, политическимъ и нравственнымъ стремленіямъ.*

Принимая далѣе во вниманіе, что судьба польскаго рабочаго зависитъ отъ положенія рабочихъ въ другихъ странахъ, потому что угнетаемые нуждой рабочіе, направляясь изъ своей страны въ другія, путемъ конкуренціи повсюду сбиваютъ заработную плату; принимая во вниманіе, что борьба трудящихся классовъ одного общества находитъ отголосокъ въ другихъ; принимая во вниманіе, что побѣда однихъ улучшаетъ судьбу всѣхъ, а каждое частичное пораженіе отражается неблагоприятно на всемъ пролетаріатѣ,—принимая во вниманіе все это, *польскій пролетаріатъ, въ качествѣ эксплуатируемаго класса, на почвѣ борьбы съ эксплуататорами солидаренъ со всѣми эксплуатируемыми безъ различія національностей.*

IV.

Свои стремленія и цѣли польскій пролетаріатъ формулируетъ слѣдующимъ образомъ:

I. Въ *экономическомъ* отношеніи, согласно принципамъ социа-

лизма, принятымъ на интернаціональныхъ конгрессахъ пролетариатомъ всѣхъ странъ, мы требуемъ: 1) чтобы земля и орудія труда перешли изъ рукъ единичныхъ личностей въ общую собственность трудящихся, въ собственность социалистическаго государства, 2) чтобы наемный трудъ былъ замѣненъ коллективнымъ трудомъ, организованнымъ въ фабричныхъ, ремесленныхъ и земледѣльческихъ товариществахъ, 3) чтобы каждая единичная личность имѣла право пользоваться плодами коллективнаго труда, соразмѣрно съ приложеннымъ ею трудомъ и общими средствами государства.

II. На политическомъ поприщѣ мы будемъ добиваться самой широкой политической свободы и будемъ бороться со всякимъ правительствомъ, несмотря на его національность, до тѣхъ поръ, пока мы не завоюемъ этой свободы полностью. Мы рѣшительно осуждаемъ отсутствіе свободы совѣсти, языка, собраній, союзовъ, слова и печати, такъ какъ это является громадной помѣхой для развитія рабочаго сознанія, пробуждая религіозно-національную ненависть или фанатизмъ или же дѣлая невозможной массовую пропаганду и организацію, которая одна только въ состояніи возвести фундаментъ для будущей организаціи социалистическаго строя.

Наши политическія требованія сводятся къ слѣдующимъ:

- 1) Полное самоуправленіе политическихъ группъ.
 - 2) Участіе всѣхъ въ законодательствѣ.
 - 3) Избираемость всѣхъ должностныхъ лицъ.
 - 4) Полная свобода слова, печати, собраній, союзовъ и т. д.
- и т. д.
- 5) Полное равноправіе женщинъ.
 - 6) Полная равноправность вѣроисповѣданій и національностей.
 - 7) Международная солидарность въ качествѣ гарантіи всеобщаго мира.

III. Въ области нравственной жизни польскій пролетариатъ долженъ устранить суевѣріе, невѣжество и все, что свойственно нравственному гнету, и на этой почвѣ онъ будетъ бороться со всѣми, кто для сохраненія преобладанія надъ народомъ держитъ его въ состояніи умственного младенчества.

Нравственныя отношенія должны быть основаны на свободѣ совѣсти, чувствъ, мысли и науки.

Кромѣ того:

- 1) Обученіе должно быть обязательно, бесплатно и лишено религіознаго характера;
- 2) Вѣроисповѣдныя дѣла должны быть независимы отъ государства;
- 3) Взаимное отношеніе половъ должно основываться только на чувствѣ;
- 4) Трудъ долженъ почитаться за обязанность и честь;
- 5) Единственнымъ принужденіемъ въ области нравственно-соціальныхъ отношеній должно быть нравственное соревнованіе.

V.

Освобождение рабочего класса от экономического, политико-социального и нравственного гнета должно быть делом самих рабочих.

Эту великую задачу социалистического переворота польский пролетариат съуметь исполнить, подготовившись соответствующим образом для той роли, какую для него приготовляет история. Подготовительная работа, имѣющая цѣлью сплотить всѣ рабочія силы въ нашей странѣ въ одно органическое цѣлое, сознающее свои интересы и стремящееся къ осуществленію вышеуказанной программы, является одной изъ первыхъ задачъ нашего рабочего движенія. Этой задачѣ удовлетворяетъ *социально-революціонная организація «Пролетаріатъ»*, въ которой руководство экономической борьбой и организаціей взялъ на себя *Рабочій Комитетъ*. При современныхъ условіяхъ въ деспотическомъ государствѣ (w sącasie) единственной нашей тактикой должна быть *систематическая борьба* во всѣхъ трехъ сферахъ общественной жизни (экономической, политической и нравственной) *со всѣмъ тѣмъ, что замедляетъ рабочій переворотъ*. Признавая однако, что основой социальныхъ отношеній являются экономическія условія и что, вслѣдствіе этого, всѣ другія явленія социальной жизни находятся въ полномъ подчиненіи этимъ условіямъ, признавая далѣе, что въ экономической сферѣ самымъ яркимъ образомъ проявляется самостоятельность (odębność) интересовъ пролетариата, какъ эксплуатируемаго класса, *въ нашей борьбѣ мы будемъ обращать наибольшее вниманіе на экономическія отношенія.*

Что же касается угнетенія, то мы будемъ бороться съ нимъ или обороняясь или же переходя къ наступленію—въ первомъ случаѣ недопуская никакихъ ухудшеній, во второмъ, добиваясь улучшенія теперешнихъ условій быта пролетариата въ русскомъ государствѣ.

Приноравливаясь къ существующимъ у насъ политическимъ условіямъ, мы принуждены вести тайную работу и дѣятельность, проявляющуюся въ соответствующіе моменты массовыми выступлениями, программа которыхъ будетъ строго приурочена къ требованіямъ мѣста и времени.

VI.

Для усиленія (podniesienia) *экономической борьбы* организація предлагаетъ: 1) возстановлять рабочихъ противъ всякихъ формъ эксплуатаціи; 2) вызывать забастовки и создавать тайные рабочие союзы; 3) терроризировать капиталистовъ и ихъ служащихъ за

безчеловѣчное отношеніе къ рабочему или за прибѣганіе къ помощи полиціи при столкновеніи съ рабочими; 4) основывать по мѣрѣ возможности исключительно рабочія общества.

Въ борьбѣ *политической* съ деспотизмомъ мы будемъ держаться принципа, что все, ослабляющее и дезорганизующее царское правительство, должно быть нами использовано. Поэтому мы направимъ наши усилія къ тому, чтобы: 1) нашимъ противодѣйствіемъ затруднять административную дѣятельность; 2) склонять народъ къ невнесу податей; 3) противодѣйствовать правительственнымъ распоряженіямъ, направленнымъ противъ рабочихъ; 4) оказывать упорное сопротивленіе всякому вмѣшательству правительственныхъ органовъ въ разрѣшеніе споровъ между рабочимъ и фабрикантомъ; 5) манифестировать открыто свои симпатіи ко всѣмъ борющимся съ русскимъ деспотическимъ правительствомъ, считая ихъ товарищами въ борьбѣ; 6) участвовать въ антиправительственныхъ демонстраціяхъ, по скольку онѣ не имѣютъ религіознаго или національнаго характера; 7) наконецъ, мы будемъ карать шпіоновъ, предателей и вообще тѣхъ, кто для личныхъ выгодъ измѣняетъ дѣлу.

Въ сферѣ нравственныхъ отношеній мы будемъ бороться: 1) устраняя предрасудки, которые духовенство, печать и ложное покровительство распространяютъ между народомъ въ интересахъ имущихъ классовъ; 2) поднимая нравственный уровень рабочихъ и пробуждая въ нихъ чувство собственного достоинства, и 3) создавая литературу, которая познакомитъ народъ съ научными истинами, не извращенными въ угоду эксплуататорамъ. Въ этой дѣятельности мы будемъ придерживаться принципа, что *только то, что* подтверждено наукой, что защищаетъ справедливость и выступаетъ во имя правды, можетъ содѣйствовать нравственному развитію пролетаріата; ложный же принципъ, оправдывающій поддержку суевѣрій изъ опасенія подорвать въ народной жизни нравственную почву, никогда и нигдѣ не будетъ нами осуществляться.

VII.

Всю эту огромную задачу Рабочій Комитетъ будетъ въ состояніи исполнить только тогда, если онъ соединитъ въ одну мощную организацію всѣ силы, находящіяся въ распоряженіи дѣла освобожденія пролетаріата въ нашей странѣ. Принуждаемый политическими условіями вести свою дѣятельность тайно, въ моментъ движенія онъ выступитъ явно въ качествѣ представителя и защитника пролетаріата.

Мы приглашаемъ всѣхъ работниковъ городовъ и деревень къ участию въ нашей работѣ.

Рабочій Комитетъ».

Варшава. 1 сентября 1882 г.

Авторами этой программы были: Варынский и отчасти Пухевичъ, игравшій видную роль среди социалистической молодежи въ Варшавѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ поддерживавшій сношенія съ рабочими кружками, существовавшими до основанія «Пролетаріата». Когда образовался Рабочій Комитетъ, Пухевичъ вошелъ въ его составъ и въ качествѣ чловѣка очень образованнаго былъ однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ членовъ молодой организаціи.

Обладая готовой программой, «Пролетаріатъ» рѣшилъ объединить на ея почвѣ всѣ польскія социалистическія силы, не вошедшія до сихъ поръ въ организацію «Пролетаріата». Эти объединительныя стремленія были встрѣчены съ симпатіей всѣми существовавшими въ то время польскими социалистическими группами. Одна изъ нихъ, петербургская, взяла на себя инициативу въ дѣлѣ созданія почвы для реализаціи этихъ стремленій. Съ этой цѣлью въ январѣ 1882 г. ею былъ созванъ въ Вильно съѣздъ, въ которомъ приняли участіе, кромѣ Варынскаго съ полномочіями отъ «Пролетаріата», Крусинскій, являющійся представителемъ группы такъ называемыхъ «крусинщиковъ», делегаты петербургской группы польской социалистической молодежи съ Куницкимъ во главѣ и нѣсколько мѣстныхъ социалистовъ-поляковъ.

Станиславъ Крусинскій, очень образованный теоретикъ и талантливый писатель-соціологъ, имѣлъ большое вліяніе на варшавскую молодежь, революционизированную въ значительной степени благодаря его воздѣйствію. Крусинскій былъ сторонникомъ систематической пропаганды социалистическихъ идей среди молодежи и болѣе интеллигентныхъ рабочихъ и относился скептически къ политической борьбѣ, возлагая всѣ свои надежды въ этомъ отношеніи на Россію. На виленской съѣздѣ онъ выступилъ въ качествѣ главнаго противника теоретическихъ и тактическихъ взглядовъ «Пролетаріата», горячо полемицируя съ защитникомъ послѣдняго—Варынскимъ. Во время этой полемики выяснилось, что «крусинщикамъ» будетъ очень трудно сойтись съ «Пролетаріатомъ». И дѣйствительно, Крусинскій не примкнулъ къ нему.

За то горячая защита «Пролетаріата» Варынскимъ приобрѣла молодой партіи симпатіи петербургской группы, въ составъ которой входили почти исключительно практики, обращавшіе гораздо меньше вниманія на теоретическія тонкости, нежели Крусинскій и его товарищи. Въ лицѣ «петербуржцевъ» «Пролетаріатъ» приобрѣлъ современемъ значительное количество недюжинныхъ силъ, которыя сыграли очень выдающуюся роль въ дальнѣйшей исторіи партіи. Достаточно назвать Куницкаго, Рехневскаго, Дембскаго, Плоскаго и многихъ другихъ.

• Послѣ крупнаго провала 1881 г., постигнувшаго польскую социалистическую организацію въ Петербургѣ, вслѣдствіе предательства Родзевича, среди уцѣлѣвшей отъ арестовъ молодежи возникла новая организація, сплотившая всѣ социалистическія силы польской учащейся молодежи сначала въ Петербургѣ, а за-

тѣмъ въ Москвѣ и въ Кіевѣ. Въ составъ этой организаціи вошли молодые элементы, принимавшіе до сихъ поръ участіе въ культурной студенческой работѣ (организація кассъ, бібліотежъ и т. д.), кое кто изъ этой молодежи помогать русскимъ революціоннымъ организаціямъ — «Черному Передѣлу» или «Народной Волгѣ», какъ Станиславъ Куницкій. Петербургская польская социалистическая организація ставила себѣ двѣ главныя задачи: организовать польскіе социалистическіе элементы и помогать русскимъ товарищамъ, причемъ эта помощь должна была быть оказываемой не отдѣльными личностями, а организаціей какъ таковой. И дѣйствительно, обѣ эти задачи удалось исполнить. Вся польская молодежь, питавшая социалистическія симпатіи, очень скоро была сгруппирована въ общей организаціи, охватывавшей Петербургъ, Москву, Кіевъ и даже Пулавы (Новую Александрію). Что же касается помощи русскимъ товарищамъ, то эти послѣдніе не могли жаловаться на ея недостатокъ. Поляки организовали для нихъ тайныя типографіи, транспортировали нелегальную литературу, перевозили черезъ границу бѣглецовъ и оказывали множество мелкихъ услугъ, особенно цѣнныхъ во времена Судейкина.

Однако свою дѣятельность на русской почвѣ польская организація считала только временной. Главной же ея задачей была подготовка къ практической работѣ въ Польшѣ, куда должны были направляться члены петербургской социалистической организаціи по окончаніи тѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ они находились. Возникновеніе «Пролетаріата» заставило петербургскую организацію искать сближенія съ этой партией. Виленскій съѣздъ привелъ къ желательнымъ результатамъ. Рѣшено было, что члены петербургской организаціи, переселяясь въ Варшаву, будутъ вступать въ «Пролетаріатъ» и работать въ качествѣ его членовъ.

На виленскомъ съѣздѣ былъ принятъ рядъ постановленій, по большей части не имѣвшихъ реального значенія, такъ какъ сама жизнь и дальнѣйшее развитіе движенія въ Польшѣ обнаружили ихъ несостоятельность. Хотя виленскій съѣздъ выяснилъ кое какіе спорные вопросы тактики и организаціи, однако его значеніе состояло не въ этомъ. Вынесенныя на немъ резолюціи такъ и остались бумажными резолюціями, потому что сѣхавшіеся въ Вильно представители польскихъ групп сочли себя совершенно неправильно компетентными въ дѣлѣ организаціи движенія и партій всей Россіи. Такимъ образомъ значеніе виленскаго съѣзда исчерпывалось тѣмъ сближеніемъ между петербургской организаціей и «Пролетаріатомъ», которое было закрѣплено на этомъ съѣздѣ.

Послѣ виленскаго съѣзда дѣятельность «Пролетаріата» значительно усиливается. Его связи разрастаются. Кромѣ варшавскаго рабочаго комитета возникаютъ подобныя же организаціи въ Лодзи, Згежѣ, Томашовѣ, Бѣлостокѣ, дѣятельно занимающіяся пропа-

гандой социалистическихъ идей въ духъ программы партіи. Вліяніе этой послѣдней на рабочія массы постоянно возрастаетъ, что особенно ярко обнаруживается въ февралѣ 1883 г., когда варшавскій оберъ-полицеймейстеръ, Вутурлинъ, издалъ распоряженіе, на основаніи котораго всѣ работницы должны были бы подвергаться медицинскому осмотру.

«Пролетаріатъ» не могъ конечно оставить подобной мѣры безъ самаго энергичнаго протеста. 13-го февраля появляется написанная Варынскимъ прокламація, которую мы приводимъ полностью:

«Граждане рабочіе!»

Распоряженіе оберъ-полицеймейстера отъ 10-го февраля приказываетъ подвергать полицейско-врачебному осмотру всѣхъ женщинъ, работающихъ на фабрикахъ, въ мастерскихъ и въ магазинахъ, точно такъ же какъ и прислугу общественныхъ заведеній. Это оскорбленіе, до сихъ поръ нигдѣ неслыханное. Оказывается, что достаточно жить трудомъ, чтобы носить на челѣ клеймо проститутки. Значитъ, вашихъ женъ, дочерей и сестеръ, которыхъ судьба заставила работать, законъ причисляетъ къ уличнымъ блудницамъ, торгующимъ своимъ тѣломъ. Чтобы избѣжать позорнаго осмотра, нужно пріобрѣсть благосклонность господина фабриканта; каждую работницу, которая не пожелаетъ ему во всемъ подчиняться, онъ отдастъ въ руки полиціи и помѣститъ въ списки проститутокъ!

Рабочіе! Вамъ дали пощечину, васъ захотѣли опозорить—испытать ваше терпѣніе и покорность!

Какъ вы на это отвѣтите? Неужели вы позволите гнуснымъ агентамъ надругаться надъ болѣе слабой половиной вашего рабочаго класса? Неужели вы отдадите ее на жертву крайней эксплуатаціи и разврату упитанныхъ вашей кровью фабрикантовъ, которымъ правительство даетъ новое оружіе для наказыванія всякой непокорности?

Рабочіе! Не допустите до этого! Не отступайте передъ угрожающей вашему классу опасностью. Отрадите нападеніе, хотя бы этотъ протестъ пришлось оплатить кровью. Смерть лучше позора!

Мы призываемъ васъ къ противодѣйствію гнусному распоряженію! Докажите, что вы люди, что вы сумѣете защищать свою честь, что жертвы васъ не устрашаютъ.

Рабочій Комитетъ».

Варшава, 13 февраля 1883 г.

Распространенная въ тысячахъ экземпляровъ, эта прокламація произвела громадное впечатлѣніе. Рабочія массы заволновались, и администрація принуждена была отменить позорное распоряженіе ¹⁾. «Пролетаріатъ» торжествовалъ побѣду. 9-го марта 1883 г.

¹⁾ Вопросъ введенія санитарно-полицейскаго осмотра въ фабрикахъ и мастерскихъ, гдѣ работаютъ женщины, разсматривался медицинскимъ департаментомъ въ С.-Петербургѣ въ 1895 г. Однако этотъ проектъ былъ оставленъ, „потому что такимъ распоряженіемъ не замедлили бы

появилась вторая прокламація «Рабочаго Комитета», подчеркивающая торжество солидарности рабочихъ и призывающая послѣднихъ къ организаціи.

Однако это выступленіе «Пролетаріата» въ защиту чести работницъ привело къ внутреннимъ разногласіямъ въ партіи. Всѣ были согласны съ тѣмъ, что необходимо протестовать противъ распоряженія Бутурлина и слѣдуетъ призывать рабочихъ къ противодѣйствию его исполненію. Но Варынской потребовалъ, чтобы «Рабочій Комитетъ» одновременно съ изданіемъ прокламаціи обдумалъ и приготовилъ средства защиты работницъ, если бы фабриканты и полиція хотѣли привести въ исполненіе приказъ оберъ-полицеймейстера—средства террористическаго свойства. Пухевичъ воспротивился этому самымъ энергичнымъ образомъ, доказывая, что партія исполнитъ свой долгъ, если ограничится одной агитаціей противъ поворнаго распоряженія. Въ результатѣ Пухевичъ вмѣстѣ со своими сторонниками вышелъ изъ «Пролетаріата» и основалъ партію «Солидарность», просуществовавшую, впрочемъ, очень недолго.

Защита «Пролетаріатомъ» чести работницъ создала ему громадную популярность среди массъ — не только въ Варшавѣ, но и въ провинціи. Къ рабочимъ комитетамъ въ Варшавѣ, Лодзи, Згежѣ рабочіе стали обращаться, какъ къ своимъ естественнымъ защитникамъ и представителямъ съ жалобами на эксплуатацію и притѣсненія фабрикантовъ. Комитеты «Пролетаріата» входили въ разсмотрѣніе этихъ жалобъ и обращались къ отдѣльнымъ фабрикантамъ съ письмами, заключающими предостереженіе, почти всегда дѣйствующими. Ростъ вліянія партіи требовалъ усиленія ея состава интеллигентными агитаторскими силами, между тѣмъ выходя изъ «Пролетаріата» Пухевича и его сторонниковъ могъ ее только ослабить. Въ виду этого Варынской обратился къ петербургской организаціи, представилъ ей положеніе дѣлъ въ Варшавѣ и потребовалъ немедленной помощи. Петербургская организація откликнулась на призывъ Варынскаго, присоединилась окончательно къ «Пролетаріату» и часть ея членовъ немедленно же прибыли въ Варшаву.

Такимъ образомъ организація приобрѣла рядъ свѣжихъ силъ, что позволило ей расширить свою дѣятельность. Прежняя тайная типографія «Пролетаріата» была уступлена «Солидарности». Ее замѣнила новая, лучшая, дававшая возможность чаще обращаться къ массамъ съ печатнымъ словомъ.

Въ апрѣлѣ 1883 г. Варынской ѣдетъ по порученію «Пролетаріата» въ Парижъ. Онъ устанавливаетъ тамъ прочную связь партіи съ социалистической организаціей, группирующейся около издаваемого въ Женевѣ «Przedsvit'a». Кромѣ того онъ старается

воспользоваться революціонные элементы для противорправительственной агитаціи“, въ доказательство чего былъ приведенъ фактъ необходимости отиѣвы подобнаго распоряженія, изданнаго варшавскимъ оберъ-полицеймейстеромъ въ 1883 г. („Медуна“ 1896 г.).

въ Парижѣ подготовить почву для договора «Пролетаріата» съ «Народной Волей», что впрочемъ не увѣнчалось успѣхомъ. Возвратясь въ Варшаву, Варынский ѣдетъ въ Петербургъ, чтобы попытаться тамъ довести до конца дѣло договора съ «Народной Волей». Однако и на этотъ разъ его старанія не привели къ положительнымъ результатамъ—тѣмъ болѣе, что Варынский наткнулся на Дегаева, что едва не окончилось трагически для перваго, такъ какъ за нимъ поѣхали въ Варшаву шпіоны. Только нахальному поведенію послѣднихъ Варынский обязанъ своимъ спасеніемъ. Шпіоны обратили на себя всеобщее вниманіе, и Варынский успѣлъ изъ-подъ ихъ надзора.

Между тѣмъ агитаціонная и организаціонная работа «Пролетаріата» на мѣстахъ все разрасталась. Въ зависимости отъ мѣстныхъ комитетовъ находились многочисленные кружки рабочихъ, съ которыми комитеты поддерживали сношенія черезъ своихъ агентовъ. Возникли и профессиональные кружки, делегаты которыхъ составляли специальный комитетъ. Всю эту организацію объединялъ Центральный Комитетъ, отъ имени котораго стали появляться болѣе важныя прокламаціи общаго характера.

Такъ «Пролетаріатъ» издалъ 24-го іюня 1883 г. (по-польски и по-литовски) воззваніе къ крестьянамъ, которое было распространено очень широко, такъ что административныя власти находили его въ различныхъ мѣстахъ почти всѣхъ губерній Царства Польскаго и въ Литвѣ. Это воззваніе, дающее намъ понятіе о взглядахъ «Пролетаріата» на крестьянскій вопросъ, заканчивается слѣдующими словами:

«Мы, социалисты, начали борьбу во имя вашихъ нуждъ и интересовъ и готовимъ погибель и уничтоженіе всему, что гнететъ трудящійся людъ. Какъ рабочимъ городовъ *фабрики*, такъ вамъ, крестьянамъ, *землю*, а всѣмъ *свободу* дастъ грядущая революція. Однако, чтобы господа не обратили ее себѣ на пользу, вы должны массою принять въ ней участіе и сами смотрѣть, чтобы васъ не обидѣли. Вы знаете, сколько васъ; если вы двинетесь всѣ, то кто же осмѣлится предписывать вамъ законы? Если вы согласно выставите свои требованія, то кто же вамъ откажетъ въ ихъ исполненіи?»

Въ моментъ революціи мы будемъ съ вами; вы узнаете насъ, потому что одни мы будемъ говорить.

Земля должна принадлежать тѣмъ, кто ее пашетъ; фабрики—тѣмъ, кто въ нихъ работаетъ.

Такъ поднимайтесь на борьбу, чтобы тѣмъ скорѣе наступила наша общая побѣда надъ врагами!»

Хотя центральный и мѣстный комитеты «Пролетаріата» издавали сравнительно не мало прокламацій, однако эти послѣднія не могли удовлетворить всѣмъ потребностямъ партіи. Являлась настоятельная необходимость созданія постояннаго органа, который, выходя на мѣстѣ, могъ бы откликаться на всѣ влободневныя событія и обращаться по поводу ихъ къ широкой публикѣ

отъ имени партіи. И вотъ 15-го сентября 1883 г. изъ тайной варшавской типографіи появляется первый № «Пролетаріата» — органа партіи, редактируемаго Варынскимъ. До конца года вышли 4 №№ «Пролетаріата», № 5 (послѣдній) появился въ слѣдующемъ году.

Варынскій былъ выхваченъ изъ рядовъ партіи вскорѣ послѣ выхода № 1 «Пролетаріата» — 28 сентября 1883 г. Совершенно случайный арестъ Варынскаго былъ, конечно, очень сильнымъ ударомъ для партіи. Однако ея дѣла были поставлены такъ прочно, что исчезновеніе Варынскаго не вызвало даже временнаго ослабленія дѣятельности «Пролетаріата». Варынскаго замѣняетъ Куницкій, ставшій настоящей душой партіи. Онъ работалъ за десятерыхъ, ходилъ на рабочія собранія, организовалъ, помогалъ редакціи «Пролетаріата» и вообще развивалъ самую энергичную дѣятельность. Между прочимъ на Куницкаго партія возложила миссію упорядочить заграничныя дѣла и довести до конца дѣло соглашенія съ «Народной Волей». Въ январѣ 1884 г. Куницкій ѣдетъ въ Парижъ и при помощи тамошнихъ эмигрантовъ основываетъ новый теоретическій органъ «Walka Klas», редакція котораго была поручена Дикштейну и Мендельсону. «Przedsvit» былъ превращенъ въ популярный органъ, для рабочихъ.

Куницкій же заключаетъ договоръ съ «Народной Волей» отъ имени «Пролетаріата». Этотъ явный договоръ былъ закрѣпленъ двумя документами. Первымъ изъ нихъ является заключительная часть «Общихъ основаній программы и организаціонной дѣятельности Центральнаго Комитета социалистической революціонной партіи «Пролетаріатъ» (напечатанныхъ въ «Walka Klas» и «Вѣстникъ Народной Воли»). Мы приводимъ ее здѣсь полностью.

«Въ этой борьбѣ однимъ изъ наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ въ рукахъ партіи является терроръ экономическій и связанный съ нимъ политическій, проявляющійся въ разныхъ формахъ. Свою дѣятельность партія распространяетъ вездѣ, гдѣ большинство населенія говоритъ по-польски и гдѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, примѣнимы ея программа и тактика. Приготовленные путемъ этой борьбы и организованные на почвѣ ея боевыя силы будутъ въ свое время употреблены, какъ пособіе къ ниспроверженію существующаго правительства и къ захвату власти Центральнымъ Комитетомъ. Центральный Комитетъ, поддержанный массами, въ качествѣ единственнаго представителя ихъ интересовъ, проведетъ тогда рядъ экономическихъ и политическихъ реформъ, при посредствѣ которыхъ окончательно подорветъ существующія понятія о собственности и осуществитъ всю ту часть социалистической программы, реализація которой будетъ возможна въ минуту взрыва. Вышеизложенный взглядъ на задачу социальна-революціонной партіи въ Польшѣ опредѣляетъ и отношеніе ея къ русской партіи «Народной Воли».

Въ своей дѣятельности на почвѣ экономическихъ условий, — состоящей въ приготовленіи рабочихъ классовъ къ будущей со-

Людвигъ ВАРЫНСКІЙ.

ціальної революції путем пропаганды, агітації і організованої боротьби,—Центральний Комітетъ сохраняетъ полную независимость отъ Исполнительнаго Комитета и въ сферѣ своей дѣятельности обладаетъ исключительной въ этомъ отношеніи компетенціей. Съ другой стороны, принимая во вниманіе: 1) что польскій пролетаріатъ можетъ вырвать власть изъ рукъ русскаго правительства только въ связи съ революціонными силами остальныхъ частей Россійской Имперіи; 2) что эти силы успѣшнѣ всего группируются и организуются подъ знаменемъ Народной Воли; 3) что партія эта, помощь которой необходима для польскаго пролетаріата въ дѣлѣ низверженія существующаго правительства, задалась этой цѣлью ради достиженія соціалистическихъ реформъ; 4) что борьба съ деспотическимъ централизованнымъ правительствомъ должна быть соотвѣтствующимъ образомъ направлена и согласна во всѣхъ своихъ проявленіяхъ на всей территоріи, находящейся подъ общимъ гнетомъ.

Центральний Комітетъ участвуетъ въ ней по полному соглашенію съ Исполнительнымъ Комитетомъ, какъ представителемъ соціально-революціонной партіи, дѣйствующей въ предѣлахъ Россійской Имперіи.

Принимая далѣе во вниманіе:

Что окончательная побѣда надъ правительствомъ возможна только въ томъ случаѣ, если оно одновременно будетъ парализовано во всѣхъ важнѣйшихъ своихъ центрахъ.

Центральний Комітетъ приступитъ къ государственному перевороту не иначе, какъ по знаку, данному Исполнительнымъ Комитетомъ въ тотъ моментъ, когда этотъ послѣдній найдетъ возможнымъ начать его въ Россіи, послѣ чего, въ своихъ соизидательныхъ работахъ Центральный Комітетъ отдѣляется отъ Исполнительнаго Комитета, какъ самостоятельное цѣлое, и проводитъ въ районѣ своей дѣятельности возможные реформы, согласуясь съ мѣстными условіями.

Согласно съ вышеуказаннымъ:

I. Рѣшено, что организаціонную работу обоихъ комитетовъ необходимо поставить въ тѣсную связь при помощи средствъ, подробное перечисленіе которыхъ не можетъ быть опубликовано, и которые содержатся въ конфиденціонной части договора, заключеннаго съ Исполнительнымъ Комитетомъ.

II. Въ подготовительной дѣятельности оба Комитета помогаютъ другъ другу людьми, средствами, сношеніями и свѣдѣніями, находящимися въ ихъ распоряженіи.

III. Организаціи «Краснаго Креста» обѣихъ партій соединяются и дѣйствуютъ солидарно.

IV. Оффиціальныя документы обоихъ Комитетовъ будутъ публиковаться въ органахъ обѣихъ партій.

V. Чтобы въ минуту переворота не позволить воспользоваться имъ другимъ партіямъ, которыя въ своихъ сношеніяхъ съ соціально-революціонной партіей могутъ сохранить въ тайнѣ свои

истинныя стремленія, Центральный Комитетъ обязывается за все время существованія своихъ организационныхъ отношеній къ Исполнительному Комитету не входить безъ его согласія ни въ какіе договоры съ другими группами и партіями, появившимися въ районѣ дѣятельности этого послѣдняго. Исполнительный Комитетъ со своей стороны принимаетъ на себя такія же обязательства передъ Центральнымъ Комитетомъ относительно группъ и партій, дѣйствующихъ въ Польшѣ».

Центральный Комитетъ.

Варшава. 1-го февраля 1884 года.

Вторымъ документомъ былъ отвѣтъ на это заявленіе, въ «Вѣстникѣ Народной Воли»—«Отвѣтъ Исполнительнаго Комитета партіи Народной Воли»:

«Уважая самостоятельность и свободное развитіе каждого народа, Исполнительный Комитетъ партіи Народной Воли не можетъ сверхъ того не признать, что различіе социальныхъ условій русскаго и польскаго народовъ не допускаетъ полного тождества въ приемахъ подготовительной работы русскихъ и польскихъ социалистовъ. Вслѣдствіе этого полное сліяніе партій Народной Воли съ польской партіей Пролетаріатъ могло бы скорѣе тормозить дѣятельность русскихъ и польскихъ социалистовъ, стѣсняя свободу тѣхъ и другихъ въ выборѣ наиболее цѣлесообразныхъ способовъ организациі и борьбы. Съ этой точки зрѣнія Исполнительный Комитетъ, вступая въ Союзъ съ Центральнымъ Комитетомъ, признаетъ однако вполне разумнымъ рѣшеніе послѣдняго—сохранить за Пролетаріатомъ полную независимость и отвѣтственность въ веденіи всѣхъ дѣлъ своей партіи въ Польшѣ. Исполнительный Комитетъ даже не рѣшился бы принять на себя отвѣтственность за руководство дѣлами въ краѣ, столь отличномъ отъ Россіи, точно также, какъ не рѣшился бы поставить веденіе своихъ дѣлъ подъ вліяніе какой бы то ни было не русской партіи. Тѣсный союзъ между партіями Народной Воли и Пролетаріатъ въ интересахъ революціи, представляется однако столь же необходимымъ, какъ и полная ихъ самостоятельность».

Борьба русскихъ и польскихъ социалистовъ не можетъ представлять никакихъ различій въ томъ, что касается низверженія нашего общаго врага—русскаго самодержавія. Въ этомъ случаѣ нравственное единство русскихъ и польскихъ социалистовъ можетъ и должно переходить въ формальный союзъ. Объединенному врагу мы должны противопоставить объединенныя же силы. Въ этомъ случаѣ взгляды Исполнительнаго Комитета еще разъ вполне совпадаютъ со взглядами Центрального Комитета. Низверженіе русскаго правительства естественно лежитъ прежде всего на обязанности русскихъ революціонеровъ, къ которымъ польскія революціонныя силы, для этой частной задачи, примыкаютъ, какъ вспомогательный корпусъ».

Исполнительный Комитетъ.

С.-Петербургъ, 1 марта 1884 г.

Дополненіемъ къ этому явному договору долженъ былъ быть тайный договоръ, точно опредѣляющій отдѣльные пункты соглашенія: въ политической борьбѣ Центральный Комитетъ «Пролетаріата» подчиняется руководителству Исполнительнаго Комитета «Народной Воли»; оба Комитета сообща организуютъ Красный Крестъ, границу для контрабанды нелегальныхъ изданій и переправки товарищей, принужденныхъ бѣжать за границу; оба Комитета помогаютъ другъ другу людьми, денежными и техническими средствами; въ террористической борьбѣ вплоть до генераль-губернатора Центральный Комитетъ дѣйствуетъ самостоятельно; начиная съ генераль-губернатора и выше—съ согласія Исполнительнаго Комитета ¹⁾.

Куницкій былъ назначенъ представителемъ Исполнительнаго Комитета «Народной Воли» при Центральномъ Комитетѣ «Пролетаріата».

Въ эпоху усиленной дѣятельности Куницкаго «Пролетаріатъ» дошелъ до апогея своего развитія. Частичные аресты его членовъ, не прекращавшіеся съ осени 1883 г., не могли его ослабить. Болѣе опасны для партіи были аресты, произведенные весной 1884 г. Одинъ изъ арестованныхъ тогда членовъ «Пролетаріата»—Загурскій сошелъ съ ума и выдалъ жандармамъ все, что ему только было извѣстно. Между прочимъ Загурскій указалъ на квартиру мирового судьи Петра Васильевича Бардовскаго, какъ на мѣсто собранія Центрального Комитета «Пролетаріата». Хотя представителемъ администраціи казалось неправдоподобнымъ, чтобы русскій чиновникъ въ Польшѣ принималъ участіе въ дѣятельности революціонеровъ, однако рѣшено было слѣдить за нимъ и его домомъ. Дѣйствительно, Бардовскій и его жена ²⁾ оказывали множество мелкихъ услугъ «Пролетаріату» и его членамъ, современемъ же, когда у «Пролетаріата» оказались переданныя ему русскими товарищами связи среди офицеровъ, Бардовскій принялъ участіе и въ практической дѣятельности партіи. У Бардовскаго былъ сдѣланъ 10 іюня 1884 г. обыскъ, причемъ найдено не мало компрометирующихъ его документовъ. При обыскѣ былъ захваченъ и находившійся въ то время у Бардовскихъ Куницкій. Показанія Загурскаго вызвали кромѣ этихъ еще цѣлый рядъ арестовъ, во время которыхъ былъ взятъ нѣкій Соломонъ Папановскій, оказавшійся злостнымъ предателемъ. Его показанія съ одной стороны отразились на судьбѣ уже сидѣвшихъ въ цѣтели членовъ «Пролетаріата», съ другой же дали жандармамъ въ руки возможность ориентироваться въ связяхъ партіи въ Лодзи и Згежѣ, гдѣ тоже были произведены аресты.

30 іюля 1884 г. въ молочной фермѣ Геннеберга въ Варшавѣ былъ арестованъ Людвигъ Яновичъ, оказавшій при арестѣ во-

¹⁾ Этотъ тайный договоръ не былъ окончательно утвержденъ.

²⁾ Наталья Михайловна Поль. Умерла въ административной ссылкѣ въ г. Туринскъ Тобольской губерніи въ 1887 году.

оруженное сопротивление, позволившее двумъ другимъ изъ застигнутыхъ на мѣстѣ членовъ «Пролетаріата» — Дембскому и Славинскому — скрыться. Вскорѣ послѣ этого правительству удалось арестовать Оссовскаго, Петрусинскаго и еще нѣсколько десятковъ человекъ, прикосновенныхъ къ партіи «Пролетаріатъ». Въ общемъ эти аресты вырвали изъ партіи болѣе двухсотъ человекъ, составлявшихъ ядро организаціи.

Факты предательства въ рядахъ организаціи заставили «Пролетаріатъ» прибѣгнуть къ самозащитѣ путемъ устраненія предателей. Такъ партіей были организованы покушенія на Гельшера (въ маѣ 1884 г. — удачное) и Скышпчинскаго (въ августѣ 1884 г. — удачное), и еще раньше два (неудавшіяся) на Сремскаго.

Какъ смотрѣла партія «Пролетаріатъ» на убійство предателей, явствуетъ изъ прокламаціи Центрального Комитета, распространенной въ іюнь 1884 г. послѣ исполненія приговора надъ Гельшеромъ. Вотъ эта прокламація:

«Товарищи!

Тяжелой новостью мы дѣлимся съ вами!

Съ невыразимымъ отвращеніемъ — такъ какъ мы еще не привыкли, подобно правительству, къ чудовищному кровопролитію — мы должны были обагрить наши руки кровью одного изъ бывшихъ товарищей нашихъ, Франца Гельшера, члена эгезской организаціи.

У него не хватило силъ и характера, чтобы не поддаться различнымъ деморализующимъ вліяніямъ, и онъ поставилъ свои личные интересы выше рабочаго дѣла. Онъ старался ввергнуть въ тюрьму нѣсколько работниковъ, угрожая постоянно, что онъ еще многихъ другихъ засадитъ за рѣшетку.

Намъ предстояло — либо потерять больше десятка товарищей, либо обезвредить Гельшера. Мы рѣшились на это послѣднее, и Гельшеръ погибъ смертью, которой долженъ погибнуть всякій предатель.

Кто идетъ на бой съ угнетателями рабочаго дѣла, тотъ прекрасно понимаетъ, что ему ежеминутно грозитъ цитадель или Сибирь. Если онъ не чувствуетъ въ себѣ достаточнаго запаса силъ, чтобы бороться на жизнь и смерть, пусть лучше отстранится. Лучше пусть насъ будетъ меньше, но пусть между нами не будетъ предателей!

Итакъ, пусть каждый помнитъ, что всякаго, кто будетъ предавать по какимъ бы то ни было побужденіямъ: изъ страха или изъ-за личныхъ выгодъ, на свободѣ или въ тюрьмѣ, безусловно ожидаетъ смерть.

Центральный Комитетъ».

Устраненіе шпионовъ было единственнымъ проявленіемъ «террористической» дѣятельности партіи «Пролетаріатъ». Ни одинъ изъ плановъ покушеній на высшихъ должностныхъ лицъ — плановъ, существовавшихъ и разрабатываемыхъ партіей, не былъ приведенъ въ исполненіе.

Не смотря на массовые аресты 1883—1884 гг., партия продолжала существовать, хотя и явно клонилась къ упадку. Во главѣ уцѣлѣвшей организаціи стали Марія Богусевичъ, Розалія Фельзенгардтъ и Разумѣичиъ, работавшіе прежде въ «Красномъ Крестѣ» «Пролетаріата». Душой организаціи, начиная съ осени 1884 г. была Марія Богусевичъ, которая вела всю техническую и конспиративную часть дѣятельности партіи. Организационной и агитаціонной частью завѣдывала Фельзенгардтъ. Въ мартѣ 1885 г. подъ руководствомъ примыкавшихъ къ «Пролетаріату» рабочихъ состоялась первая въ Варшавѣ уличная рабочая демонстрація. Безработные отправились тысячной толпой къ замку—мѣстопробыванію генераль-губернатора—и требовали работы.

Осенью 1885 г. была разгромлена организація М. Богусевичъ и ея товарищей, а въ слѣдующемъ году въ рукахъ жандармеріи очутились остатки «Пролетаріата»: Ковалевскій, Вислоцкій, Ульрихъ и другіе. «Пролетаріатъ» закончилъ свое существованіе, такъ какъ почти всѣ его члены были въ цитадели, гдѣ имъ пришлось томиться очень долго, прежде чѣмъ ихъ судьба была окончательно рѣшена.

О судѣ надъ членами «Пролетаріата» мы расскажемъ въ другой разъ.

Л. Василевскій (Плохоцкій).

Письмо Л. Ф. Пантелѣва

къ министру внутреннихъ дѣлъ егермейстеру Сипягину.

Ваше Высо—ство! Изъ письма моей жены я узналъ, что 18 апрѣля (1901 г.) по распоряженію спб. градоначальника въ моей квартирѣ былъ произведенъ обыскъ, причемъ вмѣсто того, чтобъ наложить печати моего возвращенія, былъ призванъ слесарь, вскрытъ письменный столъ и всѣ запертыя шкапы. Полиція конечно хорошо знала, что меня нѣтъ въ Петербургѣ, такъ какъ я выѣхалъ за границу съ ея разрѣшенія; ради чего же она вломилась въ мою квартиру со свитою понятыхъ, состоящихъ у нея на жалованіи? Чего она искала, бомбъ? ихъ теперь скорѣе всего надо искать въ охранномъ отдѣленіи. Планъ всероссійскаго заговора? Да вѣдь вся образованная Россія въ одномъ заговорѣ, что вы не на своемъ мѣстѣ, а Побѣдоносцевъ не святой! Но этого заговора не только Вы, но даже всемогущій Богъ не въ силахъ искоренить.

Моя дѣятельность совершенно открытая, въ теченіи 25 лѣтъ у всѣхъ на виду; она можетъ Вамъ нравиться или нѣтъ, — это другое дѣло, Вы даже можете раздавить меня. Но я не прячусь; я далъ свою подпись подъ двумя протестами по поводу избіеній 4 марта и отъ нея никогда не откажусь. Направляясь ко мнѣ, человѣку за 60 лѣтъ, полиція также знала, что я занимаю нѣсколько замѣтное общественное положеніе, что мое состояніе движимое и недвижимое въ одномъ только Петербургѣ выражается не одной сотней тысячъ рублей, что моя квартира, хотя и скромная, въ своемъ родѣ музей; ради чего же она въ теченіи семи часовъ подвергала пытку мою одинокую жену, да еще съ тѣми обязательно унижительными подробностями, отъ которыхъ не можетъ предохранять даже тактъ лица производящаго обыскъ. Но этого мало, въ протоколѣ, который жена моя должна была подписать, значилось: «такъ какъ явно-преступнаго въ квартирѣ не найдено, то дворянка Пантелѣва и оставлена на свободѣ». Что это, — бессмысленная форма? Или это на самомъ дѣлѣ значитъ, что окажись въ моихъ бумагахъ что-нибудь преступное, по мнѣнію распорядителя обыска, то моя жена была бы арестована? Съ какихъ это поръ и даже *по какому русскому закону* жена отвѣчаетъ за дѣянія мужа? И по адресу кого была направлена эта угроза, возмутительная по своей жестокости? Противъ жен-

щины въ 55 лѣтъ, никогда ни въ чемъ не замѣшанной, послѣдніе годы отдающей весь свой досугъ дѣлу просвѣщенія. Ваше В—во, можно не стоять на высотѣ своего положенія и однако понимать такія простыя вещи: что издѣвательство надъ человѣческимъ достоинствомъ въ прахъ роняетъ значеніе власти и сильнѣе всякихъ анархическихъ идей разлагаетъ общественный строй.

Говорятъ, Вы гордитесь тѣмъ, что Вы русскій дворянинъ. Такъ сдержите же ту расходившуюся орду, которая называется русской полиціей и которая ежедневно и по всей Россіи попираетъ ничѣмъ у насъ не огражденную человѣческую личность. Или честь русскаго дворянина только и сказывается въ выпрашиваніи подачекъ изъ казны, да хорошо оплачиваемыхъ мѣстъ?

Вы сами женаты и, надѣюсь, поймете чувства вызвавшія это письмо.

Примите увѣреніе, что въ маѣ мѣсяцѣ рассчитываю вернуться въ Петербургъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ *Л. Пантелѣвъ.*

Триестъ

8 мая нов. ст.

1901 г.

По возвращеніи въ Россію полученъ былъ отвѣтъ на это письмо: Л. Ф. Пантелѣвъ высланъ на 3 года изъ Петербурга и значительной части Россіи, а С. В. Пантелѣва на 2 года.

Изъ воспоминаній объ А. И. Желябовѣ.

Когда и при какихъ обстоятельствахъ я познакомился съ Желябовымъ—рѣшительно не помню. Должно быть, это произошло очень давно, въ Одессѣ, когда въ мѣстномъ университетѣ были волненія изъ-за профессора Богишича. Это былъ одинъ изъ тѣхъ братушекъ-славянъ, приглашенныхъ министромъ народнаго просвѣщенія гр. Толстымъ, что должны были рекомендовать полицейскій режимъ вмѣсто свободной науки, способствовать обращенію университета въ управу благочинія. Грубость этого, съ позволенія сказать, профессора и была причиной неудовольствія. Начались волненія, сходки. На одной изъ нихъ я видѣлъ Андрея Ивановича. Это былъ статный шатень выше средняго роста, чрезвычайно симпатичной наружности; хотя черты лица были лишены классической правильности, тѣмъ не менѣе въ общемъ лицо его было очень привлекательно. Румянецъ во всю щеку, глаза темные, глубокіе, какъ Черное море, пронизывали насъ-возъ того, къ кому были обращены; красивыя губы украшены изящными усами. А небольшая темная бородка придавала всей фізіономіи пріятный овалъ, волосы на головѣ слегка вились, сбивались, образуя впереди малороссійскій чубъ, который былъ ему очень къ лицу; голову держалъ высоко, что шло къ его фигурѣ и производило впечатлѣніе чего-то властнаго, сильнаго, непоколебимаго. Что-то театральное, аффектированное прорывалось иногда, но это было искреннее, а не дѣланное. Рѣчь у него была пламенная, красивая, пластичная; она дѣйствовала заразительно на слушателей, сплавивая ихъ во едино и не позволяя расцепиться на части. Въ красивомъ баритонѣ его голоса уже тогда, въ ранней молодости, проскальзывали повелительныя нотки.

Конечно, Желябовъ и другіе ораторы на сходкахъ были признаны зачинщиками, исключены изъ университета съ высылкой на родину. По этому случаю мы, должно быть, и познакомились: я въ то время принималъ участіе въ только что народившейся независимой газетѣ «Новороссійскій Телеграфъ», выходившей подъ редакціей К. В. Картамышева. Ну, а студентамъ нужна была поддержка газетъ.

Кромѣ того, мы оба ухаживали за одной и той-же барышней. Къ сожалѣнію, я имѣлъ тутъ большій успѣхъ, за что и былъ въ послѣдствіи сильно наказанъ справедливымъ небомъ.

Я, какъ теперь, помню день отъѣзда или, вѣрнѣе, высылки на родину студентовъ Бѣлкина и Желябова. Ко времени отхода крымскаго парохода, масса публики занимала палубу и пристань. Преобладали студенты и курсистки. Профессора И. И. Мечниковъ и И. М. Сѣченовъ читали тогда лекціи въ университетѣ, собиравшія по вечерамъ огромное число слушательницъ, которыми и присваивалось названіе курсистокъ, хотя лекціи вовсе не имѣли характера систематическихъ курсовъ, а были просто чтеніями на различныя научныя темы. Вся эта публика толпилась, галдѣла, кричала, провожая отъѣзжавшихъ возгласами, пожеланіями и пр. Полиція почему-то обидѣлась; чины ея суетились, разгоняли народъ, но его было такъ много, что разойтись было не такъ-то легко. А когда послѣ третьяго звонка провожавшіе бросились на берегъ,—произошла давка. Громкое «ура!» слилось, смѣшалось съ криками «помогите!». Паника охватила всѣхъ, и какимъ-то чудомъ массѣ народа удалось пятиться, отойти отъ борта парохода, за который многіе пѣплялись. Тутъ-же на пристани былъ и нашъ общій предметъ. Они поцѣловались. Меня покорило.

— Прощайте, обратился ко мнѣ Желябовъ.

— Прощайте, прощайте, восклицалъ я, крѣпко сжимая ему руки. Я въ одно и то же время и сожалѣлъ о немъ, и былъ доволенъ его отъѣздомъ. Что дѣлать! Это было 30 лѣтъ тому назадъ. Мы оба были молоды!...

Объ этихъ провахъ запрещено было распространяться въ печати. Но объ нихъ много говорили въ городѣ. И, какъ всегда, съ большими преувеличеніями, приписывая имъ характеръ чутъли не крупной политической демонстраціи. Въ описываемое время Желябовъ былъ уже тронутъ политикой, и душа его въ этомъ смыслѣ не была *tabula rasa*.

Я сказалъ, что до Богиничевской исторіи мы были мало знакомы. Но все-же кое-что знали одинъ о другомъ. Въ это время въ мѣстныхъ газетахъ завязалась полемика по женскому вопросу, и я, въ качествѣ ученика М. Михайлова, Д. Писарева и др., со всѣмъ пыломъ молодости принималъ въ ней участие, печатая по адресу противниковъ самыя съ ногъ сшибательныя замѣтки, статейки, фельетоны, доставившіе мнѣ массу знакомствъ среди студентовъ Новороссійскаго университета. Отъ нихъ-то я впервые услышалъ о Желябовѣ, какъ весьма и весьма дѣльнымъ товарищѣ, одномъ изъ самыхъ выдающихся. Въ Одессѣ всегда было образованное общество, интеллигентные кружки, гдѣ дебатировались вопросы политическаго характера. Отсюда посылались депутаты въ 1871 г. на съѣздъ конституціоналистовъ въ Петербургъ, а въ слѣдующемъ году въ Кіевъ. На этотъ разъ одесскимъ депутатомъ былъ избранъ Андрей Ивановичъ, тогда

еще студентъ 2-го курса. Въ 1873 г. онъ вновь появился на одесскомъ горизонтѣ, посѣщалъ студенческую столовую, бывшую въ то время политическимъ клубомъ, гдѣ собирались всѣ либеральные элементы интеллигентнаго круга. Столовая помѣщалась на Соборной площади, гдѣ послѣ была гостиница «Бѣлый Лебедь» (между церковнымъ домомъ и городскимъ дѣвичьимъ училищемъ). Тутъ обсуждались обычные вопросы, споконъ вѣка волновавшіе учащееся юношество: объ устройствѣ кассы, библиотеки, такъ сказать, нелегальной, гдѣ были-бы всѣ сочиненія, какія только интересуютъ студенчество, то объ этой самой столовой, которую хотѣло завладѣть официальное общество попеченія о студентахъ. Почему-то такимъ вопросамъ придавалось во всѣхъ университетскихъ городахъ нашего отечества, стало быть и въ Одессѣ, государственное значеніе. Администрація настораживала уши. Жандармы, шпіоны бодрствовали. Обыватели волновались за судьбу своихъ сыновей. Студенты изощряли свое краснорѣчіе, рискуя вдоволь насидѣться въ тюрьмѣ, быть исключенными, водворенными на родинѣ или высланными въ отдаленныя губерніи. Конечно, тутъ Желябовъ бывалъ часто и по выходѣ изъ университета и имѣлъ огромный успѣхъ, электризуя слушателей своими рѣчами. Онъ всегда старался устранить изъ нихъ спеціальную профессиональную точку зрѣнія, придавая вопросамъ общественное значеніе. Какъ ни шумна была эта дѣятельность, чисто агитаторская, среди студенчества и интеллигенціи,—но все же она не удовлетворяла его активной натуры; протестующая струнка искала пищи и временно нашла ее въ проповѣди среди рабочихъ мѣстныхъ заводовъ, гдѣ Андр. Иванычъ сдѣлался очень популяренъ. Проповѣдь его оставалась на почвѣ экономической необезпеченности рабочихъ, которымъ передавались взгляды Лассала. Желябовъ при своей нетерпѣливости никакъ не могъ примириться съ тѣмъ фактомъ, что для усвоенія идеи, для согласованія ея съ привычками и традиционными взглядами, нужно время: его выводилъ изъ себя консерватизмъ рабочей массы.

Но терпѣніе не было въ числѣ его добродѣтелей, а потому онъ не могъ быть хорошимъ педагогомъ, хотя приходилось жить уроками въ частныхъ домахъ и репетиціями въ какомъ-то женскомъ учебномъ заведеніи. Наконецъ ему удалось получить мѣсто учителя въ одесскомъ сиротскомъ домѣ, который еще находился въ старомъ зданіи, въ концѣ Преображенской улицы. Это почти устраивало Желябова, но такое благополучіе продолжалось не долго. Хотя въ сношеніяхъ съ рабочими и въ бесѣдахъ съ ними политика была устранена,—тѣмъ не менѣе онъ вскорѣ былъ арестованъ и препровожденъ въ Петербургъ, гдѣ и помѣщенъ въ тюрьму. Во все это время онъ вертѣлся въ кругу либераловъ, что оказало свое вліяніе на него. Сербское движеніе чуть было совсѣмъ не захватило его, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые товарищи ушли на войну; тамъ они надѣялись освободить славянъ отъ

турецкаго деспотизма и ввести социалистическій строй. Въ концѣ 1878 г. я вновь встрѣтился съ Желябовымъ. Дѣло было такъ: я жилъ въ томъ же домѣ, гдѣ помѣщалась редакція газеты «Одесскій Вѣстникъ». Едва я поднялся по лѣстницѣ, вижу, что Желябовъ выходитъ изъ редакціи. Встрѣча была очень сердечная. Конечно, онъ зашелъ ко мнѣ, обѣдалъ, былъ очень оживленъ, говорливъ. Бесѣда затянулась до поздней ночи. Не осталось, кажется, ни одного сюжета, ни одного предмета, котораго мы не коснулись-бы, не обсудили и кончили брудершафтомъ.

Желябовъ разсказалъ трагикомическую исторію своего народничества. Онъ пошелъ въ деревню, хотѣлъ просвѣщать ее, бросить лучшія сѣмена въ крестьянскую душу; а чтобы сблизиться съ нею, принялся за тяжелый крестьянскій трудъ. Онъ работалъ по 16 часовъ въ полѣ, а возвращаясь чувствовалъ одну потребность растянута, расправить уставшія руки, ноги, спину и ничего больше; ни одна мысль не шла въ его голову. Онъ чувствовалъ, что обращается въ животное, въ автомата. И понялъ наконецъ такъ называемый консерватизмъ деревни: что пока приходится крестьянину такъ истощаться, переутомляться ради пріобрѣтенія куска хлѣба и средствъ, необходимыхъ для скромнаго удовлетворенія первѣйшихъ нуждъ,—до тѣхъ поръ нечего ждать отъ него чего либо другого, кромѣ зоологическихъ инстинктовъ и погони за ихъ насыщеніемъ. Подозрительный, недовѣрчивый крестьянинъ смотритъ искоса на каждого являющагося въ деревню со стороны, видя въ немъ либо конкуррента, либо новаго соглядатая со стороны начальства для болѣе тяжкаго обложенія этой самой деревни. Объ искренности и довѣрїи нечего и думать. Насильно милымъ не будешь. Почти въ такомъ-же положенїи и фабрика. Здѣсь тоже непомерный трудъ и желѣзный законъ вознагражденія держатъ рабочихъ въ положенїи полуголоднаго волка. Союзъ, артель могли-бы придать рабочимъ больше силы. Но тутъ и тамъ натыкаешься на полицію; ей невыгодно такое положеніе: легче и удобнѣе давить въ розницу.—Ты былъ правъ, окончилъ онъ смѣясь, исторія движется ужасно тихо, надо ее подталкивать. Иначе вырожденіе націи наступитъ раньше, чѣмъ опомнятся либералы и возьмутся за дѣло.—А конституція? улыбнулся я.—И конституція пригодится.—Что-же ты предпочитаешь?—вѣрять въ конституцію или подталкивать исторію?— Не яви. Теперь больше возлагается надеждъ на «подталкиваніе». Мы разстались.

Это былъ уже не тотъ довѣрчивый студентъ, что возмущался грубостью грубаго чиновника. Это былъ человѣкъ весьма опредѣленныхъ взглядовъ, настойчивый, неуступчивый, нервный до истерики, нетерпѣливый до обморока. Его символъ вѣры помѣщенъ выше. Радикальнѣйшій изъ радикаловъ. Но все же я очень удивился, прочитавъ его заявленіе въ засѣданїи особаго присутствія, что онъ принадлежитъ къ революціонной партіи. Во вся-

комъ случаѣ, эта эволюція произошла въ немъ значительно позже, между половиною 1876 года и началомъ 1881-го.

Въ то время, о которомъ я веду рѣчь, онъ былъ уже женатъ на старшей дочери одного изъ лучшихъ гражданъ Одессы С. С. Яхненко, чрезвычайно энергичнаго, честнаго, безкорыстнаго дѣятеля. Это былъ хорошій человекъ, его боялись въ Городской Управѣ за его прямоту, рѣзкость и неподкупную честность. Его нельзя было соблазнить ни лестью, ни лакействомъ, ни подкупить чѣмъ бы то ни было, какими бы то ни было наградами. Упрямый, своенравный, съ крутымъ характеромъ, близкимъ къ самодурству, Яхненко, хотя и слылъ чуть-ли не за революціонера, на самомъ дѣлѣ былъ убѣжденный монархистъ. Онъ признавалъ необходимость реформъ, расширенія самоуправленія, образованія, свободы печати и совѣсти. Дальше его идеалы не шли. Конечно, Яхненко не могъ ладить съ Желябовымъ, тѣмъ болѣе, что послѣдній революционизировался не по днямъ, а по часамъ. У него сдѣлалось какое-то органическое отвращеніе ко всему, что такъ или иначе носило слѣды или имѣло какое-нибудь отдаленное сходство съ аристократизмомъ. Вѣроятно, поэтому онъ такъ старательно уклонялся отъ свиданія съ Осинскимъ. Я не знаю даже, были-ли они знакомы? И если да, то знакомство было шапочное. Я неоднократно приглашалъ Желябова прійти, когда будетъ Валеріанъ, но онъ упрямо отказывался. Прямой, искренній, Желябовъ въ этомъ случаѣ, кажется, даже передо мной немного хитрилъ, отговариваясь, что именно въ этотъ-то день онъ «очень занятъ и никакъ не можетъ явиться».

— Да и къ чему, братъ? я, ты знаешь, не люблю этихъ бѣлоручекъ. У васъ пожалуй будетъ Баронъ Иксъ со всѣми своими хвостами и аксельбантами (такъ называлъ онъ окружавшихъ этого фельетониста лицъ). Нѣтъ, ужъ пожалуйста, приду, когда никого не будетъ. Не люблю этихъ аристократовъ. Не могу ихъ видѣть: противно.

— Ну, какой же Осинскій, возражалъ я, аристократъ, или Баронъ Иксъ?

— О баронѣ не говоря: это болтунъ и ну его ко всѣмъ чертямъ.

Въ этой антипатіи къ Осинскому, быть можетъ, играли извѣстную роль большое самолюбіе и честолюбіе Желябова: на вторую роль онъ не согласился бы; ну, а первая едва ли далась бы ему рядомъ съ Осинскимъ. Желябовъ былъ непобѣдимъ среди толпы, а въ обществѣ, среди интеллигенціи, Осинскому принадлежала пальма первенства. Желябовъ не былъ теоретикъ, главарь какой-либо партіи, которой онъ могъ бы руководить, въ смыслѣ выработки программы дѣятельности или тактическихъ приѣмовъ. Для этого у него не хватало знаній. Но это былъ незамѣнимый организаторъ.

Филистерская или буржуазная обстановка, погоня за мѣщанскимъ счастьемъ были для него нестерпимы. Въ этотъ періодъ онъ избѣгалъ общества, предпочитая проводить время среди своихъ

компаніи близкихъ людей. Жена его Ольга Семеновна недурно играла на фортепіано и пѣла; еще лучше голосъ былъ у ея сестры Таси. Обѣ онѣ иногда выступали въ концертахъ, что выводило Желябова изъ себя. Онъ не могъ допустить, чтобы его жена «услуждала, какъ онъ говорилъ, слухъ аристократовъ и плутократовъ».

Мнѣнія его болѣе и болѣе демократизировались подѣ влияніемъ усиленнаго чтенія, жизненнаго опыта и постояннаго размышленія на социальныя темы. Онъ изрѣдка бывалъ у насъ; я раза два былъ у него и всегда заставлялъ за книгами, которыми обильно снабжалъ его. Онъ жилъ на краю города (въ чьемъ домѣ—не помню), на углу Гулевой и Дегтярной улицъ, въ обстановкѣ бѣдной и чрезвычайно скромной. Два-три стула, распатанный столъ, еле-еле державшаяся, расхлябанная кровать съ тюфякомъ, какъ блинъ.

Въ денежныхъ дѣлахъ онъ поражалъ своей щепетильностью, доходившей до ригоризма. Я зналъ эту почти болѣзненную черту, но все-таки рискнулъ. Я не могъ видѣть такой обстановки и предложилъ ему денегъ.

— Вотъ, былъ концертъ, сборъ превысилъ ожидавшійся приходъ. Бери, сколько нужно.

— Нѣтъ, не возьму.

— Ну, бери, какъ говорится, изъ фонда Валеріана.

— Тоже не возьму. Беря деньги, надо думать объ отдачѣ, а этого скоро не обѣщаю: не откуда.

— Какая же отдача? Это общественныя средства, собранныя по копѣечкѣ съ тысячи людей.

— Нѣтъ, нѣтъ, скорѣе возьмъ бы отъ тебя лично и возвращу тебѣ же.

— Ну ладно. Мы знакомы лѣтъ десять, если по рублю въ мѣсяцъ считать, то ты имѣешь право на сто двадцать рублей.

Онъ расхохотался и взялъ для уплаты долговъ. Я усмѣхнулся.

— Чего ты?

— Ничего не понимаю, отвѣтилъ я. Если даже въ тюрьму носимъ мы пожертвованія, обѣдъ, чай и прочее, то почему же нельзя предложить товарищу, пріятелю, такъ сказать, отъ избытковъ своихъ? Почему онъ не можетъ взять такъ же просто, какъ ему предложено?

— Ну, брось свои софизмы. Не хочу, просто по принципу: впрочемъ, ты долженъ торжествовать, вѣдь я уступилъ.

— Причемъ тутъ «торжествовать»...

— Къ чему такъ трагически? перебилъ онъ. Сказалъ шутя, а ты придираешься, какъ прокуроръ. Онъ крѣпко сжалъ мою руку, такъ что пальцы хрустнули.

Несогласіе между супругами росло изо дня въ день, и къ концу года они окончательно разошлись. Ольга Семеновна тоже бывала у насъ, охотно пѣла, въ особенности, когда много было народу. Любила общество, между которымъ хотѣла блистать,

искала славы, аплодисментовъ, ждала хвалебныхъ рецензій. Она любила мужа по своему и хотѣла бы видѣть его не то что въ богатствѣ и славѣ, но все жъ таки съ хорошимъ положеніемъ, среди семьи, въ своемъ домѣ, обеспеченнымъ. И въ самомъ дѣлѣ, развитой, умный, образованный, да еще при связяхъ Яхненко, Желябовъ могъ составить себѣ, что называется, хорошую карьеру, весьма шумную, если хотите, блестящую, которой позавидовалъ бы любой изъ воспитанниковъ Училища Правовѣднія или Александровскаго Лицея. Но онъ не гнался за этимъ, и, вмѣсто карьеры, перешелъ на нелегальное положеніе, со всѣми его тягостями, недостатками и ужасами. При другихъ политическихъ условіяхъ, въ другой странѣ Желябовъ сталъ бы народнымъ трибуномъ. Онъ имѣлъ для того всѣ данныя.

Узнавъ о принадлежности Желябова къ революціонной партіи, его замыслахъ и подготовлявшихся покушеніяхъ, тестъ его Яхненко заболѣлъ. Съ нимъ сдѣлался ударъ, онъ не могъ пережить такой неожиданности и скоропостижно скончался. Его семья разорилась, пошла чуть-ли не по міру, благодаря усердію мѣстныхъ представителей власти. Къ чему это? Гдѣ, въ какой странѣ возможна подобная жестокость? Совершенно ненужная свирѣпость. Но наша бюрократія никогда не понимала ни своей цѣли, ни средствъ, ведущихъ къ ея достиженію. Она знала только одно—бить батоги не щадно, идя смертнымъ боемъ на все и вся. Съ помощью такой системы мы и дошли до настоящаго положенія политической анархіи, финансоваго, экономическаго и общественнаго хаоса. Чуть-чуть не моральное банкротство ¹⁾.

Окруженная приживалками, провинціальными салоппницами, гоголевскими Коробочками, обезумѣвшая Ольга Семеновна просила объ измѣненіи ея фамиліи. Интересна маленькая подробность: когда расходились супруги въ 1878 году, Желябовъ настаивалъ на разводѣ, жена его не желала этого, надѣясь на возвратъ мужа въ лоно умѣренности и аккуратности. А тутъ отдѣлялась отъ всего, что могло напомнить ея близость къ мужу!

15-ю годами раньше родные Каракозова продавали тоже самое и тѣмъ не менѣе даже въ учебникахъ исторіи занесены фамиліи какъ одного такъ и другого. Исторія забыла фамиліи ихъ судей, слѣдователей, обвинителей, сыщиковъ, жандармовъ, тюремщика, задерживавшихъ, судившихъ и сохранявшихъ для висѣлицы ихъ тѣла. Но самыя фамиліи ихъ занесла на свои скрижали. Ихъ не вырубилъ никакимъ топоромъ. Зная все это, можно

¹⁾ Гдѣ-то я читалъ, будто Желябовъ всталъ на террористическій путь, вполне устроив свои семейныя дѣла. Какъ понимать свою фразу авторъ—не знаю. Но Желябовъ сдѣлалъ одиозное со своей женой очевидно для всѣхъ, чтобы ее не таскали напрасно по канцеляріямъ и камерамъ. Вотъ и все. Парѣдка ей передавались кое какіе мелкія суммы на содержаніе сына. Самъ Желябовъ принялся за поиски хорошаго вида на жительство. Тутъ сильно помогъ ему В. Осняскій своими знакомствами и фондами. Документъ на имя Чернышевскаго былъ наконецъ полученъ, испробованъ въ Одессѣ и Киевѣ въ самое опасное время, не возбуждая нигдѣ никакихъ сомнѣній. Документъ былъ настоящий; но достать его было очень трудно.

сказать, что разводъ, разлученіе Желябовыхъ было фатально, необходимо, обуславливалось ихъ натурами. Онъ пошелъ нальво и дошелъ до висѣлицы, она—направо и была доведена чуть-ли не до сумы. Приходилось чуть-ли не побираться Христовымъ именемъ.

Симпатіи Желябова къ барышнѣ, о которой упомянуто выше, не истрепались, не поблѣднѣли и за десять лѣтъ. Цѣлая земская давность не потушила привязанности! Это не была пожирающая страсть, вѣчная и глубокая; но какое-то неуничтожаемое чувство, во вкусѣ Сень-Пре Жанъ Жака Руссо въ его новой Элоизѣ. Какъ-бы неуничтожаемая сила или матерія, по понятіямъ Лавуазье.

Желябовъ не могъ относиться хладнокровно къ своему предмету даже по истеченіи 10 лѣтъ и, странное дѣло!—онъ требовалъ отъ меня такого же пыла. Даже Гетевскій Вертеръ не вытерпѣлъ бы такого искуса.

Вскорѣ ему пришло въ голову заниматься физикой и непремѣнно по курсу Петрушевскаго.

— Вѣдь ты математикъ, слушалъ самого Петрушевскаго, ну, тряхни стариной, сказалъ онъ мнѣ однажды весело.

— Петрушевскій не годится. Это не научный курсъ, а подробный иллюстрированный каталогъ большого оптического магазина. Желябовъ отъ души расхохотался.

— Ну, а чью-бы физику назвалъ ты?

— Жане, что-ли. Мы съ тобой плоховаты во французскомъ діалектѣ, ну, да физику читать не трудно. Я не знаю, однако, для чего тебѣ физика?

— Все равно. Дуй по Петрушевскому.

Однако, вскорѣ занятія были брошены. Ученикъ мой оказался безъ малѣйшаго намека на математическія способности, безъ научнаго воображенія и технической памяти. Никакого инструмента онъ представить себѣ не могъ и рѣшительно путалъ всѣ микрометрическіе винты, колеса, нажимы, проволоки. Желябову собственно нуженъ былъ не курсъ физики, а только практическое электричество. Я ничего не зналъ въ этой техникѣ и отказался отъ дальнѣйшихъ уроковъ. Онъ былъ недоволенъ и еще рѣже сталъ показываться. Но я отлично зналъ, что въ этомъ обстоятельствѣ виновата не физика, а кое-что иное, именно: старья симпатіи. Послѣ разныхъ объясненій, мы разстались друзьями. А онъ все больше и больше уединялся, и одинъ Аллахъ зналъ, что дѣлалось, какая эволюція или драма протекала въ его душѣ.

Какъ-то разъ, въ началѣ апрѣля 1879-го года, онъ пришелъ и между прочимъ сообщилъ, что моя квартира скомпрометирована, за нею-де неослабный надзоръ, и совѣтовалъ быть готовъ. Надзора я не замѣчалъ, а у нелегальныхъ часто несоразмѣримыя опасенія. Тѣмъ не менѣе Желябовъ былъ правъ. Черезъ

нѣсколько дней захожу въ Государственный банкъ, гдѣ имѣлъ дѣло.

— Удивляюсь, какъ вы еще здѣсь, въ Одессѣ, сказали мнѣ управляющій конторой—Орловскій, съ которымъ я воевъ не былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ. Вѣдь вы знаете, что занесены въ списокъ неблагонадежныхъ.

Я рассказалъ объ этомъ Желябову; онъ нашелъ все это вѣроятнымъ и сказалъ, что кончится либо кратковременнымъ тюремнымъ заключеніемъ, либо ссылкой куда-нибудь недалеко. Я могъ въ ту же минуту уѣхать въ Константинополь, но онъ рѣшилъ, что достаточно скрыться съ одесскаго горизонта куда-нибудь въ уѣздъ. А такъ какъ я вѣрилъ въ его компетентность въ такихъ дѣлахъ, то принялъ всѣ мѣры послѣдовать его совѣту. Однако былъ арестованъ, какъ разъ при выѣздѣ изъ города, и попалъ въ Сибирь.

Это было послѣднее свиданіе съ Желябовымъ. Мы поцѣловались и попрощались, будто разставались навѣки. Онъ подарилъ мнѣ на память золотую цѣпочку, которую получилъ отъ кого-то изъ родныхъ своей жены. Эта цѣпочка долго была для меня реликвіей.

Настоящими строками я оканчиваю то, что подсказывается моимъ сердцемъ. Еслибы не мои хворости, еслибы я имѣлъ больше времени, а печать больше свободы, то воспоминанія мои о пребываніи Желябова въ Одессѣ были-бы гораздо ярче, полнѣе и рельефнѣе. Я сдерживалъ себя сколько могъ, не давалъ воли своимъ чувствамъ и составилъ тотъ слабый очеркъ, какой лежитъ передъ глазами читателей. Теперь поведу рѣчь еще сдержаннѣе, еще кратче и эпизодичнѣе, если можно такъ выразиться, и уже не отъ своего имени. Тутъ оканчивается, такъ сказать, писаніе, оканчивается все то, чему я былъ очевидцемъ, и начинается преданіе, т. е. изложеніе по чужимъ отзывамъ и словамъ, по слухамъ, лично мною не всегда провереннымъ. Какъ бы то не было, но каждая строчка о Желябовѣ, даже и не проверенная, весьма интересна для потомства, для характеристики такой огромной личности и такой интересной эпохи.

Желябовъ завелъ обширныя знакомства съ профессорами артиллерійской академіи, разными техниками, офицерами разныхъ специальностей. Въ Одессѣ, на рейдѣ въ то время стояли всегда военные суда, миноноски и проч. Онъ видѣлъ дѣйствіе минъ и торпедъ на водѣ, присутствовалъ при разныхъ опытахъ со взрывчатыми веществами. Эти же офицеры давали ему уроки. Оплачивались они дорого, очень дорого, что-то въ родѣ 25-ти рублей за часъ. Вообще Желябовъ подготавливалъ себя чуть-чуть что не къ службѣ монтера. Онъ входилъ во всѣ детали и какъ-то по неосторожности на какомъ-то опытѣ былъ раненъ.

Его очень полюбили, но какъ-то побаивались; онъ слылъ здѣсь за «нигилиста», хотя специальныхъ чертъ этого тургеневскаго типа у него не было. Покойный лейтенантъ Рождественскій

(не надо смѣшивать съ цусимскимъ героемъ) раза два бралъ его на свой миноносецъ, на которомъ дѣлалъ разныя экскурсіи по Черному морю. А другой офицеръ П. постоянно говорилъ на артиллерійскія темы. Въ гавани почти ежедневно матросы занимались рыболовствомъ, что служило хорошимъ подспорьемъ къ матросскому пайку. Обыкновенно на паровомъ катерѣ они ѣздили верста за 10—12 отъ города къ Большому Фонтану и, замѣтя стаю рыбъ, брасали въ нее пашкой пироксилина на проволоку, замыкая въ то же время токъ. Взрывъ, и масса оглушенной рыбы сплывала на поверхность. Эффектъ каждый разъ превосходилъ ожиданія Андрея Ивановича. У него раздувались ноздри, глаза лопы были выскочить изъ орбитъ, весь онъ дрожалъ отъ удовольствія. Въ одну изъ такихъ поѣздокъ онъ былъ ушибленъ въ плечо. Я зашелъ посмотреть. Онъ лежалъ на кровати, съ перевязанной рукой. Оказалось пустяки.

— Ничего, сказалъ онъ, до свадьбы заживетъ.

— Вѣдь ты знаешь свои нервы, отвѣтилъ я: завяжи, милый дружокъ, себѣ на память узелокъ: никогда въ практическую часть не вмѣшиваться—не твое дѣло, ты не исполнитель. Съ твоими нервами и технической неспособностью нечего и совать свой носъ, куда не слѣдуетъ.

Крайне нетерпѣливый, онъ не способенъ былъ къ такому ручному труду, гдѣ требуется усидчивость при извѣстной точности и аккуратности.

Больше Желябова въ Одессѣ я не видѣлъ.

П. Семенюта.

Къ исторіи отправленія декабристовъ въ Сибирь.

Надпись: Господинъ Начальникъ Штаба одобрилъ проектъ инструкціи съ тѣмъ, что можно будетъ сдать и еще некоторыя дополненія, если при отправленіи преступниковъ обстоятельства того потребуютъ. 18 ноября.

Проектъ.

ИНСТРУКЦІЯ

Фельдъегерскаго Корпуса Фельдъегерю.

1) Поручаются тебѣ государственные преступники
. которыхъ принявъ въ
крѣпости отъ Г-на Коменданта, слѣдовать съ оными въ
прямо по назначенному тебѣ тракту, отнюдь не перемѣняя онаго и не
заѣзжая никуда въ сторону.

2) Везти сихъ преступниковъ каждаго на одной подводѣ съ однимъ
жандармомъ, для чего получишь ты прогонныя деньги на под-
водъ и откомандировано съ тобою жандармовъ; самому же
тебѣ ѣхать сзади также на особой подводѣ.

3) Никакихъ особенныхъ повозокъ, бричекъ и тому подобнаго доро-
гою, ни для себя, ни для арестантовъ, не заводить и ни отъ кого не при-
нимать.

4) На продовольствіе арестантовъ получишь ты кормовыя деньги,
по 30-ти коп. на человѣка въ сутки, которыя имъ въ руки не отдавать,
а имѣть у себя.

5) Отнюдь не останавливаться дорогою нигдѣ въ трактирахъ, хар-
чевняхъ и тому подобныхъ публичныхъ заведеніяхъ и ни подѣ какимъ
предлогомъ въ оныя не заѣзжать, особенно въ городахъ, а стараться
доставать нужную на продовольствіе пищу на самыхъ станціяхъ, до-
воляя преступникамъ употреблять что только необходимо нужно будетъ
для поддержанія ихъ силъ и здоровья, но избѣгая всякой роскоши и
излишествъ, какъ-то большихъ обѣдовъ, употребленія шампанскаго и
другихъ виноградныхъ винъ.

6) Дорогою нигдѣ не допускать ни подѣ какимъ предлогомъ для
свиданія съ арестантами и разговоровъ, также принимать отъ посторон-
нихъ людей пособія.

7) Не позволять имъ нигдѣ никакихъ писать записокъ или писемъ и вообще какого бы рода не было письменныхъ бумагъ; равно и на имя ихъ таковыхъ ни откуда не принимать.

8) Никому не сказывать, кого, куда и откуда препровождаетъ.

9) Если кто изъ арестантовъ заболѣетъ, то оставлять такового тогда только, когда предвидится, что не можно будетъ довести до мѣста назначенія безъ опасности для жизни. Въ такомъ случаѣ, буде нельзя достигнуть города, то оставить онаго въ ближайшемъ по удобности мѣстѣ, но не, иначе какъ съ однимъ жандармомъ и при проѣздѣ чрезъ губернский или уѣздный городъ извѣстить о томъ мѣстное начальство, для принятія нужныхъ мѣръ какъ для попеченія объ ономъ, такъ и для надзору.

10) Въ случаѣ приключившейся арестанту такой болѣзни, по которой не нужно будетъ оставлять его на пути, позволяется тебѣ по усмотрѣнiю необходимости раскорать его, но вмѣстѣ съ тѣмъ усугубить за нимъ надзоръ; когда же онъ получитъ облегченiе, то имѣешь заковать его по прежнему.

11) Во всякомъ неожиданномъ случаѣ, если потребуетъ нужда, какъ равно и при затрудненiяхъ въ полученiи подводъ, просить помощи со стороны мѣстнаго начальства по открытому предписанiю, которое тебѣ дано будетъ.

12) По доставленiи арестантовъ къ мѣсту назначенiя сдать ихъ и самому съ жандармами отправиться обратно.

*

Изъ воспоминаній о 1881 годѣ ¹⁾).

Я прѣѣхалъ въ Петербургъ въ началѣ января 1881-го года послѣ двухлѣтнаго пребыванія въ административной ссылкѣ въ Архангельской губ. Настроеніе Петербурга было тогда бодрое, революціонное и значительно приподнятое по сравненію съ тѣмъ временемъ, когда я покинулъ его, то-есть началомъ 1879-го года. Изъ двухъ партій, существовавшихъ въ то время, «Черный Передѣлъ» постепенно ступшевывался, уступая свои позиціи «Народной Волѣ», получившей тогда уже безспорно преобладающее значеніе. Съ первыхъ же дней моего пребыванія въ Петербургѣ, у меня завелось довольно обширное знакомство и притомъ довольно разное, преимущественно, конечно, въ революціонныхъ сферахъ. Я сошелся, между прочимъ, съ петербургскимъ Чернопредѣльческимъ кружкомъ и у насъ затѣвалось сообща небольшое издательское дѣло. Но симпатіи мои всецѣло склонялись въ сторону «Народной Воли», и я тотчасъ же постарался завести личныя сношенія съ кѣмъ-нибудь изъ ея членовъ. Въ числѣ первыхъ моихъ народовольческихъ знакомыхъ была Елизавета Николаевна Оловенникова, слушательница фельдшерскихъ курсовъ при Покровской Общинѣ, привлеченная впоследствии къ Народовольческому процессу 20-ти ²⁾. Несмотря на непродолжительный періодъ нашего знакомства, у меня сохранилось самое свѣтлое воспоминаніе объ этой милой, симпатичной дѣвушкѣ, отдавшей тогда всецѣло кипучей революціонной работѣ. Я имѣлъ къ ней письмо и рекомендацію отъ одного ея стараго хорошаго знакомаго и даже наставника—Петра Григорьевича Зайчневскаго, близкаго моего товарища по ссылкѣ и, благодаря этому, у насъ сразу установились отношенія искренности и довѣрія. У нея находилась въ то время одна изъ довѣренныхъ квартиръ Народовольческой организаци и я, бывая довольно часто у Елизаветы Николаевны, очень скоро столкнулся у нея съ нѣкоторыми видными предста-

¹⁾ Статья эта принадлежитъ Сергѣю Андреевичу Иванову, присужденному въ 1887 г. по дѣлу Г. А. Лопатина и др. къ смертной казни, заключенному затѣмъ въ Шлиссельбургъ и вышедшему оттуда лишь послѣ 17 октября 1905 года. *Ред.*

²⁾ См. процессъ 20-ти народовольцевъ, напечатанный въ янв. кн. «Былого». *Ред.*

вителями петербургскаго народолюбства, въ томъ числѣ съ Перовской и Желябовымъ.

Первая моя встрѣча съ Желябовымъ произошла въ серединѣ января. Онъ извѣстенъ былъ тогда въ Петербургѣ подъ именемъ «Тараса» и въ революціонныхъ сферахъ пользовался громадною популярностью. Я читалъ гдѣ-то въ послѣдствіи, что при личныхъ встрѣчахъ и бесѣдахъ съ нимъ впечатлѣніе получалось не сильное, иногда даже неприятное, что его натура агитатора требовала большой аудиторіи, предъ которой только и могла развернуться во всю его крупная фигура. Не могу, однако, согласиться съ первою частью этой характеристики. Можетъ быть я уже былъ предупрежденъ въ его пользу разными ходячими рассказами, но, во всякомъ случаѣ, первое впечатлѣніе, произведенное имъ на меня, сохранившееся и до сей поры, было сильное и благопріятное. Импонировало въ немъ все: его мужественная красивая фигура, увѣренные жесты, выразительная рѣчь, мѣткая и образная, наконецъ, цѣльность и законченность мысли, развиваемой логически и до конца.

Послѣ первыхъ общихъ фразъ, разговоръ перешелъ къ дѣятельности Краснаго Креста (революціоннаго), въ которой я сталъ принимать участіе тотчасъ же по пріѣздѣ въ Петербургъ.

— Дѣло это само по себѣ, конечно, хорошее, замѣтилъ Желябовъ, но не имъ бы слѣдовало заниматься уже вполне сложившимся революціонеромъ и особенно въ настоящее горячее время.

Я возражилъ, что Красный Крестъ является до извѣстной степени учрежденіемъ партіи, которую онъ и обслуживаетъ, принимая на себя заботы объ ея арестованныхъ членахъ, что онъ имѣетъ даже специальный отдѣлъ для организаціи побѣговъ съ мѣста ссылки тѣхъ, кто желаетъ примкнуть къ революціонной организаціи. Желябовъ, однако, продолжалъ развивать свою мысль, доказывая, что хотя это дѣло и заслуживаетъ всякаго сочувствія, но, въ концѣ концовъ, оно все же сводится на девять десятыхъ къ революціонной филантропіи, для которой всегда найдется достаточно людей не способныхъ къ активной революціонной работѣ или не имѣющихъ почему либо возможности примкнуть къ ней.

Я спросилъ его, для чего понадобилось въ такомъ случаѣ присутствіе въ Красномъ Крестѣ представителя партіи. Этимъ представителемъ была въ немъ тогда Гезя Гельфманъ.

— Но вѣдь я не противъ самаго учрежденія говорю, возражалъ Желябовъ. Красный Крестъ имѣетъ и революціонное значеніе, въ качествѣ подготовительной школы, гдѣ возможна группировка людей для совмѣстной организованной работы, приучающей ихъ къ тому же къ конспираціи, столь необходимой при революціонной работѣ. Между прочимъ здѣсь удобно намѣчать людей способныхъ идти далѣе, но для этого достаточно присутствіе одного, двухъ человекъ партіи. Наполнять его революціонерами — зна-

чить отвлекать ихъ отъ другой, болѣе нужной работы. Никогда не нужно переоцѣнивать вещи и гораздо лучше называть всякое дѣло соотвѣтствующимъ именемъ. Филантропія, хотя бы революціонная, пусть и называется филантропіей, а борьба—борьбой.

Заговорили о чернопередѣльцахъ и о взаимныхъ отношеніяхъ ихъ и породовольцевъ. О моемъ знакомствѣ съ чернопередѣльцами Желябовъ очевидно зналъ отъ Е. Н. Оловенниковой. Отзывался онъ о нихъ иронически и желчно; въ особенности указывалъ онъ на несоотвѣтствіе программы и практической постановки дѣла. Пропагандируя идею о дѣятельности среди крестьянства, объ организациі его, они сидятъ въ большихъ городахъ, гдѣ и облика крестьянскаго не увидишь. Получается такимъ образомъ не простое доктринерство, а одна болтовня подъ народническимъ флагомъ, что и служить показателемъ разложенія партіи, которая при такомъ положеніи теряетъ всякій *raison d'être* своего существованія, принимая особенно во вниманіе то, что принципиальныя разногласія ея съ Народной Волей (вопросъ о террорѣ и о значеніи политической свободы) уже значительно сгладились.

При прощаніи Желябовъ условился встрѣтиться со мною тутъ же на другой день послѣ университетскаго вечера, на которомъ по обыкновенію долженъ былъ быть произведенъ сборъ въ пользу ссыльныхъ и Народной Воли. Часть этого сбора я долженъ былъ принести сюда, чтобы распредѣлить его по принадлежности.

На другой день послѣ университетскаго вечера мы опять сошлись у Е. Н. Оловенниковой. Въ этотъ разъ Желябовъ былъ особенно веселъ и оживленъ, сыпалъ шутками и каламбурами и при дѣлежѣ сбора все норовилъ, шутя, подвинуть къ себѣ лишній двугривенный или пяталышный. Рѣчь зашла о политикѣ Лорисъ-Меликова, на которомъ сосредоточивалось тогда, какъ въ фокусѣ, вниманіе русскаго общества. Отношеніе Желябова къ нему было безусловно отрицательное. Онъ указывалъ на то, что Лорисъ-Меликовъ, подъ прикрытіемъ либеральныхъ фразъ, ведетъ дѣятельную борьбу съ революціей, что она ведется имъ не хуже всякаго другого на его мѣстѣ, даже лучше пожалуй, потому что удары направляются имъ съ выборомъ и расчетомъ, а не бьютъ, какъ это бывало часто прежде, по пустому мѣсту. Амнистируя административныхъ ссыльныхъ, да и то не всѣхъ, онъ и не подумалъ коснуться осужденныхъ по процессамъ, стараясь такимъ образомъ купить возможно дешевле общественное сочувствіе и благодарность. Во всей своей внутренней политикѣ умиротворенія и преобразованія онъ ограничивается туманною либеральною фразеологіей, способной, тѣмъ не менѣе, вводить въ заблужденіе довѣрчивыхъ людей. И въ концѣ концовъ все сведется къ нулю или чему-нибудь очень мизерному; далѣе жалкихъ заплачь онъ не пойдетъ, а не ими зачинить русское дырявое рубище. И поэтому революціонерамъ остается только одно: продолжать начатую борьбу, продолжать во что бы то не стало, потому что только она одна можетъ дать какіе-нибудь результаты, будить обществен-

ную совѣсть и выводить общество изъ инертности. Упомяну статью объ одномъ литературномъ инцидентѣ, въ настоящее время, конечно, совершенно забытомъ, имѣвшемъ, какъ говорили, нѣкоторое отношеніе къ Лорисъ-Меликову. Я сообщилъ тогда о немъ Желябову, который заинтересовался имъ и просилъ разузнать обстоятельнѣе объ этомъ дѣлѣ. Въ это время появился новый еженедѣльный «органъ «Гласность», издававшаяся и редактировавшаяся нѣкимъ Г. Геороглифовымъ. Въ первомъ же № этой газеты говорилось, что одною изъ главныхъ задачъ ея является реабилитация идей чистаго социализма въ виду злостнаго искаженія ихъ пресою извѣстнаго лагеря и отсутствія въ широкихъ кругахъ общества яснаго представленія объ этомъ ученіи. Вообще газета повела съ самаго начала въ очень либеральномъ духѣ и заговорила языкомъ смѣлымъ для того времени. Въ качествѣ издателя Геороглифовъ отозвался сочувственнѣе другихъ газетъ на просьбу высылать газету ссылкой, предложивъ для этой цѣли 50 бесплатныхъ экземпляровъ ея. Я имѣлъ случай завести съ нимъ непосредственныя сношенія и получилъ уже предложеніе дать въ газету очерки изъ жизни административныхъ ссылкой. Но помимо этого газета возбудила специальный интересъ въ виду дошедшаго слуха, что она поддерживается и инспирируется самимъ Лорисъ-Меликовымъ. Просуществовала она, впрочемъ, очень недолго (кажется, 3—4 мѣсяца), прекратившись скоро послѣ его паденія, какъ бы подтверждая этимъ ходившіе о ней слухи.

Я видѣлся съ Желябовымъ еще два раза, но уже въ другомъ мѣстѣ, въ виду того, что онъ находилъ неудобнымъ встрѣчаться постоянно на одной квартирѣ. Отъ него я получалъ революціонную литературу — №№ «Народной Воли» и «Рабочей Газеты», передавая ему въ свою очередь деньги, собранныя по листкамъ Народной Воли, паспорта, адреса и т. п. Желябовъ всегда торопился, жалуясь на недостатокъ времени, но затѣмъ, заговоривъ о чемъ-нибудь, какъ бы забывалъ объ этомъ.

Встрѣтился я съ нимъ вскорѣ послѣ университетскаго акта (8 февраля), ознаменованнаго извѣстнымъ инцидентомъ съ министромъ народнаго просвѣщенія Сабуровымъ (студентъ университета Подбѣльскій далъ ему пощечину). Дѣло это было организовано съ вѣдома центральнаго университетскаго кружка, находившагося въ непосредственныхъ отношеніяхъ съ народовольческой организаціей. Инциденту этому я не сочувствовалъ, и мнѣ было интересно узнать мнѣніе объ этомъ такомъ виднаго члена партіи Народной Воли, какъ Желябовъ, но онъ, видимо, уклонился отъ этого разговора, ограничившись замѣчаніемъ, что это дѣло чисто университетское и студенты сами лучше другихъ могутъ разобраться въ немъ. Для меня такъ и осталось невыясненнымъ, произошелъ ли этотъ инцидентъ съ вѣдома и одобренія

организации или же всецѣло по инициативѣ Центральнаго Университетскаго Кружка. ¹⁾

Каждый разъ при свиданіи разговоръ касался такъ или иначе вопроса о террористической дѣятельности партіи, и Желябовъ всегда являлся горячимъ защитникомъ политическаго террора. «Это средство исключительное, героическое, говорилъ онъ, но за то и самое дѣйствительное, лишь бы только борьба эта велась послѣдовательно, безъ перерывовъ. Партизанскіе эпизоды, растягиваемые на продолжительное время дѣйствуютъ лишь на воображеніе публики, но не устрашаютъ правительство. Все значеніе этого орудія борьбы и всѣ шансы на успѣхъ заключаются именно въ послѣдовательности и непрерывности дѣйствій, направлять которыя необходимо на опредѣленный намѣченный пунктъ. Подъ ударами систематическаго террора самодержавіе даетъ уже трещины. У правительства внѣ его самого нѣтъ опоры; долго выдерживать подобное напряженное состояніе оно не въ силахъ и пойдетъ на дѣйствительныя, а не на призрачныя уступки, лишь бы только борьба велась неуклонно. Замедленіе для насъ губительно, мы должны идти форсированнымъ маршемъ, напрягая всѣ силы; а за нами пусть идутъ другіе по проторенному и испытанному уже пути, и они возьмутъ свое. Передаю, разумѣется, лишь приблизительно смыслъ того, что тогда слышалъ отъ Желябова, хотя въ общемъ у меня сохранилось обо всемъ очень ясное воспоминаніе.

О подготовлявшемся событіи 1-го марта Желябовъ не обмолвился никогда ни однимъ словомъ. Конспирація была строгая, да и не у него только одного. Только разъ Перовская, увидавъ у меня не за долго до 1-го марта нелегальную литературу, посоветовала мнѣ пообчиститься и быть на сторожѣ въ виду того, что скоро можетъ начаться большой полицейскій переполохъ. Скрытый смыслъ этихъ словъ я понялъ уже поздно. При послѣднемъ свиданіи съ Желябовымъ—это было приблизительно въ серединѣ февраля, онъ сказалъ мнѣ, что, въ виду предстоящей, ему спѣшной работы, наши встрѣчи на время прекратятся и вмѣсто него со мной будетъ видаться время отъ времени другой человекъ. Этимъ человекомъ была Перовская.

Въ этотъ разъ мы вышли вмѣстѣ. Вообще Желябовъ избѣгалъ этого, считая это неконспиративнымъ. Былъ вечеръ и мы шли по пустынной улицѣ Петербургской стороны. Разговоръ коснулся специализаціи и раздѣленія труда при революціонной работѣ, при чемъ Желябовъ доказывалъ крайнюю необходимость такой специализаціи. Я выразилъ при этомъ удивленіе, какимъ образомъ поспѣваетъ онъ всюду и вездѣ, и спросилъ, почему самъ онъ такъ разбрасывается, удѣляя время на такія въ сущности мелочи, какими являются наши свиданія.

¹⁾ Намъ извѣстно, что инцидентъ произошелъ съ вѣдома и одобренія народоохранительской организации и въ частности А. И. Желябова.

Желябовъ разсмѣялся.

— Далеко не все мелочи, что порою кажется мелочами,—сказалъ онъ. Изъ нихъ то часто и комбинируется то, что потомъ складывается крупнымъ. Право, добрая половина нашей работы складывается изъ такихъ якобы мелочей. А разбрасываться приходится по неволѣ. Бываютъ моменты, когда необходимо мобилизовать не только всѣ наличныя силы партіи, но и силы каждаго отдѣльнаго человѣка. Впрочемъ и натура моя такая: меня тянетъ всюду и вездѣ и я болѣе всего полагаюсь на свои собственныя впечатлѣнія. Поживете и увидите, добавилъ онъ, можетъ быть вамъ и на собственномъ опытѣ придется испытать все это.

И дѣйствительно,—позже—черезъ два года я часто вспоминалъ эти слова.

Мы простились и разошлись. Желябовъ направился къ проѣзжавшей конкѣ. Я невольно провожалъ глазами его крупную красивую фигуру, не предполагая, что простился съ человѣкомъ, уже обреченнымъ.

Это была моя послѣдняя встрѣча съ Желябовымъ.

Мое первое знакомство съ Софьей Львовной Перовской завязалось также у Е. Н. Оловенниковой въ январѣ 1881 г. Но въ теченіе почти цѣлаго мѣсяца это были случайныя, мимолетныя встрѣчи и только съ половины февраля у меня завязались съ нею болѣе постоянныя сношенія. Черезъ одинъ—два дня послѣ послѣдняго моего свиданія съ Желябовымъ, зашла ко мнѣ Е. Н. Оловенникова, съ цѣлью разузнать объ условіяхъ моей квартиры, т. е. относительно безопасности ея, въ виду того, что Софья Львовна (я не помню теперь подъ какимъ именемъ она слыла тогда) хочетъ посѣтить меня. Не смотря на недавнее возвращеніе изъ ссылки я устроился отлично въ полицейскомъ отношеніи, поселившись еще до принятія въ Университетъ подъ своимъ совершенно чистымъ дворянскимъ видомъ, которымъ я запасся специально для этой цѣли. Благодаря этому я былъ прописанъ не въ качествѣ студента и жилъ внѣ всякаго полицейскаго надзора, что и подтвердилось впоследствии при моемъ арестѣ.

Черезъ 2—3 дня Софья Львовна зашла ко мнѣ, заявивъ съ первыхъ словъ, что она хочетъ покорооче познакомиться со мной. Тутъ же, совершенно случайно, при разговорѣ объ общихъ знакомыхъ, оказавшихся у насъ, для меня раскрылся ея псевдонимъ (и фамилія «Перовская», и революціонный формуляръ носительницы этой фамиліи были мнѣ хорошо извѣстны), о чемъ я сейчасъ же и сказалъ ей, назвавъ ее по имени и отчеству. Софья Львовна встревожилась, но когда я объяснилъ, почему это такъ вышло,—разсмѣялась и сказала:

— «Ну, что же съ вами подѣлаешь, если ужъ догадались—знайте, но знайте про себя и пожалуйста нигдѣ и никогда не называйте меня этимъ именемъ».

Въ теченіе февраля я еще раза 2—3 видался съ Перовской на своей квартирѣ. Съ самого начала я почувствовалъ себя съ

нею легко и свободно. Это вышло какъ-то само собою и, конечно, по ея инициативѣ. «Страхъ какъ пить хочется, напоите меня чаемъ», сказала она просто, придя ко мнѣ въ первый разъ. И мы пили чай, разговаривая какъ старые знакомые, и я безъ малѣйшаго стѣсненія отвѣчалъ на ея вопросы о моемъ прошломъ и настоящемъ. Есть такіе люди, обладающіе рѣдкою способностью привлекать къ себѣ симпатіи и вызывать полное довѣріе съ первыхъ же минутъ знакомства. Въ этихъ людяхъ обыкновенно очень мало показного, бьющаго на эффектъ. Все въ нихъ просто и естественно, но за этою простотою чувствуется какая то особенная сила, привлекающая и подчиняющая себѣ другихъ. Мнѣ кажется, что тогда я исполнилъ бы все, что бы ни предложила мнѣ Софья Львовна. Но она именно ничего не навязывала, не пыталась оказать какое-нибудь давленіе на чужую волю силою своего авторитета. Я слыхалъ, что Перовская была очень популярна между петербургскими рабочими, среди которыхъ она вела въ это время дѣятельную агитацію. И подобная популярность мнѣ вполнѣ понятна. Именно такіе люди, одаренные естественною простотою и свободные отъ претенціозности, столь обычной у интеллигента, попадающаго въ рабочую среду, могутъ пользоваться въ ней наибольшимъ и притомъ прочнымъ успѣхомъ.

Упомяну здѣсь о двухъ разговорахъ, которые могутъ представлять нѣкоторый общій интересъ и рисуютъ взгляды Перовской по нѣкоторымъ вопросамъ революціонной тактики.

Въ одно изъ своихъ посѣщеній Софья Львовна принесла мнѣ для прочтенія уставы народовольческихъ группъ (центральныхъ, мѣстныхъ и областныхъ), обѣщанные мнѣ еще Желябовымъ, предупредивъ, что она не можетъ оставить ихъ мнѣ, такъ какъ собственно даже ознакомленіе съ ними полагается лишь для лицъ, вступающихъ въ организацію¹⁾. Мнѣ хотѣлось разъяснить себѣ одинъ изъ послѣднихъ пунктовъ программы Исполнительнаго Комитета, очень кратко трактующей вопросъ о захватѣ власти. Я надѣялся найти въ организаціонныхъ уставахъ нѣкоторое разъясненіе этого интересовавшего меня вопроса. Но и въ нихъ, какъ и въ программѣ Исполнительнаго Комитета, этотъ вопросъ оставался совершенно въ тѣни.

Прочитавъ уставы и не найдя въ нихъ ничего искомаго, я попросилъ Софью Львовну разъяснить мнѣ, если она найдетъ это возможнымъ, и теоретическое и практическое значеніе внесеннаго въ программу параграфа о захватѣ власти. Софья Львовна даже руками всплеснула, выразивъ полукомическое изумленіе тому, что вопросъ этотъ поднимается обыкновенно лицами, не принад-

¹⁾ Это чтеніе организаціонныхъ уставовъ очень пригодилось мнѣ впоследствии, когда въ 1883 г. мнѣ пришлось возстановить почти единолично эти уставы для вновь организовавшихся тогда Харьковской центральной и Ростовской группъ. Экземпляръ этого устава былъ захваченъ при Ростовскихъ арестахъ 1884 г. и, навѣрное, и теперь хранится въ архивѣ при нашемъ дѣлѣ, такъ какъ текстъ его читался на нашемъ судѣ.

лежащими еще къ организаціи, между тѣмъ какъ внутри ея онъ почти никогда даже и не трактуется. И затѣмъ она изложила свое мнѣніе, предупредивъ, впрочемъ, что излагаетъ только свой личный взглядъ, такъ какъ вопросъ этотъ очень мало разработанъ въ программѣ партіи. По ея словамъ, этотъ пунктъ программы не имѣлъ до того времени почти никакого практическаго значенія, такъ что ни включеніе его въ программу, ни исключеніе ея ничего не измѣнило бы въ текущей дѣятельности партіи. Но такое положеніе вещей является результатомъ специальныхъ условий и запросовъ данной минуты и вопросъ о захватѣ власти выдвигается самъ собою, хотя бы только теоретически, передъ партіей, связывающей свое существованіе не съ одной только настоящей минутой. Въ самомъ дѣлѣ, трудно предположить, чтобы какая нибудь политическая партія, въ моментъ переворота или вспыхнувшей революціи отказалась взять на время власть въ свои руки, если бы это оказалось возможнымъ. Не воспользоваться такимъ случаемъ—значило бы добровольно отдать всѣ козыри въ руки своихъ политическихъ противниковъ. Такимъ образомъ, рассуждая теоретически, захватъ власти революціонной партіей желателенъ. Если же практически для настоящаго времени это мало вѣроятно, то нельзя все же отрицать вполне возможность такого случая въ будущемъ, даже въ ближайшемъ, при той или иной благопріятной комбинаціи обстоятельствъ, хотя бы только въ частичной формѣ. Захватъ власти въ какомъ-нибудь отдѣльномъ центрѣ не является какимъ либо невѣроятнымъ случаемъ при наличности даже небольшой военной организаціи, а значеніе такого революціоннаго инцидента было бы громадно ¹⁾. Все это не является какимъ-нибудь опредѣленнымъ планомъ, имѣющимъ подъ собою реальную почву для настоящей минуты, а представляетъ лишь примѣрную иллюстрацію возможнаго положенія. Въ виду этого введеніе въ программу пункта о захватѣ власти, ничего не измѣняя въ настоящей тактикѣ партіи, оставляетъ за нею право воспользоваться всякимъ благопріятнымъ случаемъ, если бы таковой представился когда-либо и даетъ нѣкоторую руководящую нить для ея отдѣльныхъ членовъ при различныхъ возможныхъ случайностяхъ. Тѣмъ не менѣе принципъ захвата власти никогда не выдвигался, въ качествѣ основного пункта программы, какъ это склонны утверждать нѣкоторые.

«Наши противники, говорила Софья Львовна, взводятъ на насъ между прочимъ обвиненіе, что мы хотимъ воскресить старый, уже осужденный исторіей, якобинскій принципъ захвата власти во всемъ его старомъ значеніи. Говорить это можно лишь по недоразумѣнію или же съ преднамѣренной тенденціозностью.

¹⁾ Въ 1883 году между военными и моряками—членами военной организаціи дебатировался вопросъ о возможности захватить Кронштадтъ въ свои руки. Есть нѣкоторые основанія думать, что Скобелевъ во время своей заграничной поѣздки въ 1882 г. имѣлъ въ виду попытку сблизиться въ Парижѣ съ русской революціонной организаціей.

С. И.

Наши цѣли и тактика не имѣютъ ничего общаго съ этимъ якобинскимъ принципомъ—съ идеей о насильственномъ разрѣшеніи сверху главныхъ вопросовъ общественной жизни и о навязываніи народу тѣхъ или иныхъ соціально-политическихъ формъ. Нашъ девизъ «Народная Воля» не является пустымъ звукомъ, а дѣйствительно выражаетъ собою сущность нашей программы и нашихъ стремленій. За собою мы оставляемъ лишь одно безусловное право—право свободной пропаганды своихъ идей, а во всемъ остальномъ готовы подчиниться верховной волѣ народа, выраженной ясно и свободно. Но во имя этого послѣдняго для революціонной партіи, кромѣ настоящей непосредственной борьбы съ современнымъ политическимъ строемъ, встаетъ еще другая задача: создать послѣ паденія этого строя такую общественную обстановку, при которой весь народъ имѣлъ бы фактическую возможность выразить свободно волю и осуществить ее. Только въ этомъ смыслѣ и слѣдуетъ понимать пунктъ, трактующій о захватѣ власти, только въ интересахъ созданія такой обстановки и введенъ онъ въ программу партіи. Если дѣло это сейчасъ еще непосильно намъ, оно можетъ оказаться таковымъ для ближайшихъ нашихъ преемниковъ».

Въ другой разъ разговоръ коснулся политическаго террора и тѣхъ причинъ, благодаря которымъ онъ занялъ такое видное мѣсто въ дѣятельности партіи. Софія Львовна рѣшительно возставала противъ довольно распространенной версіи (находившей себѣ нѣкоторое подтвержденіе въ революціонной литературѣ предыдущаго времени), по которой возникновеніе политическаго террора объясняется побужденіями мести.

«Местъ есть дѣло личное, говорила она; объяснять его можно было бы, да и то съ нѣкоторою натяжкой, лишь террористическіе факты, совершаемые по своему собственному побужденію и инициативѣ отдѣльными лицами, а не организованной партіей. Но такихъ фактовъ, кромѣ случаевъ самообороны, наша революціонная исторія почти не знаетъ. Около знамени мести невозможно было бы собрать политическую партію и тѣмъ болѣе привлечь къ ней тѣ общественныя симпатіи, которыми она несомнѣнно пользуется. Первый грянувшій выстрѣлъ—выстрѣлъ Вѣры Засулицъ былъ не местию, а возмездіемъ за поруганное человѣческое достоинство. Такъ и былъ онъ понятъ всѣми, такъ же оцѣненъ былъ и на судѣ представителями общественной совѣсти. Политическая исторія народовъ представляетъ краснорѣчивое доказательство того, что вездѣ, гдѣ агенты правительства стоятъ внѣ законной отвѣтственности за свои поступки, на смѣну ей въ видѣ корректива возникаетъ обыкновенно частный самосудъ, а въ извѣстные моменты тайное революціонное правосудіе. Но и формулой возмездія невозможно объяснить цѣли и мотивы русскаго политическаго террора. Возводя его въ систематическій приемъ борьбы, партія Народной Воли пользуется имъ, какъ могучимъ средствомъ агитаціи, какъ наиболѣе дѣйствительнымъ и выполнимымъ спо-

собомъ дезорганизовать правительство и, держа его подъ Дамокловымъ мечемъ, принудить къ дѣйствительнымъ уступкамъ. Всѣ иные пути намъ заказаны и заказаны самимъ правительствомъ, да и не намъ однимъ. Софія Львовна указывала, что она сама и многіе изъ ея товарищей по организаціи вышли изъ кружковъ пропагандистовъ народниковъ, принужденныхъ послѣ долгихъ колебаній и безплодныхъ попытокъ мирной дѣятельности пробывать терроромъ брешь въ той глухой стѣнѣ, о которую разбивались всѣ эти попытки».

Я могу теперь черезъ 25 лѣтъ только приблизительно возстановить подобныя бесѣды. Замѣчу впрочемъ, что исключительность переживавшихся событій хорошо запечатлѣла въ моей памяти нѣкоторыя картины, встрѣчи и бесѣды того времени.

Наступило 1-е Марта. Нелегко, конечно, возстановить картину этого момента. И къ тому же я прожилъ на свободѣ очень недолго послѣ 1-го марта, а по одному Петербургу трудно было бы судить о настроеніи, охватившемъ тогда всю Россію, не подозревавшую, что черезъ недѣлю дальнѣйшая участь ея была уже предрѣшена на придворномъ Совѣтѣ. Петербургъ какъ бы притаился въ напряженномъ и тревожномъ ожиданіи дальнѣйшихъ событій. Что они послѣдуютъ въ ближайшемъ будущемъ — въ этомъ были увѣрены если не большинство, то очень многіе. Говорили объ этомъ, конечно, большею частью подъ сурдинку, но порою и открыто и притомъ нерѣдко съ нескрываемымъ сочувствіемъ по адресу революціонеровъ, не смотря на всюду разлитое повальное шпіонство.

Въ то же время циркулировали самые легендарныя разсказы о виновникахъ 1-го марта, благодаря чему эти послѣдніе, неизвѣстные еще вчера широкой публикѣ, сразу выросли въ крупныя историческія фигуры. Наибольшее вниманіе привлекали къ себѣ Желябовъ и Кибальчичъ. Толковали о произошедшемъ будто бы свиданіи Александра III съ Желябовымъ, о великомъ изобрѣтеніи Кибальчича (летательный аппаратъ), надъ проэктомъ и чертежами котораго онъ работаетъ все время съ момента своего ареста,¹⁾ и т. д. Какъ примѣръ ходившихъ мнѣній, приведу слова одного генерала, и не какогонибудь тронутаго тлетворными вліяніями, а заправскаго генерала стараго времени, сослуживца и пріятеля самого Тотлебена. Этотъ генералъ произнесъ слѣдующій приговоръ надъ Желябовымъ и Кибальчичемъ: «Что бы тамъ ни было, что бы они ни совершили, но такихъ людей нельзя вѣшать. А Кибальчича я бы засадилъ крѣпко на крѣпко до конца его дней, но при этомъ предоставилъ бы ему полную возможность работать надъ своими техническими изобрѣтеніями».

Всѣ эти толки и разговоры, при своемъ анекдотическомъ характерѣ, все же служатъ нѣкоторымъ показателемъ настроенія Петербургской публики и ея отношенія къ событію 1-го марта,

¹⁾ Последнее было совершенно справедливо.

тѣмъ болѣе, что они циркулировали не въ революціонныхъ сферахъ, а въ кругахъ совершенно не тронутыхъ революціоннымъ движеніемъ. Русская печать того времени, скудная и запуганная, врядъ ли можетъ дать вѣрную картину общественнаго настроенія этого момента. Только личныя воспоминанія и наблюденія современниковъ могутъ служить нѣкоторымъ коррективомъ подобныхъ пробѣловъ, дополняя собою эту картину общественнаго настроенія, которую легальная печать зарегистрировала такъ не полно и не точно.

Тотчасъ послѣ 1-го марта было выпущено отъ имени Исполнительнаго Комитета извѣстное «Письмо къ Александру III», расхлывшееся по Петербургу въ очень большомъ количествѣ.¹⁾ Это письмо сдержанностью своего тона и своимъ содержаніемъ производило всюду и повздъ самое благопріятное впечатлѣніе, что пришлось неоднократно наблюдать и мнѣ самому и притомъ на людяхъ вовсе не причастныхъ къ революціи.

Какъ бы въ противовѣсъ этому скрытому настроенію правительство сдѣлало комичную попытку привлечь содѣйствіе общества для борьбы съ крамолой. Петербургскій обыватель приглашался на этотъ разъ къ полицейско-общественной дѣятельности. По инициативѣ градоначальника Баранова (котораго многіе почему то считали либераломъ) при его особѣ былъ учрежденъ выборный совѣщательный совѣтъ, на обязанность котораго возлагалось присианіе новыхъ способовъ «пресѣченія» и охрана общественной безопасности Петербурга. Къ участію въ выборахъ были приглашены петербургскіе домовладѣльцы и квартирныя хозяева. Каковы были эти выборы, при которыхъ голоса собирались околоточными, рекомендовавшими своихъ кандидатовъ — нечего конечно и говорить. Неизвѣстно, сохранились ли какіе либо памятники дѣятельности этого петербургскаго «парламента». Петербургскіе же современники съ результатами ея познакомились лишь по каламбурю, невольнымъ авторомъ котораго явился самъ Барановъ. На одномъ изъ протоколовъ засѣданія этого совѣта (чуть ли не на первомъ и послѣднемъ) красовалась слѣдующая надпись: «Предсѣдатель Совѣта двадцати — Барановъ». Каламбуръ этотъ, обойдя весь Петербургъ, долго служилъ притчею во языцѣхъ для его обывателей.

Докончу однако рассказъ о своихъ встрѣчахъ съ Перовской. Черезъ день-два послѣ 1-го марта я получилъ приглашеніе отъ Е. Н. Оловенниковой немедленно посѣтить ее на новой квартирѣ, куда она только что переехала. За послѣднія двѣ недѣли я очень рѣдко ее видалъ: очевидно квартира ея изолировалась въ виду участія ея въ дѣлѣ 1-го марта²⁾. Въ тотъ же день вечеромъ я отправился къ ней. Безъ труда, по описанію, я нашелъ на Пес-

¹⁾ Письмо это напечатано въ мартовской кн. „Былого“.

Ред.

²⁾ Е. Н. Оловенникова находилась въ числѣ лицъ, которыя слѣдили за выѣздами Александра II и была арестована по указанію Рысакова.

какъ ея новую квартиру, гдѣ при входѣ въ корридоръ меня встрѣтила какая-то дама, караулившая, какъ мнѣ показалось, приходящихъ, и въ полголоса спросила, къ кому я пришелъ. Услыхавъ къ кому я пришелъ, она еще тише зашептала: уходите, уходите скорѣй, Елизавета Николаевна сегодня арестована, и въ комнатѣ у нея сидитъ полицейская засада. Ваше счастье, что они не застали васъ здѣсь въ корридорѣ, куда они выходятъ безпрестанно. И она почти вытолкнула меня за двери. Я, конечно, успѣвши убраться и, хотя былъ уже довольно поздній вечеръ, успѣлъ предупредить объ арестѣ одно-двухъ лицъ.

На другой день рано утромъ зашла ко мнѣ Софья Львовна, чтобы предупредить меня, какъ она сказала, отъ посѣщенія Е. Н. Оловенниковой, объ арестѣ которой и о томъ, что я долженъ былъ пойти къ ней—она знала. Приходъ ея показался мнѣ большою неосторожностью. Вѣдь меня могли задержать у Е. Н. Оловенниковой и, такимъ образомъ, и она сама могла нарваться у меня на полицію. На мое замѣчаніе объ этомъ она сдѣлала рукою равнодушный жестъ, а когда я принялся пенять ей за такую неосторожность,—она даже какъ бы разсердилась. Неужели же она будетъ прятаться теперь по угламъ и сидѣть въ подпольѣ. Отъ своей судьбы не уйдешь, да и сама она не желаетъ этого. Все равно, рано ли или поздно, это должно случиться. Вообще въ этотъ разъ она показалась мнѣ взволнованной и неровной не въ примѣръ обыкновенному спокойствію и мягкости. Пробыла она у меня очень недолго и условилась зайти черезъ 2—3 дня, чтобы поговорить о дѣлахъ и порученіяхъ.

Числа 8—9 марта я снова увидѣлся съ Софьей Львовной. За это время она сильно измѣнилась, какъ-то осунулась, поблѣднѣла, похудѣла. Порой, среди разговора она вдругъ задумывалась, какъ бы уносясь на минуту мыслью куда-то далеко, но потомъ, встряхнувшись, оживлялась, проявляя лихорадочную торопливость и энергію. Нѣсколько разъ я собирался заговорить съ нею о необходимости ея отъѣзда изъ Петербурга, но все не рѣшался. Какъ-то чувствовалось, что это будетъ бесполезнымъ разговоромъ, который только разстроитъ ее. Да и знакомъ съ нею я былъ недостаточно, чтобы имѣть право поднимать такой разговоръ. Тутъ я передалъ ей порученіе нѣкоего N, замышлявшаго одно очень серьезное дѣло. Софья Львовна очень заинтересовалась моимъ сообщеніемъ, оживилась и подробно цѣлые полчаса разспрашивала меня объ N., о его біографіи, характерѣ, причинахъ побудившихъ его къ такому рѣшенію и пр. Я рассказалъ ей все, что зналъ объ N, его полную *curriculum vitae*. Распросивъ обо всемъ, она сказала, что непременно хочетъ сама познакомиться и поговорить съ нимъ. N имѣлъ очень ограниченную возможность отлучаться, и я обѣщалъ по возможности скорѣе устроить у себя это свиданіе ¹⁾. Предъ уходомъ Софья Львовна

¹⁾ Въ чемъ тутъ было дѣло, печатать мы считаемъ пока по нѣкоторымъ обстоятельствамъ преждевременнымъ.

сказала, что она собирается и со мной потолковать серьезно и имѣть въ виду предложить мнѣ болѣе систематическую революціонную работу. Оставаться долго волонтеромъ партіи—положеніе неудобное и притомъ мало продуктивное. Нужно самому входить въ курсъ дѣла. Одно это уже сильно подымаетъ и энергію чело-вѣка и производительность его работы. Нужно, чтобы революціонная работа не была чѣмъ-то лишь добавочнымъ къ частной, личной жизни чело-вѣка, а тѣмъ центральнымъ пунктомъ, около котораго сосредоточиваются всѣ интересы и помышленія. Говорила она это замѣчательно хорошо, просто и сердечно, и въ словахъ ея чувствовалось убѣжденіе и увѣренность, почерпнутыя изъ личнаго опыта. Впечатлѣніе ея словъ надолго сохранилось у меня, и я послѣ всегда вспоминалъ объ этихъ минутахъ, какъ о чемъ-то свѣтломъ и бодрящемъ въ самые трудные моменты жизни.

Это было мое послѣднее свиданіе съ Софьей Львовной. Два черезъ два или три она была арестована...

На этомъ мѣстѣ можно было бы кончить эти бѣглыя замѣтки. Здѣсь собственно кончаются мои воспоминанія о личныхъ встрѣчахъ съ нѣкоторыми крупными дѣятелями той эпохи. Добавлю еще немного, что имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ личности Софьи Львовны Перовской и къ послѣднимъ днямъ ея жизни.

У меня была въ Петербургѣ одна знакомая г-жа Б., знавшая въ свою очередь, и кажется уже издавна, Перовскую, которая пользовалась въ это время изрѣдка ея квартирой для ночлега. У нея Перовская и ночевала нѣсколько разъ предъ самымъ арестомъ уже послѣ 1-го марта. Г-жа Б. рассказывала мнѣ, какъ настойчиво уговаривала она Софью Львовну выѣхать изъ Петербурга послѣ 1-го марта, указывая на страшную опасность для нея и даже безуміе оставаться въ Петербургѣ. Но всѣ уговоры и убѣжденія были бесполезны. С. Л. нетерпѣливо отмахивалась руками, говоря, что именно теперь она ни за что и ни подъ какимъ видомъ не покинетъ Петербургъ. Неумолимая судьба постепенно приближалась къ ней и она, чувствуя это, не хотѣла сдѣлать ничего, чтобы предотвратить ударъ, который неизбѣжно долженъ былъ на нее обрушиться. Проводивъ уже на гибель близкихъ ей людей, какъ будто не хотѣла пережить ихъ.

Въ ночь на 3-е апрѣля (день казни Перовской, Желябова и др.) я былъ арестованъ на квартирѣ у однихъ своихъ знакомыхъ, къ которымъ явились съ обыскомъ. Обыскъ длился цѣлую ночь и, хотя ничего кромѣ сборныхъ листовъ «Краснаго Креста» найдено не было, тѣмъ не менѣе хозяева были арестованы, а захваченныхъ у нихъ гостей препроводили въ полицейскіе участки по мѣсту ихъ жительства для удостовѣренія личности и для производства у нихъ обыска. Меня уже утромъ 3-го апр. привезли въ одинъ изъ участковъ Васильевского острова. Тутъ мнѣ пришлось долго дожидаться въ конторѣ за отсутствіемъ начальствующихъ лицъ. Здѣсь изъ разговоровъ служащихъ я узналъ, что въ это утро совершается

казнь надъ осужденными по дѣлу 1-го марта. Эта вѣсть, несмотря на то, что она не была неожиданностью, какъ-то придавила меня. Это была первая для меня казнь людей, которыхъ я зналъ лично и притомъ еще такъ недавно. И какихъ людей! Нѣсколько часовъ ожиданія я провелъ въ какомъ то полуопѣивѣннѣи. Только послѣ 12 часовъ начали собираться околочные и другіе чины, возвращаясь съ казни, при которой они присутствовали въ нарядѣ почти въ полномъ наличномъ составѣ. Подходившіе собирались въ кучку и рассказывали другъ другу видѣнные ими эпизоды, про аресты и повидимому не единичные, произведенные въ толпѣ, про нѣсколько случаевъ обморока съ дамами и т. п. Всѣ служащіе и полицейскіе чины столпились вмѣстѣ, слушая эти рассказы. Обо мнѣ на время совершенно позабыли, и я имѣлъ въ теченіе 5—10 минутъ полную возможность незамѣтно выйти изъ конторы и уйти къ себѣ на квартиру. Какъ разъ наканунѣ я принесъ къ себѣ цѣлый тючекъ революціонныхъ изданій—болѣе 2000 экзмп. разныхъ прокламацій: «Письмо къ Александру III», «Къ Западно-европейскому Обществу» и «Манифестъ къ крестьянамъ». Все это я долженъ былъ отправить по разнымъ провинціальнымъ городамъ. Впрочемъ я не особенно безпокоился. У меня было условіе съ однимъ знакомымъ студентомъ, жившимъ въ сосѣдней квартирѣ, чтобы онъ ежедневно, идя въ Университетъ, заходилъ ко мнѣ и въ случаѣ, если бы я былъ въ отсутствіи цѣлую ночь, производилъ у меня своего рода обыскъ и уносилъ все компрометирующее. Но кромѣ этого, въ ту минуту у меня не было какъ то никакого желанія заботиться и предпринимать что либо въ цѣляхъ огражденія себя. Все это казалось мнѣ такимъ мелкимъ и ничтожнымъ въ сравненіи съ тѣмъ, что сейчасъ совершилось.

Съ какимъ то болѣзненнымъ любопытствомъ прислушивался я къ отдѣльнымъ доносившимся до меня фразамъ. И особенно поразила меня одинъ полицейскій—околочный или что-то по-выше. Онъ пришелъ однимъ изъ послѣднихъ, сильно взволнованный и блѣдный. Изъ долетѣвшихъ до меня отдѣльныхъ фразъ его разказа было видно, что онъ находился вблизи самаго эшафота.

— «Вы представьте себѣ,—почти громко крикнулъ онъ,— вотъ такъ женщина! Вѣдь сама оттолкнула скамейку и затянула на себѣ петлю».

Эта фраза какъ то особенно поразила меня, и въ устахъ полицейскаго свидѣтеля казни, показалась мнѣ своего рода апофеозомъ.

Только днемъ уже полиція, захвативъ меня, отправилась ко мнѣ для производства обыска. Первый взглядъ при возвращеніи домой убѣдилъ меня, что въ квартирѣ побывалъ уже по условію мой знакомый. Обыскъ приходилъ къ концу безъ всякаго результата и скучающій приставъ приказалъ городовому поставить въ порядкѣ на этажерки книги, снятыя для просмотра: мимохо-

домъ онъ замѣтилъ, чтобъ тотъ пошарилъ, нѣтъ ли чего нибудь на полу подъ этажеркой? У меня въ комнатѣ ихъ стояло двѣ съ двумя-тремя сотнями книгъ—библіотекой «Краснаго Креста». Городовой запустилъ руку и вытащилъ два знакомыя мнѣ свертка. Уходя изъ дома, я засунулъ ихъ за этажерку позади большихъ книгъ, а они провалились внизъ подъ полку и по странной ироніи судьбы мой знакомый, перебравъ всѣ вещи и унеся все мало мальски подозрительное, проглядѣлъ наиболѣе существенное. Свертки были раскрыты, и картина обыска разомъ пережѣнилась. Частный приставъ просіялъ и, потирая радостно руки, заявилъ, что теперь они навѣрное доберутся и до типографіи (прокламаціи въ сверткахъ были дѣйствительно совершенно влажныя и попали ко мнѣ очевидно прямо изъ подъ типографскаго станка). Онъ немного опечалился только, узнавъ при составленіи протокола, что я только что возвратился изъ ссылки. (Полиція, какъ я узналъ при дознаніи, дѣйствительно и не подозрѣвала объ этомъ, и частный приставъ получилъ большую нахлобучку за небрежность и нерадѣніе). По окончаніи обыска меня повезли къ градоначальнику. «Либеральный» Барановъ дѣйствительно велъ со мною минутъ 20 «либеральную» бесѣду, должно быть въ видѣ подходящаго предисловія, заключивъ ее обѣщаніемъ ходатайствовать предъ государемъ о полномъ прекращеніи дѣла безъ всякихъ для меня послѣдствій, если я дамъ правдивое показаніе, отъ кого получены мною эти прокламаціи. Отчаявшись въ результатѣ своего краснорѣчія, онъ съ сожалѣніемъ пожалъ плечами и распорядился объ отправкѣ меня въ домъ предварительнаго заключенія.

Дальнѣйшее дознаніе установило противъ меня и другія обвиненія, въ томъ числѣ и посѣщеніе моей квартиры Перовскою, опознанной по карточкѣ моей квартирной хозяйкой.

Послѣ годового слишкомъ заключенія я былъ сосланъ административнымъ порядкомъ на пять лѣтъ въ Сибирь, откуда вскорѣ бѣжалъ.

Сергѣй Ивановъ.

Къ характеристикѣ П. Я. Чаадаева.

(Къ 50-лѣтію со дня смерти).

Полвѣка назадъ, 14 апрѣля, умеръ въ Москвѣ Чаадаевъ. О немъ много писали съ тѣхъ поръ, и его имя знакомо всякому образованному русскому; но дѣйствительно понимать его мысли мы научаемся только теперь. По разнымъ причинамъ, частью общаго, частью личнаго свойства, случилось, что его имя стало достояніемъ легенды: онъ, рѣшительно осуждавшій то, чѣмъ наиболѣе дорожила въ себѣ наша передовая интеллигенція,—ея исключительно позитивное и политическое направленіе,—былъ зачисленъ въ синодикъ русскаго либерализма, какъ одинъ изъ славнѣйшихъ пионеровъ нашего освободительнаго движенія. Это недоразумѣніе началось еще при его жизни: Чаадаевъ былъ слишкомъ тщеславенъ, чтобы отклонять незаслуженные лавры, хотя и достаточно уменъ, чтобы понимать ихъ цѣну. И замѣчательно, что это было, такъ сказать, двойственное недоразумѣніе: правительство объявляло Чаадаева сумасшедшимъ, запрещало ему писать и держало его подъ полицейскимъ надзоромъ, а общество чтило его и признавало своимъ вождемъ—за одно и то же: за политическое свободомысліе, въ которомъ онъ нисколько не былъ повиненъ ¹⁾.

И однако въ духѣ оба были правы, и историкъ скажетъ, что это двойственное недоразумѣніе только еще ярче обнаруживало сущность явленія. Потому что суть ученія и дѣятельности Чаадаева заключалась въ томъ, что онъ неумолчно твердилъ о высшихъ задачахъ духа, о той внутренней свободѣ, для которой внѣшняя—и, значить, политическая свобода—только подножіе, но подножіе столь-же естественно-необходимое, какъ воздухъ и пища—для жизни. Нѣтъ лозунга болѣе революціоннаго политически, чѣмъ возгласъ: *surgam corda*. Въ этомъ смыслѣ Чаадаевъ, создавшій одно изъ глубочайшихъ религіозно-историческихъ обобщеній, до какихъ додумался человекъ, дѣйствительно—одинъ изъ первыхъ вождей нашего освободительнаго движенія.

¹⁾ См. біографію Чаадаева: «Вопросы жизни» 1905, ноябрь, «Вѣстн. Европы» 1906, апрѣль.

Онъ однажды самъ опредѣлилъ себя такъ: «я ничего другого не говорю и не дѣлаю, я только твержу, что все стремится къ одной цѣли и что эта цѣль—царство Божіе». Чаадаевъ—прежде всего мистикъ; его ученіе стоитъ и падаетъ съ мистическимъ принципомъ. Его исходный пунктъ, его основное и крѣпчайшее убѣжденіе—то, что въ человѣкѣ, рядомъ съ божественнымъ, безличнымъ началомъ, дѣйствуетъ начало личное, источникъ слѣпоты и корысти. «Что бы я ни дѣлалъ, между мною и истиною вѣчно становится что-то постороннее, и это постороннее—я самъ. Я самъ отъ себя заслоняю истину. Одно, слѣдовательно, средство открыть ее: отстранить свое я». Въ преодолѣніи этого личнаго начала, въ искорененіи этой «самости» и заключается единственная цѣль всемірной исторіи, больше того—ея единственное содержаніе. Вся жизнь человѣчества—одинъ грандіозный процессъ преображенія. Эту одну работу дѣлаетъ нашъ духъ въ высшихъ сферахъ своего существованія; ни любовь, ни знаніе, ни красота не имѣютъ самостоятельной цѣнности: ихъ смыслъ лишь въ томъ, что они отвращаютъ человѣка отъ него самого и погружаютъ его въ сферу безкорыстнаго, безличнаго. Но и вся матеріальная жизнь только съ виду довлѣетъ себѣ; на дѣлѣ и она служитъ всецѣло той же задачѣ.

Ибо человѣческой разумъ свободенъ, и только добровольное его согласіе можетъ доставить торжество божественному началу въ насъ; а для этого нужно, чтобы онъ раскрылъ всѣ потенціи нашей личной, плотской стихіи, осуществилъ всѣ ея возможности и, доведя ее до наивысшей сложности и силы, пропиталъ ее духомъ, такъ сказать, до самаго дна. Отсюда вся сложность человѣческой исторіи; и все это громадное развитіе матеріальныхъ силъ, эта необозримая махровость человѣческой культуры съ ея безчисленными формами, интересами, взаимодействіями, антагонизмами—ничто иное, какъ одинъ колоссальный механизмъ для овеществленія плотскаго начала въ насъ, безъ чего невозможно его полное претвореніе духомъ.

Этотъ стихійный религіозный процессъ совершается съ самаго начала человѣческой исторіи, но въ послѣднюю, высшую свою стадію онъ вступилъ только съ пришествіемъ Христа; тутъ онъ принялъ форму самостоятельнаго нравственнаго акта, путемъ котораго человѣкъ изъ объекта становится дѣлательмъ божьяго дѣла. Черезъ Христа человѣкъ непосредственно соприкасается съ безконечной сущностью, въ любви къ нему онъ добровольно отрывается отъ личной воли. Только въ этомъ одномъ истинный смыслъ христіанства; ибо, если Христосъ велитъ намъ любить ближнихъ, какъ самихъ себя, то это имѣетъ лишь ту цѣль, чтобы отклонить нашу любовь отъ самихъ себя. И христіанство могучимъ ферментомъ вошло въ жизнь человѣчества. Глубокая ошибка видѣть въ немъ только систему вѣрованій или субъективное настроеніе; нѣтъ, христіанство—имманентная бо-

жественная сила, дѣйствующая въ человѣчествѣ какъ стихія, — его внутреннее пластическое начало.

Ясно, что въ чистомъ своемъ видѣ христіанская идея есть высшая степень самоотреченія, т. е. аскетизмъ; но такъ какъ ей предназначено завоевать весь міръ, то она неминуемо должна была выйти изъ этой хризолиты и принять социальный характеръ. Такимъ образомъ для полноты христіанства равно необходимы и элементъ аскетическій, и элементъ социальный. Вся жизнь человѣка — постоянное сочетаніе его чистой мысли съ необходимыми условіями его существованія; а первое изъ этихъ условій — общество, взаимодействие умовъ, сліяніе мыслей и чувствованій; только удовлетворивъ этому условію, истина становится живою, изъ области умозрѣнія нисходитъ въ міръ реальностей, превращается въ силу природы и начинаетъ дѣйствовать такъ же неотразимо, какъ всякая другая стихійная сила. Этимъ путемъ должна была пойти и христіанская идея. Уйди она въ узкій аскетизмъ или безусловный спиритуализмъ, замкнись она навѣки въ храмѣ, она была бы поражена бесплодіемъ и никогда не исполнила бы своего назначенія. Безъ сомнѣнія, ставъ социальной силой, она утратила часть своей первоначальной чистоты; но у нея не было другого пути; она должна была дѣлать свое дѣло, комбинируясь всегда съ реальными условіями времени, не брезгая никакой возможностью, спускаясь въ самую бездну порочности, куда-бы ни велъ ее свободный разумъ человѣка.

И католическая церковь превосходно поняла это. Она одна съ самаго начала взглянула на царство Божіе не только какъ на идею, но и какъ на фактъ, и препоясалась въ путь, чтобы просвѣтить міръ свѣтомъ Христовымъ. Въ ней нашла себѣ наиболѣе полное воплощеніе дѣйственная, социальная сторона христіанства.

Я дошелъ теперь въ изложеніи идей Чаадаева до той точки, гдѣ начинается его своеобразная философія русской исторіи. Она вся цѣликомъ вытекаетъ изъ этихъ основныхъ посылокъ, и только потому, что послѣднія, т. е. все религиозное ученіе Чаадаева, обыкновенно отбрасывались (напр. Герценомъ и Пыпинымъ), какъ болѣзненный наростъ на большомъ умѣ, — и могла возникнуть легенда объ историческомъ скептицизмѣ Чаадаева, его революціонномъ духѣ и т. д. Помѣщаемое ниже письмо Чаадаева познакомитъ читателя съ характеромъ его мысли. Предъ нами, очевидно, такое широкое обобщеніе, въ которомъ политическій бытъ является лишь производнымъ и второстепеннымъ элементомъ. Въ глазахъ Чаадаева русская исторія — по самому существу своему религиозная исторія — до такой степени, что въ особенности русскаго быта въ прошломъ и настоящемъ онъ выводитъ изъ характера, который носить въ Россіи христіанство.

Его мысль сводится къ слѣдующему. Россія приняла христіанство отъ Византіи, гдѣ оно носило еще свой первоначальный, аскетическій характеръ; аскетическимъ стало оно и у насъ.

Благодаря этому христіанская идея сохранила въ православіи ту чистоту, которую она неизбѣжно должна была утратить на Западѣ; но зато она осталась вѣстнѣ, не сдѣлалась, какъ тамъ, дрожжами соціальной жизни. Политически это выразилось въ томъ, что западная церковь, какъ сила соціальная, сразу поставила себя независимо отъ свѣтской власти, а потомъ и подчинила ее себѣ, восточная-же, проникнутая аскетическимъ духомъ, отрелась не только отъ власти надъ міромъ, но даже и отъ собственной свободы. Итакъ, здѣсь дѣйственная сила христіанства была парализована, и въ результатѣ получилось чудовищное уродство: получилась тысячелѣтняя исторія огромнаго народа, абсолютно лишеннаго соціальной жизни, не подвинувшася ни на пядь въ дѣлѣ раскрытія матеріальнаго начала и пропитанія его началомъ Христовымъ; получилось какое-то запоздалое младенчество. невинное, но и немощное, прозябающее среди братьевъ, живущихъ полной жизнью, и способное только рабски подражать имъ.

Отсюда Чаадаевъ съ неотразимой послѣдовательностью выводитъ былое и будущее Россіи. Въ прошломъ—соціальное безсиліе нравственной идеи, и оттого порабощеніе личности и мысли, однообразные вѣка безъ всякаго движенія, быть скудный и пустынный, надъ которымъ, какъ духъ Божій надъ первобытнымъ хаосомъ, виталъ духъ аскетизма. Наперекоръ своей активной природѣ христіанское начало было заточено, и это не только помѣшало ему исполнить свое назначеніе въ русскомъ народѣ, но даже исказило его прямое дѣйствіе на жизнь: одностороннее самоотреченіе сдѣлалось принципомъ русской жизни, такъ что, напримѣръ, крѣпостное право явилось у насъ—страшно сказать—органическимъ слѣдствіемъ народнаго развитія.

Ясно, въ чемъ намъ слѣдуетъ искать спасенія. Россія еще не начинала жить настоящей жизнью, т. е. жизнью религиозно-общественной. Она владѣетъ неопѣненнымъ сокровищемъ: христіанской истиной въ ея чистѣйшей формѣ; пусть-же она внесетъ эту нравственную идею въ соціальную жизнь, пусть освободитъ ее отъ подчиненія земнымъ властямъ, и, напротивъ, пусть все подчинится ей, какъ силѣ внутренне-звѣдущей, которая только тогда можетъ воздвигнуть изъ земныхъ элементовъ царство Божіе, когда ея дѣйствіе проникнетъ всюду и не будетъ встрѣчать никакихъ преградъ. Только въ синтезѣ аскетическаго начала съ соціальнымъ—истинный смыслъ христіанской идеи. Поймемъ-же, что намъ нужно не продолжать наше прошлое, бесплодное въ религиозномъ отношеніи, а начать новую, христіански-соціальную жизнь. Западные народы уже вѣка живутъ такой жизнью; но избави насъ Богъ подражать имъ. Они развивались и продолжаютъ развиваться послѣдовательно, мы же совсѣмъ не развивались; нѣтъ путь—эволюціонный, нашъ—революціонный, потому что мы должны, въ противоположность имъ, круто порвать съ нашимъ прошлымъ; намъ надо не усвоивать ихъ культуру въ цѣломъ, для того чтобы разрабатывать ее дальше (да это и невозможно), а поль-

зуюсь ихъ опытомъ и знаніями, создать свою особую цивилизацію. И у насъ есть всѣ основанія думать, что, вступивъ на этотъ путь, мы опередимъ нашихъ старшихъ братьевъ, т. е. что именно намъ предназначено осуществить высшіе завѣты христіанства. За это говорятъ три вѣскихъ соображенія: 1) что у насъ христіанская идея сохранилась въ своей первоначальной чистотѣ, 2) что наше скудное прошлое не засорило народной психики, которая поэтому сохранила всю свѣжесть и гибкость, давно утраченныя западными народами, 3) наконецъ, что къ нашимъ услугамъ весь богатый запасъ ошибокъ, навыковъ и знаній, накопленный Западомъ.

Таково въ главныхъ чертахъ ученіе Чаадаева. Своеобразно преломившись сквозь призму славянофильства, оно воскресло затѣмъ, какъ идея вселенской теократіи у Вл. Соловьева и какъ идея русской всецеловѣчности у Достоевскаго. Пора ему самому стать предъ русскимъ обществомъ. Время-ли теперь напоминать о немъ? Я думаю, да,—и больше, чѣмъ когда-нибудь. Пусть онъ былъ по своимъ политическимъ убѣжденіямъ консерваторъ, пусть онъ отрицательно относился къ революціямъ,—для насъ важны не эти частныя его взгляды, а общій духъ его ученія. Всей совокупностью своихъ мыслей онъ говоритъ намъ, что политическая жизнь народовъ, стремясь къ своимъ временнымъ и матеріальнымъ цѣлямъ, въ дѣйствительности только осуществляетъ частично вѣчную нравственную идею, т. е. что всякое общественное дѣло по существу своему не менѣе религиозно, нежели жаркая молитва вѣрующаго. Онъ говоритъ намъ о социальной жизни: войдите, и здѣсь Богъ; но онъ прибавляетъ: *помните-же*, что здѣсь Богъ и что вы служите ему.

Приводимое здѣсь, впервые печатаемое письмо писано Чаадаевымъ въ 1846 году, вѣроятно къ Сиркуру, какъ можно заключить изъ сохранившейся записочки Чаадаева, гдѣ онъ пишетъ, что хотѣлъ-бы отдать свой *переводъ* на судъ кн. Елиз. Дм. Шаховской, прежде чѣмъ *отошлетъ его Сиркуру*; читатель увидитъ изъ первыхъ строкъ письма, что оно сопровождалось посылкою сдѣланнаго Чаадаевымъ перевода статьи Хомякова «Мнѣніе иностранцевъ о Россіи»¹⁾. Сюда-же вѣроятно надо отнести слѣдующія строки изъ недатированнаго письма Хомякова къ Чаадаеву: «Отсылаю вамъ переводъ, въ которомъ впрочемъ я ошибокъ не нахожу, и очень буду благодаренъ, если доставите продолженіе, разумѣется не для повѣрки, совершенно ненужной, а для чтенія»²⁾.

Письмо сохранилось только въ копіи, принадлежащей перу кузины Чаадаева, кн. Нат. Дм. Шаховской. Оно писано, конечно,

¹⁾ Напечатана въ 4-ой кн. „Москвитяинна“ за 1845 г. Теперь—въ I томѣ „Сочиненій“ Хомякова.

²⁾ „Сочин.“ Хомякова, т. VIII, стр. 435.

по-французски; здѣсь—переводъ. За сообщеніе подлинника прошу благодарность кн. Д. И. Шаховскому.

«Я только-что писалъ вамъ, а теперь берусь за перо, чтобы просить васъ пристроить въ печати статью нашего друга Хомякова, которая переведена мною и которую онъ хотѣлъ бы помѣстить въ одномъ изъ вашихъ періодическихъ изданій. Рукопись доставить вамъ надняхъ г. Мельгуновъ, котораго вы знаете. Излишне говорить, какъ мнѣ приятно снова бесѣдовать съ вами. Тема статьи—мнѣнія иностранцевъ о Россіи. Вы знаете, что я не раздѣляю взглядовъ автора; тѣмъ не менѣе я старался, какъ вы увидите, передать его мысль съ величайшей тщательностью. Мнѣ было бы, пожалуй, пріятнѣе опровергать ее; но я полагалъ, что наилучшій способъ заставить нашу публику цѣнить произведенія отечественной литературы, это—дѣлать ихъ достояніемъ широкихъ слоевъ европейскаго общества. Какъ ни склонны мы уже теперь довѣрять нашему собственному сужденію, все-таки среди насъ еще преобладаетъ старая привычка руководиться мнѣніемъ вашей публики. Вы такъ хорошо знаете нашу внутреннюю жизнь, вы посвящены въ наши семейныя тайны; итакъ моя мысль будетъ вамъ совершенно ясна. Я думаю, что прогрессъ еще невозможенъ у насъ безъ апелляціи къ суду Европы. Не то чтобы въ нашемъ собственномъ существѣ не крылись задатки всяческаго развитія, но несомнѣнно, что почивъ въ нашемъ движеніи все еще принадлежитъ иноземнымъ идеямъ и—привавлю—принадлежалъ имъ искони: странное динамическое явленіе, быть можетъ не имѣющее примѣра въ исторіи народовъ. Вы понимаете, что я говорю не только о близкихъ къ намъ временахъ, но обо всемъ нашемъ движеніи на пространствѣ вѣковъ. И прежде всего, вся наша умственность есть очевидно плодъ религіознаго начала. А это начало не принадлежитъ ни одному народу въ частности: оно, стало-быть, постороннее намъ, также какъ и всѣмъ остальнымъ народамъ міра. Но оно всюду подвергалось вліянію національныхъ или мѣстныхъ условий, тогда какъ у насъ христіанская идея осталась такою же, какою она была привезена къ намъ изъ Византіи, т. е. какъ она нѣкогда была формулирована силою вещей,—важное обстоятельство, которымъ наша церковь справедливо гордится, но которое тѣмъ не менѣе характеризуетъ своеобразную природу нашей народности. Подъ дѣйствіемъ этой единой идеи развилось наше общество. Къ той минутѣ, когда явился со своимъ преобразованиемъ Петръ Великій, это развитіе достигло своего апогея. Но то не было собственно социальное развитіе: то былъ интимный фактъ, дѣло личной совѣсти и семейнаго уклада, т. е. нѣчто такое, что неминуемо должно было исчезнуть по мѣрѣ политическаго роста страны. Естественно, что весь

этот домашній строй, примѣненный къ государству, распался тотчасъ, какъ только могучая рука кинула насъ на поприще всемірнаго прогресса. Я знаю: насъ хотятъ увѣрить теперь, что Петръ Великій встрѣтилъ въ своемъ народѣ упорное сопротивленіе, которое онъ сломилъ будто бы потоками крови. Къ несчастію, исторія не отмѣтила этой величественной борьбы народа съ его государемъ. Но вѣдь ничто не мѣшало странѣ послѣ смерти Петра вернуться къ своимъ старымъ правамъ и старымъ учрежденіямъ. Кто могъ запретить народному чувству проявиться со всею присущею ему энергіей въ тѣ два царствованія, которыя слѣдовали за царствованіемъ преобразователя? Конечно, ни Меншикову, правившему Россіей при Екатеринѣ I, ни молодому Петру II, руководимому Долгорукими и поселившемуся въ древней столицѣ Россіи, очагѣ и средоточіи всѣхъ нашихъ народныхъ предразсудковъ, никогда не пришло бы въ голову воспротивиться національной реакціи, еслибы народъ вздумалъ принять такую. За ужаснымъ Бироновскимъ эпизодомъ послѣдовало царствованіе Елизаветы, ознаменовавшееся, какъ извѣстно, чисто-національнымъ направленіемъ, мягкостью и славой. Излишне говорить о царствованіи Екатерины II, носившемъ столь національный характеръ, что можетъ быть еще никогда ни одинъ народъ не отождествлялся до такой степени со своимъ правительствомъ, какъ русскій народъ въ эти годы побѣдъ и благоденствія. Итакъ, очевидно, что мы съ охотой приняли реформу Петра Великаго; слабое сопротивленіе, встрѣченное имъ въ небольшой части русскаго народа, было лишь вспышкой личнаго недовольства противъ него со стороны одной партіи, а вовсе не серьезнымъ противодѣйствіемъ проводимой имъ идеѣ. Эта податливость чужимъ внушеніямъ, эта готовность подчиняться идеямъ, навязаннымъ извнѣ, все равно—чужеземцами или нашими собственными господами, является, слѣдовательно, существенной чертой нашего права, врожденной или пріобрѣтенной—это безразлично. Этого не надо ни стыдиться, ни отрицать: надо стараться уяснить себѣ это наше свойство, и не путемъ какой нибудь этнографической теоріи изъ числа тѣхъ, которыя сейчасъ такъ въ модѣ, а просто путемъ непредубѣжденнаго и искренняго уразумѣнія нашей исторіи. Мнѣ хочется передать вамъ вполне мою мысль объ этомъ предметѣ. Постараюсь быть кратокъ.

«Мы представляемъ собою, какъ я только что замѣтилъ, продуктъ религіознаго начала; это несомнѣнно, но это не все. Не надо забывать, что это начало бываетъ дѣйствительно плодотворно лишь тогда, когда оно вполне независимо отъ свѣтской власти, когда мѣсто, откуда оно осуществляетъ свое дѣйствіе на народъ, находится въ области недосягаемой для властей земныхъ. Такъ было въ древнемъ Египтѣ, на всемъ Востокѣ, особенно въ Индіи, и наконецъ въ Западной Европѣ. У насъ, къ несчастію, дѣло обстоитъ иначе. При всемъ глубокомъ почтеніи, съ которымъ наши государи относились къ духовенству и христіан-

скимъ догматамъ, духовная власть далеко не пользовалась въ нашемъ обществѣ всей полнотою своихъ естественныхъ правъ. Чтобы понять это явленіе, необходимо подняться мысленно къ той эпохѣ, когда только складывался строй нашей церкви, т. е. къ Константину Великому. Всякій знаетъ, что принятіе христіанства этимъ монархомъ какъ государственной религіи, было колоссальнымъ политическимъ фактомъ, но, какъ мнѣ кажется, вообще недостаточно ясно представляютъ себѣ вліяніе, которое оно оказало на самую религію. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что печать, наложенная этой революціей на церковь, оказалась бы для нея скорѣе пагубной, чѣмъ благотворной, еслибы по счастью Константину не вдумалось перенести резиденцію правительства въ новый Римъ, что избавило старый отъ докучага присутствія государя. Въ эту эпоху римская имперія представляла собою уже не республиканскую монархію первыхъ цезарей, а восточный деспотизмъ, созданный Діоклетіаномъ и упроченный Константиномъ. Поэтому императоры скоро сосредоточили въ своихъ рукахъ высшую власть духовную, также какъ и свѣтскую. Они смотрѣли на себя какъ на вселенскихъ епископовъ, поставили свой тронъ въ алтарѣ, предсѣдательствовали на церковныхъ соборахъ, называли себя апостольскими и, наконецъ, какъ сообщаютъ намъ историки Сократъ, присвоили себѣ полномочіе въ религиозныхъ дѣлахъ и невозбранно распоряжались на самыхъ большихъ соборахъ. По словамъ св. Аѳанасія, Констанцій говорилъ собравшимся вокругъ него епископамъ: «то, чего я хочу, должно считаться закономъ церкви», и вы конечно знаете, что на Константинопольскомъ соборѣ Θεодосія Великій былъ привѣтствованъ титуломъ первосвященника. Таковъ былъ путь, которымъ шла императорская власть въ первомъ вѣкѣ христіанской церкви. А въ это самое время и въ виду этихъ вторженій свѣтской власти въ духовную сферу, западная церковь, благодаря своей отдаленности отъ императорской резиденціи, организуется вполне независимо, ея епископы простираютъ свою власть даже на свѣтскій бытъ, и римскій патріархъ, опираясь на престижъ, который сообщали ему этотъ высокій санъ, кровь мучениковъ, которою пропитана почва вѣчнаго города, преемственная связь со старшимъ изъ апостоловъ, память о другомъ великомъ апостолѣ и, въ особенности, присущая христіанскому міру потребность въ средоточіи и символѣ единства, мало-по-малу достигаетъ той мощи, которая потомъ вступить въ единоборство съ имперіей и одолѣетъ ее. Я знаю, среди вашихъ мыслителей эту побѣду одобряли только немногіе, но мы, безпристрастные свѣдѣтели въ этомъ дѣлѣ, можемъ оцѣнить ее лучше вашего: мы, неуклонно слѣдующіе по стопамъ Византіи, слишкомъ хорошо знаемъ, что представляетъ собою духовная власть, отданная на произволъ земныхъ владыкъ. Я только-что упомянулъ Θεодосія Великаго. Этотъ самый Θεодосій, котораго въ Константинополѣ провозглашали первосвященникомъ,—вы знаете, какъ сурово обо-

шелся съ нимъ св. Амвросій въ Миланѣ; и надо прибавить, что послѣдній, запретивъ императору входъ въ церковь, не удовольствовался этимъ, но велѣлъ также вынести изъ храма императорскій престолъ. Это, на мой взглядъ, какъ нельзя лучше обрисовываетъ характеръ той и другой церкви: здѣсь мы видимъ духовенство, одушевленное глубокимъ чувствомъ независимости, стремящееся поставить духовную власть выше силы, тамъ—церковь самое покорную матеріальной власти и помогающуюся стать какъ бы христіанскимъ халифатомъ.

«Таково наслѣдіе, которое мы получили отъ Византіи вмѣстѣ съ полнотою догмы и ея первоначальной чистотой. Эта чистота, безъ сомнѣнія,—неоцѣнимое благо, и она должна утѣшать насъ во всѣхъ недостаткахъ нашего духовнаго строя; но у насъ идетъ рѣчь сейчасъ только о нашемъ социальномъ развитіи, и вы согласитесь, что западный религіозный строй гораздо болѣе благоприятствовалъ такого рода развитію, нежели тотъ, который выпалъ на нашу долю. Надо все время помнить одно—что въ нашемъ обществѣ не существовало никакого другого нравственнаго начала, кромѣ религіозной идеи, такъ что ей одной обязанъ нашъ народъ своимъ историческимъ воспитаніемъ и ей должно быть приписано все что у насъ есть,—доброе, какъ и злое. Итакъ, возвращаясь къ нашему предмету, мы видимъ воочію, что эта наша готовность подчиняться разнороднымъ предначертаніямъ извнѣ есть неизбѣжное послѣдствіе религіознаго строя, лишеннаго свободы, гдѣ нравственная мысль сохранила лишь видимость своего достоинства, гдѣ ее чтутъ лишь подъ условіемъ, чтобы она держалась смиренно, гдѣ она пользуется авторитетомъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой его удѣляетъ ей политическая власть, гдѣ наконецъ ее безпрестанно стѣсняютъ въ дѣятельности ея служителей, въ ея движеніяхъ и духѣ. Не знаю, согласитесь-ли вы со мною, но мнѣ кажется, что этимъ способомъ очень легко можно объяснить всю нашу исторію. Народъ простодушный и добрый, чьи первые шаги на социальномъ поприщѣ были отмѣнены тѣмъ знаменитымъ отреченіемъ въ пользу чужого народа, о которомъ такъ наивно повѣствуютъ наши лѣтописцы,—этотъ народъ, говорю я, принялъ высокія евангельскія ученія въ ихъ первоначальной формѣ, т. е. раньше, чѣмъ въ силу развитія христіанскаго общества они приобрѣли социальный характеръ, задатокъ котораго былъ присущъ имъ съ самаго начала, но который и долженъ былъ, и могъ обнаружиться лишь въ урочное время. Ясно, что нравственная идея христіанства должна была оказать на этотъ народъ только самое непосредственное свое дѣйствіе, т. е. до чрезвычайности усилить въ немъ аскетическій элементъ, оставя втугѣ всѣ остальные начала, заключенныя въ ней,—начала развитія, прогресса и будущности. Христіанская догма, какъ плодъ Высшаго Разума, не подлежитъ ни развитію, ни совершенствованію, но она допускаетъ безчисленныя примѣненія въ зависимости отъ условій національной жизни. Извѣстно, какія

громадныя явленія, какія неизмѣримыя послѣдствія породила жизнь западныхъ народовъ, оплодотворенная христіанствомъ. Но это было возможно лишь потому, что эта жизнь, сама исполненная всевозможныхъ плодоносныхъ элементовъ, не была скована узкимъ спиритуализмомъ, что она находила покровительство, сочувствіе и свободу тамъ, гдѣ у насъ жизнь встрѣчала лишь монастырскую суровость и рабское повиновеніе интересамъ государя. Не удивительно, что мы шли отъ отреченія къ отреченію. Вся наша социальная эволюція—сплошной рядъ такихъ фактовъ. Вы слишкомъ хорошо знаете нашу исторію, чтобы мнѣ надо было перечислять ихъ; довольно указать вамъ на колоссальный фактъ постепеннаго закрѣпощенія нашего крестьянства, представляющій собою ничто иное, какъ строго-логическое слѣдствіе нашей исторіи. Рабство всюду имѣло одинъ источникъ: завоеваніе. У насъ не было ничего подобнаго. Въ одинъ прекрасный день одна часть народа очутилась въ рабствѣ у другой просто въ силу вещей, влѣдствіе настоящей потребности страны, влѣдствіе непреложнаго хода общественнаго развитія, безъ злоупотребленій съ одной стороны и безъ протеста съ другой. Забудьте, что это вопіющее дѣло завершилось какъ разъ въ эпоху наибольшаго могущества церкви, въ тотъ памятный періодъ патриаршества, когда глава церкви одну минуту дѣлилъ престолъ съ государемъ. Можно ли ожидать, чтобы при такомъ безпримѣрномъ въ исторіи социальномъ развитіи, гдѣ съ самаго начала все направлено къ порабощенію личности и мысли, народный умъ сумѣлъ свергнуть иго вашей культуры, вашего просвѣщенія и авторитета? Это невысказано. Часть нашего освобожденія, стало-быть, еще далека. Вся работа новой школы будетъ безплодна до тѣхъ поръ, пока наша ретроспективная точка зрѣнія не измѣнится совершенно. Конечно, наука могущественна въ наши дни; судьбы общества въ значительной степени зависятъ отъ нея,—но она дѣйствительно можетъ вліять на народъ лишь въ томъ случаѣ, когда она въ области социальныхъ идей оперируетъ такъ же безпристрастно и безлично, какъ она это дѣлаетъ въ сферѣ чистаго мышленія. Только тогда ея формулы и теоріи способны дѣйствительно стать выраженіемъ законовъ социальной жизни и вліять на нее, какъ въ естественныхъ наукахъ онѣ постоянно выражаютъ законы природы и даютъ средства вліять на нее. Я увѣренъ, придетъ время, когда мы сумѣемъ такъ понять наше прошлое, чтобы извлекать изъ него плодотворные выводы для нашего будущаго, а пока намъ слѣдуетъ довольствоваться простой оцѣнкой фактовъ, не сясь опредѣлить ихъ роль и мѣсто въ дѣлѣ созиданія нашихъ будущихъ судебъ. Мы будемъ истинно свободны отъ вліянія чужеземныхъ идей лишь съ того дня, когда вполнѣ уразумѣемъ пройденный нами путь, когда изъ нашихъ устъ помимо нашей воли вырвется признаніе во всѣхъ нашихъ заблужденіяхъ, во всѣхъ ошибкахъ нашего прошлаго, когда изъ нашихъ нѣдръ исторгнется крикъ раскаянія

и скорби, отзвукъ котораго наполнить міръ. Тогда мы естественно займемъ свое мѣсто среди народовъ, которымъ предназначено дѣйствовать въ человѣчествѣ не только въ качествѣ тарановъ или дубинъ, но и въ качествѣ идей. И не думайте, что намъ еще очень долго ждать этой минуты. Въ нѣдрахъ этой самой новой школы, которая силится воскресить прошлое, уже не одинъ свѣтлый умъ и не одна честная душа вынуждены были признать тотъ или другой грѣхъ нашихъ отцовъ. Мужественное изученіе нашей исторіи неизбѣжно приведетъ насъ къ неожиданнымъ открытіямъ, которыя прольютъ новый свѣтъ на нашу протекшую жизнь; мы научимся наконецъ знать не то, что у насъ было, а то, чего намъ не хватало, не что надо вернуть изъ былого, а что изъ него слѣдуетъ уничтожить. Ничто не можетъ быть благодатнѣе того направленія, которое приняла теперь наша умственная жизнь. Благодаря ему огромное число фактовъ воскрешено изъ забвенія, интереснѣйшія эпохи нашей исторіи воссозданы вполне, и въ ту минуту, когда я пишу вамъ, готовится къ выходу въ свѣтъ крупный трудъ подобнаго рода. Съ другой стороны, возвращеніе, противоположное національной школѣ, также принуждено заняться серьезными изысканіями въ исторической области, и исходя изъ совершенно иной точки зрѣнія, оно приводитъ къ результатамъ не менѣе непредвидѣннымъ. Нельзя отрицать: безстрашіе, съ которымъ оба возвращенія изслѣдуютъ свой предметъ, дѣлаетъ честь нашему времени и подаетъ добрыя надежды на будущее, когда нашъ языкъ и умъ будутъ свободнѣе, когда они уже не будутъ, какъ всегда до сихъ поръ, скованы путами лицемернаго молчанія. Столь часто повторяемое теперь сравненіе нашей исторической жизни съ исторической жизнью другихъ народовъ показываетъ намъ на каждомъ шагѣ, какъ рѣзко мы отличаемся отъ нихъ. Позже мы узнаемъ, можно ли народу такъ обособиться отъ остальнаго міра и долженъ-ли онъ считаться частью историческаго человѣчества, разъ онъ можетъ предъявить послѣднему только нѣсколько страницъ географіи. Если мнѣ удалось выяснитъ тѣ двѣ идеи, которыя дѣлятъ между собою теперь наше мыслящее общество, я доволенъ и вы можете видѣть, что я продолжаю по прежнему откровенно выражать мою мысль о моей родной странѣ. Въ эпоху, когда смерть и возрожденіе народовъ занимаютъ столько умовъ, нельзя, мнѣ кажется, лучше уяснитъ своей странѣ ея собственную національность, какъ изобразивъ ее предъ всѣмъ міромъ, предъ глазами иностранцевъ и соотечественниковъ, такую, какою она представляется намъ самимъ. Тогда всякій можетъ поправить насъ, если мы ошиблись.

«Я обѣщалъ вамъ быть краткимъ. Не знаю, сдержалъ-ли я слово, но знаю навѣрное, что если бы я захотѣлъ руководиться тѣмъ чувствомъ удовольствія, которое я испытываю, бесѣдуя съ вами о нашихъ дѣлахъ, вамъ пришлось бы осиливать безконечное письмо».

М. Гершензонъ.

Пестель

предъ Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ.

Продолженіе 1).

УІІ. Царубѣйство и приступъ къ возмущенію.

Подполковникъ Поджіо утверждаетъ, что въ бытность его у васъ, въ сентябрѣ 1824 г., послѣ искуснѣйшаго убѣжденія его въ превосходствѣ республиканскаго правленія для Россіи, вы, перешедъ къ необходимости истребить всю Императорскую фамилію, сказали ему между прочимъ: „давайте считать жертвы“, и съ словомъ симъ сжали руку свою такъ, чтобы дѣлать ужасный счетъ сей по пальцамъ. Поджіо началъ потомъ называть всѣхъ священныхъ особъ по именамъ, а вы считали ихъ пальцами. Дойдя до женскаго пола, вы остановились. Знаешь ли, что это дѣло ужасное?—сказали вы Поджіо. Но въ ту же минуту рука ваша опять была предъ нимъ и число жертвъ составилось тринадцать! Послѣ сего Поджіо замолчалъ, но вы продолжали: „Такъ по этому и конца не будетъ? ибо должно будетъ покуситься и на особъ Императорской фамиліи, находящихся за границею“. На слова же Поджіо: „Да, тогда точно уже конца не будетъ, ибо у всѣхъ великихъ князевъ есть дѣти; но для нихъ довольно бы провозгласить отрѣшеніе отъ всякаго наслѣдства, да и кто пожелаетъ окровавленнаго трона!“ вы сказали: „Я поручилъ уже князю Барятинскому и Бестужеву-Рюмину приготовить мнѣ двѣнадцать человѣкъ рѣшительныхъ для сего! Барятинскій имѣетъ уже нѣсколько таковыхъ...“

Къ сему дополняютъ: 1) Подполковникъ Поджіо, что въ это же время онъ видѣлъ у васъ письменный отчетъ Бестужева-Рюмина о сношеніяхъ его съ поляками, гдѣ именно упоминалось, что по требованію южнаго общества поляки обѣщались немедленно истребить цесаревича, а потому и полагаютъ, что число жертвъ Императорской фамиліи назначено было гораздо прежде, нежели исчислялъ онъ сіе съ вами, и 2) Бестужевъ-Рюминъ говорилъ вамъ, что въ случаѣ надобности для удара найдутся около 15 человѣкъ.

1) См. „Былое“, февраль, стр. 121, мартъ, стр. 206.

Объясните: справедливо ли вышеприведенное показаніе Поджіо и Бестужева, когда и гдѣ поручали вы Бярятинскому и Бестужеву набрать 12 человекъ рѣшительныхъ и общалъ ли Бярятинскій исполнить сіе порученіе?

Я никогда сего порученія Бярятинскому не давалъ и онъ никогда онаго не исполнялъ и не предпринималъ. Да и дать ему онаго я не могъ, ибо слишкомъ зналъ свойства, какъ его, Бярятинскаго, такъ и тѣхъ членовъ общества, съ коими онъ былъ въ сношеніи. Бестужевъ набиралъ, какъ въ прежнемъ пунктѣ (см. ниже) объяснилъ я, партію *Conspirateurs* и сказывалъ, что изъ числа соединенныхъ славянъ многіе въ сію партію готовы, но не 15, а 7, и что онъ продолжаетъ таковыхъ людей искать. Цѣль сей партіи было Бѣлоцерковское преднамѣреніе ¹⁾. Сіе дѣлалъ Бестужевъ вслѣдствіе неоднократно упомянутаго предположенія Васильковской управы.

Показаніе Поджіо о содержаніи отчета Бестужева справедливо.

Подполковникъ Поджіо представилъ упоминаемый имъ разговоръ въ совершенно превратномъ видѣ. Сіе заключить можно уже изъ собственныхъ его словъ: ибо то говоритъ, что я ужасался отъ нанесенія толикихъ смертей, то говоритъ, что уже къ оному готовился. Дѣло въ слѣдующемъ состоитъ. Когда онъ былъ у меня въ сентябрѣ 1824 года, то имѣлъ уже полное республиканское расположеніе и мы о семъ правленіи рассуждали. Сіе привело къ сужденію объ особахъ императорской фамиліи. Тутъ говорилъ я на счетъ особъ женскаго пола, что покушеніе на ихъ жизнь и ужасно, и по двумъ причинамъ бесполезно: 1) Потому что находятся лица императорской фамиліи за границею, имѣютъ дѣтей и большія семейства, такъ что всегда наслѣдникъ или наслѣдница найдется, а 2) Потому что со времени императора Павла Петровича существуетъ коренной законъ, удаляющій женскій полъ отъ престола, и что на сей законъ можно при случаѣ опереться или сослаться. Дѣло же сіе было бы тѣмъ ужаснѣе, что чрезвычайно бы много было тогда жертвъ. Поджіо оправдывалъ сіе сужденіе и мы ихъ по именамъ назвали, но безъ всѣхъ этихъ театральныхъ движеній, о коихъ Поджіо упоминаетъ. Неправильно старается онъ съ таковымъ краснорѣчіемъ меня въ этомъ жестокомъ видѣ представить (Показанія 6 апрѣля 1826 г. п. 15).

За сямъ подполковникъ *Поджіо* показываетъ, что въ сію же бытность его вы говорили: „Хотѣлось бы мнѣ знать ваше мнѣніе о лицахъ, долженствующихъ составить временное правленіе для введенія новаго порядка; кого вы почитаете способнымъ къ тому?“ А когда Поджіо наименовалъ васъ самихъ, какъ основателя республики, то вы сказали:

¹⁾ Планъ царевубійства и возмущенія, задуманный въ Бѣлой Церкви Бестужевымъ-Рюминымъ. См. „Былое“, мартъ, стр. 215—216. О томъ же см. ниже.

„Я не хочу быть уличенъ въ личныхъ видахъ, а къ тому и фамилія у меня не русская; все это не ладно“, и продолжали разсуждать о вліяніи фамиліи.

Далѣе, когда Поджіо замѣтилъ, что по окончаніи революціи вы, конечно, послѣдуете примѣру Вашингтона и удалитесь, и что временное правленіе, вѣроятно, не продлится дальше года, много двухъ, тогда вы отозвались: „О! нѣтъ, не менѣ десяти лѣтъ. Раздѣленіе земель одно много возьметъ времени“. На слова же Поджіо, что такое продолжительное господство можетъ утратить многихъ, вы сказали: „Что-жъ дѣлать? Впрочемъ, между тѣмъ можно будетъ обратить общее вниманіе на какую нибудь внѣшнюю мѣру, какъ то: объявить войну туркамъ и возстановить восточную республику въ пользу грековъ, и такимъ образомъ на поприщѣ политическомъ явиться съ самыми благонадежнѣйшими видами для прочихъ народовъ Европы“.

Отъ сего разсужденія перешли къ назначенію мѣстъ въ будущемъ правленіи республики. Вы щедро раздавали оныя въ министерствахъ всѣмъ, приверженнымъ къ вамъ, а ему Поджіо въ случаѣ начатія дѣйствій совѣтовали присоединиться къ Давыдову и быть поутъ его начальствомъ, дополнивъ: „Самъ же я поѣду въ Петербургъ и возьму съ собой Барятинскаго“.

Потомъ вы жаловались на холодность Матвѣя Муравьева и на неблагоприятность обстоятельствъ и заключили: „Впрочемъ, поѣду самъ въ Петербургъ и увижу все своими глазами, можетъ быть цесаревичъ будетъ изведенъ, а если императорской дворъ переселится въ Москву, то все дѣйствіе совершится тамъ“. Напослѣдокъ, вы, сдѣлавъ Поджіо вопросъ: „Что онъ думаетъ о вашихъ намѣреніяхъ послѣ окончанія всѣхъ дѣлъ общества“, продолжали: „Удалюсь въ Кіево-Печерскую лавру и сдѣлаюсь схимникомъ; тогда я примусь за вѣру“.

Поясните: какимъ точно образомъ происходили сіи разсужденія ваши съ Поджіо?

Показаніе Поджіо справедливо, что я ему говорилъ о невозможности и о нежеланіи моемъ быть членомъ временнаго правленія. Справедливо и то, что я говорилъ, что по окончаніи революціи пойду въ монахи въ Кіево-Печерскую лавру. Показаніе же его, что будто бы я прибавилъ: *и тогда примусь за вѣру* столь же злостно, сколь и ложно.

Разсуждали мы о времени существованія временнаго правленія и я говорилъ, что сіе время должно быть достаточное для полнаго образованія и притомъ не продолжаться сверхъ надобности, но что, ежели временное правленіе прекратится прежде окончанія государственнаго переобразованія, то не достигнетъ цѣли своего учрежденія и надобно будетъ тогда опасаться подобныхъ послѣдствій, какія имѣли всѣ французскія республиканскія конституціи. Я считалъ нужнымъ для сего 8 или 10 лѣтъ, и Поджіо никакого противорѣчія не дѣлалъ, а совершенно въ томъ согласался. Что касается до внѣшней войны, долженствовавшей и умы заняты и чрезъ возстановленіе Греціи въ независимомъ состояніи доказать отклоненіе Россіи отъ завоевательной системы,

иѣющей замѣниться покровительственною, то сіе предположеніе справедливо.

Разговоръ о министерствахъ представилъ Поджію не въ томъ видѣ, какъ оный происходилъ. Мы разсуждали о важности главныхъ чиновниковъ государственной службы, особенно во время происхожденія революціи и переобразования государства. Я замѣтилъ при семъ, что сей предметъ весьма важенъ и что хотя, конечно, смѣшно бы было толковать теперь о назначеніи или выборѣ сихъ чиновниковъ, не менѣе того лучше бы дѣлать смѣшное теперь, нежели въ нужное время не знать, кому что довѣрить, прибавивъ къ сему, что сія выборы гораздо труднѣе, нежели по большей части полагаютъ. Приверженцевъ же своихъ не размѣшалъ я по мѣстамъ правленія и не понимаю, кого Поджію называетъ моими приверженцами.

Поджію находилъ въ управѣ, коей Давыдовъ былъ предсѣдатель, слѣдовательно и состоялъ онъ по обществу подъ его начальствомъ, и упоминаемаго имъ совѣта не имѣлъ я ни надобности, ни повода ему давать.

Касательно показанія Поджію, что я дополнилъ: «Самъ же поѣду въ Петербургъ и возьму Бяратинскаго съ собою»,—не угодно ли замѣтить, что одни меня отсылаютъ въ Петербургъ, другіе въ Кіевъ, третьи въ Тульчинъ. Ктонибудь же долженъ изъ нихъ неправду говорить. Сіе показаніе Поджію несправедливо. Я не могъ жаловаться на холодность Муравьева въ сентябрѣ 1824 года, когда узналъ объ оной отъ Лорера только въ декабрѣ того же 1824 года. Лореръ поѣхалъ въ Малороссію послѣ отъѣзда Поджію въ сентябрѣ отъ меня, а по возвращеніи своемъ разсказалъ мнѣ о холодности Муравьева. Большая часть показаній Поджію также справедливы, какъ и сіе.

Послѣднія приведенныя слова мои: Впрочемъ поѣду въ Петербургъ, и далѣе также справедливы, какъ и показаніе о холодности Муравьева. Я только что возвращался изъ Петербурга и ни малѣйшаго не имѣлъ намѣренія туда опять ѣхать. Не могъ я также показывать и надежды, что въ Москвѣ все дѣйствіе тогда совершится, когда зналъ, что у насъ въ Москвѣ почти совсѣмъ никого не было изъ членовъ. Да и самъ Поджію говорить, что я жаловался на неблагопріятность обстоятельствъ; сія жалоба и та надежда явно одна другой противорѣчатъ. Вообще же предметовъ разговора, о коихъ упоминаетъ Поджію, касался я съ нимъ немного, главный же предметъ разговора былъ устройство арміи (показаніе 6 апрѣля, п. 16).

1826 года, апрѣля 13-го дня, въ присутствіи Высочайше учрежденнаго Комитета, по учрежденію въ показаніяхъ дана очная ставка подполковнику Поджію съ полковникомъ Пестелемъ (по содержанію предъидущихъ показаній).

На очной ставкѣ утвердили:

Подполковникъ Поджію, уличая полковника Пестеля, под-

твердилъ вышеприведенное свое показаніе безъ всякой отгѣны, исключая предполагаемую Пестелемъ поѣздку въ Петербургъ, о которой хорошо не упомянуть и потому утверждать за вѣрное не можетъ.

Полковникъ Пестель сознался, что съ подполковникомъ Поджіо дѣйствительно жертвы изъ Императорской фамилии считали, но притомъ отрицаетъ, что о порученіи Бяратинскому избрать 12 человекъ рѣшительныхъ для сего, ему, Поджіо, никогда не говорилъ потому, что и самаго порученія Бяратинскому никогда не дѣлалъ, ибо сего обстоятельства совершенно не помнить.

О назначеніи же разныхъ лицъ въ должности говорилъ.

Подполковники Сергѣй и Матвѣй Муравьевы и Поджіо и Бестужевъ-Рюминъ показываютъ, что вы, для исполненія преступнаго намѣренія (цареубійства), предполагали составить изъ нѣсколькихъ отважныхъ людей партію подъ названіемъ *Garde perdue* и поручить оную Лунину, извѣстному по его рѣшительности.

Я съ Поджіо никогда про Лунина не говорилъ и сего намѣренія въ отношеніи къ Лунину не имѣлъ и не могъ имѣть; ибо одно уже мѣстопробываніе Лунина дѣлало сіе невозможнымъ. Къ тому же не имѣлъ я съ самаго 1820 года никакого извѣстія о Луинѣ. А справедливо то, что Бестужевъ хотѣлъ такую партію составить для Бѣлоцерковскаго предположенія и у меня спрашивалъ въ 1824 году, не имѣются ли въ Тульчинѣ способные на то люди, на что я отозвался, что не ручаюсь, чтобы таковыя нашлись въ Тульчинской Управѣ. Сію партію называлъ онъ *Les Conspirateurs*. Потомъ говорилъ онъ, что Сергѣй Муравьевъ съ своимъ баталіономъ подкрѣпить сію партію.

Луинъ же въ началѣ общества, въ 1816 или 1817 году, предлагалъ съ таковою партіею съ масками на лицѣ совершить цареубійство на Царскосельской дорогѣ, когда время прійдетъ къ дѣйствию приступить, и вообще говорено было о таковой партіи не для всей Императорской фамилии, но для покойнаго Государя.

Намѣреніе извести Государя Императора, конечно, ведетъ къ составленію таковой партіи, но вышеназванные члены, перемѣшавъ все вышесказанное, возлагаютъ на меня всю вину сего предположенія, въ то время какъ о начатіи дѣйствія и о способѣ скорого приступа къ оному Васильковская Управа заботилась болѣе всѣхъ прочихъ, чему столь много доказательствъ и я не только не подстрекалъ ея, но напротивъ того неоднократно удерживалъ (показанія 6 апрѣля, п. 14).

Въ 14 (предыдущемъ) пунктѣ отвѣтовъ вы, отрицая показаніе одного подполковника Поджіо на счетъ составленія партіи „*Garde perdue*“,....и возражая именно противъ показанія одного подполковника, Поджіо, ни слова не говорите о прочихъ трехъ лицахъ, вмѣстѣ съ нимъ поимено-

ванныхъ въ 14 вопросѣ (Сергѣй и Матвѣй Муравьевы и Бестужевъ), которыя показывали то же, что и Поджіо.

Изъ лицъ сихъ утверждали: *Сергѣй Муравьевъ*, что на совѣщаніи въ Кіевѣ въ 1823 году, гдѣ разсуждаемо было о истребленіи всей Императорской фамилии, вы дѣйствительно говорили о средствѣ исполнить сіе предпріятіе составленіемъ отряда рѣшительныхъ людей подъ предводительствомъ одного члена и назвали тогда Лунина; *Бестужевъ-Рюминъ*,—что вы издавна были того мнѣнія, чтобы политическій переворотъ въ Россіи (для избѣжанія междоусобной войны) начать заговоромъ, приведеннымъ въ исполненіе шайкою отважныхъ людей, (внѣ общества состоящихъ), подъ названіемъ *garde perdue*; и Матвѣй *Муравьевъ*,—что, когда Лунинъ былъ въ чужихъ краяхъ, то вы, не спрашивая его согласія, дѣйствительно полагали составить *garde perdue* и поручить начальство надъ оною ему, Лунину, о чемъ слышалъ онъ отъ брата Сергѣя. Подполковникъ же *Поджіо*, кромѣ слышаннаго отъ васъ на счетъ составленія означенной партіи, свидѣтельствовалъ, что и Матвѣй Муравьевъ съ своей стороны учрежденіе сего отдѣльнаго заговора находилъ нужнымъ для отвращенія укоризны отъ имени общества.

По содержанію сего обвиненія, вы обязывались положительно отвѣтствовать: предпологали ли вы сами составить помянутую партію для предпріятія—противъ Императорской фамилии, какъ свидѣлствуютъ не одинъ Поджіо, а три лица въ совокупности, или нѣтъ?

Въ 1816 или въ 1817 году, въ какомъ именно мѣстѣ не помню, говорилъ Лунинъ во время разговора нашего объ обществѣ, при мнѣ и при Никитѣ Муравьевѣ о совершеніи цареубійства на Царскосельской дорогѣ съ партією въ маскахъ, когда время прійдетъ къ дѣйствию приступить. Было ли сіе предложеніе Лунина сообщено имъ, или Никитой Муравьевымъ кому еще другому, кромѣ меня, я по сущей истинѣ не знаю, но въ засѣданіяхъ самаго общества о семъ предположеніи Лунина при мнѣ говорено не было. Я же тогда мало обратилъ вниманія на сіе предположеніе, потому что слишкомъ еще отдаленнымъ считалъ время начатія революціи и необходимымъ находилъ приготовить напередъ планъ конституціи и даже написать большую часть уставовъ и постановленій, дабы съ открытіемъ революціи новый порядокъ могъ сейчасъ быть введенъ сполна, ибо я не имѣлъ еще тогда мысли о временномъ правленіи. Сіе мнѣніе мое побудило Лунина сказать съ насмѣшкою, что я предлагаю напередъ энциклопедію написать, а потомъ къ революціи приступить.

При семъ долгомъ считаю замѣтить, что Лунинъ и Никита Муравьевъ близкіе родственники, что Матвѣй Муравьевъ утверждаетъ слышанное имъ отъ его брата, а не прямо отъ меня и что Сергѣй Муравьевъ и Бестужевъ-Рюминъ составляютъ, такъ сказать, одного человѣка.

Я показалъ, что о составленіи партіи заговорщиковъ съ точностью говорено было противъ одного Государя Императора, потому что всѣ извѣстные мнѣ о томъ проекты суть: 1) Вышеупо-

мянутое, Лунинымъ сдѣланное. 2) Московской заговоръ ¹⁾. 3) Бѣлоцерковской планъ 1824 года и 4) Бѣлоцерковской планъ 1825 г. Всѣ сіи четыре предположенія касались до одного Государя Императора.

Я очень могъ упомянуть о Лунинѣ при разговорахъ съ Сергѣемъ Муравьевымъ во время контрактовъ 1823 года, и хотя то обстоятельство, что прочіе члены, бывшіе на контрактахъ 1823 г., ни слова не упоминаютъ о моемъ намѣреніи поручить Лунину такую партію, и наводитъ сомнѣніе, точно ли я говорилъ про Лунина, однако же я соглашаюсь, что я можетъ быть и говорилъ о немъ; но не въ томъ видѣ, чтобы я точное и положительное имѣлъ намѣреніе составить такую партію и вручить ее начальству Лунина, а въ томъ видѣ, что, говоря о таковой партіи, я Лунина могъ называть человѣкомъ способнымъ для управления ею, основывая сіе мнѣніе о Лунинѣ на предложеніи, имъ сдѣланномъ въ 1816 или 1817 году.

О необходимости таковой партіи было говорено, какъ на контрактахъ 1823 года, такъ и въ Каменкѣ у Давыдова, такъ и при обоихъ предложеніяхъ о Бѣлоцерковскомъ планѣ. Въ обоихъ первыхъ случаяхъ я говорилъ также и то, что ежели бы таковая партія была составлена изъ отважныхъ людей внѣ общества, то сіе бы еще полезнѣе было, и то, что раздѣлялъ при томъ дѣйствіе революціи на заговоръ и переворотъ или собственно революцію, о чемъ и прочіе члены разсуждали, находя нужнымъ учрежденіе сего заговора, отдѣльность коего отъ общества признавалась весьма полезною. Что же касается до разговора между Поджіо и Матвѣемъ Муравьевымъ, то ничего объ ономъ пояснить не могу, ибо никогда ихъ вмѣстѣ не видалъ.

Наконецъ всѣ вышеприведенныя сужденія о пользѣ и необходимости таковой партіи и о способности Лунина къ оной, выводимой изъ его предположенія 1816 или 1817 года, не доказываютъ, чтобы я имѣлъ намѣреніе самъ такую партію составить и ее Лунину вручить для дѣйствія, а показанія Муравьевыхъ и Бестужева доказываютъ, что они мнѣ вмѣняютъ сіи сужденія въ точное уже намѣреніе по онымъ къ дѣйствію и составленію партіи приступить, между тѣмъ, какъ я никакого не дѣлалъ приступа къ составленію таковой партіи; что между прочимъ можно также усмотрѣть изъ отвѣтовъ моихъ на 30 пунктъ вопросовъ отъ 1 апрѣля, гдѣ описываю Бѣлоцерковскій планъ (см. ниже).

Я наиболѣе всегда занятъ былъ обдуманіемъ моей конституціи, нежели самимъ приведеніемъ въ дѣйствіе революціи, хотя и объ ономъ при случаѣ также разсуждалъ (показанія 8 апрѣля, п. 3).

Отвергая показываемое подполковникомъ Поджіо порученіе князю Барятинскому набрать 12 человѣкъ надежнѣйшихъ, вы утверждаете,

¹⁾ 1817 года. См. Былое, мартъ, стр. 218.

что Бестужевъ-Рюминъ намѣревался составить партію подъ названіемъ „les conspirateurs“ и по словамъ его имѣлъ для оной (не 15), а 7 человекъ, готовыхъ, изъ общества славянъ, и что цѣлью сей партіи Бестужева было „Бѣлоцерковское преднамѣреніе“.

Но сами же говорите, что покушеніе противъ Государя при Бѣлой Церкви умышлялось въ лагерѣ 1824 года, а по дѣлу извѣстно, что славянское общество присоединилось къ Южному не прежде лагеря 1825-го при Лещинѣ, слѣдственно ни Сергѣй Муравьевъ, ни Бестужевъ, которымъ вы приписываете преимущественную дѣятельность въ заговорахъ, не могли въ 1824 году считать готовыми на преступнѣйшее покушеніе такихъ людей, о коихъ въ 1825 году узнали, что они существуютъ, а потому, если подлинно Бестужевъ вмѣстѣ съ Барятинскимъ имѣли отъ васъ порученіе набрать 12 человекъ надежнѣйшихъ, то назначеніе ихъ не могло относиться къ Бѣлоцерковскому умыслу.

Здѣсь такъ же требовался отъ васъ положительный отвѣтъ: поручили ли вы Барятинскому и Бестужеву избраніе помянутыхъ 12 человекъ или нѣтъ?

Комитетъ, ожидая на сіе объясненія болѣе опредѣлительнаго, нежели приведенное вами, предваряетъ васъ, что въ случаѣ дальнѣйшей неискренности испытаны будутъ и приведены въ дѣйствіе изысканныя улики.

О кн. Барятинскомъ я въ отвѣтахъ отъ 6 апрѣля объяснился вполне (см. выше, стр. 257). Касательно же Бестужева слѣдующее поясняю. Когда въ концѣ 1824 года сообщилъ онъ мнѣ о предположеніи Васильковской управы начать революцію въ 1825 году, тогда говорилъ онъ и о партіи заговорщиковъ, (какъ я о томъ въ отвѣтахъ на вопросы отъ 13 января и 1 апрѣля объяснял), но при томъ не сказывая, чтобы сія партія имъ уже составлена, а только говорилъ о намѣреніи ее составить. Въ 1825 году, во второй половинѣ говорилъ онъ уже, по составленіи сей партіи изъ 7 человекъ соединенныхъ славянъ. Но какъ та, такъ и другая партія имѣли объ цѣлю Бѣлоцерковское предположеніе и разица между ими состояла не въ ихъ предназначеніи, но въ томъ, что первая была только предполагаема и еще не составлена; между тѣмъ какъ вторая была и предполагаема и уже составляема. Вотъ почему, когда Комитетъ изволилъ у меня спрашивать, правда ли, что Бестужевъ мнѣ говорилъ о готовности 15 человекъ заговорщиковъ, я имѣлъ честь отвѣтствовать, что онъ говорилъ о готовности 7, а не 15 человекъ. О другихъ же партіяхъ, кромѣ здѣсь названныхъ, Бестужевъ со мною и не говорилъ и отъ меня порученій не получалъ, равно какъ и сіи не по моему порученію составлялъ, а для Бѣлоцерковскаго плана. Первому сему сказанію также можетъ служить доказательствомъ и весь планъ о началіи революціи въ 1826 году, по которому предполагалось изведеніе государя императора во время смотра, а все дѣйствіе въ столицѣ предоставлялось Сѣверному обществу на полное и совершенное

его усмотрѣніе. Мысль же о составленіи вышеименованныхъ партій могъ Бестужевъ почерпнуть изъ сужденій вышепомянутыхъ.

Въ окончаніе честь имѣю комитету доложить, что всѣ недостатки, имѣ замѣченные или впредь замѣченными быть могущіе, происходятъ единственно съ моей стороны или отъ недоумѣнія, или отъ запамятованія, но никогда не имѣютъ причиною неискренности, ибо я всѣми силами старался и стараюсь всевозможныя представить доказательства въ полной моей откровенности и безпрекословно готовъ сознаться во всемъ, что до меня дѣйствительно касается, какъ я все время чистосердечно и дѣлалъ, и нынѣ новое и сильнѣйшее въ томъ представляю доказательство (показанія 9 апрѣля, п. 4).

Въ лагерѣ 1826 года при Лещинѣ происходило нѣсколько совѣщаній въ которыхъ предполагалось начать возмутительныя дѣйствія арестованіемъ генераловъ Толя и Рота, а потомъ покусьтся на жизнь блаженной памяти Государя Императора въ Таганрогѣ и наконецъ, рѣшительно начать возмущеніе въ маѣ 1826 при смотрѣ корпусовъ, не откладывая онаго ни подъ какимъ видомъ, въ чемъ и дали другъ другу клятву.

Изъ показаній же Сергѣя Муравьева, Бестужева и князя Барятинскаго видно, что вамъ извѣстно было о сихъ совѣщаніяхъ и, какъ говорить изъ нихъ послѣдній, вы рѣшились съ Муравьевымъ непремѣнно открыть дѣйствія общества въ маѣ 1826 года.

Поясните: какія именно предполагались мѣры къ началію возмущенія по взаимному соглашенію вашему съ Муравьевымъ?

По окончаніи лагеря 3-го корпуса при Лещинѣ, пріѣзжалъ ко маѣ Бестужевъ-Рюминъ и сообщилъ мнѣ планъ Васильковской управы о началіи возмущенія во время смотра 1826 года. Сей планъ былъ *ими* сдѣланъ и мнѣ *сообщенъ*, а не по предварительному совѣщанію со мною изготовленъ. Сему служить доказательствомъ, что они другъ другу дали слово не откладывать онаго ни подъ какимъ видомъ, прежде нежели я имѣлъ свѣдѣніе о сихъ намѣреніяхъ и о происшедшемъ въ лагерѣ при Лещинѣ, и что когда они передъ лагеремъ имѣли намѣреніе сіе, то было оное на контрактахъ мною и прочими отвергнуто. Сіе обстоятельство можетъ также служить доказательствомъ и тому, что мое вліяніе не такъ было сильно и неограниченно, какъ членами показывается. Къ тому же долженъ я прибавить, что о семъ данномъ словѣ—не откладывать дѣйствія ни подъ какимъ видомъ—я теперь въ первый разъ слышу.

Сіе намѣреніе дѣйствовать въ маѣ 1826 года—есть то самое Бѣлоцерковское, неоднократно мною упоминаемое, предположеніе, о которомъ я еще показывалъ въ одномъ изъ первыхъ пунктовъ отвѣтовъ моихъ на вопросы 13 января ¹⁾, говоря, что Бѣлоцерковское предположеніе, отвергнутое на контрактахъ 1825 года, во второй половинѣ того же года возобновлено было, и описывая планъ

¹⁾ Былое, мартъ, стр. 215—216.

онаго. Главныя его черты были: изведение Государя Императора во время смотра и шествіе на Москву. Сіе принималъ 3 корпусъ на себя. Потомъ совмѣстно и современно: революція въ Петербургѣ чрезъ Сѣверное общество, коему предоставлялось назначеніе временнаго правленія и, наконецъ, составленіе лагеря при Киевѣ чрезъ остальную часть Южнаго общества.

Изъ сего плана изволить комитетъ усмотрѣть, что главное начальное революціонное дѣйствіе Васильковская Управа представляла себѣ чрезъ третій корпусъ, къ которому должны были присоединиться всѣ тѣ прочія войска 1 арміи, которыя къ революціи пристанутъ; что дѣйствіе, по революціонному значенію второе, а по устройству временнаго правленія—важнѣйшее, предоставлялось Петербургскому округу, а всѣмъ прочимъ членамъ и управамъ съ директорією Южнаго края предоставлялось дѣйствіе по 2 арміи и Херсонскимъ поселеніямъ для составленія при Киевѣ одного, такъ сказать, обсервационнаго пограничнаго и притомъ *бездѣйствующаго* корпуса

При семъ да будетъ мнѣ дозволено замѣтить, что ежели бы я имѣлъ ту жестокою склонность и ту отчаянную рѣшимость на кровопролитіе, которыя многіе члены въ своихъ показаніяхъ мнѣ приписываютъ, то вѣрно бы въ планѣ Васильковской управы получилъ другое какое нибудь назначеніе. Когда Бестужевъ-Рюминъ сообщилъ о семъ планѣ, то я ему отвѣтствовалъ то, что всегда говорилъ, то есть, что безъ Сѣвернаго округа дѣйствовать намъ нельзя; и потому надобно прежде окончательнаго рѣшенія знать положеніе Сѣвернаго округа. Ежели они могутъ произвести революцію съ успѣхомъ, то можно будетъ уже тогда приступить въ окончательному приуготовленію средствъ къ дѣйствию, и мы, по 2-й арміи, усиливъ тогда всевозможно приобрѣтеніе членовъ и умноженіе общества, будемъ содѣйствовать, сколько возможно. Но ежели въ Петербургѣ они еще не довольно сильны для произведенія революціи, то и намъ начинать нельзя.

Объявленіе Бестужева въ ихъ увѣренности въ Семеновскихъ солдатахъ, находящихся во всѣхъ почти полкахъ 3 корпуса, представляло силы и надежды Васильковской управы въ болѣе положительномъ видѣ, нежели въ прежнихъ случаяхъ бывало; но все таки нельзя было дѣйствовать безъ Сѣвернаго округа (показанія 6 апрѣля, п. 30).

Вы рассказывали полковнику Давыдову, что присутствовавшій въ совѣщаніяхъ въ лагерѣ при Лещинѣ полковникъ Артамонъ Муравьевъ присягнулъ на Евангеліи покуситься на жизнь блаженной памяти Государя Императора.

Поясните: кто вамъ сообщилъ свѣдѣніе о семъ?

Всѣ свѣденія, которыя я имѣю о Васильковской управѣ, а слѣдовательно и о Артамонѣ Муравьевѣ получилъ я отъ одного только Бестужева-Рюмина, точно также и сіе мнѣ рассказывалъ онъ. (тоже, п. 31).

Бестужевъ-Рюминъ, по порученію вашему сообщалъ князю Трубецкому, что вы на него полагаетесь, что онъ конечно въ Петербургѣ все приготовитъ, а вы начнете дѣйствія свои въ слѣдующемъ году (1826). къ чему побуждаютъ васъ изъ Петербурга князь Оболенскій, а изъ Москвы Нарышкинъ, которые къ Вамъ писали, что у нихъ дѣла идутъ хорошо и они ждутъ только возстанія вашего, чтобы оному содѣйствовать.

Объясните: когда именно и чрезъ кого вы получили означенныя письма отъ Оболенскаго и Нарышкина? въ какомъ точно видѣ они представляли вамъ состояніе Петербургскаго и Московскаго общества и что вы имъ на сіе отвѣтствовали?

Князь Оболенскій писалъ ко мнѣ только одинъ разъ чрезъ кн. Волконскаго въ концѣ 1824 года и объ этомъ письмѣ я имѣлъ честь объяснять комитету въ 18 пунктѣ сихъ отвѣтовъ ¹⁾. Я же къ нему ни разу не писалъ. Полковникъ Нарышкинъ никогда ко мнѣ не писалъ; а получилъ отъ него письмо Лореръ чрезъ почту. Про сіе письмо говорилъ мнѣ Лореръ, что онъ изъ нѣкоторыхъ словъ заключаетъ, что дѣла общества идутъ хорошо въ Москвѣ. Я спрашивалъ Бестужева, не имѣютъ ли они изъ Москвы какихъ нибудь извѣстій положительныхъ, изъ коихъ бы можно было заключить о словахъ письма Нарышкина къ Лореру.

Вотъ все. А Бестужевъ, повидимому, перетолковавъ сіи два письма своимъ манеромъ, вывелъ изъ нихъ то заключеніе, которое моимъ именемъ передалъ кн. Трубецкому. (тоже, п. 32).

Комитету извѣстно, что Южное общество, какъ и выше сказано. предполагавшее начать открытія свои дѣйствія въ 1826 году, по полученіи извѣстія о кончинѣ блаженной памяти государя императора вдругъ перемѣнило планъ свой, а именно, оно вознамѣрилось арестовать главную квартиру 2-й арміи, какъ скоро вступить туда въ караулъ Вятскій полкъ.

Вѣроятность сего предпріятія подтверждается тѣмъ: а) послѣ маневровъ 1824 года при Лорерѣ и Поджіо вы говорили Фохту и Майбордѣ: „Когда надобно будетъ арестовать главную квартиру, то уже вы, господа, съ своими ротами должны дѣйствовать потому, что болѣе другихъ стоите“. Майборода отвѣчалъ: „Постараемся;“ а Фохтъ возразилъ, что солдаты не пойдутъ противъ своихъ начальниковъ. Тогда вы продолжали: „Вы это лучше должны знать, какъ привязать къ себѣ солдатъ; вы имѣете всѣ къ тому способности“.

б) Давыдовъ и князь Волконскій свидѣтельствуютъ, что при неоднократныхъ разсужденіяхъ съ вами о началѣ возмущенія всегда признаваемо было необходимымъ арестованіе главной квартиры, а удобнѣйшимъ для того случаемъ признавалось то время, когда вступить туда въ караулъ Вятскій полкъ.

По словамъ тѣхъ же Волконскаго и Давыдова, вы, видѣвшись съ ними въ началѣ декабря 1825 года, говорили: *нервому*, что можетъ быть какое нибудь смятеніе, по случаю наслѣдія престола происшедшее, дастъ вамъ возможность начать дѣйствіе по вступленіи Вятскаго полка

¹⁾ См. Былое, мартъ, стр. 228.

въ караулъ съ 1-го января 1825-го, а *последнему*, что если Сергѣй Муравьевъ начнетъ (возмущеніе) съ успѣхомъ, то и вы рѣшитесь овладѣть главной квартирой, для чего и просили его, Давыдова, сказать Янтальцову, чтобы онъ, съ ротою своею, присоединился тамъ, куда отъ васъ назначено будетъ.

г) Квартирмейстерской части подпоручику Заикину, прїѣзжавшему къ вамъ съ извѣстіемъ о болѣани покойнаго государя, вы сказывали, что дѣйствія начнутся можетъ быть весною, или когда Вятскій полкъ вступить въ караулъ, а можетъ быть и далѣе, смотря по обстоятельствамъ.

Объясните чистосердечно: какія именно сдѣланы были распоряженія къ исполненію означеннаго предпріятія и кто по онимъ долженъ былъ дѣйствовать, кромѣ Янтальцова?

Намѣреніе арестовать главную квартиру не возникло въ видѣ перемѣны плана дѣйствія по полученіи извѣстія о кончинѣ Государя Императора, но всегда входило, яко подробность, въ общее предначертаніе революціи, гдѣ бы она и началась, въ Петербургѣ ли, или въ другомъ ли какомъ нибудь мѣстѣ. Удобнѣйшимъ случаемъ не могло въ общихъ сужденіяхъ признаваемо быть то именно время, когда Вятскій полкъ вступить въ караулъ: ибо никто не могъ напередъ знать, какой полкъ будетъ въ караулѣ находиться въ то время, когда надлежать будетъ дѣйствіе начать, и назначеніе времени къ началію дѣйствія никогда не подчинялось и не могло никогда подчиняться тому соображенію, какой полкъ будетъ въ караулѣ находиться.

Объ арестованіи главной квартиры рассуждалъ я въ 1824 году съ Фохтомъ и прочими, при чемъ Фохтъ сказалъ, что надѣется, что его рота за нимъ пойдетъ противъ всякаго начальника, исключая кн. Волконскаго, къ которому онъ старается при всякомъ случаѣ ротѣ своей привязанности вселить. При семъ еще говорилъ я, что не надо роты рѣшительно готовить къ тому, прежде какъ не задолго до самого дѣйствія; ибо неосторожно бы было поступать иначе, а до того времени достаточно привязывать солдатъ лично къ себѣ.

Въ началѣ декабря, когда видѣлся я съ кн. Волконскимъ и Давыдовымъ, тогда имѣли мы двѣ причины рассуждать о могущей послѣдовать необходимости къ скорому началію дѣйствія; во первыхъ, по случаю какого нибудь смятенія, а во вторыхъ, для собственной обороны, ежели дѣйствительно общество открыто будетъ и гдѣ нибудь дѣйствіе начнется; ибо мы продолжали опасаться открытія, особенно по словамъ Бошняка, который сообщилъ слышанное имъ отъ графа Витта, что правительству навѣстно Вѣлоцерковное предположеніе. Рассуждали мы также притомъ и о томъ, что ежели обстоятельства насъ не вынудятъ начать дѣйствія, то мы будемъ продолжать истинно удобнаго времени дожидаться, дабы не иначе начинать, какъ вмѣстѣ съ Петербургомъ и при объявленіи чрезъ сенатъ новаго правленія. На сей конецъ и сказалъ я имъ, что надо снестись съ

Сергѣемъ Муравьевымъ, дабы по случаю тогдашнихъ обстоятельствъ онъ не началъ бы неосторожно.

О дѣйствіи же Вятскаго полка было говорено не потому, что подчиняли начатіе дѣйствія прибытію полка, но потому, что ожидали въ январѣ развязки критическихъ тогдашнихъ нашихъ сомнѣній и недоумѣній и что Вятскому полку былъ назначенъ караулъ въ Тульчинѣ въ семь же мѣсяцѣ; ибо ежели бы обстоятельства насъ вынудили начать дѣйствія и мы бы успѣли начать, то надобно бы было уже дѣйствовать тѣми способами, коими бы овладѣть могли. На сей конецъ долженствовалъ Янтальцовъ быть о томъ извѣщенъ, кн. Волконскій—двинуться съ тѣми войсками, которыя онъ бы успѣлъ поднять, Давыдовъ—прістать къ хн. Волконскому или, ежели Бошнякъ не обманывалъ, броситься въ поселенія, а Тульчинскіе члены—прістать къ Вятскому полку. Сергѣй же Муравьевъ писалъ ко мнѣ чрезъ Крюкова, что ежели общество открыто, то далъ бы я ему знать о томъ и они сейчасъ дѣйствія начнутъ.

Вотъ въ какомъ смѣслѣ было разсуждаемо объ арестованіи главной квартиры и въ какомъ я о томъ же говорилъ и Заикину. Леманъ и прочіе члены дѣйствовали бы каждый въ своемъ кругу и по своей возможности. Пріѣхавъ назадъ въ Линцы отъ кн. Волконскаго не сталъ я однакоже никакихъ мѣръ принимать по полку для помянутой цѣли, а чрезъ два дня и получили мы повелѣніе присягать Цесаревичу (тоже, п. 36).

Въ собраніи Коренной Думы, происходившемъ въ 1820 году у полковника Шипова въ Преображенскихъ казармахъ, когда нѣкоторые изъ присутствовавшихъ изъявили опасенія свои на счетъ безначалія и безпорядковъ, могущихъ произойти при введеніи республиканскаго правленія, то вы возразили, что сіе могло отвратиться учрежденіемъ временнаго правленія, а потомъ вы уже слегка коснулись до необходимости царевубійства. Сія послѣдняя мысль возбудила сильный споръ между княземъ Долгоруковымъ, возстававшимъ противъ оной, и Никитою Муравьевымъ, поддерживавшимъ предложеніе Ваше, на чемъ и самое собраніе окончилось, но въ отвѣтахъ своихъ объ ономъ ничего не говорите. Поясните: какимъ образомъ сіе происходило?

У полковника Шипова происходило не собраніе Коренной Думы, но только съѣхались нѣкоторые члены для разговора объ обществѣ, не въ видѣ Думы, но какъ частные члены Союза. Насъ было очень мало и даже предсѣдатель Думы не находился при томъ. Я о семъ происшествіи не упоминалъ, потому что не въ засѣданіи Коренной Думы сіе происходило, о которой я въ томъ пунктѣ говорилъ, и что таковыхъ съѣздовъ очень часто и очень много бывало: ибо гдѣ только члены сойдутся безъ постороннихъ лицъ, то почти всегда имѣли общества единственнымъ предметомъ своихъ разговоровъ. Опасенія на счетъ безначалія и безпорядковъ, при революціи произойти могущихъ, изъяслялъ я всегда самъ, и говоря о необходимости временнаго правленія,

приводилъ въ подкрѣпленіе сей необходимости всѣ опасенія на счетъ безначалія и безпорядковъ: мнѣніемъ полагая, что надежнѣйшее и единственное средство къ отвращенію оныхъ состояло бы въ учрежденіи временнаго правленія.

Что же касается до необходимости царевубійства, то напрасно мнѣ приписываютъ первую мысль и первое предложеніе объ ономъ: ибо въ сей день не въ первый разъ говорено было объ ономъ, какъ то уже доказываетъ Московскій заговоръ 1817 года. Мы всѣ имѣли несчастье сію мысль раздѣлять долгое время прежде сего собранія и въ числѣ раздѣлявшихъ сію мысль былъ также и князь Долгоруковъ. Ежели онъ началъ въ семъ случаѣ спорить о семъ съ Муравьевымъ, то сіе доказываетъ, какъ я уже неоднократно говорилъ, что часто члены спорили противу тѣхъ мнѣній, кои передъ тѣмъ сами раздѣляли, и кои потомъ опять своими объявляли. Споръ же сей сдѣлался сильнымъ отъ личныхъ колкостей, замѣнившихъ настоящій предметъ разговора (тоже п. 6).

Штабъ-лѣкаръ Вольфъ сознается, что по возобновленіи общества въ Тульчинѣ однажды собрались у васъ Аврамовъ, Юшневскій, князь Барятинскій, Ивашевъ, Крюковы 1 и 2, Басаргинъ и онъ, Вольфъ; что вы имѣли всегда господствующею цѣлью введеніе республиканскаго правленія, требовали отъ нихъ рѣшительнаго согласія, какъ на введеніе въ Россіи республики, такъ и на упраздненіе Царствующаго дома посредствомъ военной силы; и что всѣ тутъ бывшіе имѣли несчастье на то согласиться. Справедливо ли сіе показаніе Вольфа?

Разговоръ о сихъ предметахъ могъ происходить между мною и сказанными лицами, но несправедливо, чтобы я тогда отъ нихъ требовалъ рѣшительнаго согласія на республиканское правленіе и на революціонное дѣйствіе посредствомъ военной силы, ибо: 1) республиканское правленіе было обществомъ за цѣль принято въ 1820-мъ еще году, и при возобновленіи или продолженіи союза было оное, яко цѣль общества, подтверждено; слѣдовательно, послѣ этого не имѣлъ я даже и надобности вновь ихъ согласія требовать: 2) революціонный способъ дѣйствія, во что бы то ни стало, составлялъ предположеніе, обществомъ принятое, какъ въ прежнемъ пунктѣ объяснено; слѣдовательно, на сіе также я не имѣлъ надобности ихъ согласія вновь требовать.

Въ семъ случаѣ Вольфъ напрасно утверждаетъ, что я такъ много прилагалъ старанія, чтобы его соблазнить. Ни одинъ членъ такъ не проповѣдывалъ кровопролитіе какъ Вольфъ: не показывая даже опасеній на счетъ междоусобной войны, и дѣлалъ сіе еще въ 1820-мъ году прежде разрушенія Союза. Сіе многіе подтвердятъ могутъ, между прочимъ, князь Барятинскій, который однажды самъ мнѣ это сдѣлалъ замѣчаніе. Слѣдовательно, кто такъ говорилъ въ 1820 году, тотъ не долженъ былъ утверждать, что имѣлъ несчастье на то согласиться въ 1821 году. Что же до революціи и республики касается, то я и прежде сознавался съ полною

откровенностью, что сіи два предмета входили въ мой образъ сужденія (тоже, п. 10).

Отставной подполковникъ *Матвій Муравьевъ-Апостолъ* показываетъ:

а) что предполагаемое истребленіе всей Императорской фамилии вы считали удобнѣе произвести отдѣльнымъ заговоромъ внѣ общества, и сіе-то самое подало вамъ мысль составить особую партію подъ названіемъ „une cohorte perdue“ и поручить ее Лунину, исполненіе коей вы называли первымъ дѣйствіемъ революціи;

б) что послѣ сего перваго дѣйствія революціи вы предполагали собрать Синодъ и Сенатъ и заставить ихъ силою, если нужно будетъ, издать два манифеста, *первый* отъ Синода, всему русскому народу пріять временному правительству, которое должны были составить директора общества, и *второй* манифестъ отъ Сената долженъ былъ дать понятіе народу, что временное правленіе обязывалось вводить (un cadre en grand de la constitution), дабы отвести подозрѣніе, что директора хотятъ себѣ присвоить власть. Во все время существованія временнаго правленія общество должно было производить свое дѣйствіе тайнымъ образомъ, чтобы создать общее политическое мнѣніе на счетъ новаго порядка вещей;

в) что въ сію же бытность вашу въ Петербургѣ онъ, Муравьевъ, по разнесшимся слухамъ о пріѣздѣ генерала Эртеля въ Кіевъ, полагая, что братъ его Сергѣй (отъ коего долго не получалъ писемъ), захваченъ, какъ членъ тайнаго общества, предпринялъ было намѣреніе покуситься на жизнь Государя Императора, и когда сообщилъ вамъ объ ономъ, то вы, одобривъ его, сказали ему, Муравьеву: „Вы хорошо понимаете дѣло“, и притомъ спросили: „Думаете ли вы, что намѣреніе покуситься на жизнь одного государя достаточно?“ на что отвѣчалъ онъ, что хочетъ только спасти брата;

г) что видя несогласіе всѣхъ сѣверныхъ членовъ на предложенное вами временное правленіе и на соединеніе сѣвернаго и южнаго общества, вы, ударивъ по столу рукою, сказали: „*Такъ будетъ же республика*“, но и за сіи никто не согласился и даже князь Оболенскій присталъ къ общему мнѣнію сочленовъ своихъ. Тогда вы сказали имъ: „Такъ сѣверное и южное общество отдѣльны. Всѣ свѣдѣнія, какія вы будете желать отъ южнаго общества, оно вамъ доставитъ, надѣясь, что и вы съ своей стороны тоже сдѣлаете. Вотъ, Матвѣй Муравьевъ здѣсь остается и вы можете адресоваться, въ чемъ будетъ нужда“;

д) что въ сіе время вы совѣтовали ему, Муравьеву, составить въ Петербургѣ общество, отдѣльное отъ сѣвернаго такъ, чтобы сіе послѣднее того не знало;

е) что когда онъ, Муравьевъ, изъ Петербурга переѣхалъ жить въ деревню, то вы, будучи сіи огорчены, хотѣли составить подписку, чтобы дать ему средства жить въ Петербургѣ по видамъ общества;

ж) что во время той же бытности въ Петербургѣ, квартируя въ Демутовомъ трактирѣ, вы объяснили полковнику Швейковскому, здѣсь тогда находившемуся, весь ходъ предположеній и дѣйствій южнаго общества, чему Швейковскій весьма обрадовался;

а) что князь Барятинскій, прїѣзжавшій въ Петербургъ въ 1828 году, имѣлъ порученіе сказать сѣвернымъ членамъ о республиканскомъ правленіи и покушеніи на жизнь государя, какъ о предположеніяхъ южнаго общества;

и) что когда онъ, Матвѣй Муравьевъ, согласился на предпріятыя вами временное правленіе и истребленіе всей Императорской фамиліи, то вы именно сказали ему: „Votre frère est trop pur“, относя слова сіи къ сопротивленію брата его Сергѣя.

а) Первое показаніе подполковника Матвѣя Муравьева въ сущности справедливо, то есть что первымъ дѣйствіемъ предполагался заговоръ, что удобнѣе оный исполнить особымъ составомъ членовъ внѣ общества. Какое же давалъ я названіе сему особому заговору, не могу утвердить. Ежели я самъ ему о Луинѣ говорилъ, чего впрочемъ не утверждаю и не отвергаю, то въ томъ смыслѣ, какъ и брату его, основывая способность Лунина къ сему, преимущественно на мысли Лунина о покушеніи противъ государя въ маскахъ.

б) Второе его показаніе въ сущности также справедливо, то есть сказанное имъ объ обоихъ манифестахъ и о продолженіи тайнаго общества. Русская Правда предполагалась быть тѣмъ прибавленіемъ къ манифесту сената, которое онъ называетъ *un cadre en grand de la constitution*. На счетъ же назначенія директоровъ членами временнаго правленія прибавляю, что я положительнаго мнѣнія о семъ выборѣ не имѣлъ и точнаго предположенія не дѣлалъ, а готовъ былъ съ своей стороны согласиться на то, что прочіе пожелаютъ. Дѣлая же различныя предположенія, могъ говорить и то, что онъ показываетъ.

в) Когда подполковникъ Муравьевъ опасался, что братъ его захваченъ, тогда говорилъ онъ мнѣ не о покушеніи на жизнь государя одного, но о рѣшимости его начать съ своей стороны революцію, объясняя, что ежели и братъ его захваченъ, то и все общество откроется. Желаніе спасти брата было конечно побудительною причиною, но дѣйствіе противъ всей императорской фамиліи входило въ его сужденія, прежде еще начатія его опасенія на счетъ брата. Вотъ по моимъ понятіямъ сущность дѣла, о точныхъ же словахъ не могу ничего сказать, ибо не могу всего вспомнить. Я съ нимъ соглашался, что ежели братъ его захваченъ, то конечно нечего уже ожидать.

г) На собраніи, о коемъ упоминаетъ Муравьевъ, ничего рѣшено не было, какъ я и прежде уже имѣлъ честь объяснить. Противъ временнаго правленія говорили Никита Муравьевъ и кн. Трубецкой, какъ мною также уже показано прежде. Кн. Оболенскій ничего рѣшительнаго не говорилъ. Муравьевъ спорилъ весьма сильно въ пользу временнаго правленія. Князь Оболенскій во всѣхъ другія случаяхъ соглашался со мною и съ Муравьевымъ на счетъ временнаго правленія и почти всѣхъ пунктовъ моихъ конституціонныхъ предположеній. О точныхъ моихъ словахъ, когда ударилъ рукою по столу, не могу припомнить и

потому о семь обстоятельствъ ничего не отвергаю и ничего не утверждаю. Помню также, что кн. Трубецкой сказалъ, но когда и гдѣ не помню, что при нашихъ разсужденіяхъ не надо считать два общества, а полагать ихъ однимъ.

Огорчаясь, что мы не могли дойти до полного согласія съ сѣверными директорами въ тотъ вечеръ, я могъ говорить въ томъ смыслѣ, какъ упоминаетъ Муравьевъ, и сколько припоминаю себѣ, то въ томъ именно смыслѣ и говорилъ. Но въ слѣдующихъ свиданіяхъ, бывшихъ между мною и тѣми директорами, особенно съ кн. Трубецкимъ и кн. Оболенскимъ, постановили мы дѣйствовать за одно, другъ другу во всемъ вспомошествова, и принимать взаимно пріѣзжающихъ членовъ, какъ членовъ одного общества. Такимъ смысломъ и образомъ былъ ко мнѣ Лореръ адресованъ и дѣйствовалъ князь Трубецкой по пріѣздѣ въ Кіевъ и писалъ ко мнѣ кн. Оболенскій то письмо, о коемъ упомянуто въ прежнихъ показаніяхъ (см. выше).

д) Муравьевъ долженствовалъ составлять въ Петербургѣ управу изъ членовъ въ духѣ южнаго общества и всѣ мѣры къ тому предоставлялись его усмотрѣнію. Онъ же самъ мнѣ говорилъ, что намѣренъ онъ главныя свои сношенія имѣть съ кн. Оболенскимъ, а менѣе всего съ Никитою Муравьевымъ, и членовъ, коихъ онъ приметъ, не вводитъ въ сношенія съ противниками республиканскаго правленія, для избѣжанія новыхъ несогласій. Вотъ сущность дѣла. Я находилъ сіе весьма основательнымъ и совѣтовалъ ему сего предположенія держаться.

е) О сей подпискѣ въ пользу Муравьева говорилъ я по возвращеніи моемъ изъ Петербурга прежде переѣзда Муравьева въ деревню, въ то время, какъ оставилъ его въ столицѣ въ самомъ ревностнѣйшемъ расположеніи духа, въ каковомъ и при пріѣздѣ моемъ его уже засталъ.

ж) Показаніе на счетъ полковника Швейковскаго справедливо.

з) Князь Барятинскій имѣлъ порученіе видѣться съ Никитою Муравьевымъ и Матвѣемъ Муравьевъ-Апостоломъ и говорить первому о всѣхъ предположеніяхъ южнаго общества, но главнѣйше побудить Н. Муравьева къ дѣятельности. О предположеніяхъ южнаго общества былъ Никита Муравьевъ и прежде извѣщенъ: кн. Барятинскій нашелъ тогда въ Матвѣѣ Муравьевѣ сильное подкрѣпленіе и большое въ немъ негодованіе на недѣятельность Никиты Муравьева, на которую и Поджіо много кн. Барятинскому жаловался.

и) Весьма естественно, что братъ хочетъ говорить въ пользу брата. Но Сергѣй Муравьевъ въ деревнѣ Давыдова въ 1823 году (слѣдовательно прежде моего пріѣзда въ Петербургъ) по собственнымъ своимъ признаніямъ принялъ мнѣніе о дѣйствіи противъ всей императорской фамиліи, и потому не могъ я его считать въ 1824 году сопротивляющимся сему сужденію. Какими же словами я отзывался о прежнемъ его, Сергѣя, сопроти-

вленіи, того не могу пояснить и нельзя припомнить въ точности всѣхъ словъ, когда либо говоренныхъ, тѣмъ болѣе, что въ семъ случаѣ, полагаю я, не въ нихъ состоитъ сущность дѣла (Показанія 15 апрѣля, п. 2).

Подпоручикъ Бестужевъ-Рюминъ показываетъ между прочимъ:

1) Что Государственный завѣтъ, данный имъ, Бестужевымъ, Славянскому обществу, былъ составленъ вами изъ Русской Правды.

2) Что когда онъ, Бестужевъ, объяснилъ вамъ о предпріятіи своемъ овладѣть священной особою Государя въ Бобруйскѣ, то вы доказали ему, что сего недостаточно, и что смерть Государя необходима. Убѣжденія ваши по сему предмету были причиною, что Сергій Муравьевъ и онъ, Бестужевъ, на совѣщаніи въ Каменкѣ у Давыдова дали свое согласіе на покушеніе противъ жизни Его Величества.

3) Что о истребленіи Цесаревича онъ, Бестужевъ, писалъ къ Гродецкому по убѣжденію же вашему въ присутствіи Швейковскаго, что одно задержаніе Цесаревича въ Польшѣ надостаточно, и что поляки могутъ воспользоваться слабостію Южнаго общества и возвести Его Высочество на Россійскій престолъ и изъ признательности за то получить свою независимость.

4) Что вы при первомъ свиданіи съ нимъ, Бестужевымъ, объявили, что смерть, или пуля въ лобъ тому члену, который измѣнитъ обществу.

5) Что полученную имъ, Бестужевымъ, отъ Горбачевскаго бумагу о неисправности артиллерійскихъ снарядовъ онъ отослалъ къ вамъ въ копіи.

Противъ всѣхъ вышеприведенныхъ показаній имѣете дать нынѣ же ясныя и совершенно положительныя отвѣты.

1. Я не знаю, какой Государственный завѣтъ данъ былъ отъ Бестужева-Рюмина славянскому обществу; но точно помню, что надъ моею диктовкою писалъ Бестужевъ извлеченіе краткое изъ Русской Правды.

2. Бестужевъ на контрактахъ 1823 года, по собственнымъ своимъ показаніямъ, упомянутымъ въ вопросахъ, прежде мнѣ сдѣланныхъ, одобрялъ покушеніе противъ Государя Императора, слѣдовательно не послѣ Бобруйска началъ онъ сіе мнѣніе раздѣлять. Опровергая предположеніе ихъ о дѣйствиіи при Бобруйскѣ, находилъ я тысячу причинъ, доказывавшихъ невозможность ожидать успѣха отъ сего предпріятія. При чемъ вопрошалъ его, что они сдѣлали бы, ежели приставленные часовые не исполнили бы возложеннаго на нихъ? ибо говорилъ, солдатъ, поставленный, никогда не задержалъ бы Государя Императора. На сіе онъ мнѣ отвѣтствовалъ, что они бы тогда покусились на его жизнь. Слѣдовательно, сіе дѣйствіе и оказалось бы во всякомъ случаѣ неизбѣжнымъ. Какія же внутреннія имѣлъ побужденія Сергій Муравьевъ и Бестужевъ объявить въ Каменкѣ о мнѣніи дѣйствовать противъ Его Величества, сего я знать не могу, но достоверно, что они сіе мнѣніе объявили. А приписывать они сіи побужденія могутъ, конечно, чему хотятъ. Помню также, что не

я одинъ опровергалъ ихъ Бобруйскія предположенія, но равнымъ образомъ Давыдовъ и кн. Волконскій.

3. Я никогда Бестужева не убѣждалъ писать письмо къ Гродецкому, доказательствомъ чему служить уничтоженіе директоріею сего письма, по доставленіи онаго чрезъ кн. Волконскаго.— Сужденіе же, о коемъ при семъ случаѣ упоминаетъ Бестужевъ, я не отрицаю: оно входитъ въ полной мѣрѣ во всѣ сужденія, бывшія о покушеніи противъ Императорской фамилии.— Замѣчу при семъ, однако же, что когда я имѣлъ сношеніе съ кн. Яблоновскимъ, то не съ таковою ясностію о семъ предметѣ было изъяснено, но сказано: поступить съ нимъ, какъ мы съ прочими великими князьями.— Сужденій о дѣйствіи противъ Императорской фамилии было очень много, и ежели бы я имѣлъ такую же память, какъ обвиняющіе меня, то могъ бы много случаевъ показать, въ коихъ прочіе рѣшительнѣе моего говорили и съ разными приговорами.

4. Я не помню, чтобы дѣлалъ Бестужеву сего объявленія, и потому что достовѣрно не помню, то сего не отрицаю; но думаю, что сего не дѣлалъ.

5. Сія бумага была у меня такъ короткое время, что не помню, въ копіи ли, или въ оригиналѣ ли онъ ее ко мнѣ прислалъ, но кажется, что была точно въ копіи. Впрочемъ, такъ какъ сіи бумаги найдены комитетомъ вмѣстѣ съ начатою Русскою Правдою, то и можетъ обстоятельство сіе доказаться само собою. Я же съ своей стороны имѣю честь докладывать, что она, сколько только припомнить могу, была въ копіи и собственною Бестужева рукою написана (Тоже, п. 3).

Поручикъ Крюковъ 2-й показываетъ:

1) Что въ 1825 году на маневрахъ въ мѣст. Жарницахъ вы сказывали ему, что все готово къ началю возмутительныхъ дѣйствій, и просили его увѣдомить членовъ Тульчинской управы, служащихъ по квартирмейстерской части, дабы они заготовили армейскіе мундиры.

2) Что по кончинѣ блаженной памяти Государя Императора вы извѣстили Тульчинскую управу, что возмутительныя дѣйствія начнутся со вступленіемъ Вятскаго полка въ главную квартиру 1-го января 1826 года, и что прежде еще сего чрезъ Заикина вы извѣстили Управу, чтобы при началіи возмутительныхъ дѣйствій не выпускать изъ главной квартиры главнокомандующаго и начальника штаба, во что бы то ни стало.

3) Что онъ, Крюковъ, привезъ къ вамъ изъ Василькова отъ Муравьевыхъ три письма и двѣ бумаги, изъ коихъ въ одной извѣщалось о принятіи новыхъ членовъ и духъ солдатъ, а въ другой совѣтовалось подать начальнику мнѣніе объ исправленіи артиллерійскихъ снарядовъ; письма, коихъ часть прочли вы тогда вслухъ при немъ и при майорѣ Лорерѣ, заключали въ себѣ почти все то же, что онъ пересказалъ изустно.

4) Изъ мѣст. Линець возвратился онъ въ Тульчинъ съ духовымъ

ружьемъ, полученнымъ имъ отъ васъ, которое намѣревался употребить, въ случаѣ нужды при открытіи возмутительныхъ дѣйствій.

Объясните съ полною откровенностію, справедливо ли сіе показаніе его, Крюкова 2-го, присовокупивъ къ тому:

1) Точно ли вы просили его увѣдомить Тульчинскихъ членовъ, служащихъ по квартирмейстерской части, чтобы они заготовили армейскіе мундиры и для чего именно?

2) Дѣйствительно ли поручено было отъ васъ Тульчинскимъ членамъ при началіи возмутительныхъ дѣйствій не выпускать изъ главной квартиры главнокомандующаго и начальника штаба, во что бы то ни стало, и какія сверхъ того къ приведенію сего въ исполненіе съ вашей стороны сдѣланы были распоряженія? и

3) точно ли дали вы Крюкову 2-му духовое ружье и для какого именно употребленія?

Въ прежнихъ моихъ показаніяхъ, и въ особенности въ отвѣтахъ на вопросы отъ 1-го или 8-го апрѣля имѣлъ я честь комитету доносить, что въ 1824 году, Васильковская Управа требовала отъ насъ присылки, для началія возмутительныхъ дѣйствій въ 1825 году, какъ тогда она предполагала, нѣсколькихъ офицеровъ, которые бы, надѣвъ армейскіе полковые мундиры, стали бы во фронтъ. Полковые командиры долженствовали наканунѣ отдать въ своихъ полковыхъ приказахъ, что такіе-то переведены въ полки и прибыли на лицо. Сей проектъ былъ данъ полковникомъ Швейковскимъ. Въ планѣ 1825 года не было о семъ болѣе говорено. — О семъ требованіи Васильковской Управы говорилъ я Крюкову 2-му на маневрахъ 1824-го а не 1825-го года, но притомъ не просилъ его, чтобы они уже заготовляли армейскихъ мундировъ, а говорилъ только о семъ проектѣ, спрашивая его, будетъ ли онъ и товарищи его на то согласны, ежели бы обстоятельства того потребовали. Онъ сказалъ, что готовъ сіе сдѣлать и полагаетъ тоже о прочихъ. О семъ предметѣ говорилъ я весьма слегка, а послѣ того, какъ сей планъ о дѣйствіи въ 1825 году былъ на Кіевскихъ контрактахъ отвергнутъ, то и не было болѣе о семъ предметѣ говорено.

Показаніе Крюкова 2-го о началіи возмутительныхъ дѣйствій въ 1826 году по полученіи извѣстія о кончинѣ блаженной памяти Государа Императора, есть тотъ самый предметъ, о которомъ я имѣлъ честь комитету доносить въ отвѣтахъ на вопросы отъ 1-го апрѣля, касательно предположенія арестовать главную квартиру. Опасеніе, что общество наше правительствомъ открыто, и возможность, что по случаю кончины Государа Императора окажутся гдѣ нибудь смятенія, заставляли разсуждать о могущей встрѣтиться необходимости для насъ начать также съ своей стороны возмутительныя дѣйствія. Въ семъ смыслѣ говорилъ я въ Умані съ княземъ Волконскимъ и съ Давыдовымъ, а въ Липцахъ съ Крюковымъ 2-мъ и съ Заикинымъ. Объ арестованіи же главнокомандующаго и начальника Главнаго Штаба, дабы они

не собрали противнаго войска или о невыпускѣ ихъ изъ Тульчина для той же пѣли дѣйствительно я говорилъ тому и другому, какъ Крюковъ показываетъ, но прибавлю къ сему, что сіе намѣреніе было не рѣшительное предположеніе непременно дѣйствіе начать, но было предложеніе условное: ежели обстоятельства, какъ выше сказано, насъ къ началю возмущенія вынудятъ. Сверхъ сего на таковой случай не было сдѣлано мною никакихъ распоряженій, кромѣ того, что сказано въ отвѣтахъ на вопросы отъ 1 апрѣля о свиданіи моемъ съ княземъ Волконскимъ и Давыдовымъ. По полку же не было мною никакихъ мѣръ предпринято, и въ скорости получили приказаніе присягать Цесаревичу.

О письмахъ, приведенныхъ Крюковымъ 2-мъ изъ Василькова и о двухъ при нихъ бумагахъ имѣлъ я честь комитету донести, также въ отвѣтахъ на вопросы отъ 1-го апрѣля. Одно письмо было отъ Бестужева-Рюмина, другое отъ Сергѣя Муравьева, а третье отъ Матвѣя Муравьева. Они всѣ трое писали отвѣтъ на сообщенное чрезъ Крюкова опасеніе объ открытіи общества и изъясняли, что готовы дѣйствія начать, если общество открыто. Бестужевъ сверхъ того писалъ, что будетъ ко мнѣ передъ контрастами. Сергѣй Муравьевъ писалъ, что имъ только двѣ недѣли нужны, дабы значительныя силы собрать. Матвѣй Муравьевъ въ томъ же смыслѣ отзывался. Крюковъ говорилъ, что ежели судить по словамъ Бестужева и Муравьевыхъ, то они должны быть очень сильны. То, что я вслухъ не читалъ, содержало одни обыкновенныя привѣтствія и изъясненія въ дружбѣ. Обѣ приложенныя бумаги были доставлены къ Бестужеву двумя артиллерійскими офицерами изъ числа соединенныхъ славянъ, коихъ имена я по истинѣ не знаю. О нихъ въ сказанныхъ, прежнихъ отвѣтахъ также мною объяснено.

Духовое ружье было мною дано Крюкову по его желанію, для употребленія оного по обстоятельствамъ, а сверхъ того и на счетъ слѣдующаго случая. Ежели бы дѣйствительно мы нашлись въ готовности и въ необходимости начать возмутительныя дѣйствія, то я полагалъ нужнымъ освободить изъ подъ ареста маіора Раевского, находившагося тогда въ Тирасполѣ, въ корпусной квартирѣ генерала Сабанѣева. Сіе освобожденіе зависѣло бы отъ обстоятельствъ на счетъ приведенія оного въ дѣйствіе и въ случаѣ какойнибудь надобности скрыть оружіе, предполагалось оно къ употребленію, точнаго же и опредѣлительнаго назначенія ему не дѣлалось. Мнѣ сіе духовое ружье привезъ по моему желанію Майборода изъ Тулы.

Къ сему прошу позволеніе прибавить, что когда отъ разговора съ другими членами,—какъ то и въ семь случаевъ съ Крюковымъ особенно послѣ возвращенія его изъ Василькова,—мнѣ живо представлялась опасность наша и необходимость дѣйствовать, тогда воспламеняясь и оказывалъ я готовность при необходимости обстоятельствъ начать возмущеніе и въ семь смыслѣ говорилъ. Но послѣ того, обдумывая хладнокровнѣе, рѣшался я

лучше собою жертвовать, нежели междуусобіе начать, какъ то и сдѣлать, когда въ главную квартиру вызванъ былъ. А посему я не предпринималъ никакихъ дѣйствій къ приготовленію по полку. Сіе есть совершеннѣйшая истина (Показанія 20 апрѣля).

Н. П. Сильванскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Каракозовскій процессъ.

(Нѣкоторыя свѣдѣнія и воспоминанія)

Въ ряду политическихъ процессовъ, производившихся съ 1860 годовъ въ различныхъ русскихъ судахъ, несомнѣнно «Каракозовскій»—одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ во всѣхъ отношеніяхъ, какъ по существу, такъ и по обстановкѣ.

Покушеніе Каракозова совершено было 4-го апрѣля 1866 г., а того же 17 апрѣля 1866 г. вводились въ дѣйствіе только что передъ тѣмъ утвержденные новые судебные уставы, на основаніи коихъ и былъ утвержденъ для этого дѣла въ первый разъ Верховный уголовный судъ (см. 1030, 1062 и слѣд. Уст. Угол. Судопр.) Хотя позднѣе, въ 1870 и 1880 годахъ, обнаруживались «въ равныхъ краяхъ государства заговоры противъ верховной власти и т. д.», о чемъ говорится въ 1030 ст. Устава Уг. Судопр., но такихъ Верховныхъ уголовныхъ судовъ учреждаемо не было ¹⁾, и заговоры противъ особы Императора судились не Верховнымъ судомъ, а особыми Присутствіями Правительствующаго сената.

На этотъ разъ предсѣдателемъ Верховнаго суда былъ вице-предсѣдатель Государственнаго Совѣта князь Павелъ Павловичъ Гагаринъ ²⁾, подъ предсѣдательствомъ котораго разсматривались какъ разъ передъ тѣмъ въ Государственномъ Совѣтѣ и Судебные Уставы, только что утвержденные. Членами Верховнаго суда состояли а) предсѣдатели департаментовъ Государственнаго Совѣта: Е. В. Принцъ П. Г. Ольденбургскій, графъ В. Н. Панинъ и адмиралъ Метлиевъ и б) два первоприсутствующіе въ кассационныхъ Департам. Сената Сенаторы М. М. Карніолинъ - Пинскій и А. Д. Башуцкій; обвинителемъ, прокуроромъ, былъ министръ юстиціи Д. Н. Замятнинъ; секретаремъ суда Я. Г. Есиповичъ (впослѣдствіе сенаторъ). Привлечено къ обвиненію было тридцать шесть лицъ, но они были разбиты на двѣ группы.

Въ *первой* обвиняемыми были: 1) Дмитрій Владиміровичъ

¹⁾ Былъ еще одинъ такой же Верховный Судъ по дѣлу Соловьева въ 1880 г.

²⁾ Предсѣдателемъ Госуд. Совѣта былъ въ то время Великій князь Константинъ Николаевичъ, братъ Императора, поэтому не могши предсѣдательствовать въ Верховномъ судѣ.

Каракозовъ. 2) Николай Андреевичъ Ишутинъ. 3) Петръ Дмитріевичъ Ермоловъ. 4) Николай Павловичъ Странденъ. 5) Дмитрій Алексѣевичъ Юрасовъ; 6) Максимилианъ Николаевичъ Загибаловъ. 7) Осипъ Антоновичъ Мотковъ. 8) Вячеславъ Николаевичъ Шагановъ. 9) Иванъ Александровичъ Худяковъ. 10) Александръ Александровичъ Кобылинъ и 11) Петръ Фѣдоровичъ Николаевъ.

Верховный судъ по этой группѣ открылся 18 августа 1866 г. въ 12 ч. 55 мин. дня и продолжался до 23 августа.

Затѣмъ во вторую группу были включены 25 человекъ.

Предлагая Верховному суду 18 августа 1866 г. одиннадцать обвинительныхъ актовъ о *первыхъ* 11 обвиняемыхъ, министр юстиціи внесъ двадцать пять отдѣльныхъ обвинительныхъ актовъ объ этихъ 25 обвиняемыхъ и особую записку, въ которой изложилъ весь ходъ дѣла. Той записки, которая приложена къ первымъ 11 обвинительнымъ актамъ у меня не сохранилось, но о ходѣ перваго процесса (т. е. объ первыхъ 11 подсудимыхъ) остались у меня карандашныя замѣтки и копии съ нѣкоторыхъ частей стенографическаго отчета (стенографомъ былъ носившій еще уланскій мундиръ, кажется штабсъ-ротмистръ или поручикъ, Владиміръ Александровичъ Соболевскій), выписки изъ нѣсколькихъ томовъ слѣдственнаго производства, копии съ нѣкоторыхъ документовъ. На основаніи этого матеріала я и постараюсь изложить то, что мнѣ представлялось самымъ существеннымъ въ этомъ процессѣ. Къ сожалѣнію, у меня не было и не сохранилось обвинительнаго акта о самомъ Каракозовѣ, но изъ показаній свидѣтелей и многихъ выписокъ изъ дѣла и документовъ получается довольно опредѣленное представленіе о немъ. ¹⁾

Изъ обвинительныхъ актовъ, записки министра юстиціи, показаній подсудимыхъ и свидѣтелей оказывается, что въ 1860 годахъ, вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ, а по всѣмъ вѣроятіямъ и ранѣе того, вѣроятно въ *одно время* съ движеніемъ въ пользу освобожденія вслѣдъ за Крымскою войною,—возникло въ обществѣ то движеніе, которое выразилось чрезвычайно разнообразно среди учащейся и всякой другой молодежи: въ устройствѣ кружковъ для взаимной помощи и поддержанія другъ друга по доставленію средствъ для образованія, въ складчинахъ для устройства библіотекъ, частныхъ курсовъ, школъ, чтеній въ частныхъ домахъ, въ распространеніи образованія и въ низшихъ классахъ, устройствѣ типографій, печатаніи брошюръ, книгъ, распространеніи ихъ въ народѣ. Отъ всѣхъ этихъ начинаній естественный пере-

¹⁾ До сихъ поръ мнѣ не случалось встрѣчать ни въ какомъ, ни заграничномъ, ни тѣмъ болѣе отечественномъ, изданіи какихъ-либо данныхъ о Каракозовскомъ процессѣ; мнѣ известна лишь небольшая статья въ книгѣ „За сто лѣтъ“, сборникъ Вл. Бурцева, изданномъ въ 1897 г. въ Лондонѣ; нѣкоторыя свѣдѣнія въ первомъ томѣ, изданныхъ подъ редакціей Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго) „Государственные преступленія въ Россіи въ XIX вѣкѣ“. СПб., 1906 г. Здѣсь, между прочимъ, помѣщены и приговоры Верховнаго уголовного суда по этому дѣлу. Наконецъ недавно мнѣ удалось познакомиться съ брошюрой „Вѣдмій терроръ или выстрѣлъ 4 апрѣля 1866 г.“ Лейпцигъ: Э. Д. Каспровичъ.

ходъ къ сближенію съ народомъ путемъ совмѣстной съ нимъ жизни, а отсюда—поселенія въ деревнѣ, устройство тамъ школъ, кузницъ, всякаго рода ремесленныхъ заведеній и т. п. на общія средства, на началахъ ассоціаціи. Однимъ словомъ, проявилось въ болѣе или менѣе крупныхъ размѣрахъ то движеніе, которое въ слѣдующія десятилѣтія вылилось и въ хожденіе въ народъ и проч.

Въ кружкахъ молодежи, разумѣется, шли толки о томъ, что ее болѣе всего занимало и волновало: сначала вопросы школьные, экономическіе, социальныя, къ нимъ примѣшивались и необходимо затрагивались и политическіе.

И вотъ въ кружку товарищей, состоявшему сначала изъ 4—5 человекъ (Ишутинъ, Караковъ, Ермоловъ, Странденъ, Юрасовъ), учившихся или учащихся въ гимназіяхъ или университетахъ, сельско-хозяйственныхъ школахъ, присоединились помаленьку другіе товарищи и знакомые; явилось естественно желаніе организовать во что-нибудь стройное, правильное: пишутся и дебатуются уставы общества, придумывается названіе, высказываются всякаго рода мысли и о цѣляхъ общества, и о средствахъ для ихъ достиженія, и умѣренныхъ, совершенно законныхъ, а также и крайнихъ. Отъ вопроса объ улучшеніи экономического порядка переходятъ къ вопросу объ измѣненіи политическихъ порядковъ, и наконецъ болѣе рѣшительными членами кружка высказываются мысли и объ убійствахъ правительственныхъ лицъ для достиженія лучшихъ порядковъ.

Одинъ изъ участвующихъ на такихъ собраніяхъ, студентъ московскаго университета юридическаго факультета Дмитрій Владиміровичъ Караковъ, 23 лѣтъ, весьма сдержанный, почти всегда молчаливый (показанія на судѣ о немъ его товарищей Шаганова, Страндена, Ермолова и др.) по собственному побужденію или подъ вліяніемъ своего двоюроднаго брата Николая Андреевича Ишутина, наслушавшись разныхъ рѣчей и предположеній, не говоря никому о намѣреніяхъ, задумалъ привести одно изъ предположеній, высказывавшихся на собраніяхъ, въ исполненіе и отправился въ мартѣ 1866 г., на 4-й недѣлѣ Великаго поста, изъ Москвы въ Петербургъ. Передъ тѣмъ онъ былъ серьезно боленъ, лежалъ въ клиникѣ, нерѣдко поговаривалъ о самоубійствѣ, считая болѣзнь свою на столько серьезною. Въ первомъ же засѣданіи Верховнаго суда на вопросъ предсѣдателя о томъ, признаетъ ли онъ себя виновнымъ въ покушеніи на царубійство, заявилъ: «если судить по тому, что произошло, то признаю себя виновнымъ, но если вникнуть въ суть дѣла, въ побужденіе, то не признаю. Я просилъ для этого спросить докторовъ, которые меня лѣчили и знаютъ». Когда ему на это кн. Гагаринъ возразилъ, что медицинскій факультетъ Московскаго университета (который былъ спрошенъ слѣдственной комиссіей) удостовѣрялъ, что хотя онъ былъ боленъ, но былъ въ здоровомъ умѣ, безъ малѣйшаго признака разстройства, то онъ отвѣтилъ, что «хотя свидѣтельство и гово-

рить, что Захарынъ меня лѣчилъ, и что я здоровъ, но это не такъ. Захарынъ и очень свѣдущій человекъ, но онъ не лѣчилъ, а приходилъ чрезъ 2—3 дня въ клинику и подписывалъ разомъ листъ о больныхъ за 3—4 дня, а меня лѣчили и могутъ разсказать слѣдующія лица... именъ не помню... Ну-съ, а, впрочемъ, если судъ нашелъ невозможнымъ спросить, то я ничего не имѣю сказать».

Кстати замѣтимъ здѣсь, что у Каракозова была привычка въ рѣчи своей и при вопросахъ употреблять это выраженіе: «ну-съ!» Говорилъ онъ довольно гладко, спокойно, не волнуясь; говорилъ немного, голосъ у него былъ довольно густой, пріятнаго тембра, баритонъ. Самъ онъ былъ роста средняго (2 аршина и вершковъ 6—7), худой, бѣлокурый, съ прелестными сѣроглубыми, мягкими глазами, щеки немного впавшія, покрытыя румянцемъ, который, мнѣ казалось, указывалъ на чахотку. Ходилъ Каракозовъ медленно, большими шагами, съ нѣкоторымъ развальцемъ.

Когда Каракозовъ поѣхалъ въ Петербургъ, ближайшіе товарищи его, Ишутинъ, Ермоловъ, Странденъ, Юрасовъ, Мотковъ всполошились: «тутъ что-то не ладно! онъ вѣдь такой сумасшедшій, что пожалуй и въ самомъ дѣлѣ приведетъ въ исполненіе то, о чемъ мы говорили, и чему онъ сочувствовалъ. Надо его вытребовать сюда, не позволять ему сдѣлать что-нибудь, что намъ всѣмъ можетъ быть вредно и повредить обществу!»

Переполюхъ этотъ произошелъ при отъѣздѣ Каракозова вотъ почему. Кромѣ всѣхъ толковъ между товарищами о томъ, какъ и гдѣ устроить школу, какъ устроить какое-нибудь предпріятіе на началахъ ассоціаціи (предполагалось даже купить фабрику, куда привлечъ рабочихъ, также на началахъ ассоціаціи), были толки о плохомъ положеніи крестьянъ, хотя и освобожденныхъ, но безправныхъ, объ ихъ малоземельѣ, необходимости увеличить ихъ надѣлы, о необходимости измѣнить экономическій бытъ народа на началахъ социализма, о необходимости замѣны правленія какимъ-нибудь лучшимъ и т. д.

Главнымъ возбудителемъ, зажигательною спичкою въ этихъ собраніяхъ, лицомъ, привлекавшимъ самое большое количество лицъ, болѣе или менѣе сочувствующихъ этимъ толкамъ и предположеніямъ, былъ двоюродный братъ Каракозова Н. А. Ишутинъ, сынъ потомственнаго почетнаго гражданина (24 лѣтъ), кончившій пензенскую гимназію, намѣревавшійся поступить въ Московскій университетъ. Онъ былъ главнымъ возбудителемъ къ устройству разныхъ предпріятій и кружковъ, студенческой кассы, и школы, и бесѣдъ, и фабрикъ, и типографій и т. д. Это былъ большой прожектёръ, горячій говорунъ, не прочь — и даже весьма — прихвастнуть, что подмѣчено было многими изъ его товарищей, показывшихъ объ этомъ на судѣ и не очень-то ему и довѣрившихъ¹⁾.

¹⁾ Между прочимъ, нѣкоторые изъ нихъ, напр. Странденъ, Загibalовъ, Мотковъ, пока-

Такъ вотъ этотъ Ишутинъ познакомился въ Москвѣ въ 1864—65 годахъ съ извѣстнымъ писателемъ и учителемъ Иваномъ Александровичемъ Худяковымъ (авторомъ Разказовъ о старинныхъ людяхъ), который потомъ присылалъ къ нему въ Москву въ концѣ 1865 г. нѣкоего молодого челоѣка Никольскаго или Николаевскаго (хорошо не помню) для переговоровъ объ освобожденіи сосланнаго Николая Александровича Серно-Соловьевича. Какіе у нихъ были съ Худяковымъ разговоры и проэекты, въ настоящемъ дѣлѣ не выяснилось: объ этомъ были только упоминанія.

Вслѣдствіе этого знакомства, когда въ кружкѣ рѣчь была поднята объ утвержденіи устава для народной школы или для фабрики на началахъ ассоціаціи, или для чего-то подобнаго, но во всякомъ случаѣ, какого-то устава, Ишутинъ въ концѣ 1865 г. поѣхалъ въ Петербургъ къ Худякову, который, по его словамъ, имѣя связи и знакомства, могъ бы помочь ему въ проведеніи и утвержденіи устава въ правительственныхъ сферахъ. Такъ ли это было, не ѣздилъ-ли Ишутинъ къ Худякову и съ другими какими дѣлами—неизвѣстно, но дѣло въ томъ, что, вернувшись изъ Петербурга, Ишутинъ сталъ рассказывать товарищамъ со словъ Худякова, что существуетъ Европейскій Комитетъ, пребывающій въ Женевѣ и имѣющій цѣлью: улучшеніе экономическаго и социальнаго быта народа посредствомъ измѣненія существующаго строя правленія. Комитетъ этотъ прибѣгаетъ для достиженія своихъ цѣлей къ весьма разнообразнымъ средствамъ, не отвергаетъ даже, въ случаѣ надобности, и убійствъ правящихъ лицъ. Въ это общество могутъ поступать лица всѣхъ націй, въ томъ числѣ и русскіе, коимъ общество можетъ оказывать содѣйствіе. Уже и прежде, въ теченіе 1865 г., въ компаніи товарищей или въ этихъ собраніяхъ молодежи въ «Организаціи» поднимались не разъ вопросы, какія средства могутъ быть принимаемы для достиженія извѣстныхъ цѣлей, допускается-ли возможность совершить преступленіе при извѣстныхъ условіяхъ и обстоятельствахъ? Высказывались мысли: что «если крестьяне будутъ недовольны извѣстными людьми, помѣщиками или управляющими, то хорошо такихъ людей убивать» и т. п.

Когда же въ концѣ 1865 г. Ишутинъ возвратился въ Москву, то на основаніи слышаннаго имъ объ Европейскомъ Комитетѣ сталъ рассказывать самымъ близкимъ изъ своихъ товарищей, на которыхъ имѣлъ болѣе вліянія и въ которыхъ былъ болѣе увѣренъ, что вотъ и намъ бы слѣдовало предпринять что-нибудь болѣе рѣшительное, болѣе полезное, не ограничиваться одними разговорами, а примкнуть къ Европейскому Комитету, «совершить что-нибудь, что расшевелитъ молчащую толпу, привлечетъ къ намъ многихъ, произведетъ вліяніе на народъ, т. е. царубійство».

звали объ немъ, что онъ, *«никогда не ставилъ вопроса прямо»*, что онъ просто хвастунъ, враль, готовый подчасъ и солгать, но тѣмъ не менѣе, какъ горячій говоритъ и высказывавшій весьма симпатичныя, бывшій въ ходу идеи, имѣлъ большое вліяніе на многихъ изъ соговарищей (въ особенности на крайне милаго и симпатичнаго юнаго Ермолова).

— «Для этого—говорилъ Ишутинъ—мы, на это согласные, изъ кружка «Организаціи», составимъ особый кружокъ». Пошли толки, споры, возраженія, насмѣшки. Нѣкоторые прямо противъ этого возстали, не соглашались и стали между собою стовариваться о томъ, чтобы не допускать ничего подобнаго, потому что такой шагъ повредитъ всему дѣлу помощи въ развитіи экономическаго и нравственнаго быта народа,—другіе высучивали кровожадныя предложенія Ишутина, предлагая назвать этотъ новый кружокъ «Адомъ», а членовъ его «Мортусами»¹⁾, третьи ничего не говорили, а молчали и не возражали.

Все это болѣе или менѣе подробно изложено въ запискѣ министра юстиціи, приложенной къ обвинительнымъ актамъ второй группы, и въ общемъ изложено вѣрно.

На всѣхъ этихъ собраніяхъ не было ничего окончательно выясненнаго, были разговоры, споры, но ничего не было установленнаго, рѣшеннаго, обязательнаго для всѣхъ; однимъ словомъ, не было ни общества, ни устава.

Но такъ или иначе, одинъ изъ посѣщавшихъ эти сходки, собирища товарищей, постоянно молчаливый и принимавшійся многими изъ товарищей по своимъ странностямъ за «сумасшедшаго» (sic), Караковъ, какъ выше сказано, на 4—5 недѣль поста 1866 г., вдругъ уѣхалъ изъ Москвы. Первый перепугался тотъ же Ишутинъ и вотъ почему: когда Караковъ лежалъ еще въ клиникѣ, то просилъ достать себѣ морфія или яду... съ какою же цѣлью?—Этого изъ показаній подсудимыхъ, все его товарищей, не видно. Нѣкоторые же изъ подсудимыхъ показывали, что Караковъ прямо высказывался за царевубійство, такъ же, какъ и Ишутинъ, повидимому поднявшій этотъ вопросъ. Затѣмъ, когда онъ выздоровѣлъ, то, по показаніямъ на судѣ его товарищей, они узнали, что онъ купилъ пистолеть, у него былъ порохъ; а Ишутинъ показывалъ на судѣ, что Караковъ нѣсколько разъ высказывалъ ему, что положеніе «Россіи бѣдственно, что ей ни въ какомъ случаѣ не могутъ помочь никакія филантропическія предположенія, и что необходимъ болѣе или менѣе рѣзкій, какой-нибудь рѣшительный фактъ, что своимъ преступленіемъ онъ можетъ принести пользу народу». Нѣкоторые товарищи его на судѣ показывали, что когда происходили разговоры о царевубійствахъ еще весною 1865 г. и потомъ по пріѣздѣ Ишутина изъ Петербурга въ концѣ 1865 или началѣ 1866 г., Караковъ хотя не высказывался съ рѣшительностью²⁾ по этому вопросу, но повидимому ему сочувствовалъ. Когда въ Великомъ Посту пріѣхалъ изъ Петербурга Худяковъ, сообщилъ Ишутину,

¹⁾ «Адомъ» предлагали назвать въ противоположность ассоціаціи, кажется, «Швейной», въ 3-мъ этажѣ того дома, который они называли въ шутку «Вальпарайзо».

²⁾ Многие, какъ и онъ, были пензяки, воспитанники Пензенской гимназіи; очень курьезно, что и впоследствии, въ процессѣ 193, происходившемъ въ концѣ 1877 г., тоже была довольно большая группа пензяковъ.

что Каракозовъ въ Петербургѣ, и при этомъ спросилъ: «что за страннаго или сумасшедшаго человѣка вы мнѣ послали?», то Ишутинъ и его ближайшіе товарищи (Ермоловъ, Странденъ, Юрасовъ, Загибаловъ, Мотковъ) перепугались и рѣшили вытребовать его оттуда. Главнѣйшимъ же поводомъ требованія Каракозова изъ Петербурга была очевидно записка, найденная на его квартирѣ, въ которой было написано, что онъ намѣренъ покуситься на жизнь государя. Одинъ изъ подсудимыхъ припомнилъ, что въ этой запискѣ было написано: «я настолько боленъ, что чувствую себя неспособнымъ ни къ какой дѣятельности, работайте одни, предотвратьте меня моей судьбѣ».

Если это было не всѣмъ его товарищамъ извѣстно, то было извѣстно двоюродному брату, Ишутину; оттого онъ и перепугался болѣе всѣхъ другихъ и предложилъ поѣхать за нимъ съ Ермоловымъ. Но Странденъ и другіе между собою стали говорить, что ѣхать Ермолову съ Ишутинимъ все равно, что ѣхать одному Ишутину, такъ какъ Ермоловъ находился подъ полнѣйшимъ влияніемъ Ишутина, а такъ какъ Ишутинъ никогда не ставитъ вопроса прямо и все изворачивается, а съ Каракозовымъ всегда надо говорить очень деликатно, то изъ его послышки ничего не произойдетъ. Между тѣмъ Странденъ въ это время приготавлился участвовать въ освобожденіи изъ ссылки Чернышевскаго и долженъ былъ ѣхать въ Сибирь. Для этого уже шли подготовленія, доставались деньги и все, что предполагалось необходимымъ для побѣга; Странденъ запасся даже ядомъ (ядъ былъ у многихъ изъ членовъ организаціи; они имъ запасались для принятія въ случаѣ какихъ-либо покушеній и носили его въ пуговицахъ). Ишутинъ досталъ Страндену два фальшивыхъ паспорта, а Худяковъ далъ рекомендательныя письма въ Иркутскъ и Кузнецкъ. Такъ какъ Страндену нужно было переговорить въ Петербургѣ съ лицами, подготовлявшими освобожденіе Чернышевскаго, то рѣшено было, что поѣдетъ съ Ермоловымъ онъ, и они потребуютъ, чтобы Каракозовъ немедленно вернулся въ Москву, а по его возвращеніи постановятъ въ своемъ кружкѣ обязательство, чтобы никто не смѣлъ самовольно что-либо предпринимать иначе, какъ по общему рѣшенію. Но въ Петербургѣ, ни Ермоловъ, ни Странденъ не знали адреса Каракозова, а потому стали его разыскивать по публикаціямъ въ газетахъ о пріѣжающихъ, ходили для этого въ Публичную Библиотеку, ничего, разумѣется, не выискали, и совершенно случайно, около Вѣговъ на Невѣ, Страндена кто-то хлопнулъ по плечу. Это оказался Каракозовъ! Вслѣдъ затѣмъ онъ пришелъ къ нимъ (Ермолову и Страндену) въ гостиницу и на вопросы: для чего онъ уѣхалъ тайно, и что онъ тутъ дѣлаетъ, объяснилъ, что онъ пріѣхалъ, чтобы поступить на фабрику и тамъ пропагандировать между рабочими.

Ему возразили, что для этого нечего уѣзжать изъ Москвы, что и тамъ это можно дѣлать и, такъ какъ подозрѣвали его въ намѣреніи совершить царубійство, то и спросили его объ этомъ, и

онъ сказалъ: «а хоть бы и такъ» и наконецъ сознался, что дѣйствительно пріѣхалъ съ намѣреніемъ совершить царевубійство. Они стали его всячески убѣждать, отговаривать и добились того, что онъ имъ далъ честное слово, что не совершитъ этого и вернется скоро въ Москву. Успокоенные этимъ и увѣренные, что онъ сдержитъ слово, они уѣхали въ Москву и дѣйствительно чрезъ нѣсколько времени послѣ того вернулся и Каракововъ. Онъ, разумѣется, видѣлся съ Ишутинымъ и другими, и всѣмъ было извѣстно, что онъ далъ слово не совершать преступленія, всѣ были спокойны и увѣрены въ томъ, что онъ сдержитъ слово, какъ вдругъ онъ, пробывши въ Москвѣ два-три дня, исчезъ, не говоря никому ни слова, и затѣмъ разнеслась вѣсть о покушеніи 4 апрѣля. Для товарищей не было сомнѣнія, что это сдѣлалъ онъ.

На судѣ выяснилось свидѣтельскими показаніями все то, что выше изложено и заключается въ упомянутой выше запискѣ министра юстиціи, которая вообще составлена безпристрастно. Вообще, министр юстиціи на судѣ въ качествѣ обвинителя держалъ себя замѣчательно корректно, не пересаливалъ въ обвиненіи, не старался добиться, какъ впоследствии многіе прокуроры и въ судахъ, и въ палатахъ, какихъ-нибудь особыхъ признаній, не дѣлалъ натяжекъ, не задавалъ придирчивыхъ вопросовъ, вообще держалъ себя очень спокойно, какъ бы желая выполнить именно ту роль добросовѣстнаго прокурора, которая предствалась въ умѣ составителей только что утвержденныхъ судебныхъ уставовъ. То же самое надо сказать и о предсѣдателѣ Верховнаго суда, князѣ П. П. Гагаринѣ, который предсѣдательствовалъ въ Государственномъ Совѣтѣ при обсужденіи Судебныхъ Уставовъ, всячески поддерживалъ при проведеніи и общихъ началъ и подробностей уставовъ главнаго руководителя по этимъ работамъ С. И. Заруднаго; поэтому, предсѣдательствуя въ Верховномъ судѣ, учрежденномъ и въ 1-й разъ функционировавшемъ на основаніи этихъ судебныхъ уставовъ, старался (разумѣется, насколько понималъ) всячески придерживаться этихъ уставовъ какъ въ отношеніи ихъ духа, такъ и ихъ буквы. Но при этомъ случались всетаки курьезные факты. Напр. одинъ изъ членовъ Верховнаго суда (не помню, графъ Панинъ или принцъ Ольденбургскій) предлагаетъ одному изъ подсудимыхъ, пока допрашивавшемуся въ качествѣ свидѣтеля, именно Моткову, такой вопросъ, отвѣтивъ на который, Мотковъ могъ бы дать вредное для себя показаніе; тогда защитникъ Моткова, А. Н. Турчаниновъ, всталъ и сказалъ, что такого вопроса свидѣтелю дѣлать нельзя, и князь Гагаринъ поддержалъ Турчанинова и, обращаясь къ Панину или принцу Ольденбургскому, сказалъ: «Да-съ, этого вопроса нельзя дѣлать», и, обратившись къ Турчанинову сказалъ: «Вы можете сказать за него». Турчаниновъ отвѣтилъ: «За свидѣтеля я не нахожу возможнымъ говорить».

Вообще, кн. Гагаринъ относился внимательно, въ высшей степени предупредительно къ защитникамъ, обращаясь къ нимъ

часто по именамъ, а не со словами: «г. защитникъ», и старался какъ бы поддерживать ихъ при исполненіи ими въ первый разъ ихъ обязанностей по новымъ уставамъ въ такомъ судѣ и еще по такому дѣлу. Бывали, разумѣется, и легкіе судопроизводственные промахи; напр. допрашивается Каракозовъ, и когда членъ суда кончилъ допросъ, то кн. Гагаринъ, обращаясь къ министру юстиціи, предлагаетъ ему допрашивать Каракозова, но Замятинъ (вѣроятно, наученный Стояновскимъ) говоритъ: «не имѣю права спрашивать подсудимаго, а только свидѣтелей» (это было первое засѣданіе 18-го августа); это же повторялось и потомъ; или допрашивается подсудимый сначала прокуроромъ и членами суда, а затѣмъ предсѣдатель обращается къ защитнику этого подсудимаго и говоритъ: «не угодно-ли вамъ спросить подсудимаго?» Это какъ разъ было со мною, когда допрашивали Ишутина, котораго я защищалъ. Я замѣтилъ, что я не считаю себя въ правѣ допрашивать его. Кн. Гагаринъ: «коль скоро вамъ даютъ право, такъ вы можете имъ пользоваться».

Возвращаясь къ изложенію того, что происходило на этомъ судѣ, повторяю, что на судѣ выяснилось, что настоящаго общества, имѣющаго утвержденный Уставъ, не было, были только сходки, сборища разныхъ болѣе или менѣе близкихъ другъ къ другу лицъ, были разговоры и предположенія относительно существующихъ порядковъ, правленія, правительства, экономического и социальнаго положенія народа, были разсужденія, какъ пособить этому, какими способами и средствами измѣнить и поправить существующіе порядки. Говорилось и о взаимной помощи, и о складчинѣ, объ ассоціаціяхъ, *объ измѣненіи* формъ правленія и т. д. ¹⁾ Нѣкоторые изъ членовъ предлагали прибѣгать ко всякаго рода средствамъ для достиженія извѣстныхъ цѣлей, на основаніи принципа, что *цѣль оправдываетъ средства*. Для полученія матеріальныхъ средствъ для осуществленія предположеній товарищей нѣкоторые члены этой компаніи, какъ напр. Ермоловъ говорилъ, что онъ по достиженіи совершеннолѣтія пожертвуетъ все свое состояніе на средства общества (а его имѣніе оцѣнивалось что-то около 30 т. руб., и онъ уже далъ на разныя потребности кружка помнится, тысячи 1¹/₂ или 2; были и такіе, какъ дворянинъ Викторъ Ѳедосѣевъ (Тамбов. губ., Кирсанов. уѣзда, лѣтъ 18—20), который намѣревался отравить своего отца для того, чтобы воспользоваться въ тѣхъ же цѣляхъ его состояніемъ. Этотъ Ѳедосѣевъ на вопросъ министра юстиціи: «кто вамъ подаль мысль объ отравленіи отца?» отвѣтилъ «никто, я самъ». Были такія предположенія: что надо ограбить почту и т. д. Однимъ словомъ,

¹⁾ Въ числѣ разговоровъ и мудрыхъ предположеній было такое: „заставить“ или „просить“ правительство ввести социализмъ“. На судѣ нѣкоторые подсудимые говорили, что „для введенія социализма они хотѣли перевести нѣкоторые книжки“, а одинъ изъ подсудимыхъ, когда на слухѣ шла о социализмѣ рѣчь, спросилъ: „что такое социализмъ?“ это все подлинныя выписки изъ показаній на судѣ. Но были предположенія и весьма крайнія: въ случаѣ надобности истребить всю царскую фамилію по очереди.

высказывались разныя мысли, предположенія и предложенія, которыя иногда приводились въ исполненіе послѣдующими обществами и бывали предметами обслѣдованія и обсуждения въ политическихъ процессахъ послѣдующихъ годовъ. Но повторяю, что ни по одному изъ предположеній, предложеній и мыслей не собиралось ни голосовъ, не было постановляемо рѣшеній, а тѣмъ болѣе не было единогласія: все были только разговоры и предположенія.

На судѣ, можно сказать, почти всѣ подсудимые держали себя достойно, нетрусливо, хотя уже многіе изъ нихъ на предварительномъ слѣдствіи проговаривались и указывали на такія обстоятельства и факты и на такихъ участниковъ ихъ собраній, которые безъ этихъ показаній не были бы и узнаны правительственною властью. Но это очевидно происходило прежде всего оттого, что всѣ они были поражены самымъ событіемъ покушенія; на многихъ дѣйствовалъ способъ допросовъ, производившихся слѣдственною комиссіею, гдѣ предсѣдательствовалъ знаменитый М. Н. Муравьевъ. Такъ напр. одинъ подсудимый показалъ, «что не помнить, что говорилъ, такъ какъ допросъ происходилъ до 3 часа ночи, когда сонъ смыкалъ глаза». То же говорили и многіе другіе. Подсудимые говорили, что боялись при допросахъ пытки. Нѣкоторые просто проболтались, а также, правда, и весьма немногіе стали даже совершенно отказываться отъ того, что предъ тѣмъ говорили ¹⁾. Такъ къ числу послѣднихъ принадлежалъ Ишутинъ. Какъ выше сказано, онъ былъ по моему мнѣнію главнымъ запѣвалой во всемъ томъ, что дѣлалось и предполагалось: онъ завелъ рѣчь о царубійствѣ, зналъ, что Каракозовъ въ 1-й разъ (на 4—5 недѣлѣ поста) поѣхалъ въ Петербургъ съ этой цѣлью и просилъ его возвратиться—какъ это видно было изъ разорваннаго письма его съ конвертомъ, найденнаго въ томъ № Знаменской гостинницы, гдѣ жилъ передъ совершеніемъ покушенія Каракозовъ; въ письмѣ этомъ онъ писалъ: «Милый другъ, пріѣзжай въ Москву, тебя очень нужно. Поговоримъ обстоятельнѣе, потомъ, ежели сочтешь нужнымъ, опять отправишься». Адресъ въ С.П., на Выборгск. стор., въ Оренбургск. ул., д. № 23. Павлу Семенов. Щеткину (это былъ Щеткинъ). Съ передачею Дмитрію Владимірову.

Слѣдовательно, онъ зналъ и куда Каракозовъ уѣхалъ, и съ какою цѣлью, и гдѣ онъ жилъ, и даже подъ какимъ именемъ, и между тѣмъ послѣ того что Ишутинъ арестованъ, былъ допрошенъ, съ него были сняты показанія, онъ, сидя въ крѣпости, писалъ самъ собою, безъ всякихъ съ чьей-либо стороны настояній или указаній, письмо на имя кн. Гагарина, въ которомъ говорилъ, «что самъ никогда не покусился бы на жизнь Государя, даровавшаго свободу милліонамъ, и отговаривалъ двоюродного брата отъ его намѣренія» и ничего «не зналъ объ его по-

¹⁾ Когда на вопросъ предсѣдателя Странденъ сказалъ, что многіе носили ядъ, потому что боялись пытки, то одинъ изъ членовъ суда замѣтилъ: если у васъ совѣсть чиста, почему вы боялись пытки? и гр. Ланнъ его поддерживалъ: «Пытки въ Россіи нѣтъ. Каракозовъ носилъ ядъ при себѣ; кто будетъ носить ядъ, козъ скоро правъ!»

ѣздѣ» и т. д. Выше приведенное письмо показываетъ, что онъ зналъ о поѣздѣ и цѣли ея, да и письмо къ Гагарину указываетъ на то же самое. Разумѣется, его нельзя обвинять въ томъ, что онъ на судѣ старался всячески себя выгородить и оправдаться; за это человѣка, находящагося подъ угрозой смертной казни, обвинить нельзя. Если я привожу кое-что изъ его оправданій, то только чтобы сопоставить его показанія съ показаніями другихъ его товарищей, которые ни отъ чего не отказывались, ни къ какимъ оправданіямъ не прибѣгали, писемъ къ Гагарину и ни къ кому не писали, а говорили какъ это есть, — начиная съ самого Каракова—многое и въ пользу свою, многое и противъ себя. Не могу не привести при этомъ одного эпизода во время судебныхъ преній. Въ числѣ подсудимыхъ 1-й группы былъ Петръ Ѳедоровичъ Николаевъ (дворянинъ 21—22 лѣтъ), кандидатъ Московскаго университета, готовившійся сдавать экзаменъ на магистра политической экономіи. Защитникомъ его, по назначенію, былъ присяжный повѣренный В. Э. Краузольдъ. Въ рѣчи своей, разумѣется, онъ старался всячески умалить приписываемую Николаеву вину и объяснялъ разныя высказывавшіяся имъ на допросахъ идеи молодостью, необдуманностью и т. д. Говорилъ Краузольдъ недолго, очень спокойно, умно и когда онъ кончилъ, то кн. Гагаринъ спросилъ Николаева (онъ обращался къ каждому подсудимому, по окончаніи рѣчи защитника): не хочетъ-ли онъ еще что-либо прибавить? Николаевъ, очень пылкій, горячій, умный и развитой молодой человѣкъ, сталъ говорить, что онъ совершенно не согласенъ съ защитникомъ, сталъ развивать социалистическія теоріи и между прочимъ говорилъ, что вопросъ о царубійствѣ вопросъ философско-политическій, что теорію объ этомъ развивали очень многіе знаменитые ученые уже въ Средніе вѣка, напр. знаменитый Кампанелла и еще такіе то и т. д. Кн. Гагаринъ, который очень внимательно выслушивалъ всѣхъ защитниковъ и былъ повидимому очень доволенъ рѣчью Краузольда, старался остановить нѣсколько разъ Николаева и говорилъ ему: «Молодой человѣкъ, остановитесь, что вы говорите: вашъ защитникъ такъ прекрасно объяснилъ всѣ ваши побужденія и вашъ образъ мыслей. Но тотъ не унимался, и Гагаринъ насилу остановилъ его, стараясь замаять его рѣчь. Да и дѣйствительно Николаевъ не принималъ, сколько помню, никакого особаго участія въ кружкѣ и если выдѣлялся, то только развитіемъ, начитанностью и горячностью.—Изъ показаній самого Каракова и нѣкоторыхъ подсудимыхъ 1-й группы были очень интересны намеки и указанія на то, что Караковъ, когда пріѣхалъ въ 1-й разъ въ Петербургъ, то сошелся съ какою-то партіей конституціонною, «константиновскою», которая имѣла въ виду совершить переворотъ. Караковъ съ самаго же начала на судѣ показалъ, что о намѣреніи его совершить царубійство Ишутинъ и др. могли догадываться, но что онъ будто имъ объ этомъ не говорилъ. Но

Ишутинъ и Ермоловъ на судѣ послѣ разныхъ отрицаній показали, что онъ имъ говорилъ, что считаетъ царевубійство полезнымъ. Далѣе Каракозовъ говорилъ, что онъ объ этомъ говорилъ въ Петербургѣ только Худякову и Кобылину, но и тотъ и другой этого не подтвердили, и это показаніе судомъ не было признано. О ядѣ, найденномъ при немъ (стрихнинъ и синильная кислота, которые онъ получилъ, по его словамъ отъ Кобылина), онъ показалъ, что имѣлъ ихъ при себѣ для того, чтобы принять немедленно по совершеніи покушенія, а на вопросъ почему его не принялъ, отвѣчалъ, что «это было отъ состоянія, отъ потрясенія при совершеніи: я былъ въ оцѣпенѣніи».

Когда кн. Гагаринъ замѣтилъ, что однако свидѣтели показываютъ, что онъ, выстрѣливъ, побѣжалъ,—онъ сказалъ на это: «И этого не помню». Что за партія, константиновская или конституціонная—этого на судѣ не выяснилось, хотя въ слѣдственномъ дѣлѣ (слѣдствіе производилось Н. А. Огаревымъ и М. Н. Муравьевымъ) есть,—сколько я помню, какіе-то намеки на будто константиновскую (!?) партію ¹⁾.

Какіе-то намеки встрѣчаются въ письмѣ Каракозова на имя Ишутина, найденномъ въ карманѣ Каракозова при его арестѣ. Вотъ оно: «Дорогой другъ, свинья братъ ты, Николай Андреевичъ,—не стужьмѣ поставитъ вопросъ прямо. Ужъ относительно тебя, кажется, не могло возникнуть различныхъ мнѣній и недоразумѣній, насколько ты знаешь мою личность, а потому я объясняю это неумѣстностью. Тоже самое относительно документа; ты вѣдь очень хорошо понималъ, какъ мнѣ нужна эта вещь для того, чтобы выгоднѣе обставить дѣло, и время потеряно на совершенно ненужную поѣздку, которая не принесла результата.

Ну, да чертъ съ тобою, прощаются тебѣ всѣ твои прегрѣшенія, потому ты самъ долженъ это восчувствовать! Ну, да не время сѣтовать, а нужно перейти къ дѣлу. Ты знаешь, что знакомые мои, о которыхъ я тебѣ говорилъ, предполагаютъ начать дѣло очень скоро, но это дѣло не наше, путь нашъ совершенно иной и мы не сходились не только въ средствахъ, но и въ самой цѣли. Ты понимаешь, что если произойдетъ такой афронтъ, то одинъ чертъ на дьяволѣ, и К. можетъ тѣмъ или другимъ способомъ обезпечить себѣ спокойное и безмятежное состояніе. То есть результаты были бы другіе, если бы у насъ было побольше денеговъ, да побольше силъ несконцентрированныхъ; но такъ какъ въ настоящемъ этого нѣтъ, то отъ такихъ порядковъ положительный вредъ. Нужно собраться съ силами и на

¹⁾ Нѣтъ сомнѣнія, что тутъ шла рѣчь о многочислой партіи „константиновцевъ“, т. е. приверженцевъ Константина Николаевича, якобы имѣвшаго въ качествѣ *старшаго сына государя* (Александръ Николаевичъ родился, когда Николай Павловичъ былъ еще только *великимъ княземъ*) больше правъ на престолъ, чѣмъ Александръ Николаевичъ, и будто бы домогавшагося осуществленія своихъ правъ. Муравьевъ былъ въ этомъ совершенно убѣжденъ и подорывалъ Константина во многихъ врамольныхъ замыслахъ и даже фактахъ. Объ этомъ существуютъ свидѣтельства и въ литературѣ. *Ред.*

нѣкоторое время отдалить подобный исходъ. Само собою разумѣется, что какой нибудь единичный фактъ въ настоящее время несравненно полезнѣе для компаніи акціонеровъ нашихъ обѣихъ фирмъ. Само собою также разумѣется, что заинтересованные въ этомъ дѣлѣ акціонеры при различныхъ столкновеніяхъ должны проводить ту мысль, что это дѣло не совсѣмъ то чистое, что для многихъ оно невыгодно, потому что ведется въ интересахъ одной только стороны.

Конечно, тутъ нужно быть вообще умѣреннымъ въ изясненіяхъ, дабы не помѣшать всетаки по истеченіи извѣстнаго времени успѣху ихъ дѣла, потому что это для нихъ будетъ хорошимъ средствомъ. А мы отлично тутъ можемъ понажитья. Ты вѣроятно читалъ въ Биржевыхъ Вѣдомостяхъ о томъ, что устроилось общество поземельнаго кредита, такъ нужно, необходимо его имѣть ввиду и постараться выдержать конкуренцію. Прощайте, друзья, въ ожиданіи добрыхъ вѣстей». (Письмо безъ числа и безъ подписи).

Болѣе, чего нибудь особенно замѣчательнаго, изъ показаній Каракозова у меня ничего не сохранилось и я ничего не припомню. Все болѣе замѣчательное изъ показаній мною изложено выше. Какъ сказано, процессъ начался 18 августа 1866 года. Защитниками были назначены княземъ Гагаринымъ все присяжные повѣренные только что организовавшагося сословія, а именно:

- 1) Д. В. Каракозову—Алексѣй Петр. Остряковъ.
- 2) Н. А. Ишутину—Дм. Вас. Стасовъ.
- 3) П. Д. Ермолову (20 л.)—Степ. Ив. Петренко.
- 4) Н. П. Страндену—Г. Г. Принцъ.
- 5) Д. А. Юрасову (24 л.)—Н. А. Тимротъ.
- 6) М. Н. Загибалову (22 л.)—Арк. Добролюбовъ.
- 7) О. А. Моткову (20 л.)—А-ръ Никол. Турчаниновъ.
- 8) В. Н. Шаганову (26 л.)—Вл. Вас. Самарскій-Быховецъ.
- 9) И. А. Худякову—Викт. Павл. Гаевскій.
- 10) А. А. Кобылину (23 л.) Я. Марк. Серебряный.
- 11) П. Ф. Николаеву (21 г.) Вл. Эм. Краузольдъ.

Всѣ подсудимые, какъ видно, были люди молодые; у меня записано, что Мотковъ былъ изъ вольноотпущенныхъ отъ г. Кандаурова, учился въ Тамбов. гимназіи. Шагановъ, купецъ Орлов. губ., губерн. секретарь, кончилъ въ унив. дѣйствительнымъ студентомъ по юридич. факультету, былъ въ послѣднее время судебнымъ слѣдователемъ. Кобылинъ готовился быть докторомъ. О положеніи и лѣтахъ другихъ упомянуто выше, о нѣкоторыхъ свѣдѣнія у меня не записаны.

Самыя трудныя защиты были защиты Каракозова и Ишутина. Остряковъ сказалъ прекрасно все, что только можно было сказать въ такомъ безнадежномъ дѣлѣ. Очень остроумна была рѣчь Серебрянаго въ защиту Кобылина, и очень сердечная рѣчь Ст. Ив. Петренко въ защиту Ермолова. Ермоловъ былъ чуть не самымъ молодымъ изъ всѣхъ подсудимыхъ, ему было лѣтъ 17—18. Неболь-

Дмитрій Владимірович
КАРАКОЗОВЪ.

шого роста, худенькій, чрезвычайно милый, съ прелестными глазами, симпатичнымъ голосомъ, онъ на всѣхъ производилъ самое пріятное впечатлѣніе, и Петренко сказалъ въ его защиту чрезвычайно прочувствованную рѣчь, какую бы могъ сказать отецъ въ защиту своего сына. Петренко хотя былъ женатъ, но у него дѣтей не было. Замѣчательно то, что Петренко принадлежалъ къ числу старыхъ чиновниковъ сената, отбылъ прежде службу по второму департаменту Сената, былъ очень способнымъ и умнымъ человекомъ и, несмотря на свой пожилой возрастъ, съ самаго начала открытія новыхъ судовъ, вступилъ въ число присяжныхъ повѣренныхъ и съ сердечною горячностью защищалъ Ермолова. Отъ прочихъ рѣчей у меня въ памяти ничего не осталось. Судъ вообще торопился вести дѣло и кончить его до ожидавшагося пріѣзда принцессы Датской Дагмары, назначеннаго въ сентябрѣ. Засѣданія происходили въ залѣ комендантской квартиры въ самой Петропавловской крѣпости; въ сосѣднихъ съ залою комнатахъ находилось и все слѣдственное дѣло, которое защитники изучали каждый день, но прочесть всего не было никакой возможности, такъ оно было огромно. Очень хорошо помню, какъ въ комендантскую квартиру пріѣхалъ еще до слушанія дѣла принцъ Ольденбургскій, также для чтенія дѣла или почему то другому, и, встрѣтивъ нѣсколькихъ присяжныхъ повѣренныхъ изъ бывшихъ правовѣдцовъ, обратился ко мнѣ и сказалъ: «И охота вамъ защищать такихъ негодяевъ». Я ему отвѣтилъ, что мы для этого назначены, и дѣло это защищаемъ по назначенію кн. Гагарина. Тогда принцъ сказалъ: «желаю вамъ полного успѣха». На это Турчаниновъ отвѣтилъ: «А мы—напротивъ, надѣемся, что мы должны имѣть успѣхъ».

Засѣданія начинались обыкновенно около 12 часовъ и продолжались до 6—7¹/₂ ч., съ небольшимъ перерывомъ для завтрака а la fourchette, когорый былъ общій и для членовъ суда, и для обвиненія, и для защитниковъ.—Съ министромъ юстиціи сидѣлъ всегда за обвинительнымъ столомъ и товарищъ его Н. И. Стояновскій и директоръ департамента м-ра юстиціи баронъ Е. Е. Врангель, должность секретарей суда исполняли Я. Г. Есиповичъ и Н. И. Селифонтовъ, который служилъ тогда чѣмъ-то въ комитетѣ министровъ (кажется, онъ считался секретаремъ при кн. Гагаринѣ). Приговорены были Каракозовъ и Ишутинъ къ смертной казни. Прочіе всѣ и лица, принадлежащія ко второй группѣ, къ категоричнымъ работамъ на разные сроки. Когда кн. Гагаринъ прочелъ приговоръ Верховнаго суда, то онъ затѣмъ сказалъ, что «нынѣшній приговоръ долженъ свидѣтельствовать о томъ великомъ значеніи, которое имѣетъ введеніе новаго суда, при порядкахъ котораго можно было выяснитъ вполне обстоятельства дѣла и выслушать такой приговоръ». И, обращаясь къ Кобылину, (совершенно оправданному), сказалъ: «въ особенности вы, молодой человекъ, должны это помнить и чувствовать».

И говорилъ это Гагаринъ взволнованнымъ голосомъ и съ большимъ чувствомъ. Въ день, назначенный для объявленія пригово-

вора по 1-й группѣ, я прѣхалъ въ судъ нѣсколько ранѣе другихъ и, не помню, кто-то мнѣ сказалъ, что Каракозовъ уже приведенъ изъ своей тюрьмы и находится въ домашней церкви коменданта, куда можно было недалеко пройти изъ залы. Я туда пошелъ и нашелъ Каракозова стоящимъ посреди церкви на колѣняхъ; онъ былъ совершенно одинъ и молился съ такимъ рвеніемъ, былъ такъ поглощенъ и проникнутъ молитвою, точно находился въ состояніи какого-то вдохновенія, какого мнѣ никогда ни у кого не случалось видѣть. Выслушалъ онъ приговоръ совершенно спокойно; сколько помнится, не сказалъ ни слова. Казненъ онъ былъ на Смоленскомъ полѣ. Ишутинъ подавалъ просьбу о помилованіи, но былъ привезенъ также на мѣсто казни, тамъ ему былъ прочитанъ приговоръ, надѣтъ саванъ и спущенъ на глаза колпакъ, и въ то время, когда надо было уже вздѣть на веревку, явился фельдъегерь, объявившій помилованіе—замѣну смертной казни, сколько помню, пожизненной каторгой!

Къ чему было заставлятъ человѣка испытывать весь ужасъ приближающейся казни, когда уже рѣшено было его помиловать! Этотъ же самый приемъ былъ примѣненъ и надъ Петрашевцами, но то было при Имп. Николаѣ I. ¹⁾

Д. В. Стасовъ.

Приложенія.

1.

Объяснительная записка о преступленіяхъ членовъ революціоннаго общества «Организація».

4-го минувшаго апрѣля дворянинъ Дмитрій Владиміровъ Каракозовъ совершилъ преступное покушеніе на жизнь Священной Особы Государя Императора.

Производство изслѣдованія о причинахъ, побудившихъ Каракозова рѣшиться на это преступленіе, было поручено Высочайше утвержденной Слѣдственной Коммисіи.

Преступленіе Каракозова, какъ оказалось по слѣдствію, было результатомъ преступной дѣятельности нѣсколькихъ молодыхъ людей, которые, увлекаясь мыслью содѣйствовать царубійствами успѣху революціонныхъ стремленій, перешедшею къ нимъ отъ проживающихъ

¹⁾ Въ апрѣльской книгѣ «Историч. Вѣстника» за 1906 г., стр. 86, въ ст. г. Рембелинскаго сказано, что совершеніе казни надъ Ишутинимъ происходило весной; г. Рембелинскій поѣхалъ съ братомъ на мѣсто казни и къ удивленію обогналъ не мало экипажей съ элегантными въ весеннихъ туалетахъ дамами и т. д. Но врядъ-ли онъ видѣлъ всѣ эти весенніе туалеты, такъ какъ казнь Ишутина происходила осенью, именно 4 окт. 1866 г. (См. Сенат. вѣд. 1866 г. окт. 4 № 79).

за границу русских изгнанниковъ чрезъ посредство домашняго учителя Худякова, составили въ Москвѣ тайное общество подъ названіемъ „Адъ“, имѣвшее цѣлью осуществить въ Россіи столь преступное предположеніе.

Подъ вліяніемъ разсужденій, слышанныхъ Каракозовымъ въ обществѣ „Адъ“, котораго онъ былъ членомъ, Каракозовъ, не ожидая содѣйствія своихъ товарищей, совершилъ покушеніе на живнъ Его Императорскаго Величества.

По обнаруженіи въ слѣдствіе этого событія существованія общества „Адъ“, члены его были арестованы. Большая часть изъ нихъ сознались въ своей винѣ и на сдѣланныхъ имъ допросамъ указали, какимъ путемъ они дошли до образованія этого общества.

Изъ ихъ показаній видно, что еще въ 1863 году въ Москвѣ составилъ кружокъ, который имѣлъ преимущественно цѣлью распространеніе между студентами социалистическихъ идей и возбужденіе ихъ къ политической дѣятельности для произведенія въ государствѣ экономическаго переворота.

Кружокъ этотъ, постепенно увеличиваясь, измѣнялъ свое направленіе. Отъ распространенія социалистическихъ идей между студентами, дѣятели его перешли къ распространенію ихъ въ народѣ и рабочемъ классѣ. Засимъ они старались осуществить свои мысли на практикѣ и устраивали разныя заведенія на началахъ ассоціаціи. Въ лицахъ, принимавшихъ участіе въ сихъ предпріятіяхъ, они отыскивали новыхъ дѣятелей и такимъ образомъ составилось довольно значительное число недовольныхъ людей, желавшихъ произвести преобразование въ существующемъ порядкѣ государственнаго управленія.

Въ 1865 году у руководителей этого движенія явилась мысль организовать свою дѣятельность на правильныхъ началахъ и точно опредѣлить ея цѣль. Они стали собирать своихъ единомышленниковъ на сходки, на которыхъ обсуждали разныя предположенія и опредѣляли цѣль общества и будущія его дѣйствія.

Члены этого общества, называвшагося „Организація“, не были согласны между собою во многихъ своихъ предположеніяхъ, такъ напримѣръ, относительно средствъ къ достиженію предполагаемыхъ цѣлей; нѣкоторые предлагали считать всѣ средства дозволенными, не исключая самыхъ гнусныхъ преступленій, если они могутъ быть для общества чѣмъ либо полезными, но другіе смѣялись надъ подобными предположеніями и не придавали имъ никакого серіознаго значенія.

Подобныя-же разнорѣчія существовали и по вопросамъ о цѣли общества и порядкѣ его дѣйствій. Болѣе дѣятельные члены „Организаціи“ старались привести своихъ товарищей къ соглашенію изготовленіемъ писанныхъ уставовъ. Одинъ уставъ былъ написанъ Шагановымъ, а другой Ермоловымъ и Мотковымъ. Эти уставы были прочитаны на сходкахъ „Организаціи“, но однако не были утверждены и въ Великомъ Посту текущаго года еще обсуждались представителями разныхъ мнѣній, господствовавшихъ между членами „Организаціи“. Когда преступленіе Каракозова возбудило опасеніе законнаго преслѣдованія, уставы „Организаціи“ были уничтожены.

По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ объ уставахъ Шаганова, Моткова и Ермолова, общество „Организація“ должно было получить окончательное устройство слѣдующимъ образомъ:

Нѣсколько членовъ должны были составлять въ Москвѣ центральную агентуру. Одинъ изъ нихъ долженъ былъ знакомиться съ поляками и заводить сношенія съ другими обществами, другой набирать новыхъ членовъ, третій поддерживать сношенія съ членами губернскими, знать объ ихъ дѣйствіяхъ, завѣдывать библіотекой, посылать изъ нея губернскимъ членамъ книги и, если нужны, деньги изъ процентовъ, вырученныхъ въ библіотекѣ. Капиталь для открытія библіотеки хотѣлъ дать Ермоловъ, по продажѣ своего имѣнія, когда будетъ совершеннолѣтенъ.

Тѣ члены, которые обязаны были разѣхаться по губерніямъ, какъ только найдутъ себѣ въ одномъ изъ городовъ занятія, обеспечивающія ихъ существованіе, или если будутъ средства для открытія губернской библіотеки, должны были знакомиться съ семинаристами и вообще молодыми людьми и убѣждать ихъ дѣлаться сельскими учителями, стараться открывать различнаго рода ассоціаціи, сноситься съ сельскими членами и въ случаѣ нужды помогать имъ деньгами и книгами. Сельскіе члены-учителя должны были устраивать при школахъ ремесленныя заведенія, сообразныя съ потребностями мѣстности, объяснять крестьянамъ, что единственное средство улучшить ихъ положеніе—круговая поддержка и устройство ассоціацій.

При этомъ порядкѣ всѣ сельскіе члены опредѣленныхъ мѣстностей должны были быть извѣстны и совершенно подчинены губернскимъ членамъ организациі, которые, въ свою очередь, должны были находиться въ зависимости отъ „центральной агентуры“, обязанной всѣмъ, имъ давать соотвѣтствующее направленіе.

Означенное устройство общества, какъ уже было выше сказано, еще не было приведено въ исполненіе, однако нѣкоторые члены „Организаціи“ уже готовы были приступить къ дѣйствіямъ, было предположеніе освободить сосланныхъ въ каторжную работу въ рудникахъ государственныхъ преступниковъ Чернышевскаго и Серно-Соловьевича; для освобожденія Чернышевскаго былъ избранъ для поѣздки въ Сибирь членъ „Организаціи“ Страденъ; для него были добыты яды и разныя наркотическія вещества, чтобы отравлять и усыплять стражей и такимъ образомъ освободить Чернышевскаго, который долженъ былъ остаться въ Москвѣ и стать во главѣ революціоннаго общества или бѣжать за границу и издавать тамъ журналъ, соотвѣтствующій цѣлямъ сего общества; членъ общества взаимнаго вспомоществованія Викторъ Федосѣевъ былъ подговоренъ отравить своего отца и пожертвовать наслѣдство, которое онъ получитъ, на пользу общества. Для осуществленія этого предположенія уже былъ добытъ ядъ и Федосѣевъ отправился въ Кирсановъ; были переговоры о покупкѣ ваточнаго завода въ Можайскомъ уѣздѣ для устройства его на соціальныхъ началахъ; было предположеніе объ устройствѣ того-же завода въ Жиздринскомъ уѣздѣ, Калужской губерніи, для котораго даже былъ уже составленъ планъ; наконецъ предполагали убить купца Серебрякова и украсть у него

деньги, и избрали одного члена „Организаціи“ (Загibalова), который долженъ былъ поступить на службу почтальономъ и ограбить почту.

Во время всѣхъ этихъ разсужденій, предположеній и приготовленій зачинщики „Организаціи“, которые на ея сходкахъ были представителями самыхъ крайнихъ идей и наиболѣе преступныхъ намѣреній, уже образовали и устраивали новое общество „Адъ“.

Цѣль этого общества, устройство его и характеръ его дѣятельности подробно разъяснены при преданіи членовъ его суду Верховнаго Уголовнаго Суда.

Цѣлью общества „Организаціи“, по объясненію членовъ онаго, были возбужденіе и приготовленіе народа путемъ соціальной пропаганды къ возстанію, требованіе за симъ у Правительства уступки, т. е. введенія социализма, и, въ случаѣ сопротивленія,—устройство государства на социалистическихъ началахъ путемъ революционнымъ, по захватѣ Верховной власти въ свои руки и ниспроверженіи Правительства. (Показаніе Шаганова т. V, л. 389; т. VI, л. 221; Николая Ишутина т. V, л. 414; Максимилиана Загibalова т. VI, л. 33; Петра Ермолова т. V, л. 314; Николая Страденна т. V, л. 341; Малинина т. V, л. 299 об.; Дмитрія Юрасова т. VI, л. 88; Осипа Моткова т. VI, л. 234; Александра Иванова т. VI, л. 140; Дмитрія Иванова т. VII, л. 168; Василя Соболева Моск. д. л. 80; Феодана Борисова л. 132; соб. показ. Полумордвинава).

Изъ вышеизложенныхъ свѣдѣній видно, что всѣ лица, принадлежавшія къ „Организаціи“, имѣли явно преступное направленіе противъ Верховной власти и образа правленія, предусмотрѣнное въ 249 ст. Улож. о Наказ., и составили общество для осуществленія своихъ преступныхъ цѣлей, но дѣйствій онаго не было и вредныхъ послѣдствій не произошло, по случаю открытія ихъ злоумышленія заблаговременно Правительствомъ.

Эти лица раздѣлялись на отдѣльныя группы, носившія различныя наименованія. Главныя группы были слѣдующія: Ипатовцы (по фамиліи Ипатова, хозяйна дома, въ которомъ они жили)—Каракозовъ, Ишутинъ, Юрасовъ, Ермоловъ, Страденъ и Загibalовъ; Малининцы (по фамиліи Малинина, съ которымъ они жили)—Малининъ, Мотковъ, Кочинъ, Александръ Ивановъ; Саратовцы (по мѣсту ихъ рожденія въ Саратовской губерніи)—Соболевъ, Борисовъ, Сергіевскій, Воскресенскій, Полумордвинъ и Лашкинъ.

Ипатовцы были представителями самаго крайняго направленія, а стремленія Малининцевъ, какъ и Саратовцевъ были умѣреннѣе, но Малининцы были въ близкихъ сношеніяхъ съ Ипатовцами и потому имѣли болѣе участія въ ихъ различныхъ предположеніяхъ.

Когда образовалось общество „Адъ“, члены его, пріискивая себѣ товарищей, мало-по-малу знакомили съ своею цѣлью нѣкоторыхъ членовъ „Организаціи“. Однимъ они сообщали прямо о существованіи этого общества, съ другими они говорили только о своей цѣли, какъ о заслуживающей вниманія революціонной теоріи.

Отъѣздъ Каракозова въ Великомъ посту изъ Москвы въ Петербургъ былъ особенно знаменательнымъ событіемъ для общества „Адъ“. Зная хорошо личность Каракозова, его воззрѣнія и предположенія, члены

„Ада“ поняли, что цѣль ихъ общества можетъ быть приведена въ исполненіе. За симъ одни узнали объ этомъ навѣрное, другіе остались при догадкѣ, которую не могли не признавать весьма вѣроятною. Въ числѣ послѣднихъ былъ Мотковъ. Въ испугѣ отъ возможности близкаго осуществленія цѣли преступнаго общества, въ которомъ онъ принималъ участіе, онъ передалъ своимъ товарищамъ—Милинцамъ, что Ишутинъ, Ермоловъ и Каракозовъ рѣшились на царевубійство и что, такъ какъ они отступаютъ отъ дѣйствій „Организаци“ и рѣшаются на такое дѣло, которое ее погубитъ, то слѣдуетъ исключить ихъ изъ общества, лишитъ ихъ возможности дѣйствовать и за симъ составить такой уставъ ихъ общества, при которомъ подобное явленіе не было-бы уже возможнымъ. Товарищи Моткова на это согласились и сообщили все Дмитрію Иванову и Воскресенскому, которые также изъявили свое согласіе на противодѣйствіе Ипатовцамъ. Было предположено завести Ишутина въ уединенныя мѣста и угрозами заставить его рассказать все, что онъ знаетъ, и тогда, если ихъ опасенія подтвердятся, объявить объ этомъ всѣмъ бывавшимъ на сходкахъ. Однако они не рѣшились привести это въ исполненіе, опасаясь мести Ипатовцевъ, и положили отправить Моткова за деньгами къ Маликову въ Холмъ, и по полученіи этихъ денегъ тотчасъ собрать сходку и заставить Ишутина, Каракозова и Ермолова уѣхать изъ Москвы въ какойнибудь отдаленный городъ, гдѣ имѣть за ними строгій надзоръ.

До возвращенія Моткова изъ Холма всѣ виновные были арестованы. Последняя сходка „Организаци“ была 4 апрѣля. На этой сходкѣ, которая происходила въ квартирѣ Юрасова, присутствовали въ числѣ прочихъ Ишутинъ, Ермоловъ, Юрасовъ, Загибаловъ, Шагановъ, Николаевъ, Александръ Ивановъ, Дмитрій Ивановъ, Малининъ и Кичинъ (т. VI, л. 173 показаніе Ишутина, т. VI, л. 182 показаніе Юрасова).

Здѣсь обсуждалось предложеніе немедленно разѣхаться по разнымъ городамъ для осуществленія плана общества, и Ермоловъ объявилъ, что онъ немедленно уѣзжаетъ въ деревню, чтобы достать денегъ для тѣхъ изъ нихъ, которые не имѣли средствъ выѣхать изъ Москвы.

При производствѣ о всѣхъ сихъ обстоятельствахъ слѣдствія, къ оному привлечены были разные лица, которыя, не участвуя въ обществахъ „Адъ“ и „Организаци“, находились въ сношеніяхъ съ ихъ членами по различнымъ преступнымъ замысламъ и предположеніямъ сихъ послѣднихъ.

Маликовъ, Бибиловъ и Оболенскій были главными дѣятелями по предположенію объ устройствѣ Людиковского завода, въ Жиздринскомъ уѣздѣ, Калужской губерніи, и по этому предположенію были въ сношеніяхъ съ членами „Организаци“, которые, узнавъ объ ихъ проектѣ, приняли, какъ выше уже было сказано, участіе въ немъ, чтобы осуществить на этомъ заводѣ ихъ предположенія объ ассоціаціяхъ.

Бывшій студентъ С.-Петербургскаго Университета Александръ Никольскій пріѣзжалъ въ Москву отъ Худякова съ предложеніемъ объ освобожденіи Серго-Соловьевича и находился по этому предмету въ сношеніяхъ съ Ишутиннымъ.

Учителя Маркесъ и Трусовъ и провизоръ Лаунгаузъ участвовали въ

доставлені Страндену яда для поѣздки его въ Сибирь съ цѣлью освободить Чернышевскаго.

Сынъ чиновника Шостакевичъ и дворянинъ Павелъ Маевскій были въ сношеніяхъ съ Ипатовцами, т. е. Ермоловымъ, Загибаловымъ, Ишутинымъ и Странденомъ по укрывательству ими бѣжавшаго изъ Колымажскаго двора въ Москвѣ государственнаго преступника Домбровскаго.

Наконецъ привлечены къ слѣдствію члены общества вспомошествованія и относительно нѣкоторыхъ изслѣдованіемъ обнаружено, что они знали о существованіи „Организаци“.

Изъ всѣхъ означенныхъ лицъ подлежатъ въ настоящее время суду Верховнаго Уголовнаго Суда:

- 1) Малининъ, Орестъ Васильевъ, чиновникъ X класса;
- 2) Ивановъ, Дмитрій Львовъ, студентъ Императорскаго Московскаго Университета;
- 3) Лапкинь, Ѳедоръ Петровъ, сынъ священника;
- 4) Ивановъ, Александръ Ивановъ, дворянинъ;
- 5) Кичинъ, Константинъ Федоровъ, дворянинъ;
- 6) Воскресенскій Дмитрій Алексѣевъ;
- 7) Борисовъ Ѳеофанъ Алексѣевъ;
- 8) Соболевъ, Василій Ивановъ;
- 9) Сергіевскій, Алексѣй Егоровъ;
- 10) Черкезовъ, князь Варлаамъ Джонъ Аслановъ;
- 11) Маликовъ, Александръ Капитоновъ, дѣйствительный студентъ;
- 12) Кутыевъ, Николай Яковлевъ, дворянинъ;
- 13) Марксъ, Максимилианъ Осиповъ, учитель;
- 14) Трусовъ, Болеславъ Даниловъ, учитель;
- 15) Лаунгаузъ, Адольфъ Францевъ, провизоръ;
- 16) Полумордвиновъ, Аполлонъ Петровъ, слушатель Петровской Академіи;
- 17) Шостакевичъ, Болеславъ Петровъ, сынъ чиновника;
- 18) Петерсонъ, Николай Павловъ, бывший учитель;
- 19) Маевскій Павелъ Петровъ, дворянинъ;
- 20) Федосѣевъ, Викторъ Александровъ, дворянинъ;
- 21) Бибиловъ, Алексѣй, мировой посредникъ;
- 22) Оболенскій, Леонидъ, секретарь Козельской уѣздной управы;
- 23) Никольскій, Александръ, бывший студентъ С.-Петербургскаго университета;
- 24) Никифоровъ, Ѳедоръ, мѣщанинъ г. Юхнова;
- и 25) Вознесенскій, Александръ, бывший слушатель Петровской Академіи.

Обвинительные акты, коими сіи лица предаются суду, при семъ прилагаются.

Подлинный подписалъ: Министръ Юстиціи *Д. Замятнинъ*. Скрѣпилъ Директоръ Департамента Министерства Юстиціи *Баронъ Врангелъ*.

Примѣчанія. Члены общества „Адъ“ назывались Мортусами и имѣли цѣлью царевубійство. Мотковъ передалъ Малинину въ подробности всѣ обязанности Мортусовъ самый порядокъ исполненія имъ преступленія царевубійства (соб. показ. т. V л. 304 об., 305 и 305 об.).

Малининъ обвинялся въ принадлежности къ обществу „Организація“, которое имѣло цѣлью ниспровергнуть Правительство во всемъ государствѣ, а также въ знаніи о существованіи другого тайнаго революціоннаго общества „Адъ“, имѣвшаго цѣлью царевубійство, и недонесеніи о семъ Правительству, что составляетъ преступленіе, предусмотрѣнное 250 и 318 ст. Ул.

Остальные всё обвинялись или по обѣимъ этимъ статьямъ, или по одной 818 ст., а нѣкоторые по 241 ст. по 4 ч. 251, 816, 128, 975, 152, Федосѣевъ по 1457 ст. ул.

2.

Обвинительный актъ,

коимъ предается суду Верховнаго Уголовнаго Суда, учрежденнаго Именнымъ Высочайшимъ Указомъ, даннымъ Правительствующему Сенату 29 іюня 1866-го года, сынъ потомственнаго почетнаго гражданина Николай Андреевъ *Ишутинъ*, 26 лѣтъ.

По обстоятельствамъ настоящаго дѣла Николай Ишутинъ обвиняется:

1, въ знаніи о намѣреніи Каракозова совершить царевубійство и недоведеніи о томъ до свѣдѣнія Правительства.

2, въ учрежденіи въ Москвѣ тайнаго революціоннаго общества подъ названіемъ „Адъ“, съ исключительною цѣлью царевубійства.

Двоюродный братъ государственнаго преступника Каракозова, сынъ потомственнаго почетнаго гражданина Николай Андреевъ Ишутинъ со знался въ томъ, что ему было извѣстно намѣреніе Каракозова совершить царевубійство (т. V, стр. 416 показаніе Ишутина). Сознаніе его вполне подтверждается тѣмъ, что во время бытности Каракозова въ Великомъ посту 1866 г. въ Петербургѣ, Ишутинъ посылалъ въ Петербургъ Петра Ермолова и Николая Страндена отыскать Каракозова и уговорить его бросить мысль о царевубійствѣ (V л. 416 об. показаніе Ишутина; т. III ст. 123, 128, т. VI л. 43 показаніе Ермолова, т. V л. 269 показаніе Страндена), тѣмъ родствомъ и отношеніями, въ которыхъ Ишутинъ находился съ Каракозовымъ (т. II л. 143 показаніе Ишутина; т. III стр. 123 об. показаніе Ермолова, т. II, л. 174 показаніе Ишутина; т. VI л. 192 показаніе Ермолова; т. VI л. 182 показаніе Юрасова; т. VI л. 194 показаніе Моткова), разговорами ихъ о необходимости царевубійства (т. V л. 416 показаніе Ишутина) и наконецъ главнѣйшимъ образомъ тѣмъ, что Ишутину было извѣстно, что Каракозовъ, во время пребыванія его въ Петербургѣ для совершенія преступления, останвленнаго прїѣздомъ Ермолова и Страндена, жилъ подъ вымышленною фамиліею Владимірова, и на это имя Ишутинъ писалъ ему письмо, уговаривая его скорѣе возвратиться въ Москву. Письмо это и конвертъ, въ которомъ оно было вложено, съ адресомъ Владимірова былъ найденъ разорваннымъ въ томъ номерѣ Знаменской гостинницы, гдѣ Каракозовъ провелъ послѣдніе дни предъ преступнымъ своимъ покушеніемъ на жизнь Государя Императора (т.

I, л. 98), Кромѣ того, при арестованіи Каракозова найдено было въ его карманѣ письмо, написанное Ишутину (т. I л. 2), въ которомъ есть намеки на предположенное Каракозовымъ преступленіе.

Первоначально Ишутинъ отказывался отъ всякаго участія въ какихъ либо тайныхъ революціонныхъ обществахъ и отрицалъ существованіе „Ада“ и „Организаци“ (т. II л. л. 143, 149, 159; 501; т. IV л. 337), но въ послѣдствіи уличенный имѣющимися въ дѣлѣ свѣдѣніями (т. II л. 337) и показаніями Ермолова, Загibalова, Юрасова, Иванова, Страндена, Каракозова, сознался, что съ 1863 года принималъ дѣятельное участіе въ обществѣ, которое въ дальнѣйшемъ его развитіи преобразовалось въ „организацию“ (показаніе: Ермолова т. V л. 288; Страндена т. V л. 341; Загibalова т. VI, л. 33; Юрасова т. VI л. 38; Петерсона т. VI л. 342), въ теченіе 1867 года устраивалъ школы, библиотеки, артели, мастерскія, (собственное показаніе т. II л. 159), былъ одинъ изъ главныхъ дѣятелей въ предположеніи объ освобожденіи государственнаго преступника Чернышевскаго (собственное показаніе т. III л. 281; показанія: Оболенскаго т. III л. 316; Маликова т. IV л. 53; Страндена т. V л. 89; об. Юрасова т. VI л. 91), укрывалъ государственнаго преступника Домбровскаго (собственное показаніе т. VI л. 95; показанія: Шостакевича—въ дѣлѣ о побѣгѣ Домбровскаго л. 35; Ермолова т. IV л. 332; Юрасова т. IV л. 116 и т. V л. 91; Страндена и Моткова т. V л. л. 345 и 385), принимая всѣ мѣры къ увеличенію числа членовъ общества, привлекалъ молодыхъ людей изъ числа своихъ знакомыхъ въ Москвѣ (показанія Загibalова т. VI л. 35, 36; Моткова т. VI, л. 195 об., Соболева моск. дѣло стр. 68) возбуждалъ Ермолова и товарищей разказами о своей революціонной дѣятельности и большомъ числѣ своихъ поборниковъ (показанія: Моткова т. VI л. л. 195 об., Дм. Иванова т. VII л. 163 об.) и обращался за содѣйствіемъ въ ирисканіи дѣятелей такого рода для провинцій къ жившему въ С.-Петербургѣ домашнему учителю Худякову, съ которымъ былъ въ близкихъ сношеніяхъ и дѣлился мыслями относительно пропаганды революціонныхъ идей (собственное показаніе т. II, л. 480, 496, т. III л. 155 об.; 160; Иванова т. VI л. 142 об.). Отъ Худякова Ишутинъ узналъ о существованіи за-границей революціоннаго Европейскаго Комитета, сообщилъ объ этомъ своимъ товарищамъ (собственное показаніе т. III л. 155, т. V л. 412; показанія: Юрасова и Ермолова т. IV л. л. 114 и 333; Загibalова и Ермолова т. VI л. л. 34 и 42 об.); первый подалъ мысль объ устройствѣ „Ада“. (собственное показаніе т. VI л. 75, 76; показаніе Загibalова т. VI л. 34 об. и Ермолова т. VI л. 42 об.); положилъ начало его образованію, привлекалъ въ это общество членовъ (показанія Моткова т. VI л. 195 и Шаганова т. VI л. 215) и носилъ при себѣ ядъ (стрихнинъ) въ пуговицѣ (т. III л. 212, собственное показаніе т. V л. 410).

По всѣмъ симъ обстоятельствомъ дѣла потомственный почетный гражданинъ Ишутинъ обвиняется:

1-е, въ знаніи о намѣреніи Каракозова совершить царевубійство и недоведеніи о томъ до свѣдѣнія Правительства, что составляетъ преступленіе, предусмотрѣнное 242 и 243 статьями Улож. о наказ. и 2, въ основаніи тайнаго революціоннаго общества „Адъ“ съ исключительною цѣлью царевубійства.

убійства, что составляет преступленіе, предусмотрѣнное 13, 318, 342 и 348-й ст. Улож. о наказаніяхъ. Вслѣдствіе сего вышепоименованный Николай Ишутинъ предается суду Верховнаго Уголовнаго Суда. Составленъ іюля 30 дня 1886 года въ С.-Петербургѣ.

Подлинный подписалъ: Министръ Юстиціи Д. Замятинъ. Скрѣпилъ по листамъ Директоръ Департамента Министерства Юстиціи Баронъ Врангель.

4-е апрѣля 1866 г.

(Изъ моихъ воспоминаній).

3-го апрѣля 1866 г., часовъ въ шесть послѣ обѣда, я сидѣлъ у окна своей квартиры, находившейся противъ воротъ Главнаго Интендантскаго управленія, на Вознесенскомъ проспектѣ.

Вниманіе мое привлечь происходившій въ этихъ воротахъ шумъ. Два сторожа дрались съ какимъ-то молодымъ человѣкомъ, ремесленнаго вида, въ чуйкѣ и картузѣ. Нѣкоторыя подробности этой борьбы вызвали мое любопытство, и я послалъ прислугу, узнать, въ чемъ дѣло. Оказалось, что въ Интендантскомъ Управленіи служилъ курьеромъ (или чѣмъ-то въ этомъ родѣ) Комисаровъ, имѣвшій брата, Осипа, ремесломъ картузника. Этотъ Осипъ запивалъ, въ нетрезвомъ видѣ являлся къ брату и затѣвалъ шумъ, подобный тому, при которомъ я присутствовалъ въ эти минуты, и вслѣдствіе котораго буяна приходилось выпроваживать силою.

То былъ тотъ самый Осипъ Комисаровъ, которому на слѣдующій день предстояло сдѣлаться героемъ событія...

4 апрѣля, тоже въ послѣобѣденное время, я пришелъ къ поэту Аполлону Николаевичу Майкову, въ которомъ—статьи сказать—цѣнилъ истиннаго поэта-художника, но съ которымъ рѣзко расходился въ политическихъ убѣжденіяхъ и взглядахъ, вызывавшихъ частые и доходившіе иногда до ожесточенія споры между нами. Майковъ былъ въ ту пору ультра-консерваторомъ, хотя не дошелъ еще до той, могу сказать, неистовой нетерпимости относительно противоположнаго лагеря, которою онъ отличался въ послѣдніе годы своей жизни. На этотъ разъ, т. е. 4 апрѣля, мы мирно бесѣдовали о чисто литературныхъ, художественныхъ вопросахъ, когда въ комнату опростетью воѣжалъ Федоръ Михайловичъ Достоевскій. Онъ былъ страшно блѣденъ, на немъ лица не было и онъ весь трясся, какъ въ лихорадкѣ.

— Въ царя стрѣляли! вскричалъ онъ, не здороваясь съ нами, прерывающимся отъ сильнаго волненія голосомъ.

Мы вскочили съ мѣстъ.

— Убили?—закричалъ Майковъ какимъ-то—это я хорошо помню—нечеловѣческимъ, дикимъ голосомъ.

— Нѣтъ... спасли... благополучно... Но стрѣляли... стрѣляли... стрѣляли...

И повторяя это слово, Достоевскій повалился на диванъ въ почти истерическомъ припадкѣ...

Мы дали ему немного успокоиться,—хотя и Майковъ былъ близокъ чуть не къ обмороку—и втроемъ выбѣжали на улицу. (Майковъ жилъ въ то время на большой Садовой, противъ Юсупова сада, въ домѣ Куканова).

Въ настоящее время, когда къ подобнаго рода покушеніямъ публика успѣла уже болѣе или менѣе присмотрѣться, невозможно и представить себѣ, что дѣлалось въ Петербургѣ въ этотъ вечеръ 4 апрѣля, когда этотъ выстрѣлъ въ русскаго царя былъ первымъ такимъ выстрѣломъ, раздавшимся въ Россіи... Можно безошибочно сказать, что весь Петербургъ высыпалъ на улицу. Движеніе, волненіе невообразимое. Бѣготня во все стороны, преимущественно по направленію къ Зимнему Дворцу, крики, въ которыхъ чаще всего слышатся слова «Каракозовъ! Комисаровъ!» угрожающія ругательства по адресу перваго, восторженные восклицанія по адресу втораго; группы народа, поющія «Боже, царя храни» и тутъ же импровизированные оркестры, играющіе—и довольно фальшиво, хотя и съ великимъ усердіемъ—тотъ же гимнъ... А въ этихъ толпахъ, характеристическою дисгармоніею, попадаются мнѣ навстрѣчу то тутъ, то тамъ утрюмыя, сердито-разочарованныя лица, вижу я губы, которыя, какъ совершенно ясно для меня, желали бы раскрыться для совершенно иныхъ звуковъ, но чувствуютъ полную невозможность, да и полную бевполезность, даже несомнѣнную опасность такого оппозиціоннаго заявленія въ такую минуту...

Съ Майковымъ и Достоевскимъ я разстался скоро. Они смѣшались съ ликующей толпой, а Майковъ, подъ вліяніемъ охватившаго его патриотическаго одушевленія, нѣсколько времени спустя (какъ я узналъ на слѣдующій день) побѣжалъ домой писать стихотвореніе по этому случаю.

На слѣдующій день, т. е. 5-е апрѣля въ Большомъ театрѣ (онъ въ то время еще существовалъ) состоялся торжественный спектакль. Что гимнъ повторялся несчетное число разъ—это само собою разумѣется; но до неистово радостнаго настроенія довелъ опьянѣвшую публику Майковъ, выступившій въ антрактѣ съ сочиненными ночью стихами—стихами, надо сказать, въ которыхъ «патриотизма» было ужасно много, но дрянности въ литературномъ и поэтическомъ отношеніи—еще больше ¹⁾.

Этотъ слѣдующій день былъ началомъ продолжавшихся, если я не ошибаюсь, недѣли двѣ, празднествъ, собственно обѣдовъ и ужиновъ, въ честь Комисарова. Пьянствовавшій наканунѣ картузъ-

¹⁾ Любопытно, что это стихотвореніе, равно какъ и написанную нѣсколько позже по тому же случаю «Кантату», Майковъ не включилъ въ вышедшее при его жизни полное собраніе своихъ сочиненій; они помѣщены въ 4-мъ, добавочномъ томѣ, изданномъ уже послѣ его смерти.

никъ вдругъ попалъ въ отечественные герои, преобразился, къ великому для себя изумленію, въ ново пожалованнаго русскаго потомственнаго дворянина.

— Вы слышали—спрашивалъ въ нѣмецкомъ «Кладдерадайтѣ» Шульце своего неизмѣннаго собесѣдника Миллера—вы слышали, что въ Петербургѣ въ русскаго царя стрѣляли?

— Да, слышалъ. А не знаете ли, кто стрѣлялъ?

— Дворянинъ.

— А спасъ кто?

— Крестьянинъ.

— Чѣмъ же его наградили за это?

— Сдѣлали дворяниномъ.

Петербургская высшая аристократія, наперерывъ другъ передъ другомъ, старалась позать руку Осипа Комисарова, облобызать Осипа Комисарова, который принималъ эти рукопожатія и лобызанія съ великою робостью, съ комическимъ подбострастиемъ. Самые что ни на есть сановные генералы возили бѣднаго картузника чуть не въ золотыхъ каретахъ изъ дома въ домъ, изъ ресторана въ ресторанъ, уштывая его такими яствами, которыя и во снѣ ему не могли присниться, вливая въ него цѣлыя бочки шампанскаго, одурманивая его привѣтственными рѣчами, въ которыхъ патриотическое краснорѣчіе всевозможныхъ ораторовъ являлось въ полномъ блескѣ и на которыя его заранѣе учили отвѣчать. Почти каждый разъ на эти торжества привозили и супругу новопоставленнаго героя, которая впрочемъ скоро познала свое величіе и придала себѣ титулъ «жены спасителя». Аристократки изъ сливокъ высшаго общества тоже лобызали эту почтенную бабу и находили, что «elle a vraiment quelque chose de très distingué dans sa physionomie», точно также какъ мужчины изъ того же круга серьезно утверждали, что Осипъ Ивановичъ, хотя и простой русскій человѣкъ, «a un air qui prouve la noblesse innée de son esprit et de ses sentiments»...

Я, ради любопытства, былъ на двухъ изъ вышесказанныхъ гастрономически-ораторскихъ увеселеній. Говорю «увеселеній», потому что забавнаго было столько, что хватило бы на любую комедію.

Комисаровъ сидѣлъ между двумя генералами—однимъ военнымъ, другимъ штатскимъ; оба въ полномъ обмундированіи и въ сіяніи своихъ многочисленныхъ звѣздъ. Чествуемаго героя умыли, причесали, облекли въ новенькій длинный сюртукъ при бѣломъ жилетѣ и бѣломъ галстухѣ. По одну сторону штатскаго генерала помѣстили «жену спасителя», напялившую на свое платье платокъ съ необычайно яркими и диковинными цвѣтами. Звѣздоносецъ-сосѣдъ во время обѣда отъ времени до времени нашептывалъ ей что-то, она пучила на него глаза и глупо улыбалась. Супругъ ея сидѣлъ, какъ приговоренный къ смерти, и хотя военный генералъ усердно подливалъ въ его стаканъ всякихъ напитковъ, пилъ мало и осторожно, точно боясь—по недавнимъ

воспоминаніямъ—что хватить черезъ мѣру и подвергнется увлеченію въ кутузку.

Но вотъ подали жаркое, а нѣсколько минутъ спустя застучалъ по тарелкѣ ножъ распорядителя, и мгновенно воцарилась благоговѣйная тишина.

Штатскій генераль поднялся съ своего мѣста, окинулъ все собраніе проникновеннымъ взоромъ, давая ему почувствовать всю торжественность минуты, затѣмъ повернулся къ виновнику праздника—и залился слозьемъ. Цвѣты патріотическо-ораторскаго краснорѣчія, которому въ наши дни позавидовалъ бы даже Борисъ Никольскій, сыпались какъ изъ рога изобилія. Лирическія изліянія чередовались съ фактами изъ русской исторіи, между которыми особенно удачно былъ выдвинутъ подвигъ Минина, поставленный ораторомъ въ параллель съ подвигомъ Осипа Комисарова. Попутно была затронута и всеобщая исторія: краснорѣчивый тайный совѣтникъ пристыдилъ Европу, указавъ, что въ ней, за все время ея существованія, не было подобнаго примѣра «самоотверженнаго героизма» (а въ чемъ тутъ проявился «героизмъ» и особенно «самоотверженіе»—это осталось тайной для неопьянѣвшихъ отъ восторга участниковъ обѣда, знавшихъ, что картузникъ Комисаровъ совершенно спокойно стоялъ въ толпѣ въ то время, когда Александръ II выходилъ изъ Лѣтняго Сада, и почти инстинктивно, ровно ничѣмъ не рискуя, ударилъ Каракова по рукѣ въ ту минуту, когда тотъ направилъ пистолеть въ Государя). Политическій элементъ тоже не отсутствовалъ въ рѣчи штатскаго генерала: въ лицѣ новопоставленнаго дворянина Осипа Ивановича Комисарова (если не ошибаюсь, фамилія «Костромской» была прибавлена къ Комисаровской уже позже)¹⁾, ораторъ привѣтствовалъ русское дворянство, которое удостоилось высокой чести принятія въ свою среду такого достойнаго сочлена и «доблестная миссія котораго въ отечествѣ (я тогда же записалъ эти замѣчательныя слова) нашла себѣ подтвержденіе въ этомъ новомъ благословеніи, посланномъ ему съ высоты небесъ...» Слезы умиленія текли по щекамъ тайнаго совѣтника, когда онъ, окончивъ свою рѣчь, тискалъ въ объятіяхъ совершенно оторопѣвшаго героя, при неописанномъ ревѣ присутствовавшихъ, изъ которыхъ многіе были уже пьяны не въ переносномъ значеніи этого слова. Всѣ полѣзли цѣловаться съ виновникомъ торжества; и я живо помню, какъ одинъ купецъ, упившійся совсѣмъ до положенія ризъ, не найдя возможности пробиться сквозь лобызавшую толпу, принялъ въ свои мощныя объятія «жену спасителя» и душилъ ее такъ усердно, что она взмолилась объ отпускѣ ея души на покаяніе...

Пришла однако очередь говорить самому Осипу Ивановичу. Его конечно заранѣе «муштровали» на это словесное выраженіе своихъ чувствъ, штатскій и военный генералы даже превратились

¹⁾ Указъ о пожалованіи Комисарову потомственнаго дворянства съ наименованіемъ Комисаровымъ-Костромскимъ былъ подписанъ Александромъ II девятаго апрѣля, а опубликованъ 13 апрѣля 1866 года. Ред.

въ суфлеровъ, искусно (какъ имъ казалось) прикрывая свои уста рукою, чтобъ никто не замѣтилъ помощи, оказывавшейся имъ оратору,—но изъ этого ровно ничего не вышло. Осипъ Ивановичъ кланялся во всѣ стороны, бормоталъ: «милостивые мои государи... я... значить... чувствую... потому какъ истинный сынъ отечества... и чувствительнѣйше васъ благодарю»... и посреди какой то велерѣчиво запутанной фразы, подсказанной ему генералами, запнулся, безнадежно махнулъ рукой—и опустился въ кресло. «Молодецъ Осипъ! Говорить какъ по писаному!» крикнулъ во все горло какой-то мѣщанинъ въ чуйкѣ, вѣроятно пріятель героя, а сидѣвшая недалеко отъ меня дама, повидимому изъ большого свѣта, замѣтила своему кавалеру: «Quelle simplicité et quelle grandeur dans cette éloquence de coeur!» Два купца громогласно предложили качать «нашего Осипа Ивановича и супругу его», но аристократическая часть публики воспротивилась этому народному проявленію восторга...

А затѣмъ полились одна за другою рѣчи, одна другой забористѣе. Одинъ ораторъ сравнилъ даже Осипа Ивановича съ тѣми древне-римскими и древне-греческими героями, въ честь которыхъ воздвигались храмы.

— Ну, и построимъ!—крикнулъ пьяный купецъ,—Денегъ у насъ, что ли, нѣтъ? Жертвую хоть десять тысячъ! Бери! Многая лѣта!..

Я вышелъ на улицу. У подъѣзда стояла громадная толпа, всѣ ждали появленія великаго человѣка...

Петръ Вейнбергъ.

Изъ полицейскихъ разслѣдованій 1882 года касательно «противоправительственныхъ сообществъ не столь вредныхъ».

Богатые политическими событіями 1879—1881 годы вызвали въ жизни нѣсколько организацій конституціоналистовъ, исторія которыхъ составляетъ до сихъ поръ одну изъ наименѣе извѣстныхъ страницъ русскаго освободительнаго движенія. Полиція того времени знала кое-что о существованіи и дѣятельности такихъ организацій и производила о нихъ секретныя разслѣдованія. Когда же послѣ перваго марта 1881 года возникли своеобразныя «тайныя общества», извѣстныя подъ именемъ «Охраны» и «Священной Дружины», то, усмотрѣвшая въ этихъ двухъ «обществахъ» конкурентовъ, официальная полиція въ своихъ донесеніяхъ старалась не болѣе не менѣе, какъ *скомпрометировать* «Охрану» и «Дружину» связями ихъ съ «противоправительственными сообществами не столь вредными». Въ издававшемся за границей въ 80-хъ годахъ мало распространенномъ ежемѣсячномъ журналѣ «Общее Дѣло» (іюль 1883 г. № 54) помѣщены весьма любопытные документы, касающіеся затронутой нами темы. Документъ (или документъ, такъ какъ всѣ они носятъ общее названіе «докладная записка № 2») были присланы въ редакцію «Общаго Дѣла» при письмѣ такого содержанія:

«М. Г. Посылаемый вамъ документъ есть страница, выхваченная изъ исторіи борьбы госуд. полиціи съ ея офиціозными конкурентами: св. Дружиной и Охраной. Желая скомпрометировать «Охрану», особенно ей ненавистную, госуд. полиція приводитъ ее въ связь съ общ. Земскаго союза, а общ. З. союза связываетъ съ общ. либер. лиги, которую въ свою очередь уличаетъ въ связяхъ съ террористами. Все такимъ образомъ у нея связано и спутано, такъ что Толстому остается только глотать. Разумѣется, что, занимаясь этимъ вязаньемъ, шпіоны госуд. полиціи всѣхъ мухъ обрацуютъ въ слоновъ, а фантазіи даютъ такой просторъ, что даже извѣстный ученый г. Антоновичъ изображается ими чуть ли не террористомъ. Думая, что публикѣ не совсѣмъ бесполезно было бы знать объ этихъ полицейскихъ фантазіяхъ и продѣлкахъ, я и предлагаю вамъ поспособствовать ихъ оглашенію, помѣщеніемъ въ вашей газетѣ».

Затѣмъ слѣдуетъ самая «докладная записка», озаглавленная «О ходѣ секретнаго дознанія по дѣлу о противоправительственныхъ сообществахъ не столь вредныхъ, съ 1 февраля по 1 июня 1882 года». «Записка» эта представляетъ весьма большой интересъ и потому мы воспроизводимъ ее здѣсь полностью. Она гласитъ слѣдующее:

«Независимо отъ социально-демократическаго (народническаго)¹⁾ предпріятія, извѣстнаго подъ наименованіемъ «Земельной Лиги»,²⁾ предметомъ настоящаго дознанія является противуправительственное сообщество «Земскаго Союза», существованіе коего извѣстно полиціи съ 1878 года. Хотя означенное сообщество не имѣло до сихъ поръ прямого соприкасательства къ народовольческой (террористической) партіи и вслѣдствіе сего отнесено, согласно секретному распоряженію Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ отъ 15 Января 1882 года, къ категоріи сообществъ не столь вредныхъ, однако, въ разсужденіи общественнаго и служебнаго положенія многихъ лицъ, несомнѣнно къ оному принадлежащихъ, а также въ виду сложности, кажущейся благонадежности и неуловимости многихъ пріемовъ, употребляемыхъ названнымъ сообществомъ, невозможно не признать оное безусловно опаснымъ явленіемъ нашей общественной жизни.

«Изъ прилагаемыхъ при семъ показаній и документовъ (За Лит. А. Б. В. Г. и Д.), а также изъ содержанія перехваченнаго письма, адресованнаго отъ неизвѣстнаго лица въ Кларанъ (Швейцарія), на имя Г-жи Помелко (Лит. Д.), представляется возможнымъ установить слѣдующія, едва ли подлежащія сомнѣнію, обстоятельства:

«Въ концѣ 70-хъ годовъ нѣсколько человекъ «земскихъ дѣятелей» различныхъ губерній задумали установить нѣкоторую солидарность между дѣятельностью отдѣльныхъ земствъ, съ каковою цѣлью они учредили небольшіе съѣзды наиболѣе выдающихся земцевъ, встрѣчавшихся каждую осень въ Москвѣ, Кіевѣ или Харьковѣ. Кіевскій съѣздъ, состоявшійся въ концѣ Декабря 1878 года, на которомъ, въ качествѣ делегатовъ отъ Южно-Русскихъ социально-революціонныхъ партій, были приглашены нѣкоторые изъ наиболѣе закоснѣлыхъ крайнофиловъ (Лит. А. показанія 1 и 2-е),—обратилъ на себя вниманіе мѣстнаго Жандармскаго Управленія, вслѣдствіе не вполне осторожныхъ распоряженій коего, дальнѣйшіе съѣзды были обставлены всевозможными мѣрами предосторожности. На земскихъ съѣздахъ преимущественно подвергались обсужденію наиболѣе цѣлесообразныя

¹⁾ Да не подумаетъ читатель, что взятое въ скобки слово «народническаго» принадлежитъ намъ; нѣтъ, мы воспроизводимъ «записку» текстуально,—во всей ея дѣйствительной неопорочности. Ред.

²⁾ Вѣроятно, корректурная ошибка въ «Общемъ Дѣлѣ»; слѣдуетъ читать не «Земельная Лига», а «Земская Лига». Ред.

мѣры для достиженія возможно широкой земской автономіи. Насколько намъ извѣстно, на съѣздѣ 1880 года, участвовало нѣсколько членовъ такъ называемой «Либеральной Лиги», благодаря вліянію коихъ земцы включили въ свою программу слѣдующій пунктъ: «необходимость добиться центрального народнаго представительства, при непремѣнномъ условіи: одной Палаты и всеобщаго голосованія». Послѣ 1-го Марта 1881 года, освѣдомившись, что «Либеральная Лига» не отказываетъ сообществу «Народной Воли» въ нѣкоторой поддержкѣ (денежными взносами и укрывательствомъ), Земцы собрались въ Харьковѣ въ числѣ до 30 человекъ и рѣшили совершенно отдѣлиться отъ «Лиги» и дѣйствовать самостоятельно. вмѣстѣ съ тѣмъ была выработана программа, представляющая изъ себя довольно объемистое сочиненіе отлитографированное въ весьма незначительномъ числѣ экземпляровъ и получившее названіе «Программы Земскаго Союза 1881 года».

«Содержаніе этой программы сводится къ слѣдующимъ пунктамъ:

«1) Отрицаніе террора «правительственнаго» и революціоннаго.

«2) Упраздненіе подушной подати и уравненіе налоговъ, податей и повинностей.

«3) Децентрализація Государственнаго Управленія по общинамъ, волостямъ, уѣздамъ и областямъ.

«4) Центральное народное представительство «въ смыслѣ полноправнаго законодательнаго органа», ограничивающаго и прямо упраздняющаго Самодержавную Его Императорскаго Величества власть (см. прил. Б.).

«Хотя по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ (см. лит. В.) подлинная программа «Земскаго Союза» испещрена увѣреніями въ вѣрно-подданныческихъ чувствахъ преданности Престолу и Отечеству, а также постоянными указаніями на благоразуміе и охранительное настроеніе огромнаго большинства русскаго народа, однако слѣдуетъ признать, что означенныя увѣренія и указанія до такой степени не вяжутся съ вышеизложенною программой, что таковыя должны, по совѣсти, быть признаны если не обманчивыми, то, по малой мѣрѣ, натянутыми. Къ тому же съѣздомъ 1881 года рѣшено эту программу проводить всѣми мѣрами: 1) вліяніемъ на правительственныхъ лицъ; 2) устною пропагандою въ интеллигентной средѣ и 3) воздѣйствіемъ на общественное мнѣніе путемъ печати. Непремѣннымъ условіемъ такого рода пропаганды признана абсолютная осторожность.

«Вліяніе на правительственныхъ лицъ въ означенномъ направленіи приняло на себя небольшое число пропагандистовъ, принадлежащихъ къ такъ называемому высшему обществу и имѣющихъ по своему положенію, возможность исподволь проводить идею федеративнаго конституціонализма въ высшихъ и даже въ придворныхъ сферахъ. Эта группа составляетъ, по но-

менклатурѣ изслѣдуемаго общества, крайнюю его правую сторону; она имѣеть въ виду доказать преданность конституціоналистовъ монархическому принципу и даже готовность ограждать личность монарха отъ преступныхъ покушеній. Не подлежитъ сомнѣнію, что эта группа имѣеть соприкасательство съ С.-Петербургскимъ Обществомъ Добровольной Охраны. Извѣстно, что съ Января мѣсяца 1882 года названное общество вступило въ соглашеніе съ такъ называемою Священною Дружиною; въ силу сего соглашения общество Добровольной Охраны обязалось лично ограждать священную особу государя императора отъ преступныхъ покушеній, не принимая участія въ преслѣдованіи какихъ бы то ни было политическихъ убѣжденій. Послѣдняя оговорка не представляетъ діаметральнаго противорѣчія вышеизложенной программѣ Земскаго Союза (смотри лит. Б. пунктъ 1).

«Устная пропаганда въ «интеллигентной» средѣ не представляется возможною членамъ союза въ виду ихъ ультра-легальнаго положенія, вслѣдствіе чего она возложена на извѣстное число посредниковъ изъ лицъ, принадлежащихъ къ свободнымъ профессіямъ. Имѣются указанія, что для огражденія этихъ посредниковъ отъ правительственнаго преслѣдованія выработанъ «особый приемъ». Приемъ этотъ основывается на соприкасательствѣ одной изъ группъ «союза» къ Добровольной Охранѣ, дающемъ возможность представить дѣятельность посредниковъ въ видѣ агентурной «провокаторской» работы, обезпечивающей ихъ вполне отъ подозрѣнія полиціи.

«Воздѣйствіе на общественное мнѣніе путемъ печати представляло наиболѣе серьезныя затрудненія. Печатаніе отдѣльныхъ статей въ различныхъ газетахъ изображало мнѣніе «союза» въ отрывочномъ видѣ. Соглашеніе съ одною изъ существующихъ газетъ или основаніе новой легальной газеты не обѣщали лучшихъ результатовъ, такъ какъ съ увольненіемъ Гр. Лорисъ-Меликова «даже междустрочная пропаганда сдѣлалась невозможною». При таковыхъ условіяхъ было рѣшено издавать русскую газету за границею, причемъ признано необходимымъ: 1) маскировать всякое соотношеніе между означенною газетою и союзомъ, искусственно приписавъ газетѣ значеніе революціоннаго органа или, въ крайнемъ случаѣ, полицейскаго предпріятія, 2) учредить нелегальную перевозку газеты черезъ границу. Для приведенія этого плана въ исполненіе было избрано 3 уполномоченныхъ отъ Земскаго Союза, имена коихъ предположительно указаны въ приложеніи (см. лит. Г.). На первыхъ же порахъ обнаружилось, что означенное предпріятіе представляетъ нѣкоторые шансы на успѣхъ въ томъ только случаѣ, если къ дѣлу будутъ привлечены опытные революціонныя силы, искусившіяся въ конспиративной работѣ. Для этого пришлось обратиться къ содѣйствію одного изъ вышеупомянутыхъ посредниковъ. Нѣкто Крапивинъ (псевдонимъ) отправился въ Парижъ и вступилъ по сему предмету въ переговоры съ извѣстнымъ эмигрантомъ Петромъ Лавровымъ. Съ

первыхъ же словъ оказалось невозможнымъ разсчитывать на его содѣйствіе, ввиду явнаго его сочувствія террористической фракціи. Послѣ сего Крапивинъ отправился въ Женеву, гдѣ ему удалось завязать отношенія съ проживающимъ тамъ эмигрантомъ, бывшимъ Проф. Кіевскаго Университета Драгомановымъ, украинофиломъ, умѣреннымъ революціонеромъ и по свидѣтельству (имя шифромъ) «человѣкомъ не только обширнаго ума и образованія, но вполне цивилизованнымъ и до тонкости совѣстливымъ» (см. лит. Г.). Результатомъ этихъ сношеній было рѣшеніе, принятое съ обѣихъ сторонъ, издавать подъ негласнымъ руководствомъ Драгоманова еженедѣльную газету «Вольное Слово», программа коей представляется компромиссомъ между программою Земскаго Союза и политическими убѣжденіями Драгоманова. При семъ достойно вниманія, что газета стала издаваться до окончательнаго заключенія компромисса, и лишь только удалось установить соглашеніе по слѣдующимъ тремъ пунктамъ: 1) противодѣйствіе террору и пропаганда въ пользу чистоты политическихъ нравовъ, 2) замѣна губерній областями и 3) исключеніе изъ передовыхъ статей «Вольнаго Слова» социалистическихъ доктринъ. Соглашеніе по прочимъ пунктамъ состоялось не раньше Декабря 1881 года.

«Въ настоящее время, ввиду строгихъ мѣръ, принимаемыхъ на границахъ, «Земскій Союзъ» находитъ затруднительнымъ дальнѣйшій ввозъ заграничной газеты и распространеніе оной въ Россіи. Затрудненіе это усугубляется еще тѣмъ, что, по мнѣнію нѣкоторыхъ членовъ союза, въ число перевозчиковъ «втерся шпионъ Государственной полиціи» (лит. Д). Ввиду этого земцы намѣреваются воспользоваться отношеніями, завязанными съ революціонной партіею, для перенесенія своей публицистической дѣятельности изъ заграницы въ Россію, въ видѣ нелегальной газеты, издающейся кружкомъ, солидарнымъ съ союзомъ по убѣжденіямъ, но организованнымъ на такихъ началахъ, которыя, въ случаѣ неудачи, исполнѣ предохранили-бы организацію союза и личный составъ онаго отъ разоблаченій.

«Нѣтъ сомнѣнія, что дальнѣйшее производство секретнаго дознанія пополнить имѣющіяся нынѣ, не исполнѣ достаточныя, свѣдѣнія о значеніи и цѣляхъ общества Земскаго Союза и дать возможность составить точный и подробный списокъ лицъ, имѣющихъ къ оному прямое или косвенное соприкасательство. Необходимо при семъ высказать, что, хотя означенное сообщество представляется, на первый взглядъ, принадлежащимъ къ категоріи не столь вредныхъ, но въ разсужденіи близости и постоянныхъ отношеній онаго къ обществу Добровольной Охраны, — пользующемуся, по всѣмъ видимостямъ, особымъ довѣріемъ монарха, — оно достойно бдительнѣйшаго наблюденія со стороны Государственной полиціи. Предположеніе о потворствѣ или укрывательствѣ въ пользу Земскаго Союза со стороны Добровольной Охраны представляется, конечно, весьма невѣроятнымъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не пожалѣть о томъ: 1) что высокое по-

ложение нѣкоторыхъ изъ членовъ сей охраны мѣшаетъ привлеченію ихъ къ дознанію, конечно не въ видѣ обвиняемыхъ, но лишь въ качествѣ свидѣтелей; и 2) что сопричисленіе Земскаго Союза, согласно секретному распоряженію Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ отъ 15-Января 1882 года, къ категоріи противуправительственныхъ обществъ не столь вредныхъ и подчиненіе дальнѣйшихъ разслѣдованій по сему предмету особымъ правиламъ, изложеннымъ въ означенномъ секретномъ распоряженіи, лишаетъ настоящее дознаніе содѣйствія исполнительныхъ полицейскихъ органовъ, безъ помощи коихъ едва ли окажется возможнымъ освѣтить съ надлежащею ясностью всѣ отношенія и развѣтвленія разслѣдуемаго общества».

Приложеніе лит. А.

1. Выписка изъ дознанія Киевскаго Жандармскаго Управленія отъ 9 января 1879 года.

„Независимо отъ вышеизложеннаго движенія среди такъ называемыхъ „кошей“ „курней“, особое вниманіе обращено еще на сборища лицъ, не имѣющихъ прямого соприкосновенія къ революціонному движенію, но тѣмъ не менѣе извѣстныхъ по своимъ противуправительственнымъ, „конституціоннымъ“ воззрѣніямъ. Изъ вполне достовѣрнаго источника извѣстно, что во второй половинѣ декабря 1878 года до 15 лицъ, принадлежащихъ къ упомянутой группѣ, ежедневно собирались въ одномъ изъ домовъ расположенныхъ на Подолѣ. Въ эти собранія приглашались представители разныхъ социальнореволюціонныхъ партій, между прочимъ проф. Киевскаго Университета Антоновичъ, преподаватели Киевской военной гимназіи Павелъ Житецкій и Бернштамъ и другіе, явившіеся съ цѣлью отстаивать свои теоріи противъ предложенія „конституціоналистовъ“ о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ въ духѣ конституціи. Сообщитель увѣдомилъ Жандармское Управленіе (со словъ Житецкаго), что съѣздъ группы конституціоналистовъ состоялъ преимущественно изъ земцевъ, между которыми преобладающее вліяніе имѣли Черниговскіе земцы, изъ коихъ особенно выдѣлялся нѣкто Линденсъ или Линдесъ. Свѣдѣніе это къ сожалѣнію было сообщено нѣсколько поздно, такъ что наблюдательной агентурѣ не удалось намѣтить лицъ участвующихъ въ упомянутыхъ совѣщаніяхъ. Что же касается до личности указанной Житецкимъ подъ именемъ Линденсъ или Линдесъ, то слѣдуетъ полагать, что дѣло идетъ о Присяжномъ Повѣренномъ Линдфорсѣ, владѣющемъ имѣніемъ недалеко отъ Чернигова и извѣстномъ уже по своимъ сношеніямъ съ семействомъ земскаго врача Каминера, несомнѣнно принадлежащаго въ социальнореволюціонной партіи“.

2. Выписка изъ свода указаній, данныхъ нѣкоторыми изъ арестованныхъ по дѣламъ о Государственныхъ преступленіяхъ. Май 1880 годъ.

„Старицкій Михаилъ Петровичъ, дворянинъ, проживающій въ Кіевѣ, занимался сухарнымъ дѣломъ во время войны. Объ немъ упоминають

почти всё сознавшие въ своихъ заблужденіяхъ. Такъ Веледницкій указываетъ, что Старицкій участвовалъ не только въ дѣлахъ общества „Старая Громада“, но еще въ сборищахъ „Земцевъ конституціоналистовъ“, при чемъ пытался установить нѣкоторую солидарность между этими двумя группами.—Богословскій же въ своемъ показаніи указываетъ на Старицкаго, какъ на лицо, которое онъ встрѣчалъ въ квартирѣ Волкова и которое извѣстно ему за помѣщика Киевской губерніи, переводившаго разныя революціонныя сочиненія на малорусскій языкъ, за что получилъ отъ помѣщика Черниговской губерніи Тарновскаго по нѣскольку разъ значительныя суммы. По словамъ Богословскаго, Старицкіи считаетъ Гадновскаго членомъ Земскаго сообщества, добивающагося водворенія конституціоннаго порядка въ Россіи.—Львовы, (указанные Веледницкимъ какъ Московскіе аристократы), несомнѣнно принимали участие въ названныхъ проискахъ. Нѣкто Басовъ, (нынѣ эмигрантъ), получилъ черезъ посредство Михаила Дригнѣвича мѣсто гувернера въ домѣ Львовыхъ. Въ 1878 году Басовъ возвратился въ Кіевъ съ полученными отъ Львова 900 р., данными ему какъ-бы въ награду за службу, въ сущности же на устройство социалистической рабочей артели.—Уже въ то время существовали довольно интимныя отношенія между Львовою и Ротмистромъ, (имя шифромъ), который по всей вѣроятности не откажетъ дать требуемыя разъясненія касательно благонадежности семейства Львовыхъ“.

3. Выписка изъ показаній бывшаго студента Новороссійскаго Университета Герасима Романенко, (арестованнаго въ Москвѣ 7 ноября 1881 года).

„Въ концѣ 1879 года Романенко отправился въ Италію, а въ августѣ 1880 года переселился въ Швейцарію, гдѣ между прочимъ узналъ объ оговорѣ Гольденберга, обвинявшемъ его, (по всѣмъ видимостямъ неправильно), въ прямомъ участіи въ царубійственныхъ замыслахъ подъ руководствомъ государственнаго преступника Колодковича. Въ Женевѣ Романенко сошелся съ русскими эмигрантами и въ особенноти сблизился съ (имя шифромъ), принадлежащимъ къ партіи народниковъ, съ которымъ выработалъ: „программу общественной организаціи, направленной въ смыслѣ требованія отъ правительства преобразованій“. Эту программу онъ намѣревался предложить на обсужденіе партіи „Народной Воли“ и въ случаѣ согласія ея,—войти въ сношенія съ Исполнительнымъ Комитетомъ; въ противномъ случаѣ, вести дѣло независимо отъ него при содѣйствіи „либераловъ“. Романенко указываетъ, что онъ дѣйствительно вступилъ въ сношенія съ вышеупомянутымъ Комитетомъ въ Іюнь 1881 года, но отъ подробнаго изложенія сношеній отказался. Изъ его объясненій слѣдуетъ заключить: 1) что означенныя сношенія не лишили его извѣстной свободы въ дѣйствіяхъ; 2) что онъ примкнулъ къ той группѣ членовъ революціонной партіи, которая занимается литературнымъ дѣломъ; и 3) что онъ разновременно вступалъ въ переговоры съ нѣкоторыми членами такъ называемой „конституціоналистической“ партіи, въ числѣ которыхъ ему

извѣстны два видныхъ земскихъ дѣятеля, (имена шифромъ), пользующихся, будто-бы, полнымъ довѣріемъ мѣстныхъ правительственныхъ властей. Одно изъ послѣднихъ лицъ разсматривало съ нимъ вышеупомянутую „программу общественной организаци“ и сдѣлало на оной письменное добавленіе о преимущественности воздѣйствія на правительство „изморомъ“ (т. е. не-платежемъ податей) надъ всякою иною насильственно-революціонною мѣрою. Безпристрастная группировка вышеизложенныхъ показаній позволяетъ заключить о существованіи въ теченіи прошлаго лѣта политическихъ сношеній между „земцами-либералами“ (очевидно принадлежащими къ Земскому союзу) и лицами имѣвшими прямое соприкосновеніе къ революціонной партіи“.

4. Выписка изъ дознанія производимаго по дѣлу о задержаніи Севастопольскаго мѣщанина Петра Аврамова Теллалова (арестованнаго въ С.-Петербургѣ 17 декабря 1881 года).

„При арестѣ Теллалова, на немъ найдены: кинжалъ, нѣсколько экземпляровъ № 3 Рабочей газеты (8 декабря 1881 г.), 5 листовъ озаглавленныхъ „Рабочая группа партіи Народной Воли“, тетрадь подъ заглавіемъ „бей ворону, бей галку и орла пришибешь“ нѣсколько экземпляровъ шифрованныхъ записокъ и письмо, подписанное псевдонимомъ „Тигръ“. Въ этомъ письмѣ, адресованномъ къ нѣкому Михаилу Семеновичу, предлагается ему взяться за одно важное и весьма секретное дѣло, „болѣе твердое и болѣе прочное“, нежели предъидущія предпріятія. Далѣе указывается на то, что „вся работа должна лежать на легальныхъ“. Упомянувъ о какихъ-то „посредникахъ“, авторъ письма замѣчаетъ, что „чѣмъ легальнѣе посредникъ, тѣмъ онъ надежнѣе“. Въ заключеніе сообщается объ изданіи заграницей журнала научно-соціалистическаго направленія, съ русскою хроникою и корреспонденціями“.

Сопоставляя выраженіе „почвенное“, (употребляемое по преимуществу земцами-либералами въ противоположность „безпочвеннымъ“ предпріятіямъ революціонеровъ“), съ указаніемъ на новое заграничное изданіе „научно-соціалистическое“, слѣдовательно и болѣе умѣреннаго направленія, нельзя не придти къ заключенію, что письмо, за подписью „Тигръ“, заключаетъ въ себѣ ясное указаніе на нѣкоторую связь между революціонною партіею и предпріятіями земскихъ дѣятелей; связь существовавшую по всѣмъ вѣроятіямъ въ декабрѣ мѣсяцѣ прошедшаго года“.

Приложеніе лит. В.

„Программа Земскаго Союза 1881 года (литографированная или гектографированная на 67 страницахъ) находилась въ рукахъ трехъ секретныхъ сообщителей, никакихъ отношеній другъ съ другомъ не имѣющихъ, и показанія коихъ по сему предмету сходятся до подробностей. Указанія, имѣющіяся относительно предисловія и заключенія программы, изложены въ приложеніи за Лит. В. Фактическая же сто-

рона программы, проверенная, как сказано выше, тремя прекрасными свидетельствами, сводится къ слѣдующимъ пунктамъ.

„1. Отрицаніе террора правительственнаго и революціоннаго. Рѣшительное устраненіе административной инициативы отъ государственныхъ функций судебныхъ и законодательныхъ. Въ связи съ этимъ уничтоженіе административной высылки и экстраординарныхъ военно-административныхъ мѣръ; судебное разбирательство проступковъ по дѣламъ печати и проч. Свобода вѣроисповѣданій и политическихъ убѣжденій.

„2. Упраздненіе подушной подати и выкупныхъ платежей. Въ связи съ этимъ: финансовая операція, клонящаяся къ даровому надѣленію бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, (какъ временно-обязанныхъ, такъ и пользующихся четвертнымъ или уменьшеннымъ надѣломъ), высшею нормою надѣла данной мѣстности; при чемъ расходы на сію операцію предлагается покрыть помощью государственнаго займа. Обложеніе пропорціонально имущественной состоятельности каждаго. Уравненіе всякаго рода повинностей. Постепенная отмѣна косвенныхъ налоговъ, начиная съ предметовъ всеобщаго потребленія. Уравненіе всякихъ привиллегій по состоянію, имуществу и образованію.

„3. Децентрализація государственнаго управленія по всесословнымъ общинамъ, волостямъ, уѣздамъ и областямъ; (первонач. редація: губерніямъ): а) Всесословная община: экономическая, судебная и низшая полицейская единица, самостоятельная и не подлежащая правительственному вмѣшательству. Всѣ общественныя службы, въ томъ числѣ и охрана личной безопасности, возлагается на людей, избранныхъ всеобщимъ голосованіемъ. Всесословный общественный судъ, руководящійся обычнымъ правомъ. б) Всесословная волость: финансовая, судебная и низшая административная единица. Раскладка земскихъ и государственныхъ податей и повинностей, согласно пункту II-му; Мировой судъ,—апелляціонная и кассационная инстанція по отношенію къ общинному суду; в) Уѣздное земство, избираемое всеобщею подачею голосовъ: самостоятельная культурная, (низш. и сред. учебн. заведенія) судебная, (Мировой Съѣздъ), и административная, (избранный исполнительный органъ), единица; г) Областное земство: законодательная, (по вопросамъ о мѣстныхъ нуждахъ), и высшая культурная единица; назначеніе въ каждую область уполномоченнаго отъ центральной власти для связи ея съ обще-государственнымъ управленіемъ; недоразумѣнія между уполномоченнымъ и областнымъ земствомъ разрѣшаются особымъ судебнымъ учрежденіемъ, избираемымъ соборомъ.

„4. Центральное народное представительство, не въ смыслѣ совѣщательнаго, но полноправнаго законодательнаго органа. Земскій соборъ, состоящій изъ двухъ палатъ, засѣдающихъ вмѣстѣ лишь въ качествѣ учредительнаго собранія. Верхняя Палата,—изъ депутатовъ отъ областныхъ земствъ, снабженныхъ „обязательнымъ полномочіемъ“. Нижняя Палата, изъ депутатовъ отъ особыхъ избирательныхъ съѣздовъ. Съѣзды состоятъ изъ гласныхъ, избранныхъ всеобщимъ голосованіемъ всесословныхъ общинъ. По примѣрному расчету одинъ гласный приходится на 200 т. жителей, что даетъ на всю Россію палату въ 450 человекъ.

Приложеніе лит. В.

„Благодаря счастливой случайности представилась возможность познакомиться съ нѣкоторыми выдержками изъ программы Земскаго Союза 1881 г., дающими понятіе о мнимо-вѣрноподданническомъ слогѣ сего сочиненія, скрывающемъ замыслы, если не прямо революціонные, то, во всякомъ случаѣ, въ высшей степени не благонамѣренные. А именно: согласно показаніямъ двухъ изъ упомянутыхъ въ прил. Б секретныхъ сообщителей, предисловіе и заключеніе подлинной программы Земскаго Союза заключаетъ въ себѣ мѣста, почти слово въ слово сходящіяся съ частною запискою (имя шифромъ) поданною на Высочайшее имя 23 мая 1881 г. и переданною на заключеніе Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ. Выписки изъ упомянутой записки приводятся здѣсь, конечно, не съ тѣмъ, чтобы бросить какую либо тѣнь на вѣрноподданническую чувства автора записки, пользующагося личнымъ довѣріемъ Государя Императора, но лишь съ цѣлью ознакомиться съ литературнымъ произведеніемъ, въ которомъ, (по показанію двухъ свидѣтелей), дословно повторяются цѣлыя разсужденія, встрѣчающіяся въ программѣ Земскаго Союза, и тѣмъ самымъ освѣтить замыслы противузаконнаго общества, подлежащаго настоящему секретному дознанію; тѣмъ болѣе, что подлинная программа сего общества не подлежала разсмотрѣнію Департамента Государственной Полиціи.

„Выписки изъ докладной записки, (имя шифромъ). 1. Страницы 2-я и 3-я.

„Трудно послѣ этого представить, чтобы Россія могла долго оставаться единственнымъ исключеніемъ въ семьѣ европейскихъ государствъ и чтобы она не удостоилась отъ своего Государя того довѣрія, которое онъ оказываетъ своимъ Финляндскимъ подданнымъ или покровительствуемымъ имъ Славянамъ. Если-же за симъ ближе всмотрѣться во внутреннюю связь всѣхъ преобразованій, ознаменовавшихъ послѣднее царствованіе, то столь-же трудно предположить, чтобы, послѣ освобожденія крестьянъ, гласнаго суда и пр... вся эта совокупность коренныхъ реформъ не была доведена до конечной цѣли, ей логически указана, и чтобы могла быть кѣмъ-либо поставлена непреодолимая преграда дальнѣйшему развитію нашей государственной жизни. И на самомъ дѣлѣ, будетъ-ли подобная преграда въ состояніи удержаться, не только противъ возрастающаго напора общественнаго мнѣнія, но и противъ практической необходимости обращаться къ силамъ страны для разрѣшенія и пр... Не слѣдуетъ ли напротивъ того признать, что введеніе представительнаго начала въ нашъ государственный строй принадлежитъ къ числу тѣхъ историческихъ явленій, которыя человѣческая воля не въ состояніи предотвратить, и что предстоящая нынѣ задача заключается не въ упорномъ и бесплодномъ противодѣйствіи неизбѣжному преобразованію, но въ изслѣдованіи тѣхъ условій, при которыхъ это преобразование могло бы совершиться съ наибольшею пользою, или по крайней мѣрѣ съ наименьшею опасностью.

2. Страницы 11, 12 и 13:

„Беззавѣтная преданность царю столь глубоко вкоренена въ огром-

номъ большинствѣ русскаго народа, что трудно себѣ представить возможность открытой борьбы съ Государемъ для захвата его верховныхъ правъ. Во всякомъ случаѣ, если-бы даже и была сдѣлана подобная попытка, то правительству, на долгое еще время, обезпеченъ легкій и несомнѣнный успѣхъ.... На самомъ дѣлѣ этого не будетъ. Нельзя отрицать, что въ Россіи находится не малое число людей враждебно настроенныхъ не только по отношенію къ настоящему государственному строю, но и къ власти и къ личности Государя; что эти люди обладаютъ особою энергіею, сильною организаціею и во многихъ случаяхъ значительнымъ талантомъ... Очень можетъ быть, что нѣкоторое число этихъ лицъ проникнетъ въ будущее собраніе и будетъ въ состояніи завлечь людей, лишенныхъ самостоятельныхъ убѣжденій и легко увлекаемыхъ чужимъ краснорѣчіемъ.

„Но тѣмъ не менѣе эта группа, публично поставленная лицомъ къ лицу ко всей массѣ русскаго народа и чувствуя свое численное ничтожество, не отважится на гласное изъявленіе своихъ анархическихъ убѣжденій. На этой почвѣ отъ вождей означенной группы не только невозможно ожидать открытаго посягательства на Верховную власть Императорскаго Величества, но даже продолженія тѣхъ подпольныхъ приемовъ, посредствомъ которыхъ они нынѣ безуспѣшно преслѣдуютъ наше государственное и общественное разложеніе.

3. Страницы 25 и 26.

„Но рядомъ съ этимъ огромнымъ большинствомъ, составляющимъ несокрушимый, но такъ сказать пассивный, оплотъ верховной власти, имѣется меньшинство незначительное по сравнительному числу членовъ, но представляющее огромную важность по нравственному своему значенію. Это меньшинство обнимаетъ всю безъ исключенія образованную часть общества и къ нему примыкаютъ всѣ новыя силы, постоянно выдѣляющіяся, по мѣрѣ успѣховъ просвѣщенія, изъ глубины народныхъ массъ. Если принять въ соображеніе, что къ этому меньшинству принадлежатъ всѣ лица, занимающія административныя и судебныя должности, трудящіяся на поприщѣ науки, литературы, журналистики, адвокатуры, всѣ общественные дѣятели,.... то нельзя не признать, что въ этой сравнительно малочисленной группѣ людей сосредоточивается государственная и общественная жизнь, и что безъ ихъ постояннаго содѣйствія, наше отечество не только потеряло-бы свое мѣсто въ семьѣ образованныхъ народовъ, но и лишилось-бы всякаго жизненнаго организма и обратилось-бы въ безсильное сочетание разрозненныхъ единицъ... Стремленія всѣхъ лицъ, составляющихъ это меньшинство, до крайности разнообразно; но между ними преобладаетъ одно общее чувство; это,—болѣзненное неудовольствіе настоящимъ и нетерпѣливое ожиданіе той минуты, когда живыя силы страны будутъ призваны къ участию въ государственномъ управленіи. Это возрастающее стремленіе образованной части нашего общества есть такое явленіе, которымъ было-бы безразсудно пренебрегать; тѣмъ болѣе, что никакая уступка, сдѣланная по сему направленію не будетъ въ состояніи поколебать простую и твердую вѣру въ царя, отражающуюся въ остальной массѣ русскаго народа“.

Приложеніе лит. Г.

Выписка изъ ежемѣсячнаго донесенія Секретнаго Отдѣленія С.-Петербургской Городской Полиціи, 1 Октября 1881 года.

„Секретная агентура извѣщаетъ о выдающейся роли А, (имя шифромъ), Б, (имя шифромъ) и В, (имя шифромъ), въ собраніяхъ лицъ намѣченныхъ въ качествѣ сторонниковъ Земской агитаціи. Характеръ этихъ собраній существенно отличается отъ революціоннаго направленія, господствующаго въ большинствѣ кружковъ, подлежащихъ наблюденію внутреннихъ агентовъ. Террористическія предпріятія безусловно осуждаются; Партія Народной Воли, задавшаяся мыслью выразить „пожеланія несуществующаго въ Россіи пролетаріата“ признается „безпочвенною и тормозящею домогательства“ прочихъ оппозиціонныхъ элементовъ, выражающихъ будто-бы, дѣйствительныя нужды и требованія огромнаго большинства населенія; дѣятельность поименованной партіи признается временною, торопливою и несущественною и всякая съ нею солидарность строго возбраняется. Тѣмъ не менѣе постоянно повторяются горькія и непочтительныя нареканія на существующій порядокъ вещей и въ частныхъ разговорахъ нерѣдко слышатся возгласы и замѣчанія, подходящіе подъ опредѣленіе Государственныхъ преступленій, предусмотрѣнныхъ 246 ст. Улож. о наказ. Крайне осторожное наружное наблюденіе, учрежденное за вышепоименованными А, Б и В, указало на постоянныя ихъ сношенія съ кругомъ знакомыхъ вполне благонадежныхъ, между прочимъ съ нѣкоторыми изъ членовъ такъ называемой Добровольной охраны, (поименованныхъ въ прилагаемой отдѣльной запискѣ). По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ А, Б и В избраны „делегатами“ вышеописаннаго Земскаго кружка; имѣются указанія на участіе упомянутыхъ лицъ въ какомъ-то литературномъ предпріятіи, долженствующемъ „пріучать общественное мнѣніе къ западноевропейскому конституціонализму“. Нерѣдко упоминаются въ разговорахъ имена эмигрантовъ Лаврова и Драгоманова, при чемъ означенные эмигранты признаются какъ бы полезными и почтенными дѣятелями. На собраніи 17 сентября въ гостинницѣ Демуть В назвалъ Лаврова „піонеромъ соціальной науки, человѣкомъ безусловно честнаго и гуманнаго характера и, конечно, не террористомъ“; Драгоманова же охарактеризовалъ человѣкомъ „не только обширнаго ума и образованія, но еще вполне цивилизованнымъ и до тонкости совѣстливымъ“. Въ разговорѣ указывалось между прочимъ на „смѣшеніе понятій, господствующее въ Священной Дружинѣ“ и на необходимость повліять на означенную „Дружину“ черезъ посредство нѣкоторыхъ членовъ С.-Петербургской Добровольной Охраны, въ томъ смыслѣ, чтобы выгородить вышеупомянутыхъ эмигрантовъ изъ числа лицъ, признанныхъ главарями террористической партіи. А. обѣщалъ переговорить отъ этомъ съ (имя шифромъ), замѣтивъ однако, что „ввиду полной безопасности Государя за-городомъ“ и „невозможности покушенія на его жизнь“, упомянутый разговоръ не „представляется на практикѣ неотложно спѣшнымъ“. На томъ же вечерѣ организація и цѣли „Дружины“ безусловно осужда-

лись и признавались столь-же незаконными и беспочвенными, какъ и предприятия террористовъ революціонеровъ. Общество-же „Добровольной Охраны“ признавалось учрежденіемъ если не вполне нормальнымъ, то по крайней мѣрѣ дѣйствующимъ на законной почвѣ и задавшимъ „полезными“ политическими цѣлями“.

Приложеніе лит. Д.

Выписка изъ письма неизвѣстнаго лица на имя Г-жи Помелко въ Швейцарію (Кларанъ).

Адресъ: Въ Швейцарію Женева Suisse, Clarens Canton de Vaud
cartier de Platane maison Vichaud M-me Olga Pomelko.

Переводъ съ малорусскаго.

„Прямо до дѣла: Я познакомился съ перевозчиками В. С. Одинъ изъ нихъ былъ мнѣ раньше знакомъ.—Другой,—тоже; но онъ не называется мнѣ.—Это „панъ“ Піотровскій, котораго и вы знаете и о которомъ было напечатано въ Народной Волѣ, что онъ шпіонъ. Я его не видѣлъ, но онъ, говорятъ, занимается здѣсь перевозкою В. С. Знакомый мнѣ перевозчикъ говоритъ, что онъ не шпіонъ, и что Народная Воля ошиблась. Я-же думаю, что И. К. не печатаетъ слегка, а о такихъ дѣлахъ подавно. Напишите, будьте ласковы, что за человекъ этотъ „панъ“ и чѣмъ онъ теперь занимается. Кромѣ того рассказываютъ, что нѣкоторые подписчики В. С. дѣйствуютъ съ вѣдома Священной Дружины ¹⁾; Вы, говорятъ, ручаетесь, что кромѣ пользы украинскому дѣлу, ничего изъ того не выйдетъ и мучениковъ не будетъ. Конечно, Ваше и Аксельрода ручательство вполне достаточно, но все-же просимъ объяснить въ чемъ дѣло... Надо будетъ ближе сойтись съ перевозчиками. Какъ бы не вышла шкoda съ „паномъ“. Пусть плательщики смѣнятъ его, безъ чего опасно имѣть съ нимъ дѣло.—Книжки „Громады“ и В. С. розданы по-рукамъ. Читають, но къ сожалѣнію у однихъ чиновничьи думки, другіе-же не наши. Украина богата Московскимъ яacobинствомъ. Пора, давно пора намъ быть самостоятельными, а не московскими прихвостнями.—Пишите-же“.

Къ всей этой исторіи, равно какъ и къ личностямъ г.г. Романенко, «Тигра», и др., мы надѣемся вернуться еще не разъ и не разъ.

Редакція.

¹⁾ Разумѣется: С.-Петербургское общество Добровольной Охраны. *Примѣч. подлинника.*

Книги и другія изданія, поступившія въ редакцію.

- 1) **Н. Ревуцкій.** Передъ пришествіемъ антихриста ц. 20 к.
- 2) **Волонтеръ.** Русско-японская война. Книгоизд. «Новый міръ».
- 3) **Вас. Якимовъ.** Голодь Изд. книгоизд. «На разсвѣтъ».
- 4) **П. Тимофеевъ.** Чѣмъ живетъ заводскій рабочій. Изд. «Русскаго Богатства» ц. 40 к.
- 5) Изданія **Е. М. Алексѣевой** (23 брошюры).
- 6) Изданія книгоиз. «Новый Міръ» (23 брошюры).
- 7) Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX в. Сборникъ подъ ред. **В. Богучарскаго** т. I, изд. «Дон. Рѣчи» 1 р. 50 к.
- 7) **П. Лебедевъ.** Библіотека социаль-демократа ц. 15 к.
- 9) **М. Гершензонъ.** Соціально-политическіе взгляды А. И. Герцена ц. 15 к.
- 10) **М. Wischnitzer.** Die Universität Göttingen und die Entwicklung der liberalen Ideen in Russland in ersten Viertel des XIX Jahrh.
- 11) **П. И. Пестель.** Русская Правда. Наказъ Временному Верховному Правленію. Книгоиздательство «Культура» СПб.
- 12) **В. А. Мякотинъ.** Изъ исторіи русскаго общества. 2-е изд. книгоиз. «Русское Богатство» ц. 1 р. 25 к.
- 13) **Современныя газеты, воззванія и листки Комитетовъ Р. С. Д. Р. партіи:** Московскаго, Казанскаго, Самарскаго и Уфимскаго.
- 14) Изданія Тверскаго Губ. Комитета К. Д. партіи.
- 15) **Дубликаты нѣкотор. №№ «Изв. Сов. Раб. Депутатовъ».**
- 16) **Неимѣвшіяся у насъ слѣд. старыя изданія** (на различныхъ условіяхъ): *шестидесятихъ годовъ:* 1) прокл. по поводу высылки проф. Павлова; 2) Прокл. къ солдатамъ. 3) «Всему народу русскому—крестьянскому отъ людей ему преданныхъ—поклонъ и грамота»; 4) Подвигъ капитана Александрова; 5) «Свобода» № 2 изд. Общ. «Земля и Воля» (въ печатныя). *Семидесятихъ годовъ:* 1) «Чтой-кто братцы»; 2) Золотая грамота (на малорос. языкѣ). 3) Прогр. «Общ. для содѣйствія револ. движ. въ Россіи»; 4) Прокл. къ крестьянамъ (30 января 1879 г.); 5) Прокл. по поводу покуш. на жизнь Дрентельна; 6) Прокл. «казнь агента

тайной полиціи Рейнштейна». 7) Прокл. объ убійствѣ въ Ростовѣ-на-Дону шпіона Никонова. 8) Прокл. «рабочимъ патроннаго завода». 9) «Слово луганскихъ казаковъ ко всѣмъ своимъ братьямъ-казакамъ». 10) Прокл. землевольцевъ—«славн. войску казацкому» (1879 г.). 11) Прокл. «ко всѣмъ, кому вѣдать надлежитъ». 12) Прокл. «къ обществу» («письмо с. р-ра, взявшаго на себя казнь Крапоткина»).—(Всѣ печатныя) *Восьмидесятихъ годовъ*: (1 «Рабочая газета» № 3 (1881 г.). 2) Прокл. Исп. Ком. по поводу казни цареубійцъ. 3) Инструкція членамъ «Общества Народнаго Освобожденія». 4) Прокл. общества «Земля и Воля» по поводу событія 1 марта 1881 г. (отъ 14 марта 1881 г.); 4) Прокл. Исп. Ком. къ франц. народу по поводу переговоровъ рус. прав. съ Франціей о выдачѣ Гартмана. (всѣ печатныя) 6) The illustrated London News 1881. (съ изобр. казни цареубійцъ). Двѣ *гектографированныя* прокламаціи—одна «къ русск. крестьянству и всему русскому рабочему народу» (22 августа 1881 г.), другая—«русскимъ солдатамъ» (15 января 1882 г.)—объ за подписью «Соціалисты черноземной полосы». Получена также копія съ чигиринской «грамоты» Стефановича и К^о. Получены карточки: Квятковскаго, Ширяева, Гартмана, Лизогуба, Осинскаго, Терентьевой, Лисовской, Франколи, Чайковскаго, Давиденко, Попко, Обнорскаго, Сягиды, Мирскаго, Маріи Спиридоновой, лейтенанта Шмидта, студента Блинова (убитаго при защитѣ евреевъ въ Житомирѣ во время бывшаго тамъ погрома), Софьи Перовской (дѣвочкой лѣтъ 5—6-ти) и матери С. Л. Перовской. Получены виды Акатуйской каторги.

Редакція горячо благодарить многихъ лицъ, доставившихъ ей весьма цѣнные матеріалы по исторію освободительнаго движенія въ Россіи.

Современная Лѣтопись.

Въ мартовскихъ газетахъ находимъ слѣдующія сообщенія о смертныхъ казняхъ и судебныхъ приговорахъ по политическимъ дѣламъ:

1) Въ Читѣ, 1 марта въ 3 ч. утра объявленъ приговоръ 9 обвиняемымъ. Присуждены къ смертной казни: директоръ музея Кузнецовъ, техникъ Григоровичъ, рабочій Столяровъ, желѣзнодорожные служащіе Цупеманъ, Кларкъ и Ваннштейнъ и мѣщанинъ Кривоносенко, къ безсрочной каторгѣ 18-лѣтній сынъ Кларка; рабочій Качаевъ оправданъ. Прокуроръ поддерживалъ обвиненіе противъ всѣхъ по болѣе мягкимъ степенямъ.

2 марта. Въ три часа дня за городомъ *разстрѣляны техникъ Григоровичъ, помощникъ начальника станціи Цупеманъ, Столяровъ и Ваннштейнъ*; директору музея Кузнецову, Кларку и Кривоносенко казнь замѣнена долгосрочной каторгой.

2) Въ Тифлисѣ, 1 марта, утромъ въ оградѣ Метехскаго замка казненъ *Джорджіашвили*, обвиненный военнымъ судомъ въ убійствѣ генерала Грязнова.

3) Въ Ригѣ, временнымъ военнымъ судомъ крестьяне: Туккумскаго уѣзда—Янъ Бауманъ, Рижскаго уѣзда—Карль Орманъ и Баусскаго уѣзда—Теодоръ Земитъ приговорены за покушеніе на убійство городского: *первый къ смертной казни*, остальные къ 20 годамъ каторги.

4) Въ Черниговѣ, 28 февраля приговоромъ судебной палаты покушавшійся на жизнь нѣжинскаго исправника и жандармскаго офицера бывшій гимназистъ Гелецкій приговоренъ къ каторжнымъ работамъ на 5 лѣтъ и 4 мѣсяца.

Четыре еврея, оказавшіе вооруженное сопротивление полиціи въ Нѣжинѣ, приговорены къ каторжнымъ работамъ на 6 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ.

5) Въ Самарѣ, 28 февраля канониръ Власовъ за покушеніе на генерала Сергѣева приговоренъ военнымъ судомъ къ 15-лѣтней каторгѣ.

6) Въ Томскѣ, 28 февраля военно-окружнымъ судомъ вынесенъ приговоръ, коимъ одинъ изъ убійцъ тюремнаго надзирателя Гришина, Бердниковъ, *приговоренъ къ смертной казни* черезъ повѣшеніе, а второй Исаевъ, оправданъ.

Приговоръ 10 марта *приведенъ въ исполненіе; Бердниковъ повѣшенъ*.

7) Въ Томскѣ, 1 марта временный военный судъ, разсмотрѣвъ дѣла Говорухина, Пескова и Антонова, обвиняемыхъ по 279 статьѣ, оправдалъ

первыхъ двухъ, а Антонова приговорилъ къ тюремному заключенію на 1 годъ и 4 мѣсяца.

8) Въ Одессѣ, 28 февраля въ военно-окружномъ судѣ, при закрытыхъ дверяхъ, слушалось дѣло призваннаго изъ запаса младшаго врача стрѣлковаго дивизиона Михаила Богомольца, признаннаго виновнымъ въ произнесеніи рѣчей среди рабочихъ и нижнихъ чиновъ. Подсудимый приговоренъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія, исключенію изъ военной службы и ссылкѣ на поселеніе.

18 янв. на ст. Мысовая Иркут. губ. отрядомъ ген. Меллера-Закомельскаго были *разстрѣляны* 2 мысовскихъ телеграфиста, Ключниковъ, и Ермолаевъ, 1 телеграфистъ ст. Чита, 1 солдатъ и 2 служащихъ тяги, всего *6 человекъ*.

Въ Верхнеудинскѣ 11 февр., состоялся судъ надъ „политическими преступниками“: 8 человекъ было приговорено къ смертной казни черезъ повѣшеніе и 1 заурядъ-прапорщикъ запаса г. Лиморенко къ разстрѣлу.

По распоряженію генерала Ренненкампа, четверымъ изъ приговоренныхъ (нач. ст. г. Пашинскому, слесарю г. Носову, пом. нач. ст. г. Михѣшину и г. Лиморенко) смертная казнь была замѣнена ссылкой въ каторжные работы.

Около пяти час. вечера пятеро изъ приговоренныхъ (г. Гольцобельвъ, слесарь г. Гордѣевъ, г. Шульцъ, нач. Верхнеудинскаго жел.-дор. депо г. Медвѣдниковъ и машинистъ Милютинскій) были повѣшены.

Тѣмъ же отрядомъ ген. Ренненкампа были *казнены* на ст. Хилонъ— *8 человекъ*.

Въ Томскѣ по распоряженію ген. Ренненкампа *разстрѣляно* *60 человекъ*.

10) Въ Одессѣ, 2 марта, именующій себя сыномъ генераль-лейтенанта Иванъ Измаиловъ, обвинявшійся въ распространеніи прокламацій среди воинскихъ чиновъ съ цѣлью ниспроверженія существующаго строя, приговоренъ военнымъ судомъ къ отдачѣ въ исправительный домъ на три года, безъ ограниченія правъ.

Въ московскомъ военно-окружномъ судѣ 2 марта слушалось дѣло капитана 222 пѣхотнаго Гжатскаго полка Шаманскаго.

Въ ноябрѣ прошлаго года капитанъ Шаманскій во главѣ отряда солдатъ былъ командированъ изъ Калуги въ Боровскъ, гдѣ на фабрикѣ Исаева возникли беспорядки. Капитанъ Шаманскій просилъ освободить его отъ этой командировки, связанной съ необходимостью примѣнять мѣры насилія въ цѣляхъ подавленія и усмирения беспорядковъ.

Разсмотрѣвъ настоящее дѣло, военно-окружный судъ приговорилъ капитана Шаманскаго къ исключенію изъ службы и заключенію въ крѣпости на 1 годъ и четыре мѣсяца.

12) Въ петербургской судебной палатѣ при закрытыхъ дверяхъ слушалось дѣло инженера-электротехника Райнольде-Куrowsкаго, обвинявшагося по 1 ч. 103 и 3 п. 129 ст. ст. угол. улож., за то что во время всеобщей октябрьской забастовки убѣждалъ служащихъ кронштадтской телефонной станціи примкнуть къ забастовкѣ, такъ какъ революція, по его мнѣнію, несомнѣнно возьметъ верхъ надъ правительствомъ. При

этомъ онъ, по показанію служащихъ, непочтительно отзывался объ особѣ Государя. Палата признала его виновнымъ по 129 ст. и приговорила къ заключенію въ тюрьмѣ на 6 мѣсяцевъ.

Въ Саратовѣ, военнымъ судомъ разсмотрѣно дѣло неизвѣстной дѣвушки, убившей генераль-адъютанта Сахарова, фамилія которой до сихъ поръ не установлена, и Бакланова, покушавшагося на жизнь вице-губернатора Кнояля. Оба подсудимые *приговорены къ смертной казни*, но судъ постановилъ ходатайствовать передъ Государемъ о смягченіи наказанія: для убившей генераль-адъютанта Сахарова замѣной казни вѣчной каторгой, а для Бакланова—15-ти-лѣтней каторгой.

14) Въ Кутаисѣ, 4 марта *разстрѣляны Свамидзе*, участвовавшій въ покушеніи на уѣзднаго начальника Кегамова, умершаго отъ ранъ.

15) 6 марта на островѣ Березани въ четвертомъ часу ночи *разстрѣляны* приговоренные къ смертной казни лейтенантъ Шмидтъ и 3 матроса: Частникъ, Антоненко и Гладковъ.

16) Въ Новочеркасскѣ, палатой приговоренъ на одинъ годъ въ крѣпость второй братъ Мазуренко, Василій, одинъ изъ организаторовъ крестьянскаго союза.

17) Въ Одессѣ, въ военномъ судѣ, по кассациіи глазнаго военнаго суда, вторично разсматривалось дѣло 15 нижнихъ чиновъ Ингульскаго полка, обвиняемыхъ въ явномъ возстаніи. Главнымъ виновникамъ *наказаніе* увеличено съ 7 до 17 лѣтъ каторги. Главный военный судъ постановилъ объявить суду, за исключеніемъ предсѣдателя и одного члена, выговоръ за неправильное примѣненіе статьи, смягчившей наказаніе при нелачности доказанности возстанія.

18) Въ Могилевѣ, 7 марта, Езерская, обвиняемая въ покушеніи и нанесеніи ранъ губернатору Клингенбергу, приговорена къ каторжнымъ работамъ на 13 лѣтъ 6 мѣсяцевъ.

19) Въ Варшавѣ, 6 марта въ военномъ судѣ разсматривалось дѣло Онуфрія Томада, обвиняемаго въ покушеніи на убійство чина полиціи. Подсудимый *приговоренъ къ смертной казни* черезъ повѣшеніе.

20) Въ Ревелѣ, военнымъ судомъ вынесенъ приговоръ по дѣлу объ убійствѣ помѣщика Баранова и разгромѣ его имѣнія. Большинство руководителей громилъ были разстрѣляны ранѣ полевыми судами. Передъ судомъ предстало лишь семь второстепенныхъ участниковъ, изъ нихъ *шесть приговорены къ повѣшенію* и одинъ къ тюремному заключенію. Относительно нѣкоторыхъ судъ ходатайствовалъ о смягченіи приговора.

21) Въ Варшавѣ, 8 марта, военно-окружный судъ *приговорилъ* рабочихъ Орыну и Барышевича *къ смертной казни черезъ повѣшеніе* за вооруженное нападеніе на казачій патруль въ Люблинѣ.

27 марта главн. Воен. Судомъ, кассационная жалоба осужденныхъ была оставлена безъ послѣдствій.

22) Въ Варшавѣ 9 марта, военно-окружный судъ приговорилъ рабочаго Рольника, обвиненнаго въ вооруженномъ нападеніи, *къ смертной казни черезъ повѣшеніе*. Судебная палата съ участіемъ сословныхъ представителей, разсмотрѣвъ при закрытыхъ дверяхъ дѣло Джимальскаго, обвиненнаго по 108 и 129 статьямъ уголовного уложенія, приговорила его къ заключенію въ крѣпости на одинъ годъ.

23) Въ Варшавѣ 9 марта, по приговору военно-окружного суда *разстрѣляны* Чекальскій, виновный въ покушеніи на убійство стражника въ Петроковѣ.

24) Въ Читѣ 13 марта, Окунцовъ, Шинкманъ и Мирскій Высочайше помилованы: казнь имъ замѣнена безсрочной каторгой.

25) Въ Ригѣ, 9—III, военный судъ послѣ двухдневнаго засѣданія приговорилъ обвиняемыхъ въ вооруженномъ нападеніи на квартиру купца Пухерта, похищеніи оттуда оружія и патроновъ и покушеніи на убійство двухъ городскихъ—*Ротенберга, Андерсона и Спекса къ смертной казни черезъ повѣшеніе*. Гульбе къ безсрочной каторгѣ, Сетина къ каторжнымъ работамъ на 12 лѣтъ, Скиббе оправданъ.

21—III. Въ усть-двинской крѣпости *приведенъ въ исполненіе смертный приговоръ* военнаго суда *надъ Спекомъ*.

26) Въ Одессѣ, 10 марта, военный судъ приговорилъ унтеръ-офицера Дунайскаго полка Рогожина къ ссылке на поселеніе за распространеніе сочиненій, возбуждающихъ чиновъ къ бунтовщическимъ дѣяніямъ и къ ниспроверженію существующаго въ Россіи государственнаго строя.

27) Въ Петербургѣ, 10 марта въ 1 часъ ночи вынесенъ былъ военно-окружнымъ судомъ приговоръ по дѣлу о вооруженномъ нападеніи на судо-сберегательную кассу. Подсудимый Буровъ за недонесеніе о готовившемся нападеніи приговоренъ къ каторжнымъ работамъ на 20 лѣтъ, *платеро оставлены*: Жоховъ—20 лѣтъ, Калмыковъ—18 лѣтъ, Семеновъ—19 лѣтъ, Третьяковъ—30 лѣтъ и Кублицкій—19 лѣтъ—къ смертной казни *черезъ повѣшеніе*.

Главный военный судъ оставилъ безъ послѣдствій кассационную жалобу обвиненныхъ.

28) Въ Тамбовѣ, 11 марта, *Марія Спиридонова приговорена военнымъ судомъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе, но судъ постановилъ, представляя приговоръ на конфирмацію, сообщить о смягчающихъ вину обстоятельствахъ*.

Получено извѣстіе, что Спиридоновой смертная казнь замѣнена 20-лѣтнею каторгою.

29) Въ Ревелѣ, 11 марта въ военномъ судѣ слушалось дѣло крестьянина Гольдберга, обвинявшагося въ покушеніи на убійство двухъ городскихъ въ Юрьевѣ. *Гольдбергъ приговоренъ къ смертной казни*.

30) Въ Митавѣ, 10 марта засѣдавшій въ Туккумѣ военный судъ приговорилъ къ *повѣшенію Бисенка*, обвинявшагося въ томъ, что во время туккумскихъ безпорядковъ онъ стрѣлялъ въ драгунъ съ церковной колокольни. *Приговоръ приведенъ въ исполненіе* 21 марта.

31) Въ Варшавѣ, 11 марта. Въ цитадели *разстрѣляны Галбанскій*, приговоренный къ смерти варшавскимъ военно-окружнымъ судомъ за покушеніе на убійство чиновъ полиціи въ Пабіаницахъ.

32) Въ Екатеринославѣ, 12 марта, въ засѣданіи военнаго суда по дѣлу анархиста Кленко, стрѣлявшаго въ прапорщика Каистрова, обвиняемый объяснилъ, что ранилъ Каистрова нечаянно, отстрѣливаясь отъ солдатъ. Кленко приговоренъ къ 15 годамъ каторги.

33) Въ Вильнѣ, покушавшійся на жизнь жандармскаго унтеръ-офи-

цера Малаховскаго, Свидлерь *приговоренъ военно-окружнымъ судомъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе*. Въ виду несовершеннолѣтія подсудимаго, а также въ виду того, что отъ покушенія никто не пострадалъ, судъ постановилъ ходатайствовать передъ командующемъ войсками о замѣнѣ смертной казни каторжными работами на срокъ по его усмотрѣнію.

34) Въ Екатеринославѣ, 13 марта, военный судъ въ Екатеринославѣ *приговорилъ* крестьянина Василя Короткаго за участіе въ преступномъ сообществѣ съ цѣлью ниспроверженія государственнаго строя къ *смертной казни черезъ повѣшеніе*, вмѣстѣ съ тѣмъ судъ ходатайствуетъ о смягченіи наказанія. Мѣщанинъ Вячеславъ Виноградовъ за сопротивление военному караулу приговоренъ къ каторжнымъ работамъ на 15 лѣтъ.

35) Въ Читѣ, 14 марта кончилось дѣло объ участіи въ почтовой забастовкѣ и въ почтовомъ союзѣ; обвиняемыхъ 14. *Начальникъ конторы Замошниковъ, Хмѣлевъ, Костылевъ, Андріевскій, Рыбинъ, Беркманъ, Розовъ, Иосифъ Дмитріевъ, Афанасьевъ, Мейлупъ, Грековъ, Сосновскій и Богоявленскій присуждены къ смертной казни*. Василій Дмитріевъ оправданъ.

Генераль Ренненкампфъ замѣнилъ смертную казнь почтовымъ чиновникамъ Замошникову, Хмѣлеву, Костылеву, Андреевскому, Беркману, Мейлупу безсрочной каторгой, Рыбину каторжными работами на 12 лѣтъ, Дмитріеву на 6, Богоявленскому и Грекову на 4 года, Сосновскому и Афанасьеву ссылкой на поселеніе, Розову отдачей въ исправительное отдѣленіе на 3 года.

37) Въ Ригѣ, 15 марта военный судъ приговорилъ Упескала, Индрика и Имиля Грандовскихъ, Индрика и Лавиза Ассарахъ и Мельгавля къ каторжнымъ работамъ на 15 лѣтъ cadaго,—первыхъ трехъ за нанесеніе смертельныхъ ранъ городовому Павасару, а остальныхъ за приведеніе въ исполненіе постановленнаго революціоннымъ комитетомъ смертнаго приговора надъ мастеромъ Розенеромъ.

38) Въ Витебскѣ, 15 марта судебная палата разсмотрѣла дѣло 18-лѣтняго реалиста, сына нотариуса Огуза, обвинявшагося въ покушеніи на убійство исправника во время политической демонстраціи. Огузъ признанъ виновнымъ въ сопротивленіи властямъ и приговоренъ на полтора года тюрьмы безъ лишенія правъ; въ покушеніи на убійство оправданъ.

39) 15 марта первый разъ по закону 2 декабря о стачкахъ, прошлаго года, петербургскій окружной судъ выслушалъ дѣло о 3 служащихъ варшавской жел. дор., препятствовавшихъ одному изъ кондукторовъ исполнять свои обязанности. Судъ приговорилъ всѣхъ на годъ въ тюрьму.

40) Въ Ригѣ, 16 марта. Временнымъ военнымъ судомъ приговорены къ пятнадцатилѣтнимъ каторжнымъ работамъ 7 членовъ боевой организаціи, въ томъ числѣ одна женщина—за убійство городского Крачунаса и мастера фабрики Экерта Розенерта.

41) Въ Вильнѣ, 17 марта. Въ военно-окружномъ судѣ слушалось дѣло по обвиненію нижняго чина въ храненіи нелегальной литературы

съ цѣлью распространенія таковой. Обвиняемый приговоренъ къ тюремному заключенію на 4 года.

42) Въ Тифлисѣ, 18 марта. Послѣ трехдневнаго разбирательства кончилось дѣло о подготовкѣ покушенія на жизнь завѣдующаго полиціей на Кавказѣ, генерала Ширинкина. Четверо обвиняемыхъ приговорены къ ссылкѣ на поселеніе, двое оправданы.

48) Въ Варшавѣ, 18 марта. За выстрѣлъ въ патруль рабочій Конаржевскій приговоренъ военнымъ судомъ къ повѣшенію. 24 марта *приговоръ приведенъ въ исполненіе* въ Варш. цитадели.

44) Въ Кронштадтѣ, послѣ 49 засѣданій и двухсуточного совѣщанія судъ 18 марта въ 5 час. вечера вынесъ резолюцію, которою признаны виновными 128 и оправдано 84 человѣка. Присужденъ къ безсрочной каторгѣ матросъ Буловскій, къ каторгѣ на сроки 20, 12, 8, 6 лѣтъ 8 человѣкъ съ лишеніемъ всѣхъ правъ и преимуществъ. Къ лишенію правъ съ исключеніемъ изъ службы и заключеніемъ въ арестантскія отдѣленія гражданскаго вѣдомства на срокъ отъ 4 до 1 года присуждены 36 человѣкъ. Въ дисциплинарные баталіоны, съ лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ, на сроки 3, 2, 1½, 1 годъ приговорены 18 человѣкъ, къ заключенію въ исправительную тюрьму морского вѣдомства на сроки 6, 5, 4, 3, 2 мѣсяца—32 человѣка. Къ строгому аресту на 20 дней—1, на 10 дней—27 человѣкъ. Къ увольненію отъ службы въ дисциплинарномъ отношеніи 1. Всѣ обвиненные, присужденные къ тюремному и другимъ наказаніямъ, кромѣ ареста, отдаются подъ надзоръ полиціи на 4 года. Окончательный приговоръ будетъ объявленъ 80 марта.

45) Въ Могилевѣ: „Сессія кievской судебной палаты разобрала дѣло Гистелева, стрѣлявшаго въ полицмейстера. Гистелевъ приговоренъ къ 6 годамъ каторги“.

46) Въ Могилевѣ: сессія кievской судебной палаты рассмотрѣла дѣло объ аграрныхъ беспорядкахъ. Изъ 18 обвиняемыхъ одинъ приговоренъ къ году тюремнаго заключенія, восемь къ 8 мѣсяцамъ, двое—2 мѣсяцамъ и двое оправданы.

47) Въ Одессѣ, 19—III, военный судъ приговорилъ мѣщанина Бигойма къ заключенію въ крѣпости на 2 года, признавъ его виновнымъ въ храненіи, съ цѣлью распространенія, сочиненія подъ заглавіемъ „Всѣмъ рабочимъ Одессы“, при чемъ этого сочиненія онъ не распространялъ по обстоятельствамъ отъ него независящимъ. Мѣщанинъ Голосовкеръ, 17 лѣтъ, приговоренъ военнымъ судомъ къ лишенію правъ и ссылкѣ на поселеніе, по обвиненію въ принадлежности къ одесскому комитету партіи социалистовъ-революціонеровъ, въ сборѣ денегъ по порученію комитета и въ храненіи квитанціонной книжки.

48) Въ Ригѣ, 22 марта. Военный судъ *приговорилъ Арнольда Михельсона*, за вооруженное нападеніе на ювелирный магазинъ и за стрѣльбу въ чиновъ полиціи и воинскій патруль, *къ смертной казни черезъ повѣшеніе*.

Тѣмъ же военнымъ судомъ *приговоренъ къ смертной казни Христофъ Краузе*, виновный въ нападеніи на городского.

27 марта оба приговора *приведены въ исполненіе*: въ Ригѣ *казнены Михельсонъ и Краузе*.

49) Въ Нижнемъ-Новгородѣ, 20—III. Военно-окружнымъ судомъ разсмотрѣно дѣло сормовскихъ рабочихъ—Семиклетова, 22 лѣтъ, и Дружкина, 17 лѣтъ, бросившихъ бомбу въ кабинетъ завѣдующаго котельнымъ цехомъ сормовскихъ заводовъ Русакова. Семиклетовъ приговоренъ къ двѣнадцатилѣтней каторгѣ, Дружкинъ къ восьмилѣтней, оба съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія.

50) Въ Вильнѣ, 22—III. Судебная палата приговорила мѣщанина Вавера къ заключенію въ крѣпости на годъ за распространеніе прокламаціи къ ниспроверженію существующаго строя.

51) Во Владивостокѣ, 20 марта. Состоялся судебный процессъ о 28 нижнихъ чинахъ, обвинявшихся въ устройствѣ безпорядковъ на Чуркиномъ мысу въ октябрѣ мѣсяцѣ. *Приговорены двое къ смертной казни чрезъ повѣшеніе.* Остальные на разные сроки къ каторгѣ.

52) Чита, 23 марта. Изъ 46 нижнихъ чиновъ желѣзнодорожнаго баталіона судомъ оправданы 28. Одинъ приговоренъ къ безсрочнымъ каторжнымъ работамъ; прочимъ назначены разные наказанія. Низшая мѣра наказанія 5 недѣль ареста на хлѣбъ и водѣ. Обвиненіе къ большинству предъявлено до ст. 102.

53) Варшава, 24 марта. Военный судъ, за разгромъ гминной кассы въ радомскомъ уѣздѣ и оскорбленіе царскихъ портретовъ, приговорилъ Яна Хойнацкаго и Владислава Гусинскаго *къ смертной казни чрезъ повѣшеніе.*

30 марта, въ крѣпости *приведенъ въ исполненіе приговоръ военнаго суда* надъ Иваномъ Хойнацкимъ и Владиславомъ Гусинскимъ.

54) Одесса, 24 марта. Военный судъ приговорилъ *къ смертной казни чрезъ повѣшеніе* мѣщанина Гурштейна, 24 лѣтъ, признавъ его виновнымъ въ разбоѣ съ нападеніемъ на домъ въ городѣ, объявленномъ на военномъ положеніи. Судъ постановилъ ходатайствовать передъ командующимъ войсками о смягченіи участи подсудимаго.

55) Херсонъ, 24 марта. Военный судъ, подъ предсѣдательствомъ генераль-маіора Мордвинова, разсматривалъ дѣло рядового Жукова, обвинявшагося въ вооруженномъ возстаніи противъ начальства, въ покушеніи на жизнь начальника дисциплинарнаго баталіона Давыдова, нынѣшняго херсонскаго временнаго генералъ-губернатора, и за побѣгъ. Обвиняемый приговоренъ *къ смертной казни чрезъ разстрѣляніе.*

56) Харбинъ, 24 марта. Дѣло о желѣзнодорожныхъ служащихъ окончено. Приговорены къ заключенію въ крѣпости Лепешинскій на два года, Осендовскій на полтора, Козловскій на три, Тиченко, Каменевъ и Новаковский на одинъ годъ, 12 подсудимыхъ приговорены къ трехнедѣльному аресту. Гебуа и Березнякъ оправданы.

57) Въ Варшавѣ, фельдфебель и 13 нижнихъ чиновъ второй роты Екатеринбургскаго полка военнымъ судомъ приговорены къ безсрочнымъ каторжнымъ работамъ, шесть человекъ—къ 6 годамъ каторги, 18—къ аресту въ исправительномъ отдѣленіи на 4 года—за открытый бунтъ и сопротивленіе начальству.

58) Ярославль, 25 марта. Временный военный судъ послѣ трехдневнаго слушанія дѣла объ Александрѣ и Николаѣ Шмаковыхъ, обвиняемыхъ въ покушеніи на убійство помощника пристава и въ вооружен-

но мѣ сопротивленіи полиціи, оправдалъ перваго, втораго призналъ виновнымъ только въ послѣднемъ преступленіи и приговорилъ его къ ссылкѣ съ отдачей въ исправительное отдѣленіе на 4 года 2 мѣсяца.

59) Московская судебная палата въ Смоленскѣ, разсмотрѣвъ дѣло о журналистѣ Зоринѣ, обвинявшемся въ произнесеніи на крестьянскомъ митингѣ рѣчи противоправительственнаго содержанія, приговорила Зорина къ заключенію въ крѣпости на одинъ годъ.

60) Въ Варшавѣ, приговоромъ палаты ученикъ семиклассной радомской гимназіи Вайнбергъ ссылается въ Сибирь на поселеніе за распространеніе революціонныхъ прокламацій и за принадлежность къ „Бунду“. Панченко приговоренъ на годъ въ крѣпость за распространеніе прокламацій въ войскахъ. Обвинявшійся въ томъ же 15-ти-лѣтній Нуховичъ приговоренъ къ отдачѣ въ исправительный пріютъ для малолѣтнихъ преступниковъ.

61) Въ Саратовѣ, палатой приговорены 15 крестьянъ, обвинявшихся въ безпорядкахъ въ имѣніи Чаплина, къ восьми мѣсяцамъ арестантскихъ работъ, съ лишеніемъ всѣхъ правъ, и одинъ къ 2 мѣсяцамъ.

62) Тифлисъ, 29 марта. Кавказскимъ военнымъ окружнымъ судомъ приговоренъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе житель Озургетскаго уѣзда Самсонъ Глonti, признанный виновнымъ въ ограбленіи и убійствѣ 20 февраля отставнаго полковника Малиновскаго, казначея тифлиской контрольной палаты.

Получены слѣдующія сообщенія о дѣйствіяхъ экзекуціонныхъ отрядовъ въ Прибалтійскомъ краѣ:

63) Въ Старо-Ауцѣ происходятъ засѣданія военно-полевого суда *разстрѣляны уже 22 лица*; многие наказаны плетьюми.

64) Въ Клявскальнѣ сгорѣлъ волостной домъ. *Разстрѣляны войскомъ занимавшійся веденіемъ дѣлъ въ судахъ Сиполь.*

65) Въ Гольдингенѣ *разстрѣляны*, по словамъ „*Muhsu Laiki*“ *несколько лицъ, въ томъ числѣ 3 лавочника, 2 еврея и 1 латышъ*, выбранные въ дни безпорядковъ въ городской комитетъ.

66) Въ сермукшинской вол. учитель Л. и предсѣдатель новаго волостнаго правленія скрылись. Усадьба послѣдняго сожжена. Въ Шеунѣ *разстрѣляны 6 революціонеровъ.*

67) Въ Тауэркальнѣ аресты продолжаются. Волостная школа закрыта. Учитель С. уѣхалъ за границу. Какъ сообщаетъ „*Balss*“, лѣсникъ Аюгъ, не желая быть арестованнымъ, застрѣлился.

68) По словамъ газеты „*Munlu Laiki*“ въ Альшвангѣ *разстрѣляны 21 человекъ.*

69) Въ салламильской волости *разстрѣляны трое рабочихъ завода Беже*: Мартинъ Вальдманъ, 26 лѣтъ, Юрій Ванадзинъ, 43 лѣтъ. Ихъ обвиняли въ распространеніи прокламацій.

70) Въ Драбажской волости предсѣдатель новаго волостнаго правленія, владѣлецъ усадьбы *Луце Берзинъ разстрѣляны*. 8 членовъ этого правленія находятся въ слѣдственной тюрьмѣ.

71) Въ Тинужской волости, 5 марта, *разстрѣляны войскомъ нѣкій Рудзитъ*, котораго обвиняли въ нѣсколькихъ политическихъ преступленіяхъ.

72) Недалеко отъ Цабельна произошло на-дняхъ столкновеіе между военною командою и революціонерами, команда потребовала впуска въ одну усадьбу, но была встрѣчена выстрѣломъ, ранившимъ офицера въ ногу. Отвѣтнымъ залпомъ солдатъ были убиты, какъ оказалось впоследствіи, 4 революціонера. Послѣ этого солдаты подожгли усадьбу, что заставило оставшихся въ живыхъ 3 революціонеровъ пытаться бѣжать. При этой попыткѣ всѣ они были убиты.

73) Въ Руэнталь въ ночь на 27-е февраля воинскимъ отрядомъ подъ руководствомъ урядника Фрея разстрѣляны владельцы усадьбы Ажель Иванъ Скуепикъ.

74) Въ Олаѣ прибывшій изъ Петергофа экзекуціонный отрядъ, разстрѣлялъ И. Озоля, Осиза и Эмманда и арестовалъ многихъ, въ томъ числѣ учителя А. Берга. Рольбушское волостное училище закрыто. Учитель П. Дзенись скрылся.

75) Въ Оршенгофѣ жена арестованнаго Ренгартена заболѣла умопомѣшательствомъ. Одинъ изъ членовъ волости застрѣленъ.

76) Военный отрядъ въ Дондангенѣ разстрѣлялъ 13 лицъ, наказалъ плетью 100, а арестовалъ и увезъ въ Митаву 70.

77) Въ Кальценау войсками разстрѣляны обвинявшіеся въ браконьерствѣ: Р. Клявинъ, Андр. Клявинъ. П. Спрогисъ, Андр. Озолынь, М. Рудзитъ и И. Клявинъ. Усадьба П. Керкиса сожжена.

Печать въ теченіе марта подвергалась слѣдующимъ преслѣдованіямъ:

1) Въ Варшавѣ, редакторъ бывшаго „Курьера Пораняго“ Фризе привлеченъ къ судебной отвѣтственности за напечатаніе статьи о бойкотѣ официальныхъ телеграммъ и за напечатаніе протокола засѣданія польской социалистической партіи.

2) Въ Кіевѣ, газета „Свобода и Право“ и еженедѣльный журналъ „Кіевская Иллюстрированная Жизнь“ судебной палатой приостановлены до судебного разбирательства. Редакторъ польской газеты „Глосъ Кіевскій“ привлекается по 129 ст., за передовую статью въ вышедшемъ первомъ номерѣ.

3) Въ Минскѣ, 1 марта, губернаторомъ приостановлены „Отѣлики Бѣлоруссіи“ на все время дѣйствія чрезвычайной охраны.

4) Въ Костромѣ, администраціей усмотрѣно 16 статей преступнаго содержанія съ 19 по 27 номеръ „Костромского Голоса“. Такихъ криминальныхъ статей усмотрѣно въ одномъ № отъ 19 февраля 7. Редактору-издателю Покровскому предъявленъ цѣлый рядъ обвиненій по 129 ст. угол. улож. и нѣкоторымъ пунктамъ временныхъ правилъ. № 28 конфискованъ по распоряженію губернатора по телефону. Бумаги о конфискаціи и по обвиненію не предъявлено.

5) Съ столичныхъ книгоиздательствъ и книжныхъ магазиновъ отбирается по распоряженію градоначальника подписка въ томъ, что ими не будетъ производиться продажа слѣдующихъ изданій: „Государственная дума или учредительное собраніе“, „Пауки и мухи“, „Классъ противъ класса“, „Какъ смотрять соціалъ-демократы и соціалъ-революціонеры“, „Программы русскихъ политическихъ партій“, „Новый законъ“, „Хватить ли на всѣхъ земли“, „Пѣсни революціи“, „Солдатскій

подвигъ“, „О налогахъ“, „Бесѣды о землѣ“. „Какъ обираютъ и закабаляютъ народъ“ и „Пѣсни свободы“.

6) Въ Смоленскѣ, противъ редактора „Днѣпровскаго Вѣстника“ возбуждено девять дѣлъ. Съ него ваятъ залогъ въ 1,000 р.

7) Въ Оренбургѣ, изъ вышедшихъ пяти номеровъ газеты „Нашъ Край“ три конфискованы; редакторъ землемѣръ Большаковъ арестованъ и къ нему предъявлено обвиненіе по 129 ст.

8) Въ Одессѣ, генераль-губернаторъ наложилъ на редактора газеты „Южное Обзорѣніе“ штрафъ въ 500 р. за замѣтку, содержащую ложныя свѣдѣнія.

9) Въ Варшавѣ, 4 марта, по распоряженію главнаго начальника края приостановлено изданіе газетъ „Праца Польска“ на одинъ мѣсяць; „Промѣнь Польскій“ и „Жондль“ на время военнаго положенія.

10) Въ Бахмутѣ, 4 марта по распоряженію военнаго генераль-губернатора приостановлено изданіе газеты „Донецкій Вѣстникъ“ на время военнаго положенія. Редакторы газеты Коняковъ и Балабановъ привлекаются къ ответственности по 129 ст. Номера газеты конфискованы.

11) Въ Ярославлѣ, редакторъ приостановленной газеты „Сѣверная Область“, Ливановъ приговоренъ къ тюремному заключенію на полтора мѣсяца за нарушеніе временныхъ правилъ о печати. Изданіе газеты прекращено навсегда.

12) Приказомъ генераль-губернатора приостановлена газета „Южный Голосъ“, въ Елизаветградѣ.

13) Въ Кіевѣ, „Glos Kijowski“ привлеченъ къ ответственности по 129-й ст. за передовицу въ № 1-мъ, вышедшемъ 1 марта. 4 марта въ Кіевѣ долженъ былъ выйти первый номеръ двухнедѣльнаго журнала „Молнія“. Номеръ былъ уже отпечатанъ и совсѣмъ приготовленъ къ выпуску, но конфискованъ до выхода въ свѣтъ. Изданіе газеты „Кіевскіе Отклики“, приостановленной приказомъ министра на время военнаго положенія, приостановлено теперь опредѣленіемъ судебной палаты до суда за напечатаніе отчета о послѣднемъ съѣздѣ конституціонно-демократической партіи съ рѣчью Винавера о тактикѣ партіи.

14) Въ Симферополѣ, палата приостановила изданіе газеты „Крымъ“, по обвиненію редактора Ейдлина по 129 ст. улож.

15) Въ Петербургѣ полиціей былъ произведенъ обыскъ въ книгоиздательствѣ „Молотъ“. Ничего предосудительнаго найдено не было. Къ владѣльцу книгоиздательства однако все же предъявлено обвиненіе за изданіе нѣкоторыхъ брошюръ, разрѣшенныхъ цензурою еще до 17 октября, но изданныхъ потомъ. Владѣлецъ оставленъ на свободѣ послѣ внесенія залога въ 10,000 рублей.

16) Въ Варшавѣ, присяжные повѣренные Стржембинъ и Шифъ арестованы и привлечены къ судебной ответственности за статьи въ закрытомъ нынѣ „Утреннемъ Курьерѣ“, въ которыхъ они упрекали мѣстное судебное вѣдомство въ бездѣйствіи.

17) Въ Петербургѣ, въ главный складъ книгоиздательства „Молотъ“ явился приставъ съ повѣсткой о привлеченіи „издателя“, не указывая

фамилии, по 129 ст. за брошюру Лафарга „Программа французской рабочей партии“.

18) Въ Петербургѣ, главное управление по дѣламъ печати возбудило ходатайство о привлеченіи къ отвѣтственности по 6 ст. VIII отд. вр. прав. о печати редакторовъ журналовъ: „Дикарь“—г. Синицына за напечатаніе въ № 1 журнала статьи „Рѣжьте, братцы, рѣжьте“; „Свѣтаеть“—г. Хотулева за помѣщеніе статьи „Митричъ“ въ № 2 этого журнала, „Буреваль“, г. Турка—за стихотвореніе „Въ альбомъ выпускнымъ кадетамъ“, г. Каменскаго—за напечатаніе въ № 1 статьи „Въ деревнѣ“. Цензурнымъ комитетомъ сдѣлано распоряженіе о конфискаціи № 2 журнала „Свѣтаеть“. Въ типографіи Кюстеръ, гдѣ печатается названный журналъ, участковой полиціей былъ произведенъ обыскъ. Конфискованы всѣ напечатанные номера, матеріаль и наборъ.

19) Въ Петербургѣ, 8 марта, былъ произведенъ обыскъ въ редакціи журнала „Новый Міръ“. Ничего предосудительнаго не было найдено.

20) Въ Кіевѣ, въ отдѣленіяхъ „Сына Отечества“ и „Русскаго Богатства“ произведенъ обыскъ.

21) По телеграфному распоряженію арестованы слѣдующія книжки московскаго книгоиздательства Е. Д. Мягкова „Колоколь“ (первая бібліотека): 1) Ж. Гэдъ „Коллективизмъ“, 2) В. Браке „Долой социаль-демократовъ“, 3) А. Б. „Городское самоуправленіе въ Россіи“, 4) Гэдъ и Лафаргъ „Чего хотятъ социаль-демократы“ и 5) Н. Чумаковъ „О народномъ самоуправленіи въ Новой Зеландіи“. Первые три книжки разрешены цензурой и на первой изъ нихъ даже напечатано: „Дозволено цензурой“.

22) Въ Петербургѣ, въ „Морской типографіи“ полиція конфисковала около 12 тыс. экземпляровъ только что отпечатаннаго тамъ социаль-демократическаго журнала „Прометей“. Типографія не закрыта.

23) Тамъ же, редакторъ „Петербургской Газеты“ Н. С. Худековъ привлекается къ судебной отвѣтственности по 128 ст. уг. ул. за напечатаніе въ № 54 газеты статьи г. Юриста—„Бирюльки“, въ которой главное управление по дѣламъ печати усматриваетъ оскорбленіе правительственныхъ учреждений.

24) Въ Екатеринославѣ, 6 марта, былъ повальный обыскъ у разносчиковъ газетъ. Безжалостно конфисковались „Рѣчь“, „Страна“, имѣлось въ виду обнаружить агента „Руси“. Нѣсколько разносчиковъ арестовано, ихъ избивали пачками конфискованныхъ газетъ.

25) Въ Одессѣ, генераль-губернаторъ воспретилъ на время военнаго положенія розничную продажу газеты „Наша Жизнь“.

26) Въ Екатеринбургѣ, приостановлена газета „Уральскій Край“—орг. конст.-пром. партіи.

27) По распоряженію московскаго градоначальника въ книжн. магазинахъ, кіоскахъ и у газетчиковъ отбирался № 2 журнала „Наканунъ“ и послѣдній № журнала „Правда“.

28) Въ Петербургѣ, судебнымъ слѣдователемъ начато предварительное слѣдствіе по дѣлу по обвиненію редактора газеты „Русь“ г. Крамалея по 1 п. 129 ст. угол. улож. за напечатаніе въ редактируемой имъ

газетъ № 49 статьи „Разстрѣляніе Шмидта“ № 50 письма въ редакцію за подписью „Страждущая, измученная жизнь“ и, наконецъ, въ № 52 письма за подписью „Мать“.

29) Министръ внутреннихъ дѣлъ П. Н. Дурново призналъ необходимымъ на основаніи 180 ст. устава о цензурѣ и печати изъять изъ обращенія выходящія въ Петербургѣ изданія и листки, дозволенные цензурой, подъ заглавіемъ „Воззваніе къ русскому народу“, „Причина всѣхъ несчастій въ Россіи“ и „Мѣры пресѣченія зла отъ евреевъ“. Лицъ, виновныхъ въ распространеніи этихъ брошюръ, привлечь къ отвѣтственности. Привлечь также къ судебной отвѣтственности цензоровъ, дозволившихъ печатать эти изданія.

30) Въ Петербургѣ, главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати возбуждены уголовныя преслѣдованія противъ редакторовъ газетъ: „Страна“—М. М. Ковалевского и И. И. Иванюкова, по ст. 6 отд. VIII закона 24 ноября 1906 года, за напечатаніе 26 февраля въ № 27 этой газеты статьи подъ заглавіемъ: „Что подѣлываетъ этика? (мысли вслухъ)“, П. Боборыкина; „Вечерній Голосъ“—М. И. Кофтуновскаго, на основаніи того же закона, за напечатаніе 27 февраля въ № 51 газеты статьи „Дневникъ“, и журналовъ: „Заноза“—Р. Л. Антропова, по ст. 181 улож. о наказ. над. 1885 года съ примѣн. п. а ст. 9 отд. VII зак. 24 ноября 1906 года, за напечатаніе въ № 6 означеннаго журнала статьи „Неизданныя новеллы Боккаччо“; „Наканунъ“—В. К. Агафонова, по п. 1 ст. 129 угол. улож., съ прим. п. а ст. 9 отд. VII зак. 24 ноября 1906 г., за напечатаніе въ № 2 этого изданія статьи, озаглавленной—«На распутьи»; „Безъ заглавія“ С. Н. Прокоповича по ст. 6 отд. VIII закона 24 ноября 1906 года, за напечатаніе въ № 6 журнала статьи—„Усмиреніе Прибалтійскаго края“; „Истина“ А. Ф. Семенова, по ст. 128 угол. улож., за напечатаніе въ № 4 этого журнала статьи подъ заглавіемъ: „Монархическая, конституціонная и республиканская ложь“.

31) Въ Петербургѣ, редакторъ журнала „Приказчикъ“ г. Козловскій привлеченъ къ отвѣтственности по 1 п. 129 ст. уг. ул. за напечатаніе въ № 2 редактируемаго имъ журнала стихотворенія „Памятникъ, созданный подвигами борющагося пролетаріата“ и статьи „12 марта 1906 года“.

32) Тамъ же, конфискованъ № 5 журнала „Библиотека рабочаго“, опред. суд. пал. изданіе журнала приостановлено.

34) Въ Петербургѣ, съ 9-го на 10-е марта на квартирѣ редактора-издателя ежемѣсячнаго журнала „Мысль и Жизнь“ А. В. Пѣшехонова, былъ произведенъ обыскъ. По предписанію охраннаго отдѣленія ему было сообщено, что онъ будетъ арестованъ, независимо отъ того, найдутъ-ли у него что-либо „предосудительное“ или нѣтъ. Предписаніе это было приведено въ исполненіе.

35) Въ петербургской судебной палатѣ слушалось дѣло редактора иллюстрированнаго журнала „Паяцы“ г-на Грюнбергъ-Вильгиса, обвиняемаго по 1 ч. 108 и 128 ст. ст. уг. ул. за помѣщеніе въ № 3 журнала: „Пѣсни про одурь кичливую“. „Памяти 9 января. И „Январскихъ замѣтокъ“. Палата приговорила его къ заключенію въ крѣпость на 6 мѣсяцевъ.

36) Въ Ригѣ, редакторъ-издатель газеты „Рижскія Вѣдомости“, Витвицкій былъ арестованъ прокурорскимъ надзоромъ и освобожденъ по внесеніи имъ 1,000 руб. залога.

37) Въ Симферополѣ, князь Оболенскій, редакторъ газеты „Жизнь Крыма“, привлекается къ отвѣтственности по 129 статьѣ.

38) Въ Москвѣ, по постановленію судебной палаты приостановлена газета „Жизнь и Свобода“ впредь до судебного разбирательства. Экземпляры ея отбирались у газетчиковъ.

39) Въ Варшавѣ, приостановлено изданіе юмористическаго журнала „Дзенціоль“ на одинъ мѣсяць.

40) Редакторъ „Жупела“ З. И. Гржебинъ 10 марта административно высланъ изъ Петербурга въ Тифлисъ, несмотря на то, что на 22-е марта назначено къ слушанію его дѣло въ судебной палатѣ.

41) По распоряженію главнаго управленія по дѣламъ печати № 2 журнала „Земля и Свобода“ конфискованъ, а редакторъ журнала С. Я. Елпатъ евскій привлеченъ къ отвѣтственности по 1, 2 и 5 п. 129 ст. угол. улож. Кроме того по представленію прокурора судебной палаты, изданіе журнала приостановлено.

42) Въ Петербургѣ, сенатъ оставилъ безъ послѣдствій кассационную жалобу редактора газеты „Свободное Слово“ М. Б. Городецкаго, приговореннаго с.-петербургской судебной палатой къ 2-хъ-мѣсячному тюремному заключенію по обвиненію по ст. 129 уголовного уложенія.

43) Тамъ же постановленіемъ судебной палаты наложенъ арестъ на брошюру подъ заглавіемъ „Гдѣ выходъ“ соч. Л. Н. Толстого, изд. книжнаго склада „Доброе дѣло“, и судебнымъ слѣдователемъ по важнѣйшимъ дѣламъ приступлено къ производству слѣдствія по дѣлу объ изданіи этой брошюры, въ содержаніи которой усмотрѣны признаки 1, 2 3 п. 129 ст. уг. улож.

44) Тамъ же по распоряженію цензурнаго комитета полиція явилась для обыска въ квартиру бывшаго редактора журнала „Митингъ“ г. де-Вальденъ, при чемъ было обнаружено, что г. де-Вальденъ умеръ мѣсяць тому назадъ. Полиція направилась тогда къ издателю г. Милановскому, у котораго конфисковано 40 экземпляровъ журнала. Въ типографіи одновременно съ этимъ было конфисковано оставшихся не проданными 380 экземпляровъ журнала „Митингъ“.

45) Въ Одессѣ, генераломъ Карангозовымъ подъ страхомъ строгой отвѣтственности воспрещено мѣстнымъ газетамъ перепечатывать какія либо сообщенія газетъ: „Русь“, „Рѣчь“, „Наша Жизнь“, продажа которыхъ въ Одессѣ Карангозовымъ запрещена.

Днемъ низшими полицейскими агентами грубо схваченъ на улицѣ редакторъ „Южнаго Обзорія“, Бейленсонъ, оштрафованный Карангозовымъ за невѣрное будто бы сообщеніе на 500 р. или двухнедѣльный арестъ. Редакторъ арестованъ въ полицейскомъ участкѣ.

46) Въ Харьковѣ, газета „Будущее“ закрыта по распоряженію генералъ-губернатора.

47) Въ Москвѣ, сегодня полиціей конфискованъ № 8 журнала „Булочникъ“.

48) Въ Петербургѣ, по распоряженію градоначальника приняты мѣры

къ конфискаціи выпущеннаго номера журнала „Бичъ“. Въ типографіи, гдѣ напечатанъ номеръ этого журнала, произведенъ обыскъ.

49) Въ Петербургѣ, конфискованъ № 1 сатирическаго журнала „Анчаръ“. Нѣкоторые изъ сотрудниковъ арестованы. Къ редактору Д. Г. Числиеву предъявлено обвиненіе по 128 ст. угол. ул. (неуваженіе къ Верховной Власти) и по пункту а, ст. 4 отд. VIII временныхъ правилъ о печати. Изданіе „Анчара“ не приостановлено.

50) Въ Симбирскѣ, издатель Кузнецовъ и редакторъ Миллеръ газеты „Сибирскія Вѣсти“ привлекаются къ отвѣтственности по 129 статьѣ, первый за произнесеніе рѣчи на собраніи выборщиковъ, второй—за репортерскій отчетъ о ней.

51) Въ Петербургѣ, арестованъ редакторъ приостановленной газеты „Рабочій народъ“ В. В. Кирьяковъ.

52) Въ Саратовѣ, приговоромъ судебной палаты приостановлена газета „Голосъ Деревни“.

53) Въ Петербургѣ, въ особомъ присутствіи судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей слушалось дѣло по обвиненію редактора сатирическаго журнала „Забіяка“ Зузеровича-Клебонскаго по 128 ст. уг. ул. Судебная палата приговорила г. Клебонскаго къ 2-хмѣсячному заключенію въ крѣпость, изданіе журнала прекращено навсегда.

Въ томъ же засѣданіи палата приговорила редактора сатирическаго журнала „Стрѣлы“ г. Кнорозовскаго къ 2-хмѣсячному тюремному заключенію по 128 ст. уг. ул.; изданіе журнала также прекращено навсегда.

54) Тамъ же, главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати привлечены къ отвѣтственности по 1 и 2 пп. 129 ст. угол. улож. редакторъ-издательница журнала „Отзвуки Жизни“ г-жа Жумова за напечатаніе въ № 1 журнала очерковъ по исторіи „Земли и Воли“, и по 1 п. 129 ст. угол. ул. редакторъ журнала „Бичъ“ г. Любарскій за напечатаніе въ № 1 редактируемаго имъ журнала стихотвореній: „Памяти лейтенанта Шмидта“, „Въ тюремной больницѣ“ (съ портретомъ Спиридоновой), „Споръ“, „Три пѣсни“, „Вѣчная память“ и „Вотъ совершилось чудное дѣло“.

55) Въ всѣхъ книжныхъ магазинахъ Петербурга и Москвы конфискуется сборникъ „Текущій моментъ“. Изд. „Колокола“ ц. 1 руб.

56) По распоряженію петербургскаго градоначальника на-дняхъ закрыта типографія г. Собко въ виду обнаруженія въ помѣщеніи типографіи при обыскѣ нелегальной литературы, а также въ виду того, что въ типографіи печаталась брошюра „Пѣсни революціи“, которая опредѣленіемъ судебной палаты отъ 4 января была признана не подлежащей распространенію. Помимо закрытія типографіи противъ г. Собко возбуждено уголовное преслѣдованіе.

57) Въ Петербургѣ, судебными властями привлечены къ отвѣтственности по 181 ст. ул. о наказ. и 6 ст. VIII отд. врем. прав. о печати: редакторъ сатирическаго журнала „Маски“ г. Плехановъ за напечатаніе въ № 6 журнала стихотворенія „Вывѣска и Собака“ и за помѣщеніе рисунка съ надписью „Судъ скорый, но немилостивый или интересное представленіе“, и редакторъ журнала „Буревальъ“, г. Турокъ за помѣщеніе въ № 2 журнала статей „Иностранное Обзорніе“, „Изъ неизданнаго апокрифа“ и стихотворенія „Осень“ и рисунка съ надписью „Ефрейторъ“.

георгіевскій кавалеръ Степанъ Бамбука“. Редакторъ журнала „Спрутъ“, г. Титовъ, привлеченъ къ отвѣтственности по 6 ст. VIII отд. вр. прав. о печати за напечатаніе въ № 11 редактируемаго имъ журнала статьи „9 марта 1906 г.“.

58) Главное управленіе по дѣламъ печати предписало московскому цензурному комитету возбудить преслѣдованіе противъ редактора газеты „Правда Божія“ священника о. Григорія Петрова по 1046 ст. улож. о наказ. и по 2 и 3 пп. 129 ст. уг. улож. Въ случаѣ же появленія еще подобныхъ статей, направленныхъ къ оскорбленію преосвященныхъ или вообще лицъ духовнаго званія—пріостановить выходъ въ свѣтъ этой газеты.

59) Въ Кіевѣ, генераль-губернаторъ Сухомлиновъ предложилъ редакціямъ мѣстныхъ прогрессивныхъ газетъ не касаться въ статьяхъ и замѣткахъ казни лейтенанта Шмидта.

60) Въ Петербургѣ, редакторы „Нашей Жизни“ и „Русской Газеты“ гг. Водозовъ и Илковъ привлечены къ отвѣтственности по 1 п. 129 ст. уг. улож. за напечатаніе въ № 391 „Нашей Жизни“ „Воззванія къ рабочимъ С.-Петербургскаго объединеннаго комитета социаль-демократической партіи“ и въ № 429 „Русской Газеты“ „Резолюція собранія представителей всѣхъ районовъ Петербурга Р. С. Д. Р. П.“

По распоряженію прокурорскаго надзора редакторъ газеты „Наша Жизнь“ г. Водозовъ привлекается къ уголовной отвѣтственности по 6 ст. VIII отд. врем. прав. о печати за напечатаніе въ № 388 редактируемой имъ газеты статьи „Подъ судъ“.

61) Въ Петербургѣ, по распоряженію прокурора окружнаго суда возбуждено уголовное преслѣдованіе противъ полковника Н. Сергѣева, автора статьи „Убіство“, напечатанной въ № 1 газеты „Русь“ отъ 17 января сего года и трактующей о дѣйствіяхъ л.-гв. семеновскаго полка при водвореніи порядка на прилегающихъ къ Москвѣ желѣзнодорожныхъ станціяхъ. Дѣло это возникло по приказанію командующаго войсками и гвардіей петербургскаго военнаго округа, усмотрѣвшаго въ инкриминируемой статьѣ оскорбленіе воинской чести и возбужденіе въ населеніи вражды къ войскамъ. Помимо автора, нынѣ по постановленію судебной власти привлекается къ отвѣтственности и редакторъ газеты „Русь“ М. Крамалей.

62) Тамъ же, наложенъ арестъ на брошюру „Библиотека Просвѣщенія“: „Буржуазная революція и освободительная борьба рабочаго класса“. Соч. Грейлиха. Переводъ г. Смирнова. Къ г. Смирнову предъявлено обвиненіе по 1 п. 129 ст. уг. улож. и 1024 ст. улож. о нак.

65) Въ Костромѣ, № 2 „Костромской Рѣчи“ конфискованъ.

66) Въ Петербургѣ, № 1 журнала „Партизанъ“, по распоряженію цензурнаго комитета, арестованъ.

67) Въ Петербургѣ, редакторъ „Руси“ М. М. Крамалей обвиняется въ томъ, что: 1) 15 марта 1906 года, въ городѣ С.-Петербургѣ, состоя отвѣтственнымъ редакторомъ ежедневной газеты „Русь“, помѣстивъ въ № 57 названной газеты статью, заключавшую въ себѣ завѣдомо ложныя о дѣятельности правительствующаго сената свѣдѣнія, возбуждающія въ населеніи враждебное къ нему отношеніе, и 2) тогда же и при

тѣхъ же условіяхъ допустилъ помѣщеніе въ означенной статьѣ оскорбительнаго, заключающаго въ себѣ злословіе отзыва о правительствующемъ сенатѣ, названіемъ его конечной станціей фуникулера административной поль-юстиціи и сравненіемъ его съ поль-пивными.

Преступленія эти предусмотрѣны п. „в“ ст. 5 отд. VIII временныхъ правилъ о повременныхъ изданіяхъ 24 ноября 1906 г., и ст. 1,040 улож. о наказ., въ виду чего и на основаніи отд. X того же закона М. М. Крамлей подлежитъ суду с.-петербургскаго окружнаго суда безъ участія присяжныхъ засѣдателей. 24 марта окр. судъ приговорилъ Крамлея къ тюремному заключенію на 4 мѣсяца.

68) Въ Харбинѣ, арестованъ П. Ровенскій, редакторъ приостановленнаго „Харбинскаго Листка“; обвиненій не предъявлено, завѣдывающій и секретарь высланы за предѣлы Манчжуріи.

69) Въ Одессѣ, по распоряженію ген. Карангозова, цензоръ призвалъ редакторовъ газетъ и строжайше запретилъ дѣлать перепечатки изъ столичныхъ газетъ и журналовъ, запрещенныхъ Карангозовымъ къ продажѣ въ Одессѣ, грозилъ взысканіемъ за перепечатки безъ указанія источника.

70) Во Владивостокѣ, 13 марта, по распоряженію генерала Мищенко закрыта на шестнадцатомъ номерѣ газета „Востокъ“; редакторъ докторъ Емельяновъ и секретарь Поповъ высылаются во внутреннюю Россію, безъ права вѣзда въ столицу.

71) Въ Калугѣ, телеграфисты мѣстной почтово-телеграфной конторы, ссылаясь на распоряженіе губернатора, не пропускаютъ никакихъ телеграммъ, адресуемыхъ въ редакціи столичныхъ газетъ, съ сообщеніями о дѣйствіяхъ мѣстной администраціи“.

72) Въ Петербургѣ, опредѣленіемъ судебной палаты, приостановлены изданія: 1) „Русская Газета“—за напечатаніе въ № 429 статей „Страхи бюрократіи“ и „Резолюція собранія представителей всѣхъ районовъ Петербурга р. с. д. р. п.“, редакторъ г. Исаковъ привлеченъ къ отвѣтственности по 1 п. 129 ст. уг. улож. 2) журналъ „Митингъ“ за напечатаніе въ № 2 статьи „Республика“, редактору г. Солянному предъявлено обвиненіе по 1 п. 129 ст. угол. улож. 3) журналъ „Голосъ Молодой Россіи“ за напечатаніе въ № 1 статей: „Изъ недавняго прошлаго“, „За границей. Европа и русская революція“ и „Изъ письма крестьянина“; редакторъ г. Фишманъ привлеченъ къ отвѣтственности по 1 п., 2 п. 129 ст. угол. улож. и п.п. В и Г ст. 5 и ст. 6 отд. VIII врем. прав. о печати.

73) Тамъ же, градоначальникомъ сдѣлано распоряженіе о принятіи мѣръ къ конфискаціи журналовъ: „Потокъ“ № 1, „Истина“ № 5 и „Подъ звуки Шопена“ № 1. Въ типографіяхъ, гдѣ напечатаны названные номера, произведенъ тщательный обыскъ.

74) Тамъ же, главное управленіе по дѣламъ печати возбудило ходатайство о привлеченіи къ уголовной отвѣтственности редакторовъ журналовъ: 1) „Полярная Звѣзда“ г. Струве по 128 ст. уг. улож.—за напечатаніе въ № 13 журнала статей: „Божія Милость“ и „Самодержавіе“. 2) „Фонарь“ г. Занкина по 6 ст. VIII отд. врем. прав. о печати—за напечатаніе въ № 2 стихотворенія „Край мой, родимый край“ и 3) „Партизанъ“ г. Кокосова—по 1 п. 129 ст. угол. улож. за напечатаніе

стихотворенія „Въ....“ съ рисункомъ. № 18 журнала „Полярная Звѣзда“ конфискованъ. 20 марта опред. суд. палаты журналы эти приостановлены.

75) Въ Читѣ, администраціей закрыта газета „Забайкалье“ и ея типографія. Арестованы редакторъ Солдатовъ и сотрудникъ Марченко. Конфискованъ первый номеръ; инкриминируется помѣщенное въ этомъ номерѣ стихотвореніе „Памяти 4 казненныхъ“.

76) Въ Одессѣ, профессоръ Новороссійскаго университета Лысенковъ вызванъ былъ въ жандармское управленіе. Ему предъявлено обвиненіе о напечатаніи въ вышедшемъ второмъ номерѣ его журнала „Свободная Школа“ „статей, направленныхъ къ ниспроверженію существующаго строя“. Номеръ конфискованъ, Лысенкову объявлено распоряженіе ген. Карангозова о прекращеніи изданія, состоявшееся 24 декабря и понынѣ неопубликованное.

77) Въ Тифлисѣ, распоряженіемъ генераль-губернатора за вредное направленіе приостановлено на время военнаго положенія „Новое Обозрѣніе“. Редактору грузинской газеты „Дюбисъ Пурцели“ предложено въ семидневный срокъ представить неоспоримыя доказательства, которыя подтвердили бы сообщенія кутаисскихъ корреспондентовъ о поджогахъ, грабежахъ и насиліяхъ, учиняемыхъ войсками. Въ противномъ случаѣ газетѣ угрожаютъ закрытіемъ.

78) Въ Петербургѣ, 19 марта, въ редакцію „Руси“ явилась полиція мѣстнаго участка для конфискаціи 61-го номера газеты, согласно распоряженію, отданному по телефону изъ канцеляріи градоначальника. Ни въ типографіи, ни въ экспедиціи номеровъ газеты уже не было, такъ какъ они были всѣ распроданы; о чемъ полиціей и былъ составленъ протоколь.

79) Въ Спб. окружномъ судѣ безъ участія присяжныхъ засѣдателей слушалось дѣло по обвиненію редактора юмористическаго журнала „Клювъ“ г. Гольмстрема по 6 ст. VIII отд. закона 24 ноября. Поводомъ къ привлеченію г. Гольмстрема къ отвѣтственности послужило стихотвореніе подъ заглавіемъ „Прежде и теперь“. „Была война. Намъ били били. А изъ Манчжуріи начальственные пни: Солдаты рвутся въ бой—упорно доносили. Не вѣришь—въ старыя газеты загляни... Война окончилась, разбиты всѣ химеры, а въ арміи у насъ все мира нѣтъ, какъ нѣтъ: солдаты рвутся въ бой, (а трусятъ офицеры), читаемъ и теперь мы на листахъ газетъ“. Въ выраженіяхъ „начальственные пни“ и „трусятъ офицеры“ было усмотрѣно оскорбленіе для русскаго войска. Окружный судъ приговорилъ г. Гольмстрема къ 6-мѣсячному тюремному заключенію.

80) Въ Варшавѣ, приостановлено изданіе газеты „Западная Молва“

81) Въ Тифлисѣ, распоряженіемъ генераль-губернатора приостановлена газета „На Поворотѣ“.

82) Въ Ярославлѣ, „Сѣверная Газета“ приостановлена за статью и стихотвореніе о Шмидтѣ и разстрѣлянныхъ матросахъ.

83) Въ Перми, послѣ выхода перваго номера „Камскаго Края“, разсылавшагося подписчикамъ приостановленнаго „Пермскаго Края“, редакція и типографія опять опечатаны.

84) Въ Москвѣ, представитель книгоиздательской фирмы „Набатъ“ г. Гинсбургъ привлекается къ судебной отвѣтственности по 128 и 129 ст. угол. улож. за сборникъ, выпущенный книгоиздательствомъ еще въ прошломъ году.

85) Въ Костромѣ, губернаторъ извѣстилъ губернскую земскую управу, что приготовленный ею къ выпуску первый номеръ „Земской Газеты“ будетъ конфискованъ, а редакторъ, предсѣдатель управы, будетъ привлеченъ къ отвѣтственности, если изъ газеты не будутъ исключены статьи о государственной думѣ и государственномъ совѣтѣ и упоминанія о Россіи, какъ о конституціонной странѣ. Редакція на такіа измѣненія не согласилась, и номеръ выйти не можетъ.

86) Въ Петербургѣ, полиція при содѣйствіи агентовъ сыска переписала весь составъ сотрудниковъ журнала „Голосъ средне-учебныхъ заведеній“. Редакторъ журнала А. С. Волгина вынуждена была уѣхать за границу.

86) Тамъ же, опредѣленіемъ судебной палаты отъ 20 марта приостановлено изданіе газеты „Русь“ за напечатаніе стихотвореній „О, Русь!“ и „Стихи Всероссийскія“. Редакторъ газеты М. Крамалей, привлеченъ къ отвѣтственности по 103 ст. и 1 п. 129 ст. уг. улож. и 181 ст. улож. о каваз.

Судебная палата въ засѣданіи 20 марта постановила приостановить изданіе журнала „Нотокъ“—за статью „Не культурные“ и за помѣщеніе рисунка съ надписью „Вы меня осудили“ „но народъ меня оправдаетъ“ и „Истина“—за напечатаніе статей „Истина“, „Вешнія воды“ и „Жизнь“.

86) Въ Кіевѣ, сегодня вечеромъ закрыта „Кіевская Жизнь“ за обычное приглашеніе избирателей голосовать за кандидатовъ народной свободы, какъ партіи единственно оппозиціонной.

87) 20 марта около 2-хъ часовъ пополудни арестованъ на своей квартирѣ редакторъ газеты „Русь“ М. М. Крамалей.

Елисаветградъ 20—III. Генераль-губернаторъ воспретилъ продажу номеровъ газеты „Наша Жизнь“, а также и перепечатки изъ нея и изъ многихъ другихъ, ранѣе изъятыхъ ихъ продажи столичныхъ и провинціальныхъ газетъ.

88) Въ Полтавѣ, бывшій редакторъ „Полтавщины“, Головня, за напечатаніе безъ разрѣшенія цензуры воззванія съ порицаніемъ поручику Никотину, окружнымъ судомъ приговоренъ къ трехнедѣльному аресту на гауптвахтѣ, взамятъ тюремнаго заключенія.

89) Въ Москвѣ, арестованъ редакторъ газеты „Булочникъ“ Шибаевъ.

Вчера, 20 марта, въ помѣщеніе союза рабочихъ печатнаго дѣла явилась полиція и конфисковала 5-й номеръ „Печатнаго Вѣстника“.

Опредѣленіемъ судебной палаты отъ 22 текущаго марта приостановлены изданія журналовъ „Приказчикъ“ и „Печатный Вѣстникъ“. Къ редакторамъ названныхъ журналовъ предъявлено обвиненіе по 129 ст. угол. улож.

90) Въ половинѣ второго часа ночи на 21 марта въ редакцію газеты „Русь“ явилась полиція мѣстнаго участка (1-го Казанскаго) предъявивъ

опредѣленіе с.-петербургской судебной палаты о пріостановкѣ „Руси“ впредь до судебного приговора по возбужденному по ст. 181 улож. о наказ. 103 и 1 п. 1 ч. 129 ст. уг. ул. дѣлу о напечатаніи въ газетѣ „Зарубежныхъ откликовъ“ (Стихиры російскія) А. В. Амфитеатрова и стихотворенія В. Чолбы „О, Русь“, — прекратила работы въ типографіи А. А. Суворина.

91) Въ Тифлисѣ, распоряженіемъ генераль-губернатора пріостановлена грузинская газета „Гантіади“ и русская „Современникъ“.

92) Въ Вильнѣ, 21 марта. Судебная палата приговорила редакторовъ газеты „Новая Заря“ Шлоссберга, за напечатаніе манифеста совѣта рабочихъ депутатовъ, къ заключенію въ крѣпости на одинъ годъ, — Бескина, за напечатаніе резолюціи союза наборщиковъ, къ тюремному заключенію на двѣ недѣли.

93) Главнымъ управленіемъ по дѣламъ, печати 21 марта, возбуждены уголовныя преслѣдованія противъ редактора общественно-политической газеты „Корреспондентъ“ Н. Н. Кажанова по ст. 128 угол. улож., за напечатаніе въ № 2 газеты статей: „Петербургъ 21 марта“ и „Быть или не быть учредительному собранію“, противъ редактора издателя журнала „Ясная Поляна“, петергофскаго мѣщанина Василя Алексѣевича Максимова, по ст. 128 угол. улож., съ примѣненіемъ п. а ст. 9 отд. VII закона 24 ноября 1905 года; противъ редактора литературно-художественнаго политическаго журнала „Вольница“, потомственнаго дворянина Бориса Николаевича Нелидова по п. 1 ст. 129 угол. улож., по ст. 181 улож. о наказ. и по ст. 6 отд. VIII закона 24 ноября 1905 года, съ примѣненіемъ п. а ст. 9 отд. VII того же закона.

94) Редакторъ сатирическаго журнала „Маски“ г. Плехановъ привлеченъ къ отвѣтственности по 181 ст. угол. улож. за напечатаніе въ № 7 редактируемаго имъ журнала стихотворенія „О блаженствѣ“.

95) Въ Петербургѣ, по распоряженію градоначальника, полиціей конфискованы въ нѣсколькихъ книжныхъ магазинахъ брошюры: „Гдѣ выхоть?“ Л. Толстого, „Наши требованія“ А. К. Ерманскаго, „Наши ближайшія требованія и конечная цѣль“ и „Разказы изъ русской исторіи“ Л. Шишко. Въ другихъ магазинахъ отобранъ подписка въ томъ, что книги эти не будутъ выпущены въ продажу.

Тамъ же по распоряженію с.-петербургскаго градоначальника, полиція отбирала у газетчиковъ № 18 „Молва“, отъ 22 марта.

96) Тамъ же полиціей дѣятельно конфисковался у разносчиковъ только-что вышедшій № 6 художественно-сатирическаго журнала „Зарницы“. Номеръ журнала этого всецѣло посвященъ памяти растрѣляннаго на островѣ Березани борца за свободу лейтенанта П. П. Шмидта.

97) Въ Харбинѣ, бывшій редакторъ пріостановленной газеты „Харбинскій Листокъ“ Ровенскій преданъ военно-окружному суду за оскорбленіе Величества и за пропаганду среди войскъ къ неповиновенію рядомъ статей.

98) Въ Москвѣ полиція конфисковала 9 номеръ газеты „Путь“.

99) Въ Екатеринбургѣ, третій номеръ малорусскаго журнала „Добра Порада“ конфискованъ.

100) Въ Петербургѣ 26 марта въ помѣщеніи редакціи „Рабочей

Мысли“, на Невскомъ пр. № 139, полиція произвела тщательный обыскъ, приче́мъ опечатаны и забраны не только рукописи и документы, относящиеся къ дѣламъ редакціи (напримѣръ, разрѣшительное свидѣтельство на право изданія), но и всѣ прежде вышедшіе номера „Рабочей Мысли“, по крайней мѣрѣ въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ. Обыскъ произведенъ по предписанію жандармскаго управленія.

101) Въ Читѣ, 26 марта. Администраціей закрыта газета „Даурскій Вѣстникъ“ по обвиненію въ возбужденіи населенія противъ военныхъ.

102) Въ Екатеринбургѣ, губернаторомъ закрыта „Екатеринбургская Газета“, органъ кадетовъ.

103) Главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати возбуждены уголовныя преслѣдованія: 1) противъ редактора-издателя газеты „Современная Жизнь“ П. П. Сойкина, по ст. 6 отд. VIII закона 24 ноября 1906 г.; 2) противъ редактора газеты „Наша Жизнь“ В. Водовозова, по ст. 1040 улож. о наказ., и 3) противъ редактора журнала „Отклики Фармацевта“ магистра фармаціи Б. А. Бродскаго, по п. в. ст. 5 отд. VIII закона 24 ноября 1906 года.

104) Въ Екатеринославѣ, 27 марта послѣ освященія редакціи и типографіи новой газета „Южная Заря“ явился полиція, произвела обыскъ. Помощникъ редактора, попросившій у пристава предьявленія приказа, получилъ отвѣтъ: „Я самъ приказъ“. Ничего въ типографіи не обнаружено. Первый номеръ не успѣлъ выйти.

105) Въ Петербургѣ въ ночь на 24-е марта въ типографію газетъ „Русь“ и „Молва“, явилась вооруженная полиція и запечатала типографію. „Молва“ не вышла.

107) Въ Петербургѣ, 24 марта въ окружномъ судѣ слушалось дѣло по обвиненію редактора сатирическаго журнала „Водоворотъ“ инж. Мендельсона въ оскорбленіи войскъ. Обвиняемый—безъ рукъ и ногъ и былъ привезенъ въ залу суда въ коляскѣ, откуда и давалъ свои объясненія. Защищальъ подсудимаго прис. пов. Марголинъ. Судъ приговорилъ г. Мендельсона къ 4-хъ мѣсячному тюремному заключенію.

108) Въ Одессѣ, жандармское управленіе окончило разслѣдованіе дѣла о конфискованномъ номерѣ журнала профессора Лысенкова „Свободная Школа“. Къ профессору предьявлено обвиненіе о призывѣ къ вооруженному возстанію. Онъ предается военному суду по особому распоряженію ген. Карангозова, по 132 статьѣ. Протестъ проф. Лысенкова, указавшаго, что 132 статья не изъята ген. Карангозовымъ изъ компетенціи гражданскаго суда, оставленъ безъ вниманія. Дѣло передано военному прокурору. Лысенкова обязали подпиской о невыездѣ.

109) Въ Тифлисі, въ послѣдній мѣсяцъ закрыты генералъ-губернаторомъ газеты: „Новое Обозрѣніе“, дважды „Возрожденіе“, „Кавказское Утро“, „Современникъ“, „На поворотъ“, грузинскія: „Схивы“, „Гаятиади Патара“, сатирической журналъ „Кукареку“.

110) Въ Петербургѣ, разобрано дѣло по обвиненію редактора-издателя сатирическаго журнала „Сигналь“ сына купца Николая Корнѣй-Чуковскаго. Постановленіемъ палаты, объявленнымъ при открытыхъ дверяхъ, Корнѣй-Чуковскій признанъ виновнымъ и приговоренъ къ 6-мѣсячному заключенію въ крѣпость съ воспрещеніемъ навсегда изданія журнала

„Сигналь“, и въ теченіе 5 лѣтъ принимать на себя званіе редактора-издателя.

111) Тамъ же въ особомъ присутствіи судебной палаты заслушано дѣло о мѣщ. Федорѣ Зиминѣ, редакторѣ-издателѣ сатирическаго журнала „Оводъ“. Палата признала Зимина виновнымъ и приговорила его къ 6-мѣсячному тюремному заключенію съ воспрещеніемъ журнала „Оводъ“ навсегда. Въ теченіе 5 лѣтъ Зимину воспрещено принимать на себя званіе редактора и издателя какого бы то ни было изданія.

112) Тамъ же 22 марта въ особомъ присутствіи с.-петербургской судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей заслушано дѣло по обвиненію редактора-издателя еженедѣльнаго журнала „Нужды деревни“ за помѣщеніе въ № 1 статьи „Ближайшія задачи общественной работы о деревнѣ“.

Послѣ двухминутнаго совѣщанія судебная палата оправдала А. П. Мертваго.

113) Въ Петербургѣ кромѣ редактора-издателя журнала „Наканунѣ“ В. К. Агафонова, судебный слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ г. Зайцевъ привлекъ къ отвѣтственности г. Тана за статью „Черные московскіе дни“, Вл. Беренштама за статью „Она притворялась“ и г. Петрищева за „Общественный фельетонъ“. За г. Агафонова слѣдователь потребовалъ поручительство въ размѣрѣ 1,000 рублей, а съ г. Тана взята подписка о невыѣздѣ.

114) Въ Петербургѣ, слѣдственное производство по дѣлу о редакторахъ журнала „Крестьянинъ и Рабочій“ гг. Кривошеинъ и Панченко за кончено и поступило въ судебную палату. Обвиненіе предъявлено по 51 и 1 п. 129 ст. за напечатаніе въ № 1 редактируемаго имъ журнала статьи „Что требуетъ сознательный рабочій“. Этотъ номеръ журнала былъ конфискованъ полиціей почти въ полномъ количествѣ напечатанныхъ экземпляровъ, и лишь самая незначительная часть послѣднихъ была распродана.

115) Въ Петербургѣ судебная палата приговорила редактора-издателя сатирическаго журнала „Девятый Валъ“ Усасъ къ 2-хъ мѣсячному заключенію въ крѣпость та то, что выпустилъ этотъ журналъ вполнѣ тождественнымъ по редакціи и составу сотрудниковъ съ запрещеннымъ ранѣе судебной палатой журналомъ „Свобода“; по обвиненію же по 129 статьѣ Усасъ и соредакторы были оправданы,

116) Тамъ же, главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати привлечены къ отвѣтственности редакторы журналовъ; 1) „Соціалистическая библиотека“ г. Яковенко за напечатаніе въ № 2 названнаго журнала „Завоеваніе хлѣба“ соч. П. Кропоткина. Переводъ съ французскаго. Обвиненіе предъявлено по 1 и 2 п. 129 ст. угол. улож. и 2) „Печатный Вѣстникъ“ г. Орлова за напечатаніе статей „Тысяча и одинъ“ и „Выборы 5 марта“. Обвиненіе предъявлено по 1 п. 129 ст. угол. улож.

117) Тамъ же къ автору конфискованной на дняхъ брошюры „О еврейской социаль-демократіи“ г. Идельсону предъявлено обвиненіе по 1 п. 129 ст. уг. улож.

119) По распоряженію администраціи конфискуется брошюра г. Асина „Преступники“, написанная по поводу декабрьскихъ событій въ Москвѣ.

120) Въ Петербургѣ участковой полиціей былъ произведенъ внезапный обыскъ въ типографіи *Монтвиды*. Полиціей конфискованъ только что отпечатанный первый номеръ журнала „Освобожденная Мысль“.

121) Главное управленіе по дѣламъ печати возбудило вопросъ объ изъятіи изъ продажи отпечатаннаго на дняхъ романа Швейцера „Эмма“. Романъ этотъ находился подъ запрещеніемъ 85 лѣтъ, а вторая часть романа въ 1878 г. по постановленію совѣта министровъ была сожжана.

122) Въ Твери 29 марта. По распоряженію вице-губернатора Хитрово, произведенъ обыскъ въ земскомъ книжномъ складѣ. Конфисковано нѣсколько тысячъ мелкихъ брошюръ, но имѣющихъ помѣтки о дозволении цензуры.

123) Въ Варшавѣ. Распоряженіемъ генераль-губернатора приостановлено изданіе юмористическаго журнала „Мотыль“ на время военнаго положенія и конфискованъ 10-й номеръ „Заржева“.

124) Въ Петербургѣ 29 марта, въ редакцію „Современной Жизни“ явилась полиція съ цѣлью конфисковать 64 № этой газеты, вслѣдствіе помѣщеннаго въ ней стихотворенія Вл. Рябова-Бѣльскаго: „Не отступай прадъ злобой дикой самодержавія рабовъ“. Но къ этому времени всѣ экземпляры успѣли уже разойтись,

125) Въ Петербургѣ опредѣленіемъ судебной палаты, состоявшимся 29 текущаго марта, *приостановлено изданіе журнала „Рабочій Вѣстникъ“ за напечатаніе въ № 1 журнала стихотворенія „Передъ концомъ“ в статьи „Местъ“.* Къ редактору А. А. Соловьеву предъявляется обвиненіе по 1 и 2 п. п. 129 ст. угол. улож.

126) Въ Тифлисѣ. Редактору-издателю приостановленной грузинской газеты „Цнобисъ Пурцели“ А. Г. Джабадари объявлено черезъ газету „Кавказъ“ распоряженіе генераль-губернатора въ трехдневный срокъ выѣхать изъ предѣловъ тифлискаго генераль-губернаторства.

127) Въ Варшавѣ, въ варшавской судебной палатѣ слушалось при закрытыхъ дверяхъ дѣло редактора „Газеты Варшавской“ Лешновскаго, обвиняемаго въ помѣщеніи статей: „Отзывъ московскаго комитета всероссійскаго желѣзнодорожнаго союза“ и „Дѣла арміи“. Подсудимый приговоренъ къ штрафу въ 300 рублей.

128) Въ Варшавѣ, редакторъ юмористическаго журнала „Пекло“ Пудловскій, по распоряженію генераль-губернатора, высылается административнымъ порядкомъ изъ предѣловъ Царства Польскаго на все время дѣйствія военнаго положенія.

129) Въ Петербургѣ 30 марта, полиція явилась въ типографію Исидора Гольдберга для ареста *вышедшаго въ этотъ день № 5 еженедѣльнаго журнала „Вѣсти“.* Отпечатанные къ этому времени экземпляры „Вѣсти“ были уже препровождены въ контору редакціи, куда и отправилась полиція. Но къ приходу полиціи въ конторѣ изъ доставленныхъ 14 тысячъ экземпляровъ въ наличности оказалось только 109, которые и были конфискованы.

130) Московскимъ цензурнымъ комитетомъ запрещены брошюры: Ф. Ф. Кокоскина—1) О правахъ національности и 2) Конституціонно-демо-

кратическая партія передъ судомъ союза 17-го октября, и профессора Шершеневича—О народномъ представительствѣ.

131) Противъ редактора хулиганской и черносотенной газетки „Вѣче“ возбуждено преслѣдованіе по 103 ст. за напечатанную въ газетѣ мнѣнческую бесѣду Государя Императора съ его камердинеромъ. Скрывавшійся подъ псевдонимомъ издатель этой газетки оказался нѣкіемъ Оловянниковымъ, сборщикомъ объявленій въ изданіяхъ извѣстнаго Шарапова.

132) Въ Петербургѣ. Къ редактору „Право“ В. Гессену обвиненіе предъявлено по 1, 2 и 5 п. п. 129 ст. угол. улож. за напечатаніе въ № 22—1906 г. редактируемаго г. Гессеномъ журнала слѣдующихъ статей: „Постановленіе собранія офицеровъ, военныхъ врачей и военныхъ чиновниковъ читинскаго гарнизона“, „Заявленіе офицеровъ второго пѣхотнаго читинскаго полка“. „Резолюція петербургской интеллигенціи изъ армянъ и мусульманъ“, и „Постановленія аграрнаго совѣщанія кременчугской земской управы съ участіемъ крестьянъ.“

133) Въ Оренбургѣ. Изъ вышедшихъ номеровъ газеты „Нашъ край“ три конфискованы. Редакторъ землемѣръ Большаковъ арестованъ и къ нему предъявлено обвиненіе по 129 ст.

134) Въ Петербургѣ. Редакторъ финской газеты. „Uusi Inkeri“ г. I. Тюнинъ призывался судеб. слѣдов. какъ обвиняемый по 2 п. 129 ст.

Соиздателю г. Горшкова П. Васильеву по дѣлу „Рабочаго Голоса“ предъявлено обвиненіе по 129 ст.

135) Въ Варшавѣ преданъ суду сотрудникъ газеты „Срочный Телеграфъ“ за отчетъ о гомельскомъ погромѣ.

136) Редакторъ армянской газеты „Аршалунс“ привлеченъ съ судебной ответственности за напечатаніе въ газетѣ прокламаціи армянскаго комитета соц. дем. партіи.

137) Бывшій ред. газ. „Степной Край“ Н. И. Усовъ преданъ суду омской суд. палаты по обвиненію по 2 п. и 5 п. 129 ст. за помѣщеніе въ „Степномъ Краѣ“ отчета о митингѣ, разрѣшенномъ губернаторомъ, и за перепечатку изъ газеты „Сынъ Отечества“.

138) Въ Нижнемъ-Новгородѣ редакторъ-изд. газеты „Утро“ Соболевъ приговоренъ на 11 мѣс. въ крѣпость, газета „Утро“ прекращена навсегда.

* * *

139) Pour la bonne bouche: 28 февраля Государь Императоръ всемилостивѣйше пожаловалъ сотруднику „Московскихъ Вѣдомостей“ Льву Тихомирову за сочиненіе его, которое онъ имѣлъ счастье поднести Его Императорскому Величеству, подъ заглавіемъ „Монархическая Государственная“—серебряную чернильницу съ государственнымъ гербомъ.

Отчетъ общества помощи политическимъ ссыль- нымъ и заключеннымъ за мартъ 1906 г.

(Годъ существованія общества XXVI).

Остатокъ на 1 марта 1906 г. 1,962 руб. 33¹/₂ коп. и 25 лиръ.

П Р И Х О Д Ъ.

Отъ NN 14 руб. 21 коп., отъ NN гонораръ за статью 10 руб. 70 коп., черезъ „Н. Ж.“ 185 р. 70 к. отъ Е. М. 3 р., отъ Е. М. съ частной лотте-рей 40 руб., съ зубоврачебныхъ курсовъ 35 р., собранныя черезъ Я. Я. Б. 12 р. 23 к., отъ чиновниковъ министр. финанс. 18 р. 50 к., отъ балъ-ба-зара въ Харбинѣ въ пользу пострадавшихъ и семей убитыхъ во время безпорядковъ 3,732 руб., изъ комиссiи по амнистiи 500 руб., по листу изъ ред. „Былое“, отъ Е. Н. О. 2 руб. 37 коп., отъ W. L. 100 р., отъ NN 2 р., отъ бугурусланскихъ врачей 150 руб., отъ В. С. Панкратова 10 р., проценты съ литер. гонорара 10 р. 50 к., отъ рыбинскаго кружка сценич. объедин. 7 р., отъ Ю. черезъ В. П. А. 25 р., отъ Н. Я. 10 р., че-резъ М. Н. Я. специально 20 р., отъ И. въ пользу пострад. почт.-тел. чиновниковъ 1 р. 25 к., черезъ А. А. К. 1 р., специально для высылае-мыхъ 75 р., отъ Д. С. 100 р., вмѣсто подарка счастливой невѣстѣ 100 р., черезъ Д. для безработныхъ 10 р., отъ продажи 25 лиръ 7 руб. 50 коп. Итого 7,090 руб. 31¹/₂ коп.

Р А С Х О Д Ъ.

Въ тюрьмы 2454 р. 50 к., пасхальная передача 94 р. 49 к., одежда и бѣлье 41 р. 35 к., книги для заключ. 2 р. 25 к., провизiя 14 р. 38 к., Л. для Я—ой 25 р., семьямъ заключенныхъ 1752 р., высланнымъ и высы-лаемымъ 605 р. 18 к., освобожденнымъ 87 р., специальный расходъ 90 р., пострадавшимъ 35 р., въ провинцію (высланнымъ) 280 р., ссуды раз-нымъ лицамъ 65 р., разные расходы 27 р. 11 к. Итого 5523 р. 17 к.

Остатокъ на 1-ое апрѣля 1906 года: 1567 р. 14¹/₂ к.

Хотя остатка числится болѣе 1500 р., но съ 1 апрѣля были новыя расходы и въ дѣйствительности въ кассѣ общества имѣется всего не болѣе 200 р. Между тѣмъ потребность въ расходахъ растетъ: хотя на Пасхѣ и были выпущены изъ тюремъ многіе, но мѣста ихъ тотчасъ же оказались занятыми другими. Вмѣстѣ съ тѣмъ на обязанности обще-ства лежитъ забота и о семьяхъ лицъ, страдающихъ въ освободитель-ной борьбѣ, и эта потребность все болѣе и болѣе возрастаетъ. Отсюда понятно, сколь важнымъ продолжаетъ быть содѣйствiе и помощь дѣлу „общества“ со стороны всѣхъ тѣхъ, кто сочувствуетъ его цѣлямъ.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я :

Книгоиздательство „КУЛЬТУРА“.

П. И. ПЕСТЕЛЬ.

РУССКАЯ ПРАВДА.

Наказъ Временному Верховному Правленію.

Подлинный текстъ. Редакція и предисловіе П. Е. Щеголева.

XVI+240 стр. Цѣна 1 рубль.

Складъ изданія—книжный магазинъ «КУЛЬТУРА», С.-Петербургъ,
Загородный, 28.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКАГО

въ 10 томахъ большого формата съ 4 портретами

(около 400 печ. лист.).

Изданіе М. Н. Чернышевскаго.

ПОДПИСКА—принимается въ книжныхъ магазинахъ Н. П. Карбасникова (СПБ.—Литейный пр., 46; Москва—Моховая ул., д. Бажанова; Варшава—Новый свѣтъ, 69; Вильна—Большая ул., д. Гордона), а также и въ другихъ книжныхъ магазинахъ.

ЦѢНА—по подпискѣ до выхода въ свѣтъ послѣдней книги 15 руб. безъ пересылки и 20 руб. съ пересылкою; по выходѣ въ свѣтъ послѣдней книги цѣна будетъ повышена. Книжные магазины и всѣ, имѣющіе надобность по дѣламъ изданія, обращаются въ складъ изданія въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова (СПБ., Литейный пр., 46).

РАЗСРОЧКА—подписной платы допускается на слѣдующихъ условіяхъ:
1) для городскихъ подписчиковъ: при подпискѣ уплачивается 2 р. и при полученіи первой книжки—3 р.; при полученіи слѣ-

дующихъ 5 книжекъ — по 2 р. за каждую, а всего 15 р. Остальные 4 книжки выдаются бесплатно.

2) для иногороднихъ: при подпискѣ—2 р. и при полученіи первой книжки—3 р.; за послѣдующія 7 книжекъ уплачивается по 2 р. и за девятую—1 р., а всего 20 р.—Десятая книжка выдается бесплатно.

ПРИМѢЧАНІЕ ИЗДАТЕЛЯ.—Для удобства изданія книги будутъ выходить въ свѣтъ не по порядку нумераціи томовъ. Каждое первое число будетъ выходить по книжкѣ. Все изданіе будетъ закончено осенью 1906 г.

Ж У Р Н А Л Ъ

„РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА“

(ПОСВЯЩЕННЫЙ ОБЩЕСТВЕННОМУ ДВИЖЕНІЮ ВЪ РОССІИ).

Адресъ редакціи и конторы — Спасскій пер., д. Б, кв. 1.

Вышелъ № 1-ый. Въ немъ помѣщены:

«Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX в. Сборникъ извлеченныхъ изъ официальныхъ изданій правительственныхъ сообщений. Составленъ подъ редакціей **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго)**. Томъ первый 1825—1876 гг. Цѣна 1 р. 50 к.

Въ книгоиздательствѣ „Донская Рѣчь“ (Спасскій, 5)

Поступили въ продажу

а) Картины изъ французской революціи:

1) Взятіе Тюльери. 2) Столкновение республиканцевъ съ вандейцами. 3) Защита позиціи. 4) Наполеонъ въ совѣтѣ 500. 5) Клятва въ націонал. собраніи. 6) Разстрѣлъ коммунаровъ и др.

б) Картины съ выставокъ 1906 г.:

- 1) Послѣ погрома. 2) Очистка площади. 3) Обыскъ. 4) „Не ходи“.
б) „Вы жертвою пали...“ 6) Случайная жертва. 7) „Безумство храбрыхъ...“

в) Портреты:

- 1) Крапоткинъ. 2) Лавровъ. 3) Морозовъ. 4) Волкенштейнъ. 5) Пет-
рашевскій и др.

г) Отдѣльныя картины:

- 1) Свобода ведетъ народъ. 2) Стачка углекозовъ. 3) Забастовщикъ
и др. Цѣна 20 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1906-й ГОДЪ на ГАЗЕТУ

„ГОЛОСЪ СИБИРИ“

**выходящую въ г. Красноярскѣ, Енисейской гу-
берніи, повоскресеньямъ, средаммъ и пятницаммъ.**

Газета посвящается разработкѣ текущихъ злободневныхъ
вопросовъ русской жизни въ связи съ мѣстными осо-
бенностями края. Особенное вниманіе будетъ обращено
на вопросы сибирской жизни и теоретическое обосно-
ваніе областничества.

Газета ставитъ себѣ задачей способствовать осуществленію въ
Россіи конституціи, основанной на слѣдующемъ принципѣ: зако-
нодательная власть принадлежитъ народу въ лицѣ его предста-
вителей, избираемыхъ всеобщимъ, прямымъ, равнымъ и тайнымъ
голосованіемъ; исполнительная власть контролируется народными
представителями и отвѣтственна предъ ними.

Въ сферѣ экономической — защиту трудящихся массъ.

Въ газетѣ обѣщали принять участіе слѣдующія лица: В. И. Анучинъ, І. Ю. Бере-
зовскій, Д. А. Грудининъ, Ф. Ф. Дудкевичъ, В. А. Зубовъ, И. Ф. Иордан-
скій, В. А. Колосовъ, Вл. М. Крутовскій, Вс. М. Крутовскій, А. П. Кузне-
цовъ, А. П. Кузнецовъ (пом. присяж. пов.), И. Е. Козловъ, П. Н. Кусковъ,
Д. Е. Лаппо, В. П. Любимовъ, Я. А. Макиеровъ, Д. К. Нюбергъ, С. Н. Ню-
бергъ, А. Ф. Пальмовъ, Г. Н. Потанинъ, Ф. П. Романовъ (Рыбакъ-Ман-
скій), А. А. Саввинныхъ, Ф. Ф. Филимоновъ (Дѣдушка Ѡаддей), А. Р.
Шнейдеръ, А. А. Яриловъ и друг.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкою: для городскихъ подписчиковъ годъ 6 руб., полгода 3 р. 50 коп., одинъ мѣсяць 60 коп.; для иногороднихъ: годъ 7 руб., полгода 3 р. 50 коп., мѣсяць 60 коп. Отдѣльные номера по 5 коп.

Подписавшіеся на годъ до 1 января получаютъ газету со дня подписки. Подписка на газету и объявленія для иногороднихъ принимается: въ конторѣ газеты—Красноярскъ, Гимназическій переулокъ, домъ Гуляевой.

Редакторъ Вс. Крутовскій.

Съ 5-го февраля 1906 г. въ г. Кіевѣ

ВЫХОДИТЪ

большая ежедневная, политическая и литературная газета

„ОТГОЛОСКИ ЖИЗНИ“

надаваемая при участіи мѣстныхъ и столичныхъ литературныхъ силъ въ форматѣ и по программѣ большихъ политическихъ газетъ.

Обширныя телеграммы и сообщенія собственныхъ корреспондентовъ изъ Петербурга, Москвы, Одессы, Варшавы и изъ главныхъ городовъ Европы.

Широкая разработка мѣстныхъ вопросовъ. Собственные корреспонденты въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ и крупныхъ пунктахъ нашего края.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкой и пересылкою: на годъ 9 руб., на 6 мѣс. 4 руб. 50 коп., на 3 мѣс. 2 руб. 50 коп., на 2 мѣс. 1 руб. 75 коп., на 1 мѣс. 90 к.

За границу: на годъ 14 руб., на 6 мѣс. 7 руб. 25 коп., на 3 мѣс. 3 руб. 75 коп., на 2 мѣс. 3 р. и на 1 мѣс. 1 руб. 50 коп.

Пріемъ объявленій и подписки на „ОТГОЛОСКИ ЖИЗНИ“ принимается: въ Главной Конторѣ газеты, Крещатикъ д. № 41 (противъ Фундуклеевской), кв. 17, и въ отдѣленіяхъ конторы: 1) при редакціи „ОТГОЛОСКОВЪ ЖИЗНИ“, Мало-Житомирская ул., домъ № 6, и 2) при книжномъ магазинѣ С. И. Иванова, Фундуклеевская домъ № 2.

«Отголоски Жизни» высылаются подписчикамъ временно при-
остановленной газеты **«КІЕВСКІЕ ОТКЛИКИ»**.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ „БЫЛОЕ“.

Журналъ издается подъ редакціей В. Я. Яковлева-Богучарскаго и П. Е. Щеголева при ближайшемъ участіи В. Л. Бурцева.

Журналъ виѣспартійный и посвященный исторіи освободительнаго движенія въ Россіи. Программа журнала:

- 1) Статьи и изслѣдованія по исторіи освободительнаго движенія въ Россіи.
- 2) Биографіи дѣателей движенія, воспоминанія о нихъ, ихъ собственные мемуары, дневники, письма, статьи, стихотворенія и проч.
- 3) Документы и другіе матеріалы, касающіеся движенія.
- 4) Отдѣльные факты и эпизоды изъ исторіи движенія.
- 5) Историческая библіографія.
- 6) Современная лѣтопись (регистрація главнѣйшихъ фактовъ современнаго движенія).

Въ журналѣ помѣщаются портреты дѣателей освободительнаго движенія и рисунки, изображающіе различные эпизоды изъ исторіи движенія.

Въ журналѣ принимаютъ участіе:

М. А. Автоновичъ; кн. А. М. Аргутинскій-Долгоруковъ; М. Ю. Ашенбреннеръ; В. П. Ватуриискій, В. Я. Богучарскій; А. К. Ворондичъ; В. Л. Бурцевъ; И. П. Бѣлоконскій; Л. Василевскій (Шлохонскій); П. И. Вейнбергъ; С. А. Венгеровъ; В. В. Водовозовъ; Н. А. Виташевскій; Левъ Гартманъ; М. О. Гершензонъ; В. С. Голубевъ; Л. Я. Гуревичъ; И. С. Джабадари; С. Я. Елпатьевскій; С. А. Иванова-Борейша; С. А. Ивановъ; А. И. Иванчинъ-Писаревъ; А. С. Изгоевъ; Е. И. Кедринъ; Л. Н. Клейнбургъ; Д. А. Клеменць; Е. Н. Ковальская; А. А. Корниловъ; В. Г. Короленко; кн. П. А. Крапоткинъ; В. Ф. Костюринъ; Н. С. Кудринъ; Е. Д. Кускова; М. К. Лемке; Г. А. Лопатинъ; І. Д. Лукашевичъ; О. С. Любатовичъ; Е. А. Ляпскій; И. И. Майновъ; О. С. Миноръ; И. Л. Манучаровъ; М. Маньковский; В. П. Махновець (Акимовъ); П. Н. Милюковъ; Н. А. Морозовъ; М. А. Натансонъ; М. В. Новорусскій; Д. Н. Овсяннико-Куликовскій; Г. Ф. Осмоловскій; Н. П. Павловъ-Сильванскій; В. С. Панкратовъ; Л. Ф. Пантелѣевъ; Э. К. Пекарскій; М. Р. Поповъ; А. П. Прибылева-Корба; А. В. Прибылевъ; А. С. Пругавинъ; Н. А. Рубакинъ; А. А. Русовъ; С. Ф. Русова; М. П. Сажинъ; С. Г. Сватиковъ; В. И. Семевскій; Н. П. Стародворскій; Е. В. Тарле; М. Н. Тригони; А. В. Тырковъ; В. Н. Фигнеръ; М. Ф. Фроденко; В. М. Хижняковъ; А. М. Хирьяковъ; Н. В. Чайковскій; В. М. Черновъ; С. Л. Чудновскій; кн. Д. И. Шаховской; Л. Э. Шишко; Л. Я. Штернбергъ; П. Е. Щеголевъ; П. Ф. Якубовичъ; В. Е. Якушкинъ и др.

Журналъ выходитъ, ежемѣсячно книжками въ 20 печатныхъ листовъ каждая.

Цѣна съ пересылкой и доставкой: на годъ—8 руб., на 1/2 года—4 руб., на 3 мѣс.—2 руб. За границу—10 р.

Подписка принимается въ конторѣ журнала: С.-Петербургъ, Спасскій переулокъ, домъ 5, кв. 1. Книгоиздательство „Донская Рѣчь“. Контора открыта ежедневно (кромѣ праздниковъ) отъ 9 до 4 час. дня.

Отдѣльныя книжки „Былого“ продаются по рублю въ конторѣ журнала и вѣвѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Адресъ редакціи: Спасская улица, д. 25, кв. 20. Для личныхъ объясненій съ редакторами—ежедневно (кромѣ праздниковъ) отъ 3 до 4 час. дня.

Редакторы { В. Я. Богучарскій.
 { П. Е. Щеголевъ.

Издатель Н. Е. Парамоновъ.

Отъ Редакціи.

Кромѣ окончанія статей **М. К. Лемке** (Дѣло Чернышевскаго) и **Н. П. Павлова-Сильванскаго** (Пестель предъ Верх. Угол. Судомъ), въ ближайшихъ книжкахъ «Былого» предложены къ помѣщенію, между прочимъ, слѣд. статьи: **П. Е. Щеголевъ**—Агитаціонная литература декабристовъ и **С. И. Муравьевъ-Апостоль** (историко-психологическій этюдъ); **С. А. Иванова**—Первая типографія «Народной Воли»; **Н. Н.**—Послѣдней день **И. П. Каляева**; **О. С. Любатовичъ**—Воспоминанія. **А. П. Виташевскій**—Централка (изъ воспоминаній); **М. В. Новорусскій**—Изъ воспоминаній; **И. С. Джабадари**—«Въ неволѣ». **А. А. Спандони**—Изъ воспоминаній (о процесѣ **В. Н. Фигнеръ**, **Дегаевщина** и пр.); **Н. А. Морозовъ**—Изъ воспоминаній (о Липецкомъ съѣздѣ народовольцевъ въ 1879 г.); **М. Р. Поповъ**—Изъ воспоминаній (о Воронежскомъ съѣздѣ землевольцевъ въ 1879 г.); **М. Ю. Ашенбреннеръ**—Изъ воспоминаній (о военно-революціонной организаціи); **А. В. Тырковъ**—Изъ воспоминаній (о событіи 1 марта 1881 г.); **М. Ф. Фроленко**—Изъ воспоминаній («Побѣгъ **Алеши Поповича**»); **С. А. Ивановъ**—Изъ воспоминаній; **М. Н. Тригони**—Изъ воспоминаній; **В. Л. Бурцевъ**—Изъ воспоминаній; **О. С. Миноръ**—Драма 1889 года въ Якутскѣ; **А. Л.**—Организація «Рабочее Знамя»; **М. К. Лемке**—Процессы **Н. А. Серно-Соловьевича**, **П. А. Мартянова** и **В. А. Обручева** (по подлиннымъ дѣламъ). Обвинительные акты и отчеты о политическихъ процессахъ, не бывшихъ въ печати, письма извѣстныхъ общественныхъ дѣятелей къ разнымъ лицамъ и пр.

Будутъ помѣщены портреты: **Н. А. Серно-Соловьевича**, **П. И. Войнаральскаго**, **П. А. Алексѣева**, **Н. В. Чайковскаго**, **В. А. Осинскаго**, **Д. А. Лизогуба**, **П. В. Бардовскаго**, **С. Куницкаго**, **М. Р. Ланганса**, **Н. И. Колодкевича**, **С. М. Кравчинскаго**, **Н. Л. Зотова**, **А. Л. Гаусмана**, **Л. М. Коганъ-Беренштейна**, **В. Н. Фигнеръ**, **Г. А. Лопатина**, **Н. А. Морозова** и др., рисунокъ Вилюйской тюрьмы, въ которой жилъ Чернышевскій, виды карійской и акатуйской каторги, и проч.

rep-
pa.
me-
E.
H.
A
II.
eis.
no-
s.
ps.
or-
is
E.
DE-
ni
f.
R.
S.
E.
d
a

**THIS BOOK IS DUE ON THE LAST DATE
STAMPED BELOW**

**RENEWED BOOKS ARE SUBJECT TO IMMEDIATE
RECALL**

LIBRARY, UNIVERSITY OF CALIFORNIA, DAVIS

Book Slip-55m-10,'68(J4048s8)458—A-31/5

Nº 650256

Byloe.

**DK1
B9
no.3-4**

**LIBRARY
UNIVERSITY OF CALIFORNIA
DAVIS**

v

**THIS BOOK IS DUE ON THE LAST DATE
STAMPED BELOW**

**RENEWED BOOKS ARE SUBJECT TO IMMEDIATE
RECALL**

LIBRARY, UNIVERSITY OF CALIFORNIA, DAVIS

Book Slip-55m-10,'68(J4048s8)458—A-31/5

Nº 650256

Bylos.

DK1
B9
no.3-4

LIBRARY
UNIVERSITY OF CALIFORNIA
DAVIS

